

НЕГЛАСНЫЕ ВОЙНЫ

*История специальных служб
1919-1945*

в трех томах

И. И. Ландер

НЕГЛАСНЫЕ ВОЙНЫ

*История специальных служб
1919-1945*

в двух книгах:

Книга первая
Условный мир

Книга вторая
Война
(в двух томах)

"Друк"
Одесса, 2007

И. И. Ландер

НЕГЛАСНЫЕ ВОЙНЫ

*История специальных служб
1919-1945*

**Книга первая
Условный мир**

**"Друк"
Одесса, 2007**

УДК

ББК

Научный редактор — И. Н. Шкляев, Одесский национальный университет

Художник — А. В. Резников, Одесса

И.И. Ландер. Негласные войны. История специальных служб 1919-1945

Комплексная история спецслужб мира в межвоенный период и в годы Второй Мировой войны. Исследуется эволюция разведывательных, контрразведывательных и криптоаналитических органов различных государств мира, описываются их структуры, персоналии, проводимые операции. Изобилует эксклюзивным материалом, в частности, по спецслужбам Франции, Швейцарии, Швеции, Польши, Чехословакии, Китая, Японии, Канады, Румынии, Голландии, Португалии, Ватикана, латиноамериканских республик. Много места уделено отечественным оперативным органам. Книга написана с использованием многочисленных источников, в том числе архивных материалов. Большинство сведений никогда не обнародовалось на русском языке, часть из них не появлялась и в открытой печати за рубежом. Может служить полноценным пособием энциклопедического уровня по истории спецслужб и в то же время представляет интерес для широкого читателя, интересующегося историей 20-го века.

Илл. 504, карт 14, библиография 640 назв.

ISBN
ISBN

© Ландер И.И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Эхо негласных войн	7
Аббревиатуры	9
От автора	25
Введение. После Версаля	28

КНИГА ПЕРВАЯ. УСЛОВНЫЙ МИР

Часть 1. От войны к миру

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО	31
1. Истоки	31
2. Разведка	32
3. Криптоанализ	40
4. Контрразведка	44
	48
КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЕВРОПА	61
1. Веймарская республика	61
2. Франция	86
3. Родина фашизма	94
4. Балканы	98
5. Санитарный кордон	125
6. Вне государства	136
СССР	136
1. От ВЧК к ОГПУ	136
2. Разведупр	194
3. Коммунистический Интернационал	204
АЗИЯ	209
1. Дальний Восток	209
2. Ближний и Средний Восток	233
3. Палестина	242
Часть 2. От мира к войне	249
ТРЕТИЙ РЕЙХ	250
1. Дебют режима	250
2. Наращивание сил	263
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	279
1. Внешняя разведка	279
2. Защита империи	289
ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТИНЕНТ	308
1. Восток	308
2. Запад	350

ИСПАНСКИЙ ПОЛИГОН	383
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ	401
1. Реорганизации и репрессии	401
2. Военная разведка	425
3. Контрразведка	434
4. 22 июня 1941 года	448
ВОСТОК	464
1. Китай и Маньчжурия	464
2. Япония	496
3. Индокитай и Бирма	503
4. Британские владения	507
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	527
1. Внешняя разведка	527
2. Контрразведка и безопасность	539
3. Криптоанализ	559
4. БСК и КОИ	572
5. 7 декабря 1941 года	592
6. Канада	600
7. Мексика	604
Примечания	615

ЭХО НЕГЛАСНЫХ ВОЙН

Мир многого ожидал от вступления в XXI век... Американец японского происхождения Фрэнсис Фукуяма писал о “конце истории”. Он подразумевал под этим переход человечества из бурной, конфликтной в плавную, спокойную эру, когда весь мир будет жить по единым либерально-демократическим правилам.

Другой американский политолог Элвин Тоффлер связывает с наступлением информационной цивилизации появление власти высокого качества. Власти, основанной на знаниях...

Однако мир стал двигаться по другой траектории. Вместо плавного течения событий мы регистрируем новые и новые толчки и взрывы. Символом начала XXI столетия, по-видимому, навсегда останутся оседающие в пыли и пламени близнецы-гиганты Нью-Йоркского торгового центра... Этнические чистки, диверсионные акты, террористические группировки превратились в постоянный кошмар нового века.

Развал СССР и победа США в “холодной войне” не привели к миру. Военная структура американцев не только не уменьшилась с тех пор, но кое в чем превзошла прежние масштабы. То же самое можно сказать и о разведывательном сообществе.

Мир стал иным, однополярным, но не менее опасным. На смену застывшему позиционному противостоянию двух сверхдержав пришел иной порядок. Современная однополярная реальность напоминает пестрый kaleidoscope оперативно-тактических ходов, спецопераций, разведывательных программ. Причем достижения информационной революции многократно усиливают оперативность и эффективность современных разведок.

Ярким примером тому является небезызвестный “кассетный скандал”, который, по мнению специалистов, никак не мог быть импровизацией майора Мельниченко. Скорее всего, перед нами — продукт высокотехнологичного разведывательного проникновения зарубежной спецслужбы в святая святых украинского государства — кабинет Президента.

Сегодня отчетливо просматривается тенденция, свидетельствующая о том, что суперсовременные разведывательные системы превращаются в нечто большее, чем специальные сервисные службы, обеспечивающие стратегический интерес государства в конфиденциальной информации о зарубежных странах.

Современные разведывательные сообщества превращаются в неотъемлемый компонент государственной власти, причем компонент оперативный, жесткий и высокопрофессиональный. Мы уже имеем немало примеров того, как президентами стран становились профессиональные разведчики.

Сегодня мы по-иному смотрим на историю разведок. Все в большей степени мы убеждаемся в том, что и прежде и, особенно, сейчас, разведки были не пассивными наблюдателями за политическими событиями, не регистраторами секретной зарубежной информации а активными соавторами и даже творцами истории.

Именно к этой мысли мы подходим после ознакомления с объемным исследованием И. И. Ландера, красноречиво озаглавленным “Негласные войны”. Действительно, негласные войны, которые не прекращались и не прекращаются ни на минуту, являются тем внутренним нервом мировой политики, который придает импульсивность и динамизм мировым процессам.

Нередко бывает так, что благодаря (именно благодаря, как это ни парадоксально звучит) таким тайным войнам с их скрытыми ходами и комбинациями, не разгораются войны открытые с массой жертв и разрушений. Однако бывает и прямо противоположная картина, когда разведки работали на разжигание конфликта.

Под таким углом зрения автор и рассматривает историю специальных служб мира с 1919 по 1945 г.г. Много нового почерпнут для себя в этом исследовании не только любители истории, но и профессионалы, имеющие непосредственное отношение к политической “кухне” причем в ее наиболее специфических и деликатных формах.

Новые факты из истории спецслужб СССР, Германии, США, Великобритании, Польши, Швейцарии, Японии, Италии, Франции дополняются обширными сведениями о деятельности разведок таких стран как Канада, Аргентина, Чили, Швеция, Бразилия, Китай,

Голландия, Чехословакия, Португалия, Болгария, Ирландия, о чем в отечественной литературе писалось мало.

Можно сказать, что обширный и кропотливый труд удался. Остается только пригласить читателя к путешествию по сложным лабиринтам спецслужб мира первой половины XX столетия. Читатель погрузится в напряженную атмосферу негласных войн, которые требовали колоссальной психологической, интеллектуальной и волевой отдачи “бойцов невидимого фронта”.

Профессор кафедры политологии
Одесского национального университета
Попков В. В.

АББРЕВИАТУРЫ

А

- А-2 — 1. Авиационная разведка (США)
2. Группа разведки 14-го авиационного подразделения (США)
- АШ — разведка военно-морских сил (Германия)
- АБГ — агентурно-боевая группа
- Абт — отдел (Германия)
- АВГ — Американская группа волонтеров
- АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии
- АГАС — “Служба помощи воздух — земля” (США)
- АГФРТС — Технический штаб ресурсов авиации и сухопутных сил (США)
- АЕФ — Американские экспедиционные силы
- АИ — Директорат воздушной разведки (Великобритания)
- АИБ — Союзническое разведывательное бюро (Австралия)
- АИЛО — офицер связи авиационной разведки (Великобритания)
- АИС — Эгейская разведывательная служба (Великобритания)
- АК — Национальная армия (Польша)
- АЛ — 1. “Освободительная армия” (Бельгия)
2. Народная армия (Польша)
- АЛФПМО — “Союзные сухопутные военизированные операции”
- АМГОТ — Союзное военное управление оккупированных территорий
- АНКИБ — Совет армии и флота по радиоразведке (США)
- АНКИКК — Координационный комитет армии и флота по радиоразведке (США)
- АНСТ — отделение абвера
- АО — Зарубежная организация НСДАП
- АОУ — Административно-организационное управление
- АПА — Внешнеполитическое бюро НСДАП
- АРА — Американская администрация помощи
- АРКОС — Англо-советское акционерное торговое общество
- АС — 1. Секретная армия” (Бельгия)
2. “Секретная армия” (Франция)
- АСВГ — Австралийская группа специальной радиосвязи
- АСТ — бюро (отдел, пост) абвера
- АСУ — Подразделения активной службы ИРА
- АСФ — обеспечивающие войска (США)
- АТИС — Союзническая секция переводчиков
- АУ — “Вспомогательные подразделения” (Великобритания)
- АХУ — Административно-хозяйственное управление
- АХФО — Административно-хозяйственный и финансовый отдел
- АЭБДС — Общество по поддержке борьбы против врага (Малайя)

Б

- БААГ — Британская армейская группа помощи
- ББК — “Братство Белого Креста”
- ББО — Бюро по специальным операциям (Нидерланды)
- БВС — Бюро военной статистики (Китай)
- БВТ — Бюро приготовлений к возвращению (Нидерланды)
- БДА — Армия обороны Бирмы
- БЕВ — Совет по экономической войне (США)
- БЕП — Бюро исследования Пиренеев (Франция)
- БИ — Бюро разведки (Нидерланды)
- БИА — Армия независимости Бирмы
- БИГ — Гданьское информационное бюро

БИКЕ — Информационно-аналитическое бюро по контрразведке (Франция)
 БИС — Банк международных расчетов (Швейцария)
 БКП — Болгарская коммунистическая партия
 БМА — Бюро по антигосударственным проискам (Франция)
 БМВТ — Военное бюро приготовлений к возвращению (Нидерланды)
 БНА — Бирманская национальная армия
 БНВ — Бюро национальной безопасности (Нидерланды)
 БНД — Федеральная разведывательная служба (ФРГ)
 БНЦ — “Белорусский национальный центр”
 БОА — Бюро воздушных операций (Франция)
 БОБ — Берлинская оперативная база ОСС
 БР — Бюро расследований (США)
 БРО — береговой радиоотряд (СССР)
 БРП — Болгарская рабочая партия
 БРС — Бюро расследований и статистики (Китай)
 БРУСА — соглашение о британско-американском сотрудничестве в области криптографии
 БРЭМ — Бюро по делам российских эмигрантов (Маньчжурия)
 БСБ — боевка Службы безопасности ООН
 БСК — Британская миссия по координации безопасности
 БСЛЕ — Особое бюро Иностранного легиона
 БСМ — Бюро военной безопасности (Франция)
 БСРА — Центральное бюро разведки и действия (Франция)
 БСРАМ — Центральное военное бюро разведки и действия (Франция)
 БССК — Батальоны смерти пограничных стрелков (Польша)
 БУФ — Британский союз фашистов
 БФФ — Федеральное ведомство по охране конституции (ФРГ)
 БХ — “Крестьянские батальоны” (Польша)
 БЦР — Бюро централизации разведки (Франция)
 БШ — Бюро шифров (Польша)
 БШПА — Белорусский штаб партизанского движения

В

ВАТ — военный атташе
 ВВИ — отдел внутренней информации (УНР)
 ВВС — 1. Высший военный совет (РСФСР)
 2. Военно-воздушные силы
 ВЗИ — отдел зарубежной информации (УНР)
 ВКШ — Высшая краснознаменная школа
 ВМАТ — военно-морской атташе
 ВМК — Военно-морской контроль (РСФСР)
 ВММ — Военно-морская миссия (Япония)
 ВМС — 1. Высший монархический совет (организация российской эмиграции)
 2. Военно-морские силы
 ВНВ — служба военной связи и радиоразведки вермахта
 ВНУС — войска внутренней службы (РСФСР)
 ВО — 1. Восточный отдел
 2. Военный округ
 3. Военный отдел (Дальневосточная республика)
 В.О.Г. — Группы радионаблюдения (Великобритания)
 ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с границей
 ВОП — отряд особого назначения (УССР)
 ВОС — Военная служба безопасности (Югославия)
 ВОХР — войска внутренней охраны (СССР)
 ВП — Сектор визуального представления (США)
 ВПЖ — военно-полевая жандармерия УПА
 ВПО — военизированная пожарная охрана

ВРК — Военно-революционный комитет
 ВРНО — “Внутренняя российская национальная организация”
 ВСО — Военно-статистический отдел (РСФСР)
 ВСТ — Партия профсоюзных объединений (Испания)
 ВУБП — воеводское управление общественной безопасности (Польша)
 ВУЧК — Всеукраинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией (УССР)
 ВУЦИК — Всеукраинский центральный исполнительный комитет (УССР)
 ВЦ — военная цензура
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
 ВШ — Верховный штаб НОПЮ и ДАЮ (Югославия)
 ВШК — Высшая школа контрразведки (СССР)

Г

ГАД — “Группа самообороны” (Франция)
 ГАП — Группа патриотического действия (Италия)
 ГАУ — Главное архивное управление
 ГВО — 1. Государственная внутренняя охрана (Монголия)
 2. Генеральный военный округ (УНР)
 ГВСУ — Главное военно-строительное управление войск НКВД СССР
 ГД — Группа защиты (Франция)
 ГДН — “Голландская секретная служба”
 ГЗИ — Главное управление информации (Польша)
 ГИД — Служба внутренней разведки и контрразведки (Нидерланды)
 ГКО — Государственный комитет обороны
 ГКОН — “Группа коммунистов особого назначения” (УССР)
 ГКП — Германская коммунистическая партия
 ГKR — Группа по внутреннему радиоэлектронному контролю (Франция)
 ГЛ — Народная гвардия (Польша)
 ГОУ — Группа объединившихся офицеров (Аргентина)
 ГПО — Государственная политическая охрана (ДВР)
 ГПУ — 1. Главное политическое управление
 2. Государственное политическое управление
 ГРУ — Главное разведывательное управление
 ГС2 — кодовое обозначение офицера разведки (Канада)
 ГС-III — военная разведывательная служба (Нидерланды), то же, что и МИД
 ГСИ — Разведывательное отделение генерального штаба главного командования британскими войсками на Ближнем и Среднем Востоке
 ГСО1, ГСО2, ГСО3 — офицеры генерального штаба 1-го, 2-го и 3-го классов (Канада)
 ГСП — Гибралтарская полиция безопасности
 ГС(Р) — 1. Отдел специальных операций генерального штаба (Великобритания)
 2. Диверсионный отдел генерального штаба главного командования британскими войсками на Ближнем и Среднем Востоке
 ГТУ — Главное транспортное управление
 ГУВС — Главное управление военного снабжения
 ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
 ГУГСК — Главное управление госсъёмки и картографии
 ГУГШ — Главное управление Генерального штаба
 ГУДС — Главное управление по строительству на Дальнем Востоке (Дальстрой)
 ГУКВ — главное управление конвойных войск
 ГУКР — Главное управление контрразведки
 ГУЛАГ — Главное управление лагерями
 ГУПВ — главное управление погранвойск
 ГУПВВ — Главное управление пограничных и внутренних войск
 ГУПВО — Главное управление пограничной и внутренней охраны
 ГУПО — Главное управление пожарной охраны

ГУПОВ — Главное управление пограничной охраны и войск
 ГУПОиВ — Главное управление пограничной охраны и войск
 ГУРКМ — Главное управление рабоче-крестьянской милиции
 ГФП — тайная полевая полиция (Германия)
 ГШ КА — Генеральный штаб Красной Армии
 ГЭУ — Главное экономическое управление

Д

ДВК — Дальневосточный край
 ДВР — Дальневосточная республика
 ДГЕР — Генеральная дирекция изучения и расследований (Франция)
 ДГИИ — Генеральная дирекция расследований и идентификаций (Чили)
 ДГМИ — генеральный директор военной разведки (Канада)
 ДГСР — Главное управление народной безопасности (Румыния)
 ДГСС — Генеральная дирекция секретных служб (Франция)
 ДДВ — Департамент государственной охраны (Украина — гетманат)
 ДДМИ — заместитель директора военной разведки (Великобритания)
 ДДОД(И) — иррегулярное подразделение Адмиралтейства для поддержки тайных операций (Великобритания)
 ДИО — кодовое обозначение офицера разведки (Канада)
 ДЛ-2 — Оборонные связи-2 (Канада)
 ДЛО — Офицер по связям в области безопасности (Великобритания)
 ДМА — Отделение военной авиации (США)
 ДМИ — Директорат военной разведки (Великобритания)
 ДМО — Директорат военных операций (Великобритания)
 ДМОИ — 1. Директорат военных операций и разведки (Канада)
 2. Директор военных операций и разведки (Великобритания)
 ДМР — региональный военный представитель (Франция)
 ДНИ — Директор морской разведки Адмиралтейства (Великобритания)
 ДОВ — Диверсионная военная организация (Польша)
 ДОГ — II (оборонительный) реферат командования генерального округа (Польша)
 ДОПС — Особая делегация политического и социального порядка (Бразилия)
 ДП — Инспекция политической защиты (Польша)
 ДПА — 1. Директорат политики и агентов (Великобритания)
 2. Директорат политических советов (Великобритания)
 ДРГ — диверсионно-разведывательная группа
 ДРС — дешифровально-разведывательная служба (СССР)
 ДСГС — Управления общей безопасности государства (Румыния)
 ДСЗ — Делегатура вооруженных сил (Польша)
 ДСИ — Отделение специальной информации (США)
 ДСМ — Дирекция военной безопасности (Франция)
 ДСО — 1. Офицер по защите безопасности (Великобритания)
 2. Директорат специальных операций (Великобритания)
 ДСО(А) — Директорат специальных операций по арабскому миру (Великобритания)
 ДСО(Б) — Директорат специальных операций по Балканам (Великобритания)
 ДСП — Директорат специальной пропаганды (Великобритания)
 ДСР/СМ — Дирекция службы разведки и военной безопасности (Франция)
 ДСС — директор стратегических служб (США)
 ДСТ — Управление по наблюдению за территориями (Франция)
 ДТО — дорожно-транспортный отдел
 ДУД — “Германская заокеанская служба”

Е

ЕДС — Секция оценок и распределения (Великобритания — США)
 ЕМСИБ — Особое разведывательное бюро по Восточному Средиземноморью (Великобритания)

ЕРЕС — Секция оборудования для аварийного спасения (США)
ЕТО — Европейский театр военных действий

3

ЗВЗ — “Союз вооруженной борьбы” (Польша)
ЗЛ — свободная зона (Франция)
ЗНО — неоккупированная зона (Франция)
ЗО — оккупированная зона (Франция)
ЗУЗ — Западно-украинские земли
ЗУНР — Западно-Украинская народная республика
ЗУНРО — “Западно-Украинская народная революционная организация”
ЗЯ — “Союз Яншурчи” (Польша)

И

ИБ — Разведывательное бюро (Индия)
ИГП — генеральный инспектор полиции (Британская империя)
ИИБ — Индийское разведывательное бюро (Великобритания)
ИИИ — Институт исследований и инвестиций (Китай)
ИИК — Межведомственный комитет по разведке (США)
ИИР — Институт изучения ресурсов (Китай)
ИИЦ — Центр промышленной разведки (Великобритания)
ИККИ — Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
ИМ — “Индийская миссия” СОЕ (Великобритания)
ИМИ — Институт международных исследований (Китай)
ИНА — Индийская национальная армия
ИНК — Индийский национальный конгресс
ИНО — 1. Иностраный отдел
2. Пограничная разведка по закордону
ИНФАГО — Информационно-агентурный отдел
ИНФИБРО — Информационное бюро при Корпусе военной жандармерии (УНР)
ИНФО — Информационный отдел
ИПИ — Индийская политическая разведка (Великобритания)
ИРА — Ирландская республиканская армия
ИРД — секция перехвата и дешифровки 2-го бюро флота Франции
ИС — 1. Информационная служба гражданской гвардии (Испания)
2. Разведывательная служба корпуса авиации (США)
ИСАС — Информационная секция Службы авиации (США)
ИСБИК — Межведомственный балканский разведывательный центр (Великобритания)
ИСИК — Межведомственный разведывательный комитет (Великобритания)
ИСЛД — “Отдел межведомственных связей” (Великобритания)
ИСО — кодовое обозначение штабного офицера разведки (Канада)
ИСРД — Межведомственный разведывательный департамент вооруженных сил (Австралия)
ИСРП — Испанская социалистическая рабочая партия
ИССУ-6 — “6-е межведомственное подразделение связи” (Великобритания)
ИССХ — Информационная служба главного штаба безопасности (Испания)
ИСТД — Межведомственный топографический департамент (Великобритания)

К

КАИ — Служба контроля и помощи жителям колоний (Франция)
КВБ — Корпус внутренней безопасности (Польша)
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КГ ПП — Главное командование Государственной полиции (Польша)
КДМ — Служба маскировки вооружения и снабжения (Франция)
КЕВ — Сектор “Механического завода в Клинтоне” (США)
КИБ — 1. Контрразведывательное отделение (США)

- 2. Объединенное разведывательное бюро (Великобритания)
- 3. Контрразведывательный сектор СХАЕФ
- 4. Сектор криминальных расследований (Канада)
- КИБГК — Объединенное разведывательное бюро КИБМ в Гонконге (то же, что и ФЕКБ)
- КИБМ — Объединенное разведывательное бюро КИБМ в Малайе
- КИД — 1. Департамент криминальных расследований (Великобритания)
- 2. Комитет имперской обороны (Великобритания)
- КИК — Контрразведывательный корпус (США)
- КИП — Корпус разведывательной полиции (США)
- КИПК — Совместный подкомитет по разведке (Великобритания — США)
- КИС — Объединенная разведывательная служба (Великобритания)
- КЛН — Комитет национального освобождения (Италия)
- КЛНАИ — Комитет национального освобождения Верхней Италии
- КМХК — Канадская военная штаб-квартира
- КН — региональная комендатура (Польша)
- КНЛФ — Национальный комитет освобождения Франции
- КО — зарубежная резидентура абвера
- КОИ — 1. Координатор информации (США)
- 2. Ведомство Координатора информации (США)
- КОИК — Объединенный оперативный разведывательный центр (Великобритания)
- КОИС — штат начальника разведки (Великобритания)
- КОМИНТ — разведка на каналах связи
- КОМСЕК — Группа безопасности связи (США)
- КОНР — Комитет освобождения народов России
- КОП — Корпус пограничной охраны (Польша)
- КОПП — Лоцманская партия объединенных операций (Великобритания)
- КПВ — Коммунистическая партия Великобритании
- КПД — Чрезвычайный консультативный комитет по политической защите Америки (Северная и Южная Америка)
- КПИ — 1. Коммунистическая партия Индии
- 2. Коммунистическая партия Италии
- 3. Коммунистическая партия Испании
- КПК — Коммунистическая партия Китая
- КПИМ — Секция захваченного персонала и материалов (США)
- КПП — контрольно-пропускной пункт
- КПР — Коммунистическая партия Румынии
- КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
- КР — контрразведка
- КРА — контрразведывательная агентура УПА
- КРБ — Контрразведывательное бюро (РСФСР)
- КРИ — рота радиоразведки (США)
- КРН — Национальный народный совет (Польша)
- КРО — Контрразведывательный отдел
- КРПО — Объединенная организация по исследованию и планированию (Великобритания)
- КРУ — Контрразведывательное управление
- КСМСС — Военная контрразведка и специальные службы (Италия)
- КССФ — Координация и надзор за федеральной безопасностью (Аргентина)

Л

- ЛБ — “Бельгийский легион”
- ЛВО — Ленинградский военный округ
- “ЛД” — “Либеральные демократы”
- ЛДФ — Силы местной самообороны (Ирландия)
- ЛЛА — “Армия освобождения Литвы”
- ЛО — “Организация помощи скрывающимся людям” (Нидерланды)
- ЛРДГ — Группы дальнего действия в пустыне (Великобритания)

М

- МАХ — Национальная служба безопасности (Турция)
 МБП — Министерство общественной безопасности (Польша)
 МВД — Министерство внутренних дел
 МВО — Московский военный округ
 МВСН — Добровольческая милиция для национальной безопасности
 МГШ — морской генеральный штаб (Россия)
 МедТО — Средиземноморский театр военных действий
 МЕИС — Разведывательный центр Среднего Востока (Великобритания)
 МЕТО — Средневосточный театр военных действий
 МИ — секции военной разведки (Великобритания, США)
 МИ-II — военная разведка (Норвегия)
 МИД — 1. Министерство иностранных дел
 2. Военная разведывательная служба (Нидерланды), то же, что и ГС-III
 3. Отдел военной разведки (США)
 МИМ МИМ или ММ — “Национальная оборона” (Турция)
 МИ(Р), или МИ-Р — секция диверсионных и партизанских операций (Великобритания)
 МИС — Служба военной разведки (США)
 МИТ — Национальная разведывательная организация (Турция)
 МИТС — Учебный центр военной разведки (США)
 МК — Пункт сбора курьерских донесений (абвер в Латинской Америке)
 МКК — Межсоюзническая контрольная комиссия
 МКП — Малайская коммунистическая партия
 МНБ — “Национальное бельгийское движение”
 МНРА — Монгольская народно-революционная армия
 МО — 1. Психологические операции (США)
 2. Секции центрального аппарата разведки (Великобритания)
 3. Гражданская милиция (Польша)
 МОПР — Международное общество помощи борцам революции
 МОЦР — “Монархическая организация Центральной России”
 МПВО — местная противовоздушная оборона
 МПРП — морской погранично-разведывательный пункт (СССР)
 МС — Военное цензурное ведомство (Великобритания)
 МСВойск — министерство военных дел (Польша)
 МУР — “Движение частей Сопротивления” (Франция)
 МЦ — Центр сбора донесений (США)
 МЮ — Морское подразделение (США)

Н

- НАмТО — театр военных действий ОСС на Западном побережье США
 НАТО — Североафриканский театр военных действий
 НБО — “Морская наблюдательная команда” (Германия)
 Н-ВВ — разведывательное подразделение ВВС, подчиненное начальнику штаба ОКЛ
 НВМП — Северо-Западная конная полиция (Канада)
 НДРК — Национальный комитет по оборонным исследованиям (США)
 НЕФИС — Разведывательная служба Голландской Восточной Индии
 НИА — Национальное разведывательное агентство (США)
 НИД — Отделение морской разведки (Великобритания)
 НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НКВМФ — Народный комиссариат военно-морского флота
 НКВТ — 1. Народный комиссариат водного транспорта
 2. Народный комиссариат внешней торговли.
 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
 НКО — Народный комиссариат обороны

НКОЮ — Национальный комитет освобождения Югославии
 НКС — Военно-морская контрольная служба (Великобритания)
 НКТ — Национальная конференция труда (Испания)
 НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
 НН — наружное наблюдение
 НОА — Национально-освободительная армия Албании
 НОВЮ — Народно-освободительная армия Югославии
 НОПА — Народно-освободительная повстанческая армия (Болгария)
 НОП и ДАЮ — Народно-освободительная партизанская и добровольческая армия Югославии
 НРА — Народно-революционная армия (Дальневосточная республика)
 НРК — Национальный совет по исследованиям (Канада)
 НС — добывающее бюро (Швейцария)
 НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии
 НСЗ — “Народные вооруженные силы” (Польша)
 НСЗРиС — “Национальный союз защиты родины и свободы”
 НСИК — Национальный центр контрразведки (США)
 НТР — научно-техническая разведка

О

ОАГС — Отдел актов гражданского состояния
 ОАК — Гражданская национальная армия (Польша)
 ОАЧ — Общеадминистративная часть
 ОБ — Объединенное бюро (СССР/Китай)
 ОББ — Отдел борьбы с бандитизмом
 ОБЛО — областное отделение ГПУ
 ОБШ — Отделение по борьбе со шпионажем (РСФСР)
 ОВ — Осведомительный отдел (Украина — гетманат)
 ОВИ — Бюро военной информации (США)
 ОВК — Отдел (Отделение) военного контроля (РСФСР)
 ОВРА — тайная политическая полиция (Италия)
 ОГ — Оперативная группа (США)
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
 ОД — “Орден службы” (Нидерланды)
 ОДВА — Особая дальневосточная армия
 ОЗНА — Органы защиты народа (Югославия)
 ОИ — отделение устной разведки (США)
 ОИЦ — Оперативный разведывательный центр (Великобритания, Канада)
 ОК — Отдел кадров
 ОКАК — Бюро командующего авиацией (США)
 ОКВ — верховное командование вермахта
 ОКВ/ВФСт/Иц — информационно-аналитическое подразделение ОКВ (Германия)
 ОКДВА — Особая краснознаменная Дальневосточная армия
 ОКЛ — верховное командование люфтваффе
 ОКМ — верховное командование кригсмарине
 ОКНШ — Объединенный комитет начальников штабов (США)
 ОКПВ — Объединенный комитет по психологической войне (СКА)
 ОКР — 1. Объединенный комитет по разведке (Великобритания, США)
 2. Отдел контрразведки (СССР)
 ОКРО — краевое отделение ГПУ
 ОКСПВ — Объединенный комитет советников по психологической войне (США)
 ОМ — “Восточная миссия” СОЕ (Великобритания)
 ОМБР — “Военная организация бельгийского сопротивления”
 ОМК — Особая межведомственная комиссия (РСФСР)
 ОМС — Отдел международной связи ИККИ
 ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения

ОН — “Народная оборона” (Чехия)
 ОНИ — Бюро военно-морской разведки (США)
 ОО — Особый отдел
 ОПКПВ — Объединенный подкомитет по психологической войне (США)
 ОПКР — Объединенный подкомитет по разведке (Великобритания, США)
 ОПРПВ — Отдел политической разведки и психологической войны (Китай)
 ОРА — “Организация армии Сопротивления” (Франция)
 ОРИ — Организация итальянского Сопротивления
 ОРТ ЧК — отделение районной транспортной ЧК
 ОРШ — Объединенный разведывательный штаб (США)
 ОС — оперативные спецгруппы
 ОСБВ — Особый отдел (Украина — гетманат)
 ОСИНТ — разведка по открытым источникам (США)
 ОСНАЗ — особое назначение
 ОСО — Особое совещание
 ОСП — отдел спецпоселений
 ОСРД — Бюро научных исследований и разработок (США)
 ОСС — Бюро стратегических служб (США)
 ОТ ДКА — охрана тыла Действующей Красной Армии
 ОУН — Организация украинских националистов
 ОФ — Отечественный фронт (Болгария)
 ОЦР — Отдел центральной регистратуры (СССР)
 ОЧВГ — оперативная чекистско-войсковая группа
 ОШП — Объединенный штаб по планированию (США)

П

ПАВ — Польская освободительная армия
 ПВБ — Отделение психологической войны (США)
 ПВДЕ — Полиция по надзору и защите государства (Португалия)
 ПВЕ — Исполнительный орган политической войны (Великобритания)
 ПГУ — Первое главное управление КГБ СССР
 ПЕТА — Индонезийская добровольческая армия
 ПИД — 1. Служба политической разведки (Нидерланды)
 2. Департамент политической разведки (Великобритания)
 ПИДЕ — Полиция международная и по защите государства (Португалия)
 ПК — политический контроль
 ПКВН — Польский комитет народного освобождения
 ПКД — Управление паспортного контроля (Великобритания)
 ПКО — Бюро паспортного контроля (Великобритания)
 ПКП — Коммунистическая партия Польши
 ПО — Отдел погранохраны
 ПОВ — Польская военная организация
 ПОУМ — Рабочая партия марксистского единства (Испания)
 ПОЮ — Партизанские отряды Югославии
 ПП — 1. Государственная полиция (Польша)
 2. Пограничный пункт (Украина — гетманат)
 ППИ — “Информационно-политический надзор” (Польша)
 ППР — Польская рабочая партия
 ППС — Польская социалистическая партия
 ППШ — “Партизанско-повстанческий штаб”
 ПР — политическая разведка
 ПРБ — Бюро прочтения прессы (Великобритания)
 ПРП — 1. Пункт разведывательных переправ
 2. Пограничный разведывательный пункт
 ПСБС — Польский отдельный особый батальон
 ПСП — Польский партизанский штаб

ПФЛ — проверочно-фильтрационный лагерь (СССР)
 ПФП — проверочно-фильтрационный пункт (СССР)
 ПШКШ — Правительственная школа кодов и шифров (Великобритания)

Р

РА — Сектор исследований и анализа (США)
 РАГФОР — Совместный центр радиоразведки (США)
 РБП — 1. Ведомство государственной безопасности (Польша)
 2. Ведомство общественной безопасности (Польша)
 РВ — разведывательный отдел главного командования УПА
 РВВ — “Совет Сопротивления” (Нидерланды)
 РВПС — “Патриотическая школа королевы Виктории” (Великобритания)
 РВСР — Революционный военный совет республики (РСФСР)
 РД — Секция исследований и развития (США)
 РАДГ — разведывательно-диверсионная группа
 РЕГ — Сеть прослушивания и пеленгования иностранного радиообмена (Франция)
 РЖ — Служба общей разведки (Франция)
 РЖПП — секретная служба Парижской префектуры полиции
 РИД — Отдел радиоразведки Федеральной комиссии по связи (США)
 РИК — 1. Королевская ирландская полиция
 2. Исследовательский информационный комитет (США)
 РИС — Радиоразведывательная подсекция (США)
 РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
 РККФ — Рабоче-крестьянский Красный Флот
 РКМП — Канадская королевская конная полиция
 РКО — рейхскомиссариат “Остланд”
 РКП(б) — Рабоче-крестьянская партия (большевиков)
 РКР — Сеть по надзору за внутренним радиовещанием и изучением нелегальных станций (Франция)
 РКУ — рейхскомиссариат “Украина”
 РМО — военно-морская разведка (Норвегия)
 РНВМП — Королевская Северо-Западная конная полиция (Канада)
 РО — Разведывательная служба генерального штаба (Болгария)
 РОА — “Русская освободительная армия”
 РОВС — “Российский общевоинский союз”
 РОСТА — Российское телеграфное агентство
 РПШ — Революционный полевой штаб
 РСЛО — региональный офицер по связям в области безопасности (Великобритания)
 РСО — Регистрационно-статистический отдел
 РСС — Служба радиобезопасности (Великобритания)
 РСХА — Главное управление имперской безопасности (Германия)
 РТЧК — районные транспортные ЧК (УССР)
 РУ — Разведывательное управление
 РУОН — радиоузел особого назначения (СССР)

С

СА — 1. Штурмовые отряды (Германия)
 2. Служба действия (Франция)
 САКО — Китайско-американская комиссия по специальному техническому сотрудничеству
 САП — 1. Служба посадок и парашютирования (Франция)
 2. Отряд активного действия (Италия)
 САС — Специальная авиационная служба (Великобритания)
 СБ — Служба безопасности ОУН
 СБС — Специальная лодочная служба (Великобритания)
 СВВ — “Швейцарская национальная патриотическая ассоциация”

- СВПА — Юго-Западный Тихоокеанский театр военных действий
СВР — Служба внешней разведки (РФ)
СГ — Пограничная стража (Польша)
СД — Служба безопасности (Германия)
СД-аусланд — Служба внешней безопасности
СД-инланд — Служба внутренней безопасности
СЕ — Специальная служба (Испания)
СЕАК — объединенное командование вооруженными силами в Юго-Восточной Азии
СЗП — “Служба для победы Польши”
СИ — 1. Секция информации (Румыния)
2. Специальная разведка (США)
СИА — 1. Секретная разведывательная служба ВВС (Италия)
2. Австралийская секция разведки
СИБ — 1. Сектор специальной разведки (Австралия)
2. Центральное разведывательное бюро (Индия)
СИГИНТ — Совет по радиоразведке (Великобритания)
СИД — 1. Центральное информационное отделение (США)
2. Центральный разведывательный департамент (Индия)
СИЕ — Служба армейской разведки (Италия)
СИЕЕ — Специальная служба внешней информации (Испания)
СИЕП — Специальная служба периферийной разведки (Испания)
СИК — Служба информации и координации (Испания)
СИМ — 1. Служба военной информации (Испания)
2. Служба военных расследований (Испания)
3. Служба военной разведки (Италия)
4. Информационная служба Движения (Испания)
СИМЕ — Разведывательная служба безопасности Среднего Востока (Великобритания)
СИПМ — Служба военной информации и полиции (Испания)
СИС — 1. Секретная разведывательная служба (Великобритания)
2. Служба специальной разведки (Великобритания)
3. Секретная разведывательная служба ВМС (Италия)
4. Служба радиоразведки (США)
5. Служба социальной информации (Италия)
6. Вспомогательная разведывательная служба (Ирландия)
7. Служба специальной разведки ФБР в Латинской Америке.
СИСД — Отделение Службы радиоразведки (США)
СИФАР — Разведывательная служба вооруженных сил (Италия)
СИФНЕ — Информационная служба Северной Испании
СКГ — отдельная гренадерская рота (Германия)
СКИ — 1. Особое контрразведывательное подразделение (США — Великобритания)
2. Постоянный комитет по разведке (Малайя)
СКНШ — Совместный комитет начальников штабов (Великобритания — США)
СКР — Совместный комитет по разведке (Великобритания — США)
СДФЕО — Французская служба связи на Дальнем Востоке
СЛЮ — Подразделение специальных связей (Великобритания)
СМ — Отдел военной безопасности (Франция)
“СМЕРШ” — органы военной контрразведки СССР
СМИ — Сектор защиты военной информации (США)
СН — Главная сыскная полиция “Сюртэ насьональ” (Франция)
СНД — китайский национальный доллар
СНК — Совет Народных Комиссаров (Совнарком)
СНР — Национальный совет Сопротивления (Франция)
СО — 1. Секретный отдел
2. Специальные операции (США)
СО-1 — подразделение по подрывной пропаганде (Великобритания)
СО-2 — подразделение по активным операциям (Великобритания)
СО-3 — подразделение по планированию специальных акций (Великобритания)

СОА — “Специальные операции — Австралия”
 СОЕ — Исполнительный орган специальных операций (Великобритания)
 СОК — Комитет по специальным операциям (Великобритания)
 СОМ — “Специальные операции — Средиземноморье”
 СОО — Секретно-оперативный отдел
 СОУ — Секретно-оперативное управление
 СОЧ — секретно-оперативная часть
 СПКР — Совместный подкомитет по разведке (Великобритания — США)
 СПО — 1. Секретно-политический отдел
 2. Пограничная разведка по прикорму
 3. Бюро специальных проектов (США)
 СПП — сборно-пересыльный пункт (СССР)
 СР — Служба разведки (Франция)
 СРБ — Совместное разведывательное бюро (Малайя)
 СРД — Разведывательный департамент вооруженных сил (Австралия)
 СРИ — Отдельный информационный реферат (Польша)
 СРМ — Военная служба разведки (Франция)
 СРП — Служба политической разведки (Франция)
 СРШ — Совместный разведывательный штаб (Великобритания — США)
 СС — 1. Охранные отряды (Германия)
 2. Секретная служба (Румыния)
 3. Служба безопасности (Франция)
 ССА — Агентство безопасности связи (США)
 ССБ — 1. Сектор безопасности связи (США)
 2. Бюро секретных служб (Великобритания)
 ССГ — Центр правительственной информации (Франция)
 ССД — Отдел безопасности связи (США)
 ССИ — Секретная служба информации (Румыния)
 ССМ — Военная секретная служба (Франция)
 ССО — офицер по особой безопасности (США)
 ССПГ — Группа планирования стратегических служб (США)
 ССС — Служба безопасности связи (ССС)
 ССУ — Подразделение стратегических служб (США)
 СТ — Служба контрразведки (Франция)
 СТБ — Скандинавское телеграфное бюро (Швеция)
 СТО — 1. Служба принудительного труда (Франция)
 2. Совет Труда и Оборона (СССР)
 СТС — учебный центр СОЕ (Великобритания)
 СФ — Сектор особых фондов (США)
 СФДет — Отряд специального назначения (Великобритания)
 СФХК — Штаб-квартира специальных сил (Великобритания)
 СХАЕФ — Верховный штаб союзнических экспедиционных сил
 СЦР — Секция централизации разведки (Франция)
 СЦСС — Центральная служба безопасности государства (Румыния)
 СЧ — Следственная часть
 СЭ — Служба безопасности (Бельгия)

Т

ТВД — театр военных действий
 ТИКОМ — Комитет по идентификации целей (Великобритания и США)
 ТКБ — тайнописная копировальная бумага
 ТР — Служба контрразведки (Франция)
 ТО — Транспортный отдел
 ТОФ — Тихоокеанский флот (СССР)
 ТУ — Транспортное управление

У

У-3 — военная контрразведка (Финляндия)
 УБ — Управление безопасности (Польша)
 УВО — Украинская военная организация
 УВР — Управление войсковой разведки
 УГА — Украинская галицийская армия
 УКМК — Управление коменданта Московского Кремля
 УКР — Управление контрразведки
 УНКВД — Управление Народного комиссариата внутренних дел
 УНКГБ — Управление Народного комиссариата государственной безопасности
 УНР — 1. Украинская народная рада
 2. Украинская народная республика
 УНРА — Украинская народная революционная армия.
 УОО — Управление Особых отделов
 УОС — Управление особого строительства
 УПА — Украинская повстанческая армия
 УПВИ — Управление по делам о военнопленных и интернированных
 УСО — 1. Учетно-статистический отдел
 2. Учетно-справочный отдел
 УТЧК — участковые транспортные ЧК (УССР)
 УШПД — Украинский штаб партизанского движения
 УЭД — Экспериментальная учебная часть связи (Индия)
 УЭК — Экспериментальный центр радиосвязи (Индия)

Ф

ФА — Научно-исследовательское управление министерства авиации (Германия)
 ФАГ — фронтовая разведывательная группа (Германия)
 ФАИ — НКТ — анархо-синдикалистское объединение (Испания)
 ФАК — фронтовая разведывательная команда (Германия)
 ФБИС — Федеральная служба разведки радиовещания (США)
 ФБМС — Служба прослушивания иностранного радиовещания (США)
 ФБР — Федеральное бюро расследований (США)
 ФД/Е — Разведывательная служба (Норвегия)
 ФЕА — Зарубежная экономическая администрация (США)
 ФЕКБ — Дальневосточное объединенное бюро (то же, что и КИБГК)
 ФЕЛО — Дальневосточное бюро связей (Австралия)
 ФЕСС — Дальневосточная служба безопасности (Великобритания)
 ФЕТО — Дальневосточный театр военных действий
 ФИК — Комитет Адмиралтейства по внешней разведке (Великобритания)
 ФИКС — Служба внешней разведки и контрразведки (Испания)
 ФИЛ — “Независимый фронт освобождения” (Бельгия)
 ФИНО — Финансовый отдел
 ФИС — Служба зарубежной информации (США)
 ФКК — Федеральная комиссия по связи (США)
 ФКП — Французская коммунистическая партия
 ФМ — отдел “Иностранные военно-морские силы” (Германия)
 ФМК — Пункт сбора курьерских донесений с радиоточкой (абвер в Латинской Америке)
 ФН — отдел иностранных граждан (США)
 ФО — главное командование вооруженными силами (Норвегия)
 ФОМИ — Центральное бюро фольксдойче НСДАП
 ФРА — Радиоинститут национальной обороны (Швеция)
 ФРУМЕЛ — “Радио флота — Мельбурн” (США и Австралия)
 ФРУПАК — “Радио флота — Тихий океан” (США и Австралия)
 ФСП — полевая полиция безопасности (Великобритания)
 ФСС — Полевая служба безопасности (Великобритания)

ФТП — “Фронтриеры и партизаны” (Франция)
 ФФИ — “Французские внутренние силы” (Франция)
 ФХ — отдел “Иностранные армии” (Германия)
 ФХВ — отдел “Иностранные армии Запада” (Германия)
 ФХО — отдел “Иностранные армии Востока” (Германия)

Х

Х — секция контрразведки (Великобритания)
 ХДЕ — Исполнительный орган национальной обороны (Великобритания)

Ц

Ц — центральный отдел абвера
 ЦБ — Центральное бюро (США и Австралия)
 ЦБРС — Центральное бюро расследований и статистики (Китай)
 ЦБС — Центральное бюро статистики (Китай)
 ЦД — Сектор цензуры и документации (США)
 ЦИД — Центральная разведывательная служба (Нидерланды)
 ЦК — Центральный комитет
 ЦОАГС — Центральный отдел актов гражданского состояния
 ЦРГ — Центральная разведывательная группа (США)
 ЦРУ — Центральное разведывательное управление (США)
 ЦСДИС — Объединенный центр детальных допросов (Индия)
 ЦШПА — Центральный штаб партизанского движения

Ч

ЧЕДИС — Специальный центр министерства обороны” (Италия)
 ЧК — Чрезвычайная комиссия
 ЧСК — Чрезвычайная следственная комиссия

Ш

ШКПС — Штаб-квартира правительственной связи (Великобритания)
 ШОН — Школа особого назначения

Э

ЭАМ — Греческий Национально-освободительный фронт
 ЭДЕС — Греческая народно-освободительная армия
 ЭККА — Греческое национальное и социальное освобождение
 ЭКО — Экономический отдел
 ЭКУ — Экономическое управление
 ЭКЧ — Экономическая часть
 ЭЛАС — Греческая национально-освободительная армия
 ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения
 ЭХ — “Электра Хауз” (Великобритания)

Ю

ЮМЖД — Южно-Маньчжурская железная дорога

Я

ЯВМ — Японская военная миссия

A

AI10 — кодовое обозначение СОЕ
AIC — Передовой разведывательный центр (США)

E

E&E — Служба спасения и эвакуации (Великобритания)

G

G2 — разведывательная служба штаба армии (Свободное Ирландское государство)

I

ISBA — Intelligence Service British Agents (Великобритания)
ISK — Intelligence Service Knox (Великобритания)
ISOS — “Intelligence Services Oliver Strachey”, “Illicit Series Oliver Strachey” или “Intelligence Series Oliver Strachey” (Великобритания)

J

JANAC — Объединенный оценочный комитет армии и флота (США)
JANIS — Объединенное разведывательное исследование армии и флота (США)
JEIA — Объединенное агентство по электронной информации (США)
JIA — Объединенное разведывательное агентство (США)
JIARC — Центр приема сообщений Объединенного разведывательного агентства (США)
JICA — Объединенное агентство по сбору разведывательной информации (США)
JICA/China — орган JICA на Китайском ТВД (США)
JICACIB — орган JICA на Китайско-бирманско-индийском ТВД (США)
JICAME — орган JICA на Средневосточном ТВД (США)
JICAMED — орган JICA на Средиземноморском ТВД (США)
JICANA — орган JICA на Североафриканском ТВД (США)
JIGROA — Объединенная разведывательная группа в зоне Тихого океана (США)
JISPB — Совет по исследовательским публикациям объединенной разведки (США)

L

LOR — буквенные одноразовые блокноты

M

MO1(SP) — кодовое обозначение СОЕ

N

NID(Q) — кодовое обозначение СОЕ

O

OP-20-G — 1. Группа безопасности связи (США)
2. Секция радиоразведки (США)
OP-20-K — Секция безопасности связи (США)
OP-20-Y — Криптографическая секция (США)

S

SFHQ — Штаб-квартира специальных сил (Великобритания)

W

W — Комитет по стратегической дезинформации (Великобритания)

WOK — система перестановочных ключей

Y

Y — Комитет по координации перехвата (Великобритания)

Y-совет — подразделение ОКР по организации перехвата (Великобритания)

Z

Z — параллельная сеть резидентур СИС

ZZ — отряд по захвату архивов австрийской военной разведки (Германия)

ОТ АВТОРА

Задача предлагаемой книги состоит в комплексном представлении структуры и деятельности стратегических и отчасти оперативных разведывательных и контрразведывательных служб и органов различных государств мира в период с 1919 по 1945 годы, то есть между Версальской и Потсдамской мирными конференциями. Читатель составит впечатление от материала сам, поэтому автору хочется подчеркнуть лишь несколько существенных, по его мнению, аспектов.

1. Общество является сложной, многоплановой и взаимосвязанной структурой, в которой деятельность спецслужб разворачивается не в вакууме, а на фоне конкретной политической, экономической, дипломатической и военной обстановки. Поэтому в изложении материала автор старался показать закономерности, послужившие основой принятия того или иного решения в сфере разведки и контрразведки, иными словами, ответить на вопрос не только “что?”, но “почему?”. С другой стороны, принцип обратной связи применим и во влиянии операций спецслужб на общество, что также отмечается в соответствующих ситуациях.

В книге *не рассматривается* ряд вопросов, к которым относятся:

- тактическая (войсковая) разведка;
- психологическая война и подрывная пропаганда;
- политические и национально-освободительные движения, перевороты и противоправительственные заговоры, а также деятельность органов государственной безопасности по их предупреждению и подавлению;
- партизанские операции, если они прямо не связаны с разведкой;
- диверсионные операции, проводимые силами войск и не требующие агентурного обеспечения;
- террористические и антитеррористические операции, вопросы охраны;
- борьба красных и белых разведок и контрразведок в ходе гражданской войны на территории бывшей Российской империи.

Все эти вопросы вплотную примыкают к теме, но должны являться предметами самостоятельного исследования.

2. Справочный аппарат книги ограничен ссылками на источники и приведенной в конце работы библиографией. Следует подчеркнуть, что далеко не все из указанных в ней изданий могут быть рекомендованы автором. Разведка и контрразведка являются весьма специфическим видом общественной деятельности, а это обстоятельство влечет за собой некоторые особенности обработки касающегося их материала.

Прежде всего, закрытость источников предполагает ограниченный доступ к объективной и точной информации, сплошь и рядом все еще не рассекреченной. Часто истинную подоплеку событий не знают даже сами их участники, а иногда они видят их лишь со своей стороны, становясь жертвами дезинформационной или иной оперативной комбинации противника. Далее, любой сотрудник спецслужб неизбежно связан жесткими обязательствами сохранения секретов, доверенных ему на протяжении служебной деятельности. Поэтому в воспоминаниях участников событий отнюдь не всегда присутствует добросовестное желание их авторов полностью и без искажений осветить доступную им часть истины. Более того, нередко отставные работники разведки выпускают мемуары с единственной целью затушевать определенные факты. Известно немало случаев, когда выход книги или журнальной статьи являлся активным мероприятием спецслужбы, позволяющим получить прогнозируемую реакцию противника и подтолкнуть его к каким-либо выгодным для проводящего данное мероприятие действиям. Мемуары многих отставных разведчиков, особенно принадлежавших к разведорганам побежденных государств, часто преследуют цель обелить себя или же вызвать у читателей патриотические чувства. Иногда авторов мемуаров просто подводит память, поскольку, как правило, они пишут свои воспоминания без доступа к архивным документам. Явлением такого порядка, например, можно считать описание Л. Трепшером его встречи в 1945 году с расстрелянным за 8 лет до этого Шляпниковым¹. К отдельной группе изданий следует отнести явно идеологически заказные работы, в которых не было недостат-

ка ни в СССР, ни за рубежом. Далее, немаловажным фактором является и рыночный успех книги, поэтому часто достоверность может приноситься в жертву более интересным для широкой публики сенсационным, но далеко не всегда правдивым утверждениям. Существенно худшей разновидностью коммерчески ориентированных изданий является выпуск в свет легковесных и примитивных трудов, маскирующихся под научные исследования и вводящих в заблуждение неискушенных потребителей такой продукции. Часто за публикациями отчетливо просматриваются ведомственные или корпоративные интересы. Последним в длинном перечне причин, затрудняющих оценку фактов, является обилие чисто развлекательных изданий, авторы которых не обременяют себя вопросами достоверности изложения, однако зачастую вводят этим читателя в заблуждение. Иногда они не могут удержаться от соблазна приписать себе или своим героям выдающиеся деяния на поприще разведки, причем нередко подобная дезинформация приобретает вид достоверности, повторяется другими, вполне добросовестными авторами и в конце концов воспринимается многими как непреложная истина. Этот феномен подробно исследован в двух весьма интересных работах беспощадного разоблачителя дутых исторических сенсаций Найджела Уэста².

Единственный способ разобраться в действительном положении вещей состоит в тщательном и скрупулезном исследовании всех доступных материалов, сравнении их между собой и с реально произошедшими событиями. Иногда даже многократное перекрытие информации, взятой из разных источников, в действительности не дает правдивую картину, поскольку исходит из одного дезинформационного центра. Поэтому успех здесь может принести лишь деятельность, аналогичная работе информационно-аналитических подразделений, но и она не может гарантировать стопроцентный результат. В мире разведки работают профессионалы, и они не перестают быть таковыми, уйдя на покой или занявшись наукой. Поэтому автор отбирал и оценивал факты, сообразуясь со своей точкой зрения, которая может не совпадать с распространенными оценками тех или иных событий. В случаях невозможности прийти к какому-либо единственному выводу в тексте излагаются различные версии, из которых читатель сам может выбрать ту, которую посчитает верной.

Следует особо подчеркнуть, что автор не связан ведомственными или корпоративными интересами, политическими или финансовыми обязательствами, что позволило ему сделать работу максимально беспристрастной. Она отражает его личные взгляды на рассматриваемые вопросы, которые, естественно, не лишены эмоциональной окраски, однако при создании книги высший приоритет все же имели непредвзятость и точность подачи материала.

3. Книга написана в Одессе, но в поисках информации и для более объективного взгляда на описываемые события автор объездил немало мест, среди которых были Киев и Москва, Чита и Бангкок, Пекин и Маньчжурия, Вашингтон и Нью-Йорк, Берлин и Гамбург, Женева и Вена, Иерусалим и Тель-Авив, Стамбул и Париж, Лиссабон и Стокгольм, Хельсинки и Барселона, Осло и Прага, Венеция и Генуя. Совершенно специфические возможности в век информационных технологий предоставляет Интернет, позволяющий получить данные буквально из первых рук, то есть с официальных сайтов национальных спецслужб или из национальных архивов. Особенно ценные материалы предоставлены разведывательными сообществами США (ЦРУ, ФБР, УНБ, Секретная служба, Госдепартамент, военные органы разведки и безопасности), Великобритании (МИ-5, МИ-6, военные разведывательные службы, Штаб-квартира правительственной связи), Канады (военная разведка и Канадская королевская конная полиция), спецслужбами Российской Федерации (ФСБ), Украины (СБУ), Португалии и Турции. Значительный интерес представляют рассекреченные материалы бюллетеня Центра по изучению разведки ЦРУ "Studies in Intelligence" и публикации Института военной истории армии США. Огромный массив информации собран на сервере факультета политических наук иезуитского колледжа Лойолы в Мэриленде, США, тогда как широко разрекламированная программа разведывательных ресурсов Федерации американских ученых является в этом отношении менее ценной. Интернет позволил автору получить систематизированный доступ к материалам библиотек Конгресса США и Колумбийского университета, к рассекреченным материалам ФБР, СОЕ, МИ-5 и МИ-6, а также к иным хранилищам информации. Среди них наиболее значимыми оказались архивы Бразилии, Великобритании, Канады, Польши, Российской Федерации, США и Швейцарии. Некоторая, достаточно незначительная часть книги написана автором по материалам бесед с оставшимися в живых участниками событий.

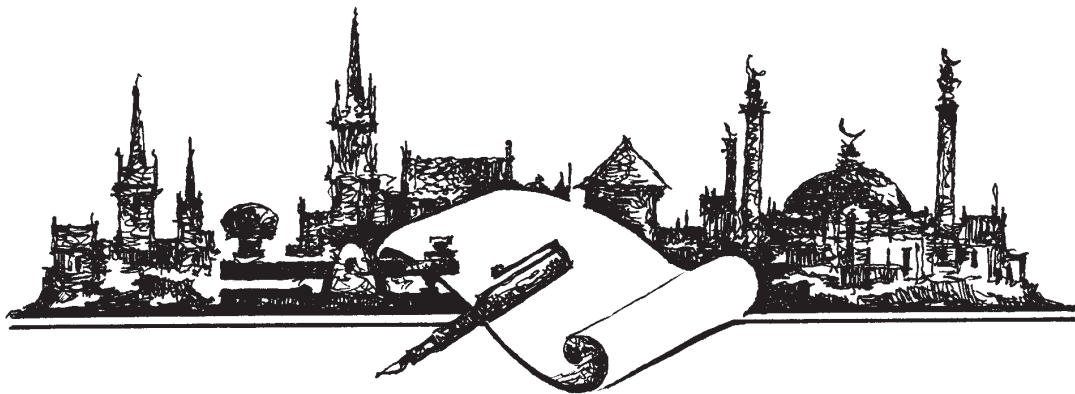
4. Необходимо пояснить несколько мелких особенностей предлагаемой читателю книги. Прежде всего, транслитерация на русский язык имен собственных максимально приближена к их истинному звучанию, что иногда не совпадает с общепринятым, но неправильным написанием (“Стефенсон” вместо “Стивенсон”³ и т.п.). В отношении китайских имен принята их транскрипция в системе *pinyin*, наиболее точно отражающей оригинальное звучание на северном (пекинском) диалекте, считающимся классическим. Тем не менее, в некоторых случаях автор сохранил более привычное для русского читателя написание. Например, лидер Гоминьдана по-прежнему именуется Чан Кайши, хотя составляющие его имя иероглифы читаются так лишь на южном диалекте. Однако в случае употребления более правильного написания “Цзян Цзешу” читатель, скорее всего, далеко не сразу понял бы, о ком идет речь. С этой же целью фамилия третьего руководителя СИС (Menzies) указывается в традиционном русском прочтении как “Мензис”, что соответствует нормам фонетики английского языка. В действительности она в виде исключения произносится как “Минджис”, но такое более правильное написание способно лишь запутать читателя. Точно так же один из президентов Соединенных Штатов Америки традиционно для русских переводов именуется Вильсоном, хотя в других местах книги его однофамильцы более корректно обозначены как “Уилсон”. Сохранено и принятое в отечественной литературе сокращенное название британских секретных служб в форме МИ-5, МИ-6, и т.д., хотя по-английски они обычно записываются как M.I.5 или M.I.6. Аббревиатуры иностранных спецслужб и других учреждений по мере возможности даются в русской транслитерации, соответствующей их произношению на языке оригинала. В нескольких случаях автор допускает отступления от этого принципа. Во-первых, отдельные словосочетания имеют установившийся в русском языке характер (“ФБР”, “ЦРУ” и т. п.), и менять их было бы просто неразумно. Во-вторых, наличие в сокращаемых словах первых букв Q, J, Y, W и некоторых других просто не позволяет отобразить их адекватно, поэтому в подобных случаях автор либо сокращает их русский перевод (например, ШКПС для “Government Communication Headquarter” — GCHQ), либо вообще приводит аббревиатуру на языке оригинала (например, Wi/T — реферат экономической и технологической разведки группы G VI управления РСХА). Аббревиатуры спецслужб Китая используются для удобства подачи материала и приводятся чисто условно, поскольку иероглифическая письменность в принципе исключает саму возможность подобных сокращений.

Не всегда возможен абсолютно адекватный перевод на русский язык статуса отдельных структурных единиц. Используемые в книге термины “бюро”, “управление”, “отдел”, “отделение”, “секция”, “сектор”, “миссия”, “агентство”, “служба”, “исполнительный орган”, “директорат”, “подразделение” и т. д. в большинстве случаев точно соответствуют своим иноязычным эквивалентам, однако иногда подобрать полностью корректный термин не удастся. В этих случаях используется вариант, который автор полагает наиболее правильным, хотя в некоторых случаях он отличается от общеупотребительного.

Для облегчения ориентирования все псевдонимы и кодовые имена в книге взяты в кавычки.

Обо всех остальных особенностях книги читателю представляется судить самостоятельно. Все замечания и комментарии будут восприняты с признательностью. Их можно направить по электронной почте по адресу: comment@lander.odessa.ua или через посвященный данной книге веб-сайт www.lander.odessa.ua.

Автор выражает признательность за помощь в работе над книгой: В. П. Козярскому (Киев) и О. П. Ковалеву (Одесса) — за моральную поддержку, Александру Доронину (Тула), С. А. Смирновой (Москва) и Алексею Никольскому (Москва) — за помощь в организационных вопросах, Найджелу Уэсту (Великобритания), Рафалу Бржески (Польша) и Сильвиу Матеи (Румыния) — за консультации, Дэну Хэлпину (США) — за содействие в подборке материала, Виталию Крюкову (Киев) — за помощь в работе с текстами на немецком языке, своей семье — за терпение и понимание, а сыну Андрею также за помощь с текстами на французском языке. Отдельная благодарность — научному редактору книги И. Н. Шкляеву (Одесский национальный университет), роль которого существенно превысила обычные функции научного редактора, и одесскому художнику А. В. Резникову, начертившему карты и нарисовавшему заставки.

ПОСЛЕ ВЕРСАЛЯ

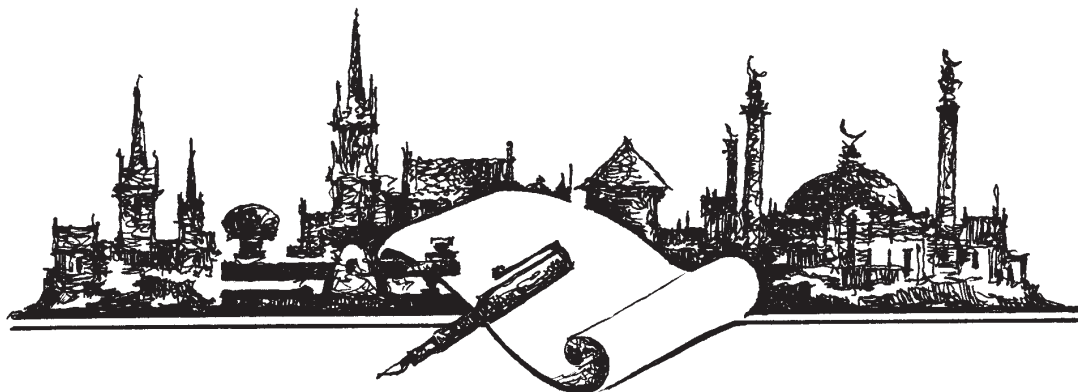
Поздней осенью 1918 года ушла в прошлое продолжавшаяся почти 52 месяца и унесшая с собой девять с половиной миллионов человеческих жизней Первая мировая война. Две трети населения планеты в составе двух враждебных коалиций ожесточенно пытались уничтожить друг друга, и добившиеся победы государства были полны решимости максимально воспользоваться плодами своего успеха и придать им законный статус. Кроме того, они совершенно не собирались больше воевать, поэтому желали навсегда лишить побежденных возможности взять реванш за свое поражение. Именно для достижения этих целей и разрабатывались статьи мирных договоров, подготовленных в 1919 – 1920 годах на Парижской мирной конференции. Основным из них стал подписанный с Германией Версальский мирный договор, давший название всей послевоенной системе политического урегулирования, его дополняли Сен-Жерменский мирный договор с Австрией, Нейский – с Болгарией, Трианонский – с Венгрией и Севрский – с Турцией.

Итоги Версальского мира полностью преобразили рисунок политической карты планеты и расстановку сил на ней. Распались прежние и возникли новые государства, поменяли хозяев колонии, одни страны отобрали у других целые области, миллионы людей снялись с прежних мест обитания и вынужденно, а иногда и принудительно переселились в другие районы. Исчезли некогда устрашавшие соседей армии, а обеспечивавшие их ресурсы обрели новых хозяев. Творцы версальской системы полагали, что достижения победителей отныне надежно закреплены, а возрождение военно-политической мощи побежденных исключено навсегда. Этим иллюзиям предстояло развеяться уже через несколько лет, но еще в ходе проведения мирной конференции достаточно прозорливые аналитики начали осознавать, что окончание войны принесло планете лишь неизбежное, хотя и плавное сползание к следующей. Новый порядок сплотил побежденных “парий Версаля”, рассорил между собой победителей, заложил бомбы под мировое урегулирование, а революция в России подключила к ним детонатор замедленного действия. Послевоенная ситуация стала незаметно перерастать в предвоенную, хотя даже в самом страшном сне невозможно было представить, что всего через два десятка лет мир вновь будет свергнут в еще более опустошительную и кровавую войну.

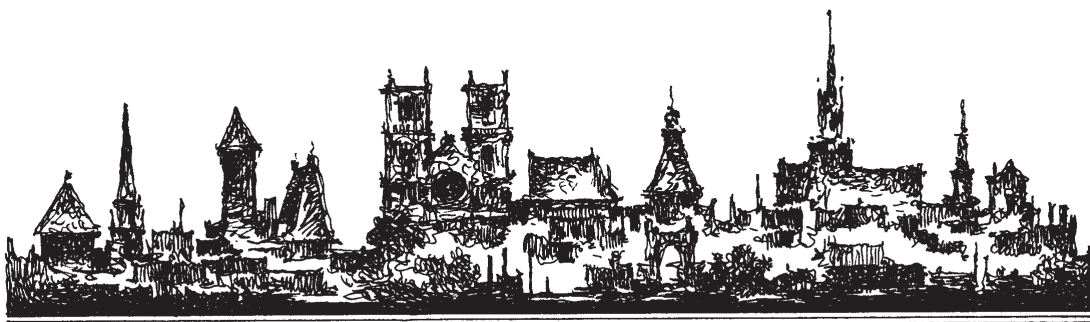
Секретные службы воевавших и нейтральных государств столкнулись с новыми факторами, и не все из них сумели должным образом и быстро сориентироваться в изменившемся мире. Их разведывательная деятельность строилась на концепциях вновь определенных национальных приоритетов, поэтому связывавшее союзников в годы войны относительное единство исчезло, отныне каждый был сам за себя. Даже в акциях по подавлению революционных проявлений единодушие оставалось лишь внешним, а цели участников подчас расходились до противоположности. Знаменитое “нашествие четырнадцати держав на молодую Советскую республику” являлось не более, чем обычным пропагандистским преувеличением: серьезная и скоординированная интервенция раздавила бы разоренную войной и революцией страну в кратчайший срок.

“Санационный кордон” между советскими республиками и остальной Европой составили государства, либо только что появившиеся на карте в качестве самостоятельных, либо существенно изменившие свои границы в соответствии с послевоенными мирными договорами. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Румыния и Болгария не просто отделяли находившиеся под властью большевиков территории, большинство из них вели активную разведывательную и подрывную работу против Советской России. Содержание разведки всегда тяжким бременем ложится на бюджет, и далеко не все небольшие государства могут позволить себе иметь ее в каких-либо существенных масштабах. Но страх перед восточным соседом был велик и небезоснователен, в чем на собственном опыте уже убедилась Польша, которую лишь “чудо на Висле” спасло от военного разгрома и политического порабощения. Поэтому все перечисленные страны включили в состав своих генеральных штабов разведывательные отделы, почти повсеместно по традиционному французскому образцу носившие второй номер, хотя в сфере влияния Парижа на военную структуру и политику находились в основном Польша и Румыния, а Литва, Латвия, Эстония и Финляндия ориентировались на Великобританию. Кроме того, почти все “версальские государства” имели территориальные претензии друг к другу, поэтому их разведывательная активность распространялась не только на Восток, но и на соседей.

Начало 1920-х годов характеризовалось широким предложением агентурных услуг от самых разных личностей кому угодно — лишь бы платили. Столицы европейских и азиатских государств кишели сомнительными субъектами и респектабельными господами, оставшимися без дела после сворачивания разведывательных сетей военного времени. Обычным явлением стали двойные, тройные и так далее агенты, тела которых периодически обнаруживали где-нибудь на пустырях или вылавливали из воды. Создавались всякого рода “Информационные бюро”, и газеты пестрели объявлениями наподобие следующего: “Русское информационное агентство “Руссина” принимает заказы на сведения о деятельности Коммунистического Интернационала в мировом масштабе. Корреспонденции и сведения о положении дел в России. Требуются корреспонденты. Вознаграждение по соглашению. Прием от 5.30 до 7.30 вечером. Директор С. М. Дружиловский, секретарь Д. Т. Типш”⁴. Подобные предложения поступали по всем странам, разве что обычно они выглядели не столь откровенно. Самое поразительное, что на них существовал достаточно устойчивый спрос. Пачками продавались “подинные” планы пограничных укреплений и не имевшие ничего общего с действительностью чертежи летательных аппаратов. Государства в ходе войны научились надежно оберегать свои секреты не только от авантюристов, но и от чужих разведывательных посягательств, поэтому настоящую информацию добыть было крайне трудно, и встречалась она редко. Рассматриваемый период стал окончанием дилетантского и романтического периода разведки, и ее искусство начало постепенно приобретать черты ремесла. На первый план вышли вопросы технологии проведения секретных операций, а агенты-одиночки уже не могли соперничать с могущественными организациями. Их деятельность быстро становилась анахронизмом. Небывалые перспективы открывались перед набиравшей силу радиоразведкой и недавно зародившейся аэрофоторазведкой, в скором времени занявшими ведущее место в системе сбора информации о потенциальном противнике. Общим характерным фактором в рассматриваемый период являлось и почти повсеместное пребывание органов внешней разведки в структуре генеральных штабов. Это обстоятельство таило в себе определенные подводные камни. Военным сложно было осознать, что на первое место уверенно вышла политическая разведка, что в мирной обстановке оперативная разведка с массовой заброской агентуры стала нелепостью, и что одна доверительная беседа с депутатом иностранного парламента часто оказывалась полезнее, чем добыча тщательно оберегаемой схемы укрепленного района. Настало время, когда от спецслужб требовалось не просто освещать обстановку, но и пытаться влиять на ситуацию, а в рамках военной разведки добиться этого было весьма непросто. Контрразведывательные мероприятия также меняли свой характер и постепенно становились тотальными и весьма политизированными. В короткий срок сформировалась новая концепция, открывшая дорогу к настоящим секретным операциям двадцатого столетия, хотя каждое из государств шло к этому своим путем.

ЧАСТЬ 1
ОТ ВОЙНЫ К МИРУ

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

Британская империя завершила Первую мировую войну в ореоле державы-победительницы, что, однако в значительной степени было лишь видимостью. Результаты Версальского мира оказались для нее весьма разочаровывающими. Несмотря на достижение почти всех поставленных целей, трезво мыслящие политики в Лондоне не могли не осознавать наметившуюся тенденцию постепенного ухода империи с первой строки в мировой таблице о рангах. Даже, казалось бы, выгодное исчезновение из большой европейской политики ее мощных соперниц Германии и России имело и противоположный, существенно менее радужный аспект. Оно лишило Лондон возможности проводить свою традиционную политику по созданию на континенте системы противовесов и открыло перед Францией путь для уверенного продвижения к лидерству. В новых условиях особенно важное значение приобретала и секретная дипломатия и разведка, которыми англичане славилась издавна и не всегда заслуженно. К концу войны секретные службы Великобритании действительно работали весьма профессионально, однако вынужденно принятая парламентом и кабинетом министров политика жесткой экономии нанесла по ним сильнейший удар. Весьма тревожащим фактором явилась также утрата органами безопасности бывшего могущества. В 1920-е годы мировой процесс в немалой степени зависел от принимаемых в Лондоне решений, поэтому Великобритания была, пожалуй, самым интересным объектом для оперативного изучения со стороны соперников. Ее государственные секреты нуждались в эффективной защите, которую не могли обеспечить ослабленные контрразведывательные службы, результаты чего не замедлили сказаться уже в первом послевоенном десятилетии.

Для спецслужб Великобритании Первая мировая война явилась своего рода водоразделом, за которым начиналась эпоха их жесткого структурирования. Пожалуй, они первыми в мире вступили на этот путь и уже к 1917 году по концепции занимали в мире самые передовые позиции. Как известно, ничто не появляется на абсолютно пустом месте и не возникает из ничего, поэтому составить верное представление о структуре и функциях разведывательных и контрразведывательных органов Великобритании в период 1920-х годов возможно лишь путем выхода за жесткие временные рамки данной книги. Краткий обзор их предыстории, из-за малоизвестности деталей обычно недостаточно полно и верно освещаемой даже в достаточно серьезных исторических исследованиях, позволит правильное понять последующие события.

1. ИСТОКИ

Приблизительно современную структуру спецслужбы Великобритании приобрели в начале двадцатого века. Их общим предшественником явилось созданное еще в 1873 году первое формальное и централизованное Разведывательное отделение военного министерства. 15 лет спустя оно было преобразовано в Директорат военной разведки (ДМИ). Однако выполнение специальных задач, то есть ведение агентурно-оперативной работы, в первую

очередь в интересах контрразведки, возлагалось не на него, а на Особую секцию военного министерства (“X”⁵). Несколько неожиданным является тот факт, что в Великобритании, традиционно океанской державе, моряки в этом процессе не лидировали. Разведка Адмиралтейства формально возникла позже, лишь в декабре 1882 года, хотя первые предложения о создании ответственной за нее централизованной структуры высказывались еще в 1879 году. Правда, в предшествовавшие этому десятилетия все офицеры королевского флота традиционно были обязаны по мере возможности добывать и передавать в центр разведывательную информацию. Первоначально в Адмиралтействе возник Комитет по внешней разведке (ФИК), на который возлагались исключительно координирующие функции, с практической точки зрения мало результативный. Британский флот задержался с созданием разведоргана до 1887 года, когда под руководством директора морской разведки (ДНИ) возник отдел без названия, некоторое время спустя реорганизованный в Отделение морской разведки (НИД). На этом процесс первоначального формирования разведорганов вооруженных сил Великобритании застыл более чем на десять лет.

Добывающие и обрабатывающие информацию органы военного министерства претерпели первые серьезные структурные изменения накануне нового столетия. Незадолго до начала Англо-бурской войны 1899 — 1902 годов Особая секция (“X”) была передана под непосредственное руководство генерал-квартирмейстера армии полковника Дж. К. Троттера, после чего она стала официально обозначаться И-3. Однако на практике ее всегда продолжали именовать по-прежнему, и зачастую даже старшие офицеры министерства не сразу могли понять, о чем идет речь, если вместо “X” из собеседник упоминал И-3. В составе Особой секции имелись функциональные подсекции:

- И-3(а) — “особые задачи”, то есть агентурная разведка, военная цензура, допросы военнопленных, шифры и коды и допуск корреспондентов на ТВД. Несмотря на широкий круг задач, штат подсекции насчитывал всего 3 офицеров и 1 делопроизводителя;
- И-3(б) — сбор данных для составления военных карт и выполнение иных необходимых для этого действий. Эта самая многочисленная подсекция состояла из 3 офицеров, 1 старшего и 3 рядовых делопроизводителей и 21 техника;
- И-3(с) — составление военных карт;
- И-4(д) — библиотека. В задачи подсекции входило ведение разведки по открытым источникам, прежде всего по публикациям в зарубежной прессе.

С таким специальным аппаратом британская армия вошла в войну с Трансваалем и Оранжевой республикой, в ходе которой весь мир убедился не только в слабости собственной разведки англичан, но и в эффективности постановки аналогичной службы у их противников. Судя по всему, именно по этой причине в 1904 году Директорат военной разведки подвергся реорганизации с понижением статуса и стал Разведывательной частью Директората военных операций (ДМО). С 1904 по 1914 годы секции центрального аппарата разведки носили обозначение МО (военные операции), сохранившееся и после изменения названия Директората военных операций на Оперативный и разведывательный директорат. И-3 была переименована в секцию МО-3 и при этом лишилась двух подсекций, занимавшихся картографией. Впрочем, процесс вывода картографов из состава разведки был характерен для армий всего мира, в которых раньше или позже организовывались отдельные картографические службы. В составе МО-3 остались подсекция “особых задач” и библиотека, которыми руководил будущий директор военной разведки Джордж Кокерилл. В 1907 году он передал свой пост Джеймсу Эдмондсу. В 1906 году все секции МО были заново перенумерованы. МО-1 ведала вопросами военной стратегии и к разведке отношения не имела, зато остальные секции директората выполняли разведывательные функции и являлись частично региональными, а частично функциональными:

- МО-2 (разведка в Германии, Голландии, Австро-Венгрии, Испании, Португалии, Греции, Ближнем Востоке, Соединенных Штатах Америки, Центральной и Южной Америке, Балканах и Африке);
- МО-3 (разведка в России, Франции, Бельгии, Дальнем Востоке и Скандинавии);
- МО-4 (топографическая разведка, составление и издание карт);
- особая секция МО-5 — бывшая секция “X” (цензура, контроль за средствами связи, руководство контрразведкой);
- МО-6 (сбор и рассылка санитарной разведывательной информации).

Уже на этой стадии британские военные разведчики определились с формулированием основополагающих принципов секретной службы, базировавшихся на ряде имевших долговременное значение постулатов. Прежде всего, отсутствие у метрополии сухопутных границ исключало необходимость содержать целую армию агентов пограничной разведки. Далее, характерное для Лондона стремление избежать дипломатических проблем и “сохранить лицо” в случае провала диктовало обязательное применение принципа “третьей страны”. Это означало полный и недвусмысленный запрет работы против страны пребывания разведчика, что в критической ситуации позволяло получить не столь острую реакцию ее официальных органов, а зачастую и вообще избежать огласки инцидента. Третий из постулатов предписывал в мирное время содержать возможно более компактный агентурный и кадровый аппарат разведки, с одновременным принятием действенных мер для его мобилизационного развертывания в случае войны или даже ее угрозы. К рассматриваемому времени англичане разделяли агентов и оперативный персонал разведки на ряд категорий, основными из которых считались “наблюдатели”, “перевозчики” и “сборщики”. Первые из них были классическими агентами в обычном понимании, вторые включали не только курьеров, но и всех, задействованных в обеспечении доставки собранной “наблюдателями” информации к “сборщикам”. Последние являлись основной фигурой в системе разведки и всегда были кадровыми офицерами армии. Они отвечали за поддержание связи с агентами и сбор разведывательной информации, занимались первичной оценкой ее достоверности, обработкой и сопоставлением с данными, полученными из других источников, включая открытые. “Сборщики” базировались в третьих странах, отвечали за вербовку основной и вспомогательной агентуры, за проведение всех разведывательных операций в своей зоне ответственности и более всего соответствовали современному понятию резидента. Однако такая стройная система прекрасно выглядела лишь на бумаге, для ее реализации в запланированном объеме элементарно недоставало необходимых ресурсов. Возглавивший в 1907 году агентурную разведку и контрразведку майор Эдмондс страдал от недостатка денег и людей. Если бы не помощь директора разведки Адмиралтейства вице-адмирала Эдмонда Слэйда, Эдмондс просто физически не смог бы обеспечить выполнение возложенных на него задач.

В середине первого десятилетия двадцатого века Форин офис высокомерно пренебрегал возможностями спецслужбы военного министерства и самостоятельно обеспечивал свои потребности в политической и экономической разведке, поэтому, помимо контрразведки, МО-5 сосредоточивалась на сборе исключительно военной информации. Дипломатическое ведомство не располагало тогда собственным структурно оформленным разведывательным органом и ограничивалось регулярными опросами совершавших зарубежные поездки англичан, прежде всего бизнесменов. Нельзя сказать, что в Форин офис не отдавали себе отчета в уязвимости и слабости такой системы, но все робкие попытки в этом направлении блокировались опасением упустить важную информацию в процессе отвлечения сил на длительный процесс создания комплексной системы политической и экономической разведки. Нехватка средств и кадров вынуждала иногда идти на странные компромиссы и полумеры. Например, для решения разведывательных задач допускалась даже возможность найма иностранных частных сыскных контор, хотя в открытых источниках отсутствуют упоминания о том, была ли она воплощена в жизнь. Крайне негативную роль в организации политической разведки сыграли послы, практически единодушно категорически отказывавшиеся связываться с “особыми операциями”. Поэтому органы политической разведки на первой стадии существования являлись неотъемлемым элементом военных структур, и на плечи армии легла дополнительная задача реорганизации своей секретной службы в целях обеспечения руководства государства политической и экономической разведывательной информацией.

Впрочем, подлинным двигателем реформы британских спецслужб конца описываемого десятилетия стал страх перед иностранным шпионажем. В марте 1909 года после длительной и массивной пропагандистской кампании в прессе премьер-министр граф Герберт Генри Асквит проинформировал Комитет имперской обороны (КИО) о чрезвычайной опасности, которую представлял для британских военно-морских баз германский шпионаж. Члены комитета уже были заранее подготовлены к такой постановке вопроса и 1 октября приняли решение о создании Бюро секретных служб (ССБ). Создание этого несколько странного и непонятно кому подчиненного органа явилось прямым следствием гонки военно-морских вооружений конца 19-го — начала 20-го века и связанной с ней гонки шпионажа. Инициатива в данном вопросе исходила от руководителя секции военной контрразвед-

ки “X” майора, позднее полковника Джеймса Эдмондса, но ряд исследователей считает ее подлинным идейным вдохновителем писателя Уильяма Ле Ке, автора шпионских романов, весьма наэлектризовавших общество и заставивших англичан повсюду отыскивать агентов кайзера. Эта уникальная ситуация создала благоприятные предпосылки для реорганизации системы безопасности Британской империи, хотя и не помогла Эдмондсу реализовать свой замысел сосредоточения всей контрразведки в руках военных. Секция “X” была для этого слишком слаба, ее деятельность в основном заключалась в цензуре телеграфной переписки между Лондоном, Кейптауном, Дурбаном, Занзибаром и Аденом, а также в периодической перлюстрации почтовых отправок. О степени значимости подразделения свидетельствует тот факт, что после расформирования Директората военной разведки его подчинили библиотеке министерства.

Тем не менее, Эдмондс подготовил ряд материалов о растущей активности германской разведки на Британских островах, присвоив к ним оказавшуюся позднее чистой вымыслом историю о том, как в портье одного из дуврских отелей он лично опознал капитана артиллерии германской армии, который после этой встречи якобы в панике сбежал, а увенчал все это картой Британии с пометками, указывавшими местонахождение выявленных, по его словам, вражеских агентов. Семена упали на благодатную почву, подогретую потоком писем со всех концов страны. В итоге шпионская истерия принесла свои плоды, оформленные упомянутым решением Комитета имперской обороны. Помимо Бюро секретных служб, КИД создал подкомитет по наблюдению за враждебной деятельностью на территории империи. В этот весьма представительный орган вошли военный министр, руководитель Директората военных операций, первый лорд Адмиралтейства, генеральный директор почтового ведомства, постоянные заместители министров финансов и иностранных дел, а также ряд других высоких должностных лиц. Председательствовал в нем министр внутренних дел Герберт Гладстон.

Структурно ССБ состояло из Внутреннего и Внешнего департаментов. Первый из них возник на базе секций Директората военных операций военного министерства, к которому были добавлены часть персонала и некоторые функции ряда отделов министерств иностранных дел, по делам Индии и по делам колоний. Внутренний департамент, одновременно являвшийся уже упоминавшейся секцией МО-5, ведал контрразведкой и обеспечением государственной безопасности. Строго говоря, ССБ никогда не рассматривалось в качестве настоящей секретной службы, а создавалось, скорее, как посредник для сокрытия деятельности разведывательных органов военного министерства и Адмиралтейства, а позднее — и Форин офис. Британское правительство официально отрицало существование контрразведки вплоть до 1989, а внешней разведки — до 1992 года. Соответственно до этого же времени не имелось и регламентирующих их работу государственных нормативных актов. Вследствие этого на Бюро секретных служб возлагался довольно ограниченный круг задач. В первую очередь, оно должно было работать с весьма многочисленными в рассматриваемый период инициативниками, предлагавшими информацию, способную заинтересовать военное министерство или Адмиралтейство. Такое посредничество позволяло выставить ССБ в качестве ширмы для уважаемых институтов государства и отчасти избежать их компрометации перед внешним миром в случае провала какой-либо секретной операции. Помимо этого, ССБ было обязано направлять своих агентов в различные части Великобритании с целью выявления характера и масштабов иностранного шпионажа и осуществлять это в тесном контакте с министерством внутренних дел и полицейскими органами городов и графств.

С момента образования Бюро секретных служб следует отсчитывать срок существования структуры государственного аппарата управления Великобритании, занимавшейся организацией агентурной разведки в относительно современном понимании этого термина. Весьма примечательно высказанное в 1909 году практически единодушное согласие британских послов на участие в процессе сбора разведывательной информации, тогда как четыре годами ранее они столь же единодушно отвергали все настоятельные попытки привлечь их к этой деятельности. При всей своей внешней парадоксальности данный факт объясняется довольно просто. К концу первого десятилетия нового века в Европе начало ощущаться приближение большой войны, в преддверии которой дипломаты почувствовали серьезную нехватку информации и осознали необходимость наличия специального инструмента для ее добывания.

ССБ просуществовало всего год, однако его создание явилось заметным этапом в развитии британских спецслужб и провозвестником начала подготовки разведки и контрраз-

ведки к предстоящей войне. Бюро выполнило свою задачу мобилизации оперативных сил и средств и ушло в историю, став родоначальником внутренней и внешней секретных служб Великобритании на следующем витке их развития.

После роспуска ССБ оперативные органы Великобритании претерпели очередное серьезное изменение. После получения Директоратом военной разведки самостоятельности его секции стали обозначаться аббревиатурой “МИ”. “Секретная разведывательная служба” именовалась МИ-1(ц), поскольку в структурном отношении представляла собой всего лишь Иностранную подсекцию секции МИ-1. В свою очередь, МИ-1 носила скромное название Секции секретариата и ведала не только агентурной разведкой, но также и прозаическими административными и канцелярскими делами всего Директората, для чего в ее составе имела подсекция МИ-1(а). К делам разведки были причастны подсекции:

- МИ-1(б) — координация работы различных ветвей секретной службы, перехваты и дешифровка переписки противника;
- МИ-1(ц) — политическая разведка;
- МИ-1(д) — составление сводок и иных информационных документов разведки.

Секция МИ-2 отвечала за традиционную, то есть не агентурную военную разведку и делилась на три подсекции:

- МИ-2(а) — Испания, Португалия, Италия, Балканы, США, Центральная и Южная Америка;
- МИ-2(б) — Российская империя и Скандинавия;
- МИ-2(ц) — Германия, Австро-Венгрия, Швейцария, Голландия и Люксембург.

МИ-3 занималась теми же вопросами, что и МИ-2, но по странам Азии.

Внешней агентурной разведкой ведала упомянутая подсекция политической разведки МИ-1(ц). Она первоначально состояла из политического, военного и военно-морского секторов, к которым после войны добавился и авиационный. С 1917 года СИС стала руководить пеленгацией радиоустановок противника и перехватами его сообщений, остальные задачи были возложены на нее и привели к созданию новых структурных единиц позднее. Известное обозначение МИ-6 было введено в употребление лишь в начале Второй мировой войны (хотя изредка использовалось еще в 1930-е годы), однако чаще политическую разведку именовали Секретной разведывательной службой (СИС), что породило много путаницы в понятиях. Настал период неясности с ее подчиненностью. МИ-1(ц) замыкалась на начальника генерального штаба, то есть являлась подразделением военного министерства, но потребителем информации СИС и соответственно основным ее “работодателем” было министерство иностранных дел. Однако наибольшее влияние на разведку в этот период организационной неопределенности имело Адмиралтейство. Дело в том, что в предвоенный и военный период основным органом внешней разведки Великобритании являлось НИД. Морская разведка имела давние традиции, развитую инфраструктуру и разветвленный агентурный аппарат, возглавляемый на местах так называемыми “представителями директора морской разведки”, то есть резидентами. СИС играла при ней роль своего рода младшего партнера, однако с 1915 года она совершенно определенно вновь стала военной структурой.

МИ-1(ц) возглавлял Мэнсфид Джордж Смит-Камминг, отставной военный моряк, потерявший ногу в автомобильной катастрофе во Франции. Многие источники именуют его просто Каммингом, и это отчасти верно. Дело в том, что первоначально будущего директора СИС звали Смитом, но в 1889 году не имевший внуков мужского пола дед его жены, богатый шотландский землевладелец Камминг, пожелал, чтобы его фамилия не умерла вместе с ним. Он поставил это условием упоминания внучки в завещании, поэтому Смит вначале неофициально, а с 1917 года и официально стал Смит-Каммингом. Исполнение желания шотландца превзошло самые смелые ожидания. После присвоения руководителю СИС рыцарского звания его собственная первоначальная фамилия была опущена как неаристократическая, и теперь он именовался сэром Мэнсфидом Каммингом.

Мэнсфид Камминг

Шефа МИ-1(ц) неофициально называли “Си” по первой букве его фамилии и слова “Chief”, которой он подписывал документы. Это стало традицией, и все его преемники использовали именно это сокращение. Общавшиеся с первым “Си” люди свидетельствовали, что более эксцентричного человека они в своей жизни не встречали. Он носил монокль в золотой оправе, писал только не поддающимися перефотографированию зелеными чернилами и передвигался по коридорам службы на детском самокате, стоя на протеезе и отталкиваясь от пола здоровой ногой. Камминг любил повергать в шок неосведомленных о его увлечении посетителей, втыкая сквозь брюки в свой деревянный протез нож для разрезания бумаг. В предвоенный период он лично вербовал агентов и разъезжал по Европе для проведения с ними конспиративных встреч, и, памятуя об этом романтическом периоде, соответственно вел себя сам и аналогичным образом руководил своей службой. Начальник разведки полагал разведывательные операции чем-то вроде увлекательнейшей игры для взрослых джентльменов и хвастался тем, что во все поездки брал с собой трость со спрятанным внутри клинком. Ему действительно пришлось выполнять задания “в поле”, что, казалось бы, не приличествует начальнику разведки. Со времен Джеймса Эдмондса вопросы укомплектованности МИ-1(ц) кадрами решались крайне медленно, и Камминг в течение целого года лично ездил по различным странам, где не только вербовал агентов, но и собирал их сообщения. Его занятость несколько уменьшилась лишь после появления в штате разведки заместителя начальника, офицера резерва ВМС, работавшего по совместительству и в МИ-1(ц), и в министерстве внутренних дел. Впоследствии этот человек стал первым британским резидентом в Брюсселе. Но и позднее, когда разведка уже превратилась во вполне уважаемое и многочисленное ведомство, Камминг не изменил прежним привычкам. Войти в его кабинет можно было только после нажатия секретарем скрытой кнопки, затем начальник разведки включал механизм, отодвигавший часть стены и открывавший потайной лестничный проем. Сам секретарь мог попасть в кабинет шефа только через люк в полу. Атмосфера таинственности, нагнетаемая этим “последним романтиком разведки”, передавалась всей службе и немало мешала в будничной повседневной работе. Камминг сумел оставить своему преемнику завоеванные в “коридорах власти” неплохие позиции, главными из которых являлись большая, чем за год до этого, автономность разведки в составе МИД, ее отдельный бюджет и сохранение многих зарубежных “станций” (резидентур).

Перед Первой мировой войной спектр интересов различных потребителей разведывательной информации был крайне неоднороден. Военное министерство нуждалось в получении достоверных сведений о возможной дате начала войны, на фоне которых все остальные вопросы выглядели в лучшем случае второстепенными. Зато намного более “приземленно” Адмиралтейству требовался доступ к германским морским технологиям, сведения о возможностях верфей потенциального противника и состоянии дел по постройке на них кораблей, в первую очередь dreadnoughtов. Скромный бюджет разведки никак не позволял финансировать выполнение двух столь несхожих ключевых задач. Правда, положение несколько облегчалось предвоенным нежеланием Форин офис отдать в чужие руки политическую разведку, так что хотя бы о ней можно было не беспокоиться. Однако в условиях хронической нехватки у МИ-1(ц) сил и средств это являлось слабым утешением.

Все изменилось с началом боевых действий. В начальный период войны организационную схему военной разведки принципиально скорректировали. Уже в августе 1914 года была распущена секция МО-6, функции, силы и средства которой перешли к санитарному управлению армии. Вновь созданная секция МО-7 отвечала за военную цензуру и контроль над средствами связи. В 1915 году секция МО-6 была организована вновь, однако теперь к ее компетенции относились работа с вражескими шифрами и составление информационных документов по дешифрованным материалам. В том же году цензорские функции были сосредоточены по новым секциям МО-8 (телеграфная переписка) и МО-9 (почтовая цензура), а все имевшие отношение к контрразведке подразделения (от МО-5 до МО-9) вошли в Особое разведывательное бюро (управление). В послевоенном историческом отчете секции “Ф” Службы безопасности этот шаг объяснялся следующим образом: “Работа и, следовательно, организация такого бюро естественным образом была разделена на два главных направления: (1) расследование отдельных случаев, повлекших за собой определенные подозрения в шпионаже, и (2) создание правовой и административной организационной структуры, рассчитанной на препятствование и, по возможности, на пресечение подобных попыток в целом и на будущее”⁶.

Боевая обстановка вскоре выявила нецелесообразность объединения разведки в одном директорате с органами военного планирования, и в декабре 1915 года она обрела самостоятельность вновь, на этот раз до 1922 года. Ответственность ДМО и ДМИ была разделена, причем первый принял на себя некоторую часть разведывательных задач. Директорат военных операций занимался планированием военных операций и собирал информацию о вооруженных силах союзников, тогда как Директорат военной разведки изучал все остальные государства, среди которых различал категории противников, возможных союзников и нейтралов. Не вполне традиционным шагом явилось выведение за штат разведки военных атташе. ДМИ не руководил ими, а лишь взаимодействовал, зато отвечал за картографию, изучение экономического положения и истории зарубежных стран, а до 1940 года и за военную цензуру. Штаб-квартира директората располагалась в Лондоне, однако группы ее офицеров обязательно были прикомандированы к заморским миссиям Британии и командованиям войск.

Начальный период войны ознаменовался увеличением штата разведки и созданием нового института руководителей миссий СИС по различным театрам военных действий. Это было ярким признаком процесса децентрализации службы и делегирования ряда полномочий представителям на ТВД, имевшим значительную оперативную самостоятельность и немалую численность подчиненного персонала. Самая компактная из всех миссий, лондонская, состояла из четырех офицеров, четырех делопроизводителей, двух машинисток и двух вспомогательных сотрудников. Типичная точка в Роттердаме была заметно крупнее и имела собственную внутреннюю структуру: военную, военно-морскую и финансовую секции. Иначе строились более крупные органы СИС на Ближнем Востоке. Размещавшаяся в Афинах Эгейская разведывательная служба (АИС) и александрийское (с 1917 года — каирское) ЕМСИБ — Особое разведывательное бюро по Восточному Средиземноморью действовали как неотъемлемый элемент аппарата главнокомандующего на ТВД и располагали сетью резидентур, а также иерархическим центральным аппаратом, типовая структура которого предусматривала наличие ряда структурных подразделений.

Существенным изъяном в доктрине СИС в рассматриваемый период являлось пренебрежение вопросами внешней контрразведки. Бывший военный моряк Камминг желал иметь как можно меньше общего с этим нереспектабельным, по его мнению, занятием, и видел задачу подчиненной службы в сборе информации, а не в борьбе с агентурой противника. Однако логика работы заставляла СИС уделять все большее внимание линии контрразведки, и она вначале стихийно, а впоследствии и вполне организованно развилась до серьезных масштабов. В аппарате МИ-1(ц) появилось Центральное бюро, задачей которого являлась обработка и систематизация получаемой от заграничек контрразведывательной информации. Впоследствии оно стало Центральной картотекой.

Помимо СИС, в рассматриваемый период времени агентурную разведку вели также две специально созданные Разведывательные группы генерального штаба и НИД. Однако их интересы не пересекались, поскольку военные действовали на тактическом уровне (по британской терминологии, что соответствует оперативному уровню по отечественной терминологии), а МИ-1(ц) занималась стратегической разведкой. Разведка Адмиралтейства и вовсе никоим образом не мешала СИС, отношения между ними были самыми тесными, и координация действий обоих разведорганов могла служить образцом взаимопонимания.

На Февральскую революцию 1917 года в Российской империи военная разведка отреагировала немедленно. Из-за оправданных опасений в верности восточной союзницы задачу сбора информации по России передали из МИ-2(ц) в МИ-3. Одновременно она стала заниматься и делами Дальнего Востока. Секция безопасности МИ-5 приняла на себя не только дела реорганизованной в 1916 году своей предшественницы МО-5, но и иные контрразведывательные задачи, ранее решавшиеся МИ-1(б). Секция МИ-6 занималась оперативным изучением торговой политики иностранных государств, поставок оружия, а также вопросами международного права. Кроме того, в спектр ее задач по-прежнему входила работа с шифрами и кодами и контроль над подводными телеграфными кабелями. МИ-7 ведала прессой и специальной пропагандой, а также руководила Бюро военных переводчиков. В функции МИ-8 входила цензура телеграмм, радиogramм и проверка внешнеторговых контрактов, МИ-9 осуществляла ведение почтовой цензуры. В Директорате военной разведки появилась секция МИ-10, отвечавшая за контакты с иностранными военными атташе и военными миссиями. Последнее в рассматриваемом периоде изменение структуры произошло в нояб-

ре 1918 года. Британия начала концентрировать усилия своей разведки на России, и новая секция разведки МИ-Р специализировалась на Европейской и Азиатской России, Кавказе и Дальнем Востоке. С такой структурой ДМИ вошел в мирный период своей истории.

В 1918 году в Британии появилось министерство авиации с Директоратом воздушной разведки (АИ), через два года объединенным с Директоратом операций. Это подразделение ведало аэрофотосъемкой, изучением деятельности и состояния иностранных военно-воздушных сил, их авиационной техники, вооружения, запасов топлива, а также составлением перечня перспективных объектов для стратегических бомбардировок, насколько таковые были тогда технически осуществимы. Правда, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что до 1925 года разведка ВВС АИ-1(ц) существовала практически номинально.

Если для военной и морской разведок два последних года войны были периодом относительно устоявшейся доктрины их деятельности, то с СИС все обстояло совершенно иначе. Ее статус и задачи все еще не устоялись и нуждались в уточнении, чем и занялся будущий директор ДМИ Уильям Дж. Мак-Донах. 22 октября 1917 года в военном министерстве состоялось совещание, на котором сам Камминг хотя и присутствовал, но слова так и не получил. Обсуждались предложения по перестройке работы стратегической агентурной разведки, направленные в первую очередь на повышение ответственности СИС перед военным министерством и в особенности перед его разведывательным директоратом. Докладчик резко раскритиковал существующую схему управления СИС и потребовал пересмотреть ее организационную структуру с тем, чтобы ДМИ легко мог контролировать ее работу с агентами. Мак-Донах назвал и отдельные перспективы предлагаемой реорганизации, предложив ввести в СИС представителей военного министерства, Адмиралтейства и Форин офис для создания подобия организационного комитета под председательством Камминга. 29 ноября 1917 года руководитель МИ-1(ц) получил официальное указание о пересмотре организационной структуры разведки и создании в ней функциональных подразделений. Такой шаг действительно повышал “прозрачность” СИС для перечисленных ведомств и в этом отношении был весьма неоднозначен. Тем не менее, Камминг не протестовал против него, то ли в силу пораженческого настроения, то ли в силу согласия с предложенной концепцией. Уже в декабре центральный аппарат разведки стал представлять собой ряд функциональных подразделений:

- Центральное бюро;
- политическая секция;
- военно-морская секция;
- экономическая секция;
- секция кадров;
- секция прикрытия;
- секция секретной техники;
- секция связи;
- секция внешних связей;
- секция планирования побегов.

Периферийный аппарат разведки был представлен “иностранными бюро” — резидентурами, которые позднее стали именоваться “станциями”. Реорганизация на этом не остановилась. Как уже указывалось, в перспективе к работе СИС должен был подключиться Форин офис, что и произошло в марте 1918 года. Специально для работы по линии дипломатической разведки Камминг создал в составе СИС Разведывательное бюро, в штат которого включили офицера связи с Форин офис Уильяма Тиррела. После этого аббревиатура МИ-1(ц) была передана подразделению разведки военного министерства, ответственному за связь с СИС.

Реорганизация 1917 — 1918 года зачастую ускользает от внимания исследователей истории британской разведки, обращающих значительно большее внимание на позднейшую реформу 1921 года. Однако именно идеи Мак-Донаха дали действительно серьезный толчок к реорганизации СИС в соответствии с требованиями послевоенного мира и действовали в течение последующих десятилетий.

Завершая краткий обзор системы британской разведки до 1918 года, следует отметить непредсказуемый поворот вектора ее значимости в последующие годы. Создавшие своего рода ширму для прикрытия собственной деятельности военное министерство и Адмирал-

тейство вскоре обнаружат, что приоритеты поменялись, и что в сфере внешних операций СИС постепенно перехватила их, казалось бы, неизбежное лидерство. Если бы руководители видов вооруженных сил были хотя бы немного более дальновидны, они никогда не допустили бы этого, но стремление обоих ведомств избежать “грязной” работы привело их к вполне предсказуемому результату.

2. РАЗВЕДКА

Существовавшая после Первой мировой войны общая концепция сбора информации для правительства основную роль в этом процессе отводила дипломатам, на разведку же возлагалось лишь добывание недоступных для открытого изучения материалов. Отсюда вытекал уже упомянутый принцип “третьей страны”, то есть категорический запрет на проведение резидентурами оперативных мероприятий против страны своего пребывания. Во избежание риска компрометации дипломатов, предоставление разведчикам дипломатического прикрытия исключалось, что создавало для работы СИС практически непреодолимые препятствия. Однако Камминг сумел разрешить это, казалось бы, тупиковое противоречие и предложил компромиссный вариант, использовавшийся в дальнейшем еще десятки лет. В составе Форин офис было образовано Управление паспортного контроля (ПКД), которому, в свою очередь, подчинялись открытые в странах мира соответствующие бюро (ПКО). Сотрудники ПКД не имели дипломатического статуса, но считались персоналом МИД, для них даже были установлены специфические ранги, дававшие возможность карьерного продвижения:

- старший паспортный офицер;
- офицер паспортного контроля;
- помощник офицера паспортного контроля;
- контролер;
- технические работники (клерки, переводчики, секретари и письмоводители).

На все эти должности назначались разведчики, официально переводившиеся на службу в ПКД. Следует отметить, что Камминг во многом обманулся в своих ожиданиях, поскольку Форин офис отказался рассматривать систему паспортного контроля как нечто совершенно ему не подчиненное. МИД активно вмешивался в вопросы открытия и закрытия бюро, перемещения сотрудников-разведчиков и создавал этим немало проблем для их основной работы. Кроме того, функции ПКО по прикрытию отнюдь не являлись синекурой. На офицеров возлагались конкретные и весьма трудоемкие обязанности по работе с паспортами и визами, выполнение которых нередко полностью поглощало их время и не оставляло возможности заняться оперативной деятельностью. Зато консульские и прочие сборы частично оставались в распоряжении бюро паспортного контроля и тем самым отчасти сглаживали вечную остроту финансового вопроса. Однако в дальнейшем в ряде случаев это привело к серьезным злоупотреблениям, а однажды, в 1938 году, подобные действия одного из резидентов в конечном итоге привели к крушению всей системы британской разведки на севере континентальной Европы.

Важным годом в истории СИС стал 1919. В этот период кабинет министров и парламент решили пересмотреть ряд сфер государственного управления, в том числе спецслужбы, и приспособить их к изменившимся нуждам мирного времени. В правительстве был образован первый Комитет по секретным службам, одной из официально сформулированных главных задач которого являлась защита интересов разведывательных органов видов вооруженных сил, то есть армии, флота и авиации. С этой целью было принято решение образовать в составе СИС соответствующие секции, равно как и секции, отвечающие за направление дипломатии и экономической войны. Собственно, эта концепция была не нова и просто в несколько измененном виде повторяла частично реализованные в 1917 и 1918 годах идеи Мак-Донаха. Их окончательной реализации помешала обстановка военного времени и нежелание командующих британскими войсками на различных ТВД выпускать из своих рук контроль над агентурной разведкой, но теперь ситуация изменилась. Существенным фактором стало направление на службу в СИС офицеров из трех силовых министерств, которые в определенной степени являлись гарантом внимательного отношения разведки к нуждам армии, авиации и флота. Эта победа военных обернулась их существенным поражением на

другом фронте, поскольку ДМИ, НИД и АИ были окончательно лишены права на ведение агентурной разведки. Они несколько отыгрались на другом и получили право поочередно назначать из своей среды каждого нового начальника разведки.

Однако пока у руля СИС продолжал стоять Камминг, и именно ему было суждено завершить начатую в конце войны реорганизацию. Отныне структура центрального аппарата разведки должна была включать: оперативные и так называемые “циркуляционные” секции, отвечавшие за рассылку добытой информации. К числу первых относились подразделения, ведающие внешней контрразведкой, кадрами и финансами, к числу вторых — все остальные. Министерства видов вооруженных сил создали в своих разведывательных органах секции связи с СИС, зеркально повторяющие ее структуру в части, их касающейся (правда, министерство авиации задержалось с этим до самого конца 1920-х годов). Возможно, именно по этой причине ряд исследователей утверждает, что военная, авиационная и военно-морская секции СИС фактически не принадлежали ей, а являлись подразделениями разведорганов армии, авиации и флота. В отсутствие документальных подтверждений принять эту точку зрения трудно. Наконец и дипломаты полностью согласились с использованием агентуры для обслуживания их нужд и после отмены в 1917 году запрета СИС на ведение политической разведки, наоборот, настаивали на включении их в систему контроля над ней. В военном министерстве секция связи с разведкой состояла из трех офицеров, одним из которых являлся будущий руководитель СИС Стюарт Грэхем Мензис. Секция связи с СИС в разведке Адмиралтейства именовалась НИД-3 и возглавлялась капитаном 1-го ранга Сомервиллем. Экономическая секция СИС ранее работала в тесном контакте с Секцией экономической разведки кабинета министров. Эта малоизвестная структура еще со времен войны собирала информацию из открытых источников в содружестве с Отделением разведки мировой торговли, впоследствии переформированным в министерство блокады. С окончанием боевых действий все упомянутые органы кабинета министров прекратили свое существование, но образовавшийся после них вакуум просуществовал относительно недолго. Задачи связи с СИС в области экономической разведки принял на себя Департамент заморской торговли кабинета министров, однако правительство на этом не успокоилось. Изменения наступили в 1930 году. Некоторые исследователи считают создание Центра промышленной разведки (ИИЦ) во главе с майором Десмондом Муртоном, наделенным правом прямого доклада главе кабинета, элементом рутинного процесса, другие же полагают, что он возник по причине того, что премьер-министр Рамсей Макдональд отчаялся добиться принципиального улучшения СИС и пошел по параллельному пути. В любом случае, официальное сообщение об этом появилось лишь в 1937 году. Центр являлся структурным подразделением Комитета имперской обороны и должен был вести только информационно-аналитическую работу на основании открытых источников информации: статистических справочников, официальных отчетов и тому подобного. В итоге планировалось создать гигантский банк данных относительно ввоза, вывоза, собственной добычи и производства важнейших видов стратегического сырья по всему миру, дававших возможность прогнозировать намерения и перспективы государств в военной области. Оперативная работа в задачи ИИЦ не входила. В рассматриваемые времена аналитические подразделения еще не получили того развития, которого они достигли позднее, что являлось слабым местом любой, а не только британской спецслужбы. Следует, правда, отметить, что сама концепция разведывательной деятельности в Соединенном Королевстве изначально предполагала проведение информационно-аналитической работы не в добывающем разведанные ведомстве, а у их потребителей, что сразу же исключало из этого процесса СИС. На первый взгляд, исключение составляла внешняя контрразведка, но поскольку спецслужба сама являлась потребителем этой информации, то и это прекрасно вписывалось в общую концепцию. Поэтому идея Макдональда оказалась передовой и здоровой, в особенности для Британии, но не принесла результатов, которых могла бы достичь, исключительно по кадровым причинам. Центр промышленной разведки был укомплектован в основном неспособными к восприятию новых методов выходцами из СИС, и ожидаемого прорыва в обработке информации не произошло. Представляют интерес взаимоотношения ИИЦ с пребывавшим в оппозиции Уинстоном Черчиллем. Муртон был его близким другом и крайне огорчился, когда тот в своих парламентских выступлениях опирался на непроверенные данные. Учитывая роль Черчилля в Палате общин, его ошибки могли обойтись Великобритании весьма дорого, поэтому руководитель ИИЦ добился у премьер-министра специального разрешения доводить секретную информацию до сведения не находящегося

на государственной службе оппозиционера. Последующие премьеры Болдуин и Чемберлен продолжили эту практику, в результате которой Черчилль познакомился с деталями работы разведки и приобрел к ним непреходящий интерес.

Возвращаясь к СИС, следует отметить некоторое своеобразие ее организационной структуры в период 1923 — 1924 годов. Руководителю разведки (кодовое обозначение С/SS) подчинялись два типа подразделений центрального аппарата. Первый из них, обозначавшийся латинской литерой “С”, представляли экономическая, военная, военно-морская, позднее политическая и авиационная секции, ответственные за постановку разведывательных задач оперативным подразделениям и за связь с соответствующими министерствами. К второму типу относились оперативные функциональные секции “Н” (перехват и перлюстрация дипломатической почты иностранных государств), секция Коминтерна и Центральная картотека, а также географические группы “G”;

- балтийская с резидентурами в Латвии, Литве, Эстонии и Финляндии;
- скандинавская с резидентурами в Дании, Швеции, Норвегии и Польше;
- германская с резидентурами в Германии, Нидерландах, Бельгии и Рейнской области;
- швейцарская с резидентурами в Швейцарии, Франции, Италии, Испании и Португалии;
- центрально-европейская с резидентурами в Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии, Болгарии, Югославии и Румынии;
- дальневосточная с резидентурами во Владивостоке, Харбине, Шанхае, Гонконге, Токио и Ванкувере;
- ближневосточная с резидентурами в Турции, Египте, Греции Палестине и на юге бывшей Российской империи;
- бюро в Нью-Йорке на правах отдельной группы.

В 1932 году группы “G” получили права секций, а их количество постоянно варьировалось, но чаще всего равнялось четырем. К приведенному списку подчиненных им “станций” СИС следует относиться с большой осторожностью. Часть из них состояли из одного-двух человек и влачили жалкое существование, другие числились только в перспективных планах развития, многие постепенно закрывались. Начало 1920-х годов СИС вообще переживала крайне тяжело. 14 июля 1923 года в возрасте 62 лет в разгар споров о подчиненности Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) умер Мэнсфилд Камминг, занимавший пост руководителя разведки в течение 12 лет. В соответствии с упомянутой договоренностью о ротации кадров, теоретически СИС должен был возглавить отнюдь не моряк, а армейский или авиационный офицер. Однако новым “Си” стал бывший директор разведки Адмиралтейства адмирал Хью Синклер, поскольку считалось, что только он был в состоянии обеспечить одновременное руководство и СИС, и ПШКШ. Адмирал немало сделал для повышения роли и авторитета разведки в этот период застоя. После блестящего и романтического Камминга СИС нуждалась в более приземленном руководителе, способном избавить ее от дилетантства и вывести на уровень профессиональной, жестко управляемой организации, своего рода предприятия в системе государственного управления. Нельзя сказать, что это удалось Синклеру в полной мере, но все же он сумел создать из СИС постоянно действующую спецслужбу с формальной организационной структурой, жестким администрированием и тщательно контролируруемыми расходами. При нем также начали относительно регулярно вскрываться вализы с дипломатической почтой иностранных государств, он решил создание параллельной сети нелегальных резидентур “Z” и всемерно способствовал улучшению технического оснащения разведки, в том числе аппаратурой для агентурной радиосвязи. Именно Синклер обратил пристальное внимание на внешнюю контрразведку, которую упорно старался игнорировать его предшественник.

Адмирал принял руководство СИС в весьма сложный период. На первых порах он жаловался, что весь бюджет его ведомства не превышает стоимости годового содержания эскадренного миноносца в своих водах, и недоумевал, чего можно ожидать от столь слабо финансируемой спецслужбы. Парламент, однако, не вполне понимал остроту ситуации и существенно урезал бюджеты всех без исключения секретных ведомств, после чего с учетом падения реальной стоимости фунта стерлингов расходы на их содержание стали даже меньшими, чем во времена руководителя кромвелевской разведки Джона Терло. В 1922 году СИС вместе с выделенной криптографической службой была официально изъята из ведения

военного министерства и переподчинена дипломатическому ведомству, после чего со следующего года Синклера в закрытой служебной переписке именовали уже “руководителем секретной службы и директором ПШКШ”. Криптографы оказались под началом разведчиков, хотя их штаты и организация по-прежнему оставались в значительной степени независимыми. Из-за нехватки средств прекратились операции на юге Европы и на Дальнем Востоке, дело дошло до полного упразднения секции политической разведки. Но денег все равно не хватало, и от этого в первую очередь страдали разработка и снабжение оперативной техникой и средствами связи. Прекрасно развившуюся за годы войны инфраструктуру частично свернули, частично законсервировали. До сокращения штатов СИС располагала “станциями” в Афинах, Бейруте, Берлине, Берне, Брюсселе, Бухаресте, Буэнос-Айресе, Варшаве, Вене, Владивостоке, Копенгагене, Лиссабоне, Париже, Праге, Ревеле, Риге, Роттердаме, Софии, Стокгольме, Токио и Хельсинки, теперь же сохранялись лишь “легальные” резидентуры, традиционно находившиеся под прикрытием бюро паспортного контроля посольств. Планировавшееся в 1923 году урезание финансирования системы ПКО вынудило бы закрыть все резидентуры в Западной Европе, за исключением Парижа, Брюсселя и Антверпена. Против этого незадолго до своей смерти резко выступил Камминг. Он сумел доказать, что помимо удара по агентурным операциям, послабление визовой системы приведет к притоку на территорию Великобритании множества нежелательных иностранцев, в том числе и прибывающих с подрывными целями. Аргументация возымела действие, и в итоге сокращение финансирования оказалось не столь существенным, как планировалось вначале. Теперь закрывались лишь резидентуры в Цюрихе, Мадриде, Лиссабоне и Люксембурге, правда, штатная численность оставшихся существенно уменьшалась. СИС начала сворачивать агентурные сети в Берлине, Гамбурге и во всех пограничных с Германией государствах, за исключением самой крупной из них, находившейся в Голландии и ежегодно обходившейся в изыскиваемые с большим трудом 30 тысяч фунтов. В 1920 — 1921 финансовом году СИС стоила британским налогоплательщикам 89821 фунт 14 шиллингов и 11 пенсов⁷ (для сравнения, в 1918 году — 240000 фунтов), а в дальнейшем даже эта мизерная сумма неуклонно уменьшалась. Для сокращения расходов непосредственное руководство всеми “полевыми” операциями в Европе было возложено на так называемую Континентальную секретную службу, штаб-квартира которой вплоть до аншлюса Австрии находилась в Вене. Из-за отсутствия средств открытие “станций” СИС в Москве осталось недостижимой мечтой Синклера, как и его предшественника Камминга. Увеличение бюджетных ассигнований началось только с 1936 года, а пока лучшее разведывательное сообщество начала столетия ожидали трудные времена. Даже после роста финансирования к 1927 — 1928 годам правительство тратило на все ветви секретных служб всего 180 тысяч фунтов в год⁸. Эффективность работы СИС опустилась почти до нуля, и в 1925 году лейбористская фракция парламента серьезно рассматривала вопрос о ее ликвидации и рассекречивании всех дел. В то же время МИ-5 признавалась важной и необходимой организацией, особенно после того, как она сумела внедрить агента в руководство британской коммунистической партии.

Следует отметить дальновидность Синклера, вовремя успевшего распознать перспективность контрразведывательной работы не только для выполнения разведывательных задач, но и для укрепления позиции СИС в коридорах власти. Он успел поставить перед своей службой соответствующие задачи до того, как описанный далее скандал с “письмами Зиновьева” спровоцировал очередной созыв Комитета по секретным службам под председательством постоянного заместителя министра финансов Уоррена Фишера и с участием Эйре Кроуви и Мориса Хэнки. Перед комитетом предстали сам Синклер, генеральный директор МИ-5 Вернон Келл и его заместитель Эрик Холт-Уилсон, а также руководители и ответственные работники Индийской политической разведки, Особого отдела Скотланд-Ярда, директоры военной и военно-морской разведок, а также руководитель авиационной разведки. “Си” попытался воспользоваться сложившейся расстановкой сил и поглотить остальные оперативные органы Британии, за исключением военных разведывательных служб. Как известно, данная попытка не увенчалась успехом, и взамен этого Синклер решил не отстать от общей тенденции и создал в составе своей службы небольшую секцию по противодействию нелегальной деятельности Коммунистического Интернационала за рубежом. По некоторым данным, ее первым начальником был Мортон. Первоначально к сфере деятельности секции Коминтерна относились исключительно зарубежные территории, но это искусственное ограничение на корню изначально исключало возможность эффективного функционирования.

Вскоре ее сотрудники начали активно работать внутри страны, в том числе проникали в структуры компартии Великобритании, что также оказалось не вполне удачным решением. Статусу и задачам разведки это явно не соответствовало, сил и квалификации у работников секции не хватало, и СИС начала плотно координировать свою работу с Департаментом внутренней разведки и МИ-5. Эти контакты осуществлялись без ведома руководителей разведывательных служб армии и флота, что являлось серьезным нарушением. В процессе взаимодействия разведки с органами внутренней безопасности возникало немало конфликтов, что в конечном итоге вызвало необходимость созыва очередного Комитета по секретным службам. В 1931 году он окончательно запретил разведке проводить операции на территории империи, после чего секция Коминтерна под кодовым обозначением “М” была передана в МИ-5.

3. КРИПТОАНАЛИЗ

Британские криптоаналитики заслуженно пользовались высокой репутацией в узких кругах лиц, знакомых с этой сферой деятельности. В итоге Первой мировой войны их мастерство возросло еще более, но одновременно изменившаяся обстановка показала, что, как и в агентурной разведке, время талантливых одиночек прошло безвозвратно. Изолированные криптосистемы основных потенциальных противников могли поддаваться только совместным усилиям десятков специалистов. Опыт войны показал необходимость сведения воедино криптографических подразделений военного министерства и Адмиралтейства, однако правительство решило взглянуть на проблему шире. В 1919 году в кабинете министров был создан очередной Комитет по секретным службам, в задачу которого входил пересмотр всей послевоенной концепции их использования. Назначение его председателем Фишера наглядно продемонстрировало решимость всемерно сократить расходы на функционирование оперативных служб. Эксперты проделали большую предварительную работу, опросив представителей различных разведывательных и контрразведывательных органов, среди которых были директор военной разведки Джордж Кокерилл, директор Индийской политической разведки Сесил Кей, преемник Реджинальда Холла на посту руководителя морской разведки Хью Синклер, генеральный директор МИ-5 Вернон Келл и руководитель СИС Мэнсфилд Камминг. В результате Комитет решил всемерно ограничить претензии военной и морской разведок на ведение агентурно-оперативной работы и попытался логически разделить разведывательные обязанности между различными ведомствами. Вопросы внутренней безопасности государства стали компетенцией Секретной службы, которая должна была обеспечивать ее в тесном контакте с администрацией колоний и Департаментом внутренней разведки. СИС передавалась под контроль министерства иностранных дел, но руководство ее оперативной работой временно сохранялось за Адмиралтейством. В сфере радиоразведки и криптографии Комитет по секретным службам положил конец ведомственной разобщенности, при которой эта работа осуществлялась частично морской разведкой, частично военными, а также отделом связи Форин офис. Моряки представили наиболее весомые аргументы в пользу возложения на них обязанностей по всей криптографической деятельности, поскольку к 1919 году НИД успешно читало телеграфную переписку греков, итальянцев, испанцев, шведов, датчан, норвежцев и собиралось приступить к вскрытию французских шифров и кодов. Представитель Форин офис резонно настаивал на том, что в мирное время наибольшее значение будут иметь не военные, а дипломатические секреты, и поэтому предложил подчинить создаваемую единую структуру своему ведомству, но в тот момент к его мнению не прислушались. 24 октября Комитет по секретным службам принял компромиссное решение о создании Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) для изучения иностранных методов закрытой связи и разработки собственных надежных шифрсистем. Новый орган должен был представлять интересы всех ведомств, но административно подчиняться Адмиралтейству. В момент создания служба насчитывала 25 офицеров и 28 вспомогательных сотрудников⁹, однако ввиду отсутствия средств на их содержание они проходили по штатам иных ведомств. Министерство финансов одобрило решение комитета лишь 18 марта 1920 года, утвердив бюджет ПШКШ в размере 21217 фунтов, что позволило довести штат младших служащих до 46 человек¹⁰. Все сотрудники были переведены из СИС и из расформированной после войны “комнаты 40” — шифровальной группы разведки Ад-

миралтейства НИД-25. ПШКШ руководил шотландец, получивший образование в Бонне и Сорбонне, профессор немецкого языка из Оксфорда, капитан 3-го ранга Элистер (по документам Александр) Деннистон.

Элистер Деннистон

Русский отдел возглавлял бывший ведущий криптограф Российской империи Эрнст (“Феликс”) Феттерлейн, в подчинении которого работали еще три сотрудницы, также эмигрантки из России. Служба являлась одновременно и школой, где изучались теория и мировая практика криптографии, и центром радиоразведки, а ее официальные задачи были определены как:

- составление и издание кодов и шифров для британских правительственных департаментов;
- исследование криптографической стойкости всех действовавших правительственных кодов и шифров с учетом простоты в употреблении и вопросов экономии;
- поддержание связи по криптографическим вопросам с правительственными департаментами и консультирование их по использованию кодов и шифров;
- обучение возможно большего числа офицеров работе с кодами и шифрами;
- издание учебников и инструкций по перечисленным вопросам.

Дешифровальная работа в список декларируемых задач ПШКШ не вошла, поскольку являлась слишком секретной для упоминания даже в закрытых документах. Для обеспечения доступа к исходным текстам иностранной переписки были приняты особые меры. Одновременно с учреждением центрального криптографического органа парламент включил в четвертый раздел “Закона о государственной тайне” 1920 года специальную оговорку, обязывавшую все действовавшие на территории Британии международные телеграфные компании направлять представителю правительственных ведомств копии всех принятых и отправленных телеграмм не позднее 10 дней после их прохождения. Таким образом негласно возобновлялась цензура телеграфной переписки, теоретически прекращенная после окончания войны. Продолжали работу цензорские пункты на Бермудских островах, Мальте и в Гонконге. Сложнее обстояло дело с доступом к радиообмену. Созданный в 1924 году Комитет по криптографии и перехвату, в котором принимали участие представители ПШКШ и видов вооруженных сил, провел восемь заседаний, после чего в 1928 году его преобразовали в Комитет по координации перехвата, более известный как “Комитет Y”. Эта весьма засекреченная и авторитетная структура была призвана упорядочить организацию перехватов, выполнявшихся различными ведомствами. Первоначально комитет возглавлял генерал Сесил Ромер, а позднее адмирал Хью Синклер. В нем явно доминировали военные, поэтому в вопросах получения исходных текстов радиogramм ПШКШ полностью зависела от армии. Криптоаналитиков в течение долгого времени рассматривали не как радиоразведчиков, а как исследователей, подлежащих в военное время мобилизации для работы в интересах вооруженных сил, поэтому в 1920-х годах в Правительственную школу кодов и шифров направляли далеко не самых первоклассных специалистов. С другой стороны, в период с 1919 по 1939 годы ПШКШ проявляла крайне мало интереса к радиogramмам и ограничивалась в основном телеграфной перепиской расположенных на территории Великобритании иностранных представительств. Все остальные вопросы оставались прерогативой военных. Например, армия активно вела радиоразведку территории СССР с поста, расположенного в Абботабаде около индийского города Равалпинди. Продолжали действовать созданные еще в период Первой мировой войны Группы радионаблюдения (В.О.Г.).

В соответствии с рекомендацией Комитета по секретным службам, в апреле 1922 года ПШКШ вывели из-под контроля Адмиралтейства и подчинили министерству иностранных дел. Теперь она действительно могла действовать как межведомственный орган, уделяя при этом особое внимание вскрытию дипломатической переписки, наиболее актуальной в мирный период. Решение вызвало острое неприятие у руководителей всех трех военных разведывательных служб, и в январе 1923 года они направили в кабинет министров совместный меморандум, в котором заявили, что подчинение ПШКШ министерству иностранных дел ущемляет интересы видов вооруженных сил. В обоснование этого приводились следующие аргументы:

1. Они получают лишь малую часть переведенных сообщений.
2. Они не участвуют в решении вопроса о рассылке перехватов и дешифрованных сообщений.
3. Они не могут быть уверены, что получают все сообщения, представляющие для них интерес.
4. Они не участвуют в принятии решений о вскрытии конкретных шифров и по конкретным темам.
5. Не уделяется внимание систематической работе по вскрытию военных и военноморских шифров.

Этот протест был проигнорирован, и подчиненность ПШКШ оставалась прежней, на что имелись свои веские причины. В быстро изменявшейся ситуации роль криптоаналитиков возрастала, они выдвинулись на передовые рубежи противодействия советской разведке. Экономика диктовала политике свои законы, и 16 марта 1921 года Великобритания подписала с правительством РСФСР торговое соглашение, означавшее его признание де факто. В нем, в частности, были зафиксированы взаимные обязательства сторон воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга. Это позволило открыть в Лондоне советскую миссию, вопреки всем соглашениям сразу же активно подключившуюся к деятельности Коминтерна. До этого британское правительство закрывало глаза на подрывную деятельность III Интернационала и, следовательно, Москвы, справедливо считая и себя отнюдь не без греха, но теперь ситуация изменилась принципиально. Первые же дешифрованные ПШКШ радиogramмы показали, что в столице обосновалась активно работающая враждебная резидентура, меньше всего интересовавшаяся традиционным сбором информации. Ее конечной целью являлся экспорт революции и в итоге свержение британского государственного строя. Бывший начальник разведки Адмиралтейства Реджинальд Холл вполне осознал эту опасность еще в 1918 году и эмоционально предупреждал своих менее информированных коллег: “Теперь нам предстоит столкнуться с еще более опасным врагом. Это многоголовая гидра, и ее дьявольская власть стремится распространиться на весь мир. Эта угроза — Советская Россия”¹¹.

17 августа 1921 года британское правительство организовало утечку информации в газету “Таймс”, поднявшую вопрос о финансировании большевиками рабочего движения в Англии и Шотландии, в частности, газеты “Дейли геральд”. Премьер-министр принял неоднозначное решение обнародовать имевшуюся у него информацию ввиду убежденности ряда ответственных лиц в том, что усиливающаяся в стране социальная напряженность является результатом подрывной деятельности Москвы. Дополнительным стимулом для него явилось преддверие ожидавшихся в Лондоне и других частях страны волнений. Редактор “Таймс” нарушил свое клятвенное обещание и дословно процитировал восемь дешифрованных советских документов, предварив их преамбулой: “Следующие советские радиogramмы были перехвачены британским правительством”¹². В ПШКШ с ужасом ожидали, что Москва немедленно сменит коды, после чего вновь потребуются долгая и сложная работа по вскрытию шифрованной переписки, но из-за легкомыслия и халатности советского персонала этого не произошло. Утечка информации продолжалась, пресса публиковала одну радиogramму за другой, а наблюдавшие все это нарком иностранных дел Г. В. Чичерин и глава торговой делегации А. Б. Красин бомбардировали ответственных лиц в Москве требованиями сменить шифрсистемы. Перелом произошел лишь в декабре 1921 года, когда М. В. Фрунзе сообщил в Кремль информацию, полученную от пленного начальника врангелевской радиостанции Н. А. Ямченко: “Секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Европе и в Ташкенте слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для прослушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. К шифрам, не поддающимся вскрытию немедленно, присылались ключи из Лондона, где во главе шифровального отдела поставлен англичанами русскоподданный Феттерлейн, ведавший этим делом прежде в России. Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы”¹³. В самом деле, как выяснилось впоследствии, советские коды и шифры “Око”, “Пулемет”, “Стрелок”, “Пролетарий”, “Искра” и “Спартаковец” были настолько нестойки, что закрытые с их помощью сообщения вскрывались противником в течение часа. Более защищенные системы, такие как “УП Третий”, “Аро Первый” и другие, еще не появились.

Возмущенный протест Фрунзе оказал свое действие, радиообмен с делегацией в Лондоне прекратился. Связь с Москвой стала поддерживаться через официальных дипломатических курьеров и нелегалов, вербовавшихся Разведупром РККА преимущественно из числа моряков торгового флота, в основном немцев. СИС многократно пыталась получить доступ к вализам дипкурьеров, однако успеха в этом, судя по всему, не достигла. С марта 1923 года радиосвязь возобновилась, теперь уже с использованием шифра повышенной стойкости, однако и он продержался недолго. В мае статс-секретарь по иностранным делам лорд Керзон в очередной раз подвел своих разведчиков и дешифровальщиков, процитировав тексты перехваченных и расшифрованных советских радиogramм в так называемом “ультиматуме Керзона”. В нем он требовал от СССР компенсации за расстрел некоего Дэвисона (участника возглавлявшейся Полом Дюксом агентурной группы) и за арест других агентов, а также обвинял советское правительство в ведении пропаганды и подрывной деятельности в Индии и Среднеазиатском регионе и в финансировании антибританского движения. Под угрозой разрыва дипломатических отношений Керзон выдвинул условие в течение десяти дней прекратить всякую финансовую помощь Афганистану и Персии и отозвать из этих стран полпредов СССР. Кроме того, советскую сторону неофициально обвинили в финансировании ирландской экстремистской организации “Шин Фейн”. В ультиматуме содержалась, в частности, ссылка на документы, полученные через агента СИС в Таллинне БП11, незадолго до этих событий предоставившего выдержки из текстов двухсот адресованных в Москву телеграмм советского представительства в Берлине. Наркоминдел попытался объявить происходящее сознательной фальсификацией английской стороны, что ему отчасти и удалось, поскольку Лондон попался в собственную ловушку. Как выяснилось и было доказано в ответной советской ноте, тексты документов представляли собой фальшивку, почерпнутую недобросовестным агентом из издававшегося в Берлине антисоветского пропагандистского альманаха “Остинформацион”. До сих пор не установлено, хотел ли БП11 просто без труда заработать на непроверенной информации, или же его действия являлись сознательной дезинформационной операцией какой-либо из спецслужб. Кстати, даже Особый отдел Скотланд-Ярда сообщил, что “Шин Фейн” не только не обзавелся какими-либо денежными средствами невыясненного происхождения, но, наоборот, как раз в тот момент испытывал серьезные финансовые трудности. На фоне такого позорного провала как-то поблекли вскрытые ПШКШ действительные факты советской подрывной деятельности, и в дальнейшем любой демарш британского правительства Наркоминдел СССР стереотипно объявлял очередной фальсификацией, инспирированной реакционными кругами мировой буржуазии.

В 1924 году штат Правительственной школы кодов и шифров несколько увеличился, теперь в ней работали 29 офицеров и 65 вспомогательных сотрудников. Тогда же в ПШКШ была сформирована военно-морская секция, в 1930 году — армейская, в 1936 — военно-воздушная, в течение долгого времени считавшиеся второразрядными по сравнению с дипломатической. Например, в военно-морской секции в течение некоторого времени работали только два штатных сотрудника, которым по совместительству помогал специалист по радиосвязи. Естественно, что ожидать заметных успехов от столь скромного приложения сил было невозможно, но причины неудач криптографического ведомства в межвоенный период лежали несколько глубже: “Хуже всего был недостаточный интерес к радио как таковому. За двадцать лет с 1919 по 1939 годы большая часть работы ПШКШ была дипломатической, и большинство необработанных материалов поступало от коммерческих телеграфных сетей”¹⁴. До начала Второй мировой войны Правительственная школа кодов и шифров практически не использовала пеленгаторы, и когда надобность в них стала очевидной, то специалистов для работы с этой техникой пришлось готовить в срочном порядке. Пока же основная тяжесть работы в эфире против СССР лежала на военных. Армейские Группы радионаблюдения (В.О.Г.) срочно переориентировались на новые направления. В 1923 году в Сарафанд (Палестина) были передислоцированы В.О.Г. № 3 из Константинополя и часть В.О.Г. № 4 из Багдада, образовавшие 2-ю армейскую роту радиоразведки. По СССР также работал и флот, первоначально только с крайне неудачно расположенного поста перехвата во Флауэрдауне, а позднее и с кораблей. В 1927 году специально для активизации этой работы в Балтийское море в составе 2-й эскадры легких крейсеров был направлен крейсер “Кюрасо”, однако результаты его похода оказались крайне разочаровывающими. В дальнейшем Адмиралтейство несколько раз пыталось организовать эффективную радиоразведку РККФ, но без особого успеха. В 1931 году были подытожены результаты обработки перехваченных годом ранее

примерно 3 тысяч сообщений. Выяснилось, что британцы достигли некоторых успехов во вскрытии советского военно-морского кода низкого уровня с перешифровкой (от 100 до 200 групп), но более сложные системы остались недостижимыми. Не в последнюю очередь это произошло благодаря ограничению длины радиোগрупп 30 группами (в исключительных случаях — 100), не позволявшими исследовать большие массивы текстов. Наибольшие успехи во вскрытии советских кодов и шифров во второй половине 1920-х были достигнуты благодаря агентурной разведке. В 1925 году СИС добыла в Персии некоторые элементы криптосистем НКВД СССР, а в 1927 году в Пекине англичане получили таблицы добавлений к коду с перешифровкой. Однако в целом и ПШКШ, и радиоразведывательные органы видов вооруженных сил Великобритании пока еще действовали с невысокой эффективностью.

4. КОНТРАЗВЕДКА

Великобритания являлась страной с весьма сложным агентурно-оперативным режимом и соответственно нелегкими условиями для работы иностранных секретных служб. Бывший начальник разведки абвера генерал-лейтенант Ганс Пикенброк позднее вспоминал: «Разведывательная деятельность против Англии затруднялась ее островным положением и обусловленным этим весьма сложным пограничным сообщением. В результате Германия не имела в Англии даже приблизительно такого числа агентов, как во Франции. Другая трудность состояла в том, что англичанин, к какому бы слою населения он ни принадлежал, обладает ярко выраженным национальным чувством и взирает на все другие страны с высокомерием и презрением; он, особенно офицер или чиновник, ведет солидный образ жизни, бережлив, мало склонен к порокам. Все это мешает вербовке агентов»¹⁵. Как выяснилось позднее, перечисленные Пикенброком факторы хотя и мешали приобретению источников в среде граждан Великобритании, но не исключали такового.

Безопасность страны в контрразведывательном отношении обеспечивали Служба безопасности (МИ-5) и Особый отдел Скотланд-Ярда, образованный в 1883 году для противодействия ирландской террористической деятельности в Лондоне. Первоначально он именовался Ирландским особым отделом, но через два года, по мере расширения сферы его ответственности, первое слово из названия исчезло. Он формально входил в систему городской уголовной полиции Лондона, однако располагал сетью опорных пунктов по всей территории Великобритании. В течение достаточно долгого периода времени Особый отдел являлся единственным органом внутренней разведки страны, и в 1903 году, к моменту ухода в отставку его первого руководителя Джона Литчайлда, его штат насчитывал всего 15 офицеров полиции. В ноябре 1899 года отдел был потеснен секцией «Х» и утратил монополию на операции в области безопасности. Тем не менее, до самого окончания Первой мировой войны он играл ключевую роль в обеспечении государственной безопасности, чему немало способствовала личность его очередного руководителя Патрика Куинна. К задачам отдела относились охрана королевской семьи, правительства и некоторых других важных лиц империи, сбор и обработка информации об экстремистских группировках и отдельных лицах, расследование дел об особо важных государственных преступлениях, производство задержаний и арестов. К 1914 году его штат включал суперинтенданта, старшего инспектора, 10 инспекторов, 45 сержантов, 56 констеблей, 5 сотрудников, занимавшихся регистрацией иностранцев, 12 агентов наружного наблюдения, 5 сотрудников, ведавших контролем за перемещением пассажиров и багажа на столичном вокзале Виктории и 16 офицеров для несения общей повседневной службы¹⁶. Этого было совершенно недостаточно, но увеличить численность не позволял бюджет, составлявший всего 19325 фунтов, 8 шиллингов и 7 пенсов. Постепенно список задач отдела расширялся и включил в себя работу по политическим экстремистским группировкам, антивоенному пацифистскому движению и, в особенности, по революционным группам. Дальнейшему его развитию помешало совершенно уникальное в мире спецслужб явление — забастовка сотрудников, начатая лондонской городской полицией, в которую формально входил Особый отдел. Ее причиной стало увольнение руководителя неофициального профсоюза полицейских Тила с формулировкой «за членство в нелегальной организации»¹⁷. Фактически же это произошло из-за его обращения к министру внутренних дел с требованием увеличить весьма низкую заработную плату констеблей, составлявшую 38 шиллингов в неделю с надбавкой еще 12 за службу в военное время¹⁸. После

такого решения насчитывавший тысячу членов Национальный профсоюз офицеров полиции и тюремной охраны предъявил правительству ультиматум с требованием вернуть Тиля на службу и повысить заработную плату полицейских. В противном случае правоохранительные службы столицы угрожали забастовкой с 30 августа 1918 года. Ответа не поступило, и акция протеста действительно началась, после чего суперинтенданту Особого отдела Скотланд-Ярда Патрику Куинну и начальнику лондонской полиции пришлось уйти в отставку.

Новым суперинтендантом стал Джеймс Мак-Брайен, занимавший этот пост с 1918 по 1929 годы. Фактически же с апреля 1919 по ноябрь 1921 года Особым отделом руководил Бэзил Томпсон, начальник существовавшего в его составе Департамента внутренней разведки. Этот человек являлся весьма значимой фигурой в системе британских органов безопасности и в период Первой мировой войны возглавлял борьбу с иностранным шпионажем. Томпсон был особо озабочен угрозой коммунистического проникновения в органы государственной безопасности империи, и создание Департамента преследовало цель свести к минимуму эту опасность. Однако непомерные амбиции руководителя внутренней разведки стали вызывать немалое раздражение в правительственных кругах, в результате чего в октябре 1921 года премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж предложил ему небогатый выбор между увольнением и отставкой. Томпсон выбрал второе, и с ноября Департамент внутренней разведки был распущен, а Особый отдел перестал пользоваться прежней широкой автономией от остальных полицейских служб. В декабре 1925 года имя Томпсона, продолжавшего полицейскую карьеру на более скромных должностях, вновь привлекло к себе внимание, на этот раз при весьма скандальных обстоятельствах. Во время ночного обхода Гайд-парка констебль задержал его на скамейке в объятиях известной проститутки Тельмы де Лава. Доставленный в полицейский участок бывший начальник внутренней разведки Британской империи вначале пообещал выгнать со службы всю дежурную смену, но затем притих и попытался объяснить, что нарушил правила поведения в общественных местах с целью прикрытия своей конспиративной встречи с агентом. Томпсону не поверили, и в ноябре 1926 года суд оштрафовал его за антиобщественное поведение на 5 фунтов. Так бесславно закончилась карьера одного из влиятельнейших людей Британии, посвятившего свою жизнь обеспечению ее безопасности.

На этом фоне значительно усилились позиции МИ-5, постепенно отодвигавшей Особый отдел от контрразведывательных задач. На него по-прежнему возлагались все следственные и процессуальные действия, а Служба безопасности вела оперативную работу и с точки зрения закона как бы не существовала, ибо юридического статуса не имела. Такое разделение обязанностей оказалось для своего времени вполне эффективным и сохранялось до 1940 года, когда изменившиеся обстоятельства вынудили несколько скорректировать его. Судя по всему, последним из самостоятельно раскрытых Особым отделом случаев шпионажа стало дело с чертежами подводной лодки “К-2”. Фотограф одной из студий в феврале 1926 года принес их в полицию и заявил, что заявка на съемку и печать поступила к нему от клиента, представившегося фамилией Дженкинс. При проверке личности заказчика им оказался проживавший в Портсмуте Сэм Гуд. Одновременно Адмиралтейство предупредило Особый отдел, что некий американец Альберт Шарбонно обратился с запросом относительно возможности закупки на металлолом лишних подводных лодок, при этом интересуясь их чертежами, но получил отказ. В контрразведке связали оба этих случая и вызвали Шарбонно на допрос. Тот признал, что знаком с Гудом и сопровождал его в фотостудию, однако не знает ничего об источнике, из которого “Дженкинс” получил чертежи “К-2”. Более того, он якобы сам заподозрил его в противозаконных намерениях из-за требования как можно скорее вернуть оригиналы и именно поэтому запросил Адмиралтейство напрямую. История так и осталась до конца не выясненной, но в июле 1928 года Гуд отправился отбывать шестимесячный срок тюремного заключения.

В 1929 году Мак-Брайен ушел в отставку, а пост суперинтенданта Особого отдела Скотланд-Ярда занял прослуживший до 1936 года Эдуард Паркер. При нем в 1931 году было заключено так называемое “Вестминстерское соглашение”, разделившее сферы ответственности за безопасность Британской империи. По его итогам ирландскими сепаратистами по-прежнему должен был заниматься Особый отдел, а по коммунистам отныне работала МИ-5, в которую для этого перевели трех лучших специалистов Особого отдела в этой области, в том числе известного контрразведчика Гая Лиддела.

Закат влияния Скотланд-Ярда в области контрразведки сопровождался столь же быстрым усилением МИ-5, не в последнюю очередь обусловленным активностью ее руководителя. Ранее командовавший Южным Стаффордширским полком Келл проработал на этой должности с 1909 по 1940 год и до назначения шефом секретной службы получил лишь незначительный опыт тайных операций в Шанхае, где во время восстания ихэтуаней работал корреспондентом “Дейли телеграф” и по совместительству агентом СИС. Полковник Келл ярче всего проявил себя в сфере укрепления авторитета и позиций возглавляемого им ведомства. В октябре 1909 года штат контрразведки уместился в единственном кабинете и состоял из самого Келла, через полгода он получил в подчинение делопроизводителя, в январе 1911 года – помощника и секретаря. Второй офицер, капитан Эрик Холт-Уилсон, появился у него лишь в декабре 1912 года. Накануне Первой мировой войны МО-5 насчитывала всего 9 офицеров, 3 гражданских служащих, 4 делопроизводителя и 3 полицейских, зато к ее окончанию в ней уже служили 844 сотрудника, в том числе 133 офицера и гражданских чиновника¹⁹. Серьезное внимание уделялось линейному размежеванию контрразведки, для чего уже 17 августа 1914 года МО-5 разделили на восемь специализированных подсекций. МО-5(г) под руководством Келла ведала вопросами оперативной работы, иностранными гражданами, а также контролем за перемещением через границу Великобритании. В октябре ее раздробили на три отделения:

- МО-5(г)А – расследование случаев шпионажа и изучение подозрительных лиц;
- МО-5(г)Б – координация общей политики правительственных учреждений в отношении иностранных граждан и вопросы, возникающие в связи с Правилами защиты короны и Законом об ограничениях;
- МО-5(г)Ц – оперативный учет, кадры, финансы, административные вопросы и пограничный контроль в портах.

11 августа 1915 года отделения МО-5(г) приобрели статус секций: МО-5(г)А стала МО-5(г), МО-5(г)Б – МО-5(ф), а МО-5(г)Ц – МО-5(х). Пограничный контроль в портах вменили в обязанности отдельной секции МО-5(е). После воссоздания в декабре 1915 года Директората военной разведки не относившиеся к контрразведке секции МО-5 от “а” до “д” вошли в состав МИ-6, а в секциях от “е” до “х” первые буквы изменились на “МИ”. В ходе войны эти сложные названия обычно упрощались, и секции обозначались исключительно по последней букве, указывавшей на их специализацию. Такая система стала полуофициальной и даже закрепились в британских архивах.

Вернон Келл

В ходе Первой мировой войны в результате длительного и сложного процесса поглощения одних подразделений другими, перераспределения задач между прежними структурами и создания новых внутренняя организация МИ-5 несколько раз изменялась. К осени 1918 года контрразведка состояла из шести секций (здесь и в дальнейшем для их обозначения применяются латинские буквы):

- “А” – фильтрация беженцев из союзных стран и вопросы разрешения их возврата к местам прежнего жительства, а также контроль за иностранными гражданами, занятыми в военном производстве и вспомогательных военных учреждениях Великобритании. Секция возникла в 1917 году, ее основной задачей являлось предотвращение проникновения германской агентуры в тылы наступающих на континенте войск;
- “D” – контрразведка на заморских территориях империи, в том числе противодействие немецкому шпионажу в Ирландии, на Востоке и Ближнем Востоке. Этой же секции подчинялось Восточно-Средиземноморское Особое разведывательное бюро в Каире. Создана в 1916 году;
- “E” – контроль за портами и границей. С 1915 года сотрудники секции контролировали въезд на Британские острова морским путем, обращая при этом особенное внимание на членов экипажей союзных судов. Она же надзирала за выездом из

страны и составляла “черные списки” нежелательных и подозрительных лиц. Являлась самой многочисленной секцией, в 1918 году в ней работали 300 человек из 844 человек общего штатного состава МИ-5.

- “F” – превентивная. Осуществление превентивных мер по недопущению утечек секретной информации, оформление допусков к ней и ведение собственной картотеки потенциально опасных для национальной безопасности лиц, в которой периодически насчитывалось до 32 тысяч досье;
- “G” – расследования. Оперативное контрразведывательное подразделение, сотрудники которого отследили и до начала войны арестовали 36 германских агентов, в том числе нелегалов, заброшенных на длительное оседание. 4 августа 1914 года аресту подверглись еще свыше 30 агентов, 11 из которых были казнены;
- “H” – административная, секретариата и оперативного учета. Ведала секретариатом и административными службами, кадрами и общей картотекой.

Секция “B” (надзор за индийскими и восточными народами) выделилась из секции “G” 15 января 1917 года и 1 сентября того же года была поглощена секцией “D”. В 1920 году организационная структура МИ-5 подверглась дальнейшим изменениям. 1 сентября секция “F” поглотила секцию “A”, а 31 марта ряд секций был переименован: “F” стала “A”, “G” – “B”, а “H” – “D”, впоследствии “O”. В ноябре 1918 года из 844 сотрудников МИ-5 в центральном аппарате работали 84 офицера и гражданских чиновника, 306 делопроизводителей, 23 полицейских и 77 вспомогательных работников²⁰. Штат контрразведки в портах Великобритании и миссиях в союзных странах составлял 354 человека, в том числе 49 офицеров, 41 делопроизводителя, 255 полицейских и 9 вспомогательных работников.

В 1916 году контрразведывательные органы были включены в воссозданный Директорат военной разведки и до 15 октября 1931 года пребывали в составе военного министерства. Глава МИ-5 с 1918 года официально именовался генеральным директором Имперской разведывательной Службы безопасности, в обиходе же использовалось сокращение “K”, унаследованное и преемниками Келла. Первый директор контрразведки прекрасно научился создавать “разумный шум” вокруг деятельности своей юридически несуществующей службы и умело пугал общество угрозой иностранного шпионажа ради упрочения своих позиций и получения дополнительных бюджетных ассигнований. До 1918 года обыгрывалась тема вездесущей германской разведки, а в следующем десятилетии эту роль целиком отвели советскому и коминтерновскому шпионажу, хотя в течение первых трех лет после демонстративной смены приоритетов это являлось чистейшим вымыслом.

Естественно, Москва воздерживалась от проведения разведывательных операций в Великобритании вовсе не из-за симпатий к ее правительству или политическому курсу, достаточно враждебному по отношению к РСФСР. В начальный период своего существования советская внешняя разведка (ИНО) была сориентирована прежде всего на контрреволюционные эмигрантские организации, а поскольку таковых на Британских островах не существовало, в течение некоторого времени Великобритания не значилась в списке ее главных противников. После окончания гражданской войны и интервенции в России советско-английские отношения стали несколько подниматься от точки замерзания. Было совершенно ясно, что международное признание советского правительства зависело в первую очередь от позиции Лондона, и любой возможный шпионский скандал мог повлечь самые нежелательные последствия. По этой причине агентурная работа против Великобритании первоначально не проводилась, а операции разведки сводились к пропаганде и поиску агентов влияния. Естественно, насущно требовалось объективно освещать внутреннюю обстановку в стране, но в начале 1920-х годов ВЧК/ГПУ располагало по Великобритании единственным источником сомнительного качества, которым являлся корреспондент газеты “Манчестер Гардиан” Артур Рэнсом, проживавший вначале в Москве, затем в Риге, и женатый на секретарше наркомвоена Троцкого. Он сделал очень многое для создания в общественном мнении привлекательного образа Советской России, а также снабжал Москву столь необходимыми сведениями о линии Лондона во внешней политике, хотя и не был посвящен в какие-либо серьезные секреты своего правительства. К сожалению, совершенно иначе действовал Коминтерн, развернувший широкую пропагандистскую деятельность по подрыву государственного строя Великобритании, тайно финансировавший рабочее и коммунистическое движение и провоцировавший профсоюзы на забастовочную активность. Его функционеры первоначально являлись совершенными дилетантами в тайных операциях и не имели

представления о подлинной конспирации, в противном случае они не стали бы откровенно формулировать свои цели и задачи даже в закрытой переписке. Обоснованно опасаясь компрометации дореволюционных шифров, советская сторона и, следовательно, Коминтерн отказались от их использования, однако из-за низкой квалификации персонала новые шифр-системы были примитивными, слабо стойкими и раскрывались без особых затруднений. Как известно, последствия не заставили себя ждать, ибо Британия всегда заслуженно славилась своими дешифровальщиками. Все ранее описанные события периода 1921 — 1923 годов, от спровоцированной утечки материалов в газету “Таймс” до “ультиматума Керзона”, имели в своей основе результаты вскрытия советских шифров и кодов.

Долго такая конфронтация длиться не могла. Хотя правительство консерваторов по-прежнему упорно сопротивлялось признанию Советского Союза, экономика властно диктовала политике свои требования. Русский рынок требовался Британии, как воздух. Лес, зерно, руда готовы были хлынуть в Англию по демпинговым ценам в обмен на продукцию машиностроения, но СССР медлил и требовал своего признания де юре. Эта ситуация помогла придти к власти лейбористам, сформировавшим кабинет под руководством Рамсея Макдональда, одной из первых внешнеполитических акций которого стало установление отношений с Советским Союзом. 2 февраля 1924 года британский официальный агент в Москве Ходжсон вручил НКВД ноту, провозглашавшую, что британское правительство “признает Союз Советских Социалистических Республик как правительство де юре тех территорий бывшей Российской империи, которые признают его власть”²¹. Дипломаты успешно выполнили свою задачу, и с тем большей энергией СССР развернул тайные операции против признавшей его страны, хотя еще в июне 1923 года Наркоминдел заверял: “Советское правительство обязуется не поддерживать ни в материальной, ни в какой-либо другой форме отдельных лиц, групп, агентов или учреждений, стремящихся распространить недовольство или вызвать восстание в какой-либо части Британской империи”²². Это, естественно, оказалось беззастенчивой ложью, но не составляло особого секрета для Лондона, черпавшего сведения как в метрополии, так и с периферии. Одним из таких источников информации служило Индийское разведывательное бюро (ИИБ), позднее переименованное в Индийскую политическую разведку (ИПИ), которой руководили с 1919 по 1924 год Сесил Кей, а с 1924 по 1931 год будущий начальник МИ-5 Дэвид Петри. Эта занимавшаяся в основном вопросами безопасности секретная служба доминиона номинально подчинялась Разведывательному бюро министерства внутренних дел правительства Индии, а фактически — Общественному и судебному управлению министерства по делам Индии. Задачей ИПИ являлось наблюдение за подрывными индийскими элементами (коммунистами, националистами и террористами), действующими за пределами территории Индии. Индийская политическая разведка подчинялась министру по делам Индии. Ее весьма плотно курировали СИС и МИ-5, причем последняя держала в Дели для этой цели специального офицера по связям в области безопасности (ДЛО). Специалисты из ИПИ небезосновательно полагали, что в Индии существовали две сети советской разведки. По их мнению, первую из них возглавлял известный индийский националист Манабендра Натх Рой, вторая же под руководством “некоего товарища Гэмпера или Хэмпера” получала директивы с Дальнего Востока. Тем не менее, реализовать свои разработки ИПИ не сумела, и все так и осталось не выясненным до конца, хотя в Афганистане, Индии и других странах региона советская активность прослеживалась весьма отчетливо. Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на массивную пропаганду, ни один случай прямого участия агентов британской разведки в операциях басмачей на территории советских среднеазиатских республик также не был доказан документально.

Вообще же политика СССР по отношению к Британии была тогда более чем странной и нелогичной. Идеология явно преобладала над здравым смыслом, ибо нелепо добиваться от какой-либо государства официального признания своего правительства и одновременно активно вести против него подрывную пропаганду и финансировать враждебные ему силы, причем даже не особенно скрывая это, а лишь отрицая официально. В переписке, защищенной шифр-системами заведомо слабой стойкости, советская сторона постоянно разглашала свои сокровеннейшие секреты и грубо оскорбляла британское правительство. Ллойд Джорджа последнее лишь веселило, зато Керзон и Черчилль в аналогичных случаях рвали и металы и требовали применить в отношении СССР самые жесткие санкции. При другом подходе советская разведка смогла бы создать в стране прочные оперативные позиции для работы

не только по самой Великобритании, но и по множеству других направлений, учитывая огромное количество находившихся там иностранных посольств, миссий, торговых представительств и фирм. Однако все случилось именно так, а не иначе, и вскоре англо-советские отношения перешли к периодам то скрытой, то явной враждебности. Москва боялась коварного Альбиона, а Лондон не менее опасался агрессивных большевиков. На массированную британскую пропаганду СССР ответил шагом, имевшим в сфере тайной войны поистине историческое значение. 11 января 1923 года по предложению заместителя председателя ОГПУ И. С. Уншлихта и в соответствии с директивой Политбюро было создано специальное межведомственное Бюро по дезинформации, в состав которого вошли представители ОГПУ, ЦК РКП(б), НКВД, РВСР и Разведупра РККА. Это положило начало одному из важнейших направлений деятельности советской внешней разведки — активным мероприятиям, то есть целенаправленным акциям для введения в заблуждение противника и для получения его выгодной реакции, недостижимой без специально проведенного воздействия. Идея возникла в ходе операции “Трест” для осуществления работы тактического уровня, а именно дезинформации польской разведки. Согласно первоначальному замыслу, изложенному в записке Уншлихта в Политбюро от 22 декабря 1922 года № 26723/с, область действия новой структуры ограничивалась постановкой систематической дезинформационной работы для противодействия иностранным спецслужбам. Он писал: “В задачи бюро должно входить: 1) учет поступающих как в ГПУ, так и в Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России, 2) учет характера сведений, интересующих противника, 3) выяснение степени осведомленности противника о нас, 4) составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противникам о внутреннем положении России, об организации и состоянии Красной Армии, о политической работе руководящих партийных и советских органов, о работе НКВД и т. д., 5) снабжение противника вышеуказанным материалом и документами через соответствующие органы ГПУ и Разведупра, 6) разработка ряда статей и заметок для периодической прессы, подготавливающих почву для выпуска в обращение разного рода фиктивных материалов”²³. Однако английские события предопределили значительно более масштабный подход к проблеме, применимый в широком спектре международных отношений. Вскоре новая структура занялась продвижением по каналам СИС в рамках операции “Тарантелла” направленной дезинформации, предназначенной для британского правительства. Для создания в Лондоне картины стабильного, монолитного советского общества и государства, рассчитывать на крах которого бессмысленно, тщательно подбирались специально отобранные подлинные и вымышленные факты, совокупность которых подталкивала аналитиков к заранее спрогнозированному их авторами выводу.

В 1924 году британские контрразведчики обратили внимание на появившееся в газете “Дейли Геральд” объявление: “Группа рабочих, проводящая расследование, будет рада получить информацию и подробности от любого лица, когда-либо имевшего отношение к какому-либо из подразделений или операций Секретной службы”²⁴. МИ-5 направила по указанному адресу своего агента, и хотя заинтересовавшие Службу безопасности лица очень скоро прервали связь с ним, в поле зрения контрразведки все же оказались некоторые представлявшие интерес контакты. В результате продолжавшегося пять лет расследования был установлен работавший с 1919 года на РСФСР, а впоследствии на СССР корреспондент “Дейли Геральд” Уильям Норман Юер, а также выявлены его связи. Источники советского агента оказались достаточно впечатляющими. Среди них был сотрудник Форин офис Джордж Слоукомб, предоставлявший Юеру копии депеш французских послов в различных государствах в свой МИД, а также два офицера Скотланд-Ярда. Последние снабжали его списками подозреваемых и разыскиваемых по политическим мотивам лиц, что позволяло принять соответствующие меры безопасности и в критических случаях вовремя менять документы.

Эпизод с Юером не был единичным. История советско-британских отношений изобилует скандалами, очередной из которых разразился в 1924 году после публикации так называемого “письма Коминтерна”, или по имени председателя его Исполнительного комитета, “письма Зиновьева”. Окончательной ясности с этим документом нет до сих пор, однако подавляющее большинство исследователей сходится на том, что эту фальшивку изготовил известный создатель ряда компрометировавших СССР подложных документов С. М. Дружиловский, а инспирировали ее поляки, стремившиеся к обострению англо-советских отношений. Ноту протеста Форин офис по поводу этого письма удалось аргументировано опровергнуть,

а самого Дружиловского в конечном итоге ОГПУ заманило в Советский Союз. Там его арестовали, судили и вскоре расстреляли за фальсификации, послужившие поводом для развертывания в Болгарии жестокого террора против коммунистов. Документальная акция польской разведки, если таковая и в самом деле имела место, оказалась небывало успешной. Англо-советское сближение прекратилось, а после расстрела в Советском Союзе 10 июня 1924 года четырнадцати контрреволюционеров и шести агентов СИС, вызвавшего в Великобритании крайне бурную реакцию, начался период резкой конфронтации. Обе стороны во множестве проявлений мирового процесса видели лишь враждебные козни друг друга, причем далеко не всегда обоснованно. Вынужденное сближение Лондона и Москвы произошло только перед лицом германской агрессии в 1941 году и никогда не было искренним.

Новый этап противостояния Британии и СССР начался в поистине черном для советской военной и политической разведки 1927 году. Массовые провалы агентуры произошли сразу в нескольких странах: Польше, Турции, Швейцарии, Франции, Австрии, Китае, Персии и Великобритании. Пекинская катастрофа была крупнейшей, но лондонский провал стал наиболее оглушительным по своим последствиям, поскольку европейские события всегда получали в мире больший резонанс по сравнению с азиатскими. В мае 1927 года МИ-5 проводила операцию по ликвидации советской агентурной сети, возглавлявшейся бывшим армейским разведчиком, а затем служащим Ллойда и будущим командиром первого английского интернационального батальона в Испании Уилфридом Маккартни. Ему подбросили армейское руководство по связи (часто ошибочно сообщается, что это был устав королевского воздушного флота), с которым 12 мая он отправился на улицу Мургейт, № 49 — в здание советского торгпредства, более известное как “Русский дом”, где размещалось также англо-советское акционерное торговое общество (АРКОС). Незирая на экстерриториальность помещений, полицейские и контрразведчики ворвались туда вслед за ним и произвели обыск, в нарушение собственных законов изъяли массу документов и сразу же объявили об обнаружении множественных доказательств шпионской и подрывной деятельности СССР. Внедренные в АРКОС британские агенты из числа служащих низкого уровня обеспечили своих руководителей исчерпывающей информацией о расположении внутренних помещений общества и, в частности, о местонахождении шифровального отдела. Там находился его начальник Антон Миллер, относительно поведения которого существуют две версии. Большинство из исследователей утверждают, что он развел в подвале огонь и попытался сжечь шифровальные материалы, однако уничтожить успел далеко не все, поскольку в те времена их еще не печатали на мгновенно вспыхивающей бумаге. Тем не менее, имеются определенные основания полагать, что Миллер просто открыл бронированную дверь своей комнаты на уверенный стук в нее и был захвачен врасплох. Нет полной ясности и в другом вопросе. В течение десятилетий обе стороны инцидента утверждали, что при обыске искомое руководство так и не было обнаружено, но среди рассекреченных в мае 2002 года досье МИ-5 имеется дело KV3/15, содержащее его копию. Миллер пропал бесследно, а на запрос члена палаты общин Джорджа Лэнсбюри о его судьбе парламентский заместитель министра внутренних дел Дуглас Хэкинг дал ответ, суть которого сводилась к тому, что в интересах общества этой теме лучше не касаться. Однако среди рассекреченных одновременно с KV3/15 дел контрразведки имеются досье KV2/797 и KV2/798, в которых утверждается, что шифровальщика Антона Миллера вместе с занимавшим ту же должность его братом Петром после завершения следствия выдали СССР, где их расстреляли. Другие документы на этот счет неизвестны. По некоторым сведениям, братьев доставили в Советский Союз насильно. В своей речи заместитель министра легкомысленно и самонадеянно заявил о наличии у него веских причин считать, что система шпионажа советского правительства и советского торгового представительства в стране сломана навсегда. Сразу же были опубликованы некоторые из захваченных документов, но советская сторона стандартно и буднично объявила их фальшивкой, а всю акцию — бандитской. В Палате общин статс-секретарь по иностранным делам Остин Чемберлен заявил: “Из дома № 49 по улице Мургейт направлялись и осуществлялись как военный шпионаж, так и разрушительная деятельность по всей территории Британской Империи”²⁵. Далеко не все парламентарии были единодушны в решении раздуть скандал, многие предлагали спустить дело на тормозах. Даже не отличавшийся особой любовью к коммунистам Ллойд Джордж урезонивал агрессивные настроенных коллег: “Кстати, следует иметь в виду, что в арсенале дипломатических органов такие методы, как шпионаж, являются общепринятыми. Каково первое обвинение, выдвинутое

премьер-министром, на основании этого документа? Это шпионаж, имеющий целью получение информации о нашей армии и флоте. А сами мы этим не занимаемся? Если наше военное министерство, Адмиралтейство, командование воздушными силами не получают всеми способами всевозможную информацию о том, что делается в других странах, то они пренебрегают безопасностью своей страны. Что же касается употребления агентов для возбуждения волнений, то это не новый способ давления одного государства на другое”²⁶. Тем не менее, 24 мая поверенному в делах СССР в Лондоне А. П. Розенгольцу вручили ноту о разрыве дипломатических отношений между двумя государствами с 27 мая 1927 года. Резонанс этого события оказался огромен, оживились террористические контрреволюционные организации, со дня на день ожидавшие начала войны Британии против Советского Союза. Розенгольцу пришлось собрать вещи и покинуть страну. По пути в Москву он встретился в ресторане главного варшавского вокзала с полпредом П. А. Войковым, и во время их совместного завтрака эмигрант Б. С. Коверда несколькими выстрелами застрелил последнего, по его словам, в качестве мести за миллионы погибших в России людей. В заявлении Москвы относительно теракта прозвучало обвинение в адрес лондонских властей, якобы направивших удар, убивший Войкова. Британия стала считаться в Москве главным противником, аналогично относились и англичане к СССР. В июне 1929 года, когда партия консерваторов потерпела поражение на выборах, и к власти пришло второе лейбористское правительство Макдональда, главным противником стала считаться Франция.

При рейде в АРКОСе МИ-5 захватила ряд материалов, позволивших ПШКШ дешифровать перехватывавшуюся ранее переписку, но вновь опрометчиво опубликованные в открытой печати тексты стали для советской стороны сигналом к смене шифрсистем. После этого британские криптографы уже никогда более безоговорочно не доверяли своему правительству и строго дозировали направляемую ему информацию, чтобы оно в очередной раз не открыло противнику факт компрометации его шифров. ИНО и Разведупр лишились резидентур в Лондоне, поскольку весь персонал полпредства СССР был выслан на родину. События 1927 года послужили серьезным уроком и для советской разведки. Прежде всего, в Центре осознали необходимость создания нелегальных резидентур, ибо только они могли продолжать работу в условиях отсутствия официальных учреждений и, как следствие, “легальных” загранточек. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 мая 1927 года “О мерах конспирации” предписывало: “Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа”²⁷.

Кроме того, был предпринят ряд мер по избежанию компрометации шифров. Упомянутое постановление уделило этому особое внимание:

“д) безусловно отказаться от метода шифрпереписки телеграфом или радио по особо конспиративным вопросам. Завести систему конспиративных командировок и рассылки писем, каковые обязательно шифровать.

е) Отправителей конспиративных шифровок и писем обязать иметь специальные клички, воспретив им подписываться собственным именем”²⁸.

Стали применяться надежные блокноты разовых ключей, а условия их хранения и использования разрабатывались с учетом возможности быстрого уничтожения документации при угрозе захвата.

К лету 1929 года по всему миру ударил набат “великой депрессии”, вызвавший в СССР злорадное удовольствие и подтвердивший тезис о загнивании капитализма и его скором крахе по причине всеобщего обнищания трудящихся масс. С оперативной точки зрения, кризис расширил вербовочную базу за счет сотен тысяч и миллионов потерпевших экономический крах людей. Открывшиеся новые разведывательные возможности вскоре реализовались. В 1929 году в полпредство СССР в Париже явился посетитель, пожелавший получить аудиенцию у военного атташе, вместо которого его принял оперативный сотрудник резидентуры В. Войнович. Представившийся фамилией Скотт визитер заявил, что работает в МИД Британии, и за две тысячи долларов предложил приобрести дипломатический шифр. Войнович резонно заметил, что не может тратить деньги на покупку непроверенных материалов, в соседней комнате снял с текста фотокопию, а затем вернулся и обвинил инициативника в мошенничестве. После этого он выгнал его из полпредства, одновременно послав за ним наружное наблюдение. Добытый шифр в ближайшее же время отправили дипкурьерской связью в Центр, где подтвердили его подлинность и приказали немедленно разыскать “Скотта”,

однако сделать это не удалось. Наблюдатель записал адрес неточно и совершенно забыл, где жил объект.

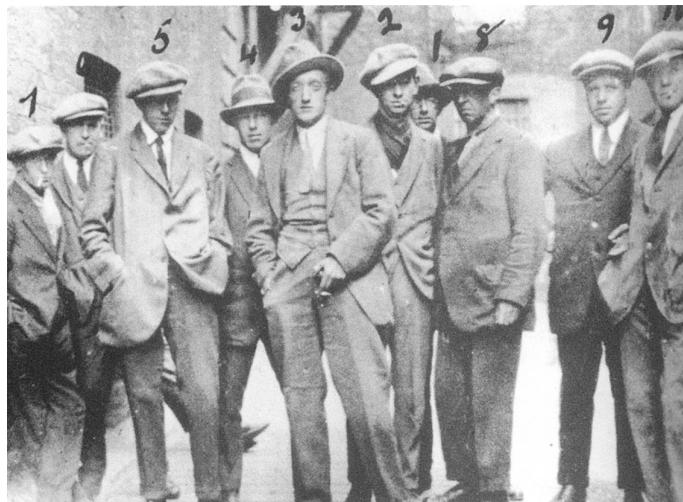
Целый год вся разведка искала растворившегося в парижских улицах человека, и лишь в 1930 году нелегал ИНО Д. А. Быстролетов (“Андрей”, “Ганс”) нашел бывшего инициативника и восстановил связь, уплатив ему и за шифр, и за предстоящую работу. Этим человеком оказался шифровальщик управления связи МИД Британии Эрнст Холлоуэй Олдхам. Когда Быстролетов подошел к нему на улице, извинился за допущенную ошибку и вручил конверт с деньгами и инструкцией по связи, у англичанина стало плохо с сердцем, однако он справился с собой и на первой же встрече попытался отказаться от дальнейших контактов. Но это ему не удалось, как не удавалось десяткам тысяч других людей, имевших неосторожность скомпрометировать себя одним-единственным негласным контактом со спецслужбами, никогда просто так не отпускающими своих жертв. Олдхам получил псевдоним “Арно” и вначале не производил впечатления особо ценного агента, однако через год выяснилось, что англичанин располагает достаточно широким доступом к кодам и шифрам, причем передавать их упорно не желает.

Существует несколько версий рассматриваемой истории, равно далеких от истины. Согласно одному из распространенных заблуждений, Олдхам вначале представился наборщиком типографии МИД Британии, но затем наружное наблюдение выявило у него наличие навыков оперативного работника. Известно также и утверждение о том, что он являлся одним из руководителей шифровой службы Форин офис. Все эти легенды представляют собой лишь отголоски подлинных событий и отчасти пущены самим склонным к художественному вымыслу Быстролетовым, а также его позднейшими биографами. Действительность оказалась более захватывающей, чем любой вымысел. Работа с “Арно” представляла значительную трудность, поскольку агент был плохо управляем, деморализован, постоянно пьянствовал и все время боялся появления существовавших лишь в его воображении убийц из СИС, готовых расправиться с предателем. Для закрепления вербовки и воздействия на объект Быстролетов применял различные меры, одна из которых являлась совершенно беспрецедентной в истории нелегальной разведки. Пытаясь подбодрить Олдхама, он подарил ему ружье с выгравированной на нем благодарностью от ОГПУ за плодотворную работу! Советский разведчик также использовал влияние “Мадам”, как в оперативных документах ИНО именовалась жена агента Люси. Обладая достаточно сильным характером, она удерживала мужа от сползания в алкоголизм, а Быстролетов несколько раз добивался от руководства финансирования лечения его прогрессирующей склонности к спиртному. Еще ранее он организовал трехстороннюю встречу с участием нелегального резидента ИНО Б. Я. Базарова (“Кин”, настоящая фамилия Шпак), на которой тот играл роль итальянского коммуниста да Винчи, сам же Быстролетов изображал обедневшего венгерского графа, несчастного аристократа, попавшего в лапы жестокой советской разведки. “Да Винчи” в присутствии “Арно” третирует “графа”, запугивая тем самым и Олдхама, после чего тот был рад поддерживать контакт с якобы более мягким и уступчивым “венгром”.

Олдхам снабжал ОГПУ шифрами, информацией о мерах безопасности и сведениями о коллегах по министерству, но весьма результативная работа с источником продлилась недолго. Напряжение двойной жизни и алкоголизм сломили его, англичанин стал вести себя совершенно неадекватно, чем привлек внимание контрразведки. Для начала его уволили со службы, однако было ясно, что санкции этим явно не ограничатся. “Арно” не стал дожидаться продолжения и 29 сентября 1933 года покончил жизнь самоубийством, отравившись газом. Проведенное расследование совершенно определенно показало, что Олдхам передавал государственные секреты иностранной державе, но британцы полагали, что его работодателями были французы. Курировавший секретные службы Великобритании постоянный заместитель министра иностранных дел Роберт Ванситтарт наивно порадовался: “Какое счастье, что такие позорные истории в Англии случаются раз в сто лет!”²⁹. Дело Олдхама получило весьма результативное продолжение. По его информации были завербованы двое служащих из состава британской миссии в Лиге Наций в Женеве, однако эта операция выходит за временные рамки главы и будет рассмотрена далее.

Совершенно особым направлением оперативной работы британских спецслужб стала Ирландия, где действовала сепаратистская организация “Ирландские волонтеры” вскоре переименованная в “Ирландскую республиканскую армию” (ИРА). Специально против

нее была создана Объединенная разведывательная служба (КИС) со штабом в Дублине и рассредоточенными по всему острову сотрудниками. Объединенной она именовалась потому, что пользовалась правами МИ-5, но в основном была укомплектована разведчиками и использовала методы, применяющиеся секретными службами в военное время на вражеской территории. КИС возглавлял Ормонд де л'Эпе Уинтер ("О"), по свидетельству одного из современников, выглядевший как "злая маленькая белая змея...вероятно, полностью аморальный тип"³⁰. Одновременно он являлся заместителем начальника Королевских ирландских полицейских сил (РИК) Джозефа Тюдора. Фактически офицеры Уинтера были боевиками правительства, предназначенными для физического уничтожения видных деятелей ИРА и "Шин Фейн", и первым их достижением явился расстрел застигнутого врасплох на дублинской улице лидера ИРА Шона Трисси. Ирландцы нередко именовали группы КИС "бандами убийц из Дублинского замка", хотя чаще использовали резкий эвфемизм "Каирская банда" или более лояльный "Каирская группа". Они, однако, несколько заблуждались и смешивали КИС с действительно прибывшими с Ближнего Востока офицерами, в задачи которых входило нанесение оперативных и физических ударов по ИРА, и в первую очередь — по ее разведывательной службе. Эту организацию с лета 1919 года возглавлял жестокий и изощренный специалист по тайным операциям Майкл Коллинз, сменивший своего предшественника Имонна Дуггана в основном благодаря проявленной решительности и целеустремленности. Коллинзу досталась серьезная проблема борьбы с оперативными органами правительства, и он вел ее предельно жестко. Непосредственным толчком к направлению из Каира упомянутой группы боевиков явилась история с Ф. Дигби Харди. Этот отбывавший наказание в лондонской тюрьме фальшивомонетчик не собирался провести за решеткой существенный отрезок своей жизни и написал письмо генерал-губернатору Ирландии лорду Френчу с предложением своих услуг в качестве шпиона против ИРА. Наивные англичане не могли и предположить, что внутренняя корреспонденция может быть перлюстрирована, притом не правительственными органами, что было бы еще полбеды, а сепаратистами. Между тем все произошло именно так. Благодаря агенту на почтамте Дублина Коллинз узнал содержание письма Френча еще до того, как оно было доставлено губернатору и немедленно начал контроперацию. Тем временем правительство приняло решение согласиться на предложение инициативника, и Харди негласно прибыл в Ирландию, где начал активные поиски контакта с подпольными группами ИРА. Вскоре он вышел на двух человек, которых ошибочно полагал старшими офицерами разведки сепаратистов. В действительности ими являлись британский и американский журналисты, которым Коллинз за участие в игре обещал первоклассную сенсацию. На первой же встрече Харди были предъявлены копия его письма лорду Френчу и собранное ИРА материалы о его криминальном прошлом, а также предъявлены свидетельства того, что на свободе он находится незаконно. Инициативник был буквально раздавлен молниеносностью своего провала и подробностью улик, а потому раскаялся и дал подробные показания, за что был оставлен в живых и вывезен за пределы страны. Оба журналиста передали эту историю в газеты, и она на некоторое время действительно стала сенсацией. В ходе своих откровений Харди раскрыл немало технологических секретов работы СИС, что нанесло по ней серьезный удар. Именно в ответ на него и прибыла в Дублин в 1919 году "Каирская группа".

"Каирская группа"

Ее возглавляли Питер Эймс и Джордж Боннет, в непосредственном подчинении у которых находились три очень опытных офицера: отозванный из России лейтенант Энглисс ("Мак-Махон"), ирландец Пил и назначенный начальником разведки Дублинского замка Д. Л. Маклин. Они немедленно централизовали деятельность британских спецслужб в Ирландии, объединили данные оперативных учетов и в результате существенно усилили давление на сепаратистов. В свою очередь, изменения в оперативной области были быстро

замечены агентурой Коллинза и стали одним из приоритетов разведки ИРА. Первоначально находившиеся на нелегальном положении британские офицеры оставались нераскрытыми, несмотря на их неосторожную ностальгическую склонность к посещению дублинского кафе “Каир”. Все они занимали скромные должности продавцов в магазинах и клерков в небольших фирмах, что позволяло им надежно маскировать встречи с агентами и выходы на острые акции. Однако вскоре англичане допустили первое грубое нарушение режима секретности. После уличного расстрела причастного к деятельности ИРА чиновника теневого казначейства Джона Линча лейтенант Энглисс в пьяном и угнетенном состоянии проговорился любовнице о своей причастности к этой акции. Вторым толчком к установлению личностей членов “Каирской группы” стал сигнал содержательницы небольшой гостиницы, обратившей внимание на необъяснимые и регулярные поздние отлучки группы своих британских постояльцев. На самом деле разведчики выходили на маршруты, как и догадывался Коллинз. В рассматриваемый период задача отслеживания кого-либо на ночных улицах ирландской столицы не представляла собой особой сложности. Наружное наблюдение, зачастую сопряженное с последующими террористическими акциями, являлось одним из важнейших направлений деятельности разведки ирландских сепаратистов. Его осуществляла так называемая группа “Двенадцати апостолов”, отвечавшая также и за осуществление острых акций. Кроме того, Коллинз располагал в полиции Дублина рядом агентов, наиболее видными из которых были Имонн Брой, Джо Каванах, Джеймс Макнамара и Дэвид Нелиган. Еще шестеро его агентов (Т. Нирч, братья Кулхэйн, Манникс, О’Салливан и М. Бирн) служили в патрульно-постовой службе РИК. Во время дежурств они проверяли документы у нарушителей комендантского часа, многие из которых предъявляли выданные им пропуска и таким образом расшифровывали факт своего сотрудничества с властями. Агенты ИРА фиксировали установочные данные таких людей и передавали их группам боевиков для репрессий. Агентами-наблюдателями Коллинза служили многочисленные ночные портье, официанты баров и пабов, швейцары, фиксировавшие возможных полицейских агентов и передававших их мобильным группам для разработки и принятия мер. Жертвами такой тактики пали многие агенты полиции и КИС, а также и непричастные к их работе мирные граждане. В рассматриваемом же случае участники “Каирской группы” были идентифицированы без ошибок. Этому дополнительно способствовало абсолютно глупое и непрофессиональное направление Коллинзу отпечатанного на машинке угрожающего письма. Руководитель разведки, получившей к этому времени наименование Разведывательного корпуса ИРА, отдал его эксперту для изучения. Вскоре автора письма установили и взяли в разработку, что позволило выявить его связи и идентифицировать еще нескольких британских разведчиков. Всего было выявлено восемь мест их проживания.

Майкл Коллинз
после выхода из лагеря
для интернированных.
Рука на колене прикрывает
прореху в брюках

Обычно считается, что толчком для последовавшей акции являлся упомянутый расстрел Шона Триса 14 октября 1920 года, но это неверно. ИРА была существенно сильнее обеспокоена рядом арестов своих старших офицеров и еще более — полученной информацией о планировавшихся новых арестах. Ранним утром 21 октября восемь групп боевиков ИРА, включая “Двенадцать апостолов”, застигли англичан врасплох в собственных постелях. Они убили одиннадцать (по другим данным, четырнадцать и семнадцать) разведчиков Уинтера и двоих полицейских, в том числе Энглисса и Маклина, после чего день 21 ноября 1920 года стал именоваться ирландским “кровавым воскресеньем”. Эта акция вызвала страшную панику среди проживавших в городе англичан, и в первую очередь — среди агентов правительственных спецслужб. Они немедленно потянулись под защиту Дублинского замка и вскоре так заполонили его, что свободную постель там стало невозможно достать ни за какие деньги. Группы наружного наблюдения ИРА фиксировали прибывающих в замок и таким методом установили многих информаторов полиции, которых впоследствии уничтожили.

Акция вызвала жесткий ответ правительства. Иррегулярные подразделения открыли огонь по толпе зрителей футбольного матча в дублинском городском парке, убили четырнадцать человек и многих ранили. Возникшая паника позволила арестовать причастных к террористической акции Д. Мак-Ки и П. Клэнси, вскоре казненных вместе с еще одним совершенно непричастным к покушению местным жителем.

Коллинз умел не только стрелять и взрывать бомбы, Разведывательный корпус ИРА развернул одну из самых эффективных агентурных сетей, когда-либо действовавших на территории Британской империи. Вербочная работа находилась в ней на очень высоком уровне, в частности, резидент в Лондоне Сэм Магир имел на связи несколько десятков источников, одним из которых являлся секретарь военного министра Ф. Брейди-Куни.

Дублинский договор 1921 года разделил страну на получившее статус доминиона Свободное Ирландское государство и оставшуюся в составе Британской империи Северную Ирландию, или, как ее называют англичане, Ольстер. ИРА также раскололась на сторонников договора и “непримиримых”, или республиканцев, немедленно затеявших друг с другом гражданскую войну. Сторонник договора Коллинз возглавил вооруженные силы Свободного государства и в этом статусе продолжал руководить секретной службой, именованной теперь “Г2”. Ее агентурные сети действовали как на юге, так и на севере острова, где они были небольшими, но достаточно эффективными. Одним из источников ирландской разведки, например, являлся сержант Мэтт Маккарти, личный помощник начальника полиции Ольстера генерала Артура Солли-Флуда. Коллинз планировал существенно усилить это направление, о чем, в частности, свидетельствует одно из его последних указаний начальнику разведки: “В настоящий момент я полагаю, что мы должны приложить все возможные усилия для развития разведывательной системы на Северо-Востоке”³¹. Он намеревался также сформировать и подготовить силы специальных операций, для чего рассчитывал пригласить в Дублин Т. Э. Лоуренса “Аравийского”. Этот факт стал известен Черчиллю и послужил для него побудительным мотивом наконец удовлетворить просьбу бывшего партизана о переводе его из министерства по делам колоний в военно-воздушные силы. Все эти действия не могли не тревожить британское правительство и, несомненно, побудили его дать своей разведке указание нейтрализовать опасного противника. Вероятно, окончательное решение об устранении Коллинза было принято после убийства в Лондоне 22 июня 1922 года агентами “Г2” Джозефом О’Салливаном и Регги Дунне бывшего начальника имперского генерального штаба фельдмаршала Генри Уилсона. Судя по всему, СИС подготовила и спланировала ответный удар руками спровоцированных ей противников Дублинского договора. 23 августа того же года Коллинз попал в устроенную ими засаду и погиб в перестрелке.

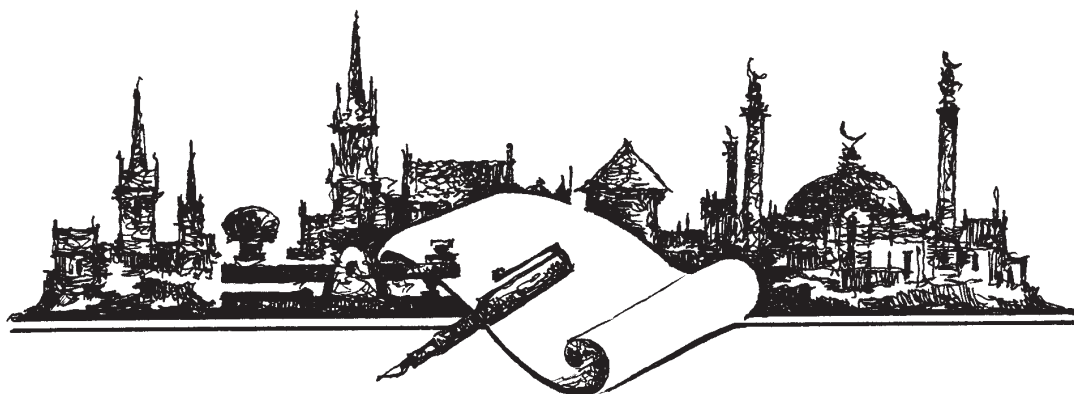

Майкл Коллинз во главе вооруженных сил Свободного Ирландского государства

С иностранными государствами англичанам было куда спокойнее. В 1920-х годах немцы не занимались в Британии оперативной работой, ограничиваясь сбором информации через атташе и “салонным шпионажем”. Организовать серьезную агентурную сеть они не могли как по причине нехватки финансов, так и из-за наложенных Версальским договором ограничений. Статус побежденных не позволял Германии иметь внешнюю разведку, поэтому любое разоблачение ее операций могло повлечь за собой весьма плачевные последствия, вплоть до полной оккупации страны. Кроме того, интересы Берлина и Лондона начали постепенно сходиться. Британию беспокоило усиление Франции и отсутствие на континенте противовеса ее влиянию, роль которого ранее выполняла Германия, немцы же пытались найти опору против бескомпромиссной линии Парижа и как-то обзавестись поддержкой мощной сверхдержавы. Вследствие перечисленных причин разведывательная активность немцев отсутствовала вплоть до 1926 года, когда был зафиксирован первый случай шпионажа с участием англичанина. В 1921 году капитан Вивиан Стрэндерс, бывший сотрудник Межсоюзнической контрольной комиссии, работавший в области авиации, демобилизовался и уехал в Дюссельдорф, где к этому времени успел наладить неплохие связи в бизнесе. Он занимался поставкой в Германию мотоциклетных двигателей, пригодных к установке на разрешенные Версальским мирным договором легкие самолеты, однако из-за инфляции разорился. Немецкие фирмы “Дорнье”, “Юнкерс” и “Хейнкель” оплачивали консультационные услуги Стрэндерса, за что он содействовал им в незаконной закупке комплектующих для самолетостроения. В ходе этой работы англичанин попал в поле зрения французской разведки, уведомившей об этом британских коллег. Чтобы замаскировать разведывательный аспект дела, те выписали ордер на арест Стрэндерса по обвинению в многоженстве, по ко-

торому 21 декабря 1926 года французы арестовали его и приговорили к двум годам одиночного заключения. Англичанин вышел из тюрьмы озлобленным на обе страны, отказался от британского гражданства переехал на постоянное жительство в Германию и натурализовался там. В Берлине Стрэндерс стал пронацистским журналистом, с 1931 года издавал журнал ветеранов войны “Стальной шлем”, а позже вступил в нацистскую партию и получил звание оберштурмфюрера СС. Во время Второй мировой войны он выпускал ориентированную на английских военнопленных газету “Лагерь” и пытался вербовать их в “Легион Святого Георгия”, а в 1945 году был арестован американскими властями, однако наказанию за измену не подлежал, поскольку уже не являлся гражданином Соединенного Королевства. Первый англичанин-шпион умер в Германии в 1959 году.

Остальные государства на территории метрополии агентурную разведку против Великобритании практически не вели. На арене намертво схватились лишь советские и британские спецслужбы, и это было лишь самым началом их долгого противостояния.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Политическая карта послевоенной Европы имела не слишком много общего со своей довоенной предшественницей. Подобных изменений Старый Свет не претерпевал со времен переключившего границы в 1815 году Венского конгресса, но даже тогда они были куда скромнее. Однако с огромным трудом установленный мир не принес континенту долгожданного спокойствия, ибо почти все европейские государства предъявляли друг к другу территориальные или иные претензии и пытались разрешить их различными методами, в том числе средствами разведки. В 1920-е годы такой подход был особенно характерен для Польши, Эстонии, Латвии, Финляндии, Румынии и, конечно, Советского Союза. Оперативная обстановка в перечисленных странах отличалась двумя специфическими особенностями. Первая из них заключалась в наличии огромного числа эмигрантов, активно использовавшихся буквально всеми разведывательными органами. Эти люди расширили вербовочную базу практически до необозримости, поскольку почти все поголовно были закалены страшной многолетней войной, обитали на новом месте без прав на жительство и устойчивых источников существования и были готовы ввязаться в любую авантюру, ибо терять им было уже нечего. Кроме того, в Европу в полном составе перебрались все разведывательные и контрразведывательные органы белых армий и правительств, которые насчитывали десятки офицеров и имели на связи тысячи действовавших агентов, но задыхались без финансовых средств и государственной поддержки. С другой же стороны, эмиграцию пронизывала завербованная в ходе гражданской войны агентура советских спецслужб, в последующем, хотя и далеко не сразу, значительно облегчившая внедрение нелегалов в европейские страны. Еще одной особенностью региона являлось наличие многочисленных и разнообразных национальных меньшинств, на которые опирались разведывательные службы. В особенности это было характерно для Польши, Австрии, Румынии, Венгрии, Италии, Югославии, Чехословакии, Франции, Греции и некоторых других государств. Вербовка агентуры в этой среде, иногда “под чужим флагом”, значительно упрощалась и таила меньше неприятных сюрпризов, хотя следовало учитывать, что все подобные группы находились в зоне повышенного внимания контрразведывательных служб и политических полиций государств пребывания.

1. ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Наиболее драматично и кроваво события развивались в Германии, растоптанной и униженной державами-победительницами, но отнюдь не умиротворенной, и поэтому потенциально опасной. После ноябрьского перемирия 1918 года страна погрузилась в хаос, в котором крах экономики был еще далеко не самым страшным явлением. Некогда вполне стабильное общество раскололось на непримиримые, часто экстремистские группировки крайне правых и крайне левых. Они создали собственные военизированные организации, ряды которых пополняли привыкшие к пороку и крови озлобленные фронтовики, не отыс-

кавшие места в мирной жизни и полностью дестабилизировавшие внутривнутриполитическую ситуацию. В 1919 году государственную власть попытались захватить левые силы, однако боевики добровольческого корпуса “Фрейкор” потопили их восстание в крови. Правые стремительно консолидировались, по стране множилось тайные суды “Феме”, приговаривавшие людей к смерти по усмотрению подпольных обществ, но полиция не могла, а часто и не желала пресечь начавшийся террор. Не прекращались попытки военных взять политическую жизнь общества под свой контроль, чему упорно противостояли молодые демократические институты возникшей на руинах Германской империи Веймарской республики.

Обстановка в стране в значительной степени зависела от позиции иностранных держав. Наибольшую активность проявляла Франция, за сто лет пережившая четыре нашествия немцев и не желавшая подвергнуться следующему. На мирных переговорах возглавлявшаяся Жоржем Клемансо делегация была полна решимости взвалить на своего исторического соперника и врага максимум ограничений и репараций, чтобы навсегда лишить его шанса на восстановление. Франции было недостаточно просто ослабить Германию, она преследовала цель расчленив ее и создать буферное прирейнское государство. В 1919 году эту концепцию вполне откровенно озвучил маршал Фош: “Франция не может довольствоваться разоружением Германии, безразлично, будет ли это разоружение произведено добровольно или нет... Военная безопасность, построенная на такой зыбкой основе, была бы иллюзией. Для Франции и для Бельгии существует только одна гарантия против германского нападения — постоянное обладание переправами через Рейн. Линию Рейна можно удерживать сравнительно небольшими силами, если Рейнская провинция будет освобождена от пруссаков... Если случится война, то победит та сторона, которая раньше завладеет переправами через Рейн”³². Парижская мирная конференция не удовлетворила это стремление французов, но их разведка отнюдь не сочла вопрос исчерпанным. Наоборот, задача раскола Германии стала для нее приоритетной, и основные усилия 2-го бюро генерального штаба и Службы разведки сосредоточились именно на раздувании сепаратистских настроений в Баварии и районе Рейна. Отсутствие средств к существованию у значительной части населения полуразрушенной и ограбленной страны предопределяло легкость вербовки ее граждан на материальной основе, благодаря чему французская разведка приобрела множество новых источников.

Позиция Великобритании была несколько иной. Ее не устраивала перспектива чрезмерного усиления Франции и исчезновение определенного баланса сил в Европе, а лежавшие тяжким бременем на экономике Германии непомерные репарации препятствовали открытию ее рынка для сбыта английских товаров. Британский премьер Болдуин недвусмысленно заявил: “Для Англии как деловой нации ясно, что если от Германии потребовать чрезмерных платежей, то от этого больше всего пострадают сама Англия и ее союзники”³³. Берлин пытался играть на этом, однако его тайная дипломатия приносила незначительные плоды. Лондон не желал открыто становиться на дороге у французов, и когда немецкий министр иностранных дел Вальтер Ратенау обратился к Британии с просьбой об облегчении условий репараций, то получил отказ. Германия пугала союзников угрозой революции из-за развала экономики ввиду неподъемных репарационных платежей и отказалась согласиться с установленной для нее суммой в 226 миллиардов золотых марок. Ответом на это в 1921 году стала оккупация Дуйсбурга и Дюссельдорфа, затем страна лишилась части Верхней Силезии, отданной послушной Польше. Франция развернула успешную работу по дестабилизации постоянно меняющихся правительств и расколу Германии на части. В 1923 году ее армия оккупировала Рур, и Германия мгновенно утратила 88% производимого угля, 48% железа и 70% чугуна, рухнул курс немецкой марки, но, как возмездие, за ним зашатался французский франк и вся европейская валютная система. К концу 1918 года доллар США равнялся примерно 4 маркам, а на пике инфляции 15 ноября 1923 года он стоил уже 4,2 триллиона марок³⁴. Правительство Веймарской республики вынуждено было с такой быстротой выпускать банкноты, что не хватало времени на печатание их с обеих сторон. Иногда казначейство просто штамповало добавочные нули на существовавших купюрах и выпускало их в обращение уже по новому номиналу. Финансовая катастрофа повлекла за собой взрыв националистических настроений, развитие военизированных организаций фашистского типа и рост влияния рейхсвера.

У руководства британской разведки сохранялась ложная убежденность в неактуальности ведения агентурных операций по Веймарской республике. Она располагала несколькими агентами в Берлине и Гамбурге, а также полностью сориентированной на германское направление сетью в Голландии, однако низкая квалификация агентов не позволяла СИС должным образом оценивать обстановку. Недостаток внимания усугубляли финансовые и кадровые проблемы разведки в целом. Еще до резкого уменьшения ассигнований на секретные службы Лондон выделял на оперативную работу по Веймарской республике 30 тысяч фунтов в год, поэтому из соображений экономии в Европу одновременно направлялись не более трех штатных сотрудников из общего числа в тридцать человек. Они вяло вербовали источников среди местного населения для освещения текущих событий, но далее этого СИС не шла. Информация не подразделялась на военную, экономическую и политическую, информационно-аналитической службы не существовало вообще, поэтому и вся внешняя разведка, и ее оценки носили поверхностный характер. Это привело к тому, что набравшее силы нацистское движение ускользнуло от внимания Лондона, и внезапное усиление Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) оказалось для СИС и Форин офис совершенно неожиданным и неприятным сюрпризом, к которому никто не был готов.

Советские спецслужбы действовали в Германии принципиально иначе. Большевики рассматривали Веймарскую республику как наиболее перспективную страну для продолжения революции в мировом масштабе, а немцы, в свою очередь, пытались использовать Советскую Россию для облегчения бремени Версальского мира. По этим причинам оба государства вскоре установили друг с другом совершенно особые взаимоотношения. При подавлении восстания спартаковцев в 1919 году немецкая полиция захватила и арестовала члена Политбюро ЦК РКП(б) К. Б. Радека, но очень быстро из убогой камеры в берлинской тюрьме Моабит он был пересажен в другую, вполне комфортабельную, которую использовал как рабочий кабинет и даже принимал там посетителей из внешнего мира. С этого момента отсчитывается военное сотрудничество обоих государств в тайный обход решений Парижской мирной конференции. Первоначально Москва и Берлин рассматривали лишь возможность совместных действий на случай конфликта одной из сторон с Польшей, являвшейся опорой Версальской системы на Востоке, однако уже в начале 1921 года в министерстве рейхсвера была создана специальная группа для взаимодействия с РККА. В марте того же года начались переговоры о производстве на территории РСФСР запрещенной для Германии военной техники, а 11 февраля следующего года руководство рейхсвера и Красная Армия подписали временное соглашение о сотрудничестве.

Вообще же в области российско-германских отношений наглядно проявилось свойство любой революции вовлекать в свою орбиту всех так или иначе к ней причастных, причем с совершенно непредсказуемым, но обязательно фатальным результатом. Первоначально немецкий генеральный штаб финансировал революционные партии в России для ее ослабления и вывода из войны. Это ему вполне удалось, однако революция немедленно перебралась на саму Германскую империю и быстро разрушила ее. Теперь уже РСФСР, а потом и СССР попытались использовать немцев для развития мирового революционного процесса, но в итоге этих попыток возникла и укрепилась гитлеровская Германия. Во Второй мировой войне она была разбита и разделена надвое, однако последующее объединение ее половин стало одним из толчков к распаду Советского Союза. Остановился ли маятник процесса?

Начало 1920-х годов характеризовалось весьма тесными отношениями всех ветвей советских спецслужб с Коминтерном и национальными коммунистическими партиями, и хотя после ряда тяжелых провалов от подобной практики вскоре отказались, на первом этапе она принесла определенные плоды. В этом отношении следует отметить активные совместные усилия германской компартии и советской разведки по противодействию усилиям Франции расколоть страну. РСФСР/СССР преследовал цель подготовить целостную Германию к социалистической революции, для чего сразу после начала оккупации Рура нелегально отправил туда оперативную группу Разведупра. К этому моменту подпольные структуры ГКП уже начали линейное размежевание, и каждая из них отвечала за свое направление деятельности:

- С-группы — общая разведка;
- М-группы — агентурное проникновение в вооруженные силы и ведение подрывной деятельности в армии и на флоте;

- П-группы — аналогичная работа в органах полиции;
- ББ-группы — организация сети рабочих корреспондентов на предприятиях и ведение экономической разведки;
- Н-группы — обеспечение связи, выделение курьеров, изготовление паспортов и других документов;
- Т-группы — ударные отряды боевиков для проведения диверсий и актов террора.

Вместе эти подразделения составляли партийную секретную службу, в обиходе именовавшуюся “немецкой ЧК”. Ее возглавлял Ганс Киппенбергер, позднее избранный депутатом рейхстага, в котором он возглавил комитет по военным делам. Естественно, столь удачную позицию нельзя было подвергать риску компрометации, поэтому Киппенбергеру пришлось передать свои функции по руководству секретной службой ГКП Фрицу Бурде (“Эдгар”, “доктор Шварц”).

В 1923 году в Берлин прибыл В. Г. Раков (“Феликс Вольф”), в течение предыдущего года под именем Владимира Инкова работавший начальником отдела полпредства РСФСР в Вене. В действительности он являлся первым резидентом Разведупра в германской столице и, помимо этого, выполнял функции по руководству партийной разведкой ГКП. После отъезда Ракова на нелегальную работу в Соединенные Штаты Америки его пост последовательно переходил к Р. М. Кирхенштейну (“Макс”), А. Я. Пессу, Х. И. Салыню, А. М. Витолину и Я. Я. Аболтыню (К. М. Басов, “Рихард”).

Нелегалы Разведупра уделяли особое внимание подготовке Т-групп, однако, если не считать нескольких террористических актов в отношении французских офицеров, ударные отряды так и не приступили к действиям против оккупационных войск. Одной из основных задач партийной разведки являлось вскрытие и уничтожение нелегальной резидентуры 2-го бюро, но ни немцы, ни работавшие в том же направлении советские агенты не смогли обнаружить эту точку, скрывавшуюся под вывеской “Центра французской связи”.

1923 год в Германии оказался богатым событиями и ознаменовался не только оккупацией Рура французскими войсками, но и двумя неудавшимися попытками захвата государственной власти, с небольшим интервалом предпринятыми коммунистами и нацистами. Они преследовали одну и ту же цель, однако в остальном принципиально отличались друг от друга. Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) не имела внешней опоры и весьма плохо подготовила свое выступление, но все же начала его. Коммунистическая партия Германии, наоборот, располагала активной поддержкой со стороны Советского Союза и Коминтерна и тщательно спланировала все детали предстоящих действий, однако в последний момент отказалась от проведения восстания. Результат обеих попыток был одинаков — провал.

Первыми начали действовать коммунисты, еще летом 1923 года запланировавшие вооруженным путем установить советскую власть на всей территории Германии. Для этого они располагали 125 тысячами бойцов и 5 тысячами командиров, сведенных в 900 “красных сотен”. СССР ассигновал на германскую революцию 400 тысяч долларов и осуществлял поддержку ГКП силами Отдела международной связи Исполкома Коминтерна (ОМС ИККИ), внешней и военной разведывательных служб. Политбюро ЦК РКП(б) специально для этой цели 21 августа 1923 года создало Комиссию по международному положению, в которую вошли Зиновьев, Троцкий, Сталин, Радек и Чичерин, а позднее еще и Каменев, Дзержинский, Пятаков и Сокольников. С сентября в Германии находился Уншлихт, занятый формированием “красных сотен” (известных также как “сотни Уншлихта”) и секретной службы; там же неоднократно появлялись Берзин, Трилиссер и другие высокопоставленные руководители разведки. Конкретная дата восстания, которое должно было начаться с провокационных стычек с полицией, была назначена на 9 ноября. В преддверии этого в Германию выехала нелегальная делегация РКП(б) в составе Пятакова, Радека, Шмидта и Крестинского, двое последних отправились туда вместо планировавшихся ранее Куйбышева и Рудзутака. Радек выполнял функции политического руководителя, нарком труда Шмидт занимался созданием немецких советов, а член ЦК РКП(б) Пятаков отвечал за обеспечение координации и связи. Главным военным советником германских красных частей являлся П. А. Скоблевский, всего же в страну прибыло несколько сотен советских специалистов и советников, большинство из которых были военными и разведчиками.

Следует помнить, что СССР совершал все это в дружественном государстве, с которым у него имелись дипломатические отношения, торговый договор и соглашение о военном сотрудничестве. Более того, в 1923 году Германия являлась практически единственным “окном” в дипломатической изоляции Советского Союза, и все же подготовка к экспорту революции шла полным ходом, хотя Политбюро и испытывало определенные сомнения в ее осуществимости. В Москве дважды откладывали начало восстания, но, наконец, окончательное решение было принято. Все ожидали победных реляций Радека, однако в назначенный срок не произошло ничего. Убедившись в иллюзорности своих планов, эмиссары Коминтерна и руководители германской компартии проявили здравый смысл и остановили восстание. К несчастью, в Гамбург курьер с приказом об отмене выступления прибыл слишком поздно. Дисциплинированные немцы начали действовать точно в срок, но при отсутствии поддержки извне понесли большие потери и смогли продержаться против рейхсвера и полиции только три дня.

Ряд исследователей утверждает, что для советской разведки провал октябрьского восстания имел неожиданные и, как ни странно, благоприятные последствия. По их мнению, политический отдел берлинской полиции 1А якобы остался в непоколебимом убеждении, что все это явилось делом рук исключительно ГКП и Коминтерна, и что СССР как дружественная держава никогда не отважился бы на столь вопиющую акцию. Как следствие, все внимание полиции было поглощено коммунистами. Немцы не занимались серьезной разработкой советских спецслужб, поскольку полагали, что те просто используют территорию Германии в качестве плацдарма для работы по другим регионам, против чего никаких возражений не возникало. После этого ИНО и Разведупр приступили к работе уже без оглядки на скорую победу революции, а ориентировались на приспособление к условиям, как тогда считалось, “временной стабилизации капитализма”, хотя некоторых разведчиков все же перевели в более спокойную Австрию. В действительности все обстояло несколько иначе. Полиция Веймарской республики отнюдь не страдала близорукостью или наивностью и уже осенью 1923 года выявила если и не все детали событий, но их основную канву. Сравнительно малая известность этого факта объясняется простым стремлением германского руководства не афишировать перед всем миром свою осведомленность относительно подлинных организаторов беспорядков. Позднее Берлин получил ряд дополнительных доказательств участия Москвы в ноябрьском восстании, прежде всего от порвавшей с партией одной из руководительниц ГКП Рут Фишер. Некоторое время спустя был арестован и фактический командир “немецкой Красной Гвардии” Скоблевский. Весной 1925 года в Лейпциге над ним намечался суд, в преддверии которого ОГПУ арестовало двух переводчиков и одного дипломата из посольства Германии в Москве по обвинению в подготовке покушения на жизнь Сталина и Троцкого. Это позволило сторонам обменяться “пленными” и постепенно свести скрытый конфликт к минимуму. К августу 1925 года отношения СССР и Веймарской республики практически нормализовались, хотя никогда в дальнейшем они уже не были столь хороши, как до ноября 1923 года.

Несмотря на перечисленные инциденты, в продолжение всего периода времени между двумя мировыми войнами Германия являлась действительно надежной базой для развертывания операций советских разведывательных служб в Европе. Берлин оказался именно тем местом, в котором агенты ИНО впервые проникли в посольство Великобритании, а агенты Разведупра — в посольства Японии и США. На протяжении нескольких лет советская военная разведка получала информацию от двух дочерей начальника отдела сухопутных войск рейхсвера генерал-полковника Курта фон Хаммерштейн-Экворда, которых редактор коммунистической газеты “Рота фане” Вернер Хирш убедил в важности их работы для победы революции. Молодые женщины тайно фотографировали документы, с которыми работал дома отец, а также записывали содержание его разговоров с посетителями. В числе прочего, по этому каналу Разведупр довольно стабильно получал добытые разведкой рейхсвера сведения о вооруженных силах европейских государств. Также на Запад были ориентированы действовавшие в Берлине “Германо-советская торговая компания” (“Дерутра”), “Германо-советская нефтяная компания” (“Дероп”) и “Гарантийный и кредитный банк для Востока” (“Гаркребо”). Естественно, речь идет не об их уставных задачах, а о прикрытии разведывательных операций.

Важнейшую роль играло размещение в Германии наиболее эффективных подпольных мастерских по изготовлению документов для Коминтерна и спецслужб СССР, известных

также как “пасс-апарат”, или “пасс-центрль”. Формально этот аппарат считался нелегальной структурой ГКП и был создан в течение 1919 – 1920 годов, в 1921 году подвергся разгрому, однако вскоре был восстановлен и реорганизован. Вопреки названию, его продукцией являлись не только паспорта, но и все сопутствующие человеку в обыденной жизни документы, легализующие его образование, работу, воинскую службу, социальное страхование, уплату налогов и иные вехи жизненного пути. Паспортная линия являлась жизненно необходимым инструментом для внедрения нелегалов и обслуживалась разветвленной сетью источников. Специалисты этого профиля, или, на сленге разведки, “сапожники” при изготовлении документов использовали информацию о чернилах, которыми вносились записи в различные периоды времени, о распространенных в той или иной местности именах, о дефектах печатей, об особых требованиях полиции к регистрации граждан и многих других аналогичных деталях. Ежегодно в период с 1927 по 1933 годы в мастерских “пасс-апарата” изготавливались по 400 комплектов разного рода документов. В одной из них в 1932 году хранились различные шрифты, включая уже вышедшие из употребления, но еще имеющиеся в действующих бумагах, общей массой в 1,7 тонны. Документы заверялись подлинными и поддельными печатями различных государств от Турции и Болгарии до Голландии и США. Вспомогательные мастерские Коминтерна и разведывательных служб СССР располагались в Дании, Швеции, Швейцарии, Норвегии, Голландии, Бельгии, Саарской области, Австрии, Чехословакии и Данциге. Общее количество специалистов, вовлеченных на постоянной основе в деятельность этой подпольной полиграфической индустрии, достигало 170 человек. В ноябре 1932 года полиция разгромила располагавшуюся на берлинской Кайзер-аллее одну из мастерских “пасс-апарата”. Опубликованный в газете “Берлинер тагеблатт” отчет о результатах этой акции гласил: “В мастерской было обнаружено 2000 штампов, 600 бланков паспортов, 35 почти заполненных паспортов, 807 фотографий для паспорта, 710 штампов для подтверждения уплаты пошлины, 300 официальных бланков, 73 формы расписок, 57 штампов об уплате налогов, 165 свидетельств, 700 полицейских документов, 30 трудовых книжек и 650 бланков различных фирм”³⁵.

“Пасс-апарат” бесперебойно работал до 1932 года, но после нарастания угрозы прихода к власти нацистов его основные мастерские были переведены в находившуюся под управлением Лиги Наций Саарскую область. 1933 год принес новые проблемы и поставил перед “сапожниками” задачу срочного изготовления идентификационных документов на 600 переходивших на нелегальное положение членов ГКП. К этому времени “пасс-апарат” располагал примерно 5 тысячами паспортов, в числе которых были 1000 германских, 75 шведских, 300 датских, 75 норвежских, 400 голландских, 100 бельгийских, 300 люксембургских, 400 саарских, 200 подлинных и 700 фальшивых швейцарских, 300 австрийских, 600 чехословацких, 100 данцигских и около 500 германских паспортных форм³⁶. После вхождения Саарской области в состав рейха существовавшая система фабрикации документов была разрушена, а ее остатки, переведенные в Москву и Париж, никогда более не достигали столь впечатляющих масштабов.

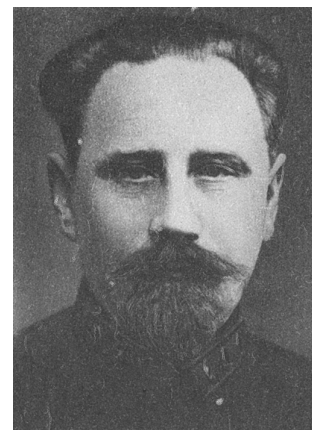
Среди задач советской разведки в Германии работа по эмиграции занимала достаточно скромное место. Это объясняется тем, что, хотя в стране обосновались свыше 600 тысяч эмигрантов из России, они образовали там намного меньше активно действующих контрреволюционных организаций, чем, например, во Франции. Тем не менее, в мае 1921 года в Баварии на так называемом Рейхенгалльском съезде был избран Высший монархический совет (ВМС) во главе с бывшим депутатом Государственной думы Н. Б. Марковым-вторым. Это была чисто политическая организация, которая лишь собиралась, но не сумела подмять под себя “Объединенную русскую армию” и таким образом обзавестись вооруженной силой. Совет активно искал контакты с единомышленниками в России, и после перехвата отправленного из Эстонии в Берлин письма князя Ширинского-Шихматова на него наткнулось ОГПУ. В результате этого возникло описанное далее знаменитое агентурное дело “Трест”. В Германии появилась также и организация экстремистски настроенных молодых офицеров-эмигрантов “Братство Белого Креста” (ББК), в которую сумел внедриться советский разведчик Н. Н. Крошко (“Кейт”). Однако эмигрантские организации в Германии интересовали ОГПУ и Разведупр во вторую очередь, поскольку они не пользовались поддержкой правительства страны пребывания и поэтому не представляли собой серьезной силы.

Резидентура советской разведки в Германии вначале работала исключительно с “легальных” позиций и была объединенной, основанной в самом начале 1922 года совместно ИНО и Региструпром. Ее возглавил военный разведчик А. К. Сташевский (Гиршфельд, Верховский), вследствие предательства одного из агентов почти сразу же расконспирированный и отозванный в Москву. В феврале того же года его сменил сотрудник ИНО Б. Б. Бортновский, пробывший в Берлине два года. Уже в 1923 году чекисты и военные разделились и создали параллельные сети, неофициально обозначавшиеся “Клара” и “Грета”. Бортновский остался резидентом внешней разведки, а на посту резидента Разведупра его сменил А. В. Логинов (Бустрем).

Б. Б. Бортновский

Удобное географическое положение немецкой столицы и уникальный характер взаимоотношений Германии с СССР привели к тому, что резидентуры обеих советских разведывательных служб вскоре приобрели ведущее значение и стали региональными, или главными. Берлинская точка военной разведки под руководством Н. В. Степанова называлась “Заграничным представительством Региструпра”, а в обиходе именовалась “Берлинским руководящим центром” или “Отделом военной разведки в Берлине”. Она руководила работой почти на всем европейском континенте,

А. В. Логинов

и резиденты Разведупра в Париже, Праге, Вене, Риме и некоторое время в Варшаве подчинялись Москве не напрямую, а через своего берлинского коллегу, являвшегося их непосредственным начальником. Приблизительно такой же статус имел “Отдел контрразведки в Берлине” ОГПУ, как именовалась размещавшаяся там “легальная” резидентура ИНО. К ее компетенции относились контрразведка, политическая разведка, разработка эмигрантских организаций и контрразведывательных органов противника. В 1924 году эта громоздкая и слишком самостоятельная структура была разукрупнена и потеряла исключительный статус, став просто группой крупных резидентур. К концу 1920-х годов обе советские разведывательные службы создали в Германии прочные оперативные позиции и широкую сеть агентуры, а также обзавелись добавочными “легальными” и нелегальными точками. 1924 год принес усиление работы по линии политической разведки (по терминологии того времени — дипломатическая разведка), с 1925 года приобретались источники по Италии.

Веймарская республика сохраняла высокий научный и технический потенциал, весьма интересовавший Советский Союз. ОГПУ с 1925 года выделило научно-техническую разведку (НТР) в самостоятельное направление и сориентировало ее в первую очередь на работу по Франции, Великобритании, Германии и США. В берлинской резидентуре добыванием немецких промышленных и экономических секретов руководил известный в будущем А. М. Орлов. Позже работу по линии НТР возглавил Г. Б. Овакимян, впоследствии прославившийся операциями по “атомному шпионажу”. Работа пошла столь успешно, что “Союз германских промышленников” вынужден был создать специальное общественное Бюро по борьбе с промышленным шпионажем. По его оценке, вероятно, весьма заниженной, к 1930 году ежегодный ущерб от этого вида деятельности иностранных спецслужб составил 800 тысяч марок. Аналогичное подразделение, но уже государственное, создала и берлинская полиция. История этого вопроса изобилует многочисленными провалами агентов, а о количестве оставшихся нерасшифрованными можно лишь догадываться. В 1926 году 20 сотрудников химического концерна “И. Г. Фарбен” были осуждены на различные сроки тюремного заключения от 3 до 12 месяцев за похищение промышленных секретов и переманивание на работу в СССР технологов и квалифицированных рабочих. Объем их нелегальной работы был столь велик, что ее пришлось выполнять силами двух параллельных групп, возглавлявшихся Альбертом Кнепфле и Георгом Херлоффом. Германская химическая промышленность особенно интересовала СССР, поэтому многие ставшие достоянием общественности случаи шпионажа касались именно этой области. Агентурному проникновению подверглись химические заводы и лаборатории в Биттерфельде, Ройтваме и Эберфельде,

а также некоторые другие предприятия отрасли. В 1931 году обстановка в концерне “И. Г. Фарбен” вновь привлекла внимание полиции и контрразведки. Эрик Штеффен и Карл Динстбах были расшифрованы как руководители многочисленной агентурной сети из инженеров и рабочих концерна, большинство из которых были осуждены на состоявшемся в апреле судебном процессе. На этот раз процесс вызвал сильный резонанс и повлек издание президентского декрета “О защите национальной экономики”, ужесточившего наказание за промышленный шпионаж до трех лет тюремного заключения, а в случаях работы на иностранную организацию — до пяти.

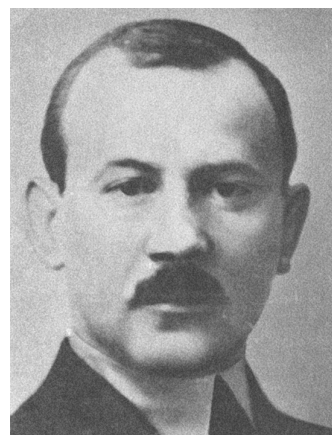
Первоначально штат сотрудников резидентур был весьма невелик. Например, в 1928 году личный состав “легальной” резидентуры ИНО насчитывал всего 8 человек, однако она имела 39 источников по Берлину и 7 по Парижу и обеспечила доставку в Центр 4947 информационных сообщений³⁷. С приходом в 1929 году на должность резидента Н. Г. Самсонова заграничный аппарат начал укрупняться, а в 1931 году, когда его сменил Б. Д. Берман, этот процесс особенно ускорился. В декабре 1927 года ИНО организовал нелегальную заграничную группу, которой руководил первый представитель поколения “великих нелегалов” Бертольд Карлович Ильк (“Беер”, “Хирт”), как и многие его коллеги, еврей, родившийся в Австро-Венгрии. С 1919 года 23-летний коммунист был вовлечен в подпольную партийную деятельность вначале в Австрии, затем в Венгрии и Германии, после чего перешел на разведывательную работу. Его резидентура курировала своего рода треугольник из балканского, балтийского и западного направлений и два года спустя уже снабжала Москву информацией по 15 странам, в том числе по Франции, Польше и Чехословакии. Совершенно независимым направлением являлась паспортная работа, как в собственных интересах, так и для Центра в целом. Берлинская точка имела высокую степень автономности. Достаточно указать, что нелегалы ИНО направлялись в Европу из Москвы лишь с самыми общими инструкциями, а крайне трудоемкие и ответственные обязанности по созданию прикрытия и разработке легенд возлагались на Берлин. Постепенно точка разрасталась и достигла численности в 50 человек, а в Варшаве, Данциге, Бреслау и Риге открылись ее подрезидентуры. Управлять столь громоздкой структурой было крайне сложно, поэтому возникшие в середине 1930 года немалые проблемы в этой области стали причиной выделения польско-прибалтийского направления в самостоятельную резидентуру. Ее возглавил И. Н. Каминский (“Монд”), за “Беером” же осталась работа по Германии, Великобритании и Франции, то есть по-прежнему весьма большой объем работы. Поглощенные сбором информации сотрудники постепенно стали пренебрегать требованиями конспирации, и после ряда произошедших по этой причине провалов в 1933 году основную резидентуру пришлось расформировать.

Н. Г. Самсонов

Б. Д. Берман

Б. К. Ильк

Следует подчеркнуть, что, несмотря на многочисленные успехи, ни в центральных аппаратах ИНО и Разведупра, ни в одной из их резидентур вплоть до начала 1930-х годов не сумели вовремя распознать растущую угрозу нацизма. Разведки всех остальных государств также не преуспели в работе по этому направлению, а между тем Национал-социалистическая рабочая партия Германии стремительно набирала силу и влияние. Когда выпускник

“курсов гражданственности” рейхсвера Адольф Гитлер в 1919 году вступил в руководимую Дрекслером Немецкую рабочую партию, она насчитывала всего несколько десятков членов, в августе 1921 года НСДАП имела в своих рядах 68 человек, но уже к ноябрю выросла до 3 тысяч. Нацистские лозунги сумели найти путь к сердцам многих, к ним тянулись самые разнообразные слои населения. Партия обещала возрождение Германии как великой державы, небывалый экономический рост страны в целом и каждого немца в отдельности, денонсацию позорного Версальского мирного договора, вывод оккупационных войск, наведение порядка в городах и селах. Недвусмысленно указывались враги нации и пути борьбы с ними. Как чеканно сформулировал в своих мемуарах А. Шпеер, людей покоряли “демонстрация порядка в минуту хаоса, проявление энергии в атмосфере общей безнадежности”³⁸. Простые и ясные демагогические лозунги взывали не к разуму, а к инстинктам, ибо интеллектуального анализа просто не выдерживали. Но некий гипноз притягивал к нацистам обездоленных люмпенов и мечтавших о реванше бывших офицеров, изнемогших от нищеты рабочих и тянувшихся к бесконтрольной власти авантюристов, хулиганствующую молодежь и уставших от уличной преступности горожан. Только интеллигенция практически единодушно с презрением отвергала новое движение, однако не на нее делал ставку Гитлер. Вступление в НСДАП героя-летчика Германа Геринга существенно прибавило ей притягательности и усилило контакты с рейхсвером, постепенно нашлись промышленники и финансисты, готовые предоставить денежную помощь. На эти средства уже с 1921 года партия сумела обзавестись ударной силой в виде “штурмовых отрядов” (СА), хотя до 1923 года они действовали только в южной части Германии. С этого же года рейхсвер начал передавать штурмовикам скрытые от Межсоюзнической военной контрольной комиссии секретные склады оружия. Несколько позже якобы для охраны митингов стали создаваться “охранные отряды” (СС), фактически служившие личной гвардией Гитлера и его противовесом чересчур независимым командирам штурмовиков. Для общественности их создание мотивировалось запретом СА в 1923 году и связанной с этим необходимостью образовать службу для защиты партии от террора противников.

В 1923 году Гитлер совершил известную под названием “пивного путча” первую пробу захвата власти, для начала только в Мюнхене. Он заручился поддержкой популярнейшего в народе генерала Людендорфа и 9 ноября попытался свергнуть баварское правительство, но подоспевшая полиция после десятиминутной перестрелки рассеяла ряды бунтовщиков. Некоторые, включая Гитлера, ненадолго лишились свободы, а нацистская партия временно ушла в подполье.

Провал путча сослужил нацистам неплохую службу. Наблюдатели заключили, что они никогда больше не вернутся на политическую сцену, тогда как левые силы в лице коммунистов и социалистов, способные стать реальным противовесом НСДАП, тем временем продолжали раздуваемую СССР и Коминтерном склоку между собой. Мало кто осознал, что будущий основной противник лишь перегруппировывал силы, а к тем, кто понял это, не прислушались.

Политическая обстановка в стране складывалась таким образом, что правительство Веймарской республики уделяло контрразведывательным мероприятиям значительно меньше внимания, чем борьбе с экстремистскими политическими течениями. Вероятно, именно это явилось причиной отсутствия в Германии в 1920-е годы централизованного органа гражданской контрразведки. Столичная политическая полиция располагала для этой цели отделом 1А, в других же городах аналогичные структуры могли быть несколько иными. Например, в Мюнхене политическая полиция значилась как VI отдел. В его составе имелись Служба 1 (антигосударственная деятельность, политические преступления и вопросы, относящиеся к обороне страны) и Служба 2 (контрразведка, пограничная полиция, наблюдение за иностранными военными, дипломатическим аппаратом и контроль за радиосвязью).

Вооруженные силы Веймарской республики вначале являлись исключительно оборонительными, и их секретная служба также носила оборонительный характер. В ее задачи не входили какие-либо наступательные операции, поэтому она ограничивалась защитой собственных государственных и военных секретов от разведывательного проникновения противника. Именно поэтому образованная 1 января 1921 года и подчиненная напрямую министру рейхсвера группа военной контрразведки носила скромное название абвер (“защита”). Некоторое время спустя она была преобразована в отдел, которым вплоть до 1927

года отделом руководил майор, впоследствии полковник Фридрих Гемпп. Штат его центрального аппарата в здании на улице Тирпицуфер вначале состоял из 2 — 3 старших, 4 — 7 младших офицеров и некоторого числа вспомогательного гражданского персонала. Позднее он увеличился до полутора десятков человек, но и тогда еще трудно было предугадать, в какого монстра он разрастется пятнадцать лет спустя. При штабах семи разрешенных Версальским договором военных округов в Кенигсберге, Штеттине, Берлине, Дрездене, Штутгарте, Мюнстере и Мюнхене, а также в Бреслау были созданы периферийные подразделения контрразведки, именовавшиеся “абверштелле” (“отделы защиты”), или сокращенно АСТ. В каждом из них служили по 2 — 3 офицера и несколько гражданских служащих. Первое время абвер занимался исключительно контрразведывательными вопросами, а позднее к его обязанностям была неофициально отнесена и разведка, хотя к практическому осуществлению этой задачи немцы приступили далеко не сразу. Версальские ограничения категорически запрещали Германии данный вид деятельности, да и средства на ее ведение отсутствовали. Первые попытки организовать разведку с позиций АСТ-Берлин-Ост, АСТ-Кенигсберг и вновь образованного АСТ-Данциг зафиксированы в 1923 году. До этого оперативная работа в вольном городе Данциге проводилась силами германской полиции под руководством ее начальника Фробесса. Следует отметить, что начальником АСТ-Данциг стал весьма известный в будущем германский контрразведчик Оскар Райле, ранее занимавший пост комиссара городской полиции.

Центральный аппарат абвера первоначально состоял из рефератов “Ост” и “Вест”, а в 1925 году произошла его первая серьезная реорганизация, не повлекшая, однако, существенного увеличения штатов и ассигнований на разведку и контрразведку. Теперь армейская секретная служба состояла из трех отделов (Абт):

- Абт-I — разведка;
- Абт-II — шифры, дешифрование и радиоразведка;
- Абт-III — контрразведка в войсках.

Веймарская республика остро ощущала свою уязвимость, в особенности с Востока. Локкарнский пакт гарантировал неприкосновенность ее западных границ, но агрессивная Польша и имевшая территориальные претензии к Германии Чехословакия представляли весьма серьезную опасность. В дополнение к официально разрешенным воинским контингентам в Германии существовал финансируемый крупными промышленниками так называемый “черный рейхсвер”. Это являлось величайшим государственным секретом и позволяло правительству несколько увереннее чувствовать себя в области внешней безопасности. Аналогичная ситуация наблюдалась и в сфере разведки. Вплоть до 1926 — 1927 годов основную информацию за рубежом собирали негосударственные гражданские секретные службы, естественно, работавшие по заявкам правительства и военного командования. Абвер являлся для них руководящей и координирующей инстанцией, однако иногда указания поступали в private службы напрямую из министерства рейхсвера или из оперативного отдела его генерального штаба, замаскированного под войсковое управление отдела сухопутных сил. Подобная схема позволяла в случае провала правдоподобно отрицать причастность правительства к операциям частных фирм. Организацию такого рода деятельности значительно облегчал традиционно высокий в Германии социальный статус офицеров разведки. Те из них, кто работал с легальных позиций, а остальные — после выхода в отставку с гордостью помещали на своих визитных карточках аббревиатуру “NO”, означавшую “офицер разведки”. Это позволялось не каждому, а только действующим и бывшим штатным сотрудникам разведывательных органов, получившим высшее военное образование, прошедшим специальную подготовку и совершившим как минимум одну спецкомандировку за рубеж, чаще всего под прикрытием коммерческой деятельности или путешествия. Такие люди пользовались всеобщим уважением, после выхода в отставку им было значительно проще отыскать работу, и поэтому, в отличие, например, от США, попасть в разведку стремились многие. Именно из таких людей и комплектовались кадры негосударственных разведывательных и отчасти контрразведывательных органов Веймарской республики.

Ведущую роль в процессе сбора разведывательной информации играла финансируемая преимущественно концерном Хуго Стиннеса компания “Германская заокеанская служба” (ДУД). Упомянутый промышленник оплачивал не только разведку, но и значительную часть расходов по содержанию “черного рейхсвера”, за что его военнослужащих в Германии часто именовали “солдатами Стиннеса”. Государство частично облегчало ему это

бремя путем предоставления самых выгодных заказов, скрытых налоговых льгот и иного рода покровительственных мер, однако не могло полностью покрыть издержки, поскольку и само оно, как уже указывалось, из-за огромных репарационных платежей постоянно балансировало на грани банкротства, а иногда и сваливалось за эту роковую черту. Центральный аппарат ДУД состоял из пяти основных подразделений:

- I отдел (сбор конфиденциальной информации);
- II отдел (“Германская экономическая служба, Гмбх”, создана несколько позднее);
- III отдел (пропаганда германских фильмов);
- IV отдел (“континентальной корреспонденции”, ведение пропаганды в зарубежной прессе и инспирирование нужных публикаций);
- V отдел (Специальная служба “Нунция”, ранее недолго именовавшаяся “Частным информационным бюро по Востоку и Западу”).

Основным органом нелегальной разведки в ДУД была “Нунция”, официальными задачами которой являлись взаимная поддержка участников компании путем сбора информации об экономической жизни и посредничество в экономических контактах с заграницей. Фактически же Специальная служба, в которой работало множество бывших офицеров разведки Второго рейха, в первую очередь предназначалась для ведения оперативной работы против Польши и Чехословакии. Кроме того, ее сотрудники совершали поездки по Европе и за ее пределы, в ходе которых восстанавливали утраченные контакты со своей прежней агентурой. Внешней разведкой в интересах правительства и рейхсвера занимались и другие негосударственные компании, но лишь “Нунция”, основанная по инициативе командующего рейхсвером генерала фон Секта и с согласия канцлера Вирта и президента Эберга, вела ее на постоянной основе. Организацию возглавляли сразу два бывших офицера разведки генерального штаба: майор Герман Лизер и капитан Карл Рау. Специальная служба имела несколько центральных офисов в Берлине (Краузенштрассе, 38/39 и Фридрихштрассе, 206/209), региональный офис в Шарлоттенбурге (Кантштрассе, 124 и Кохштрассе, 64), а также 11 периферийных отделений, отвечавших за соответствующие направления:

- 1-е (Берлин-Ост) — СССР, Польша и другие государства Восточной Европы;
- 2-е (Бреслау) — Польша, Чехословакия, Румыния, Юго-Восточная Европа;
- 3-е (Штеттин) — Скандинавия;
- 4-е (Дрезден) — Чехословакия, Австрия, Балканы;
- 5-е (Мюнхен) — Швейцария, Италия, отчасти Чехословакия;
- 6-е (Линдау и Бодензее) — Швейцария, Италия;
- 7-е (Кассель) — Франция, Италия, Бельгия, оккупированная зона Германии;
- 8-е (Гамбург) — Великобритания и неевропейские государства. Работало практически автономно лишь под общим надзором центра;
- 9-е (Кенигсберг) — Польша, Прибалтика, СССР;
- 10-е (Франкфурт-на-Одере) — Польша, Чехословакия;
- 11-е (Штутгарт) — Франция, Великобритания, Нидерланды.

Отделения с 1-го по 8-е были организованы в период 1921 — 1922 годов, остальные — несколько позже, в 1924 — 1925 годах.

На первый взгляд, список отделений свидетельствует о мощи “Нунции”, однако такое заключение было бы опрометчивым. Слабое финансирование со стороны государства ставило ее, как и всю ДУД, в полную зависимость от доброй воли предпринимателей, далеко не всегда способных позволить себе роскошь содержать разведывательную службу. Кроме прочих факторов, на рассматриваемый период приходится галопирующая инфляция немецкой марки, поэтому зарубежные операции требовали долларового финансирования, что создавало дополнительные трудности. Бюджет “Нунции” был довольно ограничен. Например, в 1924 году отделение в Бреслау получило на оперативные цели 54 тысячи долларов, из которых 36 тысяч предназначались для использования на польском направлении, 12 тысяч — на чехословацком, а остальные 6 тысяч приходились на все остальные государства³⁹.

На первом этапе, продолжавшемся по 1923 год, и государственные, и негосударственные разведывательные службы пытались возобновить операции по сбору информации за рубежом и внешней контрразведке, однако из-за весьма ограниченных средств их результаты оказались скромными. Кроме того, даже внутри военного ведомства существовала конкуренция за право заниматься разведкой. С абвером соперничал созданный 25 января 1919 года информационно-аналитический отдел “Иностранные армии” (ФХ) со штатом из 16

офицеров. Он также подчинялся войсковому управлению отдела сухопутных сил министерства рейхсвера, и его руководитель майор фон Раух, вскоре передавший должность майору фон Беттихеру, претендовал на монополию в ведении внешней разведки. Такое соперничество было характерным явлением для германских спецслужб в период Второй мировой войны, но, как видим, его истоки закладывались значительно раньше.

Тем временем ДУД попыталась несколько смягчить финансовые трудности и организовала в своем составе коммерческую компанию под названием “Германская экономическая служба, Гмбх” со статусом отдела фирмы. Ее задачей являлось ведение экономической разведки в интересах как государства, так и предпринимателей и финансовых кругов, которые за соответствующую плату могли заказывать нужные им направления исследований. Кроме того, этим же занимался расположенный в Кенигсберге “Экономический институт России и восточных государств”, только в Польше руководивший примерно 300 агентами. “Нунция” проводила активные операции против этой страны, и вскоре существование нового разведывательного органа перестало быть секретом для Варшавы. Поляки даже отметили, что германская секретная служба стала работать по-новому, применяя британскую схему организации разведки, то есть размещая на территории противника постоянные резидентуры под прикрытием коммерческих фирм. Немцы знали об этом и на протяжении ряда последующих лет несколько раз подбрасывали противнику фальшивые документы о роспуске организации. Ее сети глубоко проникли в Польшу и Чехословакию, однако на Западе использовались крайне осторожно из опасения спровоцировать новые санкции держав-победительниц. Заслуживает внимания факт подготовки немцами не только разведывательных мероприятий, но и диверсионных действий и саботажа. Некоторые отделения “Нунции” занимались почти исключительно подбором важных и уязвимых объектов для диверсий и изучением способов их уничтожения в период войны. Последний факт скрывался особенно тщательно.

“Нунция” работала с нелегальных позиций не только за рубежом, но и в собственной стране, информацией о ней не располагали даже спецподразделения гражданской полиции. В мае 1920 года для обеспечения внутренней и внешней безопасности государства было создано Бюро комиссара по надзору за общественным порядком во главе с бывшим старшим прокурором, а затем начальником жандармерии в Бадене полковником Кунцером. Информация к нему поступала от земельных комиссариатов по охране общественного порядка, а также от соответствующих подразделений центральной и пограничной полиций. Чтобы не зависеть от них, Бюро организовало во всех германских землях собственные информационные посты, наделенные правом ведения оперативной работы. Как всегда, в Пруссии возникла собственная аналогичная структура (III отделение политической полиции под руководством комиссара Отто Дрешера), после чего оба ведомства погрязли в ревности, обоюдных трениях и постоянном соперничестве. К концу 1920 года агенты Бюро в Берлине и Шарлоттенбурге обратили внимание на загадочные офисы, явно представлявшие собой штаб-квартиры каких-то засекреченных структур. Все попытки проникнуть в них не увенчались успехом из-за строгого пропускного режима, а выходявшие из них люди профессионально выявляли наружное наблюдение и избавлялись от него. Вначале полицейские решили, что обнаружили крупные резидентуры иностранной разведки, и доложили об этом по инстанции. Но даже комиссар по надзору за общественным порядком оказался бессилён получить какое-нибудь объяснение по поводу непонятных объектов. Все его официальные запросы переадресовывались в военное ведомство, где и пропадали, и в конце концов министр внутренних дел приказал Кунцеру убрать наблюдение и никогда более не интересоваться этим вопросом. Полицейские натолкнулись на структуры Специальной службы “Нунция”, в отличие от остальных подразделений ДУД, строго законспирированные. Реакция правительственных органов была естественной, поскольку до 1926 — 1927 годов Германия получала большую часть разведывательной информации о зарубежных государствах именно по этой линии. И лишь с укреплением абвера, после ухода с поста его руководителя полковника Гемппа, военные наполовину официально приняли на себя запрещенные функции. Специальная служба “Нунция” была окончательно распущена лишь на рубеже 1929 и 1930 годов, после чего ее офицеры и агенты перешли в абвер, а занимавшиеся внутренними вопросами — в министерство внутренних дел.

Контрразведывательную работу в Веймарской республике также вели отнюдь не только государственные органы. В стране открылось огромное количество частных детективных

бюро, часть из которых выполняла исключительно правительственные заказы. Более того, их возможности использовались и во внешней разведке. Во главе таких структур, как правило, стояли бывшие офицеры разведки и контрразведки, а также опытные полицейские, часто сотрудничавшие с абвером и Специальной службой “Нунция” на регулярной основе. Крупнейшей из них являлась созданная в Мюнхене в 1925 году “Германская имперская детективная организация”, постепенно открывшая 46 отделений в 13 странах Европы. Они располагались в Алленштайне, Амстердаме, Антверпене, Базеле, Берлине, Бреслау, Брно, Бромберге, Брюсселе, Будапеште, Будейовицах, Варшаве, Вене, Венеции, Гамбурге, Ганновере, Генуе, Граце, Гронингене, Данциге, Дижоне, Дрездене, Загребе, Кельне, Кенигсберге, Киле, Копенгагене, Кошице, Кракове, Лионе, Метце, Милане, Мюнхене, Нюрнберге, Париже, Позене, Ростоке, Рюгенвальде, Сегеде, Триесте, Франкфурте-на-Майне, Франкфурте-на-Одере, Хемнице, Цюрихе, Штеттине и Штутгарте. Аналогичный характер имел “Картель исследовательских бюро Бюргеля”, по заданию правительства отслеживавший коммунистическую деятельность в Германии и за ее пределами. Он имел 300 отделений, часть из которых использовалась в интересах внешней разведки. Например, отделение “Картеля” в Данциге собирало экономическую информацию по СССР, Польше, Финляндии, вольному городу Данцигу и Прибалтийским государствам. Частное разведывательное бюро “Ван Бенке” в Кенигсберге специализировалось на сборе информации о спецслужбах Польши и других государств, то есть вело классическую наступательную контрразведку. Руководитель политической полиции Второго рейха в период Первой мировой войны фон Тресков создал в Берлине разведывательное бюро под собственным именем. Фирма “Фон Тресков” занималась исключительно наружным наблюдением за персоналом иностранных дипломатических представительств в Берлине и Кельне, а также следила за сепаратистами в долине Рейна. Ведущим экспертом в этом бюро являлся бывший руководитель германской военной разведки Вальтер Николаи, одновременно работавший советником в абвере. Но описанное положение было временным и не могло продолжаться вечно. Рост бюджетных ассигнований на обеспечение безопасности с 225 тысяч марок в 1922 году до 700 тысяч марок в 1925 году постепенно делал излишними негосударственные полицейские органы и укреплял официальные структуры⁴⁰.

Аналогичная тенденция наблюдалась и в военной разведке. Абвер постепенно развивался и укреплялся. С 1927 по 1929 год им руководил майор, впоследствии полковник Гюнтер Швантес, с 1929 по 1932 год — подполковник Фердинанд фон Бредов, позднее дослужившийся до генерал-майора. 1 марта 1929 года абвер вместе с политическим и юридическим отделами и отделом кадров был переподчинен Управлению министерства рейхсвера, которым руководил генерал фон Шлейхер. Отдел разведки штаба ВМС протестовал против распространения деятельности абвера на все вооруженные силы, и к 1927 году это разногласие сильно обострилось. Год спустя морскую разведку влили в состав военной, оставив в распоряжении ВМС отдел оперативной разведки, но командующий флотом адмирал Редер не успокаивался и утверждал, что специфические интересы моряков в ведении разведывательной и особенно контрразведывательной работы совершенно не учитываются. Тогда в 1932 году военный министр принял мудрое решение и успокоил страсти, назначив на должность начальника секретной службы морского офицера, капитана 1-го ранга Конрада Патцига. До активного развертывания операций немецкой разведке оставалось всего несколько лет.

Оперативная разведка и информационная работа проводились видами вооруженных сил самостоятельно. Германия не имела права содержать военную авиацию, однако уже 1 марта 1920 года под кодовым названием “Группа ТЗ” возникло разведывательное отделение “Иностранные военно-воздушные силы” с секциями “Восток” и “Запад”. С 1 апреля 1927 года оно приобрело статус отдела и условный номер VI, руководил им барон Хильмер фон Бюлов. Морская разведка испытывала в Веймарской республике сложные времена. Распушенная в соответствии с условиями Версальского мира, она начала восстанавливаться уже в 1919 году, однако в течение некоторого времени весь ее штат состоял из одного начальника, капитан-лейтенанта Брауне. Первоначально на службу в это подразделение зачислялись исключительно гражданские лица, поскольку разрешенная для Германии численность военно-морских сил была столь незначительной, что едва позволяла укомплектовать экипажами оставшиеся корабли флота. В конце 1919 года после ухода Брауне на другой участок службы разведку возглавил также гражданский чиновник, имевший в подчинении всего двух че-

ловек. Лишь в октябре 1929 года ее руководителем вновь стал офицер, однако такая мера предназначалась лишь для экономии на заработной плате. В 1919 году флот негласно начал возвращать на службу своих криптографов, однако основная часть их работы заключалась в разработке собственных шифров и кодов. Созданный в октябре 1934 года Отдел морской разведки (2-й отдел главного штаба кригсмарине) поглотил ранее самостоятельные отделы разведывательных оценок и радиоразведки, а также подразделение ФМ. Разведку германского флота неофициально именовали АШ, поскольку ее внутренняя структура состояла из трех компонентов:

- А3а — отделение разведывательной связи;
- А3б — отделение радиоразведки;
- группа ФМ — “Иностранные военно-морские силы”.

До 1935 года численность морской разведки Германии не превышала 20 человек, а ее центральный аппарат из Берлина переместился в Киль. 2-й отдел главного морского штаба кригсмарине по декабрь 1939 года возглавлял капитан 1-го ранга Теодор Арпс.

Важность разведывательной работы прекрасно понимали и в министерстве иностранных дел. Поскольку вести агентурно-оперативную работу дипломатам не подобало, в МИД в 1919 году решили возродить криптоаналитическую службу, тоже запрещенную условиями Версальского мира. Ее первым руководителем стал бывший армейский дешифровальщик Курт Зельхов, возглавивший так называемый “Реферат I Ц”. Эта структура включала в себя и криптографов, и криптоаналитиков, и успешно координировала свою работу с коллегами из других министерств. Тогда же и военные в тайне от Межсоюзнической военной контрольной комиссии занялись возрождением криптоаналитической работы, открыв соответствующее подразделение под прикрытием “Добровольческого бюро оценок”. Все перечисленные структуры были довольно слабы и вместо координации усилий предпочитали конкурировать между собой. Тем не менее, их сферы деятельности все же несколько различались. Военные больше внимания уделяли перехвату и его анализу, а дипломаты сосредоточились на дешифровальной работе.

В этой области в 1919 году произошел весьма постыдный для германской контрразведки случай, возможный лишь в обстановке полного развала системы управления военным ведомством. В марте в штаб располагавшейся в Бреслау службы радиоперехвата и дешифрования Южной добровольческой армии явился человек в мундире капитана, представившийся доктором Виникером. Он заявил, что послан из Берлина для прохождения службы в радиоразведке, и был без проверки зачислен в ее штат. “Доктор Виникер” активно участвовал в работе ориентированного против Польши подразделения, часто телефонировал в столицу и на выходные обязательно уезжал из Бреслау. Его деятельность не вызывала никаких подозрений до августа, когда из кабинета начальника службы связи Южной армии исчезла совершенно секретная карта с указанием всех линий коммуникаций. Вместе с ней пропал и “Виникер”, оказавшийся польским агентом-нелегалом. Эта дерзкая операция позволила полякам накопить массу систематической информации о методах работы германской радиоразведки и дешифровальной службы, понять собственные слабости и, в конечном счете, заложить фундамент национальной криптографии.

По мере комплектования рейхсвера немцы распускали свои добровольческие формирования, и в 1920 году “Добровольческое бюро оценок” было преобразовано в Шифровальное бюро главного командования, несколько лет пребывавшее в составе абвера, а потом переданное в состав войск связи. 31 декабря 1921 года главное командование рейхсвера издало циркуляр, гласивший: “В целях совершенствования и дальнейшего развития криптографии и использования результатов службы перехвата следует обучать офицеров, пригодных для этого направления секретной службы. Такие офицеры должны обладать хорошим знанием радиотехники и математики, а также географии, и некоторым знанием иностранных языков (английского, французского либо восточных языков)”⁴¹.

С 1920 по 1925 годы армейские радиоразведчики преимущественно занимались перехватом и сбором информации из открытых источников, а дешифровальную работу в основном проводили по перехваченным радиограммам обеих сторон в советско-польской войне. Эта работа оказалась весьма успешной и прекрасно послужила цели совершенствования искусства криптоаналитиков, несмотря на то, что изучаемые шифры не были особо изощренными. С 1923 года перехваты радиообмена иностранных армий стали приобретать все более широкий характер, особенно в ходе проводившихся ими маневров и учений. К 1926

году стационарные посты радиоперехвата существовали уже в Кенигсберге, Франкфурте-на-Одере, Бреслау, Мюнхене, Штутгарте и Мюнстере, а еще через два года немцы осмелели настолько, что под видом почтовых и радиовещательных станций организовали их вблизи французской границы, в демилитаризованной Рейнской области. Все европейские государства в зависимости от организационной и технической сложности ведения против них радиоразведки разделялись на три категории. В первую из них входили Франция, Австрия, Бельгия и Голландия, принимавшие крайне примитивные меры радиомаскировки и использовавшие шифры слабой стойкости. Вторая категория включала Великобританию, Чехословакию и Югославию, которые обращали большее внимание на безопасность своих линий связи. К третьей категории относились исключительно сложные для ведения радиоразведки Польша и Советский Союз. Постепенно уровень работы криптоаналитиков возрастал, и увеличившийся объем перехваченной закрытой переписки начал уверенно дешифроваться. В частности, к концу 1920-х годов Германия располагала добытой по этому каналу практически исчерпывающей информацией по военно-воздушным силам Польши, включая организацию, структуру и тактические установки, номера каждого самолета и их двигателей, фамилии и характеристики пилотов и всех основных офицеров, параметры оборудования связи. Но однажды все это закончилось. Разведчики II отдела польского генштаба завербовали скромного почтового служащего, в обязанности которого входила сортировка писем и бандеролей, направляемых в Берлин из Бреслау и Франкфурта-на-Одере, что позволяло ему вскрывать интересующие их пакеты. Как ни странно, материалы радиоразведки направлялись в столицу не специальными курьерами, а по обычным каналам, и это дало возможность полякам находиться в курсе достижений немцев в перехвате. Они сменили свои шифры и всю организацию связи, а польский агент был совершенно случайно разоблачен и в ходе преследования утонул в одном из берлинских каналов.

Германия постепенно укрепляла свои позиции, в апреле 1926 года страну приняли в Лигу Наций, и она уже не просила, а требовала снижения репарационных платежей и досрочной эвакуации иностранных войск из Рейнской области. В обществе ширились требования пересмотра восточных границ под лозунгом: «Что было немецким, то должно снова стать немецким». 12 декабря 1926 года страны-победительницы договорились о снятии со страны военного контроля, и за три финансовых года ее военный бюджет вырос почти вдвое. Страна укреплялась, причем на вполне демократических основаниях, поскольку не создавала очаг военной напряженности, а лишь старалась вернуть себе достойное место в Европе и мире. С 1926 года действовал советско-германский договор о дружбе и нейтралитете, несмотря на который, СССР постоянно тайно вбивал клин между социалистами и коммунистами. В Советском Союзе изобрели термин «социал-фашизм», а социалистическую партию Германии объявили главной угрозой трудящимся. По правде говоря, левые силы, вероятно, соперничали бы между собой и без подталкивания извне, однако затеянная по указанию Москвы война с социалистами все же объективно способствовала приходу к власти НСДАП. Германию до основания потряс кризис 1929 — 1930 годов, который нацисты использовали для последнего рывка к власти, тогда как правительство Веймарской республики изо всех сил пыталось сдержать их натиск. С 1923 по 1932 год против членов НСДАП было возбуждено свыше сорока тысяч уголовных дел, по которым суммарные приговоры судов составили четырнадцать тысяч лет тюремного заключения и полтора миллиона марок штрафов. 13 апреля 1932 года полиция провела обыск помещений НСДАП с изъятием документов, за которым последовал запрет СА и СС, но это были уже последние потуги власти удержать положение. На рубеже десятилетий военизированные организации нацистов весьма разрослись и представляли собой серьезную силу. В 1929 году численность отрядов СА достигла сотен тысяч бойцов и неуклонно росла. СС также усиливались, хотя и далеко отставали от штурмовых отрядов, в декабре 1930 года они имели в своем составе 2127 человек⁴². Но уличные хулиганы и горлопаны из СА не шли ни в какое сравнение с элитным эсэсовским формированием, в составе которого в 1931 году появилась собственные органы безопасности.

Как ни странно, этот процесс не привлек внимание заинтересованных иностранных государств. Усилия их разведывательных органов обращались в основном на немецкие государственные институты, а немногие агентурные проникновения в нацистскую партию и ее

организации не удостоивались внимания руководства спецслужб. Например, в приоритетных задачах советской внешней разведки, поставленных перед ней в 1930 году Политбюро ЦК ВКП(б), не было ни слова ни о нацистской угрозе, ни даже о необходимости изучения внутривосточного положения Германии. ИНО ориентировали на вскрытие интервенционистских планов в отношении СССР, планов по его финансово-экономической блокаде, секретных военно-политических соглашений и договоров, а также на ведение научно-технической разведки.

Берлинская резидентура ИНО все же располагала близким к нацистской партии источником, которым являлся барон Курт фон Поссанер (А/270), 16 ноября 1931 года предложивший свои услуги по продаже информации об обстановке в НСДАП. Этот бывший сотрудник секретной службы СА был австрийцем по происхождению и гражданству и приходился племянником руководителю хеймвера князю Штарембергу. Разошедшись во взглядах с Гитлером, в 1930 году он подал на него судебный иск, не приведший к какому-либо результату, если не считать увольнения со службы в штурмовых отрядах. Среди множества нажитых фон Поссанером врагов имелись фигурировали влиятельные личности как Геринг, Геббельс и Рем, поэтому уже после установления его связи с советской разведкой барон получил предложение тихо и незаметно покинуть Германию. В обмен ему было обещано, что НСДАП не станет преследовать его. Упорный фон Поссанер отказался от этого предположения, не в последнюю очередь по настоянию резидента ИНО Б. Д. Бермана, и в знак внешнего примирения был полуофициально возвращен на службу в СА. А/270 дал советской внешней разведке множество наводок на вербовки и мог бы оказаться в дальнейшем весьма полезным, но перспективное сотрудничество продлилось недолго. В марте 1933 года, после прихода нацистов к власти, фон Поссанер попал под арест по категории “нежелательных иностранцев”. Через полторы недели он вышел на свободу, однако очень скоро исчез, а через некоторое время его тело было обнаружено со следами смертельных огнестрельных и колотых ранений. Советская разведка лишилась практически единственного источника, хотя бы отдаленно приблизившегося к руководящим кругам НСДАП.

Барон Курт фон Поссанер

Президент Германии Пауль фон Гинденбург с вновь назначенным канцлером Адольфом Гитлером

Буквально в последние месяцы существования Веймарской республики иностранные разведывательные службы и дипломатические ведомства все же разглядели зловещий характер грядущих перемен, но было поздно. Нацисты уже обладали широкой поддержкой в народе, финансовой подпиткой деловых кругов, многотысячными вооруженными формированиями и собственной секретной службой, пользовались симпатиями многих влиятельных чинов государственного аппарата и рейхсвера, тогда как их противники были разобщены и дестабилизированы. Для завоевания власти более не требовалось ничего.

Президент фон Гинденбург передал функции канцлера правительства фон Папену, а следующим актом этой одной из величайших драм нашего века стало назначение рейхсканцлером Адольфа Гитлера. В Германию пришел нацизм.

2. ФРАНЦИЯ

Франция являлась наиболее могущественной державой континента от Ла-Манша до Урала и абсолютно доминировала в послевоенной Европе. По господствовавшему в Пари-

же мнению, для сохранения такого положения требовалось всего лишь воспрепятствовать возрождению разгромленной в 1918 году Германии. Изнуренный гражданской войной Советский Союз из-за внутренней слабости не составлял серьезной конкуренции Франции, а иных противовесов ей тем более не усматривалось. Эта концепция объясняет все маневры государства, естественными соперниками которого, в том числе и в разведывательной области, являлись Германия и СССР. Однако, как известно, на протяжении 1920-х годов немцы практически были лишены возможности проводить тайные операции, зато СССР и Коминтерн почти сразу же атаковали одновременно и Третью республику, и расположенные во Франции эмигрантские организации.

Сравнительно лояльное к большевистской России правительство Аристида Бриана продержалось у власти до января 1922 года, когда после неудачного отчета премьер-министра перед Палатой депутатов о ходе Каннской конференции Национальный блок выразил кабинету недоверие и распустил его. К власти вернулся энергичный и агрессивный Раймон Пуанкаре, ранее заслуживший прозвище “Пуанкаре-война”. Немедленно сработал эффект падающих костяшек домино, и смена правительства во Франции повлекла за собой аналогичные последствия почти по всей Европе. Были отправлены в отставку польский, итальянский, австрийский, греческий кабинеты, едва усидел на своем месте даже почти харизматический Ллойд Джордж. Новый французский премьер сразу же перешел к решительным действиям. Он предложил Москве признать довоенные долги русского правительства и выплатить компенсацию владельцам национализированных предприятий и ценностей, на что получил категорический отказ. В ответном заявлении Наркоминдел Чичерин парировал: “Во всей Восточной Европе международные отношения не могут как следует наладиться и не может наступить прочный мир в результате враждебной деятельности французской дипломатии против Советской республики”⁴³. И это было чистой правдой, поскольку Париж вмешивался практически в любой вопрос, совершенно не обращая внимания на общепринятые политические и даже этические нормы. Однако период острой конфронтации продолжался недолго, в 1924 году кабинет вновь сменился и к власти пришли руководимые Эдуардом Эррио социалисты. Уже через несколько месяцев, 28 октября 1924 года было обнародовано официальное заявление: “Правительство республики, верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, начиная с настоящего дня признает де юре правительство СССР как правительство территорий бывшей Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника в этих территориях предшествующих российских правительств. Оно готово поэтому завязать регулярные дипломатические сношения с правительством Союза путем взаимного обмена послами”⁴⁴. Такой благоприятный для СССР оборот событий позволил в 1925 году открыть под прикрытием советского полпредства в Париже “легальные” резидентуры ИНО ОГПУ и Разведупра РККА, немедленно развернувшие в стране пребывания тайные операции.

В обоих разведорганах французское направление являлось приоритетным по нескольким причинам. Прежде всего, Франция считалась главным после Великобритании противником Советского Союза (а после 1929 года — главным без всяких оговорок). Во-вторых, обширные контакты французских военных и разведчиков в Польше и Румынии позволяли эффективно использовать эти страны в качестве плацдарма для агентурного проникновения в пограничные с СССР государства. В-третьих, сухопутная армия и военно-воздушные силы Франции были вполне современными, а военная промышленность — высоко технологичной; они представляли собой привлекательный и перспективный объект для военно-технической и научно-технической разведки. Наконец, Франция являлась местом расположения многочисленных эмигрантских организаций и поэтому чрезвычайно интересовала ИНО и КРО ОГПУ. Как уже указывалось, с 1922 года французское направление входило в сферу ответственности берлинских центров внешней и военной разведки.

Разведупр работал во Франции весьма активно и пользовался созданной там сетью Коминтерна и его секции — основанной в 1920 году французской коммунистической партии (ФКП). Военных разведчиков интересовали во Франции в основном военно-технические вопросы, а установлению дислокации частей, их тактике и боевой подготовке уделялось значительно меньшее внимание. Первым резидентом в Париже (1921 — 1922) стал Я. М. Рудник, известный также под фамилиями Лебедев, Степанов, Рэгт и Шаварош. В его активе значится вербовка члена Руководящего комитета ФКП и высокопоставленного функционера профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности Жозефа

Томмазо, причем этот контакт сохранялся в тайне от партии вплоть до 1924 года. На первом этапе существования ФКП ее руководство игнорировало рекомендации Коминтерна и ставило национальные интересы выше идеологических и классовых. Поэтому в 1924 году ИККИ начал программу полномасштабной “большевизации” французской компартии, для чего вначале добился принятия в ней принципа демократического централизма, а затем организовал замену функционеров выходцами из среды рабочего класса и таким способом создал контролируемое и революционное руководящее ядро. Именно после этого в ФКП была негласно организована секция связи с Коминтерном и СССР, существенно увеличившая разведывательную ценность партии для Разведупра, и советские контакты были наконец рассекречены в пределах ЦК. Пользуясь своими связями на самолетостроительных заводах, Томмазо наладил неплохую информационную сеть, вскоре, однако, попавшую в поле зрения противника. В отличие от своих коллег с Востока, французские коммунисты совершенно не обладали опытом подпольной борьбы и поэтому регулярно оказывались несложной добычей для местных органов безопасности. В декабре 1921 года контрразведка 2-го бюро генштаба по разведывательным каналам получила из Швейцарии сведения об активном внедрении советской агентуры на французские промышленные предприятия и об уже действующих на многих заводах агентах СССР. Военные передали их в гражданскую контрразведку, но в ней истинную роль Томмазо сумели установить лишь в 1923 году благодаря сигналу одного из рабочих, сам же агент успел ускользнуть от ареста и бежал в Москву. Коммунисты также спровоцировали в 1923 году беспорядки в нескольких полках французской армии, включая расквартированные в Германии оккупационные войска. Потерявшие терпение контрразведчики провели обыск в помещении штаб-квартиры ФКП, где обнаружили относившиеся к вооруженным силам страны секретные документы. В 1922 году Рудника на должности резидента Разведупра сменил С. П. Урицкий, пробывший на этом посту до 1924 года.

Бегство Томмазо отнюдь не разрушило систему советской разведки во Франции. Более того, 29 сентября 1927 года директор Главной сыскной полиции “Сюртэ женераль” признал, что агенты СССР сумели проникнуть в артиллерийский арсенал, центр по изучению танков, техническую секцию артиллерии, комиссию по пороху, авиационные части и на некоторые военные заводы. Коминтерн и Разведупр вместо бежавшего Томмазо установили связь с секретарем профсоюза кораблестроителей и металлургов Жаном Креме, негласно отвечавшим в компартии за контакты с советскими спецслужбами. Руководил им переведенный из Польши первый автономный нелегальный резидент Разведупра во Франции С. Л. Узданский (Еленский, Абрам Бернштейн). Креме точно так же использовал свои контакты на заводах, тоже попал под подозрение и тоже успел скрыться, однако французские контрразведчики учли уроки дела Томмазо. Вместо ареста они предпочли повести с советской разведкой оперативную игру, в ходе которой на протяжении нескольких месяцев подбрасывали ей дезинформацию. 19 апреля 1927 года карьеру Узданского прервал арест в момент получения от агента секретных материалов. Это стало одним из прокатившихся по миру в 1927 году громких провалов советской разведки, причем весьма крупным, поскольку вместе с Узданским были арестованы около сотни членов его сети. Креме успел бежать в Москву вместе со своей женой и помощницей Луизой Кларак, а в середине 1930-х годов уехал из СССР в Китай, дальновидно предпочтя укрыться от начавшихся в Москве репрессий. Дальнейшие сведения о его судьбе расходятся. Согласно одной версии, Креме утонул в Макао, но существует и другое, достаточно обоснованное предположение, согласно которому перед войной он все же вернулся во Францию, жил там под псевдонимом, в период оккупации участвовал в движении Сопротивления и мирно скончался в 1973 году. В отличие от него, Узданский попал в тюрьму, однако всего на трехлетний срок, поскольку в 1920-х годах европейские законы, как правило, предусматривали значительно менее суровые наказания за шпионаж, чем в следующем десятилетии. Следует отметить, что в обоих описанных случаях резиденты грубейшим образом нарушили существовавший запрет прямого выхода на местные компартии для работы против страны пребывания, результат чего не замедлил сказаться.

Одной из ярких участниц сети Разведупра являлась известная авантюристка баронесса Лидия Сталь, урожденная Чкалова (по другим данным, Чекалова). К сотрудничеству с советской разведкой ее привлек В. Г. Кривицкий (С. Г. Гинзбург), после чего с 1924 года Сталь под псевдонимом “Ольга” начала работать в сети Креме. После провала 1927 года она ускользнула от внимания “Сюртэ женераль” и скрылась в США, однако из-за угрозы уголовного преследования за подделку долларовых купюр вскоре вынуждена была бежать и

оттуда. Поскольку Сталь не значилась в картотеке французской контрразведки как опасный элемент, она без проблем возвратилась в Париж и открыла там на своей вилле элитный дом свиданий, использовавшийся также и для съема информации с его посетителей. Нелегальная деятельность как нельзя лучше соответствовала авантюристическому характеру женщины, но работать только на одну секретную службу ей оказалось недостаточно, и в 1930 году она установила связь с абвером. В конце 1933 года французская контрразведка раскрыла сеть Сталь, находившейся на связи с арестованными 19 декабря резидентом Разведупра Вениамином Берковичем и его женой. “Ольга” тоже была арестована в числе многих других агентов и приговорена к десятилетнему тюремному заключению, однако пробыла в камере лишь до 1940 года, когда вошедшие в Париж немцы освободили ее. В дальнейшем стареющая, но все еще обворожительная шпионка объездила с заданиями абвера Румынию, Польшу и Норвегию, а в 1945 году ускользнула от ареста и укрылась в Аргентине, где ее следы затерялись.

Лидия Сталь с адвокатами

После провала Узданского руководство оставшимися и по-прежнему многочисленными советскими агентами принял на себя П. В. Стучевский (Поль Мюррей, Буассона). С достойным лучшим применением упорством он проигнорировал категорические запреты Центра и грустный опыт своего предшественника, а поэтому был обречен повторить его финал. Связь с ФКП Стучевский поддерживал через изобретателя сети “рабочих корреспондентов” Исаю Бира (“Фантомас”). “Рабкоры” писали для печатных органов Коминтерна и коммунистической газеты “Юманите” безобидные заметки о положении рабочих, однако видимая глазу сторона их деятельности являлась лишь вершиной айсберга. Непосредственно ведал корреспондентами Клод Лиожье (“Филипп”), а общее руководство секретными операциями было возложено в партии на знаменитого Жака Дюкло. И вновь некоторые из рабочих в 1931 году проявили пронизательность и обратили внимание полиции на подозрительный характер вопросников “рабкоров”, зачастую содержавших и далеко не невинные пункты, касавшиеся технологических и военных секретов государства. Теперь уже Стучевский попал в тюрьму за шпионаж на те же стандартные три года, после чего никто из советских военных разведчиков даже близко не подходил к функционерам ФКП, оставив эти контакты Коминтерну.

В 1920-е годы французы вели явно неравную борьбу с советским проникновением в их страну. Противодействием иностранной агентуре занимались не более 100 сотрудников, наиболее известными из которых были Луи Дюкло из Главной сыскной полиции “Сюртэ жeneral” и капитан Эжен Жоссе из военной контрразведки. Первый из них возглавлял работу по сети Томмазо, а второй руководил советским сектором и всей дезинформационной работой. Несмотря на ограниченные ресурсы, в рассматриваемый период французы сумели выявить около сотни советских агентов, восемь из которых были приговорены к тюремному заключению. Все это получило огласку в прессе и весьма повредило репутации ФКП в глазах

народа, а также значительно испортило облик Советского Союза, помешав достижению запланированных пропагандистских успехов.

ОГПУ решало во Франции совершенно иные задачи, главными из которых являлись разработка и раскол эмигрантских организаций, а с 1922 года и ведение экономической разведки. Работа по контрреволюционным союзам имела более высокий приоритет, поскольку их разведывательная, диверсионная и террористическая деятельность создавала прямую угрозу для СССР. Наиболее эффективной формой борьбы с ними стали многочисленные оперативные игры, самой знаменитой из которых был многократно описанный “Трест”.

Строго говоря, эта игра начиналась не во Франции, да и вообще ее нельзя отнести территориально к какой-либо отдельной стране. В ноябре 1922 года ГПУ перехватило письмо переводчика бюро паспортного контроля английской миссии в Ревеле Юрия Артамонова к одному из руководителей Высшего монархического совета (ВМС) князю Ширинскому-Шихматову. В нем отправитель настоятельно рекомендовал адресату служившего в Наркомате путей сообщения А. А. Якушева в качестве надежного человека, на которого можно опереться в подпольной работе.

А. А. Якушев

Естественно, после возвращения из зарубежной командировки Якушев пробыл на свободе крайне недолго. Однако руководство контрразведки решило не идти по примитивному пути наказания или профилактики арестованного, тем более, что при этом неизбежно компрометировался факт перехвата переписки ВМС. Было решено попытаться использовать возникшую ситуацию для проведения наступательной операции.

Эта начальная часть истории неоднократно вызывала у исследователей серьезные сомнения. Некоторые из них полагают, что Якушев дал согласие работать на ОГПУ вовсе не в результате ареста и долгих убеждений, а задолго до появления письма Артамонова. Никаких доказательств подобного чисто умозрительного предположения не существует. Более того, оно абсолютно неверно, хотя бы по причине того, что в рассматриваемый период ОГПУ еще не было создано. Впрочем, для оценки дальнейшего хода событий этот факт, строго говоря, не имеет никакого значения. В любом случае Дзержинский и начальник Контрразведывательного отдела ГПУ А. Х. Артузов приняли решение создать легендарную подпольную “Монархическую организацию Центральной России” (МОЦР). После этого в том же ноябре 1922 года Якушев под видом руководителя МОЦР связался в Берлине с лидерами Высшего монархического совета, а год спустя — и с представителями “Объединенной русской армии”, позднее переформированной в “Российский общевоинский союз” (РОВС). В дальнейшем ему приходилось встречаться и с П. Н. Врангелем, и с великим князем Николаем Николаевичем, причем ОГПУ сумело использовать эти контакты для раскола монархического движения и добиться постепенной компрометации, а затем и отстранения Врангеля от дел. Фактическим руководителем РОВС стал генерал А. П. Кутепов, что сыграло в его судьбе роковую роль.

Сидней Рейли

Расстрелянный Рейли в морге

По мере развития оперативной игры ее задачи расширились, было решено добиться выхода на иноразведки, в частности, эстонскую, польскую и финскую, а через них и на британскую СИС. В ходе проведения “Треста” контрразведка заманила в СССР, пожалуй, самого известного из действовавших против Советского Союза английских разведчиков Сиднея Рейли, заочно приговоренного к смертной казни еще в 1918 году. Теперь, семь лет спустя, появилась возможность привести приговор в исполнение. Для сохранения доверия к операции и создания иллюзии безопасного пребывания Рейли в Советском Союзе пришлось инсценировать на границе случайную перестрелку, в которой англичанин якобы погиб при попытке вернуться в Финляндию.

Этот эпизод все же вызвал у части эмиграции некоторые сомнения в отношении МОЦР, и для спасения оперативной игры ОГПУ пришлось проводить целый комплекс специальных мероприятий по укреплению пошатнувшегося доверия к “Тресту”. Главные трудности для продолжения игры стала создавать экстремистски настроенная и очень подозрительная помощница Кутепова М. В. Захарченко (Шульц). Любая спецслужба при наличии сомнений в ком-либо ведет себя стандартно и всегда устраивает проверку, а в данном случае РОВС решил совместить ее с грандиозным террористическим актом. Планировалось отравить газом всех делегатов съезда Советов в Большом театре и одновременно захватить Кремль силами офицерского отряда численностью в 200 человек, которым постепенно надлежало просочиться через границу и лишь в последний момент сконцентрироваться под Москвой. Захарченко ни в малейшей степени не доверяла Якушеву и потому предложила назначить руководителем акции бывшего участника описанной далее операции “Синдикат” А. О. Опперпуга (“Э. О. Стауниц”), игравшего роль заместителя главы МОЦР — одну из самых загадочных и противоречивых фигур негласного аппарата ВЧК/ОГПУ. Подлинное имя этого человека до сих пор вызывает у историков разногласия, поскольку он пользовался фамилиями Упелинц (Упелинш), Касаткин, Селянинов, но наиболее известен как А. О. Опперпуг. В одном из исследований этого вопроса отмечается: “Наш герой носил двойное имя — Александр-Эдуард, и в русском обиходе узаконивалась то первая, то вторая его часть. В семье было и две фамилии: Опперпуг и Упелинц, причем до революции он носил вторую, а после революции перешел на первую... Вдобавок в писаниях современников об Опперпуге фамилия его орфографически не унифицирована: подчас в одной и той же статье она предстает то как Опперпуг, то как Оперпуг, то как Оперпуга, не говоря уже о явных искажениях в устах современников (Опертут, Оверпуг)”⁴⁵.

М. В. Захарченко (Шульц)

А. О. Опперпуг

Г. Н. Радкович

Естественно, все планы Захарченко стали известны ОГПУ. Контрразведчики с содроганием узнали о волне террора, которую собирались поднять Кутепов и его фанатичная помощница, решившие вначале забросить в СССР группу из 20-30 боевиков для нанесения постоянных беспокоящих ударов, а затем наращивать свои акции. Намерения простирались еще дальше и включали в себя отравление запасов зерна в элеваторах, распространение особо опасных болезнетворных микроорганизмов, потопление в море учебного парусника “Товарищ” и множество других, не менее масштабных акций. В этой ситуации стало ясно, что чрезмерно затянутый “Трест” пора сворачивать, однако решение несколько запоздало, и финальная стадия операции по существу стала для ОГПУ провальной. Находившаяся в

СССР Захарченко после случайного ареста за пьяный скандал своего мужа Г. Н. Радковича (в некоторых источниках — Радкевич) решила помочь ему выбраться в Финляндию и сама тоже перебралась туда вместе с Опперпутом, о подлинной роли которого по-прежнему пока не догадывалась. На новом месте этот совершенно неустойчивый и непредсказуемый человек, должный контроль за которым отсутствовал, внезапно решил, что настал удобный момент не только выскользнуть из-под власти ОГПУ и скрыться на Западе, но и неплохо заработать при этом. Он оставил в СССР письмо, в котором извещал госбезопасность о своем уходе из Советского Союза и требовал за неразглашение факта своей работы на контрразведку 125 тысяч рублей единовременно и по тысяче рублей ежемесячно. Не получив денег, в Финляндии Опперпут сразу же заявил представителям 2-го отдела финского генштаба и английской СИС о легендарном характере МОЦР, однако репутация этой организации в глазах западных спецслужб была настолько высока, что ему просто не поверили. Тем не менее, в эмигрантских кругах начали распространяться различные версии, слухи и измышления об этой истории, где Опперпута именовали “советским Азефом” и даже “сверх-Азефом”. Он решил положить конец кривотолкам и в номере рижской эмигрантской газеты “Сегодня” за 17 мая 1927 года опубликовал открытое письмо под сенсационным заголовком: “Агент ГПУ Опперпут-Стауниц приступает к разоблачениям”. В нем перебежчик заявил о своей прошлой работе на советскую контрразведку и раскрыл некоторые детали работы КРО ОГПУ, хотя до определенного времени умалчивал о подлинном содержании МОЦР. Письмо умалчивало о заманивании в СССР Рейли, хотя не скрывало этого в отношении Савинкова и Тютюнника.

Заявление было настолько невероятным, что первоначально мало кто отнесся к нему серьезно. Однако вскоре результаты рассмотрения ряда провалов вышли за пределы узких кругов РОВС и стали достоянием общественности. К расследованию случившегося подключились и другие видные деятели эмиграции, а также десятки, если не сотни лиц меньшего масштаба. Получили хождение версии как о фальшивости “прозрения” Опперпута и о продолжении его сотрудничества с ОГПУ, так и о том, что все изложенное представляет собой плод его больной фантазии. Эта история резко обострила конфликт между А. П. Кутеповым и великим князем Николаем Николаевичем; не остался в стороне даже сосредоточившийся на чисто военных вопросах Врангель. Позднее руководство РОВС решило продолжить практику засылки в СССР террористических групп, одной из которых стала тройка Захарченко, Опперпут и Ю. Петерс (Н. Н. Вознесенский). Исследователи расходятся во мнениях относительно причин, заставивших перебежчика рискнуть совершить смертельно опасный для него рейд, и объясняют их то его авантюристическим характером, то безысходностью, то продолжением оперативной игры ОГПУ. Как бы то ни было, боевики прибыли в Москву и 3 июня предприняли неудачную попытку взрыва здания по улице Малая Лубянка 3/6, в котором размещалось общежитие чекистов. После ее провала все трое решили уходить обратно через кордон, но на границе в Смоленской области были задержаны и погибли в перестрелке, избавив ОГПУ от сложного, обременительного и дорогостоящего зарубежного поиска предателя для сведения счетов. В этот же день произошли еще три террористических акта, создавшие впечатление хорошо спланированной атаки на СССР: убийство на Варшавском вокзале полпреда П. А. Войкова, взрыв в центральном партийном клубе Ленинграда и гибель в подстроеной железнодорожной катастрофе под Минском заместителя председателя полпреда ОГПУ по Белорусскому военному округу И. К. Опанского.

Смерть возглавлявшейся Захарченко тройки террористов регулярно подвергалась сомнению. В эмигрантских кругах неоднократно высказывалось мнение, что они были захвачены живыми, и что Опперпут направлен работать на ОГПУ в Китай. Более того, некоторые утверждали даже, что резидент НКВД СССР, действовавший с 1941 по 1945 годы в оккупированном немцами Киеве под видом барона фон Мантейфеля, в действительности являлся Опперпутом⁴⁶. Однако более трезво мыслящие люди скептически отнеслись к подобным гипотезам и не сомневались в гибели, по крайней мере, Петерса и Захарченко. Радкович попытался отомстить за гибель жены и вместе с другим боевиком Д. С. Мономаховым перешел границу СССР для совершения террористических акций. Вечером 6 июля 1928 года, в первую годовщину обнародования официального извещения о попытке теракта на Малой Лубянке и в день вынесения приговора по Шахтинскому делу, они бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ и практически сразу были захвачены, при этом Радкович застрелился, а его напарник предпочел арест. Этим эпизодом закончилась одна из самых известных опера-

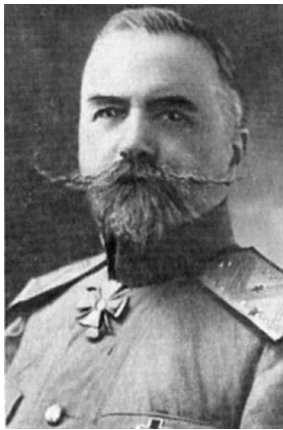
А. П. Кутепов

тивных игр советской контрразведки с выходом на закордон. В итоге “Треста” Кутепову пришлось перестроить всю систему террористической работы РОВС. Произошедший в 1927 году разрыв отношений между СССР и Великобританией породил у многих эмигрантов иллюзию близкого выступления всей Европы против коммунистического режима и отчасти спровоцировал новую серию терактов.

Агентурная сеть РОВС рушилась, сам союз раскалывался изнутри, но его фактический руководитель Кутепов при поддержке начальника разведки Драгомирова продолжал террористическую деятельность. Даже нанесенный “Трестом” урон его престижу лишь укрепил решимость генерала продолжать борьбу и усилил иллюзии в отношении ее успешности. В качестве ближайших задач были определены убийство Сталина, взрывы военных заводов, убийства руководителей ОГПУ и одновременное убийство командования всеми военными округами СССР. Естественно, эти грандиозные планы имели мало шансов быть выполненными целиком, однако даже частичный их успех таил в себе вполне реальную угрозу, поэтому главным приоритетом ИНО в континентальной Европе оставалось противодействие активной части эмиграции. Разведка спланировала и осуществила радикальную операцию по похищению Кутепова и доставке его в СССР для последующего допроса и суда. Распространенная версия о причастности к похищению агента ОГПУ генерала Скоблина является ошибочной, в действительности его осуществила “группа Яши” (Я. И. Серебрянский). 26 января 1930 года под видом приглашения в полицию для конфиденциальной встречи главу РОВС выманили из дома, и три человека в форме французских жандармов силой затолкали его в машину. Версии дальнейших событий расходятся. Одни утверждают, что Кутепова вывезли на пароходе в Советский Союз, но всего лишь за сто миль до Новороссийска он умер от сердечного приступа. Это маловероятно, поскольку все возвращавшиеся через Босфор суда со специальными пассажирами и грузами разведки всегда заходили в ближайший советский порт Одессу, а уж такого важного пленника, как глава РОВС, тем более не подвергли бы риску дополнительного перехода через все Черное море с запада на восток. По другим непроверенным данным, после форсированного допроса прямо в Париже Кутепова убили, а тело растворили в ванне с кислотой. Наиболее же правдоподобной представляется третья версия, согласно которой генерал уже в машине почувствовал неладное и попытался оказать сопротивление, в ходе которого умер от сердечного приступа и был закопан во дворе дома одного из агентов ОГПУ в предместье Парижа. Как бы то ни было, больше 48-летнего председателя “Российского общевоинского союза” никто живым не видел. Любопытно, что эта операция в течение долгого времени охранялась не только от общественности, что было вполне естественным, но и от самих сотрудников советской госбезопасности. Даже в секретных и совершенно секретных материалах, в частности, в изданном в 1977 году учебнике ВКШ КГБ при СМ СССР по истории органов государственной безопасности СССР или в сборнике КГБ № 1 за 1971 год (статья “50-летие внешней разведки”) допускались только осторожные намеки на то, что советская разведка “принимала участие в создании условий, которые привели к уходу Кутепова с политической арены”⁴⁷. При этом умалчивалось о том, что председатель РОВС ушел не только из политики, но и из жизни, причем бесследно.

Его преемником стал обладавший меньшим авторитетом и более консервативный генерал Е. К. Миллер, идеология которого постепенно дрейфовала в сторону фашизма, что отпугивало одних и привлекало других. При нем союз продолжал тайные операции, но уже скорее по инерции. Тем не менее, эмиграция продолжала официально оставаться объектом номер один для внешней разведки, поскольку руководство СССР никак не могло избавиться от навязчивого кошмара нового вторжения в страну белых армий. К 1933 году приоритеты изменились. Главным объектом стал теперь прибывший к этому времени из Турции в Париж давний соперник и личный враг Сталина Троцкий. Однако не прекращалась и разработка РОВС, ИНО вербовал все новых агентов, в том числе довольно высокопоставленных. Среди них значились адмирал Крылов, бывший начальник агентурной разведки российского генштаба генерал Монкевиц и бывший председатель Высшего экономического совета в кабинете Керенского, затем министр торговли в правительстве Колчака в Омске

Третьяков. Последний являлся агентом ОГПУ с 1929 года и сумел оказать ему особенно важные услуги. На средства ИНО он снял три квартиры в доме на рю де Колизе, 29, где располагалась штаб-квартира РОВС, и с помощью вмонтированных чекистами микрофонов вплоть до 1940 года подслушивал и записывал все мало-мальски важные совещания и переговоры союза. Эта операция стала основой литерного дела “Информация наших дней”, в результате которого было принято решение окончательно уничтожить белую эмиграцию как политическую и боевую силу. Для этого ИНО использовал своего агента, командира сводного корниловского полка генерала Н. В. Скоблина (“Фермер”), с 1933 года возглавлявшего в союзе направление “секретной деятельности в Финляндии”, а затем и всю “инострannую контрразведку”. 22 сентября 1937 года он пригласил Миллера на встречу якобы с германскими разведчиками. Председатель РОВС не исключал возможность ловушки и на всякий случай оставил на столе записку с сообщением об этом приглашении. Его подозрения оказались обоснованными, вместо немцев генерала встретили советские агенты. Они усыпили его хлороформом и в деревянном ящике доставили на грузовике в Гавр на борт судна “Мария Ульянова”, которое срочно прервало выгрузку, ушло из порта с “дипломатическим грузом” и 29 сентября прибыло в Ленинград.

Е. К. Миллер

Скоблин был объявлен полицией в розыск, но сумел укрыться в Испании, где, по некоторым данным, погиб при бомбардировке Барселоны. Попала во французскую тюрьму и там умерла помогавшая ему жена, знаменитая певица Надежда Плевицкая. Любопытно, что Миллер пережил почти всех инициаторов и организаторов своего похищения от наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова до завербовавшего Скоблина, и Плевицкую, и бывшего офицера П. Г. Ковальского. Генерала довольно долго содержали в тюрьме под именем Петра Васильевича Иванова и расстреляли лишь 11 мая 1939 года. При следующем председателе генерале Шатилове РОВС фактически прекратил свое существование как реальная сила, а внешняя разведка занялась поиском путей обезвреживания Троцкого.

Франция традиционно уделяла большое внимание развитию секретных служб. Толчком к этому послужило ее сокрушительное поражение в войне с Пруссией 1870 — 1871 годов, отчасти обусловленное плохой постановкой разведки. Вторая империя Луи Наполеона оказалась в этом отношении совершенно несостоятельной, и после ее краха одним из первых военных мероприятий стало основание 2-го (разведывательного) бюро генерального штаба, в составе которого было учреждено занимавшееся оперативной работой отделение статистики. Следующее по значимости воздействие на реформу системы военной разведки Франции оказало печально знаменитое “дело Дрейфуса”, после чего та приобрела структуру, с которой вошла в Первую мировую войну. Французские спецслужбы в этот период обладали рядом специфических сильных и слабых сторон, существенно отличавших их от большинства иностранных аналогов.

Несомненно, самой удачной областью их деятельности стала радиоразведка, которую осуществляло находившееся в составе военного министерства Бюро шифров. Уже к 1915 году под руководством Франсуа Картье оно превратилось в мощную службу, ведавшую вопросами шифров, дешифрования и радиоперехвата, что доказывает изрядную дальновидность руководства страны. Накануне войны во всем мире лишь Франция и Австро-Венгрия организационно обособили подобные подразделения, остальные же правительства еще не сумели осознать важность такого шага. Однако радиоразведкой и дешифрованием занимались не только военные, но и структуры министерств внутренних и иностранных дел, ожесточенно конкурировавших в этой области друг с другом и с армией. Созданная в 1909 году межминистерская криптографическая комиссия не сумела улучшить координацию их усилий из-за весьма печального явления — политизации секретных служб различных ведомств и вовлечения их в бюрократические сражения в интересах своих министров. Это зачастую порождало и утаивание от конкурентов важных для безопасности государства сведений, и подбор компрометирующих материалов на противников, и примитивный шантаж. Общая угроза перед лицом внешнего врага объединила соперников лишь ненадолго и не полностью. Тем не менее, французская разведка в период Первой мировой войны достигла максимума успехов и влияния, и это время по праву считается ее “золотым веком”. Кроме того, именно

французы координировали информационную и оперативную работу всех разведок Антанты и содержали в Париже объединенное Межсоюзническое разведывательное бюро. Однако вскоре после 1918 года спецслужбы Франции быстро пришли в упадок и превратились в обычные бюрократические учреждения, во многом отражавшие упадок самой Третьей республики в целом.

Военная разведка входила в обязанности 2-го бюро генерального штаба, контрразведкой ведало 5-е бюро. Собственные 2-е бюро имели военно-морское министерство и министерство авиации, разведкой занимались также министерство иностранных дел, министерство колоний и многие другие правительственные департаменты. В рамках 2-го бюро действовало оперативное подразделение, именовавшееся Службой разведки (СР), также созданное в 1871 году с учетом опыта франко-прусской войны. В 1899 году после скандального “дела Дрейфуса” ее расформировали, передав часть структур во 2-е бюро, а контрразведку — в “Сюртэ женераль”. Во 2-м бюро после этого была образована секция СР, отвечавшая за внешнюю агентурно-оперативную работу, военную контрразведку, перехват телефонных переговоров и централизацию информации, полученной от других служб. После Первой мировой войны Служба разведки в значительной степени утратила свою роль, ее деятельность ограничивалась контрразведывательными аспектами и сбором разведывательной информации по открытым источникам. Однако такое незавидное положение продлилось недолго. Оставаясь структурным подразделением 2-го бюро генерального штаба, СР постепенно сумела вернуть себе прежние роль и значение, и теперь в ее функции вновь входили сбор информации из различных, в том числе агентурных источников, контрразведка, перехват телефонных переговоров и анализ иностранной периодики. СР была в значительной степени автономной, а ее руководитель имел право прямого доклада начальнику генерального штаба. Центральный аппарат Службы разведки в рассматриваемый период имел следующую внутреннюю структуру:

- Административный сектор;
- Германский сектор;
- Русский сектор;
- Итальянский сектор (Средиземноморье и Ближний Восток);
- Английский сектор (территория Британской империи);
- Сектор оперативной техники;
- Секция “Д” (перехваты и дешифровку);
- Секция военного снаряжения (изучение вооружения иностранных армий и составление справочников по ним);
- Секция централизации разведки, или СЦР (борьба со шпионажем на объектах вооруженных сил, в том числе в контакте с органами гражданской контрразведки).

Зарубежные резидентуры СР располагались в Дортмунде, Эссене, Берлине, Варшаве, Стамбуле, Бухаресте, Брюсселе, Лондоне, Шанхае, Пекине, Тяньцзине и Сингапуре. Руководителям Службы разведки полагался ранг полковника. С 1918 по 1922 год ее возглавлял Бувар, с 1922 по 1928 год Лене, в 1928 году обязанности начальника разведки недолго исполнял Мерсон, после чего его сменил Лоран, находившийся на этом посту до 1932 года. Собранные СР сведения докладывались 2-му бюро генерального штаба, а также в части, их касавшейся, направлялись во 2-е бюро армии, флота и авиации.

Кроме данных Службы разведки, 2-е бюро генштаба извлекало информацию из ежедневных сообщений военных атташе, которыми руководила его секция иностранных армий. Следует отметить весьма высокий уровень профессионализма служивших там офицеров, проходивших серьезное обучение и, как правило, очень ответственно относившихся к своим обязанностям. К сожалению, как и другие аналогичные службы в рассматриваемый период, французская разведка не имела в своем составе информационно-аналитического подразделения, и ее сводки в основном представляли собой набор фактов без серьезного анализа. При их чтении руководство вооруженных сил и государства утопало в деталях, не получая главного — прогнозов. Кроме того, во 2-м бюро отсутствовало подразделение, координировавшее его деятельность с разведкой МИД, что серьезно ухудшало итоговый результат работы обоих ведомств.

Гражданская контрразведка во Франции возлагалась на входившую в систему судебной полиции Главную сыскную полицию (“Сюртэ женераль”). Она являла собой некую комбинацию политической полиции и контрразведки и работала вполне эффективно, особенно ее служба внутренней разведки СТ (“наблюдение за территориями”). Одним из известных

достижений этой службы явился арест в декабре 1926 года британского разведчика капитана Вивиана Стрэндерса, у которого был изъят список заданий СИС по сбору информации на французских военных заводах. Разразившийся небольшой политический скандал не смутил шефа контрразведки Луи Дюклу, продолжавшего охотиться на иностранных агентов вне зависимости от их национальной принадлежности.

Кроме СТ, функции по защите государственной безопасности осуществляла Служба политической разведки (СРП), созданная немедленно после окончания Первой мировой войны вместо существовавшего Ведомства по контролю за индокитайскими войсками. Специфика мышления восточного человека требовала особого подхода, а по надежности колониальные части значительно уступали европейским, поэтому оставлять их без присмотра было рискованно. В 1923 году это ведомство распустили, а вместо него в составе министерства колоний создали Службу контроля и помощи проживающим во Франции жителям колоний (КАИ). Она не относилась к оперативным или следственным структурам, официально ее основной задачей являлась оказание помощи проживавшим на территории метрополии жителям колоний, но в действительности КАИ главным образом надзирала за проникновением в их среду левых идей и организаций. В 1926 году в архивах службы имелись досье на 1087 неблагонадежных вьетнамцев, алжирцев и других жителей французских территорий, однако контрразведывательная ценность работы КАИ практически равнялась нулю, поскольку квалифицированным аппаратом для борьбы с иностранным шпионажем она не располагала.

1920-е годы ознаменовались значительными провалами в области безопасности шифров и кодов французской армии и неоднократными компрометациями достижений криптоаналитиков, становившихся известными противоположной стороне. Это не вызывает удивления, поскольку сразу после окончания войны финансирование и штаты шифровальных и дешифровальных подразделений были значительно сокращены, и такое пренебрежительное отношение со стороны государства не могло не обернуться полным развалом работы в соответствующей области. Например, в 1920 году армии полагалось иметь всего 17 военных криптографов, а из-за различных проблем их фактическая численность была еще меньшей и долгое время не превышала 12 человек. Один из наиболее вопиющих случаев произошел в 1922 году в Бейруте, когда ленивый молодой французский лейтенант попросил своего итальянского друга и коллегу помочь ему закодировать секретное сообщение. В 1925 году представитель Франции в Марокко в ходе переговоров с группой испанских офицеров указал им на одного из своих сотрудников и отрекомендовал его как человека, который читает для него их шифровки. Весьма удивившиеся столь непонятной откровенности испанцы немедленно сменили свои коды. Подобные случаи происходили неоднократно и в сложной международной обстановке были весьма некстати.

3. РОДИНА ФАШИЗМА

К юго-востоку от Франции в 1920-е годы развернулись неожиданные и заметно встревожившие Европу события. Возмутителем спокойствия стала Италия, внезапно начавшая активные действия по пересмотру установленных Версальской системой границ. На Парижской мирной конференции страна формально входила в число держав-победительниц, однако всерьез с ней никто не считался. Когда из-за отказа удовлетворить территориальные претензии Рима на город Фиуме (Риеку) итальянская делегация во главе с премьером Витторио Орландо демонстративно покинула конференцию, на это просто не обратили внимания, равно как проигнорировали и ее последующий униженный возврат. После сокрушительного разгрома итальянской армии у Капоретто, в результате которого лишь срочное вмешательство англичан и французов сумело сохранить Италию в числе воюющих участников коалиции, ей откровенно пренебрегали.

Серьезные пограничные споры Рима с Веной и Белградом, на протяжении многих лет служившие источником напряженности в их взаимоотношениях, естественным образом определили главное направление его разведывательной активности. Следующими по важности объектами являлись колонии Италии в Северной Африке и военно-морское соперничество с Францией в бассейне Средиземного моря. Рим всегда уделял серьезное внимание своим спецслужбам и располагал несколькими оперативными структурами, существенно реорганизованными в ходе Первой мировой войны. После реформы 1916 года войсковая разведка

была поручена Отделу ситуаций и боевых операций верховного командования, контрразведка — Отделу контрразведки и военной полиции, а функции по сбору информации в тылу и за границей и вся агентурная разведка возлагались на Разведывательную службу верховного командования (бывший отдел “Р”). Она выполняла также обязанности политической, экономической и радиоразведки, для чего располагала подразделением радиоперехвата и дешифрования, а ее инфраструктура состояла из размещенных вдоль границы периферийных бюро. В сентябре 1917 года службу возглавил полковник Одоаро Маркетти, сумевший удержаться на своем посту после военного и разведывательного фиаско у Капоретто исключительно по причине недолгого пребывания на этой должности к моменту начала сражения. Небольшие собственные спецслужбы имелись у министерства внутренних дел, у командования военно-морских сил и даже у президиума совета министров. Подобная раздробленность приводила к отсутствию координации работы, распылению кадров и постоянному соперничеству спецслужб, лишь в небольшой степени смягченным реформой 1916 года.

Весной 1919 года Европу встревожили действия отряда мятежных итальянских военнослужащих под командованием известного поэта Габриэле д’Аннунцио. Он захватил югославский порт Фиуме (Риека), на который итальянцы безуспешно претендовали еще во время Парижской мирной конференции. Очень скоро их заставили убраться оттуда, но экстремистские элементы в стране поняли, что поставленных целей можно и нужно добиваться всеми доступными способами. 23 марта 1919 года левый журналист и редактор газеты “Попполо д’Италия” Бенито Муссолини провозгласил на митинге образование фашистской партии и заявил, что во внешней политике ее первоочередной целью является захват соседней Албании. Однако планы фашистов, вскоре ставшие государственной программой, простирались много дальше. Как некогда древние римляне, Италия объявила Средиземное море “*mare nostrum*” (“нашим морем”), что предусматривало завоевание военно-морского господства в регионе и доминирование во всех прибрежных странах бассейна. Франция смотрела на это свысока и, как многое другое, не принимала всерьез. И, как и во многих аналогичных ситуациях, довольно скоро раскаялась в своей близорукой политике.

Первоначально фашистская партия была весьма слаба и немногочисленна, и, как часто случалось, ее развитию косвенно способствовали коммунисты. К 1921 году в составе Коминтерна была образована итальянская секция — коммунистическая партия Италии (КПИ), оттянувшая от социалистической партии немало приверженцев и ослабившая ее, чем не замедлили воспользоваться фашисты. К этому моменту они располагали всего 7% парламентских мест, но многие влиятельные лица в правительстве скрыто симпатизировали им и негласно поддерживали, как позднее нацистов в Германии. Это позволило Муссолини обзавестись реальной вооруженной силой в виде сформированных полувоенных отрядов “чернорубашечников”. Год спустя при явном попустительстве официальных властей он совершил так называемый “поход на Рим” и захватил некоторые ключевые точки города, в том числе его телефонные станции. Армия и полиция имели все возможности быстро подавить мятеж, однако король Виктор-Эммануил III малодушно отказался санкционировать применение силы. Вместо этого 29 октября 1922 года по его декрету правительство возглавил Муссолини, после чего спокойствие в регионе исчезло почти на четверть столетия.

Заветной мечтой Муссолини стало возрождение Римской империи, при этом врагом нации номер один он полагал игнорировавшую интересы его страны Версальскую систему. Фашистская партия приступила к воспитанию в миролюбивом итальянском народе воинственного и наступательного духа, а внешняя политика государства приобрела откровенно агрессивный характер. Дилетантский подход дуче к дипломатии заставлял ее совершать немислимые зигзаги. В 1923 году Муссолини решил возродить наполеоновскую идею континентального блока против Великобритании, однако не встретил поддержки и с 1924 года начал сближение с Москвой, которая была рада любому союзу, тем более с идеологически довольно близким режимом. Но уже после Локарнской конференции ориентация итальянской дипломатии развернулась на 180 градусов, и основным курсом было признано сближение с Лондоном против Парижа. В 1925 году Муссолини встретился с Чемберленом, провел с ним переговоры, осмелел и попытался захватить Абиссинию (Эфиопию). Ее император обратился за помощью к Лиге Наций, с которой Италия пока еще считалась, поэтому на этот раз итальянский лидер сделал вид, что ничего плохого не замышлял, а его действия были просто неправильно истолкованы. С середины 1920-х годов Рим почти перестал скрывать агрессивные намерения в отношении Югославии, и практические акции дипломатов были направ-

лены на обеспечение будущего захвата этой страны. В 1926 году пакт с Албанией позволил Италии ввести в страну свои войска для создания угрозы Белграду, в следующем году был подписан договор о дружбе с Венгрией. Дуче все плотнее смыкал кольцо вокруг намеченной жертвы, одновременно создавая мощный военный флот. При поддержке Британии Италия выдвинула десять пунктов требований по Средиземному морю, в основном сводившиеся к претензиям признать ее гегемонию в бассейне и прилегающих к нему странах. В 1925 году итальянская пресса заговорила о необходимости войны, а еще через год подготовка к ней стала открытой официальной программой фашистской партии и правительства. Агрессивная внешняя и внутренняя политика потребовали соответственного реформирования секретных служб, что и было предписано в 1925 году несколькими королевскими декретами.

Все началось с подавления оппозиции. Внутренние проблемы относились к компетенции созданного в 1919 году и почти не изменявшегося в течение последующих 55 лет Отдела общих и тайных дел при секретариате Генеральной дирекции общественной безопасности. Он состоял из Отделения общественного порядка с центральной политической картотекой и ведавшего контрразведкой Иностранного отделения. Восемь лет спустя к нему добавили Отделение подрывных движений, которому подчинили картотеку, секцию политических ссылок и ОВРА — образованную 28 декабря 1927 (по некоторым другим данным, в 1926 году) года тайную политическую полицию, первоначально именовавшуюся “Специальной полицейской инспекцией”. Название ОВРА иногда считают аббревиатурой “Opera vigilanza repressione antifascismo” (“Институт надзора и подавления антифашистского движения”), иногда — аббревиатурой “Organizzazione Volontaria per la Repression dell’ Antifascismo” (“Добровольная организация по подавлению антифашистского движения”), иногда — укороченным словом “спрут” (*piovra*), но в действительности оно не означало ничего конкретного и было специально выбрано для создания атмосферы загадочной и пугающей неопределенности. В 1930 году Муссолини инструктировал создателя и одного из руководителей ОВРА: “Мы должны преобразовать специальную инспекцию полиции в таинственную, могущественную и всеохватывающую организацию. Все итальянцы должны будут ежеминутно чувствовать, что они находятся под контролем, что наблюдает и изучает глаз, который никто не сможет обнаружить. Каждый итальянец будет находиться как бы перед жерлом орудия, перед двумя руками, готовыми схватить его в каждый момент. Новая организация будет обладать неограниченной властью и возможностями. Она должна охватить всю страну как чудовищный дракон, как гигантский спрут. Именно так, как спрут”⁴⁸. До 1929 года организацию возглавлял Гвидо Лето, а после него — Микеланджело ди Стефано, уже имевший в подчинении 11 генеральных инспекторов, около 80 сотрудников центрального аппарата более низкого ранга, 600 оперативных работников и многочисленную агентуру.

Создание ОВРА привело к серьезному изменению задач и функций исполнительного органа, ранее отвечавшего за обеспечение внутренней безопасности режима — сформированной 1 февраля 1923 года Добровольческой милиции для национальной безопасности (МВСН). Она была создана в соответствии с решением Большого Фашистского Совета, однако являлась не партийным, а государственным институтом и входила в состав вооруженных сил Италии. Высшим руководящим органом МВСН было ее генеральное командование, во главе которого стоял начальник главного штаба милиции. До 1924 года формальным главнокомандующим считался Эмилио де Боно, одновременно до 1924 года возглавлявший Генеральную дирекцию общественной безопасности. Пост главнокомандующего генерал покинул в 1925 году, а в октябре 1926 года его место занял сам Муссолини. Добровольческая милиция для национальной безопасности не была однородной и состояла из нескольких специализированных милиций (Милиция территориальной противовоздушной обороны, Милиция береговой артиллерии, Железнодорожная милиция, Портовая милиция, Лесная милиция, Почтово-телеграфная милиция, Дорожная милиция) и Регулярной милиции. Специализированные милиции строились по территориально-объектовому и объектовому принципам, а Регулярная милиция — только по территориальному. При формировании она разделялась на 13 зон, впоследствии преобразованных в 4 группировки, а затем опять в зоны. Давнее пристрастие дуче к практике и терминологии Древнего Рима полностью сказалось в ситуации с МВСН. Ее основу составляли легионы, делившиеся на когорты и центурии. Постепенно, по мере развития органов безопасности Италии, Добровольческая милиция для национальной безопасности утратила функции противодействия внутреннему врагу и превратилась во вспомогательный институт регулярных вооруженных сил страны.

Разведывательную службу верховного командования Италии к 1925 году переименовали в СИМ — Службу военной разведки. С 1921 по 1926 годы ее возглавлял полковник Виджевано, о котором у коллег осталось прекрасное впечатление: “Аттилио Виджевано стал начальником СИМ и в определенной степени преобразовал ее, поставив на солидную основу. СИМ обязана ему тем, что, пустив прочные корни, смогла противостоять всем превратностям фашистского двадцатилетия. Не будучи в состоянии скрыть антипатию к фашизму, Виджевано вынужден был в 1926 году оставить пост руководителя службы, после чего для нее наступил тяжелый период упадка и гонений, едва не уничтоживших ее”⁴⁹. Можно добавить, что через год после отставки Виджевано загадочно быстро скончался в возрасте всего 53 лет. К октябрю 1925 года СИМ значительно расширилась и состояла уже из пяти отделов, в 1927 году ее передали в прямое подчинение начальника генерального штаба. Муссолини опасался слишком прочно сидящих в кресле руководителей разведки, поэтому до января 1934 года они менялись весьма часто: Камилло Калеффи (декабрь 1919 — февраль 1921 года), Аттилио Виджевано (февраль 1921 — апрель 1926), Карло Барбьери (май 1926 — июнь 1927), Луиджи Тозелли (июль 1927 — июнь 1929) и Марио Вертеллино (июль 1929 — декабрь 1931); все они были полковниками. Усилия СИМ в основном сосредоточивались на решении чисто военных задач, к политическим операциям правительство в рассматриваемый период ее не допускало.

Фашистская Италия, безусловно, относилась к числу государств с агрессивной и воинственной внешней политикой, следовательно, и ее секретная служба теоретически должна была действовать столь же напористо. Но этого не произошло, то ли по причине слабости кадров, то ли из-за пренебрежения Муссолини этим аспектом внешней деятельности. До прихода к руководству СИМ в 1934 году Марио Роатта итальянская разведка в основном ориентировалась на добывание военно-морских секретов Франции на Средиземном море, чтобы как-то поучаствовать в кораблестроительной гонке 1930-х годов, и только к 1927 году СИМ установила контакты с македонскими террористами и начала осторожно снабжать их оружием для дестабилизации ситуации на Балканах. Кроме того, в 1923 году разведка итальянского флота провела одну совсем не свойственную спецслужбам акцию. На верфях в Кралевице с 1918 года ремонтировалось несколько австро-венгерских торпедных катеров, которые в качестве трофеев полагалось передать Сербии, следовательно, Югославии. Италия всячески саботировала эту передачу, а когда она стала неизбежной, то после демонтажа всего возможного вооружения и оборудования офицеры морской разведки облачили в комбинезоны и лично облили кислотой все металлические части кораблей, в результате чего их боевая пригодность оказалась весьма сомнительной.

Марио Роатта

Разведывательная служба фашистской партии была небольшой и в основном обслуживала ее собственные нужды, хотя и располагала отдельными резидентурами на Мальте и в Тунисе. Зато разведка МИД пользовалась покровительством министра иностранных дел и зятя самого Муссолини Галеаццо Чиано и по этой причине являлась наиболее энергичной из всех итальянских спецслужб. В ее активе числятся поддержка македонских террористов, тунисских националистов, египетского короля Фуада, помощь другим фашистским партиям, в том числе в Соединенных Штатах Америки, проведение массовой пропаганды в Югославии, Албании и Австрии, содержание вещавшей на Хорватию подпольной радиостанции и располагавшегося на территории Венгрии лагеря подготовки усташских боевиков. Почерк разведки МИД отличался обилием диверсионных и террористических акций, что явно выходило за традиционные рамки, характерные для разведывательных дипломатических служб большинства государств мира.

Одним из первоочередных объектов заинтересованности всех без исключения итальянских спецслужб являлось образованное в 1929 году государство Ватикан, на истории которого следует остановиться несколько подробнее. Его некогда могущественная предшественница, Папская область, со второй половины 19-го века неуклонно утрачивала свое политическое влияние и постепенно клонилась к закату. В сентябре 1870 года, после ухода из

Рима расквартированных там французских частей, итальянские войска оккупировали город и положили конец существованию старейшего в Европе государства. Папская область исчезла с политической карты мира, а папа Пий IX объявил себя “затворником Ватикана” и категорически отказался покинуть свой дворец. Воцарившаяся в Риме Савойская династия и правительство Италии осознавали, что возникшая конфронтация чревата международным скандалом и потерей престижа. Особенно пугала их вполне реальная перспектива повторения бегства папы под покровительство иностранного государства, как это произошло во время революции 1848 года. Во избежание дипломатического кризиса и компрометации нового режима такое развитие событий требовалось пресечь любыми возможными способами. Одним из них стала организация полицейского наблюдения за действиями папы и его аппарата, порученная специально созданному подразделению римской полиции под руководством комиссара Джузеппе Манфрони. К 1873 году в Ватикане уже действовал разветвленный агентурный аппарат, в котором, однако, преобладали слуги и мелкие чиновники. Под наблюдение были взяты все выходы из дворца.

Папа и его окружение знали о действиях итальянской полиции, но по причине отсутствия собственной секретной службы эффективно противостоять им не могли. Существовавшая в первой половине столетия подчиненная делегатам и губернаторам агентурная сеть исчезла вместе с Папской областью, а никакая новая система безопасности ее не сменила. Ватиканская полиция была крайне малочисленна и выполняла исключительно задачи по физической охране и поддержанию порядка. Пий IX старался извлечь из сложившейся ситуации хоть какую-то пользу и неоднократно использовал расшифрованных итальянских агентов в качестве канала для доведения нужных ему сведений до правительства Италии.

В самом начале 1900-х годов, в понтификат Льва X, Ватикан все же предпринял попытку организовать собственную секретную службу. В этот период внутри католической церкви шла борьба между модернистами и традиционалистами, на волне которой возшла звезда провинциального священника из Умбрии Умберто Бенини, занявшего пост заместителя государственного секретаря и неофициального пресс-секретаря Святейшего престола. Созданная им секретная служба не имела ни названия, ни структуры и финансировалась из сметы государственного секретаря кардинала Мерри дель Вала. Бенини использовал те же методы, что и все светские разведывательные и контрразведывательные организации на рубеже веков, а именно агентуру, наружное наблюдение, перехват и перлюстрацию корреспонденции. Руководитель разведки не располагал центральным аппаратом и замкнул на себя все этапы сбора, обработки и рассылки информации, начиная с вербовок агентуры и заканчивая составлением аналитических обзоров и сводок. Агентами Бенини были в основном священники, семинаристы и некоторые прихожане, но вскоре он расширил свою вербовочную базу, обратив внимание также на итальянских чиновников и полицейских. Ему благоволили кардинал дель Вал и сам папа. Несмотря на тщательную конспирацию, слухи о негласной деятельности заместителя государственного секретаря начали распространяться и вызвали немалое раздражение и неудовольствие, особенно в кругах модернистов. Основным объектом заинтересованности секретной службы являлись церковные дела, однако иногда ее агенты доставляли и политическую информацию, чаще всего по Италии. Тем неожиданнее для непосвященных стал внезапный перевод 48-летнего главного разведчика Ватикана в Коллегию апостольских протонотариев, где утратившие способность к какой-либо полезной деятельности престарелые священнослужители коротали последние отпущенные им годы. Этот архаичный институт сохранялся в силу давних традиций, а члены коллегии, редко моложе 80 лет, не несли никаких обязанностей и не имели никаких прав, равно как и вообще конкретных задач. Обитатели Ватикана строили различные гипотезы относительно причин падения Бенини и в основном сходились на том, что бывший священник из Умбрии излишне увлекся шпионажем и забросил дипломатические обязанности заместителя государственного секретаря, от которых его никто не освобождал. Некоторые считали, что пламенный приверженец традиционализма оказался чересчур каноническим и, согласно известной поговорке, в буквальном смысле “пытался стать большим католиком, чем папа римский”. В любом случае, после недолгого обсуждения этой темы многие уверились в том, что вместе с необъяснимой кадровой перестановкой ушла в прошлое и “теневая” секретная служба Ватикана. Пост заместителя государственного секретаря по чрезвычайным вопросам занял монсиньор Эуженио Пачелли.

В реальности же дела обстояли совершенно иначе. Бенини действительно был перегружен секретными обязанностями и не успевал выполнять свои традиционные дипломатические обязанности, но выводы из этого были сделаны иные. Он сам предложил убрать себя с дипломатического поста и разрешить сосредоточиться на разведывательной работе, что одновременно позволяло замаскировать ее продолжение. Глава секретной службы получил одобрение госсекретаря, согласившегося выплачивать ему на новом месте 7000 лир в год вместо прежних 5100, а также ежемесячно добавлять к этой сумме несколько сотен лир на оперативные расходы⁵⁰. И с нового конспиративного адреса на имя “Чезаре Натурелли” агенты по-прежнему продолжали получать инструкции и указания. Однако расчеты Бенини были опрокинуты рядом не учтенных им обстоятельств. Прежде всего, после оставления поста заместителя государственного секретаря он утратил многие необходимые в разведывательной работе легальные возможности, что резко ослабило позиции его службы во внешнем мире. Собственно, служба как таковая в действительности и не существовала, поскольку Бенини не располагал центральным аппаратом, а совершал все действия в одиночку и фактически являлся не начальником, а просто единственным офицером разведки. Новая работа в Коллегии апостольских протонотариев предоставила ему значительную свободу, но одновременно и лишила возможности направлять запросы нунциям и апостольским делегатам Ватикана. Теперь все дипломаты были совершенно вольны отвечать на его письма или же игнорировать их. Кроме того, группа встревоженных действиями организации Бенини бельгийских и германских священников предприняла собственное негласное расследование и смогла расшифровать некоторых из его агентов. Покровительствовавший разведчику госсекретарь кардинал Мерри дель Вал покинул свой пост, а его преемник Пьетро Гаспарри совершенно не разделял увлечения своего предшественника тайными операциями. Да и новый папа Пий IX, не понимавший важности разведки, недвусмысленно заявил в августе 1914 года об окончании эпохи тайной дипломатии. С этого и начался закат руководимой Бенини организации, об отсутствии которой впоследствии в Ватикане еще не раз пожалеют.

Быстро лишившийся влияния апостольский протонотарий упорно продолжал свою тайную войну против модернизма и либерализма, не поняв, что церковь уже прекратила бороться с этими двумя течениями внутри себя. Со скудными средствами он маниакально пытался вывести свою состоявшую лишь из него самого разведывательную службу на уровень аналогичных организаций ведущих государств мира. Бенини разработал некоторые интересные новшества в разведывательной технике и системах безопасности, например, светочувствительную бумагу для ведения закрытой переписки. При несанкционированном доступе к документам она немедленно засвечивалась, что одновременно и указывало на компрометацию материалов, и достаточно надежно исключало утечку информации по этому каналу. Однако технические ухищрения не могли компенсировать отсутствие должной организации и недостаточное финансирование разведки. К 1914 году Бенини превратился почти в параноика, которому везде мерещились законспирированные враги и заговоры, он стал неким прообразом будущего руководителя контрразведки ЦРУ Энгтона, хотя и значительно менее известным. В довершение всего в церковных кругах начали циркулировать слухи о работе “Чезаре Натурелли” против Германии по заданию русской разведки, что, скорее всего, являлось попыткой компрометации со стороны его врагов. Однако одновременно начали вскрываться и реальные эпизоды деятельности секретной организации Ватикана. В марте 1915 года редактор газеты “Дюссельдорф Тагеблатт” Хайнц Браувайлер заявил оккупационным властям в Бельгии о наличии у него доказательств существования заговора против Германии, организованного католиками и шпионами под общим руководством Умберто Бенини. В качестве одного из основных агентов этой сети был назван адвокат из Гента Йонккс. 18 мая военная полиция доставила его к следователю для допроса, относительно хода и результатов которого имеются германская и католическая версии. В Ватикане утверждали, что адвокат поддерживал связь с Бенини исключительно по церковным вопросам, а о ее несуществующих шпионских деталях рассказал под дулом револьвера. Йонккс и в самом деле являлся важнейшим агентом Ватикана и доказал это выдачей полиции в целях самосохранения кодовой книги. Немцы же заявляли, что адвокат, напротив, с готовностью и охотно раскрыл свою связь с разведкой Святейшего престола, действовавшей в данном случае под прикрытием подставной компании “Содалитиум Пианум”, и рассказал о контактах с Бенини и неким бароном Сонтхоффом, предположительно русским агентом. Независимо от версии событий, секретная служба Ватикана получила серьезнейший удар. Бенини не просто

утратил важнейшего агента — оказались расконспирированными многие детали его работы, и померк окружавший апостольского протонотария ореол “злого гения Ватикана”. Постепенно он свернул деятельность и буквально канул в небытие вместе со своей службой.

Папа римский и его государственный секретариат в действительности не располагали вездесущей и всезнающей секретной службой, о которой на протяжении десятилетий велось столько разговоров. Безусловно, Святейший престол располагал системой получения информации, однако в начале 20-го века она страдала рядом серьезных изъянов. Прежде всего, в Ватикане, за исключением организации Бенини, не было разведывательной службы как таковой, поэтому добываемые сведения носили исключительно открытый характер. Католическая церковь являлась весьма разветвленной организацией, и, на первый взгляд, создать нелегальные сети ей было значительно проще, чем любому государству. Тем не менее, на практике этого не происходило. Прежде всего, опора разведки на легальные организации практически исключалась. Папские нунции были аккредитованы лишь в небольшом числе столиц европейских и латиноамериканских католических государств, чья роль в мировой политике зачастую была ничтожной. В таких важных странах как Великобритания, Германия, Россия или Франция, дипломатические представители Ватикана отсутствовали. В некоторых случаях папа стремился восполнить это упущение направлением так называемых апостольских делегаций, однако они не имели дипломатического статуса и могли заниматься исключительно делами местной католической церкви, то есть в политическом отношении их ценность сводилась к нулю. Альтернативой получению информации от нунциев и консулов являлось использование архиепископов, епископов и подчиненных им священников, но профессиональных дипломатов они заменить не могли. Естественно, что никто из них не имел агентуры, и сведения в Ватикан могли поступать только из открытых источников или от конфиденциальных контактов, но это является уже не разведкой, а одним из аспектов дипломатии. Кроме того, до 1929 года государства Ватикан не существовало, поэтому дипломатические отношения даже с аккредитовавшими у себя папских нунциев государствами были, скорее, факультативными.

Перечисленные проблемы со сбором информации дополнялись трудностями в ее доставке по назначению. Деятельность любой секретной службы невозможна без быстродействующих и надежных каналов связи, которыми Ватикан в рассматриваемый период не располагал. Всю входящую и исходящую корреспонденцию Святейшего престола перлюстрировали итальянские власти, а шифры подвергались систематическим и часто успешным атакам со стороны криптоаналитиков различных государств. Информация снималась также с проходивших через итальянскую территорию телеграфных и телефонных линий. Все указанные факторы полностью исключали возможность наличия у католической церкви какой-либо организации, способной считаться даже дипломатической разведывательной службой, не говоря уже о нелегальных операциях.

Ватикан постоянно стремился вернуть утраченную в 1870 году государственность, хотя его руководство и осознавало утопичность расчетов на ее восстановление в прежних пределах. Постепенное движение в этом направлении вначале привело к признанию элементов его независимости в 1925 году Польшей, а в 1927 году — Литвой и Румынией. Камнем преткновения по-прежнему оставалась позиция Италии, от которой, в конечном счете, зависело окончательное решение этого вопроса. Ключи к нему находились в руках известного своим антиклерикализмом Муссолини, который, однако, весьма нуждался в поддержке церкви для упрочения авторитета фашистского движения. Процесс постепенного ватикано-итальянского сближения начался еще в середине 1920-х годов и увенчался заключением 7 (28) июля 1929 года Латеранских соглашений. В соответствии с подписанными Муссолини и кардиналом Гаспарри документами, Святейший престол получил статус города-государства, пределы которого были ограничены площадью в 44 гектара, а также загородной резиденцией папы замком Гандольфо и 20 дворцами в Риме. Одновременно стороны подписали конкордат, регулирующий взаимоотношения церкви и итальянского государства, и предусматривавший выплату Ватикану компенсации за события 1870 года в размере 1 миллиона 750 тысяч лир, что по курсу 1929 года составляло 90 тысяч долларов США. Однако после возвращения Святейшему престолу государственности Муссолини счел необходимым прекратить движение в его сторону и распорядился активизировать агентурную разработку католической церкви. На этом направлении работали как полиция, так и СИМ, особенно преуспевшая в приоб-

ретенции агентуры в архивах Ватикана. Но церковная среда была настолько монолитной, что все агенты итальянской разведки вербовались в среде младших служащих, журналистов и слуг, а вербовочные подходы к кардиналам, епископам и служащим высокого ранга были заведомо обречены на провал и поэтому даже не предпринимались. Единственным исключением являлся пресс-секретарь Ватикана Энрико Пуччи, самый важный агент итальянской полиции (“96”), завербованный в 1927 году лично начальником полиции Артуро Баччини. Этот факт получил некоторую огласку на уровне слухов, но покровительствовавший Пуччи государственный секретарь кардинал Гаспарри и некоторые другие священнослужители высокого ранга пресекали их. Существует версия, согласно которой вербовку пресс-секретаря санкционировал сам папа, чтобы иметь канал для неофициального доведения до итальянских властей нужной информации. СИМ имела на этом направлении еще нескольких крупных агентов: служащего шифровального бюро государственного секретариата Катерини (вербовка в 1927 году, увольнение в 1931 году), старшего офицера ватиканской полиции Джованни Фацио (вербовка в 1929 году, увольнение в 1942 году) и журналиста Вирджилио Скаттолини. Этот последний оказался известным авантюристом и в годы Второй мировой войны стал одним из наиболее успешных фальсификаторов разведывательной информации.

СИМ была особо заинтересована в приобретении источников в окружении кардинала Мишеля д’Эрбиньи, которого ошибочно полагали руководителем крупной нелегальной сети, работающей на Востоке в пользу Франции. Однако ни внедрение, ни вербовка агентов в равной степени не удалось. Несколько более удачно обстояли дела в агентурном прикрытии Конгрегации пропаганды веры. Ее исполнительного секретаря Цельзо Константины освещал агент полиции журналист Томмазо Арриго Поцци, одновременно разрабатывавший также известного церковного интеллектуала и основателя Католического университета Милана Агостино Джемелли.

Следует отметить, что вскоре после окончания Первой мировой войны Ватикан предпринял негласную попытку экспансии на Восток и направил в некоторые страны, в частности, в СССР тайные католические миссии. В дополнение к этому представители папы вели в Москве переговоры о содействии международному признанию советского правительства в обмен на позволение открыто проповедовать в СССР. Они закончились совершенно безрезультатно, и папа всерьез обдумывал план нелегальной заброски священников в Советский Союз, что лишний раз свидетельствует о полном отсутствии у него налаженной системы информации о реальном положении в иностранных государствах. Недолгий период попыток сближения Ватикана и Москвы закончился, но Святейший престол числил СССР среди наиболее перспективных стран для распространения католицизма. В июне 1926 года Пий IX образовал Комиссию по России во главе с трижды посещавшим Советский Союз кардиналом д’Эрбиньи, а в 1929 году открыл колледж “Руссикум” для подготовки священников к миссионерской работе на Востоке. Это учебное заведение в течение многих десятилетий считалось в СССР шпионским центром, хотя в действительности не имело к разведке никакого отношения. Советское руководство и органы госбезопасности были абсолютно убеждены в крайней опасности католической церкви для правящего режима и полагали ее не просто идеологическим противником, но даже в большей степени подрывной организацией, ставящей перед собой шпионские и террористические задачи. 7 (28) февраля 1930 года Пий IX произнес речь, осуждавшую преследования верующих в Советском Союзе, которая немедленно была воспринята в Москве как призыв к крестовому походу против Советского государства. В результате ИНО ОГПУ получил указания активизировать разработку Ватикана, в котором на протяжении предшествующих лет не имел ни одного источника.

Однако работа по этому направлению началась значительно позднее, чем по итальянскому государству. В 1924 году правительство Италии официально признало Советский Союз и обменялось с ними дипломатическими представителями. Подобные акты всегда совершенно стандартно сопровождались открытием резидентуры внешней разведки в столице признавшего СССР государства. Не стал исключением из этого правила и Рим: в 1924 году ИНО открыл там “легальную” заграничную во главе с Н. И. Каминским. В приобретении агентуры активно участвовал работник полпредства итальянец Альфредо Алегретти, связанный с русской разведкой еще с дореволюционного периода. С его подачи был приобретен один из самых результативных источников внешней разведки 1920-х годов, служащий британского посольства в Риме Франческо Константины (Д-1, “Дункан”, “Лэнгл”), снабжав-

ший СССР информацией из Форин офис и посольства. Предоставляемые им документальные материалы касались огромного круга вопросов внешней политики и служили надежным подспорьем в дипломатической деятельности НКВД, а объем их был весьма значителен. Так, только в 1927 году из направленных в Центр 1406 материалов резидентуры, 634 предоставил “Дункан”⁵¹. В среднем еженедельно он передавал около 150 листов, содержание которых охватывало переписку британского посольства с Форин офис, некоторые шифры и коды, перехваченные англичанами документы из области польско-германских и японо-германских отношений, оценки МИД, доклады аккредитованных в столицах великих держав британских послов, протоколы секретных совещаний и шифртелеграммы. В 1927 году Алегретти был арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения за попытку вербовки гражданина Франции, но никого не выдал, и на работе загранички ИНО это никак не отразилось. Сменивший Каминского новый резидент А. А. Ричин проработал на этом посту до 1928 года и был отозван в Москву, после чего работа с “Дунканом” временно приостановилась. Она возобновилась только с прибытием нового резидента Эрдмана (1929 — 1932) и продолжилась до самого начала Второй мировой войны.

Незаконные резидентуры появились в Италии несколько ранее. В 1920 году нелегальную точку в Риме открыл Коминтерн, а в 1921 году — Разведупр. Резидентом военной разведки был Я. М. Фишман, руководивший также группами в Милане, Неаполе, Генуе, Триесте, Болонье, Бриндизи, Савойе, Бреши и Ченджо. Основным направлением работы подчиненного ему аппарата стала военно-техническая разведка, осуществлявшаяся весьма удачно, вплоть до добывания и переправки в СССР в дипломатической почте натуральных образцов вооружения. В ноябре 1921 года была сделана попытка нелегально перегнать в Советский Союз два бомбардировщика фирмы “Капрони”, однако один из них потерпел аварию, а второй при вынужденной посадке захватила полиция. Возникший скандал заставил Фишмана срочно скрыться. Вообще же военная разведка наиболее успешно добывала в Италии данные по авиации, а также использовала страну в качестве базы для работы по Балканам, Турции, Франции и Швейцарии. В 1924 году Разведупр открыл в Риме “легальную” резидентуру, а в 1930 году в Милане была организована дополнительная нелегальная точка для ведения военно-технической разведки. Ее руководителем стал известный советский военный разведчик Л. Е. Маневич (“Этьен”), под именем австрийского предпринимателя Конрада Кергнера осуществлявший свою деятельность под прикрытием созданного им в Вене международного патентного бюро “Эврика”.

Л. Е. Маневич

Первые агенты появились у миланской резидентуры в 1931 году, а уже через год их число достигло двенадцати (из них три вспомогательных). Точка “Этьена” добывала массу документальных материалов, среди которых были чертежи экспериментальных самолетов, подводной лодки, орудия, схемы и описания приборов управления артиллерийским огнем. В 1932 году, после провала одного из своих источников, Маневича направили в Милан для непосредственного руководства резидентурой на месте. 3 октября 1932 года (ранее в источниках указывались неверные даты — 25 марта или 5 декабря 1936 года) он был арестован контрразведкой в результате предательства агента. Примечательно, что и в тюрьме, в статусе заключенного № 2722 “Этьен” сумел наладить эффективную систему сбора разведывательной информации и передачи ее в Центр.

4. БАЛКАНЫ

Почти на самом южном фланге Европы расположилось Королевство сербов, хорватов и словенцев, или Югославия. Этот регион всегда являлся пороховой бочкой континента, и после Версальского мира, объединившего столь разные и враждебно относившиеся друг к другу народы, спокойствие на Балканах воцарилось лишь ненадолго. Кроме с трудом подавляемой национальной и религиозной розни, которая к 1941 году выльется в резню, какой давно не видела Европа, Югославия испытывала территориальные притязания со стороны почти всех соседей: Австрии, Албании, Болгарии, Венгрии и Италии. Основные события начнут разви-

ваться там в 1930-е годы, а среди событий предшествующего десятилетия заслуживает внимания лишь деятельность созданной в 1920 году коммунистической партии. Коммунисты сразу активно включились в работу и совершили в разных местах страны несколько терактов, в том числе попытались организовать покушение на короля Александра, оттолкнувшее от них большую часть недавних приверженцев. Тем временем без всякого вмешательства извне внутренняя напряженность в стране продолжала нарастать, и в 1928 году черногорский депутат парламента застрелил хорватского лидера оппозиции Степана Радича, вызвав этим далеко идущие последствия. Среди них можно выделить эмиграцию будущего лидера Независимого хорватского государства Анте Павелича и создание им националистической и террористической организации “Усташа” (“Восстание”), которая вскоре оставит за собой несмываемый кровавый след. Ввиду упомянутых событий 6 января 1929 года король установил диктаторский режим, распустил парламент, запретил все без исключения политические партии и приостановил действие конституции. Такое положение продлилось до 1931 года и в итоге привело Александра к гибели в результате террористического акта. Но беспокойное течение политических событий не сопровождалось активизацией в регионе иностранных разведывательных служб, ибо югославская часть Балкан была тогда попросту малоинтересна для других государств, за исключением Италии.

Однако другие балканские страны не избежали вовлечения в тайную войну. Разведывательная активность в Болгарии была сравнительно невысокой и в значительной степени поддерживалась Коминтерном и национальной компартией (БКП). Кроме описанных далее действий по выдворению из страны врангелевских войск, координировавшихся первым резидентом Разведупра в стране Христо Боевым (Ф. И. Русев, настоящая фамилия Х. Б. Петашев), коммунисты организовали на специально купленном для этой цели в Стамбуле пароходе “Иван Вазов” морское сообщение с Севастополем и Одессой. По этому каналу перебрасывались нелегальная литература, оружие, курьеры и возвращавшиеся домой солдаты белой армии. После неудачного восстания против правительства А. Цанкова в Варне в сентябре 1923 года была учреждена специальная морская полиция, быстроходные вооруженные катера которой использовались для пресечения операций по переброске оружия морем, производившихся по инструкциям находившегося в Вене Военного центра БКП. В это же время прекратили существование несколько болгарских резидентур Разведупра РККА, образованных в целях содействия формированию в стране партизанских отрядов и обеспечения каналов переброски вооружения из СССР, а также для сбора информации о внутреннем и внешнем политическом курсе государственного руководства Болгарии. Несколько заграничек обеспечивали агентурное изучение обстановки в войсках Врангеля. Определенное внимание уделялось сепаратистскому движению македонцев. Серьезное содействие советским разведчикам оказывала партийная разведка БКП, имевшая сотни агентов в правоохранительных и силовых ведомствах и ряде государственных учреждений страны. Коммунисты планировали со временем провести вооруженное восстание, поэтому более интенсивно взаимодействовали не с ИНО, а с Разведупром. Его уже упоминавшийся резидент Петашев пребывал в Софии с августа 1921 года и подчинялся Берлинскому центру военной разведки, с которым поддерживал связь через Вену. В 1922 году Разведупром была основана торговая фирма “Матвеев, Крючков и Ко”, с помощью которой удалось организовать связь с Центром по морскому каналу через Одессу. Источники резидентуры приобретались в различных кругах болгарского общества, среди них имелись государственные служащие высокого уровня, старшие офицеры и предприниматели. Кроме того, военная разведка, наряду с политической, активно работала по белой эмиграции. Помимо резидентуры Боева, в Болгарии действовала и нелегальная резидентура Разведупра, прикрытием которой являлся магазин измерительных приборов, а также множество более мелких агентурных групп. К их достижениям, в частности, относится хищение архивов эмигрантских белых частей и передача их в Москву.

Масштабы негласного советского вмешательства во внутренние дела Болгарии увеличивались. Из СССР были завезены тысячи единиц огнестрельного оружия, патроны, гранаты, тонны взрывчатых веществ, активно действовали инструкторы по военной подготовке боевых групп и партизанских отрядов. Однако в 1925 году ИККИ отменил курс на вооруженное восстание, крайне разочаровав этим радикальные круги болгарских коммунистов. Военный центр БКП не подчинился принятому в Москве решению и на отпевании убитого

генерала Георгиева 16 апреля взорвал церковный купол софийского собора “Святая Неделя”. По мнению многих исследователей, взрыв являлся провокацией внедренных агентов полиции, поскольку террор против коммунистов начался после этого практически немедленно и принял поистине устрашающие масштабы. Коммунистические организации подверглись разгрому, в результате которого была на 5 — 6 лет свернута и работа ИНО и Разведупра в стране. Фактически она возобновилась лишь некоторое время спустя после установления дипломатических отношений между Софией и Москвой в июле 1934 года.

Представляет определенный интерес дальнейшая биография бывшего резидента Петашева, который после закрытия точки Разведупра отбыл в Чехословакию. Там он работал под прикрытием должности вице-консула полпредства СССР в Праге и под именем Х. И. Дымова, а позднее действовал в Турции и в Китае. С 1936 по 1938 годы Петашев под именем Юлиуса Бергмана возглавлял резидентуру военной разведки в Китае, а в 1941 году был зачислен в подчиненную НКВД СССР Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), где пригодилось полученное им в академии РККА высшее военное образование. После окончания войны Петашев вернулся в Болгарию и занимал там ответственные посты заместителя министра государственной безопасности и посла в Великобритании, Польше и Японии. В 1962 году он был уволен за допущенные в период работы в органах ГБ нарушения законности.

В соседней Румынии секретные службы изначально были созданы для контроля за все усиливавшимися в стране народными волнениями. Правительство располагало оперативными подразделениями в составе министерств иностранных и внутренних дел, полиции и генерального штаба, а также отделением перехвата телеграфных сообщений почтового ведомства, однако отсутствие единого органа централизованной разведки и контрразведки не позволяло наладить ведение соответствующей деятельности ни за рубежом, ни в самой стране. Толчком к реформе румынских спецслужб послужило широкомасштабное восстание, по сути настоящая крестьянская война 1907 года, быстро и жестоко подавленная 140-тысячным армейским контингентом. В Бухаресте сильно подозревали, что массовые беспорядки возникли при прямом участии австро-венгерской разведки, однако вопрос так и остался невыясненным окончательно.

Это послужило побудительным мотивом для создания 1 ноября 1908 года в составе министерства внутренних дел Управления общей безопасности государства (ДСГС), предназначенного для осуществления полицейских, административных и судебных функций на всей территории страны, в том числе контрразведки и внешнеполитической разведки. Территориальными органами ДСГС стали расквартированные в каждом уездном центре “Специальные бригады безопасности”. Кроме того, с целью разведывательного проникновения в сопредельные государства была реформирована также и пограничная полиция. В центральном аппарате ДСГС в Бухаресте под наименованием прикрытия “Служба секретариата” функционировала Центральная служба безопасности государства (СЦСС), непосредственно осуществлявшая оперативную разведывательную и контрразведывательную работу. Основным противником страны в этой сфере являлась Австро-Венгрия, далеко превосходившая Румынию по уровню развития и эффективности тайных операций. Внешняя разведка главным образом затрагивала Трансильванию — область со смешанным населением и давний объект разногласий Будапешта и Бухареста.

Реформа 1908 года улучшила состояние дел в основном в области контрразведки и внутренней разведки, несколько наладилось получение политической информации из-за рубежа, но на эффективности военной разведки это не сказалось практически никак. С таким состоянием секретных служб в 1916 году Румыния вступила в Первую мировую войну, особенно остро проявившую указанный недостаток. Для его смягчения группа офицеров и агентов ДСГС была переведена в подчинение Ставки верховного главнокомандования, однако из-за незнакомства со специфическими военными вопросами они занимались практически исключительно контрразведкой и полицейской работой. Главное командование спешно сформировало при генеральном штабе вооруженных сил новую, параллельную существовавшим структурам Секретную службу информации (ССИ), которая представляла собой довольно странное образование, подчиненное военным властям, но укомплектованное штатскими специалистами. Ввиду этого ССИ впитала в себя все худшее из обеих систем, а именно косность структур генштаба и характерное для гражданских организаций полное непо-

нимание военных проблем. Как известно, в ходе войны румынская армия была разгромлена австро-венгерскими войсками, одной из причин чего явилось фактическое отсутствие разведывательного обеспечения боевых действий. Условия мира оказались тяжкими. Согласно Бухарестскому мирному договору от 7 мая 1918 года, Румыния потеряла Северную и Южную Добруджу, а также полосу на трансильванской границе площадью в 6 тысяч квадратных километров, что передавало Австро-Венгрии контроль над горными проходами в Карпатах и разрушало естественные рубежи обороны страны. Дунай открывался для сквозного германского и австрийского судоходства. Уязвленную национальную гордость румын несколько смягчил захват Бессарабии в январе — феврале 1918 года, но в целом страна оказалась отброшенной в своем развитии далеко назад. Однако общий ход событий на фронтах войны не позволил Срединным державам долго пожинать плоды своей победы. После поражения Австро-Венгрии среди румынского населения Трансильвании возникло массовое движение за объединение с исторической родиной, и Бухарест поспешил воспользоваться ситуацией для ввода туда войск. Согласно подписанному в июне 1920 года Трианонскому мирному договору, эта область вместе с Буковиной и Добруджей передавалась в состав Румынии. Территория страны по сравнению с предвоенной увеличилась вдвое, а население выросло с 7,8 миллиона человек в 1915 году до 20 миллионов в 1920. В Трансильвании было сосредоточено свыше половины румынских предприятий, дававших почти 80% общего объема промышленного производства, однако приобретение областей с многочисленными национальными меньшинствами создало для Бухареста немало проблем этнического характера, регулярно перераставших в волнения.

Разведывательные органы страны сохранялись неизменными до момента образования в 1924 году в составе генерального штаба Секретной службы (СС), по-прежнему представлявшей собой гражданскую организацию, ответственную за внешнюю и внутреннюю разведку. По аналогии с французским 2-м бюро генштаба и СР в составе СС имелась автономная Секция информации (СИ), укомплектованная армейскими офицерами и гражданскими референтами. Это несколько сгладило недостатки, характерные для ССИ военного периода, но не исключило их полностью. До 1928 года зарубежную разведку вело также и ДСГС, однако позднее оно сосредоточилось исключительно на внутренних вопросах.

Военное командование все еще не было удовлетворено качеством получаемой информации, и 11 января 1929 года начальник генерального штаба вооруженных сил Румынии предоставил министру национальной обороны доклад № 171 со своими предложениями по этому вопросу. В результате их одобрения возникла новая Секретная служба (СС), являвшаяся органом исключительно военной разведки. Секретная служба информации (ССИ) по-прежнему существовала и номинально подчинялась 2-му бюро генштаба, однако фактически собирала политическую информацию и ведала вопросами контрразведки и безопасности. Ее возглавил полковник Михаил Морусов (Морозов), ранее специализировавшийся на операциях против СССР. Работа ССИ главным образом осуществлялась по венгерскому, болгарскому и советскому направлениям, причем руководимое полковником Флореску русское отделение разведки действовало в основном против юга СССР через эмигрантские круги. Основным партнером ССИ являлся «Российский общевоинский союз», представитель которого в Румынии генерал А. В. Геруа был уполномочен принимать самостоятельные решения по оперативным вопросам. ИНО ОГПУ сумел вскрыть эту деятельность и с 1929 по 1932 годы провел оперативную игру «Заморское» по дезинформации румын через легендированную «Северо-Кавказскую военную организацию». В ходе игры одновременно дезинформировалась также и поддерживавшая ССИ французская разведка.

Основные проблемы всех ветвей румынских спецслужб заключались в ограниченности бюджетных ассигнований, недостаточном техническом оснащении и крайне низком уровне квалификации значительной части сотрудников, однако из-за массовости проводимых операций они являлись противником, с которым следовало считаться. Весьма помогало румынской разведке установленное еще в 1920 году сотрудничество с II отделом генштаба польской армии. В Кишиневе была открыта его временная пляцувка (резидентура) под руководством поручика Ежи Лаховского-Чеховича. 3 марта следующего года, после подписания политического межгосударственного договора и военной конвенции о сотрудничестве, взаимодействие обеих разведок углубилось. В 1922 году румыны передали полякам добытую ими информацию о сотрудничестве баварского и венгерского штабов, об организации и вооружении итальянской армии и ее взаимодействии с венграми. В 1923 году в Румынии действовали уже

две пляцувки II отдела, а также шли переговоры о возобновлении работы точки в Кишиневе. Прекрасно взаимодействовали политические полиции обоих государств, более известные как “сигуранца” и “дефензива”. Однако в 1926 году польские разведчики установили, что начальник “сигуранцы” Эужен Кристеску вместе с представителем МИД Румынии негласно отбыл в Одессу, откуда после встречи с представителями ОГПУ отправился на переговоры в Москву. Подобная информация была весьма настораживающей, однако не повлекла за собой изменение курса Бухареста. Отношения двух государств омрачил другой эпизод. 10 ноября 1928 года руководителя пляцувки “Шараш” в Кишиневе Евгения Шадурского арестовали по обвинению в сотрудничестве с советской разведкой и выдаче ей сведений о румынской агентуре в СССР. Новый генеральный инспектор “сигуранцы” Хасуреску утверждал, что некоторые из выданных Шадурским агентов были в СССР расстреляны. Арестованный польский резидент категорически отверг обвинения в свой адрес и заявил, что причиной инцидента стали интриги его предшественника Мариана Петровского. Проверка II отдела не подтвердила выдвинутые против руководителя пляцувки обвинения в предательстве, и румыны, хотя и остались при своем мнении, все же отпустили арестованного. Шадурский отбыл в распоряжение львовской экспозитуры (периферийного поста) № 5, а отношения двух разведок на длительный период времени оказались существенно омраченными.

Подозрения в широкомасштабном проникновении советских спецслужб во все сферы румынского государства и общества были хотя и преувеличенными, но небеспочвенными. Известна успешная работа в Бессарабии резидента Региструпра РККА И. К. Парфелюка. Позднее, в начале 1920-х годов, в Румынии недолго, однако весьма результативно действовала агентурная сеть, руководимая венским групповодом военной разведки “Феликсом Вольфом” (В. Г. Раков). Нарушения основополагающих правил конспирации привели к ее массовому провалу, создавшему весьма негативный образ Советского Союза в Австрии и Румынии. Разгром, безусловно, заметно ослабил агентурные позиции разведки, ставшей к этому времени Разведупром, но не подорвал их полностью. Наличие в стране значительной массы эмигрантов и русской, а также украинской диаспоры предопределили обширную вербовочную базу для всех ветвей советских спецслужб, и в первую очередь для оперативных органов погранвойск. На этом направлении существенно развилась их разведка по закордону, а также разведка военных округов РККА.

5. “САНИТАРНЫЙ КОРДОН”

Разведывательные операции на юге Европейского континента в 1920-е годы отличались определенной вялостью и своего рода флегматичностью, зато на севере разведывательная активность зашкаливала за все мыслимые пределы. Это происходило в цепочке вытянувшихся вдоль западной границы СССР “прифронтовых” государств: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве и Польше, где пролегал тайный фронт схватки коммунистических и западных спецслужб.

В Польше в тугой узел сплелись историческая вражда русских и поляков, страх многолетних поработанных и высокомерие недавних победителей, искренний католицизм и воинствующий атеизм, отчаянный патриотизм и пролетарский интернационализм, амбиции из-за комплекса государственной неполноценности и презрение к “уродливому детищу Версальского договора”. Громадную роль сыграла провокационная, подстрекательская политика Франции, разведка которой использовала поляков, ибо не желала рисковать ни одним из своих офицеров в полевых операциях против РСФСР, а затем СССР. Существенно повлияла на обстановку также двухсоттысячный транзит через страну русских эмигрантов. В целом, Польшу периода 1920-х годов в полной мере можно считать форпостом агентурно-оперативной и подрывной деятельности Запада против Советского Союза. Кроме СССР, объектами разведывательных устремлений Польши являлись Литва и Германия, против которой Варшава проводила агентурную разведку агрессивно и наступательно. До второй половины 1930-х годов поляки могли не опасаться своей ослабленной западной соседки, заметно уступавшей им в военном отношении. К тому же варшавское правительство вполне уверенно чувствовало себя за спиной могучей покровительницы — Франции, действительная ценность которой в качестве союзника станет ясна лишь в сентябре 1939 года.

Истоки польской разведывательной службы уходят в историю борьбы польского народа за независимость. Еще в 1904 году руководитель так называемого “национального крыла” Польской социалистической партии (ППС) Юзеф Пилсудский развивал деятельность “боевой организации” революционеров как в направлении террора и диверсий, так и в разведывательном отношении. В период русско-японской войны он, как минимум, дважды снабжал генеральный штаб Японии информацией о русской армии, а в 1908 году установил устойчивую связь с львовским, краковским и перемышльским отделениями австро-венгерской секретной службы. В рамках организованного Союза активной борьбы (ЗВЧ) во Львове открылась офицерская и унтер-офицерская школа, где в числе прочих дисциплин читался курс разведки. В том же 1908 году ЗВЧ выпустил учебник “Разведывательная служба”. Для практического сбора информации и подготовки к проведению диверсий Пилсудский организовал небольшое Бюро статистики под руководством Валерия Славека, к началу Первой мировой войны создавшее свою закордонную инфраструктуру. Точки Бюро статистики разделялись на четыре категории:

- главные центры по организации оперативной работы (Варшава, Сандомир, Вильно, Санкт-Петербург, Харьков);
- центры ведения разведки мирного периода (крупные города Царства Польского, Либавы, Митава и др.);
- “гарантированные” разведывательно-диверсионные центры военного периода (Минск, Киев, Полоцк, Смоленск, Москва, Одесса);
- меньшие по размерам “типовые” разведывательно-диверсионные центры военного периода (Брянск, Барановичи и другие города Белоруссии).

С августа 1914 года в австро-венгерской армии из поляков формировались Польские легионы, 1-й бригадой которых командовал Пилсудский. В ней имелось Разведывательное бюро, первоначально принявшее на себя ведение всей оперативной работы, ранее выполнявшейся Бюро статистики. Однако узкие рамки воинской части никак не соответствовали потребностям стратегической разведки, тем более в гражданских областях, и в октябре 1914 года на базе ЗВЧ и Польских стрелковых дружин возникла подпольная структура – Польская военная организация (ПОВ). Ее устав гласил: “Целью ПОВ является завоевание Польшей независимости путем вооруженной борьбы”⁵². Организация предназначалась для захвата власти на польских территориях и на землях, которые поляки считали таковыми, чему способствовала деморализация дислоцировавшихся там русских, германских и австро-венгерских войск. Первым комендантом ПОВ стал непосредственно подчинившийся Пилсудскому Тадеуш Зулинский (“Роман Барский”). В 1915 году в Варшаве была создана региональная комендатура ПОВ (КН-I), вскоре принявшая от Разведывательного бюро 1-й бригады Польских легионов основные задачи по разведке на входивших в состав Российской империи польских землях. Вскоре ПОВ организовала также комендатуры в Галиции (КН-II), Киеве (КН-III) и Люблине (КН-IV), на базе которых создавались низовые разведывательно-диверсионные точки. КН-III, например, имела их в Харькове (“М”), Одессе (“Б”), Проскурове (“Ц”), Виннице (“Е”) и Москве (“Л”). В рамках завоевания независимости ПОВ постепенно перешла к ведению оперативной работы также в Австро-Венгерской империи. К этому же времени относится и создание первых польских контрразведывательных

Офицеры главной комендатуры ПОВ

структур, потерпевших сокрушительное поражение в борьбе с опытными органами безопасности Российской империи.

Упорная борьба поляков за суверенитет встретила полное понимание Средних держав, стремившихся любым путем дестабилизировать Российскую империю. 11 мая 1916 года Берлин и Вена признали создание Королевства Польского в рамках Австро-Венгрии, в связи с чем ПОВ получила как бы полуофициальный статус. После провозглашения в Варшаве временного правительства оно еще до обретения Польшей государственной независимости приступило к организации разведывательной службы. В конце 1918 года Регентский совет издал декрет об образовании министерства военных дел (МСВойск или МСВой) и генерального штаба Войска польского, в структуре которого имелось фактически существовавшее с 25 мая II (разведывательное) отделение. С 24 ноября оно было преобразовано в VI (информационный) отдел с задачами изучения иностранных армий, их военной литературы, ведения наступательной и оборонительной разведки, составления статистических сводок, руководства деятельностью военных атташе и ведения шифровальной работы. Отдел возглавил майор Мечислав Мацкевич, в подчинении которого имелись:

- секция I — разведка иностранных армий;
- секция IIa — разведка и контрразведка на Востоке (Россия, Литва, Белоруссия, Украина и Галиция);
- секция IIб — разведка и контрразведка на Западе (Австрия, Германия, Франция и Великобритания);
- секция IIц — контрразведка (после ее вывода из состава секций IIa и IIб);
- секция IIд — связь с органами власти и их информирование (впоследствии преобразована в секцию V);
- секция III — политическая разведка иностранных государств;
- секция IV — составление сводок по фронтам;
- секция V — связь с органами власти и их информирование (бывшая секция IIд);
- секция VI — военно-дипломатическая (руководство военными атташе в Берлине, Вене, Будапеште, Москве и Киеве);
- секция VII — шифровальная.

Мечислав Мацкевич

Йозеф Рыбак

К этому времени существование Польской военной организации стало анахронизмом, и начался процесс ее постепенного роспуска. Функции ПОВ частично приняли на себя линейные части Войска польского, а частично — его штабные структуры. Однако если на территории Польши вхождение добровольцев в регулярную армию прошло в спокойной обстановке, то за ее пределами все обстояло иначе. В начале ноября 1918 года подразделения ПОВ были брошены против украинских войск под Радзивиллом (около Львова) и потерпели поражение, вследствие которого на Украине организация подверглась разгрому и полностью прекратила функционирование. Но уже в декабре в Киеве возникла новая нелегальная структура под прежним названием КН-III, задачей которой являлось создание разведывательно-диверсионной сети и сбор информации. Собственно, обозначение КН-III считалось неофициальным и было введено в употребление бывшими членами ПОВ, практически в полном составе перешедшими в эту подпольную точку. Официально она именовалась экспозитурой (периферийным постом) главного командования Войска польского в Украине. В Галиции добровольцы из ПОВ вошли в состав регулярных частей, а позднее стали частью структуры официальной военной разведки. Аналогичная картина наблюдалась и в Белоруссии. Во всех случаях подпольными сетями бывшей ПОВ руководил VI (информационный) отдел Войска польского.

21 ноября 1918 года его возглавил подполковник Йозеф Рыбак, вместе с заместителем майором Игнацием Матушевским сразу же приступивший к реорганизации разведки. С января 1919 года

структура VI отдела претерпела значительные изменения в связи с назревающей на Востоке войной. В начале года ставший уже полковником Рыбак докладывал: «Общий военный конфликт с Советской Россией неизбежен, поскольку она решилась и готова к нему; это лишь вопрос времени... Поход Красной Армии на Запад является первым пунктом в ее планах»⁵³. В связи с этим VI отделу было поручено курирование некоторых подразделений генштаба по руководству работой Польской военной организацией: рефератом ПОВ, рефератом охраны пограничных областей и рефератом партизанских действий в тылу большевиков. При этом разведка ПОВ была не единственным, но главным источником информации о советской стороне. В связи с новой ситуацией структура VI отдела изменилась и выглядела следующим образом:

- секция особых задач, организации и шифров;
- секция «Восток»;
- секция «Запад»;
- военно-дипломатическая секция;
- политическая секция;
- военно-полицейская секция;
- секция секретариата;
- разведывательная секция;
- пресс-бюро;
- офицер связи с МИД;
- офицер связи с военной полицией.

Следует отметить, что офицерских должностей в разведке было всего семь, то есть даже меньше, чем секций. В марте 1919 года Рыбак передал пост руководителя VI отдела подполковнику Мечиславу Доманьскому, который докладывал главнокомандующему:

- «1) Разведку против большевиков следует проводить и далее с еще большей интенсивностью, поскольку большевистско-польская война представляется неизбежной.
- 2) Разведка против Украины должна производиться и далее с полным напряжением сил ввиду того, что с настоящего момента все попытки мирного разрешения польско-русского конфликта исчерпали себя.
- 3) Разведку против Германии и Чехословакии далее можно оставить в форме наблюдения, поскольку представляется весьма вероятным, что военную акцию со стороны наших западных соседей возможно в значительной мере предотвратить дипломатическими методами»⁵⁴.

Уже в апреле 1919 года подполковника Доманьского сменил майор Кароль Бодескул. Он сумел добиться увеличения штата разведки до 40 офицеров и несколько реорганизовал ее. 11 мая того же года отдел вновь получил в структуре штаба номер II, сохранявшийся вплоть до поражения Польши в 1939 году. Разведывательную деятельность вели еще некоторые подразделения польской армии, но к октябрю 1919 года ее полностью сконцентрировали во II отделе под руководством подполковника Михала Байера. Одновременно контрразведывательные обязанности были разделены между генеральным штабом (в полосе боевых действий) и министерством военных дел (в войсковом тылу). Контрразведывательная секция получила после этого фактическую автономию, хотя организационно пребывала в составе Разведывательного бюро. Секции «Восток», «Запад» и военно-дипломатическая утратили самостоятельность. Важнейшим шагом стало создание информационно-аналитического Бюро оценок — ключевого элемента в новой разведывательной системе, отвечавшего за сбор сведений Разведывательным Бюро, Бюро шифров и другими секциями. По отношению к Бюро оценок все они играли второстепенную роль. Новое подразделение также обрабатывало данные и материалы и выпускало разведывательные коммюнике, схемы и карты, анализировало работу военных атташе и выдавало им инструкции. В результате прошедшей реорганизации штат военной разведки насчитывал теперь 102 офицера, 155 унтер-офицеров и рядовых и 62 гражданских служащих. В отдел входили следующие структурные подразделения:

- секция I (Бюро оценок):
 - внутреннее и внешнее отделение;
 - отделение Германии, Данцига, Бельгии и Швейцарии;
 - отделение Румынии, Италии, Югославии и Турции;
 - отделение России, Украины, Кавказа и Белоруссии;
 - отделение Великобритании, Эстонии, Литвы и Латвии;

- отделение США, Японии, Китая и Сибири;
- отделение Франции, Испании и Португалии;
- секция II (Разведывательное бюро):
 - I (организационное) отделение (рефераты организационный и учебный);
 - II (наступательное “А”) отделение (рефераты Германии, Данцига, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Скандинавии);
 - III (наступательное “Б”) отделение (рефераты Чехословакии, Венгрии, Румынии, Балкан, Италии, Испании, Португалии, Франции);
 - IV (наступательное “Ц”) отделение (рефераты Севера, Востока, Юго-Востока);
 - V (оборонительное) отделение (рефераты наблюдения и расследований);
 - VI отделение (внешней пропаганды);
 - VII отделение (внутреннее);
- секция III (Пресс-бюро):
 - отделение внешней пропаганды (рефераты прессы, пропаганды в тылу противника и канцелярии);
 - внутреннее отделение (рефераты административный и финансовый, пресс-бюро, изучения средств массовой информации и внутренней пропаганды в вооруженных силах);
- секция IV (Бюро шифров, БШ);
- секция V (Политическое бюро);

Кроме ведения глубинной разведки, подразделения разведывательного бюро руководили разведывательными органами фронтов и разведывательной деятельностью на территориях бывшей Российской империи. Начальник I отделения контролировал II отдел Литовско-Белорусского фронта и разведку в Белоруссии, Финляндии и Прибалтийских государствах, начальник II отделения — II отдел Вольнского фронта и разведку в России, начальник III отделения — II отдел Галицийского фронта и разведку в Украине, “деникинской России”, на Кубани, Кавказе и Дону, а начальник IV отделения — II отдел Восточных фронтов и разведку в Сибири. 1 февраля 1920 года в структуре II отдела появились VI секция (пропаганда и надзор за армией) и VII секция (адъютантура). 22 января контрразведку выделили из состава Разведывательного бюро в VII (оборонительную) секцию с существенным повышением ее роли и полномочий. В июне задачи обеспечения государственной безопасности в гражданской сфере были переданы главному командованию Государственной полиции (ПП). Тогда же военные контрразведчики начали координировать свои действия с пограничной охраной.

Михал Байер

II отдел генштаба отвечал за наступательную контрразведку и за все виды контрразведывательного обеспечения в полосе боевых действий. Тылом ведал другой орган военной контрразведки. В июне 1919 года в министерстве военных дел (МСВойск или МСВой) возникли политическая и военно-политическая секции, из которых в следующем месяце был образован Информационный департамент с двумя секциями: политической и контроля за иностранной корреспонденцией, телефонными переговорами и телеграфными сообщениями. Новая структура обслуживала войсковые тылы и отвечала также за подготовку информационных коммюнике о событиях в военной и политической областях, борьбу с вражеской пропагандой в войсках и организацию контрпропаганды. В июле 1919 года департамент возглавил полковник Богуслав Медзинский. В составе этой секретной службы имелась политическая секция с тремя отделениями: информационным, оборонительным и контроля за корреспонденцией. Первоначально контрразведывательная деятельность департамента ограничивалась фильтрацией возвращающихся из России польских военнопленных, но после реорганизации министерства в феврале 1920 года по французскому образцу и создания на его базе II (Информационного) отдела МСВойск на него была возложена ответственность за безопасность Варшавы и прилегающих регионов. Структура отдела выглядела следующим образом:

- общеорганизационная секция;
- оборонительная секция;

- информационная секция;
- секция плебисцита (с июля 1920 года).

Кроме того, II отдел МСВойск осуществлял общую организацию и координацию контрразведывательной деятельности подчиненных ему периферийных органов — II (оборонительных) рефератов командований генеральных округов (ДОГ), а также накапливал и обрабатывал данные о санитарном состоянии войск, отношениях между офицерами и рядовыми, обучении, дисциплине, настроениях и моральном духе войск. В оборонительных рефератах ДОГ имелись собственные структурные подразделения:

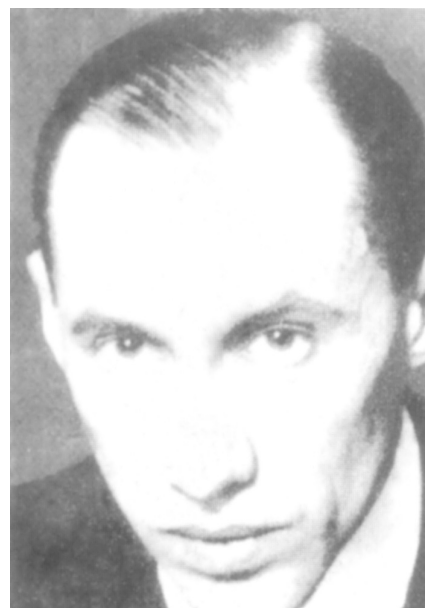
- общее отделение;
- отделение борьбы со шпионажем и саботажем;
- отделение борьбы с вражеской агитацией в войсках;
- отделение вспомогательных служб.

Исполнительным органом контрразведки являлась полевая жандармерия. Несколько позднее II отдел МСВойск начал практиковать делегирование своих офицеров в различные районы страны для проверок системы безопасности на местах и арестов подозрительных лиц. В период с 1 июля 1919 года по 20 мая 1920 года по подозрению в шпионаже таким образом были арестованы 53 человека, из которых 24 были осуждены, 9 интернированы, 3 высланы, остальных освободили под надзор полиции⁵⁵. Следует отметить, что не политическая полиция, а именно II отдел МСВойск стал инициатором организации системы политических репрессий и подавления инакомыслия в Польше. Вскоре его деятельность привела к множеству нареканий со стороны как военного командования, так и правоохранительных органов государства. Продолжительный надзор за практикой отдела показал, что его сотрудники постоянно проявляют излишнее рвение и превышают свои полномочия, вторгаясь в чужие сферы деятельности. Ввиду недостатка объема контрразведывательных мероприятий они начали заниматься борьбой с дезертирством, уклонением от призыва и даже контрабандой. При этом такие осуществляемые жандармерией следственные действия как обыски, аресты и допросы свидетелей по не подведомственным контрразведке делам вызвали многочисленные жалобы со стороны не только потерпевших, но даже полиции, а также прокурорские протесты. Кроме того, отвлечение сил на второстепенные направления ухудшило контрразведывательное обеспечение войск. В связи с этим в августе — сентябре 1920 года система контрразведки подверглась реформированию. За II отделом и его рефератами в ДОГ оставили лишь три задачи: обеспечение сохранения военной тайны, защита войск от подрывной деятельности и защита военных объектов от саботажа. Все остальные функции перешли в компетенцию созданного при главной комендатуре Государственной комиссии органа политического контроля за состоянием дел в гражданской сфере и в войсках, за исключением действующей армии — отделения IVД, более известного как “дефензива”.

Назревавшая советско-польская война потребовала существенного развития периферийной инфраструктуры польской разведки и контрразведки, прежде всего войсковой, что и было осуществлено весной 1920 года. После прекращения боевых действий войска сохранили свои оперативные органы в виде Информационных отделов армий, а на базе Информационных отделов Поморского, Великопольского и Восточных фронтов в Кракове, Познани и Грудзядзу были сформированы местные органы ближней разведки и контрразведки — экспозитуры, имевшие в своем составе следующие подразделения:

- наступательная секция (рефераты организационный и оценок);
- оборонительная секция (рефераты организационный, следственный и контроля);
- секция политики и прессы (рефераты культурно-просветительский и пропаганды).

Экспозитурам подчинялись офицерские разведпункты (“постерунки”), количество которых могло быть весьма различным, так же, как и их штатная численность.

Богуслав Медзинский

В общем виде соблюдалось следующее правило: экспозитуры никогда не располагались в приграничной зоне, зато постерунки по своему назначению и расположению соответствовали пограничным разведывательным или переправочным пунктам. В связи с этим центральный аппарат II отдела отныне отвечал за глубинную разведку, под которой понималась стратегическая, долгосрочная и осуществляемая в глубине территории противника оперативная работа. Для решения конкретных задач за рубежом поляки создали систему «пляцувок» (резидентур). Эти точки действовали в основном с «легальных» позиций под прикрытием консульских учреждений или военных атташатов и в начале 1920-х годов располагались в Москве, Киеве, Риге, Гельсингфорсе, Ревеле, Бухаресте, Париже, Риме, Анкаре и Токио. Позднее количество пляцувок значительно увеличилось, и II отдел начал вести за границей агентурную разведку также и с нелегальных позиций. В связи с этим в некоторых источниках мелкие нелегальные резидентуры именуются зарубежными офицерскими постерунками, однако это верно лишь в разговорном, обиходном значении. Все загранички всегда имели официальный статус пляцувок, а, кроме того, далеко не всегда были укомплектованы офицерами. Как центральные, так и периферийные оперативные подразделения разведки занимались только сбором информации, но ни в коем случае не ее обработкой и тем более анализом, эта работа проводилась исключительно в Бюро оценок. Наличие специализированного информационно-аналитического подразделения выгодно отличало польскую разведку от аналогичных служб большинства государств, оценивших важность такой работы лишь в ходе Второй мировой войны.

По состоянию на 12 сентября 1921 года в стране действовал ряд экспозитур, отвечавших за ближнюю разведку на закрепленных за ними направлениях:

- № 1 — (Вильно) — Литва, Латвия, Россия;
- № 2 — (Данциг) — Германия;
- № 3 — (Быдгощ, с 1930 года Познань) — Германия;
- № 4 — (Краков, с 1930 года Катовице) — Венгрия, Чехословакия;
- № 5 — (Львов) — Россия, Украина, Белоруссия;
- № 6 — (Брест) — Россия, Украина, Белоруссия.

Экспозитура № 6 была закрыта в 1926 году, а № 2 — в апреле 1929 года и при этом передала свои функции экспозитуре № 3. В Данциге (Гданьск) в аппарате польского генерального консула было образовано Гданьское информационное бюро (БИГ).

Задачи экспозитур по линии контрразведки сводились к общему контролю за безопасностью, борьбе с саботажем, диверсиями и подрывной деятельностью, а также к осуществлению профилактических мероприятий. В дальнейшем периферийные органы разведки неоднократно меняли номера, передислоцировались, иногда экспозитуры реформировывались в пляцувки и наоборот.

Описанная структура сохранялась вплоть до роспуска в августе 1921 года генерального штаба и создания главного штаба Войска польского, в числе прочих подразделений включившего в себя и II отдел. В связи с переходом к мирному периоду развития государства существовавшая с 1918 года система генеральных и военных округов была пересмотрена, и территория Польши в военном отношении стала делиться на корпусные округа, в каждом из которых имелось свое командование (ДОК). Окончание войны означало необходимость реформирования всех органов военного управления, в том числе и разведки. В ходе подготовки к этому процессу министр военных дел генерал Казимир Соснковский еще 22 июня 1921 года утвердил новую концепцию оперативной работы, предусматривавшую разделение военной и гражданской разведок. При этом для информационного обеспечения долгосрочных стратегических интересов государства признавалось целесообразным иметь единую централизованную разведывательную службу. Печальный пример Франции наглядно демонстрировал польскому правительству пагубность влияния на секретную службу сиюминутных политических интересов, и оно всячески стремилось избежать такой опасности. Из этих соображений стратегическую разведку включили в состав изначально считавшегося аполитичным военного ведомства. Однако с задачами контрразведки и государственной безопасности дело обстояло иначе, их передали в Государственную полицию (ПП), оставив в ведении II отдела лишь наступательную контрразведку, непосредственно направленную на опережающую работу против агентуры противника. Позднее пограничную разведку и вопросы оперативного обеспечения погранполосы передали соответствующим структурам Корпуса пограничной охраны (КОП) и Пограничной стражи (СГ). Такая организация со-

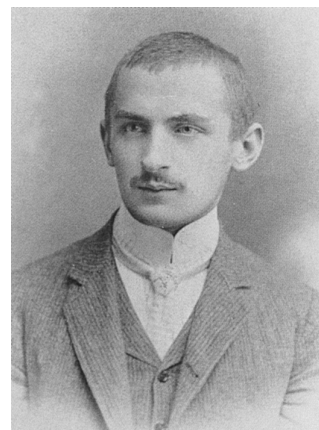
хранялась в неприкосновенности фактически до начала Второй мировой войны и временной утраты Польшей суверенитета.

В результате реформы 1921 года структура II отдела по-прежнему включала несколько отделений и самостоятельных рефератов:

- 1-е отделение (организационное):
 - административный реферат;
 - финансовый реферат;
 - учебный реферат;
 - реферат собственных шифров и их защиты;
 - реферат кадров;
- 2-е отделение (оценок):
 - реферат “Восток”;
 - реферат “Запад”;
 - реферат “Север”;
 - реферат “Юг”;
 - реферат статистики;
 - реферат национальных меньшинств;
- 3-е отделение (разведывательное):
 - технический реферат;
 - центральный агентурный реферат с подрефератами вербовки, специальной разведки, организационным, “Восток”, “Запад”, “Север”, “Юг”, паспортным (с 1923 года), фотографическим (с 1923 года);
 - контрразведывательный реферат;
 - реферат радиоразведки, криптоанализа и разведывательных технологий.

Общий штат отдела насчитывал 97 человек, в том числе 64 офицера.

Как уже отмечалось, к этому периоду структура полиции также претерпела серьезные изменения по сравнению с моментом ее образования. В 1918 году в министерстве внутренних дел был организован Отдел корреспондентов для сбора политической информации с упором на освещение деятельности левых партий в зоне австро-германской оккупации. Уже в октябре его преобразовали в Разведывательное бюро МВД во главе с подпоручиком жандармерии Мечиславом Скрудликом и сориентировали на противодействие коммунистической деятельности на территории государства.

Мечислав Скрудлик

Не только функции, но и само существование этого органа были глубоко законспирированы, что препятствовало приданию его деятельности законного характера. В результате такого противоречия между оперативными и правовыми интересами Бюро было распущено и с 1 апреля 1919 года заменено Информационным отделением МВД, открывшим свои ячейки по всей стране. Оно являлось не единственным органом политической контрразведки Польши, параллельно с ним существовали также Разведывательное отделение Народной милиции, Инспекция политической защиты и Главная инспекция Коммунальной полиции. Все это разнообразие при полном отсутствии координации работы, единого информационно-справочного аппарата, учета агентуры и прочих необходимых атрибутов не обеспечивало политическую защиту безопасности государства. В результате в июле 1919 года в Варшаве была создана Государственная полиция (ГПП), в которой политические вопросы относились к компетенции Инспекции политической защиты (ДП), более известного как “дефензива”. Административно он подчинялся главному коменданту ГПП, а по оперативной линии — начальнику секции общественной безопасности и прессы МВД. Главной задачей руководимого Марианом Сволкиеном ДП являлось противодействие шпионажу, коммунистической деятельности и иным антигосударственным проявлениям на всех объектах и во всех регионах страны, за исключением воинских частей и военных учреждений.

На первых порах становление гражданской контрразведки проходило крайне трудно. Военные отказывались налаживать плодотворное сотрудничество с полицией, и утратившую

авторитет Инспекцию политической защиты пришлось закрыть. Взамен него в августе 1920 года в составе ПП было образовано отделение IVД с отделениями во всех полицейских органах и структурах государства. При окружных комендатурах открывались экспозитуры с функциями розыска, дознания и следствия по политическим делам и делам о шпионаже. В ноябре 1920 года статус “дефензивы” был повышен, она стала подразделением главного командования Государственной полиции. Теперь отделение IVД состояло из регистратуры, информационного подразделения и организационно-кадровой службы. Экспозитуры имели в своем составе информационно-справочный, регистрационно-следственный и административно-правовой рефераты, причем существование двух первых было строго засекречено. Начальники экспозитур отвечали за организацию агентурной сети в зоне своей ответственности и руководство ее работой.

Деятельность как внешних, так и внутренних оперативных органов государства находилась в прямой зависимости от международного положения страны и политического курса ее правительства. Несмотря на теоретическое окончание войны, которую советские источники упорно именовали “войной против буржуазно-помещичьей Польши”, фактические военные действия прекратились еще не скоро. Варшава продолжала проводить боевые операции на территориях Украины и Белоруссии, но уже силами эмигрантских формирований УНР, НСЗРиС, братьев Булак-Балаховичей и якобы независимого польского генерала Л. Желиговского. На все дипломатические протесты по этому поводу следовали стереотипные ответы о выходе войск из повиновения и отсутствии у государства контроля над ними, а следовательно, и о невозможности для правительства Польши нести ответственность за их действия. Тем временем якобы мятежный генерал занял Вильно (Вильнюс), по условиям мирного договора с РСФСР отходивший к Литве, после чего ее правительство уведомило Варшаву, что их страны отныне находятся в состоянии войны. Эйфория нации, лишь недавно обретшей самостоятельность и разгромившей традиционного векового соперника, не позволила полякам отозвать войска. Лига Наций в 1921 году выдвинула так называемый “проект Гиманса”, предусматривавший объединение Польши и Литвы в единое конфедеративное государство, но его никто даже не стал рассматривать всерьез. Польско-литовские связи прервались на многие годы и обернулись улучшением отношений Литвы с Советским Союзом, оказавшим ей дипломатическую поддержку в виленском конфликте. Стремление Варшавы доминировать в Прибалтийском регионе завершилось заключением Варшавского договора с участием Финляндии, Латвии и Эстонии, Литву же туда даже не пригласили. На западной границе страны постепенно обострялись отношения с Германией, по территории которой проходил Данцигский коридор. Как известно, военное сотрудничество Германии и СССР началось именно с заключения договора о позициях сторон в случае вооруженного конфликта одной из них с Польшей. Такая обстановка заставляла Варшаву обратить особое внимание на контрразведывательное обеспечение государства в целом и вооруженных сил в частности. Новая система военно-территориального деления страны требовала от руководства экспозитур налаживания отношений с ДОК, конкретная степень глубины которых определялась на месте. Однако уже в 1922 году в штабе дислоцировавшейся в Верхней Силезии 23-й пехотной дивизии был образован собственный контрразведывательный Информационный реферат, а вскоре аналогичные структуры стали создаваться и в других воинских частях. Вскоре при каждом ДОК, а с 1927 года и при командовании флота уже имелся свой Отдельный информационный реферат (СРИ), а в полках, отдельных батальонах и некоторых гарнизонах работали информационные офицеры. Отдельные информационные рефераты включали в себя следующие подразделения:

- реферат контрразведки;
- реферат охраны и информации;
- противодиверсионный реферат;
- оперативно-технический реферат;
- административный реферат;
- канцелярию;
- картотеку.

В штате СРИ имелось 5 — 6 офицеров, остальные должности укомплектовывались унтер-офицерами и рядовыми, а также немногочисленными вольнонаемными гражданскими служащими. Все подразделения системы СРИ ДОК были автономны от войскового

руководства и напрямую подчинялись II отделу МСВойск, хотя сами начальники рефератов числились в составе соответствующих штабов. Кроме штатных офицеров и унтер-офицеров, военная контрразведка располагала институтом внештатных сотрудников и помощников II отдела, не являвшихся негласным аппаратом. Эти военнослужащие не были законспирированы и исполняли свои функции совершенно открыто, но числились за штатом контрразведки и наряду с решением оперативных задач выполняли свои обязанности по основной должности. Отдельные информационные рефераты располагались в тех же городах, что и командования округами:

- СРИ ДОК I — Варшава;
- СРИ ДОК II — Люблин;
- СРИ ДОК III — Гродно;
- СРИ ДОК IV — Лодзь;
- СРИ ДОК V — Краков;
- СРИ ДОК VI — Львов;
- СРИ ДОК VII — Познань;
- СРИ ДОК VIII — Торунь;
- СРИ ДОК IX — Брест;
- СРИ ДОК X — Перемышль.

Рефераты руководили экспозитурами, зачастую довольно крупными и действовавшими в сложной оперативной обстановке. Так, экспозитура СРИ ДОК в Пинске осуществляла контрразведывательное обеспечение трех поватов с общей численностью населения 360 тысяч человек, в котором этнические поляки составляли не более 12% — 15%. 76% жителей, по официальной классификации, являлись “местными” (то есть не идентифицировавшими свою национальную принадлежность коренными обитателями Полесья) и белорусами, после поляков за ними по численности следовали евреи (5%), “русины” (2%) и русские (1,5%). Эти этнические группы считались потенциальным вербовочным контингентом советской разведки или склонными к коммунистической идеологии, что крайне осложняло обеспечение государственной безопасности в регионе.

С лета 1922 года II отдел МСВойск начал обмениваться информацией с Государственной полицией, основной проблемой которой являлось несовершенство системы оперативного учета. В Главном командовании Государственной полиции (КГ ПП) имелось подразделение “Информационно-политический надзор” (ППИ), в картотеке которого значилось свыше 350 тысяч лиц. Многие из них были взяты на учет без достаточных оснований, и столь раздутый справочный аппарат не позволял эффективно использовать его в целях обеспечения безопасности государства. Военные помогли выделить из картотеки ППИ ограниченное количество действительно опасных субъектов, после чего пользоваться ей стало значительно проще. К этому времени относится и изменение организации экспозитур и агентурных участков “дефензивы”. Ее территориальные органы были лишены исполнительных полномочий и осуществляли теперь следующие задачи:

- сбор информации;
- наблюдение за отдельными лицами и организациями;
- руководство агентурным аппаратом;
- сбор сведений по вопросам безопасности,
- дознание по политическим делам;
- надзор за местной полицией;
- подготовка местной полиции в политическом отношении.

Кроме отделения IVД, военные контрразведчики эффективно сотрудничали с местными органами полиции и старостами, что позволило в первой половине 1920-х годов раскрыть многих иностранных агентов. Только в 1922 году в зоне ответственности ДОК VIII (Быдгощ) были арестованы 28 германских агентов, в зоне ответственности ДОК V (Краков) — 21, в зоне ответственности ДОК VII (Познань) — 3⁵⁶. Не в последнюю очередь этому способствовало неплохое финансирование оперативных органов. Так, в 1925 году ноябрьский бюджет оперативных расходов СРИ ДОК II составил 12048 злотых, из которых на оплату услуг агентуры было израсходовано 7140 злотых, суточные и прочие служебные расходы составили 1835 злотых, командировочные расходы — 1128 злотых, содержание конспиративных квартир — 210 злотых, оплата технического персонала — 150 злотых⁵⁷.

Руководители государственной полиции Польши

Владислав
Хеншель
(1919 – 1922)

Мариан
Борзецкий
(1923 – 1926)

Януш Ягрим
Малешевский
(1926 – 1935)

Йозеф Кордиан
Заморский
(1935 – 1939)

В 1923 году была проведена очередная, принципиальная реорганизация политической (гражданской) контрразведки. На этот раз ее инициаторами выступили представители властей на местах, требовавшие подчинения себе политической полиции на уровне воеводств и поватов. В результате 26 апреля премьер-министр и министр внутренних дел Польши Владислав Сикорский издал декрет об организации в составе Государственной полиции Информационной службы с задачами:

“– слежения за всеми проявлениями политической, общественной, национальной и профсоюзной жизни, угрожающими государственному устройству или безопасности Республики и информирование властей о них,

– отслеживания политического и военного шпионажа, причем последнего – в тесном контакте с военными органами”⁵⁸.

Новая структура политической полиции в обиходе по-прежнему именовалась “дефензивой”, что было по сути верно. В нее перешло большинство сотрудников распущенного отделения IVД, а руководителем Информационной службы остался Мариан Сволкиен, одновременно продолжавший возглавлять Информационный отдел Департамента безопасности МВД. В этом отделе накапливались и анализировались поступающие от территориальных органов Информационной службы материалы в целях информирования министра об общественно-политической ситуации в стране и выработки соответствующих рекомендаций. Его структура выглядела следующим образом:

- 1-е отделение:
 - организационный реферат;
 - реферат кадров;
 - инспекционный реферат;
- 2-е отделение:
 - чешский реферат;
 - белорусский реферат;
 - литовский реферат;
 - немецкий реферат;
 - коммунистический реферат;
 - профсоюзный реферат;
 - реферат национальных меньшинств;
 - реферат легальных партий;
 - реферат политических группировок.

В воеводствах вместо экспозитур отделения IVД тоже организовывались Информационные отделы, имевшие в своем составе рефераты кадрово-организационный, регистрационно-розыскной и общей информации.

Вся система польских контрразведывательных органов строилась в привязке к противодействию главным образом Германии, Литве и СССР. Основным противником на Востоке, а для политической контрразведки – и по всей стране были советские и коминтерновские спецслужбы. Активнее всего действовал в стране

Мариан Сволкиен

Разведупр, главной задачей которого на весьма вероятный случай возникновения новой войны являлось установление дислокации частей польской армии, их вооружения, боеготовности и национального состава, а также изучение инфраструктуры предполагаемого театра военных действий. В страну забрасывалось огромное количество агентов, местная контрразведка раскрывала одну их сеть за другой, но пока еще не постигла искусство оперативных игр, снабжения противника дезинформацией и выхода на его еще не расшифрованную агентуру через уже выявленную. Французские инструкторы по разведке обучили этому поляков лишь в середине 1920-х годов. К особенностям оперативной обстановки в Польше относилось также необычно щедрое государственное финансирование контрразведывательных органов и политической полиции, а также почти не скрывавшееся от общественности широкое и повсеместное применение пыток на допросах. Любопытно также, что в описываемый период ввиду отсутствия единого уголовного кодекса административно-политический режим в различных частях страны был неодинаков. В Варшаве действовали статьи дореволюционного российского уголовного уложения, в Познани — прусское законодательство, во Львове — австрийское, и в результате обвиняемые по делам о шпионаже или государственной измене в столице рисковали получить десятилетний срок тюремного заключения, зато в некоторых других местах могли отделаться максимум тремя — пятью годами. Поляки традиционно недоверчиво относились к иностранцам, поэтому внедрение нелегалов по паспортам граждан третьих государств вскоре было прекращено по причине плотного полицейского контроля за такими лицами. Зато весьма удобным инструментом для работы оставалась коррупция. Она процветала там настолько пышно, что это не преминул отметить даже досконально знавший эту проблему Рейли: «Я считаю, что лимитрофных дипломатов и резидентов всех без исключения можно купить. Вопрос только в цене»⁵⁹. Коммунистическая партия не пользовалась в стране особыми симпатиями, поэтому основная работа ПКП постепенно перешла к ее Заграничному бюро в Берлине, контактировавшему с местной резидентурой советской разведки через уполномоченного члена центрального комитета. Этим членом ЦК являлся бывший заместитель председателя ЧК Белоруссии С. А. Мертенс (Гудзь), с 1923 года член Политбюро ПКП и руководитель компартии Западной Белоруссии и ее военного аппарата. В 1925 году Мертенса арестовали, но три года спустя обменяли на пойманного в СССР польского агента. Подобная практика широко и успешно применялась советскими властями, и часто поляков арестовывали с единственной целью обменять в последующем на очередного провалившегося разведчика или арестованного коммуниста. Однажды ОГПУ по обвинению в шпионаже арестовало даже архиепископа, и хотя в Варшаве, естественно, знали, что это не соответствует действительности, однако молча приняли прелата к обмену.

Сеть военной разведки в Польше несла крупные потери из-за настойчивого требования Председателя РВСР Троцкого наращивать диверсионную работу и партизанские операции, именовавшиеся в рассматриваемый период «активной разведкой». Размах осуществляемых диверсий шокировал и встревожил даже советских дипломатических работников. Взрывы гремели по всей стране и на военных, и на гражданских объектах, например, 24 мая 1923 года в Варшавском университете, в результате чего погиб профессор Р. Оржецкий. К большинству террористических актов была причастна группа Военного отдела компартии Польши, возглавлявшаяся офицерами Валерием Багинским (иногда неверно именуемым Богинским) и Антонием Вечоркевичем. Они были арестованы и обвинены во множестве преступлений, в том числе в организации мощнейшего взрыва складов боеприпасов в Варшавской цитадели. Хотя он произошел 14 октября 1923 года, уже после их ареста, обоим все же приговорили к смертной казни, замененной 15 годами тюремного заключения. Компартия попыталась организовать их побег, но неудачно.

Упомянутый взрыв в Варшавской цитадели вызвал в польском обществе глубокое возмущение, поскольку подверг страшной опасности жизни тысяч людей. Лишь счастливая случайность не позволила детонации распространиться на все склады и таким образом спасла от неминуемой гибели окружавшие их многочисленные густонаселенные кварталы бедноты, однако и без этого жертв оказалось очень много. Например, взрывная волна забросила в реку роту маршировавших на плацу солдат, несколько десятков из которых утонули. Действия Багинского и Вечоркевича повлекли за собой роковые для них самих последствия. 29 марта 1925 года начальник пограничной экспозитуры в Столбцах Йозеф Мурашко, которому было поручено произвести их обмен с советской стороной на арестованных в СССР поляков, застрелил обоих в поезде недалеко от станции Колосово. Самочинная расправа над

закованными в наручники беззащитными людьми встретила полное понимание польского правительства, и Мурашко получил символическое наказание в виде двух лет лишения свободы. Хотя некоторые и поныне пытаются представить его бесстрашным патриотом, эта красивая легенда разбивается о завершающий факт биографии мстителя, в конце 1939 года разоблаченного в качестве агента гестапо и казненного в Варшаве боевиками польского движения Сопротивления.

Диверсионной работой руководил работавший под прикрытием второго секретаря полпредства СССР в Варшаве Казимир Баранский (Кобецкий). Год спустя после взрыва дефензива внедрила в его сеть своего агента, а еще через год Баранского арестовали. Несмотря на то, что разведчик имел при себе дипломатический паспорт и сумел избавиться от компрометирующих материалов, при задержании его избил до инвалидности. Несколько позднее эмигрант Черепов-Сидоров сильно избил еще одного работника резидентуры Кравченко. Эти действия повлекли нестандартное решение ОГПУ ответить тем же в отношении четверых (двое большего числа) аккредитованных в СССР польских дипломатов, причем одним из избитых оказался первый секретарь миссии в Москве. После этого физические расправы немедленно прекратились.

Вербовочная база советской разведки в Польше была довольно обширной за счет угнетенных украинского и белорусского национальных меньшинств, однако пристальное внимание полиции и контрразведки к этому контингенту заметно снижало ценность приобретаемой в его среде агентуры. Поэтому ОГПУ и Разведупр с ведома Политбюро сделали ставку на “раздувание украинской ирреденты” для дестабилизации внутреннего положения страны. Обманутые туманными намеками советской стороны на близкую войну против Польши, местные украинцы подготовили и запланировали на 25 марта 1925 года восстание на Волыни силами специально образованных для этой цели боевых групп и отрядов общей численностью до 10 тысяч человек. Повстанцы собирались взорвать мосты и отрезать район от остальной Польши, уничтожить представителей местных властей и помещиков, а затем принять скрытно перешедшие через границу две советские дивизии, которые должны были составить ядро вооруженных сил независимой республики Волынь. Последний пункт являлся чистейшим обманом. Представители Разведупра беззастенчиво ввели в заблуждение руководителей восстания Приступу и Войтюка, чтобы спровоцировать их на скорейшее выступление.

Этот план провалился. Власти своевременно вскрыли подготовку к восстанию и арестовали несколько тысяч украинцев, после чего подпольная организация распалась, хотя несколько небольших групп не просто уцелели, но ушли в леса и начали вооруженную борьбу. В феврале 1925 года один из таких партизанских отрядов под руководством инструкторов из Разведупра пробился из глубины страны к польско-советской границе и в районе Ямполья прорвался в Советский Союз. На погранзаставе решили, что имеют дело с очередной вооруженной бандой, и вступили с ним в бой, повлекший существенные потери с обеих сторон. Кроме всего прочего, это вызвало серьезные международные осложнения и послужило причиной появления подписанного Дзержинским проекта постановления Политбюро ЦК РКП(б) “О Разведупре”, утвержденного 25 февраля 1925 года. Его содержание представляло значительный интерес и потому цитируется довольно пространно:

“С установлением более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами от Разведупра неоднократно давались директивы о прекращении активных действий, однако приобретенные за предшествующий период традиции у организованных за рубежом групп, а также слабость со стороны руководства коммунистических партий стихийно нарастающим движением зарубежного крестьянства, из которого комплектовались кадры диверсионных групп активной разведки, не давали возможности организационно руководить этими группами, часто не соблюдавшими даваемые директивы. Отсюда целый ряд выступлений, причинявших вред нашей дипломатической работе и затруднявших работу соответствующих коммунистических партий.

2. Ввиду совершенно ясно определившейся невозможности путем циркуляров ввести в нужное русло работу зарубежных партизанских групп и принимая во внимание, что коммунистические партии поставили уже реально вопрос о захвате под свое влияние стихийно растущего движения на окраинах, признать необходимым:

а) активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской республики) — ликвидировать.

б) ни в одной стране не должно быть наших боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство.

3. Вся боевая и повстанческая работа и группы, поскольку они политически целесообразны (что определяется в чисто партийном порядке), должны быть переданы в полное подчинение коммунистических партий данной страны и руководиться исключительно интересами революционной работы данной страны, решительно отказавшись от разведывательной и иной работы в пользу Военведа СССР.

Остальные группы активной разведки, а также военно-подрывные и диверсионные группы по существующему раньше типу, поскольку они не войдут в круг партийной организации, ликвидируются.

4. Вместо активной разведки в настоящем виде, для чисто военных целей СССР должны быть организованы в соседних государствах самым конспиративным образом особые пункты для обследования и изучения военных объектов, установления связей с нужными людьми, заготовки материалов и проч., т. е. для подготовки к деструктивной работе во время войны в тылу противника. Таким образом, пункты имеют характер информационный и подготовительный, с тем, однако, чтобы в соответствующие моменты могли развернуться в боевые. Пункты эти никоим образом не связываются с партией, и отдельные работники не состоят в партии.

Руководители центральных аппаратов разведки у нас и за рубежом держат связь исключительно с уполномоченными ЦК соответствующих компартий.

5. Расконспирированные на границах начальники и руководители бывшей Активной Разведки сменяются немедленно, не дожидаясь общей ликвидации, которая требует более продолжительного времени и крайне осторожного подхода.

6. На нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением. В случае занятия нашей территории противником их задача — дезорганизация вражеского тыла и партизанская война.

7. Пограничная зона на нашей стороне должна быть очищена от активных партизан, которые, как констатировано, самостоятельно переходят границы для боевой работы. Не озлобляя их и оставляя на учете для использования в случае войны, их следует эвакуировать во внутренние округа”⁶⁰.

Процитированный документ появился далеко не на пустом месте, а имел под собой вполне реальную почву. В 1924 году из общего числа арестованных различными СРИ ДОК за шпионаж и подрывную деятельность 543 человек 389 человек (71,6%) работали на СССР, 13 (2,4%) действовали в совместных советско-германских интересах, и еще 79 человек (14,5%) обвинялись в коммунистической пропаганде⁶¹.

Возвращаясь к украинскому вопросу, следует отметить, что в Варшаве вполне четко осознавали разницу между различными действовавшими в этой среде политическими силами. Польскому руководству было совершенно ясно, что оно может рассчитывать только на определенную управляемость Украинской народной республики, которая, однако, практически не обладала влиянием на местную диаспору. Проживавшие на территории Польши украинцы являлись бывшими подданными Австро-Венгрии и затем гражданами Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), а потому не воспринимали УНР как свое руководство. Да и лояльность самого Петлюры переоценивать тоже не следовало, поскольку его сотрудничество было вынужденным шагом, ошибочность которого выявилась почти сразу же. Украинцы считали Варшаву своим врагом даже в большей степени, чем Москву. Польское правительство интенсивно проводило “ополячивание” всех своих граждан, полностью игнорируя интересы этнических группировок и их религиозные убеждения. На протяжении различных периодов истории Варшава вообще всегда отличалась экстремистским подходом к национальному вопросу. В разряд угнетаемых национальных меньшинств попадали немцы, евреи, русские и украинцы, почти в равной степени страдавшие от притеснений и отвечавшие властям либо гражданским неповиновением, либо вооруженным сопротивлением. Особенной непокорностью в этом отношении отличались украинцы, что объяснялось не только особенностями национального характера, но и особым отношением правительства к представителям этой этнической группы. В отличие от московских, варшавские власти не допускали создания национальной автономии, а с 1922 года начали подвергать украинское национальное меньшинство сильнейшим притеснениям, именовавшимся ими “пауцификацией”, то есть “умиротворением”. Закрывались школы и церкви, искоренялись язык, обы-

чай и культура, а попытки даже мирного сопротивления беспощадно подавлялись вооруженной силой полиции. Эту ситуацию использовали и советские спецслужбы, и сторонники украинского “интегрального национализма”.

Их ответом на политику Варшавы стало создание в Галиции Украинской военной организации (УВО) — своего рода подпольной армии, способной в кратчайший срок развернуть на Западно-украинских землях (ЗУЗ) свои подразделения, естественно, не столько боевые, сколько диверсионные и террористические. В августе 1920 года в Праге прошел I учредительный съезд УВО, на котором комендантом “Начальной комиссии” был избран бывший полковник австрийской армии Евген Коновалец. Непосредственной задачей Украинской военной организации являлась тайная подготовка к восстанию за освобождение западно-украинских земель от польской оккупации, в преддверии которого следовало провести подготовку и оснащение боевых единиц, вести разведывательные и диверсионные операции. Последнее направление обрабатывалось особенно интенсивно. Очевидная слабость националистических сил по сравнению с армией польского государства не смущала членов УВО, наивно рассчитывавших на легитимное решение проблемы своей независимости. В течение нескольких послевоенных лет галицийцы ожидали помощи со стороны держав-победительниц в воссоздании разгромленной поляками Западно-Украинской Народной Республики. История борьбы УВО с польским государством весьма драматична для обеих сторон. В период 1921 и 1922 годов ее боевики провели на территории Польши не менее 22 террористических и диверсионных актов, включая покушение Степана Федака на маршала Пилсудского, серию взрывов и убийств представителей властей и украинских коллаборационистов (если этот термин применим в данной ситуации). В конце 1922 года развернутая УВО кампания террористических актов и диверсий периодически переходила в настоящую партизанскую войну. Например, в 1922 году 50 боевиков под командованием С. Мельничука и П. Шеремета совершили рейд по нескольким воеводствам страны, однако в конечном счете были разгромлены, а их руководители схвачены и казнены.

УВО располагала разведорганом, именованным вначале отделом, а затем референтурой разведки, первым начальником которой являлся О. Душный. На первых порах она работала довольно вяло, ограничивалась исключительно военными вопросами, однако насаждала агентурно-осведомительную сеть не только на Западно-украинских землях, но и на остальной территории Польши. Польское правительство боролось с Украинской военной организацией как боевыми, так и оперативными методами, особенно усилившимися после подтверждения государствами-победителями прав Варшавы на Галицию. УВО насквозь пронизывала агентура полиции и контрразведки, в частности, отделов безопасности воеводств. Это породило ответные меры и положило начало созданию контрразведывательных подразделений УВО. После 1922 года референтура разведки приняла на себя и контрразведывательные функции, активно включившись в борьбу против спецслужб Польши.

В этот период УВО претерпевала серьезные организационные изменения. Конфликт с диктатором Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) и внутренние распри в руководстве организации привели к ее расколу и уходу Коновальца с поста коменданта “Начальной комиссии”, которая сразу же была заменена Политической коллегией во главе с атаманом Я. Селезенкой. Очередной начальник разведки УВО О. Думин перешел в ряды сторонников ЗУНР и также был изгнан из организации, что послужило сигналом к началу массовой чистки ее рядов. С 1923 года референтурой разведки руководил Ю. Головинский, в 1930 году погибший от рук польского полицейского. Практически все исключенные объединились и создали просуществовавшую весьма недолго “Западно-Украинскую народную революционную организацию” (ЗУНРО). Постепенно УВО начала расширять сферу своей деятельности на восточные украинские земли и стала создавать проблему не только для территориальных органов безопасности, но и на границе. В совокупности с коммунистической активностью в том же регионе этот фактор был крайне дестабилизирующим и опасным для целостности государства и его внутренней стабильности. Необходимость подавления партизанских и диверсионных действий со стороны Советского Союза и УВО вынудила поляков пересмотреть систему охраны своей границы с СССР и Литвой и в августе 1924 года принять решение об организации Корпуса пограничной охраны (КОП). Этот шаг стал следствием стремления сосредоточить в руках военных противодиверсионную и контрпартизанскую деятельность, для оперативного обеспечения которой предлагалось создать три региональных центра КОП со статусом контрразведывательных пляцувок:

- № 1 (Вильно), подчиненные постерунки 1/I – 6/I;
- № 2 (Брест), подчиненные постерунки 1/II и 2/II;
- № 3 (Львов), подчиненные постерунки 1/III – 4/III.

Структурно Корпус пограничной охраны состоял из центрального аппарата, упомянутых оперативных органов, шести бригадных (Гродно, Вильно, Новогродск, Полесье, Подолье, Вольнь) и двух полубригадных командований, 29 пограничных батальонов, 20 кавалерийских эскадронов и дивизиона жандармерии. Как военно-полицейская структура, КОП подчинялся МВД, но руководствовался военными уставами и в случае войны подлежал включению в состав армии. Приказ о переводе военнослужащих в корпус был издан министром военных дел 12 сентября 1924 года, а 1 ноября II отдел генштаба передал свои органы пограничной разведки КОП.

Первоначально Корпус пограничной охраны предназначался для выполнения следующих задач:

1. Ведение внутренней разведки, в особенности установление личностей руководителей банд и отрядов, а также поддерживающих с ними связь лиц из местного населения.
2. Ведение ближней (до 50 километров) наступательной разведки для опережающего выявления на сопредельной стороне сил противника и его намерений, а также организация постоянной агентурной сети в зоне своей ответственности.
3. Ведение глубинной наступательной разведки, в особенности вскрытие законспирированных штабов и командований диверсионных и партизанских формирований противника на его территории.

В наступательном отношении точки КОП должны были работать под руководством экспозитур II отдела генерального штаба, а в оборонительном – по указаниям СРИ ДОК. Фактически вплоть до 1925 года Корпус пограничной охраны оперативную работу не вел, все его силы были брошены на обеспечение политики “пацификации” и силовые акции против партизанских групп и диверсионных отрядов. Структура разведки была выработана лишь в 1925 году, причем даже через год ей занимались всего 32 офицера КОП. После этого основным оперативным органом корпуса стал контрразведывательный реферат в составе его центрального аппарата, которому на сложных участках подчинялись оперативные уполномоченные в периферийных аппаратах. Они не имели права вести агентурную работу и при получении соответствующей информации должны были ставить задачи по ее реализации легальным и нелегальным точкам КОП. Легальные были представлены пограничными следственными группами, получавшими отдельное финансирование на содержание платной агентуры, а также унтер-офицерскими постерунками, не имевшими права создавать собственные агентурные сети и работавшими исключительно с добровольными помощниками или случайными информаторами. Контакты с агентами поддерживали только офицеры, крайне немногочисленные и весьма заметные в малонаселенных пограничных районах. Несмотря на последнее обстоятельство, в КОП не практиковалось создание внутренних резидентур для осуществления конспиративной связи с агентурой, поэтому советская пограничная разведка достаточно быстро расшифровала его оперативных работников. После ряда связанных с этим тяжелых провалов поляки полностью изменили систему агентурно-оперативной работы КОП и перешли к работе с позиций нелегальных резидентов, имевших право самостоятельно производить вербовки. Следует отметить, что эффективность польской пограничной контрразведки оказалась довольно низкой, 85% успешных дел были осуществлены благодаря случайно полученной информации.

Западные и южные границы Польши отличались значительно большим спокойствием, поэтому реорганизация системы их охраны затянулась до 1928 года. В течение предшествовавших этому десяти лет ее осуществляли такие временные формирования, как Военная пограничная стража, Пограничные стрелки, Батальоны охраны и Таможенная стража. 22 марта 1928 года все они, за исключением Таможенной стражи, были распущены, таможенников же переформировали в Пограничную стражу (СГ), значительно расширив их функции. Новая структура являлась исполнительным органом государственного казначейства, но в отношении вопросов охраны границы подчинялась министерству внутренних дел и местной администрации. В главной комендатуре СГ под прикрытием органа по борьбе с контрабандой существовал II (информационный) отдел по территории страны и по закордону. Первым направлением ведали информационные офицеры в пограничных инспекциях,

а вторым — II отдел в центральном аппарате службы. Позднее в Пограничной страже были созданы плязувки I и II линий, а в Данциге — также и экспозитура. Глубина разведки для территориальных органов СГ составляла:

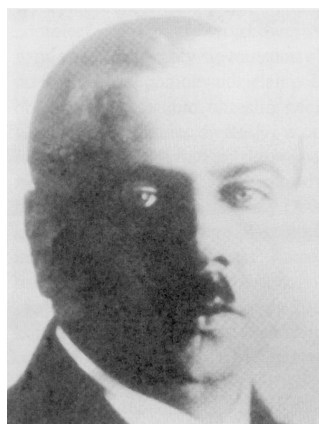
- пограничные комиссариаты — 6 — 10 километров;
- пограничные инспекции — 20 — 30 километров;
- окружные инспекции — в каждом случае определялась отдельно.

Существовали также унтер-офицерские плязувки СГ, которым запрещалось заниматься самостоятельной оперативной работой. Однако и вышестоящие комиссариаты и инспекции были уполномочены вести только простейшую контрразведку и собирать информацию об общей обстановке и настроениях в своей зоне ответственности. В случае выхода операции на более высокий уровень и она сама, и агент передавались в соответствующий СРИ ДОК. Очевидно, что такая практически гражданская структура как Пограничная стража могла существовать лишь в спокойной обстановке южной и западной границ. С ними резко контрастировал восточный рубеж, где постоянно прорывавшиеся из СССР партизанские отряды и диверсионные группы стали поединным проклятием для польского населения. Начальник разведки Корпуса пограничной охраны майор Т. Скиндер докладывал, что в период с апреля 1921 по конец 1924 годов с советской территории было совершено 259 нападений⁶², а также ряд успешных и неудачных попыток похищений военнослужащих КОП. СССР трудно было назвать добрым соседом Польши.

Начальник разведки КОП
Тадеуш Скиндер

Но и поляки вели себя соответственно. На их территории перед границей с СССР концентрировались эмигрантские войска численностью от 43 до 50 тысяч человек, а по интенсивности наступательных агентурных операций Польша, пожалуй, занимала второе место в Европе после Советского Союза. “Народный союз защиты родины и свободы” содержал там свои воинские формирования и регулярно проводил рейды на сопредельную территорию, оставляя за собой трупы, пепел и развалины. И каждый раз Варшава заявляла о своей полной непричастности к событиям, хотя ОГПУ имело предостаточно

Начальник разведки СГ
Игнаций Матушевский

оперативных данных о связи НСЗРиС с польской разведкой, известен был и офицер связи с разведчиками и диверсантами Савинкова капитан Владимир Секунда. Москва сделала выводы из уроков войны 1920 года и дала указание создать в Польше обширную агентурную сеть. Организованная в апреле 1921 года первая нелегальная объединенная резидентура Разведупра и ИНО являлась на тот период самой крупной и самой дорогостоящей заграничной советской разведки. Все три ее высших руководителя были поляками: резидент, бывший начальник разведотдела 15-й армии Западного фронта Мечислав Логановский, его заместитель Казимир Баранский (Кобецкий) и руководитель военной линии Стефан Узданский (Вронский). Одной из основных задач точки являлось содействие разрешению весьма острого вопроса возврата советских пленных. Режим в польских концентрационных лагерях не слишком отличался от позднейших нацистских, и, по различным оценкам, в них умерли от 25 до 60 тысяч захваченных красноармейцев и командиров.

Резидентура мало преуспела в работе, ибо не сумела распознать получаемый от польской контрразведки поток дезинформации. С 1922 года резидентом стал С. Л. Узданский, но после взрыва Варшавской цитадели из-за беспрецедентного усиления полицейских и контрразведывательных мер его агентурная сеть в 1923 — 1924 годах оказалась полностью разгромленной. Узданского сменил военный разведчик С. Г. Фирин (Пупко). Во время войны с Польшей он руководил зафронтовой разведкой и диверсиями, после этого работал в Берлине, разрабатывал врангелевские войска в Болгарии, затем был переведен в Париж, потом руководил снабжением оружием и созданием оружейных складов в тылу французских оккупационных войск в Руре, Эльзасе и Лотарингии, а вплоть до июля 1924 года возглавлял военное руководство ГКП. После расшифровки французской контрразведкой бежал в Мос-

кву, а оттуда отбыл в Польшу для воссоздания агентурной сети. Нелегальная резидентура Разведупра существовала также в Кракове, где ей в 1921 — 1922 годах руководила Софья Залесская, позднее переведенная в Берлин. Другой военный разведчик А. М. Иодловский в 1924 году организовал в Польше нелегальную резидентуру, но в 1927 году был арестован и осужден на 4 года заключения. Одной из руководительниц восстановления агентурной сети являлась направленная из Франции нелегальная сотрудница Разведупра М. В. Скаковская. К сожалению, ее скомпрометировали слишком явные ухаживания советского полпреда СССР в Варшаве Войкова, и в июле 1926 года разведчицу арестовали. После выхода из тюрьмы в 1931 году она уехала в Советский Союз. Масовость провалов могла сравниться только с масовостью засылки разведчиков, и постепенно в этом соперничестве Польша начала отставать. С 1926 по 1927 годы точку ИНО в Варшаве возглавлял С. М. Глинский, будущий резидент в Хельсинки, а затем в Праге. Первая резидентура советской разведки официально просуществовала в качестве объединенной до 1923 года, но неофициально процесс разделения затянулся еще на два года. В этот период ее главными достижениями явились проникновение абсолютно во все местные антисоветские эмигрантские организации и центры и укрепление военного аппарата польской компартии. Разведка поддерживала также нелегальные военные организации на Волыни и в Западной Белоруссии, хотя до 1925 года руководство ими осуществлялось с территории СССР.

С. И. Фирин

Ввиду подобных сложных обстоятельств, в середине 1920-х годов польское правительство пересмотрело организацию политической контрразведки, или “дефензивы”. Информационная служба совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надежд по причине фактического отрыва от общей системы Государственной полиции, недостаточного авторитета среди властных органов государства и низкой квалификации большинства сотрудников. Поэтому 16 июня 1924 года ее расформировали, а Информационный отдел стал V отделением главной комендатуры Государственной полиции (КГ ПП) и

М. В. Скаковская

центральным органом вновь созданной Политической полиции. Его структура в значительной степени упростилась и стала двухуровневой. Теперь отдел образовывали:

- коммунистическо-подрывной реферат;
- украинский реферат;
- русский реферат;
- белорусско-литовский реферат;
- немецкий реферат;
- еврейский реферат;
- чешский реферат;
- профсоюзный реферат;
- реферат прессы;
- реферат связей и легальных организаций;
- реферат религиозных сект

Вместо Информационных отделов в воеводствах были образованы управления Политической полиции.

Реформа оказалась неудачной и не только не укрепила государственную безопасность, но даже ухудшила постановку дел в этой области. Контрразведка, в особенности гражданская, проявила несостоятельность в деле борьбы с иностранными спецслужбами и компенсировала это активностью в политических преследованиях, в основном левых элементов. Например, в 1923 году всеми оперативными органами Польши 435 человек были арестованы по подозрению в шпионаже в пользу иностранных государств и 741 — за нелегальную коммунистическую деятельность, а за 10 месяцев 1926 года эти показатели соответственно составили 49

и 1958 человек⁶³. Совершенно очевидно, что последняя величина нереальна и явно включает в себя фальсифицированные дела. В некоторых воеводствах Политическая полиция за целый год не смогла приобрести ни одного агента, а о качестве имевшихся и говорить не приходилось. В соревновании с военными контрразведчиками полицейские определенно оставались позади. По этой причине 17 марта 1926 года все территориальные органы Политической полиции были распущены, а их сотрудников перевели в общую систему полиции и сформировали из них на местах рефераты по борьбе с враждебной деятельностью. С этого момента начался процесс постепенного роспуска гражданской контрразведки Польши. 14 июня было ликвидировано V отделение КГ ПП. Информационную службу передали в состав Департамента безопасности МВД, вопросы организации и обучения сотрудников – в I отделение КГ ПП, хозяйственные вопросы – во II отделение, кадровые вопросы – в III отделение, а все оперативные дела – в IV отделение. Последним шагом на этом пути стало закрытие окружающих отделений Политической полиции. В отличие от предыдущих преобразований, данная реорганизация фактически стала чисткой, в ходе которой подверглись увольнению многие некомпетентные или скомпрометировавшие себя работники. Отделение, с 8 апреля 1927 года официально именовавшееся Центральной следственной службой, ненадолго возглавил майор военной жандармерии Фелициан Балабон-Плато, сменил его майор Попович. В дальнейшем органы государственной безопасности Польши вплоть до начала Второй мировой войны реформам практически не подвергались, за исключением организации в 1936 году реферата по особым делам в составе Центральной следственной службы.

В систему оперативных органов Польши входили также и некоторые подразделения министерства иностранных дел, однако, в отличие от других государств, они занимались не столько сбором информации, сколько контрразведывательной деятельностью. К их числу относился информационный отдел МИД (Д.VIII), 1 сентября 1923 года реорганизованный в отделение К.III консульского департамента, и их периферийные органы. Задачей “дипломатических контрразведчиков” являлось осуществление оперативного учета лиц, проживающих за границей и подозреваемых в шпионаже и подрывной деятельности, причем не обязательно именно против Польши. За это отвечали консульские пункты, обобщавшие собранные сведения в собственной картотеке и направлявшие их во II отдел главного штаба. При получении информации о попытке подучетного элемента въехать в пределы Польши консульский пункт незамедлительно ставил об этом в известность как консульский отдел посольства в стране пребывания, так и К.III в Варшаве.

Как уже указывалось, поляки далеко не ограничивались контрразведывательными мероприятиями против соседних государств, а активно и целенаправленно изучали их всеми возможными, в том числе и агентурно-оперативными методами. Тогда как работа по Востоку облегчалась наличием подпольных структур бывшей Польской военной организации (ПОВ), на Западе нелегальную сеть только предстояло создавать. В октябре 1922 года в министерстве иностранных дел Польши состоялось совещание по вопросу ведения разведывательной работы против Германии под председательством начальника VII департамента МИД Казимира Ольшевского. Другими участниками совещания являлись генеральный консул Польши в Кенигсберге Сроковский, сотрудник консульского отдела посольства в Берлине Мальчевский, офицер II отдела капитан Дукиет и начальник познанской экспозитуры № 3 капитан Закревский. В итоге встречи была выработана концепция ведения глубинной разведки против Германии, на территории которой следовало создать центр по руководству расположенными там пляцувками. В Веймарской республике насаждалась главная агентурная сеть, в задачи ее руководителя входила организация работы резидентур, определение основных направлений их деятельности, контроль за вербовками, надзор за результатами работы отдельных точек, обработка добытых данных и материалов и отправка их во II отдел. Руководитель центра поддерживал связь с консульским работником посольства. Экспозитура в Данциге считалась расположенной на территории противника и подчинялась тем же правилам, что и все заграничные. Было определено, что по мере развития сети пляцувок остальные экспозитуры постепенно утратят свою роль и сохранят ее лишь в качестве органов приграничной разведки и координирующих инстанций. Кроме того, на случай провала пляцувок экспозитуры должны были сохранить способность временно возобновить глубинную разведку на германской территории. Военные атташе отводились от агентурных операций и ограничивались ведением разведки лишь по открытым источникам. Концепция преду-

смаатривала возможность польско-германского вооруженного конфликта, в случае которого сеть II отдела окажется неспособной выполнять свои задачи. Для этого разворачивалась система пляцувок в Великобритании, Бельгии, Дании, Норвегии, Швеции, Австрии, Чехословакии и Италии, призванная обеспечивать поступление информации и проведение иных оперативных мероприятий с позиции третьих стран. Кроме того, на случай отступления на собственную территорию в Польше планировалось развернуть основную и запасную разведывательно-диверсионную сеть, главным образом под прикрытием торговых фирм. Еще одним результатом совещания стала выработка системы утверждения количества офицеров, отправляемых на разведывательную работу за границу по линии реферата “Запад”. В 1924 году таковых насчитывалось 80. Разведчиков персонально отбирали в Главном штабе из состава работников экспозитур и постерунков, причем их перевод в нелегальную разведку легендировался увольнением в связи с сокращением штатов.

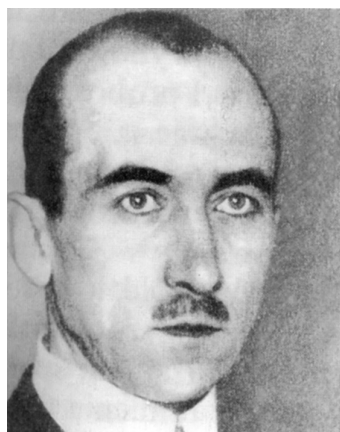
Несмотря на столь тщательно выработанную концепцию, в начале 1920-х годов польская разведка не добилась существенных результатов по оперативному изучению Веймарской республики. Источники в основном приобретались в среде поляков, что естественным образом ограничивало их разведывательные возможности. К 1923 — 1924 годам II отдел располагал значительной по численности агентурой в Берлине, Ганновере, Бремене, Мюнстере, Кобленце и Нюрнберге, однако поступающая информация оставляла желать лучшего. В октябре 1920 года начальник реферата “Запад” констатировал в своем рапорте, что разведка не сумела добыть сведения по следующим направлениям:

- государственной программе развития военных и гражданских органов управления;
- отношениях министерства рейхсвера с гражданскими ведомствами;
- организации взаимодействия центральных органов власти с военными структурами;
- численности и составу вооружения рейхсвера.

Первоочередными задачами II отдела на германском направлении были определены мероприятия по получению следующих сведений:

- оперативные планы рейхсвера и намерения в области мобилизационных приготовлений;
- организация армии, ее командование и центральные органы управления;
- организация военных округов;
- организация отдельных родов войск;
- состав, организация и нумерация отдельных частей и подразделений;
- авиация;
- бронетанковые войска;
- настрояния в войсках и состояние дисциплины;
- снабжение войск;
- система комплектования армии;
- система военного обучения;
- боеготовность рейхсвера и его частей;
- фортификационные сооружения;
- наземный и водный транспорт.

Обращалось также внимание на важность получения информации на канале международных железнодорожных перевозок.

Тадеуш Шетцель

Тадеуш Пельчинский

Йозеф Смоленский

Тем временем структура польской разведки постепенно менялась, и 1923 год стал этапным в ее развитии. II отдел получил дополнительное наименование “Центр” и стал отвечать за общую организацию разведки, сбор, оценку, обработку, анализ и рассылку информации, а также за иные связанные с этим действия. Его штат увеличился до 101 сотрудника, из которых 58 имели офицерские звания, но внутренняя структура разведки, за исключением перераспределения обязанностей внутри рефератов, сохранилась неизменной. Не претерпела она существенных изменений и на протяжении последующих лет. Реорганизации оказались крайне незначительными. В 1926 году из 1-го отделения выделился самостоятельный Общий реферат, во 2-м отделении был создан вскоре ставший самостоятельным реферат международных договоров, а в 3-м отделении появился диверсионный реферат. Начальником II отдела в 1926 году стал полковник Тадеуш Шетцель, а в дальнейшем по 1939 год разведку возглавляли полковники Теодор Фургальский, Тадеуш Пельчинский, Ежи Энглихт, Тадеуш Пельчинский (повторно) и Йозеф Смоленский. В 1928 году штат отдела насчитывал 148 сотрудников, в том числе 47 офицеров.

Нехватка финансовых средств вынудила поляков отказаться от агентурного изучения второстепенных направлений и сосредоточить силы на главных противниках: Германии, СССР, Литве и отчасти Чехословакии. В связи с этим в январе 1927 года были упразднены рефераты 3-го (разведывательного) отделения “Север” и “Юг”. Рефераты “Восток” и “Запад” 2-го (информационно-аналитического) отделения стали делопроизводствами “Россия” и “Германия”. Остальные государства интересовали II отдел в основном в привязке к их главным противникам. В этом легко убедиться, анализируя, например, задачи реферата “Запад” в 1927 году по государствам мира (кроме Германии):

1. Франция. Военная разведка: организация армии и военные приготовления, оккупационные силы в Рейнской и Саарской областях. Политическая разведка: отношение к Германии, германская пропаганда во Франции. Экономическая разведка: репарационные вопросы, сотрудничество с Германией в области промышленности.

2. Чехословакия. Военная разведка: организация армии, образцы вооружения, национальные меньшинства в армии. Политическая разведка: отношение этнических немцев к Франции, национальные меньшинства, отношение к аншлюсу⁶⁴, Малая Антанта, чехословацко-польское сближение. Экономическая разведка: самообеспечение промышленности, военная промышленность.

3. Италия. Военно-политическая разведка: реорганизация армии и высшего командования, итало-германское сближение, аншлюс Тироля, итальянское влияние на Балканах и Средиземном море, итало-французские отношения, военная промышленность.

4. Австрия. Военно-политическая разведка: тайное вооружение, вопросы аншлюса.

5. Венгрия. Вооружение, осуществление военного контроля, нарушения Трианонского мирного договора, германское влияние в политике, отношение к Малой Антанте, венгерско-румынские отношения, вопросы выхода к морю, восстановление монархии.

6. Швейцария. Милиционная система.

7. Испания. Отношения с Францией.

8. Португалия. Политическое влияние Великобритании и Франции.

9. Великобритания. Военная разведка: реорганизация армии, оккупационные войска в Рейнской области. Политическая разведка: англо-германские отношения, англо-французские отношения, англо-советские отношения, Британская империя.

10. Бельгия. Реорганизация армии, оккупационные войска в Рейнской области, бельгийско-германские отношения, отношение к Франции и Великобритании.

11. Дания. Разоружение, датско-германские отношения.

12. США. Реорганизация армии, военная промышленность.

13. Нидерланды. Германско-голландские отношения.

Такая концентрация усилий на одном направлении не могла не увенчаться ожидаемыми результатами. С конца 1920-х годов отмечается резкая активизация работы по Германии, имевшая и оборотную сторону. В 1929 и 1930 годах немецкая контрразведка по подозрению в шпионаже в пользу Польши произвела 23 ареста, впоследствии 4 человека были освобождены как невиновные. Еще 12 агентов были расшифрованы, но смогли скрыться⁶⁵.

Указанные перемены в разведке привели к последнему межвоенному существенному изменению структуры II отдела. По состоянию на 1930 год она выглядела следующим образом:

- I отделение (организационное):
 - реферат организации, мобилизации и обучения;
 - реферат кадров;
 - реферат собственных шифров;
 - финансовый реферат;
- II отделение (разведывательное):
 - Па отделение (разведка):
 - реферат “Восток”;
 - реферат “Запад”;
 - технический реферат;
 - радиоразведывательный реферат;
 - Пб отделение (контрразведка):
 - реферат национальных меньшинств;
 - контрразведывательный реферат;
 - реферат защиты (охрана собственных секретов);
 - реферат “И” (оперативные игры, агентурно-оперативная работа в органах государственного управления и на военных объектах, контрразведывательное планирование, охрана военной тайны, контрразведывательное прикрытие военных маневров и противодиверсионное обеспечение объектов во взаимодействии с полицией);
 - организационный реферат;
- III отделение (оценок):
 - делопроизводство “Россия”;
 - делопроизводство “Германия”;
 - секретариат и архивы;
- IV отделение (договоров):
 - реферат Лиги наций;
 - договорно-транзитный реферат (оценка политических и военных сторон международных договоров с точки зрения обеспечения безопасности государства и анализ состояния защиты транзитных путей сообщения);
- Общий реферат;
- Канцелярия.

Представляет определенный интерес расходование бюджетных средств II отдела главного штаба, в 1929 году составлявших почти 6 миллионов злотых. 24% из них были истрачены на контрразведывательные цели, 27% — на разведывательные (из них 16% — против СССР, 9% — против Германии и 2% — против Литвы), 9% — на организацию диверсионной работы, 6% — на техническое обеспечение и 24% — на прочие цели⁶⁶. Руководство разведки настаивало на том, что эта сумма не покрывает необходимых затрат, и требовало увеличить бюджет до 8 миллионов, но получило отказ.

В таком виде польская разведка вступила в 1930-е годы.

По активности разведывательной работы с Польшей могли сравниться лишь некоторые Прибалтийские государства, с территории которых действовали практически все ведущие секретные службы. СССР рассматривал их в качестве плацдарма для ведения оперативной работы по Западу, а его противники стремились реализовать британскую концепцию блокирования советской границы от Балтийского до Черного морей. Весьма сильны были позиции польской разведки в регионе. Варшава с 1919 года приступила к образованию антисоветского “Союза Прибалтийских государств”, в который первоначально намеревалась вовлечь Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Однако последняя, как уже отмечалось, вскоре вышла из блока и заняла даже не нейтральную, а скорее просоветскую позицию. Наиболее активными членами альянса являлись Польша, Финляндия и Эстония. Латвия придерживалась в этом отношении довольно сдержанной линии, хотя именно в Риге в августе 1919 года состоялось первое совещание будущих членов “Союза Прибалтийских государств” с участием представителей Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и делегатов от генералов Юденича и Бермонта-Авалова. В следующем году переговоры продолжились, но теперь в них участвовали Финляндия, Эстония, Латвия и Польша.

К этому времени РСФСР уже начала насаждать свою агентуру в соседних государствах, в том числе в Латвии. К 1922 году Разведупр получал данные по ее вооруженным силам

от 20 агентов, находившихся на связи у нелегального резидента Мартина Зелтыня (“Ян Сорио”) и “легального” резидента, помощника военного атташе РСФСР в Риге Андреяса Вискне. В 1923 году эта сеть подверглась полному разгрому. Оперативная работа в Латвии возобновилась лишь через два года, когда новый “легальный” резидент Разведупра Анин сумел наладить получение информации из посольств Великобритании и Японии. Его агентурный аппарат был обширным и разветвленным, а наиболее ценным источником являлся сотрудник государственного контроля Латвии Альфред Витолс. За год с октября 1925 по октябрь 1926 года резидентура добыла и переслала в Центр 769 материалов, однако позднее местная контрразведка ликвидировала ее.

Латвии было сложно противостоять советскому натиску в одиночку, тем более, что ее руководимая полковником Александром Винтерсом разведка работала вяло и беспомощно, в особенности контрразведывательный реферат. В связи с этим позднее она была включена в состав оперативного отдела генерального штаба, а Винтерс отстранен от должности и заменен подполковником Грегором Киккулсом, одновременно возглавлявшим оперативный и подчиненный ему разведывательный отделы. Латвия срочно нуждалась в поддержке, и с 30 марта по 3 апреля 1925 года в Риге под прикрытием совещания экспертов по проблемам разоружения прошла конференция разведывательных служб Прибалтийских государств с участием Румынии. По инициативе Польши на ней обсуждались такие темы, как создание резидентур на территории СССР, организация совместной радиоразведки, использование возможностей военных атташе стран-участниц для связи с нелегальной агентурой на советской территории и совместные контрразведывательные мероприятия. В результате глубина ведения разведки была ограничена 250 – 300 километрами, а западная часть СССР разделена на секторы ответственности. Латвии отводилась зона операций, ограниченная линиями Рига – Псков с севера и Рига – Смоленск с юга. Эстонская зона лежала между линиями Таллинн – Белоостров и Таллинн – Псков. Польский сектор ограничивался линиями Вильно – Полоцк с севера и Львов – Одесса с юга. Румыния отвечала за ведение разведки к северу от линии Черновицы – Киев.

Несмотря на наличие достаточно твердых договоренностей, Латвия по различным причинам не стала активным участником упомянутого разведывательного блока против СССР. Не в последнюю очередь в этом сыграло роль ее тщательно скрывавшееся, однако все же замеченное военным атташе Польши в Риге сближение с Литвой. Начальник Информационного отдела генерального штаба Литвы майор Гирлис в 1929 году договорился об открытии в столице Латвии своей резидентуры, а впоследствии в тайне от Варшавы там же прошла встреча руководителей разведок трех Прибалтийских государств и Финляндии.

В отличие от Латвии, Финляндия и Эстония отнеслись к взаимодействию в оперативной области со всей серьезностью. Оба эти государства крайне беспокоили действия СССР, не только осуществлявшего на их территории традиционные и потому в какой-то степени терпимые разведывательные операции, но и пытавшегося свергнуть их государственный строй.

К 1921 году советская военная разведка уже имела в столице Эстонии нелегальную точку с тремя подрезидентурами, позднее к ним добавились еще шесть, работавших с источниками по Прибалтийским государствам, Швеции, Финляндии и Дании. До этого операции на эстонской территории с июня 1920 года осуществлялись из Петрограда через пограничные разведывательные пункты в Пскове и Юрьеве. В отличие от Польши и Финляндии, подрывную работу в Прибалтике первоначально вел исключительно Коминтерн. Местные власти реагировали на его действия крайне резко. В частности, в 1922 году в ответ на задержание в Москве и Петрограде членов эстонских торговых миссий в Таллинне был расстрелян известный коммунист Виктор Кингисепп.

В 1924 году в Орготделе ИККИ решили, что ситуация созрела для захвата власти вооруженным путем, и начали формировать боевые группы коммунистической партии Эстонии. К концу осени они уже сводились в роты и батальоны и насчитывали до 1000 человек, из которых в столице располагались примерно 400. На территории Советского Союза в качестве резерва для поддержки выступления были подготовлены еще 6700 эстонцев. Начальником штаба боевых отрядов стал кадровый военный К. М. Римм, в дальнейшем работник резидентур военной разведки в Шанхае и Тяньцзине. Восстание началось 31 ноября 1924 года и через шесть часов после первоначальных успехов было подавлено правительственными

войсками. Некоторые группы продолжали сопротивление до 7 декабря, однако это являлось уже просто агонией. Активные действия в Эстонии более не предпринимались, зато там резко усилил свою деятельность ИНО. В ходе проведения оперативной игры “Трест” в поле зрения советской разведки попал военный атташе Эстонии в Москве Роман Бирк, после предварительного изучения завербованный в 1922 году агентами ОГПУ Опперпуттом и Колесниковым. Даже позднейшее предательство Опперпута и попытки разоблачения им агентуры ОГПУ не могут затмить его заслугу в этой вербовке, одной из самых результативных в истории советской разведки. Бирк честно работал на СССР 15 лет, а в виде благодарности его, как и множество других упомянутых в этой книге советских разведчиков, расстреляли в Москве по совершенно фантастическому обвинению.

Взаимодействие возглавлявшейся подполковником Лауритцем эстонской разведки с иностранными партнерами в 1920-е годы осуществлялось довольно активно. В нем пока еще не участвовали немцы, очередь которых настанет только в следующем десятилетии, зато эстонско-польское сотрудничество развивалось весьма динамично. Некоторое охлаждение в нем наступило в мае 1928 года, когда военного министра Эстонии, вопреки его ожиданиям, не наградили орденом “Полония Реституция” 1-го класса. Он обиделся и запретил контакты союзных государств по линии разведки выше уровня заместителя начальника генерального штаба. В следующем году в Таллинне прошли секретные переговоры германской и венгерской разведывательных служб, в результате которых у них появилась почти легальная возможность создать в Прибалтике свои инфраструктуры. Случайно узнавшие об этом поляки были буквально шокированы вероломным поведением союзника по разведывательному блоку и на несколько лет значительно сократили передачу ему материалов II отдела. Сотрудничество постепенно начало восстанавливаться лишь в начале 1930-х годов, но ненадолго. Вскоре эстонцы полностью переключились на взаимодействие с Германией.

Важной опорной базой для эмигрантских и ряда западных спецслужб против СССР служила Финляндия. Ее разведка проводила и самостоятельные операции против главного противника, каковым вплоть до 1945 года считался Советский Союз. Финские спецслужбы возникли в 1918 году, а в 1919 году разделились на военную разведку, военную контрразведку и гражданскую Центральную сыскную полицию.

Ведение разведки в интересах вооруженных сил страны, официально именовавшихся Оборонительными силами, относилось к компетенции Второго (разведывательного) отдела генштаба, агентурной работой в котором нем Отделение статистики. Оно располагало довольно развитой инфраструктурой в Виипури (Выборге), Каяани, Кивиниеми, Койвисто, Котке, Куолоярви, Куусамо, Лахденпохья, Печенге, Рованиеми, Сортавале, Териоки и Ханко, состоявшей из отдельных постов и пограничных переправочных пунктов для заброски агентуры через “зеленую” границу. Против Советского Союза действовали точки в Виипури, Каяани, Рованиеми, Сортавале и Териоки. Каждая из них отвечала за работу на своем направлении. К компетенции постов в Териоки и Выборге относилось ленинградское направление, в Сортавале — петрозаводское, в Каяани — кемско-беломорское, в Рованиеми — мурманское. За период работы с 1920 по 1945 годы финская военная разведка забросила в СССР не менее 400 нелегалов. Кроме того, часть агентуры направлялась по официальным каналам торговли, культурного обмена, туризма и прочим.

Разведка с легальных позиций осуществлялась силами созданного в 1919 году аппарата военных атташе. Первоначально они были аккредитованы лишь в четырех европейских столицах и подчинялись Иностранному отделению разведывательного отдела генштаба, однако атташе в Москве относился к штату Отделения статистики и замыкался непосредственно на заместителя его начальника. В отличие от коллег, он не совмещал свою должность с аккредитацией в соседних странах, а целиком сосредоточивался на изучении Советского Союза и в значительно большей степени являлся разведчиком, нежели военным дипломатом. Хотя Финляндия пыталась доминировать в ведении разведки против СССР, лидирующую роль в балтийском блоке играла все же Польша. Именно она координировала разведывательную работу членов “Союза Прибалтийских государств”, распределяла задачи и вела основную работу с эмигрантами, которых в 1921 году в регионе насчитывалось 85 тысяч. Все лимитрофные государства, за исключением Литвы, вносили свою лепту в эту деятельность, но плодами ее пользовались также Франция и Великобритания, старавшиеся беречь собственных кадровых разведчиков.

Советский Союз числил Финляндию среди своих первоочередных объектов. Достаточно отметить, что самый первый закордонный агент-незаконник ВЧК, которым являлся бывший издатель газеты “Деньги” и управляющий небольшим петроградским банком А. Ф. Филиппов (“Арский”), был направлен именно в эту страну. С января по март 1918 года он несколько раз посещал Гельсингфорс (Хельсинки) для изучения на месте политической ситуации и настроений среди моряков дислоцировавшихся там кораблей Балтийского флота, а также для обследования состояния местных органов российской морской контрразведки. Военная разведка занялась этим направлением позднее, зато весьма активно. Ее первым резидентом в Финляндии в сентябре 1921 года стал Р. Д. Венникас, а в апреле 1922 года в Хельсинки появился и “легальный” резидент — помощник военного атташе А. Я. Песс, действовавший под именем Августа Лиаллемяги. По другим данным, настоящим резидентом в Хельсинки все же являлся не Песс, а военный атташе А. А. Бобрищев, однако это менее вероятно. После провала в 1923 году разведгруппы Р. Дроккило финны выслали обоих, но созданный ими агентурный аппарат действовал до 1927 года. По состоянию на 1922 год точка Региструпра в Хельсинки имела на связи 26 агентов всех категорий, в числе которых были весьма перспективные. Это позволило Венникасу и его преемникам добывать информацию как в военных и дипломатических кругах Финляндии, так и в располагавшихся там эмигрантских организациях. Сильный удар по агентурным позициям советской военной разведки нанес побег в 1922 году ее нелегального резидента в Хельсинки А. П. Смирнова, позволивший финнам разгромить значительную часть нелегального аппарата Региструпра в стране.

В связи с высокой разведывательной активностью сопредельного государства важную роль в системе оперативных органов Финляндии играли военная и гражданская контрразведка. К ее задачам относились как обеспечение безопасности военных и гражданских объектов страны, так и ведение разведки в интересах контрразведки, в том числе и закордонной. Центральная сыскная полиция в основном занималась вопросами обеспечения безопасности государства и постоянно сталкивалась в своей деятельности с проявлениями коммунистической активности. Ее главным противником являлись нелегальные структуры центрального комитета коммунистической партии Финляндии, идеология которой до 1939 года пользовалась в стране немалой популярностью и поддержкой самых различных слоев населения. Находившийся в РСФСР ЦК местной компартии в конце 1919 года организовал в Хельсинки Финское бюро, в составе которого имелись политическая, военная и молодежная линии. Военная линия отвечала за нелегальные операции, в том числе разведывательную и пропагандистскую деятельность и вербовку кандидатов в Школу красных офицеров в Петрограде. Следует отметить, что в рассматриваемый период в советских разведывательных службах еще не действовал запрет на использование в нелегальных операциях членов местных коммунистических партий, поэтому Центральная сыскная полиция одновременно сталкивалась с осуществлением одними и теми же лицами, организовывавшими как акты политической борьбы, так и шпионаж. В этом вопросе полицейские взаимодействовали с органами военной контрразведки, именовавшимися в различные периоды истории страны по-разному. Первоначально контрразведывательным обеспечением Оборонительных сил занималось Отделение надзора № 1 3-го отдела генштаба, 1 января 1920 года переформированное в Отделение надзора военной разведки с периферийными точками в Турку, Торнио, Сортавале, Райяоки и Виипури, а также прикомандированными к гарнизонам офицерами. Двумя основными направлениями работы Отделения являлись противодействие устремлениям иностранных, в первую очередь советских разведывательных органов, и борьба с коммунистической активностью внутри Оборонительных сил Финляндии, совместно составлявшие суть контрразведывательного обеспечения частей и подразделений и объектов военной промышленности. Главной задачей военной контрразведки являлось решение превентивных задач. Она действовала по следующим направлениям:

- планирование и проведение контрразведывательных мероприятий;
- выявление, проверка и разработка иностранной агентуры;
- выявление и оперативная разработка связей военнослужащих с иностранцами и коммунистами с использованием ресурсов Центральной сыскной полиции;
- защита объектов и учреждений Оборонительных сил от диверсий и преступных посягательств;
- расследование государственных преступлений в Оборонительных силах и на объектах военной промышленности;

- осуществление всех видов цензуры;
- проверка лояльности военнослужащих;
- контроль за пребыванием в стране иностранных военных представителей (совместно с Иностранным отделением и Центральной сысской полицией);
- учет, анализ, систематизация и хранение материалов, имеющих отношение к военной контрразведке;
- выявление опасных для безопасности государства настроений и случаев подрывной пропаганды;
- выявление потенциальных дезертиров.

Для выполнения всех этих многообразных задач сил Отделения надзора явно не хватало, особенно если принять во внимание еще и периодическую заброску его агентуры за рубеж. Оперативные достижения финской контрразведки в первое послевоенное десятилетие были незначительны и часто сводились на нет провалами ее агентуры, в том числе и на территории СССР. Впервые она добилась значительного успеха в 1928 году. Длительная и тщательная разработка военной линии ЦК компартии Финляндии увенчалась успехом, и 13 февраля 1928 года в Хельсинки состоялся суд над практически полным составом ее руководства, известный как “дело Фредриксбергинкату, 26”, по адресу разгромленной штаб-квартиры подпольной структуры партии. На суде было доказано, что коммунисты поставили перед собой задачу внедриться в каждое подразделение Оборонительных сил, вплоть до рот, в которых планировалось иметь по три представителя военной линии. Руководители ротных ячеек подчинялись “батальонному организатору”, а тот, в свою очередь, замыкался на председателя военного комитета. В этих комитетах их 1-е члены возглавляли независимую от системы ротных ячеек разведывательную сеть, 2-е члены ведали вербовочной работой, а 3-и находились в резерве и выполняли особые поручения. Военные комитеты подчинялись дивизионным организаторам, курировавшим четыре зоны, на которые была разбита страна:

- Хельсинки, Гусула, Ханко, Турку, военно-морские силы;
- Коуволла, Кория, Ранкки, Утти, Лаппеенранта, Кякисалми, Виипури, Териоки, Райвола, Келломяки, Кивиниеми;
- Лахти, Микели, Куопшио;
- Рийхимяки, Хямеенлинна, Вааса, Оулу.

Высшим руководителем военной линии являлся армейский организатор, он же отвечал и за ведение разведки в наиболее важных сферах.

Вся эта структура после процесса 1928 года была разгромлена и фактически прекратила существование. Вообще же за период с 1920 по 1928 годы по линии государственной безопасности были подвергнуты аресту 1356 человек, из них 1044 за измену, а 312 — за шпионаж⁶⁷. В результате после “дела Фредриксбергинкату, 26” советские разведывательные службы отказались от ведения оперативной работы в Финляндии с использованием местных коммунистов и возложили общее руководство агентурными сетями на военного атташе СССР в Хельсинки.

1928 год стал поворотным и в развитии польско-финского разведывательного сотрудничества. В апреле начальник отделения статистики Второго отдела генштаба Финляндии майор Мальмберг прибыл в Варшаву с предложением принять участие в координации анти-советских операций с Турцией и Румынией, упомянув при этом британскую СИС. Как бы между прочим он предложил связать поляков с англичанами, уже активно сотрудничающими с финской разведкой. Мимолетность упоминания не ввела в заблуждение поляков, знавших о давних и тесных контактах Мальмберга с СИС. Они быстро установили, что майор несколько раз в год регулярно ездит в Лондон к своей матери-англичанке и вообще служит связующим обе разведки звеном. Однако факт контроля СИС над финской разведкой их несколько не смутил, и в мае 1928 года состоялся ответный визит в Хельсинки начальника разведки II отдела Адама Студенцкого и начальника реферата “Восток” Михала Таликовского, в ходе которого они подтвердили свое согласие сотрудничать на более широкой основе. В течение некоторого времени взаимодействие осуществлялось довольно гладко, но поляки были недовольны невысоким уровнем поступающей от партнеров разведывательной информации. Первая серьезная проблема носила скорее эмоциональный характер. Когда финны расценили передислокацию 4-й и 11-й советских стрелковых дивизий к границе и строительство железнодорожной ветки как наступательные приготовления СССР, специалисты

реферата “Восток” не согласились с ними. Они полагали эти мероприятия чисто оборонительными и заявили, что финские разведчики сделали свои выводы на основании:

- “а) некомпетентного изучения официальной литературы.
- б) сведений, полученных от эстонцев и англичан.
- с) очень немногочисленных и несерьезных собственных источников в России (ЛВО и МВО), к которым отнеслись с известной нескритичностью и наивностью”⁶⁸.

После этого начальник Второго отдела оборонительных сил Финляндии Реландер протестовал уже не столько против трактовки факта передислокации двух дивизий, сколько против уничижительной оценки возможностей своей службы. Казалось, что успешное сотрудничество прервется буквально в самом начале, но финны решили поступить иначе. Они попытались доказать свою состоятельность в сфере разведки и неожиданно для поляков в одностороннем порядке передали им 22 важных документа об организации ВВС Красной Армии на Северном Кавказе, о военно-морском училище имени Фрунзе, о маневрах РККА 1927 года и о штатах штаба и Управления ВВС Красной Армии. Вскоре поляки убедились, что это был лишь эпизодический успех финнов, а в целом они не могут считаться полноценным союзником и практически полностью зависят от англичан.

Определенную активность в оперативной области проявляла Литва, все силы которой были устремлены на борьбу с Польшей. II отдел главного штаба ее вооруженных сил состоял из трех отделений:

- информационного (разведывательного);
- контрразведывательного;
- учетно-статистического.

Периферийный аппарат отдела был представлен двумя разведывательными пунктами на польской границе и одним — на германской. Ввиду отсутствия дипломатических отношений II отдел не имел точек в Польше, зато располагал резидентурой в Данциге, действовавшей под “крышей” Литовского телеграфного агентства. Польская разведка первоначально предположила, что резидентом в этом городе является работник агентства Рудольф Васлонокас, и установила за ним плотное наблюдение. Оно не принесло никаких результатов, зато значительно более эффективной оказалась подстава литовцу агенту торуньского СРИ ДОК VIII, у которого он 12 ноября 1923 года купил якобы секретные документы. После этого удалось проследить связь Васлонокаса с работником немецкого консульства в Данциге доктором Весселем, известного полякам в качестве курьера германской разведки, курсировавшего между Берлином и Кенигсбергом. Дальнейшая разработка этой линии показала, что Васлонокас занимает подчиненное положение по отношению к фактическому руководителю точки литовской разведки в Данциге полковнику Скольту. Вскоре под видом инициативника, офицера генерального штаба Войска польского, литовцам был подставлен агент того же СРИ ДОК VIII, проводившего эту операцию в тесном сотрудничестве с воеводским управлением Государственной полиции в Торуне.

Характерной особенностью литовской военной разведки являлось ее руководящее положение по отношению к органам безопасности министерства внутренних дел. Таковыми являлись:

- Департамент охраны государства:
 - полиция безопасности (оперативная работа в гражданской сфере);
 - государственная полиция;
- Департамент защиты населения:
 - внутренняя полиция;
 - пограничная полиция (приграничная разведка и контрразведка).

Из перечисленных органов оперативную работу в гражданской сфере проводила полиция безопасности, а за приграничную разведку и контрразведку отвечала пограничная полиция.

II отдел главного штаба Литвы широко использовал служивших в польской армии литвинов, а также резервистов из этой же этнической группы. Это позволяло ему довольно свободно черпать кадры закордонной агентуры, однако значительно ограничивало разведывательные возможности и ослабляло безопасность нелегальных сетей. Все проживавшие в Польше литовцы считались не вполне благонадежным элементом и поэтому не допускались к ключевым должностям, а также являлись объектами постоянного внимания со стороны

органов государственной безопасности. На протяжении 1920-х годов литовская разведка активно сотрудничала на польском направлении с германской военной разведкой и отошла от этой практики лишь в начале 1930-х годов, после сближения с СССР.

* * *

Остальные государства континента не были столь сильно вовлечены в тайные операции, хотя их территории зачастую активно использовались третьими странами. В качестве примера можно привести Австрию, в 1920-е годы не располагавшую собственной разведывательной службой. Вероятно, причиной этого являлся не столько мирный характер ее развития, сколько тяжелое впечатление от шумных шпионских скандалов, регулярно сотрясавших Вену на протяжении десятков лет, тем более что объективно Австро-Венгрия получила от своей разведки достаточно сомнительную отдачу. Большинство австрийцев полагало, что лишь недостаточность получаемой о противнике информации привела к тому, что руководство Дунайской монархии ввязалось в большую европейскую войну, не особенно задумываясь о последствиях такого шага. И хотя в действительности разведка была здесь совершенно ни при чем, непосвященным часто бывает трудно осознать, насколько впечатляющи масштабы игнорирования большинством правительств данных, добытых их собственными разведывательными службами.

Зато сама австрийская столица, положение которой позволяло поддерживать контакты как с Западом, так и с Востоком, постепенно возвращала себе положение одного из европейских центров шпионажа. Первыми в этом качестве ее использовали англичане и разместили в Вене штаб-квартиру Континентальной секретной службы, руководившей “станциями” СИС в Европе. Там же действовала нелегальная резидентура советской военной разведки, в 1925 году возглавлявшаяся А. В. Емельяновым (Суриком). Она работала в основном не по Австрии, а по балканским странам, причем довольно эффективно: управляемые из Вены агентурные сети Разведупра возникли в Болгарии, Греции, Югославии, Румынии и Чехословакии. Возглавлявшаяся В. И. Запорожцем резидентура внешней разведки в основном занималась эмигрантскими центрами и работала значительно менее успешно. Французская секретная служба не нуждалась в использовании Вены в качестве разведывательного форпоста на Востоке, поскольку располагала прочными контактами с коллегами в Праге, Варшаве и Бухаресте, зато активно проводила оттуда акции против Италии.

6. ВНЕ ГОСУДАРСТВА

Совершенно специфическим элементом оперативной обстановки в Европе в межвоенное двадцатилетие являлись внегосударственные секретные службы, среди которых особенно выделялись разведывательные и контрразведывательные органы белой и иной эмиграции из бывшей Российской империи.

После окончания гражданской войны белые армии и учреждения уходили из России не слишком организованно, однако на местах назначения их внутренняя структура почти сразу же стала вновь оформляться в соответствии с ранее существовавшей схемой. Сотни тысяч выведенных за кордон военнослужащих в большинстве своем умели только воевать, другие же виды человеческой деятельности были им либо неведомы, либо прочно и основательно позабыты. Отыскание средств к существованию для таких людей составляло весьма проблематичную задачу, поэтому основным якорем надежды для них оставались воинские части, к которым они принадлежали до изгнания.

В Европу и Азию хлынули людские толпы, не нужные там никому и опасные для принявших их стран. После крымской катастрофы 300-тысячный выброс эмигрантов проследовал через Константинополь и далее во Францию, Чехословакию и на Балканы, около 200 тысяч человек прошли транзитом через Польшу в Германию, Бельгию, Францию и Чехословакию. Менее значительное перемещение состоялось на севере, где бывшие российские подданные расселились в Финляндии и Прибалтийских государствах, то есть почти что дома. Азия также не избежала нашествия, и север Китая заволокли остатки войск адмирала Колчака и атамана Семенова. Считается, что максимальной двухмиллионной численности

эмиграция достигла в 1921 году, когда 600-тысячная диаспора обосновалась в Германии, 400-тысячная — во Франции, 30 тысяч человек осели в Югославии, а 35 тысяч — в Болгарии. До 1921 года немцы содержали в своей стране остатки Западной добровольческой армии под командованием генерала М. П. Бермонт-Авалова. Эмиграция украинцев происходила в Польшу, Германию и Чехословакию, в Париже расположилась Украинская народная республика. До 100 тысяч эмигрантов осело в Маньчжурии, правда, большинство из них составлял и ранее находившийся там и утративший после революции бывшее российское гражданство персонал Китайско-Восточной железной дороги. Естественно, что главной мечтой беженцев стало возвращение домой, причем не покаянное, а триумфальное.

Российская эмиграция была явлением совершенно неоднородным, и говорить о ней в целом можно лишь условно. Огромное большинство обычных людей пребывало безмерно далеко от политики и стремилось лишь к созданию мало-мальски сносных условий жизни для себя и своих семей, если только те не остались на родине. Политизированная часть беженцев прежде всего разделялась на сторонников восстановления единой и неделимой России и на сепаратистов, к которым в основном относились украинские, кавказские и среднеазиатские националистические группировки. В эмиграции оказались как сторонники монархии, так и люди, боровшиеся против нее, подобно Савинкову, всю сознательную жизнь. Монархисты, в свою очередь, никак не могли найти общий язык в вопросе о престолонаследии и делились на “николаевцев” и “кирилловцев”, то есть приверженцев великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Группировка “николаевцев” опиралась на реальную военную силу и поэтому являлась значительно более влиятельной.

На острове Лемнос, на Галлиполийском полуострове и недалеко от Константинополя расположились лагеря три корпуса армии П. Н. Врангеля. Там царили жесточайшая дисциплина и усиленная военная подготовка: изгнанники планировали в самое ближайшее время высадить десант в России и отвоевать все утраченное. Для успеха операции им требовалось серьезное разведывательное обеспечение, которым занимался разведывательный отдел штаба “Русской армии”, под руководством полковника А. И. Гаевского в полном составе и без каких-либо потерь прибывший в Константинополь и развернувший там активную деятельность. Отдел занимался не только агентурной работой, но и подрывными действиями, острыми операциями против большевиков и налаживанием координации с контрреволюционными организациями как в России, так и вне ее. Он опирался на сеть созданных на базе дореволюционной российской разведки закордонных резидентур, наиболее результативной из которых являлась берлинская, размещавшаяся при русском Красном Кресте на улице Уландштрассе, 156. Ей руководил бывший начальник контрразведки Добровольческой армии Деникина и руководитель заграничной разведывательной агентуры Врангеля, один из самых опытных агентурщиков российской и белой секретных служб действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов. Он быстро достиг впечатляющих успехов, однако сразу же столкнулся с весьма прозаической проблемой сокращения ассигнований. Резидент попытался решить ее нестандартно, предложив своим многочисленным контактам в иностранных спецслужбах создать и финансировать “Центральное Международное бюро по регистрации и сбору материалов о лицах, прикосновенных к деятельности большевистского правительства”⁶⁹. Как видим, Орлов предвосхитил идею начальника политической разведки Третьего рейха Вальтера Шелленберга о создании “разведывательного пула” из спецслужб различных государств. Он предлагал создать “стройный аппарат, охватывающий своей деятельностью все страны, вступившие в Международное Бюро с целью, кроме большей полноты изучения большевизма, воспрепятствовать проникновению его деятелей в эти страны и вылавливания уже проникших ранее”⁷⁰. Но на это предложение не откликнулся никто. Ведь мало того, что Бюро требовало вложения средств, — оно еще и получало реальную возможность проникновения в национальные спецслужбы вступивших в него стран. Особенно не доверяла Орлову французская разведка, зафиксировавшая его тесные контакты с англичанами и немцами. Русского контрразведчика совершенно бесосновательно заподозрили также и в работе на коммунистов. А вот его связь с берлинским полицией-президиумом и германским государственным комиссариатом по охране общественной безопасности была прочной и достоверно установленной, и это менее всего могло расположить к нему французов. Немцы выделили резиденту Врангеля некоторые суммы на установление прибывших в Германию представителей Советского Союза и Коминтерна. Средства не пропали зря, поскольку именно от Орлова они получили первую информацию о планировавшемся “гер-

манском октябре” — перевороте 1923 года. Тем временем резидент занимался и не столь глобальными делами. Активная работа в Польше позволила ему на некоторое время наладить взаимодействие с совершенно неуправляемым Савинковым, а контакты с англичанами способствовали формированию “Петроградской боевой организации”. Орлов также успешно выявлял работавших в Европе советских агентов, но до определенного периода ГПУ не воспринимало своего противника всерьез.

В 1922 году советская разведка привлекла к сотрудничеству молодого эмигранта поручика Н. Н. Крошко, ранее работавшего в группе Савинкова и на польскую разведку, а затем под псевдонимом “Кейт” ставшего одним из наиболее результативных сотрудников ИНО ГПУ, а затем и ОГПУ того периода. Он проник в полуфашистскую организацию “Братство Белого Креста” (ББК), образованную в германской столице молодыми русскими офицерами-кирилловцами, жаждавшими активной деятельности против СССР, и сумел похитить несколько чемоданов с документами военной миссии Врангеля в Берлине. Затем “Кейту” поручили внедриться в возглавляемое Орловым “Братство русской правды” (БРП), и это ему вполне удалось. Он постепенно вошел в доверие к резиденту, а это, учитывая многолетний агентурно-оперативный стаж Орлова, было совсем непросто. В 1925 году Крошко получил от него рекомендательное письмо к представителю БРП в Выборге и к начальнику финской политической полиции, после чего через “окно” на границе в районе Терриок нелегально проник в СССР. Контрразведывательный отдел (КРО) ОГПУ организовал поездку “Кейта” по стране, в результате которой якобы успешно выполненные задания весьма укрепили его позиции в эмигрантских кругах и в полиции Финляндии. Через два года поездка повторилась. Лишь после этого Орлов допустил Крошко к своей картотеке агентуры, после чего ИНО убедился, насколько опасна и серьезна работа старого разведчика. Но нехватка денег сыграла с ним злую шутку. Пытаясь их добыть, Орлов повторил традиционную ошибку многих оперативных работников и из самых благих побуждений решил подкрепить свои сведения фальшивыми документами. Все началось с побега в августе 1924 года сотрудника советского полпредства в Берлине Михаила Сумарокова, растратившего казенные деньги и прихватившего с собой полный чемодан секретных документов. Он передал их комиссариату по охране общественной безопасности в обмен на разрешение обосноваться в Германии и паспорт на фамилию Павлуновского. Вскоре перебежчик установил контакт с “Информационным бюро” Г. И. Зиверта, конкурентом организации Орлова в торговле секретными материалами, однако подлинные документы быстро закончились, и Сумароков-Павлуновский перешел к фабрикации подделок. На этом поприще он нашел общий язык с Орловым, предложившим Крошко поучаствовать в деле на благо России и тем самым вконец испортившим отношения с Зивертом. Руководитель “Информационного бюро” в отместку начал дискредитировать его в среде эмиграции, и без того не очень жаловавшей разведчика. Очень скоро ИНО организовал утечку информации о фальшивых документах, и после публикации всей этой истории американским журналистом Никкербоккером произошел скандал, завершившийся судебным процессом. Бывший резидент Врангеля получил небольшой четырехмесячный срок заключения, зато любая его дальнейшая деятельность заранее полностью дискредитировалась в глазах возможных работодателей. До начала Второй мировой войны Орлов и тихо и незаметно жил в нищете в Бельгии. Однако незаметность не помогла ему избежать попадания в розыскные списки гестапо. В 1940 году отставного разведчика принудительно доставили в Париж для снятия допроса, а два дня спустя случайные прохожие наткнулись на его тело, брошенное в одном из подземных переходов города.

Возвращаясь к 1921 году, следует отметить, что командование российской армией в изгнании планировало провести высадку десанта на черноморском побережье РСФСР в самое ближайшее время. Разведотдел штаба “Вооруженных сил юга России” для активизации многочисленных оставленных на родине агентов регулярно направлял к ним своих офицеров. Так, в Ростове проводил активную подготовительную работу князь Ухтомский, в других городах мобилизовывалось временно затаившееся подполье, а войска пока сосредотачивались в районах будущих пунктов посадки на суда. Однако шел месяц за месяцем, вторжение откладывалось, и необходимо было заниматься прозаическими вопросами текущего обеспечения и снабжения армии. Вначале ее финансирование взяло на себя правительство Франции в обмен на полученные в залог корабли Черноморского флота, но это не могло продолжаться вечно, и Врангель озаботился приданием своей армии более основательного

статуса. В 1921 году он подписал договор с Болгарией о размещении там русских войск, численность которых через год достигла 36 тысяч человек. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев обосновались 11 тысяч военнослужащих, а в городе Сремски Карловцы расположилась ставка самого Врангеля. Кроме того, еще из 3300 человек была сформирована дивизия в составе корпуса пограничной стражи.

Нахождение русских войск в Болгарии едва не привело к совершенно неожиданным последствиям. Согласно Нейскому мирному договору 1919 года, Софии разрешалось содержать вооруженные формирования численностью не более 20 тысяч человек, включая полицию. Естественно, что это было ничтожно мало по сравнению с вооруженным, обученным и обстрелянным 36-тысячным воинским контингентом врангелевской армии. Как и следовало ожидать, такой перевес сил создавал непреодолимый соблазн целиком захватить еще недавно воевавшую на стороне врага братскую славянскую страну, и подготовка к этому началась. Весной 1922 года начальник контрразведки полковник Самохвалов провел переговоры о государственном перевороте и создании контролируемого правительства с фашистской организацией “Военная лига” и объединением правых партий Болгарии “Народный сговор”. Правительству А. Стамболийского при этом отводилась совершенно незавидная участь.

Широкое агентурное проникновение советской разведки и разведки БКП в различные, в том числе и политические сферы страны позволило вскрыть ведущуюся подготовку. Важнейшую роль в этом процессе сыграл работавший в штабе генерала Кутепова Н. Черюнов. Источники информации следовало тщательно легендировать, но срочность вопроса не позволяла провести многоходовую комбинацию, поэтому ряд документов пришлось без долгих затей опубликовать в газете БКП “Работнический вестник”. Правительство Стамболийского отнеслось к этому со всей серьезностью и не стало слишком тщательно выяснять каналы утечки, предпочтя использовать неожиданно появившиеся материалы для конкретных действий. 6 мая 1922 года полиция произвела внезапный обыск в кабинете Самохвалова в номере гостиницы “Континенталь” и изъяла его архив, после чего на следующий же день появилось официальное сообщение о раскрытии центра военного шпионажа. Вслед за этим последовали аресты свыше ста причастных к заговору лиц и высылка из страны генералов Кутепова, Шатилова, Абрамова и Вязьмитинова, а также ряда старших офицеров. Остальные офицеры подлежали поэтапной высылке, а солдаты — расселению по стране небольшими группами. Однако на этом история не закончилась. В сентябре 1922 года “Работнический вестник” опубликовал новую подборку материалов, в результате чего правительство Стамболийского предприняло очередную силовую акцию. Ее результатом стала гибель генерала В. А. Покровского 9 ноября в городе Кюстендил в перестрелке с окружившими его штаб болгарскими военнослужащими и полицейскими.

Менее известен другой эпизод, внешне схожий с описанным, но имевший принципиально иную подоплеку. 22 апреля 1921 года нарком иностранных дел РСФСР Чичерин направил Ленину письмо с сообщением о достигнутой договоренности с неким неустановленным “Е”. С его помощью НКВД собирался использовать расквартированные в Турции врангелевские войска для захвата Константинополя, что якобы было обещано их руководителями в обмен на полную амнистию и денежные выплаты при условии обеспечения оружием и боеприпасами. Для внешнего мира эта акция никак не должна была увязываться с советским правительством, а выглядеть как собственное решение эмигрантских военачальников. В дальнейшем предлагалось представить РСФСР в качестве посредника, которому белые части передадут город вместе с прилегающей зоной проливов, после чего Москва, демонстрируя добрую волю и миролюбие, в свою очередь вручит контроль над регионом неким турецким рабочим, то есть советским ставленникам. В развитие операции аналогичные акции планировалось провести в Адрианополе и Салониках, то есть фактически передать под протекторат Москвы зону Черноморских проливов и Балканы. Для осуществления этого авантюристического замысла, по утверждению Чичерина, требовалось немного: выплатить “Е” 30 тысяч лир и отправить его вместе с помощником через Севастополь в Турцию.

Советские руководители проявили достойное сожаления легкомыслие и с энтузиазмом восприняли предложение. Уже на следующий день, 23 апреля, Политбюро ЦК РКП(б) в почти полном составе одобрило этот план. Троцкий на заседании отсутствовал. Он узнал о замысле лишь в мае и проявил способность здраво оценивать подобные проекты. Наркомвоен сразу же бурно запротестовал против воплощения плана в жизнь, справедливо указывая на то, что его реализация не принесет РСФСР ничего, кроме позорного провала.

Он предупреждал, что в топорно разыгранную инсценировку якобы самостоятельных действий белых войск никто в мире не поверит, и это не только перечеркнет всю миролюбивую советскую пропаганду, но и вовлечет Россию в конфронтацию с целым рядом государств. Однако его возражения запоздали, поскольку операция уже началась, и агент “Е” с помощником отбыли в Константинополь. К счастью, запланированный ход событий был нарушен неудовлетворительной подготовкой операции. Агентов высадили не в том пункте побережья, в котором следовало, и вместо Константинополя за нарушение паспортного режима они на месяц попали в тюрьму, причем в другом турецком городе. По выходе оттуда выяснилось, что численность белых войск в интересующем РСФСР регионе Турции снизилась до 15 тысяч человек, а это полностью лишало шансов на успех их любое вооруженное выступление. После этого “Е” доложил о невозможности захвата города и тут же предложил развернуть в оставшихся в Турции частях просоветскую агитацию. Месячные расходы на 20 агитаторов агент оценил в 15 тысяч лир. Чичерин сообщил об этом предложении Ленину, который явно не желал расставаться со своей иллюзией, но опасался новой эскапады со стороны Троцкого. Председатель Совнаркома наложил резолюцию: “Думаю, разрешить надо — и чисто секретарским путем, ибо политбюро уже решило в принципе”⁷¹. Постепенно дело сошло на нет, и замысел Москвы остался неизвестен внешнему миру.

Эмиграция искала приемлемые организационные формы существования различных воинских контингентов. Под эгидой Врангеля и великого князя Николая Николаевича была создана “Объединенная русская армия”, на базе которой в сентябре 1924 года возник “Российский общевоинский союз” (РОВС), первоначально именовавшийся “Русским Обще-Воинским Союзом”. В его руководство вошли генералы Кутепов, Шатилов, Туркул, Гершельман, Климович и Скоблин, контрразведку возглавил полковник Зайцев. Разведывательная и диверсионная работа на территории СССР относилась к компетенции руководимой Кутеповым “Внутренней линии” союза. РОВС стал крупнейшей зарубежной контрреволюционной организацией и на многие годы главным объектом внимания советских спецслужб. Первоначально он объединял около 100 тысяч членов, а в начале 1930-х годов сократился до 40 тысяч, однако его мобилизационные возможности этим не ограничивались. Штаб союза размещался на улице Колизе в Париже, а общая структура организации была определена приказом генерала Врангеля от 1 сентября 1924 года № 35:

- “6) Теперь же образовать нижеследующие отделения Русского Обще-Воинского Союза:
- а) Первый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии,
 - б) Второй — из офицерских обществ и союзов, войсковых групп, расположенных в Германии и королевстве Венгерском,
 - в) Третий — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии,
 - г) Четвертый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Королевстве СХС и в Греции,
 - д) Пятый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, находящихся на территории Болгарии и Турции”⁷².

Позднее структура РОВС неоднократно менялась. В конце 1930 года председателю подчинялись части 1-го армейского и Донского корпусов, Кавалерийской и Кубанской дивизий, военная и общая канцелярии, “Внутренняя линия” (отвечавшая теперь за контрразведку), Военно-научные курсы и отделы:

- 1-й отдел (Франция с колониями, Италия, Польша, Дания, Финляндия, Египет);
- 2-й отдел (Германия, Венгрия, Австрия, Данциг, Литва, Латвия, Эстония, Великобритания, Испания, Швеция, Швейцария, Персия);
- 3-й отдел (Болгария, Турция);
- 4-й отдел (Югославия, Греция, Румыния);
- 5-й отдел (Бельгия, Люксембург);
- 6-й отдел (Чехословакия, позднее также Прибалтика);
- Дальневосточный отдел;
- 1-й Североамериканский отдел;
- 2-й Североамериканский отдел;
- Военные организации в Канаде и Южной Америке.
- Кружок по изучению Великой войны в Австралии.

В 1928 году образовался Дальневосточный отдел с отделениями в Мукдене, Дайрене, Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Начальником 1-го отдела стал генерал А. П. Кутепов, которому было поручено также непосредственно руководить “тайной борьбой РОВС” — разведывательной, диверсионной и террористической работой союза. Для этих целей выделялись денежные средства, именовавшиеся в открытых источниках “Фондом спасения России”, а в действительности называвшиеся “Особой казной для ведения политической работы для связи с Россией”. Распоряжение этим фондом великий князь Николай Николаевич поручил Кутепову.

Нас интересует далеко не весь объем работы зарубежных антисоветских центров и организаций: вне рассмотрения сознательно оставляется значительный пласт культурной и образовательной деятельности эмиграции, пропагандистские мероприятия и обустройство соотечественников за границей. Речь пойдет лишь о разведывательной, террористической и диверсионной деятельности и отчасти боевых операциях вооруженных группировок. Естественно, такой подход страдает однобокостью, но узость рассмотрения проблемы обусловлена узостью темы. Не следует полагать, что устремления всех эмигрантов были сосредоточены на борьбе с советской властью, ибо у большинства оказавшихся за границей несчастных людей не было более сильного желания, чем прекратить скитаться, вновь обрести родину и устойчивую жизнь. Первоначальное озлобление против лишивших их всего большевиков постепенно сменялось апатией и примиренческими настроениями, умело подогреваемых советской и коминтерновской пропагандой. Эмиграция постоянно разбавлялась агентурой ОГПУ и Разведупра, массово выводившейся за границу на оседание. Это заложило основу разветвленных агентурных сетей советской разведки, благо до второй половины 1920-х годов процедура выезда из СССР оставалась предельно простой. Практически любой гражданин мог получить в уездной милиции заграничный паспорт и при наличии минимальных средств перебраться за кордон, чтобы остаться там. Указанный канал инфильтрации сыграл в дальнейшем значительную роль не только в разложении антисоветских эмигрантских формирований, но и в оперативных играх с иностранными спецслужбами, вплоть до 1960-х годов, и даже несколько позднее. Однако на первом этапе КРО и ИНО ОГПУ, а также военная разведка в первую очередь стремились с помощью насажденной подобным образом агентуры ослабить деятельность антисоветских организаций.

Все перечисленные факторы играли свою роль в сглаживании непримиримого противостояния, но активных борцов против СССР оставалось еще вполне достаточно. Именно поэтому внешняя разведка и контрразведка в первую очередь ориентировались на противодействие эмигрантским контрреволюционным организациям, тем более что через них интенсивно работали и государственные спецслужбы многих государств. С “Российским общевоинским союзом” связана одна из наиболее неприглядных страниц в истории СИС, в которую оказался вовлеченным один из ее старших офицеров Чарльз “Дик” Эллис. Этот уроженец Сиднея сразу после окончания Первой мировой войны прибыл в Баку в составе возглавлявшейся генералом У. Маллесоном британской военной миссии, на счету которой значится организация знаменитого расстрела “двадцати шести бакинских комиссаров”. В дальнейшем Эллис до 1924 года пребывал на дипломатической службе в Париже, где за год до этого женился на русской эмигрантке Лилии Зеленской, а после этого перешел на работу в разведку под начало резидента Уилфрида “Биффи” Дандердейла и начал активно приобретать агентуру. Среди его источников значился и брат Лилии Александр Зеленский. Эллис пользовался журналистским прикрытием, прекрасно ориентировался в среде русской эмиграции и в 1930-е годы являлся главным представителем СИС среди антикоммунистических групп. Он считался лучшим специалистом британской разведки по национальным проблемам в СССР. Во время работы в Париже Эллис установил контакт с другим известным деятелем эмиграции со странно звучащим именем Вальдемар фон Петров, а через него — с высокопоставленным чином РОВС генералом А. В. Туркулом, курировавшим диверсионную и террористическую “Внутреннюю линию” союза. В этот период разведчик развелся со своей первой женой и в 1934 году женился на Барбаре Берджесс-Смит, с которой прожил до 1947 года, однако семейные неурядицы не повлияли на его агентурную связь с Зеленским. Во время работы в парижской, а затем в берлинской резидентурах СИС разведчик оказался буквально в самом сплетении пронизывавшей эмиграцию британских, французских, советских и германских агентурных сетей, а также в фокусе внимания секретных служб РОВС. В этот период от него поступала в Лондон обширная информация, но в центральном аппара-

те ее по преимуществу оценивали как вводящую в заблуждение, а зачастую и сфальсифицированную. Несмотря на это, репутация Эллиса в МИ-6 была достаточно высока и позволила ему в период войны занять пост заместителя главы Британской миссии по координации безопасности в Нью-Йорке, в 1946 году возглавить крайне важную “станцию” в Сингапуре, а затем до самой своей отставки в 1953 году руководить оперативным управлением СИС по Европе. После успешного завершения карьеры в британской разведке он уехал к себе на родину, где некоторое время работал советником в австралийской секретной службе.

Чарльз “Дик” Эллис

Однако в биографии Эллиса имелись и другие скрытые эпизоды, долгое время остававшиеся неизвестными. В 1940 году в ходе работы с советским перебежчиком Вальтером Кривицким следователь МИ-5 Джейн Сиссмор Арчер установила факт вербовки Разведупром фон Петрова, вдобавок оказавшегося давним агентом абвера. Как ни странно, британцев не встревожило наличие среди источников Эллиса тройного агента, хотя его работа на советскую и германскую разведку оказалась для них неприятной новостью. Подобные ситуации типичны для спецслужб, поэтому никакое специальное расследование по этому поводу не проводилось, а к вопросу о фон Петрове возвратились лишь после окончания войны. Допрошенный в лагере Службы безопасности O20 бывший офицер абвера, имя которого не рассекречено до сих пор, показал, что вполне достоверная информация о структуре и операциях британской разведки, содержащаяся в изданном в Берлине справочнике, была получена от источников в среде русской эмиграции в Париже. Ранее считалось,

что немцы узнали об этом от захваченных в Венло резидентов СИС Ричарда Стивенса и Пэйна Беста, однако такая версия не объясняла наличие в книге устаревших по состоянию на 1940 год данных. Теперь же германский разведчик разъяснил это противоречие. Выяснилось, что немцы предъявили пленным разведчикам уже имевшиеся у них материалы, и те лишь подтвердили их, однако благоразумно умолчали о некоторых анахронизмах. Некоторое время спустя бывший офицер из лагеря O20 был возвращен в Германию и там вновь допрошен специально выехавшими к нему следователями. Он уточнил, что материалы по СИС, а также распечатки перехваченных телефонных переговоров посла рейха в Лондоне Иоахима фон Риббентропа поступали в абвер от русского посредника Зеленского, а их источником являлся некий “капитан Эллис” — женатый на русской женщине австралиец. Естественно, МИ-5 пожелала отыскать и допросить упомянутого офицера, но руководители разведки категорически воспротивились этому, объявив заявление немца клеветническим и вымышленным от начала и до конца. Этому способствовало искажение транслитерации фамилии “Эллис” в обратном переводе с немецкого, позволившее официально заявить об отсутствии в штате МИ-6 такого офицера.

Позднее, в ходе поисков советского “крота” в СИС, к этому вопросу возвратились вновь. Просматривая послевоенные материалы, следователи МИ-5 обнаружили старые записи и повторно рассмотрели их. Естественно, единственной кандидатурой на роль предполагаемого германского агента в Париже и Берлине являлся Чарльз Эллис. Еще один ключ к его идентификации был найден при изучении розыскных списков гестапо. Англичанин фигурировал в них в качестве журналиста, однако ответственным за его арест в случае поимки был указан реферат IVE4, ведавший британскими разведчиками. Во всех остальных случаях подобного несоответствия не наблюдалось, то есть все установленные разведчики прямо именовались таковыми, а не по их прикритию, а ни один из “чистых” журналистов никогда не интересовал реферат IVE4. Следовательно, в гестапо явно знали о подлинном роде занятий Эллиса и при этом желали скрыть свою осведомленность. В попытке установить истину следователи МИ-5 провели в тех же списках дополнительный поиск по оперативному псевдониму Эллиса “Ховард”, но два обнаруженных под этим именем человека четко идентифицировались и не могли быть спутаны ни с кем другим. Еще одним косвенным свидетельством желания разведчика скрыть отдельные факты своей биографии являлось его стремление уничтожить следы своего первого брака. К этому времени он уже развелся со второй женой, затем женился на Александре Вуд, а после ее смерти вступил в брак в четвертый раз. Следовательно, по бытовым причинам ему не было нужды прятать официальную связь с Лилией Зеленской, с которой он прожил 11 лет и по состоянию на 1956 год развелся

22 года назад. Однако Эллис упорно отрицал этот факт и в собственноручно написанной для светского справочника “Who is who” автобиографической заметке своей первой женой указывал Барбару Берджесс-Смит.

Контрразведчики решили предъявить подозреваемому все имевшиеся у них материалы, благо, в этот момент он случайно оказался у них буквально под рукой. МИ-6 пригласила ушедшего в отставку Эллиса поработать в картотеке над рассортировкой и уничтожением старых досье, поэтому вызвать его на беседу оказалось весьма просто. Вначале бывший разведчик отклонил все обвинения в свой адрес, однако его весьма смутило обещание следователей вызвать в Лондон для допроса бывшего офицера абвера, давшего показания по этому вопросу. Уже на следующий день Эллис признался, что продавал информацию Зеленскому, хотя и отрицал какую-либо агентурную связь с ним или с кем-либо другим из иностранных спецслужб. Он заявил, что пошел на этот шаг из-за нужды в деньгах, которые брал в долг у Александра, но не мог, да и не хотел отдавать. Любые контакты с СССР Эллис категорически отрицал. За давностью лет против него не выдвигались никакие официальные обвинения, и дело было закрыто, однако имеются достаточно веские основания предположить, что контактом с абвером он не ограничился. Безусловно, в середине 1950-х годов англичане не могли даже представить, что разработку их кадрового офицера и операцию по его вербовке могла производить разведка эмиграции, но все косвенные признаки указывают именно на это. Главными из них являются наличие неизвестно откуда взявшихся денег у довольно ограниченного в средствах Зеленского и причастность к этой истории генерала Туркула.

Вообще же дело Эллиса представляется весьма загадочным и запутанным. Часть его коллег военного периода категорически отрицала возможность столь тривиального предательства, другие же полагали, что все было значительно сложнее, и что из Эллиса сделали козла отпущения за связи с Германией некоторых лиц из верхнего эшелона британской разведки. Их нельзя однозначно трактовать как предательство, поскольку как раз в этот период Лондон усиленно толкал Гитлера на Восток, для чего считались приемлемыми почти все средства, в том числе и санкционированная передача информации. Англичане активно использовали возможности эмигрантских организаций и групп. Известны факты предвоенного сотрудничества СИС с абвером по линии контрразведки в Центральной Европе и на Балканах с целью совместного предотвращения проникновения в эти регионы советской агентуры. В этой обстановке у разведывательных служб белой эмиграции появилась редкая возможность сыграть свою собственную партию, которую они, судя по всему, и использовали.

Украинская националистическая эмиграция в основном группировалась вокруг Украинской народной республики (УНР) во главе с Симоном Петлюрой. Ее боевой и разведывательной работой руководил начальник Центрального штаба генерал-хорунжий армии УНР Ю. Тютюнник через Разведывательный отдел, возглавляемый подполковником дореволюционного генерального штаба Кузьминским. Секретные операции УНР проводились в тесном сотрудничестве и под руководством II отдела польского генштаба, офицером связи с которым был назначен поручик Ковальский. Поляки финансировали все разведывательные и диверсионные операции разведотдела и поэтому совершенно официально давали задания засылаемой агентуре, используя для обеспечения ее работы пограничные пляжувки. Определенное влияние на украинцев имела также и Франция, в свою очередь, в значительной степени контролировавшая в тот период спецслужбы Польши. Агентурная сеть УНР не выходила за пределы Украины и в основном сосредоточивалась в ее правобережной части. В начале октября 1921 года вооруженная группировка под командованием генерала Нельговского вторглась на Волынь, через несколько дней на Подолию двинулась другая группа под командованием подполковника Палия-Черного, а 5 ноября в Украину вошла “Киевская дивизия” под командой самого Тютюнника. Рейд планировался в расчете на тщательно подготовившееся массовое восстание украинцев, однако эти надежды не оправдались. 17 ноября советские кавалерийские части под командованием Г. И. Котовского и В. М. Примакова во встречном бою разбили войска УНР, хотя окончание боевых столкновений отнюдь не означало конец украинского националистического движения. Оно лишь приняло иные формы, но не изменило стремления к построению суверенного украинского государства. Тютюнник укрылся в Польше, где возглавил руководивший диверсионными и специальными операциями “Партизанско-повстанческий штаб” (ППШ). В этой структуре за ведение оперативной работы отвечал 2-й (разведывательный) отдел. В дальнейшем ОГПУ провело оперативную

игру под названием “Операция” или “Дело № 39”, в ходе которой заманило его на территорию СССР для контактов с легендарной организацией “Высший военный совет” и арестовало.

После гибели Петлюры в 1926 году структура разведывательных органов УНР изменилась. По согласованию с Пилсудским был организован генеральный штаб военного министерства правительства УНР в эмиграции, в котором существовал разведорган — II секция во главе с полковником Н. Чеботаревым, а с 1928 по 1936 годы — с генералом В. Змиенко. Ей надлежало “поддерживать связь между войском, оказавшимся за границей, и с Украиной, пристально следя за всем, что там происходит, распространяя среди украинских граждан наши государственные идеи”⁷³. Такая формулировка носила, скорее, пропагандистский и слишком общий характер, в действительности же разведка УНР выполняла конкретные задачи:

- добывание информации о боеготовности, техническом оснащении, развитии отдельных родов войск, тактике действий крупных армейских соединений;
- выяснение обстановки в приграничье в целях успешной переброски агентов;
- политическая пропаганда среди населения УССР путем распространения на ее территории соответствующей литературы;
- налаживание связей с приверженцами линии УНР, подготовка их к решительным действиям в перспективе;
- обмен политической информацией с иностранными спецслужбами;
- помощь Государственному Центру в выработке надлежащей политической линии и направлений эффективных действий как на территории Украины, так и в эмиграции;
- выявление лояльности кандидатов в эмигрантские группировки УНР;
- поиск возможного компромата на действующих членах обществ;
- дискредитационная, разложенческая работа против политических оппонентов в эмигрантской среде;
- осуществление пропагандистских мер в среде украинской эмиграции;
- борьба с агентами ГПУ в собственных рядах, выявление их в среде иных политических эмигрантских группировок;
- противодействие местным полицейским аппаратам стран пребывания и др.”⁷⁴.

Для решения перечисленных задач применялись по преимуществу агентурные методы, при этом украинская разведка использовала инфраструктуру как II отдела главного штаба Войска польского, так и собственную. Она располагала центральным контрольно-разведывательным пунктом в Ровно и подчиненными ему точками, разведпунктом и резидентурой в Румынии, резидентурами в Болгарии, Чехословакии и Турции (до 1931 года).

II секция отвечала за контрразведывательное обеспечение украинского правительства в эмиграции и всех его институтов, однако не смогла эффективно противодействовать масшированному агентурному проникновению в них ОГПУ. Естественно, собственные силы спецслужбы УНР были крайне ограничены, и ей приходилось не только прибегать к помощи разведывательных служб иностранных государств, но и выполнять их прямые задания. Наиболее важными и значимыми из ее контактов были разведки Польши, Франции и Румынии, а также Японии.

Помимо УНР, в Польше располагались группировки враждебного к Петлюре и ориентированного на Германию бывшего гетмана Украины Скоропадского и, в общем-то, никому не подчинявшихся братьев Булак-Балаховичей. Там обосновался и легендарный террорист-эсер, организатор покушений на министра внутренних дел России В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича, бывший товарищ военного министра Временного правительства, организатор антисоветских восстаний в Ярославле, Муроме и Рыбинске, зарубежный представитель Сибирского правительства адмирала А. В. Колчака, председатель созданного в Варшаве в 1920 году “Русского политического комитета” Борис Викторович Савинков. В период советско-польской войны из осевших в Польше эмигрантов он сформировал “Русскую народную армию” и отправил ее на фронт под командованием поляков. Уже тогда его деятельность привлекла внимание ВЧК, в декабре 1920 года направившей к нему своего агента с документами прикрытия на имя заместителя начальника штаба внутренних войск РСФСР в Гомеле Э. О. Стауница. В действительности им являлся

А. О. Опперпут, сыгравший немалую роль в легендарных агентурных комбинациях советской контрразведки, однако, как уже указывалось, впоследствии перешедший на сторону противника и попытавшийся сорвать одну из самых масштабных игр КРО ОГПУ “Трест”.

Б. В. Савинков

Он обратился к Савинкову с легендарным предложением о сотрудничестве, положившем начало операции “Синдикат”. Тем временем “Русский политический комитет” был переформирован в “Национальный союз защиты родины и свободы” (НСЗРиС), призванный консолидировать на непартийной основе все антикоммунистические силы и провести практическую подготовку к свержению советской власти. Его вооруженными формированиями командовал ближайший сподвижник Савинкова полковник Сергей Эдуардович Павловский. Союз создал довольно разветвленную контролировавшуюся поляками агентурную сеть для разведывательной, диверсионной и повстанческой работы, в результате операции “Синдикат” в значительной степени попавшую под контроль ВЧК. Главные функционеры НСЗРиС были арестованы, и в августе 1921 года состоялся показательный процесс над 44 его агентами, в число которых для прикрытия включили и Опперпу-

та. В дальнейшем он появился в операции “Трест” и сыграл в ней роковую роль.

Пока же работа советской разведки сорвала планировавшееся Савинковым на осень 1921 года всеобщее восстание на территории северо-западных областей Белоруссии и РСФСР, которое должно было начаться с вторжения трех колонн его войск. Штаб НСЗРиС уже наметил их маршруты, установил взаимодействие с УНР, добился финансовой и разведывательной помощи от Франции, Польши и некоторых стран Антанты. ГПУ вскрыло эти приготовления, внутренние и пограничные войска блокировали и уничтожили отряды союза, а по дипломатической линии Наркоминдел выразил послам ряда государств энергичный протест в связи с деятельностью НСЗРиС.

Савинкову пришлось покинуть Польшу, однако связь его с варшавским правительством не прекращалась, а осуществляемые через границу операции приобрели новый размах. Одним из ближайших друзей Савинкова еще с 1918 года стал известный Сидней Рейли. В конце 1921 года он представил главу НСЗРиС Уинстону Черчиллю, но ничего, кроме моральной поддержки, от британского правительства ему получить не удалось. Союз успешно разворачивал сеть резидентур на территории СССР, однако именно это и стало прологом к крушению организации Савинкова. Продолжением и развитием “Синдиката” стала описанная в соответствующей главе данной книги классическая операция контрразведки ОГПУ “Синдикат-2”.

Тем временем “Русский общевойсковой союз” пытался стать основной антикоммунистической силой эмиграции и использовал для этого все возможные способы. Стоявший во главе его оперативной работы Кутепов скептически относился к “чистой” агентурной разведке, а отдавал предпочтение террористическим актам и подпольной деятельности, однако европейским державам требовалось отнюдь не это. Они совершенно не планировали ввязываться в какие-либо боевые действия против Советского Союза и в первую очередь были заинтересованы в изучении обстановки внутри СССР и в создании на его территории прочных оперативных позиций, а вовсе не во взрывах плотин, убийствах активистов и отравлении запасов зерна. По этой причине значительной финансовой помощи от иностранных правительств и разведок ожидать не приходилось, и РОВС опирался только на свои силы, причем сам Кутепов истово верил в наличие внутри СССР разветвленного и организованного подполья. Это и подвело его в проведенной КРО ОГПУ операции “Трест”, но даже после этого крупнейшего провала, невзирая на предупреждения Врангеля и великого князя Николая Николаевича, Кутепов активно пытался выйти на антикоммунистические организации в Советском Союзе. Он убежденно заявлял: “Великие движения распространяются по всей России. Никогда еще прежде так много людей “оттуда” не приходило ко мне с просьбой о сотрудничестве с их подпольными организациями”⁷⁵. Таких людей и в самом деле хватало. ИНО и КРО ОГПУ еле успевали готовить и проводить все новые и новые операции с леген-

дированными организациями. Кроме “Треста”, против РОВС проводился ряд оперативных игр, из которых крупнейшими являлись:

- “Д-7” (ленинградская “Военная организация”) — 1924 — 1929 годы;
- “С-4” (“Внутренняя русская национальная организация”) — 1924 — 1932 годы;
- “Заморское” (“Северо-Кавказская военная организация”) — 1929 — 1932 годы;
- “Академия” — 1929 — 1934 годы.

С 1933 года, по словам А. И. Деникина, РОВС впал в оцепенение и больше не подавал ни малейших признаков жизни, за исключением постоянных внутренних интриг. Наводенный советскими агентами и расколотый союз, руководители которого Кутепов и Миллер бесследно исчезли один за другим с интервалом в семь лет, просуществовал еще недолго и распался перед самой Второй мировой войной. Другие же эмигрантские организации с середины 1930-х годов в меньшей степени обращали внимание на тайные операции. Исключение составляло лишь основанное во Франции в 1935 году общество, а фактически диверсионная школа “Белая идея”. Она, хотя и без особого успеха, пыталась засылать в Советский Союз агентов с северного направления, то есть через эстонскую и финскую границы. Специальные дисциплины в “Белой идее” преподавал один из исполнителей взрыва в ленинградской партийной школе в 1927 году капитан Ларионов, неизменно вызывавший восхищение экстремистски настроенных эмигрантов своими боевыми заслугами и мастерством в диверсионном искусстве. Но этот факт был нетипичным, поскольку во второй половине 1930-х годов тайные операции антисоветских организаций против СССР почти прекратились.

* * *

По сравнению с последующим периодом, интенсивность тайных операций на Европейском континенте в 1920-е годы в целом была невысокой. Далекое не все европейские правительства располагали тогда органами внешней разведки, а некоторые просто не уделяли ей должного внимания. Соответственно с меньшей напряженностью действовали и контрразведывательные службы, более занятые политическими аспектами государственной безопасности. Основным фактором, определявшим интенсивность ведения тайной войны в Европе, был Советский Союз, разворачивавший активную деятельность против ближних и дальних соседей и сам служивший для некоторых из них объектом посягательства. Но уже в следующем десятилетии большинство пренебрегавших внешней разведкой государств Европы бросятся лихорадочно наверстывать упущенное и весьма в этом преуспеют.

СССР

Версальский мирный договор лишь косвенно сказался на положении советских республик, к тому времени уже два года вовлеченных в гражданскую войну, однако он весьма существенно повлиял на дальнейшее развитие событий на территории прекратившей свое существование Российской империи. Правильно понять происходившие там процессы возможно, лишь вернувшись в 1917 год, когда в первые послереволюционные месяцы закладывался фундамент советских спецслужб.

1. ОТ ВЧК К ОГПУ

Система государственной безопасности РСФСР первоначально создавалась в качестве временного института, носившего чрезвычайный характер и почти не ориентированного на внешнюю угрозу. На первоначальном этапе обеспечение этой задачи возлагалось на Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК), в составе которого по инициативе Ф. Э. Дзержинского 21 ноября 1917 года была создана комиссия по борьбе с контрреволюцией. В нее вошли Н. А. Скрышник, И. П. Флеровский, Г. И. Благодравов, А. В. Галкин и В. А. Трифонов. Аналогичные функции на местах выполняли руководимые ВРК следственно-юридические отделы и штабы по борьбе с контрреволюцией. Параллельно с этим в столице существовал и Специальный комитет по борьбе с погромами и контрреволюцией, известный также как “75-я комната” Смольного. Его возглавлял управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич. Ввиду слабости обоих упомянутых органов 6 (19) декабря 1917 года в процессе обсуждения вопроса об угрозе всероссийской забастовки правительственных служащих Совнарком поручил Дзержинскому “составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа”⁷⁶. Предварительно председатель Совнаркома В. И. Ленин направил Дзержинскому записку с конкретными указаниями по этому вопросу, и в результате на докладе 7 (20) декабря тот предложил образовать Всероссийскую чрезвычайную комиссию при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) для решения следующих задач:

- пресечение и ликвидация попыток контрреволюции и саботажа по всей территории России;
- предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров;
- выработка мер борьбы с ними;
- проведение предварительного расследования по всем находящимся в производстве делам.

В отличие от ликвидированного 5 (18) ноября 1917 года Петроградского Военно-революционного комитета, новая секретная служба имела гражданский статус. ВРК был репрессивным органом и использовал в основном военные меры подавления, тогда как

ВЧК являлась административно-политическим органом розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений, а также органом предварительного дознания. Она имела право применять в отношении контрреволюционеров такие административные меры, как конфискация, выдворение, лишение продовольственных карточек, опубликование списков врагов народа и так далее.

Однако, у истории создания чрезвычайного репрессивного органа по подавлению контрреволюции существует и иная подоплека. Судя по всему, в действительности организация ВЧК в первую очередь преследовала цель сформировать контролируемый большевиками репрессивный орган в противовес возглавлявшемуся левым эсером И. З. Штейнбергом Народному комиссариату юстиции. В 1922 году М. Я. Лацис (Я. Ф. Судрабс) довольно откровенно вспоминал о том, что левые эсеры “сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою “общечеловеческую” мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров... Поэтому выдвигается мысль о создании нового органа борьбы, куда бы не входили левые эсеры. Исходя из этих соображений, 7 декабря (старого стиля) Советом Народных Комиссаров было принято решение о создании ВЧК”⁷⁷. Руководство второй правящей партии в коалиции прекрасно осознавало значение нестандартного шага своих соратников и настоятельно требовало подчинить ВЧК Наркомюсту, обязав ее проводить все аресты по политическим делам только с ведома НКЮ и НКВД. Большевики, естественно, категорически возражали. В качестве компромиссной меры после создания 7 января 1918 года Коллегии ВЧК в нее наряду с коммунистами Ф. Э. Дзержинским, И. К. Ксенофонтовым, Я. Х. Петерсом, В. В. Фоминым, С. Е. Щукиным и В. Р. Менжинским были включены левые эсеры В. Д. Волков, М. Ф. Емельянов и П. Ф. Сидоров во главе с заместителем председателя В. А. Александровичем. На некоторое время это несколько успокоило борьбу за контроль над секретной службой.

В списке задач ВЧК ведение внешней разведки совершенно не предусматривалось. Вообще же в первые недели пребывания у власти большевики и левые эсеры были крайне наивны в международных вопросах и искренне верили в возможность их гласного и открытого решения. Отсюда проистекло, например, указание об открытой публикации секретных договоров России. Первый нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий провозгласил, что главным условием проведения честной, народной, подлинно демократичной внешней политики является отказ от секретной дипломатии. Профессиональная дипломатия как таковая считалась явным и ненужным излишеством, ибо предполагалось, что как только трудящиеся буржуазных стран узнают подлинную правду о Советской республике, то немедленно возьмут внешнюю политику своих государств в собственные руки. Будущее Наркоминдела рисовалось Троцкому весьма определенно: выпуск нескольких революционных прокламаций к народам мира, обнародование секретных договоров Российской империи, а потом ликвидация ведомства. О политической разведке не шла речь в принципе, она мыслилась крайне подозрительным занятием и в первые месяцы после революции ассоциировалась у большевистских лидеров с полицейскими шпиками, приклеенными бородами и закрывающими лицо темными очками. Военная же разведка ввиду распада армии как таковой вначале тоже вообще не принималась во внимание, поскольку при существовавшей концепции “вооруженного народа” какие-либо подобные институты были абсолютно невозможны. Исключение делалось лишь для тактической (войсковой) разведки. Допускалась некоторая, крайне незначительная опасность подвергнуться атакам иностранных разведок, но первоначально власти полагали, что смогут использовать для борьбы с ними пока еще сохранявшиеся дореволюционные военные структуры. Однако работавшие в их контрразведывательных подразделениях специалисты не вызывали у председателя ВЧК никакого доверия. В этом отношении он фактически продолжал линию Временного правительства на слом прежних контрразведывательных органов из-за небезосновательных подозрений в их причастности к политическому сыску. Однако если до октября 1917 года новая власть в основном убирала из оперативных органов жандармских офицеров и очищала их от иных контрреволюционных элементов, то при большевиках их ждала более плачевная участь. При этом речь шла исключительно об органах военной контрразведки, поскольку соответствующие структуры департамента полиции и корпуса жандармов были уничтожены еще ранее.

Первоначально организационная структура ВЧК была крайне примитивной, Всероссийская чрезвычайная комиссия состояла из трех основных подразделений:

- Информационного отдела (сбор политической и оперативной информации);
- Организационного отдела (организация борьбы с контрреволюцией по всей территории России);
- Отдела борьбы (непосредственная борьба с контрреволюцией и саботажем).

Однако такое решение оказалось неэффективным, и в результате ряда преобразований, начатых буквально через четыре дня после принятия решения о создании ВЧК, к весне 1918 года ее структура приобрела более усложненный вид:

- Председатель;
- Заместители председателя;
- Секретарь;
- Иногородный отдел;
- Отдел для борьбы с контрреволюцией;
- Отдел для борьбы с преступлениями по должности;
- Отдел для борьбы со спекуляцией;
- Информационное бюро.

Помимо перечисленных подразделений, в центральном аппарате ВЧК существовал ряд вспомогательных отделов: (хозяйственный, тюремный, связи, общий, комендантский, автомобильный и другие). Как видим, ни одно из подразделений не ведало контрразведывательной деятельностью. Несмотря на очевидно скептическое отношение большевистского руководства к этому направлению в рассматриваемый период, Дзержинский все же предпринял несколько попыток создать в составе подчиненного ему ведомства соответствующую службу.

Ф. Э. Дзержинский

Первая из них относится к январю 1918 года, когда к председателю ВЧК обратился с письмом К. А. Шеваро-Войцицкий, специалист с почти десятилетним стажем работы в контрразведке и агентурной разведке, готовивший и забрасывавший агентуру в тыл германских войск и сам неоднократно участвовавший в “полевых” операциях. Перед революцией он занимал должность секретного сотрудника по особо важным поручениям при штабе дислоцировавшегося в Финляндии 42-го армейского корпуса и искренне желал помочь новой власти наладить работу в хорошо знакомой ему области. По предложению Шеваро-Войцицкого для ведения внешней и внутренней контрразведки в составе Чрезвычайной комиссии было организовано Контрразведывательное бюро (КРБ). Его 35 сотрудников приступили к проведению операций в Петрограде и Москве, а также с немалым профессионализмом попытались начать действовать в Финляндии. Однако уже

в марте жизнь Шеваро-Войцицкого трагически оборвалась, а с ней прекратилось и само существование КРБ. Командир приданного бюро матросского отряда Поляков заподозрил своего начальника в контрреволюционной деятельности и без долгих проволочек приказал подчиненным расстрелять его. Судя по материалам этого дела, самоназначенный судья и палач просто не понял своим ограниченным умом, что работа контрразведки не заключается в обысках и расстрелах, и посчитал нюансы оперативной работы Шеваро-Войцицкого предательством интересов революции. Никаких убедительных доказательств своих утверждений он не привел, а подписи расстрелянного им начальника КРБ на протоколах допросов носят явные следы примитивной фальсификации. Тем не менее, дело спустили на тормозах, и Поляков не понес за свое самоуправство ни малейшего наказания.

Драматическая и недолгая история КРБ не отбила у чекистов желание участвовать в борьбе с иностранным шпионажем. Дальнейшие действия в этом направлении носили явный отпечаток борьбы за власть двух правящих партий — большевиков и левых эсеров. В марте 1918 года заместитель председателя ВЧК В. А. Александрович (П. А. Дмитриевский) предложил создать контрразведывательное отделение при штабе так называемого Красно-Советского Финляндского отряда, контролировавшегося левыми эсерами и возглавлявшегося известным в будущем организатором июльского мятежа Д. И. Поповым. Однако эта идея встретила резкие возражения практически всех остальных членов Коллегии, и принятое по этому поводу постановление гласило: “Признать необходимым, чтобы борьба со шпионажем и контрразведка находились под наблюдением ВЧК”⁷⁸.

Эта фраза означала не только несогласие с идеей включения гражданской контрразведки в какую-либо иную структуру, но также и явное стремление поглотить военную контрразведку, натолкнувшееся, однако, на решительное противодействие Троцкого. После этого в конце мая 1918 года в ВЧК было организовано небольшое секретное Отделение по противодействию германскому шпионажу, причем не самостоятельное, а в составе Отдела по борьбе с контрреволюцией. Назначение его начальником двадцатилетнего по документам, а в действительности восемнадцатилетнего левого эсера Я. Г. Блюмкина можно объяснить лишь несерьезностью отношения к проблеме. Юный глава советской контрразведки был по натуре авантюристом и свою новую должность воспринял с восторгом. Он громко именовал подчиненную структуру “Отделением по борьбе с международным шпионажем” и сразу же бросился, по его собственному выражению, “опутывать сетями шпионажа” германское посольство.

Я. Г. Блюмкин

Вскоре Блюмкин сумел добыть подробный план его внутренних помещений, что, надо сказать, оказалось несложной задачей. Кроме того, он без особых хлопот завербовал бывшего австро-венгерского военнопленного, графа Роберта Мирбаха, приходившегося дальним родственником германскому послу Вильгельму фон Мирбаху. Начальник контрразведки весьма оптимистично надеялся через племянника воздействовать на дядю и манипулировать им в интересах революции. Но на этом этапе карьеры Блюмкина потерпела крах из-за его характера, в котором безудержное хвастовство сплеталось со столь же безудержной жаждой власти. Однажды в ресторане в компании ли-

Граф Роберт Мирбах

тераторов он заявил, что имеет право расстрелять любого человека, какого только пожелает. Находившийся с ним за одним столиком Осип Мандельштам не распознал блефа и фанфаронства и возмутился подобным произволом. Блюмкин попытался напугать его револьвером и пригрозил отомстить поэту, если тот кому-нибудь расскажет об этой неприглядной истории. Мандельштам не струсил и пожаловался своим знакомым видным большевикам Федору Раскольникову и его жене Ларисе Рейснер, а затем поэта пригласил к себе Дзержинский. После беседы с ним 1 июля 1918 года “Железный Феликс” немедленно закрыл Отделение по противодействию германскому шпионажу, оставив Блюмкина без должности. Следует отметить, что для бывшего первого руководителя контрразведки ВЧК это уже не имело никакого значения, поскольку через пять дней вместе с другим левым эсером, фотографом ВЧК Н. А. Андреевым, он убил немецкого посла с целью срыва Брестского мира и повторного втягивания России в войну с Германией. Так бесславно закончилась история этого органа гражданской контрразведки, самого же Блюмкина еще ждала короткая, но яркая карьера во внешней разведке. Главным приоритетом основной советской секретной службы отныне и на долгое время стала борьба с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, то есть проблемы не контрразведки, а политической полиции. Принятая в основе на 2-й Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий и окончательно отредактированная ВЧК 1 декабря 1918 года “Инструкция Чрезвычайным Комиссиям на местах” гласила:

“В задачи комиссии входит следующее:

- а) Беспощадная борьба с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией наличными силами, которые имеются в распоряжении Комиссии.
- б) Наблюдение за местной буржуазией и за направлением в ее среде контрреволюционной работы.
- в) Доведение до сведения местной и центральной власти о совершающихся беспорядках и злоупотреблениях и пресечении их.
- г) Производство дознаний по государственным преступлениям.
- д) Производство исследований в порядке чрезвычайного положения.
- е) Наблюдение за лицами, проезжающими через границу.
- ж) Наблюдение за иностранными разведчиками.
- з) Розыск и наблюдение за лицами, укрывающимися от властей.

- и) Участие в сохранении общественного спокойствия, при отсутствии чинов милиции и содействие последней в восстановлении нарушенного Революционного Порядка.
- к) Выполнение поручений в высших губернских Советских органах по производству дознаний о преступлениях, когда будет признано необходимым.
- л) Участие в некоторых нужных для борьбы совещаниях.
- м) Наблюдение и регистрация всех проезжающих через границу и тщательная проверка документов на право въезда и выезда и т. п.
- н) Строжайшее наблюдение за проведением в жизнь декретов и распоряжений Советской власти⁷⁹.

Совершенно очевидно, что в приведенном обширном списке задач контрразведка занимала явно третестепенное место, не говоря уже о том, что даже сама ее задача формулировалась крайне узко, и это при том, что в 1918 году Россия представляла собой благодатное поле для деятельности иностранных разведок. Вначале наиболее свободно там чувствовали себя секретные службы недавних союзников по Антанте, пока еще сохранявшие свои дипломатические представительства и военные миссии в Петрограде и Москве, под прикрытием которых работали “легальные” резидентуры. Правительства Франции, Великобритании и США еще рассчитывали побудить Россию продолжить войну с Германией и поэтому готовы были простить союзнице предательство, при условии, что оно окажется временным. Их надежд не поколебал даже Брестский мир. Более того, он усилил расчеты на то, что великая страна не потерпит столь позорное перемирие и непременно разорвет его в ближайшее же время, поэтому резидентуры бывших союзных держав в основном побуждали большевиков возобновить боевые действия и вели против Германии тайную войну. Ни о каких операциях по свержению советской власти первоначально не было и речи. Более того, французская военная миссия, например, продолжала направлять российским коллегам разведывательные сводки вплоть до конца июля 1918 года.

Позиции немцев в России многократно усилились после прибытия в Москву посольства под руководством графа фон Мирбаха. Германская разведка, ранее работавшая лишь с нелегальных позиций, получила мощную поддержку и значительно укрепила свою инфраструктуру. Разведывательный отдел ШБ Большого генерального штаба назначил “легальным” резидентом Рудольфа Бауэра, но подлинным руководителем операций являлся первый советник посольства доктор Карл Рицлер. Брестский мир в корне изменил прежнюю стратегию Берлина по отношению к Советской России, поскольку немцы сумели вывести из войны мощного противника и менее всего желали нанести ущерб правительству большевиков. Они отчетливо понимали, что любая другая партия немедленно разорвет кабальные условия мирного договора, а страны Антанты всецело и с охотой поддержат ее. Даже входившие в коалиционное правительство левые эсеры своей важнейшей задачей полагали борьбу с Германией, не говоря уже об оппозиционных силах. С каждым днем контакты немцев с большевиками крепили, тогда как эсеры с такой же интенсивностью пытались бороться с этим явлением. Отсюда вытекало еще одно направление деятельности московской резидентуры отдела ШБ — дискредитация партии левых эсеров в глазах большевиков.

Союзники же, наоборот, всемерно поддерживали вторую партию в правящей коалиции и весной 1918 года успешно провели для укрепления ее позиций сложную дезинформационную операцию. Они подбросили немецкой разведке правдоподобные данные о левозэсеровской организации “Союз союзников”, якобы ставившей своей задачей убийство германского посла, о чем советник Рицлер немедленно сообщил Дзержинскому. Председатель ВЧК мобилизовал на раскрытие заговора все силы своего ведомства. Однако очень скоро стало ясно, что явки, шифры, конспиративные адреса и прочие непереманные атрибуты подпольной деятельности являются лишь плодом чьей-то фантазии, и нескольких арестованных по этому делу пришлось с извинениями отпустить. Заговор оказался фикцией, разработанной сотрудником резидентуры французской разведки капитаном Лораном для прикрытия действительной подготовки к покушению на германского посла, которое, как известно, произошло 6 июля 1918 года. А 30 июля левые эсеры Б. Донской и И. Каховская осуществили второй масштабный террористический акт, убив верховного руководителя германской администрации на Украине генерала-фельдмаршала Германа фон Эйхгорна и его адъютанта. Союзники надеялись, что хотя бы после этого терпение немцев иссякнет, однако ошиблись. Положение на их фронтах было уже столь сложным, что Германия не могла позволить себе роскошь нарушить мир на Востоке, откуда она за бесценнок черпала столь необходимые ей сырьевые ресурсы.

Тем временем резидентуры разведывательных служб стран Антанты в России активизировали диверсионную работу против германской армии. Французскую военную миссию возглавлял генерал Альфред Лавернь, имевший в подчинении оперативных работников капитана 3-го, впоследствии 2-го ранга Марселя-Мари-Анри де Вертемона (“Мсье Анри”, встречаются также написания Вертамон и Вертимон) и капитана, затем майора Лорана. Первого из них зачастую ошибочно считают разведчиком, однако в действительности он руководил исключительно диверсионными операциями, в частности, уничтожением в украинских элеваторах предназначенных для отправки в Германию запасов зерна. Позднее капитан 2-го ранга устанавливал контакт с командованием мятежного чехословацкого корпуса, работал с Колчаком и Савинковым и помогал в осуществлении некоторых политических акций. После ликвидации так называемого “заговора послов” все французские разведчики вместе с консулом Гренаром успели укрыться на территории норвежского посольства и благополучно ускользнули от ареста. Впоследствии де Вертемон отошел от тайных операций и мирно жил во Франции, а закончил свои дни в Париже в 1963 году под колесами случайного грузовика.

Французы работали профессионально, без шумных скандалов, не красящих никакую разведку, зато у англичан дела обстояли совершенно иначе. В соответствии с указаниями британского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа, СИС организовала в России работу нескольких довольно крупных агентов, которыми руководил из Риги главный резидент Эрнст Бойс. Первым из них и самым активным можно считать фанатичного антикоммуниста Сиднея Рейли, полагавшего борьбу с большевизмом своим священным долгом и высшим предназначением. О своих противниках он отзывался в стиле, редко встречающемся в оперативных документах: “Отвратительная раковая опухоль, поражающая самую основу цивилизации... То, что происходит здесь, сейчас, гораздо важнее любой войны, которую когда-либо вело человечество. Любой ценой эта мерзость, народившаяся в России, должна быть уничтожена... Существует лишь один враг. Человечество должно объединиться в священный союз против этого полночного ужаса”⁸⁰. Спору нет, неприглядных картин большевистский режим являл вполне достаточно, но столь фанатичная предубежденность не позволяла разведчику адекватно воспринимать окружающую действительность, что в оперативной работе представляет собой один из самых серьезных пороков. Убежденность в дьявольской силе и могуществе большевиков парадоксальным образом сочеталась у Рейли с верой в возможность свержения их режима горсткой решительных людей, и в 1918 году он действительно попытался это осуществить, организовав известный “заговор Локкарта”, или “заговор латышских стрелков”. До сих пор неясно, на какой стадии его подготовки к делу подключилась ВЧК, подставившая Рейли под видом контрреволюционно настроенных латышских командиров своих сотрудников Яна Буйкиса и Яна Спрогиса. Заговор провалился с большим шумом, а сам разведчик успел бежать, однако суд заочно вынес ему смертный приговор, подлежащий исполнению при первой же поимке разведчика в пределах РСФСР. Именно это и произошло в 1925 году.

Другим крупным британским агентом являлся Джордж Хилл, личность более уравновешенная и менее фанатичная, чем Рейли. Собственно, и задачи он имел иные и вполне конкретные. Прежде всего, Хилл должен был всемерно препятствовать заключению сепаратного мира Советской России с Германией, а также вести разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу против немецкой агентуры в России и на оккупированных территориях. Эта деятельность относилась к тому недолгому периоду, когда Великобритания еще не совершала враждебных действий против большевиков, а надеялась на сохранение нормальных союзнических отношений, и главная задача агента состояла в том, чтобы любой ценой заставить Россию продолжать войну против Германии. При этом Хилл не имел абсолютно никаких идеологических пристрастий, ему было совершенно все равно, какая именно партия находится у власти, лишь бы ее линия соответствовала британским интересам. Хилл стал у Троцкого советником и помогал ему организовывать военно-воздушные силы, но, как позднее утверждал в мемуарах, он также содействовал большевикам и в оперативных вопросах: “Во-первых, я взялся помочь большевистскому генштабу организовать

Джордж Хилл

разведслужбу с целью помочь установить нумерацию германских полков и наладить слежку за переброской войск.

Через несколько недель у нас была хорошо организованная сеть агентуры, действующая на территории, оккупированной австро-германской армией <...>

Во-вторых, я организовал большевистскую службу контрразведки, чтобы следить за германскими спецслужбами и их деятельностью в Москве и Петрограде. Наша служба перехвата работала хорошо; мы дешифровали германские шифры, вскрывали письма и знакомились почти со всей германской корреспонденцией, не будучи даже заподозренными в этом”⁸¹.

Официальные советские источники умалчивали об этой стороне его деятельности, а реальные достижения Хилла оказались не столь масштабны. Он и в самом деле организовал небольшую секретную службу, но это была всего лишь параллельная с официальным Военконтролем личная контрразведка Троцкого. Несколько месяцев спустя наркомвоен вынужден был расстаться с ней по прямому указанию Ленина, в свою очередь, уступившего требованиям немцев. Дело в том, что Хилл действительно создал собственную направленную против Германии разведывательную сеть на оккупированной ее войсками территории, в частности, на Украине, где очень обозлил немцев диверсионными операциями группы своих агентов. Во избежание срыва Брестского мира Троцкий вынужден был отдать приказ об аресте своего советника, однако тот перешел на нелегальное положение и осенью 1918 года сумел сбежать в Финляндию, а оттуда и в Британию. После побега он был представлен Черчиллем королю, долго болел, но сумел полностью оправиться, в 1920 году получил рыцарское достоинство, продолжил работу в разведке, а в середине 1920-х годов был уволен. В 1939 году Хилл вновь возвратился в мир секретных служб и в период Второй мировой войны в звании бригадного генерала работал в СССР в качестве официального представителя Исполнительного органа специальных операций (СОЕ). Его богатая приключениями жизнь оборвалась в 1967 году, когда в возрасте 74 лет он скончался у себя на родине.

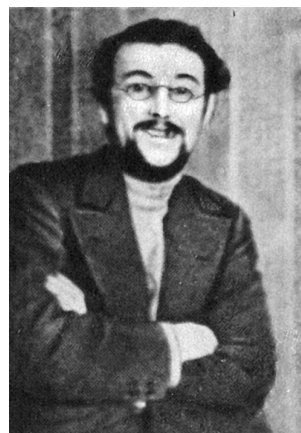
Оба упомянутых разведчика в 1918 году покинули РСФСР, однако в течение всего следующего года в стране действовал еще один нелегал СИС Пол Дюкс (СТ-25), в совер-

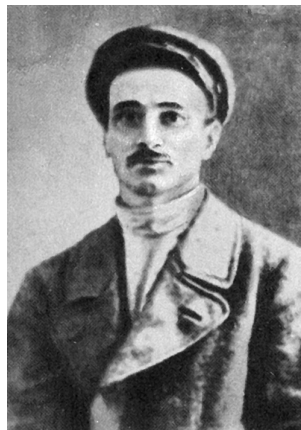
Пол Дюкс
и его четыре
маскировки:

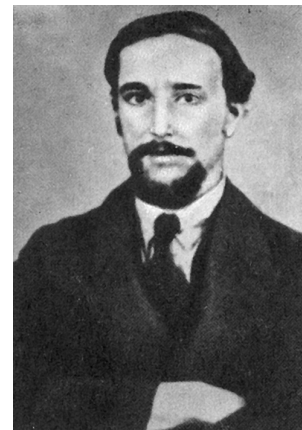
Александр Маркович

Иосиф Афиренко

Александр Банкау

Сергей Ильин

шенстве владевший русским языком и проникший на советскую территорию из Финляндии с удостоверением на имя сотрудника ЧК Иосифа Ильича Афиренко.

Дюкс имел документы и соответствующие им легенды почти на два десятка имен, причем по одному из них являлся членом РКП(б) и даже принимал участие в заседаниях Петроградского Совета. Он создал разветвленный агентурный аппарат, но черпал информацию также и из случайных разговоров, уличных встреч, газетных объявлений и прочих аналогичных источников. СТ-25 отправлял в Лондон довольно объективные оценки, содержавшие как секретные данные, так и общие сведения о настроениях людей, о динамике цен на продукты и иных элементах обстановки в стране. Полученные донесения он переправлял в центр со связниками, которыми в основном являлись бежавшие от большевиков офицеры. После ужесточения пограничного контроля англичане использовали для курьерской связи базировавшиеся в финском порту Териоки торпедные катера, и до самого замерзания Финского залива Дюкс выходил на встречу с ними в весельной лодке. Разведчик знал, что ВЧК постоянно разыскивает его, и поэтому ему приходилось раз за разом отказываться от очередных документов прикрытия, случалось и ночевать на промерзших чердаках, в товарных вагонах, в кладбищенских склепах. В конечном счете у СТ-25 осталось единственное прикрытия шофера в одном из армейских учреждений, но и там начальник предупредил его о скорой отправке на фронт. Тогда Дюкс бросил своих агентов на произвол судьбы, пересек латвийскую границу и вернулся в Лондон, а его сеть вскоре разгромила ВЧК.

Роберт Брюс Локкарт

Особняком среди перечисленных лиц стоит Роберт Брюс Локкарт, который, строго говоря, разведчиком не являлся. Блестящий молодой человек, еще в 1911 году назначенный на пост вице-консула в Москве, после революции исполнял обязанности так называемого “официального британского агента” в России, то есть своего рода посла в непризнанном государстве. Этот пост обозначал некий промежуточный статус взаимоотношений между полным непризнанием и полным признанием. Взгляд Локкарта на проблему большевизма в России первоначально свидетельствовал о здравомыслии и неприятии авантюрных попыток свержения коммунистов. Он осознавал, что вопрос далеко не исчерпывается личностями кремлевских руководителей, и что его корни находятся намного глубже: “Я не мог инстинктивно не понимать, что за их мирной программой и фанатичной экономической программой стояли идеалистические идеи коммунизма, поднимавшие их значительно выше обычного движения люмпенов, ведомого германскими агентами”⁸².

Нажив себе массу недоброжелателей в Форин офис и СИС, он постоянно повторял: “Покупка информации толкает на ее придумывание. Но даже выдуманные сведения менее опасны, чем честные доклады людей несомненно храбрых и одаренных лингвистическими способностями, но не умеющих формировать надежное политическое суждение”⁸³. Давление обстоятельств заставило Локкарта погрузиться в печально знаменитый “заговор послов”, о котором еще недавно, казалось, было известно все, а теперь выяснилось, что провести грань между фактами и вымыслом, между заговором и его провокацией практически не представляется возможным. Неясно, как на самом деле британский военно-морской атташе и резидент морской разведки Френсис Кроми установил контакт с латышскими командирами, при чем здесь покушения на Урицкого и Ленина, кто и из какого оружия стрелял в председателя Совнаркома и так далее. Как бы то ни было, в итоге этих событий 31 августа 1918 года в Петрограде и 1 сентября в Москве произошел штурм иностранных посольств, состоялись повальные обыски, облавы и аресты. Все подданные бывших союзных держав мужского пола в возрасте от 17 до 48 лет, кроме “стоящих на советской платформе рабочих”, были интернированы, при этом, как уже указывалось, французские разведчики и дипломаты успели укрыться на территории норвежской миссии, а Локкарт попал в тюрьму, откуда его вскоре выпустили и выслали на родину. Во время Второй мировой войны он возвратился в мир тайных операций и возглавил Исполнительный орган полигической войны (ПВЕ). Скончался Локкарт в 1970 году в Лондоне в преклонном 83-летнем возрасте.

Для РСФСР последствия заговора оказались куда масштабнее и плачевнее, чем могли даже надеяться англичане и французы, но в совершенно иной и неожиданной для них об-

ласти. Большевики провозгласили “красный террор” и не солгали — террор действительно начался, и именно отсюда берут начало истоки могущества советских органов государственной безопасности. Теоретически это обосновал начальник Оперативного отдела ВЧК М. Я. Лацис: “Контрреволюция развивается везде, во всех сферах нашей жизни, она проявляется в самых различных формах, поэтому очевидно, что нет такой области, куда не должна вмешиваться ЧК”⁸⁴. Он же в качестве председателя ЧК на восточном внутреннем (чехословацком) фронте опубликовал в журнале “Красный террор” шокировавшее даже многих коммунистов известное суждение: “...мы искали улики против отдельных личностей из буржуазии, когда виноват весь класс, вся буржуазия. <...> Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс. <...> Не ищите в деле обвинительных улик в том, восстал ли он (подсудимый — И. А.) против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть красного террора”⁸⁵. Другим долгосрочным следствием описанных событий явилось прочно укоренившееся недоверие к политике Лондона, в особенности к действиям секретной службы. Советское правительство совершенно справедливо считало в тот период Великобританию своим главным врагом, однако страх перед коварной и всепроникающей СИС далеко опережал ее фактическую, часто удручающе низкую эффективность.

Интересно, что первую действительно направленную конкретно против советской власти разведывательную организацию создали, как ни странно, американцы. “Информационное бюро” при консульстве США, которое возглавил подданный Соединенных Штатов, по происхождению наполовину русский, наполовину грек Ксенофон Каламатиано, существовало легально, однако сбор открытой информации для прессы лишь прикрывал разведывательную деятельность этой, по сути, резидентуры. Ее работа в пользу американцев, англичан и отчасти французов длилась недолго. Каламатиано был коммерсантом, а не профессиональным разведчиком, и допустил массу дилетантских ошибок, так что довольно скоро его раскрыла и арестовала еще совсем неопытная ВЧК. Американца приговорили к расстрелу и продержали в тюрьме с 1919 по 1921 год. Там он едва не умер от холода и голода, а заместитель председателя и член Коллегии ВЧК Петерс даже лично инсценировал его расстрел, но в итоге Каламатиано освободили в обмен на несколько вагонов продовольствия. Он не был сломен морально и попытался продолжить разведывательную деятельность, однако в начале 1923 года на охоте отморозил себе пальцы ног и слишком поздно обратился за медицинской помощью. Началась гангрена, от которой его не спасла запоздалая ампутация, и в ноябре того же года Каламатиано скончался.

В “заговоре послов”, кроме Локкарта, участвовали представители Франции и Соединенных Штатов. Это послужило причиной возникновения и утверждения теории “общего заговора” Антанты против советской власти, причем совершенно не пропагандистской,

Ксенофон Каламатиано

а принятой к практическому руководству. Ее авторы явно слабо ориентировались в международных отношениях, ибо никогда государства со столь несовпадающими интересами не смогли бы придти к глубокому и скоординированному взаимодействию в области тайных операций против любого общего врага. Тем не менее, ВЧК начала быстрыми темпами укреплять свой контрразведывательный аппарат, хотя главной задачей секретной службы по-прежнему оставалось противодействие внутренней угрозе. Для более эффективной работы вдали от столицы 18 марта 1918 года было принято обращение ко всем Советам на местах с предложением образовать соответствующие (губернские и уездные) чрезвычайные комиссии. Уже к апрелю территориальные ЧК возникли в Петрограде, Нижнем Новгороде, Омске, Симбирске, Туле, Вятке, Орле, Астрахани и нескольких городах Кубани. Их типовая внутренняя структура состояла из следственной комиссии, секретной части, отдела по борьбе с контрреволюцией и отдела по борьбе со спекуляцией. 11 июня 1918 года на 1-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией было принято важное постановление:

“1) Взять на себя на всей территории республики всю тяжесть беспощадной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, злоупотреблениями по должности и 2) предложить Совнаркому передать охрану всей железнодорожной сети в надежные руки Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Для такой борьбы и охраны железных дорог Всероссийская Конференция находит необходимым:

1) организовать при каждом Областном, Губернском Совдепе, а также при крупных уездных Совдепах, узловых железнодорожных центрах, крупных портах, в пограничной полосе — стройную сеть Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Примечание: там, где организовывать комиссии нельзя или не нужно, как, например, при волостных, малых уездных Совдепах, шоссейных, пограничных проездах и т. п., Чрезвычайными комиссиями ставятся комиссары для той же цели”⁸⁶. В результате к концу 1918 года в стране появилось 40 губернских и 365 уездных ЧК, внутренняя структура которых приблизительно соответствовала структуре ВЧК. Однако вскоре уездные ЧК были упразднены. Причинами этого явились низкий уровень квалификации их работников, использование аппарата ЧК местным руководством в личных целях и даже участие оперативного состава в уголовных преступлениях. Взамен в уездах вначале появились уполномоченные губернских ЧК, а позднее их место заняли политические бюро в составе уездной милиции. Эти органы возглавлял заместитель начальника милиции, но в оперативном отношении они подчинялись ЧК, имевшей в каждом бюро своего представителя. С 19 декабря 1921 года статус уездных Политбюро был повышен, они стали самостоятельными отделами уисполкомов.

Имевшихся у ВЧК сил и средств было недостаточно для эффективного выполнения репрессивных задач, поэтому 10 (23) декабря 1917 года Коллегия ВЧК на одном из своих заседаний рассмотрела вопрос “О вооруженной силе” и обратилась к Совнаркому за содействием в этом вопросе. Постановление СНК от 14 января 1918 года законодательно предоставило ВЧК право организовывать специальные отряды, а 7 марта Коллегия ВЧК предложила территориальным органам формировать аналогичные подразделения в своем составе. Гражданское ведомство обзавелось собственными вооруженными силами, а с июня 1918 года все разрозненные отряды в центре и на местах были сведены в Корпус войск ЧК. К моменту образования он насчитывал 35 батальонов штатной численностью по 750 человек с пулеметами и артиллерией, в основном расквартированных в местах наиболее активного противодействия новой власти.

Совершенно не столь однозначно решался вопрос о военной контрразведке. Как известно, в период с ноября 1917 по начало 1918 года ее осуществляли осколки прежнего контрразведывательного аппарата. Они переименовывались, переподчинялись, при этом все более теряя рычаги контроля за ситуацией, и постоянно проверялись на лояльность. 15 декабря 1917 года исполняющий обязанности верховного главнокомандующего А. Ф. Мясников издал приказ, декларирующий необходимость существенно сократить контрразведку в условиях заключенного перемирия. В результате ее аппараты в войсках были свернуты, в штабах корпусов насчитывалось по 15 контрразведчиков, в штабах армий и фронтов — по 20, включая технических работников и обслуживающий персонал. В январе 1918 года контрразведывательная служба приказом наркома по военным и морским делам П. Е. Дыбенко была срочно переименована в Службу военного контроля (Военконтроль). Причиной этого стал ряд неприятных инцидентов с малограмотными, но сверхбдительными солдатами и матросами, у которых аббревиатура КР в документах оперативных сотрудников регулярно вызывала у ассоциации с контрреволюцией. 15 апреля 1918 года местные отделения контрразведки были распущены ввиду ликвидации прежней системы военного управления. Ее центральный аппарат сохранился в сильно урезанном виде в качестве Особого отделения Регистрационной службы Военно-статистического отдела (ВСО) Всеростглавштаба (ВГШ), в мае 1918 года заменившего ликвидированное Главное управление генштаба. Совершенно очевидно, что столь низкий статус в сочетании с фактическим отсутствием финансирования, катастрофическим сокращением штатов и практической ликвидацией местных органов оставил страну беззащитной перед иностранной агентурой.

Попытку сохранить контрразведку предпринял военный руководитель Высшего военного совета (ВВС) М. Д. Бонч-Бруевич, брат упоминавшегося управляющего делами Сов-

наркома В. Д. Бонч-Бруевича. 13 апреля 1918 года он обязал военруков участков Завесы⁸⁷ организовать систему противодействия агентурным устремлениям противника. В начале мая он распорядился организационно оформить группы занятых этой работой военнослужащих в Отделении по борьбе со шпионажем (ОБШ) и комплектовать их штаты исключительно офицерами службы генерального штаба с опытом работы в контрразведке. Столь жесткие критерии отбора привели к тому, что соответствующих им людей оказалось практически невозможно отыскать. В результате деятельность контрразведывательного подразделения ВВС фактически свелась к разработке некоторых документов и поддержанию связи ОБШ участков Завесы с Всеросглавштабом.

Нелепость подобного положения вскоре стала очевидной, и военное командование приняло меры к ликвидации децентрализованности контрразведывательных органов Красной Армии. В конце мая 1918 года все они были сведены воедино в Отделение военного контроля (ОВК) в составе Оперативного отдела Наркомата по военным делам во главе с Максом Тракманом, а затем Вилли Штейнгартом. С 3 октября 1918 года ОВК получил статус Отдела военного контроля Наркомвоена, а в ноябре 1918 года и ОВК, и периферийные органы военной контрразведки были окончательно централизованы и включены в состав Регистрационного управления Полевого штаба Революционного военного совета Республики (РВСР) на правах его 1-го отдела. Однако продлилось это недолго, и вскоре Военконтроль выделен из Региструпра в качестве самостоятельного подразделения штаба со штатной численностью 157 человек. Оперативной работой в нем руководила Активная часть, на первом этапе действовавшая только в Москве, но позднее распространившая свои операции и на провинцию через периферийные бюро Военконтроля в военных округах и на фронтах.

К рассматриваемому времени Гражданская война уже началась, и необходимость контрразведывательного обеспечения войск и прифронтовой полосы уже перестала вызывать сомнения даже у самых ортодоксальных противников оперативной работы. Правда, основным противником в данном случае являлись не иностранные разведки, а спецслужбы внутренних оппонентов, что не могло не создать весьма специфическую ситуацию. Как известно, октябрьский переворот, как его именовали сами большевики, вызывал симпатии далеко не у всех граждан России, и немало из них активно боролись за свержение советской власти. Не составляли исключения и органы военной контрразведки, в значительной степени засоренные противниками режима. Первым сигналом тревоги прозвучало дело подпольной организации "ОК", в которую входил ряд сотрудников Военно-морского контроля (ВМК) и Регистрационной службы морского генерального штаба (МГШ). Она была совершенно случайно раскрыта на рубеже 1917 и 1918 годов, а ее руководители Р. А. Окерлунд и начальник ВМК А. К. Абрамович были расстреляны. В результате принятых мер по очистке морской контрразведки от контрреволюционных элементов 25 января 1918 года Петроградское морское контрразведывательное отделение и контрразведку Балтфлота ликвидировали, а их задачи передали Отделению военного контроля в Гельсингфорсе, где пока еще базировались основные силы флота. Именно его вместе с другими структурами контрразведки в столице Финляндии позднее негласно проверял первый закордонный агент-нелегал ВЧК А. Ф. Филиппов ("Арский"), в результате чего они были фактически распущены и воссозданы лишь в Петрограде в октябре 1919 года. Обстановка в Военконтроле была не столь скандальной, но, вне сомнения, из-за антисоветских убеждений многих ее сотрудников военная контрразведка в данном виде никак не могла считаться опорой власти, тем более в условиях гражданской войны. Кроме того, сотрудники Военконтроля, как правило, сосредоточивались исключительно на классической борьбе со шпионажем и совершенно не желали участвовать в борьбе с контрреволюцией, полагая ее несвойственной им задачей. Первым на это обратил внимание член ВЦИК В. И. Кингисепп, указывавший в своей докладной записке в ВЦИК, СНК, РВСР и ВЧК: "С тех пор, как изменился характер войны, с тех пор, как она стала гражданской войной, трудно и даже невозможно отличить шпионаж от контрреволюционных действий"⁸⁸. В создавшейся ситуации это было полностью справедливо и не могло не вызывать тревогу. Нелояльная секретная служба смертельно опасна для любого правительства, поэтому для борьбы с контрреволюцией и не в последнюю очередь для надзора за Военконтролем ВЧК получила указание о создании фронтовых чрезвычайных комиссий, некоторое время работавших в контакте с Иногородним отделом ВЧК. Первая из них была сформирована в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 16 июля 1918 года об образовании Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте

с подчинением ей всех ЧК прифронтовой полосы. Ее создание было поручено Лацису. Опыт сочли положительным, и 28 ноября 1918 года в постановление 2-й Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий был включен специальный пункт: «Принимая во внимание необходимость обеспечения Красной армии от всяких попыток контрреволюционеров к провокационным выступлениям, могущим повредить делу защиты РСФСР, 2-я Всероссийская Конференция Чрезвычайных Комиссий постановляет: организовать при всех фронтах и армиях в действующей армии фронтовые и армейские ЧК и предоставить им право назначения отдельных комиссаров для этой цели в ту или иную воинскую часть»⁸⁹.

М. Я. Лацис

Чекисты и ранее подбирались к контролю над армией, при этом менее всего интересуясь борьбой со шпионажем. Еще в марте 1918 года, после рассмотрения вопроса о Региструпре на VII съезде РКП(б), было принято решение изъять из него контрразведку и подчинить ее напрямую совместно Управлению делами РВСР и ВЧК. С этого момента советская военная разведка и контрразведка уже никогда более не объединялись в едином органе. 9 апреля 1918 года Президиум ВЧК поручил одному из отделений Отдела по борьбе с контрреволюцией заняться проведением контрразведывательных мероприятий в военной среде, под которыми в действительности подразумевался контроль за благонадежностью войск, однако на этом этапе дальше пожеланий дело не продвинулось. Одновременно ВЧК пыталась не только внедриться в РККА, но и поглотить существовавшую структуру военной контрразведки. Данный процесс имел объективную основу, поскольку содержание двух параллельных аппаратов для обеспечения безопасности войск являлось действительно непозволительной роскошью. К концу 1918 года это стало очевидным и для чекистов, и для военных. В принципе, и у РВСР и Наркомвоена, и у ВЧК отсутствовали сомнения в целесообразности объединения органов военной контрразведки, однако было пока неясно, кому она будет подчиняться.

Начался постепенный процесс внедрения органов госбезопасности в армейскую среду. Военное руководство на данном этапе не слишком возражало против такого процесса, поскольку и РВСР, и ВЧК выполняли одну принципиальную задачу — защиту завоеванной власти. Для выработки совместной линии действий 12 ноября 1918 года члены Реввоенсовета республики С. И. Аралов и А. П. Розенгольц провели совещание с Ф. Э. Дзержинским и достигли договоренности о необходимости слияния подчиненных им оперативных аппаратов в единый Особый отдел с задачами ведения агентурной разведки, контрразведки и выявления контрреволюционеров в армии и на флоте. Вопрос подчиненности новой структуры на этом совещании не обсуждался. Тогда же было решено создать совместную комиссию для реорганизации Военконтроля и армейских ЧК. Однако в спокойный процесс слияния вмешался член Коллегии ВЧК Лацис, внезапно даже для Дзержинского совершивший ряд шумных и демонстрационных действий, в том числе в прессе, направленных на дискредитацию и ликвидацию аппарата ОВК. Не исключено, что именно это и вызвало возникновение первой трещины между армейскими и чекистскими руководителями. И хотя Коллегия ВЧК, а также Бюро ЦК РКП(б) осудили действия Лациса и приняли решение о недопустимости использования его в дальнейшем в сфере обеспечения безопасности армии, свою негативную роль он уже сыграл.

Несмотря на неожиданно возникшие разногласия, проблему объединения Военконтроля и ЧК следовало решать без задержки. В связи с этим 19 декабря 1918 года Бюро ЦК РКП(б) приняло решение о чистке штата Военконтроля и объединении его с Военным отделом ВЧК и фронтовыми чрезвычайными комиссиями. Для облегчения слияния возглавлявшего Военный отдел ВЧК М. С. Кедрова рекомендовали на параллельный пост заведующего Военконтролем. Активную часть ОВК возглавил Артузов. Вскоре военные и чекисты пришли к окончательному решению, и 4 января 1919 года Кедров издал приказ № 1 по Особому отделу с предложением без промедления приступить к слиянию фронтовых, окружных⁹⁰ и губернских военных отделов местных ЧК с аппаратами Военконтроля для образования системы местных Особых отделов. Уже 3 февраля 1919 года новая структура была утверждена постановлением ВЦИК, в котором она именовалась Особым отделом (ОО) при ВЧК⁹¹ с функциями защиты власти, обеспечения безопасности революционных завоеваний и лишь

в третью очередь — контрразведки. Совместно подписанное РВСР и ВЧК Положение при особых отделах при ВЧК и губчека гласило:

“1. Борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте возлагается на Особый отдел при ВЧК.

2. Общее руководство вышеуказанной борьбой возлагается на ВЧК, которая через свой Особый отдел руководит работой местных Особых отделов, контролирует их деятельность и руководит работой агентуры за границей⁹², в оккупированных иностранными державами и занятыми белогвардейцами областях.

3. Особый отдел ВЧК вместе с тем непосредственно под контролем Реввоенсовета Республики выполняет все его задания”⁹³.

Вскоре Особые отделы были организованы при фронтах, армиях и губернских ЧК, в дивизиях появились Особые отделения, а в прифронтовой полосе, ближнем тылу и узловых точках сухопутных и водных коммуникаций возникли Особые военно-контрольные пункты. Таким образом, сложились две параллельные структуры контрразведки: территориальная и военная. Первоначально аппарат Особого отдела ВЧК состоял из следующих подразделений:

- Общее отделение;
- Оперативное отделение;
- Активное отделение;
- Следственное отделение;
- Организационно-инспекторское отделение.

Территориальные и войсковые органы Особого отдела выглядели несколько иначе. По состоянию на 3 января 1919 года они состояли из Общего и Активного отделений, но уже через две недели, с 17 января, приобрели новое построение:

- Активная часть;
- Организационно-инспекторская часть;
- Хозяйственная часть;
- Секретариат;
- Следственная часть (добавлена в конце января).

В дальнейшем структура как губернских, так и фронтовых и армейских Особых отделов неоднократно изменялась.

Особым отделам была всегда присуща тенденция к автономии, которая периодически проявлялась вплоть до стремления отделиться от ВЧК и стать параллельным ей независимым органом. Уже в момент создания они занимали в структуре ВЧК особое положение и действовали как самостоятельное ведомство, притом зачастую более влиятельное, чем “материнская” структура. Полпред ВЧК в Туркестане Петерс 27 августа 1920 года докладывал: “Положение такое, что ОО не существуют при ЧК в областях и уездах и не исполняют своих прямых задач, намеченных для них ВЧК а ЧК существуют при особых отделах”⁹⁴. Это крайне тревожило руководство госбезопасности, отчетливо ощущавшее опасность упразднения системы ВЧК, в особенности на фоне растущего недовольства чрезвычайным характером ее деятельности. Президиум ВЧК акцентировал подчиненность губернских Особых отделов губернским ЧК, но ситуацию это не исправило, более того, усилило определенный антагонизм внутри территориальных органов госбезопасности. До февраля 1920 года Особые отделы даже на уровне губчека имели собственные печати и бланки ордеров на право обысков и ареста. После ликвидации в том же месяце следственного аппарата ВЧК особисты сохранили его в своей структуре. ОО не зависели от коллег даже в поддержке силовыми подразделениями, поскольку 9 сентября 1919 года получили право создавать собственные отряды особого назначения. Более того, они располагали существенно более широкими полномочиями применения смертной казни, даже после ее формальной отмены 17 февраля 1920 года. Следует отметить заметную неравноправность войсковых и территориальных Особых отделов. Например, одновременно с лишением ОО губчека прав на собственные бланки, печать и ордера таковые сохранялись за военной контрразведкой вплоть до уровня дивизионных Особых отделений.

Сложившаяся ситуация привела к оттоку мало-мальски подготовленных кадров чекистов из территориальных органов в систему фронтовых и армейских Особых отделов. В результате губернские ЧК практически полностью лишились специалистов по фактически изъятой из их ведения контрразведывательной работе. После окончательно оформившегося разделения контрразведки на военную и территориальную первая из них явно превалиро-

вала над второй, не только из-за того, что вражеский шпионаж затрагивал в основном и прежде всего войска и относившиеся к ним объекты, но и ввиду широкого распространения военного положения по территории страны. Поскольку особысты в первую очередь занимались армией, в системе государственной безопасности образовалось множество прорех. В особенности остро это ощущалось в прифронтовых районах, поэтому декрет ВЦИК от 20 июня 1919 года ужесточил систему наказаний. В местностях, объявленных на военном положении, ВЧК и губернские ЧК получили право применять санкции за следующие доказанные преступления против государства и общества, а также против граждан:

- 1) Принадлежность к контрреволюционной организации, участие в заговоре против советской власти.
- 2) Государственная измена, шпионаж, укрывательство изменников и шпионов.
- 3) Соккрытие в контрреволюционных целях боевого оружия.
- 4) Подделка денежных знаков, подлог документов в контрреволюционных целях.
- 5) Участие в поджогах и взрывах в контрреволюционных целях.
- 6) Умышленное уничтожение или повреждение железнодорожных путей, мостов, других сооружений, телефонного и телеграфного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов.
- 7) Бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийства и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки).
- 8) Разбой и вооруженный грабеж.
- 9) Взлом советских и общественных складов, магазинов с целью хищения.
- 10) Незаконная торговля кокаином.

Очевидно, что поставленные перед органами безопасности задачи были самыми разнородными, причем в существенной части традиционно относившимися к компетенции органов охраны правопорядка. Их невозможно было решить без соответствующего приспособления внутренней структуры ВЧК, и делать это следовало незамедлительно. Однако реформам всячески препятствовал заведующий Особым отделом Кедров, упорно и последовательно проводивший линию на отделение подчиненной ему структуры от общей системы госбезопасности. Во всех документах он именовал себя не управляющим, а председателем ОО при ВЧК и постоянно подчеркивал свою независимость. Однако Кедров не ориентировался и на военное ведомство, в котором вскоре снискал ненависть своей необычно высокой конфликтностью и приверженностью к репрессивным методам. Весьма быстро выявилась его неспособность возглавлять столь важный в условиях гражданской войны орган. Председатель/заведующий ОО постоянно разъезжал по фронтам в бронепоезде, отмечая свои перемещения повсеместными систематическими расстрелами бойцов, командиров и гражданских лиц. Никакой организационной работы Кедров принципиально не проводил и был решительно настроен на решение поставленных задач исключительно репрессивными методами. Такая практика дезорганизовывала Красную Армию и дискредитировала советское руководство, в связи с чем Троцкий потребовал от Ленина и Дзержинского вернуть начальника военной контрразведки в Москву, угрожая в противном случае арестовать его. Обращение председателя РВСР попало на подготовленную почву. В ВЧК давно знали о профессиональной несостоятельности Кедрова и странностях его характера, а еще более были обеспокоены сепаратистскими тенденциями в системе Особых отделов, поэтому Дзержинский внес в Бюро ЦК РКП(б) предложение об отстранении председателя Особого отдела от должности. К рассматриваемому времени список ошибочных шагов Кедрова существенно разросся. Он не справлялся с руководством местными аппаратами Особых отделов, но вместо делегирования части прав фронтовым ОО поступил диаметрально противоположным образом и замкнул армейские аппараты на Управление Особых отделов. На долю фронтов остались исключительно руководство ОО расположенных в их полосе губчека, контрразведывательное обеспечение учреждений фронтового подчинения и учетные функции. Троцкий и другие лица в высшем руководстве РККА с нарастающим недовольством наблюдали развал системы обеспечения безопасности войск, происходящий в критический для советской власти период, и неспособность ВЧК хоть как-то вмешаться в этот процесс. В конечном итоге РВСР добился фактического вывода руководства Особыми отделами из-под эгиды системы госбезопасности, что в марте 1919 года было закреплено соответствующим решением VIII съезда РКП(б). После этого местные ОО стали подчиняться комиссарам армий и фронтов, а за Управлением Особых отделов ВЧК осталось лишь общее руководство ими. На этом

процесс не остановился. Постановление Совета труда и обороны от 13 мая 1919 года передавало всю систему военной контрразведки в ведение РВС различных уровней, а совместное постановление Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), принятое на заседании 2 — 4 июня того же года, подтвердило права реввоенсоветов назначать и смещать руководителей Особых отделов. Председатель РВСР Троцкий лично контролировал этот процесс и для его ускорения в конце июня вернул фронтовым ОО ранее принадлежавшие им и отобранные у них функции. Помимо задачи общей оптимизации системы, таким путем он получал возможность поставить на ключевые посты верных ему людей.

К рассматриваемому времени руководство ВЧК спохватилось и осознало, что опасаться следует не только излишней самостоятельности Особых отделов, но и несколько неожиданного рвения военных, вполне способных перехватить обеспечение безопасности войск в собственные руки. Дзержинский экстренно начал принимать адекватные меры для восстановления своего влияния, начав с соответствующего постановления Коллегии ВЧК от 25 июня 1919 года. Одиозного Кедрова вскоре убрали с поста председателя УОО, который 18 августа 1919 года по совместительству занял сам руководитель госбезопасности. К этому времени очень своевременно подоспела громкая ликвидация заговорщических организаций “Национальный центр” и “Штаб Добровольческой армии Московского района”, весьма упрочившая авторитет УОО. Затем Дзержинский решился на беспроигрышный ход, получив согласие на ввод в центральный орган военной контрразведки таких видных деятелей, как кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Н. И. Бухарин, секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе, член РВС 5-й армии И. С. Кизельштейн, член Президиума ВЦИК В. А. Аванесов. В развитие этой практики осенью 1919 года он учредил институт особоуполномоченных УОО, которыми стали бывший нарком финансов, затем генеральный консул СССР в Берлине В. Р. Менжинский, секретарь Малого Совнаркома Я. С. Агранов, заместитель наркома госконтроля К. И. Ландер и ответственные работники самой ВЧК А. Х. Артузов и В. Д. Фельдман. При странном равнодушии военных чекисты опять начали “перетягивание каната”, вновь обходя фронтовой уровень руководства местными Особыми отделами, что явным образом нарушало постановления директивных органов, вплоть до VIII съезда РКП(б). В частности, изданная в сентябре 1919 года Инструкция ОО ВЧК по организации работы Особых отделов армий гласила: “1) Армейские особотделы через своих начальников подчиняются во всех отношениях Особотделу ВЧК. 2) В оперативной работе армейские особотделы подчиняются также фронтовым особым отделам... 3) Реввоенсоветам армий армособотделы подчиняются в оперативной работе своей в том же порядке, как и фронтособотделы”⁹⁵.

В ходе кампании по восстановлению юрисдикции ВЧК над Особыми отделами весьма ярко проявилась роль человека, впоследствии оказавшегося одной из самых примечательных фигур в руководстве советских органов госбезопасности. Бывший управляющий делами Высшей военной инспекции Г. Г. Ягода занял пост начальника Управления делами УОО и своей энергичностью и организованностью в кратчайший срок сделал буквально невозможное. Он сумел привить в центральном аппарате, а затем и в местных органах военной контрразведки новый стиль работы, а к декабрю 1919 года совместно с заместителем председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновским разработал его новую организационную структуру, имевшую более характерный для ВЧК вид:

- Организационное отделение;
- Административное отделение;
- Информационное отделение;
- Секретный отдел;
- Информационное отделение;
- Оперативная часть;
- Агентурное отделение;
- Следственное отделение;
- Регистрационное отделение.

Позднее эта структура была несколько скорректирована: Информационное отделение получило статус самостоятельного отдела, а оперативных особоуполномоченных организовали в отдельную группу. Административное отделение становилось то Административно-инспекторским, то Административно-организационным отделом, во главе которого бессменно стоял Ягода, одновременно являвшийся управляющим делами. Для учета накопленного на

местах опыта и облегчения централизации руководства он выработал идею проведения все-российских съездов Особых отделов фронтов и армий, первый из которых прошел в Москве с 22 по 26 декабря 1919 года. Его делегаты буквально в один голос декларировали необходимость ослабления зависимости от военного ведомства и укрепления связей с ВЧК, что и было с удовлетворением воспринято Павлуновским и Ягодой. Итоги съезда оказались достаточно существенными и в организационной области фактически возвратили систему ОО к более раннему периоду ее существования, когда она, без сомнения, являлась полностью чекистской. Была зафиксирована вертикаль подчиненности местных Особых отделов, отделений и пунктов Особому отделу ВЧК. Ему же подчинялись ОО губернских ЧК. Военные практически лишались с трудом завоеванного ими права принимать кадровые решения по руководителям фронтовых и армейских ЧК и могли теперь в крайнем случае отказывать ВЧК в согласовании их кандидатур, но не назначали и не увольняли их. Однако решения съезда не могли иметь юридической силы, и вышестоящие органы имели право отменить их в любой момент. Как ни странно, ни наркомвоен, ни РВСР не совершили даже малейшей попытки оспорить принятые документы, и Павлуновский 5 января 1920 года смог убедить Оргбюро ЦК РКП(б) легализовать их соответствующим постановлением. Начался новый период истории советской военной контрразведки. Усиление позиций Особого отдела неодобрительно встретили некоторые сотрудники Президиума ВЧК, в особенности заместитель председателя ВЧК Ксенофонтов и Лацис. Им противостояли особисты во главе с назначенным заместителем председателя ОО ВЧК Менжинским и Ягодой. В процесс вмешался находившийся в данный период на Украине Дзержинский, вынужденный принять ряд энергичных мер для предотвращения назревавшего раскола спецслужбы и выхода из нее всей системы Особых отделов. Он ликвидировал Президиум ВЧК, ввел Менжинского в Коллегию ВЧК и поставил его во главе ОО, переименовав при этом из председателя в начальника. Однако эта внешняя сторона дела не полностью объясняет произошедшие изменения. Судя по всему, у Дзержинского не было иного пути, как только несколько умиротворить сепаратистов из Особых отделов, почувствовавших свою силу и значимость. Председателю ВЧК пришлось решать дилемму: либо уступать, либо идти на конфронтацию путем волевого решения полностью ликвидировать систему ОО. Он предпочел первый путь, но тут же принял ряд мер для уменьшения самодостаточности особистов. Для начала из ведения ОО изъяли всю закордонную разведывательную работу с одновременным упразднением 20 декабря 1920 года Иностранного отделения Особого отдела ВЧК. В октябре 1921 года ОО утратил право осуществлять военную цензуру. Были существенно урезаны и полномочия Особого отдела в борьбе с политическим бандитизмом. Взамен этого на него еще ранее были возложены задачи по охране государственной границы и усилены его военные контрразведывательные функции, а также образованы специальные отделения по ведению контрразведывательной работы по направлениям. Окончание Гражданской войны и исчезновение внешних фронтов привело к принципиальному изменению структуры РККА. Армии расформировывались, дивизии сворачивались в бригады, а руководство войсками перешло к окружным управлениям. Новая ситуация внесла существенные изменения в оперативную обстановку и потребовала уточнения целей и методов работы системы Особых отделов. В этот период возникла идея подчинить губернские ОО окружным аппаратам, однако она была отвергнута как неконструктивная. В результате перечисленных административно-организационных мероприятий система Особых отделов окончательно заняла свое место внутри ВЧК.

С этого же времени начался процесс разграничения функций центрального аппарата контрразведки и ее местных органов, а также размежевания по экономической, транспортной и иным линиям. С узкой точки зрения интересов секретной службы такой подход являлся разумным и целесообразным, но в конечном итоге он привел к проникновению ЧК и ее преемников во все мыслимые сферы жизни общества. Нечасто встречаются государства, где к компетенции контрразведки относится, например, надзор за выполнением предприятиями производственных планов, однако в СССР в течение долгих десятилетий это было печальной реальностью. ВЧК пришлось заниматься, к примеру, борьбой с хищениями угля и противопожарными мероприятиями на производстве и в быту, а 23 апреля 1921 года Совнарком УССР принял постановление «О создании при ВУЧК чрезвычайной всеукраинской тройки по борьбе с незаконным использованием транспорта и нарушениями правил проезда». Чекисты занимались вопросами задержек выплаты заработной платы на отдельных предприятиях, обвешивания крестьян при сдаче сахарной свеклы, санитарного состояния

столовых и пунктов питания и подобными проблемами, постоянно увязывая их с возможными контрреволюционными проявлениями. Еще 21 октября 1919 года постановлением Совнаркома при ВЧК была создана Особая межведомственная комиссия (ОМК) для изучения и выработки мер борьбы с источниками спекуляции и связанными с ней должностными преступлениями, а 21 января 1921 года ей был придан Экономический отдел (ЭКО) ВЧК, затем ставший управлением (ЭКУ). Позднее его статус был понижен до Экономической части (ЭКЧ), но потом ввиду крайней важности выполняемых подразделением задач вновь повышен до управления. Уже в первые годы существования ЭКУ оно контролировало до 75% объектов народного хозяйства СССР. Помимо задач борьбы с экономической преступностью, в апреле 1921 года руководство ВЧК попыталось использовать ЭКО для целей оперативного обеспечения возобновлявшихся внешнеторговых операций РСФСР и для этой цели образовало в его составе коммерческо-промышленную разведку, позднее переданную в Иностранный отдел. Бесспорен существенный вклад экономической контрразведки в такие важные сферы, как борьба с фальшивомонетничеством и контрабандой, незаконным оборотом валютных ценностей и защита экономических интересов страны во взаимоотношениях с иностранными партнерами, в том числе при сдаче объектов в концессию.

Развивались и другие подразделения Чрезвычайной комиссии. В феврале 1919 года в ее составе появился Секретный отдел (СО), к функциям которого была отнесена борьба с антисоветскими партиями, политическими группами и организациями. Производство обысков, арестов и ведение наружного наблюдения входило в компетенцию созданного в декабре 1918 года Оперативного отдела (Оперода). Контрразведка как таковая отчасти растворилась в тайной полиции. Постепенно начала обособляться служба наружной разведки. До революции внутренняя агентура и наружное наблюдение являлись двумя наиболее презируемыми большевиками элементами секретной службы, но вскоре после прихода к власти они убедились, что без них никакая оперативная работа невозможна в принципе. Первоначально любые вербовки секретных сотрудников должны были утверждаться Коллегией ВЧК и проводились лично председателем или членами Президиума ВЧК. Уже 17 февраля 1918 года было принято решение о переходе на агентурные методы борьбы со спекуляцией, а 25 (по другим данным, 28) апреля последовало указание об использовании агентурного аппарата по всем линиям работы. Это именовалось внутренней разведкой, то есть приобретением секретных сотрудников из среды участников контрреволюционных организаций или из числа арестованных. Как видим, речь пока шла только о вербовке источников в негативной среде, но не об активном внедрении в нее негласной агентуры.

Аналогичная ситуация сложилась и с наружным наблюдением, именовавшимся также наружной разведкой. Первоначально его вели не специально обученные профессионалы, а оперативные сотрудники, которые в зависимости от необходимости также проводили оперативные установки, обыски, аресты, следствие. Зачастую они даже приводили в исполнение смертные приговоры, хотя обычно эта функция возлагалась на комендантскую службу ЧК. В 1918 году 1-я Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий рекомендовала создать так называемые “Бюро разведки”, предназначенные для агентурной разработки главным образом политических противников и “внешней разведки, занимающейся наружным наблюдением за объектами разработки”⁹⁶. На той же конференции были приняты рекомендации о внутрикамерной разработке арестованных силами посаженных к ним секретных сотрудников. Общее руководство этими формами оперативной работы возлагалось на Отделы по борьбе с контрреволюцией, разведкой в них ведала Секретная часть. В этот же период большое развитие получила система негласной перлюстрации корреспонденции (Политконтроль, ПК), на деятельность которой накладывалось лишь одно ограничение: она не должна была дезорганизовывать работу почтово-телеграфного аппарата. В дальнейшем контролю стали подвергаться также зрелища и печатная продукция.

Так то, что раньше революционеры презрительно именовали провокаторством и филерством, стало опорой их системы государственной безопасности. Вскоре сложился и со временем чудовищно разросся аппарат негласных помощников, пронизавший практически все слои общества. Понятие контрразведки значительно расширилось и обозначало теперь не столько собственно контрразведку, как специальный орган по обнаружению и пресечению разведывательной деятельности иностранных спецслужб, сколько всю совокупность органов, обеспечивающих безопасность государства. Для закрепления такого статуса и коор-

динации деятельности всех оперативных подразделений, а также для уменьшения излишней самостоятельности Особого отдела, 14 января 1921 года все они были сведены в Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК во главе с бывшим начальником Особого отдела Менжинским. Функции отделов распределялись в нем следующим образом:

- Особый отдел — борьба со шпионажем и контрреволюцией в армии и на флоте, а также с политическим бандитизмом;
- Секретный отдел — оперативная работа по антисоветским и монархическим партиям и организациям и в среде реакционного духовенства;
- Оперативный отдел — наружная разведка и оперативная установка;
- Информационный отдел — организация информационной работы по освещению политического и экономического положения республики;
- Иностраный отдел — операции за рубежом.

На этом завершился период окончательного становления структуры и функций оперативных подразделений органов госбезопасности СССР. На протяжении многих лет в дальнейшем все их реорганизации базировались на достигнутом в 1921 году рубеже.

Приведенный список задач СОУ наглядно показывает, что сущность основной работы ВЧК и ее местных органов составляла отнюдь не контрразведка. Страну охватили восстания, и войска металась по ней, едва успевая гасить один мятеж за другим, железной рукой приводя к повиновению Кубань, Западную Сибирь, Туркестан, Северный Кавказ, Семиречье, Калмыцкую степь. Естественно, что главным направлением работы секретной службы стала борьба с классовыми врагами, контрреволюционными заговорщиками и саботажниками, помогавшая госбезопасности постепенно распространять свое влияние на смежные сферы деятельности. Регулярных войск не хватало, и с 1919 года при заводских партийных ячейках, укомах, горкомах и губкомах для борьбы с контрреволюцией и взаимодействия с ВЧК стали формироваться иррегулярные отряды особого назначения, первоначально находившиеся в распоряжении губернских и городских комитетов РКП(б). 22 марта 1921 года по предложению Дзержинского для руководства военно-партийными отрядами было образовано Управление особого назначения республики. Достигшие численности в 40 тысяч человек отряды включили в милиционные формирования РККА, а с 12 августа 1921 года они стали именоваться Частями Особого назначения (ЧОН). ВЧК и ее местные органы активно использовали их возможности не только для проведения боевых операций, но и в целях расширения своей секретно-осведомительной работы. Как правило, чоновцы не поднимались до уровня агентов и лишь наблюдали за своим окружением, зато проблем с подбором негласного аппарата в этом случае не существовало. Поскольку в эти отряды зачислялись лишь проверенные коммунисты, комсомольцы и сочувствующие, в изданном в 1922 году Положении об организации секретно-осведомительной сети частей Особого назначения предусматривалась весьма редкая в данной сфере мера: принудительное назначение лиц из состава коммунистов ЧОН в осведомители в порядке партийной дисциплины. Вольности в данном вопросе не допускались: “Никто из состава ЧОН не вправе отказываться от исполнения возложенных на него распоряжением надлежащего командира ЧОН осведомительных обязанностей и от аккуратного представления срочных письменных или личных докладов о результатах своей работы”⁹⁷. Это оказалось довольно эффективной мерой, хотя ее результативность несколько снижалась из-за настороженного отношения рядовых граждан к чоновцам, которых они часто обоснованно подозревали в слежке за собой. Но проблемы с качеством отчасти компенсировались количеством. Упомянутое Положение предусматривало, что “деятельность осведсети должна распространяться:

- а) на каждый даже незначительный пункт: местечко, село, деревню или волость;
- б) на все без исключения военные учреждения, заведения и отдельные части <...>;
- в) на важнейшие государственные и советские учреждения и предприятия, а также по возможности на все дипломатические, торговые и по оказанию помощи голодающим организации иностранных государств и групп их подданных;
- г) на фабрики и заводы, работающие на военное ведомство, а также имеющие вообще крупное промышленное значение или объединяющие значительное количество рабочих”⁹⁸.

Естественно, иррегулярные формирования не были в состоянии решить все проблемы обеспечения внутренней безопасности страны, и с 1 июня 1919 года вспомогательные войска особого назначения, состоявшие в распоряжении Наркомпрода, Главвода, Главнефти,

Центротекстиля и других ведомств, за исключением войск железнодорожной и пограничной охраны, перешли в подчинение Наркомата внутренних дел через штаб войск ВЧК, одновременно переименованный в штаб войск внутренней охраны (ВОХР). Начальник войск внутренней охраны назначался по соглашению РВСР и ВЧК и утверждался Совнаркомом, а двух его помощников делегировали наркоматы продовольствия и путей сообщения. Положение о войсках ВОХР от 21 апреля 1920 года гласило:

“Ст. 1. Войска внутренней охраны предназначаются для охраны существующего революционного строя РСФСР и для всемерного соучастия совершающемуся процессу социалистического строительства хозяйственной жизни страны.

Ст. 2. Основными задачами войск внутренней охраны являются: а) вооруженная борьба с контрреволюцией во всех ее видах внутри страны; б) охрана транспорта и транспортирования; в) охрана производства страны; г) охрана таможенных границ”⁹⁹.

Новая организация внутренних войск просуществовала недолго. Уже 1 сентября Совет Труда и Оборона РСФСР принял постановление о слиянии с войсками ВОХР на фронтах и в тыловых округах всех остальных войск, предназначенных для охраны, поддержания порядка и обеспечения выполнения распоряжений правительства, то есть караульных, железнодорожной обороны, железнодорожной милиции, милиции и прочих аналогичных формирований. На их базе образовывались войска внутренней службы (ВНУС) с дивизионной, бригадной и полковой структурой. При этом войска внутренней службы, обслуживающие ВЧК и местные ЧК, существовали по особым штатам и строили свою деятельность на принципах, вырабатываемых коллегией ВЧК. Особый статус последних проявился уже 19 января следующего года, когда все войска ВНУС, за исключением железнодорожной и водной милиции, были переданы в военное ведомство. Части и отряды бывших войск внутренней службы, действовавшие по заданию ЧК, а также отряды Особых отделов ВЧК и войска по охране границ вместе с их штабами передавались в ведение ВЧК с исключением из списков РККА. В результате проведенной реорганизации вновь появились войска ВЧК с подчиненной им железнодорожной и водной милицией, сохранившие бригадную и дивизионную форму организации. Командующим войсками ВЧК РСФСР был назначен бывший командующий войсками ВНУС В. С. Корнев.

Органы госбезопасности РСФСР постоянно расширяли свою экспансию. С лета 1919 года Особый отдел ВЧК отвечал за оперативно-чекистскую охрану границы, для чего в его состав были переданы пограничные ЧК, названные после этого пунктами Особого отдела. Принятое 24 ноября 1920 года постановление Совета труда и обороны возложило на него ответственность за охрану государственной границы войсковыми методами и передало в его оперативное подчинение все войска, занятые несением пограничной службы. Менее чем через два месяца после этого охрана границы полностью перешла в ведение войск ВЧК. Далее будет описана неудавшаяся попытка Дзержинского отторгнуть от армии агентурную военную разведку. Но и без этого чрезвычайные комиссии уже к началу 1920-х годов захватили множество ключевых позиций и не собирались останавливаться на достигнутом.

Развитие органов безопасности других вошедших в состав СССР республик, за исключением Украины, происходило аналогичным образом. На территории будущей Белоруссии вначале действовала Минская губернская ЧК, вскоре преобразованная в Белорусскую ЧК, а после образования Литовско-Белорусской республики ставшая Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности Литвы и Белоруссии. В ее обязанности входило ведение как гражданской, так и военной контрразведки. Последней первоначально ведало особое отделение секретно-оперативной части (СОЧ) ЧК под руководством В. О. Банга. В дальнейшем военная контрразведка стала Военным отделением Особого отдела Минского района Государственного политического управления (ГПУ) Белоруссии.

В азиатской части бывшей Российской империи оперативная обстановка несколько отличалась от европейской. В Туркестане первоначально существовали две следственные комиссии: по борьбе с контрреволюцией и по борьбе с мародерством и спекуляцией. Однако такой дуализм продлился недолго, и 5 сентября 1918 года они были слиты в единую Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством. 6 июня следующего года произошла очередная реорганизация, следствием которой стало создание Туркестанской чрезвычайной комиссии (ТурЧК). В ее составе уже через три дня появились Иногородний, Юридический и Хозяйственный отделы. Однако

Москва не могла допустить, чтобы органы государственной безопасности Туркменской республики оставались вне ее контроля, и 19 апреля 1920 года ВЧК учредила пост своего полномочного представителя в Туркестане. Формально в его обязанности входила координация деятельности ЧК Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской областей. Контрразведка ТурЧК активно проводила внутреннюю разведку басмаческих формирований и боролась с их агентурой, в основном представленной торговцами и священнослужителями. Иностранное влияние в регионе ощущалось преимущественно в финансировании англичанами повстанческих формирований и не поддавалось эффективному пресечению. На Дальнем Востоке основная оперативная работа велась против агентов японской разведки, чаще всего вербовавшихся из числа бывшего персонала Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и эмигрировавших с атаманом Семеновым военнослужащих.

Структура и этапы развития органов безопасности Украины были кардинально иными, в первую очередь по причине своеобразного государственного устройства и принципиально иной политической ситуации в стране. Их история началась сразу после Февральской революции, когда 17 марта 1917 года представители нескольких влиятельных в Украине партий, в том числе и эсеры, образовали Центральную Раду. Опубликованный 23 июня ее Первый универсал (основной закон) гласил: “Да будет Украина свободной. Не отдаваясь окончательно от России и не разрывая связи с Российским государством, пусть украинский народ получит право самостоятельно распоряжаться своей жизнью в своем крае”¹⁰⁰. В следующем месяце по инициативе члена Центральной Рады Симона Петлюры был создан Краевой комитет по охране революции, имевший в своем составе информационную, военную и следственную комиссии. Одновременно Украина проводила политику плавного отхода от России, оставаясь пока в рамках единой федерации, которую в современных терминах было бы правильнее именовать конфедерацией. Этот процесс невозможно было обеспечить без собственных вооруженных сил, однако таковые отсутствовали. Летом 1917 года номинальная численность украинской армии была весьма значительной, но она не обладала реальной боевой силой из-за полной дезорганизованности ее частей. Предложение генерала П. П. Скоропадского передать в распоряжение Центральной Рады возглавляемый им 40-тысячный корпус отклонили. Новое правительство не принимало концепцию регулярной армии и, соответственно, профессиональных органов безопасности. В августе 1917 года Краевой комитет по охране революции был распущен до ноября, а его новый состав не смог предпринять абсолютно никаких действий по защите украинской государственности. Между тем они насущно требовались. Осенью в Киеве противостояли друг другу три силы: ориентирующийся на Временное правительство штаб армии с 10-тысячной группировкой войск, большевики с 6 тысячами красногвардейцев и примкнувших к ним солдат и Центральная Рада, предоставившая в распоряжение коммунистов 8 тысяч своих бойцов. Две последние силы объединились и совместно изгнали из города российские правительственные войска, после чего руководители Рады наивно заключили, что отныне смогут полностью контролировать обстановку в стране. Они ошиблись. Большевики никогда всерьез не допускали даже саму мысль о возможности отхода Украины от России, а все их временные союзы и лояльные заявления оказались лишь тактическими уловками. Однако в ноябре 1917 года часть населения поддержала Центральную Раду, после чего большевики объявили ее “врагом народа”, перебравшись в Харьков, провозгласили там Украинскую Советскую Социалистическую Республику (УССР) во главе с Всеукраинским исполнительным комитетом (ВУЦИК), и начали, в частности, формировать первые альтернативные органы безопасности. 22 февраля 1918 года была образована Чрезвычайная комиссия (иногда именовавшаяся Чрезвычайным штабом) для защиты страны и революции Народного Секретариата Украины под председательством Ю. М. Коцюбинского в составе Н. А. Скрышника, В. М. Примакова и С. С. Бачинского. На местах образовывались иные, зачастую не подчиненные ей органы, например, одесская Высшая автономная коллегия по борьбе с румынской и украинской националистической контрреволюцией, киевский Военно-революционный комитет или Главный штаб Донецкой республики по борьбе с контрреволюцией. Существовал и параллельный с ЧК центральный орган — Особый контроль при наркоме по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонове-Овсеенко. Формально он ведал исключительно контролем за финансовой дисциплиной в учреждениях “внутреннего революционного фронта”, однако на практике права этого ведомства на производство обысков, выемок, арестов и задержания использовались в целях борьбы с контрреволюцией.

Издание Центральной Радой III Универсала от 7 ноября 1917 года с провозглашением Украинской народной республики (УНР) практически немедленно вызвало организованные коммунистами многочисленные восстания заводских рабочих и вторжение в Украину 2-тысячной группировки войск РСФСР, чему Киев мог противопоставить лишь боеспособных сечевых стрельцов. Остальные 300 тысяч украинизированных войск оказались совершенно разложившимися и воевать не желали ни под какими лозунгами и ни под каким флагом. Для организации эффективного сопротивления на нескольких направлениях этого было явно недостаточно, и тогда Центральная Рада попыталась найти поддержку у немцев и австрийцев. Она направила делегацию на проходившие в Брест-Литовске мирные переговоры и в обмен на обязательство массовых поставок продовольствия заручилась военным содействием Германии и Австро-Венгрии. 27 января 1918 года Рада, к этому времени контролировавшая существенно урезанную территорию Украины и утратившая Киев, заключила сепаратный мир с бывшими противниками Российской империи. В результате этого крайне непопулярного в народе шага они немедленно ввели на территорию страны 450-тысячную войсковую группировку и действительно вынудили вторгшиеся российские войска немедленно отступить в свои пределы. Однако такая защита ударила по украинцам подобно бумерангу и оказалась фактической оккупацией, их свобода оказалась под новой угрозой. Немцев и австрийцев не устраивала Центральная Рада, не располагавшая эффективным механизмом государственного управления и не способная выполнить собственные обязательства по поставкам продовольствия. Отсутствие у украинского руководства действенной разведки и контрразведки не позволило ему получить информацию об активной подготовке государственного переворота разведывательными службами оккупационных войск. К этому времени оперативные органы Рады только начали формироваться, причем лишь в войсках, без права вторжения в гражданскую или политическую сферы. Ведение разведки возлагалось на следственный (разведывательный) отдел генштаба вооруженных сил во главе с полковником Колосовским, а вопросы военной дипломатии и разведки легальными методами относились к компетенции возглавляемого полковником Березовским подотдела закордонных связей. Оба эти органа должны были совместно проводить оперативное изучение деятельности прежде всего РСФСР, а также других соседних государств и их армий. Военная контрразведка входила в обязанности Политического бюро по делам контрразведки и Административно-политического отдела министерства внутренних дел. Совокупность всех этих органов оказалась абсолютно неспособной защитить свой государственный строй, и 29 апреля Центральная Рада внезапно для нее самой пала. На смену ей пришло прогерманское правительство во главе с гетманом Павлом Скоропадским.

Этот период истории Украины характерен профессиональным подходом к государственному и военному строительству. При гетманате были созданы все штабные и командные структуры вооруженных сил, хотя численность самих войск ввиду фактически запретительных действий германских и австро-венгерских властей была существенно ограничена. Работа спецслужб в описываемые семь месяцев отличалась крайней напряженностью по причине сложной внутренней и внешней обстановки. Подрывную и разведывательную деятельность против ориентированного на Средние державы гетманата проводили оперативные органы вооруженных сил стран Антанты, подпольные организации сторонников единой Российской империи и большевистское подполье, а также немногочисленные подпольные организации приверженцев УНР. На территории Украины оперативную работу вели и австро-германские штабы, но их деятельность не была направлена против существовавшего режима. Правда, в начале периода гетманата он был почти избавлен от агентурного проникновения профессиональных спецслужб двух своих самых опасных противников. Большевистская Чрезвычайная комиссия для защиты страны и революции прекратила свое существование, та же судьба постигла и спецслужбы Центральной Рады. Однако уже в мае 1918 года по указанию Москвы началась работа по формированию украинского аналога ВЧК. Первым шагом на этом пути стали переговоры в Брянске, а затем в Курске, куда в связи с оккупацией страны переехали некоторые украинские коммунистические части и учреждения, и где позднее, в ноябре того же 1918 года возникло и Временное Рабоче-Крестьянское правительство Украины.

Спецслужбы гетманского государства, официально именовавшегося Украинской державой, разделялись на военные и гражданские. Внешнюю разведку осуществляли два отдела генерального штаба вооруженных сил: разведывательный во главе с полковником Коло-

совским и иностранный (иностранных связей), отвечавший за работу военных атташе. Институт ВАТ развивался параллельно с развитием дипломатических отношений режима. На первом этапе они были направлены в Германию, Австрию, Турцию, Румынию и Болгарию, планировалась посылка атташе в Швейцарию. Работали и военно-морские атташе. В частности, ВМАТ в Берлине по совместительству выполнял те же задачи в Дании, Голландии и Швеции. ВАТ в Берлине и Вене не получили официальной аккредитации со ссылкой на нецелесообразность ввиду наличия представителей вооруженных сил Украины при штабах в Ковно и Одессе. Однако позднее это препятствие было преодолено, и атташе отправились по назначению. Посольским резидентурам удалось собрать некоторое количество заслуживающей внимания информации, в первую очередь о составе сил и намерениях РККА.

Профессиональный военный, Скоропадский уделял разведке серьезное внимание, положительно сказывавшееся на ее эффективности. Не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени он заботился о контрразведке. Эта сфера деятельности относилась к компетенции сразу нескольких структур: контрразведывательного отделения генерального штаба, Осведомительного отдела (ОВ) и пограничных пунктов (ПП) Департамента государственной охраны (ДДВ), Отдельного корпуса пограничной охраны, районов железнодорожной охраны и Особого отдела (ОСБВ) личного штаба гетмана. Осведомительный отдел ДДВ являлся основным контрразведывательным органом государства и состоял из центрального аппарата и периферийных подразделений. Его центральный аппарат насчитывал 51 сотрудника и разделялся на ряд подразделений:

- общее делопроизводство;
- секретное делопроизводство;
- агентурное делопроизводство,
- железнодорожное делопроизводство;
- регистрационную часть;
- фотокриминалистическую лабораторию.

Первым начальником отдела являлся Л. Пономарев.

На губернском уровне ОВ насчитывали от 20 до 25 сотрудников и административно подчинялись губернским старостам, однако те не имели права вмешиваться в их оперативную деятельность. ОВ использовали различные методы, при этом предпочтение отдавалось агентурной работе.

Пограничные пункты ДДВ создавались на пограничных железнодорожных станциях Орша, Клинцы, Хутор Михайловский, Коренево, Гостищево и Валуйки¹⁰¹. Их задачей являлось предупреждение проникновения на украинскую территорию нежелательных элементов. На станциях Жлобин, Новобелица, Ворожба, Белгород и Купянск, расположенных в тылу пограничной полосы, располагались особые наблюдательные пункты Департамента государственной охраны. Они предназначались для решения более деликатных задач наблюдения за действиями пропущенных в Украину иностранцев в пределах погранполосы. Силовое обеспечение безопасности государства в пограничной зоне возлагалось на Отдельный корпус пограничной охраны, имевший в своем составе 9 бригад.

Районы железнодорожной охраны (Киевский, Левобережный, Екатеринославский, Харьковский, Одесский и Южный) обеспечивали борьбу с преступными и антигосударственными проявлениями на соответствующих участках путей сообщения.

Представляет интерес Особый отдел личного штаба гетмана П. Скоропадского, как полностью именовался этот оперативный орган. ОСБВ имел центральный аппарат, состоявший из юридического и информационного отделений и канцелярии, и 8 районных офицеров, прикомандированных к губернским управлениям. Официальными задачами отдела являлись: информирование гетмана о различных политических и национальных движениях и их отношении к личности гетмана; информирование о борьбе правоохранительных органов с антигосударственной деятельностью политических партий, организаций и отдельных лиц, стремящихся подорвать гетманскую власть; сбор сведений о деятельности за рубежом нелояльных к гетману политических партий и течений; выполнение особых поручений гетмана. ОСБВ был наделен весьма широкими правами ведения политической разведки и контрразведки, дознания и следствия по делам политического характера и осуществления цензуры. Имеются сведения о неофициальном возложении Скоропадским на отдел задач по координации всех специальных органов и подразделений государства, как военных, так и гражданских.

Как известно, все перечисленное разнообразие спецслужб не смогло уберечь гетманат от падения. Двумя основными врагами режима являлись УССР/РСФСР и УНР. Второй

враг был ближе, зато первый стремительно наращивал силы. Одним из первых шагов Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины стала организация системы органов государственной безопасности. На первом этапе они приняли форму отделов по борьбе с контрреволюцией местных Военно-революционных комитетов, которым подчинялись ЧК, ревтрибуналы и иные наполовину стихийно возникшие чрезвычайные институты. Однако такая система носила временный характер и уже через полторы недели подверглась первому изменению. Временное Рабоче-Крестьянское правительство Украины 3 декабря 1918 года приняло декрет “Об организации Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии”, постановивший: “Образовать при отделе внутренних дел Всеукраинскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности <...>. Подчинить эту комиссию непосредственно Временному Рабоче-Крестьянскому правительству Украины”¹⁰². Следует отметить активную помощь в данном процессе ВЧК РСФСР, президиум которой 12 декабря того же года на своем заседании заслушал вопрос о пограничных с Украиной чрезвычайных комиссиях. Принятое тогда же постановление предписало “передать Всеукраинской ЧК весь пограничный с Украиной аппарат Чрезвычайных комиссий с тем, чтобы окружной Курский отдел влился в Украинскую центральную ЧК и все 39 пограничных комиссий и пунктов подчинялись созданной таким образом центральной организации”¹⁰³. В результате недолгих переговоров и согласований 27 декабря 1918 года Временное Рабоче-Крестьянское правительство Украины на основании декрета от 3 декабря приняло постановление “О Всеукраинской, фронтовых и местных чрезвычайных комиссиях”, в соответствии с которым было проведено разграничение зон ответственности российских и украинских коммунистических органов безопасности. Председателем ВУЧК¹⁰⁴ стал И. И. Шварц.

Время образования Всеукраинской чрезвычайной комиссии было выбрано не случайно. Пока на территории Украины находились войска Германии и Австрии, проведение каких-либо оперативных мероприятий там было просто невозможно, но после их разгрома в ноябре 1918 года Берлин и Вена фактически прекратили поддержку режима Скоропадского. Созданное С. Петлюрой и В. Винниченко альтернативное правительство (Директория) организовало восстание против гетмана и сумело привлечь на свою сторону его лучшие войска: Серожупанную дивизию и сечевых стрельцов под командованием весьма известных в дальнейшем полковников Е. Коновальца и А. Мельника. 21 ноября 1918 года войска Директории изгнали из Киева немцев и сохранявшие верность Скоропадскому части, после чего вновь состоялось провозглашение Украинской народной республики (УНР). Этот противник оказался для большевиков не столь опасным, как предыдущие режимы, поскольку оккупационные войска его уже не поддерживали.

И. И. Шварц

Однако в оперативной области дела обстояли не так просто. Директория извлекла для себя серьезные уроки из переворота Скоропадского, в результате которого Центральная Рада совершенно неожиданно утратила власть. Теперь первоочередной задачей вновь созданных органов безопасности являлось ведение политического розыска на территории Украины и в тылу ее противников. Армейские спецслужбы обслуживали ее в рамках потребности главного командования Украинских республиканских войск, в гражданской же сфере действовал Политический департамент с губернскими и уездными политотделами. Вскоре он был переименован в Департамент политической информации (ДПИ) и последовательно возглавлялся Г. Кульчицким, С. Михайловым, Н. Чеботаревым и В. Шкляром. Структура ДПИ выглядела следующим образом:

- отдел внутренней информации (ВВИ) — контрразведка, оперативная работа по подавлению антигосударственных проявлений и координация с военными разведывательными органами;
- отдел зарубежной информации (ВЗИ) — внешняя разведка;
- отдел по борьбе со спекуляцией;
- следственный отдел;
- юрисконсультский отдел.

Внешняя разведка ВЗИ носила в основном оборонительный характер, то есть была направлена на выявление антигосударственных проявлений в политике соседних стран, прежде всего РСФСР и Румынии, а также отслеживание активности спецслужб, военных и политических структур УССР в Харькове. Кроме того, Петлюра часто лично ставил перед разведчиками задачи выяснения позиции того или иного иностранного государственного деятеля либо его предполагаемого поведения по отношению к Украине. Украинская народная республика постоянно вела боевые действия, и поэтому остро нуждалась не только в политической, но и в военной разведывательной информации. Этим направлением занималось Разведывательное управление генерального штаба вооруженных сил УНР, возглавлявшееся полковником П. Липко, а позднее подполковником А. Кузьминским.

В рассматриваемый период на населенных украинцами бывших территориях Австро-Венгрии существовало еще одно украинское государство. Территории Восточной Галиции и Буковины стали предметом разногласий между различными претендентами на это “австрийское наследство”, главными из которых были украинцы и поляки. Образованная 18 октября 1918 года Украинская Народная Рада сумела опередить соперников. 31 октября она внезапно взяла в свои руки Львов, вызвав ожесточенную реакцию как в Варшаве, так и среди местных поляков, развернувших бои за города Восточной Галиции. Польские части взяли Перемышль, одновременно не бездействовали и другие государства этого региона. Румынские войска оккупировали большую часть Буковины, венгры установили свой контроль над Закарпатьем, но 13 ноября на оставшихся территориях все же удалось провозгласить Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). Подчинявшийся ей малочисленный гарнизон Львова не сумел удержать город, захваченный местными поляками в восстании 22 ноября 1918 года, и правительство переехало в Станислав (Ивано-Франковск). Западное украинское государство было небольшим, хорошо управлявшимся и достаточно демократичным. Оно стремилось учитывать интересы большинства социальных и этнических групп населения, за исключением, естественно, поляков, и поэтому лишь в незначительной степени подвергалось опасностям внутреннего политического раскола, столь характерного для восточно-украинского государства. ЗУНР сумела создать на удивление эффективную Галицийскую армию (УГА) численностью до 100 тысяч человек, из которых боеготовыми были не менее 40 тысяч, и результативные спецслужбы. Разведывательный отдел штаба УГА имел в своем составе контрразведывательное отделение, а гражданские органы безопасности включали Украинскую государственную жандармерию и Железнодорожную жандармерию. На протяжении практически всего 8-месячного периода своего существования ЗУНР вела войну с Польшей и вначале одержала ряд побед, но после прибытия сформированного и оснащенного во Франции 60-тысячного корпуса генерала Галлера ее войска были окончательно разбиты. 16 июля 1919 года части УГА перешли Збруч и влились в состав вооруженных сил Директории. Западно-Украинская Народная Республика перестала существовать.

Войска УГА оказались в УНР как нельзя более кстати, поскольку Директория в это время вела ожесточенные бои с сильным и опасным противником — большевиками. Вооруженный конфликт с Россией возник неожиданно для Киева. До этого в течение некоторого времени правительство УНР рассматривало возможность заключения союза против белых с РСФСР либо с Антантой, но внезапное нападение коммунистических войск на Харьков 3 января 1919 года, подготовку к которому разведка Директории не заметила, опрокинуло эти расчеты. Антанта не захотела и не смогла помочь Петлюре, и 5 февраля Киев пал. Казалось, на территории Украины постепенно устанавливается советская власть. “Крестовый поход за хлебом”, как определил Ленин второе наступление большевиков на Украину, развивался успешно. Коммунистические войска захватывали один уезд за другим и постепенно организовывали в них чрезвычайные комиссии. Украинские чекисты не имели соответствующего опыта, работать им было весьма непросто, и они с самого начала допустили множество ошибок, в частности, совершенно игнорировали вопросы контрразведки. Для оказания помощи ВУЧК правительство УССР попросило Москву направить в Украину члена коллегии ВЧК и начальника ее отдела по борьбе с контрреволюцией Лациса. Он возглавлял украинские коммунистические органы безопасности до августа 1919 года.

Летом 1919 года обстановка на фронте в очередной раз непредсказуемо изменилась. Войскам Директории противостояли два заметно превосходящих их по силе противника — Красная и Добровольческая армии, о которых руководство УНР было достаточно хорошо осведомлено. Исследователи отмечают, что “украинская разведка иногда имела данные о

красных и белых войсках более точные, чем даже их командования”¹⁰⁵. Но одновременно возрождались и противостоявшие ей спецслужбы вернувшихся на территории Украины большевиков. Возобновилась деятельность фронтовых чрезвычайных комиссий и некоторых других органов безопасности, прежде всего политических следственных отделов при ревкомах. Одновременно развивалась и Всеукраинская чрезвычайная комиссия, центральный аппарат которой в начале 1919 года приобрел следующую структуру:

- Коллегия с Президиумом;
- Секретный отдел;
- Юридический отдел;
- Оперативный отдел;
- Иногородный отдел;
- Инструкторский отдел;
- Отдел иностранного контроля;
- подотдел информации и связи;
- транспортный подотдел;
- комендантский подотдел;
- контрольно-ревизионная коллегия.

По договоренности с правительством РСФСР до февраля 1919 года задачи военной контрразведки в коммунистических войсках на территории Украины решали Особые отделы ВЧК. Примечательно, что вопрос об организации Особого отдела ВУЧК, как и все принципиальные вопросы создания и деятельности коммунистических органов безопасности на территории Украины, решался в Москве. 9 марта 1919 года он являлся предметом обсуждения на заседании Президиума ВЧК, поручившего председателю ВУЧК (то есть формально совершенно не подчиненному ВЧК руководителю спецслужбы другого государства) организовать Особые отделы “по типу существующих в пределах Советской России”¹⁰⁶. Безусловно, в постановлении присутствовала политически корректная фраза о необходимости согласовать это решение с правительством УССР. Положение об Особых отделах Всеукраинской чрезвычайной комиссии санкционировали РВС РСФСР и ВЧК, что само по себе являлось совершенно беспрецедентным и наглядно доказывало, кто в действительности контролировал органы государственной безопасности УССР. Впрочем, в тексте Положения абсолютно не затушевывался факт общего руководства ВЧК деятельностью Особого отдела на Украине через свой Особый отдел. Вообще же ВУЧК и организованное впоследствии Центральное управление чрезвычайными комиссиями по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (Цупчрезком) фактически являлись единой с ВЧК организацией: в них действовали изданные в Москве приказы, украинские чекисты производили аресты по указаниям российских коллег и периодически передавали им арестованных для производства следствия в ВЧК, происходила постоянная ротация руководящих и оперативных кадров. При этом ВЧК оказывала украинским коллегам всемерную помощь, без которой те не смогли бы обеспечивать приемлемый уровень своей работы. Все это происходило в рамках достигнутой договоренности о военно-политическом союзе советских республик и создании так называемой единой Красной Армии Страны Советов, то есть государственность УССР изначально рассматривалась исключительно как временное явление. Лишь 6 мая украинское правительство утвердило новый текст положения, формально исключивший эти щекотливые детали. К компетенции Особого отдела при ВУЧК относились контрразведка, борьба со шпионажем и бандитизмом и охрана границ (с ноября 1920 года). Его периферийные органы были построены по российскому образцу. Во фронтовых и прифронтовых районах действовали Особые отделы при армиях, на более низком уровне — подчиненные им военно-контрольные пункты, а в тылу — губернские Особые отделы. Территориальными органами общей системы государственной безопасности являлись губернские (губчека) и уездные ЧК, однако из-за катастрофического положения с кадрами последние вскоре были ликвидированы повсеместно, за исключением Бердичева, Черкасс, Конотопа, Корюкова, Пирятина, Кременчуга, Ромен, Александровки, Павлограда, Проскурова, Каменец-Подольского, Одессы, Николаева, Елисаветграда и Херсона. Их место заняли секретные подотделы при отделах управлений уездных исполкомов. Такое изменение было не декоративным: новые структуры не обладали исполнительной властью и правом вынесения приговоров. С весны 1920 года секретные подотделы были преобразованы в уездные политические бюро в составе местной милиции. Несколько позднее, в июле 1921 года, политбюро появились и в РСФСР, но там

они однозначно являлись чекистскими органами и руководили агентурой, осведомительной сетью и дислоцированными в зоне их ответственности войсками ВЧК.

Впрочем, на Украине, как и в других республиках, указания местного руководства и Москвы действовали параллельно. В частности, это сказывалось и на организационных формах территориальных органов ЧК. Приказ ВЧК № 194/с от 6 июля 1921 года “О реорганизации ЧК” разделял их на категории, вне зависимости от государственной принадлежности. Губернские чрезвычайные комиссии 1-й категории отныне должны были действовать в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Тифлисе и Одессе. Как видим, из шести перечисленных городов в составе РСФСР пребывали только два. 63 других губернских и областных ЧК получали II категорию, еще 21 — ту же категорию, но с сокращенным на 40% штатом. С этого времени список уездных ЧК на территориях различных республик сократился до 12 органов, зато все уездные политбюро реорганизовывались по I и II категориям.

Органы государственной безопасности Украины располагали собственными вооруженными формированиями, созданными еще в январе 1919 года в виде Особого корпуса войск ВУЧК. В мае того же года их слили с войсками внутренней охраны (ВОХР), а 1 сентября 1920 года объединили с войсками железнодорожной охраны, караульными войсками и транспортной милицией в войска внутренней службы (ВНУС). Кроме войск ВУЧК, в УССР имелись подчинявшиеся местным партийным комитетам части Особого назначения (ЧОН), особая пластунская бригада и “Группа коммунистов особого назначения” (ГКОН). Это подразделение подчинялось Зафронтовому бюро ЦК КП(б) Украины и использовалось для выполнения специальных операций в тылу противника. Следует отметить, что оно значительно опередило свое время и послужило своего рода предтечей будущих частей специального назначения. К тому времени подверглась изменениям и структура центрального аппарата ВУЧК, в которой теперь имелись следующие основные подразделения:

- Коллегия с Президиумом и общей канцелярией;
- Секретный отдел;
- Инструкторский отдел;
- Транспортный отдел;
- Особый отдел (теперь уже не при ВУЧК, а в ее составе);
- Местный отдел.

К лету 1919 года система органов государственной безопасности УССР достигла заметного развития, но ее относительно спокойная эволюция внезапно прервалась по причине крайне неблагоприятного для большевиков развития военно-политической обстановки. В июне Добровольческая армия под командованием генерал-лейтенанта Деникина нанесла мощный удар с Дона и выбила основную массу коммунистических войск с Украины на территорию РСФСР. Наступление белых сопровождалось сотнями вспыхнувших еще весной мятежей в тылу Красной Армии. Советская власть на всей территории потерпела крушение, в связи с чем ВУЧК практически утратила основные объекты своей работы. В течение одного 1919 года Киев переходил из рук в руки пять раз, в остальных районах Украины обстановка была не лучше. Все это сопровождалось действиями бесчисленных уголовных банд и погромами еврейского населения, общее число жертв которого, по различным оценкам, достигло от 35 до 50 тысяч человек. Наряду с бандами, этими акциями в равной степени запятнали себя и войска Директории, и советская 1-я Конная армия, и мятежные части атамана Григорьева. На территории страны продолжались боевые действия против войск УССР, оттесненных в конечном итоге на север. После ухода красных войск из Киева 30 августа 1919 года большевистские органы безопасности Украины временно прекратили свое существование. Оперативную работу в тылу противника вели подпольные организации Зафронтового бюро ЦК КП(б) Украины во главе с С. В. Косиором. Территория республики оказалась поделенной между враждовавшими друг с другом белыми и Директорией, при этом войска Деникина контролировали большую часть ее территории, включая Киев.

Армии УНР отходить было некуда. Разведывательные службы Директории действовали в весьма сложной обстановке вооруженной борьбы пяти различных группировок войск: украинских, белых, коммунистических, польских и анархистских, а также спецслужб стран Антанты. Надежды Петлюры на достижение взаимопонимания с Деникиным не сбылись, поскольку командующий Добровольческой армией являлся последовательным сторонником единой и неделимой России и видел в украинских националистах врагов не меньших, чем большевики. В дальнейшем это привело к прямым боевым столкновениям, в которых вой-

ска УНР, как правило, проигрывали, поскольку уступали белым как в численности, так и в оснащенности и боевой выучке.

Вскоре ситуация принципиально изменилась в очередной раз. К концу 1919 года Красная Армия нанесла решающее поражение войскам Деникина и заняла значительную часть Украины, после чего УНР оказалась один на один лицом к лицу с грозным противником. Весной 1920 года успехи войск УССР толкнули Петлюру на отчаянный шаг. Было совершенно очевидно, что в одиночку удержать Украину Директории не удастся, и ее глава заключил соглашение с поляками о совместном наступлении против Красной Армии. Оно было достигнуто ценой отказа от претензий на западные украинские земли и встретило почти всеобщее осуждение по обе стороны фронта. Более того, приход польских частей в Украину был встречен населением просто враждебно, поскольку “польские пань” были ненавистны среднему украинскому крестьянину более чем кто-либо другой.

Наступление поляков развивалось стремительно, и в мае 1920 года их войска захватили Киев. Войска УНР выполняли, в лучшем случае, вспомогательные задачи, но считали это и своей победой. Для лучшего оперативного обеспечения боевых действий Разведывательное управление генерального штаба украинских войск получило в подчинение Информационное бюро при Корпусе военной жандармерии (ИНФИБРО, или Информбюро) во главе с полковником М. Красовским. Его центральный аппарат состоял из отделов:

- 1-го — внутреннего надзора с функциями контрразведки;
- 2-го — наружного наблюдения;
- 3-го — разведывательного;
- 4-го — регистрационного (криминалистического).

Результативность работы данной структуры была достаточно высока, и за голову каждого сотрудника “петлюровской ЧК”, как часто именовали Информбюро в УССР, большевики назначили награду в 300 тысяч рублей¹⁰⁷. Следует отметить нерациональность построения спецслужб Директории на этом этапе, очевидным образом дублировавших друг друга. 4-й отдел Информбюро занимался тем же, что и агентурный отдел Разведывательного управления генштаба, а 1-й и 2-й отделы повторяли функции Контрразведывательного. Ситуация была тем более странной, что Информбюро являлось структурой, подчиненной Разведывательному управлению, но свои операции они почти не координировали. Более того, периодически оба этих оперативных органа вступали в соперничество друг с другом и сводили эффективность своей работы на нет. Еще 11 октября 1919 года вице-директор Административного департамента МВД Директории в рапорте на имя министра справедливо обращал внимание на нелепость подобной ситуации и продолжал: “Если к этому добавить бесчисленные войсковые контрразведки и принять во внимание, что компетенции этих органов не разграничены, то станет полностью понятной запутанность во взаимоотношениях этих органов, царящая на местах и отражающаяся на деле установления порядка и спокойствия в государстве”¹⁰⁸. Однако в некоторых областях никакого дублирования не возникало. Наиболее благополучным участком деятельности Разведывательного управления являлась военная дипломатия, являвшаяся обязанностью его Иностранного отдела. Передовым шагом было также создание подчиненной управлению “Школы воспитания разведчиков”, опередившее появление аналогичных учебных заведений во многих государствах мира.

Несмотря на значительное внимание правительства к обеспечению безопасности, контрразведка под руководством полковника Чеботарева, особенно в Действующей армии УНР, была поставлена весьма слабо. Армию пронизывала коммунистическая агентура, и регулярные разоблачения отдельных агентов не могли изменить общую неблагоприятную обстановку. Оперативные органы УССР легко вербовали источников в тылу противника, поскольку ситуация на фронте вновь изменилась и стала для УНР угрожающей. Одновременно значительно повысилась безопасность тыла Юго-Западного фронта Красной Армии, начальником которого с 29 мая 1920 года стал прибывший из Москвы Держинский. Ее обеспечение несколько осложняло отсутствие в УССР собственного Особого отдела и подчинение ее органов военной контрразведки Особому отделу ВЧК, но в декабре 1920 года эти недочеты были устранены. Важным шагом стало также создание транспортных ЧК. В соответствии с числом железных дорог были организованы три районные транспортные ЧК (РТЧК) с подчиненными участковыми транспортными ЧК (УТЧК), статус которых позднее был понижен до отделений (ОРТ ЧК). Все перечисленные мероприятия существенно затруднили агентурно-оперативную работу органов безопасности

УНР в советском тылу. Это сопровождалось рядом поражений ее войск, к ноябрю 1920 года оттесненных на Волынь, а затем и вовсе изгнанных из пределов государства. Украинская Народная Республика пала окончательно, и власть на всей территории страны безраздельно перешла к правительству Украинской Советской Социалистической Республики и ЦК КП(б) Украины.

В списке спецслужб УССР значится еще один не слишком широко известный, однако достаточно важный орган, ответственный за ведение политической, экономической и военной разведки на оккупированной территории и в сопредельных государствах, прежде всего на юге Польши, в Буковине, Галиции и Бессарабии. Им являлся Закордонный отдел ЦК КП(б)У, или сокращенно Закордот, первое упоминание о котором датировано 21 мая 1921 года. Руководил отделом член ЦК Ф. Я. Кон. Для выполнения возложенных на него задач Закордот создавал агентурные сети с опорой на местные партийные организации, что, безусловно, снижало уровень конспирации, но зато обеспечивало широчайшую вербовочную базу и доступ к значительному кругу вопросов. В этом вопросе отдел принял на себя прежние функции Зафронтowego бюро ЦК. В то же время его наиболее важные резидентуры действовали полностью автономно и не имели никакой связи с партийным подпольем. Агенты подбирались на советской территории с последующей переброской через линию фронта или государственные границы, а также приобретались непосредственно на местах. Вербовки осуществлялись как собственными силами, так и с использованием возможностей Региструпра. Закордот вообще был глубоко интегрирован в систему военной разведки: военные обеспечивали его техническими средствами, сотрудники партийной разведки обучались на курсах Региструпра, а добываемая отделом информация являлась составной частью информационного обеспечения РККА. По статусу он приравнивался к военным учреждениям. Несмотря на это, время от времени военные разведчики конфликтовали с партийными, отказываясь оказывать содействие гражданской структуре. В подобных ситуациях высшим арбитром выступал ЦК КП(б)У, быстро расставлявший все по своим местам. Позднее конфликты несколько сгладились, не в последнюю очередь благодаря регулярно получаемым Региструпром от Закордота разведывательным сводкам и обзорам прессы.

Структура Закордота была несложной:

- партийно-оперативный подотдел (связь с существующими зафронтowymi партийными организациями и постановка им заданий разведывательного характера, налаживание новых организаций в оккупированных и угрожаемых местностях);
- агентурно-разведывательный подотдел (непосредственное ведение оперативной работы, в первую очередь военной и политической разведки, а также наступательной контрразведки, причем вне всякой связи с партийным подпольем, проведение разведывательных опросов пленными силами прикомандированных к управлениям армий представителей);
- военно-политический подотдел (пропагандистская работа в армии противника с использованием печатных материалов и устно);
- информационный подотдел;
- секретариат.

На местах Закордот организовывал резидентуры, связь с которыми поддерживалась через курьеров. Прием материалов от курьеров производился на нелегальных явках в Харькове и на организованных в прифронтовой полосе передаточных пунктах связи. Однако резидентура не являлась высшей периферийной структурой Закордота, верхнюю ступеньку в этой иерархии занимали “Тройки”. В их составе теоретически предусматривалось создание трех отделов с подотделами, хотя на практике это оказывалось осуществимым далеко не всегда. Типовая организационная структура “Тройки” Закордота выглядела следующим образом:

- организационно-политический и агитационный отдел:
 - подотдел связи с тылом через уполномоченных;
 - подотдел учета и распределения всех партийных сил;
 - подотдел организации районов;
 - подотдел снабжения денежными средствами с паспортным бюро и гардеробом;
 - подотдел по организации аппарата печати и ее распространения;
- военный отдел:
 - оперативный подотдел;

- административно-хозяйственный подотдел;
- контрразведывательный подотдел (фактически вел агентурную военную разведку);
- агентурный отдел:
 - подотдел разведки;
 - подотдел контрразведки.

В ведение оперативной работы по партийной линии было серьезно вовлечено Правобережное бюро КП(б)У, во временем переданное в состав Закордота. Были организованы Киевский и Одесский подотделы, а также Крымский отдел, но из-за провала последний вскоре ликвидировали.

Деятельность Закордота нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, она оказалась весьма полезной для налаживания партийного подполья и ведения его силами разведывательной и контрразведывательной работы и организации партизанских отрядов на оккупированной территории и в сопредельных государствах. С другой стороны, резидентуры отдела постиг ряд тяжелых провалов: в мае — июне 1920 года в Каменец-Подольске, в июле того же года в Крыму, в апреле 1921 года в Бесарабии и Кишиневе, в августе 1921 года на Вольни и в Полесье. В результате само существование Закордота, некоторые направления его деятельности, а также ряд заграничек стали известны польским органам безопасности, что послужило причиной весьма резкой ноты польского правительства в адрес Наркоминдел УССР.

Закордонный отдел ЦК КП(б)У лишь в незначительной степени оправдал возлагавшиеся на него надежды руководства. Основной причиной этого являлась некоторая искусственность создания этого разведоргана, объяснимая лишь недоверием партийного руководства к военным разведчикам и слабостью постановки разведработы в органах ЧК. Вскоре оба эти фактора отпали, и вместе с ними отпала необходимость в сохранении партийной разведки, в особенности на фоне разворачивавшейся оперативной работы по линии Коминтерна. После этого Закордот был расформирован.

Возвращаясь несколько назад, следует отметить, что даже после разгрома Деникина большевики имели не одного противника в лице УНР, а двух. В их тылу вместо сплошной линии фронта возникла сеть отдельных очагов сопротивления. Этот фактор так называемого политического бандитизма оказывал на обстановку в стране самое серьезное влияние. Естественно, в настоящее время термин “бандитизм” звучит не вполне корректно, поскольку десятилетиями к несомненным бандам относили также и войска Украинской Народной Республики, и армию Махно, и ряд иных формирований, которые правильнее было бы именовать повстанческими войсками. Однако, вне зависимости от терминов, все эти иррегулярные части стали фактором, полностью дезорганизовавшим жизнь людей в Украине. Население не только сел, но и уездных городов постоянно жило в страхе перед вторжением очередного атамана, насилиями, убийствами, погромами, грабежами и контрибуцией, наложенной на содержание его “повстанческой армии”. Иногда банда не успевала уйти из населенного пункта до подхода правительственных войск, и тогда несчастные жители испытывали на себе весь ужас уличных боев, а затем победившие красные войска и чекисты обязательно сажали в тюрьму и расстреливали какое-то количество “пособников”, после чего все успокаивалось до очередного налета. Конечно, немало людей обогащалось на этих событиях, но их благополучие было эфемерным, ибо более всего власти любили конфисковывать имущество классовых врагов. А в массе своей простые люди воспринимали этот отголосок гражданской войны как сущее проклятие, тем более, что за политическими бандами множились и обычные уголовные. Утвержденная 8 декабря 1919 года “Краткая инструкция по борьбе с бандитизмом на Украине” недвусмысленно утверждала в первом же абзаце: “Ликвидация бандитизма и создание устойчивой Советской власти на Украине является в данный момент основной боевой задачей в советских, гражданских, военных и партийных организациях на Украине”¹⁰⁹. Борьба с этим опасным явлением была возложена на реорганизованные в очередной раз органы безопасности УССР. Первоначально они возродились в форме Управления чрезвычайных комиссий и Особых отделов при образованном еще 11 декабря 1919 года Всеукраевкоме во главе с направленным ЦК РКП(б) бывшим заместителем председателя Московской ЧК В. Н. Манцевым. В начале следующего года начала восстанавливаться система губернских ЧК, первыми из которых стали Киевская, Харьковская и Одесская. 17 марта 1920 года Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет издал декрет

о создании Центрального управления чрезвычайными комиссиями по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (Цупчрезком) при Совнарком Украины. Фактически оно представляло собой реорганизованное Управление чрезвычайных комиссий и Особых отделов, во главе которого по-прежнему оставался Манцев.

В. Н. Манцев

Цупчрезком просуществовал чуть дольше года и 30 марта 1921 года был преобразован, а фактически просто переименован во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (ВУЧК). Ее возглавлял все тот же Манцев, параллельно с марта 1922 года занимавший пост наркома внутренних дел УССР. Очередная реорганизация не заставила себя ждать. В 1922 году Политбюро ЦК КП(б) Украины четырежды, 13 и 15 февраля, а затем 10 и 17 марта рассматривало вопрос о преобразовании органов госбезопасности по образцу РСФСР. На последнем заседании Манцев, уже назначенный на пост наркома НКВД УССР, доложил проект преобразования ВУЧК в Государственное политическое управление (ГПУ) в составе его наркомата. Это завершилось принятием постановления ВУЦИК от 22 марта 1922 года “Об упразднении Всеукраинской Чрезвычайной комиссии и об организации Госполитуправления”, на которое возлагались “по всей территории УССР следующие задачи:

- а) подавления открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма, и принятие необходимых мер для своевременного предупреждения таковых;
- б) принятия мер охраны и борьбы со шпионажем;
- в) охрана железнодорожных и водных путей сообщения;
- г) политической охраны границ республики;
- д) борьбы с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений;
- е) выполнение специальных поручений Президиума Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета или Совета Народных комиссаров по охране революционного порядка”¹¹⁰.

Продолжая оставаться наркомом внутренних дел Украины, Манцев одновременно возглавил ГПУ, а также стал полномочным представителем ГПУ РСФСР на территории Украины и в этом качестве принял в свое подчинение все действовавшие там российские Особые и транспортные отделы и войска ГПУ. Последние имели в системе обеспечения государственной безопасности Украины особую важность, поскольку играли ключевую роль в подавлении бандитизма, угрожавшего уже самому существованию советской власти. На заседании Политбюро ЦК КП(б) Украины 5 декабря 1920 года борьба с бандитизмом была признана основной ударной работой после ликвидации Врангеля. Руководство этим направлением возложили на уполномоченного Реввоенсовета Республики на Украине, командующего вооруженными силами Украины (с 1921 года — и Крыма) и заместителя председателя Совнаркома УССР М. В. Фрунзе. Он организовал под своим председательством Постоянное совещание по борьбе с бандитизмом при уполномоченном Реввоенсовета Республики на Украине, вскоре преобразованное в Особое совещание по борьбе с бандитизмом при СНК УССР и переданное в подчинение председателю Совнаркома УССР Х. Г. Раковскому. В развитие постановления Политбюро, 6 декабря 1920 года Совет Труда и Оборона (СТО) принял постановление “О чрезвычайных мерах по прекращению бандитизма на Украине”, в котором указывалось: “Очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей советской федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу”¹¹¹. О размахе этого явления и ожесточенности борьбы с ним гласит отчет о работе полпредства ГПУ УССР по Правобережной Украине, включавшей Киевскую, Волынскую, Подольскую, Одесскую, Николаевскую и Черниговскую губернии, за 1-е полугодие 1922 года. За незначительный шестимесячный промежуток времени было проведено 539 операций против банд, “ликвидировано бандгрупп — 40, ликвидировано подпольных организаций — 29 (арестовано 895 человек), убито атаманов — 53, добровольно явилось ата-

манов — 6, арестовано атаманов — 69, убито рядовых бандитов — 830, арестовано рядовых бандитов — 2049, добровольно явилось рядовых бандитов — 73¹¹². Аналогичная ситуация в России заставила создать отдельную армию ГПУ.

Однако активная войсковая работа не могла осуществляться в ущерб оперативной. На счету украинских контрразведчиков имеется немало арестов иностранной агентуры, прежде всего польской. Один из таких эпизодов описан в отчете Цупчрезкома за 1920 год: “В марте месяце при переходе через польский фронт в Подольской губернии был арестован неизвестный, у которого при обыске было обнаружено зашитым в воротнике пальто удостоверение от П. О. В. (польской военной организации) и шифрованное письмо. Неизвестный оказался Покотянским, связанным непосредственно с подольской организацией П. О. В, насчитывавшей 8 человек. Но более тщательное расследование показало, что главная организация находится в Киеве. Покотянский с материалами был передан в Киевскую губернию. В связи с этим явилась возможность раскрыть Киевскую организацию, о которой агентурные сведения имелись еще с конца 1919 года. Было арестовано до 200 человек, из них активно 30 <...>”¹¹³. Отчет Цупчрезкома далее содержит сведения об организации ПОВ на Украине, верные лишь отчасти. Как известно, на рубеже 1918 — 1919 годов эта структура была распущена. В действительности речь идет о точке польской разведки в Киеве, в обиходе продолжавшей именоваться КН-III (В документе — К.Н.3). Далее в отчете отмечалась тесная связь ПОВ с украинским подпольем: “Вообще расследования по делам Польских организаций, предпринятые в разных местах, приводили к выводу, что они играли очень большую роль в организации петлюровского бандитизма на Украине”¹¹⁴. Это было абсолютно верно, но не только в отношении Польши. Нелегальная агентура забрасывалась в советские республики в основном из стран, ранее входивших составными частями в Российскую империю. Национальные меньшинства составляли обширную вербовочную базу для разведок лимитрофных государств и предоставляли прекрасное прикрытие для внедренных на глубокое оседание нелегалов. Это отмечал и использовавший их Рейли: “Работа в СССР лимитрофных агентов — эстонцев, латышей, поляков и других — значительно упрощается тем, что им легче слиться со средой. Здесь масса их соотечественников, и, наконец, надзор за ними значительно слабее. Ведь для наблюдения за всеми поляками потребовалось бы десять ГПУ”¹¹⁵. Противник с особым успехом использовал это обстоятельство в период советско-польской войны, когда в глубоком тылу Красной Армии развернулись состоявшие из местных поляков и направляемые заброшенными офицерами разведки многочисленные партизанские отряды. Они провели множество диверсионных операций по уничтожению промышленных предприятий, складов и объектов транспорта, нарушали коммуникации, нападали на гарнизоны и вели ближнюю и глубокую разведку. Не менее угрожающим фактором являлось агентурное проникновение польской разведки в штабы и учреждения Красной Армии, в том числе в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии, в минскую ЧК, в особые отделы 15-й и 16-й армий. ВЧК оперативно отреагировала на эту ситуацию и занялась очисткой тыла силами батальонов своих войск, а также использовала специально сформированные оперативно-чекистские группы Особого отдела под руководством Я. С. Агранова, Р. А. Пиляра, А. Х. Артузова и других. В ходе этих операций окончательно выявилась неэффективность массовых мероприятий, и в дальнейшем контрразведка делала основной упор на агентурно-оперативные методы работы.

В течение 1919 года польские разведчики были еще крайне слабы и массово арестовывались даже неопытными советскими спецслужбами. II отдел сочетал агентурную работу против России, Украины и Белоруссии с разведкой с позиций военных атташе, по состоянию на декабрь 1919 года аккредитованных в Вене, Белграде, Будапеште, Бухаресте, Берне, Брюсселе, Гельсингфорсе, Константинополе, Стокгольме, Вашингтоне, Копенгагене, Лондоне и Париже. Кроме того, военные миссии Войска польского находились в Париже и Таганроге. Как уже указывалось, точка II отдела на территории Украины (КН-III) располагалась в Киеве, а ее периферийные подразделения — в Москве, Петрограде, Левобережной и Правобережной Украине, на Волыни и Подолье. Главным резидентом являлся капитан Виктор Чарноцкий (“Вильк”). В период нахождения в Украине польских войск КН-III подчинялась главному командованию Войска польского и именовалась КУ-III, а иногда — У-III. Общая численность польских разведчиков во всех подпольных структурах в 1919 году достигала 500 человек, однако профессиональные военные среди них практически отсутствовали. В целях

совершенствования оперативной работы КН-III попытались разделить на параллельные резидентуры для военной (У.В.) и политической (У.П.) разведки, но безрезультатно. Тогда в Варшаве была образована специальная экспозитура для руководства зафронтowymi точками, которую возглавил Ежи Радомский (“Кмициц”). По мере приближения войны централизованное руководство агентурными сетями из Киева становилось весьма проблематичным, и тогда поляки создали организации для работы по регионам:

- Белоруссия и Литва (Минск) – КОГ;
- Подолье (Винница) – КОЦ, или КИ-III;
- Волынь (Житомир), кодового обозначения не было;
- Черноморский район (Одесса) – Ц, или УОЙ-III;
- Крым, Кавказ, Турция (Константинополь) – УК, или КУЦ.

Структуру организаций можно рассмотреть на примере точки Черноморского района. Ей подчинялись три округа (Одесса, Кишинев и Севастополь), в свою очередь руководившие низовыми резидентурами (пляцулками) в Одессе, Севастополе, Кишиневе, Николаеве и Херсоне. На 1 июня 1920 года численность организации Ц составляла 45 человек, из которых в штабе района работали 6, в трех округах – 11, в семи резидентурах – 15. Большинство остальных являлись курьерами.

Разведывательно-диверсионная деятельность значительно усилилась в период советско-польской войны 1920 года. Она неплохо финансировалась, и в целом на оперативные цели было затрачено 2 149 164 польские марки, в том числе:

- 129944 – Подольский фронт;
- 402800 – Волынский фронт;
- 789400 – Литовско-Белорусский фронт;
- 337000 – Силезский фронт;
- 193000 – Великопольский фронт;
- 297020 – Поморский фронт¹¹⁶.

При этом часть средств выделялась на диверсионные и специальные операции, проводимые созданным 1 августа 1920 года “Союзом защиты отечества” общей численностью в 700 человек. Эта организация формально являлась негосударственной, однако действовала по прямым указаниям военного командования и в соответствии с общими указаниями о начале диверсионной работы, отданными в июле 1919 года генеральным штабом Войска польского.

Польская разведка действовала в России, Украине и Белоруссии на принципах функционирования нескольких сетей, принадлежащих различным структурам. Существовали пляцулки в непосредственном подчинении II отдела и точки КН-III, в основном укомплектованные бывшими членами ПОВ. Центральная разведка претендовала на руководство обеими сетями, но КН-III продолжала отстаивать свое особое положение в системе II отдела и не соглашалась на передачу агентурного аппарата формальному руководству из Варшавы. Такая позиция подкреплялась более высокой результативностью ее сетей. Однако постепенно обе структуры начали сближаться на принципах единоначалия, первым шагом к которому явилось создание пляцулок с двойным подчинением. Постепенно партизанский подход к оперативной работе уходил из практики польских разведчиков, и II отдел принял руководство всеми зафронтowymi агентами. Разведка создавала все новые точки, в том числе мелкие, так называемые постоянные постерунки, укомплектованные агентами-стационарами для наблюдения за железнодорожными перевозками. Два наиболее результативных постерунка были организованы в мае 1920 года в Полтаве и Харькове, причем они вели не только ближнюю, но и дальнюю разведку.

Против этой системы активно работала советская контрразведка, одна из наиболее результативных операций которой была проведена в Орше. Местные чекисты раскрыли курьера резидентуры польской разведки в РСФСР М. А. Пиотух, а установленное за ней наружное наблюдение выявило конспиративную квартиру в Москве. В столице были захвачены несколько агентов II отдела и найдены документы, позволившие установить резидента (Игнатий Добржинский), однако место его пребывания оставалось пока неизвестным. 25 июня 1920 года в засаду на той же квартире попал визитер, служащий броневых частей Московского военного округа Гржимало, открывший по контрразведчикам огонь из револьвера и погибший в перестрелке. При обыске тела убитого среди прочих документов был обнаружен членский билет общества охотников. Произведенная сплошная проверка пока-

зала, что в этом же коллективе состоит и член польской социалистической партии, политрук курсов броневых частей МВО Игнатий Добржинский. Стало очевидным, что он и является искомым резидентом в Москве. Арестованный оказался опытным офицером разведки в звании поручика, ранее работавшим резидентом в Литве и Восточной Пруссии и возглавлявшим организации в Гродно и Сувалках. Следует отметить, что он, как и все остальные захваченные польские агенты, был взят с боем, и только своевременное вмешательство одного из чекистов помешало ему застрелиться.

На допросах у особоуполномоченного ОО ВЧК Артузова арестованный пошел на сотрудничество, предварительно оговорив некоторые существенные условия. В обмен на прекращение деятельности резидентуры чекисты обязались вместо ареста репатриировать в Польшу всех ее агентов-поляков. Столь мягкая мера пресечения не распространялась на завербованных на материальной основе иных граждан РСФСР. Добржинский честно выполнил и даже перевыполнил свои обязательства, обеспечив ВЧК контакт с польским резидентом в Петрограде Виктором Стецкевичем и уговорив его последовать своему примеру. Решение обоих резидентов было принято исключительно по идеологическим мотивам, без принуждения, запугивания или подкупа. Артузов обладал настолько сильным даром убеждения, что оба поляка-социалиста вступили в ВКП(б) и были даже приняты на службу в ВЧК, где Добржинский стал Сосновским, а Стецкевич — Кияковским. На советскую службу поступили еще несколько бывших крупных польских разведчиков, агитировавших военнопленных переходить на сторону Советской России. Они совместно составили воззвание к полякам аналогичного содержания, распространявшееся с помощью авиационных листовок. Польская разведка дважды направляла террористические группы для ликвидации перебежчика Добржинского, но обе они были заблаговременно уничтожены. В дальнейшем Сосновский работал в контрразведке и был репрессирован по «польскому делу», а Кияковский в 1932 году погиб при ликвидации мятежа лам в Архангайском аймаке Монголии. В 1982 году ему соорудили там памятник.

И. И. Сосновский
(Добржинский)

С течением времени польская разведка совершенствовала методы работы и развивала свою инфраструктуру в СССР и вокруг него. Еще 10 августа 1921 года штаб МСВойск утвердил инструкцию, гласившую: «Рациональная организация разведки требует целенаправленного разделения территории Советской России таким образом, чтобы избежать ненужного пересечения работы в конкретных районах. Кроме того, принимая во внимание требования безопасности, необходимо, чтобы осуществляемые в данном районе направления разведывательной работы не были связаны между собой так, чтобы расшифровка одного из них не повлекла за собой полного уничтожения сети. Этого требует также и необходимость самообеспечения на случай войны, когда официальная деятельность прерывается»¹¹⁷. В развитие этой доктрины все разведывательные операции против России, Украины и Белоруссии, а впоследствии СССР, были разделены на три направления и проводились как непосредственно на территориях указанных стран, так и с территорий окружавших их государств, а также с Запада.

1921 год стал годом тамбовского восстания, голода в Поволжье, кронштадтского мятежа и вынужденного введения новой экономической политики — нэпа. Голод помог активизироваться военной разведке Соединенных Штатов Америки, которая не упустила возможность использовать для прикрытия гуманитарную деятельность «Американской администрации помощи» (АРА), поставлявшей продовольствие в пораженные голодом районы и оказывавшей им иное содействие. В России она действовала на основании Рижского договора от 20 августа 1921 года, а в Украине — на основании Московского договора от 10 января 1922 года. Американцы не собирались играть в Антанте подчиненную роль и поэтому отказались пользоваться наработками ее спецслужб в советских республиках, взявшись за дело самостоятельно. Аппарат АРА в Москве состоял из ряда отделов: исполнительного, административного, снабжения, перевозки, связи, сообщения, медицинского, автотранспортного, финансового и специального, имевшего недвусмысленный в мире секретных служб номер 2. Несколько раз контрразведчики ЧК и ОГПУ задерживали работников центрального апа-

рата московского подразделения АРА и ее отделений на местах за шпионскую деятельность и скупку произведений искусства. Приказ по ГПУ № 29 от 29 марта 1922 года гласил: “Среди иностранных организаций в РСФСР, так или иначе помогающих предательской работе контрреволюции, видное место занимает Американская администрация помощи голодающим (АРА), та самая АРА, которая в 1919 году успешно помогла мажоритарной буржуазии свергнуть венгерское советское правительство. ГПУ установлено, что русский отдел АРА...ведет контрреволюционную и шпионскую работу”¹¹⁸. Однако вымысел и пропаганда в освещении истории этой организации, прекратившей свою работу в СССР в июне 1923 года, значительно преувеличивают реальные масштабы ее разведывательной работы, поэтому полностью связывать “Американскую администрацию помощи” со спецслужбами было бы необъективно и несправедливо.

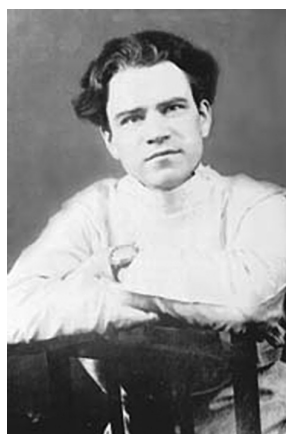
Временная либерализация общественных отношений наглядно продемонстрировала, что чрезвычайный статус органов безопасности стал анахронизмом. Сохранение существовавшей системы карательных органов в неизменном виде вызывало недовольство даже среди коммунистов, не говоря уже о других, не столь привилегированных и законопослушных социальных группах. Кроме того, в этот период в Москве рассчитывали прорвать фронт дипломатической изоляции страны, а в глазах международного общественного мнения не было более одиозного института, чем ЧК. Необходимость подать Западу сигнал о готовности пойти ему навстречу в некоторых вопросах послужила катализатором реформы государственной безопасности России и других советских республик. Дополнительным раздражающим общественность фактором стало непомерное разрастание ВЧК. По состоянию на 1 января 1921 года ее штатная численность составляла 2450 человек, правда, из них в наличии имелось лишь 1415 сотрудников¹¹⁹. По сравнению с 1918 годом организационная структура Всероссийской чрезвычайной комиссии изменилась неузнаваемо:

- Председатель ВЧК;
- Заместитель председателя;
- Спецотделение при президиуме ВЧК;
- Следственная часть при президиуме ВЧК;
- Управление делами ВЧК:
 - Общая часть:
 - Журнальный стол;
 - Шифровальное бюро;
 - Отдел личного состава;
- Учетно-регистрационный отдел:
 - Комендатура;
 - Стол выдачи пропусков и справок;
 - Стол приема арестованных;
 - тюрьма;
 - телефонная станция;
- Служба связи:
 - гараж;
 - автомастерская;
 - кладовые;
 - конная база;
 - санчасть;
- Управление домами ВЧК;
- Экспедиция;
- Клуб ВЧК и МЧК;
- Административно-организационное управление (АОУ):
 - Секретариат;
 - Административный отдел;
 - Канцелярия;
 - Распределительное отделение;
 - Учетное отделение;
 - Отделение личного состава;
 - Курсы ВЧК;
 - Организационный отдел:
 - Контрольно-инструкторский подотдел Финотдела НКВД и ВЧК;

- Экономическое управление (ЭКУ):
 - Канцелярия;
 - Отдел надзора и публичного обвинения;
 - Статистико-экономический отдел;
 - 1 специальное отделение (Наркомат путей сообщения);
 - 2 специальное отделение (Высший совет народного хозяйства);
 - 3 специальное отделение (Внешторг и иностранные концессии);
 - 4 специальное отделение (аппарат Чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению армии);
 - 5 специальное отделение (почта и телеграф);
 - 6 специальное отделение (золото — валюта — ценности);
 - 7 специальное отделение (Наркомат просвещения и Центропечать);
 - 8 специальное отделение (Наркомат продовольствия);
 - 9 специальное отделение (Главное управление по снабжению Красной Армии и Флота продовольствием при Наркомате продовольствия);
 - 10 специальное отделение (Центросоюз);
 - 11 специальное отделение (Наркомат здравоохранения);
 - 12 специальное отделение (Наркомат земледелия);
 - 13 специальное отделение (Наркомат финансов);
 - 14 специальное отделение (Наркомат по военным делам);
 - 15 специальное отделение (специальное);
 - библиотека;
 - редакция;
- Секретно-оперативное управление (СОУ):
 - Оперативный отдел;
 - Секретариат;
 - Оперативное отделение;
 - Техническое отделение;
 - Активная часть;
 - Отделение обработки материалов;
 - Бюро обработки;
 - Бюро печати;
- Регистрационно-статистическое отделение:
 - Бюро регистрации;
 - Справочное бюро;
 - Бюро розыска;
 - Бюро статистики;
- Особый отдел (ОО):
 - Сотрудники для поручений;
 - 13 специальное отделение (контрразведывательная работа против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии);
 - 14 специальное отделение (контрразведывательная работа против стран Востока);
 - 15 специальное отделение (контрразведывательная работа против стран “Большой Антанты”);
 - 16 специальное отделение (контрразведывательная работа в Красной Армии);
 - 17 специальное отделение (контрразведывательная работа в среде бывших офицеров);
 - Осведомительная часть;
- Секретный отдел (СО):
 - 1 отделение (работа против анархистов);
 - 2 отделение (работа против меньшевиков);
 - 3 отделение (работа против правых эсеров);
 - 4 отделение (работа против правых партий);
 - 5 отделение (работа против левых эсеров);
 - 6 отделение (работа против духовенства);
 - 7 отделение (работа против разных партий);

- 8 отделение (осведомительское);
- 9 отделение (работа против еврейских антисоветских партий);
- Специальный отдел (Спецотдел):
 - 1-е отделение (наблюдение за сохранением государственной тайны всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями);
 - 2-е отделение (теоретическая разработка вопросов криптографии, а также составление шифров и кодов для ВЧК и всех других учреждений страны);
 - 3-е отделение (ведение шифрработы и руководство этой работой в ВЧК);
 - 4-е отделение (открытие иностранных и антисоветских шифров и кодов и дешифровка документов);
 - 5-е отделение (перехват шифровок иностранных государств, радиоконтроль и выявление нелегальных и шпионских радиоустановок, а также подготовка радиоразведчиков);
 - 6-е отделение (изготовление конспиративных документов);
 - 7-е отделение (химическое исследование документов и веществ, разработка рецептов, выполнение экспертизы почерков и фотографирование документов);
- Иностранный отдел (ИНО):
 - Канцелярия;
 - Агентурное отделение;
 - Бюро виз;
- Транспортный отдел:
 - Секретариат;
 - Секретно-оперативная часть;
 - Регистрационно-информационная часть;
- часть снабжения вещевым довольствием;
- Контрольная комиссия Управления делами ВЧК.

На этой стадии развития объективные обстоятельства вынудили принять решение о роспуске ВЧК. После нескольких не слишком значительных изменений судебной системы появился основанный на постановлении 9-го Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 года декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 года об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов. Вместо них в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР организовывалось Главное политическое управление (ГПУ) под председательством наркома или назначенного Совнаркомом его заместителя. На НКВД и ГПУ возлагались задачи, ранее выполнявшиеся ВЧК: подавление открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьба со шпионажем, охрана железнодорожных и водных путей сообщения, охрана государственных границ, борьба с контрабандой и нелегальным переходом государственной границы, выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК или Совнаркома по охране революционного порядка и расследование дел о контрреволюции. Кроме того, по мере перехода к мирной жизни требовалось усилить ведение контрразведки в гражданской сфере, которой ранее пренебрегали в ущерб военной. Кроме Секретно-оперативного управления (СОУ), в составе ГПУ сохранялась и созданная еще в 1921 году в ВЧК экономическая контрразведка (ЭКУ).

Я. Х. Петерс

Усиление внимания к азиатским окраинам страны выразилось в создании в июне 1922 года Восточного отдела (ВО), руководившего деятельностью местных аппаратов госбезопасности на Кавказе, в Средней Азии, Татарии, Башкирии и Крыму и работой с восточными национальными группами, включая внешнюю разведку на этих направлениях. Отдел имел право давать ИНО обязательные для исполнения оперативные задания в сфере своей компетенции. Столь ответственный участок работы был поручен Петерсу.

Территориальными подразделениями реорганизованной системы государственной безопасности вместо губернских органов стали политотделы. Внешняя разведка вновь не вошла в список официальных задач секретной службы, что в очередной раз продемонстрировало приоритетность для ГПУ внутренних вопросов. Как и ранее, самый широкий спектр задач был возложен на Особый отдел. Поло-

жение об особых отделах Госполитуправления (при нормальном положении), утвержденное в тот же день 6 февраля 1922 года, устанавливало: “Особый отдел является органом Госполитуправления, выполняющим нижеследующие из задач, возложенных постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 года на Госполитуправление:

- а) борьба с контрреволюцией и разложением в Красной Армии и во Флоте;
- б) борьба со шпионажем во всех его видах (разведывательным и вредительным), направленным против интересов РСФСР как со стороны окружающих республику государств и их отдельных партий, так и со стороны русских контрреволюционных партий и групп;
- в) борьба с открытыми контрреволюционными выступлениями и вспышками (бандитизмом) путем разведки сил противника и разложения его рядов;
- г) охрана границ РСФСР и борьба с политической и экономической контрабандой и незаконным переходом границ;
- д) выполнение специальных заданий Реввоенсовета республики и реввоенсоветов фронтов, армий и военных округов в связи с сохранением интересов Красной Армии и Флота”¹²⁰.

Как видим, на Особый отдел вновь возлагался самый широкий спектр наиболее ответственных задач органов государственной безопасности.

9 февраля 1922 года процесс реорганизации вошел в заключительную стадию и был оформлен соответствующим приказом № 64 по ВЧК “Об упразднении ВЧК”. Сразу же после реформы прошла проверка состояния осведомительной работы в госбезопасности, в первую очередь в военной контрразведке. В результате контрразведывательное обеспечение войск было изъято из ведения Особых отделов, которые теперь вели лишь осведомительно-информационную работу. С этой целью на основании приказа ОГПУ № 18 от 22 марта 1922 года их осведомительная служба реорганизовывалась, в частности, устанавливались три категории секретных сотрудников:

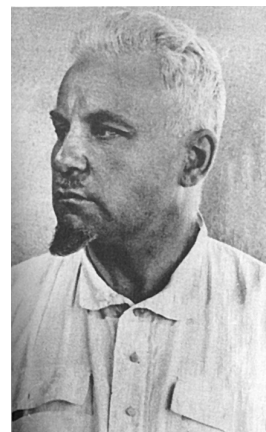
- осведомители из числа военнослужащих-коммунистов, находившиеся на связи у военных комиссаров частей;
- беспартийные осведомители, находившиеся на связи у уполномоченных Особого отдела;
- особо квалифицированные осведомители, находившиеся на связи у ответственных работников Особого отдела.

Такая категория негласного аппарата как агенты в Особых отделах на данный период ликвидировалась. Однако общее состояние контрразведывательной работы продолжало оставаться неудовлетворительным, что стало предметом внимательного рассмотрения и обсуждения на совещании коллегии ГПУ с участием полпредов ГПУ с 6 по 9 мая 1922 года. Одним из невысказанных вслух, но важнейших мотивов назревшей реорганизации являлась необходимость вывода военной контрразведки из-под фактического руководства Троцкого. До этого времени Особые отделы не входили в состав Секретно-оперативных частей (СОЧ) полпредств ГПУ и работали по линейному (контрразведка), а не объектовому признаку. Такое положение не позволяло Государственному политическому управлению осуществлять безраздельный контроль над безопасностью в Красной Армии и существенно усиливало позиции наркомвоена. Совещание выработало ряд рекомендаций, немедленно воплощенных в жизнь еще до его окончания. 8 мая 1922 года “тройка” ГПУ в составе С. А. Мессинга, В. Н. Манцева и Г. Г. Ягоды утвердила своим постановлением предложенный И. С. Уншлихтом проект реорганизации (стиль и орфография источника сохранены, но исправлены две опечатки — И. Л.):

“§1. Разделить задачи и функции существующего Особого отдела в центре и на местах на две части, изменив соответствующим образом организацию их...

§2. Задачи — обслуживание Красной Армии и Флота, всестороннее выявление ее нужд, недостатков, условий жизни, настроений, волнений и всевозможных вредных на нее влияний, происходящих в армии, внутренних эволюционных процессов с одной стороны и борьба с указанными явлениями путем предупреждения влияния и давления на соответствующие органы Военного аппарата Республики, путем борьбы с крупными должностными преступлениями внутри армии и ее учреждений, а также путем принятия всяких иных предупредительных мер — с другой стороны — возложить на реорганизованный Особый Отдел СЕКРОУГПУ, выделив для этого технический аппарат...

§3. Остальные задачи, выполняемые до сего времени Особыми отделами, как-то: борьба со шпионажем, белогвардейской контр-революцией (так в документе — И. Л.) и заговорами, бандитизмом, контрбандой и незаконным переходом границ, сосредоточить в самостоятельном отделе, наименовав его “Контрразведывательным Отделом” Секроперупра ГПУ. Таким образом Секроперупр ГПУ будет состоять из Отделов: Секретного, Особого, Контрразведывательного, Иностранного, Информационного и Оперативного”¹²¹. Начальником КРО был утвержден А. Х. Артузов (Фраучи).

А. Х. Артузов

В результате этого роль Особых отделов военных округов свелась практически к символической, и они утратили не только право ведения контрразведывательной работы, но и имевшиеся у них ранее силы и средства. Особые отделения дивизий подчинялись теперь не округам, а губернским политотделам, причем все органы особистской системы были лишены права применения таких мер предупреждения и пресечения преступлений, как обыски, аресты и выемки, а также не вели более агентурно-оперативной работы. И хотя положение с безопасностью в РККА от этого не улучшилось, негласная цель окончательного вывода военной контрразведки из-под контроля Троцкого была успешно достигнута.

30 декабря 1922 года Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР — Грузия, Азербайджан и Армения) заключили Договор об образовании СССР, статья 12 которого гласила: “В целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик и объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик Верховный суд, с функциями верховного судебного контроля, а при Совете Народных Комиссаров Союза — объединенный орган Государственного Политического Управления, председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза с правом совещательного голоса...”¹²². Главное политическое управление просуществовало до 15 ноября 1923 года, после чего функции обеспечения государственной безопасности были сосредоточены в одном центральном органе — Объединенном государственном политическом управлении (ОГПУ) при СНК СССР, не входившем в состав Наркомата внутренних дел и получившем статус самостоятельного управления Совнаркома. Конечно, на деле ни Совнарком, ни ЦИК никогда не руководили органами госбезопасности, реально они всегда подчинялись только ВКП(б) как единственному и полноправному хозяину в стране. Строго говоря, конкретные шаги к такому объединению начались значительно раньше, с введением института полномочных представителей ВЧК в республиках. На эти должности назначались достаточно видные работники центрального аппарата, например, в Туркестане полпредом ВЧК являлся бывший заместитель ее председателя Я. Х. Петерс, в Киргизии — бывший начальник Следственного отдела ВЧК Г. С. Мороз, в Закавказье — бывший начальник Иностранного отдела ВЧК С. Г. Могилевский, в Сибири — бывший заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский. Логичным продолжением начавшегося процесса явилось структурное объединение всех органов государственной безопасности под эгидой Москвы. Следует, однако, отметить, что образование ОГПУ не привело к немедленному изменению статуса всех республиканских структур. Например, Закавказская Чрезвычайная комиссия, миновавшая в своем развитии стадию ГПУ, в связи с чрезвычайно сложной и напряженной обстановкой на Кавказе просуществовала до 1926 года.

Высшим органом руководства ОГПУ являлась его Коллегия, при которой действовали Особое совещание и аппарат особоуполномоченного, ответственного за расследование совершенных сотрудниками административных правонарушений. Утвержденное ЦИК положение об Объединенном государственном политическом управлении и его органах гласило, что ОГПУ “ведает:

- а) руководством работой Государственных Политических Управлений союзных республик и им подведомственных особых отделов военных округов, а также транс-

- портных органов Государственных Политических Управлений на железных дорогах и водных путях сообщения на территории соответствующих союзных республик;
- б) непосредственным руководством и управлением особыми отделами фронтов и армий;
- в) организацией охраны границы Союза ССР;
- г) непосредственной оперативной работой в общесоюзном масштабе¹²³.

Структура ОГПУ периодически изменялась. В момент своего создания оно состояло из Секретно-оперативного (СОУ), Экономического (ЭКУ) и Административно-организационного (АОУ) управлений, а также ряда отделов. В состав Секретно-оперативного управления входили отделы, относившиеся к разведке и контрразведке:

- Секретный (СО) — разработка политических партий и религиозных организаций;
- Контрразведывательный (КРО) — контрразведка внутри страны, борьба с контрреволюционными выступлениями граждан и разработка иностранных миссий в СССР;
- Оперативный (Оперод) — служба наружного наблюдения и комендантская часть;
- Иностранный (ИНО) — орган внешней разведки;
- Особый (ОО) — орган контрразведки в вооруженных силах;
- Транспортный (ТО) — орган борьбы с враждебными элементами на железнодорожном и водном транспорте;
- Восточный (ВО).

К компетенции Экономического управления относилась борьба с экономическими злоупотреблениями, невыполнением государственных планов и экономическим шпионажем. Ни в какие управления не входили и были автономными Отдел погранохраны (ПО), руководивший пограничными войсками, войсками особого назначения, борьбой с контрабандой и пограничной разведкой, Главная инспекция войск ОГПУ и существовавший при ОГПУ, но подчинявшийся напрямую ЦК ВКП(б) Специальный отдел (Спецотдел)¹²⁴. К середине 1920-х годов ОГПУ не избежало свойственной любому государственному органу тенденции к росту бюрократии, и его структура усложнилась. К существовавшим трем управлениям добавилось Главное управление погранохраны и войск ОГПУ (ГУПОиВ), реорганизовались и отделы. К 1927 году в СОУ входили Секретный, Контрразведывательный, Особый, Транспортный, Восточный, Оперативный отделы, Отдел центральной регистратуры (ОЦР), а также контролировавший настроения в различных слоях общества Информационный отдел (ИНФО). Его осведомители собирали сведения, после предварительной проверки передававшиеся в оперативные отделы, где на их основании заводились дела-формуляры или агентурные дела. Иностранный отдел (ИНО) первоначально входил в Секретно-оперативное управление и полностью именовался ИНО СОУ ОГПУ СССР, однако в официальной структуре, как правило, не фигурировал, а позднее стал самостоятельным и приобрел права управления. Административно-организационное управление включало отделы фельдсвязи, тюремный, санитарный, автомобильный, хозяйственный и некоторые вспомогательные, а также комендатуру. К 1930 году центральный аппарат госбезопасности насчитывал уже 2500 сотрудников. Бюджет ОГПУ был довольно значителен. Например, в 1925 году он составлял 52 миллиона рублей по органам госбезопасности и 4,5 миллиона рублей по конвойным войскам, а к середине года его дополнили еще 250 тысяч рублей, ассигнованные на закордонную работу¹²⁵. Структура центрального аппарата Объединенного государственного политического управления по состоянию на 1 января 1930 года имела следующий вид (указаны только основные подразделения):

- Председатель;
- 1-й заместитель председателя;
- 2-й заместитель председателя;
- особоуполномоченный при председателе;
- секретарь Коллегии ОГПУ;
- особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ;
- Секретно-оперативное управление:
 - Секретный отдел;
 - Контрразведывательный отдел;
 - Особый отдел;
 - Информационный отдел и политконтроль;

- Оперативный отдел;
- Восточный отдел;
- Отдел центральной регистратуры;
- Транспортный отдел;
- Специальный отдел;
- Иностраный отдел;
- Экономическое управление;
- Главное управление погранохраны и войск;
- Административно-организационное управление.

Особого внимания заслуживает Специальный отдел. Он был создан постановлением Совнаркома от 5 мая 1921 года и первоначально именовался 8-м спецотделом при ВЧК (а не в ее составе), затем номер исчез из его названия до 1936 года. Спецотдел обслуживал также и Красную Армию, поскольку в рассматриваемый период в ней отсутствовали органы радиоразведки и дешифрования. Его начальник имел право самостоятельного выхода на ЦК РКП(б), минуя руководство госбезопасности. С 1921 по 1937 год этот пост занимал Глеб Иванович Бокий, личность интересная и весьма противоречивая. До назначения на него он побывал председателем Петроградской губчека и начальником особых отделов на Восточном и Туркестанском фронтах, а в центральный аппарат ВЧК был приглашен лично Дзержинским. Одни источники оценивают Бокия как патологическую, мрачную и порочную личность, другие же, наоборот, считают его одним из выдающихся деятелей послереволюционного периода. Бесспорно лишь то, что начальник Спецотдела являлся человеком неординарным, и подбирал сотрудников себе под стать. Он не терпел подобострастия в любой форме, никогда не признавал чьего-либо верховенства над собой, и именно по этой причине с середины 1920-х годов напрочь испортил отношения со Сталиным и находился фактически в оппозиции к нему.

Г. И. Бокий

Система местных (территориальных) органов госбезопасности неоднократно претерпевала изменения. Помимо уже неоднократно упоминавшихся губернских и уездных ЧК, в республиках и крупных районах России создавались полномочные представительства, или полпредства (ПП) ВЧК, после реорганизации ставшие полпредствами ГПУ. Позднее, с обрахованием СССР и ОГПУ, ПП в союзных республиках выводились из их подчинения и замыкались на центральный аппарат. С 1923 года структура полпредства выглядела следующим образом:

- Секретно-оперативная часть (СОЧ) с отделениями (позднее отделами):
 - секретным (СО);
 - особым (ОО);
 - контрразведывательным (КРО);
 - информационно-агентурным (ИНФАГО);
 - регистрационно-статистическим (РСО);
 - борьбы с бандитизмом (ОББ);
 - политконтроля (ПК);
- Общеадминистративная часть (ОАЧ):
 - канцелярия;
 - стол личного состава;
 - комендатура;
 - подразделения связи;
 - хозяйственное отделение.

Полпредства ОГПУ разделялись на три категории, в самой низшей из них, третьей, СОЧ не имела внутренней структуры и работала по системе уполномоченных по линиям. Штаты ПП колебались в диапазоне от 133 до 33 работников (без учета ЭКО, ПК и ОББ). Губернские отделы и аппараты уездных уполномоченных ГПУ также колебались по четырем категориям.

С 1923 года территория СССР была разбита на 13 округов ОГПУ: Московский, Приволжский, Уральский, Петроградский, Западный Украинский, Крымский, Северо-Кавказ-

ский, Киргизский, Туркестанский, Сибирский, Дальневосточный и Закавказский. Во главе чекистского аппарата округов, как правило, стояли полпредства. По мере изменения административно-территориального деления Советского Союза, в первую очередь, после ликвидации губерний и образования краев, областей и округов, губернские отделы ликвидировались, зато появились окружные (ОКРО) и областные (ОБЛО) отделения ГПУ. Но просуществовали они относительно недолго, и ПП остались основным типом местных органов госбезопасности СССР.

Полпредства ОГПУ республик, краев и областей просуществовали вплоть до образования общесоюзного наркомата внутренних дел. Их организационная структура приблизительно соответствовала структуре центрального аппарата:

- Секретариат;
- Особая инспекция;
- Секретно-политический отдел (СПО);
- Особый отдел (ОО);
- Оперативный отдел (ОПЕРОД). В некоторых ПП — отделение;
- Экономический отдел (ЭКО). В некоторых ПП — управление;
- Учетно-статистический отдел (УСО);
- Специальное отделение;
- Отдел кадров (ОК);
- Финансовый отдел (ФО);
- Общий отдел;
- Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ);
- Военизированная пожарная охрана (ВПО);
- Инспекция резервов (ИР);
- Иностраный отдел (ИНО). Только в некоторых, преимущественно приграничных ПП и ОБЛО;
- Транспортный отдел (ТО). Только в некоторых ПП;
- Отдел спецпоселений (ОСП). Только в ПП, на территории ответственности которых располагались спецпоселки и размещались спецпереселенцы;
- Управление пограничной охраны и войск ОГПУ (УПО и войск ОГПУ). Только приграничных ПП.

В таком виде полномочные представительства ОГПУ и завершили свое существование в 1934 году.

В условиях существования СССР достаточно быстро состоялась очередная реформа системы военной контрразведки. Как уже указывалось, майская реорганизация 1922 года преследовала вполне конкретную политическую цель и оказала негативное влияние на состояние безопасности в РККА. В новых обстоятельствах уже не приходилось опасаться ни бонапартизма наркомвоена, ни чрезмерной автономии ОО от системы ОГПУ, поэтому 1 марта 1924 года Особому отделу возвратили право применения мер предупреждения и пресечения преступлений в войсках и учреждениях Красной Армии, а также ведения агентурно-оперативной работы.

Первое десятилетие существования органов государственной безопасности СССР стало периодом первоначальной отработки форм и методов деятельности различных сил и средств ВЧК/ОГПУ. Их развитие можно проследить на примере концепции агентурно-оперативной работы, претерпевшей принципиальные изменения с периода полного неприятия чекистами института агентуры. Уже в 1918 году “Краткие указания ЧК для ведения разведки” продемонстрировали окончание романтического периода в развитии госбезопасности. Документ устанавливал перечень основ вербовки, в числе которых значились идейно-политическая, материальная или иная личная заинтересованность, а также вербовка на основе компрометирующего материала. Там же указывалось, что методами вербовки могут являться убеждение и принуждение, а формами — прямое предложение или постепенное привлечение к сотрудничеству, иными словами, втягивание в него. Уже к 1919 году в ВЧК различали три категории негласных агентов: осведомителей, внутреннюю агентуру и агентов внутреннего наблюдения, при этом последний термин иногда применялся и к внутренней агентуре.

Работа с осведомителями строилась на принципе массовости. Эти люди не получали какой-либо специальной подготовки, а просто находились на связи у оперативного сотрудника и были обязаны сообщать ему обо всех подозрительных фактах, замеченных ими по месту работы и жительства. Они не выполняли конкретных заданий, не имели агентурных псевдонимов, не получали допуск к секретной информации и вообще не подходили под категорию агентов по более поздним понятиям. Сила института осведомителей заключалась в широчайшем охвате всех сфер жизни страны. Согласно действовавшим положениям, только по линии особых отделов их надлежало иметь в частях и штабах Красной Армии, учреждениях, на заводах, фабриках и в мастерских, на транспорте, в кооперативных и иных продовольственных организациях и на других аналогичных объектах. Если осведомители набирались из числа политически лояльных рабочих, служащих и красноармейцев, то с внутренней агентурой дело обстояло принципиально иначе. Эти секретные сотрудники вербовались из враждебной среды или ее близкого окружения и использовались для выполнения заданий по конкретным разработкам. Агенты внутреннего наблюдения составляли наиболее ценную категорию и фактически являлись штатными сотрудниками негласного аппарата ЧК. Они внедрялись на объекты заинтересованности под специально разработанными легендами, располагали как официальными документами сотрудников госбезопасности, так и документами прикрытия, и пользовались всеми правами оперативного персонала ЧК. Тогда же были разработаны и основные методы скрытого проникновения в контрреволюционную среду, включавшие подставу чекистов на вербовку антисоветскими организациями, вербовку секретных сотрудников из среды разрабатываемых лиц и внедрение оперативных сотрудников и агентов в контрреволюционные организации.

В 1921 году агентурно-осведомительный аппарат ВЧК и местных органов ЧК по-прежнему состоял из трех категорий: массовой осведомительной сети, секретной агентуры и штатных агентов. Как и ранее, осведомительная сеть комплектовалась в широких слоях населения, вербовка осведомителей производилась «на патриотической основе преимущественно из социально близких слоев населения»¹²⁶ аппаратом секретных уполномоченных (негласными оперативными сотрудниками) при ИНФО СОУ и его отделений на местах. Секретная агентура, иногда именовавшаяся внутренней агентурой, вербовалась из числа членов антисоветских политических партий, бывших офицеров и военных чиновников и буржуазных специалистов и использовалась в конкретных разработках. Сюда же относились внутрикамерные агенты из числа арестованных. Штатная агентура работала по линии агентурного внутреннего наблюдения, вербовалась исключительно из числа коммунистов и действовала так же, как и по инструкциям 1919 года. Принципиальным отличием новой системы являлось введение института резидентур для связи с непомерно разросшейся армией осведомителей, для чего у штатных сотрудников ЧК не хватало ни времени, ни сил для организации конспиративных встреч и заслушивания их сообщений. Внутренние резиденты выполняли задачи по осуществлению связи с прикрепленными к ним осведомителями и руководили их работой вначале в сельской местности, а затем и в городах.

В 1922 году штатную агентуру упразднили ввиду отсутствия необходимости в ней в мирное время и разделили внештатных секретных сотрудников на две категории. Лояльные граждане стали именоваться информаторами, а завербованные из социально чуждой среды и связей участников контрреволюционных групп и организаций — осведомителями. Вскоре очередной приказ по ОГПУ № 291 от 14 ноября 1922 года несколько изменил эту систему. Он вводил следующие категории секретной агентуры: «агент наружного наблюдения» (штатный сотрудник, работающий по линии Оперода), «информатор» (лицо, завербованное или внедренное в организацию, учреждение или квартиру для освещения обстановки по линии ИНФО) и «осведомитель» (лицо, завербованное или внедренное в антисоветскую, контрреволюционную, шпионскую или преступную организацию для освещения обстановки внутри нее по линии оперативных подразделений госбезопасности). Однако уже в 1925 году на II Всесоюзном съезде Особых отделов ОГПУ было принято новое разделение на осведомителей, к которым отнесли также высококвалифицированных экспертов, и агентов, использовавшихся только в конкретных разработках. Такая система сохранилась до 1930 года. В это же время стали проявляться первые негативные признаки столь широкого охвата страны негласной агентурой. Ее сеть разрасталась, и с задачей руководства деятельностью осведомителей и агентов уже не справлялись даже резиденты. Оперативные сотрудники тем более утрачивали контроль над этим процессом, все далее отрывались от конкретных раз-

работок, и зачастую передоверяли свои функции старшим резидентам. Следствием такого положения стало не только падение уровня работы, но и угрожающий рост в среде негласных сотрудников преступности, в том числе и политической, коррупции, пьянства и даже разбоя. Руководству ОГПУ пришлось экстренно исправлять эту характерную для многих районов страны негативную тенденцию.

Однако предпринятые в последующие несколько лет полумеры не дали ожидаемого результата. Периодические проверки неизменно показывали, что оперативные сотрудники слабо знают свои объекты обеспечения и не представляют реальной потребности в их агентурном прикрытии, осведомители не имеют даже элементарной квалификации и не используются для решения конкретных задач, их связи и контакты не учитываются, а вербовки регулярно срываются из-за плохой подготовки и неопытности сотрудников. Зато оперативный персонал контрразведки проводил их, что называется, “направо и налево” без учета реальных потребностей в негласных сотрудниках и направлений их работы, а частая ротация кадров приводила к невозможности осуществления должного руководства осведомителями и агентами. С удручающей регулярностью они проваливались из-за отсутствия координации в работе различных подразделений ОГПУ и несоблюдения требований конспирации при проведении встреч. Руководство госбезопасности лихорадочно пыталось хоть что-то поправить в этой выходящей из-под контроля ситуации и в первую очередь запретило вербовки вне плана, предусматривавшего конкретные цели, кандидатуры и способы их проведения. До подхода к кандидату предписывалось тщательно изучить его сильные и слабые стороны, окружение и оперативные возможности, выработать подход, мотив и способ воздействия на объект для проведения вербовки с максимальной эффективностью. Однако агентурно-оперативная работа еще долгое время оставалась одним из слабейших участков работы контрразведки.

В 1930 году ряд систематических проверок продемонстрировал весьма прискорбную картину в области агентурно-оперативной работы центрального аппарата госбезопасности и особенно ее территориальных органов. Выяснилось, что вербовки агентов (именно агентов, а не осведомителей) зачастую проводились без всякой проверки кандидатуры, сплошь и рядом совершались против воли вербуемого, с применением угроз и принуждения, и отдача от такого аппарата была соответственной. Более того, в некоторых случаях такая практика позволила враждебным элементам внедриться в негласный аппарат ОГПУ, что повлекло тяжелые последствия. Местные органы не вели учет агентуры, и в 1930 — 1931 годах их руководители даже приблизительно не знали, сколько же всего агентов и осведомителей состоит у них на связи. Сплошь и рядом происходили провалы и расшифровки из-за полного пренебрежения требованиями конспирации, сводившие отдачу от столь громоздкого и многочисленного аппарата почти на нет. Контрразведка фактически лишилась одного из своих самых эффективных инструментов, что вынудило принять самые срочные меры по исправлению создавшегося положения. Новая концепция работы с негласными сотрудниками предусматривала значительное сокращение их количества за счет отсева всех неработоспособных элементов, повышение требований к кандидатам на вербовку и их тщательную проверку, активизацию работы с квалифицированными агентами, проведение систематических проверок для выявления двойников и дезинформаторов, линейное разграничение функций агентуры и повышение ответственности руководителей и оперативных сотрудников подразделений, занятых работой в этой области. Была поставлена глобальная, достаточно амбициозная и не слишком реальная задача подготовки и воспитания секретных сотрудников, способных работать в непосредственном соприкосновении с противником и проводить активные комбинации не только внутри страны, но и за ее пределами.

С января 1930 года прекратилась практика вербовки осведомителей из негативной среды, а существующие более не использовались для освещения настроений населения и недостатков в работе советских учреждений, предприятий и организаций. С июня во всех территориальных органах ОГПУ был введен обязательный строгий учет всей агентуры и ее работоспособности. Единый перечень категорий агентуры предусматривал теперь следующие категории агентов:

- спецагенты — немногочисленные профессиональные или полупрофессиональные секретные сотрудники, постоянно или временно занятые на агентурной работе внутри и вне страны;

- спецосведомители — лица, завербованные из антисоветской или лояльной среды для выполнения конкретных оперативных заданий или для использования на конкретных направлениях;
- осведомители (информаторы) — секретные сотрудники, находящиеся на связи у оперативных сотрудников или резидентов Информационного, а впоследствии Секретно-политического отдела.

Изменился подход и к другой составляющей оперативной работы — наружной разведке. После отмены положения, предписывавшего проведение наружного наблюдения (НН) силами оперативных сотрудников, в ВЧК и ее территориальных органах для этой цели формировались специальные подразделения, укомплектованные так называемыми агентами наружной разведки. Они набирались исключительно из числа коммунистов и относились к негласному штату, а в случае расшифровки подлежали переводу в другое подразделение или увольнению. Агенты действовали под легендами прикрытия и располагали подтверждающими документами. В течение некоторого времени они же проводили и оперативные установки, однако позднее эта задача была возложена на сотрудников входившего в состав Оперода политназора, включавшего в себя производство арестов, обысков, выемок, установок и розыска.

Важнейшим элементом обеспечения безопасности государства являлась почтово-телеграфная цензура. С октября 1920 по декабрь 1921 года она не носила всеобъемлющего характера и возлагалась на органы военной цензуры (ВЦ) при Особом отделе. Их задачей являлось осуществление полного контроля международной и выборочного контроля внутренней корреспонденции, достигавшего 30% — 40% от ее общего объема. Кроме того, при необходимости органы ВЦ конфисковывали отправления в соответствии со списками ЧК и Особого отдела. Эта система принципиально изменилась после принятия 21 декабря 1921 года положения о политическом контроле (ПК). Военная цензура упразднялась, а вместо нее при Секретно-оперативном управлении (СОУ) создавались отделы, отделения и пункты политконтроля, на местах подчинявшиеся Секретно-оперативным частям (СОЧ). По сравнению с ВЦ, задачи новых органов были значительно расширены и включали “контроль за почтово-телеграфной и радиотелеграфной корреспонденцией; отбор корреспонденции в соответствии с секретными списками органов государственной безопасности; наблюдение за типографиями, книжными складами, магазинами и другими предприятиями, издающими и продающими печатные произведения; просмотр вывозимых за границу и ввозимых в РСФСР всех печатных произведений, топографических карт, фотографий, кинолент, почтовых марок; контроль за деятельностью театров, кинематографов, цирков и других зрелищных мероприятий”¹²⁷. В отношении печатной продукции Политконтроль являлся так называемой “карательной”, или последующей цензурой, в функции которой входило изъятие нежелательной литературы, по каким-либо причинам пропущенной предварительной цензурой, то есть Главлитом. Приведенный список обязанностей наглядно показывает глобальный охват органами ОГПУ практически всех областей общественной и духовной жизни советского народа. Исключений было крайне мало. Политконтролю не подлежала корреспонденция руководства партии и государства, дипломатическая переписка, а также письма в адрес прессы. Все остальные письма равно подвергались просмотру, причем в обязательном порядке — международная корреспонденция, отправления до востребования и на условные адреса, подозрительные по вложению, а также отдельные отправления по заданиям оперативных органов. Любые письма и телеграммы могли быть не только просмотрены, но и изъяты, за исключением писем в адрес иностранцев, которые подлежали конфискации лишь в случае обнаружения в них вложений антисоветской литературы и листовок.

Последним в списке, однако не по значению методом оперативной работы был оперативный учет, именовавшийся в рассматриваемый период регистрацией. Первоначально каждый из центральных и территориальных органов ВЧК/ГПУ/ОГПУ вел собственную картотеку, и лишь в 1925 году все сведения стали централизоваться. Спецучет в СССР касался весьма значительной части населения: постановке на него подлежали бывшие дворяне, помещики, купцы, офицеры и военные чиновники, члены антисоветских партий и группировок, духовенство, лица, ранее судимые, уличенные и заподозренные в преступных деяниях,

неблагонадежные в политическом отношении, административный и руководящий персонал в государственных учреждениях и на промышленных предприятиях, а также лица из среды командного и административно-хозяйственного состава РККА.

В 1931 году эта система претерпела некоторые изменения. Приказ ОГПУ № 298/175 ввел в действие Инструкцию по учету и агентурным разработкам антисоветских элементов, установившую единые формы дел оперативного учета: агентурное дело, дело-формуляр и учетную карточку. Основной учет обозначался литером “А”, вспомогательный — литером “Б”. На основном учете находились лица, антисоветская деятельность которых (понимаемая весьма широко) являлась установленным фактом. На одиночек заводились дела-формуляры, а на участников организаций и групп — агентурные дела. По литеру “Б” учитывались лица, данные на которых были получены впервые и подлежали дальнейшей проверке. Такие данные содержались в учетных карточках, а компрометирующие материалы на них накапливались в делах агентов. При подтверждении полученных сведений люди далее учитывались по литеру “А”. В этой системе органы ОГПУ применяли классовый подход. При отсутствии подтверждений компромата в течение года рабочие, колхозники, бедняки и середняки снимались с учета, а все остальные продолжали числиться по литеру “Б” и могли находиться под подозрением без ограничения срока. Основания для снятия с учета были исчерпывающе перечислены в упомянутой инструкции: полное опровержение компрометирующего материала, вербовка органами ОГПУ, привлечение к уголовной ответственности и осуждение, инвалидность и смерть.

На фоне столь серьезного внимания к вопросам безопасности внешняя разведка занимала явно второстепенное положение и далеко не сразу выдвинулась в число приоритетных направлений деятельности ЧК. Первоначально она не относилась к компетенции чрезвычайных комиссий, являвшихся сугубо внутренним институтом. Только в апреле 1920 года внутри Особого отдела был создан Иностранный отдел (ИНО), а при фронтовых, армейских, флотских и некоторых губернских особых отделах — иностранные отделения. При каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР в капиталистических странах планировалось организовать сеть “легальных” резидентур с задачей агентурного проникновения в разрабатываемые объекты. Там же, где официальные советские представительства отсутствовали, работать предстояло исключительно с нелегальных позиций.

Развитию и укреплению ИНО в значительной степени способствовала беспомощность военной разведки в советско-польской войне 1920 года. В этом конфликте она показала себя с самой худшей стороны, после чего едва не прекратила существовать как самостоятельная структура. Дзержинский попытался использовать разгром Красной Армии и провал ее разведки для поглощения Региструпра и включения его в структуру чрезвычайных комиссий, как это удалось ему с военной контрразведкой. В ноябре 1920 года даже успело выйти подписанное Лениным постановление Совета труда и обороны о подчинении Региструпра Всероссийской чрезвычайной комиссии на правах отдела с включением его начальника в состав Коллегии ВЧК. Однако Троцкий хорошо усвоил урок недавнего прошлого и решил, что потери Военконтроля с него вполне достаточно, чекисты и без того чересчур укрепили свои позиции. Из-за сильнейшего противодействия военных постановление отменили, а разочарованный Дзержинский вынужден был отступить. Именно тогда у него появилось решение создать собственную полноценную и мощную внешнюю разведку, в результате чего появился приказ по ВЧК № 169 от 20 декабря 1920 года, постановивший:

- “1. Иностранный Отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный Отдел ВЧК.
2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному Отделу ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного Отдела ВЧК.
3. Иностранный Отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов. Меньжинскому (так в документе — И. Л.).
4. Врид. Начальником Иностранного Отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного Отдела.
5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с границей (так в документе — И. Л.), Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем Отделам ВЧК производить только через Иностранный Отдел”¹²⁸.

Приоритетными задачами ИНО стали:

- выявление за рубежом контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против РСФСР;
- внешняя контрразведка;
- освещение политической линии иностранных государств и их намерений;
- экономическая разведка;
- добывание документальных материалов по всем направлениям работы;
- контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

В составе ИНО имелись шесть географических (линейных, территориально-оперативных) отделений, курировавших различные регионы мира. Как видим, в сферу действий внешней разведки пока еще не входили ни активные операции, ни какие-либо острые мероприятия, столь часто проводившиеся в последующие годы. В качестве главного противника рассматривались не иностранные государства, а ведущие подрывную деятельность против советской власти эмигрантские организации. Как следствие, до середины 1930-х годов внешняя разведка имела преимущественно контрразведывательную направленность. Однако она не только изучала эмиграцию и иностранные спецслужбы, но и деятельно разрабатывала советских граждан за границей. Штатное расписание разведки насчитывало 40 единиц, распределенных по нескольким структурным подразделениям. Наиболее многочисленным были бюро виз и канцелярия отдела (по 11 человек), агентурное отделение состояло из 8 сотрудников, иностранное отделение — из 3, а оставшиеся 7 человек относились к руководству ИНО. Следует подчеркнуть, что здесь и далее по тексту термин “внешняя разведка” в применении к СССР используется в соответствии со сложившейся традицией его употребления. Безусловно, сферу деятельности ИНО и его преемников правильнее было бы именовать внешнеполитической разведкой, поскольку внешней разведкой в широком смысле этого понятия занимались и другие советские организации. Однако, во избежание путаницы, в данной книге используется такое традиционно устоявшееся определение разведывательных органов системы госбезопасности.

Внешняя разведка с первых дней своего существования работала в тесном контакте с Наркоминделом. Ее первый исполняющий обязанности начальника Яков Христофорович Давтян одновременно возглавлял отдел Прибалтийских стран и Польши НКВД, но руководил отделом (под фамилией Давыдов) лишь три месяца, с декабря 1920 по январь 1921 года, после чего перешел на дипломатическую работу. Его место занял Рубен Павлович Катанян, однако ненадолго: в апреле Давыдов возвратился в разведку, был утвержден начальником ИНО и проработал на этом посту до августа 1921 года.

В дальнейшем он занимал различные должности в полпредствах СССР в Литве, Китае, Франции, Иране, Греции и Польше и одновременно возглавлял загранточки, причем в Китае являлся главным резидентом ИНО и руководил работой аппаратов в Пекине, Шанхае и Харбине. Позднее Давтян перешел на административную и хозяйственную работу, а в 1938 году разделил судьбу многих своих коллег и был расстрелян по ложному обвинению. На

Я. Х. Давтян

посту начальника отдела Давыдова сменил работник московской контрразведки Соломон Григорьевич Могилевский, однако и он не задержался там надолго, а в мае 1922 года был откомандирован одновременно на должности полпреда ГПУ в Закавказье, председателя Закавказской ЧК и командующего пограничными и внутренними войсками ЗСФСР. 22 марта 1925 года при невыясненных обстоятельствах он погиб в авиакатастрофе вместе с кандидатом в члены ЦК, секретарем Закавказского крайкома РКП(б) А. Ф. Мясниковым и заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции Г. А. Атарбековым.

Относительно долголетним начальником внешней разведки являлся Меер Абрамович Трилиссер, возглавлявший ее с мая 1922 по октябрь 1929 года, а до 1930 года продолжавший курировать ее в ранге заместителя председателя ОГПУ, полученном им еще в 1926 году.

При нем ИНО развернул полномасштабные операции и стал серьезной и опасной для противников разведывательной службой. В 1930 году Трилиссер не выдержал конкурен-

С. Г. Могилевский

М. А. Трилиссер

С. А. Мессинг

ции с Ягодой и был откомандирован на должность заместителя председателя Рабоче-крестьянской инспекции, а с 1935 года стал секретарем и членом президиума Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ), где работал под именем Ивана Михайловича Москвина. Репрессии настигли его несколько позднее основной массы чекистов, он был арестован и расстрелян лишь в 1940 году. Преемником Трилиссера в ИНО с 27 октября 1929 года стал Станислав Адамович Мессинг, ранее руководивший госбезопасностью в Петрограде и входивший в состав Коллегии ОГПУ. Он не оставил заметного следа в работе внешней разведки, вероятно, по причине своего недолгого нахождения на этом посту, на протяжении по крайней мере половины которого фактическое руководство ИНО сохранял Трилиссер.

Как уже отмечалось, 25 июля 1931 года Мессинг вместе с группой других высокопоставленных чекистов оказался изгнанным Ягодой из ОГПУ и был откомандирован в распоряжение наркомата водного транспорта СССР. В 1937 году его расстреляли по обвинению в работе на польскую разведку. Следующим руководителем ИНО стал Артур Христианович Артузов, возглавлявший его до мая 1935 года. Иностраный отдел неоднократно менял свою структуру и штаты. В первой половине 1920-х годов она выглядела следующим образом:

- закордонное отделение с канцелярией;
- бюро виз;
- стол въезда;
- стол выезда;
- стол въезда и выезда эшелонами;
- стол приема заявлений;
- общая канцелярия.

В этот период ключевой фигурой в структуре внешней разведки являлся резидент, имевший право осуществлять вербовки источников без санкции Москвы. Несколько позднее Центр постепенно стал ограничивать самостоятельность закордонных разведаппаратов, и первым шагом на этом пути стало образование в ИНО шести секторов для руководства резидентурами: Северного, Польского, Центрально-Европейского, Южно-Европейского и Балканских стран, Восточного и Американского. На Востоке непосредственной организацией разведывательной деятельности занимались аппараты полпредств ОГПУ в закрепленных за ними районах.

На протяжении 1920-х годов главным объектом ИНО оставались эмигрантские организации, однако постепенно такое положение дел становилось анахронизмом. Ухудшившееся после 1927 года международное положение СССР, временами создававшее угрозу войны, требовало принципиально изменить под-

ход к ведению закордонной разведки и направить ее в первую очередь против иностранных государств, в особенности Великобритании, Франции, Германии, Польши, Румынии, Японии, Финляндии и Прибалтийских стран. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) в начале 1930 года обратило на ИНО особое внимание. Постановление от 5 февраля увеличивало ассигнования на оперативную работу за рубежом до 300 тысяч рублей золотом и ограничило район деятельности отдела конкретным рядом государств: Великобританией, Францией, Германией (центр), Польшей, Румынией, Японией и лимитрофами. Задачи, стоящие перед внешней разведкой, были предельно конкретизированы:

- “1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.
2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации.

3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения этих планов, подготовляемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии.
4. Освещение и выполнение планов финансово-экономической блокады в руководящих кругах упомянутых стран.
5. Добыча документов секретных военно-политических соглашений и договоров между указанными странами.
6. Борьба с иностранным шпионажем в наших организациях.
7. Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций.
8. Добыча для нашей промышленности изобретений, технико-производственных чертежей и секретов, не могущих быть добытыми обычным путем, и
9. Наблюдение за советскими учреждениями за границей и выявление скрытых предателей”¹²⁹.

На основании этого постановления ИНО подвергся существенной реорганизации, а его центральный аппарат разведки был разделен на три географических (региональных) и пять функциональных отделений:

- 1-е (нелегальная разведка);
- 2-е (вопросы выезда и въезда в СССР);
- 3-е (разведка в США и основных странах Европы);
- 4-е (разведка в Финляндии и странах Прибалтики);
- 5-е (работа по белой эмиграции);
- 6-е (разведка в странах Востока);
- 7-е (экономическая разведка);
- 8-е (научно-техническая разведка).

Соответственно выросла численность центрального аппарата ИНО, в котором теперь насчитывался 121 сотрудник, еще несколько десятков человек постоянно находились в резерве. К середине 1930-х годов отдел приобрел значительный опыт работы и создал разветвленные агентурные сети, уверенно выдвинувшись в число ведущих разведывательных служб мира.

В составе ОГПУ существовал и второй, весьма засекреченный орган внешней разведки — созданная в 1926 году В. Р. Менжинским Особая группа при председателе ОГПУ. По свидетельству П. А. Судоплатова, “в ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и в США в случае войны”¹³⁰. Подразделение известно также под неофициальным названием “группы Яши”, поскольку с 1928 по 1938 годы ее возглавлял Яков Исаакович Серебрянский. Группа работала исключительно с нелегальных позиций и привлекалась как для проведения острых акций, так и для создания параллельной сети нелегалов. Ее штат насчитывал 20 сотрудников центрального аппарата и около 60 нелегалов. Именно Особая группа организовала похищение в Париже председателя “Российского общевойскового союза” (РОВС) генерала Кутепова и провела множество других операций, описанных в соответствующих главах.

Я. И. Серебрянский

Необходимо отметить, что, несмотря на огромный размах операций, щедрое финансирование и многочисленные успехи советской внешней разведки, 1920-е годы и начало 1930-х все же можно считать дилетантским периодом ее истории. Контрразведка же достигла зрелости раньше и во многом опережала своих коллег, а зачастую наравне с ними решала внешние проблемы, особенно по эмигрантским центрам и организациям. КРО СОУ ОГПУ СССР был создан в мае 1922 года, но еще за год до этого руководство ВЧК провозгласило необходимость создания “научной контрразведки”. Эта теория гласила, что долговременный и серьезный успех способны принести не заградительные мероприятия, не массовые воздействия без конкретного адреса, а лишь продуманные оперативные разработки. Именно поэтому после создания КРО в него были направлены лучшие сотрудники, в первую очередь опытные агенты. Основная ставка делалась на проникновение в зарубежные центры

эмигрантских спецслужб и лишь во вторую очередь — в иностранные разведки, при этом прежде всего старались перехватить их каналы связи с агентурой внутри Советского Союза и начинать разработку объектов заинтересованности именно от этой отправной точки. Важнейшей частью работы являлось проникновение в иностранные миссии в СССР, дававшее возможность не только получать политическую информацию, но также добывать шифры и коды и внедряться в резидентуры иностранных спецслужб, большей частью пользовавшихся дипломатическим прикрытием. Одним из приемов наступательной контрразведки являлось создание легендированных антисоветских организаций. Позднее их значение постепенно упало, поскольку во второй половине 1930-х годов лишь очень наивные люди верили в возможность сохранения в СССР организованного подполья, а таких в разведке, как правило, не держат. Кроме того, со временем система оперативных игр во многом выродилась и стала проводиться по шаблону. Практически во всех случаях их объектом был РОВС, наблюдались ошибки в подборе агентов, стереотип в подготовке дезинформирующих материалов и легенд. Постепенно основанные на легендированных организациях игры ушли в прошлое и возродились в новом качестве лишь в годы Великой Отечественной войны. Следует отметить, что подобный метод оперативной деятельности был воспринят далеко не сразу. Например, при первых же попытках ввести его в УССР появился совершенно секретный приказ № 2 по Цупчрезкому и особым отделам Украины от 15 января 1921 года, гласивший: “Предупреждаю, что этот метод — метод “провокации” — для нас революционеров не приемлем и не допустим. Погоня за открытием организаций, раздувание дел или создание организации хотя бы с целью открытия подозреваемого заговора — *преступны*, ибо подобного рода деятельность ведет к определенному вырождению наших революционных органов чрезвычайной борьбы в старые охранные, жандармские, сыскные отделения”¹³¹. Однако вопросы этики вскоре уступили место требованиям оперативной целесообразности, и во второй половине 1920-х годов легендированные организации стали едва ли не основным методом проведения крупномасштабных оперативных игр. При этом четко соблюдалось правило никого не вовлекать в антисоветскую деятельность, не провоцировать, а принудить реально существующего противника искать контакты с мнимым союзником и в процессе этих действий взять его под свой контроль.

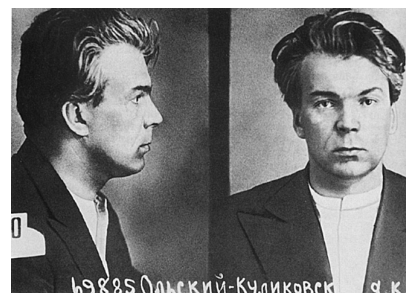
Артузов руководил контрразведкой до 1930 года, когда внутреннее соперничество в ОГПУ вынудило тогдашнего начальника разведки Трилиссера уйти из кадров госбезопасности. После этого логичным шагом стало назначение на должность начальника ИНО Артузова, который неоднократно возглавлял проведение закордонных операций, знал три иностранных языка и зарекомендовал себя как прекрасный руководитель оперативного подразделения. Со сменой руководства изменилась и организация службы, хотя это послужило лишь толчком для ее приспособления к изменившимся обстоятельствам.

Следует иметь в виду, что структура ОГПУ регулярно претерпевала изменения, отделы переименовывались, получали, теряли и меняли номера, некоторые приобрели статус управлений, поэтому любой приведенный их список верен лишь на какой-то конкретный момент времени. Подобные реорганизации не являлись какой-либо специфической чертой ОГПУ. Большинство спецслужб мира регулярно меняют свою внутреннюю структуру, чтобы любая добытая о них противником оперативная информация всегда оказывалась хоть немного, но устаревшей. В действительности же такие изменения чаще вызываются не столь высокими соображениями, а весьма приземленным желанием добиться дополнительных должностей или избавиться от неугодных руководителей среднего звена, как это произошло в 1932 году после ликвидации СОУ в результате описанной далее борьбы за власть внутри ОГПУ. Однако не следует полагать, что причиной реформы контрразведки послужили исключительно субъективные обстоятельства, они всего лишь ускорили неизбежный процесс ее адаптации к изменившимся внешним условиям. В конце 1920-х годов руководство СССР всерьез опасалось иностранной военной интервенции против Советского Союза и соответствующей активизации внутренних врагов, в связи с чем ОГПУ получило задачу создать мощный и мобильный контрразведывательный аппарат, одинаково пригодный к функционированию как в мирной обстановке, так и в условиях возможной войны. Первым шагом на этом пути стала централизация в одном подразделении всей работы по борьбе с иностранными разведками, эмигрантскими антисоветскими центрами и направляемыми ими силами внутренней контрреволюции в вооруженных силах и в гражданской области. Для этого приказом № 299/137 от 10 сентября 1930 года КРО, ОО и ВО были расформированы и включены

в принципиально новый Особый отдел, напрямую подчинявшийся руководству ОГПУ. Преемником ушедшего из контрразведки Артузова стал Я. К. Ольский-Куликовский, ранее работавший председателем ЧК Белоруссии.

Обновленный Особый отдел состоял из четырех структурных подразделений. Ими являлись:

- 1 отдел (борьба со шпионажем, наблюдение за иностранными посольствами, консульствами и их связями, наблюдение за национальными колониями в СССР);
- 2 отдел (борьба с кулацкой, повстанческой, белогвардейской контрреволюцией, молодежными контрреволюционными организациями, бандитизмом и контрреволюционными организациями, связанными с заграницей);
- 3 отдел (борьба с националистической и “восточной” контрреволюцией, со всеми видами шпионажа со стороны государств Востока и наблюдение за соответствующими посольствами, консульствами и национальными колониями в СССР);
- 4 отдел (оперативное обслуживание штабов, частей и соединений РККА и РККФ, оборонного строительства и военно-учебных заведений).

Я. К. Ольский

Таким образом, органы военной контрразведки сливались с территориальными органами госбезопасности и полностью выводились из-под контроля военных. Аналогичные Особые отделы были образованы во всех полпредствах ОГПУ, а в местах нахождения окружного командования они именовались Особыми отделами военного округа и полномочного представительства. Почти через год приказом ОГПУ № 2/1 от 1 января 1931 года особые отделы всех дислоцированных в краевых и областных центрах корпусов и дивизий РККА сливались с аппаратом Особого отдела ПП. Аналогично обстояло дело в центрах оперативных секторов ОГПУ. Все перечисленные меры стали залогом вывода контрразведки из пределов досягаемости командования военными округами и проводились в связи с назревавшей чисткой вооруженных сил по упомянутому далее литературному делу “Весна”. Еще одним шагом на этом пути стало решение кадровой проблемы. Летом 1931 года лояльно относившийся к армейскому руководству Ольский-Куликовский был снят с должности начальника Особого отдела и уволен из ОГПУ. Его преемником стал И. М. Леплевский. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1931 года окончательно закрепило новое положение: “в) Исключить из положения об Особом отделе п. «д» § 1, дающий Реввоенсовету право давать Ос. отд. задания, и § 3, по которому РВС СССР имеет право контроля над выполнением этих заданий, с тем, чтобы Особый отдел был непосредственно подчинен ОГПУ”¹³².

Другим шагом в реформе системы государственной безопасности стала централизация борьбы с внутренней контрреволюцией, не связанной с иностранными разведками. Для этого, как уже указывалось, 5 марта 1931 года СО и ИНФО были объединены в новый Секретно-политический отдел (СПО). В том же месяце из СОУ выделили в качестве самостоятельного Оперод, на который возложили функции по охране руководителей партии и государства, политконтроль (ПК), наружное наблюдение (НН), использование оперативной техники и политнадзор. После этого Секретно-оперативное управление естественным образом закончило свое существование и было упразднено. Реформа отчасти коснулась и внешней разведки, Иностраный отдел в 1930 году получил право проведения оперативных разработок, следствия и даже арестов по своим материалам, что для подобного органа было достаточно нетрадиционным. Для обеспечения всего комплекса указанных мероприятий Отдел центральной регистратуры был реорганизован в Учетно-статистический отдел (УСО) с возложением на него ряда дополнительных функций.

ВЧК, ГПУ и ОГПУ до своей смерти в 1926 году возглавлял Феликс Эдмундович Дзержинский, преемником которого стал его бывший заместитель Вячеслав Рудольфович Менжинский.

С этого момента Сталин получил фактическую возможность безраздельно распоряжаться всеми органами безопасности в государстве, ибо хотя Дзержинский и был всегда его верным сторонником, он являлся в партии крупной и самостоятельной фигурой, а новый

В. Р. Менжинский

председатель ОГПУ из-за своего мягкого характера совершенно не мог противостоять натиску вождя ни в одном вопросе. В 1929 году Менжинский, и до того страдавший от астмы, перенес тяжелый инфаркт, последствия которого отчасти преодолел лишь через год. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) ограничило режим его работы в соответствии с предписаниями врачей четырьмя днями в неделю и пятью часами в день. Однако уже в 1933 году председатель ОГПУ вновь сильно заболел и почти не участвовал в работе, а делами фактически управлял его первый заместитель Ягода. Подобная ситуация провоцировала внутренние интриги в ведомстве, в особенности в его центральном аппарате. Периодически они переходили все мыслимые рамки, и тогда в ситуацию приходилось вмешиваться Сталину, пристально наблюдавшему за обстановкой в органах госбезопасности и никогда не терявшему контроля над ними. В конце 1929 года зарвавшегося Ягоду, а также М. А. Трилиссера,

Т. Д. Дерibasа, коменданта Москвы П. П. Ткачука, помощника начальника Особого отдела Московского военного округа М. С. Погребинского и командира-комиссара дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского М. П. Фриновского наказали, формально мотивировав это их аморальным поведением. Трилиссер был удален из ОГПУ, Фриновский снят с командования “придворной” частью и отправлен в провинцию на должность председателя ГПУ Азербайджана, а Ягода утратил власть над Секретно-оперативным управлением и Особым отделом ОГПУ, то есть его ключевыми подразделениями. На должность начальника СОУ был назначен и сразу введен в состав Коллегии идейный вдохновитель печально известного “шахтинского дела” Е. Г. Евдокимов. Он немедленно перетянул за собой в центральный аппарат группу своих сторонников, в дальнейшем составивших так называемую “северокавказскую” группировку чекистов, в течение нескольких лет являвшуюся наиболее влиятельным кланом внутри системы госбезопасности. Упоенный своей победой и открывающимися блестящими перспективами Евдокимов был уверен, что в ближайшем будущем займет пост председателя ОГПУ, а Ягода отойдет даже не на вторые, а в лучшем случае на третьи роли или же вообще будет изгнан из ведомства.

Однако поражение этого опытного аппаратчика и интригана оказалось временным. В 1931 году Ягода для укрепления своих позиций решил нанести удар по вооруженным силам и организовал литерное дело “Весна” по обвинению во вредительстве множества командиров РККА из числа бывших офицеров. Контролировавший все подразделения внутренней

Е. Г. Евдокимов

безопасности Евдокимов не мог не видеть, что доказательства виновности подсудимых не выдерживают никакой проверки, и решил воспользоваться этим обстоятельством для окончательного решения “проблемы Ягоды”. Он и его сторонники заместитель председателя ОГПУ С. А. Мессинг, начальник Особого отдела Я. К. Ольский-Куликовский, начальник АОУ и одновременно ГУ-ПОиВ И. А. Воронцов и полпред ОГПУ по Московской области Л. Н. Бельский обвинили Ягоду в фальсификации дела “Весна”. Результат оказался прямо противоположен ожидаемому. Судя по всему, разработка командиров РККА осуществлялась если не по прямому указанию, то, во всяком случае, с ведома и согласия Сталина, поддержавшего первого зампреда ОГПУ в борьбе с его противниками. Итог интриги подвел приказ по ОГПУ № 390 от 25 июля 1931 года, дополнявшийся закрытым письмом ЦК с поддержкой Ягоды и осуждением его противников:

“1. Т. т. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника Секретно-Оперативного управления с направлением его в Туркестан на должность ПП на том основании, что:

а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно нетерпимые разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является “дутым” делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ”¹³³.

Кроме перечисленных работников, был снят со своей должности и Воронцов. Евдокимова первоначально планировалось откомандировать на должность полпреда ОГПУ по Ленинградской области, но по личной просьбе 1-го секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова его назначение было отменено, и бывший начальник СОУ отправился в Ташкент. Руководитель всей гражданской и военной контрразведки Ольский-Куликовский возглавил Главное управление столовых Наркомата внутренней торговли СССР, Воронцова откомандировали в Наркомат пищевой промышленности, Мессинг был направлен на хозяйственную работу, а позднее занял малопрестижную должность председателя советско-монгольско-тувинской торговой палаты. Бельский оказался в Наркомате снабжения, а впоследствии был возвращен в органы внутренних дел, возглавил союзную милицию и дослужился до поста заместителя наркома внутренних дел СССР. Одновременно был снят с должности начальника СПО и понижен до полпреда ОГПУ по Московской области Агранов, хотя позже он сумел вернуться в руководящие сферы и стал заместителем наркома НКВД СССР и начальником Главного управления государственной безопасности. На смену ему прибыл новый начальник СПО, мало кому известный ранее Г. А. Молчанов, под непосредственным руководством которого прошли все политические процессы по истреблению оппозиции с 1931 по 1936 год. Ягода также не вышел из конфликта без потерь. Он расстался с постом первого заместителя председателя ОГПУ и стал вторым заместителем, а его место занял партийный направлонец, бывший заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР И. А. Акулов. Всех этих достаточно разных и по характеру, и по должностям людей впоследствии объединила общая участь: расстрел.

Г. А. Молчанов

Вслед за чисткой верхов в ОГПУ прошло массовое увольнение руководящего состава среднего уровня, а сторонников убранных начальников отправили проходить службу в территориальных органах. Ненадолго и не полностью выздоровевший Менжинский не стал ничего восстанавливать и вообще в значительной степени устранился от руководства. Перечисленные кадровые перестановки привели к снижению роли контрразведки, зато на этом фоне существенно усилил свои позиции Иностраный отдел.

В послужных списках советских разведчиков имеется одна особенность: в самой середине карьеры многие из них на целые годы внезапно переводились в пограничную охрану. Однако это не означает, что очередной период своей жизни они посвятили изучению контрольно-следовой полосы, проверке паспортов в международных аэропортах или хождению вдоль границы с собакой на поводке, поскольку функции погранвойск в СССР были весьма широки, намного шире, чем в большинстве других государств. Концепция охраны границы в предвоенные годы предусматривала ключевую роль в этом процессе агентурно-осведомительной сети, а погранично-сторожевые войска лишь придавались ей, то есть первичной являлась оперативная работа, а заградительные мероприятия — вторичными. Такая, можно сказать, интеллектуальная концепция потребовала организации серьезной пограничной разведки, которая и была создана в 1924 году. До этого в стране в 1918 году недолгое время существовали пограничные ЧК, вскоре в подавляющем большинстве преобразованные в армейские, а после образования Особого отдела ВЧК — в дивизионные, армейские и фронтовые Особые отделы. Немногочисленные оставшиеся пограничные ЧК были включены в Особый отдел после выхода постановления Совета Обороны от 18 июля 1919 года “О передаче пограничных войск в ведение Народного комиссариата по военным делам”. Дальнейшая трансформация пограничных оперативных органов прошла в 1919 — 1920 годах и заключалась в создании на тех участках границы, где боевые действия уже завершились, особых пограничных отделений, особых пограничных пунктов и особых заградительных постов. В дальнейшем они вошли в ГПУ и затем в ОГПУ вместе с особыми отделами по охране границы. Однако на практике система не функционировала должным образом. Войсковые командования и оперативные аппараты ОГПУ существовали параллельно, что весьма затрудняло практическое взаимодействие обеих структур. Поэтому 25 февраля 1925 года приказом председателя ОГПУ “О реорганизации пограничной охраны на основе объ-

единения пограничных органов и пограничных войск” они были слиты воедино. Теперь на базе пограничных особых отделений и воинских частей создавались пограничные отряды, в структуре которых имелись секретно-оперативные части (СОЧ) с функциями агентурной работы. СОЧ состояла из следующих подразделений:

- группа информации;
- группа контрразведки;
- секретная группа;
- группа борьбы с контрабандой;
- группа службы;
- группа osobистского обслуживания (отдельного от общей системы Особых отделов).

СОЧ являлись основными оперативными органами охраны границы и находились в двойном подчинении: по вопросам шпионажа, политической контрабанды и переправки через границу — у губернских оперативных отделов ОГПУ, а по вопросам экономической контрабанды и нарушения границы — у частей погранохраны губерний. Возникли комендатуры пограничных участков, созданные из отдельных рот погранвойск и пограничных особых постов. Так сформировалась относительно современная система пограничных оперативных органов. Не следует полагать, что она ведала только разведкой погранполосы, ее операции очень часто выходили за рамки тактических и приобретали оперативный размах. Деятельность разведки подкреплялась боевой силой в виде созданных в августе 1925 года маневренных групп, имевших права комендатуры и численность до 300 человек. Они подчинялись помощнику начальника погранотряда по оперативной части, руководившему также секретной группой наружного наблюдения. Таким образом, вплоть до середины 1930-х годов заставы и комендатуры располагали агентурно-осведомительной сетью, использовавшейся прежде всего в интересах охраны границы в 22-километровой пограничной полосе. В нисходящей системе структуры линейных органов “отряд — комендатура — застава” оперативную работу соответственно вели заместители или помощники коменданта по СОЧ, уполномоченные и их помощники, а также начальники застав. После слияния в ноябре 1926 года Отдела пограничной охраны и Главной инспекции погранвойск в единое Главное управление пограничной охраны и войск (ГУПОиВ) ОГПУ, в котором имелась оперативная часть, роль разведки на границе еще более возросла. Ее значение в создании агентурного заслона видно из отчета реферата “Восток” II отдела генерального штаба Войска польского: “Пограничный отдел ГПУ, вопреки сильной нехватке людей и снабжения, имеет в своем распоряжении широко разветвленную и верную сеть агентов вдоль всей польско-советской границы, набранную из жителей этой зоны, а также среди крестьян и других слоев государственных работников. Вся пограничная территория разделена на три зоны, в которых организована контрразведывательная сеть в зависимости от степени близости зоны к границе. Среди такой густой разведывательной сети трудно поддерживать разведывательные контакты, и для ведения разведывательной работы в этой обстановке требуется немалая отвага и ловкость. Жители пограничья заинтересованы в обнаружении наших агентов благодаря соответствующим вознаграждениям. Следовательно, каждый человек, имеющий возможность работать в этой обстановке, обладает для нашей разведки значительной ценностью”¹³⁴.

В 1930 — 1931 годах в связи с принятием положений об оперативных секторах и о городских и районных отделениях, изменивших порядок ведения разведывательной и контрразведывательной работы в пограничной полосе, разведка пограничных войск подверглась очередной реформе. Понятие “оперсектор” было введено после отмены округов как административно-территориальных единиц СССР и ликвидацией в связи с этим округных отделов ОГПУ. Секторы создавались “для непосредственной глубокой чекистской работы в пределах обслуживаемой территории и для оперативного руководства городскими и районными Отделениями и аппаратом районных уполномоченных ГПУ”¹³⁵. В частности, на Украине создавалось 9 оперсекторов (Харьковский, Сталинский, Киевский, Днепропетровский, Одесский, Винницкий, Житомирский, Полтавский и Сумской), одновременно с этим продолжал существовать Молдавский областной отдел ГПУ. Согласно новым руководящим документам, за оперативную работу в приграничных секторах в равной степени отвечали и пограничники, и территориалы, однако на практике оперсекторы, как правило, возглавлялись командирами погранотрядов. Им подчинялись районные и городские аппараты ОГПУ, и командир отряда теперь одновременно руководил также и всей местной структурой госбезопасности, включая войска. Новшество понравилось далеко не всем, пос-

кольку отныне начальники территориальных органов, доселе составлявшие элиту второго уровня (после местных партийных комитетов), опустились на ступеньку ниже и внезапно оказались в подчинении у своих коллег-пограничников, которых раньше воспринимали в качестве “младших братьев”. Теперь же те возглавили примыкавшие к границе оперативные секторы и также не были в восторге от свалившейся на них неожиданной ответственности за политическую благонадежность на подведомственных территориях. Но приказ следовало выполнять, а на практике это означало, что оперативный аппарат погранвойск теперь в значительно меньшей степени занимался непосредственными задачами охраны границы и постоянно отвлекался на помощь местным территориальным органам госбезопасности. В развитие сближения обоих аппаратов, в 1932 году osobистское обслуживание погранвойск изъяли из их собственной компетенции и передали в общую систему Особых отделов. Ситуация сохранялась неизменной до 1934 года и улучшению охраны границы никак не способствовала.

В начале 1920-х годов определенное развитие получила теория агентурной разведки. Считалось, что разведывательная служба основную работу должна проводить по открытым источникам, а область действий агентурной разведки начинается там, где получаемой несекретной информации недостаточно, то есть к ее компетенции относили оперативное изучение вопросов, лежащих за пределами официальной доступности. При общей справедливости такой концепции она все же несколько устарела, поскольку не учитывала возможностей тайного физического проникновения, радиоразведки и иных технических способов съема закрытой информации. Однако теория, как всегда, отставала от практики, и в действительности все обстояло далеко не столь удручающим образом. Криптография в СССР развивалась быстрыми темпами, причем использовались как “чистые” криптоаналитические возможности, так и компрометация шифров и кодов противника, его “криптографическое ограбление”. С июня 1921 года ОГПУ читало шифровки германского представительства в Москве, в 1923 году добыло шифры китайского посольства, с 1924 года для Спецотдела перестали быть секретом некоторые польские шифры, а к 1925 году СССР частично или полностью раскрыл военные, дипломатические и разведывательные коды пятнадцати государств. С 1921 года ОГПУ получило доступ к прочтению зашифрованной переписки НСЗРиС. Эта еще не исследованная сторона работы контрразведки по ликвидации савинковской организации заставляет по-новому взглянуть на ее агентурную разработку.

Вообще же ликвидация “Национального союза защиты родины и свободы” явилась одной из самых ярких операций контрразведки и достаточно широко освещена в литературе. Летом 1922 года представитель II отдела польского главного штаба капитан Секунда направил адъютанта Б. В. Савинкова сотника А. Д. Шешеню для проверки деятельности резидентур НСЗРиС в Смоленске и Москве. При нелегальном переходе границы эмиссар был арестован. В ГПУ весьма обрадовались столь ценной добыче и срочно бросили на его допросы лучшие силы. Поединок с опытными следователями Шешеня проиграл, очень скоро начал работать на бывшего противника под псевдонимом “Искра”. Он раскрыл всю информацию, которой располагал о НСЗРиС, в частности, резидентах союза в Смоленске штабс-капитане В. И. Герасимове (“Дракун”) и в Москве М. Д. Зекунове. Первый из них был вскоре осужден, а второй стал спецсведомителем органов госбезопасности под псевдонимом “Михайловский”. Дальше в работу вступил КРО, создавший легендарную подпольную антисоветскую организацию “Либеральные демократы” (“ЛД”), роль руководителя которой А. П. Мухина играл контрразведчик А. П. Федоров. Это стало началом оперативной игры под названием “Синдикат-2”, одной из первых и самых успешных случаев создания легенд КРО. Она продолжала воздействие на НСЗРиС в развитие проведенной ранее операции “Синдикат”. Целью операции являлся вывод в РСФСР, а позднее в СССР и захват славившегося своей недоверчивостью и интуицией Савинкова, поэтому проводилась она крайне осторожно. В ходе “Синдиката-2” появлялось множество соблазнительных возможностей нанести удар по второстепенным фигурам, одна-

А. Д. Шешеня

ко ради достижения основной цели контрразведчики сумели избежать искушений. Вначале Федоров убедил отправиться с инспекционной поездкой в Россию руководителя отделения НСЗРиС в Вильно Фомичева, за ходом вояжа которого внимательно следил Савинков. Он не без основания полагал, что, если “ЛД” создали чекисты, они не упустят случая заглотнуть столь привлекательную приманку. Увы, глава НСЗРиС недооценил масштаб замысла не заменивавшегося на мелочи КРО. Фомичев благополучно возвратился обратно и теперь уже сам начал убеждать шефа перейти границу и побывать на родине, чтобы личным присутствием активизировать подпольную деятельность своих сторонников в СССР. Осторожный Савинков все же вначале послал вместо себя руководителя военизированных формирований союза полковника Павловского, который по возвращении должен был засвидетельствовать безопасность канала. Председатель НСЗРиС знал, сколько крови на руках его помощника, и был уверен, что уж его-то ГПУ обратно за границу не выпустит ни в коем случае, с каким бы дальним прицелом ни проводилась оперативная комбинация. Павловский, в свою очередь, решил не играть по заранее установленным правилам и отказался воспользоваться организованным контрразведкой “окном” на границе, а с группой вооруженных людей с боем прорвался в совершенно другом месте, почти целиком уничтожив при этом пограничную заставу. Позднее его все же арестовали, после чего вопрос о продолжении операции встал весьма остро. Отпускать Павловского было немыслимо, поскольку вне пределов досягаемости ОГПУ он никогда бы не согласился обманывать Савинкова, а задержать его означало окончательно провалить игру. Поэтому контрразведчики вынудили арестованного согласиться на сотрудничество, присвоив новому спецсведомителю псевдоним “Миклашевский”, имитировали его тяжелое ранение, якобы заведомо исключавшее любое передвижение, и заставили написать успокаивающее письмо: “...Капитал есть, но нужен мудрый руководитель, т. е. Вы. Все уж из состава главной нашей конторы привыкли к этой мысли, и для дела Ваш приезд необходим. Я, конечно, не говорил бы этого, не отдавая себе полного отчета в своих словах”¹³⁶. Как и следовало ожидать, Павловский все же попытался подать заранее обусловленный сигнал опасности, однако эта попытка провалилась из-за неудачного конспиративного замысла. Выявление подобного сигнала возможно лишь в случае, если пропуск знака означает безопасность, а не опасность, тогда как в данной ситуации все обстояло наоборот. Работники КРО сразу же распознали примитивное отсутствие точки в конце фразы и поставили ее, сорвав намерения Павловского в самом начале.

В конечном итоге в 1924 году Савинков все же прибыл в СССР и практически сразу же 15 августа был арестован вместе со своими спутниками. На суде он покался во всех грехах. Довольно странно было слышать от нестигаемого и легендарного антикоммуниста слова раскаяния: “Для меня теперь ясно, что не только Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, но и Петлюра, и Антонов, и эсеры, и “савинковцы”, и грузинские меньшевики, и Махно, и Григорьев, и даже кронштадтцы не были поддержаны русским народом и именно поэтому и были разбиты; что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть... Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но и вредна”¹³⁷. Трудно сказать, что именно заставило бывшего председателя НСЗРиС так оценить свой пройденный путь и дело всей жизни, поскольку по сей день точно не известно, чем и как убеждали его следователи ОГПУ. Достоверно установлено лишь то, что никакие меры физического воздействия к Савинкову не применялись. Косвенным свидетельством проводившейся с ним психологической игры является, в частности, постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 сентября 1924 года, гласившее: “Дать директиву Отделу печати наблюдать за тем, чтобы газеты в своих выступлениях о Савинкове соблюдали следующее:

а) Савинкова лично не унижать, не отнимать у него надежды, что он может еще выйти в люди;

б) Влиять в сторону побуждения его к разоблачениям путем того, что мы не возбуждаем сомнений в его искренности”¹³⁸. Такая тактика в дальнейшем привела осознавшего беспочвенность надежд на освобождение Савинкова к самоубийству, но пока что она дала ожидаемые результаты. Накопленные оперативные и следственные данные позволили полностью разгромить его организацию, которая после этого окончательно прекратила свое существование. Всего ОГПУ ликвидировало 23 резидентуры НСЗРиС, его западный областной комитет и несколько отдельных групп агентов Информационного бюро союза — его разведки. Следует, правда, отметить, что эта структура была наиболее активна несколько

ранее, когда ее возглавлял брат Савинкова Виктор. В 1923 году он отошел от политической борьбы, а под руководством его преемника Е. С. Шевченко Информационное бюро потеряло прежнюю значимость и превратилось в обычный аппаратный орган.

Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Савинкова к смертной казни по тринадцати пунктам обвинительного заключения, но одновременно ходатайствовала перед ЦИК о смягчении приговора. Ходатайство было удовлетворено, и в качестве компенсации за покаяние смертную казнь заменили десятилетним тюремным заключением. Следует отметить, что режим содержания под стражей бывшего самого знаменитого террориста России отличался крайним либерализмом. В одной камере с ним добровольно находилась его спутница жизни, их возили на прогулки, в рестораны и на театральные спектакли, обеспечивали лучшими продуктами, коллекционными винами и литературой. Однако Савинков очень тяготился пребыванием в заключении и постоянно обращался с ходатайствами о досрочном освобождении, не получавшими ответа. Утром 7 мая 1925 года он передал Дзержинскому очередное письмо с требованием либо освободить его, либо раз и навсегда сообщить о том, что это невозможно. Принимавший письмо представитель тюремной администрации весьма скептически оценил шансы заключенного на досрочный выход на свободу, после чего выпустил его на прогулку в Царицынский парк в сопровождении известных чекистов Пузицкого, Сыроежкина и Сперанского. По возвращении с прогулки в 23 часа 20 минут Савинков внезапно выбросился во двор из окна находившегося на пятом этаже кабинета № 192 и разбился насмерть. Бытует расхожее мнение о том, что бывший председатель НСЗРиС вовсе не покончил с собой, а был убит сотрудниками ОГПУ, однако нет никаких оснований полагать, что это соответствует действительности. Скорее всего, Савинков просто не смог вынести крушения всех своих жизненных ценностей и не видел никакого смысла в дальнейшей жизни, тем более в заключении, срок окончания которого не просматривался. Борьба бывшего председателя НСЗРиС против коммунистов потерпела полный крах, проиграл он и “дуэль умов” с ОГПУ.

Сразу после “Синдиката-2” проводилась значительно менее известная операция “Синдикат-4”, направленная против “кирилловцев” — монархических кругов эмиграции, признававших право на российский престол за великим князем Кириллом. Она началась в ноябре 1924 года и заключалась в создании легендированной “Внутренней российской национальной организации” (ВРНО), якобы имевшей на территории Советского Союза 46 конспиративных и явочных квартир для связи с закордоном. Явки располагались в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Пскове, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Нахичевани, Баку, Ташкенте, Хабаровске и других крупных населенных пунктах. Завербованный ИНО в Берлине эмигрант (“Климович”) представил одному из влиятельных монархистов Глазенапу агента ОГПУ “Чернявского”, выступавшего в качестве эмиссара ВРНО. Он познакомил его с представителями СИС и РОВС, а в 1928 году представил самому генералу Кутепову, с которым “Чернявский” договорился об установлении конспиративной связи. В течение двух лет председатель РОВС пытался проверить новую для него организацию и направил для этого в СССР двух своих офицеров Огарева и Цветкова. Они подтвердили подлинность ВРНО, после чего в 1930 году в Берлине состоялась встреча Кутепова с двумя агентами ОГПУ, являвшимися подлинными представителями советских предприятий лесной промышленности.

Операция имела большие перспективы, в частности, благодаря широкому охвату: по делу проходили 463 фигуранта. Свидетельством ее важности является то, что в разное время “Синдикат-4” курировали 30 руководящих работников ОГПУ. К сожалению, игра была преждевременно свернута, главным образом по причине внутренних распрей в руководстве госбезопасности. В 1930 году без особых на то оснований до РОВС была доведена информация о разгроме ВРНО, причем Наркоминдел для прикрытия разослал в иностранные посольства информацию о ликвидации антисоветской организации. При этом перечислялись фамилии нескольких уже арестованных иностранных разведчиков, а приезжавшие в Берлин представители предприятий лесной промышленности были объявлены скрывающимися от ареста. Трудно сказать, способствовала ли такая акция поставленным задачам создания у иностранных разведывательных служб и эмиграции впечатления монолитности советского строя. Контрразведка лишь предусмотрительно позаботилась о “сохранении” харьковского и среднеазиатского филиалов ВРНО, в течение еще некоторого времени служившими приманкой для противника.

Точные данные о выявленных советской контрразведкой иностранных агентах покрыты мраком, ибо по сохранившимся документам и оперативным делам невозможно полностью отфильтровать правду от вымысла. Более-менее достоверны данные о задержании шпионов на границе, однако здесь возможно включение в эту категорию обычных перебежчиков и “чистых” контрабандистов. Например, вызывает серьезное сомнение информация об аресте пограничниками в первой половине 1932 года 187 агентов польской разведки. Это было возможно лишь не позднее 1927 года, до ряда провалов польских агентурных сетей на территории СССР. Поляки действительно уделяли самое серьезное внимание операциям на Востоке, и в 1928 году реферату “Восток” были выделены 40% от общих ассигнований на разведку. Еще в 1925 году только в Украине резидентуры II отдела действовали в Киеве (местный ломбард и штаб XIV корпуса), Одессе (штаб 51-й стрелковой дивизии и военное училище), Житомире (131-й стрелковый полк) и Каменец-Подольском, а отдельные агенты – в Староконстантинове, Городке, Изяславе и Солодковце. Однако после приобретения соответствующего опыта контрразведывательной деятельности ОГПУ арестовало множество бывших офицеров, составлявших основу польского агентурного аппарата в СССР, а также разгромило ряд эмигрантских организаций, через которых проводил работу II отдел главного штаба Войска польского. Для организации разведки с СССР поляки условно разделили советскую территорию на 5 “разведывательных округов”, или зон:

- московская зона (Петроград, Смоленск, Минск, Нижний Новгород и Самара). Главными направлениями ее разведывательных устремлений являлись Московский, Петроградский, Западный и Приволжский военные округа, Балтийский флот, военная промышленность Тулы, Иваново-Вознесенска и Урала, Архангельский порт и транзит через Финляндию;
- тифлисская зона (Кавказ) ведала антисоветской ирредентой в Азербайджане, Грузии и Армении;
- харьковская зона с киевским, харьковским, одесским и ростовским “подчиненными округами”. Занималась Украинским и Северо-Кавказским военными округами, Киевским укрепленным районом, внешнеторговыми перевозками через черноморские порты и промышленностью Донбасса.
- оренбургско-туркменская зона (Западная и Восточная Сибирь, Хива и Бухара
- новониколаевская зона (Западная и Восточная Сибирь).

В центрах зон планировалось создать главные пляцувки, которые должны были руководить точками в так называемых “подчиненных округах”. Использование отдельных пляцувок, а также агентуры, подчинявшейся резидентурам в Финляндии, Прибалтике, Румынии или непосредственно центру, допускалось лишь в крайнем случае. Следует, однако, отметить, что вся эта стройная система осталась в основном на бумаге. Удары контрразведки по польским агентурным сетям, а также практиковавшееся отселение нелояльных элементов из приграничных районов, агентурные, войсковые и технические мероприятия по охране границы не позволили Варшаве реализовать свои планы в полном объеме. Эффективная перевербовка дала ОГПУ возможность производить неоднократные обратные заброски двойников, далеко не всегда раскрывавшиеся с помощью слабых контрразведывательных возможностей экспозитур по собственным агентам. По указанным причинам поляки вынуждены были искать альтернативные способы осуществления разведки в СССР. Они практиковали облеты границы аэрофоторазведчиками, иногда осуществляли вооруженные прорывы агентов-боевиков, а с 1927 года обратили внимание на восточные и южные границы Советского Союза. Польская разведка открыла пляцувки в Ираке (“Радаменес”) и Иране (“Навуходоносор”), а позднее также в Стамбуле, Трабзоне, Тегеране, Мешхеде, Тебризе, Кабуле и несколько точек на Дальнем Востоке. Однако их суммарные агентурные возможности оставались довольно ограниченными, и утверждения о сотнях и тысячах наводнивших СССР польских агентах были явно весьма далеки от реальности.

Не более похожа на правду и картина деятельности абвера в Советском Союзе. Сообщалось, что в 1934 году были раскрыты и арестованы:

- шесть германских агентов — специалистов из немецкой внешнеторговой фирмы “Контроль-Ко”;
- организация под руководством немецкого инженера Линдера в Управлении связи БССР, обеспечивавшая связь с границей и готовившая диверсии на стратегических объектах;

- группа германских шпионов, работавших под прикрытием специалистов по связи в представительстве фирмы “Сименс — Гальске”.

В различных документах имеется еще немало упоминаний и о других якобы существовавших на советской территории немецких резидентурах и подрывных подпольных организациях. В частности, 5 марта 1934 года занимавший тогда должность заместителя председателя ОГПУ В. А. Балицкий докладывал Сталину об активной шпионской деятельности немцев с позиций консульств в Харькове, Киеве и Одессе, активно использовавших для этого “немецкие лютеранские и католические кадры”¹³⁹.

Следующий, 1935 год ознаменовался разгромом германских агентурных сетей на московских заводах “Электрофизприбор”, “Газочистка”, “Электрозавод” и других, а также ликвидацией в Средней Азии резидентуры под руководством консула Зоммера, агенты которого собирали информацию и готовили неизменные диверсии на военных заводах. В 1936 году число обнародованных случаев шпионажа возросло. Закрытые и открытые источники содержат упоминание о разгроме следующих резидентур и отдельных агентурных групп германской разведки:

- ряда сотрудников фирмы “Рейнметалл”, готовивших взрывы нескольких военных заводов;
- специалистов ленинградских представительств фирм “Ашафенбург”, “Вальдгофф” и “Теодор-Торер”, готовивших вывод из строя метрополитена и ряда промышленных предприятий;
- резидентур в Донбассе, Запорожье и Днепропетровске, созданных сотрудниками германских консульств в Киеве и Харькове и планировавших проведение диверсий на важных промышленных объектах;
- действовавшей в Приморье группы агентов под руководством консула Германии во Владивостоке Кастнера и секретаря консульства Вольного.

Не меньший удар был нанесен по немцам на Украине. Только УНКВД УССР по Донецкой области в 1936 году ликвидировало ряд диверсионных, как сообщалось, групп, именовавшихся по названиям литературных дел по их разработке:

- “Узел” (районы Донецкой области, Днепропетровская область, Кавказ, Закавказье и Сибирь). Арестовано около 50 человек, 8 расстреляны;
- “Авторитет” (районы Донецкой области, Киевская область и Закавказье). Арестовано около 40 человек, 7 расстреляны;
- “Педагоги-изменники”. Осуждены 16 человек;
- “Кольцо”. На оборонных предприятиях арестовано свыше 80 человек;
- “Редактор”;
- “Перелет”. Осуждены к тюремному заключению 12 человек, 6 расстреляны;
- “Радисты”. Арестовано около 100 человек;
- “Интеграл”;
- диверсионная организация переселенцев в Старобельском районе. Сообщалось, что она образовала 11 штурмовых отрядов и находилась в подчинении консульства Германии в Киеве;
- “Сумерки” (группа на химических заводах Константиновки). Сообщалось, что ей руководило консульство Германии в Москве;
- диверсионная организация на электростанциях Донбасса. Якобы находилась под руководством гестапо.

В указанной докладной записке от 5 марта 1934 года Балицкий сообщал о создании Национал-социалистической партии Украины и ликвидации 81 повстанческой ячейки Союза боевых молодых немцев, организованных “по типу гитлеровских штурмовых отрядов”¹⁴⁰.

Все перечисленные эпизоды довольно сомнительны, во всяком случае, в части подготовки совершенно не нужных Германии на данном этапе диверсий. Они являются очевидными доказательствами постепенного перехода ОГПУ к фальсификации дел, осуществляемой как в политических целях, так и просто для оправдания существования своего многократно разросшегося штата. Вездесущая контрразведка строилась по территориально-объектовому принципу и обслуживала все имевшиеся в стране населенные пункты, предприятия, организации и учреждения, органы государственного управления, войска, транспорт — фактически все, за исключением партийных органов. Вероятно, во всем мире не нашлось бы армии шпионов, способной охватить все обслуживаемые ОГПУ объекты. Но, как уже отмеча-

лось, лишь небольшая часть контрразведки и в самом деле занималась противодействием иностранным разведорганам и была в состоянии осуществить его, все же остальные подразделения использовали этот термин в качестве эвфемизма для обозначения политической полиции.

Структура ОГПУ была ориентирована именно на это. К концу своего срока существования она претерпела ряд изменений по сравнению с начальным периодом и в 1934 году являлась следующей:

- Председатель;
- Заместители председателя;
- Коллегия;
- Секретариат Коллегии;
- Особоуполномоченный при Коллегии;
- Особое совещание и Особая инспекция при ней;
- Судебная коллегия;
- Управление делами (УД);
- Отдел кадров (ОК);
- Финансовый отдел (ФИНО);
- Особый отдел (ОО);
- Секретно-политический отдел (СПО);
- Иностранный отдел (ИНО);
- Оперативный отдел (Оперод);
- Транспортный отдел (ТО);
- Специальный отдел (СО);
- Учетно-статистический отдел (УСО);
- Главное управление погранохраны и войск ОГПУ (ГУПО ВОГПУ);
- Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ);
- Главное управление лагерями (ГУЛАГ);
- Экономическое управление (ЭКУ);
- Мобилизационный отдел;
- Инженерно-строительный отдел;
- Часть секретного хранения архивных фондов.

Объединенному государственному политическому управлению негласно подчинялись многие предприятия и организации, от акционерного общества “Интурист” до Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), созданной для добывания затонувших у берегов Крыма сокровищ британского фрегата “Черный принц”¹⁴¹. Одновременно с изменением структуры ОГПУ назревали перемены в его руководстве. Здоровье Менжинского настолько ухудшилось, что он уже не мог подниматься по лестнице в собственный кабинет, принимал посетителей лежа на диване и вообще в основном жил за городом на даче. Сталин давно решил назначить Ягуду его преемником, но по какой-то обычно не свойственной ему деликатности не делал этого при жизни Менжинского. Однако и после его смерти в мае 1934 года заместителю председателя ОГПУ так и не довелось стать его полноправным и формальным преемником. В июле было принято решение о вхождении секретной службы на правах Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) в состав Наркомата внутренних дел СССР, руководителем которого назначили Генриха Григорьевича Ягуду. Начался следующий, принципиально иной этап истории спецслужб Советского Союза.

2. РАЗВЕДУПР

Второй по значению после госбезопасности секретной службой СССР являлась военная разведка. Она возникла значительно раньше ИНО и в какой-то мере может считаться наследницей прежних военных разведывательных структур.

В первые полгода после революции по инерции еще продолжал существовать ведавший агентурной разведкой Отдел 2-го генерал-квартирмейстера Главного управления ге-

нерального штаба (ГУГШ), или Огенквар, руководил им по-прежнему генерал-майор П. Ф. Рябиков. Структура центрального аппарата отдела выглядела следующим образом:

- 1-е отделение (разведывательное);
- 2-е отделение (германское);
- 3-е отделение (романское);
- 4-е отделение (скандинавское);
- 5-е отделение (австро-венгерское);
- 6-е отделение (ближневосточное);
- 7-е отделение (средневосточное);
- 8-е отделение (дальневосточное).

Никакая работа в отделе практически не велась, да и вести не могла ввиду полного развала агентурного аппарата, самоликвидации института военных агентов (атташе) и прекращения связи с источниками. Все предпринимаемые в этом направлении попытки успехом не увенчались.

Параллельно с Огенкваром в течение крайне непродолжительного периода времени в составе Революционного полевого штаба (РПШ) существовал еще и возглавляемый В. А. Фейерабендом Отдел агитации и разведки. РПШ был создан 27 ноября (10 декабря) 1917 года при ставке верховного главнокомандующего в Могилеве для оперативного руководства вооруженной борьбой с контрреволюцией на юге России, однако уже 12 марта следующего года был расформирован. Его разведотдел прекратил свое существование намного раньше, в самом конце 1917 года, и не успел сыграть сколько-нибудь заметную роль в истории военной разведки России.

В соответствии с постановлением Совнаркома 4 марта 1918 года был учрежден первый центральный орган стратегического руководства вооруженными силами Советской республики — Высший военный совет (ВВС). В его Оперативном управлении помощником начальника по разведке и одновременно начальником Разведывательного отделения с апреля по май 1918 года являлся А. Н. Ковалевский, а затем будущий Маршал Советского Союза, начальник генерального штаба и заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников. Новая структура не обладала абсолютно никакими разведывательными позициями и пыталась работать исключительно через зафронтовые партизанские отряды, но особых успехов, естественно, не достигла. Создание в мае 1918 года третьего органа военной разведки — Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (Оперод Наркомвоена) — еще более усилило неразбериху и в корне пресекло любые попытки централизовать оперативную работу и оценку добываемой информации. Оперод возглавлял социал-демократ, бывший штабс-капитан Семен Иванович Аралов, а его организационное и разведывательное отделение — Борис Иннокентьевич Кузнецов, вскоре сосредоточившийся исключительно на разведывательных проблемах.

С. И. Аралов

В том же мае 1918 года на базе реформированного ГУГШ был сформирован Всеросглавштаб — высший военный орган, ведавший учетом, обучением и мобилизацией военнообязанных, устройством и боевыми порядками частей Красной Армии, а также разработкой других вопросов, связанных с обороной республики. В составе его Оперативного управления имелся образованный на базе Огенквара Военно-статистический отдел (ВСО), внутренняя структура которого фактически повторяла существовавшую ранее структуру разведки ГУГШ:

- 1-е отделение (руководство разведывательной работой военных округов);
- 2-е отделение (германское);
- 3-е отделение (австрийское);
- 4-е отделение (скандинавское);
- 5-е отделение (романское);
- 6-е отделение (ближневосточное);
- 8-е отделение (дальневосточное);
- военно-агентское отделение;
- общее отделение.

В условиях гражданской войны ВСО являлся столь же нежизнеспособным органом, как и его предшественник. Отсутствие у него сил и средств разведки, а также периферийного аппарата, наряду с другими проблемами обрекли Военно-статистический отдел лишь на составление сводок для командования. В их основе лежали неполные, отрывочные и часто недостоверные данные, получаемым в основном от войсковой разведки, притом со значительной задержкой по времени.

Все три существовавшие по состоянию на весну 1918 года центральные органы военной разведки никак не координировали свою деятельность, да и координировать, строго говоря, было пока нечего. Агентурно-оперативная работа влачила жалкое существование, а добываемые фронтowymi частями данные по своему уровню могли интересовать лишь командование на местах. Постепенно приходило осознание того, что военные секретные службы насущно необходимы для любого государства, тем более воюющего, и тогда в июле 1918 года с целью исправления создавшегося положения была сформирована межведомственная Комиссия по организации разведывательного и контрразведывательного дела. Однако отсутствие опыта в подобных вопросах привело к тому, что вместо централизации оперативных структур или хотя бы организации координирования их работы комиссия пошла по несложному, но и непродуктивному пути разграничения сфер ответственности существовавших органов. Председатель РВСР А. Д. Троцкий утвердил ее выводы в виде “Общего положения о разведывательной и контрразведывательной службе”, в котором возложил общее руководство разведкой на ВСО Всеросглавштаба. В нем было установлено, что он “ведает:

- а) заграничной агентурной разведкой как в мирное время, так и в период мобилизации и во время войны,
- б) разработкой после окончания работ общего мирного конгресса всех вопросов, связанных с мобилизацией разведки, обеспечивающей ее непрерывность с объявлением войны и соответствие заграничной агентурной сети военным коалициям держав,
- в) разграничением районов разведки и постановкой разведывательных задач всем органам, ведущим разведку на территории Российской Республики и общим руководством этой работой...
- г) окончательной разработкой и систематизированием сведений, добываемых нашими разведывательными органами”¹⁴².

Согласно тому же документу, “Оперативный Отдел Народного Комиссариата по военным делам:

- а) исполняет задания Коллегии Народных Комиссаров по военным делам,
- б) ведет учет и организует разведку, согласно особым указаниям Коллегии Народных Комиссаров по военным делам, против всех сил, которые в данный момент грозят Российской Республике,
- в) организует и ведет разведку в оккупированных областях, в Украине, Польше, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Финляндии и Закавказье”¹⁴³.

К ведению Высшего военного совета была отнесена разведка в районе установленной Брестским мирным договором демаркационной линии и агентурная разведка силами штабов уже упоминавшейся войсковой Завесы. Обязанности по разведке возлагались также и на штабы округов в зоне их ответственности, хотя фактически поддержание устойчивой закрытой связи с ними в середине 1918 года представляло собой абсолютно нерешаемую задачу. Комиссия не устранила существовавшие проблемы, да и не могла устранить их полностью, поскольку дееспособных органов военной разведки в России на тот период просто не существовало, а принципиально улучшить положение одними лишь постановлениями, как известно, невозможно. При этом оказался упущенным реальный шанс централизовать процесс сбора и обработки разведывательной информации и таким образом заложить фундамент его правильной организации на ближайшее будущее. В довершение всего задачи военной разведки ограничились изучением текущих событий, фактически запретив ей работу на перспективу, и теперь раздробленность системы закреплялась и усугублялась отказом от ведения стратегической разведки. Кроме того, даже немногие положительные аспекты “Общего положения о разведывательной и контрразведывательной службе” на практике не выполнялись и поэтому оказались бесполезными.

Если децентрализация разведки была не слишком заметна руководству страны, то аналогичное положение с общим управлением войсками и ведением боевых действий ускользнуть от его внимания не могло. Поэтому в соответствии с постановлением ВЦИК от

2 сентября 1918 года был создан коллегиальный орган высшей военной власти — Революционный военный совет республики (РВСР), а 6 сентября возник Штаб РВСР — орган полевого управления Реввоенсовета и главкома по оперативно-стратегическому руководству Красной Армией. В его составе существовал занимавшаяся организацией войсковой разведки Разведывательный отдел, который возглавил Шапошников. В Штабе, почти сразу же переименованном в Полевой штаб, имелось Управление дел РВСР — фактически прежний Оперод Наркомвоена, которому с 14 октября 1918 года подчинялись все силы агентурной разведки и контрразведки из ликвидированного Высшего военного совета и Военно-статистического отдела Всеросглавштаба. Соответствующий приказ РВСР № 94 гласил: “Руководство всеми органами военного контроля и агентурной разведкой сосредотачиваются в ведении Полевого штаба РВСР. Из оперативного управления Всероссийского Главного штаба передаются в Полевой штаб РВСР все материалы по ведению разведки военного контроля (контрразведки)”¹⁴⁴. Руководство управлением поручили С. И. Аралову, но он в силу своей занятости просто физически не мог выполнять все служебные обязанности, поскольку одновременно являлся членом РВСР, членом РВС нескольких армий и комиссаром Полевого штаба РВСР. Такая половинчатая реформа привела к тому, что, несмотря на централизацию органов управления войсками, разведка по-прежнему оставалась разделенной на три части. Войсковая разведка относилась к компетенции Разведывательного отдела Оперативного управления штаба, за агентурную разведку и контрразведку отвечало Управление дел РВСР, а обрабатывающие (информационно-аналитические) отделения пока оставались в Военно-статистическом отделе, в обязанности которого входила статистическая работа, изучение войск, военной экономики и планов обороны иностранных государств, а также издание справочников и иных документов. Не в последнюю очередь это урезание функций ВСО явилось следствием перехода на сторону белых его начальника А. В. Станиславского.

5 ноября 1918 года в Полевом штабе РВСР вместо Управления дел было создано Регистрационное управление, ставшее центральным органом тайной военной разведки РККА. Оно имело в своем составе 1-й (военного контроля) и 2-й (агентурный) отделы со штатом в 39 человек, а также группу шифровальщиков во главе с заведующим шифром. Как уже указывалось, Военконтроль из состава Региструпра вскоре вывели. Ведение войсковой разведки по-прежнему относилось к компетенции Разведывательного отдела Оперативного управления штаба, вскоре пониженного в статусе до Разведывательного отделения, а затем до Разведывательной части. Его возглавляли Б. М. Шапошников (октябрь — ноябрь 1918 и август — октябрь 1919 года), Б. И. Кузнецов (ноябрь 1918 — июль 1919 года) и К. Ю. Берендс (декабрь 1919 — февраль 1921 года). Параллелизм в работе сохранялся и усугублялся нехваткой профессионалов. Дореволюционные специалисты разведки в большинстве случаев не желали сотрудничать с советской властью, а некоторые из оставшихся фактически являлись ее скрытыми врагами, которых опасно было допускать к информации об агентурном аппарате. По этой причине всем военспецам в Региструпре был присвоен особый статус консультанта, не дававший допуска к личным делам агентов. При управлении открылись Курсы разведки и военконтроля, где обучающиеся приобретали начальные знания оперативной работы, что помогло хотя бы отчасти снять острую кадровую напряженность.

Летом 1919 года Региструпр вновь реорганизовали, после чего его структура приобрела следующий вид:

- 1-й отдел (сухопутный агентурный):
 - северное отделение;
 - западное отделение;
 - ближневосточное отделение;
 - дальневосточное отделение;
- 2-й отдел (морской агентурный);
- 3-й отдел (военно-цензурный);
- консультантство;
- шифровальная часть.

В июле 1919 года Региструпр возглавил новый начальник Сергей Иванович Гусев (Яков Давидович Дрбаккин).

Дальнейшим развитием этого процесса стало принятие 1 января 1920 года нового Положения о Региструпре, существен-

С. И. Гусев

но изменившее его статус. Задания по разведке теперь должны были поступать в управление как от Полевого Штаба, так и непосредственно от Реввоенсовета Республики, что свидетельствовало о возрастании его авторитета в глазах военного руководства. Структура управления также принципиально изменилась и выглядела теперь следующим образом:

- мобилизационный отдел;
- оперативный отдел;
- информационный отдел;
- хозяйственно-финансовый отдел.

Положение устанавливало, что в задачи Регистрационного управления входит «выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений стран, враждебно действующих против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и нейтральных государств, а также их отдельных групп и классов, могущих нанести тот или иной вред Республике»¹⁴⁵. Следует отметить отсутствие в этой формулировке таких классических задач военной разведки, как установление состава войск противника, его стратегических и оперативных планов, изучение военно-промышленного потенциала и мобилизационных возможностей, характеристик техники и вооружения, особенностей театров военных действий. Понимание необходимости такой повседневной и кропотливой работы пришло значительно позднее, а пока военное командование мыслило глобальными категориями, не всегда отдавая себе отчет в реальных потребностях войск и государства в целом. Именно поэтому 16 февраля 1920 года начальник Полевого штаба явно преждевременно приказал Региструпу приступить к развертыванию глубоких агентурных операций за пределами сопредельных государств. Внутренняя структура управления вновь изменилась и включала теперь мобилизационный, оперативный, информационный и хозяйственно-финансовый отделы, а также комендантскую часть.

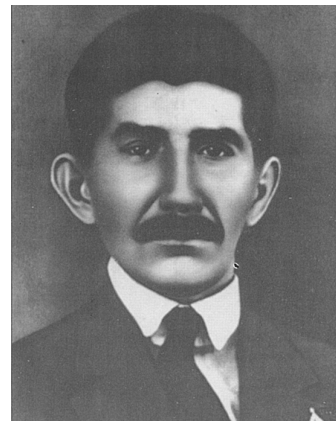
К началу советско-польской войны Региструпу уже накопил определенный опыт по созданию нелегальных структур, засылке агентуры, разложению тыла противника и пропаганде, однако это все было применимо лишь к внутренним условиям гражданской войны и не учитывало действовавший на иностранной территории мощный фактор патриотизма населения. Следствием этого стал провал всей системы разведки, весьма встревоживший военное командование и руководство государства. В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) в сентябре 1920 года агентурную разведку признали слабейшим звеном военной работы. Отмечалось, что войска шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу, что в условиях сложившейся международной обстановки разведка нуждается в реформе. Как уже указывалось, это едва не привело к ликвидации военной разведки как самостоятельного института и включению ее в состав ВЧК. Вмешательство Троцкого устранило эту угрозу, однако зарубежная инфраструктура обеих разведывательных служб еще долгое время оставалась общей, поскольку многие агентурные сети замыкались на резидентов с двойным подчинением. В 1922 году объединенные резидентуры имелись в Германии, Франции, Италии, Австрии, Сербии, Болгарии, Чехословакии, Польше, Литве, Финляндии, Турции и Китае. Такая ситуация сохранялась до 1923 года, но и после отмены такого положения некоторые заграничные сети не могли разделиться в течение еще двух лет. Однако закордонные сети полпредств ОГПУ на местах и разведывательных отделений штабов военных округов никогда не объединялись и все время функционировали раздельно.

Г. А. Пятаков

В. Х. Ауссем

Я. Д. Ленцман

С января по февраль 1920 года разведку возглавлял Георгий (Юрий) Леонидович Пятаков, затем передавший дела Владимиру Христиановичу Ауссему. Новому начальнику Региструпра не пришлось долго руководить подчиненным управлением. 10 июня он подал на имя военкома Полевого Штаба РВСР Д. И. Курского рапорт об отставке по причине вмешательства члена РВСР и члена РВС Юго-Западного фронта Сталина в подведомственные начальнику разведки кадровые вопросы. Суть конфликта состояла в том, что будущий генеральный секретарь ЦК ВКП(б) без объяснения причин отозвал на фронт начальника Региструпра фронта Ф. М. Маркуса, разрушив тем самым налаженное взаимодействие с Закардонным отделом ЦК КП(б)У и частично дезорганизовав зафронтную разведку. Смена руководителя центрального разведывательного органа Красной Армии в разгар войны была крайне нежелательна, однако все же состоялась. Новым начальником Региструпра стал Ян Давыдович Ленцман.

1920 год оказался этапным в развитии советской военной разведки и военной дипломатии. В первые годы существования РСФСР не располагала официальными представительскими за рубежом, поэтому вся оперативная работа могла осуществляться исключительно с нелегальных позиций, однако по мере расширения дипломатических контактов Москвы обстановка менялась. В июне 1920 года РВСР учредил институт военных и военно-морских представителей РСФСР за границей (атташе), к концу года аккредитованных уже в 15 странах. Это позволило перейти с нелегальных позиций работы на “легальные”, причем был допущен явный перекося в пользу последних, и в большинстве столиц атташе стали руководителями резидентур Региструпра. С момента введения института ВАТ и до 1924 года везде, кроме Польши, разведка открывала только “легальные” резидентуры, что, безусловно, предоставляло немалые удобства в финансировании агентурного аппарата, налаживании связи и других вопросах, однако являлось довольно сомнительным с точки зрения конспирации. Никто не учел, что в случае провала такая организация автоматически давала повод правительствам государств, в которых были аккредитованы атташе, обвинять РСФСР в организации шпионажа, что в дальнейшем неоднократно и происходило. В этом вопросе Региструпр повторял не самый удачный путь российской разведки в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и дальновидное решение о сочетании работы с “легальными” и нелегальными позициями было принято лишь позднее. Такое положение просуществовало недолго. После того, как иностранные контрразведывательные и полицейские органы стали наносить эффективные удары по агентурному аппарату заграничек, Политбюро ЦК РКП(б) впав в другую крайность, своим постановлением от 6 декабря 1926 года вновь потребовало вернуться преимущественно к нелегальным формам работы. Во избежание компрометации, сотрудников военной разведки запрещалось назначать на легальные должности в советских загранучреждениях, либо же следовало исключать их прямой контакт с агентурой или осуществление ими вербовочных мероприятий. Еще ранее был определен первый список стран, военный конфликт с которыми являлся вероятным. В их число входили Прибалтийские государства, Финляндия, Польша, Румыния, Турция, Азербайджан, Армения, Персия, Афганистан и Япония. Кроме непосредственного агентурного изучения обстановки в них и добывания необходимых для обеспечения боевых действий данных, на территориях Прибалтийских государств, Финляндии и Грузии планировалось создать опорные пункты и использовать их в качестве плацдармов для развертывания работы против третьих стран. В соответствии с изданным в сентябре 1920 года новым положением о Региструпре, он становился самостоятельным управлением РВСР со штатом из 327 человек, являвшимся теперь центральным органом стратегической агентурной разведки глубокого типа и центральным органом управления подведомственных ему органов агентурной разведки войсковых объединений и соединений. Основные отделы аппарата Региструпра были разбиты на более мелкие подразделения:

- оперативный (агентурный) отдел:
 - оперативное отделение;
 - организационное отделение;
 - техническое отделение;
- информационный отдел:
 - сводочное отделение;
 - отделение прессы;
- общий отдел:

- отделение связи;
- отделение шифрования;
- организационный отдел:
 - организационное отделение;
 - инспекторское отделение.

Дополнительно был организован хозяйственно-финансовый отдел.

Приоритетными направлениями в деятельности военной разведки с 1921 по 1923 год являлись польское, румынское, финское и прибалтийское. В 1924 году эти страны стали именоваться “западными пограничными государствами” и составили первую группу объектов заинтересованности. Во вторую по очередности группу вошли “великие державы”, которыми тогда считались Великобритания, Франция, Италия, Германия и Соединенные Штаты Америки. Третью группу (“восточных соседей”) составили Турция, Персия, Афганистан, Китай и Япония. Все не включенные в эти списки страны автоматически относились к четвертой группе. Такая классификация не может не вызвать сомнений в ее целесообразности. Прежде всего, в 1924 году раздавленную войной и Версальскими соглашениями Германию никак нельзя было считать великой державой, весьма отдаленное отношение к этой категории имела и Италия. Включение США во второй список также совершенно неоправданно, поскольку СССР еще долгое время не являлся ни их стратегическим партнером, ни противником, поэтому нацеливание разведки на эту страну следует расценивать как явно неоправданное и лишь отвлекающее силы и средства от более важных направлений. Следует также отметить, что наряду с традиционными задачами военной разведки на протяжении нескольких лет она выполняла также и несвойственные ей задачи, а именно вела борьбу против антисоветских эмигрантских организаций и направляемого из-за границы бандитизма.

10 февраля 1921 года Полевой штаб РВСР и Всероссийский главный штаб были объединены в единый Штаб Рабочекрестьянской Красной Армии (РККА), с 4 апреля того же года упразднялись Регистрационное управление и Разведывательная часть Оперативного управления. Вместо них создавалось Разведывательное управление (РУ, Разведупр) Штаба РККА со штатом в 275 человек, предназначенное для выполнения функций центрального органа разведки в военное и в мирное время. Ленцмана перевели на должность начальника Петроградского порта, а руководителем Разведупра стал Арвид Янович Зейбот, бывший начальник политотдела 15-й армии (до мая 1919 — Армия Советской Латвии).

А. Я. Зейбот

Согласно теоретическим установкам рассматриваемого периода, войсковая разведка считалась видом боевой деятельности, применяющимся только в военное время, поэтому в начале 1922 года отвечавшее за ее организацию отделение упразднили. Остальные отделения РУ ведали агентурной разведкой, информационно-статистической работой и радиоразведкой, в декабре 1921 года переданной в Управление связи РККА. Перечень задач разведки был достаточно обширен:

- “а) организация самостоятельной глубокой стратегической агентурной разведки в иностранных государствах;
- б) организация в зависимости от обстоятельств международного положения активной разведки в тылу противника;
- в) ведение по мере необходимости разведки в политической, экономической и дипломатической областях;
- г) получение и обработка всякого рода изданий иностранной прессы, военной и военно-статистической литературы;
- д) обработка и издание материалов по всем видам разведки с составлением сводок, описаний и обзоров; дача заключений о возможных стратегических предложениях и планах иностранных государств, вытекающих из данных о подготовке к войне;
- е) введение уполномоченных Разведупра для связи в центральные органы тех ведомств, которые имеют заграничную агентуру, и получение через них необходимых Разведупру добываемых этими ведомствами сведений;
- ж) руководство деятельностью разведорганов на фронтах и в военных округах и на-

значение, по соглашению с соответствующими Реввоенсоветами и Командующими войсками округов, начальников этих органов”¹⁴⁶.

В ноябре 1922 года статус Разведупра понизился, он стал официально именоваться Разведывательным отделом (Разведот) Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА. Его внутренняя структура состояла из общей канцелярии, первой части (войсковая разведка, формировалась только в военное время), агентурной части и информационно-статистической части. Такая реорганизация никак не соответствовала высоким требованиям, которые предъявляло к разведке военное командование. Статус отдела не позволял развернуть работу на должном уровне, и в апреле 1924 года ему был возвращен статус управления Штаба РККА. Штат разведки насчитывал после этого 91 сотрудника, состояла она из общей (административной) части, 2-го (агентурного) и 3-го (информационно-статистического) отделов. Отсутствующий первый номер был по-прежнему зарезервирован для создаваемого в военное время отдела войсковой разведки. Он был восстановлен в декабре 1925 года. Одновременно РУ РККА попыталось восполнить пробел, образовавшийся в результате вывода из его состава радиоразведки, и с 1926 года приступило к формированию пеленгаторных рот. Однако они предназначались лишь для обслуживания непосредственных надобностей полевых войск и поэтому не могли полноценно использоваться на более высоком уровне.

За два месяца до начала реорганизации Разведота Зейбот обратился в ЦК РКП(б) с просьбой об отставке: “В последние годы обстановка резко изменилась в том отношении, что после насаждения работающей агентуры центр тяжести работы переносится на систематическое военное изучение иностранных вооруженных сил, а для этого необходимы глубокие военные знания и узкая специализация на этом направлении. <...> Сейчас... настало самое последнее время заменить меня и для пользы дела, и для пользы меня самого: сидя четвертый год на работе, к которой не чувствуешь никакого влечения, начинаешь терять инициативу, заражаешься косностью, одним словом, видишь, что начинаешь определенно портиться. Поэтому прошу об отозвании меня в распоряжение ЦК РКП и переводе на какую-нибудь хоз. работу”¹⁴⁷. В качестве своего преемника Зейбот рекомендовал начальника агентурного отдела Берзина. Руководство партии и наркомата обороны согласилось с этой кандидатурой, и с марта 1924 года пост начальника Разведота, а затем и воссозданного Разведупра занял Ян Карлович Берзин (называемый также и Павлом Ивановичем, настоящее имя Петерис Кюзис), наиболее известный руководитель советской военной разведки за всю ее историю. Начиная с этого времени, авторитет Разведупра весьма возрос. Например, в течение всего предвоенного и военного периодов его начальник имел право прямого доклада Сталину, в обход начальника генштаба и наркома обороны¹⁴⁸. Для сравнения следует иметь в виду, что начальник внешнеполитической разведки мог попасть к руководителю государства лишь вместе с председателем ОГПУ, а позднее с наркомом внутренних дел или госбезопасности.

Я. К. Берзин

В сентябре 1926 года подразделения Штаба РККА получили номерные обозначения, и Разведупр стал его IV управлением. Именно под этим номером он упоминается во многих работах исследовательского и мемуарного характера, что не всегда верно, поскольку указанная нумерация действовала лишь до конца 1934 года. IV управление руководило работой разведывательных отделов военных округов, но первоначально они считались 7-ми отделами, а 4-ми стали только в феврале 1930 года. Структура разведки претерпела определенные изменения. В ее составе появился 4-й отдел (внешних сношений), шифровальное бюро стало 1-й (шифровальной) частью Управления и больше не находилось в составе 2-го отдела, была сформирована и общая (административная) часть. С марта 1930 года количество подразделений аппарата увеличилось, возникли 2-я (производственная), 3-я (административная) и 4-я (финансовая) части. В марте 1931 года был утвержден новый штат разведки в количестве 110 человек. Этот год стал этапным в развитии Разведупра, поскольку в апреле в его состав вернули ранее изъятую и претерпевшую несколько организационных изменений радиоразведку. В марте 1928 при 7-м отделе штаба РККА, затем переименованном в 8-й отдел, был создан дешифровальный сектор со штатом из 15 сотрудников. Однако два года

спустя его прикомандировали к руководившему всей криптографической работой в стране Спецотделу ОГПУ, куда подлежали передаче все добытые любой организацией коды, шифры, ключи к ним и вообще все, имеющее отношение к шифровальной переписке. С 1931 года сектор вошел в состав IV управления в качестве 5-го (дешифровального) отдела, а с июня стал его 5-й (радиоразведывательной) частью. В следующем году началось и через год закончилось формирование дешифровальных групп и отделов по военным округам. Одновременно была сформирована и крайне важная сеть Пунктов разведывательных переправ (ПРП) разведотделов военных округов, занимавшихся заброской закордонной агентуры в зоне своей ответственности на глубину 150 — 200 километров. Позднее наименование этих органов было изменено с сохранением аббревиатуры, и они стали Пограничными разведывательными пунктами.

Страсть к реорганизации не покидала руководство разведки и Наркомата обороны. В марте 1933 года в состав общей части ввели 1-й (шифровальный), 2-й (административный) и 3-й (финансовый) секторы, а существовавшие ранее соответствующие части ликвидировали, бывшая производственная часть стала именоваться отдельной лабораторией. Однако, как вскоре оказалось, косметических реформ разведки было явно недостаточно, требовалось принципиальное улучшение ее работы. К сожалению, это стало ясно лишь после серии повлекших весьма тяжкие последствия провалов резидентур Разведупра в Европе и Азии. Все началось с Австрии, где в 1932 году столичная полиция арестовала нелегалов В. Лидушкина и К. М. Басова, а агент Чауле был расшифрован австрийцами, но сумел благополучно ускользнуть от ареста. Прекрасно осведомленное о случившемся руководство Разведупра все же направило его в Латвию, полиция которой регулярно обменивалась с австрийцами информацией об установленных иностранных разведчиках. Естественно, летом следующего года последовал неизбежный провал Чауле, а за ним практически всех основных агентов резидентуры, в том числе самых ценных из них Матисона и Фридрихсона. При этом в поле зрения местной контрразведки попал связник Юлиус Троссин, осуществлявший связь латвийской точки с резидентурами в Германии, Румынии, Финляндии, Эстонии и Соединенных Штатах. По межгосударственным каналам латыши проинформировали о нем немцев, и 6 июля 1933 года курьера арестовали в Гамбурге. Германская контрразведка перевербовала его и таким образом получила доступ к множеству линий связи Разведупра. Позднее Троссин прибыл в Советский Союз, был там быстро расшифрован и арестован, но успел нанести существенный ущерб, в результате которого связь с резидентурами в Великобритании, США, Эстонии и Румынии нарушилась серьезно и надолго. В том же году произошли провалы сетей в Польше, Турции и Румынии, а также в Финляндии, где полиция сумела арестовать практически всех агентов во главе с нелегальным резидентом. Эхом финских событий прозвучал и скандальный провал во Франции, а в следующем, 1934 году оказался полностью утрачен агентурный аппарат в Румынии и в Маньчжурии. Главными причинами этого являлись пренебрежение требованиями конспирации и основными принципами построения агентурных сетей, а также беспечность, халатность и пьянство некоторых сотрудников. Многие из провалившихся агентов были перевербованы противником и посланы обратно в СССР в качестве двойников, что повлекло за собой дополнительный ущерб. Особый отдел ОГПУ проанализировал причины столь удручающего положения и пришел к прискорбным выводам о засоренности аппарата военной разведки предателями, плохой постановке работы в области безопасности и больших упущениях со стороны руководства Разведупра. Ситуация стала предметом обсуждения на Политбюро и Совнаркомом 26 мая 1934 года, в результате чего был принят ряд осуществленных уже до конца текущего года организационных и кадровых решений. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) отмечалось: «Система построения агентсетей IV Управления, основанная на принципе объединения обслуживающей ту или иную страну агентуры в крупные резидентуры, а также сосредоточение в одном пункте линий связи с целым рядом резидентур — неправильна и влечет за собой, в случае провала отдельного агента, провал всей резидентуры. переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилась грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавала предпосылки для провала одновременно в ряде стран»¹⁴⁹. Документ отмечал изъяны в кадровой работе управления, в частности, недостаточно тщательный отбор сотрудников, их слабую подготовку и поверхностность проверки перед отправлением на работу за границу. Далее постановление предписывало выделить IV управление из системы Штаба РККА и подчинить его непосредственно наркомату обороны.

В штабе оставался только отдел войсковой разведки. Начальника управления обязали в кратчайшие сроки разукрупнить резидентуры, перевести их на магистральную связь с Центром и усилить конспирацию во всех звеньях разведки. В целях концентрации сил на важнейших направлениях существенно сокращался список государств — объектов агентурной разведки. Ее следовало вести только в Польше, Германии, Финляндии, Румынии, Великобритании, Японии, Маньчжоу-Го и Китае, а “изучение вооруженных сил других стран вести легальными путями через официальных военных представителей, стажеров, военных приемщиков и т. д.”¹⁵⁰. Для повышения качества системы подготовки кадров планировалось сформировать Специальную школу разведчиков на 200 человек, зачисление в которую должно было производиться с учетом не только социального происхождения, но и национальности курсантов. Создавалась специальная постоянная комиссия по координации работы ИНО и Разведупра, задачей которой являлось согласование общего плана разведывательной работы за рубежом, обмен опытом и информацией о возможных провалах “соседей”, а также выработка рекомендаций на будущее. Все эти мероприятия постепенно начали реализовываться. В августе IV управление переименовали в Информационно-статистическое, а 22 ноября 1934 года, как и предписывалось, вывели из структуры Штаба РККА и передали в подчинение наркома обороны качестве самостоятельного управления РККА, одновременно возвратив ему прежнее название Разведывательного управления. Дополнительно к Специальной школе разведчиков, были созданы Курсы усовершенствования разведчиков, после Великой Отечественной войны сведенные вместе и переформированные в Военно-дипломатическую академию. Резидентуры разукрупнились и переходили на вертикальное построение связи с Центром, что значительно повышало их безопасность. Как будет показано в дальнейшем, нарушения этого принципа и переплетения связей, как правило, влекли за собой весьма тяжкие последствия. Именно поддержание линейных (горизонтальных) связей стало одной из основных причин разгрома сетей военной разведки в Западной Европе во время Второй мировой войны.

Однако было ясно, что одними организационными мерами изменить ситуацию невозможно, требовалось кадровое решение. Упомянутое постановление Политбюро предписывало усилить руководство управления двумя — тремя крупными военными работниками соответствующей квалификации, но взять их было просто негде. Никто ни из других военных структур, ни из руководящего состава военной разведки заменить Берзина не мог. Более того, начальнику Разведупра даже не полагались заместители, по штатному расписанию он имел лишь помощников. В качестве полумеры, в соответствии с постановлением Политбюро, создавалась должность заместителя начальника Разведупра, на которую переводился Артузов, номинально совмещавший этот пост с должностью начальника ИНО. С ним в военную разведку перешли еще около 30 чекистов, многие из которых заняли в ней ключевые посты. Военные встретили их, мягко говоря, неприветливо, однако нового заместителя начальника управления это нисколько не смущало, поскольку он не только чувствовал за собой мощную поддержку Сталина, но и ясно видел требовавшие укрепления слабые места IV управления. Увы, по крайней мере одно из произведенных им изменений оказалось весьма недалеким. В 1930-х годах одной из сильных сторон Разведупра являлось наличие информационно-аналитического отдела, выгодно отличавшее его от внешней разведки, лишенной аналогичного подразделения. Судя по всему, Артузов не сумел оценить важность процесса обработки добываемой информации, и в произошедшей вскоре реорганизации бывшего IV управления места для нее не нашлось. Теперь центральный аппарат РУ РККА приобрел следующую структуру:

- первый отдел (агентурная разведка на Западе);
- второй отдел (агентурная разведка на Востоке);
- третий отдел (военно-техническая разведка);
- четвертый отдел (руководство разведкой военных округов и флотов);
- пятый отдел (дешифровальный);
- шестой отдел (внешних сношений);
- седьмой отдел (административный);
- Специальная школа разведчиков;
- Курсы усовершенствования разведчиков;
- Научно-исследовательский институт по технике связи (организован в январе 1935 года).

Весь этот аппарат прежде всего нацеливался на восполнение понесенного в 1932 — 1934 годах урона, поскольку, по беспристрастной оценке Артузова, в Румынии, Латвии,

Франции, Финляндии, Эстонии и Италии военная разведка агентурным аппаратом более не располагала.

Хотя крупных военных работников соответствующей квалификации отыскать так и не удалось, дни Берзина на посту начальника Разведупра все же были сочтены. После описанной серии провалов он сумел продержаться еще некоторое время, но происшествие 19 — 20 февраля 1935 года переполнило чашу терпения руководства армии и государства. В эти дни датская полиция арестовала в Копенгагене советского агента Джорджа Минка, члена компартии США. Как известно, в разведке действовал строжайший запрет на вербовку местных коммунистов, и практически каждое его нарушение неизбежно влекло за собой тягчайшие последствия. Так случилось и в этот раз. Резидентурой связи РУ РККА в Копенгагене руководил использовавший Минка и четырех других связников-коммунистов А. П. Улановский, что сразу же установила полиция, имевшая в их среде своего информатора. Характерно, что за четыре года до рассматриваемых событий Улановский, тогда резидент Разведупра в Берлине, тоже использовал в оперативной работе членов коммунистической партии Германии и тоже поплатился за это провалом и резким дипломатическим протестом. Судя по всему, он не сделал для себя никаких выводов ни из самой истории, ни из недвусмысленных инструкций Центра, ни из персонального разбора упомянутого случая на заседании Политбюро. При соблюдении резидентом хотя бы остальных требований конспирации копенгагенский провал не повлек бы за собой столь тяжкие последствия, но он практиковал встречи с завербованными агентами на собственной конспиративной квартире и расшифровал ее перед полицией. Там была устроена засада, в которую за два дня попались восемь агентов, три резидента (сам Улановский и нелегальные резиденты в Германии Д. А. Угер и М. Г. Максимов) и помощник начальника первого (Западного) отдела Разведупра Д. О. Львов, прибывший в Данию для организации работы по налаживанию связи. При нахождении на датской территории ни Угер, ни Максимов вообще не имели права вступать в контакт с Улановским, однако вместо проезда транзитом без всякой надобности зашли к нему просто пообщаться. Все это являлось абсолютно немислимым с точки зрения конспирации и совершенно непростительным для работников руководящего звена центрального аппарата и зарубежных резидентур.

Д. А. Угер

После описанных событий дальнейшее пребывание Берзина на посту начальника разведки стало просто невозможным. В марте 1935 года он был вынужден подать рапорт об отставке и по указанию Ворошилова с понижением отбыл на Дальний Восток на должность второго заместителя по политической части командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). На новом месте службы в обязанности Берзина по-прежнему входила организация разведывательной работы. В Москве начались поиски кандидатуры на замену образовавшейся вакансии, поскольку чекист Артузов в качестве возможного начальника военной разведки даже не рассматривался. Новые коллеги обоснованно восприняли его появление как попытку госбезопасности взять их под свой контроль и отнеслись к нему соответственно. По этой причине военные саботировали

практически все его весьма конструктивные начинания и не упускали случая продемонстрировать, что, возможно, кое-что в полицейских и идеологических операциях Артузова и понимает, но в военной разведке его опыт неприменим и, более того, вреден.

3. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Разведку Коминтерна часто называли третьей секретной службой Советского Союза. Верно ли это? И да, и нет. Задачи Третьего Интернационала были неизмеримо шире простого выполнения тайных операций по заданиям советского правительства, он создавался как инструмент для захвата власти коммунистическими партиями во всем мире. Устав его недвусмысленно гласил: “Коминтерн ставит себе целью борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии”¹⁵¹. В манифесте, принятом

на его I (учредительном) конгрессе, утверждалось: «Наша задача состоит в том, чтобы объединить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире»¹⁵². Советская Россия и затем СССР первоначально рассматривались не как высшая ценность в коммунистическом движении, а просто как страна, с которой началась мировая революция в интересах трудящихся всей планеты. В этот период Коминтерн обслуживал нужды советского государства лишь постольку, поскольку само это государство работало на будущую победу коммунизма во всемирном масштабе. Но, как известно, уже через несколько лет акценты сместились в сторону содействия СССР, а еще чуть позднее Третий Интернационал и в самом деле стал фактически советской структурой, то есть управляемой из Москвы единой всемирной компартией, включавшей в себя национальные коммунистические партии на правах отдельных секций. Инструкторы Орготдела Исполкома Коминтерна с 1925 года направлялись на все национальные съезды и были уполномочены отменять любые их решения. Коминтерн мог распускать свои секции, что однажды и проделал с компартией Польши, обвинив ее в засоренности агентами полиции и контрразведки. Но зато именно он обеспечивал их финансирование, подготовку кадров и ведение централизованной пропаганды, предоставлял литературу, связь и специальную технику. Коминтерн являлся более, чем единой компартией, и более, чем просто секретной службой — это была подрывная организация, предназначенная в конечном счете для захвата коммунистами власти во всем мире, все равно, легальными, подпольными или военными методами. Для этого она располагала немалыми возможностями.

Высшим органом Коммунистического Интернационала являлся конгресс, а руководящим — Исполнительный Комитет (ИККИ), внутренняя структура которого неоднократно менялась. Применительно к нашей теме рассмотрению подлежат лишь некоторые органы ИККИ. Дело в том, что работа Коминтерна велась как с легальных, так и с нелегальных позиций, причем последние использовались не только в странах, где компартии были запрещены, но и во вполне лояльно относившихся к ним государствах. Причина проста: ни одно самое терпимое правительство никогда не мирится с подрывной деятельностью против него, а нелегальные операции составляли основную суть работы Третьего Интернационала и всегда преобладали над легальными. В Коминтерне за них отвечали Отдел международной связи (ОМС), Орготдел (Комиссия по специальным вопросам, Информационный отдел, Военная комиссия, Нелегальная комиссия), Бюджетная комиссия и Отдел кадров. Существование некоторых из этих подразделений строго засекречивалось, о работе же других было известно лишь то, что руководство ИККИ считало нужным обнародовать.

Основную нелегальную работу проводил самый крупный отдел исполкома Коминтерна, периодически изменявший свое наименование. После I конгресса Коммунистического Интернационала возникла и некоторое время просуществовала возглавлявшаяся В. И. Кингисеппом слабая и неэффективная Особая комиссия по связи ИККИ. 8 августа 1920 года Малое бюро приняло решение об организации на ее основе Секретного отдела, уже 11 ноября переименованного в Конспиративный отдел. Новым подразделением на первом этапе руководил Д. Бейко, 2 мая 1921 года передавший дела О. Пятницкому. Первоначально в нем имелись четыре подотдела: связи, финансирования, литературный и шифровальный. Они совместно обеспечивали нелегальное перемещение через государственные границы делегатов Коминтерна, литературы и грузов, в том числе оружия, а также занимались организацией финансирования коммунистических партий и поддержанием связи с советскими разведывательными службами. Кроме того, отдел руководил всеми секретными торговыми предприятиями ИККИ. Для решения поставленных задач в нем вскоре была образована собственная курьерская служба, представители которой прикомандировывались к НКВД, НКВТ и практически всем торговым миссиям РСФСР. Однако поток жалоб дипломатов и внешнеторговцев на работников Коминтерна, выполнявших нелегальные задания и часто дискредитировавших этим официальные государственные органы, вскоре заставил внести изменения в сложившуюся практику. Ее прекращение 4 мая 1921 года привело к изменению в июне 1921 года структуры и функций Конспиративного отдела. Он получил новое, более соответствующее его профилю деятельности название Отдела международной связи¹⁵³ (ОМС) и вел всю работу через национальные коммунистические партии, но и это тоже

оказалось ошибочным решением. В большинстве из них конспирация находилась на крайне примитивном уровне, и ряд тяжелых провалов вскоре заставил руководство ИККИ обратить более пристальное внимание на эту сферу. ОМС открыл ряд “пунктов связи” (фактически резидентур), основные из которых на первом этапе разместились в Антверпене, Баку, Берне, Константинополе, Одессе, Ревеле, Риге, Севастополе, Чите и других городах мира. Позднее география работы Отдела международной связи существенно расширилась. Сотрудники ОМС доказали свой профессионализм, после чего в 1921 году появилось примечательное постановление Секретариата ИККИ: “Принять к сведению и руководству, что в целях упорядочения дела и сохранения конспирации всякие сношения с заграницей... обязательно, без всяких исключений, должны передаваться для исполнения отделу международной связи и производиться только через его посредство”¹⁵⁴. В течение года ОМС открыл новые “пункты связи” в Вене, Стокгольме, Варде (Норвегия) и Шанхае. Соответствующим образом изменилась и внутренняя структура центрального аппарата отдела. В середине 1920-х годов в него входили:

- подотдел “пунктов связи”;
- литературный подотдел;
- курьерский подотдел;
- подотдел техники (изготовление поддельных виз, паспортов, бланков, печатей и штампов, а также специальная оперативная техника);
- подотдел финансов (тайное финансирование зарубежных операций);

ОМС располагал также подразделениями, отвечавшими за шифровальную работу, оперативный учет и радиосвязь, однако последнее направление долгое время пребывало в зачаточном состоянии. В 1929 году были организованы новый секретно-инструкторский подотдел и дополнительные “пункты связи” в Тегеране, Гонконге и Сингапуре.

Мастерская ОМС по изготовлению фальшивых документов до конца 1920-х годов располагалась в Берлине, а после раскрытия полицией ее перебазировали в СССР, где отдел имел несколько законспирированных объектов. На расположенной в Подлипках “Базе № 1” производились специальные бумага и чернила для поддельных документов, на “Базе № 2” в Ростокино располагался радиоцентр для поддержания связи с заграничными, а расположенная в Пушкино “База № 3” являлась школой, в которой одновременно проходили обучение шифрованию, радиосвязи и конспирации до сотни курсантов. Все ее выпускники давали письменное обязательство сотрудничать с советской разведкой и проходили дополнительный курс подготовки в военно-спортивном лагере Коминтерна. В начале 1930-х годов ОМС открыл нелегальный радиоцентр в парижском “пункте 20”. Финансирование отдела производилось вне сметы Коминтерна, а для особо деликатных операций средства за границу переводились со специально открытого в Госбанке СССР текущего счета некоей “8-й базы физкультурников Спортинтерна”. Периодически для этих же целей использовались и средства Международного общества помощи рабочим (МОПР). Отделом международной связи руководили самые проверенные люди: Д. Бейко (1920 — 1921), О. А. Пятницкий (1921 — 1922), П. Вомпе (1922 — 1925), А. Е. Абрамович (1925 — 1926), А. Л. Абрамов (1926 — 1935), Б. Н. Мельников (1935 — 1937), Я. Анвельт (1937), К. Сухарев (1937 — 1943). Через отдел прошли многие будущие работники Разведупра и Иностранного отдела ОГПУ/НКВД. Чтобы оценить их уровень, достаточно вспомнить имена Рихарда Зорге, Шандора Радо, Арнольда Дейча, Леопольда Треппера, Игнатия Рейсса, Анри (Генри) Робинсона, Урсулы Кучински. Поэтому контрразведывательный режим в нем был весьма суров, ведь лучшего пути для проникновения в любую компартию мира просто не существовало. Меры безопасности особенно ужесточились в результате громких провалов 1927 года, после которых абсолютно всех заграничных сотрудников ОМС перевели на нелегальное положение и снабдили исключительно иностранными паспортами. Тогда же прекратилась совместная деятельность “пунктов связи” и резидентур разведки. Отныне любой привлеченный к работе в разведке активист национальной компартии в обязательном порядке выходил из нее, как, например, сделал это Филби. ОМС помогал ИНО и Разведупру лишь в вопросах документации или передачи денег, причем “втемную” для низовых сотрудников. Такое разделение функций заметно повысило безопасность каждой из сторон. Еще в 1921 году в проекте положения об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведывательного управления и ВЧК утверждалось (пунктуация источника сохранена): “Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным В.Ч.К. и Разведупра

и наоборот представители Разведупра и В.Ч.К. не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов <...> Региструп (так в документе — И. Л.) и В.Ч.К. могут обращаться за помощью к компартиям только через представителя Коминтерна”¹⁵⁵. Зато работа на Коминтерн служила отступной легендой для некоторых провалившихся разведчиков, в частности, для Зорге. Ему самому она не помогла, однако в некоторой степени прикрыла операцию военной разведки СССР на территории Японии.

В 1936 году Отдел международной связи был реорганизован в Службу связи Секретариата ИККИ, а в конце следующего года все ее шифровальные подразделения выделили в Шифровальную часть ИККИ, напрямую подчиненную генеральному секретарю Георгию Димитрову. Вскоре репрессии в отношении сотрудников Службы связи нанесли ей тяжелый удар. Из общего числа аппарата ИККИ в 606 человек только за семь первых месяцев 1937 года были уволены 102 человека¹⁵⁶, в основном по политическим мотивам с последующим арестом. Служба связи так никогда полностью и не оправилась от потери своих руководителей ведущих специалистов. В конце 1939 года все ее хозяйственные и технические подразделения были выделены в “Институт № 301”.

Новый, последний этап деятельности основной нелегальной структуры исполкома Коминтерна начался после нападения Германии на Советский Союз. Иностранцы коммунисты во множестве пополнили кадры разведки и подразделений специального назначения для проведения операций в тылу противника. В августе 1941 года в составе ИККИ было вновь образовано распущенное ранее Хозяйственно-оперативное управление, включившее в себя некоторые элементы Службы связи. В 1942 году ее остатки вновь реорганизовали в Первый отдел ИККИ, отвечавший за связь, шифровальную работу, изготовление поддельных документов, средства тайнописи, распространение листовок, переброску грузов и людей, а также руководство сбором информации. Казалось, нелегальная работа освободилась от позднейших наслоений и возвращается к своему истоку, однако роспуск Коминтерна в 1943 году перечеркнул наметившееся возрождение.

Отдел кадров был организован в 1932 году на базе сектора кадров Орготдела и Специального отдела, ведавшего в Коминтерне контрразведкой, выявлением вражеской агентуры и разработкой методов защиты партий от провала. В новом отделе эти функции выполнял Сектор подбора и проверки кадров аппарата ИККИ. Помимо прежних задач, Отдел кадров совместно с Орготделом руководил учебными заведениями Коминтерна: Коммунистическим институтом трудящихся Востока, Университетом имени Сунь Ятсена, Университетом национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского и Ленинской высшей школой, а также сетью секретных разведывательных и военных училищ, в частности, военно-политической школой. В ней готовились кадры для руководства партизанскими силами компартий различных стран и командиры их новых армий, которые после победы революции должны были заменить прежних офицеров.

В соответствии с решением IV конгресса Коминтерна, 19 декабря 1922 года Оргбюро ИККИ приняло решение о формировании Постоянной нелегальной комиссии для подготовки к переводу ряда коммунистических партий на нелегальную основу. Она занималась также созданием военных и боевых организаций этих партий и их работой в армиях своих государств, вследствие чего в ноябре 1924 года была переименована в Военную комиссию, распущенную в 1925 году после инцидента на советско-польской границе с прорывом в СССР партизанского отряда. В дальнейшем военной работой Коминтерна занимались инструкторы Орготдела по спецработе. После обострения конфликта с Великобританией в 1927 году всерьез ожидалось ее нападение на СССР, в связи с чем Коминтерн по указанию Политбюро развернул активную военную подготовку национальных компартий. Критерием лояльности для них являлась готовность защищать Советский Союз в случае войны. Разведупр курировал эту подготовку от РККА и помогал организовать и содержать созданную при военном секторе Орготдела школу в подмосковной Баковке, где обучение в основном проводилось с упором на уличные бои и партизанские операции. Однако, как известно, война в конце 1920-х годов не началась, и поступившее в 1929 году от ГКП предложение создать “Интернационал организаций пролетарской самообороны” не нашло отклика. С того же времени при Орготделе работала Комиссия по специальным вопросам, которая занималась подготовкой и созданием организованного вооруженного подполья. Семь лет спустя по-

добные формирования получают за рубежом наименование “пятой колонны”. Кроме этого, Орготдел поддерживал множество контактов со служившими в армиях различных стран активистами национальных компартий. Они представляли собой прекрасные источники информации и позволяли Коминтерну выполнять задачи традиционной военной разведки в интересах СССР. Отдел также разрабатывал методические пособия и учебники для секций и спецшкол по организации конспиративной работы, наружного наблюдения, политического розыска, тактике уличных и партизанских боев и курировал всю военную работу Коминтерна.

Информационный отдел был в ИККИ самостоятельным и просуществовал с 1920 по 1929 годы. Он ведал сбором и анализом информации, добываемой из открытых источников, тогда как получаемые от зарубежных представителей ИККИ материалы поступали в секторы информации и статистики Орготдела. В связи изменением структуры ИККИ, Информационный отдел был распущен, а его функции перешли к вновь созданным региональным лендерсекретариатам.

Незаконный аппарат Коминтерна, как и весь Третий Интернационал в целом, просуществовал до 15 мая 1943 года, когда послушный воле Сталина Президиум ИККИ принял решение о его роспуске. Это обосновывалось изменившимися условиями деятельности компартий в новой, усложненной обстановке и необходимостью выработки новых организационных форм сотрудничества, под которым фактически подразумевалось руководство со стороны СССР.

Однако незаконные структуры ИККИ отнюдь не исчезли, а были реорганизованы и переданы. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1943 года, они передавались в состав вновь организуемого Отдела международной информации ЦК ВКП(б) во главе с А. С. Щербаковым и стали подчиненными этому отделу научно-исследовательскими институтами НИИ-205 (бывший Отдел печати и радиовещания) и НИИ-100 (бывший Первый отдел), в котором имелись:

- “Объект № 1” — радиопередающий центр в Щелково;
- “Объект № 2” — радиоприемный центр в Подольске;
- “Объект № 3” — экспериментальная радиотехническая лаборатория;
- “Объект № 4” — спецшкола по подготовке радистов для компартий Болгарии, Венгрии, Германии, Испании, Польши, Румынии, Финляндии, Франции и Югославии;
- “Объект № 5” — радиоцентр в Уфе (ликвидирован в октябре 1944 года).

На этом этапе эстафету руководства зарубежными коммунистическими партиями приняла ВКП(б).

* * *

1935 год стал этапным в развитии оперативных органов СССР, и с него начинается отсчет следующего, уже вполне профессионального периода их деятельности. К этому рубежу все они подошли усилившимися не только количественно, но и качественно и уверенно заявили о себе в мире секретных операций. Следующий период их эволюции пришелся на шесть предвоенных лет.

АЗИЯ

1920-е годы принято считать относительно благополучным периодом двадцатого столетия, прошедшим без кровопролитных войн и вооруженных конфликтов. Однако мирными их полагали лишь европейцы, привычно и высокомерно игнорировавшие все происходившее за пределами своего крохотного континента. Даже поверхностное рассмотрение событий, протекавших на необозримых просторах Азии от Стамбула до Токио, вдребезги разбивает это идиллическое заблуждение. В отличие от намного более спокойной Европы, оперативная обстановка во множестве регионов громадного азиатского материка характеризовалась проходившими там активными военными или партизанскими действиями.

1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В Азии, где пересекались интересы всех ведущих государств мира и их разведывательных служб, самым обширным и совершенно специфическим регионом тайной деятельности был утративший монолитность и разоренный внутренними войнами Китай. На верховную власть над страной претендовали несколько десятков генералов и гражданских лиц. Однако никто из них не накопил достаточно сил и влияния для единоличного управления государством, а ведь еще надо было беспощадно подавлять вооруженное сопротивление конкурентов в отдаленных провинциях, прекрасно понимавших, что их ожидает в случае проигрыша, и какие плоды может принести победа. Это вынуждало лидеров группироваться друг с другом, идти на компромиссы и формировать более или менее устойчивые коалиции, в результате чего к 1917 году на Севере и на Юге страны окончательно сложились две основные внутренние группировки сил. Южные генералы поддерживали легитимное “кантонское” правительство Сунь Ятсена, им противостояли северные, которых иногда именовали “милитаристами”. От генералов не отставали губернаторы провинций, содержавшие собственные войска и по своему усмотрению примыкавшие то к одной, то к другой стороне, время от времени довольно непредсказуемо изменяя стратегический баланс сил. Вероятно, Китай был тогда едва ли не самой опасной для жизни страной мира. Бандитские шайки повсеместно насильствовали, убивали и грабили незащищенное население, регулярные войска периодически изгоняли их и продолжали совершать те же действия, но уже своими силами и в своих интересах. Народ жил в крайней нищете, люди редко ели досыта, а символом благополучия человека считалось очень редко встречавшееся упитанное брюшко. Знаменитые блюда китайской кухни в своей жизни пробовали не более одного процента населения Китая, для других же не всегда достижимой радостью являлись чашка риса и миска бобовой похлебки. В мае 1921 года Сунь Ятсен занял пост президента распадавшегося государства, чем продемонстрировал незаурядную смелость и решительность. Он понимал, что должен выдвинуть какую-нибудь идею, способную сплотить разобщенный народ, и за неимением лучшего провозгласил таким знаменем национализм ханьцев, составлявших свыше 95% всего населения страны.

Европейские государства не просто отказались поддержать Суня в борьбе против внутренних врагов и главного внешнего врага — Японии, а объявили эмбарго на поставки оружия и тем самым создали для кантонского правительства огромные трудности. Силowymi или экономическими методами справиться с проблемами было невозможно, и тогда президент обратился к услугам своей секретной службы. Сунь Ятсен создал ее еще в бытность лидером общества “Тунмэнхой”, а с образованием Национальной партии (Гоминьдан) разведка естественным образом перекочевала в ее состав. Она не выделялась в структурно обособленное подразделение и поэтому получила прозвище “призрачной”, поскольку хотя и неоднократно доказывала свою эффективность, но формально как бы не существовала. Лично курировавший ее Сунь добился взаимопонимания с китайскими тайными обществами — “триадами”, после чего разведка Гоминьдана смогла использовать их разветвленную инфраструктуру, а также агентурные сети внутри страны и за рубежом в районах расселения китайской диаспоры.

“Призрачная” секретная служба попыталась своими методами прорвать дипломатическую изоляцию президента, однако успеха не достигла, поскольку Европа увидела в Сунь Ятсене лишь слабого человека с сомнительными убеждениями и совершенно не торопилась делать на него ставку. Всерьез восприняли его правительства лишь двух стран — Германии и РСФСР. Немцы ограничились тем, что просто не стали отзывать своих военных специалистов, уже работавших в Китае на частной основе, Россия же усмотрела в Среднем государстве массу перспективных возможностей для себя. В письме ЦК РКП(б) от 5 августа 1919 года председатель РВСР и наркомвоен Троцкий утверждал: “Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейских. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям... Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации”¹⁵⁷. Кроме того, узкий разведывательный интерес требовал создания серьезных оперативных позиций в дальневосточной Мекке шпионажа — Шанхае. В Китай из Европы направились разведчики и активисты Коминтерна, особенно те, для кого пребывание на родине стало опасным после разгрома революционных выступлений в их странах. Среди них были весьма видные деятели, например, будущий нелегальный резидент РУ РККА в Австрии и на Балканах И. Ц. Винаров, руководитель военного аппарата ГКП С. В. Жбиковский, руководитель коммунистического восстания в Таллинне Я. М. Жигур, начальник разведотдела вооруженных сил Украины и Крыма и главнокомандующий Первой польской Красной Армией Р. В. Лонгва, начальник штаба коммунистического восстания в Эстонии К. М. Римм, будущий начальник германского отдела внешней разведки З. М. Рыбкина (Воскресенская), будущий нелегальный резидент внешней разведки в ряде государств В. М. Зарубин и другие, зачастую не менее крупные фигуры. Масштаб их можно проиллюстрировать на примере работавшего с 1923 по 1924 год в харбинской резидентуре военной разведки Б. Н. Мельникова. В Китай он прибыл с должности помощника начальника Разведупра штаба помощника главнокомандующего РККА по Сибири, а до этого являлся комиссаром Амурской армии и членом РВС Приамурского военного округа. После возвращения в Москву Мельников параллельно возглавлял отделение Разведупра и отдел Дальнего Востока Наркоминдела, а также состоял членом Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б). В 1928 году он вновь вернулся в Харбин в 1928 году, где одновременно входил в правление КВЖД и возглавлял генеральное консульство СССР, а впоследствии работал временным поверенным в делах Советского союза в Японии, начальником 2-го (агентурного) отдела Разведупра, уполномоченным НКВД СССР по Дальнему Востоку, генеральным консулом СССР в Нью-Йорке, инструктором ЦК КП(б)У, а в заключительный период своей деятельности под именем Бориса Мюллера возглавлял Отдел международной связи ИККИ. Как и большинство работников подобного уровня, в 1937 году он был арестован и 28 июля 1938 года расстрелян.

Направление в Китай людей столь крупного масштаба свидетельствовало о том, что Советский Союз был прямо и непосредственно заинтересован в налаживании хороших отношений с ближайшим дальневосточным соседом. В физической и оперативной защите нуждалась и расположенная на китайской территории советская концессия на Китайско-восточной железной дороге (КВЖД), неоднократно становившаяся объектом посягательств

и провокаций. В результате 31 мая 1924 года Советский Союз заключил с Китаем договор, регламентировавший равноправные взаимоотношения двух стран, в частности, совместное управление дорогой. Одних дипломатических мер было явно недостаточно, требовалось уделить самое серьезное внимание проведению разведывательных операций.

Безусловно, протяженная общая граница в любом случае требует размещения значительного количества войск для ее прикрытия, однако в случае дислокации с сопредельной стороны враждебно настроенных армий военная опасность неизмеримо возрастает. В данном же случае напряженность вызывалась не одной, а сразу тремя причинами: агрессивно настроенными “милитаристами”, постоянной и реальной угрозой японского проникновения в регион и активностью ушедших за рубеж вооруженных формирований атамана Семёнова. Действовали там и иные, не менее опасные эмигрантские организации. На Дальнем Востоке самостоятельную оперативную работу проводил дислоцировавшийся около Харбина “Таежный штаб” — руководимый генералом Кузьминым военный отдел Харбинского монархического центра, в котором секретной службой ведал бывший начальник Особого отдела в войсках Колчака полковник Жадвойн. Штаб в основном действовал через свою агентуру в интересах японской армии, но просуществовал недолго и был разгромлен в результате единственной острой акции. Руководство разведки решило не тратить силы и время на тонкие оперативные комбинации, а просто физически уничтожить противника. Для этого через границу проник отряд боевиков ОГПУ, а заранее внедренный в штаб сотрудник ИНО сумел убедить руководителей “Таежного штаба” собраться вместе для групповой фотографии. Из засады чекисты легко расстреляли эту компактную группу, охрана штаба предпочла сдаться. Некоторые из сотрудников военного отдела все же уцелели и в дальнейшем оказались на службе в войсках китайских генералов. Военно-политический бюллетень Разведупра от 20 сентября 1929 года сообщал: “Белые продолжают деятельность по формированию отрядов. Базами формирования отрядов являются Харбин (генерал Сахаров, Савич), Муланские копи (станция Мулан), по всей линии КВЖД и Маньчжурия — Хайларский район. Количество всех активных белых в Северной Маньчжурии достигает 5 — 6 тысяч человек. Работу по формированию белые ведут в основном с белокитайцами или пытаются создать партизанские отряды для переброски на наши территории... В штабах китайских войск имеются белые офицеры в качестве советников”¹⁵⁸. Позднее многие из этих офицеров в Маньчжурии оказались на японской службе и вплоть до 1945 года служили в разведывательном отделе Квантунской армии.

Контингент работавших в Китае иностранных специалистов был крайне разнообразен. Среди них встречались совершенно различные люди, без рассказа о двух из которых любая история разведывательной службы на Востоке будет неполной. Туда как магнитом тянуло всякого рода сомнительных личностей, пытавшихся разбогатеть или просто искавших приключений, и в этом отношении характерной является история одного из международных авантюристов, которыми была так богата первая треть двадцатого столетия. Игнаций (Исаак) Требиш родился в еврейской семье в Венгрии в 1872 (по другим данным, в 1879 году) и в раннем возрасте эмигрировал вначале в Южную Америку, а затем в Канаду, где сменил иудаистскую веру на христианскую. После этого первого, но далеко не последнего своего перехода из одной религии в другую он перебрал ряд протестантских конфессий и в результате стал дьяконом у англиканского архиепископа в Монреале. В 1903 (по другим данным в 1897) году бывший венгр приехал в Британию, где, слегка подкорректировав свое имя, вместо Игнация Требиша стал Игнациусом Тимоти Требишем Линкольном. Он начал свою карьеру с журналистики, а затем вполне успешно дебютировал в качестве политика. Уже в 1910 году, несмотря на эксцентричность, иностранный вид, ломаный английский язык и густую черную бороду, новый англичанин прошел на выборах в Палату общин депутатом от либеральной партии и некоторое время работал в интересах знаменитого торговца оружием из концерна “Виккерс — Армстронг” Бэзила Захарова, снабжая его и Ллойд Джорджа информацией о положении дел на нефтепромыслах в Галиции. Вскоре Требиш Линкольн занял солидную сумму денег у известного филантропа и торговца какао Сибоба Раунтри и вложил их в добычу нефти в Румынии и Галиции, однако разорился и не сумел найти средств для выборов в парламент на следующий срок. По некоторым данным, тогда же он попутно подделал чек на впечатляющую для начала века сумму в 700 фунтов. Все это время Требиш Линкольн находился в каких-то неясных отношениях с миром секретных служб различных

государств. В частности, он провел некоторое время в болгарской тюрьме за двойную игру во время Второй балканской войны. Французы подозревали его в работе на англичан и немцев, но в отношении первых они определенно ошибались. В самом начале войны Требиш Линкольн предложил свои услуги разведке британского Адмиралтейства, причем сделал это в форме довольно эксцентричного предложения. Он собрался завербоваться в немецкую разведку, несколько раз сообщить противнику подлинные данные о передвижении небольших отрядов кораблей, чтобы затем, укрепив доверие к себе, однажды выманить весь Флот открытого моря прямо под пушки британского Гранд-флота и устроить ему окончательный разгром в генеральном сражении. Лично выслушавший весь этот провокационный бред адмирал Холл вполне обоснованно усмотрел в нем неуклюжую попытку подстроить ловушку нескольким английским кораблям и приказал даже близко не подпускать бывшего парламентария к делам разведки. Судя по всему, Требиш Линкольн впервые вошел в контакт с германской секретной службой в Роттердаме, а потом уехал в США, где наконец 4 августа 1915 года был арестован, но не за шпионаж, а за тривиальную подделку чеков. Его выслали обратно в Великобританию, где он провел в тюрьме три года, а затем был выдворен в родную Венгрию, однако первоначально остановился в Швейцарии. Узнав о венгерской революции, авантюрист немедленно прибыл в Будапешт. Он попытался извлечь выгоду из нестабильной обстановки, не нашел точек соприкосновения с правительством Бела Куна и почти сразу же покинул родину, хотя в течение некоторого времени пытался как-то использовать в своих интересах Коминтерн. Следующим этапом перемещений Требиш Линкольна стала Германия. Там он встретился со своим знакомым по Соединенным Штатам, бывшим германским консулом в Вашингтоне графом фон Бернсторфом, вовлекшим его в заговор Каппа. После провала путча и кратковременного пребывания в Италии места в Европе для него практически уже не оставалось, и изгнанник обратил взоры на Азию. В Берлине Требиш Линкольн успел познакомиться с резидентом разведки Сунь Ятсена Чу Вочуном, как раз искавшим людей, знакомых с деятельностью различных спецслужб для налаживания оперативной работы в Китае. Чу находился в тесных отношениях с бывшим немецким послом в Пекине адмиралом фон Хинце, который и порекомендовал ему Требиш Линкольна, и тот, не зная китайского языка и лишь с несколькими фунтами в кармане, поехал на Восток, где вплоть до 1926 года занимался организацией гоминьдановской разведки. Как правило, люди подобного типа успешно выкарабкиваются на поверхность, и некоторое время спустя Требиш Линкольн уже пользовался репутацией первоклассного специалиста, жил во дворце, имел группу телохранителей и отважно трижды съездил в Европу со специальными поручениями, несмотря на объявленную британским правительством награду в тысячу фунтов за его поимку. Сунь пессимистически оценивал своего нового сторонника как «неверного человека с холодным сердцем»¹⁵⁹. Но оказалось, что и такому бессердечному авантюристу не были чужды сильные человеческие чувства. Когда старшего сына Требиш Линкольна приговорили к смертной казни за убийство, он, рискуя попасть в тюрьму на неопределенно долгий срок, все же отправился в Европу в тщетной надежде прибыть в Лондон и в последний раз увидеть сына. Ему отказали в последнем свидании, после чего он смертельно возненавидел англичан¹⁶⁰.

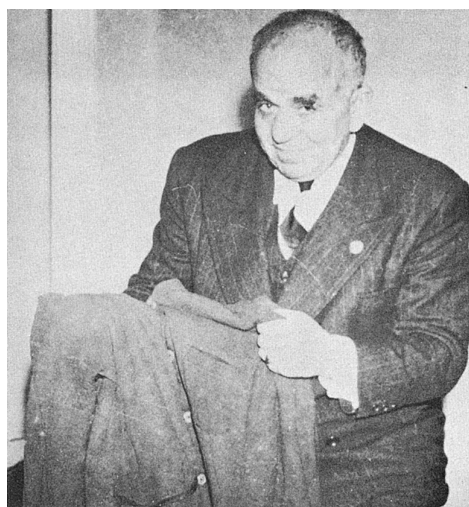
Игнаций Требиш-Линкольн
в монастыре

Вернувшись в Китай, Требиш Линкольн в качестве двойного агента Суня стал политическим советником главного ставленника Великобритании в Китае генерала У Пэйфу и на этом посту сумел причинить ему ощутимый вред. Разведчик сказал однажды: «Я давно мечтал найти способ нанести смертельный удар Британской империи. Я осознал, что только из Китая можно напасть на Индию с шансами на успех. И я знал, что большевики думали так же»¹⁶¹. Наряду с жадной наживы и властью основным двигателем поступков Требиш Линкольна стала месть.

Однако в 1926 году авантюрист внезапно решил уйти от мира, принял имя Цзяо Гун и стал вначале монахом, а затем и настоятелем небольшого буддийского монастыря. Казалось, с активной деятельностью

Требиш Линкольна покончено навсегда, но уже в 1927 году он опять появился в Европе, где по поручению китайского правительства попытался получить займ в четыре миллиона фунтов для закупки вооружений. Вновь призванный к операциям шпион воспрянул духом. По своему обыкновению, он планировал присвоить значительную часть средств, отпущенных на закупки вооружений, купить на них поместье на Яве и провести там остаток дней. Однако, жаждая славы, Требиш Линкольн дал довольно откровенное интервью газете “Дейли Экспресс” и тем самым допустил фатальную ошибку. Китайское начальство не испытывало симпатий к сотрудникам, открыто выступающим в прессе и разглашающим секретную информацию, и по возвращении в Пекин его ожидал неприятный сюрприз. Всплыли не только финансовые злоупотребления, но и изменнические связи с японской разведкой, после чего правительство потребовало от Требиш Линкольна немедленно убраться из страны.

Последующие семь лет бывший разведчик скитался по миру без денег и вида на жительство, поскольку и западные, и восточные страны закрыли перед ним свои границы, а в 1934 году его наконец-то арестовали при попытке высадиться с судна в Ливерпуле и отправили в местную тюрьму. Последние годы жизни Требиш Линкольна покрыты мраком. По некоторым данным, он провел их в ламаистском монастыре в Тибете, по другим — странствовал по миру, по третьим — осел в Шанхае, где продолжал деятельность свободного шпиона и продавал информацию тем, кто был готов за нее платить. В 1943 году японское информационное агентство оповестило мир о смерти Требиш Линкольна в Шанхае, но это оказалось лишь очередной недостоверной смертью в туманном мире секретных служб. 5 мая 1947 года газета “Таймс оф Цейлон” поместила заметку со ссылкой на агентство “Рейтер”: “Требиш Линкольн, бывший член британского парламента, о смерти которого сообщили японцы в 1943 году, жив”. Как в действительности закончилась его бурная жизнь, достоверно неизвестно никому.

Моррис Кохен

Другой иностранец, сыгравший огромную роль в становлении китайской разведки, был прямой противоположностью этого агента китайской, японской, германской, коминтерновской и, возможно, британской спецслужб. Если Требиш Линкольна можно считать образцом неверности, то Моррис Абрахам Кохен в течение всей своей долгой жизни верно служил Китаю, который полюбил в ранней юности.

Кохен родился в 1889 году в лондонском Ист-Энде в семье евреев — выходцев из Польши, а в 1905 году уехал в Канаду, где перепробовал массу занятий. Ему пришлось побывать циркачом, профессиональным игроком и торговцем дешевой бижутерией, а первоначальный капитал он сумел заработать на торговле недвижимостью. Приблизительно в 1910 году в столице канадского штата Эдмонтон Альберте Кохен подружился с китайцами, в результате чего у него возникла и сохранилась на всю жизнь какая-то глубокая психологическая близость с этим народом. Вскоре молодой человек стал в местной китайской диаспоре своим человеком. Эдмонтон контролировало одно из многочисленных тайных обществ Цин Чунхуй, глубоко вовлеченное в операции “призрачной” секретной службы Сунь Ятсена в период его борьбы с маньчжурским господством. После двух лет изощренных проверок и испытаний Кохена приняли в общество, хотя обычно для иностранца такая честь являлась практически недостижимой. Тем временем его состояние несколько выросло и позволяло отчислять определенную часть доходов на нужды китайцев, а также бесплатно консультировать их по некоторым вопросам. В том же 1910 году Кохен познакомился с прибывшим в Канаду Сунем и на два месяца, пока тот совершал вояж по континенту, стал его телохранителем. Именно тогда за привычку не расставаться с автоматическим “кольтом” и револьвером “смит и вессон” он получил прозвище “Два пистолета”, под которым часто фигурировал в дальнейшем. В следующем году по просьбе Сунь Ятсена он совершил несколько поездок в Европу для нелегальных закупок оружия бельгийского производства. Уже в 1913 году Кохен, проявив немалую политическую прозорливость, распознал в Японии главного врага Китая и предсказывал скорую агрессию с

ее стороны. Сунь оценил ум и аналитические способности своего бывшего телохранителя и постоянно настаивал на его переезде в Китай для работы. Во время Первой мировой войны Кохен воевал в Европе, был ранен и получил инвалидность, после чего возвратился в Британию, а оттуда вновь в Канаду. Его дружественные связи с китайцами не прерывались, но до первого появления в стране, ставшей его судьбой на всю жизнь, прошло еще несколько лет.

Кохен прибыл туда в 1922 году, когда обеспечил контракт китайского правительства с канадской “Северной строительной компанией” на постройку пяти тысяч миль железной дороги из Гуаньчжоу (Кантона) в Чунцин, и тогда же активно занялся реформированием секретной службы Суня. В тот период ее возглавлял Ма Сан. Именно Кохен настоял на введении в Китае организации сети учреждений прикрытия и британского принципа сокрытия имен высших руководителей разведки и контрразведки, доведенного впоследствии китайцами до крайней степени абсурда. Например, в 1980-е годы в беседах с автором они упорно отрицали, что когда-либо слышали о существовании многолетнего куратора секретных служб Кан Шэна. При этом тот до самой своей смерти 16 декабря 1975 года был отнюдь не просто чиновником высокого ранга, а всем известным заместителем председателя ЦК КПК, заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и советником Группы по делам культурной революции при ЦК. Более того, в 1978 году он был торжественно заклеен как виновник репрессий против китайского народа и скрытый контрреволюционер, поэтому не знать ничего об этом человеке было просто невозможно.

Влияние Кохена на Сунь Ятсена трудно переоценить. Он являлся его неофициальным советником по разведке, политическим и военным делам, а в особо деликатных случаях и специальным личным эмиссаром, причем через некоторое время после смерти Суня стал тем же и для Чан Кайши. С 1927 года к обязанностям Кохена добавилась работа по руководству секретными валютными операциями Центрального банка Китая, связанными с закупками вооружений за границей. Уже тогда он всеми силами пытался противостоять советскому влиянию и при этом отнюдь не ограничивался дипломатическими методами. После неудачной попытки коммунистического восстания в Гуаньчжоу Кохен безошибочно понял, что оно было спровоцировано северным соседом. По личному указанию советника по разведке боевики правительственной секретной службы перебили три четверти работников советской миссии в этом городе, вызвав радостное оживление эмигрантской прессы. Не скрывая восторга, одна из газет писала о гибели безоружных соотечественников: “Персонал консульства подвергся кавалерийской рубке!”. Тогда же полиция захватила множество документов о связях китайских коммунистов с Коминтерном, хотя, в общем, это и так являлось секретом полишинеля и не требовало проведения силовой акции.

Карьера Кохена динамично развивалась. Звание полковника он получил еще при Суне, а в дальнейшем дослужился до генерала. Именно Кохен стал одним из первых аналитиков, предсказавших открытую японскую агрессию, в преддверии которой он совершил ознакомительную поездку в эту страну, чтобы лучше понять будущего противника. Он успел заблаговременно создать в Маньчжурии агентурные позиции, позволившие китайским нелегальным резидентурам после ее оккупации и образования там марионеточного государства Маньчжоу-Го исключить период становления и немедленно приступить к активной работе. Одновременно Кохен упорно и целеустремленно боролся против советского влияния в регионе, но, как известно, в конечном итоге потерпел фиаско. Заслуживает упоминания его миссия в Гонконг в 1943 году. Кохен прибыл в оккупированную японцами бывшую британскую колонию для спасения вдовы Сунь Ятсена Сун Цинлин, для которой пребывание там стало слишком опасным. Сам “генерал Ма” впоследствии оценил этот свой авантюрный поступок стремлением отдать последний долг Сунь Ятсену. Удача изменила опытному разведчику, он был расшифрован и задержан. Японцы не знали, как следует поступить с этим человеком и поместили его в лагерь для интернированных, в котором он пережил войну, а в 1945 году вновь вернулся на службу к Чану. Однако от практической и тем более руководящей разведывательной работы Кохена отодвинули более энергичные соперники, и поэтому после изгнания гоминьдановцев он остался в континентальном Китае. Его скрытая от глаз широкой публики роль советника по разведке, конечно, не являлась секретом для коммунистической секретной службы, но Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай не решились репрессировать всем известного друга Сунь Ятсена и просто выслали его из страны в Канаду. В 1966 году ему даже

было позволено участвовать в церемонии открытия в Пекине памятника первому президенту китайского государства. С 1956 по 1966 годы Кохен все же продолжал сотрудничество с секретной службой Китайской республики (Тайвань) и по разведывательной линии поддерживал существование неофициального канала для контактов правительств обоих Китаев. Скончался Кохен в 1970 году, намного пережив большинство своих друзей и врагов. На его могиле в Манчестере воздвигнут высокий черный памятник с иероглифической надписью — благодарственным автографом Сун Цинлин.

Возвращаясь к рассматриваемому периоду, следует отметить, что секретная служба Суня все еще работала по старой методике, однако необходимость применения новых методов стала уже совершенно очевидной. Кохен все же сумел убедить президента, что, например, излюбленное им использование миссионеров в качестве агентов целесообразно отнюдь не всегда, да и вообще настала пора постепенно преобразовать разведку и контрразведку из “призрачной” в официальную. Хотя Кохена поддерживал набиравший силу и влияние Чан Кайши, предлагаемая реорганизация требовала немалых финансовых средств, а их как раз и не было.

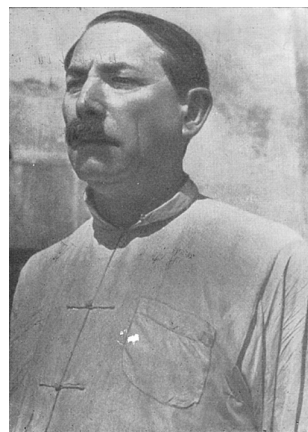
Между тем очень скоро в результате заговора министра внутренних дел Чэнь Цзюньмина зыбкое равновесие сил разлетелось вдребезги. Этот сторонник федералистского Китая нашел общий язык с главой чжилийской группировки У Пэйфу, а направленный против него карательный северный поход войск Юга потерпел неудачу. Непродуманная налоговая политика и постоянные грабительские реквизиции лишили Суня поддержки в обществе и в армии, так что в конечном счете он мог рассчитывать на верность лишь 250 — 300 человек своей личной охраны. Ожидавшаяся из Соединенных Штатов помощь так и не пришла. По-прежнему исправно функционировавшая “призрачная” секретная служба в последний момент успела предупредить президента об опасности, и когда 16 июня 1922 года 2-я дивизия атаковала его резиденцию, он сумел уйти по Янцзы на крейсере “Юнфэнь”. Сопrotивление продолжалось еще пятьдесят дней, после чего Сунь и его молодой соратник Чан Кайши через Шанхай бежали в Гонконг, под защиту британской короны. Ожидаемого содействия от европейских правительств не последовало, и после Вашингтонской конференции и договора великих держав в отношении Китая Сунь тесно сблизился с СССР, которому остро требовался союзник с социалистической ориентацией, пусть даже с китайским акцентом. В марте 1923 года ЦК РКП(б) и Совнарком приняли решение об оказании Китаю финансовой и военной помощи, а в августе Сунь направил Чан Кайши на переговоры в Москву для отработки конкретных вопросов сотрудничества.

Военная разведка и Коминтерн сразу же ухватились за привлекательную возможность внедриться в регион. В кратчайшие сроки СССР основал в Шанхае военную школу-академию, по названию протекавшей там реки именовавшуюся Вампу (Хуанпу). Ее начальником стал Чан, политическим комиссаром — коммунист Чжоу Эньлай, а главным военным советником и руководителем аппарата — будущий маршал Советского Союза В. К. Блюхер (“генерал Галин”). Вся группа военных советников неофициально так и называлась “миссией Блюхера”. Школа выпускала лучших в Китае военных специалистов, в том числе на разведывательном факультете, однако Чан, в котором достаточно глубоко укоренилось неприятие всего коммунистического и русского, изначально рассматривал Вампу как временную структуру. Он ясно сознавал, что обстановка еще не скоро позволит ему отказаться от помощи северного соседа, но исподволь уже начал готовиться к этому шагу. Важнейшим условием самостоятельности Чан твердо полагал необходимость создания своей секретной службы, не пронизанной советскими ставленниками и прямыми агентами.

Одновременно с созданием академии Разведупр начал насаждать в различных регионах страны свою агентуру. На начальных этапах этого процесса “легальным” резидентом являлся военный атташе РСФСР в Пекине А. И. Геккер, позднее перешедший из полпредства в аппарат КВЖД. В 1923 году в Харбине открылась резидентура под руководством В. А. Неймана (“Василий”, “Васильев”), ранее работавший в Шанхае резидентом одновременно Госполитохраны ДВР и ГПУ РСФСР. Его агенты, завербованные главным образом в среде русских эмигрантов, постепенно охватили всю Маньчжурию. Первоначально загранточка замыкалась не на Москву, а на командование Красной Армии на Дальнем Востоке. В Шанхае, наряду с “легальной” резидентурой, была основана и нелегальная во главе с известным военным разведчиком и специалистом по диверсионной работе Х. И. Салнынем и его заместителем болгарским коммунистом И. Ц. Винаровым. С 1925 года все загранточки перешли в подчи-

нение к руководившему всей деятельностью военной разведки в Китае Пекинскому разведцентру Разведупра РККА, в обиходе чаще именовавшемуся Пекинским военным центром. Помимо Пекина и Харбина, еще 10 резидентур советской военной разведки располагались в Гуаньчжоу, Дайрене, Кайфэне, Калгане, Мукдене, Сеуле, Шанхае, Шаньдуне, Цицикаре и Чанша. Известны некоторые данные о бюджетах части из них. В мае 1926 года четыре резидентуры — в Мукдене (№ 1), в Харбине (№ 3), в Пекине (№ 4) и в Шаньдуне (№ 12) — получили 11200 долларов США, 6842,67 китайских долларов, 4696,29 иен, 2972 золотых рубля и некоторое количество другой валюты на общую сумму 40000 китайских долларов¹⁶². Со временем оказалось, что резидентуры ИНО и Разведупра периодически мешают друг другу работать, после чего для координации их работы в Шанхае был создан пост главного резидента по Дальнему Востоку. Им стал Н. И. Эйтингон. Аналогичную задачу, но в пределах Маньчжурии, с начала 1925 года в Мукдене выполнял А. Я. Зейбот. Оба эти работника не являлись местными резидентами, шанхайскую точку ИНО возглавил Э. Куцин (Вартэ, “Степа”), мукденскую — В. Т. Сухоруков. Последний числился в штате военной разведки и проработал в Маньчжурии с 1925 по 1927 годы, после чего был расшифрован и отозван в СССР, причем для спасения жизни ему пришлось организовать нелегальный уход через Японию.

Развитие сети советских спецслужб в Китае происходило на фоне значительных политических перемен в стране. В январе 1924 года состоялся первый съезд Гоминьдана, на котором были провозглашены “три народных принципа”: национализм, демократизм и народное благоденствие, в образовавшийся “единый фронт” вошли также и коммунисты. Структуру Гоминьдана откорректировали по рекомендациям главного политического советника СССР в Китае М. М. Бородин (Грузенберга), работавшего под “крышей” корреспондента Российского телеграфного агентства (РОСТА). Чан ненавидел его тихой ненавистью и вел двойную игру, пытаясь дискредитировать советника и при этом войти в доверие к Блюхеру.

М. М. Бородин

Страна стремительно втягивалась в первую гражданскую войну (1924 — 1927). В июне 1924 года в Гуаньчжоу взбунтовались и с трудом были разгромлены вооруженные английским оружием отряды так называемых “бумажных тигров”, на севере У Пэйфу воевал с Чжан Цзолинем, против него восстал Фэн Юйсян, примкнул к Суню и 23 октября 1924 года захватил Пекин. По мнению некоторых исследователей, это восстание в значительной степени явилось плодом тайной деятельности Требиш Линкольна, сумевшего расквитаться с ненавистными ему англичанами. Оно существенно помогло правительству Сунь Ятсена, однако это уже мало радовало страдавшего от жесточайшего рака печени президента. Он скончался 12 марта 1925 года, а 1 июля было сформировано Национальное правительство Китайской республики под председательством Ван Цзинвэя. Чан Кайши уверенно занял в нем пост главнокомандующего вооруженными силами и сразу же исподволь начал готовить удар по коммунистам. Руководство КПК пребывало в блаженной уверенности в прочности своего положения вплоть до 9 марта 1926 года, когда партия была внезапно изгнана из Гоминьдана. Лишь тогда коммунисты осознали, что оказались захваченными врасплох из-за фактического отсутствия в своем распоряжении службы безопасности. В 1925 году заведующий орготделом Шанхайского комитета КПК Кан Шэн под общим руководством военного руководителя компартии Чжоу Эньлая постепенно начал формировать зародыш будущей секретной службы, однако нехватка оперативного опыта толкала коммунистов на решение возникающих проблем террористическими методами. Постигание высокого искусства разведки было для них еще в далеком будущем, а пока для проведения оперативных мероприятий главным образом использовались подразделения “Красной гвардии”, то есть фактически группы боевиков. КПК обзавелась собственной разведкой в мае 1927 года, когда Чжоу наконец утвердил создание при Военной комиссии ЦК КПК в Ухани Бюро по специальной работе (Теьу гунцзо чу) и возглавил его параллельно с выполнением своих остальных задач. Позднее руководителями этого органа последовательно являлись Ван Ифэй, Чжоу Эньлай и Не Жунчжэнь. По мере изменения обстановки Бюро было переведено в Шанхай. Кан Шэн находился в нем на положении второго лица, ответственного за практи-

ческую работу. Новая структура была еще весьма далека от профессионализма, поэтому 6 июля следующего года на VI съезде КПК было решено реорганизовать ее по образцу ОГПУ, а в Политбюро партии создать Комитет по специальной службе из трех человек во главе с самим генеральным секретарем КПК, бывшим руководителем шанхайского тайного общества “Хун бан” (“Обширное общество”) Сян Чжунфа. Другими членами этого образованного 14 ноября 1928 года комитета стали Чжоу Эньлай и его протеже Гу Шуньчжан (он же Ли Мин), бывший личный охранник главного политического советника СССР в Китае М. М. Бородина. Исполнительным органом комитета стал созданный на базе Бюро по специальной работе Особый отдел ЦК КПК (Чжуньян теке), сразу же попавший под контроль Чжоу. Его руководителем первоначально являлся Гу Шуньчжан, а внутренняя структура выглядела следующим образом:

- 1-е отделение (штаб), начальник Хун Яншэн;
- 2-е отделение (разведка, в основном внутри Гоминьдана), начальник Чэн Гэн;
- 3-е отделение (специальные операции, физическая защита структур КПК, уничтожение предателей и агентуры противника, руководство боевыми отрядами), начальники Гу Шуньчжан, Чэн Гэн, Ся Цийи;
- 4-е отделение (связь, в том числе по радио и курьерская), начальники Ли Цян, Чэнь Шоучан, У Тэчжэн (он же У Дафэн);
- Отделение печати, начальники Гун Иньбин, Чжан Кучэнь.

Многообразие внезапно образовавшихся спецслужб дополняла Секция специальной разведки¹⁶³. Этот оперативный орган блестяще осуществил свою главную задачу внедрения в разведывательные сети Гоминьдана. Ее обучавшийся в Москве начальник Чэн Гэн после образования КНР стал заместителем министра обороны, а в годы Корейской войны занимал пост главнокомандующим китайскими войсками в Корее.

К этому времени Чан Кайши реализовал свою идею создания секретной службы вне пределов советского влияния. Следует особо подчеркнуть, что периодически встречающаяся информация о создании 20 марта 1926 года Центрального бюро расследований и статистики (ЦБРС) является ошибочной, этот орган был создан намного позднее. Первой спецслужбой Гоминьдана стала созданная в 1928 году и просуществовавшая несколько лет полуофициальная Группа секретных расследований (Мича цзу), во главе с племянником Чана и руководителем Организационного отдела Гоминьдана Чэнь Лифу. Она “прославилась” раздиравшими ее постоянными спорами, внутренними конфликтами и соперничеством за секретные оперативные фонды. В скором времени резидентуры Группы секретных расследований открылись в Берлине, Берне, Вашингтоне, Москве, Париже и Сиднее. В отличие от “домашней” разведки Сунь Ятсена, новая организация была четко структурированной и занималась не только сбором информации и организацией акций политической поддержки, но и более жесткими действиями.

Против этого противника агенты Секции специальной разведки действовали весьма успешно. В 1928 году информацию в высшем эшелоне руководства Гоминьдана добывали высокопоставленные агенты Ли Кенун, Цянь Чжуанфэй и Ху Ду. Первый из них руководил отделением секретной службы Чан Кайши в Шанхае, второй возглавлял радиоразведку (Дьянь ву гу), а третий входил в правительство и контролировал различные агентства новостей, служившие прикрытием для гражданской разведки. Кроме того, Цянь отвечал за подбор и обучение сотрудников и смог внедрить в свою службу множество агентов более низкого уровня, а Ли в конце своей карьеры стал личным шифровальщиком Чан Кайши в Гонконге. Заслуживает упоминания весьма своеобразная организационная форма такого агентурного аппарата — он считался отдельной партийной ячейкой, секретарем которой был Ли Кенун, Информация от ячейки стекалась в Шанхай к Чжоу Эньлаю и его сотрудникам.

Успешная работа коммунистической разведки внезапно прервалась в апреле 1931 года, когда арестованный в Ухани бывший руководитель Особого отдела Гу Шуньчжан совершил предательство и перешел на сторону Чан Кайши. Это нанесло сильный удар как по коммунистической партии в целом, так и по ее спецслужбам. На основании полученной от Гу информации арестам подверглись несколько тысяч членов КПК, а ее центральный комитет едва успел скрыться из Шанхая. Переход Гу к противнику резко ухудшил ситуацию в спец-

Слева направо: Кан Шэн и Чжоу Эньлай

службах и в партии в целом и спровоцировал стремительное развитие событий. Председатель Военного комитета компартии Китая Чжоу Эньлай распорядился отомстить перебежчику и уничтожить его ближайших родственников, что и было сделано. Боевики “Красной гвардии” Ван Шиде закопали десять членов семьи Гу в подвале одного из заброшенных домов во французской части международного сэттльмента Шанхая, причем, по некоторым сведениям, их похоронили живыми. После этого у перебежчика появился дополнительный стимул к борьбе против прежних товарищей по партии, что он и делал с особым рвением на посту руководителя аналога штурмовых отрядов НСДАП, военизированной организации Гоминьдана “Синие рубашки”. Гу Шуньчжан использовал псевдоним “генерал Сюань”, однако его подлинное имя практически ни для кого не являлось секретом.

История с изменой Гу парадоксальным образом отозвалась на спецслужбах Гоминьдана, в которых существовала так называемая фракция “Ч. Ч.” или “Чэнь-Чэнь”, по именам ее монополизировавших руководство радиоразведкой лидеров, братьев Чэнь Лифу и Чэнь Гуофу. Раскрытие коммунистических агентов в радиоразведывательных органах, продемонстрировало неблагоприятное в столь важной области, и оба Чэня утратили свои позиции, перешедшие к Сю Енцзэну и Вэнь Юйцину (Ю. С. Вэнь). Чэнь Лифу отомстил Гу Шуньчжану, сфабриковав в 1935 году дело о его очередном предательстве и добившись его расстрела. Некоторые исследователи полагают это инсценировкой, однако в действительности казнь состоялась. Дополнительным мотивом для мести являлась обида Чэня на Гу, передавшего информацию по коммунистам не ему, а его сопернику Дай Ли.

Гражданская война продолжалась. Коммунисты подняли восстание в Шанхае, но войска Чана разгромили их и устроили безжалостную резню, а потерявшее Пекин национальное правительство в июле вновь бросило свою армию в очередной северный поход. За этим процессом с неослабевающим вниманием наблюдали из Токио. Через своего советника в Нанкине майора японской военной разведки Чан установил связь с заместителем ее начальника генералом Иванэ Мацуи. Японцы желали получить свободу рук в аннексии Маньчжурии и Монголии, соблазняя китайского главнокомандующего предоставлением помощи в борьбе с КПК, однако Чан Кайши не собирался торговать частями родины и восточных соседей любил ничуть не больше, чем северных. Кроме того, ему были известны добытые “призрачной” секретной службой еще в 1915 году планы тайного “Общества черного дракона”, в значительной степени определявшего курс официального Токио: “После окончания европейской войны... в предвидении экспансии европейского влияния на евразийском континенте японское императорское правительство не должно колебаться в использовании силы... Сейчас настал наиболее удобный момент для разрешения китайского вопроса. Такой возможности не представится вновь еще сотни лет”¹⁶⁴. Чан со всей серьезностью отнесся к этой опасности, поэтому сделка не состоялась, и тогда 4 мая 1927 года произошло первое боевое столкновение японской и китайской армий. Войска национального правительства потеряли 3254 человека убитыми и 1450 тяжело ранеными, в то время как потери японцев составили по 15 убитых и раненых. 18 мая командующий Квантунской армией издал приказ разоружать любые появляющиеся на территории Маньчжурии китайские войска.

Политика СССР в этой обстановке отличалась своеобразием. Москва решила сделать ставку сразу на три основанные действовавшие в Китае силы, полагая, что окажется в выигрыше в случае победы любой из них. На юге группа военных советников организовывала вооруженные силы Чан Кайши. Северные национальные армии под общим руководством Фэн Юйсяна воевали против наиболее антисоветски настроенного маршала Чжан Цзолиня, поэтому совершенно естественным ходом стало направление к Фэну северной группы советников. Советником по разведке и одновременно резидентом в Харбине был Х. И. Салынь, позднее работавший в пекинской нелегальной резидентуре. В номинальной столице страны Пекине власть принадлежала ярому противнику Советского Союза Чжан Цзолиню, но СССР поместил свое подпредство именно там. Ставка на третью силу оказалась серьезной ошибкой. Весной 1927 года полиция вторглась в экстерриториальные помещения и захватила огромное множество документов, в том числе материалы резидентуры военной разведки с инструкциями, списками местной агентуры и другими совершенно секретными сведениями, что повлекло за собой массовые провалы источников и, поскольку дело происходило не в либеральной Европе, серию их казней.

Тем временем Гоминьдан взял открытый курс на вооруженную борьбу с коммунистической партией, в 1927 году вызвавший затянувшуюся на десять лет вторую китайскую

гражданскую войну. Одновременно резко обострилась обстановка на севере страны, особенно в районе рек Амур и Уссури. Китайцы проявляли открытую враждебность в отношении СССР, несколько раз совершали артиллерийские обстрелы его территории и сконцентрировали войска в Маньчжурии. В ответ на это советская авиация нанесла удары по городам Фу-юань, Саньчаоу и кораблям сунгарийской речной военной флотилии. Мониторы и канонерские лодки Амурской военной флотилии развили успех, однако не успокоившиеся китайцы усилили свою войсковую группировку и захватили КВЖД. 17 июля 1929 года Наркоминдел отозвал из Китая весь советский персонал и выслал из Москвы представителей Национального правительства, контакты между государствами поддерживались теперь только через посла Германии в Москве Дирксена. Часть советников по разведке перешла на нелегальное положение и продолжила работу в резидентурах.

ОГПУ срочно поручило дальневосточному отделению ИНО усилить разведывательное обеспечение назревавшего военного конфликта. Аналогичные задания получили от генерального штаба военная разведка и руководимый В. Б. Медведевым разведотдел штаба созданной в начале августа 1929 года Особой Дальневосточной армии (ОДВА). Агентурные позиции в Маньчжурии были заложены еще до революции штабс-капитаном А. Н. Луцким, сотрудником разведотдела штаба Иркутского военного округа (с 1914 года), а затем резидентом в Харбине. После 1917 года он сотрудничал с большевиками, работал с нелегальных позиций в Маньчжурии, руководил из Иркутска разведкой против японцев и семеновских войск. Из-за восстания чехословацкого корпуса все советские учреждения, в том числе и возглавлявшийся Луцким пограничный отдел, эвакуировались в Забайкалье. Там разведчики арестовали белые и переправили в Харбин, но затем вместе с другими арестованными вынуждены были освободить и выслать во Владивосток, где он с 1920 года возглавил контрразведывательную службу Военного совета Приморья. Луцкий активно противодействовал японскому шпионажу в регионе, но в апреле того же года был арестован японцами и в мае вместе с Сергеем Лазо сожжен в топке паровоза. Несмотря на гибель разведчика, созданный им агентурный аппарат продолжил существование и результативно функционировал на протяжении многих лет.

А. Н. Луцкий

С августа 1920 года японским и китайским направлениями занимались не только органы разведки и госбезопасности РСФСР, но и оперативные подразделения Государственной политической охраны (ГПО) — секретной службы буферной Дальневосточной республики (ДВР), провозглашенной на территориях Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областей. Эта спецслужба имела право ведения агентурно-оперативной работы и производства дознания, но все административные функции (обыски, выемки, аресты и задержания) должны были осуществляться по ее заданиям Народной милицией ДВР. Не обладала она и полномочиями на ведение следствия, которое было возложено на следственный отдел Народного политического суда. Структура Главного управления Государственной политической охраны выглядела следующим образом:

- Секретно-оперативный отдел;
- Транспортный отдел;
- Следственный отдел;
- Административно-организационный отдел;
- Информационная часть;
- Регистрационная часть;
- Финансово-хозяйственная часть;
- Комендантская часть,

В Народно-революционной армии (НРА) ДВР действовала и военная контрразведка, образованная на базе аппаратов особых отделов составивших ее дивизий и 5-й армии. На первоначальном этапе она представляла собой созданный 6 апреля 1920 года Контрразведывательный отдел НРА, а 21 мая того же года была переформирована в Отдел военного контроля. Помимо центрального аппарата, отдел располагал местными органами при дивизиях, бригадах, на железнодорожных станциях и речных пристанях. После образования

ГПО функции военной контрразведки принял на себя ее секретно-оперативный отдел, что существенным образом ухудшило работу по обеспечению безопасности армии. В связи с этим Дальбюро ЦК РКП(б) 25 мая 1921 года приняло решение создать в структуре Госполитохраны и в непосредственном подчинении политэmissара вооруженных сил ДВР Военный отдел (ВО), центральный аппарат которого состоял из следующих подразделений:

- агентурное отделение;
- информационная часть;
- следственная часть;
- регистрация;
- подотдел охраны границ.

С 12 июля 1921 года, после упорядочения структуры руководства НРА, подчиненность военной контрразведки была изменена. Соответственно, отныне она именовалась Военным отделом Главного управления Госполитохраны при военном совете НРА.

Территориальные органы ГПО были представлены Прибайкальским, Забайкальским, Амурским, Приамурским и Приморским (существовал по 26 мая 1921 года) областными отделами, уездными подотделами, осведомительными и контрольно-пограничными пунктами. На железной дороге действовали осведомительные пункты Транспортного отдела ГУ ГПО. Высшим органом руководства Государственной политической охраны являлась Коллегия, которую возглавлял директор Главного управления. Эту должность последовательно занимали Б. А. Похвалинский (ноябрь 1920 — январь 1921 года), В. В. Попов (январь — апрель 1921 года), А. С. Лапа (Лаппа) (апрель — июль 1921 года), Н. Ф. Черных (июль — август 1921 года), Г. И. Быков (август — ноябрь 1921 года) и А. Н. Бельский (ноябрь 1921 — ноябрь 1922 года). Первые двое из них были сняты с занимаемого поста за допущенные нарушения законности, а Черных одновременно был исключен из партии и уволен с редкой для руководителя спецслужбы формулировкой за неоднократные пьянства и бесчинства, в том числе “последнее дело о пьяном дебоширстве... при исполнении служебных обязанностей”¹⁶⁵. Лапа и Быков ушли с работы по причине плохого состояния здоровья. Бельский, как известно, в дальнейшем дослужился до поста заместителя наркома внутренних дел СССР. Вскоре после вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР 15 ноября 1922 года, ГПО прекратила свое существование вначале фактически, а затем, уже в 1923 году, и юридически.

Сбор информации по перемещениям китайских войск часто осуществлялся с использованием многочисленной агентуры из числа находившихся в Маньчжурии эмигрантов. Среди них имелось немало военных, помогавших также осуществлять диверсии на тыловых коммуникациях противника. Для выполнения специальных операций Разведупр забросил в Северную Маньчжурию оперативную группу под руководством Х. И. Салныня, которому командующий ОДВА В. К. Блюхер поставил задачу временно вывести из строя железнодорожное сообщение. Диверсанты успешно сорвали переброску китайских резервов и вместе с тем сумели не нанести дороге непоправимый ущерб. 17 ноября 1929 года Особая Дальневосточная армия силами трех стрелковых дивизий, кавалерийской бригады и бурят-монгольского кавалерийского дивизиона при поддержке танковой роты и авиационной эскадрильи нанесла удар и полностью разгромила маньчжурскую группировку китайцев. Демонстрация военного искусства закаленной в сражениях гражданской войны Красной Армии была весьма впечатляющей: в плен попали свыше 10 тысяч солдат и офицеров противника и несколько генералов со своими штабами. Хотя поражение вынудило китайцев уже в декабре подписать протокол об урегулировании конфликта и вернуть отношения во внешне нормальное русло, Москва все равно не простила Чану его вероломства в отношении КПК. Коммунистические войска в несерьезном для Китая количестве 40 тысяч человек сконцентрировались в провинции Цзянси и с 1930 по 1931 год сумели отразить три карательные экспедиции правительства.

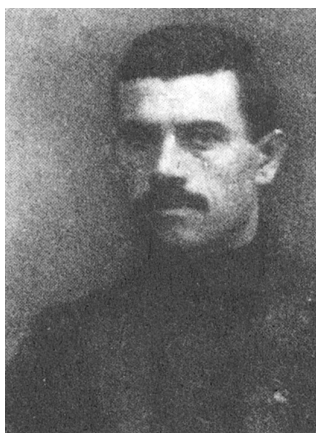
Советский Союз вел оперативную разведку в Маньчжурии силами 4-го отдела штаба Особой Дальневосточной армии (с 1930 года — Краснознаменной), который открыл на сопредельной территории несколько резидентур для сбора информации и сформировал “Особую группу № 100” для выполнения диверсионных задач. К сожалению, к началу января 1934 года выяснилось, что агентурный аппарат этих разведорганов сильно засорен. Японцы раскрывали советских агентов, силами местной полиции арестовывали их, перевербовывали и депортировали в СССР в качестве двойников, внедряя таким образом в советскую военную разведку. Проведенное Особым отделом углубленное расследование причин и

последствий этих провалов установило крайне низкий уровень подготовки направляемых на заграничную работу сотрудников, отсутствие убедительных легенд и абсолютно безответственное отношение руководства 4-го отдела к требованиям конспирации. Например, при прохождении минно-взрывной подготовки на базе Амурской флотилии будущие нелегалы носили форму сухопутных войск, сразу же выделявшую их на фоне окружающих моряков. Многие из них были знакомы между собой, ходили в гости друг к другу и вообще не делали секрета из предстоящей закордонной работы, уповая на то, что находятся среди своих. В результате подобных случаев расконспиривания система оперативной и тактической военной разведки в Маньчжурии оказалась полностью разрушенной.

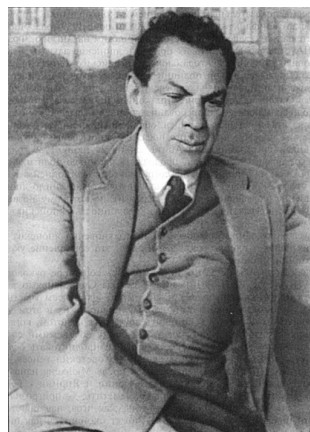
Иным было положение в стратегической разведке. В 1929 году руководство Разведупра поставило перед сотрудниками китайского направления четыре основные задачи:

- срочное восстановление утраченных контактов с оттесненными вглубь страны коммунистами;
- повышение качества добываемой информации о Чан Кайши, Гоминьдане и курсе нанкинского правительства, позволяющей принимать обоснованные политические решения;
- восстановление разрушенной после закрытия в апреле 1929 года советских консульств системы оперативной радиосвязи;
- возобновление текущей военной разведки.

Для решения этих вопросов в Китай отправились несколько агентурных групп, общее руководство которыми осуществлял резидент “Алекс”. В ряде источников утверждается, что под этим псевдонимом “Алекс” скрывался Л. А. Розенталь (Борович), но это неверно. Хотя этот разведчик действительно использовал псевдоним “Алекс” и тоже работал в стране, в рассматриваемый период он находился на нелегальной работе в Европе, а в 1931 году перешел на службу в ВСНХ. В Китае Розенталь появился лишь в апреле 1936 года и под фамилией Лидов до лета 1937 года работал помощником заведующего отделением ТАСС в Шанхае. “Алексом”, о котором идет речь в данном случае, являлся известный разведчик А. П. Улановский (Хаскелевич).

А. П. Улановский

Рихард Зорге

Зорге, Борович и радист, немец Йозеф Вейнгартен (“Вили”, “Вилли”) прибыли в Шанхай в январе 1930 года. К лету, после окончания периода становления организации и обрастания связями, “Алекс” убедился в полной готовности нового сотрудника к самостоятельной работе. Зорге явился в германское генеральное консульство с рекомендательными письмами из Берлина от пресс-службы МИД, помогшими ему войти в местные журналистские и дипломатические круги. Неоценимую помощь оказала известная своими левыми убеждениями и связями с индийскими социалистами американская журналистка Агнесса Смедли. Возможно, самым ценным ее подарком оказалось знакомство разведчика с японским корреспондентом газеты “Асахи” Ходзуми Одзаки, будущим активным участником не только шанхайской, но и токийской нелегальной резидентуры “Рамзай”. В мае 1930 года Зорге выехал в Гуаньчжоу и под журналистским прикрытием совершил оттуда несколько “исследовательских” поездок по южным районам страны. В начале 1931 года он должен был передать руководство группой “Полю”, вместе с “Джоном” прибывшему ему на смену, однако фактически это произошло лишь в декабре 1932 года.

Резидентура Зорге постепенно разрасталась. С ним была связана и видная разведчица Урсула Кучински (Рут Вернер, “Соня”), а в 1929 году в Китай прибыл будущий радист токийской резидентуры

Ходзуми Одзаки

“Рамзай” Макс Готфрид Фридрих Кристиансен-Клаузен. В дальнейшем он работал с “Джимом”, а также ездил в Харбин для установки радиоаппаратуры маньчжурской резидентуры военной разведки, причем смонтировал передатчик прямо в доме американского консула Лиллестрома. Следует отметить крайне неудовлетворительную проработку легенды Зорге в Центре. Его приверженность коммунистической идеологии и членство в компартии были прекрасно известны немецкой полиции, которой стоило просто заинтересоваться прошлым журналиста, чтобы сразу же обнаружить это. Собственно говоря, ситуация вовсе не была катастрофической. Множество германских коммунистов, от депутатов рейхстага до рядовых членов партии, сменили свои убеждения или просто предпочли переметнуться на другую сторону и теперь являлись сторонниками или даже членами НСДАП. Тщательная отработка могла значительно обезопасить “Рамзая”, причем осуществить это было вполне реально, как было проделано, например, с некоторыми агентами из “кембриджской группы”. В случае же с Зорге Центр никак не отработал версию его отхода от ГКП, и любые попытки скрыть его прежние связи носили бы совершенно неестественный характер. Все это поставило на грань провала операцию, а также подвергло угрозе жизнь и свободу резидента и его подчиненных. Контрразведывательная подготовка являлась также наиболее слабой стороной самого “Рамзая”. Неудовлетворительная постановка конспирации в заграничье приводила к ее расконспириванию перед посторонними. Например, в 1932 году произошел буквально анекдотический случай, когда Кан Шэн по своим каналам не только вычислил резидентуру и ее руководителя, но и по-дружески предупредил Зорге о наличии в ней агента полиции. Непрофессионализм резидента в контрразведывательных вопросах привел к его отзыву из страны в 1932 году и, в конечном счете, послужил основной причиной его провала в 1941 году.

К. М. Римм

Помимо Зорге, в 1931 году в Китай для изучения китайской Красной Армии и организации связи с ней прибыли сотрудники военной разведки Фельдман и Фрейлих. Последнего обычно ошибочно именуют “Фролих”; им являлся А. Ю. Гайлис (Валин). Оба разведчика потерпели неудачу, после чего вернулись в Москву. В Шанхае действовала и нелегальная резидентура Разведупра под руководством К. М. Римма (“Пауль”).

Его радисткой была молодая француженка Рене Марсо. В 1933 году Римм передал руководство Я. Г. Бронину (“Вальден”, “доктор Бош”, “Я. Горев”, настоящая фамилия Лихтенштейн¹⁶⁶), имевшему латвийский паспорт на фамилию Абрамов¹⁶⁷. Задачей этой точки являлось создание параллельной резидентуры в Токио, однако выполнено оно не было. Бронин провалился и был осужден на 15 лет тюремного заключения, причем за все время следствия, суда и последовавшего заключения его личность так и не была установлена. В 1935 году Центр попытался подкупить китайского служащего и спасти бывшего резидента, однако тот передал взятые деньги в контрразведку, которая предала огласке всю историю и спровоцировала крупный скандал. В следующем году находящемуся в тюрьме бывшему резиденту присвоили звание бригадного комиссара, а 11 октября 1937 года его обменяли на арестованного в СССР сына Чан Кайши Цзян Цзэминя, который официально проживал в Советском Союзе под именем Н. В. Елизарова. Еще одна резидентура Разведупра действовала в Китае под руководством “Джима” (Лехман, Гревич, Вили) и отвечала главным образом за радиосвязь.

Тем временем оборвалась короткая жизнь главного противника Чан Кайши маршала Чжан Цзолиня. Внешняя канва этого события известна, зато его подлинная подоплека до сих пор вызывает сомнения. В ночь на 4 июля 1928 года на пекинском вокзале в своем личном поезде он провел переговоры с военным советником японским генералом Нанао и его адъютантом, будущим известным и высокопоставленным разведчиком Кэндзи Доихарой. Через несколько часов после их окончания, когда поезд маршала уже приближался к Муكدену, под его вагоном произошел прекрасно рассчитанный взрыв. Внешне казалось, что японцы потеряли своего главного ставленника в Китае, но в действительности они уже давно разочаровались в нем. Чжан стал проводить не устраивавшую их политику, пытался сблизиться с Соединенными Штатами и даже начал прокладывать новую железную дорогу, конкурировавшую с находившейся в японской концессии Южно-Маньчжурской железной

дорогой (ЮМЖД). Этого японцы в Токио стерпеть уже не смогли и — по одной из версий — пошли на острую акцию. Прогноз японской разведки относительно преемника маршала оправдался, им действительно стал его более управляемый сын генерал Чжан Сюэлян, однако в его психологической оценке она грубо ошиблась. Сын люто возненавидел японцев за убийство отца и вместо контакта с ними предпочел установить союзнические отношения со своим бывшим врагом Чан Кайши, чтобы мстить обидчикам, где и как только возможно. Существует и другая версия этих событий, согласно которой маршала устранила советская внешняя разведка, называется и конкретный руководитель акции — Н. И. Эйтингон, и главный исполнитель — Х. И. Салнынь, и его помощник — И. Ц. Винаров. Судя по всему, окончательное установление истины в этом вопросе невозможно без соответствующего открытия архивов разведки Российской Федерации.

Китай безуспешно пытался жить нормальной мирной жизнью, однако внутренние распри продолжали разрывать страну на части. В октябре 1930 года Гоминьдан провозгласил своими первоочередными задачами подавление коммунистического движения и бандитизма, восстановление финансовой системы, создание некоррупционной и эффективной администрации, организацию автономии районов и ведение экономической разведки. Государство укреплялось, и через год Национальное собрание приняло в Пекине конституцию. Борьба на внутреннем фронте отвлекла внимание китайских разведчиков и дипломатов от надвигавшейся внешней опасности. 18 сентября 1931 года к северу от Мукдена на одной из веток находившейся в японской концессии ЮМЖД прогремел взрыв. Провокация оказалась не очень правдоподобной, ибо первоначально японцы опрометчиво предъявили для всеобщего обозрения тела двух якобы убитых при отходе от места взрыва китайских солдат в обычных пехотных мундирах. Британский военный атташе публично усомнился, что генералы Чжана поступили столь глупо и отправили на взрывные работы простых пехотинцев, а не специально обученных подрывников. На следующий день на тех же трупах появилась саперная форма, однако было уже поздно, промах был замечен и разошелся по информационным агентствам всего мира. Более того, вызывает сомнение сам факт повреждения путей, хотя бы символического, поскольку осмотреть место диверсии не позволили никому, а движение по якобы уничтоженным рельсам восстановилось практически немедленно после взрыва. Но мелочи наподобие правдоподобности инсценировки не слишком заботили Японию, на стороне которой была вооруженная сила. Воспользовавшись “маньчжурским инцидентом”, ее войска немедленно начали наступление на китайскую Северо-восточную (1-ю национальную) армию под командованием Чжан Сюэяна для занятия полосы вдоль ЮМЖД к северу от Чанчуня.

Воинский контингент Японии в Маньчжурии носил громкое название Квантунской армии, но в рассматриваемый период он состоял лишь из одной пехотной дивизии, шести железнодорожных батальонов, 500 жандармов, батальона тяжелой артиллерии, нескольких бронепоездов и отдельного охранного отряда общей численностью не более 10 тысяч человек. Однако эти элитные войска были прекрасно укомплектованы, вооружены, обучены и легко смогли опрокинуть насчитывавшую 268 тысяч солдат и 180 тысяч иррегулярных войск Северо-восточную армию. Обращение Китая за помощью в Лигу Наций привело лишь к тому, что Япония не аннексировала Маньчжурию напрямую, а 1 марта 1932 года образовала там марионеточное государство Маньчжоу-Го с номинальным императором Пу И, последним представителем династии Цинь. В Токио признали новое государственное образование и взяли на себя обязанности по обеспечению его обороны. В соответствии с этим, командующий Квантунской армией одновременно стал главнокомандующим вооруженными силами Маньчжоу-Го и в этом качестве давал указания его правительству. Первый акт будущей Второй мировой войны свершился.

Японцы создали в Маньчжоу-Го разветвленную систему собственных и марионеточных разведывательных и карательных служб, которых в 1933 году насчитывалось девять:

- японская разведывательная служба (подчинялась Токио);
- японская жандармерия (подчинялась военным властям Японии);
- жандармерия Маньчжоу-Го (подчинялась военным властям страны);
- государственная полиция Маньчжоу-Го (подчинялась министерству внутренних дел);
- городская полиция Харбина (подчинялась муниципалитету столицы);

- японская консульская полиция (подчинялась консульским властям Японии);
- независимая от общей полиции уголовная полиция Харбина (подчинялась муниципалитету);
- государственная разведывательная служба (подчинялась военному министерству Маньчжоу-Го);
- отдельная железнодорожная полиция.

В разведывательном сообществе японских спецслужб в Маньчжурии безусловно доминировали военные. Они организовали систему периферийных разведорганов, основную роль в которой играли семь передовых пунктов, отвечавших за допросы перебежчиков и проводивших пограничную разведку советской территории. Разведотдел Квантунской армии также уделял значительное внимание визуальной разведке и криптоанализу, а впоследствии и анализу перехвата. Весь этот конгломерат, работа которого жестко контролировалась из Токио, остро нуждался в агентурном аппарате. Для его создания требовались опытные и знающие местные условия люди, и японцы не могли не обратить внимания на проживавшего в Харбине итальянца Амлето Веспы. Этот человек свободно владел несколькими восточными и европейскими языками, имел несомненный талант к агентурно-оперативной работе и обширную сеть источников по всему Дальнему Востоку. С 1916 года он находился в Тяньцзиньне, работал на англичан и французов, а в период Гражданской войны в России помогал Колчаку организовывать секретную службу. Итальянец неоднократно выполнял тайные миссии в Маньчжурии, Монголии и Сибири и под разным прикрытием занимался там сбором политической информации, контрразведкой, пресечением нелегального перехода границы и контрабанды оружия и наркотиков. После окончания Первой мировой войны Веспы вышел из итальянского подданства и с 1920 по 1928 год руководил в Харбине тайной полицией Чжан Цзолина. На этом посту его обязанности существенно сузились и в основном свелись к борьбе с коммунистической деятельностью и контрабандой.

Амлето Веспы
(крайний слева)

Руководитель японской разведки в Маньчжурии приказал доставить к нему Веспы, не утруждая себя тонкостью подхода к “западному варвару”, просто приказал ему под страхом смерти начать работать на японскую разведку. В реальности угрозы итальянец нисколько не сомневался, а потому был вынужден поступить на новую службу в качестве старшего агента. Он непосредственно подчинялся завербовавшему его человеку, который так и не раскрыл Веспы свой псевдоним. Согласно неукоснительно соблюдавшимся правилам, сотрудник разведки любого уровня под страхом сурового наказания не имел права никогда и никому разглашать свое имя, должность, происхождение и любые факты биографии. В действительности руководителем итальянца был известный Кендзи Доихара, в дальнейшем казненный по приговору международного суда в Токио как военный преступник. На японской службе Веспы столкнулся со столь отвратительными фактами поведения сотрудников и агентов полицейских и разведывательных служб, что сразу же стал готовить для себя пути отхода. По итогам работы в мае 1933 года комиссии Лиги Наций в Маньчжурии, так называемой “комиссии

Литтона”, руководитель разведки был отстранен от должности и заменен другим, столь же анонимным. В этих обстоятельствах итальянец успел своевременно сбежать в находившийся под международным контролем Шанхай, а вскоре вообще исчез с Дальнего Востока и выпустил мемуары, в которых обнародовал многие дискредитировавшие японцев факты. Никаких последствий это не повлекло.

* * *

Если Китай отчаянно пытался сохранить свою независимость и территориальную целостность, а об экспансии и не помышляя, то у его восточной соседки Японии дела обстояли как раз наоборот. За последние тридцать лет ее армия и флот одержали немало побед, хотя

плоды многих из них Япония утратила на полях дипломатических сражений. За победоносной войной с Китаем 1894 — 1895 годов последовала успешная схватка с гигантской Россией, в 1910 году Япония оккупировала Корею, а в 1914 году фактически самочинно, не проконсультировавшись с Антантой и ее союзниками, предъявила ультиматум и атаковала германские территории в Тихоокеанском регионе. Ее войска захватили базы немецких рейдеров на Каролинских и Маршалловых островах, а после трех месяцев осады взяли главный опорный пункт Германии на Дальнем Востоке Циндао. Возмущению и негодованию Британии, Голландии и Австралии не было предела, тем более, что на этом вклад Японии в войну практически и исчерпался. Она достигла своих целей на очередной период и затаилась, однако на Парижской конференции потребовала свою долю в разделе германского наследия. Президент США Вудро Вильсон категорически возражал против передачи ей Шаньдунского полуострова в Китае, и уступил лишь под нажимом Ллойд-Джорджа, но на этом экспансия Токио не остановилась. Япония начала реально претендовать на роль державы мирового уровня и уверенно теснила Соединенные Штаты в бассейне Тихого океана, а появление японских товаров в Мексике вызвало у Вашингтонского правительства чувства, близкие к шоку. Токио связывал с Лондоном союзный договор, срок которого истекал в 1921 году, и американская дипломатия любой ценой старалась не допустить продления срока его действия.

Однако, пока что Япония наращивала усилия в другом регионе, 29 февраля 1920 года отряд анархистов под командованием Якова Тряпицына окружил белогвардейские части и японский гарнизон Николаевска-на-Амуре. Согласно подписанному соглашению, белые войска подлежали разоружению, а японцы должны были разместиться в указанных им помещениях. Следует отметить, что нахождение японцев в городе не вписывалось ни в какие международно-правовые рамки, поскольку через него не проходил маршрут эвакуации чехословацкого корпуса, безопасность которой и должны были обеспечивать интервенты. Современные исследователи указывают, что отряд Тряпицына не ограничился действиями против белых, а занялся хорошо знакомым ему делом — грабежом населения и прочими бесчинствами, которым решил положить конец командир японского батальона майор Ишикава. В ночь на 12 марта японцы, по своему обыкновению, без предупреждения атаковали отряд Тряпицына силами батальона и вооруженной местной колонии (всего 730 человек), но этот шаг оказался для них роковым. Красные войска уничтожили батальон до последнего человека и нанесли тяжелые потери остальным японцам. В ответ токийское правительство объявило, что в возмещение нанесенного ущерба оккупирует северную часть острова Сахалин (Карафуто). Однако в преддверии предстоящей Вашингтонской конференции в Токио не желали дразнить американцев новыми агрессивными действиями, поэтому МИД Японии вяло проводил переговоры в Дайрене с делегацией буферной Дальневосточной республики (ДВР), специально созданной, чтобы не осложнять и без того непростое положение РСФСР прямым столкновением с Японией. Делегацию ДВР на Вашингтонскую конференцию не пригласили, но она все же появилась там и обнародовала добытые ее разведкой поистине сенсационные данные. Были оглашены документы касательно тайного франко-японского союза, планы создания марионеточного государства под полным контролем Японии на советском Дальнем Востоке, а также намерение перебросить туда на японских и французских судах врангелевские войска. Это не в последнюю очередь сыграло роль в “торжественных похоронах” англо-японского союза, как раздосадованно выразился руководитель японской делегации.

Окончательно вопрос японского присутствия на советской территории разрешился не за столом переговоров, поскольку Дайренская конференция потерпела провал, чего, собственно, и следовало ожидать с самого ее начала. Проблему сняла Народно-революционная армия ДВР, разбившая стремительно откатившиеся к Приморью белые войска. Красные части на их плечах ворвались во Владивосток, и опасавшиеся прямого боевого столкновения японцы спешно эвакуировали свои экспедиционные силы. Выполнив свою миссию, Дальневосточная республика немедленно вошла в состав РСФСР.

Япония занимала важнейшее место в оперативных планах советской разведки, однако проведение агентурных операций на территории страны практически исключалось. Расовые различия мгновенно выдавали любого европейца, подозрительное отношение к которым вошло в плоть и кровь японцев. Невозможно провести встречу с агентом, тайниковую или

моментальную операцию в окружении толпы детей, бегущих вокруг и кричащих: “Гайдзин, гайдзин!” (это обозначающее иностранца слово носит некоторый оттенок презрения). Японская контрразведка отличалась также весьма специфическим демонстративным стилем работы наружного наблюдения, задачей которого являлось не выявление контактов, передвижений или профессиональных навыков объекта, а лишение его возможности проводить какие-либо оперативные мероприятия. “Топтуны” вели объект настолько плотно, что следовали за ним буквально в затылок, при этом вели себя безукоризненно вежливо и могли даже прикрывать его зонтиком в дождь. Впрочем, иногда тактика менялась, и факт наблюдения тщательно скрывался. Привыкший к плотной опеке объект полагал, что “наружка” по какой-то причине отсутствует, и расслаблялся, позволяя наблюдателям засечь свои контакты. Однако ресурсы наружного наблюдения в японской контрразведке в рассматриваемый период были отнюдь не безграничны, и периодическое его отсутствие являлось не иллюзией, а реальным фактом.

Внутреннюю безопасность Японии обеспечивало несколько ведомств, наиболее известным из которых была подчинявшаяся военному министерству Кемпейтай — жандармерия, совмещавшая функции политической полиции и контрразведки. Этот орган был создан еще в эпоху Мейдзи указом Государственного совета от 4 января 1881 года для осуществления надзора за офицерами армии и призывным контингентом в связи с принятием закона о всеобщей военной обязанности. Согласно актам от 1898 и 1928 годов, в его составе имелось два структурных подразделения:

- Секция общих вопросов (политика, кадры, дисциплина, учет);
- Секция службы (снабжение, организация и подготовка; безопасность; контрразведка).

Кемпейтай первую очередь была призвана повышать боеготовность армии и укреплять ее дисциплину. Аппарат жандармерии в начале 1930-х годов насчитывал 315 офицеров и около 6000 унтер-офицеров, рядовых и гражданских служащих, распределенных по центральному аппарату и войскам. Флот имел собственную жандармерию Токейтай, которая, однако, далеко не достигла такого влияния, как ее армейский аналог.

Гражданскую контрразведку осуществляла сформированная министерством юстиции политическая Особая высшая полиция (Токубецу кото кэйсацу, или Токко) с зарубежными отделениями в Шанхае, Лондоне и Берлине. Ее центральный аппарат в 1932 году состоял из шести отделов:

- 1-й отдел (надзор за крайне левыми и крайне правыми партиями и организациями);
- 2-й отдел (надзор за иностранцами и иностранным влиянием на территории страны);
- 3-й отдел (экономика и трудовые отношения);
- 4-й отдел (надзор за корейской диаспорой);
- 5-й отдел (цензурный);
- 6-й отдел (юридический).

Полицейский контроль пронизывал японское общество насквозь. Полиция имела значительно более широкие права, чем это принято на Западе, и регулировала даже такие сферы, как здравоохранение, образование и строительство, а также выдавала предпринимателям разрешения на любые виды деятельности. Тотальность контроля обеспечивала традиционная для Японии система взаимного контроля и надзора “Тонари гуми”, при которой граждане организовывались по домам, кварталам и улицам. Руководители таких ячеек отчитывались перед территориальными органами Токко, а в окрестностях военных объектов — перед соответствующими структурами Кемпейтай. Все домашние слуги в обязательном порядке предоставляли в полицию отчеты о своих хозяевах, и если в отношении японцев это правило не всегда строго соблюдалось, то обслуживавший иностранцев персонал находился под несусыпным надзором. Зафиксирован случай, когда слуга просил хозяина-англичанина дать ему любой клочок бумаги с рукописным текстом, вне зависимости от содержания, чтобы ему было что предъявить своему руководителю.

Не меньшее внимание японцы уделяли и внешней разведке, разделявшейся на гражданскую и военную. Дипломатической разведкой ведало Исследовательское бюро министерства иностранных дел (Чоса киоку), состоявшее из трех основных подразделений:

- I секция — сбор информации, в основном, из открытых источников, ее организация, исследование областей, за исключением отнесенных к компетенции секции II, а также изучение дипломатической истории;
- II секция — исследование СССР и стран Западной Азии;

— III секция — непосредственный сбор разведывательных данных.

Некоторые другие подразделения МИД также ведали отдельными направлениями оперативной работы, в особенности Бюро зарубежных представительств. Оно руководило посольствами, миссиями и консульствами, большинство из которых одновременно являлись и резидентурами дипломатической (политической) разведки.

Военная разведка разделялась на морскую и сухопутную (армейскую). Первая из них была представлена двумя структурными подразделениями генерального штаба флота. 3-й (разведывательный) отдел прославился еще в японо-китайской войне 1894 года, а затем прекрасно показал себя в русско-японской войне 1904 — 1905 годов и заслуженно считался гордостью военно-морских сил. Радиоразведка, включавшая перехват сообщений, криптоанализ и анализ перехвата, относилась к компетенции Секции специальной службы (Токумухан). В военно-морских базах располагались ее периферийные отделы (Токумубу), а также так называемые Бюро офицера-резидента (Зайдзин букануфу). Специальная разведка осуществлялась в тесном контакте с 4-м отделом, отвечавшим за связь на флоте. Агентурную работу существенно дополняла зарубежная сеть военно-морских атташе, подчинявшаяся особому подразделению штаба.

Военная разведка относилась к компетенции 2-го отдела генштаба сухопутных войск (Дайнибу), состоявшего в рассматриваемый период из Западного и Китайского подотделов. Как и на флоте, радиоразведку вело отдельное подразделение штаба — Управление специальной службы (Токумукикан). Кроме того, некоторые разведывательные функции выполняли Отдел войск (Рикугунбу) и Отдел внешних сношений (Рендакубу), руководивший сетью военных атташе. Следует отметить, что в вопросах организации агентурных сетей атташе оказались едва ли не главным элементом японского разведывательного сообщества, поскольку были прекрасно подготовлены к выполнению своих задач и имели собственный штат сотрудников, в том числе и гражданских лиц. Дипломатические представительства, военные командования и военные миссии Японии за рубежом составляли основу ее единой разведывательной системы, в которой каждый посол и армейский или флотский начальник от уровня командующего армией или военно-морской базой и выше через подчиненные ему подразделения руководил оперативной работой в своей зоне ответственности. Собственную разведку в виде Японской военной миссии (ЯВМ) в Харбине имела Квантунская армия, а ее безопасность обеспечивала в основном Кемпейтай.

Все это не убергло страну от ударов вражеских разведок, которые, однако, в основном наносились не с территории метрополии, а с периферии. Тем не менее, непосредственная работа на Японских островах также осуществлялась по мере возможности. Первым групповодом Разведупра в Японии, судя по всему, стал В. С. Ощепков. Этот человек с весьма неординарной биографией родился в 1892 году на Сахалине у матери-каторжанки и после ее смерти в четырнадцатилетнем возрасте в числе двенадцати подростков был направлен в Токийскую мужскую гимназию для изучения японского языка. Это являлось частью плана российских военных властей по подготовке переводчиков для дальнейшей службы на Дальнем Востоке. В 1914 году Ощепкова зачислили в штат разведотдела штаба Приамурского военного округа. Советская власть тоже не оставила без внимания столь ценного специалиста, и в 1923 году его привлекли к работе на Разведупр. С 1924 по 1926 год в невероятно сложных условиях и без какой-либо поддержки Центра Ощепков сумел создать небольшую группу источников, но был отозван и обвинен в неэффективности работы. Позднее первый групповод служил переводчиком в разведотделе штаба Сибирского военного округа, а в 1937 году был арестован и расстрелян за шпионаж в пользу Японии.

К 1927 году токийское правительство еще не могло действовать, отбросив всякие внешние приличия, поскольку страна была ослаблена экономическим кризисом и страшным землетрясением 1923 года. Однако Япония уже взяла курс на наращивание военной мощи, хотя пока было неясно, направится ли агрессия на материк, то есть в Китай и СССР, или обратится на Тихий океан, где неизбежным было столкновение с Соединенными Штатами, Вели-

В. С. Ощепков

кобританией и Голландией. В любом из этих вариантов экономике требовались сырьевые ресурсы, ибо без них островная страна, лишенная полезных ископаемых и значительных посевных площадей, превращалась в ничто. В СССР эта опасность ощущалась весьма остро, и на первой линии противодействия возможной агрессии встали спецслужбы. По традиционной схеме организации загранточек, Разведупр открыл в Токио первую “легальную” резидентуру сразу же после установления дипломатических отношений и открытия полпредства. Не отставал от него и ИНО, в 1928 году организовавший в Токио первую “легальную” резидентуру на территории Японии. Ее возглавлял В. П. Алексеев, под фамилией Железняков занимавший должность по прикрытию 2-го секретаря посольства. Несколько позже в порту Хакодате на северном острове Хоккайдо открылась возглавлявшаяся работавшим в консульстве СССР Пичугиным (“Аркадий”) резидентура полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю (ДВК). Несмотря на значительные трудности и совершенно определенное нежелание японцев работать на иностранцев, в начале 1930-х годов точка сумела приобрести источника в 3-м отделении Кемпейтай (“Кротов”), освещавшего все контрразведывательные операции жандармерии. Он был завербован на материальной основе и особую ценность приобрел после перевода в Токио, когда получил доступ к материалам генерального штаба. Такой неожиданный всплеск в уровне получаемой от агента информации насторожил центральный аппарат разведки, обоснованно заподозривший в этом возможную контригиду японцев. Сомнения усугублялись способом предоставления материалов: “Кротов” приносил на встречи оригиналы документов, которые за ночь переснимали и утром возвращали ему. Начиная с осени 1937 года он продал резидентуре, в частности, мобилизационные планы японской армии за 1937, 1938 и 1939 годы (без крайне важных таблиц-приложений), схемы организации армии мирного и военного времени, план противовоздушной обороны Токио, план пограничной охраны Маньчжурии и два кода. В последующем при “чистке” ИНО следователи обвиняли работников японского направления в том, что они сознательно подставили НКВД агента контрразведки, однако экспертиза так и не смогла дать однозначного ответа относительно подлинности документов “Кротова”. Этому помешало отсутствие таблиц, являвшихся главной составной частью мобилизационных планов. В последнее время исследователи все более склоняются к тому, что материалы источника были подлинными.

Резидентуру ПП ОГПУ по ДВК в Хакодате довольно быстро переподчинили токийской точке ИНО, которую после перехода Алексеева в штат Наркоминдела в 1932 году возглавил И. И. Шебеко. Его должность по прикрытию оставалась той же — 2-й секретарь посольства. Низкий уровень работы нового резидента вскоре стал хорошо заметен в Центре, и уже в 1933 году Шебеко заменил Б. И. Гудзь (Гинце). Новый руководитель токийской точки традиционно сохранил “крышу” 2-го секретаря и проработал в Токио до 1936 года, после чего сдал дела вернувшемуся в Токио Шебеко.

Контрразведывательная направленность токийской и других резидентур ИНО была крайне важна, поскольку позволяла эффективно обеспечивать безопасность как разведывательных операций, так и государства в целом. Японцы, не особо скрываясь, наращивали экспансию непосредственно у границ с СССР. Они поистине наводнили Маньчжурию, куда прибыли с островов уже более миллиона человек, наращивала мощь Квантунская армия. В 1931 году под предлогом протеста против поставок советского оружия Китаю и нахождения там военных советников ее части перерезали КВЖД и прекратили железнодорожное и телеграфное сообщение по дороге. После обмена нотами Токио все же не решился на вооруженный конфликт и отозвал войска, зато военная разведка активизировала операции по заброске агентуры на территорию СССР. Для этого в Харбине и Цицикаре под прикрытием курсов шоферов, механиков и других рабочих профессий были открыты разведывательные школы, в которых обучались главным образом эмигранты, ушедшие в Маньчжурию с войсками Семенова. Выпускники этих курсов, как по команде, подавали заявления в консульство СССР с просьбой о возвращении на родину, и для предупреждения массовой инфильтрации японской агентуры харбинская резидентура ИНО была вынуждена резко усилить свое контрразведывательное подразделение. В 1924 году точку в Харбине возглавил Ф. Я. Карин, его заместителем стал В. И. Пудин (Шилов), сумевший в короткий срок организовать добывание документов и переписки генерального консульства Японии, в том числе 20 шифров. Большим успехом явилось получение текста “меморандума Танаки” одновременно харбинской и сеульской резидентурой, которую с 1927 года возглавлял известный разведчик И. А. Чичаев. Этот датированный 25 июля 1927 года документ в 1929 году появился в га-

зете “Чайна критик”¹⁶⁸ и произвел огулающее впечатление. Японская сторона немедленно объявила его фальшивкой, но эксперты всего мира в основном признали подлинность меморандума. В нем премьер-министр и министр иностранных дел Танака докладывал новому императору Хирохито свои соображения и взгляды касательно планов внешней экспансии страны: “Для того, чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в Китай под предлогом развития нашей торговли. Вооруженные обеспеченными уже правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы... В программу нашего национального роста входит необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Маньчжурии... Мы будем всемерно наводнять Северную Маньчжурию нашими силами. Советская Россия должна будет вмешаться, и это будет для нас предлогом для открытого конфликта”¹⁶⁹. История показала, что, с небольшими коррективами, Япония старалась придерживаться приведенной доктрины, и этот факт явился лучшим подтверждением подлинности опубликованного меморандума.

Самые серьезные операции по противодействию активности спецслужб Японии проводились, естественно, не на ее территории. С 1931 по 1935 годы полпредство ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю (ВСК) создало легендированную антисоветскую подпольную организацию с целью выхода на японские разведывательные органы в Маньчжурии, в частности, военные миссии (ЯВМ), и перехвата каналов проникновения в Забайкалье японской и белоэмигрантской агентуры. Идея оперативной игры (литерное дело “Мечтатели”) принадлежала начальнику Особого отдела полпредства А. М. Борисову, а с 1932 года ее практически проводил возглавлявший одновременно иностранное и контрразведывательное отделения Б. И. Гудзь. Общее руководство игрой осуществлял полпред ОГПУ по ВСК Я. П. Зирнис.

Эта крупномасштабная операция началась с получения согласия на участие в ней бывшего полковника колчаковских войск И. В. Кобылкина, родной брат которого занимал руководящий пост в дальневосточном отделе РОВС, а в 1934 году возглавил его. Создание легендированной организации хорошо вписывалось в общую обстановку в Восточной Сибири, где население, особенно достаточно многочисленные забайкальские казаки, до революции было вполне зажиточным. Совершенно очевидно, что здесь у большевиков отсутствовала социальная база в лице беднейшего крестьянства, служившего опорой их аграрных преобразований в европейской части РСФСР. Это обстоятельство не составляло секрета ни для японцев, ни для эмигрантских организаций, выработавших свою стратегию исходя именно из данной обстановки, и в этих условиях легендированная организация выглядела значительно реальнее, чем на западе страны.

В 1931 году проводник международного поезда привез Кобылкину-старшему в Харбин письмо от брата из Иркутска. ОГПУ выбрало такой способ доставки, поскольку отправка по обычным почтовым каналам неизбежно вызвала бы у адресата настороженность. На письмо последовал ответ, завязалась переписка, постепенно перешедшая от семейных и бытовых тем к более острым политическим вопросам. Кобылкин втягивался в игру. Изменился и тон писем из Харбина, теперь было совершенно очевидно, что за многими его вопросами стояла японская военная миссия. В Иркутске поняли, что объект готов к углублению контактов, и начали переводить их на конспиративный уровень. Кобылкин-младший попросил брата прислать ему шифр, поскольку их переписка давно уже утратила невинный характер и могла повлечь серьезные неприятности. К этому времени японцы в Харбине совершенно определенно считали, что на территории Восточно-Сибирского края действует подпольная антисоветская организация, поскольку один человек явно не мог бы обеспечить ответы на все множество задаваемых ему вопросов. Шифр был успешно доставлен, и ОГПУ перешло к следующему этапу втягивания противника в игру “Мечтатели”. Младший брат сообщил старшему, что не может рисковать своими соратниками и от ненадежного почтового канала желает перейти к курьерской связи.

Она требовала организации “окна” на границе, которое необходимо было создать не только на советской, но и на маньчжурской стороне. В этих целях ОГПУ направило за кордон члена организации Олейникова, не имевшего понятия о ее легендированном характере. Курьер действительно являлся активным борцом против режима и никогда не согласился бы на сотрудничество с чекистами, поэтому использовался “втемную”. Это отразилось и в

присвоенном ему псевдониме “Темный”. Японская контрразведка поверила в Олейникова и подпольную организацию и возвратила его обратно с оружием, деньгами, листовками и конкретными заданиями. В ЯВМ операция получила название “Большой корреспондент” и долгое время считалась одной из самых успешных комбинаций, проведенных против СССР. В течение всего 1933 года в Маньчжурию уходила дезинформация, в обмен на которую поступали инструкции, деньги, оружие и литература. Были взяты под контроль каналы заброски на советскую территорию агентуры противника, уточнены интересовавшие его вопросы и направления деятельности. Японцы полагали, что с помощью “Большого корреспондента” они контролируют обстановку в Забайкалье, в том числе и в штабах дислоцированных там войск. Их доверие следовало постоянно укреплять, и полпредство ОГПУ начало подготовку к отправке через “окно” не обычного курьера, а человека, играющего роль одного из руководителей штаба организации.

К этому времени курировавший игру Б. И. Гудзь уже был переведен в центральный аппарат ОГПУ, а иностранное отделение полпредства возглавил М. С. Яковлев. Новый руководитель оперативной игры продолжил линию предшественника и направил в Харбин одного из своих лучших агентов, бывшего священника В. Т. Серебрякова. Его поездка прошла удачно и весьма продвинула комбинацию “Мечтатели” к выполнению одной из ее основных задач — заманиванию на советскую территорию Кобылкина-старшего. Предварительно руководитель дальневосточного отдела РОВС направил в СССР своего помощника Е. Л. Переладова с целью организации диверсий, ведения разведки и проверки безопасности канала переброски. Эмиссару позволили оставаться на свободе до отправки в Харбин письма с условным сигналом безопасности, а затем немедленно арестовали. Позднее на советскую территорию прибыл и сам Кобылкин, которого постигла та же участь. Игра продолжалась до 28 мая 1935 года, когда в результате ошибки в ориентировании на местности двое шедших из Маньчжурии вслед за Олейниковым агентов, в том числе его брат, сбились с маршрута, ушли в сторону от “окна”, наткнулись на пограничный наряд и в перестрелке были убиты. “Темного” вскоре арестовали. Из-за опасения расшифровки оперативной игры ее пора было сворачивать. Литерное дело “Мечтатели” завершилось в Иркутске открытым судебным процессом над Кобылкиным-старшим, Переладовым и Олейниковым, в сентябре 1935 года приговоренными к смертной казни и расстрелянными. О том, как воспринял приговор Кобылкин-младший, и о его дальнейшей судьбе сведений не имеется.

Японская разведка не ограничивалась непосредственно проводившимися на территории СССР операциями, она активно работала также и по входившей в орбиту советского влияния Монгольской народной республике, против которой была направлена деятельность ее резидентур в Хайларе и Маньчжурии. Им вменялось в обязанность осуществление далеко идущего плана глобальной дестабилизации одновременно Северного Китая, МНР и советского Дальнего Востока. Независимое монгольское государство представляет собой так называемую Внешнюю Монголию, а расположенная к югу от нее Внутренняя Монголия входит в состав Китая. Обе эти области являются моноэтническими, причем после революции немало эмигрантов переселилось из Внешней Монголии во Внутреннюю. Однако в китайском государстве всегда было неуютно лицам не ханьской национальности, и это обстоятельство создало благодатные предпосылки для подъема национального движения монголов на севере Китая, объединения его с контрреволюционным движением в МНР и попытки создания из обеих Монголий единого марионеточного государства, аналога Маньчжоу-Го. В результате этого наносился мощный удар по Китаю, ликвидировался союзник СССР на Дальнем Востоке, создавалась напряженность на советско-монгольской границе и образовывался обширный и удобный плацдарм для возможного наступления на Советский Союз. Аналогичные планы японцы вынашивали и в отношении проживавших в Китае уйгуров. Британцы первыми разглядели эту опасность и также пожелали осуществить нечто подобное, естественно, в собственных интересах, однако их силы в этом районе Азии оказались явно недостаточными для реализации столь масштабного проекта. Японцы же наметили и стали проводить операцию по сплочению монгольских эмигрантов в Китае вокруг подчиненного далай-ламе высокопоставленного буддистского священнослужителя панчен-богдо, что позволило им расширить вербовочный контингент за счет лам (монахов), а также использовать многие монастыри в качестве складов оружия и опорных баз разведки. Сформированные из эмигрантов отряды должны были осуществить вторжение в МНР, поддержать которое планировалось восстанием внутри страны. Сбросившая власть социалистов Монголия становилась катализатором

присоединения к ней Внутренней Монголии, поддержанного вооруженной силой японской армии.

Столь широкомасштабные приготовления не остались незамеченными. Ответом на них стала активизация ОГПУ и создание в 1922 году по его инициативе при штабе Монгольской народно-революционной армии (МНРА) службы разведки и контрразведки под названием Государственной внутренней охраны (ГВО). Ее основной задачей являлась защита государственного суверенитета Монголии от внешних посягательств, под которыми понимались агрессивные устремления Японии, территориальные претензии к МНР со стороны Китая (Чжан Цзолин и Ян Сишань, позднее также Чан Кайши) и набеги из Маньчжурии частей атамана Семенова. Первым руководителем ГВО стал Константин Баторун.

Главным инструктором Государственной внутренней охраны и одновременно руководителем советской внешней разведки в Тибете, Внутренней Монголии и Северном Китае был назначен Я. Г. Блюмкин, первый начальник контрразведывательного подразделения ВЧК, более известный по своему активному участию в покушении на германского посла Мирбаха и службе у Троцкого. Когда в конце 1926 года он прибыл на эту должность, ГВО не представляла серьезную силу, а ее работа осуществлялась в основном репрессивными методами. Ни разведки, ни контрразведки как таковых не существовало, процветали пьянство, некомпетентность сотрудников и напрочь отсутствовала дисциплина. Постепенно с помощью советников из СССР работа стала налаживаться, хотя часто ей мешал тяжелый и неуживчивый характер Блюмкина. Он восстановил против себя многих в советском полпредстве, в резидентуре и среди монголов, однако в самой ГВО авторитет главного инструктора был весьма высок, он фактически руководил этой секретной службой. Под руководством советников открылись резидентуры монгольской разведки в Кобдо и Самбе, а также в китайских городах Калган и Хайлар. Постепенно секретная служба стала приобретать источники и получать информацию о происходящем в стране и за ее пределами не только на допросах арестованных, но и оперативным путем. По инициативе Блюмкина разведка развернула оказавшуюся весьма перспективной работу по линии ламства. ГВО и ОГПУ смогли совместно внедрить агента в окружение далай-ламы и наладить получение информации об обстановке в окружении панчена-богдо, а это, в свою очередь, в конечном итоге позволило расколоть его организацию и ликвидировать широкомасштабный заговор японской разведки.

В январе 1927 года Блюмкин выезжал в Северный Китай для установления контактов с генералом Фэн Юйсяном и помог ему организовать собственную разведку и контрразведку, но в мае вновь вернулся в Улан-Батор, где создал в советской колонии вконец нетерпимую обстановку. Хотя советник ОГПУ оказался личностью очень сложной и неуживчивой, до некоторых пор все сходило ему с рук, он добился отзыва и отправки в СССР многих советских специалистов, вплоть до начальника штаба МНРА В. А. Канделари. Летом 1927 года в районе Самбейса вспыхнуло восстание. Блюмкин должен был участвовать в его подавлении и потребовал предоставить ему право расстрела любого контрреволюционера без суда, руководствуясь исключительно своим личным мнением. Монгольские власти отказались дать такое разрешение, и тогда главный инструктор устранился от ликвидации мятежа. Затем последовало еще много разного рода скандальных действий Блюмкина, в том числе его демонстративное заявление о выходе из ВКП(б), не получившее, однако, дальнейшего хода. Развязка наступила в октябре 1927 года. Без согласования с официальными инстанциями и без соответствующих полномочий главный инспектор ГВО арестовал и отправил в Советский Союз секретаря издательского отдела РВС МНР Нестерова и еще двух человек, о чем впоследствии писал не без гордости: «Я их рассматривал, главным образом Нестерова, как вредителя советской работы в Монголии... как белогвардейца, которого нужно, не задумываясь, уничтожить»¹⁷⁰. Однако и в Улан-Баторе, и в Москве на этот счет имелось совершенно иное мнение. Арест стал причиной крупного дипломатического скандала, едва не послужившего причиной отхода МНР от СССР. Блюмкина сразу же отстранили от дел, а прибывшая на празднование десятилетней годовщины Октябрьской революции монгольская делегация привезла в Москву официальное требование о его отзыве. Больше в Монголии Блюмкин не появлялся, однако налаженная при его прямом участии оперативная работа продолжалась. ГВО внедрила свою агентуру в структуры китайской разведки и сумела взять под контроль некоторые ее каналы перемещения людей и грузов и связи с источниками. Советские специалисты в Монголии продолжили свою работу.

Спецслужбы Японии, Великобритании, Франции и Голландии развернули активную работу в Юго-Восточной Азии. Сингапур называли “Ключом Британии к Азии”, поэтому Лондон прилагал все усилия для сохранения устойчивого положения этого своего оплота на Дальнем Востоке. Там было открыто региональное подразделение Особого отдела Скотланд-Ярда, пост ПШКШ в Шанхае контролировал связь конкурентов, а внешнюю безопасность обеспечивало “Объединенное разведывательное бюро” (КИБ). Оно отвечало за агентурную разведку, внешнюю контрразведку, обеспечение связи и контроль за политической ситуацией в Малайе и прилегающих регионах. Входившая в его функции внутренняя безопасность включала защиту имперской территории от коммунистического проникновения и ограничение деятельности триад, в первую очередь общества “Белый лотос”. Резидентуры разведки контролировали треугольник Шанхай — Гонконг — Сингапур, в котором британские интересы затрагивались наиболее существенно. Англичане действительно сумели практически парализовать работу Коминтерна в регионе, арестовав 1 июня 1931 года специнструктора ИККИ в Индокитае, Китае, Гонконге и Малайзии Жозефа Дюкруа (Сержа Лефранка). Он прибыл в Сингапур для организации сети в Юго-Восточной Азии, о чем Особый отдел Скотланд-Ярда получил информацию из Гонконга еще до его появления на месте. При аресте у Дюкруа обнаружили списки агентуры малайской компартии, последовавший разгром которой парализовал ее работу не менее, чем на пять лет. Дальнейшее расследование привело к установлению другого сотрудника III Интернационала Хиллари Нуленса, обыск у которого привел к захвату трех сейфов с отчетами Дальневосточного бюро Коминтерна с 1930 по 1931 годы и документами Всетихоокеанского секретариата Профинтерна за тот же период. Его арестовали вместе с женой Т. Н. Моисеенко (Моисеенко-Великая) 15 июня 1931 года, причем оба немедленно объявили себя бельгийцами и потребовали передачи властям этого государства. Однако после заявления Брюсселя о том, что ни Нуленс, ни Моисеенко не являются гражданами Бельгии, арестованные изменили показания и назвались швейцарцами Берг. Однако и это утверждение было опровергнуто, на этот раз властями Берна, и тогда Нуленс объявил себя опять-таки швейцарцем, но на этот раз по имени Поль Рэгг. В действительности это был бывший резидент Разведупра во Франции Яков Матвеевич Рудник, прибывший в Китай в 1929 году, что судебные органы так и не установили. Дело супругов оказалось весьма резонансным и привлекло внимание мировой общественности, причем в их защиту выступали весьма видные писатели, ученые и политические деятели. Несмотря на это, 19 августа 1932 года Рудника и Моисеенко приговорили в Нанкине к смертной казни, которую благодаря амнистии заменили на пожизненное тюремное заключение. В августе 1937 года они были выпущены под залог, бежали в Шанхай, а оттуда в СССР, куда вернулись лишь в июле 1939 года¹⁷¹.

Французским региональным резидентом в Сингапуре являлся А. Тротман, руководивший также подчиненными точками в Токио и Тяньцзине. Естественно, контакты с англичанами французы осуществляли лишь в сфере борьбы с коммунистическим проникновением, но никоим образом не в политических вопросах. Более всего их заботила ситуация в Индокитае, и 12 декабря 1923 года Париж учредил Службу колониальной разведки КАИ, в обязанности которой входило наблюдение за всеми гражданскими уроженцами колоний, связь с МВД, военным и военно-морским министерствами, а также со службой безопасности генерал-губернатора. Третьим членом разведывательного сообщества западных колониальных держав являлась голландская разведка.

Всем им противостояли японцы. Для бедной ресурсами страны Юго-Восточная Азия олицетворяла нефть, каучук, олово, хром, марганец, продовольствие и вообще все, что необходимо для функционирования экономики и ведения войны. В составе 2-го отдела генштаба имелась секция Южных морей, получавшая отдельное финансирование для своих операций, а 3-й отдел ВМС вообще считал это направление приоритетным и не жалел сил на осуществление операций. Роберт Брюс Локкарт вспоминал позднее: “Сингапур был напичкан японскими агентами, многие из которых действовали под прикрытием — как фотографы или парикмахеры. Я имел обыкновение подстригать волосы у одного японского агента, и одним из моих военных трофеев является фотография, на которой меня заснял один из главных японских шпионов”¹⁷². Противостояние секретных служб продолжалось, но оно оказалось лишь прологом к схватке, которой предстояло развернуться в бассейне Тихого океана в следующем, предвоенном десятилетии.

2. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

На противоположном, западном конце Азии находилась побежденная в мировой войне Турецкая империя. Государства-победители установили систему мандатов на управление ее частями, а Севрский договор 1920 года оставлял стране не более одной пятой части ее прежней территории. Столицу и султанат в Константинополе (Стамбуле) разрешалось сохранить, зато Босфор и Дарданеллы открывались для прохода всех судов и военных кораблей, укрепления в их зоне срывались, а контроль над Черноморскими проливами возлагался на независимую международную комиссию с собственными флагом и полицией. У Турции отобрали весь флот, за исключением тринадцати небольших кораблей, численность личного состава ее вооруженных сил ограничили 50 тысячами, а жандармерии — 35 тысячами человек.

Победители фактически разделили страну по своим сферам влияния, однако в ней нашлись силы, не пожелавшие смириться с национальным унижением и оккупацией. Возглавивший революцию 1918 — 1923 годов Мустафа Кемаль-паша провозгласил в Анкаре образование нового правительства и объявил недействительными подписанные султанским правительством договоры. Такие его действия естественным образом привели к заключению 16 марта 1921 года договора с РСФСР и одновременно вызвали национально-освободительную войну, в которой главным противником турков стали многочисленные греческие оккупационные войска. Боевые действия требовали эффективного разведывательного обеспечения боевых действий, а существовавшую с 17 ноября 1913 года (по другим данным, с 5 августа 1914 года) “Специальную организацию” (Тескилат-и Махсуса, секретная служба штаба армии) 30 октября 1918 года пришлось расформировать ввиду ее полной несостоятельности и в соответствии с условиями мирного договора. Взамен в это же время (по другим данным, 5 февраля 1919 года) была создана наполовину частная так называемая “Полицейская гильдия” (Каракол Джемиети), иногда именовавшаяся “Организацией стражей”. Она выполнила множество важных задач по обеспечению боевых действий, но после оккупации Стамбула войсками Антанты 16 марта 1920 года и ареста ее руководителей прекратила свою деятельность.

На смену “Полицейской гильдии” пришли сразу несколько различных разведывательных организаций, в том числе эфемерные “Забитан” и “Явуз”. 23 сентября 1920 года возникла “Группа Хамза”, 31 августа 1921 года сменившая наименование на “Группу Фелак”. Ведение контрразведки возлагалось на руководимую генеральным директором Галиб-беем Организацию военной полиции (Аскери Полис Тескилати, сокращенно АП или просто П). Она была создана по прямому указанию Кемаль-паши для противодействия иностранному шпионажу и вражеской пропаганде и наведения порядка в существовавшем хаосе многочисленных наполовину самостоятельных разведывательных органов. Сведения о конкретной дате создания АП противоречивы. До конца 2000 года официальные материалы Национальной разведывательной организации (МИТ) Турции утверждали, что она возникла 20 декабря 1920 года, однако позднее они были пересмотрены, и появилась новая дата — 18 июля того же года. Вскоре необходимость централизации мелких секретных служб привела к возникновению в составе АП разведывательного отделения. Организация военной полиции просуществовала до 19 (по другим данным, 21) марта 1921 года и затем была распущена. В период с 1 апреля 1921 года по 22 июня 1922 года в некоторых частях Анатолии действовали отвечавшие за оперативную работу Директораты Инспекционного совета (Тедкик Хейети Амирликлери). Все это многообразие никак не способствовало улучшению разведывательного обеспечения национально-освободительной армии, и 3 мая 1921 года в составе ее генерального штаба была организована профессиональная секретная служба — “Вооруженная национальная оборона” (Муселлах Мудафаа-и Миллие, сокращенно ММ или МИМ МИМ). После этого сферы ответственности оперативных органов Турции получили достаточно четкое разграничение. Состоявший из офицеров и гражданских лиц агентурный аппарат ММ действовал в Стамбуле и за его пределами, обращая особенное внимание на налаживание каналов нелегальной поставки оружия частям освободительной армии и на приобретение источников в иностранных штабах и дипломатических представительствах. Директорат Совета по расследованиям отвечал за операции на периферии.

К 1922 году турки полностью разгромили греков, потерявших только пленными в районе Смирны (Измира) 50 тысяч человек, и изгнали со своей территории все иност-

ранние войска. Французские и итальянские отряды покинули Стамбул при приближении к нему турецкой армии. Перед прямым боевым столкновением с английскими войсками в 1922 году ММ сумела обеспечить свое командование информацией, полученной от агентуры в Межсоюзнической военной контрольной комиссии, и читала переписку командующего британскими войсками Ч. Харлингтона с Лондоном. Военное поражение вызвало в Греции государственный переворот, приведший к отречению от престола короля Константина и казни пятерых министров и главнокомандующего армией. Новые условия мира были зафиксированы Лозаннским протоколом. В соответствии с ним, Турция лишалась колоний (Египта, Судана, Аравии, Триполитании, Месопотамии, Палестины и Сирии, а также множества островов), однако сохраняла не только номинальную, но и фактическую независимость. Кемаль перевел столицу государства в Анкару. Впоследствии, когда в 1934 году в Турции вводились фамилии, он заслуженно получил почетную фамилию Ататюрк (“Отец турок”), носить которую отныне не имел права ни один гражданин государства, кроме него.

5 октября 1923 года имевшая временный статус ММ и ряд других разведывательных групп были расформированы. Объявление независимости Турецкой республики повлекло за собой реформу спецслужб. В течение нескольких лет ведение военной разведки возлагалось на разведывательные подразделения Инспекции армии, однако они не могли удовлетворить потребность государства в информации. В конце 1925 года президент распорядился организовать в составе генерального штаба Управление национальной службы безопасности на уровне, не уступающим аналогичным институтам развитых государств, и возложить на него ответственность за сбор и обработку разведывательной информации. 5 января 1927 года новая структура перешла в подчинение министерства внутренних дел в качестве его Главного управления национальной безопасности (Укум Эшниет Мюдюрлюгю) и стала выполнять также и гражданские задачи. 6 января 1927 года была издана совершенно секретная директива начальника генштаба фельдмаршала Февзи Чакмака № 10152, в соответствии с которой организовывалась Национальная служба безопасности (Милли Эмниет Хизмети Риасети, сокращенно МЕХ/МАХ или просто МАХ) со статусом структурного подразделения генерального штаба армии. Возможность создать действительно эффективную и первую в истории государства объединенную разведывательную и контрразведывательную службу появилась после возвращения из Европы нескольких турецких офицеров, направленных туда для прохождения обучения искусству разведки. Ранее Ататюрк категорически запретил любое иностранное участие в формировании МАХ, поскольку в столь деликатной области обоснованно не доверял ни одному союзнику, однако позднее стало ясно, что своими силами систему разведки усовершенствовать не удастся. По этой причине турки все же обратились за помощью к иностранцу, бывшему начальнику русского отдела германской военной разведки, а затем и руководителю всей разведслужбы Большого генерального штаба подполковнику Вальтеру Николаи. Национальная служба безопасности просуществовала в почти неизменном виде 38 лет. Центральный аппарат МАХ состоял из двух основных оперативных подразделений: отделение “А” ведало внешней разведкой, а отделение “Б” — контрразведкой. В Анкаре располагалась штаб-квартира службы, а в Стамбуле, Измире, Адане, Диарбакыре и Карсе открывались ее территориальные подразделения. Первым руководителем МАХ стал 39-летний подполковник, впоследствии полковник Шухру Али Эджель, ранее служивший в войсках, а затем работавший в Комиссии по проливам. В 1936 году по возрасту он ушел с действительной военной службы, однако продолжал возглавлять разведку по 7 июля 1941 года. Первый руководитель Национальной службы безопасности Турции ушел в отставку по причине политических расхождений во взглядах с премьер-министром и прожил затем еще долгую жизнь. Он умер 1 июня 1973 года в 87-летнем возрасте. Ему на смену пришел участник Первой мировой и освободительной войн Мехмет Наджи Перкель, пришедший на службу в МАХ в 1929 году в звании майора. В 1934 году он занял пост заместителя директора разведки и в том же году ушел в запас, оставшись на прежнем посту в качестве гражданского служащего. Перкель руководил МАХ с 1 августа 1941 по 3 сентября 1953 года, после чего отбыл в Ирак на пост посла Турции в Багдаде. Войсковая разведка не входила в компетенцию Национальной службы безопасности, ей занималось соответствующее подразделение генерального штаба (Истихбарат Бюросу). Политической разведкой располагало также министерство иностранных дел, но оно не проводило никаких оперативных мероприятий.

Со временем претерпел изменения периферийный аппарат МАХ. Управления с подчиненными им отделами открылись в следующих центрах:

- Анкара (отделы в Самсунге и Зонгулдаке);
- Стамбул (отделы в Эдирне, Чанаккале, Киркларели, Узун-Кенрю и Измиде);
- Измир (отделы в Айвалыке, Чешме, Кушадасы и Бодруме);
- Адан (отделы в Мерсине и Искендеруне);
- Диарбакыр (отделы в Урфе, Мардине и Ване);
- Эрзерум (отделы в Трапезунде, Хопе, Ардагане и Карсе).

Перечисленные подразделения отвечали за военную контрразведку, а часть из них — еще и за приграничную разведку прилегающих территорий сопредельных стран. Область военной контрразведки перекрывалась еще одним оперативным органом — Службой сбора сведений (Хабер Алма Сервиси). Гражданская контрразведка относилась к сфере компетенции Генеральной дирекции безопасности МВД. Структура ее центрального аппарата неоднократно изменялась. Первоначально она не имела управлений, поэтому после создания таковых номерные отделы оказались распределены между ними бессистемно (с точки зрения нумерации). К концу описываемого периода Генеральная дирекция безопасности располагала 63 управлениями безопасности в вилайетах и центральным аппаратом:

- I управление:
 - 1-й (политический) отдел:
 - 1-е отделение (наблюдение за гражданами Турции мусульманского вероисповедания);
 - 2-е отделение (наблюдение за национальными меньшинствами Турции);
 - 3-е отделение (наблюдение за государственными служащими);
 - 4-й отдел (иностранцы):
 - 1-е отделение (наблюдение за иностранцами);
 - 2-е отделение (паспортно-визовое);
 - 9-й отдел (цензурный):
 - 1-е отделение (турецкая печать и кинофильмы);
 - 2-е отделение (пропуск печатных изданий из-за рубежа);
- II управление:
 - 2-й отдел (финансово-экономический);
 - 6-й отдел (общие вопросы правопорядка);
 - 7-й отдел (работа в пограничных районах, координация с жандармерией);
- III управление:
 - 3-й отдел (кадровый);
 - 8-й отдел (снабжение);
- IV управление:
 - 5-й отдел (криминалистический);
 - лаборатория.

Силовые задачи в обеспечении государственной безопасности возлагались на Главное жандармское управление МВД Турции.

Стамбул постепенно приобретал значение одного из центров шпионажа на Ближнем Востоке, вследствие чего основные европейские разведывательные службы создали в нем свои резидентуры. Как правило, их деятельность распространялась на прилегающие регионы восточного Средиземноморья. Например, II отдел генштаба, а впоследствии главного штаба Войска польского в период с 1920 по 1938 годы открыл там 9 плязувок (“Грузин”, “Консполь”, “А-3”, “Тржаска”, “Анитра”, “Али Баба”, “Гази”, “Хуссейн” и одну без кодового обозначения). Все они в основном ориентировались на работу против Советского Союза. Аналогично действовали и разведки других государств. ОГПУ первоначально открыло только “легальную” резидентуру при генеральном консульстве СССР во главе с Минским. Бесперебойная связь загранички с Центром осуществлялась с помощью специального курь-

Шухру Али Эджель

ера, еженедельно прибывавшего из Одессы на пароходе “Ильич”. С 1925 года ее агентура освещала национальные группировки эмиграции и читала переписку японского посла, австрийского военного атташе и французского посланника. После провала сети Минского полиция произвела в консульских помещениях обыск, а сам резидент был объявлен персоной нон грата и выслан на родину. Сменил его приехавший из Китая Н. И. Эйтингон (Леонид Наумов). В 1928 году ИНО открыл точку в Анкаре и нелегальную резидентуру в Стамбуле, для руководства которой в октябре 1929 года под именем Нерсеса Овсепяна прибыл ранее возглавлявший Восточный отдел ОГПУ Г. С. Агабеков. В качестве прикрытия он использовал фирму по продаже велосипедов и швейных машинок. Однако с чекистом произошло непредвиденное событие: он без памяти влюбился в молодую англичанку Изабеллу Стритер, у которой брал уроки языка. Увлечение оказалось столь сильным, что в январе 1930 года явился к военному атташе британского посольства, объяснил, кем является на самом деле, и попросил предоставить ему политическое убежище. Семья Стритер категорически возражала против брака Изабеллы с коммунистом-изменником, к тому же не имевшим стабильного источника существования, внешне непривлекательным и на 14 лет старше их юной дочери, но СИС сумела вразумительно объяснить родителям, что прежде всего они обязаны думать об интересах Британии. Первый перебежчик из советской разведки в столь высоком ранге вскоре связал свою жизнь с избранницей, после чего, как и обещал, сдал всю доступную ему информацию. Позднее Агабеков решил заработать на жизнь публикацией разоблачительных материалов и выпустил две книги, последствия выхода которых больно сказались на положении коммунистов в Иране и отношениях этой страны с СССР. На основании содержащихся в них разоблачений шахская полиция арестовала свыше 400 человек, из которых 27 впоследствии попали в тюрьму, а четверых казнили, в стране было разгромлено все коммунистическое и национально-освободительное движение, а Реза-шах перестал доверять Советскому Союзу и запретил деятельность компартии. Несколько смягчило удар то, что в предвидении возможных пагубных последствий предательства резидента ИНО успел вывести из-под удара практически всю находившуюся под угрозой провала агентуру.

Агабеков поселился с женой в Брюсселе и активно работал на английскую разведку, а впоследствии снабжал сведениями также и французов, бельгийцев, голландцев, болгар, румын и немцев. Изабелла ушла от него в 1936 году, а в следующем году исчез и сам перебежчик, по всей вероятности, уничтоженный ОГПУ.

Следует отметить, что до 1930 года СССР не вел оперативную работу против Турции. Это объяснялось как продолжавшимися с 1927 по 1931 год переговорами относительно контактов и обмена информацией между советской и турецкой разведками, так и тем, что ОГПУ не желало дразнить турков возможными провалами. В Москве планировали использовать Стамбул как базу для размещения региональной резидентуры и проведения операций по всему Ближнему Востоку, подобно европейскому центру в Берлине или дальневосточному в Пекине. С этой целью туда прибыл Блюмкин, полностью автономный от аппарата ИНО и подчинявшийся только его начальнику Трилиссеру. Он работал с нелегальных позиций по документам персидского купца Якуба Султанова, а 1 мая 1929 года посольство Ирана выдало ему паспорт на фамилию Султан-заде, тем самым окончательно легализовав его пребывание в Стамбуле.

Резидентура должна была состоять из пяти человек. Кроме ее руководителя Блюмкина (“Живой”), в нее входили супруги Л. А. Штивельман (“Прыгун”) и Н. Н. Штивельман (“Двойка”) и М. И. Альтерман (“Старец”). Пятое место в течение некоторого времени оставалось вакантным, позднее его занял бывший член французской компартии Николай Шин, привлеченный Блюмкиным к работе в Париже. Задачей загранички являлось развертывание агентурных сетей первоначально в Турции, а затем в Сирии и Палестине для освещения британской и французской политики в регионе и помощи национально-освободительному движению. Конечная цель была масштабной: в течение одного года следовало осуществить агентурное проникновение через Аравийский полуостров в Калькутту и Бомбей. Прикрытием для группы служила торговля ценными древнееврейскими книгами, для этих целей массово изымавшимися ОГПУ из библиотек и частных собраний в СССР. Связь с Центром планировалось поддерживать через курьеров, а в экстренных случаях можно было посылать кодовые телеграммы на подставные адреса в Баку, Москве и Стамбуле. Предусматривался также механизм конспиративных встреч с курьерами в Париже, Риме и

Стамбуле. Работа началась с решения задач по прикрытию. Кроме торговли книгами, “Якуб Султанов” занялся также коврами и представлял в Турции интересы некоторых иностранных компаний. Однако загранточка так и не приступила к настоящей работе, ее погубили политические симпатии резидента.

В 1929 году в Стамбул прибыл высланный через Одессу из СССР Троцкий, после чего одной из основных задач “легальной” резидентуры стали наблюдение за ним и перлюстрация его корреспонденции. Нелегальному резиденту не следовало даже приближаться к опальному бывшему вождю революции, но он не смог устоять перед искушением встретиться с ним. Во время гражданской войны Блюмкин работал помощником наркомвоенна и председателя РВСР и на всю свою недолгую жизнь сохранил глубочайшее уважение к этому человеку. До настоящего времени вопрос, действительно ли резидент взял у Троцкого письмо для передачи Радеку, был неясен, однако в недавно рассекреченном протоколе обыска у Блюмкина зафиксирован факт обнаружения в его вещах привезенной из Константинополя книги Адданова “Современники”, содержащей письмо, написанное сыном Троцкого Львом Седовым. В процессе того же обыска было изъято и недописанное письмо самого Блюмкина Трилиссеру с изложением обстоятельств контактов с бывшим наркомвоенном и председателем РВСР, однако не исключено, что опытный разведчик и не планировал отправлять его адресату, а хранил для создания иллюзии готовности раскрыть властям все обстоятельства дела. Как известно, это ему не помогло. В глазах московского начальства сам факт встречи с изгнанником уже был достаточен для квалификации в качестве серьезнейшего политического преступления.

Вопреки распространенной версии, Блюмкина не заманивали в Советский Союз для расправы, в августе 1929 года он поехал туда сам, по доброй воле, когда о его встрече с Троцким не знал еще никто. Разведчик проговорился об этом в СССР и запаниковал, поняв, что информация расползается все дальше и дальше, и что со дня на день его арестуют. Он попытался изменить внешность и скрыться, но его местонахождение раскрыла любовница Елизавета Розенцвейг (Горская), сотрудник ИНО, будущая жена выдающегося нелегала В. М. Зарубина и сама удачливая разведчица. По пути на вокзал Блюмкина арестовали. После серии допросов 20 октября он дал развернутые показания о характере своих связей с оппозицией и признался в единственной встрече с Троцким 16 апреля 1929 года, залегендрованной для окружающих под визит издателя, желающего приобрести ряд работ изгнанника для издания на еврейском языке. Блюмкин каялся, заверял ОГПУ в том, что разочаровался в оппозиции, но напрасно. Впрочем, его судьба решалась отнюдь не на Лубянке. Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением от 5 ноября 1929 года, не утруждая себя судебными формальностями, лаконично распорядилось:

“а) Поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать изменническую антисоветскую работу Блюмкина.

б) Блюмкина расстрелять.

в) Поручить ОГПУ установить точно характер поведения Горской”¹⁷³.

Бывший резидент стал первым советским коммунистом, казненным за связь с оппозицией.

В Турции действовал также и Разведупр, сотни агентов которого не наносили ей никакого ущерба, поскольку были полностью сориентированы на работу по белой эмиграции и на получение информации о третьих странах. “Легальным” резидентом в Анкаре являлся известный специалист по разведке и автор нескольких фундаментальных исследований в этой области военный атташе К. К. Звонарев (Звайгзне). Его работа во многом облегчалась нахождением во главе открывшегося в 1922 году полпредства бывшего начальника Региструпра Аралова, прекрасно понимавшего проблемы своего бывшего ведомства и заботившегося о них. Первоначально спокойная работа военной разведки была резко нарушена осенью 1933 года. 15 сентября полиция арестовала две группы агентов, заброшенных по линии Ленинанканского Пограничного разведывательного пункта (ПРП), а позднее — и агентуру Эриванского, Батумского и некоторых других ПРП. Причиной этого стала ненадежность забрасываемых агентов, о которой военные контрразведчики неоднократно предупреждали своих коллег, не принявших предостережение к сведению и вскоре поплатившихся за это утратой практически всех оперативных позиций разведотдела Закавказского военного округа в стране.

В Стамбуле действовала также агентурная группа, подчинявшаяся софийской резидентуре Разведупра во главе с Х. Б. Петашевым (Русев, Дымов), основным объектом которой являлись эмигрантские круги, в первую очередь их вооруженные силы. Болгар вообще традиционно широко использовали в оперативной работе против Турции, как в силу исторической вражды между этими двумя народами, так и по причине значительности легально проживавшей в стране болгарской диаспоры. В этой связи следует упомянуть нелегального резидента Разведупра в Стамбуле Николу Трайчева (Давыд Давыдов) и его помощников Христо Катева и Атанаса Деведжиева, поддерживавших связь с Центром через председателя советской репатриационной комиссии С. М. Мирного (“Абдулла”), а также Гиню Стойнова (“Дро”, Петр Мирчев) и Васи́ла Карагезова. Последние двое первоначально действовали с партийных позиций. Лишь позднее они были завербованы и включены в состав венской резидентуры Винарова (“Март”).

Турция граничила с арабским миром, всегда являвшимся предметом особого внимания Британской империи. Его значение определяли два ключевых фактора: нефть и коммуникации. Морской путь из метрополии в Индию пролегал через Гибралтар, Мальту, Кипр, Суэцкий канал и Аден, там же проходил подводный телеграфный кабель. Их очевидная уязвимость компенсировалась могущественным английским флотом и развитой сетью баз бомбардировочной авиации, однако никакая вооруженная сила не в состоянии обеспечить безопасность лучше, чем политическая стабильность регионов и лояльность их правительств. Поэтому британская дипломатия и разведка на подмандатных, колониальных и прилегающих территориях направляли свои усилия на создание и поддержку дружественных правительству сил и на дестабилизацию враждебных режимов. Новым элементом обстановки на Ближнем Востоке явился раздел турецких колоний. В регионе появилась подмандатная французская территория — Сирия, в Палестину и Месопотамию проникли англичане. Египет получил в 1922 году формальную независимость, закончившуюся два года спустя, когда после предъявления стране ультиматума англичане разместили гарнизоны в Александрии, Каире и соседнем Судане. Опыт операций Первой мировой войны показал, на что способны организованные партизанские отряды. Англичане в полной мере учли результаты действий арабских повстанцев под командой Т. Э. Лоуренса (“Аравийского”) постоянно перерезавших нефтепроводы, нарушавших коммуникации и атаковавших небольшие гарнизоны. Министр по делам колоний Уинстон Черчилль пригласил Лоуренса на пост политического советника министерства и одновременно разработал новую теорию подавления восстаний, согласно которой сухопутные войска отныне не должны были гоняться за повстанцами по пустыне. Эту роль отвели военно-воздушным силам, впервые ставшим составной частью аппарата политического подавления.

В 1920-е годы тайная война почти не затронула Ближний Восток, отчасти вследствие какого-то непонятного предубеждения, которое глава СИС адмирал Синклер испытывал к открытию резидентур в этом регионе. К концу десятилетия они располагались только в Бейруте и Стамбуле, кроме того, некоторая информация по Ближнему и Среднему Востоку поступала из точек в Бухаресте, Софии, Праге и Афинах. Такое пренебрежение работой в стратегически важном Средиземноморье и Месопотамии отчасти объясняется тем, что на территориях, являвшихся тогда колониями Британской империи, активно работала Служба безопасности (МИ-5). Сотрудники ее отдела безопасности заморских территорий империи, именовавшиеся офицерами по защите безопасности (ДСО), обеспечивали основное поступление сведений по региону, хотя в силу своей специфики и не могли уделять разведке должное внимание. С точки зрения экономии бюджетных средств это было вполне объяснимо. Кроме Афганистана, на Ближнем и Среднем Востоке просто не существовало достойных соперников, способных противостоять влиянию Британской империи. Прокатившиеся восстания в основном порождались внутренними причинами, а отнюдь не происками враждебных государств. Безусловно, имели место и исключения. Например, в Палестине с 1923 по 1924 годы успешно действовала резидентура ИНО под руководством все того же Блюмкина, работавшего под прикрытием владельца прачечной в Яффе Моисея Гурсинкеля. В основном он занимался проблемами национально-освободительного движения и в этом качестве был достаточно опасен для англичан. Однако в Средней Азии и отчасти в Индии ввиду соседства с коммунистическими республиками дело обстояло совершенно иначе. После очевидного провала попыток экспорта революции в Европу председатель РВСР Троцкий

в упоминавшемся письме в ЦК РКП(б) от 5 августа 1919 года настаивал: “Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации. Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии”¹⁷⁴. Несколько ранее, в ноябре 1918 года, в том же духе высказался и Сталин в своей речи на Первом съезде коммунистов-мусульман: “В этот момент на коммунистов России, прежде всего на коммунистов-мусульман, падает величайшая задача... перекинуть мост между народами Запада и Востока и, создав единый фронт революции, прорвать окружающее нас кольцо империализма... Для вас открыты двери Персии и Индии, Афганистана и Китая”¹⁷⁵. В этом ключе и получили инструкции военная и внешнеполитическая разведывательные службы СССР. В 1927 году Политбюро провозгласило еще один принцип, требовавший организации восстаний и развертывания партизанской борьбы в тылу агрессора в случае его нападения на Советский Союз. В ОГПУ регион курировали совместно восточный и англо-американский секторы разведки, поскольку действовать в нем приходилось в постоянном соприкосновении с англичанами.

Ближайшим из соседей РСФСР/СССР был Афганистан, лишь в 1919 году завоевавший независимость в войне с Великобританией. Именно эту страну с согласия ее руководства и выбрали в качестве первого опорного пункта для нанесения так называемого военно-революционного удара по Индии, который в 1920 году наметала нанести Москва. Для практической реализации этого замысла была сформирована Афганская миссия во главе с известным индийским коммунистом Манабендра Натх Роем, предназначавшаяся для создания в Афганистане, вблизи от границы с Индией, военно-революционной базы. На ней планировалось формировать отряды из революционеров, обучать их командиров и вести пропагандистскую работу в интересах развертывания национально-освободительной войны. В сентябре 1920 года все имущество миссии, включавшее в себя массу стрелкового оружия, горные пушки, три разобранных самолета, грузовую и легковую машину, типографию с набором различных шрифтов, запасы бумаги и пропагандистской литературы, а также золото для финансирования подпольной работы, было отправлено из Москвы в Ташкент. В планы Политбюро ЦК РКП(б) входило дальнейшее усиление Афганской миссии, позволяющее сформировать на ее базе 20-тысячную повстанческую армию. Однако руководство Афганистана в октябре пересмотрело свое решение и не отважилось вступить в прямую конфронтацию с Великобританией. Миссия осталась на советской территории и к практической деятельности так и не приступила.

Примерно в тот же период времени Москва использовала в Афганистане для политической и пропагандистской подготовки своей экспансии в Бухаре крупного агента влияния, генерал-лейтенанта турецкой службы Джемаль-пашу. Этот оставивший значительный след в истории Турции человек в период с 1914 по 1918 годы занимал посты морского министра, губернатора Константинополя, главнокомандующего войсковой группой “Сирия” и губернатора Палестины. В июне 1913 года он вместе с военным министром Энвер-пашой и министром внутренних дел Таалат-пашой сформировал неофициальный диктаторский триумvirат “младотурок”. Джемаль-паша всегда придерживался самых жестких методов руководства национальными меньшинствами. В 1918 году он запретил евреям молиться у Стены плача в Иерусалиме, мотивируя это тем, что в их молитвах содержалась надежда на восстановление еврейского государства, он железной рукой подавлял непокорных арабов Сирии и являлся одним из организаторов геноцида армянского народа 1915 года. После падения Оттоманской империи и прихода к власти кемалистов генерал был вынужден бежать и, подобно многим турецким военным служащим, продолжил карьеру за границей. В сопровождении двенадцати офицеров он прибыл в Афганистан, где занял ключевую должность генерального инспектора национальной армии, совмещая ее с несколькими другими постами. Политбюро ЦК РКП(б) установило с Джемаль-пашой контакт и выделило ему 50 тысяч золотых рублей, за которые он обязался создавать благоприятный фон для советского вторжения в Бухару. Агент добросовестно выполнил поручение и распространил официальное заявление о необходимости и желательности немедленной ликвидации пробританского эмирата, сыгравшее немалую роль в подготовке общественного мнения к этой акции. В 1922 году он покинул пост в Афганистане и прибыл в Москву, откуда отбыл в Тифлис. Из столицы Грузии Джемаль-паша намеревался возвратиться в Ангор (Анкару), однако она стала последним пунктом его путешествия. 21 июля 1922 года боевики армянской терро-

ристической организации “Дашнакцутюн” прямо у входа в здание Закавказской ЧК в отместку за геноцид своего народа расстреляли генерала вместе с его адъютантом Сурсен-беом и секретарем Муссет-беом.

На некоторое время Афганистан выпал из орбиты первоочередных советских интересов и вынужденно возвратился в нее вновь лишь восемь лет спустя. В 1928 году во время отлучки в Европу падишаха Аманулла-хана повстанцы под руководством бывшего взводного командира эмирской гвардии Хабибулла-Бачаи Сакао (кличка, означающая “сын водоноса”) 17 января заняли Кабул. Аманулла-хан отрекся от престола и эмигрировал в Италию, а затем в Швейцарию, где и умер намного позже описываемых событий, 25 апреля 1960 года. Поддерживаемый англичанами Бачаи Сакао захватил престол и начал править под именем эмира Хабибуллы Гази, исповедуя фундаменталистские мусульманские принципы построения общества. Его неприятие нового доходило до отрицания не только светского образования или радиовещания, но даже авиации и автоматического оружия как вещей, якобы неугодных Аллаху. Вначале разведка просто проинформировала руководство страны о ходе инцидента, не анализируя возникшую ситуацию. Применив классовый подход, в ЦК ВКП(б) заключили, что бывший бедняк и сын простого водоноса Бачаи Сакао в любом случае лучше эмира Амануллы-хана, однако вскоре наступило отрезвление. Басмаческие отряды, опиравшиеся на бежавших от коммунистического режима в северные районы страны Афганистана узбеков, туркменов и таджиков, начали прорываться на советскую территорию. Не ожидавшие такого развития событий руководители СССР были обескуражены подобными явлениями, но разведчики внесли ясность: Аманулла опирается на южные племена, поэтому его активность в случае победы обратится на пограничные с британской Индией территории, а северяне под руководством таджика из Панджшерского ущелья Бачаи-Сакао неизбежно ринутся на территорию советского Туркестана, что, собственно уже и начало происходить. Разведывательный отдел штаба Среднеазиатского военного округа 10 марта 1929 года докладывал: “Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмшак, учащаются случаи перехода на нашу территорию... Узбеки — бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ... Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывающая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствию на нашей границе...”¹⁷⁶. Вскоре Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) существенно подкорректировало свой прежний подход к проблеме: “События в Афганистане объективно являются одним из звеньев антисоветской деятельности английского империализма на Востоке. В результате пала не только сопротивляемость Афганистана перед натиском английского империализма, но и последний приобрел в лице Баче-Сакау (так в документе — И. А.) послушное орудие для укрепления английского влияния внутри Афганистана и для усиления антисоветской деятельности в приграничных с нами районах.

Антисоветские тенденции Баче-Сакау находят свое отражение в усилении закордонной басмаческой иммиграции, переговорах с бухарским эмиром.

Одновременно растущая в республиках Средней Азии в результате успешного социалистического наступления активность байства, духовенства и буржуазно-националистической интеллигенции также пытается использовать события в Афганистане в интересах борьбы против Советской власти...”¹⁷⁷.

Это послужило толчком для организации военного вмешательства в события. Генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям Наби-хан попросил разрешить сформировать на территории СССР отряд из бежавших из страны приверженцев свергнутого Амануллы-хана, но ЦК ВКП(б) не ограничился этим и пополнил его красноармейцами из Средней Азии. 10 апреля 1929 года боевая группа пересекла границу, уничтожила афганскую погранзаставу и начала выдвигаться к югу. Номинальным руководителем набега являлся Наби-хан, а фактически командовал отрядом известный советский военачальник В. М. Примаков, скрывавшийся в этой экспедиции под именами “кавказского турка Рагим-Бея” и “товарища Витмара”. После взятия Мазари Шарифа сторонники Бачаи-Сакао оправались от первого шока и попытались уничтожить интервентов. В итоге жестоких боев с применением артиллерии и авиации афгано-советский отряд в конце мая 1929 года возвратился в СССР. Свыше 300 участвовавших в “операции по ликвидации бандитизма в южном Туркестане”, как значилась экспедиция в официальных документах, бойцов и командиров 81-го кавалерийского,

1-го горнострелкового и 7-го горного полков были награждены орденами Красного Знамени. Попытка ликвидации вооруженным путем исходившей от Бачаи Сакао угрозы фактически провалилась, но в октябре 1929 года сами афганцы свергли эмира и 2 ноября казнили его без советской помощи. Вопреки ожиданиям, Аманулла не вернул себе власть, ее захватил бывший военный министр, кавалер ордена “Высокого Солнца” Мухаммад Надир-хан. За сопротивление реформам эмира его в 1924 году сняли со всех постов и отправили послом в Париж, а в 1927 году уволили со службы и вынудили перебраться в Ниццу. Теперь же он под именем Надир-шаха вступил на афганский престол и находился на нем до своей гибели в 1933 году от рук одного из жестоко преследуемых им приверженцев Аманулла-хана.

В описанном конфликте разведка не участвовала ни в каком качестве, поскольку с началом военных действий абсолютно исключались как отправка курьеров, так и посылка телеграфных сообщений, что в очередной раз доказало неспособность “легальных” резидентур обеспечить Центр информацией в самые ответственные моменты вооруженных конфликтов.

В конце июня 1930 года в Афганистане вновь появились советские войска. Сводная кавалерийская бригада под командованием Якова Мелькумова перешла границу с целью “обеспечить социалистическое строительство в СССР и в частности Таджикистана и Узбекистана, необходимостью лишить басмачество экономической базы, истребить басмаческие кадры, причем все это должно явиться нашим подарком XVI съезду партии”¹⁷⁸. Предупрежденные своей разведкой басмаческие курбаши Ибрагим-бек и Утан-бек успели увести основные силы и избежали серьезных боевых столкновений. Командование бригады доложило о результатах похода следующим образом: “Нашим частям не пришлось встретить организованного сопротивления, и они ликвидировали отдельные шайки численностью по 30-40 джигитов, отдельных басмачей и их пособников. Всего уничтожено 839 человек басмачей, эмигрантов, активных пособников. Из главарей убиты глава религиозной секты Пир-Ишан, идейный вдохновитель басмачества, курбаши Ишан-Палван, Домулло-Донахан. Сожжены и разрушены кишлаки Ак-Тепе, полностью уничтожен Алиабад, за исключением части кишлака, населенной афганцами, уничтожены все кишлаки и кибитки в долине реки Кундуз-Дарья на протяжении 35 км и населенные кунградцами, локайцами, дурменами и казаками. Взорвано до 17 тыс. патронов, взято до 40 винтовок, сожжен весь эмигрантский хлеб, частично угнан и уничтожен скот... Коренное население тронуту не было. Местное афганское население отнеслось к Красной Армии хорошо, не покинуло ни одной кибитки... Наши потери — утонул при переправе один красноармеец и ранены один комвзвода и один красноармеец”¹⁷⁹.

В этот же период Афганистан оказался в центре внимания японской разведки, создавшей в ней свою главную операционную базу в Центральной Азии. Она опиралась на эмигрантские, преимущественно религиозные организации и смогла завоевать серьезные позиции в советской Средней Азии. Среди использовавшихся японцами структур особенно выделялись панисламистская партия “Совет улемов”, “Общество пробуждения Великой Азии”, “Белый волк”, “Пантуранское общество” и “Великий Туран”. Они сделали ставку на поддержку узбекского лидера исламской оппозиции Туркестана Ибрагим-бека Чакбаева и в особенности его ближайшего помощника Утан-бека. В 1931 году их вооруженные формирования были разбиты, и японцы утратили имевшиеся у них ранее разведывательные возможности в среднеазиатских республиках. Вопреки этому, операционная база в Афганистане продолжала действовать, хотя после этого размах ее действий существенно сократился.

Еще одним государством этого региона являлся Ирак, состоявший из трех бывших вилайетов Османской империи: Багдада, Мосула и Басры с ранее выделенным из нее Кувейтом. Мандат на управление им в апреле 1920 года на конференции в Сан-Ремо получила Великобритания, а в 1921 году Ирак стал королевством во главе с эмиром Фейсалом. Несмотря на наличие двухпалатного парламента, принятие решений по основным вопросам возило на компетенцию верховного комиссара и местного командования британских ВВС. Даже после формального обретения Ираком независимости в 1932 году ситуация изменилась лишь внешне. “Невидимым правительством” страны стало теперь посольство Великобритании, основной задачей которого являлось обеспечение реального контроля над стратегическими коммуникациями и нефтяными запасами Ирака.

В Багдаде советская разведка в рассматриваемые годы из-за отсутствия резидента не работала, что было большим упущением, поскольку британская авиация на авиабазах в стра-

не однозначно нацеливалась на нефтепромыслы Баку и Грозного. Зато агентурные сети ИНО полностью охватывали Персию (Иран). Резидентуры в Тегеране и Мешхеде для получения доступа к переписке иностранных посольств использовали специфическую особенность региона, заключающуюся в ее пересылке по каналам государственной почты вместо дипломатических курьеров. Вскрытие пакетов в этом случае не составляло особых проблем.

Наиболее оберегаемым азиатским элементом Британской империи была, конечно же, ее “жемчужина в короне” — Индия, где в 1920-е годы проходила кампания гражданского неповиновения властям метрополии. Сопротивление было ненасильственным, но, несмотря на это, стало весьма досадным для администрации фактором и тревожило ее не менее, чем вооруженные восстания. Это убедительно доказывают масштабы проведенных арестов: с декабря 1921 по январь 1922 года им подверглись около 30 тысяч человек. Как уже упоминалось, британская разведка в лице ИПИ сохраняла ошибочную убежденность в том, что национально-освободительное движение финансируется и направляется Коминтерном. В действительности резидент ИККИ Уильямс (Михайлов) обосновался в Индии лишь в 1924 году, а уже в следующем году был расшифрован, что повлекло аресты 60 членов компартии. Более в 1920-е годы доказанных случаев советского вмешательства в индийские дела не было. Тем не менее, руководители ИПИ всегда усматривали главную угрозу империи в деятельности СССР, а если учесть, что эта служба представляла собой своего рода постоянный резервуар для пополнения кадрами МИ-5 и СИС, то становится более понятной своего рода “заикленность” сотрудников разведки и контрразведки на советском направлении, заслонившем в их глазах германское. Директорами Индийской политической разведки являлись будущий генеральный директор МИ-5 Дэвид Петри (1924 — 1931), Хорейс Уильямсон (1931 — 1936) и Джон Юарт (1936 — 1939), в Центральном разведывательном бюро в Нью-Дели работал также известный специалист по коммунизму и контрразведке Феликс Каугилл. Британская разведка установила в Индии пост радиоперехвата и дешифрования в Герате, который во взаимодействии с постом в Шанхае обеспечивал радиоконтроль по значительной части Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнему Востоку.

Как уже указывалось, сферой действия ИПИ являлись прилегающие к Индии территории, а внутренней разведкой и контрразведкой в стране ведал созданный в 1918 году Центральный разведывательный департамент (СИД), два года спустя переименованный в Центральное разведывательное бюро (СИБ). Однако операции СИБ зачастую выходили за пределы Индии, а ИПИ подчас действовала и внутри нее, что приводило к конкуренции этих разведорганов в Северо-Западной пограничной провинции и Зоне племен, Афганистане, Тибете, и пограничных районах Советского Союза. Тем не менее, основным направлением деятельности СИБ, помимо обеспечения политического контроля, оставалась контрразведка против спецслужб СССР, Коминтерна, Афганистана и ряда государств Европы. Территориальными органами СИБ являлись Особые отделы в управлениях полиции провинций, которым после 1930 года наряду с обеспечением внутренней безопасности, было поручено также и ведение законной пограничной разведки.

3. ПАЛЕСТИНА

Вплоть до окончания Первой мировой войны Палестина являлась колонией Турецкой империи. До конца 19-го столетия население этого региона было практически целиком арабским, но с 1904 года там начали появляться разрозненные еврейские поселения. По призыву международного сионистского движения евреи из разных частей света постепенно начали перебираться на земли предков, чтобы обрести там свою историческую родину. Первая иммиграционная волна, получившая название “старый ишув”, была враждебно встречена обитавшими в Палестине арабами. Разница религий этих двух народов была хотя и существенным, но все же второстепенным фактором, а основным источником конфликтов, как всегда, служили экономические и бытовые проблемы. Главными причинами раздоров являлись безработица, ограниченные возможности сбыта продукции и распределение земельных участков в регионе. Местные арабы не желали тесниться на весьма ограниченном пространстве Палестины и давать место тысячам прибывающих поселенцев, поскольку совершенно не усматривали необходимость в чем-либо ущемлять себя ради пришельцев.

Их подавляющее преимущество поставило немногочисленных евреев в положение людей второго сорта, в значительно большей степени зависящих от прихоти коренных обитателей региона, чем от официальной политики властей. Периодически пришельцы подвергались насилиям, при этом турецкая полиция представляла для евреев весьма слабую, скорее символическую защиту.

Переселение на историческую родину, в слабо обжитую местность со скверным климатом и агрессивным окружением могло прельстить лишь две категории потенциальных иммигрантов: немногочисленных фанатичных приверженцев иудаизма и сионизма и, главным образом, неустроенных обитателей городов Европы, надеявшихся начать в Палестине новую жизнь. К огорчению последних, вскоре от призрака декларируемого равенства между поселенцами не осталось и следа. Постепенно сформировалась политическая и военная элита еврейских организаций, фильтровавшая приезжих на более и менее нужных, в результате чего социальное и идеологическое расслоение в их среде сглаживались крайне незначительно. К этому периоду (1904 — 1914 годы) в Палестину прибыла уже вторая волна иммиграции, которую, впрочем, сами евреи именовали репатриацией, то есть возвращением на родину. По мере возрастания их численности реакция арабов на незваных соседей становилась все острее. Однако иммигранты так называемой “второй алии”, приехавшие в основном из Российской империи, были отнюдь не столь беззащитны, как их предшественники. Многие из них прошли школу революционной борьбы и отрядов еврейской самообороны против черносотенных погромов, не менее опасных, чем арабская враждебность. Палестину они воспринимали как свою новую родину, безопасность жизни на которой иммигрантам предстояло обеспечить и для себя, и для своих далеких потомков. Люди “второй алии” решили заявить о себе как о силе, с которой следует считаться. Результат был легко предсказуем. Мелкие стычки на бытовой почве постепенно разрастались, обе стороны стихийно формировали организованные группировки, и, наконец в ход пошло оружие. В 1907 году в Палестине возник ряд групп еврейской самообороны: “Национальная гвардия”, “Гардистан”, “Щит”, “Блюститель” и другие. Первой относительно стабильной организацией среди них стал “Ха-шомер” (“Страж”). Основной идеей таких групп являлась опора на собственные силы, поскольку евреи впервые почувствовали себя находящимися на родной земле (“Эрец-Исраэль”). Арабы воспринимали это совершенно иначе.

По окончании Первой мировой войны колонии бывшей Турецкой империи оказались лишенными прежнего хозяина. Судьба их была различной, Палестина же на основании выданного Лигой наций мандата в 1920 году попала под управление Британской империи. Этот акт пробудил в среде еврейского населения немалые надежды, поскольку тремя годами ранее министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур опубликовал декларацию о намерении образовать “еврейский национальный очаг”, что полностью соответствовало резолюции прошедшего в Базеле Сионистского конгресса. Но радужным упованиям суждено было вскоре рассыпаться. Новая власть решила сделать ставку на поддержку арабов и в несколько невнятной форме дали понять, что в дальнейшем Палестина будет передана под их управление. Тем не менее, мусульманские лидеры не желали ждать и решили ускорить наступление этого будущего. Арабы начали нападать на еврейские поселения, защиту которых попытались обеспечить отряды самообороны, однако сил этих разрозненных подразделений было недостаточно, и зачастую они сами становились жертвами атак.

Иосиф Трумпельдор

Известен случай гибели в бою с арабскими бойцами 1 марта 1920 года восьми бойцов отряда самообороны Тель-Хая во главе с бывшим офицером русской армии Иосифом Трумпельдором. Становилась очевидной необходимость создания регулярной системы обороны, задачу организации которой руководство еврейской общиной возложило на Зеэва Жаботинского. Он попытался создать армию из бойцов действовавшего в годы войны в составе британских войск добровольческого Еврейского легиона, в которой функции собственно самообороны оказались отодвинутыми на второй план. Кровавые события 1920 и 1921 годов, известные в арабских кругах как “Мавсим пророка Мусы”, и восстание в Яффе показали несостоятельность этих расчетов. Еврейские поселения и кварталы по-прежнему не имели защиты.

Отвечавшая за порядок в Палестине британская администрация была вынуждена срочно организовать Департамент криминальных расследований (КИД) с еврейской и арабской секциями. Однако обычными нарушениями общественного порядка дело далеко не ограничивалось. Стремление сионистов к созданию в Палестине собственного независимого еврейского государства затрагивало глобальные интересы Британской империи и потому относилось к компетенции органов, обеспечивающих ее безопасность. Сионистское движение состояло из двух течений. Оба они считали арабов врагами, но умеренное большинство выступало за борьбу против них с использованием помощи Великобритании и искало взаимопонимания с местными властями, а противостоящее им экстремистское меньшинство полагало англичан врагами ничуть не меньшими и одинаково ожесточенно боролось против тех и других. Следует отметить, что дальнейшие события в Палестине подтвердили правоту меньшинства, хотя для этого потребовалось определенное время. Однако в обоих случаях логика развития событий неизбежно приводила евреев к созданию собственных военизированных формирований.

Нарастание напряженности в регионе не ускользнуло от внимания советского руководства, но оно пришло к совершенно ошибочным выводам относительно ее причин. В Москве попытались применить для анализа ситуации марксистский классовый подход и полностью упустили из виду национальную и религиозную составляющие конфликта. Кроме классового аспекта, в СССР усматривали почву для развития палестинского национально-освободительного движения, на содействие которому была сориентирована уже упоминавшаяся резидентура ИНО в Яффе. Советский Союз не преминул попытаться использовать сионистов против своего главного противника — Великобритании. Вначале разведка намеревалась через Палестину внедрять нелегалов на Британские острова, но потом выяснилось, что это лишено смысла, поскольку лица с палестинскими паспортами немедленно брались под плотное полицейское наблюдение. Тогда стамбульская резидентура ограничилась засылкой в “Хагану” нескольких агентов. Они должны были обеспечить выполнение решения руководства СССР не поддерживать в арабо-еврейском конфликте ни одну из сторон, а пытаться сплотить их в единую палестинскую коммунистическую партию и мобилизовать для совместной борьбы против местной буржуазии и английских колонизаторов. Появление таких нереальных планов можно объяснить только отсутствием элементарной информации о положении в Палестине и непониманием сути противоречий между сторонами конфликта. Итог их ясен. Позднее, примерно в 1929 году, руководство Коминтерна уяснило иллюзорность надежд на использование сионистов в интересах мировой революции и попыталось резко изменить курс, провозгласив “большевизацию и арабизацию Палестины”. Эта доктрина не просто была обречена на провал, она испортила отношения ИККИ со многими коммунистами-евреями и нанесла заметный ущерб его деятельности во многих странах.

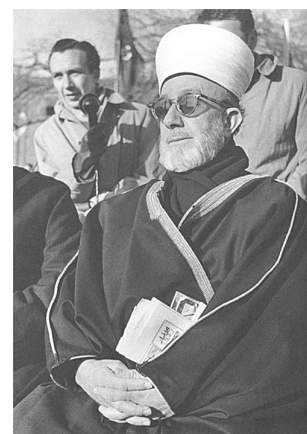
Пока ведущие государства мира изыскивали возможности использовать обстановку в Палестине в своих интересах, проживавшие там евреи планировали справиться со своими проблемами главным образом собственными силами. В то же самое время арабы были полны решимости не дать соперникам укрепиться и изгнать их из региона, пока они еще слабы. Вооруженной силой мусульманского движения стали нелегальные формирования партизанского типа “Джихадийя” (“Борцы”) и “Аль-Джихад Аль-Мукаддас” (“Священный джихад”) под руководством Изз ад-Дина аль-Кассама и Абд аль-Кадира аль-Хусайни, а также малочисленные вооруженные формирования наподобие “Аль-Кафф аль-Ахдар” (“Зеленая рука”). Искать защиту от них у мандатных властей было бесполезно, ожидание могло лишь усугубить положение.

Ситуацию требовалось разрешать совершенно иначе. Как и во всем мире, в этот период в Палестине активизировались рабочие партии, одна из которых, Ахдут ха-Авода, в июне 1920 года приняла на себя ответственность по обеспечению безопасности еврейского населения. На этой стадии безопасность пока еще трактовалась исключительно с точки зрения физической защиты, но не оперативных действий. Остальные рабочие партии и организации решили не отставать от Ахдут ха-Авода и в декабре того же года на первом съезде Всеобщей федерации еврейских трудящихся приняли резолюцию о создании нелегальной вооруженной организации еврейской самообороны, фактически подпольной армии “Хагана” (“Защита”). С первых шагов своего существования в ней зрел раскол. Партийное руководство вооруженной организацией привело к перенесению на нее принципов фракционной борьбы, и в результате в комитете по руководству “Хаганой” образовались большинство во главе

с Элиаху Голombом и меньшинство из ветеранов “Ха-шомер” во главе с Исраэлем Шохатом. В конце 1922 года эти последние вышли из организации вместе с бойцами рабочих батальонов имени Иосифа Трумпельдора.

В течение первых двух лет своего существования “Хагана” проводила подготовку молодежи в военизированных лагерях, нелегально ввозила иммигрантов сверх установленных британским правительством весьма жестких квот, доставляла контрабандой оружие и боеприпасы, а в 1921 года открыла в Кфар-Гиладии курсы примитивной тактической разведки. Сионистское руководство не теряло надежд на достижение взаимопонимания с англичанами и в 1922 году попыталось передать подпольную армию под их контроль, но встретилось с жестким противодействием со стороны командования “Хаганы” — Иосифа Гехта и Шауля Меирова (Авигур). Ответом на их протест стало прекращение финансирования, фактически означавшее конец существования вооруженных отрядов. Эти маневры сопровождались рядом шагов британской администрации навстречу арабскому населению Палестины, в том числе ее разделом на западную и восточную части и образованием в Иерусалиме Высшего мусульманского совета. Теоретически этот орган должен был возглавляться избираемым на пятилетний срок президентом, однако в декабре 1921 года его главой стал не избранный, а назначенный англичанами Хадж Амин аль-Хусейни, весьма примечательная в арабском мире личность. Фактически его приход к власти являлся ее узурпацией и стал сущим несчастьем для еврейского населения Палестины. Этот фанатичный фундаменталист олицетворял собой бескомпромиссную и непримиримую борьбу с евреями и объединил мусульманское население Палестины, до этого времени, строго говоря, не отождествлявшее себя с остальными арабами и в период турецкого владычества пытавшееся заслужить право считаться османами. Вопреки практике ислама, Президент высшего мусульманского совета сам присвоил себе не предусмотренный канонами титул Великого муфтия и требовал именовать себя “высокопреосвященством”. При всем том он не имел права даже на титул муфтия, поскольку никогда не заканчивал курс в мусульманском университете. Несмотря на отсутствие базовой подготовки, Хадж Амин аль-Хусейни обладал выдающимися политическими качествами и очень скоро стал фактическим диктатором мусульманской части Палестины. Современники характеризовали его как жесткого, амбициозного, коварного и при этом неподкупного деятеля, что для Востока было определенной редкостью. Возможно, его стойкость к коррупции объяснялась тем, что муфтий просто не нуждался в деньгах, поскольку контролировал десятки тысяч фунтов мусульманской общины, 50 тысяч фунтов благотворительного сиротского фонда и некоторые другие средства. Попытки некоторых мусульманских авторитетов призвать его к отчету по поводу распоряжения средствами неизбежно заканчивались либо необъяснимым бесследным исчезновением или внезапной гибелью этих людей, либо их столь же неожиданным отказом от всех претензий. Жалобы англичанам не приносили желаемого результата и быстро прекратились. Хадж Амин аль-Хусейни быстро приобрел подлинное влияние и власть. Он распоряжался шариатскими судами и исламским религиозным судом в Палестине, назначал мулл и учителей, контролировал средства связи, руководил сетью пропагандистов и назначением государственных чиновников. Муфтий всей душой ненавидел британцев, и они вскоре ощутили, что сами создали для себя большую проблему. Хадж Амин стремился к верховной власти и был уверен, что после окончания мандата Лиги наций на управление Палестиной именно он станет руководителем государства. Но на пути к этому стояли проживавшие там евреи, которых муфтий желал уничтожить до последнего человека или изгнать с Ближнего Востока. С этой целью он стал активно дестабилизировать положение в стране и вскоре добился первых результатов. Вскоре Хадж Амин обнаружил, что в Европе у него появились единомышленники. В марте 1933 года он направил приветственную телеграмму Гитлеру и собирался установить с нацистами долгосрочное сотрудничество на антисемитской основе, однако оказалось, что в одном весьма существенном пункте их программы расходятся: НСДАП планировала высылку всех германских евреев в Палестину, а это было именно то, чего Хадж Амин опасался более всего.

Весь этот процесс был хотя и не полностью известен сионистскому движению, но все же достаточно открыт для того, чтобы

Хадж Амин
аль-Хусейни

уяснить его основные направления. Отслеживанием их занимался Политический департамент основанного в 1929 году Еврейского агентства (Всемирной сионистской федерации). В дальнейшем он станет вплотную причастен к оперативной работе, однако до начала 1930-х годов об этом еще не было речи. В этот период практически лишенная финансирования “Хагана” постепенно приходила в упадок. В ее трех основных филиалах в Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме насчитывалось менее тысячи бойцов, еще меньше числилось в нескольких десятках сельских ячеек. Семь лет спокойствия в регионе привели к утрате бдительности по отношению к беспокойным соседям евреев, и поэтому новая вспышка насилия в августе 1929 года застала врасплох не имевших разведывательных органов “Хагану” и недавно созданное в Палестине Еврейское агентство (“Сохнут”). Благодаря хорошо скоординированной деятельности подстрекателей арабское население по всей Палестине почти одновременно восстало и в течение одной недели сожгло или разграбило множество поселений и городских кварталов. При этом погибли 133 и получили ранения 339 евреев. Основной объединившей повстанцев идеей стал подстрекательский слух о том, что конечной целью сионистов является разрушение мусульманских святынь на Храмовой горе в Иерусалиме и восстановление на их месте разрушенного в древности храма Соломона. Британские власти при содействии “Хаганы” смогли подавить беспорядки, но стало ясно, что полагаться на защиту администрации было бы непростительной наивностью. Национальный комитет евреев Палестины (их высший выборный орган) сформировал Совет обороны под председательством Пинхаса Рутенберга, вскоре централизовавшего командование “Хаганы”. Ее командиром был назначен Элиаху Голomb, власть которого, однако, не выходила за рамки военных вопросов. Именно в это время необходимость создания собственной секретной службы наконец-то стала для Национального комитета и “Сохнут” очевидной. В 1929 году в составе “Хаганы” образовалась Служба информации Шерут Едиот (Шаи) с задачами сбора информации в Палестине и за ее пределами, агентурного проникновения в британскую администрацию, надзора за собственными еврейскими общинами и их контрразведывательно-го обеспечения. Шаи состояла из следующих подразделений, часть из которых не создавалась формально, а всего лишь подразумевалась:

- отдел в Тель-Авиве;
- отдел в Иерусалиме;
- отдел в Северном Негеве;
- Политический отдел (внешняя разведка);
- Еврейский отдел (внутренняя безопасность и борьба с диссидентами);
- Арабский отдел (сбор и анализ информации по арабскому населению Палестины).

В конце 1920-х годов в мире действовали различные сионистские организации, благодаря которым Шаи финансировалась и обеспечивала свои вспомогательные операции. Доктрина ее создания изначально предусматривала компактную и недорогую, зато весьма динамичную и жестко реагирующую на действия противника секретную службу. В этот период деятельность и Шаи, и “Хаганы” носили исключительно оборонительный характер. К ведению оперативной работы подключился Политический департамент “Сохнут”. Ее основными направлениями являлись сбор политической и военной информации на Ближнем Востоке и в других странах и создание агентурной сети для наблюдения за еврейским населением во всем мире. Опорой этой последней стала еврейская диаспора во всем мире, хотя это, безусловно, не означает, что все евреи, как один, готовы были подвергнуть свою в той или иной степени налаженную и стабильную жизнь риску участия в тайных операциях.

Все это протекало на фоне обострившихся разногласий с британской администрацией. Не отрицая конечной цели мандата Лиги наций по созданию в Палестине “еврейского национального очага”, она, тем не менее, проводила активную проарабскую политику. В 1930 году власти официально ввели ограничения на иммиграцию евреев и покупку ими земельных участков. Новые распоряжения подтолкнули правозэкстремистское меньшинство в сионистских организациях вступить на путь решительной борьбы с англичанами. В апреле 1931 года командир иерусалимского отделения “Хаганы” Авраам Тэоми объявил о выходе из нее и создании независимой подпольной боевой группы под названием “Хагана Леумит” (“Национальная оборона”). В дальнейшем ее наименование изменили на “Иргун Бет” (“Организация 2”), а затем на “Иргун Цваи Леуми” (“Национальная военная организация”), или сокращенно “Эцель”. Ее ядро составили в основном приверженцы идеи несоциалистического пути развития, именовавшие себя “общими сионистами”. В 1935 году, после выхода группы ревизионистов из Всемирной сионистской организации и образованием ими Новой

сионистской организации, ряды “Эцель” существенно выросли. К середине 1930-х годов она насчитывала почти 3 тысячи бойцов и имела собственную разведывательную службу. В течение некоторого времени руководство “Эцель”, именовавшейся тогда “Иргун Бет”, поддерживало хорошие отношения с “Хаганой”, что вызывало недовольство ее экстремистски настроенного ядра. В принципе, обе подпольные организации ориентировались на достижение одной и той же цели, однако шли к ней различными путями. При этом активная пропагандистская деятельность “Эцель” против официальной политики сионистского руководства часто вызывала негативную реакцию не только у лидеров движения, но и в широких массах еврейского населения. Вся его политика соответствовала позиции руководителя “Новой сионистской организации” Жаботинского, сознательно и последовательно проводившего линию на разрыв с все более дрейфовавшей в сторону легализации “Хаганой”.

Тем временем относительно спокойный период в жизни населения Палестины был прерван очередной вспышкой насилия. 15 апреля 1936 года несколько вооруженных арабов заблокировали дорогу между деревней Анабта и британским лагерем Нур Шамс и отнимали деньги у проезжавших соплеменников под предлогом необходимости покупки оружия и боеприпасов для борьбы за Палестину. Когда же на дороге появился грузовик с тремя евреями, бандиты расстреляли машину, убили одного из них и смертельно ранили другого. Умиравший успел рассказать полиции об обстоятельствах нападения и описать своих убийц. 17 апреля во время его похорон в Тель-Авиве стихийно возникла массовая антиарабская и антибританская демонстрация. Евреи требовали мести, избивали нескольких случайно встретившихся арабов, но уже к вечеру следующего дня успокоились. Поднятые на усиление полиции войска вернулись в свои лагеря, “Хагана” также отменила объявленное состояние общей тревоги. Однако 19 апреля по Яффе пронесся ложный слух об убийстве евреями трех сирийцев и арабской женщины, после чего толпы арабов учинили погром. Полиция применила оружие, войска вновь были подняты по тревоге, а в Яффе и Тель-Авиве объявили комендантский час. С этого момента волнения не утихали, до августа от рук арабов погибло около 80 евреев. Восстание открыто возглавил Хадж Амин аль-Хусейни, лично организовавший доставку в регион оружия через Сирию и Трансиорданию. “Хагана” и “Иргун Бет” постоянно отражали их атаки, неизменно очень жестко реагируя на погромы и террористические акты. Их бойцы убили несколько десятков арабов, всего же с обеих сторон насчитывалось несколько сотен погибших и раненых. Беспорядки причинили ущерб в размере 7 миллионов фунтов, полиция арестовала множество их зачинщиков. Это была самая острая ситуация в Палестине с 1929 года, хотя, конечно, она не идет абсолютно ни в какое сравнение с тем, что предстояло пережить населению этого многострадального края в дальнейшем.

В этот период командир местной организации “Хаганы” обратился к уроженцу Яффы Эзре Данину с просьбой отыскать убийц троих евреев на дороге между Анабта и Нур Шамс, не подозревая, что таким образом дает путевку в жизнь одному из основателей будущей секретной службы Израиля. Тот с энтузиазмом принялся за выполнение поручения, однако в ходе работы обнаружил, что конкретная задача интересует его значительно меньше, чем комплексное решение вопроса. Данин посвятил себя разработке теории разведывательной работы применительно к условиям Палестины и провозгласил принцип, до сих пор являющийся одним из ключевых положений израильской разведки: “Знать своего врага”. Он постоянно утверждал: “Мы враждуем не с арабами вообще, а с вполне конкретным арабом. Нам нужно знать, кто он. Какой-то молодчик устраивается вверху на холме или внизу в долине и стреляет, а все мы вопим, паникуем и прыгаем в траншеи, тогда как следует разбираться с конкретным Али или Мухаммедом. Мы должны выявить его и действовать против него”¹⁸⁰. Данин настаивал на необходимости анализировать каждый факт, каждую конфликтную ситуацию, чтобы отличить врага от союзника, и очень скоро стал считаться главным специалистом еврейской разведки по арабам. Были у него и недоброжелатели. Например, руководитель разведки “Хаганы” в Хайфе бывший украинский архитектор Эммануэль Виленский, с 1933 года снабжавший ее информацией об англичанах, арабах и о самих евреях, весьма скептически относился к Данину, поскольку являлся приверженцем строго научного метода в оперативной работе и не одобрял драматических приукрашиваний и эмоциональности в докладах своего коллеги. В дальнейшем их конфликт привел в 1939 году к уходу Виленского из разведки, его оппонент же продолжил активную деятельность.

Как уже отмечалось, оперативную работу в регионе вел и Политический департамент “Сохнут”. С февраля 1937 года ответственным за “разведку в области безопасности” (заимствование британского термина) в нем стал молодой преподаватель иврита и коррес-

пондент “Палестинского бюллетеня” Рувен Заслани, сын иммигранта из России раввина Засланского. Имя он изменил после вступления в “Хагану”. С 1931 по 1934 годы Заслани работал в Ираке и в этот период установил хорошие контакты с разведкой ВВС Великобритании (АИ), весьма заинтересованной в получении информации о нефтеносном районе Мосула. По возвращении в Палестину это позволило ему войти в доверительные отношения с британскими полицейскими властями, что было непременным условием успеха всякой оперативной работы в регионе. Ввиду крайнего своеобразия личности Заслани общаться с ним было весьма непросто. Не следящий за своим внешним видом и весьма неопрятный молодой человек был прямо-таки помешан на конспирации и полностью погружен в мир секретных операций. Рассказывали, что он не верил никому и ничему, а своих учеников всерьез инструктировал никогда не называть место своего назначения даже таксисту, в машине которого они едут. Позднее этот любитель конспирации станет именоваться Рувеном Шилоа и под этим именем войдет в историю разведки.

Рувен Заслани

Заслани впервые связал “Сохнут” и “Хагану”, которые вскоре стали использовать единый план оперативной работы и вели общую картотеку на арабов. Учет неблагонадежных евреев в Шаи и Политическом департаменте велся раздельно. Каждая из организаций имела собственные секреты и охраняла их от своих коллег не менее тщательно, чем от противника. Методы работы Шаи и Политического департамента также отличались друг от друга, в первую очередь из-за насаждения Данином агентуры из числа арабов. Он стал первым из руководителей сионистской секретной службы, активно и в широких масштабах использовавших в оперативной работе людей из лагеря противника. В отличие от евреев, эта категория агентов могла, не вызывая подозрений, работать среди соотечественников. Характерно, что материальные соображения оказались не самым существенным побудительным мотивом для сотрудничавших с разведкой “Хаганы” арабов, чаще они руководствовались такими стимулами, как возможность руками евреев устранить либо иным образом нейтрализовать

своих торговых конкурентов или других нежелательных для них лиц. В 1936 году Арабское отделение Политического департамента для провоцирования розни и раскола среди арабов использовало именно этот канал. Наряду с доверенными лицами и агентами, сионисты применяли широкий спектр иных средств, от примитивного подкупа до распространения фальшивых листовок провокационного содержания за подписью несуществующих экстремистских арабских организаций. Активные мероприятия дополнялись использованием в подрывной пропаганде подлинной информации, добытой при подслушивании телефонных переговоров или негласном перехвате корреспонденции лидеров группировок противника.

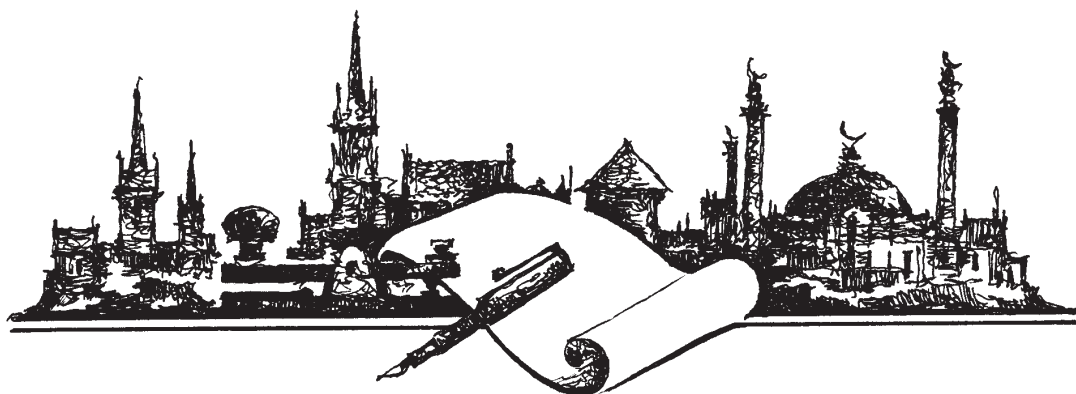
Однако эти меры помогали мало. Террор в Палестине нарастал, разведка “Хаганы” не успевала упреждать события, и тогда Данин предложил сформировать в ней настоящую, структурно оформленную секретную службу. В пользу этого он приводил довольно веские аргументы: “Нападения на нас кажутся спонтанными, и из-за неготовности к ним мы несем потери с самого начала. Поскольку правительство либо не информировано об этом, либо не желает прекращать беспорядки, мы должны найти выход в организации нашей собственной разведывательной службы в “Хагане”. Разведывательная работа должна вестись постоянно, даже в периоды затишья, как это делается в каждой стране. Таким образом мы сможем предсказать и, возможно, предотвратить будущие вспышки”¹⁸¹. В качестве средств и способов рутинной разведывательной работы Данин предлагал постоянно контролировать переписку и телефонные переговоры лидеров и активистов арабских организаций, вести их учет и знать о них все: от адресов и номеров машин до списка их родственников и друзей. Он настаивал на внедрении на интересующие объекты или в окружение интересующих лиц не менее двух агентов, не знающих о существовании друг друга, для достижения перекрытия получаемой информации и осуществления проверочных мероприятий “втемную”.

Предложения Данина были приняты и реализованы, и на этом первый этап формирования сионистских оперативных органов закончился. Впереди их ожидало жесткое противостояние не только и не столько с арабами, сколько с британскими спецслужбами.

ЧАСТЬ 2
ОТ МИРА К ВОЙНЕ

ТРЕТИЙ РЕЙХ

1. ДЕБЮТ РЕЖИМА

30 января 1933 года Адольф Гитлер принес присягу на должности канцлера Германии, после чего в ближайшую же ночь отряды СА развернули по всей стране террор против коммунистов, социалистов и некоторых левых профсоюзных организаций. Уже 1 февраля уверенный в абсолютной победе кандидатов от НСДАП Гитлер добился от президента роспуска прежнего состава рейхстага и назначения новых выборов. 6 февраля вступил в действие первый закон о чрезвычайном положении в стране, а три дня спустя началась чистка аппарата государственного управления от коммунистов и левых. В ответ ГКП с 25 февраля мобилизовала свои боевые группы и призвала к единству все прогрессивные силы Германии, но стремительно разворачивавшиеся события опередили действия антифашистов. 27 февраля в Берлине запылало здание рейхстага, а на следующий день фон Гинденбург подписал пакет так называемых “чрезвычайных законов от 28 февраля”. Новые законодательные акты отменяли свободу прессы и собраний, тайну переписки, неприкосновенность жилища и личности, а также легализовывали бессрочные задержания без юридических формальностей и негласные аресты. В этой обстановке нацисты не сомневались в своей абсолютной победе на выборах 5 марта, однако неожиданно для себя так и не достигли ее. В новом составе рейхстага они получили 288 мест, социалисты — 118, коммунисты — 81, центристы — 70, немецкая национальная партия — 52, а баварские популисты — 28, после чего перед НСДАП замаячил кошмар объединения левых сил и создания ими парламентского большинства. Но проблема, как и все у нацистов, решилась просто. Под страхом физической расправы они не допустили коммунистов к участию в заседаниях, автоматически увеличив “удельный вес” НСДАП до 52% рейхстага, и таким нехитрым путем сняли все возможные проблемы.

1 апреля нацисты призвали население Германии к бойкоту еврейских магазинов и товаров, а 7 апреля установили централизованное управление государством, распустили парламенты всех земель, за исключением Пруссии, и ввели институт рейхсштатгальтеров — представителей центральной власти на местах. 24 апреля правительство ликвидировало 28 профсоюзов из Всеобщей конфедерации труда и взяло под полный контроль немецкое рабочее движение. В этих условиях нацистам потребовался принципиально новый аппарат государственной безопасности, поскольку развязанный СА дикий террор был хорош лишь на первой стадии захвата власти и совершенно не годился для стабильно развивающегося государства, каким Гитлер мечтал видеть Германию. Самоуправство уверенных в своей безнаказанности штурмовиков угрожало даже функционерам нового режима, многие из которых имели реальные основания опасаться похищения. Служивший в тот период в министерстве внутренних дел Г. Б. Гизевиус вспоминал: “Никогда не забуду, какие меры предосторожности приходилось нам принимать. Большое впечатление производил на меня всегда взведенный пистолет Небе, при помощи которого этот криминальный комиссар в ранге старшего

правительственного советника намеревался защититься от применения к нему патентованного метода ареста. Небе постоянно носил в нагрудном кармане мундира заранее подготовленный им приказ о собственном аресте. Этот хорошо знавший жизнь блюститель закона не сомневался, что, несмотря на его высокий чин, СА в какой-то неожиданный момент “умыкнет” его. Тогда он вынет из кармана упомянутый приказ о своем аресте и заявит, что уже давно арестован гестапо. Двух минут этого ошеломляющего эффекта ему хватит, чтобы открыть огонь из-за угла ближайшего поворота длинного коридора”¹⁸². К концу 1933 года штурмовые отряды многократно превосходили по численности рейхсвер и вполне могли влиять на расстановку сил внутри партии, что в планы фюрера никак не входило. Наконец, для серьезной работы требовались квалифицированные и одновременно преданные кадры, а служащие оставшейся от Веймарской республики политической полиции в своей массе относились к нацистам резко отрицательно.

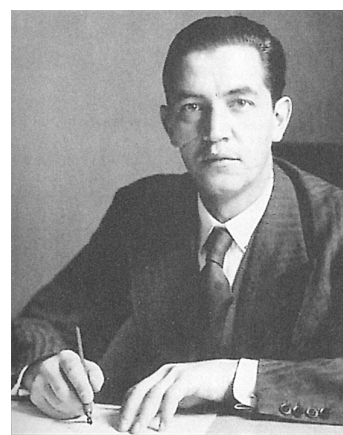
Руководители НСДАП ясно понимали это и уже 8 февраля устроили основательную чистку правоохранительных органов, в результате которой из общего состава полиции на прежних должностях осталась треть работников, а в политических секциях и того меньше. Из политического отдела прусской полиции были изгнаны 1457 сотрудников¹⁸³. В целом органы политической полиции, с одной стороны, были крайне ненадежны, а с другой стороны — слишком слабы для создания эффективного противовеса распоясавшимся СА. Требовалось найти какое-то принципиально иное решение, и 4 апреля 1933 года министр-президент Пруссии Герман Геринг издал указ об учреждении нового института, первоначально получившего наименование Особого отдела по борьбе с большевизмом. По странной логике или иронии его разместили в бывшем доме Карла Либкнехта. В конце отдела эту структуру переименовали в Управление тайной государственной полиции, первоначально сокращавшееся “гестапа”, но вскоре получившее известность как гестапо. Оно находилось в общей системе министерства внутренних дел только теоретически, подчинялось исключительно Герингу и было призвано выполнять задачи политической полиции путем подавления коммунизма, инакомыслия и всех враждебных режиму проявлений. В сферу ответственности гестапо входила также и контрразведка, однако на первых порах ей уделялось мало внимания, поскольку Геринг и Гитлер, в общем, справедливо усматривали главную опасность для нового режима в действиях внутренних противников. Структура подчиненной министру-президенту Пруссии тайной государственной полиции выглядела следующим образом:

- отдел организации и управления;
- юридический отдел;
- отдел политической полиции;
- отдел шпионажа и контршпионажа.

Герман Геринг

Первым начальником тайной государственной полиции и автором самой идеи ее создания стал бывший сотрудник Политического отдела (1А) МВД Пруссии Рудольф Дильс. Он не только сумел войти в доверие к Герингу, но даже стал его отдаленным родственником, женившись на вдове его младшего брата Карла. Министр внутренних дел Вильгельм Фрик любыми путями пытался установить собственный контроль над новым ведомством и поэтому приказал собрать на его руководителя компрометирующий материал, но безуспешно. Под-

Рудольф Дильс

линная угроза поджидала начальника гестапо не с этой стороны. Стремившиеся поднять под себя полицию СС постепенно пытались поглотить гестапо, однако Геринг категорически не допускал этого. В частности, он отклонил просьбу рейхсфюрера СС Гимmlера о переводе управления СС из Мюнхена в Берлин и согласился допустить это лишь для СА. Путь переговоров для охранных отрядов был закрыт, и для достижения своей цели их руководство решило в первую очередь устранить начальника гестапо. Группа эсэсовцев вторглась в его

дом, но жена Дильса сумела позвонить ему на службу и сообщить о происходящем. Начальник гестапо срочно собрал группу подчиненных и, внезапно явившись в свою квартиру, арестовал руководителя налетчиков Герберта Пакебуша. Смалодушничавший Геринг не захотел защитить Дильса и по ходатайству Курта Далюге распорядился выпустить эсэсовца на свободу, после чего начальник гестапо понял, что следующее нападение на него может стать последним. В сентябре 1933 года его отстранили от руководства тайной полицией и одновременно назначили на пост вице-полицай-президента Берлина. На новом месте Дильс очень быстро обнаружил за собой наружное наблюдение и выяснил, что оно ведется по прямому указанию его бывшего шефа Геринга. После этого, опасаясь за свою жизнь, он бежал через чехословацкую границу в Карлсбад. Место Дильса в гестапо занял Пауль Гинклер, вконец спившийся, деградировавший и умственно отсталый человек. Вступление в новую должность он ознаменовал двухнедельным запоем, а затем задумал реорганизовать подчиненное ведомство самым нелепым образом. Такой шеф государственной безопасности не устраивал никого, и уже в конце октября Дильса вернули на прежнее место службы с гарантией безопасности. 9 ноября ему было присвоено звание штандартенфюрера СС. Дильс возглавлял гестапо до апреля 1934 года, после чего навсегда ушел из полиции. В дальнейшем он возглавлял городскую администрацию Кельна и руководил каботажными перевозками в концерне “Герман Геринг”, арестовывался по обвинению в участии в заговоре против Гитлера, но выжил и умер в 1965 году в возрасте 65 лет.

Практически сразу же после второго и уже окончательного ухода Дильса Геринг окончательно замкнул гестапо на себя и официально вывел его из системы МВД. В том же апреле 1934 года МВД было лишено права сохранять или создавать органы политической полиции помимо гестапо. Вскоре тайная государственная полиция стала общегерманской, что еще более обострило внутривластную борьбу за контроль над ней. Геринг всеми силами старался не выпустить из своих рук этот важнейший инструмент власти и влияния, но ввиду своей занятости на иных постах в 1934 году поручил повседневное руководство гестапо Райнхарду Гейдриху, примечательной личности в мире нацистских спецслужб. Номинально гестапо до 1936 года все еще подчинялось Герингу, однако реальные рычаги управления этим ведомством он выпустил из рук намного раньше, с тех пор, как в результате совместной интриги министра внутренних дел рейха Фрика и рейхсфюрера СС Гиммлера последний стал заместителем начальника гестапо и его инспектором. Достаточно быстро он захватил полную власть над тайной государственной полицией и не собирался останавливаться на достигнутом. Чувствуя за своей спиной мощную поддержку охранных отрядов, он считал себя достаточно влиятельным для предъявления претензий на ранг министра и права, равные с главнокомандующими видов вооруженных сил. Но Гитлер не собирался позволить ему взять так много власти, и рейхсфюрер СС получил лишь часть из того, чего добивался: 17 июня 1936 года он был назначен на пост верховного руководителя всех служб германской полиции. Другим опечалившим Гиммлера обстоятельством явилось назначение к нему заместителем Далюге, его главного соперника и прирожденного интригана. В дальнейшем он сумел нейтрализовать это препятствие тактически грамотной реорганизацией всех полицейских органов государства. Предпосылки к этому заключались вовсе не в аппаратных интригах, а в юридически ущербной ситуации, сложившейся в полицейских службах. В Веймарской

Генрих Гиммлер

Курт Далюге

Райнхард Гейдрих

республике, а позднее и на первых этапах существования Третьего рейха, органы охраны правопорядка разделялись на две большие группы: административные и политические. 26 июня 1936 Гиммлер выделил из исполнительной полиции криминальную и политическую и сформировал из них полицию безопасности (зипо) под руководством Гейдриха. Зипо состояла из криминальной полиции (крипо) и тайной государственной полиции (гестапо). При этом формально включенное в состав МВД гестапо практически никак от министерства не зависело. Остатки исполнительной полиции и административная полиция в полном составе составили полицию охраны правопорядка (орпо), которую возглавил Далюге. На этом посту соперник рейхсфюрера СС утратил основные рычаги власти и стал теперь менее опасен для него.

Поскольку в зипо не вошел ни один из элементов административной полиции, правами на производство обысков и допросов в ней обладало исключительно гестапо. Это создало ряд серьезных правовых проблем, для ликвидации чего Гиммлер ввел в зипо так называемые имперские консультационные центры. Ими являлись не входившие в политическую полицию земельные полицейские управления, административные права которых хотя бы с натяжкой можно было бы использовать для обоснования акций крипо. Вскоре эта система продемонстрировала свою нежизнеспособность и была изменена. Окончательно организационная структура управления политической полиции приобрела следующий вид:

- административно-правовой отдел (оберфюрер СС Карл Рудольф Вернер Бест);
- отдел политической полиции (штандартенфюрер СС Генрих Мюллер);
- отдел политической контрразведки (оберфюрер СС Бест по совместительству);
- отдел уголовной полиции (штурмбанфюрер СС Артур Небе).

Реформа 17 июня 1936 года оказалась половинчатой, поскольку касалась исключительно центрального аппарата полиции, но не отменяла прежнюю подчиненность низовых структур уголовной полиции полицейским аппаратам округов и районов. Фактически система криминальной полиции оказалась разорванной надвое, причем руководители земельных органов отнюдь не выражали стремление подчиняться новому столичному начальству. Гейдрих не пожелал мириться с возникшей неразберихой и ввел институт инспекторов зипо в округах. Такой шаг лишил строптивых полицей-президентов большинства власти и помог справиться с главной проблемой управления политической полиции, заключавшейся в отсутствии координации между гестапо и крипо. Это обстоятельство было весьма существенным, поскольку последняя имела существенно большие ресурсы, без использования которых тайная государственная полиция не могла эффективно функционировать. По распоряжению Гиммлера Гейдрих установил в гестапо принятые в охранных отрядах принципы. Нацистская теория гласила: “став национал-социалистической, полиция призвана... 2) оберегать германский народ от всех попыток его уничтожения со стороны внутренних и внешних врагов. Чтобы достичь этой цели, полиция должна быть всемогущей”¹⁸⁴. Именно к этому и стремилось руководство СС и СД, и именно такого положения полиция рейха в дальнейшем и достигла. Практически все формы организованного внутреннего сопротивления прекратили свое существование, и в обществе воцарилось отчасти вынужденное, отчасти искреннее спокойствие.

Совещание высшего руководства органов безопасности рейха.
Слева направо: К. Далюге, А. Небе, Г. Гиммлер, Р. Гейдрих, Г. Мюллер

Однако к середине 1930-х годов выявился и ряд существенных недостатков новой системы. Наличие в составе зипо значительного числа бывших полицейских Веймарской республики не позволяло СС в полной мере доверять им, а сил вполне надежного гестапо было недостаточно для охвата всего спектра интересующих нацистов проблем. Решить проблему могла только секретная информационная служба. Таковая в распоряжении СС и партии имелась, хотя ее состояние и уровень развития еще далеко не соответствовали тому, что требовалось Гиммлеру. Речь идет о Службе безопасности (СА), восхождение которой начиналось весьма скромно. Первоначально НСДАП вообще не имела централизованной секретной службы. Отдельные задачи выполняла Информационная служба СА, а позднее в составе СС на отдельных офицеров начали возлагать ряд функций, отдаленно приближавшихся к оперативным. По личному указанию Гитлера в штабе охранных отрядов была создана служба внутренней безопасности, немедленно переключившаяся на шпионаж за партиями политических противников НСДАП. По аналогии с военной разведкой ее кодировали как *Иц*, но никакого сравнения с профессиональной организацией она выдержать не могла ни по уровню квалификации сотрудников, ни по их численности, ни по финансированию. Это были любительские потуги имитации серьезной работы, не удовлетворявшие никого из заинтересованных лиц. Гиммлер решил исправить ситуацию и занялся поиском кандидата на роль создателя спецоргана охранных отрядов. Случай свел его с молодым, лишь недавно изгнанным с флота офицером по имени Райнхард Тристан Ойген Гейдрих, который 14 июня 1931 года смог сформулировать устроившую рейхсфюрера СС концепцию оперативного органа. Прием на службу занял некоторое время, и Гейдрих был зачислен в состав СС в звании штурмфюрера лишь 1 октября, зато впоследствии очередные звания присваивались ему весьма быстро.

Почти сразу же новый начальник *Иц* вывел возглавляемое им подразделение за пределы штаба СС и разместил его в двухкомнатной квартире в доме № 23 по мюнхенской улице Тюркенштрассе. Пользуясь поддержкой рейхсфюрера СС, он немедленно распорядился о создании рефератов *Иц* в каждом секторе и округе и в штабе каждого штандарта (полка) СС. Вскоре после вступления Гейдриха в должность, в апреле 1932 года правительство Веймарской республики запретило СА и СС, из-за чего возглавляемый им спецорган был ненадолго переименован в Службу прессы и информации. И лишь в июле 1932 года он обрел наименование Службы безопасности рейхсфюрера СС (СА).

Первоначально в задачи СА входило выявление вражеских элементов в рядах НСДАП и наблюдение за партиями — ее противницами. Первой ее заметной акцией стало представление секретных пометок на избирательных бюллетенях для создания картотеки лояльных и нелояльных к НСДАП лиц. Однако после прихода нацистов к власти ограничивать сферу действия партийной спецслужбы этими рамками было уже невозможно, и Гиммлер с Гейдрихом начали работать над введением Службы безопасности в систему государственных органов рейха. Ее силы были для этого явно недостаточными, в 1933 году структура насчитывала 200 человек, из которых в штате числилась лишь половина. Но хуже, чем недостаток ресурсов, на СА сказывалась неопределенность ее задач. Различные исследователи зачастую расходятся во мнениях, что именно относилось к ее компетенции в 1930-е годы. Одни полагают ее разновидностью партийной полиции, другие считают органом внутренней разведки, третьи рассматривают ее создание как подготовку к броску нацистов за пределы Германии. Все это в равной степени не соответствует действительности. После 1933 года в руководстве НСДАП и СС отсутствовала ясность в потребных направлениях деятельности своей спецслужбы, не говоря уже об утверждении каких-либо руководящих документов в этой области. Фактически СА была брошена на самотек и стала своего рода самоуправляющейся организацией, укомплектованной в основном хорошо образованными интеллектуалами без опыта разведывательной, контрразведывательной или полицейской работы. Не желая дискредитировать себя работой в столь слабом и мало авторитетном органе, 27 января 1933 года Гейдрих ушел с поста начальника СА и в течение некоторого времени находился на должности офицера по особым поручениям при рейхсфюрере СС. Однако он никогда не выпускал СА из своего поля зрения, особенно после перевода ее штаб-квартиры из Мюнхена в Берлин, и постоянно пытался использовать ее возможности, которых пока было крайне мало.

Тем не менее, ничего лучшего в НСДАП пока не было, и в надежде на более широкое использование СА в дальнейшем заместитель фюрера Рудольф Гесс распорядился «не создавать в партии впредь никаких информационных, разведывательных или контрразведы-

вательных служб, кроме службы безопасности рейхсфюрера СС, даже в форме организации для внешнеполитических целей”¹⁸⁵. Из этой формулировки следует не только признание ее единственной секретной службой партии, но и косвенное позволение в дальнейшем осуществлять операции за пределами Германии. Однако до этого было еще далеко, а пока постепенно стала складываться концепция использования СД в качестве “мировоззренческой информационной службы” (Гиммлер), поскольку остальные ниши в системе контроля за политической обстановкой в рейхе оказались уже занятыми гестапо. В результате она стала превращаться в некое подобие Информационного отдела (ИНФО) ОГПУ, в который стекались сообщения от информаторов о положении в различных сферах общественной жизни и регионах страны. Так же, как и ИНФО, СД не проводила агентурных комбинаций, а ограничивалась исключительно сбором сведений, их оценкой, систематизацией и составлением на их основе информационных документов. Последние, кстати, нередко натывались на резкое неприятие руководства СС и НСДАП, поскольку зачастую нелицеприятно сообщали о последствиях проводимой ими политики. Негласному аппарату СД, в отличие от гестапо, категорически запрещалось осуществлять любые активные действия, они должны были только фиксировать факты и сообщать их своим руководителям. За рамки действовавших ограничений выходили лишь штатные сотрудники Службы безопасности и лишь по исключительным случаям и с санкции руководства. Одним из таких эпизодов стала подготовка и участие в проведении 48-часовой операции по уничтожению власти и влияния непомерно разросшихся штурмовых отрядов (СА). 30 июня 1934 года Гитлер руками СС при попустительстве армии осуществил, по его словам, “последний акт насилия в революции” — грандиозное кровопускание в партии, получившее неофициальное название “ночи длинных ножей”. Ударной силой этой акции явились СС, формально все еще входившие составной частью в СА. В официальном заявлении нацисты объявили о 71 погибшем, но это являлось, как обычно, ложью. По всей Германии внезапным ударом были уничтожены не менее 1000 человек, среди которых 200 были высокопоставленными чинами штурмовых отрядов во главе с начальником штаба СА Эрнстом Ремом. Как водится, при этом были устранены и многие мешавшие нацистам люди, никак с СА не связанные. Так закончилась “дикая эпоха” НСДАП. В этой операции СД показала себя с наилучшей для Гитлера стороны и была узаконена в качестве единственной контрразведывательной службы партии. Еще большую награду получили СС, выведенные из состава СА и объявленные самостоятельной организацией в рамках НСДАП.

Эрнст Рем

Такого удачного применения своей секретной службы не ожидал и сам Гиммлер, в начале следующего года оптимистично заявивший: “СД должна выявлять противников национал-социалистской идеи, возглавить их ликвидацию и вести всю контрразведывательную деятельность государственного полицейского аппарата”¹⁸⁶. Рейхсфюрер СС выдавал желаемое за действительное. Крайне ограниченная численность и аморфная структура Службы безопасности не позволяла ей эффективно действовать в каждом из перечисленных направлений, но на данном этапе в ситуацию вмешался Гейдрих, вновь взявший СД под свое руководство. Без этого яркого и неординарного, хотя и явно неуравновешенного человека, она, скорее всего, так и осталась бы третьестепенным институтом в системе СС. Однако Гейдрих, вскоре ставший одной из крупнейших и способнейших фигур высшей нацистской иерархии, отличался способностью успешно выполнять любое дело, за которое брался, а его пронизательность была сопоставима только с его жестокостью и умением идти до конца к поставленной цели. Размах и стиль операций СД изначально определялись личностью ее начальника и часто ставили в тупик не привыкших к такому масштабу разведчиков противника. Начальник внешнеполитической разведки рейха Вальтер Шелленберг отзывался о Гейдрихе с несомненным уважением: “Этот человек был невидимым стержнем, вокруг которого вращался нацистский режим. Развитие целой нации косвенно направлялось им. Он намного превосходил своих коллег-политиков и контролировал их, так же как он контролировал огромную разведывательную машину СД”¹⁸⁷. Даже с поправкой на свойственные

Шелленбергу преувеличения следует признать, что Гейдрих заметно выделялся на общем фоне высших чинов СС, хотя его путь к вершинам руководства по нацистским меркам оказался относительно долгим.

В начале 1935 года Гейдрих условно разделил СД на “партийную формацию” и “разведывательную организацию”. Первая из них должна была служить инструментом постепенного слияния СС с полицией безопасности, а вторая — выполнять классические задачи спецслужбы. Получив позволение рейхсфюрера СС проводить любые структурные изменения в подведомственной службе, начальник СД впервые создал в ее составе три управления:

- I управление (организационные вопросы);
- II управление (контрразведка, СД-инланд);
- III управление (внешняя разведка, СД-аусланд).

СД-аусланд руководил Хайнц Мария Карл Йост, СД-инланд — доктор Герберт Мельхорн, Гейдрих же по-прежнему возглавлял всю СД целиком. Одновременно он руководил зипо и поэтому использовал объединенный титул начальника полиции безопасности и СД. Помимо центрального аппарата, Служба безопасности располагала инфраструктурой в форме семи командно-территориальных управлений, в каждом из которых имелось от двух до трех округов. Реорганизация оказала подстегивающее влияние на спецслужбу, и к 1937 году ее штат насчитывал около 3 тысяч сотрудников, имевших на связи до 50 тысяч информаторов. Именно на разветвленный негласный аппарат СД и возлагал надежды Гейдрих в стремлении упрочить позиции гестапо. Идея начальника полиции безопасности и СД заключалась в сочетании с административной властью и профессиональными возможностями тайной государственной полиции, что позволяло взять под свой контроль всю сферу политической жизни рейха. Можно сказать, что этот замысел увенчался успехом, хотя полного воплощения он достиг лишь позднее, после создания Главного управления имперской безопасности (РСХА). Пока же Гейдрих постепенно начинал обращать свое внимание и на зарубежные страны. Несколько позднее задачи СД были определены Гиммлером как “разведка и наблюдение за всеми силами, результатами и фактами, которые имеют значение для господства национал-социалистических идей и движения в германском пространстве”¹⁸⁸, а поскольку понятие германского пространства всегда толковалось лидерами партии расширительно, для будущих операций секретной службы открывался необозримый простор.

Гиммлер и Гейдрих стремились придать Службе безопасности не только партийный, но и государственный статус, однако Гитлер не торопился принимать столь ответственное решение. СД еще не успела завоевать его доверие, да и вообще германские традиции не предусматривали наличие института политической разведки. С 19-го века немцы были сильны именно в сфере военной разведки, а политическая секретная служба являлась прерогативой главным образом англичан. На новом поприще репутацию еще требовалось заслужить.

Нацисты круто развернули дипломатический курс Германии. Вначале иностранные правительства с иронией отнеслись к новому рейхсканцлеру, считая его фигурой несерьезной и временной. Кроме того, их успокаивал факт нахождения в составе германского руковод-

Курт фон Шлейхер и Франц фон Папен

ства хорошо известных в дипломатическом мире и предсказуемых вице-канцлера фон Папена и министра иностранных дел барона фон Нейрата, которые, казалось, легко нейтрализуют максимализм и экстремизм Гитлера. Как всегда в критических ситуациях, разведывательные службы отстали от событий, упустили контроль за их развитием и даже некоторое время спустя все еще не были способны дать им должную оценку. Журналисты и политологи оказались более проникательны, но их мнением мало кто интересовался всерьез, а ведь для понимания стратегических замыслов Гитлера достаточно было всего-навсего внимательно прочитать его теоретический труд “Моя борьба”. Нацизм претендовал на сколачивание ядра немецкой территории из Германии, Австрии, Чехословакии и части Польши, а остальные государства планировалось либо поставить в вассальную зависимость к Третьему рейху, либо колонизировать. Экспансионистские планы простирались вплоть до Африки и Америки, лишь к Британии отношение было несколько иным.

Гитлер видел в англичанах родственную в расовом отношении нацию и мечтал, слегка потеснив их на планете, установить с Лондоном прочный дружественный союз.

Агрессивные замыслы Берлина с наибольшей серьезностью и тревогой восприняли в Польше. Ее разведка постоянно отслеживала ситуацию в Германии в основном с позиций экспозитуры в Быдгоще (Бромберге) и ее 11 отделений, руководивших разветвленной сетью источников. Один из них был внедрен в резидентуру абвера в Данциге. Шелленберг впоследствии признавал, что “количество информации, собранной поляками, особенно по вопросам производства вооружения в Германии, было поразительным”¹⁸⁹. В течение ряда лет Польша сохраняла военное превосходство над Германией, но было ясно, что рано или поздно это преимущество исчезнет. В связи с этим особую значимость приобретало своевременное получение достоверной информации о военной и экономической мощи и политических планах рейха.

Среди операций польской разведки наибольшую известность получило дело резидента пляцувки “Ин. 3” в Берлине ротмистра Юрека (Ежи) Сосновского, оценки которого весьма разнятся у различных исследователей. Этот блестящий красавец-офицер, словно сошедший с экрана шпионского фильма 1920-х годов, сорил деньгами и добирался до германских секретов главным образом с помощью соблазненных им женщин. Его работа началась весной 1926 года, когда ротмистр прибыл в Германию под видом богатого коннозаводчика и участника Международной лиги по борьбе с большевизмом. В его визитных карточках значилось: “Барон Георг фон Сосновский, рыцарь фон Налеч”. Он поселился в Берлине на улице Лютцовуфер, 36 и привез с собой шесть скаковых лошадей, которых намеревался использовать для совершения прогулок по ипподрому и аллеям Тиргартена и завязывания знакомств с влиятельными людьми. Замысел принес немедленные плоды. Уже в апреле Сосновский познакомился с племянником известного генерала рейхсвера обер-лейтенантом фон Фалькенхайном и его женой Бенитой, работавшей секретарем в военном министерстве. Вскоре женщина стала его любовницей, а затем и первым агентом. Ее вербовка была проведена одновременно на личной, идейно-политической антисоветской и материальной основах, при этом наиболее важную роль играла последняя. Сосновский быстро приучил женщину к дорогим подаркам, благо поляки средств на берлинскую агентурную сеть не жалели. За семь лет резидент получил из Варшавы на оперативные цели около миллиона марок, что составило почти половину всего бюджета разведки за этот период. Из них на баронессу Бениту фон Фалькенхайн было истрачено 125 тысяч, и не напрасно. Она не только снабжала своего руководителя ценнейшей информацией, но и являлась своего рода главным помощником резидента и его доверенным лицом. В частности, первым же завербованным по ее наводке офицером стал начальник польского сектора АСТ-Берлин-Ост Гюнтер Рудлоф. В 1927 году Бенита “под флагом” британского журналиста Грэйвса самостоятельно завербовала свою подругу Ирену фон Иена, также сотрудницу военного министерства в звании майора. Та почти сразу же добыла для Сосновского бюджет рейхсвера на 1928 год. Фон Фалькенхайн провела эту вербовку “под чужим флагом”, и в течение долгого времени фон Иена была уверена, что работает на английского журналиста. После года работы страх возобладал над жадностью, и она отошла от секретных операций, порекомендовав “журналисту” взамен себя другую молодую даму также аристократического происхождения, сотрудницу 6-го уп-

Ротмистр Сосновский с Бенитой фон Фалькенхайн

правления военного министерства Ренату фон Натцмер. В 1928 году та тоже пополнила длинный список любовниц Сосновского, а вскоре стала и его лучшим агентом. Другими источниками и любовницами резидента были аристократки Лотта фон Леммель и Изабелла фон Таушер.

В 1929 году прошла командно-штабная игра рейхсвера, по итогам которой был разработан “план А” с вариантами военных действий против Франции и Польши. В сентябре, вскоре после его утверждения, фон Натцмер предоставила Сосновскому копию документа на 200 страницах, 70 из которых резидент переправил в Варшаву. Оставшиеся 130 он посоветовал ей не отдавать бесплатно, а до урегулирования спорных денежных вопросов спрятать в Швейцарии в абонированном банковском сейфе. Такие действия оперативного работника однозначно квалифицируются как сговор с агентом в корыстных целях. Региональный резидент подполковник Антоний Рознер прямо заявил, что настойчивость Сосновского вызывает у него обоснованные подозрения относительно его личной заинтересованности в данной сделке. После долгих колебаний руководство разведки все же решились купить план и направило в Германию для совершения сделки подполковника Станислава Татары. Далее события приобрели еще более сомнительный оборот. Курьер центра при странных обстоятельствах погиб в автомобильной катастрофе, после чего ротмистру приказали прибыть в Польшу для подробного отчета обо всей этой истории. Тот отказался подчиниться приказу, якобы ввиду опасности навлечь на себя подозрения местной контрразведки, и тогда руководство предложило ему отправиться в Будапешт. Сосновский согласился и, вероятно, испугавшись разоблачения, внезапно понизил требуемую фон Натцмер сумму с 40 до 10 тысяч марок. Он добился этим лишь возникновения серьезнейших подозрений в подлинности материалов. В итоге длительных переговоров оставшаяся часть “плана А” попала к полякам лишь в декабре 1932 года, когда потерявший надежду на заработок ротмистр без каких-либо объяснений прислал ее в Варшаву совершенно бесплатно. Все эти более чем подозрительные маневры вызвали в Варшаве крайне негативную реакцию. Во II отделе не поверили в такой успех “Ин. 3” и сочли документ дезинформацией. Подлинными были сочтены лишь попутно раскрытые планы военного сотрудничества рейхсвера с РККА, в частности, намерение организовать в СССР производство бронетанковой техники для Германии (“Кама”), обоснованно усилившие подозрительность Варшавы по отношению к восточному соседу. Рената фон Натцмер проработала на польскую разведку до осени 1933 года и, кроме упомянутых документов, снабдила ее исчерпывающими материалами по моторизации рейхсвера и тайной разработке образцов бронетанковой техники и вооружения.

Первый сигнал тревоги прозвучал в мае 1932 года и произошел по причине вопиющего нарушения польской разведкой требований конспирации, а именно пребывания в Берлине родителей Сосновского. В кругу немецких друзей ротмистр утверждал, что им принадлежит роскошный замок и обширное поместье, позволяющее финансировать светскую жизнь сына и его конюшню. Однако случайно встретившая стариков графиня фон Бохгольц была немало озадачена тем, что они даже отдаленно не напоминают магнатов и явно существуют на более чем скромные средства. Подобные грубые промахи время от времени допускает каждая разведывательная служба, и впоследствии, как правило, никто не в состоянии вразумительно объяснить, как такое вообще могло произойти. Именно это и случилось в случае с резидентом “Ин. 3”, и результат не замедлил сказаться. Неожиданная встреча заставила графиню задуматься над подлинным происхождением источников благосостояния коннозаводчика. Она опубликовала в газете “Берлинер Трибуне” статью под заголовком “Кто такой ротмистр Сосновский?”, на которую, однако, не последовало никакой реакции. Тогда настойчивая фон Бохгольц лично направила свои материалы в военное министерство и в полицию, которые, не сговариваясь, также проигнорировали их.

С осени 1933 года резидент уже, без сомнения, находился в разработке у абвера. Все началось с проведения оперативной проверки показаний, полученных германскими контрразведчиками на допросе арестованного в Штеттине некоего Хельмута Цульке, оказавшегося польским разведчиком Вальтером Кудзерским. Он сообщил о непонятных контактах Сосновского с послом Польши в Берлине Казимиром Зелинским, что позднее было подтверждено по другим независимым каналам. Резидент “Ин. 3” знал о проводившихся в отношении него мероприятиях от умиравшей в монастыре бывшей любовницы Мари де Ками. В абвере не сомневались в принадлежности Сосновского к спецслужбе противника, однако вначале его считали не заслуживающим пристального внимания легковесным и по-

верхностным разведчиком. Контрразведчики фактически игнорировали его до момента, когда перевербованный немцами польский разведчик подпоручик Гриф-Чайковский случайно увидел в фотолаборатории “легальной” резидентуры негативы добытых агентами ротмистра документов. После этого абвер не на шутку встревожился и начал разрабатывать его совместно с гестапо. Ключ к Сосновскому подобрали с помощью опять-таки женщины, Леа Розы Крузе, выбравшей себе экзотический сценический псевдоним Леа Ньяко. Привлечение ее к агентурной работе в декабре 1933 года являлось грубой ошибкой, поскольку личные качества этой женщины прямо-таки вопиюще противоречили элементарным требованиям к секретному агенту, находящемуся на прямой связи с резидентом. Объяснить такое легкомыслие Сосновского можно, пожалуй, лишь тем, что до сих пор все женщины-источники не причиняли ему сколько-нибудь серьезные неприятности, и поляк явно уверовал, что такое же везение будет продолжаться и в дальнейшем. Однако то, что успешно удавалось с дамами из высшего общества, не сработало в отношении авантюристки-танцовщицы. Она не собиралась делить своего любовника ни с кем, а вербовка лишь дала ей желанные рычаги воздействия на поляка, хотя тот наивно полагал, что дело обстоит как раз наоборот. Смесь ревности и страха привела Ньяко в абвер.

Разработкой Сосновского занялся сотрудник контрразведки капитан-лейтенант Рихард Протце, под легкомысленной внешностью поляка с удивлением обнаруживший серьезного и крайне результативного разведчика. Тем временем Леа даже после признания в вербовке еще долго не могла выбрать сторону, на которой ей следует находиться, и попеременно то информировала немцев о действиях польского резидента, то каялась ему в своем предательстве и окончательно запутала всех. Разведчик доложил в Варшаву о странном поведении агента и в январе 1934 года получил приказ о срочной эвакуации, но самоуверенно счел эту меру преждевременной, поскольку все еще надеялся переиграть абвер и не только уцелеть самому, но и спасти свою агентурную сеть. Вскоре предавшая Сосновского Леа в очередной раз предала немцев и сообщила ему о неминуемом аресте. Резидент успел предупредить об опасности трех своих источников, до сих пор остающихся неизвестными, и они скрылись в Польше, однако остальные участники сети были расшифрованы. 27 февраля после выступления Леа Ньяко в престижном зале Роберта Шумана Сосновский пригласил ее с друзьями к себе на вечер, чтобы отметить успех танцовщицы. Там их всех арестовало гестапо и немедленно начало следствие по делу.

Рената фон Натцмер безуспешно пыталась свалить всю ответственность на Бениту фон Фалькенхайн. Тем временем брак Бениты был признан недействительным, ее судили под девичьей фамилией фон Берг, и тогда Сосновский попытался спасти своей агентессе жизнь, для чего собрался срочно развестись со своей женой и жениться на ней. Это позволило бы ей автоматически приобрести польское подданство и избежать смертного приговора, но Гитлер лично запретил этот брак. 16 февраля 1935 года Ренату фон Натцмер и Бениту фон Берг демонстративно расстреляли прямо на глазах ротмистра, приговоренного, как и Ирена фон Иена, к пожизненному заключению. В апреле 1936 года бывшего резидента обменяли на семерых (по другим данным, двоих) захваченных поляками немецких агентов.

Самым прискорбным в этой истории оказалось то, что в польской разведке сочли: информация резидента слишком хороша для того, чтобы быть достоверной. По этой причине ее никак не использовали, а бывшего руководителя плясувки “Ин. 3” судили и отправили в тюрьму по небезосновательным обвинениям в растрате денег, сговоре с агентом, нарушении требований конспирации и прочих упущениях, повлекших за собой провал сети. В 1939 году после захвата Советским Союзом части польской территории Сосновского допрашивали уже в советской разведке, и далее о его судьбе ничего не известно. Гриф-Чайковский в конечном итоге провалился, был отозван в Варшаву и там повешен за измену. Еще одного фигуранта этого дела Рудлофа тоже арестовали, однако он сумел оправдаться, более того, сам начальник абвера официально извинился перед ним за напрасные обвинения. Но несколько месяцев спустя после захвата немцами архивов польской разведки очередь дошла до просмотра дела Сосновского, и изменника арестовали. 7 августа 1941 года он каким-то образом сумел вскрыть себе вены и истек кровью в тюремной камере. За успешную разработку резидента Протце получил внеочередное звание капитана 3-го ранга, а Ньяко выпустили из-под стражи, однако гестапо тут же арестовало ее во внесудебном порядке. Для освобождения женщины понадобилось личное вмешательство самого Гитлера.

Все эти шпионские скандалы лишь укрепляли решимость нацистского правительства любой ценой усилить военную мощь страны. 15 марта 1933 года министр иностранных дел фон Нейрат потребовал от Лиги Наций признания равноправия в вооружениях, но безрезультатно. Недолгая дискуссия об этапах разоружения закончилась его лаконичной телеграммой от 19 октября в адрес генерального секретаря Лиги: “От имени германского правительства имею честь настоящим сообщить Вам, что Германия заявляет о своем выходе из Лиги Наций, согласно пункту 3 статьи 1 Устава”¹⁹⁰. Впрочем, ограничений Версальского договора еще никто не отменял, Франция и Великобритания многократно превосходили рейх по военной мощи и в любой момент могли положить конец процессу ремилитаризации. Но этого не случилось. Курс Гитлера на антикоммунизм и его практика в отношении ГКП успокаивали западные правительства и вселяли надежду, что агрессия нацизма обратится только на Восток. Этому заблуждению оставалось существовать всего шесть лет.

13 января 1935 года в находившейся под управлением Лиги Наций Саарской области был проведен плебисцит. Из 539 тысяч голосовавших 46 тысяч пожелали сохранить статус управляемой Лигой территории, 2 тысячи тяготели к Франции, а 477 тысяч жителей высказались за вхождение в состав Германии. Результаты плебисцита вызвали эйфорию у немцев, и средства массовой информации уже недвусмысленно призывали к возврату всех утраченных территорий, включавших Эльзас-Лотарингию, Данцигский коридор, Мемельскую область, немецкую Чехию (Богемию) и Северный Шлезвиг (Силезию). Такой курс требовал серьезного разведывательного обеспечения внешней политики, и Германия уже располагала соответствующими службами, способными его осуществить.

Военная разведка (абвер) в 1932 — 1934 годах под руководством капитана 1-го ранга Конрада Патцига постепенно наращивала силы и развивала инфраструктуру. Штат ее оперативных работников вырос со 150 до 1000 человек. Периферийные подразделения абвера на территории страны по-прежнему именовались абверштелле (отделы абвера, АСТ, иногда переводятся как “бюро” или “пост”). Они создавались при штабах военных округов и обеспечивали контрразведывательное обслуживание войск, штабов и военных учреждений, а также вели разведку на закрепленных за ними направлениях. В подчинении АСТ находились так называемые абвернебенштелле (отделения абвера, АНСТ), которые по значимости иногда даже опережали свое руководящее подразделение и нередко выдвигались на передний план. В свою очередь, АНСТ подчинялись посты и пограничные пункты, хотя некоторые из них напрямую замыкались на АСТ. Часть абверштелле не проводила агентурных операций, но координировала работу других АСТ. Конкретная ситуация зависела лишь от оперативных позиций за рубежом, достигнутых каждым отдельным органом, и с течением времени могла меняться. Некоторые АСТ понижались в статусе до АНСТ, иногда происходил и обратный процесс. В предвоенный период основными направлениями ведения закордонных разведывательных операций являлись:

- I округ (АСТ-Кенигсберг) — координация операций против СССР и Польши, агентурная работа не проводилась;
- II округ (АСТ-Штеттин) — Польша;
- III округ (АСТ-Берлин) — в основном контрразведка и направление агентов в регионы, не закрепленные за другими АСТ (до 1944 года);
- IV округ (АСТ-Дрезден) — Чехословакия;
- V округ (АСТ-Штутгарт) — Франция, позднее Испания и Португалия;
- VI округ (АСТ-Мюнстер и АНСТ-Кельн) — Франция, при этом Кельн работал успешнее головного органа;
- VII округ (АСТ-Мюнхен) — Австрия и Балканы;
- VIII округ (АСТ-Бреслау и АНСТ-Катовицы) — Чехословакия, Польша, отчасти Турция и Балканы;
- IX округ (АСТ-Кассель, АНСТ-Франкфурт-на-Майне и АНСТ-Веймар) — закрепленное направление отсутствовало, координация операций, агентурная работа не проводилась;
- X округ (АСТ-Гамбург, АНСТ-Бремен и АНСТ-Фленсбург) — Великобритания и США;
- XI округ (АСТ-Ганновер) — закрепленное направление отсутствовало;
- XII округ (АСТ-Висбаден, АНСТ-Метц) — Франция;

- XIII округ (АСТ-Нюрнберг) — закрепленное направление отсутствовало;
- XVII округ (АСТ-Вена) — Балканы, Ближний Восток, Румыния;
- XVIII округ (АСТ-Зальцбург) — закрепленное направление отсутствовало, работа на границу крайне ограничена;
- XX округ (Данциг) — закрепленное направление отсутствовало, координация операций, агентурная работа не проводилась;
- XXI округ (Позен) — закрепленное направление отсутствовало, координация операций, агентурная работа не проводилась.

Не включенные в список округа в свое время создавались со вспомогательными целями, разведывательными и контрразведывательными органами не располагали и просуществовали крайне недолго. Кроме того, не имели номеров обслуживавшие только флот АСТ-Киль с АНСТ-Свинемюнде и АСТ-Вильгельмсхафен, а также вновь открытые АСТ-Прага с АНСТ-Брюнн, АСТ-Варшава с АНСТ-Краков и АНСТ-Лемберг. Периферийные органы находились в административном подчинении у местного военного командования, а в оперативном — у абвера. Средняя численность АСТ составляла около 150 сотрудников, хотя допускались и значительные отклонения в любую сторону. Внутренняя структура приблизительно соответствовала построению центрального аппарата абвера, а работа велась по аналогичным линиям и направлениям.

Зарубежные резидентуры военной разведки именовались военными организациями (кригсорганизацион, КО). На первом этапе их планировалось создавать в государствах, которые в случае будущей войны сохранят нейтралитет, причем этот процесс вначале происходил в основном на бумаге. В их число входили: КО-Испания (Мадрид), КО-Португалия (Лиссабон), КО-Турция (Анкара), КО-Швеция (Стокгольм), КО-Венгрия (Будапешт) и КО-Ватикан. Временные резидентуры создавались в странах, которые в ходе войны могли подвергнуться захвату или изоляции: КО-Бельгия (Брюссель), КО-Польша (Варшава), КО-Болгария (София), КО-Румыния (Бухарест), КО-Нидерланды (Гаага), КО-Франция (Париж). Этот список звучит достаточно впечатляюще, но на практике, как и в ситуации со “станциями” СИС, дело обстояло намного скромнее. Точки в Болгарии, Румынии, Турции, Ираке, Афганистане, Японии возникли в 1935 году, в Испании, Китае и Голландии — в 1937, а остальные начали действительно создаваться уже после начала Второй мировой войны. Долгое время большинство резидентур насчитывали не более 2 — 3 человек оперативного состава, а некоторые существовали лишь условно, АСТ были укомплектованы заметно лучше. К 1933 году правительство разделило все государства в разведывательном отношении на несколько групп. Главными объектами считались Франция, Чехословакия, Польша, Великобритания и СССР, второстепенными — США, Бельгия, Швейцария и Румыния. По политическим причинам оперативная работа ограничивалась в Австрии, Японии, Болгарии и Венгрии, а все остальные страны абвер пока попросту игнорировал. После подписания 26 января 1934 года польско-германского договора Польша перекочевала в третий список. Безусловно, этот заключенный на 10 лет договор всего лишь маскировал реальные устремления Берлина, но тем не менее он официально существовал. Хорошо информированный Патциг понимал суть проблемы и проигнорировал запрет на ведение разведки против страны, которая, по его собственной оценке, не сегодня-завтра станет объектом вторжения вермахта. Именно это в конце 1934 года и послужило поводом к его смещению, однако лишь внешним и формальным, причины отстранения начальника абвера лежали значительно глубже. Основные претензии к Патцигу заключались в его препятствовании установлению связей военной разведки с СД и гестапо, а также отказе поддерживать контакты с итальянской разведкой СИМ. Руководство военного министерства уже давно подыскивало благовидный предлог для снятия с должности строптивого капитана 1-го ранга, и однажды министр Бломберг случайно заинтересовался увиденным им на одном из аэродромов самолетом без опознавательных знаков. Когда выяснилось, что это воздушный разведчик, вопреки запрету производящий фотосъемку польской территории, желанный повод появился. На смену Патцигу пришел, пожалуй, самый легендарный из всех начальников секретных служб в мировой истории — капитан 1-го ранга Вильгельм Канарис. Возможно, одно из наиболее точных описаний начальника абвера, относящееся в 1943 году, содержится в мемуарах Отто Скорцени: “Адмирал Канарис самый сложный оппонент, с которым я сталкивался за всю мою жизнь. Есть люди, личность которых не поддается идентификации. В случае с Канарисом мне это

так и не удалось сделать! Он просто идеальный типаж офицера разведывательной службы. Глаза излучают ум, но что творится в душе, об этом никто никогда не знает и не узнает. Он как медуза! Можно проткнуть насквозь, а когда вытащишь палец, это создание выглядит абсолютно целым и неповрежденным. У него отработанная техника ведения разговора. Его практически невозможно поймать на каком-то противоречии — он ускользает как угорь! Для него нет “черного” и “белого”, он не признает крайностей, а всегда находится посередине для того, чтобы в конце концов сказать — “нет!”. Хотя похоже на то, что мнение о предмете у него складывается до начала разговора”¹⁹¹.

Первую мировую войну Канарис встретил лейтенантом на крейсере “Дрезден”, в 1915 году ускользнувшем от англичан в сражении у Фолклендских (Мальвинских) островов и потопленном ими позднее. Оставшуюся часть войны он провел вначале в мадридской резидентуре морской разведки, а с сентября 1917 по ноябрь 1918 года на посту командира подводных лодок U-38, UC-27, U-47, U-34 и UB-128. В Веймарской республике Канарис сблизился с правыми кругами, являлся помощником командира кровавой “морской бригады”, имел непосредственное отношение к убийству Розы Люксембург и Карла Либкнехта, после чего активно участвовал в тайном восстановлении морской мощи Германии. Он создал сеть якобы частных фирм, размещавших за границей заказы на запрещенные Версальским мирным договором виды вооружений. Канариса называли “министром иностранных дел морского министерства”, поскольку будущий адмирал занимал тогда должность референта начальника штаба флота по внешнеполитическим вопросам.

Он всю свою жизнь симпатизировал англичанам, ненавидел левых и презирал Веймарскую республику. Канарис, как и многие в Германии конца 1920-х годов, увидел в национал-социализме силу, способную вернуть утраченное имперское величие, и сделал ставку на Гитлера, которая вначале вознесла его к вершинам нацистской иерархии, а в конечном итоге привела к мучительной казни во Флоссенбургском концлагере. Это был умный и проциательный человек, абсолютно лишенный узколобого фанатизма. Любое происходившее в мире явление он воспринимал лишь в зависимости от степени полезности его для Германии, но при этом определял таковую не по сиюминутным требованиям момента, а оценивал с точки зрения высшего интереса своей родины. Хитрость и изворотливость начальника абвера

Вильгельм Канарис
в офицерской фуражке
итальянских альпийских
стрелков

вошли в поговорку, сотрудники называли его Лисом, а кабинет соответственно именовали “лисьей норой”. Незаурядные дипломатические способности Канариса позволили ему долгое время успешно лавировать в узких фарватерах нацистской Германии. К практике нацизма он относился с брезгливостью, однако служил Германии верой и правдой. Способности начальника абвера как руководителя военной разведки и контрразведки не вызывают сомнения. Иногда абвер терпел прямо-таки вопиющие провалы, но это является уделом любой секретной службы, тем более в военное время, а в целом Канарис заслуженно считается одной из крупнейших в истории фигур руководителей разведки. На этот пост в конце 1934 года его рекомендовал командующий флотом адмирал Редер, недолголюбивавший Канариса и согласившийся дать свою рекомендацию лишь после того, как понял, что дальнейшие проволочки приведут к назначению на этот ключевой пост сухопутного офицера. Новый начальник абвера приступил к приему дел от предшественника в 8 часов утра 1 января 1935 года.

Одной из задач Канариса являлось установление делового сотрудничества с гестапо и Службой безопасности. Патциг посочувствовал ему по этому поводу, но преемник, однако, проявил достаточный оптимизм, и тогда он покачал головой: “Капитан Канарис, мне остается только с сожалением сказать, что сегодняшний день стал началом вашего конца”¹⁹². Предсказание оказалось пророческим, хотя до его исполнения было еще очень далеко. Пока же отношения начальника абвера с начальником полиции безопасности и СД Гейдрихом внешне были вполне дружескими, а обе службы координировали свои операции и находили друг с другом взаимопонимание. С позором изгнанный в свое время с флота за аморальное поведение бывший лейтенант Гейдрих затаил глубокую ненависть к традиционной военной машине, однако сохранил почтение к отдельным ее представителям. Одним из этих исклю-

чений являлся его прежний командир капитан 1-го ранга Вильгельм Канарис. Начальник полиции безопасности и СД глубоко уважал начальника абвера, что, впрочем, не мешало ему тщательно собирать досье на него и фиксировать его малейшие промахи. Канарис по отношению к младшему коллеге вел себя точно так же, что не препятствовало им поддерживать внешне самые теплые взаимоотношения, дружить семьями и вместе совершать по утрам верховые прогулки в Тиргартене.

2. НАРАЩИВАНИЕ СИЛ

2 августа 1934 года умер номинальный глава германского государства престарелый фельдмаршал фон Гинденбург. Вопрос о его преемнике решился просто: рейхстаг издал закон о возложении на Гитлера одновременно обязанностей рейхсканцлера и президента. Отныне ему принадлежала вся полнота и исполнительная, и законодательная власти в стране, которую он использовал для наращивания вооруженных сил и подготовки к территориальным захватам в Европе. Военный министр Вернер фон Бломберг разработал план секретного увеличения армии до 300 тысяч человек и приступил к его выполнению. Поворотным в ремилитаризации Германии стал уже следующий, 1935 год. 1 марта в стране появилась первая бомбардировочная эскадрилья, 13 марта был издан закон о всеобщей воинской обязанности, 16 марта Геринг объявил о воссоздании военно-воздушных сил, а 21 мая Гитлер издал секретный закон “Об обороне рейха”, в результате выполнения которого к концу года страна уже располагала 14 армейскими корпусами и кавалерийской бригадой. Ежемесячный выпуск боевых самолетов достиг 100 единиц, на вооружении сухопутных войск состояли 1500 танков. Опираясь на эту силу, можно было сбросить последние остатки пут Версаля и Локарно. 18 июня 1936 года состоялось подписание англо-германского морского соглашения, согласно которому общий тоннаж военно-морского флота Германии мог достигать 35% британского, а подводных лодок — 45%. Оно явилось первым нарушением Версальского мирного договора, совершенным не в одностороннем порядке Германией, но с участием страны-гаранта версальской системы. Вообще, в середине 1930-х годов Германия располагала в Великобритании серьезными позициями, однако не оперативными, а дипломатическими. К нацистам благоволил сам король Эдуард VIII. Именно это через несколько лет и стало основной и подлинной причиной его вынужденного отречения от трона, а вовсе не любовь к дважды разведенной американке Симпсон, как с умилением сообщают некоторые слабо информированные, но романтично настроенные авторы. В связи с этим Гитлер запретил своим разведывательным службам проводить агентурную разведку против Британии, однако Канарис без огласки проигнорировал его указание.

Заветной мечтой фюрера было одержание побед над другими государствами без широкомасштабных военных операций. В этих условиях дипломатия в понимании Гитлера была призвана лишь прикрывать подготовку к войне и разложение противника изнутри методами пропаганды и разведки. Несколько позже в доверительной беседе он произнес: “Когда я начну войну...то в один прекрасный день, еще в мирное время, я обеспечу появление наших войск в Париже. Они будут одеты во французскую форму и промаршируют по улицам среди бела дня. Никто не задержит их... Я заранее устанавливаю связь с людьми, которые образуют новое правительство. Правительство, которое мне подходит. Мы найдем таких людей, найдем их в любой стране... Наша стратегия заключается в том, чтобы уничтожить противника изнутри, сделать так, чтобы он уничтожил себя сам”¹⁹³. Очевидно, что при подобных взглядах главы государства внешняя разведка получала небывалое развитие и выраженную агрессивную направленность. В Германии насчитывалось теперь восемь основных разведывательных органов, которыми являлись абвер, СД-аусланд, III отдел МИД, Научно-исследовательское управление министерства авиации (ФА), Центральное бюро фольксдойче НСДАП (ФОМИ), Внешнеполитическое бюро НСДАП (АПА), Зарубежная организация НСДАП (АО) и Управление по делам колоний НСДАП. Подобного разведывательного сообщества не имело ни одно государство в мире, а ведь, помимо перечисленных, существовали еще контрразведывательные органы, криптоаналитические службы и разведки видов вооруженных сил. Подобное положение дел было вполне естественным, поскольку агрессивная внешняя политика всегда требует агрессивной внешней разведки. Каждая из спецслужб целиком отвечала за отведенное ей направление, но такая децентрализация требовала создания

единого координирующего органа, отсутствие которого явилось существенной причиной снижения эффективности секретных операций Германии.

Центральное бюро фольксдойче (этнических немцев за рубежом) руководило политической Германией в отношении немецких национальных меньшинств в других странах. Эта дилемма была весьма многочисленной. В частности, 11 миллионов фольксдойче проживали в США, 3,6 миллиона — в Чехословакии, где по численности они даже превосходили 3-миллионное словацкое население, а 600 тысяч — в Югославии; вне досягаемости рейха оставались лишь почти 7 миллионов абсолютно отрезанных от исторической родины советских немцев. ФОМИ было основано в 1936 году под названием “Бюро Курселл”, но через год сменило его на указанное официальное наименование. В обиходе оно именовалось “Организацией Лоренца”, по имени возглавившего бюро в 1937 году группенфюрера СС Вернера Лоренца. Зарубежными операциями ФОМИ фактически руководил его заместитель доктор Герман Берендс, располагавший для этих целей в центральном аппарате штатом из 30 сотрудников. 2 июля того же года в связи с подготовкой к войне Гитлер поручил бюро “координацию деятельности всех государственных и партийных инстанций и координацию использования всех имеющихся в различных ведомствах средств при решении вопросов, связанных с национальной принадлежностью и пограничными странами (немецкие меньшинства за границей и инородческие меньшинства внутри страны)”¹⁹⁴. ФОМИ серьезно поработало при организации “пятой колонны” в Судетской области Чехословакии и в Австрии, но другие случаи его участия в оперативной работе за рубежом не зафиксированы.

Уроженец Кейптауна Эрнст Вильгельм Боле возглавлял Зарубежную организацию НСДАП и являлся одновременно гауляйтером (партийным руководителем) так называемого гау-аусланд (заграничного региона), а для облегчения зарубежных контактов имел также ранг статс-секретаря МИД. АО была создана в 1931 году Грегором Штрассером, но с 1933 года и до самого своего побега в Англию в 1941 году ее курировал Рудольф Гесс. Главной задачей Зарубежной организации было подчинение всех находящихся за рубежом германских подданных своему политическому руководству. Фактически она представляла собой партийную секцию, в которую входили примерно 3300 членов НСДАП, работавших за пределами Германии. Центральный аппарат организации состоял из 700 человек и руководил 350 региональными группами, его специальная секция наблюдала за благонадежностью и контактами собственных членов и в этом отношении являлась взаимодействовавшим с гестапо и СД органом безопасности. “Портовая служба” организации обеспечивала курьерскую связь через моряков торгового флота. Зафиксирована высокая активность АО в Испании в период гражданской войны и в Бразилии в 1937 — 1938 годах.

Возглавлявшееся Альфредом Розенбергом Внешнеполитическое бюро НСДАП было образовано 1 апреля 1933 года и ведало пропагандой национал-социализма, организацией культурного и торгового обмена по линии партии и инспирированием зарубежной прессы в нужном для Германии направлении. В разведывательном отношении интерес представляет секция печати АПА, в которой квалифицированные переводчики ежедневно составляли обзоры иностранной прессы, переводили статьи из 300 газет и передавали интересующие данные в СД и гестапо для пополнения их картотек. Кроме того, в ней регулярно готовились оценки мирового общественного мнения и мнения средств массовой информации, то есть фактически секция выполняла одну из задач информационно-аналитической службы. Годовой бюджет АПА составлял 500 тысяч марок.

Особое место в разведывательном сообществе Германии занимало созданное по инициативе дальновидного Геринга Научно-исследовательское управление министерства авиации (ФА). Поняв, что рычаги управления гестапо ускользают из его рук, он все же сумел сохранить в своем подчинении спецслужбу, причем не обычную, а обладающую монопольным правом на перехват переговоров и криптографическую деятельность. Первоначально образованное в 1933 году управление, иногда именуемое институтом, задумывалось как отдел шифров, но несколько позже его функции значительно расширились. В отличие от существовавших военных и дипломатических служб радиоразведки, ФА было сразу же ориентировано на внутреннее наблюдение и перехват. К объектам заинтересованности управ-

ления относились радиообмен, телеграфная связь, почтовая корреспонденция, телефонные переговоры и пресса, позднее оно занялось и прослушиванием помещений. Все кабели иностранных дипломатических представительств в Германии дублировались параллельными проводами, круглосуточно работали магнитофоны для записи голосов. Копии любых отправляемых за рубеж телеграмм в обязательном порядке направлялись в ФА. Перехватывать и оценивать все переговоры и всю переписку в государстве не под силу ни одному, даже самому мощному ведомству, поэтому управление прежде всего контролировало офицерский корпус и вообще вооруженные силы, функционеров НСДАП, церковь, в особенности ее контакты с Ватиканом, и население, среди которого выделялись группы бывших политических и профсоюзных активистов и прочих не вполне благонадежных лиц. Работа по последней категории производилась в тесном контакте с гестапо.

Первым серьезным применением ФА внутри страны явился сбор информации о начальнике штаба штурмовых отрядов Реме. После успешного завершения этой операции руководитель управления Ганс Шимпф получил ранг министерского советника, приобрел определенное влияние и нажил множество врагов, а в апреле 1935 года погиб при весьма загадочных обстоятельствах. Первоначально даже не было известно, произошло ли это в Силезии, Берлине или Кенигсберге, затем получила широкое хождение оказавшаяся ложной версия самоубийства. В действительности, судя по всему, произошло следующее: один из агентов Шимпфа в военном министерстве передал ему некий секретный документ, но абвер сумел зафиксировать его пропажу и установить ее подлинную причину. Бломберг обратился к Гитлеру с официальной жалобой на действия Геринга и Гиммлера, и после весьма резкой реакции фюрера те поняли, что оказались в опасном положении. Лучшим выходом из него они сочли устранение единственного свидетеля, на которого теперь можно было свалить всю ответственность.

Следующим и последним руководителем ФА стал князь Кристофер фон Гессе, возглавлявший его с апреля 1935 года и до конца существования управления. В 1936 году оно насчитывало 1500 человек личного состава и имело развитую периферийную структуру, включавшую расположенные по всей территории Германии 12 “исследовательских бюро”, а также сеть станций, одни из которых занимались радиоперехватом внутри рейха, другие — вне его, третьи перехватывали телеграфные сообщения, четвертые — почтовую корреспонденцию. Региональные приемные станции находились в Штутгарте, Гамбурге, Мюнхене и Кельне. К 1937 году ФА ежемесячно перехватывало от 40 до 50 тысяч телефонных переговоров на территории страны и до 10 тысяч за ее пределами. Центральный аппарат управления состоял из семи подразделений:

- I отдел — административный с функциями организации и безопасности;
- II отдел — по личному составу;
- III отдел — обобщение и обработка сырой информации;
- IV отдел — криптографический;
- V отдел — непосредственная деятельность и оценка материалов по внешней и внутренней политике и экономике;
- VI отдел — технические исследования и разработки;
- VII отдел — применение технических средств управления в Берлине, Гамбурге, Кельне, Штутгарте, Мюнхене, Бреслау и Вене.

III отдел министерства иностранных дел занимался так называемым “салонным шпионажем” и составлял разведывательные оценки. Начинать эту работу сам будущий министр Иоахим фон Риббентроп, но потом, сменив фон Нейрата, он препоручил ее соответствующему чиновнику, по имени которого отдел часто называли “службой Хенке”. Эта структура входила в состав информационной секции министерства и носила официальное обозначение Информационного поста III (Инф. III). В дальнейшем Андор Хенке получил должность руководителя политической секции МИД, а его преемником в 1943 году стал Эрвин Эттель, а затем барон фон Биберштайн. Никаких особенных достижений за Инф. III не числилось, зато наличие разведки в составе МИД сыграло весьма негативную роль, поскольку из-за этого Риббентроп скептически

Иоахим фон Риббентроп

относился к данным остальных разведывательных органов и нередко даже мешал их деятельности. Кроме III отдела, разведывательной работой в МИД занималось еще одно структурное подразделение, ответственное за криптоанализ. Хотя это и нарушало нормативно зафиксированную монополию ФА, но молчаливо одобрялось Гитлером, а поэтому разрешалось. Этим подразделением являлся “Реферат I Ц”, с 1936 года вошедший в состав Административного и кадрового управления министерства и с тех пор именовавшийся “Реферат Ц” или “Перс. Ц”. Очередной реорганизации он подвергся в 1939 году, когда в его дешифровальной секции появились подсекции кодов и шифров, хотя административно структура управлялась иначе. Математиков в ней возглавлял доктор Вернер Кунце, а лингвисты ввиду своей многочисленности были разделены на группы европейских и азиатских языков. Ими соответственно руководили фактически абсолютно равноправные Адольф Пашке и Рудольф Шнауэр, однако для административных целей все же требовался какой-то один начальник, и таковым совершенно условно назначили амбициозного уроженца Санкт-Петербурга Шнауэра. Он прекрасно знал об условном характере своей должности, и, тем не менее, везде и всегда претендовал на руководство и европейскими, и азиатскими лингвистами “Реферата Ц”. В 1933 году криптографическое подразделение МИД было сравнительно невелико и насчитывало около 30 человек, но по мере приближения войны его штат разрастался и к 1944 году достиг максимальной численности в 300 сотрудников.

Адольф Пашке

Номинальную монополию ФА в криптографии нарушало не только министерство иностранных дел. Вермахт также не пожелал остаться в стороне от столь перспективного занятия и в дополнение к образованному еще в декабре 1921 года Шифровальному бюро верховного командования вермахта (ОКВ) организовал аналогичные подразделения и в верховных командованиях сухопутных войск, люфтваффе и кригсмарине (ОКХ, ОКЛ и ОКМ). В середине 1939 года общая численность персонала всех этих структур в 18 раз превышала штат дешифровальщиков и радиоразведчиков 1932 года, однако объем добываемой ими информации возрос в значительно меньшей степени. Главной причиной этого явилась ведомственная разобщенность, конкуренция и отсутствие единого плана работы. Кроме того, ограниченное количество стационарных постов радиоразведки уже не могло удовлетворить возрастающие нужды государства и армии, и тогда ОКВ нашло выход в создании мобильных радиоразведывательных рот, перебрасывавшихся на наиболее важные участки.

Все службы военной связи и радиоразведки вермахта (ВНВ) с 1939 года курировал генерал-майор Эрих Фельгибель, а непосредственным руководителем управления связи являлся генерал-майор Фриц Тиле, ранее возглавлявший службу радиоперехвата сухопутных войск. Теперь же в его компетенцию входило обеспечение связи в германских вооруженных силах, а также руководство всеми военными радиоразведывательными и криптографическими органами рейха. Функции подчинявшегося ему Шифровального бюро, сокращенно именовавшегося на армейском сленге “Ши”, заключались в обеспечении безопасности собственных коммуникаций связи, осуществлении перехвата иностранной переписки и контроле над соответствующими службами армии, ВВС и ВМС. Бюро возглавлял полковник Зигфрид Кемпф, а его группа, ответственная за перехват агентурных сообщений, в обиходе именовалась функабвером.

К 1938 году немцы достигли значительных успехов в анализе перехвата радиообмена потенциальных противников, а также в прочтении их закрытой переписки. Например, они располагали почти полным военно-морским кодом Британии, скомпрометированным в 1935 — 1936 годах из-за широкого и неконтролируемого радиообмена, который вели в Красном море английские корабли во время наблюдения за приготовлениями Италии к нападению на Абиссинию. К середине 1939 года код был незначительно усложнен, но это не слишком затруднило усилия германских дешифровальщиков и не обеспечило надежной защиты для переписки британского флота.

В связи с созданием Научно-исследовательского управления министерства авиации значительные изменения претерпела военная разведка. Поскольку ФА теоретически моно-

полизовало криптографическую и криптоаналитическую работу в интересах всех ведомств Германии, II отдел абвера с прежними функциями автоматически прекратил существование. Одновременно агрессивная концепция разведывательной деятельности предопределила возникновение принципиально нового направления в секретной службе — диверсионного. Постепенно структура центрального аппарата абвера стала весьма разветвленной и включала в себя центральный отдел (Ц), одновременно выполнявший функции штаба, разведывательный отдел Абт-I, диверсионный отдел Абт-II и контрразведывательный отдел Абт-III, самостоятельные отделы цензуры писем и телеграмм, а также три группы связи с главнокомандующими сухопутными войсками, кригсмарине и люфтваффе.

Центральный отдел возглавлял Ганс Остер, в будущем активный участник заговора против Гитлера. В нем имелись подотделы:

- ЦО — организация, мобилизация разведки и усиление пограничного контроля;
- ЦФ — финансы и кадры;
- ЦР — юридическая служба;
- ЦАРХ — архивы;
- ЦК — центральная картотека;
- ЦКФ — картотека агентуры;
- ЦРЕГ — центральная регистратура с курьерской службой.

Начальником отдела Абт-I с 1936 по 1943 годы являлся Ганс Пикенброк по прозвищу “Пики”, близкий друг Канариса, дослужившийся в абвере от майора до полковника. Разведка состояла из следующих подотделов:

- I“X” — разведка сухопутных войск иностранных государств (секторы “Запад”, “Северо-Запад”, “Восток”, “Северо-Восток”, “Юго-Восток” и сектор военно-технической разведки “ХТ”);
- I“M” — разведка военно-морских сил иностранных государств (секторы совпадали с I“X”, за исключением сектора военно-технической разведки “Мт”);
- I“L” — разведка военно-воздушных сил иностранных государств, вопросы аэрофоторазведки;
- I“B” (I“Ви”) — экономическая и промышленная разведка;
- I“П” — разведка из открытых источников;
- I“Г” — технические средства разведки с лабораторией оперативной техники и документации;
- I“И” — радиоцентр абвера, которому подчинялись все нелегальные агентурные передатчики.

Позднее были сформированы дополнительные группы научно-технической разведки I“Т” и I“Тлв” и группа I“КО” по изучению мобилизационных возможностей противника.

Абт-II до 1938 года возглавлял Хельмут Гроскурт. Отдел состоял из подотделов 1 (национальных меньшинств) и 2 (специальных операций и диверсий с региональными и специализированными секторами), учебного центра 2“Те”, а также секторов 1“а” по делопроизводству и 1“b” — лаборатории. Ему же подчинялись части специального назначения, структура которых будет рассмотрена далее.

Значительно больше подотделов имелось в контрразведывательном отделе Абт-III, которым руководил фанатичный приверженец нацизма Рудольф Бамлер:

- III“А” — административные функции;
- III“В” — головной подотдел по обеспечению безопасности вермахта в целом;
- III“Х” — руководство контрразведывательными мероприятиями в сухопутных войсках, а также совместное с гестапо руководство тайной полевой полицией вермахта (ГФП);
- III“М” — руководство контрразведывательными мероприятиями на флоте;
- III“Л” — руководство контрразведывательными мероприятиями в авиации;
- III“В” — экономическая контрразведка, под которой понималась защита объектов военной промышленности и экономики;
- III“Ц” — контрразведка в пределах территории рейха;
- III“С” — противодиверсионные мероприятия;

Ганс Остер

- III“Ф” — контрразведка за рубежом;
- III“Д” — дезинформация противника;
- III“Г” — экспертиза и консультативные заключения;
- III“Ц/Арх” — вопросы безопасности и картотека контрразведки.

Позднее были организованы подотделы III“Н” — по защите средств информации и каналов проводной связи, III“Ффу” — пеленгация вражеских агентурных передатчиков и III“К” — радиосвязи. Наиболее засекреченными в рамках отдела являлись подотделы III“Д” и III“Ф”. Одной из самых сильных сторон абвера была наступательная контрразведка, работа которой с теоретической точки зрения, заключалась в разведке так называемых каналов “Е” и “GV”. Первые из них возникали при вербовке сотрудника секретной службы противника после проверки его искренности. Канал “GV”, или контригра, возникал при успешном внедрении в разведку или контрразведку противника двойника. Однако в наиболее сложных и деликатных случаях использовались не структуры III“Д” или III“Ф”, а иное, самое закрытое подразделение центрального аппарата “Секретные связи”. Оно подчинялось непосредственно Канарису и занималось вербовкой агентуры для активной обработки личного состава разведывательных служб противника, проникновением в них для выявления их методов, намерений и планов, а также осуществлением секретной связи с помощниками в деле их дезинформации. Начальником “Секретных связей” являлся ветеран контрразведки Рихард Протце, известный также под прозвищами “дядя Рихард” и “старик абвера”.

Слева направо: Э. Лахузен,
В. Канарис, Г. Пикенброк

Абвер динамично развивался. Быстрыми темпами пополнялся арсенал оперативной техники. Следовало обезопасить самое уязвимое звено разведывательных операций — радиосвязь, и с этой целью инженеры фирмы “Телефункен” создали агентурный радиопередатчик “АФУ” (от “Agenten-Funk”). Из-за своеобразных трудно засекаемых сигналов, издаваемых в эфире этим компактным и мощным аппаратом, он получил название “шепчущего”.

Постепенно начинало ощущаться приближение войны, однако в Берлине пока еще отнюдь не были уверены в том, что немцам не придется отступить. По этой причине абвер пошел на эксперимент и развернул по Одере, на собственной территории, внутреннюю агентурную сеть внешней разведки из оперативных агентов и агентов-радиостов на случай необходимости обеспечения срочного развертывания операций в тылу наступающего противника. По всему миру контрразведывательные службы с изумлением зафиксировали внезапный всплеск активности немцев в оперативной работе. Им пока еще не доставало профессионализма, но массовость вербовок и забросок агентуры заставили задуматься многих. Капитан 1-го ранга Канарис стремительно превращал свое ведомство в одну из мощнейших секретных служб мира, за что в сентябре 1935 года получил звание контр-адмирала. Несмотря на развитие разведывательного и контрразведывательного аппарата СД и гестапо, военные все еще далеко опережали их по значимости и влиянию. В 1936 году соглашение между этими тремя ведомствами о разграничении сфер ответственности, известное в истории разведки под названием “10 заповедей”, устанавливало, например, что борьба с иностранным шпионажем и оперативное изучение внешней политики иностранных государств являются прерогативой исключительно абвера, на долю же СД-аусланд оставались лишь вопросы их внутреннего положения. Пройдет весьма немного времени, и политические спецслужбы начнут игнорировать это соглашение, но пока оно стало основой функционирования разведывательного сообщества Германии. За год до этого министерство иностранных дел также подписало соглашение с абвером, согласно которому зарубежные миссии становились базами для создания и функционирования его резидентур (КО).

Военная дипломатия и разведка силами военных и военно-морских атташе в предвоенный период не относились к компетенции абвера, а возлагались на Управленческую груп-

пу “Заграница”, в которой для этой цели имелись отделы внешней и оборонной политики, связи с иностранными армиями, иностранных армий (статистики), иностранных флотов (тыловые службы), иностранной прессы, военного права (международные военно-правовые аспекты), колониальной политики и обработки информации.

Определенное развитие в межвоенный период получила оперативная и тактическая разведка сухопутных войск Германии, ранее представленная 3-м отделом ОКХ под названием “Иностранные армии” (ФХ). С 1933 по 1936 годы его возглавлял полковник Карл-Генрих Штюльпнагель, которого затем сменил полковник Курт фон Типпельскирх. Отдел состоял из административной группы, службы военных атташе, регистрационной группы и пяти региональных групп, объединенных в секторы “Восток” и “Запад”. 10 ноября 1938 года на базе ФХ образовались два новых подразделения, общее руководство которыми по-прежнему осуществлял фон Типпельскирх. Теперь 3-й отдел ОКХ именовался “Иностранные армии Запада” (ФХВ), а в Цоссене разместился новый 12-й отдел “Иностранные армии Востока” (ФХО). Изучением западных армий занимались 16 офицеров под руководством подполковника Ульриха Лисса, а в дальнейшем отдел ФХВ пополнялся в основном офицерами запаса. При призыве на службу в разведку отдавалось предпочтение резервистам — бывшим банковским клеркам, владевшим такими неоценимо важными качествами как точность, оперативность и умение работать на пишущей машинке под диктовку. Кроме того, многие из них знали иностранные языки, однако в этом отношении значительно полезнее были другие резервисты, до призыва на службу работавшие в бизнесе или журналистике. Специфической особенностью системы германской военной разведки являлось весьма своеобразное разделение ее добывающих и обрабатывающих подразделений. Стратегическая разведка (абвер) не вела информационно-аналитическую работу и всю добытую информацию в сыром виде передавала в отделы оперативной разведки ФХВ и ФХО для составления информационных документов. Это было прямо и недвусмысленно зафиксировано в соответствующих документах, в частности в “Функциональных обязанностях должностных лиц и органов верховного командования вермахта”. В них в качестве третьей по очередности основной задачи Абт-1 абвера указывалась “передача необработанных разведанных... обрабатывающим инстанциям трех видов вооруженных сил, в особенности — 3-му отделу генерального штаба сухопутных войск, 3-му отделу штаба руководства войной на море и 5-му отделу главного штаба военноморских сил”¹⁹⁵. Одним из следствий такой системы являлось право этих подчиненных абверу органов ставить задачи собственной вышестоящей инстанции. Указанная схема приводила к серьезным сбоям в работе разведки как в стратегическом, так и оперативном звеньях. На протяжении всего периода существования ФХВ его функции ненамного отличались от обычных статистических, поэтому какого-либо особого вклада в ведение разведки отдел не внес. ФХО. До 1942 года им руководил подполковник Эберхард Кинцель, проявивший себя на этом посту не лучше, чем Лисс в ФХВ, и поэтому вплоть до середины Второй мировой войны 12-й отдел был столь же беспомощной структурой, как и 3-й.

Морская оперативная разведка за четыре предвоенных года выросла в мощную и разветвленную структуру. Если в 1935 году штат 2-го отдела главного штаба кригсмарине составлял менее 20 человек, то к окончанию межвоенного периода только в его центральном аппарате работали почти 1000 специалистов, как военных, так и гражданских. Резкое увеличение численности вызвало ряд специфических трудностей с укомплектованием штата, поскольку кадровые офицеры категорически отказывались подчиняться гражданским специалистам. Тогда с целью исключения психологических конфликтов всем им присвоили звания офицеров резерва, и дисциплинированные немцы сразу же успокоились. Существовали планы перевода разведки из Килия в Берлин, но реализовались они только после сентября 1939 года. К существовавшим трем подразделениям отдела добавилось отделение сбора информации по открытым источникам. Оно же обрабатывало сведения, полученные от военно-морских атташе из Анкары, Брюсселя, Буэнос-Айреса, Вашингтона, Гааги, Загреба, Копенгагена, Лиссабона, Лондона, Мадрида, Москвы, Осло, Парижа, Стокгольма, Токио и Хельсинки. Флот располагал также сетью подведомственных разведке постов перехвата и подслушивания. На побережье Северного моря они располагались в Вильгельмсхафене, Боркуме, Листе и Нордхольце, на Балтике — в Киле, Ноймюнстере, Фальсхофте, Кап Аркона, Свиномюнде, Штольпмюнде и Пиллау, а внутри страны — в Шесте и Лангенаргене. Мобилизационный план конца 1930-х годов в случае начала войны предусматривал сворачивание части постов

и усиления оставшихся с помощью их оборудования. Планировалось также создание временных постов. Работу против Великобритании должны были вести точки радиоразведки в Киле, Вильгельмсхафене, Свинемюнде и Ноймюнстере, против СССР — в Нойзидль-ам-Зее (Австрия) и Пиллау, против Италии и Франции — в Лангенаргене и Шесте, а против Польши — в Свинемюнде и Пиллау. В первую очередь они отвечали за перехват и его анализ, а для обработки тексты передавались в Киль и Берлин.

Третий рейх постепенно начинал играть мускулами. 7 марта 1936 года министр иностранных дел Германии фон Нейрат заявил послам Великобритании, Франции, Италии и Бельгии: “В интересах естественного права народа защищать свои границы и сохранять свои средства обороны германское правительство восстановило с сегодняшнего дня полную и неограниченную суверенность империи в демилитаризованной зоне Рейнской области”¹⁹⁶. В тот же день вермахт вступил в нее, имея строгий приказ не входить в боевое соприкосновение и немедленно возвращаться в случае противодействия со стороны французов. Это событие произвело огромный резонанс, война казалась неминуемой. Немецкие генералы были убеждены, что французская армия отреагирует мгновенно и жестко, однако они ошиблись. Никакого вооруженного сопротивления вермахт не встретил, хотя в 1936 году французы легко могли разгромить его. Вопреки сомнениям генералитета, операция “Шулунг” по вводу войск в демилитаризованную зону удалась, поскольку решение Гитлера опиралось на недоступные военному командованию данные дипломатической разведки. Из перехваченных и дешифрованных телеграмм посла в Берлине Франсуа Понсэ было ясно, что французская армия не станет совершать каких-либо действий на континенте без участия англичан, а в их доброжелательном нейтралитете Гитлер не сомневался. Посол в Лондоне Леопольд фон Хеш обоснованно заверял фюрера и рейхсканцлера, что Британия с пониманием отнесется к этой акции, и не ошибся. Несмотря на возмущение многих парламентариев, в частности, ясно представлявшего последствия действий Германии Уинстона Черчилля, англичане не сдвинули с места ни один самолет или корабль, а вслед за ними и французы ограничились лишь вербальными протестами. “Дух Версальского договора уничтожен”¹⁹⁷, — заявил Гитлер 21 марта, и это было правдой. Однако ремилитаризация Рейнской области не только бросала открытый вызов Версальской системе, но имела также и важное стратегическое значение. Кроме создания передовых позиций для войск, немцы активно занялись развитием военной инфраструктуры, включавшей железные и шоссейные дороги, мосты и переправы. Вермахт постепенно готовился к броску на Запад, хотя европейские правительства по-прежнему полагали, что сумеют обратить агрессию рейха на Восток.

К концу года укрепились внешние связи Берлина. 25 октября соглашение между Италией и Германией зафиксировало создание так называемой “оси Берлин — Рим”, а ровно через месяц Япония и Германия подписали пятилетний “Антикоминтерновский пакт”. Его стороны обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна и тесно сотрудничать в борьбе с ним, а также принимать необходимые меры против тех, кто содействует ему внутри или вне страны. Естественно, подлинный смысл пакта заключался не в идеологическом противодействии Коминтерну как таковому, а в геополитическом сдерживании Советского Союза. 6 ноября 1937 года к пакту примкнула Италия, образовав тройственный блок Берлин — Рим — Токио, в результате чего фашизм смог замкнуть кольцо вокруг планеты. Развивались и внешние контакты спецслужб Германии. В 1936 году абвер заключил соглашение с эстонскими коллегами, а несколько позже и с военной разведкой Венгрии. Оно было направлено в первую очередь против Чехословакии, но ориентировалось также и на другие государства Восточной и Юго-Восточной Европы.

Внутри страны Германия стряхивала с себя последние ограничения Версаля и Локарно. В ноябре 1936 года она отменила деятельность “речных комиссий”, а еще через два месяца Гитлер провозгласил окончание внешнего контроля над железными дорогами и Рейхсбанком. Принудить Берлин к соблюдению установленных ограничений было уже невозможно, этому эффективно препятствовал набравший мощь вермахт. Бывшие гаранты Версальского договора сами опрометчиво позволили нацизму создать вооруженные силы, обратившиеся против них же всего лишь три года спустя.

Органы безопасности рейха вели борьбу не только с реальными противниками, но и развили весьма активную деятельность против врагов, порожденных собственными иллюзиями нацистов. Одним из наиболее важных объектов разработки гестапо и СД являлась

католическая церковь внутри Германии и за ее пределами. Гитлер воспринимал Святейший престол как одну из крупнейших в мире подрывных организаций, в один ряд с которой он ставил коммунистов, масонов и иудеев. Папа Пий XI представлялся ему руководителем шпионских сетей и заговоров в различных странах, направленных на достижение Ватиканом мирового господства. С полным соответствием с этой теорией НСДАП и органы безопасности рейха считали католическое духовенство и монахов своими естественными врагами и немедленно после прихода к власти начали их преследование по всей стране. Первоначально задача борьбы с католицизмом была возложена на мюнхенское управление СД, в котором эту линию возглавлял бывший священник и теолог Вильгельм Патин. Однако вскоре выяснилось, что для активной разработки противника региональный масштаб совершенно недостаточен, и задачу борьбы с католической церковью взял на себя центральный аппарат СД в Берлине. Там им последовательно руководили бывшие священники Мартин Вольф и Альберт Хартль. Последний ранее был студенческим префектом в католической семинарии в Фрайзинге, но внезапно публично обвинил в антигосударственных высказываниях своего лучшего друга и начальника священника Йозефа Россбергера, дал свидетельские показания на суде, позволившие отправить его на год в тюрьму, и вступил в НСДАП. Гестапо также разрабатывало католическую линию, однако уровень его информаторов был ниже, чем у агентуры СД, объектами которой являлись епископы и высшая администрация. К 1939 году всю германскую католическую церковь полностью пронизывали агенты обеих этих организаций. В каждой епархии органы безопасности имели не менее 20 — 30 информаторов и осуществляли регулярный контроль почтовых отправок. Однако отсутствие агентурного прикрытия Ватикана не позволяло СД находиться полностью в курсе намерений католической церкви и перехватить каналы связи Святейшего престола с епархиями внутри Германии. Одним из наиболее досадных промахов стало неожиданное для руководства рейха появление в 1937 году энциклики папы на немецком языке “*Mit brennender Sorge*” (“*Со жгучей заботой*”), в которой он анализировал положение католической церкви в Германии и выражал резкий протест против нарушения условий конкордата 1933 года. Гейдрих не смог предупредить Гитлера о ее появлении и оправдывался перед ним отсутствием необходимых сил и средств для агентурного проникновения в Ватикан.

Кончина папы Пия XI в феврале 1939 года весьма обрадовала руководство НСДАП, рассчитывавшее оказать влияние на выбор приемлемого для Берлина его преемника. СД смогла продвинуть в Ватикан своего агента, уроженца Вены украинского происхождения Тараса Бородайкевича и другого агента, личность которого до настоящего времени не установлена. Первоначально они получили разрешение израсходовать до 3 миллионов золотых марок для обеспечения избрания либо кардинала Морилио Фоссати из Турина, либо Эллио дала Коста из Флоренции. Однако лучше знавший обстановку внутри католической церкви руководитель католической линии в СД Хартль не рекомендовал Гитлеру прибегать к коррупции и убедил его, что подкуп требуемого для избрания папы большинства в коллегии кардиналов (42 человека из 62) является нереальной задачей. В результате Берлин не смог вмешаться в этот процесс, и 2 марта 1939 года новым первосвященником католической церкви был избран неприемлемый для Германии кардинал Эуженио Пачелли, избравший себе имя Пия XII.

Одновременная разработка структур католической церкви в рейхе силами гестапо и СД является наглядным примером параллелизма, возникавшего в работе этих двух оперативных органов. Часто встречающиеся утверждения о том, что СД-инланд представляла собой разведывательный аппарат тайной государственной полиции, лишены оснований и отражают лишь стремление ряда лиц в нацистском руководстве размежевать границы их ответственности. В действительности отношения между ними складывались совершенно иначе, и ликвидировать возникающие противоречия оказался не в состоянии даже их общий начальник, руководитель полиции безопасности и СД Гейдрих. Сотрудники СД критиковали гестаповцев за закостенелость мышления и неспособность подняться над сиюминутными проблемами, а также за исключительно полицейский образ мышления. В ответ они слышали обвинения в верхоглядстве, дилетантизме, безответственности и легкомыслии, а также в стремлении везде и всюду перебежать дорогу гестапо и воспользоваться плодами кропотливой работы полицейских. К ликвидации далеко зашедшего конфликта был привлечен Гиммлер, в 1938 году разработавший план объединения всех подведомственных ему служб

в охранный корпус и слияния всех видов полиции со Службой безопасности и охранными отрядами. Гейдрих вынашивал другую идею. Он планировал перевести СД в категорию органов государства и слить ее с полицией, но не с СС. В итоге длительных дискуссий и зондирования позиции руководства НСДАП выяснилось, что обе концепции реализованы не будут. Проблема была решена несколько иначе, путем создания Главного управления имперской безопасности (РСХА), часть подразделений которого сохраняла партийный статус, а часть — государственный. Однако эта реформа произошла 27 сентября 1939 года и потому рассматривается в другой главе.

* * *

После взятия власти нацистами иностранные разведывательные службы не бездействовали, а спохватились довольно быстро. Кроме уже упоминавшихся поляков, их союзники французы активизировали свои агентурные сети и полностью развернули их к 1934 году. Они сумели внедрить в Исследовательское управление министерства авиации агента Ганса-Тило Шмидта, до 1939 года включительно поставлявшего весьма ценную информацию для возглавляемой Густавом Бертраном дешифровальной секции “Д” Службы разведки. Младший сын аристократического семейства Шмидт в 1926 году был принят на работу в качестве гражданского специалиста в шифровальное бюро войск связи (“Ши”) по рекомендации его старшего брата подполковника Рудольфа Шмидта, заместителя начальника этого бюро. Служебные обязанности Ганса-Тило состояли в уничтожении утративших силу ключей к шифровальной машине “Энигма”. В этом он усмотрел возможность легко заработать и летом 1931 года в инициативном порядке вышел на посольство Франции, однако получил ответ, что оно в услугах подобного рода не нуждается. Хотя ответ был категоричен, будущий посол в Москве и жертва громкого шпионского скандала Морис Дежан все же снабдил его конспиративным адресом и телефоном в Париже, по которому Шмидту надлежало связаться со Службой разведки. СР направила для продолжения контакта с ним своего сотрудника в Бельгии Родольфа Лемуана (“Рекс”, настоящая фамилия Штальман, иногда ошибочно указывается Штальберг). В ноябре 1931 года за 10 тысяч марок он успешно завербовал Шмидта и присвоил ему псевдонимом “НЕ” (буквы латинские, читается “Ашэ”, поэтому иногда в литературе указывается именно в таком виде). Через два года агент перешел на работу в ФА и до начала Второй мировой войны на девятнадцати встречах со связником передал французам свыше трехсот документов, главным образом касавшихся процедуры шифрования. В 1933 году Шмидт предпринял безуспешную попытку прекратить связь с французами, однако СР пригрозила выдать его за это немцам. Угроза являлась чистейшим блефом, поскольку ни одна разведка мира не пошла бы на раскрытие противнику информации о компрометации его кодов или шифров, однако “НЕ” этого не знал и больше на подобные действия не отваживался.

Материалы по “Энигме” достаточно регулярно поступали к французам до самого начала военных действий в 1939 году и в некоторой степени помогли им и полякам продвигаться в процессе вскрытия германской переписки. Летом 1997 года бывший руководитель этой операции Поль Пэйоль¹⁹⁸ в серии интервью заявил, что все истории о заблаговременном начале англичанами работ по “Энигме”, являются не более чем пропагандистской шумихой. По его утверждению, до осени 1939 года они совершенно не интересовались этим вопросом и игнорировали все поступающие от французов материалы по данной теме. Трудно сказать с уверенностью, справедливо ли данное заявление, или же Пэйоль на склоне лет решил бросить очередной камень в огород не слишком любимых им бывших союзников. В любом случае, к мнению человека, с 1936 года возглавлявшего немецкую секцию французской военной контрразведки, следует прислушаться. В той же серии интервью он сообщил принципиально новые факты о поставлявшихся Шмидтом материалах, однако они не подтверждаются другими источниками, и поэтому вызывают определенное сомнение. Пэйоль утверждал, что “НЕ” обеспечивал СР не только криптографической информацией, но и почерпнутыми от брата военными и политическими сведениями по весьма широкому кругу проблем. В принципе, это не исключалось, поскольку после ухода из шифровального бюро Рудольф Шмидт возглавил военную академию, а затем получил назначение на должность командира первой формировавшейся в Германии механизированной дивизии. Безусловно, он располагал доступом к упоминавшейся Пэйолем информации и вполне мог

обсуждать ее в семейном кругу со своим братом, однако в самом ли деле попадала ли она к французам — неизвестно.

Ганс-Тило Шмидт весьма заботился о своей безопасности и категорически отметал все предложения Лемуана об установлении радиосвязи, что для сотрудника радиоконтрразведывательной службы было вполне естественным, предпочитая лично передавать материалы связникам в Чехословакии, Голландии, Венгрии и Швеции. Судя по всему, “НЕ” недооценивал опасность пересечения границы с компрометирующими материалами, но все сходило ему с рук, возможно, благодаря его положению сотрудника спецслужбы. В особенно срочных случаях агент отправлял написанное симпатическими чернилами сообщение на конспиративный адрес в Швейцарии.

С началом войны французская разведка утратила связь с “НЕ”, спокойно работавшем в Исследовательском управлении, а с 1940 года переведенным в его штеттинский филиал. Однако в июне 1942 года (а не в 1943, как иногда ошибочно утверждается) в небольшом городке в Пиренеях контрразведчики абвера сумели захватить Лемуана. 75-летний больной туберкулезом разведчик не выполнил приказ руководства о бегстве в Испанию из-за ареста гестапо его двоих сыновей, без которых он считал свою жизнь бессмысленной. Абвер обращался с Лемуаном с большим уважением и почетом, пленник содержался не в тюрьме, а в специально выделенных и надежно охраняемых апартаментах парижской гостиницы “Континенталь”. После ареста он заявил, что, хотя является немцем по крови, но давно уже ощущает себя французом, и потому отказывается давать показания о французской секретной службе. В виде компромисса Лемуан выдал немцам нескольких агентов СР — немцев по национальности, которых вполне обоснованно полагал обыкновенными предателями. Среди них был и Ганс-Тило Шмидт, арестованный в марте 1943 года. Судьба его не вполне ясна. В тюрьме он погиб от яда, при этом до сих пор не существует четкого мнения, было ли это самоубийством, особым родом казни или же до “НЕ” дотянулась секретная служба союзников и таким образом принудила его молчать. Для подобного предположения имеются некоторые основания. Показания Шмидта неизбежно привели бы к компрометации вскрытия шифров “Энигмы”, но поскольку этого не произошло, он явно не успел сказать ничего опасного. Отравление подоспело весьма своевременно.

Генерал Рудольф Шмидт после разоблачения брата был уволен из армии. Первоначально расшвырявший Гитлер приказал арестовать его, однако, благодаря заступничеству десяти генералов вермахта его просто отправили в отставку. В 1945 году он был захвачен советской военной контрразведкой “СМЕРШ” и вместе с женой отправлен отбывать наказание во Владимир. В 1953 году Шмидт вернулся домой, но вскоре умер от истощения. Лемуан дожил до освобождения и в 1945 году вышел из немецкой тюрьмы совершенно больным человеком.

Французы вообще располагали довольно большим объемом информации по Третьему рейху благодаря массовым вербовкам, еще в 1920-е годы проведенным в среде буквально голодавших офицеров рейхсвера. Сведения о военных приготовлениях Германии поступали в Париж регулярно, а то, что их так и не использовали, просто в очередной раз доказало совершенную ничтожность реального влияния разведки на политику своей страны. Государственные деятели принимают решения сами и в соответствии со своими представлениями и интересами, а если информационные материалы разведки противоречат сформировавшимся взглядам политиков, то чаще всего они попросту отвергаются. Предоставляемые разведкой сведения могут реально влиять на пересмотр позиции руководства лишь на тактическом уровне, на стратегическом же они учитываются только тогда, когда подтверждают и дополняют действующую линию правительства. Исключения ничтожно редки.

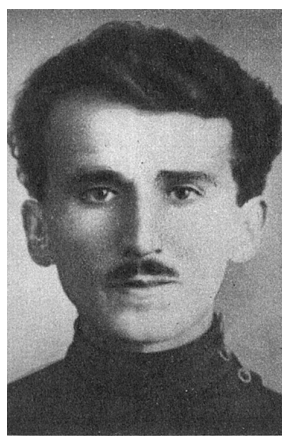
В Советском Союзе по германскому направлению работали 3-е отделение ИНО ОГПУ и аналогичное подразделение IV (разведывательного) управления РККА. Еще 2 ноября 1932 года в предвидении ухудшения ситуации в Германии начальник ИНО А. Х. Артузов подписал распоряжение о реорганизации работы внешней разведки, предписывавшее “перестроение всей агентурно-оперативной деятельности провести на основе возможного переключения всей работы в случае каких-либо осложнений с “легальных” рельс (берлинская резидентура) исключительно на подпольные. Для этого:

- а) правильно распределить структуру по нелегальным группам;
- б) организовать промежуточные пункты сдачи материалов по линии как связи с “легальной” резидентурой (Берлин), так и магистральной связи с Советским Союзом;

в) подготовить подпольное руководство нелегальными группами, предусматривая создание нескольких нелегальных резидентур”¹⁹⁹.

Это решение оказалось вполне своевременным. Грамотно проведенное перестроение работы позволило свести потери агентуры берлинской точки во время террора 1933 года всего к двум источникам, причем по причинам, не связанным с их тайной деятельностью. Для повышения безопасности пришлось сократить число поддерживаемых связей, но даже и в этих экстремальных условиях в 1933 году только из МИД удалось добыть 12 важных документов.

До июня 1933 года резидентуру внешней разведки возглавлял будущий заместитель начальника ИНО Б. Д. Берман, в дальнейшем во время “большой чистки” запятнавший свое имя Куропатской трагедией белорусского народа и вскоре сам расстрелянный в числе других коллег. Бермана сменил один из виднейших резидентов предвоенного периода Б. М. Гордон. В начале 1934 года главными объектами оперативного изучения в Германии являлись армия, полиция, МИД, НСДАП, окружение Гитлера, Геринга и Бломберга. Большое значение также придавалось ведению экономической разведки, в частности, в области конъюнктуры рынков различных товаров. Научно-техническая разведка изучала предприятия фирм “Сименс”, “АЕГ”, “ИГ Фарбениндустри”, военные заводы концернов “Крупп”, “Юнкерс” и “Рейнметалл”, производство “Бамаг”, “Манн” и “Цейсс”. Следующий год принес 13 новых источников по линии политической разведки, вершина успехов резидентуры пришлась на 1936 год, а затем наступил не просто неизбежный после подъема спад, но настоящий разгром. В мае 1937 года Гордона отозвали на родину и тоже расстреляли, а резидентуру возглавил прибывший из Москвы А. И. Агаянц. Чистка кадров внешней разведки продолжалась, и штатная численность точки уменьшилась с шестнадцати сотрудников в 1935 году до трех в 1938 году. Новый 1939 год в Берлине встречали всего два оперативных работника без резидента, поскольку Агаянц тяжело заболел и в декабре 1938 года умер в клинике на операционном столе. Естественно, что связи с агентурой пришлось свернуть, а источники временно законсервировать. Новый резидент прибыл в Берлин лишь с началом войны, в сентябре 1939 года, им стал заслуживший недобрую память А. З. Кобулов (“Захар”).

А. И. Агаянц

Военная разведка СССР в Западной Европе и Германии проработала в активном режиме недолго. В 1936 году из Москвы поступил приказ заморозить агентурные операции в рейхе в связи с попытками достичь политического соглашения с Гитлером. Разведывательное управление РККА свернуло работу под страхом неизбежного и строгого наказания, а его агентура получила инструкции о временном прекращении связи и сигналы для ее возобновления. Политическая же разведка в силу объективных причин сама растеряла почти всех агентов: один за другим отзывались и, как правило, расстреливались ее офицеры, часть источников не успела перейти на связь к сохранившимся сотрудникам, да и слишком мало их оставалось для активной работы. Если резидентура потеряла контакт даже с “Брайтенбахом”, об остальных нечего и говорить.

“Брайтенбах” (Вилли Леман) сотрудничал с советской разведкой с 1929 года. Он начинал свою карьеру в политической секции полиции и в 1933 году перешел в гестапо, где руководил группой IVЕ, занимавшейся контрразведывательным обеспечением объектов военной промышленности. Это позволяло ему добывать важную информацию о новых образцах вооружений вермахта, но значительно более существенной являлась открывшаяся возможность контролировать все контрразведывательные операции гестапо и соответственно обеспечивать безопасность собственных операций. За весь период сотрудничества с “Брайтенбахом” резидентура не имела в Германии серьезных провалов. С 1930 года в служебные обязанности Лемана была включена разработка советского полпредства в Берлине, а с 1932 года и борьба с польским шпионажем. В 1934 году его принял на связь нелегальный резидент В. М. Зарубин, работавший под прикрытием чехословацкого гражданина Кочека, затем агента вели

Вилли Леман

другие сотрудники, а с 1937 года лично резидент Агаянц. С его смертью связь с “Брайтенбахом” прервалась.

Это же произошло и с другим агентом внешней разведки, положившим начало одной из самых результативных агентурных сетей в истории — Арвидом Харнаком. Он привлек внимание ОГПУ еще в 1932 году при посещении им Москвы в составе делегации прокоммунистически настроенных германских ученых. Марксистские настроения мужа разделяла его жена Милдред Фиш, гражданка Соединенных Штатов Америки. Особенно возросла ценность этого потенциального источника с апреля 1935 года, после назначения его советником министерства экономики. 15 июля того же года начальник внешней разведки НКВД Артузов наложил резолюцию: “Подготовку к вербовке Харнака считать целесообразной”²⁰⁰. Первоначально будущего агента разрабатывали офицеры разведки, работавшие под прикрытием “Всесоюзного общества культурных связей с заграницей” (ВОКС), однако непосредственный вербовочный подход к объекту совершил не разведчик, а “чистый” дипломат А. Гиршфельд. Харнак сам рвался в бой, ибо в душе считал себя не агентом разведки, а скорее антифашистом, и очень скоро он самостоятельно создал группу единомышленников, в основном высокопоставленных представителей промышленных и военных кругов. Источник начинал работу с первым руководителем Н. М. Белкиным (“Кади”) под псевдонимом “Балт”, но вскоре получил новый псевдоним “Корсиканец”, под которым и остался в истории.

Арвид Харнак

Впечатляет даже краткий обзор полученных от “Балта” документов: “Ценные документальные материалы по валютному хозяйству Германии, секретные сводные таблицы всех вложений Германии за границей, внешней задолженности Германии, секретные номенклатуры товаров, подлежащих ввозу в Германию, секретные торговые соглашения Германии с Польшей, прибалтийскими странами, Ираном и другими, ценные материалы о заграничной номенклатуре министерства пропаганды, внешнеполитические ведомства партии и других организаций. О финансировании разных немецких разведывательных служб в валюте и т. д.”²⁰¹. С подачи Харнака были произведены вербовки нескольких крупных агентов. По всей вероятности, работа такого масштаба долгое время оставалась безнаказанной исключительно благодаря обеспечению безопасности операций “Брайтенбахом”. Даже после ареста и казни “Корсиканца” гестапо считало, что он сотрудничал с Советским Союзом не с 1935, а с 1940 года и, кроме того, ошибочно относило его сеть к военной разведке. В июне 1938 года вследствие описанных событий в резидентуре связь с источником прервалась, но Харнак продолжал формировать подпольную антифашистскую организацию даже в условиях отсутствия руководства. Так возникла берлинская сеть будущего так называемого “Красного оркестра”, являвшаяся одним из его наиболее важных и результативных звеньев.

В Германии начинал работу Я. П. Черняк, руководитель одного из берлинских районных комитетов компартии. С 1933 года он стал работать на военную разведку СССР, год спустя уже руководил группой агентов, а в дальнейшем много перемещался по всей Европе и для приобретения источников информации использовал свои давние партийные каналы. В 1935 году один из контактов Черняка провалился, и ему пришлось бежать в Москву. Последующие десять лет он руководил нелегальной резидентурой и лично произвел 24 вербовки. Источники Черняка в основном специализировались по линии научно-технической разведки в Европе, в частности, по оружию и электронике.

Третий рейх тем временем готовился к экспансии. 5 ноября 1937 года Гитлер объявил в узком кругу приближенных, о намерении начать европейскую войну не позднее 1943 года. До этого он провел пробу сил в Испании, где Германия и Италия поддерживали противников республиканского правительства вначале негласно, затем путем активных военно-воздушных и военно-морских операций, и наконец ввели на Пиренеи свои сухопутные части. Испанский полигон стал ареной пробы сил армий и театром военных действий спецслужб противостоящих группировок.

Первый настоящий внешний бросок Германия совершила в давно привлекавшую нацистов Австрию. В 1934 году они уже пытались захватить власть в этой стране, в результате

чего погиб ее канцлер Дольфус, но тогда Муссолини категорически пресек эти действия Гитлера, и ему пришлось отступить. Однако в дальнейшем расстановка сил принципиально изменилась. Рим уже не мог диктовать свою волю Берлину, да и во всей Европе мало кто желал заниматься этим, поэтому 12 марта 1938 года германские войска беспрепятственно вошли в Австрию и обеспечили ее присоединение к рейху, известное под немецким словом “аншлюс”. Абвер и СД направили в бывшую независимую страну свои спецгруппы, в частности, “Отряд ZZ” по захвату архивов австрийской военной разведки. Ее фактический начальник Эрвин Лахузен Эдлер фон Вивремонт поступил на службу в абвер, в очень скором времени возглавил его диверсионный отдел и завоевал искреннее уважение сослуживцев, с гордостью утверждавших, что их шеф в любое время готов спрыгнуть с парашютом на крышу любого президентского дворца в мире. Лахузен сохранил верность своему покровителю Канарису и его памяти вплоть до разгрома Германии и Нюрнбергского процесса 1946 года, на котором всеми силами пытался обелить военную разведку, а ее начальника представить активным антифашистом. Вскоре после аншлюса в Вене открылся региональный разведцентр абвера, сферой деятельности которого стала Восточная и Юго-Восточная Европа.

Теодор Ровель

Тем временем ведомство Канариса перестраивалось в соответствии с новыми условиями. Приданное ему “Экспериментальное звено высотного полета” под командованием полковника Ровеля, с 1936 года именовавшееся эскадрилей ВВС специального назначения, начало планомерную фотосъемку объектов на территориях Чехословакии, Польши и Франции. К 1939 году подразделение состояло уже из трех эскадрилий по 12 самолетов в каждой и получило название Разведывательной группы главного командования люфтваффе.

В 1937 году по просьбе адмирала Гитлер разрешил проведение неограниченных агентурных операций против Великобритании, а в следующем году было заключено соглашение о разведывательном взаимодействии с японскими коллегами. Список стран, на разведку которых следовало бросить все силы, пополнился к 1937 — 1938 годам Югославией, зато в связи с установлением хороших двусторонних отношений из него исчезли СССР и опять-таки Великобритания. Поскольку Советский Союз в этот же период разгромил собственные резидентуры политической и военной секретных служб и не торопился их восстанавливать, возникла своего рода взаимность в действиях разведок, хотя и обусловленная различными причинами. СИС тоже действовала в соответствии с соглашательским курсом своего политического руководства. Ее рижская резидентура под руководством Лесли Николсона и разведывательная секция британского оккупационного корпуса усматривали в нацизме серьезную угрозу, однако Лондон упорно игнорировал их предупреждения. Премьер-министр Болдуин и сменивший его Чемберлен заикнулись исключительно на коммунистической опасности и не воспринимали многие обстоятельства реального мира, что не замедлило повлечь самые тяжкие последствия. Вообще же 1930-е годы стали для СИС еще менее славными, чем предшествовавшее десятилетие. На территории рейха она не располагала ни одной резидентурой, а качество добываемой по Германии информации было совершенно неудовлетворительным. Министерство обороны постоянно жаловалось, что разведка не может обеспечить его достоверной информацией о немецких вооруженных силах, что было особенно досадно в 1938 году. Министерство авиации полагало неточной 80% информации СИС, касающейся Германии. Конечно, в середине 1930-х годов разведка предприняла определенные меры по расширению агентурной сети, в которую англичане попытались вовлечь военных и высокопоставленных гражданских служащих. Тем не менее, для британской разведки стали сюрпризом и оккупация в 1936 году Рейнской области, и состоявшийся два года спустя аншлюс Австрии. Совершенно неправильно оценивалась мощь люфтваффе, которая то чрезмерно занижалась, то безгранично преувеличивалась. Наиболее достоверные сведения о германских ВВС курировавший СИС Роберт Ванситтарт получил не от оперативных подразделений, а от военно-воздушного атташе Британии в Берлине М. Кристи, которому сообщил их офицер люфтваффе Г. Риттер. В министерстве авиации их сочли не заслуживающими доверия и не приняли во внимание. Военный атташе Кеннет Стронг также самостоятельно добыл важную информацию о стратегии танкового блицкрига, об использовании зенитной артиллерии

против танков и о создании единого пулемета МГ-34, но армейское командование проигнорировало и эти сведения. Его вообще не слишком тревожило усиление рейха, несмотря на явную агрессивность берлинского руководства и на создавшееся неравенство в силах. В 1938, последнем полном предвоенном году, население Германии составляло 80 миллионов человек, из которых трудоспособными являлись 41 миллион, тогда как население Великобритании едва достигло численности в 46 миллионов. Национальный доход этих стран соответственно составлял 7,620 и 5,274 миллиона фунтов стерлингов, военные расходы — 1,710 и 358 миллионов. Безработных в Великобритании насчитывалось 1,3 миллиона, тогда как в Германии таковых не было вообще²⁰². Соотношение большинства экономических, демографических и военных факторов, за исключением надводных военно-морских сил, складывалось явно не в пользу Великобритании.

20 февраля 1938 года Гитлер провозгласил в рейхстаге, что “Германия не может оставаться безучастной к судьбе 10 миллионов немцев, которые живут в двух соседних странах”²⁰³. Речь шла об Австрии и Судетской области Чехословакии, населенной преимущественно этническими немцами. Руководитель “Судетской партии” Конрад Генлейн заявил, что все немцы в любой стране мира должны подчиняться “только немецкому правительству, немецким законам и голосу немецкой крови”²⁰⁴. Естественно, что при таких условиях правительство в Праге вряд ли могло найти точки соприкосновения с платформой этой партии, но все же для успокоения начало переговоры о национальном статусе Судетской области. После речи Гитлера от 20 февраля начальник чешского генштаба генерал Крейги заявил о готовности страны к обороне. Строго говоря, Чехословакии не следовало слишком опасаться Германии. Ее армия была мощной и хорошо оснащенной, опиралась на естественные и искусственные рубежи обороны и, главное, имела союзнический договор с Францией, неизбежно обрекавший немцев на войну на два фронта. Однако неверный союзник предал Чехословакию. Давно уже отошедшая от самостоятельной европейской политики Франция полностью следовала в фарватере лондонской политики “умиротворения” и полного попустительства нацистской агрессии. 29 — 30 сентября 1938 года Великобритания и Франция вместе с Италией заключили с Германией печально знаменитое Мюнхенское соглашение, на конференцию по которому делегацию ЧСР даже не пустили. Безвольное правительство Чехословакии оказалось перед перспективой противостояния вермахту один на один и не решилось воевать. Германия вначале отторгла от страны Судетскую область, а в марте 1939 года целиком поглотила Чехию, включенную в рейх в виде протектората Богемии и Моравии. Словакия объявила автономию, некоторые территории захватили Польша и Венгрия, и Чехословакия на шесть лет исчезла с политической карты Европы. Так с помощью дипломатии запугивания, демонстративной передислокации вермахта и действий “пятой колонны” ФОМИ, СД и абвера Германия одним ударом приобрела обширный плацдарм на востоке, мощное оружейное производство заводов “Шкода” и все имущество вооруженных сил Чехословакии в нетронутом виде. Одного только стрелкового оружия хватало для оснащения 11 дивизий вермахта, а ведь были еще танки и артиллерия. К счастью, чешская разведка в последний момент успела эвакуировать свои архивы, и немцы не успели захватить их.

Мюнхенский кризис вызвал перерыв в работе СИС, не располагавшей агентами-радиодами на территории рейха. Данные передавались в Лондон курьерами через датскую границу, в результате закрытия которой СИС в самый острый момент лишилась поступления свежей информации. После этого в Лондоне осознали необходимость создания нелегальных резидентур со своими магистральными каналами связи и бесперебойным финансированием, что оказалось весьма полезным после начала Второй мировой войны.

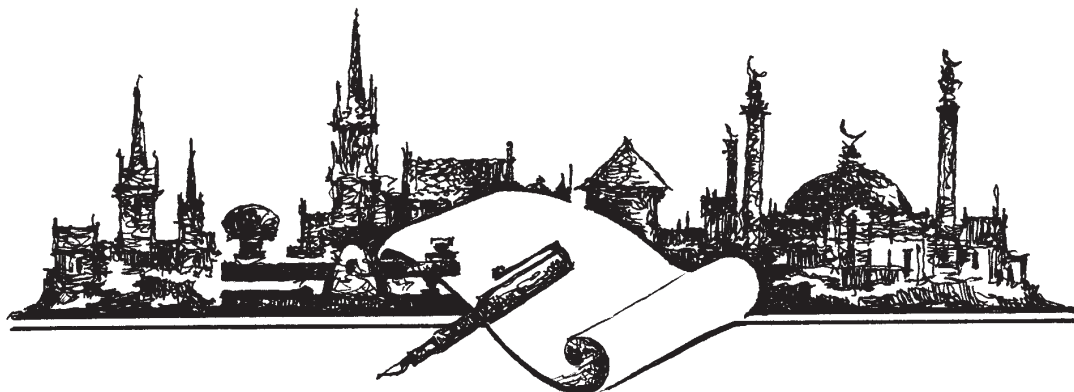
Германская контрразведка также совершенствовалась и постепенно стала довольно регулярно раскрывать иностранных разведчиков. Только в 1936 году были выявлены, арестованы и казнены шесть агентов противника, из которых четверо работали на Великобританию, а двое на Польшу. Летом этого же года СИС активизировала заброску нелегалов из Голландии и Дании, повлекшую далеко идущие и печальные последствия. Арестованный около Магдебурга Г. Гофман дал показания о некоем работавшем на англичан голландце, а схваченный в Гамбурге Р. Ланге раскрыл личность резидента в Гааге. Эти данные стали исходными для планирования и проведения крупной наступательной контрразведывательной операции абвера, описанной в главе о Западной Европе. В период 1938 — 1939 годов в Германии были арестованы и казнены 23 иностранных агента, большинство из которых

работали на СИС. Контрразведывательные меры в стране постоянно усиливались, а по мере приближения войны достигли особого накала.

В соответствии с известным правилом “третьей страны” резидентура СИС в Берлине не работала напрямую против Германии, это вменялось в обязанности точек в Копенгагене и Гааге. Резидент британской разведки, которым с 1920 по 1939 год являлся Фрэнк Фоли, вместе с двумя подчиненными офицерами действовал в столице рейха под традиционным прикрытием бюро паспортного контроля (ПКО). Кроме того, во Франкфурте, Кельне, Гамбурге и Мюнхене находилось по одному сотруднику СИС, главная задача которых состояла в поддержании контактов с пользовавшимися определенной свободой в перемещениях и действиях соотечественниками-журналистами. Однако с 1933 года работа берлинской точки СИС была полностью парализована громадным наплывом евреев, желавших уехать в Палестину, в тот период подмандатную британскую территорию. Работа по прикрытию поглощала все время разведчиков, и располагавшаяся в самой гуще критических предвоенных событий резидентура не могла похвастаться практически никакими оперативными результатами. Видя все это, Фоли отказался от выполнения своих прямых обязанностей и сосредоточился на решении благородной задачи спасения от нацистского террора максимального количества людей. Полагают, что деятельность берлинского резидента СИС помогла спасти жизни не менее десяти тысяч евреев. Он на свой страх и риск выдавал визы в количестве, превышающем разрешенные ему лимиты, вызволял людей из концлагерей, а некоторых даже прятал от гестапо в собственной квартире. Зато он попался на дезинформацию немцев и в середине 1930-х годов за огромную по тем временам сумму в 10 тысяч фунтов приобрел сфабрикованные абвером материалы по организации и вооружению люфтваффе. Сделку санкционировал лично глава СИС адмирал Синклер, а документы получил в Цюрихе сотрудник местной резидентуры Дж. Перкинс. Подлинную ценность бумаг определили лишь лондонские эксперты, после чего уплаченная за них сумма была списана в расход. Кроме прямого финансового ущерба, неудачная операция повлекла за собой определенные психологические последствия и породила у многих сотрудников СИС убежденность в сверхъестественных способностях абвера к проведению дезинформационных мероприятий. В дальнейшем это неоднократно сковывало инициативу резидентов и центрального аппарата в принятии решений, из-за чего ряд оперативных возможностей оказался упущенным. В частности, прямым следствием берлинско-цюрихской истории стало игнорирование материалов, прибывших в октябре 1939 года в посольство Британии в Осло. В анонимном пакете содержалась информация о разрабатываемых на полигоне в Пенемюнде беспилотных средствах воздушного нападения, о дислокации немецких радарных установок и новых типах взрывателей для снарядов авиационных пушек. Несмотря на то, что IV секция СИС после проверки дала заключение о подлинности материалов, их проигнорировали.

* * *

Безнаказанность развращает. Это в полной мере относилось к Германии, в марте 1939 года захватившей у Литвы Мемель (Клайпеду), навязавшей Румынии кабальный хозяйственный договор и открыто демонстрировавшей агрессивность в отношении Польши. К этому времени польское правительство наконец спохватилось и полностью переориентировало свою внешнюю политику, однако было уже поздно. Правительства Великобритании и Франции периодически вяло журили Гитлера за излишнюю активность, но по-прежнему гордились тем, что, по их убеждению, в Мюнхене спасли от войны Европу и добились “мира для всего поколения”. Мира не стало в сентябре 1939 года, однако фактически первые боевые действия начались несколькими днями раньше, когда 25 августа диверсионный отряд абвера под командой Ганса-Альбрехта Херцнера приступил к выполнению боевой задачи на польской территории. Командиру отряда не сообщили о переносе срока начала наступления, и таким образом абвер весьма символично открыл Вторую мировую войну раньше, чем это совершили линейные части вермахта.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

В 1930-е годы Британская империя переживала далеко не лучший период своей истории. В самом начале десятилетия до островов докатился жесточайший экономический кризис, поразивший перед этим Польшу, Румынию, Балканы, США, Японию и Китай. Чтобы хоть как-то смягчить полученный удар, 21 января 1931 года Английский банк вынужден был отменить золотой стандарт фунта стерлингов, многие годы являвшегося символом стабильности и незыблемости финансовой системы. Резонанс этого прискорбного решения прозвучал по всему миру, и освобожденное фунтом место немедленно занял американский доллар. К объективным причинам упадка добавились также следовавшие один за другим просчеты в государственном управлении, экономике и политике. Вопреки продекларированным принципам лейбористского правительства, премьер-министр Рамсей Макдональд попытался выправить финансовое положение страны за счет уменьшения социальных выплат, однако его партия отказалась поддержать это предложение, после чего он сформировал коалиционное “народное правительство”, в котором главную роль играли консерваторы. Лейбористы объявили премьера предателем и исключили его из своих рядов, но это только упрочило положение Макдональда и позволило ему продержаться на своем посту до 1935 года.

1. ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА

Усложнявшееся положение на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана с каждым годом все сильнее тревожило Лондон, но главным противником Британии по-прежнему считался Советский Союз. Поэтому, как и в предыдущем десятилетии, ведущим разведывательным приоритетом оставалась исходившая от СССР коммунистическая угроза, по сравнению с которой все прочие проблемы считались второстепенными. В начале 1930-х годов СИС уделяла европейским делам не слишком много внимания, что отчасти объясняется ограниченностью ее сил и средств. В 1935/1936 финансовом году бюджет разведки составил 50536 фунтов²⁰⁵, что составило лишь 56% от бюджета пятнадцатилетней давности, а с учетом снижения покупательной способности валюты — всего 32%. Резидентуры СИС зачастую оставались прибежищем обленившихся чиновников, которым нечем было оплачивать услуги агентуры, а подчас они и вовсе существовали лишь на бумаге. Тем не менее, список ее заграничных впечатлял. В Европе они располагались в Хельсинки, Осло, Стокгольме, Риге, Копенгагене, Гааге, Берлине, Варшаве, Праге, Бухаресте, Будапеште, Афинах, Софии, Риме, Берне, Брюсселе, Париже и Вене (штаб-квартира Континентальной секретной службы). В Азии инфраструктура СИС имела в Шанхае, Гонконге, Японии и на Цейлоне. В ближневосточных, средиземноморских и арабских странах, давней сфере интересов Британской империи, резидентуры размещались в Алжире, Стамбуле (Балканский разведцентр, образован в декабре 1939 года), Каире (Ближневосточный разведцентр), Дамаске, Багдаде, Тегеране,

Адене, Иерусалиме, Аддис-Абебе, на Кипре и Мальта. В Западном полушарии “станции” СИС находились в Нью-Йорке, Мехико, Гондурасе, Панаме, Тринидаде, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе и на Бермудских островах. Финансирование операций разведки оставалось прежним, то есть ничтожно малым, и первая половина десятилетия была периодом ее совершенного застоя. В особенности это относилось к региону Средиземного моря, который Синклер по непонятным причинам упорно игнорировал. Справедливости ради следует отметить, что и в агентурных операциях основных соперников Британской империи тоже наступило тогда относительное затишье.

Правительство не включило Германию в список приоритетных направлений разведки даже после прихода к власти нацистов. Отчасти это произошло из-за многочисленных проанглийских высказываний Гитлера, отчасти из-за пагубной первоначальной недооценки угрозы нацизма, а главным образом потому, что в тот период в Лондоне полагали усиление Германии выгодным. Стратегия “равновесия сил”, давняя основа европейской политики Великобритании, предусматривала наличие в Европе эффективного противовеса французскому влиянию, и именно отсюда проистекали и заигрывания с фашистской Италией, и попустительство нарушениям статей Версальского и Локкарнского договоров. Немцев начали постепенно воспринимать как серьезных противников лишь с 1935 года.

К этому времени относятся первые проявления разведывательной активности Германии против Великобритании как в самом Соединенном Королевстве, так и на территории третьих стран. Вопреки запрету Гитлера, руководитель абвера Канарис создал на Британских островах две параллельные агентурные сети, замыкавшиеся на полковника Буша в Берлине. В первую из них входили второстепенные и вспомогательные агенты, выполнявшие несложные самостоятельные задания или обеспечивавшие проводимые другими агентами более важные операции. Агентурный аппарат второй, значительно более компактной сети внедрялся на глубокое оседание и консервацию вплоть до начала будущей войны. Случай помог британской контрразведке выйти на обе из них, к 1939 году, по оценке Особого отдела Скотланд-Ярда и МИ-5, располагавшие соответственно 400 и 35 агентами. Всего же, вместе с помощниками и второстепенными информаторами, на Британских островах работало на Германию примерно 3 тысячи человек, хотя почти никто из них никогда не числился ни в штате разведки, ни в картотеке ее агентуры.

Но главные надежды Гитлер возлагал все же не на шпионаж, а на секретную дипломатию, от которой имел все основания ожидать значительных результатов. Первым завязал контакты в верхах английского общества Альфред Розенберг, агент которого барон Уильям де Ропп под видом заинтересованности в противостоянии Франции и СССР пытался выяснить состояние дел в британской авиации. С Роппом общался начальник секции военно-воздушных сил СИС, будущий начальник службы безопасности криптоаналитического проекта “Ультра” Фредерик Уинтерботам. История эта темна, и до конца неясно, кто кого разрабатывал: англичане немцев или же наоборот. Достоверно известно лишь то, что ведомство Розенберга не сумело поддержать должный контакт на профессиональном уровне, и с 1935 года Роппа и его помощника лейтенанта Обермюллера курировали ВВС. Сближение немецких авиаторов с британскими достигло наивысшей интенсивности в 1936 — 1937 годах, когда между двумя родственными министерствами происходил интенсивный обмен информацией и визитами.

Другим, намного более результативным каналом общения двух государств, “ведаль” посол рейха в Лондоне фон Хеш, которого считали другом всей королевской семьи. Германский посол звал принца Уэльского по имени, королева именвала немца своим любимым иностранцем, его постоянно можно было видеть в обществе самых высокопоставленных персон Британии, включая руководителя СИС. Трудно даже предположить, сколько информации смог собрать посол при таких встречах и сколько активных мероприятий он провел. 20 января 1936 года принц Уэльский короновался под именем Эдуарда VIII, однако долго на престоле не усидел из-за общеизвестной излишней симпатии к немцам, попыток активного вмешательства в государственные дела и скандального мезальянса с дважды разведенной американкой Уоллис Симпсон. На смену ему пришел новый король Георг VI. Тем не менее, в Берлине еще долго лелеяли планы возвращения на британский трон Эдуарда, ставшего теперь герцогом Виндзорским, которого даже после окончания Второй мировой войны бывший начальник СД-аусланд Вальтер Шелленберг именвал “самым честным и преданным другом Германии”²⁰⁶.

Вообще, до 1938 года идеи нацизма находили в Британии немало приверженцев. Речь идет не о руководимой Освальдом Мосли и финансируемой Берлином фашистской партии, а об иных, весьма высокопоставленных и полностью бескорыстных гражданах, наподобие “нацистского герцога” Карла Эдуарда Кобургского. В 1935 году состоялась встреча Роппа с младшим сыном Георга V герцогом Кентским. Хотя впоследствии немец сообщил о нескольких контактах с ним, он просто выдавал желаемое за действительное. Однако после гибели герцога в авиакатастрофе в 1940 году начальник III (разведывательного) отдела германского МИД Р. Ликус утверждал, что ее, скорее всего, подстроила английская секретная служба. Зато другой сын короля, наследный принц Уэльский, как минимум однажды, уже став королем Эдуардом VIII, оказал Германии серьезную практическую помощь. Он проинформировал фон Хеша о том, что в случае вторжения вермахта в демилитаризованную зону Рейнской области Британия ограничится дипломатическим протестом и не предпримет боевых действий. В сочетании с информацией по позиции Франции эти сведения позволили Гитлеру опровергнуть пессимистические прогнозы своего генералитета и безнаказанно осуществить запланированную операцию.

К 1938 году баланс сил в Европе изменился, причем отнюдь не так, как того желали в Лондоне. Вместо эффективного уравнивания Франции и направления агрессии против Советского Союза Третий рейх набрал такую экономическую и военную мощь, что стал угрожать безопасности Соединенного Королевства и даже осмелился соперничать с ним на море. Теперь главным противником Великобритании был уже не только СССР, но и блок Германии, Италии и Японии. В соответствии с давним искусством англичан использовать в Европе систему сдержек и противовесов, в Лондоне мечтали столкнуть между собой обе угрожающие силы. Согласно официальной политике “умиротворения агрессора”, фашистские страны требовалось не раздражать и удовлетворять некоторые их требования. Предполагалось, что в ответ они послушно обратят свою экспансию на Восток, после чего две экстремистские общественные системы — коммунизм и фашизм — взаимно истребят друг друга. Символом такой стратегии стал Мюнхен, где проходила конференция, на которой Британия, Франция и Италия фактически продали Чехословакию Гитлеру. Вернувшись с нее в Лондон, искренне веривший в “политику умиротворения” премьер Невиль Чемберлен ликующе объявил с трапа самолета о привезенном мире для всего поколения. До начала Второй мировой войны оставалось менее года.

Правительство наконец осознало, что в усложнявшейся обстановке без эффективной разведки обойтись невозможно, а она во все времена требовала немалых расходов. Официальный бюджет всех секретных служб в 1935 году составлял всего 110 тысяч фунтов, год спустя ненамного больше — 180 тысяч, но даже эта незначительная прибавка была достигнута с трудом и благодаря удачному стечению обстоятельств. Когда парламент потребовал от руководителя СИС адмирала Синклера объяснить причины, по которым намерения итальянцев вторгнуться в Абиссинию оказались для Лондона полной неожиданностью, он убедительно доказал, что на выделяемые средства никакую эффективную разведывательную службу содержать невозможно. В тревожном 1938 году бюджет вырос сразу до 450 тысяч, а в предвоенном 1939 году достиг полумиллиона фунтов, причем в парламенте это не встретило никаких возражений. Оживились периферийные резидентуры, разросся центральный аппарат разведки. После захвата Германией Судетской области Чехословакии осенью 1938 года МИД решил восстановить распущенный после Первой мировой войны Департамент политической разведки во главе с известным дипломатом Рексом У. А. Липером, однако до самого начала войны он так и не успел приступить к работе. К тому же этот орган не являлся разведывательным в чистом виде, а в первую очередь отвечал за ведение подрывной пропаганды.

Центр промышленной разведки (ИИЦ) в конце 1938 года активизировал свои усилия по обработке поступающей информации, но его руководитель Десмонд Дж. Ф. Мортон мыслил значительно шире и выдвинул передовую концепцию экономической войны, согласно которой в грядущих вооруженных столкновениях разрушение экономики противника будет играть не менее важную роль, чем уничтожение его армии. В связи с этим он предложил провести подготовительную работу для создания министерства экономической войны, которое наряду с министерствами армии, авиации и флота должно было стать четвертым боевым ведомством государства. Мортон считал, что “новое министерство должно заниматься не только открытыми операциями, как, например, контролем за контрабандой,

но и развернуть свою наступательную деятельность в сфере так называемых “специальных операций”, проводя их в виде диверсий и саботажа. Эти операции должны быть направлены как против вражеских государств, так и против тех нейтральных стран, из которых противник получает снабжение”²⁰⁷. Такой подход предусматривал централизацию руководства подрывной работой, проводимой уже не столько в сиюминутных интересах войск, сколько в соответствии со стратегическими целям ведения войны. Эти взгляды разделял друг Моргана Уинстон Черчилль, полностью реализовавший их в 1940 году.

К концепции ведения боевых действий нетрадиционными методами одновременно подошли, хотя и не столь широко, в трех основных ведомствах, озабоченных явно надвигавшейся на Европу войной: министерстве иностранных дел, разведке и военном министерстве.

Руководители Форин офис вскоре после аншлюса Австрии стали постепенно осознавать нарастающую внешнюю угрозу и решили возобновить ведение успешно опробованной в предыдущей войне подрывной пропаганды. С этой целью в марте 1938 года в составе МИД было негласно образовано небольшое структурное подразделение, не внесенное в официальные списки министерства ни в 1939, ни в 1940 году. Возглавлял его Кэмпбелл Стюарт, в обязанности которого вошло изучение механизма действия подрывной пропаганды для разложения войск и тыла противника и выработка рекомендаций по ее использованию в качестве средства ведения войны. По месту нахождения это закрытое бюро условно обозначалось как “Электра Хауз” (ЭХ).

Практически в это же время руководитель СИС адмирал Синклер отозвал из армии для прохождения дальнейшей службы в разведке майора Лоуренса Гранда и подчинил ему новую секцию “Д” — диверсионную службу. Задачей Гранда являлось не практическое проведение операций, а систематическая, планомерная и глубокая подготовка к ним. Требовалось разработать теорию проведения специальных операций, выявить уязвимые точки вероятных противников, изучить методы и средства проведения актов саботажа, вербовочную базу возможной диверсионной агентуры, пути использования подрывной пропаганды для ослабления врага и многое другое. Впоследствии Гранд вспоминал, что грандиозность поставленной задачи вызвала у него ощущения человека, которому поручено сдвинуть с места египетскую пирамиду с помощью булавки. Однако он бесстрашно взялся за доверенное ему дело и 31 мая 1938 года представил руководству доклад, в котором перечислял возможные цели для проведения диверсий в Германии. Пространный список включал в себя систему энергоснабжения, телефонную связь, систему распределения продовольствия, боевые корабли, самолеты, сельскохозяйственные объекты и многое другое. Столь масштабные задачи Гранд предполагал решать путем:

- использования уже действующих в Германии антиправительственных организаций, в том числе коммунистических;
- использования одиночных агентов из числа рабочих для проведения особо сложных и изолированных актов промышленного саботажа;
- проведения акций “морального саботажа” (то есть распространения подрывных слухов).

Общие затраты на подрывную работу в рейхе майор оценивал достаточно скромно, в 20 тысяч фунтов.

Лоуренс Гранд

В области пропаганды Стюарт и Гранд дублировали друг друга, естественно, ничего не зная о проводимой в смежном ведомстве работе. Более того, СИС работала параллельно и с военным министерством. Осенью 1938 года в генеральном штабе был создан новый отдел ГС(Р) во главе с майором Джо Холландом, в обязанности которого входило изучение методов ведения партизанской войны, причем не в теоретическом, а в практическом плане. Холланд прорабатывал имевшиеся открытые и закрытые источники, описывавшие организацию и тактику действий буров в период Южно-африканской войны, операции Лоурен-

Джо Холланд

са “Аравийского” против тыловых коммуникаций турецких войск, иррегулярные действия китайцев против Японии, партизанские операции в период Гражданских войн в России и Испании, еврейско-арабский конфликт в Палестине и тактику ирландских сепаратистов. Работу отдела курировал заместитель начальника военной разведки Фредерик Джордж Бомонт-Несбитт, весной 1939 года, после разделения Директората военных операций и разведки военного министерства на две самостоятельные структуры, возглавивший разведывательный директорат. Группа Холланда вошла туда под шифром МИ(Р), иногда употреблялся вариант написания МИ-Р.

Задачи этого подразделения формулировались следующим образом:

- проведение общих исследований по запросам директора военной разведки, включая оценку и подготовку проектов использования подразделений специального назначения или иррегулярных сил для помощи или усиления эффекта обычных военных операций (прямо или косвенно);
- проведение технических исследований и изготовление специального снаряжения для осуществления таких проектов;
- осуществление таких проектов при получении соответствующего приказа и в случаях, когда выполнение этих задач не входит в компетенцию других организаций или штабов;
- сбор информации специальными методами вне пределов компетенции других подразделений военной разведки;
- опросы, обучение и учет лиц, обладающих особой квалификацией, пригодной для использования в иррегулярных военных операциях.

Первоначально регионами заинтересованности МИ(Р) были определены Румыния, Дания, Нидерланды, Польша, Богемия, Австрия, собственно Германия, Ливия и Афганистан. Общие затраты на работу в них оценивались в 500 тысяч фунтов.

В преддверии войны руководители военной и политической разведывательных служб договорились о более углубленном взаимодействии своих подразделений, и МИ(Р) стала работать по единому плану с секцией “Д”. Задачи каждой структуры разграничивались довольно просто: военные занимались планированием операций, которые могли осуществлять одетые в форму военнослужащие, а разведчики специализировались по тайным операциям силами агентуры, то есть боевые задачи отделялись от оперативно-боевых. Вскоре ведомство майора Гранда получило приказ начать осторожную подготовку к актам саботажа и распространению листовок в аннексированных Германией Чехии и Австрии, а также непосредственно готовиться к аналогичным действиям в находящихся под угрозой нацистской оккупации странах Южной и Юго-Восточной Европы.

20 марта 1939 года майор Холланд направил начальнику имперского генерального штаба лорду Горту рапорт с изложением своих взглядов на перспективы осуществления специальных акций, в результате чего через три дня тот провел встречу с министром иностранных дел Галифаксом и его постоянным заместителем Кадоганом. На этом объединенном совещании они совместно выработали концепцию, оказавшую значительное влияние на дальнейший ход тайной войны в Европе. Реализовалась она, однако, лишь в июле следующего года, когда на основе секций “Д”, МИ(Р) и бюро ЭХ возникла совершенно новая структура, предназначенная для ведения войны нетрадиционными средствами, включавшими активные действия и подрывную пропаганду. Впрочем, первоначально англичане отнюдь не намеревались совершать столь принципиальную реорганизацию, а планировали ограничиться сотрудничеством координации секций “Д”, МИ(Р) и бюро ЭХ, для чего сформировали Совет по межведомственному проекту “Д” (от английского слова “destruction” — “разрушение”). Тем не менее, вскоре все ответственные за это направление деятельности должностные лица убедились в полной бесперспективности таких попыток и создали принципиально новую спецслужбу, название которой точнее всего переводится на русский язык как “Исполнительный орган специальных операций” (СОЕ). Именно в нем идея Мортонса получила свое наиболее полное воплощение.

Тем временем возглавляемый им ИИЦ занимался не только теоретическими изысканиями, но и конкретной практической работой по изучению открытых источников, позволившей добыть первые сведения о военном возрождении Германии. Это убедительно продемонстрировало эффективность такого метода работы, поскольку оперативным путем подобные сведения были получены лишь позднее и ценой значительных расходов. Затем

информация пошла сплошным потоком, однако для ее получения не требовались агентурные разработки — достаточно было внимательно читать прессу, что, в общем, и делалось в ИИЦ в течение еще нескольких последующих лет. В других структурах разведывательного сообщества Великобритании дела обстояли хуже. В 1938 году новые и серьезные проблемы возникли у СИС. После аншлюса Австрии располагавшаяся в Вене Континентальная секретная служба внезапно оказалась в экстремальных условиях жесткого контрразведывательного режима. Она потеряла практически весь свой агентурный аппарат, и хотя две сотрудницы “станции” успели срочно эвакуироваться, ее руководитель Томас Кендрик в марте попал в немецкую тюрьму. 20 августа его обменяли на провалившихся германских агентов, зато источникам резидентуры повезло значительно меньше. Этих людей не защищали британские паспорта, и спасти их от гестапо не удалось. В ноябре штаб-квартира переместилась в столицу дружественной Дании — прямо в ловушку, описанную в главе о Западной Европе. Долгое бездействие, лишняя напряженность и опасностей работа сыграли с британской разведкой злую шутку. Ее руководители и оперативный персонал в значительной степени утратили инициативу, квалификацию и желание активно работать, в результате чего СИС постепенно превратилась в обычное бюрократическое учреждение, отличавшееся от прочих разве что повышенной степенью секретности. Провалы в работе следовали один за другим. Даже постоянно защищавший и хваливший разведку Черчилль 13 апреля 1939 года в парламентской речи нелицеприятно оценил пройденный СИС путь: “За двадцать пять лет, истекших со времени начала Первой мировой войны, мы обязаны были создать лучшую в мире разведку. Однако факты свидетельствуют о том, что и во время событий в Богемии, и при вторжении нацистов в Албанию правительство не имело ни малейшего представления о том, что нас ожидает”²⁰⁸. Историк Ф. Найтли пессимистично прокомментировал плачевное состояние дел в разведке: “Ее кадры 1930-х годов состояли из второразрядных низкооплачиваемых сотрудников, работавших за границей и покупавших малозначительные обрывки информации от ненадежных агентов”²⁰⁹. Оценка, возможно, и излишне жесткая, но в целом заслуженная.

Большинство исследователей считает, что, наряду с недостаточным финансированием, в этом была повинна организационная структура СИС. Ее глава адмирал Хью Синклер формально имел единственного помощника подполковника Клода Эдуарда Марджорибэнкса Дэнси, неофициально же его правой рукой являлся полковник Валентин Вивиан, бывший сотрудник индийской полиции, занимавшийся в период Первой мировой войны разведкой в составе британских войск в Палестине и Турции. Эти двое непримиримо враждовали друг с другом, причем обладавший тяжелым характером настолько разругался с коллегами, что в конечном счете Синклер разрешил ему появляться в здании управления СИС только и исключительно для получения почты. Следует отметить, однако, что подполковника считали тупым солдафоном только некоторые коллеги по СИС, а за ее пределами он пользовался немалым уважением.

Клод Дэнси

Данное обстоятельство помогло ему обзавестись огромным количеством ценных в оперативном отношении контактов в различных государствах Европы, вскоре использованных для создания нелегального аппарата британской разведки. В 1934 году Дэнси изъявил желание уехать в Италию для организации ориентированных на Германию агентурных сетей, на что Синклер с облегчением дал согласие. Затем подполковник перебрался в Швейцарию, где у него возникла фатальная, по мнению многих, идея создать и возглавить полунезависимую разведывательную структуру. Желание отдалить Дэнси было столь велико, что Синклер разрешил ему организовать сеть параллельных резидентур “Z”, дополнительно предназначенную и для замены и подстраховки обычных загранточек СИС. Существует также версия, согласно которой идея организации параллельной сети принадлежала самому адмиралу, а основным побудительным мотивом к ее созданию явилось враждебное отношение к разведке многих послов, которое следовало если не преодолеть, то хотя бы обойти. В 1936 году внутри британской разведки был создан небольшой и глубоко засекреченный штаб “Z” во главе с Клодом Дэнси, после чего опальный подполковник в целях конспирации был формально уволен со службы и вновь надолго отбыл в Европу. Там он планировал использовать

свои широкие и долгие связи среди бизнесменов для вербовки агентуры и создания прикрытия для новых “станций”. Сеть “Z” не пересекалась с существовавшими сетями, и зачастую резиденты СИС даже не подозревали, что на одной с ними территории действуют их соотечественники и коллеги. Руководителями заграничных Дэнси стали не военные, а преимущественно журналисты и бизнесмены. Немцы постепенно начали наталкиваться на агентов новой структуры, однако далеко не сразу поняли, что они являются теми же англичанами, хотя и работающими в другой, почти независимой секретной службе. От такого параллелизма и без того скудные средства разведки дробились теперь еще больше, а никакая координация действий не только не существовала, но даже и не планировалась изначально. Наиболее активно резидентуры “Z” действовали в Брюсселе, Базеле, Вене, Цюрихе, Праге, Роттердаме, Риме, Копенгагене и Гааге. Там же их ожидало и наиболее сокрушительное поражение.

Так гласит общепринятая версия, но на самом деле в проблему следует вникнуть несколько глубже. Непредвзятый взгляд легко определит одну из основных слабостей системы бюро паспортного контроля — “прозрачность” этого прикрытия для противника. Дэнси был опытным разведчиком и не мог не понимать, что утечка информации об одном ПКО немедленно раскроет всю систему “станций” СИС. Фактически сеть “Z” представляла собой аналог советских нелегальных резидентур, тогда как бюро паспортного контроля соответствовали “легальным”. Если организация оперативной работы спецслужб СССР с “легальных” и нелегальных позиций повсеместно признается правильной и своевременной, то почему британскую систему следует оценивать иначе? Степень безопасности операций разведки, ее гибкость и устойчивость в сложной обстановке от создания сети “Z” только повышались, слабость же новой системы заключалась в другом и была единой для всей СИС. Полученная “сырая” информация должным образом не централизовалась и не подвергалась квалифицированной информационно-аналитической обработке, и в этом отношении создание штаба и сети “Z” несколько не ухудшило положения, хотя и не улучшило его. Ссылка на низкую квалификацию резидентов новой сети при ближайшем рассмотрении также оказывается несостоятельной. Служившие в традиционной системе бюро паспортного контроля офицеры СИС в массе своей являлись отставными военными моряками, часто не слишком здоровыми и рассматривавшими свою постоянную службу за границей как удобное законное прикрытие для уклонения от уплаты налогов. Сотрудники “станций” не могли заменять не только друг друга, но даже и технических секретарей, поэтому отсутствие кого-либо из них на работе парализовывало деятельность всей резидентуры. Это несколько повышало общую степень безопасности точек, зато подвергало операции угрозе в случае даже малейшего сбоя. Судя по всему, новые и энергичные резиденты и агенты сети “Z” вряд ли могли ухудшить общий уровень заграничного персонала СИС, скорее наоборот.

Центральный аппарат британской разведки ощутимо страдал от деформации кадровой политики. Он комплектовался по принципу лояльности и благонадежности, и потому в первую очередь вакансии заполнялись так называемыми “лондонскими сотрудниками” — молодыми людьми из высшего класса, вне зависимости от их профессиональной пригодности к столь специфическому роду деятельности. Следующей по численности группой были так называемые “индийцы” — выходцы из Индийской политической разведки, практически поголовно отличавшиеся прискорбной ограниченностью кругозора и заикленностью на советской угрозе, безусловно реальной, но отнюдь не единственной для Британии. Кроме того, в кадровой политике сказывалось и влияние непримиримой позиции Дэнси, делавшего в центральном аппарате ставку на военных и с солдатской прямоотой неоднократно заявлявшего, что выпускника университета он никогда добровольно на службу не примет. Его коллега Вивиан оказался намного более дальновиден, и поэтому в подчиненных ему подразделениях СИС процент интеллектуалов был значительно выше. Тем не менее, нежелание принимать на службу интеллигентов в целом было характерным для СИС 1930-х годов и прискорбно негативно сказывалось на ее операциях в последующие годы.

Структура разведки в целом принципиально не изменилась и по-прежнему состояла из центрального аппарата (“Y”) и резидентур (“YP”). Внутри “Y” действовали от четырех до восьми секций “G”, возглавлявшихся офицерами “контроля” и носивших обозначение от G1 до G8. В дальнейшем институт “контролеров” направлений получил в СИС значительное развитие, качественно изменился и занял крайне важное место в системе проведения операций, что будет более подробно рассмотрено в соответствующей главе. Остальные секции

также получили номера, и число их несколько уменьшилось:

- I (политическая) — начальник М. Вулкомб;
- II (авиационная) — начальник Ф. Уинтерботам²¹⁰;
- III (военно-морская) — начальник Б. Рассел;
- IV (военная) — начальник С. Мензис;
- V (контрразведывательная) — начальник В. Вивиан;
- VI (промышленная) — начальник С. Лимпенк;
- VII (финансовая) — начальник П. Сайкс;
- VIII (связи) — начальник Г. Мэн²¹¹.

Позднее в составе СИС возникли новые секции: “Д” (диверсионная), “Н” (вскрытия иностранной дипломатической почты), секция документации. Кроме того, действовала Центральная картотека с данными оперативного учета на интересующие разведку объекты.

Следует подробнее остановиться на истории возникновения секции внешней контрразведки. Она была образована в 1931 году после описанной ранее передачи секции Коминтерна из СИС в МИ-5 и первоначально относилась к числу “циркуляционных” (“С”) секций разведки, то есть являлась подразделением не оперативным, а в основном предназначенным для координации со Службой безопасности и Особым отделом Скотланд-Ярда. Это предопределило ее крайне малую штатную численность: в секции работали сам Вивиан в качестве начальника, его помощник и секретарь. В 1938 году в ней появился еще один офицер, известный впоследствии Феликс Каугилл. Он был назначен в V секцию из-за знакомства с деятельностью коммунистов и в качестве будущего начальника подразделения. Однако Вивиан не желал мириться с низким статусом подчиненной ему структуры и вскоре сумел взять на себя ряд оперативных функций за границей, в том числе проверку безопасности британских дипломатических представительств за рубежом. Неким рубежом на этом пути стало “дело Цицерона”, начавшееся с пропажи бриллиантового кольца у супруги посла в Риме Эрика Драммонда. По просьбе Форин офис его расследовал лично Вивиан, который попутно обнаружил крайне низкий уровень безопасности работы с документами в посольстве и предложил принять ряд мер по исправлению ситуации. V секция руководила несколькими, крайне немногочисленными агентами, а основную часть своих задач решала через оперативные возможности секций “G”. Вивиан и его подчиненные достигли некоторых успехов в борьбе против коммунистического влияния. В частности, в 1931 году они смогли ликвидировать Дальневосточное бюро Коминтерна и Всетихоокеанский секретариат Профинтерна в Гонконге, а также внедриться в бразильскую компартию. Однако успехи в борьбе с разведывательными службами противника у V секции были довольно слабыми, а точнее сказать, никакими до 1940 года, пока ПШКШ не начала читать перехваченные радиogramмы абвера. Вивиан крайне беспокоился по этому поводу и постоянно стремился повысить безопасность резидентур за границей путем введения в их штат своих офицеров. Многие резиденты отнюдь не приветствовали эту тенденцию, поскольку полагали, что за неимением другой работы офицеры внешней контрразведки будут просто шпионить за ними самими, и пассивно противились такому решению. Это предопределило крайне слабую контрразведывательную стойкость таких “станций” СИС, да и в остальных, как правило, V секция была представлена не более, чем одним сотрудником. По иронии судьбы, первым принял к себе офицера V секции Родни Денниса майор Ричард Стивенс, глава наиболее пострадавшей в дальнейшем от абвера заграничной СИС.

Как и центральный аппарат разведки, резидентуры также имели жесткую структуру, включавшую секции коммерции, “королевских посланников” (официальных курьеров), связи с Лондоном, секретариат, картотеку, бюро паспортного контроля и отдельного офицера V секции (не везде). Их агентурный аппарат разделялся на две группы источников, в зависимости от наличия у них прямой связи со “станцией”.

Безопасность резидентуры в немалой степени зависела от сохранения тайны ее переписки. Разведка применяла те же шифры, что и дипломаты, но для обозначения действительного адресата ее радиogramмы предварялись преамбулами CX или CXG. В первом случае это означало, что она направляется непосредственно директору СИС, а во втором случае буква G переадресовывала ее офицеру, курировавшему конкретный регион — “контролеру”. Следовавшая за служебной группой пятизначная цифрогруппа кодировала страну отправления (две первые цифры), отправителя (третья цифра 1 обозначала резидента, 2 — его заместителя, и так далее), и порядковый номер агента на связи у этого офицера, по

информации которого составлялось сообщение. Таким образом, телеграмма или радиограмма, направленная куратору направления от заместителя резидента в Берлине, основанная на сообщении его восьмого агента, имела преамбулу CXG/12208. Такая система была удобной, но, к сожалению, не составляла секрета для немцев. Насмешливые сотрудники абвера в Стамбуле иногда вместо слов национального гимна “Deutschland, Deutschland über alles” распевали в часто посещавшемся ими казино “Таксим” “Zwölfland, Zwölfland über alles” (“Двенадцатая страна, Двенадцатая страна превыше всего”)²¹².

В предвоенный период каждый из видов вооруженных сил обладал собственным разведывательным управлением, но общей военной разведывательной службы не существовало вплоть до 1946 года. С момента окончания Первой мировой войны военная разведка Британии, подобно СИС, переживала период застоя. Еще в 1922 году был упразднен отдельный Директорат военной разведки и вновь образован объединенный Директорат военных операций и разведки (ДМОИ), в котором разведчики были представлены несколькими секциями:

- МИ-1 (административные функции и перевод добытых материалов);
- МИ-2 (Ближний, Средний и Дальний Восток, страны Скандинавии, США, СССР, Центральная и Южная Америки);
- МИ-3 (Европа);
- МИ-4 (картографическая);
- МИ-5 (контрразведка);
- МИ-6 (политическая разведка);
- МИ-8 (радиоперехваты, безопасность связи и секретная связь);
- МИ-10 (научно-техническая разведка).

Существовало также и военное представительство в Австралии, тоже занимавшееся разведкой. МИ-5 номинально подчинялась заместителю директора ДМОИ, а МИ-6 лишь носила военное обозначение, но никоим образом не отчитывалась перед Директоратом военной разведки и операций. Перед самой войной структуру разведки и функции ее секций принципиальным образом пересмотрели. Директор вновь воссозданного Директората военной разведки (ДМИ) имел нескольких заместителей (ДДМИ) по направлениям. Заместитель по организационной работе, именовавшийся ДДМИ(орг), руководил МИ-1, МИ-4, МИ-8 и новым подразделением по обеспечению контактов с другими ведомствами МИ-А, а также номинально контролировал политическую разведку СИС (МИ-6 служило ее условным обозначением в целях маскировки). Заместителю директора разведки по информации ДДМИ(инф) подчинялись региональные секции МИ-2 и МИ-3, МИ-10, а также подразделение по осуществлению связи с Объединенным комитетом по разведке. Секция диверсионных и партизанских операций МИ(Р) подчинялась лично директору. Весь этот громоздкий аппарат не достиг сколько-нибудь серьезных успехов и по эффективности примерно соответствовал политической разведке.

Оперативная разведка англичан также потеряла былую славу. Известно, что в период боевых действий она сплошь и рядом оказывается важнее стратегической, поскольку отслеживание перемещений боевых единиц сухопутных войск, авиации и кораблей флота и выяснение их боеспособности часто является ключом к победе. Но при этом более чем когда-либо важна своевременность получения данных. В среднем, оперативно-тактическая информация теряет половину своей ценности через шесть дней после ее представления, тогда как стратегическая информация во время войны обесценивается наполовину только через шесть месяцев, а в мирный период — через два с половиной года. Естественно, что штабы родов войск всегда весьма заинтересованы в “разведке на себя”, однако для этого опять-таки требуются силы и средства, которых у англичан тогда не было. Гордость Британии периода Первой мировой войны — разведка Адмиралтейства со знаменитой дешифровальной “комнатой 40” — пришла в упадок. Кое-как собиралась и обрабатывалась информация о ходе военно-морского строительства за границей и о береговой обороне, но данные об организации, базировании и перемещении флотов предполагаемых противников оставались для англичан тайной. Флот располагал всего двумя радиопеленгаторными станциями в Англии, одной на Мальте и двумя на Дальнем Востоке. Руководитель Директората военно-морской разведки (НИД) контр-адмирал Трауп вполне понимал драматизм положения и поэтому сразу согласился на поступившее летом 1937 года от Нормана Деннинга предложение создать в составе НИД

Оперативный разведывательный центр (ОИЦ). Его первыми задачами стали организация взаимодействия с Правительственной школой кодов и шифров (ПШКШ) и отслеживание перемещений флотов в испанских водах и вокруг них. Первоначально штат центра состоял всего из двух человек, и трудно было предположить, что именно эта структура во время будущей войны сумеет отчасти возродить былую славу британской морской разведки. Однако постепенно энергичный Дэннинг наращивал интенсивность работы и даже попытался, хотя и неудачно, отобрать у ПШКШ военно-морской отдел. В 1938 году наладилось его взаимодействие с криптографами. Флот развивал сеть радиопеленгаторных станций “У” и станций обработки перехваченных радиосигналов “Х”, находившихся в ведении 9-го объединенного отдела радиосигналов и разведки. По позднейшей оценке, в 1938 году ОИЦ оказался единственной разведывательной структурой страны, успешно справлявшейся со своими задачами. В январе 1939 года НИД возглавил контр-адмирал Джон Годфри. Он также всемерно способствовал развитию оперативной разведки, в которой к июню были созданы новые отделы торгового судоходства и контроля за передвижением авиации. Штат ОИЦ вырос до 36 человек. Несмотря на это, морская разведка в целом никогда уже не поднималась до уровня и влияния, достигнутых в период Первой мировой войны под руководством Реджинальда Холла, поскольку не вела дешифровальной работы, не руководила агентурным аппаратом и не осуществляла диверсии. НИД был просто хорошо работавшим разведывательным органом военно-морских сил, но не более того.

В те же годы англичане решились на важный и своевременный шаг по организации единого центра координации и руководства оперативной разведкой, впервые предложенный еще в 1922 году Уинстоном Черчиллем на заседании парламентского Комитета по сокращению военных расходов. К 1935 году необходимость централизации разведывательной информации стала очевидной, и по инициативе Адмиралтейства эту идею официально выдвинул Комитет заместителей начальников штабов военного министерства. В 1936 году Комитет имперской обороны сформировал новую структуру — Межведомственный разведывательный комитет (ИСИК), который практически немедленно продемонстрировал свою полную неэффективность и был распушен. Почти сразу же после этого куратор секретных служб и секретарь кабинета Морис Хэнки вместе со своим заместителем полковником Исмеем выдвинули идею создания Объединенного комитета по разведке (ОКР) в составе заместителя начальника НИД, начальника секции МИ-1 Директората военной разведки и заместителя начальника разведки военно-воздушных сил. 30 января 1936 года эта структура начала работу на правах подкомитета Комитета имперской обороны, отличаясь от ИСИК наличием собственного штата сотрудников и отдельным бюджетом. Председателем ОКР стал Ральф Стивенсон, первым секретарем — майор Лесли Холлис, впоследствии Стивенсона сменил Виктор Кавендиш-Бентинк. Тем не менее, еще несколько лет централизация разведывательных данных по-прежнему осуществлялась лишь на бумаге, и даже в 1938 году не существовало никакой системы проверки информации и координации выводов отдельных разведорганов. Поэтому в апреле 1939 года была создана еще одна структура — Информационный центр по обстановке, призванный анализировать разведывательную информацию, поступающую из зарубежных источников, и составлять ежедневные разведывательные сводки с тем, чтобы любые экстренные меры могли основываться на самой достоверной и согласованной информации. В его состав вошли начальники разведывательных управлений видов вооруженных сил и представитель МИД. Логичным следующим шагом стало слияние комитета и центра, произошедшее за три месяца до начала Второй мировой войны.

Предвоенный период являлся весьма сложным временем и для британских криптоаналитиков, но в этом случае не по причине недостатка средств. Бюджет Правительственной школы кодов и шифров неуклонно увеличивался и к 1939 году достиг 324878 фунтов²¹³, по требованию руководителя Центра промышленной разведки Мортон в ней была открыта коммерческая секция, а в мае 1938 года — специализированная германская секция. Штат ПШКШ в 1935 году насчитывал 37 офицеров и 67 вспомогательных сотрудников, а к 1939 году число последних выросло до 88²¹⁴. Несмотря на это, дела в службе обстояли далеко не блестяще. Проблема состояла в том, что в 1930-е годы криптографическая служба Великобритании встретила с грозным противником. Немцы, а вслед за ними и японцы, стали применять для закрытия своей переписки машинные методы шифрования, к чему их прямо-таки вынудил возросший объем секретной переписки вооруженных сил и органов безо-

пасности. Дело в том, что пришедшие на смену прежнему поколению новые шифры блочной гаммы одноразового использования хотя и отличались абсолютной криптографической стойкостью, но требовали огромных затрат времени, были громоздки и для массового применения непригодны. Поэтому сразу же после Первой мировой войны немцы приступили к разработке механического шифровального аппарата и весьма преуспели в этом. Теперь весь доступный для радиоперехвата массив информации шифровался и дешифровался ими быстро и, казалось, вполне надежно. Английские исследователи из ПШКШ сумели просчитать такое развитие событий и с середины 1930-х годов сориентировали разведку на оперативный поиск этой системы, хотя долгое время это не приносило нужных результатов.

История вскрытия шифров “Энигмы” темна и противоречива. Поляки, французы и англичане преподносят ее по-разному, но в действительности лишь поляки смогли реконструировать “Энигму” и создать устройство для автоматического поиска ключей к ней. Их работа описывается в соответствующей главе, здесь же необходимо отметить, что французы тоже опередили англичан, правда, уже не в математическом, а в агентурном отношении, регулярно получая ежемесячные установки ключей от своего агента Ганса-Тило Шмидта (“Ашэ”). Вклад британцев ненамного отличался от нуля. Перед лицом общей опасности криптографы и разведчики трех стран решили объединить усилия, и в январе 1939 года в Париже состоялось их совместное совещание, а в июле англичане и французы получили от поляков по одному экземпляру реконструированной “Энигмы” и соответствующую документацию. Однако даже надвигавшаяся война не заставила французов поделиться сведениями о своем агенте в ФА, а поляков — рассказать о достигнутых ими технических решениях. Эти секреты перестанут быть таковыми для ПШКШ только после начала войны, когда начнется настоящая и планомерная “антиэнигма” — операция “Ультра”, до этого же момента успехи британских криптоаналитиков оставались более чем скромными. Например, они долгое время не имели понятия, для чего им могут пригодиться передаваемые французами установки “Энигмы”, тогда как поляки мгновенно нашли им весьма эффективное применение. В 1938 году в СИС считалось, что Правительственная школа кодов и шифров “была совершенно непригодной для тех целей, ради которых она создавалась”²¹⁵. Возглавлявший ПШКШ капитан 2-го ранга Элистер Деннистон однажды грустно сказал одному из сотрудников: “Я не думаю, что немцы жаждут предоставить тебе возможность читать их бумажки, и сильно сомневаюсь, что ты когда-либо их прочтешь”²¹⁶. Существуют веские основания предполагать, что до второй половины 1938 года британские криптоаналитики полагали закрытую с помощью “Энигмы” переписку невскрываемой и поэтому сосредоточились на менее стойких ручных шифрах.

2. ЗАЩИТА ИМПЕРИИ

Значительно успешнее, чем любая ветвь разведки, работала против немцев контрразведка, которую обеспечивали Служба безопасности (МИ-5) и Особый отдел Скотланд-Ярда. Их возглавляли соответственно Вернон Келл и Альберт Каннинг.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов МИ-5 переживала весьма сложный период своей истории. Из-за значительного сокращения бюджетных ассигнований в 1929 году ее штат был сокращен до 16 офицеров и гражданских чиновников, нескольких клерков и немногочисленного вспомогательного персонала. Тогда же контрразведка, продолжавшая находиться в составе военного министерства, получила официальное наименование Службы безопасности военного министерства. Ее внутренняя структура сжалась до минимума, из всех секций остались только “А” (административная и превентивная) и “В” (расследований). Кроме того, еще трое сотрудников, составляли группу наблюдения. Совершенно ясно, что обеспечить безопасности государства такая структура была совершенно не в состоянии. Как ни странно, поворотным моментом в истории МИ-5 послужили ее трения с СИС. Поддержанные руководством Особого отдела контрразведчики протестовали против работы по линии коммунистических организаций СИС, не имевшей права на деятельность внутри страны. После вмешательства Комитета по секретным службам разведка окончательно утратила право проводить операции ближе, чем за пределами трехмильной зоны окружавших Британские острова территориальных вод. Однако на этом разбирательство не закончилось. Бедственное состояние контрразведки было слишком явным, и далее игнорировать это стало

просто небезопасно. В результате МИ-5 вывели из состава военного министерства и убрали из ее наименования указание на ведомственную подчиненность. Теперь она стала межведомственной секретной службой, действующей в интересах министерств военного, колоний, доминионов, внутренних и иностранных дел, трех видов вооруженных сил, комитета имперской обороны, генерального прокурора и иных государственных институтов. Заместитель директора Эрик Холт-Уилсон в секретной лекции для оперативного персонала прокомментировал новый статус следующим образом: «Наша Служба безопасности является более, нежели национальной, она — имперская. С нами сотрудничают официальные агентства, по прямым указаниям министерств доминионов и колоний и под надзором региональных губернаторов и их начальников полиции, для усиления действия местных законов о безопасности на каждой заморской территории Британского Содружества. Все они действуют под нашим руководством в целях обеспечения безопасности. В наши обязанности входит давать им советы, когда это необходимо, по мерам безопасности в военной и гражданской областях, и обмениваться информацией, касающейся перемещений внутри империи отдельных лиц, возможно, враждебных ее интересам с точки зрения безопасности»²¹⁷. Любопытно, что из-за запутанности и нелогичности британской системы государственных учреждений военные только к 1933 году окончательно разобрались, что контрразведка им более не подчиняется. Изменение статуса весьма благоприятно сказалось на МИ-5. Практически немедленно в ее составе возникла направленная против коммунистического влияния группа «М», условное обозначение которой было принято по первой букве одного из имен ее начальника Эдуарда Генри Максвелла Найта. С 15 октября 1931 года МИ-5 отвечала за оценку всех видов угрозы национальной безопасности Соединенного Королевства по всей территории империи, за исключением ирландских террористов и анархистов, которыми ведал Особый отдел.

Приоритетными задачами МИ-5 в порядке убывания являлись противодействие советскому шпионажу, препятствование распространению коммунизма в Великобритании и лишь в третью очередь — борьба с германским шпионажем. Остальные направления деятельности считались второстепенными. Однако и этот подход являлся весьма прогрессивным по сравнению с концепцией СИС, буквально не желавшей замечать опасности нацизма почти до самого начала Второй мировой войны. Келл в 1934 году официально запросил правительство, следует ли его ведомству как-то реагировать на рост фашистских организаций в стране. После получения положительного ответа МИ-5 занялась Британским союзом фашистов (БУФ) и вскоре приобрела в нем перспективного агента Джеймса Хьюджеса, в дальнейшем возглавившего разведывательную секцию союза. В октябре 1935 года он предоставил неопровержимые доказательства финансирования БУФ из-за границы. В частности, Муссолини ежемесячно перечислял на содержание союза 3 тысячи фунтов стерлингов. Однако британские фашисты не выходили за пределы идеологической работы, поэтому Служба безопасности ограничила разработку их организации освещением ситуации внутри БУФ.

К концу 1930-х годов МИ-5 несколько выросла, хотя еще не достигла своей численности 1918 года. Ее центральный аппарат состоял из четырех отделов, к которым вскоре добавились еще два.

- «А» (административный) — юридические, финансовые, кадровые, транспортные и хозяйственные вопросы, а также центральная картотека;
- «В» (контрразведывательный) — основное оперативное подразделение, отвечавшее за ведение контрразведывательной работы, противодействие саботажу и подрывной деятельности. Различные секции отдела ведали двойными агентами, информационно-аналитической работой, анализом почты и радиообмена противника, противодиверсионными мероприятиями, наружным наблюдением, вопросами распространения слухов, оперативной работой в области финансов, подрывными действиями в военной и политической областях, связями с министерством иностранных дел и прессой. Периферийный аппарат отдела представлял собой институт региональных офицеров по связям в области безопасности (РСЛО), 12 бюро которых были распределены по территории страны. РСЛО поддерживали связь с военным командованием и полицейскими властями на местах и, кроме стандартных контрразведывательных функций, располагали соответствующими инструкциями и полномочиями по координации действий военных и гражданских властей под руководством региональных комиссаров в случае вражеского вторжения или свержения правительства.

- “С” (безопасности и проверки полномочий) — контрольные проверки гражданских объектов и допуск к секретной работе;
- “D” (связей с вооруженными силами) — обеспечение безопасности военных объектов, а также руководство полевой полицией безопасности (ФСП или МИ-11). В составе отдела имелись секции связи с военным министерством, Адмиралтейством и министерством авиации, а также крайне важная секция безопасности в портах;
- “E” (по иностранцам) — общий надзор за всеми прибывающими в страну гражданами иностранных государств (в отличие от отдела “B”, который рассматривал их исключительно с контрразведывательной точки зрения);
- “F” (безопасности заморских территорий империи) — руководство созданными в доминионах органами безопасности (Индийской политической разведкой (ИПИ), Особым отделом полиции Гонконга, Канадской королевской конной полицией (РСМП), каирской Разведкой безопасности Среднего Востока (СИМЕ) и штабом южно-африканских Сил обороны Союза). Кроме того, в Гонконге, Шанхае и Сингапуре существовали “Объединенные разведывательные бюро” (КИБ), работавшие по линиям МИ-5, МИ-6, НИД и ДМИ. В Гибралтаре, Гондурасе, на Бермудах, Мальте и остальных территориях империи сотрудники отдела “F” в отдельных гарнизонах именовались офицерами по защите безопасности (ДСО) и фактически представляли собой местных уполномоченных контрразведки. Кроме того, в этом отделе имелось подразделение по борьбе с контрабандой и две секции, занимавшиеся коммунистической и фашистской партиями.

Несмотря на длинный перечень отделов и секций, в начале 1930-х годов в центральном аппарате МИ-5 насчитывалось всего 25 офицеров, все остальные сотрудники являлись гражданскими вольнонаемными служащими. В 1938 году в ней работали 30 офицеров, 103 делопроизводителя, а также значительный штат картотеки и вспомогательный персонал.

Научно-технический прогресс настоятельно требовал от контрразведки применения адекватных технических мер. Важным новшеством явилось создание Службы радиобезопасности (РСС), первоначально под обозначением МИ-8(с) являвшейся совместной структурой военного министерства и военной разведки. Истоки ее организации восходят к лету 1938 года, когда директор Индийской службы радио и телеграфа подполковник Симпсон обратил внимание начальника Службы безопасности на необходимость задуматься о возможности нелегального радиообмена на территории Соединенного Королевства. Первоначально Келл не воспринял всерьез эту угрозу, поскольку ни в одном из известных ему случаев шпионажа германские агенты не использовали радиооборудование, а всегда пользовались симпатическими чернилами или условными текстами в секретной переписке. Первый известный эпизод обнаружения агентурного передатчика произошел значительно позднее, в январе 1939 года, когда АНСТ-Гамбург попыталось переправить его на территорию Великобритании своему агенту “Джонни” для использования в период войны. Но Симпсон не успокоился и в октябре того же года, уже в статусе официального советника МИ-5 по вопросам связи, представил новые доказательства неадекватности применяемых в Великобритании радиоконтрразведывательных мер. Он аргументированно утверждал, что при существующей постановке дела шпионы будут безнаказанно связываться со своими центрами, а возможно, уже делают это. В качестве контрмеры подполковник предлагал учредить в МИ-5 секцию радиобезопасности, располагающую тремя стационарными и шестью мобильными пеленгаторами, одним стационарным и одним мобильным постом перехвата и сетью наземных линий связи с 50 или 60 добровольными гражданскими радиолюбителями, несущими круглосуточную вахту в эфире. По идее, они должны были засекают сигналы нелегальных станций, а также радиомаяков, установленных вражескими агентами для наведения бомбардировщиков на цели. Их также требовалось обнаруживать, и сделать это позволяли только методы пеленгации, недоступные для контрразведки по финансовым причинам. В результате интенсивных поисков выхода в декабре 1938 года было решено создать Службу радиобезопасности (РСС) в качестве структурного подразделения секции военной разведки МИ-8(с). Оборудование для ее работы должно было поставить почтовое ведомство, а полученные результаты планировалось передавать МИ-5. Практически РСС начала формироваться только в марте 1939 года, после изыскания необходимых для этого финансовых средств. Следует отметить, что это организационное решение стало одним из наиболее долго исполнявшихся в истории британских спецслужб 20-го столетия. Дело в том, что еще в начале 1928 года Комитет имперской обо-

роны одобрил создание структуры, способной перехватывать вражеский радиообмен на территории Соединенного Королевства, в частности, радиোগраммы Коминтерна. Полный цикл осознания необходимости подобной меры и ее воплощения занял 11 лет. В дальнейшем подполковник Симпсон перешел на службу в МИ-5 и возглавил там секцию “ВЗ”, отвечающую за осуществление цензуры, контроль за радиообменом противника и прочими методами вражеской связи, включая почтовых голубей. Однако нахождение РСС в составе военного ведомства свело его обязанности по контролю за радиообменом противника к получению сообщений от информаторов о возможной работе нелегальных передатчиков и принятию соответствующих мер по ним, а также к подготовке офицеров спецслужб к работе в составе мобильных групп по пеленгации агентурных передатчиков и захвату радистов.

Первоначально Служба безопасности занималась главным образом профилактикой, но вскоре у нее появились и конкретные дела по расследованию подозрительных на саботаж случаев. В 1933 году обстоятельства, сопутствовавшие авариям на британских кораблях “Олеандр” и “Уор Африди”, указывали на возможность диверсии. В 1935 году произошли не имевшие логического объяснения серьезные повреждения электрооборудования крейсера “Камберленд” и подводной лодки “Оберон”, а также выход из строя системы противопожарной сигнализации на линкоре “Ройал Оук”. Следствие не пришло к однозначным результатам относительно причин перечисленных инцидентов, однако в 1937 году в связи с ними Адмиралтейство уволило пятерых радикально настроенных рабочих, что повлекло их жалобы и шум в прессе. Больше громких случаев в области безопасности до второй половины 1930-х годов не происходило. МИ-5 занималась также агентурным проникновением в германское посольство в Лондоне. Среди завербованных Службой безопасности в 1930-е годы его сотрудников значатся такие результативные источники как пресс-атташе посольства Иона Устинов (отец известного в будущем киноактера Питера Устинова), советник Теодор Корат и младший секретарь Вольфганг цу Путлиц.

В свою очередь, немцы тоже активно вели в Соединенном Королевстве агентурную разведку. В 1930-х годах Служба безопасности раскрыла 30 германских агентов и кандидатов в агенты, 21 из которых являлись британскими гражданами. Как уже упоминалось, разведывательные сети полковника Буша потерпели провал, который большинство исследователей расценивают как случайный. Все началось с того, что в 1938 году почтальон шотландского города Данди обратил внимание на обилие иностранной корреспонденции некоей Джесси Уоллес Джордан. На конвертах значились адреса в США, Нидерландах, Германии, Южной Африке, Франции и других странах, что никак не вязалось с незаметным образом жизни этой обычной женщины. Отправляемые письма также поражали разнообразием стран назначения. Почтальон поделился своими подозрениями с полицией, а та проинформировала МИ-5, почти сразу же опознавшую в одном из адресов давно и хорошо известный ей конспиративный адрес абвера в Западной Европе. После этого получить разрешение на перлюстрацию переписки подозреваемой было уже несложно. Как и предполагал курировавший эту операцию полковник Хинчли-Кук, Джордан оказалась главным “почтовым ящиком” абвера в Великобритании и получила за это четыре года тюремного заключения. В результате систематической перлюстрации корреспонденции британская контрразведка выяснила множество адресов немецкой агентуры на островах и впоследствии одним ударом обезвредила ее.

Эдуард Хинчли-Кук

В последнее время были обнаружены данные о том, что МИ-5, кроме Джордан, контролировала еще двух держателей конспиративных адресов абвера, которыми являлись Данкомб в Лондоне и Брэнди в Дублине.

Двумя годами ранее на те же четыре года попал в тюрьму довольно незадачливый германский агент Герман (во многих источниках ошибочно именуемый Генрихом) Герц. В августе 1935 года вместе с игравшей роль его секретаря 19-летней Марианной Эмиг он под

видом историка-любителя прибыл в Великобританию и регулярно объезжал окрестности пунктов базирования военно-воздушных сил. Агент регулярно фотографировал и зарисовывал интересующие объекты, а девушка завязала флирт с рядовым Кеннетом Льюисом из наземного персонала ВВС. Вопросы Эмиг насторожили солдата, и он доложил о них по инстанции. Получивший эту информацию полковник Хинчли-Кук установил негласное наблюдение за парой немцев и быстро выяснил, что они посещали окрестности аэродромов в Восточной Англии, Норфолке, Саффолке и Линкольншире. Агенты засекали наблюдение, и запаниковавшая Эмиг категорически потребовала немедленно возвратиться в Гамбург. После краткого пребывания в Германии Герц вернулся обратно, но тем временем и его квартирная хозяйка Флоренс Джонсон тоже заподозрила неладное и обратилась в полицию. В снимаемом немцами домике контрразведчики произвели обыск и обнаружили чемодан с документами, ни один из которых, строго говоря, не являлся секретным. Первоначально в МИ-5 посчитали, что имеют дело с самодеятельным разведчиком и решили не раздувать скандал, однако агент-дилетант легкомысленно оставил там же и компрометирующие его бумаги, в частности, шифр и даже копию своего заявления о зачислении в абвер. По возвращении в Британию его ждал суд и приговор.

Герман Герц и Марианна Эмиг

Такова была официальная версия событий, представленная английской контрразведкой. В действительности же Герц и в самом деле занимался шпионажем, но исключительно в инициативном порядке, поскольку намеревался поступить в люфтваффе на должность офицера разведки и для доказательства своей профессиональной пригодности в качестве первого взноса собирался преподнести самостоятельно добытые им материалы. Впервые Герц попал в поле зрения контрразведки действительно из-за заявления квартирной хозяйки в полицию, однако по совершенно прозаической причине, а именно из-за неуплаты денег за проживание, чего ни один профессиональный разведчик никогда себе не позволил бы. В результате обыска в его комнате обнаружили и изъяли фотоаппарат, карту Восточной Англии с отметками расположения военных аэродромов, авиационные журналы, справочники, записные книжки и письма, но любой из этих документов можно было получить из открытых и общедоступных источников. На суде Герц объяснил, что собирал материалы для шпионского романа под заглавием «Мост через серое море» о двух проживавших в Англии и Шлезвиг-Гольштейне семьях. Отдельной вставкой в романе проходила авиационная тема, что позволяло обосновать интерес автора к самолетам и аэродромам. С большой натяжкой судья признал доказательством его разведывательной деятельности непонятные пометки на плане одного из аэродромов, скопированного из журнала «Воздушный пилот». Кроме того, там же хранилась собственноручно написанная Герцем на шести листах анкета для поступления в люфтваффе с описанием его разведывательной деятельности в годы Первой мировой войны, но она явно отдавала вымыслом и в любом случае не могла послужить материалом для обвинения. Судя по всему, приговор был вынесен судом исключительно из политических соображений и преследовал цель создания в британском обществе иллюзии активной и нужной деятельности контрразведки. Детали процесса тщательно замалчивались, ибо их обнародование выставляло британское правосудие в совершенно неприглядном свете. В дальнейшем Герц действительно занялся разведкой по поручению абвера. Это произошло уже после начала Второй мировой войны и окончилось значительно более трагично.

55-летний журналист из Ричмонда Дональд Адамс был осужден на 7 лет тюремного заключения за отправку корреспонденции на адрес в Европе, известный МИ-5 как конспиративный адрес абвера. Хотя и в этом случае все сведения он черпал из газет и журналов, то есть фактически ущерба Британии не нанес, суд все же вынес достаточно суровый для мирного времени приговор, основываясь исключительно на субъективной стороне его деятельности.

В 1939 году в Манчестере состоялся процесс по обвинению молодого рабочего снарядного завода в Чорли Джеймса Келли, попавшегося в элементарную сексуальную ловушку

германской разведки. Юная немка-кухарка из Манчестера сблизилась с англичанином, а потом предложила ему совместно съездить на уик-энд в Германию. Абвер организовал для них бесплатные билеты, а девушка сообщила, что гостить они будут у ее подруги, так что тратиться на отель не придется, а питаться можно будет из ее домашних запасов. Для небогатого Келли это явилось серьезным аргументом, но до рейха парочка не доехала. В Голландии рабочего завербовали за 30 фунтов в неделю и передали на связь германскому консулу в Ливерпуле Вальтеру Райнхарду. Операция была проведена совершенно дилетантски. Поведение Келли, не имевшего даже элементарных представлений о требованиях конспирации, немедленно привлекло внимание Службы безопасности и закончилось судебным приговором сразу по двум статьям обвинения. Он получил трехлетний срок за кражу и десятилетний — за шпионаж, хотя, в общем, никаких секретных данных не выдал, консула же 14 июня 1939 года Форин офис объявил персоной нон грата и потребовал отозвать.

Абвер пытался засылать в Великобританию возможно большее количество агентуры, но ее качество оставалось низким, а отдача соответственно малой. Считается, что из примерно тысячи работавших в стране немецких гувернанток, служанок и прочего обслуживающего персонала около четырехсот являлись информаторами спецслужб, причем все эти люди скорее навредили германской разведке, чем оказали ей помощь. Однако в те же годы началась и другая шпионская история, по закрученности сюжета вполне подходящая для детектива. Интересно, что до конца 1960-х годов, когда Ладислас Фараго разобрал архивы бременского и гамбургского отделений абвера, МИ-5 была убеждена, что дело двойного агента Оуэнса явилось ее победой над германской разведкой. Тем не менее, через двадцать с лишним лет ситуация стала выглядеть совершенно не столь однозначно.

Не слишком удачливый изобретатель Артур Джордж Оуэнс родился в 1899 году в Уэльсе, позднее уехал в Канаду, а в 1933 году вернулся на родину и основал фирму по производству аккумуляторов и торговле ими “Оуэнс Бэттери Компани Лимитед”. В числе потребителей его продукции значилось Адмиралтейство, а одним из людей, способствовавших этому, являлся заместитель директора морской разведки, присмотревшийся к своему протеже с профессиональной точки зрения и порекомендовавший СИС установить с ним контакт. Руководителем нового агента, получившего оперативный псевдоним “Сноу”, стал подполковник Эдуард Пил, периодически использовавший его в некоторых операциях, в основном связанным с морской тематикой и немецким направлением. В частности, он поставил перед Оуэнсом задачу регулярно посещать собрания клуба “Трудового фронта Германии”, директором которого являлся офицер гамбургского абверштелле Ф. Брюннер. Под видом стремления завязать знакомства с работавшими в Британии немецкими девушками агент должен был привлечь к себе внимание директора клуба и таким путем попытаться внедриться в германскую разведку.

До начала 1937 года СИС казалось, что все шло по плану, но внезапно Пил получил от полковника Хинчли-Кука из МИ-5 обескураживающую информацию. Оказалось, что ничем не примечательный “Сноу” состоит в переписке с АСТ-Гамбург и в ближайшее время планирует отправиться в Кельн для встречи со своим немецким руководителем. Сведения были точными и многократно проверенными. Служба безопасности засекала эту агентурную связь совершенно случайно в процессе рутинной цензурной проверки переписки по так называемым “стоп-адресам”. Среди других писем цензоры обнаружили послания Оуэнса, адресованные в гамбургский почтовый ящик № 629, прекрасно известный англичанам как конспиративный адрес абвера.

Истинные цели СИС и “Сноу” расходились до противоположности. Оуэнс осуществил инициативный выход на немецкую разведку и, приехав в Брюссель, встретился с руководителями английского направления АСТ-Гамбург капитанами Дирксом и Риттером, благоразумно умолчав при этом о своей работе на СИС. После вербовки немцы присвоили ему псевдоним “Джонни” и код А-3504. Постепенно новый агент наладил сбор и передачу информации о состоянии авиационной промышленности Великобритании, но к концу 1937 году двурушничество “Сноу” наконец обнаружилось, хотя подлинные его размеры так и не выяснились. До этого момента ставший уже полковником Пил не был в восторге от достижений своего агента и полагал законсервировать его на неопределенный срок, однако теперь ситуация изменилась.

Проницательный Оуэнс почувствовал неладное и решил упредить события. Он явился в СИС с повинной и заявил, что в ходе своих поездок в Германию встречался с неким ин-

женером Пипером и эпизодически получал от него малозначительную информацию. Она была не настолько ценной, чтобы платить за нее, и англичанин якобы решил прервать этот контакт, но неожиданно получил от Пипера встречное предложение работать на немцев. Он сообщил, что согласился на него, однако исключительно с целью внедрения в германскую разведслужбу, и что готов нести наказание за свои самовольные действия, совершенные, тем не менее, из патриотических побуждений. Эта маловероятная история не вызвала никакого доверия, и “Сноу” передала контрразведке, чтобы та арестовала его по подозрению в шпионаже. При этом Оуэнсу невероятно и совершенно неожиданно повезло. За несколько дней до принятия окончательного решения о его аресте Служба безопасности направила в СИС запрос о нем, обычным порядком пришедший в секцию внутренней контрразведки СИС. Полковник Пил уже сообщил в сектор учета о прекращении связи со “Сноу”, однако по халатности его сотрудников тот все еще числился в картотеке агентства разведки, о чем в полном соответствии с установленными правилами и сообщили МИ-5. После этого все подозрения с “Джонни” — “Сноу” были сняты, его с извинениями освободили и даже не отобрали заграничный паспорт, позволивший А-3504 свободно продолжать поездки за границу для встреч с офицерами абвера. Особый отдел убрал установленное за объектом наблюдение и проинформировал об этом разведку. В результате в СИС решили, что Служба безопасности полностью проверила подозреваемого и вынесла оправдательный вердикт, ввиду чего в январе 1939 года его вывели из консервации и перевели в разряд действующих агентов. Тем времен ненавидевший англичан активный валлийский националист “Джонни” под носом у контрразведки руководил созданной им в 35 географических пунктах страны сетью. В январе 1939 года немцы прислали ему радиопередатчик, весьма заинтересовавший и разведку, и контрразведку, однако специалисты СИС так неумело разобрали аппарат, что лишь с большим трудом смогли починить его. Оуэнс рассвирепел, поругался с Пилом и исчез, причем не один, а вместе с радиостанцией, на которой 28 августа 1939 года впервые вышел в эфир с метеосводкой. Служба безопасности вместе с Особым отделом разыскивали его, но безуспешно. Перед самой войной Оуэнс направил в абвер сообщение о развертывании на побережье радарной сети, оцененное Канарисом как самый важный отчет, поступивший из Англии за последние несколько лет. Весьма драматично продолжившаяся после начала боевых действий история двойного агента описана в соответствующей главе.

СД также располагала в Британии агентом из числа валлийцев, менеджером одной из технических фирм в Южном Уэльсе, но с началом войны он прекратил нелегальную деятельность и скрылся. Контрразведка так и не сумела напасть на его след, и личность этого человека остается не установленной до сих пор.

Все достигнутые немцами в Великобритании частные успехи меркнут по сравнению с результатами операций советской внешней разведки. Ее работа на территории страны осложнялась продиктованной дипломатической ситуацией требованием соблюдать особую осторожность в проведении агентурных операций. Шпионские скандалы 1920-х годов оставили на англо-советских отношениях слишком глубокий отпечаток, поэтому на самом высшем государственном уровне было принято решение изъять агентурный аппарат из ведения “легальной” резидентуры и перевести работу исключительно на нелегальную основу. Это позволяло правдоподобно отрицать причастность Советского Союза к любым возможным провалившимся агентам и их действиям.

Созданную в Лондоне начале 1934 года первую нелегальную резидентуру внешней разведки возглавил Игнатий Рейф (“Март”, “Макс Волиш”), а до этого оперативная работа по Британии велась в основном из Дании, что заметно осложняло проведение многих операций. Вскоре находившийся в Вене А. М. Орлов (А. Л. Фельдбин, Никольский, “Швед”) получил приказ прибыть в Англию и принять руководство группой нелегалов. Оперативная обстановка в Великобритании отличалась крайне незначительной вероятностью удачных вербовок для работы на СССР государственных служащих, военных или бизнесменов. Вместе с тем, многие молодые интеллектуалы, особенно студенты Оксфордского и Кембриджского университетов, разочаровались в буржуазном обществе и его перспективах и довольно массово обратились к марксизму. Немало преподавателей и профес-

Игнатий Рейф

соров тоже исповедовали левые убеждения, поскольку полагали, что именно в Советском Союзе, в отличие от пораженных “великой депрессией” стран, создаются идеальные условия для научного прогресса. Ключом к спасению мира они объявляли марксизм и диалектический материализм, в капиталистических странах же наука якобы была обречена служить исключительно интересам господствующих классов, в связи с чем ее ожидал неизбежный упадок. Студенты и профессора вступали в тайные или полуполигальные организации левой направленности, такие как “Еретики”, “Союз”, “Общество Апостолов”, “Социалистическое общество”. Особенно яростно пропагандировал коммунизм преподаватель Морис Добб, сам не ведавший, насколько советская разведка должна быть признательна ему за речи, статьи и книги, вдохновившие социалистическими идеями не одного ее будущего агента. По оценке июля 1937 года, среди студентов Оксфордского университета насчитывалось 150 членов коммунистической партии, Кембриджского — 200, Лондонского — 300.

Британское общество действительно являло тогда не слишком привлекательное зрелище, тогда как скрытый густой завесой массивированной пропаганды образ Советского Союза был неясен, но притягателен. К тому же для многих СССР олицетворял оплот антифашизма, невыгодно оттенявший соглашательскую политику официального Лондона. Немало юношей, не видя и не зная практики социализма, наивно уверовали в коммунистические идеалы и пронесли свои убеждения сквозь десятилетия. Подобные романтические настроения разведка прозаически именуется идейно-политической основой для вербовки, считающейся намного надежнее прочих. В данном случае следует отметить, что руководство НКВД отлично знавало, как выглядит социализм вблизи, и всячески старалось ограждать своих агентов от соприкосновения с его разочаровывающими реалиями.

Посты в правительстве, парламенте, разведке и других представляющих оперативный интерес ведомствах традиционно укомплектовывались главным образом выпускниками Кембриджа и Оксфорда, и это натолкнуло начальника ИНО ОГПУ М. А. Трилиссера и его заместителя А. А. Слуцкого на идею стратегии вербовок на перспективу. Предполагалось, что отобранные кандидатуры после оформления сотрудничества с СССР под руководством опытных офицеров будут постепенно приобретать навыки агентурно-оперативной работы и одновременно при содействии разведки станут продвигаться по служебной лестнице. И через десять — пятнадцать лет советские агенты окажутся сразу на нескольких высоких государственных постах, что позволит не только получать информацию, но и влиять на принятие решений. Забегая вперед, можно констатировать, что, по крайней мере, в двух университетах такая стратегия себя блестяще оправдала. Менее известна руководившаяся “Скоттом” оксфордская группа, о которой в открытых источниках имеются лишь глухие упоминания, домыслы и предположения, зато “кембриджская пятерка”, состоявшая из Филби, Маклина, Берджесса, Бланта и Кэрнкросса, являет собой непревзойденный пример глубокого агентурного проникновения в дипломатические и разведывательные круги крупного государства. Большинство исследователей считает ее наиболее эффективной разведывательной группой в истории. Кстати, не исключено, что устоявшийся термин “пятерка” не вполне соответствует действительности, поскольку подозрения о причастности к группе ряда известных фигур, в том числе миллионера Виктора Ротшильда и генерального директора МИ-5 Роджера Холлиса, отнюдь не развеяны окончательно.

Великобритания стала местом работы, пожалуй, самых выдающихся советских разведчиков-нелегалов 1930-х годов. Теодор Малли, Александр Орлов, Арнольд Дейч и Игнатий Рейф сумели создать там агентурный аппарат, действовавший десятки лет. С конца 1933 года Дейч (“Стефан Ланг”, “Отто”, “Арнольд”) и трое других прибывших из Австрии нелегалов приступили к агентурному проникновению в министерство иностранных дел, наметив в качестве первоочередных объектов его технический персонал и обучавшихся в Кембридже, Оксфорде и Лондоне студентов. В 1937 году в связи с истечением срока действия визы Дейч покинул страну, но за этот относительно краткий период сумел завербовать не менее 17 агентов.

Строго говоря, к нелегалам Дейча можно отнести лишь условно, поскольку всегда и везде он пользовался своим подлинным именем и настоящим австрийским паспортом. Тем не менее, он являлся одним из самых выдающихся сотрудников нелегальной разведки. Уроженец Австрии, в 1920 году в возрасте 16 лет Дейч стал членом Союза коммунистического студенчества, через четыре года вступил в компартию, а еще через четыре года стал работать в подпольной организации Коминтерна и совершил нелегальные поездки в Палестину,

Сирию, Грецию и Румынию. В 24-летнем возрасте он получил степень доктора философии Венского университета, а в 1936 году стал доктором психологии Лондонского университета, причем за время учебы в британской столице официально зарегистрировал патенты на шесть изобретений. С 1930 года Дейч по рекомендации ИККИ начал работать на внешнюю разведку СССР, где весьма пригодились его свободное владение немецким, английским, французским, итальянским, голландским и русским языками. Сильной стороной личности разведчика являлись необыкновенная психологическая проницательность и контактность,

Арнольд Дейч

позволявшие ему достигать взаимопонимания с самыми различными людьми. После возвращения из Лондона богатый потенциал бывшего нелегала оказался невостребованным разведкой, и до 1941 года Дейч занимал скромную должность старшего научного сотрудника в Институте мирового хозяйства. Впрочем, ему следовало радоваться и столь незавидному повороту событий, поскольку к этому времени большинство его коллег были уже либо расстреляны, либо отправлены в лагерь. Но, как и многим другим ярким личностям, судьба не отпустила Дейчу долгий срок жизни. После начала Великой Отечественной войны он вновь предложил свои услуги разведке и был направлен нелегальным резидентом в Латинскую Америку, однако осуществить это ему не пришлось. На одном из этапов его долгого и трудного пути к месту назначения пароход “Донбасс”, на котором Дейч из Архангельска направлялся в США, был потоплен в открытом море. Среди спасенных разведчика не обнаружили.

В июле 1934 года Центр поставил перед лондонской резидентурой долговременную задачу проникновения в британскую разведку, для чего ей был установлен месячный бюджет в 500 фунтов, из которых заработная плата резидента составляла 120 фунтов, Дейча — 80, а нелегального курьера — 56. Источники появлялись один за другим, многие из них известны только по оперативным псевдонимам, например, “Атгила”, “Нахфольгер”, “Бэр” и прочие. В их приобретении важную роль сыграла Эдит Тюдор Харт, советский нелегал под прозрачным оперативным псевдонимом “Эдит”.

Харт, урожденная Сушицки, являлась весьма видной, хотя и до последнего времени мало известной фигурой в системе советской разведки на Британских островах. Она родилась в 1908 году в Вене, с 1925 по 1927 год работала в Англии учительницей, в 1933 году вышла замуж за врача британского консульства Харта и вместе с ним вновь прибыла в Великобританию. К этому времени Эдит уже состояла в нелегальной коммунистической партии Австрии и сотрудничала с советской внешней разведкой, а в 1929 году в Париже и Лондоне успешно выполнила ее кратковременные задания по линии нелегалов. С началом войны в Испании муж “Эдит” поступил военным хирургом в республиканскую армию, а после его возвращения семья распалась, и супруги развелись. Однажды Харт попала в поле зрения британской контрразведки, обнаружившей приобретенную ей фотокамеру при обыске на квартире руководителя нелегальной группы Вулвичского арсенала Перси Глэдинга. Несмотря на это, расследование в отношении нее не производилось, и агент “Эдит” продолжала работать. Она давала наводки на вербовку членов не только кембриджской, но и окс-

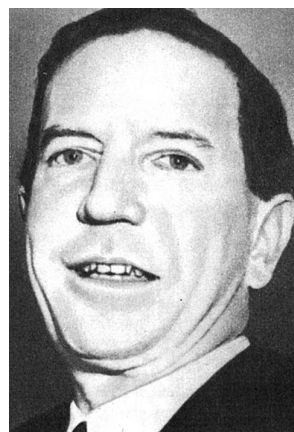
Перси Глэдинг

фордской групп, а в 1940 году, после фактического прекращения существования резидентуры в Великобритании, осуществляла контакты Филби с Центром через ответственного за эти операции члена коммунистической партии Великобритании Боба Стюарта. Харт никогда не была арестована, ее не допрашивали, и, судя по всему, она даже не попадала под подозрение. После окончания связи с внешней разведкой ни в каких оперативных мероприятиях она не участвовала, и в 1973 году умерла от рака печени.

Эдит Харт

С будущим первым и самым знаменитым участником “кембриджской пятерки” Гарольдом Адрианом Расселом Филби (семейное прозвище “Ким”) Харт познакомилась через его бывшую жену и в 1934 году, оценив его потенциальные разведывательные возможности, порекомендовала молодого англичанина Арнольду Дейчу. Дейч и Рейф произвели его вербовку в том же 1934 году на собственный страх и риск без санкции Центра, поскольку Москва непременно запретила бы ее из-за тесных связей кандидата в агенты с коммунистической партией. Убежденный антифашист Филби в будущем мыслил себя только на партийной работе и с 1934 года поддерживал в Вене нелегальные связи местной секции МОПР с коммунистами-подпольщиками. Там же он женился на коммунистке Литци Фридман, не столько по любви, сколько по политическим соображениям. Вскоре они развелись, но сохранили добрые отношения, и именно от Литци, дружившей с Эдит Харт, и была получена первая наводка на его вербовку.

“Ким” Филби

Следует отметить, что еще до формального привлечения к сотрудничеству с советской разведкой Филби давал ей ценную информацию, получаемую от личного секретаря постоянного помощника военного министра Р. Криди и курировавшего некоторые вопросы армейской разведки Т. Уайли. После вербовки он получил псевдоним “Зенхен” (“Сынок”) и должен был не просто забыть свое левое прошлое, а полностью перечеркнуть его, для чего Орлов тщательно разработал схему постепенного отхода агента от партийных кругов. Поставленную перед резидентурой долговременную задачу внедрения агента в МИД сорвал отказ давнего друга отца Филби дать ему требуемую рекомендацию для поступления на дипломатическую службу. Тогда “Зенхена” сориентировали на проникновение в разведку, ключом к чему должна была стать журналистика. Филби хорошо владел слогом, поэтому вначале успешно работал корреспондентом “Англо-германской торговой газеты”, затем в качестве независимого журналиста съездил на испанскую войну. Там он освещал события с позиций националистов, а после этого вновь отправился на Пиренейский полуостров по поручению “Таймс”. В этой второй поездке он безуспешно попытался выполнить рутинное задание НКВД, едва не погиб при этом, зато весьма укрепил свою репутацию новообращенного антикоммуниста. Фактически с этого момента и началось проникновение Филби в МИ-6, закончившееся восхождением к вершинам этой службы и последующим бегством в СССР.

К тому времени Орлову пришлось экстренно покинуть Британию из-за совершенно случайной встречи в октябре 1935 года с профессором, когда-то обучавшим его в Вене английскому языку и знавшим его как советского гражданина. В одной из своих книг будущий невозвращенец в завуалированной форме вспоминает о произошедшей с ним истории, однако переносит ее в Берлин. По версии Орлова, один из нелегальных резидентов советской внешней разведки, ранее работавший в Вене на должности 2-го секретаря полпредства СССР, в ресторане отеля был опознан немцем с нацистской повязкой на рукаве, радостно обратившимся к нему на русском языке. Он оказался его венским учителем немецкого языка, а поскольку разведчик находился в Германии с канадским паспортом, ему срочно пришлось покинуть страну во избежание провала. Орлов подробно изложил обстоятельства этого эпизода не из соображений занимательности, а ради того, чтобы проанализировать одну из ошибок внешней разведки в ходе легализации своих сотрудников: “За этим инцидентом можно было увидеть более крупный и серьезный просчет в политике разведки НКВД, позволявшей офицерам, ранее занимавшим официальные должности в советских посольствах и торговых делегациях, направляться на нелегальную работу с фальшивыми документами. Главным образом это происходило по двум причинам: во-первых, из-за нехватки квалифицированных офицеров с хорошей подготовкой, опытом и запасом стойкости для нелегальной работы, и во-вторых, из-за того, что опасная деятельность в подполье окружена в Москве таким ореолом героизма, что многие руководители разведки, не принимая во внимание свою прежнюю службу на официальных должностях, старались получить опасное назначение из соображений чести и личной гордости”²¹⁸.

Угроза провала вынудила резидента немедленно исчезнуть, однако намеченная им линия работы продолжала неукоснительно соблюдаться. Помимо активных вербовочных под-

ходов к секретаршам из среднего класса, полным ходом шла разработка студенчества. Росла и кембриджская группа.

Гай Берджесс

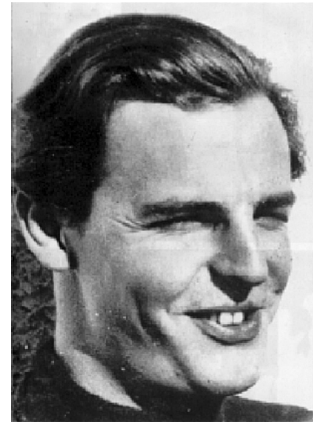
Ее “второй человек” Гай Френсис де Монси Берджесс являлся наиболее колоритной фигурой среди всех участников “пятерки”. Обилию контактов этого талантливого и совершенно неорганизованного человека, убежденного марксиста и известного гомосексуалиста, получившего после вербовки псевдоним “Мэдхен” (“Девочка”), можно было только удивляться. Гомосексуальную связь с ним имели не менее двух участников группы (Энтони Блант и непродолжительное время Дональд Маклин). Свою главную задачу для советской разведки Берджесс видел в вербовке возможно большего числа новых агентов и самостоятельно или с помощью Филби и Бланта приобрел множество источников (“Мэр”, “Або”, “Ральф”, “Мольер”, “Найджел” и другие). Коммуникабельность Берджесса давала резидентуре все основания надеяться на выполнение поставленной перед ним долговременной задачи проникновения в британскую разведку.

Для начала он стал финансовым советником матери миллионера Виктора Ротшильда и через нее завязал знакомство с начальником IV (военной) секции СИС Стюартом Мензисом и руководителем отдела “В” контрразведки Диком Уайтом, а также с курировавшим разведслужбу постоянным заместителем министра иностранных дел Робертом Ванситтартом. В 1935 году Берджесс начал работать парламентским ассистентом у члена палаты общин Джеймса Макнамары, жизнерадостного человека и тоже гомосексуалиста, и веселые вечеринки этой пары помогли ему выйти на множество новых связей. В конце года “Мэдхен” стал вести передачи на радиостанции Би-Би-Си, специализируясь на интервью с людьми из мира политики и секретных служб. Он постепенно обрастал новыми контактами, среди которых самым результативным было состоявшееся по наводке Маклина знакомство с заместителем начальника I секции СИС Дэвидом Футманом.

Не следует полагать, что Берджесс привлекал к себе одних лишь гомосексуалистов. Он являлся незаурядной личностью, интересным и талантливым человеком, хорошим психологом, и именно это помогло ему в мае 1935 года первым из “кембриджской пятерки” и вообще первым из советских агентов поступить на службу в СИС. Новому сотруднику поручили организацию негласной связи между премьерами Британии Невилем Чемберленом и Франции Эдуардом Даладье. Берджесс решил задачу, опять-таки используя свои неисчерпаемые контакты в среде гомосексуалистов, после чего занялся провоцированием раскола сионистского движения в Палестине. Несколько позже полковник Вивиан решил использовать прошлые, как ему казалось, контакты своего сотрудника и попытался сориентировать Берджесса на работу по коммунистам — не явным членам компартии Великобритании, а нелегальным участникам партийной деятельности. Однако это было совершенно не то, что требовалось советской разведке, и “Мэдхен” деликатно уклонился от такого назначения. Отказ не подорвал его положение в службе, наоборот, в конце 1938 года Берджесса перевели в секцию “Д”, где он, используя накопленный в действиях против сионистов опыт, занялся подрывной пропагандой и активными мероприятиями. На новом месте он организовал на континенте сеть нелегальных радиопередающих станций для введения контрпропагандистской работы против Германии, а несколько позже выдвинул идею создания школы для подготовки агентов, позднее реализованную МИ-6. Берджесс проработал в СИС до конца 1940 года и помог устроиться в нее Киму Филби, все это время регулярно передавая советской разведке доступные ему материалы. После отъезда Дейча и Малли он направлял информацию в парижскую резидентуру и даже иногда выполнял курьерские функции для оставшихся в Англии советских агентов.

Третьим членом кембриджской группы стал симпатизировавший коммунистам молодой и талантливый Дональд Дьюарт Маклин, до 1934 года участвовавший в работе студенческой коммунистической ячейки в Кембридже вначале подпольно, а затем в качестве ее официального секретаря. Вероятнее всего, окончательно он решил работать на СССР после откровенной беседы с Филби в августе 1934 года, хотя существуют и другие версии, соглас-

но которым его завербовали то ли Гай Берджесс, то ли коммунист Дэвид Клугман. Чтобы убедить окружающих в отходе Маклина от левых позиций, пришлось основательно потрудиться, но в конечном итоге коммунистическое прошлое агента стало восприниматься окружающими как простительное заблуждение и шалость молодости. Резидентура также произвела его вербовку без санкции Центра, поскольку с июня 1934 по январь 1935 года ее связь с Москвой поддерживалась только через копенгагенскую точку, и ни о какой оперативности в принятии решений не могло быть и речи. После оформления сотрудничества Маклин первоначально получил псевдоним “Вайзе” (“Сирота”), замененный позже на “Гомера”, а основной установкой на работу с ним стало проникновение в министерство иностранных дел. С февраля 1935 года он уже работал на прямой связи с Орловым, экстренный отъезд которого из страны ничего не изменил, агент остался на связи с новым нелегальным резидентом Теодором Малли (“Тео”, “Манн”).

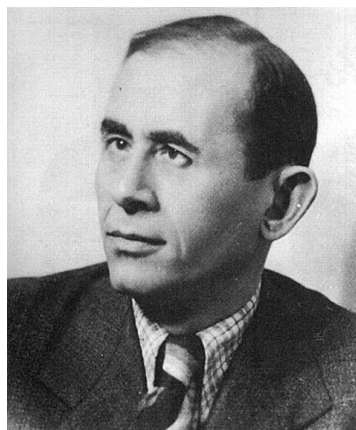
Дональд Маклин

В октябре 1935 года Маклин блестяще, как и все, что он делал, сдал экзамены и обрадовал своего руководителя поступлением на должность третьего секретаря Западного отдела МИД. Режим секретности в Форин офис оказался весьма условным, поэтому доступ к закрытым материалам не составил для него особых сложностей. Словно специально для облегчения работы шпионов, папки с бумагами в зависимости от содержания имели твердо установленную цветовую маркировку обложек. Конфиденциальные документы хранились в белых папках, секретные — в зеленых, сообщения разведки накапливались в красных, а совершенно секретные бумаги, в том числе теоретически предназначенные исключительно для начальника отдела материалы радиоперехвата и дешифровок — в синих. Это позволяло не тратить время на просмотр документов для определения степени их важности, а безошибочно выбирать папки нужного цвета. Маклин именно так и поступал, причем иногда он просто заваливал резидентуру материалами, которые ее сотрудники даже не успевали обрабатывать. В 1936 году информация “Вайзе” сорвала планировавшееся мероприятие ПШКШ по дешифровке телеграфной переписки советского посольства. Криптографы инспирировали долгие парламентские дебаты по вопросу взаимоотношений с СССР, чтобы затем, перехватив зашифрованные донесения, произвести в тексте поиск опорных слов и с их помощью взломать коды посольства. Без вмешательства Маклина так бы наверняка и произошло, но теперь все донесения перед шифрованием тщательно перефразировались, и хорошо задуманная попытка ПШКШ не увенчалась успехом. Усилия агента привели также к установлению личности генерального директора МИ-5 и части ее персонала. По информации Маклина, именовавшегося в оперативной переписке “Лириком”, а позже “Стюартом”, НКВД раскрыл британского агента в Наркомате иностранных дел СССР и нескольких агентов в окружении Вилли Мюнценберга. Но “Вайзе” не просто передавал документы и сообщения, а тщательно анализировал их, просчитывал тенденции развития событий и делал прогнозы. Такая обработка сырой информации приобрела особенное значение после непредвиденного отъезда Орлова, когда в нелегальной резидентуре остался лишь один задыхавшийся от обилия работы оперативный сотрудник — Арнольд Дейч. Только в апреле 1936 года на работу прибыл новый резидент — Теодор Малли, один из “великих нелегалов” НКВД. Венгр по национальности и недоучившийся священник по образованию, он служил офицером в австро-венгерской армии, попал в русский плен и в 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. В Красноярске Малли вновь попал в плен, на этот раз к белогвардейцам, но занявшие город красные войска освободили его вместе с другими арестованными. С 1921 года он работает в территориальных органах ВЧК/ОГПУ, где последовательно занимает должности помощника уполномоченного по борьбе с бандитизмом, следователя по особо важным делам и начальника Восточного отдела ОГПУ Крыма, а с 1926 года переводится в центральный аппарат на должность вначале уполномоченного, а затем начальника отделения КРО. С 1932 года Малли работает во внешней разведке и выезжает в спецкомандировки на нелегальную работу в

Теодор Малли

Австрию, Германию, Францию и Великобританию. К сожалению, его служба в Иностранном отделе продлилась всего пять лет и стандартно закончилась расстрелом в Москве в июне 1937 года. Для замены Малли руководство разведки планировало направить в Лондон из Копенгагена Быстролетова, но этого не произошло. Его отозвали из Дании и также арестовали, несмотря на все легендарные вербовки и иные удачные операции этого разведчика, тоже неофициально причисленного к “великим нелегалам”.

Г. Б. Графен

Вскоре в Москву отозвали и Дейча, лишь в ноябре 1937 года всего на десять дней возвратившегося в Великобританию для консервации агентурного аппарата. До весны 1938 года все уникальные источники оставались без руководства, а прислать из Центра было некого, поскольку именно в это время в НКВД началась чистка нелегалов. Лондонская нелегальная резидентура погибала. Из этого положения нужно было хоть как-то выходить, поэтому по личному указанию наркома руководство агентурными операциями вновь вернули “легальной” резиденту-

А. В. Горский

ре. Однако ее резидент Г. Б. Графен справлялся с новой задачей с большим трудом, и лишь прибывший ему на смену А. В. Горский (“Вадим”) сумел полноценно использовать имевшихся источников. Следует отметить, что вообще-то он мало ценил “пятерку”, полагая ее членом сборищем гомосексуалистов, хвастунов, лгунов, пьяниц и авантюристов, но, преодолев личные антипатии, работал с ними вполне профессионально и не допустил даже намека на возможность провала или неправильного применения их агентурных возможностей. В августе 1938 года, к огорчению разведки, Маклина перевели на работу вторым секретарем посольства Великобритании в Париже, и он временно вышел из сферы деятельности лондонской резидентуры.

“Четвертым человеком” кембриджской группы стал выходец из семьи священнослужителя Энтони Фредерик Блант (“Янг”, “Тони”), довольно близкий родственник королевской семьи. Молодой человек не разделял марксистскую доктрину, увлекался искусством и в работе коммунистической партии не участвовал. Благодаря вступлению в университет в негласное “Общество Апостолов”, он обзавелся множеством полезных в будущем знакомств, в числе которых был секретарь премьер-министра С. Болдуина Д. Проктор. Долгое время господствовало мнение о вербовке Бланта в 1935 году во время его поездки в Москву, но оно оказалось неверным. Согласно наиболее вероятной версии, к сотрудничеству с советской разведкой его привлек Берждесс, с которым Блант имел устойчивую связь и даже в нарушение требований конспирации проживал на одной квартире, формальную же вербовку осуществил Дейч в Лондоне в начале 1937 года. Практика социализма в Советском Союзе отнюдь не впечатлила будущего агента, ему понравилась лишь программа СССР в области развития искусств, однако разочарование не поколебало его решимости сотрудничать с советской разведкой. С 1937 года Блант работал в Вобургском университете в Лондоне, где не имел практически никаких разведывательных возможностей. Начавшаяся война всколыхнула его патриотические чувства, и, к ужасу своего руководителя, он добровольно попросился на службу в армию. Практическую пользу разведке Блант стал приносить лишь с конца 1939 года, после поступления на службу в контрразведку.

Энтони Блант

“Пятый человек” кембриджской группы долгие годы являлся одной из загадок мира секретных служб, много лет будоражившей умы историков, журналистов и, естественно, разведчиков. После-

военные расследования недвусмысленно указывали на наличие в кембриджской группе некоего “пятого человека”, на роль которого примеряли многих. Имя Кэрнкросса впервые назвал лишь бежавший в Великобританию офицер ПГУ КГБ СССР О. А. Гордиевский, но и его сообщение оставило больше загадок, чем разгадало их, вследствие чего многие сходятся на мысли, что кембриджская группа раскрыта далеко не вся. По социальному положению и внешнему облику “пятый человек” разительно отличался от остальной четверки. Шотландец Джон Александр Керклэнд Кэрнкросс происходил из нижнего слоя среднего класса и никогда не считался своим в среде аристократического студенчества. Вербовочный подход к “пятому человеку” был нетрадиционным, поскольку его провел не оперативный работник резидентуры, а легальный руководитель коммунистической ячейки в Кембридже Дэвид Клугман, никогда не работавший непосредственно на советскую разведку и принципиально выполнявший лишь указания генерального секретаря КПВ Гарри Полита. Интересно, что в 1939 году, несмотря на общеизвестные коммунистические убеждения и активную партийную работу Клугмана, его приняли на службу в британскую военную разведку (его не следует смешивать с другим коммунистом, Норманом Джоном Клугманом, во время Второй мировой войны также работавшим в другой секретной службе – СОЕ). Судя по всему, на

Джон Кэрнкросс

сотрудничество с НКВД Кэрнкросса толкнули отнюдь не социалистические убеждения, а постоянные насмешки коллег над неотесанным и неуклюжим “не нашим”. Тяжелый и замкнутый характер молодого человека усугублял остроту проблемы, которую не смогло сгладить даже отличное окончание им университета. Блестящие способности позволили ему поступить на службу в МИД без сдачи обязательных экзаменов, но на этом успех и закончился. Неуживчивого Кэрнкросса перебрасывали из отдела в отдел, пока наконец, к огорчению советского руководителя, не откомандировали в конце 1938 года в министерство финансов. Однако вскоре это обернулось несомненной удачей. МИД уже был перекрыт Маклинном, а информация о государственном финансировании различных ведомств, направлений деятельности и проектов неожиданно оказалась очень важной и полезной, тем более что Кэрнкросс получил доступ к данным о финансировании военного министерства и различных спецслужб.

Необходимо отметить, что все члены “кембриджской пятерки” никоим образом не ощущали себя шпионами или предателями родины. Они воспринимали советскую разведку как своего рода подразделение Коминтерна, предназначенное для защиты коммунизма и борьбы против фашизма и капитализма, а уж в самую последнюю очередь призванное обслуживать геополитические интересы СССР. Отсюда вытекало и их вольное обращение с требованиями руководителей, и своеобразное отношение к конспирации, при котором в нарушение всех и всяческих канонов “пятерка” свободно обсуждала между собой оперативные вопросы. Филби, например, лишь после бегства в Советский Союз в 1956 году осознал, и то не сразу, что в КГБ к нему относятся не как к звезде нелегальной разведки, асу мирового класса, а как к завербованному агенту, которому никогда не суждено подняться до статуса кадрового офицера разведки, и доверие к которому никогда не будет полным. И неважно, что он достиг фактического уровня заместителя начальника МИ-6, что в истории найдется мало аналогов столь успешной и долголетней работы нелегала. Агент есть агент, и не более того...

Агентурный аппарат НКВД в Великобритании не ограничивался университетскими группами. Малли создал в Вулвичском арсенале сеть агентов, целиком специализировавшуюся по линии научно-технической разведки во главе с членом ЦК компартии Великобритании Перси Глэдингом (“Гот”). Группа Вулвичского арсенала находилась на связи у бывшего нелегального резидента в Германии и Италии Е. П. Мицкевича (“Анатолий”), с 1932 года работавшего в “легальной” резидентуре в Великобритании. Ее источники в самом арсенале, в фирмах “Армстронг” и “Фарст-Браун” добывали материалы по испытаниям оружия и боеприпасов, производству бронетанковой техники, артиллерии, стрелкового оружия и броневой стали. Все участники группы были в прошлом активными коммунистами, но позже отошли от легальной партийной работы. Активную помощь в работе сети оказывала Ольга

Грей, давняя знакомая Глэдинга и доверенное лицо самого руководителя КПВ Гарри Полита, нередко поручавшего ей выполнение нелегальных заданий и осуществление контактов с индийскими коммунистическими группами. В январе 1938 года резидентура была разгромлена, произошли аресты и ликвидация ее агентуры. 13 марта Глэдинга приговорили к 6-летнему тюремному заключению, а его помощники, инженеры арсенала Джордж Хумак и Альберт Уильямс, получили по 4 года. Ольга Грей, фигурировавшая в материалах процесса как “мисс Икс”, оказалась агентом группы “М” МИ-5 и раскрыла контрразведке всю сеть. Англичане несколько поторопились с арестами и поэтому не сумели захватить никого из оперативных работников резидентуры, что дало им основания не считать свой успех полным.

Главной для лондонской загранточки считалась линия работы с шифрами, которой придавалось настолько большое значение, что при направлении Малли в Лондон ему было предписано не расплываться на другие направления. Работу по ней не прервало даже самоубийство работавшего на НКВД Олдхама, успевшего дать ИНО наводки на нескольких возможных агентов. В соответствии с ними Игнатий Рейсс в 1930 году завербовал двух источников, но работу с одним из них, бывшим моряком русского происхождения, пришлось вскоре прекратить по причине его легкомыслия и безответственности. Вторым был находившийся на связи у Малли голландский художник Генри Кристиан Пик (“Купер”), ставший весьма успешным и активным сотрудником нелегальной сети. Он начал свою деятельность в декабре 1933 года с постепенной разработки “втемную” британского консульского чиновника в Женеве Раймонда Оука (“Шелли”). Легендируя свой интерес к государственным секретам Лондона работой для некоего германского банка, Пик в 1934 году попытался сыграть на финансовых проблемах англичанина и вручил ему аванс, но уже в начале следующего года тот категорически отказался сотрудничать и вернул деньги, заявив, что все это слишком похоже на шпионаж.

Тем не менее, контакты с “Шелли” не пропали даром. В результате них “Купер” познакомился с Джоном Гербертом Кингом. Этот ирландец по происхождению с 1934 года в звании капитана 1-го ранга работал в управлении связи МИД по совместительству, в связи с этим не имел права на пенсию и постоянно нуждался в деньгах. Кинг являлся перспективным объектом для вербовки на материальной основе, в процессе постепенного втягивания в которую Пик вначале пригласил его к себе в Гаагу просто провести время. Позднее советский агент организовал его отдых с любовницей в Испании, и по возвращении оттуда объект затосковал по большим деньгам еще сильнее. Последним толчком в объятия разведки послужило отсутствие фрака у Кинга-младшего, не позволившее молодому человеку попасть на чрезвычайно важный для него прием. Вербовка нового источника “Маг” состоялась в Великобритании в феврале 1935 года под флагом голландского банкира, заинтересованного в получении доступа к международной информации для коммерческих целей. Первые материалы поступили к Пику уже 29 марта 1935 года.

Особая ценность предоставляемых Кингом сведений заключалась в том, что он обладал доступом не только к поступающей в кабинет министров текущей информации, но и к совершенно секретным сводкам для постоянного заместителя министра иностранных дел Ванситтарта. “Маг” вел себя своеобразно и никогда не предоставлял оригиналы документов, ограничиваясь лишь выписками из них и краткими дайджестами. Он игнорировал требования “Купера”, периодически настаивавшего на оригиналах ввиду недопустимости для банка рисковать серьезными капиталами на основании одной лишь устной информации. Интересно, что капитан 1-го ранга сумел просчитать работу Олдхама на тот же “банк” и охарактеризовал его как “дурачка, который брал документы открыто и губил себя”²¹⁹. Кинг был убежден, что самоубийство его предшественника было лишь организованной МИ-5 инсценировкой, а также, что тот работал также и на французскую разведку.

Для прикрытия встреч с агентом Пик организовал и разместил в Лондоне фирму по дизайну интерьеров, на втором этаже которой оборудовал лабораторию для фотосъемки доставленных материалов, но все же время от получения документов до передачи их в Центр нередко затягивалось до неприемлемых сроков, заметно снижавших ценность информации. Для ускорения этого процесса в Лондон прибыл Малли и организовал их ускоренную доставку из студии “Купера” в “легальную” резидентуру, откуда дипкурьерской почтой спецсообщения уходили в Москву. Однако из-за отсутствия должного прикрытия Малли вскоре вынужден был покинуть Великобританию, и руководство разведки приняло доста-

точно странное решение о передаче “Мага” на связь не владевшему английским языком Кривицкому. Практически тот так и не приступил к работе с агентом, но успел получить о нем полную информацию, что в дальнейшем сыграло роковую роль. Тем временем в конце 1935 года неожиданно нанятый первой женой Кинга частный детектив основательно покопался в прошлом и настоящем Пика, что угрожало его частичным разоблачением. В этих условиях Москва запретила художнику ездить в британскую столицу, и теперь оставшийся без руководителя в Лондоне “Маг” мог встречаться с ним только на континенте. Тогда Малли, несмотря на опасность, сам предложил себя в качестве временной замены для связи с Кингом. Этот рискованный шаг был предпринят во избежание перевода агента на консервацию, и в январе 1936 года Малли под именем Петерсона сменил Пика в качестве “представителя банка”.

Безусловно, легенда об интересе какого-то банка к политической информации была шита белыми нитками, особенно после просьбы руководителя о передаче совершенно не нужных финансистам шифровальных материалов, но англичанин предпочитал делать вид, что верит в нее. Открыть агенту правду было тем более рискованно, что Кинг по убеждениям оказался активным противником социализма в любой, даже самой мягкой его форме. Когда Центр потребовал сосредоточить источника на добывании информации о британских спецслужбах, Малли заявил, что настала пора сообщить “Магу”, “кто мы, не открывая, однако, кто мы есть на самом деле”²²⁰. Летом 1937 года вопрос решился сам собой, поскольку резидент был отозван в Москву и там репрессирован, а разведка утратила контакт с Кингом.

Несколько ранее торговый атташе британского посольства в Гааге на одной из вечеринок у Пика сообщил ему, что тот находится под контролем секретной службы, и поинтересовался, продолжает ли он по-прежнему работать на Коминтерн. Атташе оказался офицером МИ-5 и попытался завербовать художника, но тот отказался сотрудничать и попал под столь плотное наблюдение англичан и голландцев, что его пришлось навсегда вывести из разведывательной работы. В октябре 1939 года дело агента “Мага” окончательно закончилось. Перебежчик Кривицкий выдал его британским властям, отправившим Кинга в тюрьму на десятилетний срок. Так репрессии в отношении оперативных сотрудников разведки, умноженные предательством, разрушили одну из самых успешных предвоенных операций НКВД в Великобритании. Однако к началу Второй мировой войны резидентура в Англии все же отчасти восстановила работоспособность, обладала достаточно разветвленным агентурным аппаратом и уже могла полноценно функционировать.

Еще одним фактором оперативной обстановки в Соединенном Королевстве в предвоенный период являлся ирландский терроризм, постепенно вылившийся буквально в партизанскую войну. Ему противостояли около 150 инспекторов и следователей Особого отдела Скотланд-Ярда и подкрепленные армией полицейские силы. Накануне войны ИРА резко активизировала свои операции, предварительно 12 января 1939 года предъявив Лондону ультиматум, гласивший: “Правительство Ирландской республики полагает, что 4-дневный срок достаточен для того, чтобы Ваше правительство письменно подтвердило свое намерение эвакуировать воинские части и издало Декларацию об отречении в отношении нашей страны. Наше правительство сохраняет за собой право соответственных действий без дальнейшего предупреждения, если по истечении указанного периода отсрочки эти условия останутся невыполненными”²²¹. Ответа, естественно, не последовало, не в последнюю очередь по причине заверений Особого отдела в практическом разгроме организации террористов и в отсутствии у нее возможностей для активных действий. Основываясь на этом, правительственные эксперты заключили, что ультиматум представляет собой ничем не подкрепленную пустую угрозу, но столь оптимистичная оценка ситуации оказалась фатальной ошибкой. С 16 января так называемые “группы активной службы” ИРА развернули в Англии настоящее “бомбовое наступление”. Для начала они атаковали 7 линий электропередач и электростанций, а затем перешли к диверсиям на гидротехнических сооружениях и мостах. Ущерб от них оказался минимальным, поскольку ирландские боевики никогда не отличались хорошей минно-взрывной подготовкой. На первой стадии террористы взрывали обычные бомбы, а позднее разнообразили тактику, используя гранаты со слезоточивым газом в переполненных залах кинотеатров, которые после этого быстро опустели. С января по июнь было зафиксировано 127 террористических актов, из них 57 — в Лондоне, в результате которых один человек погиб и 55 получили ранения различной степени тяжести.

Особый отдел не смог справиться с ситуацией своими силами, и тогда к делу подключился отдел “В” Службы безопасности. МИ-5 возложила руководство антитеррористическими операциями на Гая Лидделла, будущего начальника отдела “В” и одного из наиболее способных британских контрразведчиков. Дополнительной причиной его привлечения являлась убежденность в том, что ИРА осуществляет свои акции по прямому указанию из Берлина. Позднее британская полиция обнаружила в изъятых документах “план С” по осуществлению террористических актов, составленный без участия немцев другом начальника штаба ИРА Шона Рассела Джеймсом (Джимом) О’Донованом, но и после этого у нее еще долго сохранялась уверенность в наличии “германского следа”. У подозреваемых лиц производились повальные обыски, было изъято немало взрывчатки, детонаторов и специальных химикалий, однако взрывы продолжались и в последующие месяцы. 25 августа в торговых рядах Ковентри взорвалась заложенная в багажник велосипеда бомба, убившая пятерых и ранившая 60 человек. Размах акций не уменьшился даже после поимки двоих террористов и вынесения им смертного приговора.

Джеймс О’Донован

В Берлине и в самом деле обратили внимание на своих неожиданных помощников, успешно терроризировавших население Британии. Следует отметить, что первое зафиксированное соприкосновение Ирландии с германской разведкой произошло еще в марте 1937 года. Немецкий студент Курт Веелер Хилл прибыл в Дублин для изучения языка, причем при пересечении границы в качестве своего адреса он указал штаб-квартиру британского отделения АО НСДАП. Обосновавшись на квартире вместе с секретарем германского консульства Робертом Венцелем, Хилл опубликовал в газете объявление с предложением обучать желающих немецкому языку в обмен на разговорную практику в английском. На него откликнулся местный житель, продавец из магазина велосипедов, имя которого до сих пор не раскритиковано МИ-5. Хилл познакомился с ирландцем и его женой и предложил им совершить поездку в Германию через Гамбург. Там приехав встретил сотрудник АСТ-Гамбург доктор Людерс, уговоривший продавца добывать и передавать из Ирландии в Гамбург по радио разведывательную информацию по британским танковым войскам, военно-воздушным силам и ИРА. Однако вербовка оказалась не столь успешной, как предполагалось. После возвращения новый агент не передал ни одного сообщения, хотя его удалось уговорить еще раз приехать в Германию в марте 1938 года. Он вновь пообещал сотрудничать, хотя на этот раз от идеи радиоконтакта отказались. Теперь сообщения должны были передаваться через первых помощников капитанов немецких торговых судов, заходящих в ирландские порты. Агент обрадовал Людерса сообщением о наличии у него источников в британских танковых войсках и авиации, что в действительности являлось абсолютным вымыслом. Более того, по прибытии в Лондон он немедленно рассказал о произошедшей истории представителю военного министерства и после начала войны некоторое время использовался в операциях “20-го комитета”. Но еще до этого в игру с немцами с санкции “Г2” вступила МИ-5. Ирландец-двойник порекомендовал первому помощнику капитана судна “Финкенау” специально направленного для этой цели офицера британской контрразведки, выступавшему под видом журналиста. Ему удалось не только передать немцам дезинформационные материалы военного характера, но и быть представленным местному руководству АО, пригласившему “журналиста” на обед в ресторане. Курт Хилл в течение еще некоторого времени оставался в Дублине и продолжал разведывательную работу, однако в начале 1939 года внезапно уехал в Гамбург, вероятно, почувствовав опасность.

Это не помешало другим ирландцам активно искать выходы на немецкие спецслужбы. Симпатизировавший нацистской идеологии адвокат Чарльз Бернард Комптон Филлипс, периодически носивший большой значок со свастикой, часто совершал поездки из Ирландии в Германию и обратно. В 1937 году он явился к германскому послу в Лондоне и предложил свои услуги, но не получил от него никакого ответа. Однако вскоре ему пришло письмо из Амстердама от некоего П. ван Зюйдена с приглашением прибыть для беседы в Кельн и приложением 15 фунтов стерлингов. В феврале 1938 года состоялась их встреча в отеле “Гогенцоллерн”, на которой адвоката познакомили с руководителем бременского отделения

АСТ-Гамбург капитаном 2-го ранга, доктором Эрихом Пффаифером. Вербовочная беседа закончилась успешно: агент согласился вести военную разведку в Англии, причем специально оговорил, что в случае начала войны его обязательства утрачивают силу. Через четыре месяца Филлипс встретился в Гамбурге с сотрудником абвера, именовавшим себя “доктор Лутц”, который поручил ему выяснить наличие в ирландских портах британских войск. В марте 1939 года агент провел разведку трех английских портов и сообщил полученные данные в написанном симпатическими чернилами письме на условный адрес. В июне 1939 года Филлипс вновь приехал в Германию и получил задание выехать в Белфаст. Там он нанес на карту города расположение установленных им военных объектов и почтой выслал ее в Гамбург. После начала войны агент утратил связь с абвером. Следует отметить, что адвокат имел определенные проблемы с психикой, что проявилось в некоторых его неадекватных действиях. В частности, через два месяца после добровольного вступления в октябре 1942 года рядовым в ирландские Силы местной обороны он попросил зачислить его в разведку, мотивируя это наличием соответствующего опыта, приобретенного им в ходе выполнения шпионских заданий абвера. Самое любопытное, что после установления ряда фактов его биографии контрразведка не проводила никакого формального расследования, и наказание Филлипс не понес. Правда, в 1947 году он все же попал в тюрьму на 12 месяцев, однако не за шпионаж, а за банальную скупку краденого имущества.

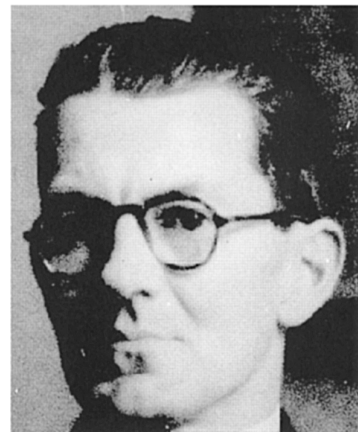
Значительно более опасным фактором являлось начавшееся сближение германских спецслужб с ИРА. В том же 1937 году начальник штаба Ирландской республиканской армии Том Бэрри и Шон Макбрайд, ранее занимавший пост заместителя начальника штаба, открыто выступили за установление контактов с потенциальным союзником в борьбе с Британской империей. Бэрри совершил поездку в рейх для зондажа возможности получения поддержки в развертывании партизанской войны в Северной Ирландии. Немцы высказали осторожную заинтересованность, но лишь при условии действий исключительно против британских военных объектов и только в случае будущей войны. По возвращении Макбрайд доложил на заседании совета ИРА об открывшейся возможности, однако его предложения отвергли в пользу плана саботажа против гражданских объектов (“План С”). После такого решения Бэрри немедленно подал в отставку в знак протеста, а его место занял Шон (часто ошибочно именуемый Сином) Рассел. Позднее сторонники сближения ИРА с германской разведкой заметно активизировались, но на данном этапе контакты были заморожены.

Они возобновились два года спустя. 2 февраля 1939 года в Дублин для установления контакта со штабом ирландских сепаратистов прибыл представитель АСТ-Гамбург Оскар Пфаус. Он должен был выяснить степень желания и готовности ИРА к сотрудничеству с немцами, ее потенциальные возможности, а также договориться о назначении эмиссара организации в рейхе, своего рода офицера связи. При этом Пфаусу категорически запрещалось касаться любых вопросов сбора разведывательной информации. Первым его контактом в Ирландии стал Лайэм Уолш, бывший боец 3-го батальона дублинской бригады Ирландской республиканской армии. Он попал в британскую тюрьму, после выхода из которой перебрался в Свободное Ирландское государство и в 1923 году получил там офицерский чин и всеобщее уважение как пострадавший за национальную идею. Однако уже через год Уолш лишился всего этого, поскольку стало известно, что приговор был вынесен ему отнюдь

Оскар Пфаус

не за политику, а за банальную кражу денег. Он постоянно втягивался в различного рода темные истории, регулярно растрачивал вверенные средства, вплоть до изгнания из редакции газеты “Айриш Индепендент” за продажу разгадки опубликованного конкурсного кроссворда за 50 фунтов. Однако не знавший об этих компрометирующих обстоятельствах немец работал с Уолшем без сомнений и колебаний, поскольку тот пообещал связать его с сепаратистами. Ирландец представил

Лайэм Уолш

Пфауса бывшему лидеру террористической организации “Синие рубашки”, а ныне генералу регулярной армии Эоину О’Даффи, но тот враждебно относился к ИРА и отказался сотрудничать с абвером. Далее Уолш сводил немца еще с несколькими людьми, по его заверениям, “слышавшими об ИРА”. Одной из них стала молодая студентка-психолог Е. Мартин, вместо нелегальных политических игр пожелавшая выйти за Пфауса замуж.

13 февраля представителю абвера, выступавшему под прикрытием корреспондента газеты “Дойче Альгемайне Цайтунг”, наконец удалось связаться с Расселом и О’Донованом. Эта встреча едва не закончилась трагически, поскольку недоверчивые ирландцы увидели в Пфаусе британскую подставу и решили устранить его. Все выяснилось лишь после того, как более уравновешенный и спокойный Рассел по собственной инициативе связался с Гамбургом и получил от немцев подтверждение полномочий их эмиссара. Вскоре переговоры начались, и ирландцы задали множество вопросов, на которые Пфаус смог ответить лишь частично, поскольку не обладал ни соответствующими полномочиями, ни полной информацией. Ирландцы с пониманием отнеслись к такой ситуации и сами предложили направить в Германию офицера связи. Паролем, помимо условленных фраз, должны были служить половинки разорванной купюры в один фунт стерлингов. Перемещения Пфауса привлекли внимание ирландской контрразведки, не знавшей, однако, о его принадлежности к абверу. Тем не менее, нервное поведение “корреспондента”, постоянно сжигавшего в гостиничном номере какие-то бумаги, заставили “Г2” внести его в списки подозреваемых в шпионаже. Несмотря на периодическое наружное наблюдение, контакт немца с руководством ИРА остался незамеченным.

Через некоторое время в Германию прибыл руководитель службы боеприпасов и химикатов ИРА Джеймс О’Донован, в начале 1939 года совершивший три поездки в Гамбург и Берлин. Первое прибытие его оказалось неожиданным для абверштелле, дежурный которого принял звонок от ирландца, извещавшего, в каком отеле он остановился. На встрече немцы отказались поддержать ИРА в “бомбовом наступлении” на британские власти, выразили обеспокоенность проблемой снабжения сепаратистов в случае войны в Европе и усомнились в способности организации вести операции в Северной Ирландии. Следующая поездка О’Донована в Германию состоялась в апреле, когда Шон Рассел уже покинул Ирландию и отбыл в США для налаживания финансирования организации, а обязанности начальника штаба ИРА исполнял Стивен Хейес. Последний раз эмиссар ирландских сепаратистов посетил Берлин и Гамбург в августе 1939 года, когда война уже очевидным образом назревала. В связи с этим основной целью встречи являлась организация линии радиосвязи, первый сеанс которой состоялся 29 октября.

Хотя британская контрразведка и не знала о происходившем процессе, но просчитать общую тенденцию ее специалистам было несложно. Англичан небезосновательно тревожила возможность совместных операций ирландских боевиков и немецких разведчиков, однако пока она оставалась чисто гипотетической. Основная схватка германских и британских разведывательных служб разворачивалась на Европейском континенте.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТИНЕНТ

В первой половине 1930-х годов большинство государств мира оказались пораженными глобальным экономическим кризисом. В мае 1930 года на конференции с участием представителей 48 стран мира директор Английского банка Андерсон с горечью констатировал: «Мы безмерно богаты в отношении нашего материального состояния, но мы все страдаем. Страдаем мы... потому, что склады наши забиты дешевыми товарами, которые никто не покупает, наши гавани заполнены кораблями, которые никто не фрахтует, а рабочие наши везде и всюду ходят в поисках работы. Что-то выпало из механизма нашей цивилизованной жизни»²²². Совершенно естественно, что во время Великой депрессии у правительств и без того хватало насущных проблем с экономикой, и расходы на тайные операции обычно рассматривались как легкомысленное и никому не нужное расточительство. Как следствие, вплоть до окончания экономического кризиса разведывательная активность даже ведущих в этой области государств оставалась крайне низкой, да и на протяжении нескольких последующих лет положение изменилось совершенно незначительно. В этот период в Европе доминировали главным образом советские спецслужбы, немцы же основательно вышли на сцену лишь с 1935 года, и еще три года понадобилось недальновидным британцам, чтобы уже перед самой войной заметно увеличить свое «разведывательное присутствие» на континенте. Никогда не прекращали операций французы, но они были менее значительны по масштабу и в основном направлены на обеспечение безопасности колониальных владений империи. Секретные службы некоторых малых государств работали подчас довольно результативно, однако они являлись державами регионального масштаба, и поэтому области их деятельности чаще всего жестко ограничивались сопредельными странами. Лишь очевидно нарастающая во второй половине десятилетия угроза войны заставила многих вспомнить о небесполезности в большой политике такого государственного института как спецслужбы, но было уже слишком поздно.

1. ВОСТОК

На протяжении десятков лет политологи всего мира именуют восточноевропейскими ряд государств, примыкающих к западной границе бывшего Советского Союза. С точки зрения физической географии это определение абсолютно неверно, поскольку геометрический центр континента расположен примерно в Закарпатской области Украины²²³, и к Восточной Европе следует относить исключительно территорию России между меридианом Ростова-на-Дону и Уральскими горами. Государства, традиционно именуемые восточноевропейскими, фактически находятся частично в Центральной, а частично в Западной Европе, раздел между которыми проходит приблизительно по линии Варшава — Белград. Совершенная очевидность этого факта несомненна, однако столь же несомненно и твердое убеждение подавляющего большинства людей в том, что Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Болгария и Румыния расположены в Восточной Европе. Разгадка столь странного, абсолют-

но очевидного и вместе с тем существующего и поныне заблуждения кроется в том, что и Российская империя, и Советский Союз всегда воспринимались общественным сознанием не как часть Европы, а скорее как преддверие Востока, некий переход к Азии, если не сама Азия. Только при этом условии перечисленные государства можно считать находящимися на восточном краю континента, что с точки зрения культурной и политической будет, в общем, верно. Именно по этой причине в данной главе мы будем придерживаться установившейся традиционной терминологии. Кроме того, поскольку спецслужбы многих государств активно работали по Востоку с территории Австрии, эта небольшая и слабо защищенная, но весьма важная в европейской политике страна также рассматривается в составе той же группы.

В начале 1930-х годов существовало несколько проектов объединения или сближения различных государств, из которых реализовался лишь один — заключенный 19 марта 1931 года австро-германский таможенный союз. Этот факт встревожил прежде всего итальянцев, крайне болезненно относившихся к любым попыткам немцев вовлечь Австрию в свою орбиту. Муссолини немедленно поставил перед своими спецслужбами задачу поддержать дипломатические мероприятия по выводу Вены из-под намечавшегося влияния Берлина. Через вице-канцлера князя Штаремберга Италия начала финансирование местной военизированной организации хеймвер, на которую опирались противники сближения двух государств. СИМ открыла резидентуры в Вене и Мюнхене, наводнила северную соседку своими агентами, однако ей не удалось воспрепятствовать приобретаемому все более неотвратимый характер входу Австрии в германскую орбиту. В стране не просто усиливалось немецкое влияние, но и неуклонно росла популярность нацизма. Весьма обеспокоенное этим правительство запретило деятельность национал-социалистических организаций, что вынудило их активных членов обосноваться в Мюнхене и проводить пропагандистские и нелегальные операции оттуда. Кризис нарастал и уже угрожал самой независимости государства, хотя такая перспектива страшила отнюдь не всех. Нацизм еще далеко не проявил все свои худшие качества, и многие австрийцы совершенно не возражали против вхождения в состав динамично развивавшейся Германии.

Деятельность остальных государств не представляла для Австрии непосредственной угрозы. Континентальная секретная служба Великобритании менее всего занималась австрийскими вопросами, а служила европейским координационным центром операций СИС. Италия хотя и активно вмешивалась в политику страны, однако в целом защищала ее суверенитет от внешних посягательств и являлась своего рода стабилизирующим фактором. Тем временем финансируемый ей хеймвер взял твердый курс на противодействие социалистическим и коммунистическим группировкам в стране. Экономический кризис начала 1930-х годов и последовавшая за ним депрессия значительно качнули влево симпатии ранее спокойных и умеренных австрийских рабочих. В феврале 1934 года части хеймвера с благословения канцлера Энгельберта Дольфуса стали очищать страну от “большевистско-марксистского заговора”, пролив при этом реки крови. В ответ забастовала Вена, но к хеймверу примкнули войска и полиция, и к 15 февраля “красная столица” прекратила свое существование. Рабочие поселения “Карл Маркс Хоф” и “Гете Хоф” были уничтожены артиллерийским огнем, при этом погибло не менее тысячи человек, в том числе женщины и дети. Девятерых лидеров социалистической военизированной организации шутцбунд хеймверовцы без всяких юридических формальностей просто повесили в одном из дворов.

Советская разведка не причисляла Австрию к враждебным государствам и использовала ее в качестве удобного плацдарма для операций против третьих стран. Нелегальный резидент Разведупра в Германии К. М. Басов создал недалеко от Вены резидентуру связи для приема сообщений от слабых передатчиков радиоагентов в Европе и ретрансляции их в Москву через свою мощную станцию. Относительно спокойную ситуацию омрачил террористический акт, совершенный в Вене 27 июля 1931 года человеком, известным под именем сербского коммуниста Андрея Пикловича (Пирковича). Он убил бывшего работника торгпредства СССР в Гамбурге и агента ИНО ОГПУ Георга Земмельмана, который разорвал отношения с Советским Союзом, поселился в Австрии и угрожал опубликовать в венской прессе серию разоблачительных статей о работе разведки. На суде Пиклович заявил, что совершил убийство ради спасения многих подвергавшихся опасности братьев по классу, после чего на фоне развернутой по всей стране пропагандистской кампании в защиту подсудимого присяжные признали его невиновным в убийстве. Приговор был ограничен штрафом за

контрабанду оружия. Однако на этом история не закончилась. Через австрийскую столицу проезжал транзитом известный советский невооруженный Агабеков, и местная полиция попросила его задержаться на несколько дней для бесед. Несколько дней превратились в полторы недели, в течение которых перебежчик делился информацией о методах работы ОГПУ и его агентурных позициях в Европе. Все это вылилось в скандальное происшествие с официальными советскими представителями после того, как Агабеков заявил, что опознал в Пикловиче-Пирковиче начальника секретной лаборатории ОГПУ Эгона Шпильмана, а также расшифровал работавших под дипломатическим прикрытием “легального” резидента М. С. Горба и его помощника И. К. Лебединского.

Незаконной резидентурой Разведупра в Вене в начале 1930-х годов руководил болгарский коммунист и сотрудник советской военной разведки Иван Винаров (“Март”). Основным назначением этой заграничной работы по Балканам, представлявшим для СССР значительный оперативный интерес. Прикрытие ее незаконной деятельности обеспечивала созданная Винаровым фирма по импорту овощей и фруктов с юга Европы. Это позволяло обосновать его частые поездки в Болгарию, Югославию, Румынию и Грецию, а широкая сеть торговых агентов предприятия дала возможность легализовать развертывание там агентурного аппарата.

И. Ц. Винаров

Одним из серьезных достижений резидентуры стало внедрение в негласно размещавшуюся на главном почтамте Софии секретную радиотелеграфную службу Болгарии. Перехват и прочтение шифрованной переписки военных атташе нескольких государств позволил наладить наступательную контрразведку против их агентурных сетей. Однако самого значительного успеха резидентура Винарова достигла в Румынии, где успешное внедрение в аналогичную службу обеспечило доступ к закрытой переписке дипломатических миссий. Вскоре обнаружилось, что объем переписки японского военного атташе со своей столицей во много раз превосходит аналогичную корреспонденцию всех остальных аккредитованных в Бухаресте его коллег из других государств. После налаживания ее перехвата и прочтения выяснилось, что атташе по совместительству возглавляет резидентуру военной разведки и руководит проведением агентурных опера-

ций против СССР. Его сеть в основном состояла из эмигрировавших из России бывших армейских офицеров, а в Карпатских горах с разрешения румынского правительства даже располагался разведывательно-диверсионный учебный центр. Полученная информация позволила значительно обезопасить юго-западную границу Советского Союза, в особенности приграничные районы Украины.

Очень результативным оказалось внедрение агентов резидентуры в пожарную охрану. В Австрии, как и почти по всей Европе, пожарные службы были совершенно самостоятельны, неподконтрольны полиции и имели официальный доступ в любое время на все, в том числе самые засекреченные объекты для проверки их противопожарного состояния. Разведывательные возможности внедренных в эту службу агентов еще более расширялись благодаря тесным связям венской школы пожарной охраны с аналогичными учебными заведениями в Гамбурге, Мюнхене и Праге. Обмен слушателями между Австрией, Германией и Чехословакией позволял проникнуть на некоторые объекты в этих государствах.

Резидентура ИНО ОГПУ в Вене в начале 1930-х годов была еще слаба, хотя и располагала сетью агентов, подчиненных первоклассному групповоду “Г-246”. Им являлся член нацистской партии Франц Талер, располагавший источниками в политической полиции и в Главной дирекции общественной безопасности ведомства федерального канцлера. Несколько позже за нацистские взгляды Талер был выслан в Германию и принят там на работу в АСТ-Мюнхен. Новым групповодом стал его бывший заместитель “Мейснер”. Спустя недолгое время он провалился, зато все остальные члены “группы Г-246” избежали этой участи и продолжали свою деятельность. В целом результаты работы венской резидентуры внешней разведки были невысоки, за короткое время в ней сменилось несколько руководителей, и работа не налаживалась до прибытия из Берлина в 1935 году нового резидента В. П. Рощина (Я. Ф. Тищенко, Туманов). При нем заграничная приобрела как бы второе дыхание, актив-

но вербовались источники, в особенности освещавшие политику Германии, Италии и Франции. Однако вскоре для внешней разведки наступили тяжелые времена, и в результате отзыва в СССР практически всего личного состава резидентуры Роцин лишился оперативных сотрудников. В день он проводил по пять и более встреч с источниками, что в наше время звучит просто фантастически. Такая работа на износ долго продолжаться не могла. Это понимали и в Москве, но вместо доукомплектования венской точки новыми работниками Центр предписал резиденту законсервировать всех агентов, за исключением пяти важнейших. Это решение было принято отнюдь не по недомыслию, а из-за разгрома кадров разведки и отсутствия замены для выбывших сотрудников. После отъезда Роцина в Москву в феврале 1938 года в резидентуре осталась одна шифровальщица “Алиса”, которая в преддверии надвигавшегося аншлюса сожгла оперативные документы и со дня на день ожидала отзыва в СССР. 19 мая поступил приказ уничтожить коды и шифровальные книги, и венская резидентура закрылась до 1940 года.

В. П. Роцин

Германия твердо решила нейтрализовать итальянское влияние в Австрии, и ее политические разведывательные службы стали активно организовывать в стране национал-социалистические группы. Не ограничиваясь борьбой идеологий, немцы готовили свою “пятую колонну” к повстанческим действиям. В первой половине 1934 года через границу с Германией в Австрию нелегально завозилось огромное количество оружия, боеприпасов и взрывчатки. Терроризм принял такие масштабы, что правительство Дольфуса вынуждено было издать декрет, каравший хранение взрывчатых веществ смертной казнью. Документ вступил в силу 12 июля, а уже 20 июля состоялся суд над семью схваченными террористами немецкого происхождения, приговоренными к расстрелу в соответствии с новым декретом. Немецкая пропаганда немедленно разразилась угрозами уничтожить Дольфуса и членов его правительства в случае оставления приговора в силе. Обеспокоенный канцлер, на которого в октябре предыдущего года уже совершалось покушение, отправил семью в Италию, но сам не избежал гибели. 25 июля переодетые в форму австрийской гражданской гвардии 154 нациста из 89-го австрийского батальона СС захватили его резиденцию и ранили канцлера двумя выстрелами в грудь. Дольфус отказался подписать прошение об отставке и из-за отсутствия медицинской помощи истек кровью и умер. Через час после этого эсэсовцы сдались. Терпение Муссолини истощилось, и в тот же день он выдвинул на границу войска, пообещав защитить независимость Австрии вооруженной силой. Резкие заявления сделали также Лондон и Париж. После этого Гитлеру пришлось свернуть операцию, отозвать посла и выразить президенту Микласу соболезнование. Очередным чрезвычайным послом рейха в Вене стал известный в мире дипломатии и разведки бывший вице-канцлер Франц фон Папен. Оставшийся без поддержки извне нацистский путч был подавлен австрийскими войсками и полицией за три дня.

Новый канцлер Шушниц извлек из этой истории немало уроков, одним из которых стал вывод о необходимости сформировать разведывательную службу. Скандалы, сотрясавшие в свое время Австро-Венгрию из-за упущений ее разведки, надолго отвратили Австрию от желания обзаводиться подобной организацией, но теперь канцлер и правительство поняли, что без нее полноценное функционирование государства невозможно. В результате в 1935 году началось, а к 1936 году завершилось создание Отдела информации австрийского генерального штаба, номинальным начальником которого стал полковник Беме, а фактическим руководителем — подполковник Эрвин Лахузен Эдлер фон Вивремонд. Однако уровень безопасности австрийского государства от этого не повысился, поскольку уже в 1937 году военные разведчики Австрии и Германии негласно установили между собой рабочие контакты и действовали практически по единому плану. Расчеты правительства не оправдались, но канцлер пока что об этом не знал.

Тем временем рейх усиливал давление на Вену. Постепенно уступавший немцам Шушниц все еще надеялся получить помощь от Муссолини, но напрасно. Все внимание Италии было обращено на бассейн Средиземного моря и Северную Африку, а в проведении центрально-европейской политики дуче утратил самостоятельность и противостоять Гитлеру уже не мог. На пути к аншлюсу следовало преодолеть еще одно препятствие, на вид незначительное, однако крайне для фюрера досадное. Австрийская полиция собрала еще для Дольфуса подробное и обстоятельное досье о прошедших в Австрии молодых годах Гитлера. Безукоризненный вождь германской нации предстал в них в совершенно невыгодном свете, особенно в эпизоде с доведением до самоубийства своей племянницы и любовницы Гели Раубаль. Другое досье попало к Дольфусу от погибшего в “ночь длинных ножей” 30 июня 1934 года последнего канцлера Веймарской республики Шлейхера и содержало весьма компрометирующую информацию об участии будущего фюрера Третьего рейха в Первой мировой войне. Документы опровергали пропагандистскую версию, гласившую, что Гитлер провел четыре года в окопах и за храбрость был награжден “Железным крестом”, и свидетельствовали, что в действительности он служил посыльным и денщиком командира роты, а боевую награду получил в 1923 году в Мюнхене из рук участника “пивного путча” генерала Людендорфа. По неофициальным каналам австрийский канцлер довел до сведения фюрера намерение опубликовать в прессе эти материалы и послал ему копии.

Гитлер поставил задачу похищения обоих досье одновременно перед начальником СД Гейдрихом и послом в Вене фон Папеном. Предвидевший именно такую его реакцию Шушниц не доверял даже министрам своего правительства и хранил документы в сейфе у себя дома, где практически постоянно находилась его жена. После подключения к делу СД произошла автомобильная катастрофа, в результате которой супруга канцлера скончалась. Данных о причастности к этому агентуры Гейдриха нет, отмечается лишь совпадение по времени двух указанных событий. Вскоре досье были похищены, но не СД, а людьми фон Папена, и в феврале 1938 года, когда Гитлер вызвал Шушница на переговоры в Бертехсгаден, в ответ на угрозу опубликовать компромат фюрер положил перед ним на стол папки с оригиналами документов. В Бертехсгаден их доставил советник посольства и доверенное лицо фон Папена барон Кеттлер, опоздавший к намеченному сроку на восемь часов. Проверка СД установила, что задержка произошла из-за его остановки в зальцбургской гостинице для снятия фотокопий с материалов. Вскоре тело Кеттлера извлекли из Дуная. Полагают, что копии все же успели уйти в Лондон, в интересах которого советник, скорее всего, работал. Фон Папен промолчал и проиграл свою борьбу с СС и СД. Вскоре его буквально выгнали с поста в Вене и отправили в Анкару.

Расчеты Шушница на помощь Италии и на использование компромата потерпели провал, однако все же он уехал из Бертехсгадена, не подписав никакого соглашения. Немедленно по всей стране начались выступления национал-социалистов и кровавые столкновения сторонников и противников аншлюса. Шушниц назначил на 13 марта плебисцит по вопросу о вхождении Австрии в рейх, в ответ на что Гитлер ультимативно потребовал его отмены и отставки канцлера. После третьего предупреждения из Берлина 11 марта последовало уведомление, что при невыполнении этих условий вечером того же дня вермахт вступит на территорию Австрии. Шушниц обратился по радио к народу и заявил, что во избежание кровопролития вынужден оставить свой пост. Канцлером стал нацист Зейсс-Инкварт, одновременно сохранивший за собой портфель министра общественного порядка и безопасности, однако в тот же вечер вермахт все же перешел австрийскую границу, а 13 марта новое правительство опубликовало официальный закон, объявлявший Австрию германским государством. Отныне и до 1945 года она стала частью Третьего рейха под наименованием “Остмарк”. Как уже отмечалось, специально сформированный отряд абвера “ZZ” захватил все архивы отдела информации австрийского генерального штаба, а сам Лахузен перешел на службу в абвер. СД достались архивы австро-венгерской разведки и все материалы по перехвату и дешифрованию, накопленные в возглавлявшейся генералом Андреасом Фиглем дешифровальной службе генштаба. Она работала достаточно успешно, о чем немцы прекрасно знали, поскольку с 1923 по 1934 год обменивались с австрийцами материалами по шифрсистемам Бельгии, Великобритании, Венгрии, Италии, Румынии, СССР, США, Франции, Чехословакии и Югославии. Добытые трофеи оказались весьма полезными, поскольку к 1938 году Гейдрих решил организовать в составе СД собственное криптоаналитическое подразделение. Однако ему не удалось пополнить свой штат венскими дешифровальщиками,

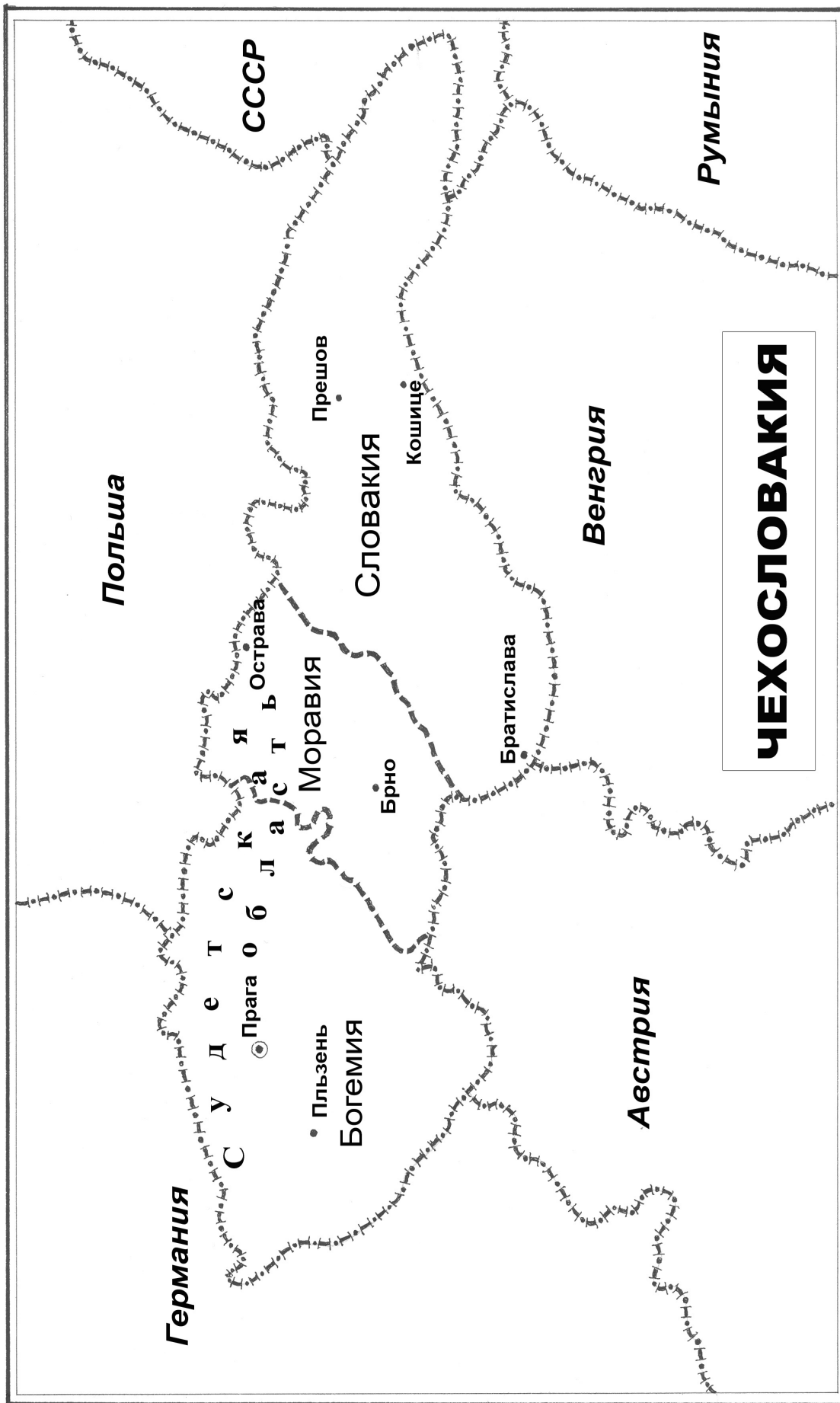
четверых наиболее способных из них забрал вермахт в свое бюро “Ши”. Безопасностью бывших австрийских территорий стали заниматься германские ведомства, и тепличные условия работы иностранных резидентур немедленно канули в прошлое. Они стали сворачиваться одна за другой, поскольку соперничать с абвером, СД и гестапо оказалось весьма непросто. Как уже упоминалось, резидент СИС в Австрии майор Томас Кендрик был арестован и на допросах предоставил немцам подробные сведения о структуре и деятельности центрального аппарата и резидентур британской разведки. Крах венской “станции” привел не только к расклевыванию ценной информации, но и к арестам и казням агентов-австрийцев. После энергичного вмешательства посла Соединенного Королевства в Берлине Невилля Гендерсона уже не представляющего интереса Кендрика 20 августа 1938 года выпустили на свободу и депортировали на родину. В Вену прибыл новый офицер паспортного контроля, тоже разведчик Джордж Берри, однако ввиду полной утраты агентурных позиций вся оперативная работа СИС с территории Австрии прекратилась.

Гиммлер и Гейдрих в Вене

Другим порождением распавшейся Австро-Венгерской империи стала Чехословакия, в которой отношение к разведке было совершенно иным, чем в Австрии, возможно, из-за плотных и длительных контактов чехов с разведкой Российской империи. Уже в 1919 году при штабе вооруженных сил Чехословакии был образован 2-й отдел, ведавший агентурной разведкой в оперативном звене и, в большей степени, контрразведкой. Его возглавляли вначале полковник Дастих, а затем полковник Гаек. Центральный аппарат отдела практически передоверил всю работу разведывательным отделам при штабах трех армий, из которых важнейшей была Первая, дислоцировавшаяся на германской границе. Разведывательными органами располагали также министерства иностранных дел, внутренних дел и финансов, однако их оперативные подразделения никак не координировали свою работу ни между собой, ни с военными, действовали полностью автономно и не имели единого плана. К концу 1920-х годов 2-й отдел фактически пришел в упадок, агентурные операции не проводил, а вся его работа ограничивалась извлечением информации из открытых источников. Командующие войсками не получали никаких материалов от формально подчиненных им разведывательных органов, а начальник отдела генерал Халупа самой важной и приятной стороной своей деятельности полагал военно-дипломатическую. При его преемнике генерале Моймире Соукупе ситуация оставалась практически прежней.

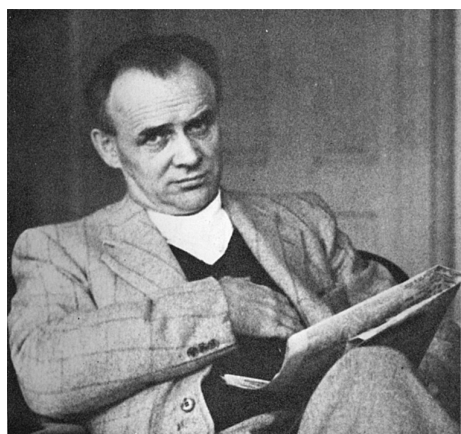
Многое изменилось с приходом на службу в разведку в 1929 году майора Франтишека Моравца, первоначально назначенного на должность начальника разведывательного отдела Первой армии. Командование планировало через два года перевести его в центральный аппарат разведки, но этот переход задержался еще приблизительно на год. Моравец был обычным армейским офицером с высшим военным образованием и о разведке не знал абсолютно ничего, а первые сведения о сути своей будущей службы почерпнул из трех спешно купленных в обычном магазине общедоступных книг. Беседа с генералом Халупой также не дала ему никакой новой информации. Однако майор решил отнестись к назначению весьма серьезно, за два года сумел принципиально улучшить постановку работы в своем отделе и внести в нее ряд новшеств. Этот период позволил ему приобрести определенный опыт и выработать концепцию реорганизации чехословацкой разведки в целом, которую он доложил командованию сразу же после назначения на должность начальника агентурного отделения 2-го отдела штаба вооруженных сил. План был одобрен, и с 1934 года стратегическая разведка ЧСР стала децентрализованной, с региональными отделениями в Праге (Богемия), Брно (Моравия), Братиславе (Словакия) и Кошице (Рутения). В дальнейшем статус двух последних отделений был понижен до постов, вместо них региональное отделение было образовано в словацком городе Банска-Бистрица. Отделениям подчинялись разведывательные посты в Ческе-Будеёвице, Усти-над-Лабем, Градец-Кралове, Пльзени, Зноймо, Остраве и Ужгороде. Все периферийные территориальные подразделения действовали параллельно

с разведывательными отделами армий и передавали добытую информацию в Центр, где она оценивалась, обрабатывалась, централизовалась и в обезличенном виде направлялась в войска для использования. Еще одним важным новшеством в сфере организации явилось разделение агентурного аппарата на сети мирного и военного периодов, причем последние тщательно консервировались и находились в состоянии ожидания сигнала о начале мобилизации. В ходе реформы значительно увеличилось количество пеленгаторов, а также была создана техническая секция, отвечавшая за связь, фотографическое оборудование и использование секретных чернил. Штат разведки вырос до 300 человек.

2-й отдел принципиально не использовал для проведения агентурных операций военных дипломатов. Согласно чехословацким взглядам, удобство ведения разведки с позиций ВАТ отнюдь не могло компенсировать проблем и сложностей, неизбежно возникавших в случае провала находящегося на связи у атташе агента. По этой причине военным дипломатам разрешалось использовать лишь официальные контакты, а также вести разведку по открытым источникам. Это ограничение являлось непреложным.

Закордонные резидентуры 2-го отдела разместились в Цюрихе, Гааге, Варшаве, Копенгагене, Стокгольме, позднее также в Белграде и Париже. Неплохие контакты с французскими и швейцарскими коллегами позволили придать последней точке почти официальный статус. После признания Прагой Советского Союза де юре в 1934 году и подписания межгосударственного договора о взаимопомощи в 1935 году наметилось сближение между военными разведками обоих государств. В 1936 году Моравец посетил Москву для установления рабочих контактов с коллегами из Разведупра РККА.

Франтишек Моравец

Это партнерство проистекало из совершенно особых отношений, установившихся между Чехословакией и СССР. Их поддерживал президент Бенеш, сделавший ставку на Москву и во многих случаях эффективно выполнявший функции посредника в диалоге Сталина с западными лидерами, а также снабжавший его важной информацией. При этом уже, конечно, не было и речи о враждебных по отношению к СССР действиях, которые ранее позволяли себе чехословаки. Так, в столице ЧСР длительное время функционировал «Центр по обучению русскому языку и советским манерам» под руководством генерала Иностранцева, в котором прошли стажировку многие офицеры русских подразделений разведки Великобритании, Франции, Италии и Швеции, но теперь он закрылся навсегда.

Чехословацкая военная разведка оказалась для Разведупра ценнейшим партнером. Использование разведывательных возможностей 2-го отдела не только обеспечивало ему более благоприятные условия для сбора информации, но и облегчало легализацию нелегалов по подлинным паспортам ЧСР. Особенно полезным это сотрудничество оказалось на испанском направлении. В период Гражданской войны по чехословацким каналам СССР проводил массовые закупки вооружений и транзит их на Пиренейский полуостров, а также перебрасывал туда своих военных специалистов. В Праге действовала и загранточка внешней раз-

С. В. Жбиковский

ведки ОГПУ/НКВД, одним из самых эффективных руководителей которой был С. М. Глинский, занимавший эту должность с 1931 по 1933 годы. Главной задачей резидентуры являлось проникновение в располагавшиеся на территории Чехословакии эмигрантские организации «Галлиполиды», «Крестьянская Россия» и Организацию украинских националистов (ОУН). Разведка также имела источники и в чехословацких политических кругах, однако это направление считалось второстепенным.

Х. Б. Петашев

Разведупр тоже открыл в Чехословакии свою резидентуру, которую возглавляли А. Г. Ганзен (1921 — 1923), С. В. Жбиковский (1923 — 1924), Л. А. Борович (Розенталь, 1924), Х. Б. Петашев (Христо Боев, 1926). Ее деятельность ознаменовалась рядом успехов, в частности, в добывании текстов польско-румынской и франко-польской военных конвенций и некоторых документов министерства внутренних дел Польши. Поступали в резидентуру и документы, касающиеся оборонного и мобилизационного потенциала Чехословакии и армий стран Малой Антанты. В 1924 году в чехословацкой резидентуре Разведупра произошел провал, приведший к аресту десяти ее источников. Следующий, хотя и существенно меньший по размерам провал произошел в 1925 году и был связан с использованием членов местной коммунистической партии в нелегальных операциях. Намного более серьезными оказались последствия октябрьского провала того же 1925 года, когда пражская полиция арестовала литографа типографии военного министерства Франтишека Шимунека в момент передачи им документов Боеву, работавшему под прикрытием должности вице-консула СССР и под именем Х. И. Дымова. Обладавшего дипломатическим прикрытием резидента выслали из страны, а семеро его источников, преимущественно коммунисты, были осуждены. Повлекший резкую реакцию МИД Чехословакии и его обмен нотами с НКВД СССР провал произошел все по той же тривиальной причине использования в агентурных операциях членов местной коммунистической партии. Он послужил основанием для принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1926 года о категорическом запрете привлечения коммунистов к делам разведки в стране пребывания. Впоследствии военная разведка имела в Чехословакии некоторое количество агентов, однако в основном это были одиночки или пары нелегалов, подчиненные руководимой главным резидентом Винаровым венской загранточке. Существенно крупнее была лишь нелегальная резидентура под руководством И. В. Крекманова (“Шварц”), использовавшего голландский паспорт на имя Георга Майермана. Он действовал в Праге с мая 1930 года и с помощью местных коммунистов сумел организовать две параллельные агентурные сети на военных заводах “Шкода”, “Збройовка-Брно” и других стратегически важных объектах, добывавшие сведения в основном о новинках военной техники и вооружения, как иностранных, преимущественно французских, так и производимых на отечественных заводах. Резидентура “Шварц” поддерживала магистральную связь с Веной при помощи курьеров, один из которых был задержан при таможенном досмотре на границе с нелегально вынесенным с радиозавода передатчиком. Однако стойкость связника Яна Досталека, утверждавшего, что он действовал в одиночку, позволила избежать дальнейших арестов. В 1933 году резидентом вместо Крекманова стал его помощник С. Т. Кратунский, решивший организовать не эпизодическую, а регулярную связь с Веной путем подбора и последующей вербовки железнодорожника, совершающего регулярные поездки в Австрию. На этапе поиска кандидатуры контрразведка смогла подставить нелегальной резидентуре своего агента. Несколько дней спустя произошел провал, в результате которого был арестован и резидент, и два его ведущих сотрудника. Вскоре погиб один из них, Франтишек Кадлец. По официальной версии, он покончил с собой, прыгнув в шахту лифта в здании полицейского управления, которая почему-то оказалась открытой. Стефан Кратунский умер 27 февраля 1936 года в результате примененных к нему в тюрьме пыток. В живых остался лишь Стефан Буюклиев, переживший не только заключение, но также оккупацию и войну.

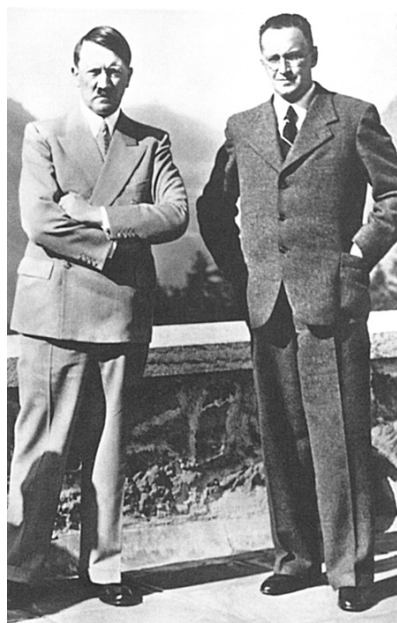
Чехословацкая контрразведка не ограничивалась борьбой с иностранной разведывательной агентурой, а также с отечественными коммунистами и нацистами. Определенное беспокойство ей причиняли украинские эмигранты, хотя именно в Праге с негласного позволения правительства в августе 1920 года состоялся 1-й съезд нелегальной Украинской военной организации (УВО), избравший комендантом ее “Начальной комиссии” бывшего полковника австрийской армии Евгена Коновальца. Долгое время власти не обращали внимания на деятельность этой организации, пока ее члены не занялись террористическими акциями, направленными преимущественно против польских должностных лиц. К этому времени УВО уже была реорганизована. На состоявшемся в конце января — начале февраля 1929 года в Вене I конгрессе украинских националистов она объединилась с “Легией” и “Союзом украинской национальной молодежи” в Организацию украинских националистов (ОУН), сохраняя, однако формальную самостоятельность внутри новой организации. замысел заключался в том, чтобы представить ОУН как исключительно политическую структуру,

не имеющую ничего общего с подпольной борьбой. Вся теневая работа должна была вестись с позиций прежней УВО, не компрометируя всю организацию в целом. Фактически УВО приобрела строго законспирированный статус вооруженной силы ОУН, но этот факт хранился в строгом секрете от внешнего мира.

Руководителем и УВО, и ОУН остался Коновалец, а центральный орган управления организацией переместился в Женеву и находился там до 1936 года. Чехословакия продолжала оставаться весьма благоприятной для украинских националистов страной до произошедшего в 1934 году покушения на польского министра иностранных дел Бронислава Перацкого. Убивший его член ОУН Григорий Мацейко (“Гонта”) сумел избежать ареста в Варшаве и попытался укрыться в Чехословакии, но терпение ее властей уже истощилось. Они в один день провели скоординированную акцию по ликвидации конспиративных квартир и явок националистов и изъятию их архивов, после чего устойчивому положению ОУН в стране пришел конец. Вся захваченная документация была передана полякам. Строго говоря, такое изменение позиции Праги не было вызвано делом Мацейко. ЧСР быстро сближалась с Советским Союзом и не желала подвергать риску отношения с новым важным стратегическим партнером из-за пребывания на ее территории украинских националистов, поэтому поимка убийцы Перацкого лишь ускорила неизбежный процесс.

Евген Коновалец

Адольф Гитлер
и Конрад Генлейн

В чехословацкой столице расположилась главная резиденция итальянской военной разведки СИМ на востоке Европы, в активе которой, однако, не зафиксированы серьезные успешные операции. Зато весьма результативно работали против ЧСР германские спецслужбы, обеспечивавшие выполнение решения политического руководства рейха по расчленению Чехословакии. Эта задача имела высший приоритет. Абвер сориентировал на нее свои АСТ в Дрездене, Мюнхене, Бреслау и Нюрнберге, но в мае 1936 года чехословацкая контрразведка разгромила их широко разветвленные сети. Еще более опасной являлась совместная работа ФОМИ и СД-аусланд по созданию “пятой колонны” в населенной немцами Судетской области. Для руководства операциями в Чехословакии Гейдрих сформировал в СД специальный отдел. Кроме немцев, цели отторжения более или менее значительных частей территории страны ставили перед собой и проживавшие в стране национальные меньшинства поляков, словаков и венгров. Они составляли обширную вербовочную базу, позволявшую иностранным разведкам легко приобретать источники информации. В частности, немцы добывали в стране так много сведений, что для их передачи от границы до Берлина пришлось специально проложить два защищенных телеграфных кабеля.

Нельзя сказать, что правительство ЧСР игнорировало германскую угрозу. Первые контрмеры оно начало предпринимать в самом начале 1930-х годов, после активизации в Богемии созданной по образцу СА молодежной организации “Народный спорт”. Фактически она представляла собой подпольное воинское формирование, члены которого носили униформу со знаками различия и обучались стрельбе, метанию гранат и диверсионным операциям. “Народный спорт” располагал собственной разведкой, замаскированной под курьерскую службу. В 1932 году контрразведка сумела перехватить множество материалов, позволивших в судебном порядке запретить эту организацию и осудить семерых ее руководителей за подрывные действия, организацию незаконных воинских формирований и попытку отторжения от ЧСР Судетской области. Вскоре за этим последовало запрещение немецкой национал-социалистической партии, явившийся первым в истории Чехословакии официальным

объявлением политической структуры вне закона. Однако вместо судетской НСДАП тут же возник Судето-немецкий отечественный фронт под руководством Конрада Генлейна, в апреле 1935 года переименованный в Судетскую немецкую партию. В ее составе был сформирован 40-тысячный (1938 год) Судето-немецкий добровольческий корпус, имевший свою возглавлявшуюся Рихардом Ламмелем разведку. Центральный аппарат партии располагался в Зельбе, а периферийные бюро — в Гофе, Вильдзассене и Дрездене. Националистическое движение имело под собой вполне объективную основу. В Чехословакии проживало более 3 миллионов этнических немцев, в полтора раза больше, чем словаков и лишь приблизительно вдвое меньше, чем чехов. Не все из них симпатизировали фашистской идеологии, однако близорукая национальная политика пражского правительства способствовала значительному развитию сепаратистских тенденций в среде судетских немцев. Их всемерно поддерживал в этих настроениях рейх, располагавший широкими возможностями для активной поддержки подрывной деятельности внутри Чехословакии. Из 4111 километров общей протяженности государственной границы ЧСР на границу с Германией и Австрией приходилось 2092 километра. Это позволяло без особых затруднений перемещать через нее в обе стороны курьеров, участников националистических формирований и контрабандные грузы. С 1937 года главной задачей 2-го отдела стало установление подлинных намерений нацистской Германии и ее связей с немецкой диаспорой. К этому времени в его активе уже числилась первая крупная и перспективная вербовка по линии контрразведки. Агентом под шифром “Икс-200” стал Хуго Заппе, бывший личный секретарь укрывшегося в рейхе руководителя “Народного спорта” Ханса Кребса. В 1934 году контрразведка инсценировала ограбление его квартиры, из которой вместе с бумагами нацистской организации было демонстративно похищено меховое пальто. После этого Заппе якобы попал под подозрение и вынужден был укрыться в Германии. Операция по его внедрению прошла успешно, беглец стал почти национальным героем рейха, был принят высокими лицами в нацистской администрации и вскоре дослужился до звания группенфюрера СА. Одновременно энергичный Моравец провел еще одну операцию по приобретению источников в Германии. 2-й отдел негласно помог созданию в Судетской области небольшого ссудного банка, уполномоченного на выдачу кредитов на сумму до 1000 рейхсмарок и вскоре обычным порядком получившего в Берлине лицензию на осуществление операций на территории рейха. После этого в Германию прибыли около 90 чешских сотрудников, большинство из которых искренне полагали, что они трудятся в рядовом финансовом учреждении. Любой обращавшийся с просьбой о кредитовании клиент должен был заполнить подробную анкету и пройти соответствующее собеседование на предмет перспектив возврата ссуды. В действительности последнее являлось скрытым разведывательным опросом, позволявшим проводившим его оперативным офицерам 2-го отдела собирать информацию и отбирать возможных кандидатов на вербовку.

В том же 1934 году чехословацкую разведку постиг сильный удар. В приграничной полосе при неясных обстоятельствах немцы похитили ее офицера Яна Кириновича, обвинили его в проникновении на территорию рейха со шпионскими целями и приговорили к 25 годам тюремного заключения. Берлин отклонял все попытки обменять чеха на арестованных германских агентов, которым, в соответствии с мягкими местными законами, не угрожали длительные сроки. Когда же обмен в конечном итоге все же состоялся, психика возвращенного Кириновича оказалась практически полностью разрушена многократными инъекциями скополамина и других психотропных препаратов. Он стал полным инвалидом и через несколько лет умер, так и не обретя вновь способности полноценно мыслить.

Иногда на территории Чехословакии немцы проводили операции, не направленные против нее. Одной из них стало уничтожение подпольной радиостанции, входившей в систему так называемого “Черного оркестра”, как именовали эмигрантскую оппозицию бежавшего от нацистских репрессий Отто Штрассера. Этот передатчик тревожил Гитлера, и он поручил руководителю Службы безопасности НСДАП Гейдриху заставить его замолчать. В течение некоторого времени германская радиоразведка затруднялась определить его место и рассматривала варианты Гамбурга, Англии и южной части Германии. Однако принятые на вооружение в достаточном количестве технически совершенные пеленгаторы позволили засечь станцию, располагавшуюся приблизительно в 30 километрах к юго-востоку от Праги в небольшом городке Добрис. Затем агентурным путем СД установила, что трансляция ведется из гостиничного номера, а всем процессом руководит проживающий в нем же немецкий инженер-эмигрант, бывший штурмовик Рудольф Формис. Ликвидацию этого источника

Отто Штрассер

Науйокс (слева) в кабинете Гейдриха

беспокойства Гейдрих поручил одному из своих наиболее подготовленных сотрудников Альфреду Хельмуту Науйокусу. 10 января 1935 года был утвержден план операции по похищению Формиса и доставке его на территорию рейха, после чего Науйокус под видом торговца бакалеей Ганса Мюллера в сопровождении игравшей роль его жены инструктора гимнастики из Берлина Эдит Касбах отправился в Чехословакию. В Добрише они поселились в той же самой гостинице и стали ждать сигнала о начале проведения акции. 23 января Гейдрих известил Науйокуса об изменении основной цели операции. Теперь требовалось уничтожить передающую аппаратуру, а похищать инженера следовало лишь при наличии благоприятной возможности для проведения столь рискованной острой акции.

В помощь Науйокусу прибыл боевик СД Вернер Гетш, и поздним вечером они вдвоем попытались открыть дверь номера Формиса дубликатом ключа. Немцы ошибочно полагали, что инженер ушел, но он оказался в комнате и через дверь стал выяснять, кто пытается войти к нему. Не растерявшийся Науйокус заявил, что обслуживает этот этаж гостиницы и собирается заменить мыло в ванной комнате. Дверь открылась, боевики втолкнули стоявшего на пороге Формиса внутрь, однако он выхватил револьвер и попытался выстрелить в нападающих. Науйокус опередил его и убил на месте, а затем вместе с Гетшем и Касбах покинул ставшую опасной гостиницу, предварительно бросив на радиоаппаратуру фосфорную гранату. Станция была уничтожена.

Чехословацкие пограничники захватили автомашину, на которой пытались скрыться боевики, но после энергичного демарша Берлина отпустили их без последствий. По возвращении в рейх Науйокуса ждал выговор от Гейдриха, возмущенно заявившего, что его подчиненный превратил филигранную операцию в обыкновенный бандитский налет и провалил все дело. Однако позднее руководитель СД по достоинству оценил хладнокровие и находчивость своего сотрудника, благодаря которым в ближайшее же время Науйокус выдвинулся в число ведущих офицеров разведки. В дальнейшем на его счету числилось немало успешных и весьма громких акций, вошедших во многие учебники по истории специальных операций.

В противостоянии с Германией естественным союзником Чехословакии являлся СССР, поэтому после подписания 16 мая 1935 года советско-чехословацкого договора о взаимопомощи было решено организовать взаимодействие органов военной разведки обоих государств. Летом в Прагу прибыла делегация РУ РККА во главе с А. Х. Артузовым, подписавшим соглашение о совместном ведении информационной и агентурно-оперативной работы на германском направлении. В январе 1936 года в столице Чехословакии появилась очередная делегация советских военных разведчиков. Ее возглавлял комдив А. М. Никонов, уведомивший новых партнеров о том, что СССР требуется в основном не политическая, а военно-техническая информация о вермахте и СС. Реализация достигнутых договоренностей началась быстро. В Праге появился постоянный представитель Разведупра, ответственный за информационный обмен и координацию усилий обеих разведывательных служб, а в мае 1936 года был организован совместный оперативный разведывательный центр "Вонапо", в некоторых источниках фигурирующий как "Вонако", во главе с майором Карелом Пале-

чеком. Впоследствии его переименовали в “Вонапо-2” (или, соответственно, “Вонако-2”). Заместителем Палечека от Разведупра РККА являлся капитан Кузнецов, пользовавшийся фамилией Нойман и в совместных документах употреблявший условную подпись “Рудольф”. Полякам было направлено уведомление о прекращении совместных операций против СССР и намерении продолжать таковые против Германии. В Варшаве пока не знали о достигнутых между Советским Союзом и Чехословакией договоренностях в области разведки и полагали, что речь идет исключительно о политическом курсе. Но и это вызвало крайнее неудовольствие поляков, полагавших СССР своим основным противником, и стало первым шагом на пути ухудшения отношений между Варшавой и Прагой.

Летом 1936 года в Москву для уточнения направлений и порядка сотрудничества в области военной разведки прибыла делегация 2-го отдела генштаба ЧСР во главе с полковником Моравцем. В первый же день переговоров начальник РУ РККА С. П. Урицкий огласил несколько неожиданное предложение, поставившее гостей в затруднительное положение. Они понимали, что ведение разведки против Германии затруднительно для СССР ввиду отсутствия общей границы между двумя странами, и ожидали от советских партнеров предложений об организации на их территории разведывательных баз, готовясь их мягко, но решительно отклонить. Урицкий, однако, уже на первой встрече предложил нечто иное, а именно направление в Чехословакию 100 советских офицеров для обучения и подготовки с последующей заброской на территорию рейха в качестве нелегальных резидентов. С точки зрения практической оперативной работы, столь масштабная идея была лишена всякого практического смысла, в связи с чем Моравец заключил, что новые партнеры просто создают себе поле для маневра и обеспечивают себя в переговорах возможностью уступок ничего не значащих для них позиций. Он запросил инструкций из Праги и получил совершенно бесполезный совет: “Будьте дипломатичны. Рекомендуем Вам не слишком связывать себя обязательствами”²²⁴. На следующий день Моравец представил Урицкому свои соображения по данному вопросу, в которых упирал на то, что не имеющие должной подготовки для нелегальной работы и заброшенные в рейх в таком количестве резиденты практически неизбежно будут быстро раскрыты и погибнут. Начальника РУ это несколько не впечатлило, он заметил, что в таком случае нетрудно будет направить вторую сотню разведчиков²²⁵. Постепенно советская сторона начала сдавать одну позицию за другой, и в результате согласованные направления сотрудничества оказались даже меньшими по масштабам, чем ожидалось вначале. Договоренность подтверждала, что существующий в Праге совместный разведывательный центр будет единственным, а весь технический штат его будет комплектоваться гражданами ЧСР. Все оперативные контакты представителя РУ РККА должны были раскрываться перед чехословацкой стороной, вся добытая информация — передаваться в ее распоряжение. Все планирующиеся операции подлежали утверждению руководством разведки страны пребывания. Судя по всему, столь жесткие условия были приняты советской стороной ради получения возможности создания на территории Чехословакии разведывательного плацдарма, который в дальнейшем предполагалось существенно расширить. Именно так и произошло. Итоги проведенного в Праге в декабре 1936 года совещания, на котором делегацию РУ РККА возглавлял Никонов, предусматривали пересмотр достигнутых договоренностей в сторону расширения диапазона сотрудничества и углубления взаимодействия.

К этому времени польская разведка установила факт легального пребывания на территории Чехословакии советских разведчиков, что вызвало в Варшаве глубокую обеспокоенность. Поляки заявили немедленный протест и отозвали своего представителя при 2-м отделе генштаба ЧСР. Из-за их опасений в направленности нового договора против Польши правительству Чехословакии пришлось долго улаживать возникший конфликт. Сотрудничество с Советским Союзом особых выгод Праге не принесло, зато ее отношения с поляками испортились всерьез. После 1935 года польские разведчики полностью прервали контакты с чехословацкими коллегами, а с 1937 года стала отмечаться их возрастающая активность по агентурному проникновению в некоторые районы страны, особенно в Тешинскую область.

С 1937 года характер взаимоотношений между советской и чехословацкой военными разведками стал меняться. После проведенных чисток РККА представитель Разведупра в Праге стал отчитываться о своей деятельности не перед Москвой, а перед резидентом НКВД, занимавшим в посольстве СССР должность 2-го секретаря. Постепенно местная контрразведка начала отмечать многочисленные нарушения советской стороной ее обязательств ограничиваться только информационным сотрудничеством и не вести оперативную работу с

чехословацкой территории. С начала 1938 года 2-й отдел зафиксировал факты проведения резидентурой Разведупра агентурных операций с чехословацкой территории вначале против Германии, позднее против Польши с баз в Словакии и Рутении, а затем и против самой ЧСР. Контрразведчики несколько ошибались, поскольку этим занимался не “Вонапо-2”, а “легальная” резидентура советской военной разведки, причем существенно позднее: в 1940 и 1941 годах. Операциями руководил заведующий канцелярией генерального консульства СССР в Праге Л. И. Мохов, в действительности Л. А. Михайлов (“Рудольф”). Любопытно, что почти все советские резиденты и представители военной разведки в Чехословакии использовали один и тот же псевдоним “Рудольф”. В частности, сотрудник РУ, использовавший фамилию Бергер и в 1937 году сменивший отозванного Кузнецова, сохранил условную подпись “Рудольф”, за что чехословаки между собой называли его “Рудольфом вторым”.

Тем временем звезда Моравца, в начале 1937 года в звании полковника, возглавившего 2-й отдел, всходила все выше. В марге того же года в Прагу пришло письмо на имя начальника военной разведки. В нем некий “Карл” на трех страницах излагал свои возможности по освещению структуры вермахта, его вооружения, мобилизационного плана Германии, плана обороны саксонской границы, деятельности на территории Чехословакии Судетской немецкой партии и германской разведки. Он сообщал, что за сто тысяч марок готов передать эти материалы при встрече в германском городе Хемниц, в случае согласия ответ следовало направлять на адрес в Саксонии. Эксперты заключили, что автор письма основательно знаком с военной и разведывательной тематикой и никак не похож на дилетанта.

Печальная история Кириновича была еще свежа в памяти чехословаков, а начальник разведки, несомненно, представлял для немцев значительно более привлекательную добычу, чем простой оперативный офицер. Трое старших сотрудников 2-го отдела сочли письмо явной провокацией и не рекомендовали идти на контакт, однако Моравца смущала очевидная грубость подобной ловушки, заставившая его поверить в искренность намерений инициативника. В ходе последовавшей переписки он отверг два предложения “Карла” о встрече в слишком опасных местах, и в итоге было решено провести ее на территории ЧСР, в небольшом судетском городе Краслице. Из-за сложившейся в области напряженной обстановки и близости к границе это место также являлось чрезвычайно опасным, поэтому к обеспечению контакта привлекли по двенадцать офицеров 2-го отдела и местной полиции. Встреча должна была состояться незадолго до полуночи, и в напряженном ожидании не выдержали нервы заместителя начальника разведки Тиши, прогуливавшегося по темному скверу в ожидании “Карла”. В нарушение правил обращения с оружием, он постоянно держал указательный палец на спуске находившегося в кармане пистолета, что привело к вполне прогнозируемому результату. Тиши нечаянно прострелил Моравцу брюки и лишь по счастливой случайности не ранил его.

Выстрел не вызвал тревогу, и вскоре из темноты появился несколько запоздавший “Карл”, бесстрашно пронесший мимо германского таможенного поста полный чемодан совершенно секретных документов и отдельный рулон чертежей и схем. Разведчики увезли анонимного гостя на конспиративную квартиру в Хомутово и беседовали с ним четыре часа. Немец оказался поистине драгоценным источником, а самым важным из его материалов явился план прикрытия границы рейха с Чехословакией с приложением имен и адресов германских агентов и дислокации агентурных радиопередатчиков. В качестве бесплатной премии “Карл” предоставил новым работодателям имевшиеся в распоряжении абвера материалы об организации обороны Чехословакии, поступившие по почте из чехословацкого города Хеб от неизвестного анонимного автора. В итоге состоявшейся вербовки агент получил запрашиваемую сумму денег и кодовое обозначение А-54, однако личность свою так и не раскрыл. Он добился от Моравца обещания не предпринимать никаких действий по его установлению, не без оснований опасаясь, что они неизбежно приведут его в поле зрения контрразведки. “Карл” категорически отказался выполнять любые конкретные задания и объяснил это тем, что сам знает границы своих возможностей и обладает достаточной подготовкой для отбора материалов по собственному усмотрению. Из соображений безопасности он отказался использовать радиопередатчик, средства микрофотографии и курьеров, способных расконспирировать его перед гестапо или абвером. Оговоренные условия связи предусматривали проведение контактов один раз в два месяца, а также процедуру вызова на срочную встречу. Моравец до самого конца войны не узнал подлинного имени своего

лучшего агента, переписывавшегося с ним под псевдонимами “Карл”, “Рене”, “Поль” и “Ева”, аналитики сумели лишь определить, что он является сотрудником германской военной разведки, а о своем капитанском звании А-54 сообщил сам. Некоторые исследователи полагают, что по рангу он не мог иметь доступа к материалам, которые поставлял ЧСР, и склонны рассматривать эту агентурную связь как действия начальника абвера Канариса, информировавшего таким образом Запад о планах нацистов. Естественно, прямые доказательства этого отсутствуют, так что подобное утверждение можно рассматривать не более, как одну из версий, в изобилии сопровождающих загадочную фигуру адмирала-разведчика.

Анализ информации А-54 об утечке к немцам плана прикрытия границы показал, что анонимный автор этого сообщения знал проблему в подробностях и был профессиональным военным, поскольку сумел вычленив из весьма объемистого документа самые существенные элементы, не тратя сил на изложение второстепенных деталей. Начальник оперативного отдела генерального штаба полковник Олег Прохазка подтвердил подлинность сведений, после чего контрразведка немедленно приступила к самому масштабному в истории страны поиску предателя. В полученном от А-54 документе содержалась информация о плане действий 4-й дивизии и ее соседей с флангов, доступная не слишком широкому кругу лиц в генштабе, штабах 1-й и 2-й армий и в штабе самой 4-й дивизии. Розыск следовало вести среди лиц, имевших доступ к ней не позднее даты отправки письма (15 октября 1936 года)²²⁶, с учетом места отправки (Хеб) и очевидного отсутствия у разыскиваемого финансовых проблем, поскольку он не сделал ни малейшей попытки получить вознаграждение за свою услугу. Вскоре область поиска существенно сократилась. Выяснилось, что в генеральном штабе и штабе 1-й армии план действий 4-й дивизии действительно хранился, но в запечатанных пакетах, которые до момента отправки письма не вскрывались. Штаб 2-й армии в мирное время имел крайне ограниченную штатную численность, и с планом обороны границы в нем были знакомы всего четыре человека: командующий, начальник штаба, офицер оперативного отдела и младший офицер, ответственный за печатание приказов подчиненным воинским частям, однако в рассматриваемый период никто из них в Хеб не ездил. Теперь анонимного автора письма оставалось искать только среди личного состава 4-й дивизии. Дальнейшее расследование сузило круг подозреваемых до одного человека, 28-летнего этнического венгра капитана Штефана (в ряде источников его ошибочно именуют Эмерихом) Кальмана. В период с 12 по 16 октября он находился в гарнизоне небольшой деревушки в трех часах езды от Хеба и вполне мог являться отправителем корреспонденции в адрес абвера. После ареста и двух недель интенсивных допросов Кальман признался в содеянном и по приговору суда был повешен как предатель. Моравец приводит текст адресованной на его имя предсмертной записки бывшего капитана: “Полковник! У нас был честный бой, и Вы выиграли. Но берегитесь! Дело, за которое я сегодня отдаю свою жизнь, победит”²²⁷. Как и во многих других местах своих воспоминаний, генерал неточен. Действительный текст письма гласил: “На этот раз Вы и Ваша сторона выиграли. Но время торжества справедливости близко. Ваше чудовищное и неестественное государство распадется, и живущие в нем мои соотечественники, наконец, обретут свободу”²²⁸.

Случай с Кальманом был далеко не единичен, хотя и выделялся среди других по масштабу причиненного вреда. Размах иностранного шпионажа в Чехословакии заметно увеличивался. Помимо многочисленных германских агентов, главным образом судетских немцев, в стране активно работала венгерская разведка. Ее резидентом являлся военный атташе Венгрии в Праге полковник Штефан Уйсаси, на каналы связи которого с агентурой внутри Чехословакии 2-й отдел вышел в значительной степени случайно. Весной 1936 года в ходе агентурной разработки единственного сотрудника атташата, унтер-офицера Ковача, выяснилось, что его служебные обязанности практически ограничиваются закупками большого количества почтовых марок, всегда осуществляемыми по пятницам через неделю. Что с ними делает атташе, Ковач не знал. Сопоставление дней недели позволило предположить связь между этими закупками и прибытием дипломатического курьера на поезде из Будапешта в те же вторые пятницы. Проверка подтвердила, что атташе действительно отправляет через обычные почтовые ящики множество писем, с содержанием которых контрразведка решила ознакомиться. Законодательство Чехословакии не позволяло совершить это легально, поэтому 2-й отдел обратился с конфиденциальной просьбой о содействии к генеральному директору почтово-телеграфного бюро, вначале отнесшемуся к намерению контрразведчиков

весьма неодобрительно. Вопреки первоначальным намерениям, им пришлось отчасти раскрыть причины своего обращения, после чего главный почтмейстер страны решился пойти на нарушение закона в интересах обеспечения безопасности государства. Свое согласие он оговорил следующими условиями:

1. Обеспечение полной гарантии сохранности конверта и содержимого.
2. Принятие решения о продолжении операции по перлюстрации только в случае обнаружения недозволённых сложений или иных признаков шпионской деятельности в первом же письме.
3. Изъятие письма или писем только непосредственно из того почтового ящика, в который они будут опущены отправителем.
4. Немедленный перехват письма или писем после их опускания в ящики.
5. Полная секретность операции, в том числе и от почтальонов.

Генеральный директор предоставил контрразведчикам униформу почтовых служащих и ключи для вскрытия почтовых ящиков, и операция началась. После прибытия курьера из Будапешта за ним самим, за атташе, его любовницей, шофером и Ковачем было установлено плотное наблюдение, позволившее контрразведчикам извлечь из почтовых ящиков двенадцать писем. Восемь из них предназначались венгерским агентам, работающим в Богемии, Моравии и Словакии. Небрежность, с которой полковник выполнил отправку корреспонденции, даже с поправкой на всем известный легкомысленный характер Уйсаси, заставляла предположить, что содержание писем ему неизвестно. Судя по всему, атташе получал их уже запечатанными в конверты и лишь наклеивал на них марки.

Письма пересняли, исследовали на наличие тайнописи, вновь запечатали и вернули в ящики, откуда они ушли по назначению. Изучение текстов показало, что переписка с адресатами явно ведется уже в течение длительного времени. Они содержали подтверждение получения ряда сообщений, инструкции по связи и безопасности и деньги. Естественно, было решено не арестовывать агентов, а взять их под плотное наблюдение. Однако в одном случае, вопреки всем доводам о необходимости избежать компрометации источника информации, начальник генерального штаба решил иначе. Узнав из фотокопии письма о том, что на венгров работает отвечающий за составление мобилизационного плана капитан Йозеф Складал, он распорядился взять его под стражу немедленно. Шпион полностью признался и избавил командование от необходимости обеспечения секретности суда над собой, поскольку через несколько дней после ареста повесился в своей камере.

Выемки писем производились 53 раза, их регулярная перлюстрация позволила постепенно раскрыть и впоследствии ликвидировать 253 действовавших в Чехословакии венгерских агента²²⁹. Самыми опасными среди них были:

— подполковник Опоценский, старший офицер 1-го (оперативного) отдела генерального штаба, затем начальник штаба 5-й пехотной дивизии в Ческе-Будеёвице, проработавший на венгров два года. После его ареста в Чехословакии проводили параллель с известным делом полковника Редля. Следует отметить, что раскрытие этого агента имело лишь косвенное отношение к письмам Уйсаси и произошло благодаря наблюдению за курьером из Будапешта. Допросы подполковника не были окончены из-за его внезапной смерти от инфаркта. Любопытно, что через год после этой официально зафиксированной и достоверно засвидетельствованной смерти прекрасно знавший Опоценского сотрудник наружного наблюдения увидел его идущим по пражской улице. Он с ужасом доложил об этом своему начальнику, который собрался направить подчиненного на обследование к психиатру, но предварительно изучил личное дело покойного и обнаружил существование его однойцового брата-близнеца;

— подполковник Йозеф Кукла, завербованный венгерской разведкой в период своей службы в гарнизоне Банска-Бистрица. Высшая занимаемая им должность заместителя командира 1-го кавалерийского полка в Терезине не давала ему столь широких разведывательных возможностей, как Опоценскому, поэтому связь с ним осуществлялась через Уйсаси. После ареста он почти сразу же раскрыл следствию всю имевшуюся у него информацию, за что и был некоторым образом поощрен: подполковнику позволили застрелиться без суда, сохранив тем самым военную пенсию для его жены и детей;

— состоятельный житель города Штернберг в Моравии Антонин Медрицкий. В этом случае для проведения ареста и следствия требовалось согласие гражданской полиции, отказывавшейся без веских причин совершать репрессивные действия в отношении богатого и

уважаемого человека, прозванного земляками Великим. Тем не менее, в итоге он все же был осужден на 25 лет лишения свободы, но вышел из тюрьмы уже в 1938 году, после аннексии Чехии рейхом.

Остальные агенты не занимали выгодные в разведывательном отношении посты. Ими были унтер-офицер пограничного батальона, отставной капитан австрийской армии и другие незначительные персоны. Операция “Письма” проводилась по 1938 год, когда в связи с изменившимися условиями ее пришлось свернуть.

В конце лета 1938 года полковник Уйсаси оказался вовлеченным в драматическое криминальное происшествие. Его любовница, молодая красавица-венгерка, была обнаружена на вилле атташе в окрестностях Праги с признаками насильственной смерти. Растерявшийся венгр не знал, как вести себя в подобной ситуации и попросил совета у начальника военной контрразведки Чехословакии. Тот сумел доказать, что данное дело не подведомственно гражданским властям, поскольку касается иностранного подданного с дипломатическим паспортом, и полиция удалилась. Возникли реальные предпосылки для вербовочного подхода к атташе, но чехословацкие контрразведчики засомневались в целесообразности такого шага. В случае неудачи полковник гарантированно покидал страну, обрывая тем самым все возможности для продолжения операции “Письма”, что было совершенно неоправданным риском. Пока они размышляли, атташе вместе с Ковачем был отозван на родину, где 1 мая 1939 года возглавил 2-й отдел генерального штаба венгерской армии (военная разведка и контрразведка). По утверждению Моравца, операция получила значительное развитие в Будапеште, где сотрудник чехословацкой разведки майор Бартик завербовал Уйсаси а затем передал его на связь англичанам, на которых тот проработал до конца войны. Косвенное подтверждение связи полковника с разведывательной службой какой-либо из стран антигитлеровской коалиции можно получить из показаний, данных им в 1946 году на Нюрнбергском процессе²³⁰.

Преемником Уйсаси в Праге стал майор Сомои, разительно отличавшийся от своего предшественника активностью и серьезным отношением к работе с агентурой. Он продолжал отправлять письма, но делал это сам, причем в совершенно разных концах города, иногда за его пределами, и по нерегулярному графику, не позволяя контрразведке перехватывать их из почтовых ящиков. На маршруте майор постоянно проверялся и регулярно уходил от наблюдения, применял иные меры предосторожности. У чешских контрразведчиков возникло ощущение того, что новый ВАТ проходил курс подготовки по агентурно-оперативной работе не только в Венгрии, но и в Германии. В результате простых и эффективных действий Сомои процент перехватываемых почтовых отправлений резко упал, эффективность операции “Письма” заметно снизилась. Правда, теперь это имело уже скорее теоретическое значение, поскольку весной 1939 года Чехия была поглощена своими соседями: рейхом, а также Польшей и Венгрией.

Рост активности венгерской и польской разведок не слишком тревожил чехословацкие оперативные органы, считавшие самым опасным элементом обстановки непомерно разросшуюся систему германского шпионажа. В 1936 году были разоблачены и арестованы свыше 2900 агентов абвера и СД, а поскольку ни одна секретная служба в мире не в состоянии содержать столь огромный аппарат продолжительное время, аналитики 2-го отдела с уверенностью предсказывали близкое начало активных действий против ЧСР. Об этом свидетельствовали и факты, сообщаемые А-54. Он своевременно предупредил своих чехословацких работодателей о предстоящем выступлении судетских немцев, по кодовому сигналу “Альтфатер” намеревавшихся организовать волнения и создать повод для вооруженного вмешательства Германии. После напряженного ожидания и постоянного прослушивания эфира искомый сигнал был перехвачен 20 мая 1936 года, но к этому моменту предупрежденное своей разведкой правительство было готово к действиям. На чрезвычайном заседании кабинета министров Бенеш распорядился провести частичную мобилизацию и ввел в угрожаемую область войска численностью около 176 тысяч человек. Силовые меры заставили немцев действовать не столь прямолинейно.

С военной точки зрения, положение ЧСР не вызывало особых опасений. Ее вооруженные силы были хорошо обучены, полностью укомплектованы и вооружены современным оружием, военная промышленность располагала мощными заводами, а чешские танки заметно превосходили по боевым качествам немецкие аналоги. Страна считалась “всемирным

арсеналом”, на ее долю приходилось 40% мировой торговли оружием, доходы от которой позволяли вполне достойно финансировать армию. К осени 1938 года закончилось строительство укрепленных районов, опиравшихся на естественные горные преграды. Сентябрьская мобилизация 1938 года довела численность армии до 45 дивизий, не считая резервов, после чего общая численность вооруженных сил, оснащенных 469 танками и 1582 самолетами, составила миллион человек. В этих условиях нападение вермахта неминуемо обрекалось на провал. Согласно германскому плану “Грюн”, из 42 немецких дивизий первого эшелона для захвата Чехословакии выделялось 36, для прикрытия западной границы рейха оставались 5, а польские рубежи прикрывала единственная дивизия. Чехословакия имела официальную гарантию безопасности от Франции, способной немедленно выставить 65 дивизий первого эшелона и в течение шести дней отмобилизовать еще 100. В обращении к начальнику СР полковнику Риве полковник Моравец справедливо заметил, что французские полки могут начинать марш с развернутыми знаменами. Тем не менее, именно ставка на мощного союзника и привела Чехословацкую республику к краху.

Франция практически отказалась от самостоятельной европейской политики и бездумно следовала в фарватере Британии, пытавшейся задобрить Германию путем умиротворения агрессора. Гитлер блефовал и угрожал европейской войной в случае отказа передать Судетскую область в состав рейха, при этом лицемерно объявляя Чехословакию очагом постоянного беспокойства и угрозы миру на континенте. Правительство Чемберлена требовало от Праги принять меры для “умиротворения Европы”, и в итоге 19 сентября 1938 года Берлин через Лондон предъявил Праге ультиматум, а после него, 25 сентября — так называемый “Годесбергский меморандум”. Западные державы, на помощь которых рассчитывало чехословацкое правительство, фактически заявили, что в случае отклонения германских требований за ЧСР никто не вступится, и страна станет виновницей европейской войны. Чуть позже Гитлер присоединил к своим требованиям и территориальные притязания Венгрии и Польши. 29 — 30 сентября 1938 года состоялась печально известная Мюнхенская конференция, на которой Великобритания, Франция и Германия при посредничестве Муссолини решили судьбу ЧСР, делегацию которой даже не пригласили участвовать в заседаниях. Руководству Чехословакии не хватило политической воли призвать народ к борьбе за суверенитет и территориальную целостность, и в результате вместе с Судетской областью страна лишилась 40,9% территории, 34% населения, 34% металлообрабатывающей промышленности, 62% текстильной, 35% химической, 60% запасов угля и 26% железных дорог. Структура обороны оставшейся части государства оказалась безнадежно разрушенной. Германия была не одинока в расчленении Чехословакии. Вслед за ней в начале октября польские войска оккупировали Тешинскую область, а в ноябре и венгры отторгли южные и юго-западные районы Словакии и южную часть Закарпатья. Усеченная страна даже немного изменила название и стала именоваться Чехо-Словакией. О приготовлениях противника ее разведка прекрасно знала и своевременно информировала правительство и президента, но, к сожалению, лишь в очередной раз доказала бессмысленность самой успешной работы спецслужб при игнорировании политическим и военным руководством ее результатов.

Страна медленно агонизировала, а ее правительство окончательно утратило волю к сопротивлению. Сразу же после Мюнхенской конференции Моравцу передали предложение Канариса прекратить все операции против Третьего рейха, но он оставил его без ответа. Тогда об этом же распорядился министр национальной обороны Чехословакии генерал Сыровы, однако Моравец саботировал его указание. Более того, оценив положение как безнадежное, он в глубокой тайне стал готовить совершенно беспрецедентную акцию по выводу своей службы за пределы государства, причем не в обычную эмиграцию, а для продолжения активной деятельности. Было ясно, что окончательная оккупация страны являлась лишь вопросом времени, поэтому следовало торопиться, тем более, что начальник разведки не исключал возможность быть арестованным собственными властями за нарушение их руководящих указаний. Германия активно осуществляла давление на уже фактически марионеточное правительство Чехо-Словакии с целью уничтожения ее военной разведки, с 1936 по 1938 годы занимавшую в рейтинге абвера первое место в Европе. Особенно заманчивой целью для немцев был сам Моравец. Для устранения начальника 2-го отдела немцы избрали бескровный вариант и организовали одновременную подачу в правительство ряда жалоб с обвинением его в организации лжесвидетельств, подделке документов, применении пыток на допросах и оказании давления на судебные органы. Предполагалось, что спешно создан-

ная правительственная комиссия отстранит Моравца от должности и отдаст под суд, а саму службу распустит, однако в ее составе нашлись честные патриоты, понимавшие, что этого допустить нельзя. Но невозможно было и оставить без рассмотрения требования якобы потерпевших, поскольку это хотя и негласно, но настойчиво требовал Берлин. Тогда один из высших чинов министерства внутренних дел принял удар на себя и заявил, что именно он повинен во всех перечисленных беззакониях, за что и был отрешен от должности и отдан под суд. Все прекрасно понимали как подлинные обстоятельства дела, так и то, что только таким образом можно было спасти, пусть ненадолго, 2-й отдел генштаба.

Разведка спешно использовала оставшийся у нее небольшой запас времени. Прежде всего следовало решить вопрос о стране нового пребывания. Моравец отверг явно неосуществимое предложение начальника французской СР полковника Риве перебраться в Швейцарию и продолжать работу с ее территории. Помимо прочего, Франция стала у чехов почти символом предательства, что полностью исключало любую возможность совместных действий с французами. Англичане же не брали на себя никаких формальных обязательств перед ЧСР, и их вероломство было не столь одиозным. Поэтому Моравец решил обратиться к правительству Великобритании и после получения принципиального согласия далее согласовывал все детали предстоящей операции с резидентом СИС в Праге майором Гарольдом Гибсоном. Для скрытности 2-й отдел до минимума уменьшил численность своего центрального аппарата и перенес основную тяжесть работы на территориальные органы, что позволило легально вывести многих офицеров разведки из поля зрения пражских властей. В столице осталась лишь небольшая группа сотрудников, подлежащих эвакуации в первую очередь вместе с архивами, кодами, шифрами и специальной техникой. Мероприятия Моравца отличались продуманностью и обстоятельностью. Для начала он уведомил все заграничные точки о предстоящей в ближайшее время передислокации центрального аппарата из Праги в иное место, подлежащее оглашению позднее. Всем источникам сообщили, что агентурный аппарат резидентур (Цюрих, Гаага, Копенгаген, Стокгольм и Варшава) якобы передается на связь разведывательным службам других государств, названных агентам совершенно произвольно. Показательно, что никто не изъявил желания работать на польскую разведку, тогда как иные версии не вызвали никаких возражений. Успешно решился и финансовый вопрос благодаря переводу из Чехо-Словакии и размещению на секретных счетах 2-го отдела в Цюрихе, Париже, Гааге, Стокгольме и Риге около 4 миллионов фунтов стерлингов. С течением времени все эти суммы сконцентрировались в лондонских банках, и лишь активы в Париже были зарезервированы для обеспечения эвакуации беженцев, покидавших оккупированную родину через Польшу. Внутри страны разведка развернула компактную и глубоко законспирированную параллельную сеть агентов, состоящую из людей, ранее никоим образом не связанных со спецслужбами. Все было готово к эвакуации, которую следовало провести в самый последний момент перед началом оккупации. Англичане сообщили, что могут предоставить Моравцу двенадцатиместный самолет и вывезти на нем в Лондон начальника разведки с семьей и восемь офицеров по его собственному выбору. Все архивы, криптографические материалы и оперативную технику следовало переправить в британское посольство, откуда в дипломатической почте они будут доставлены в Великобританию.

Ждать пришлось недолго. 3 марта на экстренной встрече А-54 предупредил Моравца о предстоящей оккупации, доставил документы с перечислением германских сил вторжения и сообщил, что ввод войск будет происходить под видом "мирной акции по поддержанию порядка". Одновременно заявил о своей независимости Словакия. Кроме того, агент предъявил копию предписания гестапо о немедленном аресте всех сотрудников 2-го отдела и их форсированном допросе для выявления агентуры ЧСР в рейхе. "Карла", естественно, весьма интересовал вопрос, надежно ли спрятано его досье. Когда Моравец заверил А-54, что оно никоим образом не окажется в руках немцев, поскольку эвакуируется из страны вместе с разведчиками, тот настоятельно порекомендовал ему не выбирать в качестве нового места дислокации Францию. Он пообещал также восстановить связь через конспиративные адреса в Голландии и Швейцарии, чему начальник разведки не поверил. У агента появлялась редкая в мире секретных служб возможность тихо закончить сотрудничество и безнаказанно исчезнуть из поля зрения хозяев.

Моравец все же попытался противостоять неизбежному исходу и напросился на заседание кабинета министров. Там он во всех подробностях, вплоть до фамилий командиров

дивизий, огласил план операции вермахта по захвату страны, но встретил полное непонимание и недоверие. Государство отказывалось сопротивляться и было обречено, оставалось лишь спасти разведывательную службу. Начальник 2-го отдела сделал еще одну, последнюю попытку остановить неизбежный ход событий и проинформировал обо всем резидента СИС майора Гибсона, исправно передававшего данные в Лондон. Однако немцы отклонили последовавший за этим дипломатический демарш британского посла в Берлине Невилля Гендерсона, и западные союзники ЧСР ничем больше не поддержали обреченную страну. Ночью 13 марта 1939 года все ценное из архивов 2-го отдела было погружено на грузовик, за рулем которого сидел загримированный Гибсон. Избежав плотного наблюдения германских агентов, он перевез бумаги в свое посольство, а все менее существенные материалы были полностью уничтожены. Отобранные Моравцем офицеры с портфелями, набитыми документами особой важности, а также рейхсмарками и гульденами на общую сумму около 120 тысяч долларов, прибыли на аэродром, где их ожидал голландский самолет. Жена и двое детей начальника разведки остались в Праге — он предпочел взять еще троих своих сотрудников, искренне надеясь, что сумеет организовать эвакуацию семьи позднее.

Прибытие в Лондон самолета из Праги с таинственными пассажирами не ускользнуло от внимания прессы, и фотографии выходящих по трапу чехов появились в газетах. Так жена Моравца узнала о том, что ее муж покинул страну, причем очень вовремя. 15 марта 1939 года появилось “Совместное заявление правительств Германии и ЧСР”, в котором сообщалось:

“Правительство рейха требует:

- 1) чтобы вооруженные силы и отряды полиции оставались в казармах и сложили оружие;
- 2) чтобы были запрещены вылеты всех военных, транспортных и частных самолетов; чтобы военные самолеты были перемещены на гражданские аэродромы;
- 3) чтобы вся зенитная артиллерия и пулеметы были сняты с боевых установок и перемещены в казармы;
- 4) чтобы на аэродромах и их оборудовании не производилось никаких изменений;
- 5) чтобы никоим образом не нарушался ход общественной жизни, а, напротив, была обеспечена дальнейшая работа всех учреждений, особенно железных дорог и почт, которые должны поступить в распоряжение прибывающего лица — представителя исполнительной власти;
- 6) чтобы не возникало никаких нарушений в хозяйственной жизни и особенно чтобы по-прежнему работали банки, торговые и промышленные предприятия;
- 7) чтобы сохранялась полная сдержанность при публичном обмене мнениями, будь то в печати, театре, по радио или в других сферах общественной жизни.

Части, оказывающие сопротивление, будут сразу же атакованы и уничтожены. Военные самолеты, которые покинут свои аэродромы, будут атакованы и сбиты. Аэродромы, которые будут проводить мероприятия оборонительного характера, подвергнутся бомбардировке.

Президент Чехословацкого государства д-р Гаха и министр иностранных дел Чехословакии д-р Хвальковский приняли к сведению указанные в приведенном перечне требования...”²³¹

В тот же день Германия оккупировала оставшуюся часть Чехии, как было заявлено, по причине того, что она “являлась источником беспокойства и обнаружила свою внутреннюю нежизнеспособность”²³². Вермахт занял Прагу, после чего 16 марта новые территории были включены в рейх и именовались теперь “Протекторатом Богемия и Моравия”. Словакия объявила о своей автономии, и рейх тут же взял ее под охрану. Абвер открыл АСТ в бывшей столице Чехословакии, но в опустевших помещениях 2-го отдела его офицеры не смогли обнаружить ничего, представляющего оперативный интерес.

Одиннадцать офицеров (“Особая военная группа”) стали ядром чехословацкой разведки в изгнании. 2-й отдел установил прямую радиосвязь с резидентурами и агентами-радистами во Франции, Швейцарии, Швеции, Португалии, Турции, Египте, Германии, а также с радиоцентром Разведывательного управления РККА. Продолжились агентурные операции, хотя, как и ожидалось, многие источники прервали связь и уклонились от дальнейшего сотрудничества. Успешно работала служба эвакуации, помогавшая покинуть оккупированную страну ее гражданам, которым грозила опасность. Для этого 2-й отдел использовал средства,

хранившиеся в одном из парижских банков, а непосредственная работа осуществлялась через заграничные разведки в Варшаве, Бухаресте и Белграде и агентуру внутри бывшей Чехословакии. После многих злоключений семьи всех бежавших офицеров, в том числе и Моравца, благополучно оказались в Лондоне.

В июне 1939 года произошло радостное и совершенно неожиданное событие: резидентура в Цюрихе получила сообщение от А-54, в котором он просил о встрече 15 июня в Гааге. Моравец направил туда своего сотрудника майора Штранкмюллера, получившего от “Карла” материалы по плану “Вайсс” (нападение на Польшу) и данные о формировании в вермахте новых механизированных дивизий. А-54 сообщил, что стал подполковником и отныне будет работать в центральном аппарате абвера в Берлине. Его новая должность предполагает разъезды по Европе, а это снимет все проблемы, связанные с организацией встреч за пределами Германии. Штранкмюллер заметил, что нынешнее положение его службы не позволяет сохранить прежние размеры оплаты, но “Карл” отреагировал на это совершенно неожиданно. Он сказал, что разрешил все свои финансовые затруднения, и отныне не будет брать деньги за работу, чем весьма удивил разведчиков. Они полагали его обычным платным агентом, теперь же Моравец чувствовал, что, кроме меркантильных интересов, им двигало нечто иное. Однако подлинных мотивов А-54 так никогда не установил ни он, ни кто-либо другой.

Несмотря на более чем прохладные с 1935 года взаимоотношения Чехословакии и Польши, окончательно испортившиеся после раздела ЧСР в 1938 году, Моравец все же считал возможным предложить польскому послу в Лондоне ознакомиться с добытой информацией. Тот высокомерно отказался, и тогда полковник просто передал материалы по плану “Вайсс” СИС, а также еще до конца июня командировал в Варшаву майора Бартика с предупреждением коллег в польской разведке о грозящей опасности. Как известно, это оказалось напрасным. Тем временем секретные сообщения, постоянно направляемые “Карлом” на конспиративные адреса чехословацкой разведки, все полнее раскрывали подготовку немцев к следующей агрессии. В августе на очередной встрече в Гааге он предоставил новые детали намеченного на конец августа плана нападения, а также список действовавших в Польше агентов абвера. А-54 сообщил и о полученном разведкой приказе добыть 150 комплектов польского обмундирования и вооружения, впоследствии использованного в известной операции “Гиммлер” — пограничной инсценировке в Гляйвице. Позднее он трижды уточнял дату планировавшегося нападения (15 августа, 26 августа и 1 сентября), последняя из которых оказалась верной. После начала войны связь с агентом была утрачена, а его имя и подлинная судьба стали известны лишь в 1945 году.

Еще одним государством, получившим гарантии независимости от мощных западных союзников, являлась Польша. Экономический подъем конца 1920-х годов улучшил внутреннюю обстановку в стране и уменьшил социальную напряженность в обществе, поэтому роспуск ряда левых партий в 1927 году, в общем, прошел для правительства спокойно и послужил началом проведения режима “санаций”, или оздоровления общественной жизни. Однако к 1929 году шесть левых и центристских партий страны объединились в союз Центролев, резко набравший популярность с началом экономического кризиса. Уже в июне 1930 года проведение его конгресса в Кракове сопровождалось 30-тысячной демонстрацией, а в разгар кризиса союз обратился к народу с воззванием, на которое правительство отреагировало роспуском сейма, арестом примерно пяти тысяч человек и проведением акции “умиротворения” (пацификации) в самом беспокойном районе страны — Галиции. Подавление инакомыслия в Польше усиливалось, в 1934 году заработал первый в стране концентрационный лагерь для политических противников в Березе-Картуской. Одним из поводов для нарастания репрессий стало убийство 15 июня 1934 года в Варшаве министра внутренних дел Польши генерала Перацкого, совершенное боевиком Организации украинских националистов Мацейко. Он бросил гранату в свою находившуюся в толпе жертву, однако та, к счастью для окружающих, не взорвалась, после чего террорист расстрелял министра из револьвера. Воспользовавшись поднявшейся паникой, он скрылся и, миновав все засады и заслоны, сумел перебраться в Чехословакию. Польская полиция быстро раскрыла преступление и арестовала заместителя проводника Краевой экзекутивы ОУН в Галиции Ивана Малюцу. На допросах тот оказался нестойким и быстро сдал все руководство, в первую очередь проводника Степана Бандеру. Вскоре в Варшаву поступили из Праги изъятые чешской полицией архивы Организации украинских националистов, позволившие практи-

чески полностью разгромить ее руководящее ядро. К этому времени на счету ОУН уже насчитывался ряд террористических актов, что заставило органы безопасности Польши со всей серьезностью отнестись к действиям организации и почти разгромить ее. Масштабы провала ОУН превзошли даже ее послевоенные ликвидации и повлекли за собой крайне тяжкие последствия. Суд, известный как Варшавский процесс 1935 года, приговорил обвиняемых к смертной казни, однако по просьбе Берлина ее заменили тюремным заключением, косвенно подтвердив тем самым наличие в убийстве Перацкого “германского следа”. Процесс широко освещался в прессе и принес Бандере известность внутри ОУН, в результате чего этот амбициозный, но до сих пор не слишком популярный деятель получил возможность претендовать на пост руководителя организации. Правда, для этого вначале следовало освободиться из тюрьмы, что и произошло после поражения Польши в сентябре 1939 года.

Отказ II отдела от сотрудничества с эмигрантской разведкой Чехии отнюдь не означал, что поляки уклонялись от взаимодействия с другими государствами, в том числе, казалось бы, достаточно отдаленными от Польши как географически, так и политически. Представляет интерес их направленное против СССР традиционное сотрудничество с японской разведкой. До сентября 1939 года руководитель контрразведывательного подразделения в Каунасе Альфонс Якубанич и его сотрудник лейтенант Даскевич поддерживали контакты с генеральным консулом Японии Сугихара в вопросах сбора информации о приграничных советских гарнизонах. Резидент II отдела главного штаба Войска польского в Стокгольме капитан Фирла, а позднее и его преемник капитан Вацлав Гилевич (один из наиболее результативных польских оперативных офицеров) взаимодействовали с японским военным атташе полковником Тосио Исимура, от которого получали информацию по Германии и поставках ей шведской железной руды. Резидент японской разведки в Риге Оноучи имел на связи польского офицера разведки Михала Рубиковского (“Михальский”), действовавшего под оперативным псевдонимом “Петр Иванов” и с фальшивым маньчжурским паспортом. В 1940 году оба отбыли в Стокгольм, где продолжили сотрудничество с японцами.

Иностранные разведки периодически использовали территорию Польши для проведения операций против третьих стран. Среди них одной из наиболее успешных явилась вербовка Разведупром советника посольства Германии в Варшаве Рудольфа фон Шелиа. Этот потомок старинного дворянского рода с презрением относился к нацистам, хотя еще в 1932 году для карьеры вступил в НСДАП, зато симпатизировал англичанам и сильно нуждался в деньгах. На этой основе и состоялась его вербовка, которую в 1937 году под флагом британской СИС провел агент РУ РККА журналист Рудольф Хернштад. Фон Шелиа получил агентурный псевдоним “Ариец” и перешел на связь к нелегальному резиденту в Германии Ильзе Штебе (“Альта”). Его услуги оплачивались достаточно высоко, к февралю 1938 года общая сумма вознаграждения достигла 6500 долларов США, что по тем временам было огромной величиной. Но материалы “Арийца” стоили того. Они включали официальные документы посольства, переписку с Берлином, информационные сообщения, циркуляры и ценные сведения из области германской внешней политики. Несколько позже фон Шелиа возглавил структурное подразделение МИД “Отделы по территориальным секторам”, в котором, кроме общего руководства, лично курировал вопросы Центральной и Восточной Европы. К сожалению, после репрессий в кадрах военной разведки связь с агентом оказалась утраченной, и сотруднику Разведупра Н. М. Зайцеву пришлось восстанавливать ее с большим риском.

В посольстве Германии в Варшаве работал еще один советский источник, агент Разведупра с 1935 года, коммунист Герхард Кегель, приглашенный послом фон Мольтке в торгово-политический отдел в качестве знатока восточных проблем. Кегель пока не приносил никакой разведывательную информацию, а укреплял свое положение, вступил в НСДАП и демонстративно изучал русский язык, что в дальнейшем сыграло важнейшую роль в его разведывательной деятельности.

Иностранные разведки работали в Польше в экстремальной обстановке. Оперативная обстановка в стране отличалась жестким контрразведывательным режимом, обусловленным, помимо внутренней социальной напряженности, давлением со стороны практически всех ее соседей, за исключением Латвии. Варшава проводила внешнюю политику балансирования, или так называемого “равного удаления” от Германии и СССР и пыталась воспрепятствовать возможному заключению между ними антипольского союза. Концепция “двух врагов” сохранялась вплоть до начала войны и оказалась вполне справедливой. Серьезные терри-

ториальные претензии имелись у Польши к Литве, Чехословакии, СССР и Германии, при этом два последних государства и сами были серьезно ущемлены своими новыми границами с Польшей. Из-за перечисленных проблем страна представляла собой постоянный очаг напряженности в Европе, поэтому ее правительство уделяло большое внимание организации своих спецслужб.

Военная разведка Польши входила в компетенцию II отдела главного штаба Войска польского, структура которого описывалась ранее. В рассматриваемый период она подверглась определенным изменениям, в основном затронувшим не столько центральный аппарат, сколько периферийные органы. В значительной степени изменился подход к организации контрразведки, особенно в части координации деятельности различных служб. С конца 1920-х годов важное значение придавалось обеспечению “непрозрачности” границ государства, предотвращающей инфильтрацию через нее нелегалов противника и их возврат для контактов с руководством или передачи документальных материалов за рубеж. В июле 1927 года была выработана схема взаимодействия Корпуса пограничной охраны (КОП) и Пограничной стражи (СГ) со структурами II отдела, согласно которой на пограничную агентуру возлагалась разведка приграничной полосы сопредельных государств, в частности, гарнизонов и путей сообщения, на глубину до 15 километров. На западе по согласованию между местной экспозитурой и инспекцией округа Пограничной стражи эта величина могла быть увеличена вдвое. Особое внимание обращалось на вскрытие военных приготовлений противника. Руководящая роль экспозитур в пограничной разведке являлась весьма тщательно охраняемым секретом, о ней знали лишь ограниченное число высших командиров и информационных офицеров КОП. Так, накануне Второй мировой войны в Великопольском пограничном округе разведкой занимались 1 информационный офицер, 6 офицеров-разведчиков и 182 агента, действовавшие с позиций пограничных пляцук 1-й и 2-й линий и офицерских постерунков. В результате длительных отработок форм и методов взаимодействия, нередко осложнявшихся неудовлетворительной координацией действий различных оперативных органов, со второй половины 1920-х годов вербовочные задачи в пограничной полосе были возложены исключительно на КОП на востоке и СГ на западе, но после вербовки все агенты передавались экспозитурам II отдела. Следует отметить, что пограничники далеко не всегда выполняли последнее правило, а зачастую руководили приобретенными источниками самостоятельно. Их контролировали внутренние пляцуки разведки, занимавшиеся проверкой агентурного аппарата и приграничной разведкой. Руководили всей этой запутанной системой ближней разведки и вели ее за пределами пограничной зоны (до 100 километров в глубину) экспозитуры II отдела, в которых имелись следующие подразделения:

- организационно-разведывательный реферат;
- контрразведывательный реферат;
- реферат учета;
- общий реферат;
- технический реферат.

К концу 1930-х годов средняя численность каждой такой точки достигала 30 — 35 офицеров. Одними из наиболее результативных считались сориентированные на оперативную работу против Третьего рейха быдгошская (перебазированная из Познани в 1930 году) и катовицкая экспозитуры. Первая из них одновременно руководила на германской территории приблизительно 80 агентами. Кроме того, экспозитуры № 1 (в Вильно) и № 5 (во Львове) руководили также двенадцатью пляцукками разведки Корпуса пограничной охраны. В результате современным исследователям весьма сложно разграничить сферы ответственности конкретных точек польской военной и пограничной разведок, весьма тесно переплетенных друг с другом. Основными силами и средствами разведывательной деятельности экспозитур являлись законспирированные пляцуки ближней разведки в так называемом “разведывательном предполье”, сеть агентов-стационаров и маршрутчиков и курьеры. Исключение составляла экспозитура № 2 в Варшаве, в задачи которой входили планирование и организация диверсионной работы на случай войны. Диверсионные сети должны были развертываться как на территории Польши, так и в соседних государствах.

Значительное внимание уделялось контрразведывательной работе, понимаемой достаточно широко. Поляки полагали наступательную контрразведку важнейшим направлением и в преддверии войны достигли значительных успехов в разработке спецслужб своих основных противников — Германии и Советского Союза. При этом обязанности по данной линии

в первую очередь возлагались на закордонные резидентуры — пляцувки. Территориальные органы (экспозитуры) и армейская контрразведка (Отдельные информационные рефераты, или СРИ ДОК) решали в основном оборонительные задачи. Последние в значительной степени ориентировались на общее решение задачи обеспечения государственной безопасности, в том числе и в политической области, о чем свидетельствует сама структура любого СРИ:

- контрразведывательный реферат;
- реферат безопасности;
- реферат национальных меньшинств и политики.

Масштабы их оперативной работы были весьма значительны. Например, СРИ ДОК IX в Бресте по состоянию на 30 апреля 1938 года руководил деятельностью 709 агентов и информаторов, из которых 270 числились за пляцувкой в Барановичах, 164 за агентурным постом в Бресте и 117 — за агентурным постом в Седлицах²³³. Соответствующим было и финансирование, распределявшееся, однако, крайне неравномерно. В частности в 1934 — 1935 годах бюджеты Отдельных информационных рефератов составили:

- СРИ ДОК I (Варшава) — 320 тысяч злотых;
- СРИ ДОК II (Люблин) — 96 тысяч злотых;
- СРИ ДОК III (Гродно) — 154 тысячи злотых;
- СРИ ДОК IV (Лодзь) — 108 тысяч злотых;
- СРИ ДОК V (Краков) — 132 тысячи злотых;
- СРИ ДОК VI (Львов) — 108 тысяч злотых;
- СРИ ДОК VII (Познань) — 87 тысяч злотых;
- СРИ ДОК VIII (Торунь) — 105 тысяч злотых;
- СРИ ДОК IX (Брест) — 91 тысяча злотых;
- СРИ ДОК X — (Перемышль) — 72 тысячи злотых;
- СРИ командования флота — 50 тысяч злотых²³⁴.

В результате активных контрразведывательных мероприятий органы безопасности Польши раскрыли немало иностранных агентов, часть из которых являлась довольно крупными. Наиболее известными в этом отношении явились дела по обвинению в шпионаже следующих лиц и групп (некоторые из упомянутых были двойниками и наказания не понесли):

1. В пользу Германии:

- 1925 год — Димитр Волощак и Владимир Пипчинский;
- 1929 год — Максимилиан Пехоцкий и Леон Хафтха;
- 1930 год — Франтишек Йозеф Кемпный;
- 1931 год — Михал Новорыговский;
- 1932 год — Вацлав Снеховский и Янина Витте-Фестенбург;
- 1935 год — Эдита Вихерек;
- 1937 год — Герман Цопфгер и его группа;
- 1938 год — Рудольф Беткер.

2. В пользу Советского Союза:

- 1921 год — Василь Дидушек и Якуб Ковальский;
- 1922 год — Юрий Скугар-Скварский и Стравчинский;
- 1931 год — Петр Демковский;
- 1931 год — Саломея Плис;
- 1932 год — Николай Шиш;
- 1932 год — Петр Ольховик;
- 1933 год — семьи Стефанович и Менделевич;
- 1934 год — Болеслав Багинский, Адам Рорбах и другие.

Перечисленные дела касались наиболее крупных и активных агентов, в целом же число действовавших в стране сетей иностранной агентуры было весьма велико. О действительном масштабе работы советских, германских, литовских и отчасти чехословацких спецслужб можно судить по количеству раскрытых случаев шпионажа:

- 1929 год — 111 уголовных дел на 279 обвиняемых (из них на Германию работали 31 человек, проходившие по 26 делам)²³⁵;
- 1933 год — 50 дел на 118 обвиняемых;
- 1934 год — 38 дел на 74 обвиняемых;

- 1935 год — 36 дел на 79 обвиняемых;
- 1936 год — 44 дела на 63 обвиняемых²³⁶.

К приведенной статистике необходимо относиться с осторожностью. Например, в первой половине 1930-х годов участились случаи арестов за шпионаж в пользу Литвы, причем большинству арестованных предъявлялись обвинения в подготовке террористической деятельности, от взрывов опор линий электропередач до поджогов польских школ. Весьма сомнительно, в частности, что последнее и в самом деле могло входить в намерения литовской разведки, скорее всего, эти пункты обвинения были порождены фантазией следователей.

Крайне сложная оперативная обстановка сложилась в вольном городе Данциге, где германские разведывательные органы действовали довольно свободно и пользовались негласным содействием городского совета. Оживленное перемещение между Данцигом и Гдыней работавших там граждан различных государств польские контрразведчики именовали “гданьской дырой”. Проблема проистекала из особенностей локального пограничного режима, предусматривавшего паспортный контроль только при въезде в Гдыню и на некоторые близлежащие станции. При этом любой человек мог взять в Данциге железнодорожный билет до другого пункта в окрестностях Гдыни и попасть на территорию Польши без всякой проверки. Наряду с неконтролируемым потоком туристов в прибрежных морских прогулках это открывало широкие возможности для инфильтрации вражеской агентуры.

Важным аспектом оперативной работы являлось взаимодействие военных и гражданских контрразведчиков, в частности, в военный период. Еще в 1928 году президент Польши подписал распоряжение, согласно разделу IV которого “в случае полной либо частичной мобилизации или в иных обстоятельствах, при которых в интересах защиты государства Совет министров признает это обязательным, Государственная полиция с момента объявления мобилизации, в соответствии с указанным решением Совета министров, становится... частью вооруженных сил государства и входит в их состав как войсковой корпус службы безопасности”²³⁷. Начальник генштаба отказался давать соответствующие указания войскам из-за неясности со статусом переходящих в армию офицеров полиции, и распоряжение осталось невыполненным. Тем не менее, вопрос нуждался в доведении до логического конца, и в марте 1932 года департамент юстиции министерства военных дел разработал его измененный вариант, устроивший все причастные ведомства.

Для польской военной контрразведки вообще характерно тщательное планирование мобилизационных вопросов. В частности, мобилизационный план 1930-х годов предусматривал трехкратное увеличение ее штатов в угрожаемый период за счет пополнения резервистами. Для обеспечения их быстрого вхождения в курс дела офицеры запаса регулярно стажировались в соответствующих рефератах экспозитур или СРИ. Несмотря на это, многие важнейшие мероприятия с наступлением войны так и остались невыполненными. Мобилизация оперативных органов началась лишь 24 августа 1939 года, то есть с явным опозданием, ее не успели провести даже находившиеся в повышенной готовности СРИ. В результате ячейки внутренних агентурных сетей остались почти без офицерского руководства, что в дальнейшем привело к парализации их деятельности.

Несколько лучшей оказалась ситуация с глубинной (стратегической) разведкой. Такое положение дел в первую очередь явилось следствием удачных структурных изменений II отдела, не столь принципиальных, как в предшествовавшее десятилетие, но все же весьма важных. В центральном аппарате разведывательного отделения IIа появились девять дополнительных должностей оперативных офицеров, а сфера ответственности реферата “Восток” распространилась не только на СССР, но и на другие государства Восточной Европы. В 1935 году технический реферат был выделен из этого же отделения и стал самостоятельным, а вскоре его статус повысился до института. Тогда же III отделение (оценок) было реорганизовано в два отдельных реферата “Россия” и “Германия”. В 1937 году III отделение вновь появилось в составе II отдела, однако теперь уже оно отвечало за саботаж, подрывную деятельность и “черную” пропаганду. Самым важным изменением явилось появление описанного далее Бюро шифров (БШ). Все эти перемены увенчало создание весной 1939 года нового отдельного ситуационного реферата “Германия”, в задачи которого входило отслеживание происходящих в рейхе военно-политических процессов.

В целом к 1939 году система военных оперативных органов Польши состояла из:

- центральной информационно-разведывательной службы (II отдел главного штаба, или центр);

- сети военных атташе;
- II отделов штабов оперативных командований Войска польского;
- периферийных органов ближней разведки и контрразведки (экспозитуры и офицерские постерунки);
- сети закордонных резидентур (пляцувки);
- II (Информационного) отдела министерства военных дел;
- армейских контрразведывательных органов (Отдельные информационные рефераты при командованиях корпусных округов и командования флота);
- Бюро почтовой цензуры;
- территориальных органов радиоразведки;
- сети диверсионных ячеек.

В марте 1939 года II отдел главного штаба был внезапно разделен на два неравных сектора. Первый из них состоял из 20 офицеров, действовал по личным указаниям главнокомандующего и занимался непосредственной подготовкой к ожидавшейся войне. Его работники имели первоочередной доступ к материалам ситуационного реферата “Германия” и формировали агентурные сети военного времени. Остальные сотрудники разведки (свыше 400 офицеров и унтер-офицеров, а также гражданские служащие) работали в обычном режиме по планам мирного времени. Теоретически в случае объявления мобилизации вся разведка вновь должна была стать единой и руководствоваться планами военного времени. Однако такое разделение явилось крайне неудачным шагом. Мало того, что в преддверии войны стратегическая разведка оказалась расколотой надвое, значительно худшим оказалось отсутствие координации между ее различными звеньями. Некоторые подразделения встретили начало боевых действий в высокой степени готовности, тогда как другие даже не приступали к мобилизации. Военные атташе, например, вообще не знали, что им надлежало делать в случае возникновения вооруженного конфликта.

Недостатки в организации разведки в предвоенные месяцы в значительной степени компенсировались успешной работой пляцувок за границей. II отдел развернул в Германии множество нелегальных резидентур, позволивших существенно дополнить систему глубинной разведки с позиций дипломатических представительств. Впечатляет даже неполный список нелегальных пляцувок, иногда классифицируемых как постерунки, и направления их работы: “ДВЗ” (военная промышленность, химическое оружие и советско-германское сотрудничество), “Прокоп” (наступательная контрразведка), “Графф” (гражданские и военные ведомства рейха, наступательная контрразведка), “Алекси” (военная промышленность), “Гамбург” (подготовка офицеров, в особенности пилотов, взаимодействие видов вооруженных сил), “Инга” (военно-учебные заведения), “Пеглау” (центральные органы военного управления), “Алленштайн” (укрепленные районы), “Мариенвердер”, “Лик”, “Бомбей”, “Порт” и “Опфельн” (все — универсальные), “Мюнхен” (разведка на баварском авиазаводе), “Навале” (наступательная контрразведка и освещение структур НСДАП), “Мюллер”, впоследствии “Мадрас” (тяжелая промышленность, таможенные органы), “Бомбей II”, впоследствии “Глифада”, и “Крук”, впоследствии “Бари”, впоследствии “Пласида” (экономическая разведка), “Адриан (вермахт и объекты военной промышленности), “Хакодате” (разведка на юге Германии), “Бильбао” (авиационная промышленность). Точки на территории рейха дополнялись нелегальными пляцувками в третьих странах, также работавшими по германскому направлению: “Саботы” и “Тюльпан” (Голландия), “Оск”, “Эледа”, “Флорида” и “Пистолет” (Австрия), “Мартель”, “Родан”, “Зулу”, “Б” и “Лекомт” (Франция), “Карлос” (Испания), “Олаф” (Чехословакия), “Юр” (Венгрия), “Кристина” (Швеция). Кроме того, немцев в Польше разрабатывала внутренняя нелегальная пляцувка “Феррум”. Исследователи полагают, что накануне войны информация поляков о Германии соответствовала действительности примерно на 80%.

В немалой степени это являлось результатом использования технических средств, к концу 1930-х годов выдвинувшихся на первое место и вытеснивших с него агентурную разведку. Агентура считалась наиболее надежным средством сбора информации о противнике лишь в полосе предполья, причем армейские органы не имели условий для создания собственных сетей. Приграничные агентурные операции в 1938 году обошлись полякам в 300 тысяч злотых, что составляло 6% общего бюджета II отдела²³⁸. Значительно более важную роль в системе польской разведки играли радиоразведка и криптоанализ. За это направление отвечало Бюро шифров (БШ), первым руководителем которого являлся майор Франтишек

Покорный. Оно было образовано на базе криптографического отдела “Р” и располагало четырьмя пунктами перехвата в Варшаве, Старограде (“Данцигский коридор”), Креславице (пригород Кракова) и Познани (экспериментальный пункт). В 1931 году Бюро шифров подверглось разделению на четыре реферата:

- БШ-1 — составление кодов и шифров;
- БШ-2 — радиоразведка (перехват и пеленгация всех радиостанций, за исключением германских и советских);
- БШ-3 — перехват, криптоанализ и радиоконтрразведка (советское направление);
- БШ-4 — перехват, криптоанализ и радиоконтрразведка (германское направление).

Первоначально в течение некоторого времени функции рефератов несколько отличались от указанных. Новым начальником БШ стал майор Гвидо Лангер.

Ко второй половине 1930-х годов в Польше была уже довольно глубоко разработана теория разведывательной работы. В ее основе лежала французская система, дополненная собственным опытом, а также практикой советской разведки в доступном на тот момент объеме. В результате в предвоенный период польская разведка действовала на основе тщательно разработанных наставлений, в совокупности составлявших единую систему²³⁹. Поляки различали ведение разведки в мирное время, в переходный к войне период и в военное время. В отличие от некоторых других иностранных спецслужб, II отдел обращал значительное внимание на работу именно в мирное время и выделял в ней четыре так называемых предмета: географический, хозяйственный, оперативный и политический.

Под географическим предметом разведки понималась вся совокупность линий и направлений разведывательной работы по изучению территории иностранных государств, продуктом которой являлись карты и военно-географические описания будущих ТВД.

Хозяйственный предмет включал в себя изучение промышленного и сельскохозяйственного производств, а также иных отраслей экономики иностранных государств. Его проводили раздельно по двум основным направлениям, выявлявшим наличие различного рода военных запасов и возможность их производства в условиях войны. По этим двум факторам определялась степень готовности потенциального противника к немедленной войне и его способность выдержать длительные боевые действия. Изучение экономики проводилось как по открытым источникам, так и агентурно-оперативными методами по четырем основополагающим отраслям:

- а) Сельское хозяйство. Термин понимался расширительно и включал в себя не только производство продукции земледелия и животноводства, но и пищевую промышленность, а также наличие стратегических запасов продовольствия. В процессе сбора информации в первую очередь следовало выяснить степень обеспечения страны собственной продукцией, зависимость от импортных поставок и иностранных рынков сбыта, распределение производства продовольствия по различным регионам.
- б) Промышленность. Понятие также трактовалось расширительно и включало в себя оценку залежей полезных ископаемых. Изучению подлежали их добыча, зависимость от ввоза ископаемых и сырья, обеспеченность электрической энергией, дислокация и состояние крупных предприятий, их продукция, себестоимость производства, распределение производства по секторам и группам, влияние иностранного капитала, возможность мобилизации промышленности и прочие примыкающие к этому вопросы.
- в) Торговля. В этой группе рассматривался валовой торговый оборот государства, в том числе внешнеторговый, его структура, превышение актива над пассивом или наоборот, основные внешнеторговые партнеры страны, тоннаж ее торгового флота, фрахтовая политика и другие аналогичные направления.
- г) Финансы. Изучению подлежали общее состояние финансов государства, устойчивость его валюты, наличие и размеры золотого запаса и иных активов, влияние иностранного капитала, налоговая политика, а также определялась наибольшая допустимая часть национального дохода, направляемая на военные нужды.

Оперативный предмет касался исключительно военных вопросов. Разведка должна была выявлять основные положения военной доктрины государства, устанавливать структуру, принципы комплектования и организацию его вооруженных сил, их мобилизационные планы и возможности, дислокацию, вооружение и оснащение войск, общее состояние военной мысли и уровень развития военной техники, стратегические, оперативные и тактиче-

кие взгляды штабов и командования, место вооруженных сил в общей политической системе государства, внутренние проблемы армии, в том числе взаимоотношения офицерского и рядового состава и многое другое.

Политический предмет изучал общее состояние общества, его монолитность, социальное и национальное расслоение, внутреннюю и внешнюю политику государства, структуру аппарата управления, возможных союзников и противников, уязвимые места и прочее.

Освещение всех перечисленных вопросов являлось серьезной задачей, требовавшей многолетней работы с целью отслеживания динамики различных факторов. Решить ее можно было только в спокойных условиях мирного времени, зато в переходный к войне период задачи разведки заметно сужались. Первоочередной задачей, естественно, являлось отслеживание хода мобилизации противника, а также его внешнеполитических действий. В этот период перед разведкой стояла и другая, сугубо внутренняя задача. Ее линейные органы пополнялись по штатам военного времени, поэтому II отдел должен был руководить мобилизацией собственных подчиненных структур в штабах соединений, частей и подразделений различного уровня.

В военное время разведка прежде всего занималась установлением состава сил противника, выявлением его действий и намерений. Изучению военного производства и других вопросов экономики уделялось значительно меньшее внимание, поскольку предполагалось, что они вряд ли будут находиться в пределах досягаемости польской разведки. Основной упор делался на тактическую и оперативную разведку, в которой неоправданно большое значение придавалось кавалерийским частям. Для них устанавливалось три глубины за линией фронта: до 15 километров (тактическая разведка), от 25 до 30 километров (оперативно-тактическая) и до 50 километров (оперативная). По значимости конница находилась на втором месте в списке сил и средств разведки после авиации. Далее по степени убывания важности шли пешие разведывательные дозоры, артиллерийская инструментальная разведка, радиоперехват и прослушивание телефонных линий противника, визуальная разведка, инженерная разведка, химическая разведка, допросы и опросы пленных, перебежчиков и гражданского населения, изучение захваченных документов, агентурная разведка и цензура.

Как явствует из приведенного списка, агентурная разведка в военное время считалась в Польше малоэффективной, однако это не означает, что на нее не обращалось самое серьезное внимание. С каждым из агентов предписывалось работать индивидуально, перед заброской через линию фронта проводить им инструктаж, а вернувшихся с ценными сведениями достойно вознаграждать. Особое внимание обращалось на недопустимость для агентов примешивать свое субъективное мнение к добытым фактам и давать им какие-либо оценки. Поляки явно ограничивали агентуру военного времени в самостоятельности, поскольку полагали, что обоснованное суждение способны вынести только прошедшие специальное обучение офицеры или унтер-офицеры регулярных войск. Впоследствии это оказалось ахиллесовой пятой польской разведки, однако она достаточно быстро смогла перестроиться и начала воспринимать своих гражданских агентов иначе. Другим слабым местом теоретических построений II отдела и их практического воплощения в предвоенный период оказалось практически полное игнорирование возможностей агентурной радиосвязи. Рациями не снабжались даже агенты в нейтральных странах, а материалы от них планировалось получать с помощью специальных курьеров, в письмах на конспиративные адреса, через моряков торгового флота и даже с помощью условных объявлений в газетах. Ввиду этого операторы агентурных радиопередатчиков в Польше готовились в крайне незначительном количестве и оказались впоследствии самой дефицитной разведывательной специальностью.

Основным противником Польши являлся Третий рейх, в планах которого страна играла заметную роль, поэтому АСТ-Кенигсберг и АСТ-Штеттин в значительной степени специализировались на проведении работы против нее. Особенно активизировалась эта деятельность после прихода к руководству абвером Канариса, и уже в январе 1936 года его агенты сумели внедриться в польский главный штаб. Во второй половине 1930-х годов спецслужбы Германии опирались на множество проживавших в приграничных районах этнических немцев, которых польские власти серьезно притесняли и дискриминировали. Это естественным образом создавало из фольксдойче вербовочную базу для германской разведки, в полной мере использовавшей такую политику Варшавы по отношению к национальным меньшинствам. На множестве польских объектов германская разведка создала законсервированную до на-

чала боевых действий так называемую “сеть прикрытия”. Весь этот разветвленный аппарат обеспечивал рейху сильные агентурные позиции в Польше, в основном использовавшиеся для обеспечения вермахта оперативной информацией в наступлении. Страна представляла собой ближайший и непосредственный объект для всех германских спецслужб, особенно для абвера и ФОМИ, осуществивших немало удачных вербовок польских офицеров и государственных служащих. В целом оперативные достижения немцев в Польше можно оценить весьма высоко. Местная контрразведка регулярно обезвреживала как отдельных агентов, так и их сети, однако в целом страна являлась для руководства рейха достаточно “прозрачной”. Начавшиеся в сентябре 1939 года боевые действия доказали высокий профессионализм абвера, сумевшего добыть вполне достоверную информацию по оборонному потенциалу и вооруженным силам противника.

Первоначально Германия неоднократно пыталась привлечь Польшу на свою сторону, но варшавское руководство строго соблюдало принцип “равного удаления”. Оно уравнило подписанную в январе 1934 года сроком на 10 лет польско-германскую декларацию о ненападении аналогичным договором с СССР. После захвата рейхом Судетской области Чехословакии Варшава в октябре 1938 года воспользовалась возникшей ситуацией и под предлогом восстановления исторической справедливости и воссоединения с родиной живших в Тешинской области этнических поляков оккупировала ее. Месяц спустя вдохновленный бескровной победой над ЧСР Гитлер начал предъявлять серьезные претензии уже к Польше. Опираясь на набравший мощь вермахт, фюрер потребовал возврата Данцига, предоставления экстерриториальности идущим через территорию Польши в Восточную Пруссию железнодорожной и автомобильной магистралям и взаимодействия с рейхом в рамках Антикоминтерновского пакта. Ситуация весьма обострилась, и в марте 1939 года Великобритания заявила о своих гарантиях независимости для Польши. Через месяц Германия в одностороннем порядке денонсировала декларацию о ненападении, а 11 апреля 1939 года Гитлер утвердил план нападения на Польшу “Вайсс”. В Варшаве отнеслись к признакам надвигающейся угрозы достаточно спокойно, поскольку полностью полагалось на данные англичанами и французами гарантии. Печальный пример преданной и брошенной на произвол судьбы Чехословакии не научил ее ничему.

Польское правительство по-прежнему, и, надо заметить, вполне обоснованно опасалось как Германии, так и СССР. Польская коммунистическая партия уже была распущена Коминтерном по обвинению в инфильтрации в нее агентов контрразведки еще в 1938 году, но это не успокоило власти. Даже перед лицом явной германской угрозы Варшава отказалась подтвердить пропуск советских войск для оказания противодействия вермахту, как это предлагала делегация СССР на трехсторонних переговорах в Москве в апреле — августе 1939 года. Польское руководство было уверено, что в этом случае страну ждет неминуемая советская оккупация, и не считало ее меньшим злом по сравнению с немецкой.

Опасения в отношении СССР имели под собой реальную почву и питались вполне конкретными фактами осуществлявшейся против Польши тайной войны, в которой поляки иногда выходили победителями. Например, при ликвидации в июле 1933 года контрреволюционной организации “Белорусский национальный центр” (БНЦ) ОГПУ совершенно случайно установило, что в 1932 году польская разведка перевербовала нескольких входивших в состав БНЦ сотрудников 4-го отдела штаба Белорусского военного округа. Однако, безусловно, это явилось лишь неизбежным в войне разведок эпизодом. По мере приближения войны и подписания секретных дополнительных протоколов к заключенному 23 августа 1939 года советско-германскому пакту о ненападении, устанавливавших линию будущего раздела Польши примерно по рубежам рек Нарев, Висла и Сан, агентурная активность СССР на польской территории заметно возросла. Особенно активизировались пограничная разведка и оперативная разведка приграничных округов, целью которых стало обеспечение захвата Красной Армией восточных районов страны. Внешняя разведка НКВД делала основной упор на приобретение источников в среде украинской и белорусской диаспоры на территории Польши и готовилась к установлению советского контроля на подлежащих отторжению землях. Однако всем им было далеко до планомерного немецкого охвата объектов и территорий, с которым не успевала справляться местная контрразведка. Мало помогло и ужесточение пограничного режима, поскольку основная масса агентуры уже была внедрена на объекты, и сети действовали в автономном режиме.

В преддверии войны поляки уделяли большое внимание криптоанализу. Как уже упоминалось, их специалисты первыми начали работу по дешифровке переписки, закрытой с помощью германской шифровальной машины “Энигма”. Вначале они не знали о ней вообще ничего и полагали, что перехватываемые огромные массивы непонятных сочетаний букв не несут в себе никакого смысла и являются “пустышками”, которые немцы используют для направления по ложному следу криптоаналитиков противника. Такой вывод был сделан после длительных и тщательных исследований текстов, не выявивших и намека на повторяющийся ключ даже в самых длинных радиограммах. Однако через некоторое время специалисты Бюро шифров заметили явную тенденцию к сокращению знакомых им криптографических систем и к одновременному росту количества сообщений нового типа, после чего им стало ясно, что они столкнулись с машинным шифром, не использующим повторяющуюся гамму. Существовавшими средствами вскрыть его было невозможно.

Собственно, механические шифраторы не являлись чем-то новым и были известны с древнейших времен. Криптоаналитическая стойкость немецкой машины обуславливалась тем, что в действительности она представляла собой не просто механическое, а электромеханическое устройство, прототип которого еще в 1919 году создал, запатентовал и построил голландец Гуго Александр Кох. Изобретатель вовсе не собирался предлагать шифратор государственным учреждениям, а создавал его в расчете на коммерческое использование, однако, несмотря на помощь Венского института криминологии, поступления ожидаемых заказов так и не произошло. Отчасти это вызвано громоздкостью машины и неудобством работы с ней, но главной причиной явился спад экономики, не позволявший предпринимателям тратить деньги на закупку подобного оборудования. Проведенная Кохом широкая рекламная кампания лишь поглотила немалые средства, однако результатов не дала, и тогда разочарованный изобретатель за бесценок продал свой патент № 10700 инженеру Артуру Шербиусу, партнеру компании “Шербиус & Риттер”. Тот не просто купил его, но подверг конструкцию всесторонним испытаниям и сумел значительно улучшить ее.

Усовершенствованный шифратор представлял собой электрическую дисковую шифровальную машину со счетчиковым движением дисков, иначе именуемых роторами. Они являлись главным элементом устройства, находились на одной оси и состояли из колец с 26 буквами, располагавшимися на их левой и правой сторонах. Парные буквы ротора соединялись между собой проводами в произвольно выбранном, но в дальнейшем не изменявшемся порядке. Таким образом, контакту, относившемуся к каждой из 26 букв на одной стороне ротора, соответствовал электрический контакт и такая же буква на другой его стороне. Кроме роторов, шифраторы имели клавиатуру и ламповую панель, на которой располагались 26 ламп, соответствовавших буквам алфавита. При введении в машину открытого текста шифратор считывал электрический сигнал с контакта соответствующей клавиши, после чего через общую шину по проводам ток поступал на первый справа ротор, выходил с другой его стороны в соответствии с соединением проводов, проходил через два других ротора и поступал на специальное устройство под названием “рефлектор”, служившее для возврата сигнала на роторы в обратном порядке, но со сдвигом на определенное количество букв. Затем ток поступал на ламповую панель, где высвечивалось зашифрованное значение буквы. После этого первый ротор проворачивался на один шаг, и следующая введенная в машину буква шифровалась уже в соответствии с изменившимся взаимным расположением контактов. После введения первых 26 символов первый ротор совершал полный оборот, второй перемещался на один шаг, в свою очередь это же повторялось и с третьим ротором. Такая конструкция позволяла перейти от одноалфавитной к многоалфавитной системе шифрования, поскольку по мере нажатия каждой очередной клавиши каждый алфавит шифровался заново. “Рефлектор” отключал контакт на ламповой панели, совпадавший с введенной буквой исходного текста, поэтому выбранный машиной символ не мог совпасть с исходным. Такое устройство предохраняло букву от шифрования ей же самой, то есть машина выбирала не из 26, а из 25 оставшихся букв алфавита. Это было сделано для затруднения дешифрования, а также для того, чтобы даже по совершенно невероятному совпадению шифратор не выдал совпадающие с открытым текстом связные слова. В результате первоначальная версия трехроторной машины позволяла получить $26 \times 26 \times 26 = 17576$ возможных перестановок каждой буквы. Позднее Шербиус предусмотрел простую возможность вынимать роторы и менять их местами в шести возможных комбинациях, после чего степень секретности возросла до $17576 \times 6 = 105456$. Шифратор одновременно являлся и не требующим специальной

перенастройки дешифратором. При вводе в машину зашифрованного текста и сохранении установки роторов с ламповой панели считывался открытый текст, поэтому для прочтения шифровки оператору принимающей машины достаточно было просто установить роторы в соответствующее начальное положение. Ключи к сообщению, указывающие на взаимное расположение роторов и их установку, передавались в виде трехбуквенных сочетаний в начале каждого сообщения и позволяли настроить машину для дешифровки.

Новый владелец патента по-прежнему делал ставку на использование шифратора в коммерческих целях. Произведенные компанией “Гевертшафт Секуритас” машины широко предлагались на открытом рынке под названием “Энигма” (“Загадка”), но этим их применение не ограничилось. В 1925 году один экземпляр шифратора тайно приобрел германский военно-морской флот. Моряки испытали его и нашли недостаточно надежным, после чего потребовали увеличить число роторов до семи или даже до десяти. Шербиус в течение одного часа произвел соответствующие подсчеты и сообщил, что 7-роторная машина позволит достичь 6 миллиардов комбинаций, а 10-роторная — 100 триллионов. Он указал, что даже в случае 8-роторной “Энигмы”, если противник сумеет добыть ее экземпляр, но не будет иметь ключей, путем последовательного подбора установок тысяча операторов, работая круглые сутки без перерывов, затратят для отыскания ключа четырнадцать с половиной лет. Шербиус согласился с необходимостью повысить секретность и усовершенствовал коммерческую машины до военного варианта. Он снабдил его коммуникационным устройством, так называемой штепсельной панелью, устанавливавшейся между последним ротором и ламповой панелью. В ней имелись пары тех же 26 буквенных контактов, соединенные между собой шнурами со штепселями. Таким образом, выходные параметры сигнала изменялись в зависимости от установки штепселей, являвшейся дополнительным ключом и также передававшейся в начале сообщения. Теперь “Энигма” позволяла достичь степени секретности в 10 квадриллионов комбинаций, и тем же условным операторам из примера Шербиуса для последовательного подбора ключей потребовалось бы 900 миллионов лет. Секретность переписки обеспечивалась порядком расположения роторов на оси, установкой их колец с буквами и заданной комбинацией на штепсельной панели. Такой вариант шифратора уже вполне устроил моряков. Они убедились, что даже захваченный экземпляр машины совершенно бесполезен для противника, не имеющего изменявшихся ежедневно и державшихся в строжайшем секрете ключей. Каждому оператору в закодированном виде сообщался его конкретный ключ, так что он всегда знал, свое ли сообщение принимает, поскольку дешифровать чужие просто не мог. Кроме того, в виде дополнительной меры предосторожности флот потребовал сохранять в секрете сам факт приобретения им “Энигмы”. Три года спустя его примеру последовал и рейхсвер.

Следует отметить, что немцы не обладали монополией на электромеханические шифраторы. В 1918 году аналогичную машину изобрел американец Хью Хеберн, а годом позже и швед Герхард Дамм, компанию которого затем перекупил швейцарец Борис Цезарь Вильгельм Хагелин. Этот последний даже организовал производство своих машин, но все они были несовершенны и не достигали уровня, достигнутого Кохом и Шербиусом. Британская разведка обратила внимание на рекламировавшуюся в коммерческих изданиях “Энигму”, однако попытка приобрести хотя бы один образец не увенчалась успехом. Правительство уже запретило Шербиусу продажу машин, а реклама пока продолжалась, чтобы своим внезапным исчезновением не привлечь внимание потенциальных противников Германии. Возможным покупателям просто вежливо отказывали, ссылаясь на временное отсутствие свободных шифраторов и трудности производства.

Немцы создали достаточно совершенную систему шифрованной связи, общее количество возможных ключей к которой после модификации 1930 года и введения штепсельной панели исчислялось 10 в 91 степени. К 1935 году во всех видах вооруженных сил и разведывательных службах Германии уже насчитывалось свыше 20 тысяч шифраторов “Энигма”, причем все они использовали различное расположение роторов и конфигурации штепсельной панели. Регулярно сменялись ключи. С 1938 года “Энигма” получила два дополнительных ротора, еще более повысивших стойкость шифра благодаря возможным теперь 11881376 сочетаниям. На практике из пяти имевшихся роторов при каждом новом использовании выбирались произвольные три, а в подводном флоте — четыре. Для повышения криптографической стойкости все сообщения разбивались на группы, не превышавшие 200 символов, каждая из них шифровалась отдельным ключом, а перед шифрованием документы закры-

вались кодированием. Все принятые меры давали немцам немалые основания считать свои линии связи вполне защищенными, но практически это оказалось не так.

До сих пор достоверно неизвестно, как именно польская разведка впервые сумела установить сам факт использования германскими вооруженными силами машины “Энигма”. Одна из версий гласит, что впервые о ней сообщил эмигрировавший в Варшаву из Германии инженер-математик, польский еврей, известный под псевдонимом Р. Левинский, до прихода к власти НСДАП занимавшийся в Берлине работами, связанными с проектом “Энигма”. Нацисты опрометчиво выгнали его из страны, и носитель секрета очутился в Варшаве без средств к существованию, зато с ценной информацией, которую предложил передать англичанам за 10 тысяч фунтов и вид на жительство во Франции. Приверженцы этой версии считают, что поляк пошел на контакт с СИС по прямому указанию польской разведки, вначале пытавшейся самостоятельно разработать систему вскрытия шифров “Энигмы”. Однако ее руководители объективно оценили относительно скромные финансовые возможности своей службы и поняли, что имевшихся в их распоряжении сил и средств недостаточно для решения столь серьезной проблемы.

Приведенная версия имеет достаточно широкое хождение, но, судя по всему, страдает излишней поверхностностью. Существует несколько других предположений о путях, которыми поляки получили сведения об устройстве шифратора. Согласно одному из них, агенты II отдела просто подкупили кого-то в службе связи рейхсвера, а затем, на основании полученной от него информации, сумели выйти на персонал завода-производителя “Энигм”. Другая версия гласит, что однажды коммерческая версия шифратора была отправлена из Берлина дипломатической почтой в посольство Германии в Варшаве, и разведка на два дня получила ее в свое распоряжение. Имеется и несколько измененный вариант этого предположения, гласящий, что немцы по ошибке отправили “Энигму” обычной почтой, притом совершенно не по тому адресу, но затем спохватились и попросили поляков вернуть ее обратно. Тревога отправителя по поводу своего имущества явилась достаточным основанием для более близкого знакомства с ним, после чего Бюро шифров смогло тщательно изучить машину.

Независимо от деталей предыстории, к началу 1930-х годов поляки сумели воссоздать схему “Энигмы”, что, однако, не приблизило их к прочтению закрытых с ее помощью сообщений. В результате многочисленных попыток дешифрования в 1932 году выявилась необходимость укомплектовать Бюро шифров профессиональными математиками. Ранее, в 1929 году, директор Математического института Познанского университета профессор Здислав Кричевский в сотрудничестве с БШ отобрал свободно владевших немецким языком студентов 3 — 4 курсов, в основном уроженцев территорий, вошедших в состав Польши в результате подписания Версальского мирного договора. После нескольких этапов предварительного отбора с молодыми людьми провели соответствующие беседы майор Франтишек Покорный и его заместитель лейтенант Максимилиан Цезкий, первоначально не раскрывшие свою принадлежность к разведке. Они окончательно оценили кандидатов и предложили двадцати из них пройти обучение на открывающемся дополнительном курсе криптологии, предварительно предупредив их о том, что следует хранить в секрете как факт их обучения там, так и факт самого существования подобного курса. Заниматься предстояло без отрыва от основного обучения математике дважды в неделю по вечерам, что создало немалую дополнительную нагрузку. Преподавали предмет приезжавшие из Варшавы криптоаналитики

Мариан Реевский

Ежи Розицкий

Хенрик Зигальский

реферата БШ-4. В процессе обучения наиболее отличились Мариан Реевский, Ежи Розицкий и Хенрик Зигальский, а также пятеро других, в дальнейшем принятых на службу в германский отдел Бюро шифров. Первоначально их направили в пункт перехвата в Познани, но после закрытия этой экспериментальной точки с 1 сентября 1932 года Реевский, Розицкий и Зигальский перешли в центральный аппарат БШ в Варшаве.

Вначале они раскрывали простые немашинные коды ВМС Германии, однако такое применение математиков было неразумным расточительством. Поскольку в кодах цифро-группы заменяют не буквы, а целые слова или их сочетания, такая работа является скорее уделом лингвистов. Тем не менее, некоторое время спустя к молодым криптоаналитикам пришел первый успех. Позднее майор Лангер полностью сориентировал их на вскрытие “Энигмы”, натурный экземпляр которой к этому времени уже успели реконструировать. Интересно, что первоначальным побудительным мотивом, заставившим поляков бросить свои лучшие силы на вскрытие германских машинных шифров, стала попытка Варшавы добыть таким путем доказательства участия СССР в подготовке германской армии к войне в нарушение Версальского договора. Из этого источника действительно была получена некоторая информация, но из опасения скомпрометировать свой метод дешифрования польское правительство никогда не использовало ее.

Первые успехи стали обозначаться в январе 1933 года, однако они относились к простейшим коммерческим “Эниграм” без штепсельной панели и с постоянным взаимным расположением роторов, для получения ключей к которым требовалось просто определить начальную установку машины. За отправную точку поляки взяли уже известный им принцип, согласно которому ни одна буква при шифровании не могла остаться неизменной. Значительную помощь оказали случайные ошибки немецких операторов, а также полученная агентурным путем информация об использовании буквы “X” для обозначения пробелов между словами. Распространенная стандартная адресация сообщения “Генералу...” в открытом тексте выглядела как “ANXGENERAL...”, что уже давало некоторый ориентир. Однако дело подвигалось крайне медленно, некоторый толчок ему дало лишь установление того факта, что две первые трехбуквенные комбинации несли в себе зашифрованный ключ к тексту на конкретный день. Это выяснилось после сплошной обработки всех перехваченных в течение суток сообщений и стало подлинным открытием, заложившим основы всей позднейшей системы прочтения зашифрованной с помощью “Энигмы” переписки.

Поскольку соотношение входного и выходного параметра каждого применявшегося в тот период ротора было известно, Реевский решил сосредоточиться на вскрытии условной группы (преамбулы), содержащей ключевые установки машины. Методы линейной алгебры помогли ему определить теоретический путь решения задачи, облегчавшийся некоторыми субъективными факторами. Период с 1933 по 1935 годы историки криптографии считают первым периодом “дуэли” реферата БШ-4 с бюро “Ши”, в течение которого немцы допускали массу промахов. Еще не была разработана совершенная процедура шифрования, и операторы зачастую использовали простейшие и легко предсказуемые установки роторов из трех одинаковых букв, а также линейные, вертикальные или диагональные комбинации букв в соответствии с расположением на клавиатуре соответствующих им клавиш. В феврале 1933 года Бюро шифров заказало 15 копий “Энигмы” в варшавской компании АВА, одном из первых польских предприятий, применявших высокие по тому времени технологии. К середине следующего года шифраторы были готовы, а всего до начала войны поляки изготовили около 70 таких машин. Вначале Реевский с коллегами просто подбирал вручную все 17576 возможных комбинаций начальной установки роторов, но такая методика лишала эту работу практического смысла и переводила ее в разряд научного исследования. Уже через несколько часов шифровальщики стирали пальцы в кровь, достигая успеха лишь изредка. Вскоре они заметили, что в силу указанных ранее причин число начальных установок было конечным и не превышало 263, что несколько упростило процесс. Тем не менее, стало очевидным, что без машинных методов дешифровки вскрытие “Энигмы” затянется на недопустимо долгий срок, превышающий человеческие возможности. Реевский сумел механизировать процесс и объединил два комплекта роторов “Энигмы” на одном общем валу, вращавшимся с помощью электромотора. Это названное циклометром устройство значительно облегчило работу по отысканию ключей, в особенности после того, как Розицкий дополнил его так называемыми “часами”, позволявшими определять установку одного

из роторов. В течение первого периода негласной дуэли германских шифровальщиков и их польских противников перевес оказался на стороне поляков.

В 1936 году немцы обратили серьезное внимание на процедуру шифрования и организацию работы операторов “Энигм”. Исключение простых комбинаций начальных установок немедленно затруднило применение циклометра. В течение некоторого времени поляки справлялись с ситуацией и даже несколько продвинулись вперед, но 2 ноября 1937 года дальнейшее развитие процедуры шифрования свело наметившийся прогресс БШ на нет. Теперь начальная установка роторов изменялась с каждым новым сообщением, а содержащая индикатор к тексту условная группа из шестизначной стала девятизначной. Однако довольно быстро Реевский пришел к заключению, что принципиально это ничего не меняет. Поскольку немцы, как ни странно, использовали в роторах строгий алфавитный порядок букв, то относительное расположение символов зашифрованного текста оставалось таким же, как и в открытом. Для прочтения сообщения по-прежнему требовалось лишь определить содержащиеся в условной группе начальные установки машины. Естественно, сложность и трудоемкость процедуры после германских усовершенствований 1937 года многократно возросла, и циклометры уже не могли использоваться столь же эффективно, как и раньше. Поэтому Реевский пошел по пути создания так называемой “Бомбы” — электромеханического устройства для определения установки ключей, которые многие историки ошибочно смешивают с циклометром. Обиходное название прибора возникло из-за того, что при работе его контакты щелкали и вызывали ассоциации с работой часового механизма бомбы замедленного действия. Дешифратор был готов к ноябрю 1938 года и представлял собой три пары последовательно соединенных копий “Энигмы”, перебиравших все возможные комбинации букв до тех пор, пока на входе и выходе устройства не оказывалась одна и та же буква. Первые “Энигмы” в парах устанавливались в позиции, соответствовавшие 1-й, 2-й и 3-й буквам индикатора, вторые же — со смещением на три буквы (4-я, 5-я и 6-я). При достижении верного сочетания ток проходил последовательно по роторам всех шести машин, включался световой сигнал, и вращение прекращалось. Таким способом определялись подлинные буквы индикатора, служившие установкой для копии “Энигмы”, в которую вводилась перехваченная шифровка. Если в результате получался связный текст, работа дешифровальщиков заканчивалась, в противном случае “Бомба” запускалась вновь в поисках очередного совпадения.

Несколько иной путь к решению этой задачи нашел Зигальский. Используя те же математические методы линейной алгебры, он разработал систему, основанную на так называемых “листах Зигальского” — перфокартах, накладывавшихся друг на друга на специальном освещенном снизу прозрачном столе. Полный каталог перфокарт соответствовал 105456 возможным комбинациям, получавшимся в результате 6 вариантов взаимного расположения роторов, каждая из которых содержала 17576 вариантов их начальной установки. Листы соответствовали возможным вариантам следования букв одна за другой при начальной букве от А до Z. Перфокарты изготавливались на каждую установку левого ротора ($6 \cdot 26 = 156$), в каждом из них содержалось $26 \cdot 26 = 676$ отдельных позиций, обозначенных отверстиями. По горизонтальной оси откладывались начальные установки среднего ротора, по вертикальной — правого. Когда в результате наложения всей стопки отверстия совмещались, то просвечивавший через них свет показывал совпадения, обозначавшие возможную первую установку машины. Далее она проверялась на копии “Энигмы” по связности полученного текста, как и в случае с использованием “Бомбы”. Необходимо было иметь 6 комплектов таких перфокарт, аналогично числу шифраторов в “Бомбе”. Изготовление “листов Зигальского” являлось крайне трудоемкой процедурой. Из соображений секретности ее нельзя было поручить ни одной фирме, поэтому криптографы самостоятельно не только рассчитали до миллиметра положение отверстий, но и вырезали их вручную с помощью лезвия бритвы.

Следует отметить, что и “листы Зигальского”, и “Бомба” могли применяться при двух возможных вариантах преамбулы. Если индикатор содержал повторяющиеся буквы, то число возможных перестановок было относительно невелико и требуемое для его вскрытия время не превышало 100 — 150 минут, в противном же случае прочтение даже одной радиограммы могло затянуться на неопределенно долгий срок. Последовавший вскоре ввод в систему шифрования штепсельной панели привел к тому, что даже в первом случае эти способы стали непригодны в прежнем виде, их требовалось срочно улучшать. Они позволяли вскрыть установки “Энигмы” лишь тогда, когда повторявшийся символ не приходился

на одну из переставленных с помощью штепсельной панели букв, если же это было не так, прочесть текст оказывалось практически невозможно. Для действительно быстрой дешифровки желательнее было установить по одной “Бомбе” на каждую позицию ротора, а такого количества машин польская промышленность освоить не могла, тем более что производить их необходимо было в строгом секрете. Поляки заказали компании АВА шесть дешифраторов и ожидали их получения. К этому времени Зигальский успел изготовить 52 листа своих перфокарт, покрывавших две из шести возможных позиций роторов, но 15 декабря 1938 года произошло событие, которое свело работу Бюро шифров по вскрытию “Энигмы” почти к нулю. Немцы ввели два новых ротора, после чего число их возможных комбинаций возросло с 6 до 60. Это означало, что теперь требуемое количество добавочных “листов Зигальского” возросло до 1500, а “Бомб” нужно было уже 60. Вырезание такого количества перфокарт вручную являлось совершенно нереальной задачей, так же можно было оценить и ситуацию с изготовлением “Бомб”. Второй этап “дуэли” польских криптоаналитиков с немцами закончился и наступил следующий, значительно менее успешный для специалистов БШ. Теперь они могли пытаться читать германскую переписку лишь раз в шесть дней, когда установки роторов совпадали с имевшимися у них ресурсами. Дополнительно заказать 54 дешифратора, общая стоимость которых должна была составить полтора миллиона злотых (350 тысяч долларов), оказалось не под силу польской экономике. А ведь после отыскания ключей сообщения нужно было дешифровать опять-таки на “Энигмах”, то есть нужны были еще дополнительные, и немалые затраты. Последний удар по планам Бюро шифров был нанесен 1 января 1939 года, когда немцы довели число соединений на штепсельной панели до 16, после чего вероятность вскрытия индикаторов стала пренебрежимо мала. Лишь СД до 1 ноября 1939 года не переходила на новую процедуру шифрования, что позволило по-прежнему читать ее переписку. “Энигма” превзошла ограниченные ресурсы Бюро шифров, к тому же изначально ориентировавшегося лишь на индикаторы с двойной перешифровкой и повторявшимися буквами. Новое поколение шифраторов оказалось сильнее, однако метод поляков доказал свою практическую пригодность и проложил дорогу их более мощным в финансовом и промышленном отношении союзникам.

Таковыми для Польши могли являться французы или англичане. Первый контакт в этой области произошел еще в 1932 году, когда заместитель руководителя криптографического отделения “Д” французской Службы разведки Густав Бертран, впоследствии ставший бригадным генералом, с 7 по 11 декабря находился в польской столице с рабочим визитом. Следует оценить смелость этого шага, сделанного в условиях не слишком хороших в тот момент отношений между Парижем и Варшавой. В случае огласки своей поездки криптоаналитик рисковал по возвращении попасть в тюрьму за государственную измену, однако он видел насущную необходимость в сотрудничестве и сознательно пошел на риск. Существует версия, согласно которой Бертран уже тогда передал Польше полученную от агента в ФА часть документации по машине, однако ее достоверность вызывает сомнения. Второй визит Бертрана, на этот раз в звании подполковника и статусе руководителя французских криптоаналитиков, состоялся в мае 1938 года. Тогда он посетил расположенный в лесу недалеко от Варшавы новый центр польской радиоразведки “Вишер”, не имевший себе равных по защищенности и удобству для работы. Все его сооружения представляли собой благоустроенные бункеры, оказавшиеся совершенно бесполезными в сентябре 1939 года из-за отступления армии под ударами вермахта.

Следующая, на этот раз трехсторонняя встреча криптоаналитиков прошла в Париже, где с 9 по 10 января 1939 года совещались англичане, французы и поляки. Они не договорились ни о чем существенном, однако стремительно ухудшавшаяся обстановка уже через полгода заставила всех отнестись к проблеме “Энигмы” иначе. В середине июля 1939 года начальник польского генерального штаба Вацлав Сташевич санкционировал передачу возможным союзникам в будущей войне всех имевшихся материалов по германским шифраторам. И в период с 14 по 26 июля в Варшаву прибыли от секции “Д” СР Густав Бертран и капитан Анри Бракени, от ПШКШ — Эллистер Деннистон и Альфред Диллуин Нокс, а также некий “профессор Сэндвич”. По мнению некоторых исследователей, им был заместитель начальника СИС Стюарт Мензис, приехавший под прикрытием должности профессора Оксфордского университета, однако, скорее всего, фамилия третьего участника делегации была подлинной, и им являлся капитан 2-го ранга Хэмфри Сэндич из разведки Адмиралтейства. Поляки передали прибывшим делегациям по одной копии “Энигмы” вместе с документа-

цией, однако о “Бомбе” пока умолчали. В августе Лангер отправил дипломатической почтой в посольство в Париже еще два шифратора, один из которых предназначался для французов, а второй был отвезен Бертраном в Лондон и на вокзале Ватерлоо вручен Мензису.

На том же совещании поляки и французы решили совместно открыть объединенный центр дешифрования “Бруно”. После долгих колебаний его действительно создали под эгидой 5-го бюро генштаба и разместили во французском городе Гре-Арминье близ Парижа, подальше от беспокойной польско-германской границы. Англичане также участвовали в этой работе и прикомандировали к “Бруно” своего представителя майора Мак-Миллана. Осуществлялось и сотрудничество иного рода. В Варшаве располагалась ориентированная на Советский Союз резидентура французской СР, которой подчинялись еще две точки в Стамбуле и Бухаресте, имевшие собственную радиосвязь и шифры.

Война приближалась, и разведывательные органы рейха активно готовили обеспечение вторжения в Польшу. В августе 1939 года на территорию страны проникли группы из отряда специального назначения “Эббингхауз” для диверсионных действий на транспортных коммуникациях и деморализации польских войск. Абвер и СД оснащали фольксдойче и боевиков Организации украинских националистов оружием, главным образом нелегально перебрасывавшимся из Румынии. Накануне войны, 31 августа 1939 года в Польшу просочились переодетые шахтерами и рабочими бойцы диверсионных подразделений абвера общей численностью до 5 тысяч человек. Их целью являлся захват промышленных объектов и передовых мостов около германской границы, которые следовало сохранить в целости для обеспечения продвижения частей вермахта. Однако самые первые боевые действия по ошибке были начаты еще 25 августа отрядом численностью в 34 человека под командой лейтенанта абвера Ганса-Альбрехта Херцнера. Его личный состав был укомплектован добровольцами из числа польских, судетских и силезских немцев. Диверсанты должны были захватить и удерживать до подхода частей 7-й пехотной дивизии вермахта двойной туннель на Яблунковском горном перевале и станцию с поселком горняков на границе со Словакией. Радист отряда не принял сигнал о переносе срока начала боевых действий на 1 сентября и, в соответствии с планом, в 20 часов 30 минут диверсанты успешно выполнили поставленную задачу. Однако германские войска все не подходили, и ввиду отсутствия сил для организации сопротивления армейским частям Херцнер начал отход на свою территорию. К этому времени местное польское командование уже было извещено по телефону о произошедших событиях и выслало на перевал два пехотных батальона. Они очень скоро перехватили и окружили отряд, но не открывали огонь, не зная точно, кто находится перед ними. Польский генерал Кустрон прибыл на место действия и потребовал объяснений от командира дислоцированной в этом районе на сопредельной стороне 7-й пехотной дивизии вермахта. Того на месте не

Отряд диверсантов. В центре — лейтенант Херцнер

оказалось, отсутствовали и его заместители, поэтому генералу удалось побеседовать только с дежурным по штабу. Он заявил, что окруженный отряд является словацкой группой, действующей без всякой связи с германским командованием и не имеющей отношения к рейху. Генерал Кустрон осведомился, почему окруженные словаки разговаривают между собой на немецком языке, но не стал обострять ситуацию и согласился обменять всех на задержанных ранее польских машинистов. Скорее всего, эта история получила бы широкий резонанс в мире, но начавшаяся пять дней спустя война заставила забыть о ней.

Хорошо известна операция СД в Гляйвице (Гливице) в Верхней Силезии, в ходе которой группа переодетых в польское обмундирование немцев захватила свою же пограничную радиостанцию и передала в эфир провокационное антинемецкое воззвание. Первоначально Гитлер планировал поручить ее осуществление абверу, но проявивший странную щепетильность Канарис решил придерживаться норм международного военного права и отказался использовать чужую форму. Тогда проведение акции было возложено на Службу безопасности. Однако добывание комплектов польской униформы никаким нормам не противоречило, поэтому этот элемент подготовки военной разведка выполнила без возражений.

10 августа 1939 года Гейдрих назначил руководителем акции “Тиммлер”, как стала называться операция, хорошо зарекомендовавшего себя в Чехословакии Альфреда Науйокса. Он сформировал и возглавил отряд из пяти наиболее доверенных сотрудников СД-аусланд, один из которых в совершенстве владел польским языком. Лагерное управление СС подготовило группу заключенных под кодовым обозначением “мясные консервы” и содержало их в готовности, однако не располагало какими-либо деталями этой совершенно секретной операции. Опергруппа СД во главе с Науйоксом разместилась в гостинице Гляйвица, где в течение 14 дней ожидала команды к началу действий, но в последний момент Гейдрих резко изменил первоначальный план. Ранее заключенных планировалось переодеть в польскую форму, теперь же они должны были изображать немецких солдат, погибших от рук поляков. В роли таковых выступали присланные в последний момент 150 эссовцев. 31 августа по кодовому сигналу “Бабушка умерла” люди Науйокса ворвались в помещение радиостанции, надели наручники на ее работников и заперли их в отдельной комнате, предварительно несколько раз выстрелив в потолок. Некоторая заминка возникла из-за трудности с прерыванием ведущейся трансляции, однако в конце концов отыскался вклинивающийся в любое вещание “аварийный” микрофон, и в течение четырех минут через него шла передача на польском языке, сопровождавшаяся фоновым шумом, криками и выстрелами, создававшими у слушателей впечатление ожесточенной схватки. После этого “нападавшие” погрузились в машину и уехали, оставив в луже крови у порога одетого в мундир вермахта умиравшего заключенного. Еще несколько грузовиков развезли вдоль границы тела других переодетых в немецкую военную форму заключенных для имитации жертв, произошедших одновременно в нескольких местах вооруженных стычек. На следующий день, ныне считающийся официальным началом Второй мировой войны, Гитлер использовал желанный пропагандистский повод и отдал приказ о вторжении в Польшу.

Прибалтийские государства в 1930-е годы считались восточноевропейским захолустьем и совершенно не претендовали на какую-либо серьезную роль в мировом процессе. Однако их географическое положение было весьма важным фактором в военно-морской стратегии и торговом судоходстве на Балтике, а близость к границам СССР предопределила интерес иностранных разведок к проведению операций на их территории. Активная антисоветская политика Эстонии, Латвии и отчасти Литвы предыдущего десятилетия претерпела заметные изменения. Ссориться с могущественным соседом стало теперь опасно, поэтому в существовавшем ранее “санитарном кордоне” вокруг СССР на севере Европы образовались заметные прорехи. Все Прибалтийские государства первоначально находились в сфере влияния Великобритании и соответственно ориентировались на ее внешнюю политику, однако по мере усиления Третьего рейха они одно за другим стали входить в германскую орбиту.

Особенную важность в оперативном отношении имела Латвия, на территории которой располагались резидентуры многих западных разведок и проходили транзитные маршруты дипломатической почты, всегда привлекавшей внимание спецслужб. Кроме того, Рига была удобным местом для встреч с работавшей в третьих странах агентурой многих государств. СССР интересовали также базировавшиеся в них весьма активные антисоветские эмигрантские организации. Советская внешняя разведка имела в Риге точку, которую с 1935 по 1937 годы возглавлял С. А. Родителив, а после него до 1940 года — И. А. Чичаев. Из Берлина туда был переведен весьма результативный агент НКВД Роман Бирк.

В Таллинне резидентура внешней разведки СССР работала в самых трудных условиях во всей Прибалтике, поэтому для руководства ей направляли достаточно опытных резидентов. С 1932 по 1934 годы точку возглавлял Д. Г. Федичкин, с 1935 по 1936 годы — И. А. Чичаев, а с 1937 по 1940 год — С. И. Ермаков. Эстония раньше других Прибалтийских государств переориентировалась на Германию, чему способствовали значительная численность немецкого населения в стране и большая, чем у латышей и литовцев, этническая близость к немцам. В 1935 году в генеральном штабе эстонской армии одержала верх профашистская группировка офицеров во главе с начальником 2-го (разведывательного) отдела полковником Маазингом, а уже весной следующего года он вместе с начальником генштаба генералом Рээком прибыл в Берлин для установления взаимодействия между вооруженными силами и разведывательными службами двух стран. Контакт с адмиралом Канарисом оказался весьма результативным и привел к достижению двусторонней договоренности о взаимном обмене информацией. Эстония официально разрешила Германии использовать свою территорию для проведения разведывательных операций против СССР, взамен чего немцы предоставили эстонской разведке средства оперативной техники. Постепенно в страну стали прибывать установки для радиоперехвата переговоров и фоторазведки кораблей советского Балтийского флота, а в Таллинне разместилась группа немецких криптографов. Ежегодно руководители германской и эстонской военных разведок совершали взаимные визиты, дважды в год обмениваясь информацией на высшем уровне, а между двумя столицами курсировали специальные курьеры. Канарис в сопровождении Пикенброка посещал Эстонию в 1937, 1938 и 1939 годах, а в 1939 и 1940 годах с эстонской территории забрасывались в СССР диверсионные группы.

Весьма активно сотрудничали эстонцы и с англичанами. Еще в 1933 году представитель британских военно-воздушных сил в обмен на пеленгаторы и иную радиоаппаратуру получил от них криптографические материалы по Советскому Союзу и обещание действовать совместно и в дальнейшем. Однако анализ перехвата оказался менее успешным, чем планировалось. Недостаточный разнос точек пеленгации на слишком малой территории Эстонии не позволял эффективно исследовать эфир на значительном удалении от нее. Кроме того, советские станции постоянно меняли частоты и позывные, препятствуя составлению достоверных таблиц их размещения и графиков работы.

Гражданская контрразведка и политическая полиция также получили в Эстонии значительное развитие. Еще в 1919 году правительство страны обсуждало перспективы создания вневедомственного органа государственной безопасности, но эта идея была отвергнута, и Полиция безопасности в составе центрального аппарата и 11 региональных подразделений была сформирована в январе 1920 года в составе министерства внутренних дел. С 1924 года она приобрела статус самостоятельного подразделения Главного управления полиции МВД Эстонии, а со следующего года получила наименование Политической полиции. Основным направлением деятельности этого органа являлась борьба с антиправительственной деятельностью экстремистских политических сил, в первую очередь коммунистов, а также гражданская контрразведка, борьба с контрабандой и дезертирством из вооруженных сил. Штат Политической полиции был укомплектован неплохими специалистами, широко насадившими агентов в среде левых партий и политических организаций, что естественным образом создавало неплохие оперативные позиции для борьбы с советской разведкой на территории страны.

Обстановка в Литве была для СССР намного более благоприятной, что объяснялось ее напряженными отношениями с Германией, завершившимися в итоге захватом Мемеля (Клайпеды) вместе с прилегающей областью, и застарелым конфликтом с Польшей. Литва никогда не снимала с повестки дня вопрос возвращения захваченного поляками Вильно (Вильнюса) и считала Ковно (Каунас) своей временной столицей. 17 марта 1938 года Варшава предъявила Литве 24-часовой ультиматум, в котором потребовала гарантировать права польского национального меньшинства и отменить параграф конституции, провозглашающий столицей отторгнутый Вильнюс. В случае его отклонения Польша угрожала оккупацией. Литву спасло энергичное вмешательство СССР, настоятельно рекомендовавшего не посягать на нее и предупреждавшего о возможной денонсации в этом случае польско-советского пакта о ненападении. В результате Варшава ограничила свои условия требованием установлением дипломатических отношений и вынуждена была отказаться от агрессивных планов. Естественно, что подобная обстановка предопределила весьма благоприятные условия для работы советских представительств и учреждений в Литве, в том числе резидентуры, которую под фамилией Глебов возглавлял переведенный из Риги Родителей.

Советская внешняя разведка руководствовалась в Прибалтике общими для всех трех государств принципами. До 1932 года ее основными задачами являлись противодействие организации “санитарного кордона” и освещение эмигрантских организаций, но приход к власти в Германии НСДАП резко изменил прежние приоритеты. Теперь ее главными задачами стали освещение деятельности немцев, особенно в Эстонии, выявление создаваемых нацистских организаций из числа местных жителей и оценка влияния Третьего рейха на внешнюю и внутреннюю политику прибалтийских государств. Немецкая разведка имела прямо противоположные задачи и в первую очередь должна была через немецкие общины способствовать росту влияния Берлина. Германия активно распространяла фашистскую идеологию и экономически привязывала к себе Эстонию, Латвию и Литву. Это предопределяло и политическое влияние рейха. Операции абвера в регионе осуществлялись под руководством АСТ-Кенигсберг, с местной немецкой диаспорой активно работала СД, но и без воздействия из Германии все прибалтийские правительства проводили крайне правую политику, подогревали национализм и даже не пытались снизить социальную напряженность. После 1935 года из-за возникшей экономической зависимости от рейха германское влияние окончательно перевесило британское и несколько охладило любовь многих прибалтийцев к немцам, вскоре ставшим вести себя в их странах как хозяева.

СССР не мог безучастно относиться к ухудшению отношений с Прибалтийскими государствами, в первую очередь из-за возникшей вследствие этого угрозы его коммуникациям на Балтике. После утраты в 1918 году большинства баз Балтийский флот фактически оказался запертым в Финском заливе, поэтому осенью 1939 года Москва обратилась к Таллину, Риге и Каунасу с настоятельными предложениями заключить договоры о взаимопомощи. Но по-настоящему СССР внедрился в регион после подписания секретных протоколов к советско-германскому пакту. Согласно договоренности, Латвия и Эстония входили в советскую сферу влияния, а Сталин самочинно присоединил туда же и Литву, чем вызвал немалое раздражение Гитлера. Однако по здравому рассуждению фюрер решил пока не обострять отношения с Москвой, и в 1940 году СССР фактически аннексировал все три государства, сразу же изменив оперативную обстановку в Балтийском бассейне. Вместо резидентур разведки НКВД открыл в них соответствующие управления, теперь уже на своей территории, и это положило конец благоприятному для немцев периоду. Одновременно Советский Союз получил огромное количество автоматически внедренных на его территорию иностранных агентов, причем все они являлись местными жителями и поэтому не нуждались в столь трудном и опасном мероприятии как легализация. Но теперь эти проблемы переходили в ведение не разведки, а контрразведки.

Далее к северу находилась Финляндия, в которой, как и в прибалтийских государствах, в 1935 — 1938 годах существенно выросло число местных фашистских организаций, а внешняя политика дала заметный крен в сторону Берлина. Страна являлась опорной базой для разведок Франции, Великобритании и Германии, чьи резидентуры работали в направлении СССР и Скандинавии, а также боролись друг с другом. Финская же разведка, как уже указывалось, главным противником считала Советский Союз, спецслужбы которого к этому времени уже отказались от использования членов местной коммунистической партии и перешли в основном на нелегальные формы работы. Финляндия считалась своего рода полигоном для отработки новых принципов построения агентурных сетей, впоследствии распространенных на весь континент.

Эта практика обернулась жестоким провалом, постигшим действовавшую в Хельсинки и Виипури нелегальную резидентуру Разведупра. Центральная сыскная полиция сумела внедрить в нее свою агентуру и 10 октября 1933 года арестовала нелегального резидента Разведупра Марию-Эмму Мартин-Шуль (М. Ю. Шуль-Тылтынь, “Ирена”), ее помощников А. В. Якобсон (“Реми”), Ю. Э. Вяхья (“Руководитель Хейнонен”, “Вилле”), Ф. Я. Клеметти и три группы агентов общим количеством 50 человек. Впоследствии выяснилось, что первопричиной провала стало предательство завербованного финнами бывшего начальника Пункта разведывательных переправ (ПРП) 4-го отдела штаба Ленинградского военного округа А. Г. Утриайнена. Особый отдел ОГПУ разоблачил его еще в 1932 году, но по непостижимой халатности руководство не распорядилось отозвать известных предателю агентов, и те вначале попали под контроль контрразведки, а затем были арестованы. В довершение всего Шуль-Тылтынь проводила на конспиративной квартире встречи с военным атташе СССР в Хельсинки

А. Яковлевым и его помощниками, никак не прикрывавшиеся легендой и послужившие дополнительным доказательством фактов шпионажа. Следует также отметить, что, несмотря на разброс арестов по времени, Разведупр упустил возможность эвакуировать в Советский Союз хотя бы наиболее важных агентов. В дальнейшем восстановить утраченные разведывательные позиции оказалось весьма сложно, и провал сказывался на работе еще долго.

Тем временем финские контрразведывательные органы добились высоких показателей в работе, арестовав за период с 13 февраля 1928 по 31 ноября 1939 года 201 иностранных, в основном советских агентов и 2568 иных опасных для безопасности государства лиц. Следует отметить, что к концу рассматриваемого периода уровень работы советских спецслужб в Финляндии также значительно вырос. Из указанных провалившихся агентов 160 были арестованы до 23 апреля 1934 года, и только 41 — за последующие пять лет²⁴⁰. В 1931 году сменился начальник военной контрразведки. Вместо полковника Пеюси ее возглавил Густав Эрик Розенстрем, впоследствии изменивший имя на его финский вариант Кууста Раутсуо. Отделение надзора несколько раз укрупнялось, однако совершенно незначительно, численность его центрального аппарата никогда не превышала нескольких десятков человек. В 1928 году органы военной контрразведки стали именоваться VI отделением разведывательного отдела, в 1935 году — Иностранным отделением № 3 (“У-3”), а в 1939 году получили статус Отдела надзора генштаба Оборонительных сил. Отдел состоял из начальника и 25 сотрудников, распределенных по трем подразделениям, во главе каждого из которых стоял подполковник:

- отделение надзора (11 человек) — оперативная и проверочная работа и руководство периферийными подразделениями при гарнизонах в Хельсинки, Тампере, Турку, Вааса, Оулу, Рованиemi, Миккели, Йоэнсуу, Коуволла, Виипури, Сортавале и Лаппеенранта, а также группой радиоконтрразведки;
- информационное (юридическое) отделение (7 человек) — юридические и следственные действия, составление заключений по всем оперативным делам;
- отделение цензуры (7 человек) — руководство почтовой, телеграфной, радио и иными видами цензуры в семи цензурных округах, на которые была разделена страна.

Внешней контрразведкой ведал Второй (разведывательный) отдел генштаба, начальником которого в 1937 году стал швед, подполковник Ларс Рафаэль Меладур.

Несмотря на заметное усиление органов государственной безопасности Финляндии, советская разведка провела в стране несколько удачных операций. Значительным успехом Разведупра РККА явилось дело сотрудника фотографического центра финской военной разведки Вилхо Армаса Пентикяйнена (агент “35”). Он в течение нескольких лет успешно снабжал ценными материалами военного атташе СССР в Хельсинки К. К. Восканова и 2 февраля 1933 года ввиду угрозы провала сумел бежать в СССР. Резидентура внешней разведки стремилась освещать обстановку в Финляндии и контролировать действия располагавшихся там эмигрантских организаций. Известный разведчик С. М. Глинский, работавший позднее резидентом в Праге и Париже, возглавлял точку в финской столице и сумел проникнуть в “Братство русской правды” и “Особый русский комитет”, а также приобрел источников в политических кругах Хельсинки. В 1938 году резидент Б. А. Рыбкин (Б. Н. Ярцев) по личному поручению Сталина проводил с правительством Финляндии секретные дипломатические переговоры, однако они окончились провалом, и в 1939 году разразилась печально известная советско-финская “Зимняя война”.

Сложной ситуацией отличалась оперативная обстановка в Румынии. Ее разведка активно работала против СССР, не упуская при этом из виду и весьма недружественную Венгрию. Советский Союз не оставался в долгу и также провел на румынской территории множество акций, самой шумной из которых стала попытка захватить и вывезти из страны невозвращенца и предателя, бывшего резидента ИНО в Стамбуле Г. С. Агабекова. В иностранной прессе она получила название “дела Филомены”.

Агабекову постоянно не хватало средств к существованию, доходы от издания книг быстро закончились, да и не давала покоя авантюристическая натура. Он работал на множество разведок, однако через короткое время истощил свой накопленный информационный потенциал и перестал представлять для них интерес.

Б. А. Рыбкин

Зато интерес ОГПУ к нему не угасал, поскольку, во-первых, на самом высшем уровне было принято решение наказать его так, чтобы другим не было повадно, а во-вторых, следовало обезопасить агентуру ИНО от новых разоблачений перебежчика. Выждав некоторое время для усыпления бдительности бывшего разведчика, Москва направила в Париж группу Я. И. Серебрянского для его похищения или ликвидации, аналогичное задание получил и нелегальный резидент в Италии Е. П. Мицкевич (“Анатолий”). Еще одна, на первый взгляд, перспективная ловушка неожиданно образовалась в Румынии. Российский эмигрант греческого происхождения Нестор Филия пожелал нелегально вывести из СССР дочь и жену, располагавшую в Швейцарии буквально астрономическим по тем временам состоянием в 100 миллионов франков. Воспользоваться этими средствами в Советском Союзе она, естественно, никак не могла. Сам Филия доступ к ее счету не имел, но нашел нескольких международных авантюристов, взявшихся помочь в этом деле, и обязался оплатить их услуги после доставки женщины в Швейцарию. Среди тех, к кому эмигрант обратился за помощью, оказался агент ОГПУ, доложивший о возникшей ситуации своему руководству. Именно на эту удочку ИНО и попытался выловить Агабекова. К нему через цепочку посредников обратились как к специалисту по тайным операциям, к тому же сохранившему некоторые позиции внутри СССР. Безработный перебежчик с радостью ухватился за представившуюся возможность и попытался организовать вывоз двух женщин через Одессу. Для этого он направился вначале в Варну, однако на полпути был задержан болгарской полицией и выдворен из страны. Неудача несколько обескуражила авантюриста, но он вновь отправился на юг, теперь уже в Румынию. По пути Агабеков, как упоминалось ранее, задержался на 10 дней в Вене, а в январе 1932 года благополучно прибыл в Констанцу, где его уже поджидали нелегалы ОГПУ. В Марселе разведка зафрахтовала греческий сухогруз “Елена Филомена”, семь человек из команды которого являлись сотрудниками ИНО, но опытный разведчик распознал ловушку и два дня подряд отказывался подняться на борт судна. Руководитель группы ОГПУ Г. Алексеев понял, что заманить Агабекова на “Елену Филомену” не удастся, и безрезультатно попытался застрелить его в городе. Чекиста арестовала следившая за ним “сигуранца”, как в обиходе именовалась Центральная служба безопасности государства (СЦСС), с которой Агабеков поделился своими подозрениями. За этим последовали скандал, конфискация судна, арест команды и высылка из страны участвовавшего в аванюре француза А. Леккока и нелегального резидента в Турции Г. Цончева. Попутно оказались проваленными и несколько агентов советской разведки в Бухаресте, Варне и Стамбуле. Дело, однако, этим не закончилось, и в начале 1934 года злополучное судно вновь дало о себе знать. “Совторгфлот” обычным порядком зафрахтовал “Елену Филомену” для перевозки партии леса, капитан же в погашение нанесенных ему два года назад убытков попытался применить залоговое право на груз и продать его с аукциона. Совторгфлот обратился в суд, и прежний скандал разгорелся с новой силой. Поистине, советскую разведку в лице Агабекова буквально преследовал злой рок! Тем сильнее было стремление ОГПУ расквитаться с ним.

А перебежчик все глубже погружался в не сулящие ничего хорошего махинации с секретными службами, ибо ничего другого делать не умел и не желал. Он предложил другому разведчику-невозвращенцу Евгению Думбадзе выманить деньги у румынской разведки, фабрикуя информацию, якобы получаемую им от своей личной агентурной сети в Советском Союзе. Тот не просто отказался, а опубликовал в эмигрантской прессе разоблачительную статью. Полагают, что Думбадзе скомпрометировал Агабекова перед румынами по заданию ИНО, на который продолжал работать. В сентябре 1936 года перебежчик предпринял попытку вернуться в СССР и направил в Москву подробное письмо с признанием своих ошибок и преступлений, а также сообщил всю информацию обо всех иностранных разведках, которую ему удалось собрать за шесть лет. Ответа он не дождался, смертный приговор предателю оставался в силе.

Существуют две версии относительно обстоятельств его гибели, сходящиеся лишь в том, что это произошло в августе 1937 года. Согласно первой из них, боевики ОГПУ убили Агабекова на юге Франции, до неузнаваемости обезобразили его лицо и перетащили тело через испанскую границу, где оно и было обнаружено три месяца спустя. Скорее всего, эта история вымышлена. Трудно поверить, что полиция с уверенностью идентифицировала столь долго пролежавший в жаре изуродованный труп неизвестного человека, никогда официально не въезжавшего в Испанию, к тому же в беспокойных условиях гражданской войны. Вторая, более правдоподобная версия принадлежит Судоплатову, сообщившему, что

перебежчика зарезали в одной из парижских квартир некий работавший на НКВД турок (в действительности им был П. И. Тахчианов) и молодой тогда оперативный работник, в будущем начальник нелегальной разведки КГБ СССР А. М. Коротков. Тело в большом чемодане вытащили из дома, увезли из города и утопили в море. В любом случае, где и как погиб Агабеков, с достоверностью не может сказать никто.

В Румынии активно действовал Разведупр, добившийся там немалых успехов, но и терпевший поражения. 10 сентября 1933 года из-за предательства двух заброшенных в страну агентов произошел провал резидентуры одесского Пограничного разведывательного пункта (ПРП) 4-го отдела штаба Украинского военного округа. Особый отдел предупреждал военных об их заведомой ненадежности, однако в 1933 году репутация Разведупра стояла достаточно высоко, и чекисты еще не имели решающего голоса в подобных вопросах. Предупреждение проигнорировали, и совершенно напрасно, поскольку провал оказался весьма чувствительным, особенно из-за совпадения по времени с предательством завербованного румынской разведкой сотрудника ПРП Федотова. К сожалению, и это не послужило для одесских разведчиков должным уроком, поскольку в феврале следующего года их необдуманные действия привели к провалу резидентуры 4-го отдела в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский). Преждевременное возобновление связи с законсервированными после предыдущих арестов агентами попало в поле зрения “сигуранцы”, и ее сотрудники сумели одним ударом захватить резидента, девять агентов и радиостанцию. Разгром резидентуры привел к полной потере агентурного аппарата военной разведки в Румынии, на восстановление которого пришлось потратить немало времени и сил. Фактически оперативная работа на этом направлении была отчасти возобновлена лишь с назначением на должность 3-го секретаря посольства СССР в Бухаресте “легального” резидента РУ полковника К. М. Еремина (“Ещенко”), но произошло это лишь перед самой войной, в 1940 — 1941 годах.

Ухудшение внутреннего положения в Румынии существенно осложнило оперативную обстановку в ней. Политическая напряженность усугублялась жестоким экономическим кризисом и спадом промышленного производства, достигшим к 1932 году 57,7%. Первым и немедленным следствием этого явились массовые закрытия предприятий и появление безработных, крайне обостривших ситуацию в обществе. Из-за сокращения платежеспособного спроса цены на зерно упали ниже себестоимости его производства и разорили десятки тысяч крестьян, вместе с городскими безработными создавших угрозу политической системе государства. В ответ правительство ужесточило карательный аппарат и приняло закон о жандармерии, значительно расширивший ее права на проведение силовых акций. Проводившаяся политика румынизации ущемляла элементарные интересы национальных меньшинств и немедленно превратила почти треть населения в противников существующего режима. В стране назревала диктатура и закладывались основы для развития фашистского движения. В 1930 году на базе существовавшего с 1927 года “Легиона Архангела Михаила” возникла крайне правая военизированная организация “Железная гвардия”, совершившая ряд террористических актов в отношении лидеров демократических движений и некоторых государственных служащих.

В 1934 году подполковник Виктор Прекоп попытался осуществить заговор по свержению короля Кароля II, но Секретная служба информации вовремя раскрыла и пресекла его. Это весьма подняло авторитет ССИ в глазах короля, являвшегося отнюдь не номинальным монархом, а вполне правоспособным правителем Румынии. Он своей властью значительно увеличил ее бюджетное финансирование и взял под личный контроль выделение установленных средств, а 20 апреля 1934 года утвердил новое положение о ССИ, переводившее ее из состава 2-го бюро генерального штаба вооруженных сил в генеральный секретариат министерства национальной обороны. Эти структурные изменения сопровождались расширением компетенции и полномочий службы и улучшением ее материально-технического и финансового обеспечения. ССИ состояла теперь из Первой секции (внешней информации), Второй секции (контрразведки и внутренней безопасности) и Секретариата. Она стала наиболее авторитетной и влиятельной из всех спецслужб Румынии, остальные же по сравнению с предшествующим периодом не претерпели существенных изменений.

Борьба политических партий и слабость руководства государством оставались главным бичом страны, поэтому Кароль II фактически вынужден был 10 февраля 1938 года упразднить конституцию 1923 года и провозгласить королевскую (“карлистскую”) диктатуру. Практически сразу же он своим указом ввел в действие новую конституцию, зафиксировав-

шую сосредоточение в руках монарха всей полноты власти, в том числе и права объявления войны и заключения мира без ратификации парламентом. Однако из-за отсутствия в Румынии единой нации и продолжавшейся политики румынизации попытка короля сплотить народ не увенчалась успехом. Путь к развитию фашизма оказался открытым.

2. ЗАПАД

Среди государств Западной Европы регионального масштаба наиболее агрессивными спецслужбами располагала Италия. Хотя со второй половины 1930-х годов страна являлась младшим партнером Германии, ее разведка работала вполне самостоятельно, очень напористо и отказывалась признавать лидерство немцев в своей области. В январе 1934 года Витторио Соньо на посту начальника СИМ сменил будущий начальник генштаба знаменитый Марио Роатта, друг министра иностранных дел и зятя самого дуче Галеаццо Чиано. Под его руководством служба сумела завоевать доверие фашистской партии и удвоила свой бюджет, доведя его до 4 миллионов лир²⁴¹. Новый подход к проблемам разведки потребовал основательно изменить ее структуру. Третий (контрразведывательный) отдел заметно усилился и приобрел новые для него функции внутренней безопасности и политической слежки, а его начальники Джузеппе Пьеке и Санто Эмануэле стали заметными фигурами в итальянской фашистской иерархии. Нужды государственной безопасности обслуживал и вновь созданный отдел прослушивания телефонных переговоров, добавился также традиционный для разведки отдел военных атташе. Именно в период руководства Роатта СИМ пересмотрела свою политику по отношению к Германии. До этого, несмотря на внешнюю дружественность режимов, она активно вела оперативную работу по Третьему рейху. Действовавшие там разветвленные агентурные сети СИМ в значительной степени состояли из местных евреев, поэтому вскоре почти все они оказались уничтоженными вне зависимости от расшифровки их работы на Италию. Итальянцы рассматривали Германию как объект оперативного изучения и обменивались добытой по ней информацией в первую очередь с Францией, а также с Австрией и Венгрией. Однако после прихода к руководству абвером Канариса спецслужбы будущих союзников по Антикоминтерновскому пакту сумели найти общий язык и организовали регулярный обмен добытыми материалами по сопредельным и более отдаленным государствам.

Летом 1936 года Роатта был назначен командиром спешно сформированного для действий в Испании “добровольческого” экспедиционного корпуса, но до сентября он параллельно продолжал возглавлять СИМ. Гражданская война стала обширным полигоном для разведки и весьма способствовала приобретению итальянцами опыта в диверсионной и террористической деятельности. Фашистское правительство увлеклось проведением острых акций не только на испанской, но и на французской территории. Централизованное руководство этим направлением было возложено на туринскую точку СИМ. Кроме того, внутри военной разведки появилась не значившаяся в официальной структуре специальная служба. Факт существования этого подразделения долгое время отрицался, поскольку оно предназначалось для проведения особо деликатных “черных” операций, в том числе направленных против оппозиции внутри страны и за ее пределами. Легальные отделы СИМ ведали изучением состояния вооруженных сил противника, информационно-аналитической работой, контрразведкой, финансами, шифровой работой, перехватом сообщений и диверсионными операциями. После ухода Роатта разведкой руководил Паоло Анджои (октябрь 1936 — июнь 1937), а затем Донато Трипиччоне (июль 1937 — август 1939), якобы безуспешно пытавшийся умерить агрессивность подчиненной службы. Однако большинство исследователей считают его реформы “косметическими”, указывая, в частности, на сохранение одиозного Санто Эмануэле на влиятельном посту начальника контрразведки. Более того, именно по указанию Трипиччоне область действий внутриполитической секции разведки была распространена за границу, на европейские города со значительной итальянской диаспорой. Ее автономные резидентуры открылись в Базеле, Барселоне, Брюсселе, Вене, Женеве, Лионе, Монако и Париже, в котором располагался центральный комитет коммунистической партии Италии. Фактическая власть Трипиччоне над разведкой была довольно ограничена, поскольку формально ушедший из нее Роатта фактически руководил операциями СИМ не только в течение всего периода испанской войны, но и позднее, уже в должности начальника генерального штаба.

Как уже указывалось, загранточка ИНО существовала в Италии с 1924 года и работала в довольно благоприятных условиях, в особенности после подписания советско-итальянского договора, в то время являвшегося единственным межгосударственным актом Советского Союза. В названии этого заключенного с откровенно агрессивным фашистским государством пакта присутствовали слова “о дружбе”. В 1933 году резидентуру возглавил П. М. Журавлев (“Макар”). Основная работа проводилась по политической (ПР) и научно-технической (НТР) линиям разведки, причем последнюю с 1936 года осуществляла открытая для этой цели в Милане точка, сотрудники которой специализировались на добывании информации в областях химии, радиотехники, авиации и военного кораблестроения. Дипломатическая разведка, как именовалась тогда линия ПР, достигла основных успехов на германском и польском направлениях. Кроме того, на протяжении семи лет с небольшими перерывами проводилась операция “Почтальон” по перехвату переписки посла Японии в Риме. Приобретение источников в министерстве иностранных дел Италии, военном министерстве, фашистской партии, разведке и министерстве внутренних дел стало приоритетной задачей резидентуры лишь с 1937 года. Чтобы избежать дипломатических осложнений, вербовки в дружественной тогда Италии производились в основном под чужим флагом.

П. М. Журавлев

Одним из направлений разведывательной работы ИНО в Италии являлась разработка Ватикана и расположенных там учреждений. Осуществить это было достаточно трудно, поскольку в окружении Святейшего престола практически отсутствовали русские эмигранты и абсолютно не было коммунистов, что весьма затрудняло создание там агентурного аппарата. И хотя первый из известных агентов ИНО в Ватикане все же имел российское происхождение, его вербовка была произведена исключительно на материальной основе. Родившийся в 1899 году Александр Дубнер работал в Комиссии по России в подчинении кардинала Мишеля д’Эрбиньи на должности комиссара и являлся горячим приверженцем идеи “русификации” католицизма для обеспечения его успешного продвижения в СССР. Он наивно попытался найти сторонников этой теории в Варшаве, однако наткнулся на враждебность и непонимание. Польское руководство отнюдь не стремилось к религиозной общности с традиционным соперником, поэтому результатом переговоров на эту тему стало лишь повышенное внимание к Дубнеру со стороны местной контрразведки. Кроме того, комиссар по России попал в поле зрения ИНО ОГПУ, выяснившего, что католический чиновник не был абсолютно неизвестен в СССР. Вскоре после революции его отца арестовали и отправили отбывать наказание, но в Москве остались французенка-мать Дубнера и его проживавшая в Кремле тетка, невестка видной германской коммунистки Клары Цеткин. Сам молодой Цеткин в это время не хранил супружескую верность и регулярно общался с немкой, предположительно агентом германской разведки. Все эти факты были достаточны для постановки Дубнера на спецучет. Поляки также оказались осведомлены о его родственных связях и отказались выдать ему въездную визу, в результате чего эмиссару Ватикана в 1932 году пришлось возвратиться в Рим. Почти сразу же после этого в Комиссии по России обнаружилась пропажа ряда дипломатических и иных документов, и хотя Дубнера никто не обвинял в этом, он без предупреждения исчез из Ватикана. Естественно, на него немедленно пали все подозрения в шпионаже на СССР, получившие огласку вплоть до публикации в газетах. В действительности же он уехал в Берлин к своему наставнику отцу Эдуарду Герхману, бывшему руководителю неудачной апостольской миссии в России и бывшему советнику нунция в Берлине по советским делам. Немецкий священник весьма удивился неожиданному приезду ученика, заявившего, что прибыл посоветоваться о проблемах своей личной жизни, возникших в ходе неудачной поездки в Польшу. В период краткого пребывания там 33-летний Дубнер познакомился с юной девушкой, на которой вознамерился жениться вопреки данному им обету безбрачия. Естественно, что Герхману нечего было сказать ему по этому поводу, и беглец просто остался жить в Берлине. Но после поджога рейхстага в феврале 1933 года нацисты провели широкие аресты, и решившего покинуть страну Дубнера арестовали на австрийской границе. После двух месяцев пребывания в тюрьме его выпустили и выслали в Ватикан.

Позиция Святейшего престола в этой истории выглядела не лучшим образом. Пресс-служба папы распространила не выдерживающие даже поверхностной проверки утверждения о незначительности пропавших документов и о временном и второстепенном характере работы Дубнера. В конце концов в июле 1933 года бывший сотрудник Комиссии по России вернулся в Рим, откуда по приказу кардинала д'Эрбиньи отправился на покаяние в отдаленный монастырь вплоть до решения папы. В сентябре он внезапно вернулся в Рим и немедленно был взят под наблюдение итальянской полицией, неожиданно для себя обнаружившей настораживающие моменты в его поведении. Сразу же после прибытия в город Дубнер отправился в полпредство СССР и провел там некоторое время. Он снял частную квартиру в столице и объяснял знакомым, что зарабатывает на жизнь работой в библиотеке Института изучения Востока, что было ложью. Бывший сотрудник Комиссии по России вообще не имел легальных средств к существованию и тем более для оплаты наемной квартиры в Риме. Будучи вызван для допроса в политическую полицию, он признался, что посещал советское полпредство с целью получить разрешение на проживание в СССР, но взамен этого ему предложили за вознаграждение поставлять сведения по Ватикану. Итальянские власти вначале собирались проинформировать об этом Святейший престол, однако позднее просто решили выслать бывшего комиссара за пределы страны.

Вся эта история не оставляет сомнений в агентурном характере взаимоотношений Дубнера с советской разведкой, но к осени 1933 года он явно не имел уже никаких разведывательных позиций, способных заинтересовать ее. Совершенно очевидно также, что он не был причастен и к пропаже документов Комиссии по России. В резидентуре ИНО, судя по всему, не особенно огорчились по поводу расшифровки своего источника. Впоследствии он ненадолго осел в Париже, а потом переехал в Прагу, где в период Второй мировой войны работал переводчиком с немецкого для организации принудительного труда вывезенных из СССР рабочих. Весьма вероятно, что одновременно Дубнер работал и на гестапо. После освобождения Праги он был арестован советскими властями, дальнейшая судьба его неизвестна.

С 1932 резидентура ИНО располагала в Комиссии по России еще одним агентом. Им был архивист монсиньор Эдуард Преттнер-Сиппико, в 1948 году уволенный со службы за незаконные финансовые операции. Судя по всему, он был не внедрен в Комиссию, а завербован после расшифровки Дубнера.

Более результативной оказалась работа точки ИНО в Риме по итальянскому направлению. Продолжалась работа с источником "Дункан", но ввиду особой важности этой связи резидент Журавлев настоял на ее передаче в ведение нелегалов. Специально для этой цели в сентябре 1934 года в Рим был направлен еще один из "великих нелегалов", Моисей Маркович Аксельрод ("Ост"). Этот уроженец Смоленска до 1922 года пребывал в рядах сионистской партии "Поалей Цион", затем вступил в ВКП(б), а с 1925 года был зачислен в ИНО ОГПУ. Он владел арабским, английским, французским, немецким и итальянскими языками и практически идеально подходил на роль руководителя созданной в Риме нелегальной резидентуры. Точка была крайне компактной и состояла из самого резидента и его помощника и связника, которым являлась работавшая ранее с Игнатием Рейссом (Порецким) нелегал Гертруда Шильдбах (Нойгенбауэр, "Ли"). Принятие Аксельродом в январе 1935 года на связь Константины значительно улучшило работу с агентом. Достаточно сказать, что впервые

М. М. Аксельрод

за все 15 лет у "Дункана" появился руководитель, владевший английским языком и способный самостоятельно оценивать добытые из британского посольства документы. Вначале "Ост", легализовавшийся по документам на имя Фридриха Кайля, проводил в неделю от двух до трех встреч с Константины. Сотрудничество развивалось абсолютно гладко до произошедшего в феврале 1936 года случая. Один из предоставленных "Дунканом" материалов был опубликован в "Жиорнале д'Италия", что крайне насторожило резидента и обоснованно заставило его заподозрить источника в работе на СИМ.

Гертруда Шильдбах

Аксельрод предположил, что Константины постоянно обслуживает итальянскую разведку, а на СССР подрабатывает втайне от своего начальства. После беседы агент признался, что действительно несколько раз передавал добытые в посольстве материалы местным спецслужбам, однако уклонился от ответа на вопрос, насколько глубоким и систематическим являлось это сотрудничество. Тогда же он сообщил, что уволился из посольства, но продолжал добывать материалы через своего работающего там же брата Секондо (“Дадди”). Несмотря на существовавшую опасность расшифровки нелегальной резидентуры, после всесторонней оценки ситуации работу с “Дунканом” было все же решено продолжить. Решение оказалось абсолютно верным, источник и в дальнейшем продолжал поставлять огромный объем сведений, а итальянская контрразведка так и не сумела установить факт сотрудничества Константины с СССР. Только в 1936 году он добыл 1239 информационных материалов, из них 473 телеграммы, однако профессиональная работа Аксельрода и московского Центра позволила сохранить этот канал в тайне. Опасность пришла с другой стороны.

Д. Г. Федичкин

Одной из наиболее угрожающих ситуаций в разведке является предательство оперативного работника, располагающего данными об агентурном аппарате, каналах связи и финансировании нелегалов и другими совершенно секретными сведениями. Локализовать его последствия затруднительно, они затрагивают весьма широкий круг людей и операций и в лучшем случае приводят к прекращению агентурной разведки в регионе. Так случилось и с “Дунканом”. Перебежавший в 1937 году в Швейцарию к противнику Рейсс без малейших колебаний “засветил” всех известных ему агентов и нелегалов, в том числе Шильдбах. Стало известно, что женщину разыскивают по всей Европе контрразведки нескольких государств, поэтому и сама нелегальная резидентура, и “Дункан” оказались перед реальной угрозой расшифровки. Аксельрод бросил все имущество и срочно бежал в Москву, причем, как показали дальнейшие события, весьма своевременно. Когда помощник “легального” резидента Марков попытался забрать оставленные “Остом” вещи, он попал на квартире в засаду и, несмотря на дипломатический паспорт, три

недели пробыл под арестом. После этого из соображений безопасности пришлось срочно законсервировать даже “легальную” резидентуру. Все ее операции были свернуты вплоть до прибытия в 1939 году нового резидента Д. Г. Федичкина, при котором работа с агентами, в том числе с “Дунканом”, возобновилась и продолжилась вплоть до начала Второй мировой войны.

Практически сразу же после 1 сентября Константины исчез и объявился вновь лишь в 1944 году, когда после занятия Рима союзными войсками там открылась советская миссия. “Дункан” явился к резиденту Н. М. Горшкову и сообщил, что уезжал из страны, а также признался, что все время работал на СИМ за месячный оклад в 4 тысячи лир, однако уверял, что самые важные материалы поставлял исключительно своим советским руководителям. Бывший источник утверждал, что пришел в посольство исключительно из-за захвата англичанами архивов итальянских спецслужб, повлекшего расшифровку его деятельности против британского посольства. Резидент расценил визит как провокационный, но все же распорядился выдать Константины некоторую сумму денег. Итальянец поблагодарил его и исчез на пять лет, после чего появился в посольстве вновь. Он заявил, что за информацию о предвоенном сотрудничестве с советской разведкой СИС предлагает ему 500 тысяч лир, однако при условии получения такой же суммы от СССР он готов сохранять тайну сколь угодно долго. Это переполнило чашу терпения резидента, и контакт с Константины был прекращен навсегда. Судя по всему, ни СИМ, ни какая-либо другая итальянская секретная служба так и не узнала о работе своего агента на Советский Союз. Впоследствии выяснилось, что англичане заподозрили братьев Франческо и Секондо Константины еще в 1937 году, когда Вивиан расследовал дело о краже бриллиантового кольца у супруги посла в Риме (“дело Цицерона”). Исчезновение драгоценного украшения из находившегося в канцелярии по-

сольства “красного ящика” для совершенно секретных документов заставило отнести к этому происшествию значительно серьезнее, нежели к обычному криминальному инциденту. Приглашенный послом и Ванситтартом Вивиан оценил уровень безопасности работы с документами как крайне низкий и в качестве возможных каналов утечки материалов назвал обоих Константины, хотя и не предполагал возможности их работы на СССР. Контрразведчик был почти убежден, что Секондо обслуживает СИМ, и рекомендовал немедленно уволить его, однако этого не произошло. Итальянец проработал в посольстве 21 год и являлся его почти неизменным атрибутом, поэтому вместо отстранения от должности в мае 1937 года его вместе с женой пригласили в Лондон в качестве почетного гостя на коронацию Георга VI, причем за счет правительства Великобритании. В дальнейшем к этой теме никогда не возвращались, и она была закрыта.

После 1936 года Италия стала одним из первоочередных объектов для французской разведки, но начало активной заброски агентуры в нее относится к более позднему, предвоенному периоду. С конца 1938 по июль 1939 года итальянские контрразведывательные органы арестовали около 30 агентов СР. Основной причиной столь массовых провалов стала их поспешная подготовка и скоропалительная заброска, не позволявшая создать в стране качественный нелегальный аппарат.

Весьма драматически разворачивались события на севере Европы, когда после венского разгрома 1938 года штаб-квартира британской Континентальной секретной службы была вынужденно переведена в Копенгаген. Ее пребывание там вначале складывалось для англичан вполне удачно, но оказалось крайне недолгим. Дружественные отношения между двумя государствами предопределили комфортные, почти домашние условия работы СИС в датской столице, однако в том же 1938 году эту благоприятную ситуацию разрушила досадная случайность. Местная контрразведка ошибочно приняла английских агентов-диверсантов Петша и Кнуеффкена за немецких и арестовала их по обвинению в шпионаже, а когда истина выяснилась, дело уже получило широкую огласку. Спускать его на тормозах оказалось слишком поздно, и обоим пришлось судить. Как почти все дела о шпионаже, процесс был закрытым, что не помешало абверу добыть информацию о резидентуре СИС. Германская разведка располагала в Копенгагене двумя высокопоставленными агентами, которыми являлись начальник столичной полиции и ответственный чиновник контрразведывательного управления политической полиции Дании. Они имели доступ ко всем материалам следствия и судебного процесса и, естественно, сразу же передавали их своим руководителям. После этого у начальника контрразведывательного подразделения абвера “Секретные связи” Рихарда Протце возникла масштабная идея похитить Петша и Кнуеффкена из тюрьмы, вывезти в Германию и там вытрясти из них все известное им о британской разведке. Дерзкая операция сорвалась, поскольку из неизвестного и поныне источника датчане узнали об этом плане и предусмотрительно решили незамедлительно отправить осужденных морем в Великобританию. Это не обескуражило бывшего моряка Протце. Он предложил послать в нейтральные воды торпедный катер, захватить судно и снять с его борта обоих провалившихся агентов, что привело осторожного Канариса в ужас. Он немедленно запретил эту пиратскую акцию, в результате чего Петш и Кнуеффкен прибыли на место беспрепятственно, а немцам пришлось довольствоваться уже имевшейся у них информацией. На этом история копенгагенской резидентуры не закончилась, однако из-за шумного скандала проводимые с датской территории агентурные операции пришлось свести к минимуму и перевести их основную часть в одну из двух столиц Нидерландов Гаагу.

Компактные, но эффективные голландские спецслужбы традиционно сотрудничали с британцами. К их числу прежде всего относилась возглавляемая полковником ван Ооршотом Служба военной разведки (МИД), организационно представлявшая собой третий отдел генерального штаба и поэтому часто обозначавшаяся как ГС-III. Она ведала всеми видами военной разведки, включая войсковую, а агентурной работой занимался ее внешний подотдел, известный как ГС-IIIА. Гражданские спецслужбы были представлены входившей в состав министерства иностранных дел Службой политической разведки (ПИД) и подчинявшимся министерству внутренних дел Бюро национальной безопасности (БНВ), в составе которого имелась отвечающая за внутреннюю разведку и контрразведку Секретная разведывательная служба (ГИД). И хотя считается, что бывают дружественные страны, но не бывает дружес-

Ричард Стивенс

твенных разведок, секретные службы Голландии и Британии связывали многолетние тесные контакты.

В Гааге располагались две английские резидентуры. Майор Хью Реджинальд Дальтон возглавлял традиционную точку СИС, находившуюся под стандартной “крышей” отдела паспортного контроля (ПКО) британского посольства, а капитан Сигизмунд Пэйн Бест руководил параллельной резидентурой “Z”, скрывавшейся под вывеской частично принадлежавшей ему “Континентал Трейдинг Компани”. 4 сентября 1936

Пэйн Бест

года произошло чрезвычайное происшествие: растративший на любовницу 2896 фунтов из оперативных фондов резидент Дальтон покончил с собой. В течение некоторого времени точку возглавлял его заместитель Монтгомери (“Монти”) Чидсон, однако вскоре из Лондона ему на смену прислали майора Ричарда Стивенса. Мало того, что вновь прибывший резидент не имел опыта соответствующей работы, поскольку ранее занимался пограничной разведкой в Индии и из всех иностранных языков лучше всего владел русским, но вдобавок ему еще и ничего не сообщили о предшествовавшем трагическом событии и не ввели полностью в курс дела по агентурному аппарату резидентуры. Стивенс был лишен возможности контролировать сети главных помощников резидента Адриануса Вринтена и Джека Хупера, а между тем они имели тогда на связи 52 источника.

К этому моменту после арестов в 1936 году в Магдебурге и Гамбурге агентов СИС Г. Гофмана и Р. Ланге подразделение “Секретные связи” установило, что британским резидентом в Голландии являлся Дальтон. Не зная о смерти англичанина, Канарис отправил в Гаагу Протце и его многолетнюю помощницу и любовницу Елену Скродзски, известных в абвере под дружескими прозвищами “дядя Рихард” и “тетя Лена”. Прибытие немцев на место осенью 1937 года не ускользнуло от внимания СИС, но впоследствии оказалось, что это было к худшему.

События в резидентуре тем временем разворачивались неординарно. В Голландию прибыла инспекция СИС в составе полковника Вивиана и начальника финансовой секции Перси Сайкса. По некоторым данным, в ней участвовал также и Клод Дэнси, настоявший на проведении тщательного расследования самоубийства Дальтона. Выяснилось, что майора заставили покончить с собой отнюдь не угрызения совести, а банальный шантаж со стороны Хупера (“Конрад”), добывшего о резиденте много компрометирующего материала. Дальтон не только растратил оперативные фонды, но также и злоупотреблял должностью по прикрытию, торгуя паспортами и британскими визами в Палестину. Разведчик не выдержал соблазна огромных взяток, наперебой предлагаемых людьми, стремившимися уехать от нацистов и опасавшимися не попасть в ограниченные квоты иммиграции. Англичане узнали об этом от голландской контрразведки ГИД, проводившей собственное параллельное расследование самоубийства. Вначале Дэнси предлагал тайно ликвидировать шантажиста, инсценировав его случайное утопление в одном из каналов, но в итоге следственная комиссия все же решила ограничиться простым изгнанием Хупера из штата разведки. Это стало одним из самых опрометчивых решений руководства СИС за все время ее существования, хотя немцы смогли воспользоваться этим просчетом лишь несколько позже, в 1938 году.

Пока же англичане направили проследить за перемещениями Протце одного из своих голландских агентов. Фолькерт Ари ван Коутрик (“Вальбах”) был женат на немке и работал на принадлежащее бывшему следователю министерства юстиции и агенту англичан Вринтену частное детективное бюро, представившее удобное прикрытия для операций разведки. Опытный контрразведчик немедленно засек не сменявшегося несколько дней непрофессионального наблюдателя и сделал встречный ход. На одном из углов он поставил своего переодетого в полицейскую форму агента, и, проходя мимо него, внезапно набросился на ван Коутрика. Протце начал тащить его к мнимому полицейскому и во всеуслышание воз-

муштался необоснованной слежкой и непонятными пристаиваниями к честному коммерсанту. В свою очередь, обозлившийся “Вальбах” вслух заявил, что переносить подобные неприглядные сцены за какие-то жалкие, да еще и нерегулярно выплачиваемые двести гульденов в месяц он больше не желает. После этого немец окончательно убедился в принадлежности его “хвоста” к британской разведке и в течение десяти минут перевербовал его за те же ежемесячные двести гульденов, но уже с гарантией регулярных выплат. Ван Коутрик стал очень ценным приобретением абвера и сущим проклятием для англичан, однако, строго говоря, это произошло исключительно из-за их собственной скупости и пренебрежения элементарными требованиями конспирации. Выяснилось, что второстепенный агент “Вальбах” знал в лицо почти всех оперативных офицеров резидентуры, после чего “дядя Рихард” немедленно вызвал из абвера на помощь начальника подотдела наступательной контрразведки III “Ф” Адольфа фон Фельдмана (племянник Канариса). Немцы купили старую баржу и поставили ее в канале напротив расположенного на набережной отдела паспортного контроля — резидентуры СИС, на что англичане совершенно непрофессионально не обратили никакого внимания. Смонтированная в ее рубке кинокамера запечатлевала всех входящих в здание и выходящих из него, и через короткое время в абвере уже располагали портретами практически всего опознанного ван Коутриком персонала резидентуры.

Тем временем Хупер уехал в Роттердам и тихо проживал там без каких-либо средств к существованию. В продолжение цепи дилетантских действий англичан, ван Коутрик каким-то образом оказался посвящен в историю с шантажом и увольнением, которую не замедлил изложить новым работодателям. Протце немедленно понял, что здесь стоит постараться, и бросил все силы на поиски уволенного британского разведчика. В свою очередь, спохватившийся Дэнси тоже приказал отыскать его, но безуспешно. Ван Коутрик опередил англичан и представил Хупера специально прибывшим из Германии для вербовки Адольфу фон Фельдману и Герману Гискесу, в дальнейшем прославившемуся своей знаменитой контрразведывательной операцией “Нордполь” (“Северный полюс”). Бывшего заместителя резидента не пришлось долго уговаривать, поскольку немцы хорошо оплачивали предательство, а каких-либо моральных тормозов разведчик-шантажист, естественно, не имел. После выдачи большой группы агентов Хупер, казалось, иссяк и не давал больше интересной информации, однако Гискес интуитивно чувствовал, что свою козырную карту тот еще не выложил. Так и оказалось. После усиления давления Хупер за дополнительные десять тысяч гульденов раскрыл важнейшего агента СИС в Германии, с 1919 года работавшего на англичан под псевдонимом “Доктор К”. Им оказался Отто Крюгер — руководитель консультировавшей германский военно-морской флот фирмы, видная фигура среди немецких промышленников. По иронии судьбы, он был довольно близким другом самого Протце, который опасался возможной провокации и потому воспринял эту информацию с большой осторожностью. В рейхе установленное за Крюгером длительное и тщательное наблюдение не выявило ничего подозрительного, однако после выезда в Голландию “Доктор К” стал менее осмотрителен. Он позволил себе оставить в гостиничном номере компрометирующие бумаги, обнаруженные немцами при негласном обыске. После развеявшей последнюю тень сомнения фиксации встречи Крюгера с заместителем резидента СИС капитаном Хендриксом (А. де Фремери, “Ян”) он был арестован в Гамбурге 7 июля 1939 года. На первых же допросах выяснилось, что работа “Доктора К” сделала техническую политику Германии в области морских вооружений абсолютно “прозрачной” для англичан. Спустя несколько дней после начала Второй мировой войны, 4 сентября 1939 года, Крюгер покончил с собой в тюремной камере.

Перед самой войной англичане все-таки восстановили контакт с “Конрадом” и работали с ним, не догадываясь о его связях с абвером. В 1940 году он уехал в Лондон, и Вивиан даже планировал послать его обратно в Европу для использования в качестве двойного агента, поскольку Хупер осторожно рассказал в СИС о подходе к нему немцев, скромно умолчав о его результатах. Однако оперативная игра не состоялась, поскольку этому категорически воспротивился подозрительный Дэнси. Больше разведка с “Конрадом” не работала.

В Нидерландах с мая 1938 года действовал весьма результативный британский агент. Им являлся секретарь посольства Германии в Гааге Вольфганг цу Путлиц, принадлежавший к старинному дворянскому роду и с презрением относившийся к нацистским нуворишам. Англичане завербовали его в июне 1934 года во время работы в Лондоне по наводке известного своими антинацистскими убеждениями пресс-атташе германского посольства Ионы Устинова. Пресс-атташе представил своего протеже Роберту Ванситтарту, а тот сориентировал

МИ-5 на перспективную вербовку немца. Перед тем, как Устинов перебежал к англичанам и стал сотрудничать с британской контрразведкой на официальной основе, он позаботился об укреплении позиций Путлица в посольстве и настоял на его вступлении в НСДАП. С мая 1938 года ввиду перевода в Гаагу немец вышел из сферы действия Службы безопасности и был передан на связь местной резидентуре СИС. Он снабжал англичан добротной информацией, получаемой от посла, графа Зех-Бюркерсрода. Перед самой оккупацией Нидерландов Протце убедился в наличии в германском консульстве британского агента и постепенно начал сжимать вокруг него кольцо. Когда он окончательно установил, что им является именно Путлиц, то под большим секретом сообщил об этом послу и попросил его без ведома контрразведки никаких действий не предпринимать. Отлучившись из Гааги на совещание в Амстердам, по возвращении он обнаружил, что секретарь исчез, поскольку посол счел полученную от Протце историю полной нелепицей и рассказал об этом самому подозреваемому. Англичане немедленно прислали для эвакуации своего агента легкий самолет, однако гомосексуалист Путлиц наотрез отказывался лететь без своего друга. О его прибытии СИС не договаривалась с министерством внутренних дел, но вопрос в конечном счете решился положительно, и в Лондон прилетел и второй незапланированный иммигрант.

На севере континентальной Европы действовала еще одна весьма специфическая секретная служба, официальное прикрытие которой именовалось Международным союзом моряков, в обиходе “Лигой Вольвебера”. Ее возглавлял Эрнст Вольвебер, коммунист, бывший член прусского парламента и депутат от коммунистов в последний догитлеровский состав рейхстага. Внешне он отошел от партийной деятельности, но фактически остался членом Западно-Европейского бюро Коминтерна со штаб-квартирой в Копенгагене, куда перебрался из Германии, оставив на родине небольшую агентурную сеть. В 1933 году Вольвебер был принят на службу в ОГПУ и организовал в Копенгагене союз моряков, отделения которого в виде международных клубов открылись в основных портах Западной Европы и в некоторых точках Северной и Южной Америки. Главные из них располагались в Гамбурге, Бремене, Данциге, Роттердаме, Амстердаме, Копенгагене, Осло, Риге и Таллинне. Эти клубы часто служили прикрытием для агентурных и диверсионных операций сети Вольвебера, осуществляли связь, обеспечивали агентурный аппарат оперативной техникой и документацией, а гамбургская группа, кроме того, собирала информацию о дислокации и перемещении судов и грузов в порту. Лига занималась и контрразведкой. Так, при участии Вольвебера один из руководителей контрразведки германской компартии М. Аватин выследил в Копенгагене шпионившего в пользу немцев участника убийства Розы Люксембург Хорста фон Пфлук-Гартунга. Сложным путем через англичан его выдали датчанам, которые после этого с подачи Аватина и Вольвебера арестовали на своей территории еще 30 германских агентов.

Впервые Лигу заподозрила в нелегальной деятельности в 1933 году голландская контрразведка. К этому моменту ее агенты уже организовали поджоги и взрывы на нескольких судах, кроме того, осталась недоказанной их причастность еще к ряду диверсий сомнительного происхождения. С началом гражданской войны в Испании в 1936 году размах операций увеличился, а их направленность стала более определенной. Лига (фактически диверсионная резидентура) не ограничивала свои действия морскими объектами и даже осуществила акты саботажа на сетях электроснабжения шведских рудников, сырье с которых поставлялось в Германию. В 1937 году произошел провал ее агентуры в рейхе, 12 членов сети были арестованы гестапо и впоследствии казнены. В 1938 году из-за ареста НКВД многих сотрудников внешней разведки связь Лиги с Москвой прервалась на полгода, но затем возобновилась вновь. Талантливый конспиратор Вольвебер вовремя сумел понять необходимость обособления своей резидентуры от других точек, но в итоге и это не спасло его от провала. В 1940 году агентурная сеть Лиги была разгромлена, а ее руководитель с датским паспортом на имя Фрица Келлера попал в шведскую тюрьму, где подвергся серьезной опасности. Узнавшие об аресте мнимого датчанина и идентифицировавшие его немцы стали требовать выдачи заключенного как гражданина Германии, совершившего преступления против германских граждан и имущества. Шведское правительство оказалось в сложном положении, однако Вольвебер заявил, что является советским гражданином, а посол СССР в Швеции А. М. Коллонтай подтвердила это. Вскоре она представила доказательство своих слов в виде выписанного на его имя советского паспорта, который вручил ему резидент НКВД в Стокгольме Е. Т. Синицын (“Елисей”), и вопрос о выдаче отпал. Вольвебер оставался в шведс-

кой тюрьме до 1944 года, после освобождения уехал в Москву, а впоследствии стал первым министром госбезопасности Германской демократической республики. Долго на этом посту ему пробыть не удалось, в 1957 году из-за внутривластных интриг он был смещен “за вредные взгляды в период обострения классовой борьбы” и заменен Эрихом Мильке, изобретателем печально известного понятия “идеологическая диверсия”.

Нейтральная Швейцария представляла для шпионажа значительно лучшие перспективы, нежели спокойные североевропейские страны. Тем более удивительным является отсутствие в ней до второй половины 1930-х годов серьезной инфраструктуры и позиций разведок ведущих государств, за исключением Италии и Германии. Швейцарские резидентуры СИС были слабы, а точка в Берне вообще находилась в зачаточном состоянии и фактически приступила к работе только после вторжения вермахта в Голландию в 1940 году. Разведупр РККА тоже далеко не сразу сумел развернуть деятельность в столь заманчивом регионе, а внешняя разведка НКВД отстала и от него. Возможно, это объяснялось опасениями полной изоляции страны в случае начала европейской войны и нарушения связи резидентуры с Центром, лишаящего заграничку полезности в самый критический момент. Однако если о соображениях руководителей советских разведывательных органов можно лишь догадываться, то мнение Канариса на этот счет известно абсолютно точно. Адмирал придерживался именно такой точки зрения и без колебаний отнес КО-Швейцария к числу временных резидентур абвера. Надо сказать, что СД-аусланд сумела оценить оперативную и политическую ситуацию значительно лучше своих военных коллег и довольно прочно закрепилась в стране. Правда, первые попытки СД насадить свою агентуру в Альпийской республике были весьма неуклюжими. Бригадфюрер СС Йост направил туда нескольких офицеров, основной задачей которых являлось фактическое создание “швейцарских СС”, что встретило резкую реакцию Берна и существенно подорвало репутацию рейха. Иначе действовал Гейдрих. Он всегда интересовался проникновением в мир финансовых операций, закрытых торговых контрактов и тайной деятельности банков, поэтому сразу же обратил внимание на Берн, Цюрих и Женеву. Вероятно, в этот период СД была единственной разведкой, которую интересовала сама Швейцария, а не только удобство работы с ее территории против третьих стран. Приобретенные службой безопасности позиции обеспечили проведение в будущем весьма деликатных операций с золотом и другими активами НСДАП и РСХА.

Со Швейцарией связана одна из первых и наиболее скандальных акций нацистских спецслужб. Эмигрировавший в Великобританию журналист-антифашист и сотрудник “Вельтбюне” Бертольд Якоб выпустил в одном из английских издательств книгу о вермахте с удивительно точным описанием его структуры и дислокации частей, перечислением и характеристиками их командиров, а также другими, не менее интересными подробностями. Немцы весьма встревожились и решили установить каналы утечки этой информации. В 1937 году сотрудник гестапо Ганс Веземан выманил эмигранта в Базель под привлекательным предлогом приготовления к выпуску антифашистского еженедельника, часть тиража которого должна была нелегально переправляться через швейцарско-германскую границу. Веземан и его помощники напоили журналиста снотворными препаратами и в бессознательном состоянии тайно вывезли на территорию рейха, где на допросах Якоб подробно объяснил свой метод работы с открытыми источниками информации. Он не использовал ни одного агента, но скрупулезно обрабатывал все журнальные и газетные публикации и проявил себя талантливым аналитиком, причем невольно оказал нацистской разведке большую услугу, показав ей многие нюансы информационно-аналитической работы. К счастью, история с похищением на этом не закончилась. Жена Якоба поняла, что муж попал в беду, и притом точно знала, в какую именно, поэтому немедленно обратилась к общественности с заявлением о грубом нарушении немцами суверенитета Швейцарской Конфедерации. Вмешалось правительство, пригрозившее Международным судом в Гааге, и через шесть месяцев измученный и напуганный журналист вернулся домой. Гитлер в те годы еще не рисковал слишком откровенно попирать международные нормы, поэтому Якобу посчастливилось стать одним из немногих противников нацистского режима, вышедших из гестапо без особых потерь. Уверенный в своей безнаказанности Веземан даже не попытался скрыться и был арестован, но швейцарский суд обошелся с ним достаточно мягко и приговорил к четырем годам тюремного заключения, из которых он отсидел лишь два. Так сравнительно бескровно окончилась эта история.

На фоне немцев спецслужбы других государств выглядели намного скромнее. В конце 1930-х годов СИС располагала в Швейцарии несколькими резидентурами и подрезидентурами. В Цюрихе и Берне находились бюро паспортного контроля, а в Базеле и Женеве — точки сети “Z”, возглавляемые соответственно Эктоном Барнеллом и будущим исполнительным директором СОЕ Фрэнком Нельсоном. Об уровне их работы красноречиво свидетельствует техническое оснащение резидентур, не имевших возможности поддерживать радиообмен с центром. Единственная станция имелась только в Берне, но она была не передающей, а лишь работала на прием сообщений из Лондона. Швейцария приобрела особенное значение после разгрома австрийской сети СИС и ареста резидента Кендрика, поэтому полковник Дэнси лично курировал все операции в стране, не допуская вмешательства конкурентов. Однако, несмотря на это, никакими особенными успехами в предвоенный период англичане похвастаться не могли и ограничивались рутинной работой по приобретению не слишком важных источников.

Достаточно уверенно чувствовала себя в Швейцарии чехословацкая разведка. Ее резидентуру в Цюрихе (“Кази”) с 1937 года возглавлял капитан, впоследствии майор Карел Седлачек (“Томас Зельцингер”), работавший под прикрытием корреспондента пражской газеты “Народны листы”. Благоприятная обстановка во многом объяснялась прекрасными личными и служебными взаимоотношениями полковника Моравца с начальником швейцарской военной разведки подполковником Роже Массоном. Зимой 1934 — 1935 годов остро нуждавшийся в деньгах майор германского генерального штаба предложил чехословацкой разведке поставлять документальную информацию об организации люфтваффе, боевом расписании, графике формирования новых летных частей, дислокации штабов, программе строительства аэродромов и новых типах самолетов. Он запросил единовременное вознаграждение в 50 тысяч рейхсмарок и после достижения договоренности с лично прибывшим Моравцем открыл ему свою фамилию — Зальм. Новый агент 2-го отдела получил конспиративный адрес для переписки и обозначение А-52. Он стал прекрасным источником и встречался с Моравцем еще дважды, получив от него в общей сложности сумму, эквивалентную 90 тысячам долларов США, однако осенью 1936 года германская контрразведка разоблачила предателя, и тот был казнен.

Разведывательные службы СССР стали всерьез заниматься Швейцарией лишь со второй половины 1930-х годов. Объективные причины такого пренебрежения к этой стране заключались в том, что она не являлась потенциальным противником Советского Союза, имела нейтральный и внеблоковый статус, не обладала серьезным научно-техническим и военно-техническим потенциалом и не предоставляла свою территорию для размещения эмигрантских организаций в сколько-нибудь заметном масштабе. Имелась и субъективная причина позднего освоения Швейцарии. После убийства Морисом Конради 10 мая 1923 года полпреда РСФСР и УССР в Италии В. В. Воровского, возглавлявшего советскую делегацию на международной конференции по Ближнему Востоку в Лозанне, Москва разорвала дипломатические отношения с Берном. Через десять дней после террористического акта СНК издал декрет “О бойкоте Швейцарии”, в результате которого дипломатические учреждения СССР отсутствовали в стране до 1946 года. Это обстоятельство полностью исключило возможность ведения на территории Швейцарии разведки с “легальных” позиций и крайне осложнило организацию нелегальных операций. Безусловно, это не означает, что в 1920-х — первой половине 1930-х годов советская разведка вообще не присутствовала в регионе. С Берном, в частности, связана одна из примечательных страниц деятельности известного разведчика Д. А. Быстролетова (“Андрей”, “Ганс”). В 1928 году в советское полпредство в Париже обратился инициативник, за 200 тысяч франков предложивший продать итальянский дипломатический шифр и согласившийся на сутки оставить шифровальную книгу для проверки ее подлинности. Эксперты резидентуры быстро установили, что шифр был и в самом деле настоящим, но слабо разобравшиеся в ситуации разведчики решили сэкономить для страны валюту. Они перефотографировали книгу, а явившегося за получением денег посетителя просто выгнали, причем никто даже не удосужился хотя бы проследить за ним и установить его личность. “Легальный” резидент Янович с гордостью доложил в Центр об удачной операции и получил поощрение, однако радость длилась недолго. Вскоре итальянцы сменили шифр, и их дипломатическая переписка стала столь же недостижима, как и раньше.

Эту историю частично описал в своей опубликованной на Западе книге дипломат-невозвращенец Г. З. Беседовский, после чего о ней узнал сам Сталин, распорядившийся найти неустановленного посетителя в срок не более шести месяцев. Строго говоря, задача обнаружения в Европе в 1928 году человека по приблизительному словесному портрету являлась практически неразрешимой. Вероятно, именно поэтому ее поручили Быстролетову, обратившему внимание на описанные Яновичем явно горный загар инициативника и некоторые другие детали его внешности. Разведчик предположил, что такая комбинация признаков может соответствовать итальянцу, регулярно отдыхающему на горных курортах. Кроме того, “Андрей” полагал, что искомым объект как-то связан с международными организациями. В комплексе все это позволяло с некоторой долей вероятности искать его в Женеве, что, как ни странно, увенчалось успехом. Два месяца спустя разведчик обнаружил там исчезнувшего посетителя полпредства СССР, оказавшегося итальянцем, бывшим офицером швейцарской армии Джованни де Ри (“Росси”), и завербовал его под флагом работающего на японскую разведку американца. Первой добычей нового агента стали две серии шифров. Работа с ним оказалась трудной, однажды “Росси” даже попытался убить своего руководителя, и лишь самообладание и стечение благоприятных обстоятельств помогли Быстролетову взять ситуацию под контроль. Через некоторое время выяснились любопытные подробности. Оказалось, что в действительности шифрами итальянского МИД торговал сам министр иностранных дел граф Галеаццо Чиано де Кортеллаццо. Его негласный эмиссар под видом американца объезжал вначале посольства великих держав, которым назначал цену в 100 тысяч долларов, затем второстепенные миссии, где несколько снижал цену, а затем всех оставшихся, с которых запрашивал уже всего по 10 тысяч. Прекрасно налаженная система позволяла регулярно продавать шифры, затем заменявшиеся новыми и вновь продававшимися в том же порядке тем же самым потребителям. Бизнес действовал бесперебойно.

Быстролетов специализировался именно на компрометации шифров и кодов и сделал в этой области больше, чем какой-либо другой советский нелегал. Работе помогала его способность выглядеть своим в самом аристократическом обществе, чего явно недоставало очень многим советским разведчикам. Светские навыки не прививались Быстролетову в зрелом возрасте, а были выработаны в раннем детстве и потому носили естественный характер. Он воспитывался в петербургской аристократической семье графини де Корваль, в той или иной степени владел 22 языками, писал стихи, хорошо рисовал. Возможно, в рассматриваемый период он являлся самым широко и разносторонне образованным человеком в системе советской госбезопасности. Наружность молодого красавца нередко использовалась им для обольщения нужных женщин, но чаще по легенде прикрытия он играл роль аристократа из какой-либо европейской страны. Собственно, по отцу Дмитрий Александрович Быстролетов и в самом деле был графом, побочным сыном А. Н. Толстого (родственника известного писателя), а фамилию взял от матери, хотя существует

Д. А. Быстролетов

и другая версия, согласно которой его отцом был обычный сельский школьный учитель. С молодых лет будущий разведчик вел полную приключений жизнь. После двухлетнего обучения в Морском кадетском корпусе в Севастополе он в 16-летнем возрасте успел принять участие в десантных операциях Черноморского флота, а в 1919 году, после окончания Анапской мореходной школы и дезертирства из флота Добровольческой армии А. И. Деникина, эмигрировал в Турцию. Несколько раз Быстролетов нелегально проникал на родину и вновь покидал ее, преимущественно в составе экипажей судов заграничного плавания. В эмиграции он продолжил свое образование, вначале в колледже для европейцев-христиан в Константинополе, а затем в Пражском университете. Позднее Быстролетов получил в нем степень доктора права, в Цюрихском университете — степень доктора медицины, а также прослушал курсы в академиях художеств Парижа и Берлина.

Во время учебы в университете способный молодой человек привлек внимание ОГПУ и был вначале привлечен к агентурной работе, а затем, после беседы с А. Х. Артузовым и М. С. Горбом, зачислен в штат сотрудников. Чехословакию ему пришлось покинуть после неудачного вербовочного подхода к техническому секретарю Чешского союза промышленников, причем виновен в этом был не начинающий разведчик, а недостаточно продумав-

ший ситуацию резидент Голст (“Семен”). Затем Быстролетов поступил в распоряжение берлинской резидентуры и работал во множестве стран Европы по документам венгерского графа Лайоша Перелли, чеха Йозефа Сверны, грека Александра Халласа, английского графа Роберта Гренвиля и другим.

Подобно большинству “великих нелегалов”, его судьба печальна. Быстролетова отозвали в Москву и обвинили в сотрудничестве с иностранной разведкой. На допросах следователи избивали его так, что кишки выпали из брюшины под кожу, а обломки ребер повредили легкие, после чего чудом выжившего и ставшего инвалидом человека отправили в лагерь. Там Быстролетов, к всеобщему удивлению, не умер, а в 1947 году потребовался руководству госбезопасности. Министр МГБ В. С. Абакумов предложил ему вернуться в кадры разведки, но заключенный согласился на это только при условии полной реабилитации. Подобная принципиальность оказалась совершенно бесперспективной и, мало того, губительной. Быстролетова заключили в одиночную камеру, где он приобрел тяжелый психоз, а затем возвратили в лагерь. В 1954 году его досрочно освободили из-за психического заболевания, временной слепоты и двух параличей, На воле Быстролетов слегка оправился, однако жил в очень тяжелых условиях. Несмотря на реабилитацию в 1956 (по другим сведениям, в 1955) году, КГБ не только отказал ему в пенсии, но даже не вернул изъятые документы об образовании. Позднее бывший легендарный разведчик работал языковым редактором в издательстве на нищенскую зарплату, сумел опубликовать несколько книг и умер в бедности в 1975 году, имея в послужном списке 11 лет нелегальных операций и 16 лет лагерей.

Контакт с де Ри помог Быстролетову выйти на его коллегу из СР, уже упоминавшегося Родольфа Лемуана. Этот урожденный немец и сын берлинского ювелира, названный при рождении Рудольфом Штальманом, с 1918 года работал на французскую разведку под псевдонимом “Рекс” и специализировался на добывании шифров и кодов. Затем Быстролетов передал Лемуана на связь Игнатию Рейсса (“Раймонд”) и полностью сосредоточился на работе с Эрнстом Олдхамом (“Арно”). Рейсс, представленный “Рексу” как офицер американской военной разведки, под этим прикрытием попытался наладить с французами обмен информацией по Германии. В ноябре 1933 года Лемуан, именовавшийся в оперативной переписке “Иосифом”, познакомил Рейсса с главным криптографом французской разведки Густавом Бертраном. “Американец” предложил к обмену некоторые латиноамериканские шифры, но французу больше нужны были европейские. Вскоре “Раймонд”, рассчитывая вызвать у Лемуана замешательство и шантажировать его, раскрыл перед ним свою принадлежность к оперативному аппарату ОГПУ. “Иосифа” совершенно не смутило это обстоятельство, и замысел Рейсса не сработал. Конечным результатом контакта с СР явилось получение итальянского шифра и некоторой информации по Чехословакии и Венгрии.

После 1935 года игнорировать Швейцарию с разведывательной точки зрения стало уже невозможно, и в ней начали появляться первые советские нелегалы. Внешняя разведка периодически использовала Конфедерацию для встреч с работавшими в третьих странах агентами, но вывод агентуры на глубокое оседание и закрепление первой начала военная разведка. Известен факт работы нелегальной резидентуры РУ РККА в главе с прибывшей в Женеву в 1936 году известной разведчицей М. И. Поляковой (“Гизела”, “Вера”, “Милдред”). Она легализовалась по британскому паспорту на имя Маргарет Ли и достигла неплохих результатов в приобретении источников, в первую очередь по линии военно-технической разведки. Полякова установила первый контакт с Рашель Дюбендорфер (будущая “Сисси”) и привлекла ее к сотрудничеству, хотя не исключено, что та уже работала на СССР и была завербована Анри Робинсоном. Историки затрудняются в вынесении конечного суждения о том, какая из версий соответствует действительности. Вообще, сведения о швейцарских агентурных сетях советской военной разведки весьма противоречивы и крайне скудно документированы в открытых источниках. Несмотря на это, их деятельность привлекала и привлекает пристальное внимание огромного количества исследователей, в значительной степени опирающихся на собственные домыслы и логические построения. В значительной степени это связано и с недоверием к мемуарам некоторых видных участников событий (Радо, Фут, Кучински), еще более усиливающей степень неопределенности. Тем не менее, некоторые основные суждения о швейцарском нелегальном аппарате РУ/ГРУ РККА вынести все же можно.

Полякова пребывала в Женеве с 1936 по 1937 годы. В это же время, в августе 1936 года в этом городе появился венгр-коммунист, видный географ и картограф и один из самых результативных разведчиков Второй мировой войны Шандор Радо (“Альберт”), в 1934

году привлеченный к работе лично начальником IV (разведывательного) управления РККА Урицким и его заместителем Артузовым.

Будущий резидент родился в 1899 году в богатой еврейской семье и еще в период обучения в гимназии вступил в социалистический кружок. В ноябре 1918 года он одним стал из первых членов коммунистической партии Венгрии и активно участвовал в революции 1918 — 1919 годов. После ее поражения Радо эмигрировал в Австрию, а оттуда перебрался в Германию, и в университете Йены из правоведа переквалифицировался в географа и картографа. Одновременно он продолжал активную революционную деятельность в тесном контакте с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. В конце 1919 года Радо прибыл в Москву, где принимал участие во II конгрессе Коминтерна, в том числе под непосредственным руководством его председателя Зиновьева. По некоторым данным, приблизительно тогда же он установил первые отношения с советской военной разведкой и выполнял ее поручения в Швеции и Австрии, а после окончания обучения в университете Йены в 1925 году — и в других странах Европы. Однако точных данных на этот счет не имеется, и более вероятно, что Радо выполнял там поручения ИККИ. После прихода к власти НСДАП он покинул Германию, в которой проживал в течение последнего времени, и перебрался в Париж. Там в 1933 году он на советские средства открыл пресс-агентство “Инпресс”, специализировавшееся на картах и географических сведениях в привязке к текущему развитию событий в мире. Три года спустя Радо приехал в СССР, где попытался получить согласие на отход от разведывательной работы, но безрезультатно. Взамен ему настоятельно предложили вернуться во Францию, закрыть нерентабельное агентство и принять иное задание.

Первоначально Радо планировался на оседание в Бельгии, однако из-за отказа брюссельских властей предоставить ему вид на жительство он вынужденно перебрался в Женеву, открыл там первое, по его собственной оценке, современное картографическое агентство “Геопресс” и даже аккредитовался в качестве официального картографа при Лиге Наций. Первое время он работал под руководством нелегального резидента РУ во Франции Л. А. Анулова (настоящая фамилия Московичи, Акулов, “Костя”), имевшего на связи источники в Швейцарии. Этот достаточно опытный разведчик был известен Радо под псевдонимом “Коля” и оказал ему помощь на начальном этапе работы, но вскоре был отозван в Советский Союз, награжден там орденом Ленина и почти сразу же отправлен в лагеря до 1955 года.

Ввиду этих событий в апреле 1938 года заметно укрепивший свое положение Радо возглавил нелегальную резидентуру под прозрачным псевдонимом “Дора” и принял на связь группу источников. Кодовое имя “Альберт” использовалось им в оперативных целях и для подписи радиограмм, до конца 1940 года направлявшихся в Центр через передатчик “Сони” (Урсула Кучински, Хамбургер, Бертон, литературный псевдоним — Рут Вернер). Его опыт коммунистической подпольной работы не мог заменить специальную разведывательную подготовку, поэтому резидент испытывал в работе большие трудности. Первоначально он располагал всего одним, зато довольно результативным агентом по имени Отто Пюнтер (“Пакбо”), который являлся журналистом, директором и владельцем бернского информационного агентства “Инса”, а работать на Разведупр начал после поездки в Испанию, где его привлек к сотрудничеству вербовщик “Карло”. В сроках его привлечения к деятельности резидентуры “Дора” имеется некоторая нестыковка. В одной из радиограмм в Центр от 15 июля 1942 года Радо упоминает о новом источнике информации “Пакбо”, привлеченном в начале апреля того же года. Однако Пюнтер, без сомнения, работал с “Альбертом” еще до нападения Германии на СССР. В настоящее время автор не имеет данных, позволяющих понять причину такого странного утверждения резидента.

Агент-групповод Пюнтер располагал значительной сетью собственных источников, не подозревавших, что предоставляемые ими материалы используются не столько в журналистике, сколько в разведке. Интересна расшифровка псевдонима “Пакбо”, по мнению некоторых, означающая “партийная канцелярия Бормана”. Приверженцы этой версии полагают, что часть своей информации Пюнтер черпал именно оттуда, но такая трактовка весьма сомнительна. Значительно более правдоподобным представляется объяснение самого “Пакбо”, согласно которому его псевдоним представляет собой аббревиатуру названий городов, в которых работали его источники: Понтрезино/Пошкаво, Арт-Голдо, Кройцлинген, Берн/Базель и Орселина (другой вариант: Понтрезино, Аарау, Кройцлинген, Берн и Орселина). Следует, однако, учесть, что ко всем относящимся к “Пакбо” сведениям следует подходить с крайней осторожностью, поскольку значительная часть его утверждений являла

Урсула Кучински

собой преувеличения или измышления. Зато он умалчивал о таком существенном факторе, как собственная связь со швейцарской военной разведкой, позволявшая групповоду чувствовать себя достаточно спокойно и уверенно.

Постепенно агентурный аппарат “Доры” развивался. Информацию по итальянской армии, ВВС и ВМС, поставкам вооружения в Испанию, военной и кораблестроительной промышленности Италии поставлял источник “Габель”, по Германии — источник “Пуассон”, имелись и некоторые другие агенты, однако основные достижения Радо были еще далеко впереди. Самым слабым местом точки была ее связь с Центром, которая осуществлялась через Париж и мгновенно оборвалась 29 августа 1939 года, после закрытия Швейцарией своих границ из-за опасной близости войны. Резервный передатчик резидентуры оказался бесполезен из-за отсутствия шифров и радиста, поскольку Центр рассматривал “Дору” как резервную сеть, не особенно загружал ее заданиями, но и соответственно слабо укомплектовывал. Связь с Москвой возобновилась в декабре, после прибытия из СССР Урсулы (“Соня”).

Ранее она работала с Зорге в Китае и в 1935 году едва успела уехать оттуда перед самым арестом, а два года спустя была направлена в длительную спецкомандировку в Польшу и Данциг. В Швейцарии “Соня” появилась в 1938 году вместе с М. И. Поляковой в рамках осуществления плана по развертыванию резервной радиосети военной разведки на случай войны с Германией и прекращения работы действовавших в мирное время каналов связи. В ее группу входили:

- агент-радист Александр Аллен Фут (“Джим”), позднее перешел к англичанам;
- Жюль Хумберт-Дроз из Швейцарской рабочей партии, обеспечивавший контакты с ежедневно пересекавшими германскую границу немецкими рабочими;
- полицейский чиновник из Базеля Макс Хабьянич, поставивший чистые бланки швейцарских паспортов;
- служащая фирмы по трудоустройству, курьер сети Анна Мюллер.

В предвоенный период в Швейцарии существовала еще одна нелегальная резидентура РУ РККА, тоже не имевшая радиопередатчика и использовавшая курьерскую связь. Ее возглавляла уже упоминавшаяся коммунистка Рашель Дюбендорфер (“Сисси”) — иммигрантка из Германии, сумевшая закрепиться, легализовать свое пребывание в стране и поступить на работу в Международное бюро труда (ИЛО) при Лиге Наций. Первоначально резидентура находилась на магистральной связи с Центром, а с 1940 года стала подразделением “Доры”, но сохранила собственный шифр. Важнейшими агентами “Сисси” были Александр Абрамсон (“Мариус”), Пауль Бетхер (“Пауль”, “Ганс Заальбах”) и Христиан Шнайдер (“Тейлор”). Абрамсон работал в отделе прессы ИЛО и извлекал немало полезной информации из своих широчайших контактов. Кроме того, в служебном сейфе он хранил некоторые материалы резидентуры и постоянно ссужал Дюбендорфер деньгами, поскольку Центр финансировал резидентуру крайне нерегулярно. Бетхер являлся фактическим мужем “Сисси”, но не сумел, однако, должным образом узаконить свое пребывание в Швейцарии и проживал там нелегально. В 1923 году он занимал должность министра финансов в социал-демократическом правительстве Саксонии, а в 1929 году был выслан из Германии. Важнее же всех оказался Шнайдер, установивший контакт с легендарным и загадочным сотрудником “Бюро Ха” Рудольфом Ресслером, привлеченным к сотрудничеству лишь летом 1942 года.

Упомянутое бюро стало одним из важнейших элементов системы военной разведки Швейцарии, выросшей из разведаппарата периода Первой мировой войны. В то время ее главной задачей являлось предотвращение возможности достижения противником внезапности при нападении на страну. С этой целью она концентрировала усилия на насаждении на потенциально опасных направлениях приграничной агентуры, в задачи которой входило отслеживание демаскирующих подготовку к нападению признаков. К числу таковых относились: шум конных повозок, клубы пыли от передвижения армейских обозов по дорогам без покрытия, длинные колонны пехоты, подготовка ТВД в районах сосредоточения войск и подготовка к форсированию рек и озер. Уже в первой половине 1930-х годов такая кон-

цепция безнадежно устарела. Появление крупных подвижных соединений не оставило бы швейцарцам достаточного запаса времени на реагирование, поэтому обнаружение военных приготовлений возможного противника теперь следовало осуществлять не в приграничной зоне, а намного глубже. Однако изменение доктрины разведки далеко не сразу повлекло за собой изменение ее структуры и штатов. Распушенная после окончания Первой мировой войны разведка была восстановлена в 1920-х годах лишь символически. Штат отвечавшей за эту деятельность 5-й секции генерального штаба на протяжении длительного времени состоял из начальника и его секретаря. В среде швейцарских военных пользовалась популярностью шутка, гласившая, что если один из разведчиков заболит, а второй отлучится со службы, телефон разведки замолчит, и она будет бездействовать. Причины такого пренебрежения были многообразными и заключались в отсутствии квалифицированных кадров, в нежелании вести разведку на опережение, в наивной убежденности в способности источников мирного времени действовать в военной обстановке, а главным образом — в вере в эффективность системы коллективной безопасности в Европе. До 1925 года секцию возглавлял Густав Комбе, его сменил Роже Массон. Первоначально бюджет 5-й секции составлял 10 тысяч франков и был увеличен до 30 тысяч лишь в 1934 году по настоятельному требованию начальника генерального штаба. Эта сумма по курсу описываемого периода равнялась мизерной величине в 1500 фунтов стерлингов и была слишком скромной для выполнения поставленных перед швейцарской разведкой задач. С 1930 по 1937 годы к ним относились:

- сбор информации об иностранных армиях и о военных приготовлениях в пограничных зонах (строительство дорог, фортификационных сооружений и иной инфраструктуры, пригодной для использования в военных целях);
- добывание информации об активности на зарубежных ТВД;
- организация армейской разведки и связь с войсковыми разведорганами;
- контакты с таможенными властями;
- шифровальная работа (собственные шифры и коды и вскрытие иностранных криптосистем);
- организация пересылки разведывательных материалов при помощи почтовых голубей;
- руководство военной полицией;
- оценка публикаций в прессе;
- связь с военными атташе Швейцарии за рубежом и аккредитованными в Берне иностранными военными атташе.

Трудно представить, как в генеральном штабе швейцарской армии могли рассчитывать на то, что с этим списком задач смогут справиться два офицера. Примечательно, что деликатные проблемы разведки не остались внутри армейского руководства, а получили освещение на страницах прессы. С января по март 1938 года в еженедельнике “Насьон” появилась серия статей скандально известного военного обозревателя Юргена Лютернау (“Герман Хагенбух”) под названием “Характеристики армейской разведки”. Вероятно, иностранные военные атташе почерпнули из нее немало ценной информации. Однако, помимо негативного эффекта, публикация заставила генеральный штаб обратить внимание на полузабытое направление деятельности. 29 марта 1938 года начальник генштаба Якоб Лабхарт направил министру обороны, федеральному советнику Рудольфу Мингеру меморандум следующего содержания: “В ходе последних событий в Австрии становится очевидным, что 5-я (разведывательная) секция серьезно недоукомплектована. В этот критический период начальнику секции приходилось находиться в своем кабинете практически 24 часа в сутки только для того, чтобы принимать сообщения и вести самые неотложные дела. Детальная оценка информации была невозможной. Принимая во внимание значение разведки, особенно в периоды напряженности, полностью оправдано создание организации со штатной численностью, необходимой для того, чтобы находиться в курсе событий. Как минимум, основа армейской разведки должна существовать уже в мирное время. Разведывательной службе требуется не менее семи офицеров генерального штаба; будет совершенно неправильным полагать, что прочие офицеры генштаба смогут немедленно приступить к этой работе в случае войны. Более того, для разведки крайне важно быть надежной и хорошо информированной в случае, если руководству потребуются информационные документы для принятия решений в периоды напряженности. Однако в настоящее время разведка не располагает даже приблизительно достаточным штатом для выполнения этой задачи. Для добывания, изучения и оценки информации начальнику разведки нужны, как минимум, заместитель,

еще один офицер и дополнительный секретарь”²⁴². Аргументы возымели действие. Вскоре в 5-й секции работали уже три сотрудника, к лету их число выросло до четырех, а осенью прибавился еще один. В том же году начальник генштаба издал нормативный документ, предусматривавший функциональную перестройку разведки. В соответствии с ним, отныне ее функции включали:

- связь с таможенными органами, министерством иностранных дел и генеральной прокуратурой;
- связь с иностранными представителями в Берне и их военными атташе;
- связь со “Швейцарской национальной патриотической ассоциацией”;
- рекогносцировка пограничных со Швейцарией областей;
- принятие мер против возможности внезапного нападения, в частности, развертывание совместно с МИД агентурной сети на глубину от 30 до 100 километров (в основном на германской границе, в меньшей мере на итальянской и французской);
- поддержание связи с агентурой и выполнение иных задач секретной службы;
- руководство военной полицией;
- руководство шифровальным бюро;
- руководство пресс-бюро армии.

Упомянутая “Швейцарская национальная патриотическая ассоциация” (СВВ) являлась общественной организацией во главе с Ойгеном Бирхером. Среди ее уставных задач значилось добывание информации для военного командования, включая генеральный штаб и штабы некоторых дивизий. СВВ работала в соответствии с поставленными ей задачами и, несмотря на свой якобы общественный характер, финансировалась по смете генерального штаба. Она располагала собственными агентами, все из которых имели звания офицеров запаса и собирали информацию в ходе своих деловых и иных поездок в различные страны. В архивах содержатся упоминания о связях этих агентов в таких государствах, как США, Польша, Румыния, СССР, Марокко, Турция и Греция. Утверждалось, что на связи у одного из агентов СВВ имелся высокопоставленный источник в полиции Мюнхена. Трудно сказать,

Роже Массон

насколько все это соответствовало реальности, однако факт достойной работы всей системы швейцарской разведки во время осенних событий 1938 года в Чехословакии и захвата остатков Чехии в 1939 году налицо. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря увеличению финансирования 5-й секции до 50 тысяч франков в марте 1938 года. Примечательно, что из этой суммы 20 тысяч ассигновалось на анализ сообщений в прессе и только 3 тысячи — на оплату агентурных операций. Безусловно, приведенные показатели следует несколько скорректировать в сторону увеличения благодаря маскировке средств на агентурно-оперативную работу в бюджете негосударственных организаций, а также учесть, что агенты-швейцарцы, как правило, работали бесплатно. Кроме того, переориентация 5-й секции на стратегические вопросы позволила ей освободиться от множества агентов оперативного звена.

В начале 1939 года разведывательная секция подчинялась одному из помощников начальника генштаба и имела следующую схему организации:

- начальник разведки:
- канцелярия и архивы;
- политическая секретная служба;
- специальная служба (связь с МИД, таможенными органами и генеральной прокуратурой);
- Швейцарское бюро:
- военная разведка:
- добывание информации:
- связь со швейцарскими военными атташе;
- связь с агентурой;
- разведорганы на юге;
- разведорганы на западе;
- разведорганы на севере;

- оценка и рассылка информации;
- картография;
- особые исследования;
- Италия;
- Германия;
- Франция;
- другие государства;
- контрразведка;
- шифровальная работа:
- собственные коды и шифры;
- вскрытие иностранных криптосистем;
- обучение разведке;
- связь с иностранными военными атташе.

Легко заметить, что приведенная схема ни в коем случае не является организационно-структурной, хотя бы потому, что перечисленные направления деятельности по количеству существенно превышают штатную численность разведки на начало 1939 года (7 человек). Даже в сентябре 1939 года, после мобилизации швейцарской армии, в центральном аппарате разведки служили всего 10 офицеров. Правда, существенно увеличилось финансирование. По настоятельному требованию начальника генштаба, с 1939 года ассигнования на разведку составили 250 тысяч франков. Они предназначались как для аппарата в Берне, так и для вновь создаваемых разведорганов на юге, западе и севере страны (по три офицера в каждом).

Следует обратить внимание на наличие контрразведки в списке направлений работы 5-й секции. Это было вменено ей в обязанности в начале 1939 года и сразу же вызвало крайне негативную реакцию со стороны как гражданской полиции, так и генеральной прокуратуры. Вероятно, в военной полиции также были недовольны нововведением, но ввиду своей подчиненности 5-й секции держали это мнение при себе. Отмахиваться от могущественных оппонентов было невозможно, потому организация военной контрразведки существенно затянулась. Она была узаконена приказом по армии лишь после начала войны в Европе, в октябре 1939 года.

Силы и средства швейцарской разведки не отличались особым многообразием, зато имели одну характерную особенность. Она заключалась в использовании разведывательных возможностей таких негосударственных структур, как упомянутые ранее СВВ и “Бюро Ха”. Последнее достаточно часто упоминается в исторических работах, однако в большинстве случаев авторы пользуются недостоверными или неполными данными, что существенно искажает общую картину происходившего. В данной работе предпринята попытка внести коррективы в некоторые общепринятые представления об этом вопросе с учетом информации, содержащейся в рассекреченных материалах швейцарских архивов.

“Бюро Ха”²⁴³ действительно представляло собой частную разведывательную организацию, которую в самом конце 1930-х годов создал капитан (а не майор, как это указывается практически во всех источниках) резерва, убежденный антифашист и довольно богатый человек, пресс-секретарь Союза швейцарских офицеров Ганс Хаузаманн. Однако оно располагалось не в Люцерне, как часто утверждается в литературе, а в Тойфене, близ Санкт-Галлена. Бюро действительно было переведено в Люцерн, но произошло это существенно позднее, уже в ходе Второй мировой войны. Кроме того, оно занималось не только разведкой. Военный прокурор генерал Трюссель в меморандуме, направленном на имя главнокомандующего швейцарской армией генерала Анри Гюсана писал о “Бюро Ха”: “С одной стороны, оно служит подразделением Разведывательной секции путем предоставления отчетов об обстановке за рубежом и информации о передвижениях войск, с другой стороны, оно является пропагандистским подразделением армии по отношению к прессе и политическим партиям”²⁴⁴. Об этой второй стороне деятельности Хаузаманна упоминания в литературе практически отсутствуют. Между тем, судя по всему, она была весьма важна, о чем можно судить хотя бы по тому факту, что на входных дверях бюро висела вывеска: “Бюро капитана Хаузаманна, армейский персонал”²⁴⁵. Командир 7-й дивизии Ганс Фрик с возмущением сообщал об этом факте в письме на имя Массона. Из литературы обычно неясно, по какой причине данная организация возникла вообще, еще более затушевывается характер ее взаимоотношений с официальной разведкой. Между тем ее истоки берут начало в давней

работе Хаузаманна на 5-ю секцию. Он являлся личным агентом Масона с 1931 года и подружился с ним. Судя по всему, именно полковник и подсказал ему идею создать частную коммерческую разведслужбу и гарантировал финансовую поддержку. Безусловно, Хаузаманн любил свою родину и не умел вести спокойную и размеренную жизнь без приключений. Он и в самом деле полагал первостепенно важным помочь Швейцарии избежать внезапного германского нападения и на собственные заработанные торговлей фотографическим и оптическим оборудованием средства организовал частное разведывательное бюро, которое назвал по двум первым буквам своей фамилии. Однако в долгосрочной перспективе это оказалось весьма выгодным финансовым мероприятием, поскольку по мере роста международной напряженности военное командование проявляло все больше склонности покупать добываемую агентами Хаузаманна информацию, а впоследствии вообще стало выступать в роли своего рода “единого заказчика”. Невозможно отрицать, что Хаузаманн начал дело на собственные деньги. На них он приобрел виллу для размещения службы, нанял аппарат из трех человек, состоявший из секретаря (родственник Хаузаманна), машинистки и пожилой телеграфистки, бывшей сотрудницы французского почтового ведомства, и покрывал все оперативные расходы. Строго говоря, “Бюро Ха” не являлось разведывательным органом в полном смысле этого слова, поскольку не вело агентурно-оперативной работы, а действовало методами получения информации на основе доверительных, лишь иногда негласных контактов и ее анализа, а также работало по открытым источникам. Некоторые исследователи полагают, что Хаузаманн пользовался финансовой поддержкой СИС, но достоверно этот факт не установлен и вызывает серьезные сомнения. Вложенные в бюро средства хотя и оказались выгодной инвестицией, но не могли обеспечить быстрого возврата. Правда, существенная часть расходов на разведку в любом случае была бы понесена по другой статье. По роду занятий Хаузаманн постоянно ездил по Европе и обзавелся многими доверительными контактами во Франции, Италии и особенно Германии. Кроме того, он занимал должность адъютанта в одном из швейцарских полков и в этом качестве установил хорошие отношения с приезжавшими по обмену опытом офицерами вермахта. Поддержание в дальнейшем дружеских отношений с ними выглядело вполне естественным и совершенно нестораживало немцев. Добываемая информация становилась все более интересной и ценной, что позволило Массону с течением времени убедить командование в необходимости оплачивать ее. В результате “Бюро Ха”, сохранившее название и статус частной службы, превратилось в официальный независимый отдел швейцарской разведки под кодовым обозначением “Пилатус”. Практически нигде не упоминается, что его работа весьма неплохо оплачивалась, то есть с финансовой точки зрения Хаузаманн имел все основания продолжать и расширять свою деятельность. В общем, это не имело бы особого значения, если бы не сопровождалось рядом негативных последствий. Во-первых, капитан упорно отказывался признавать Массона своим единственным начальником и постоянно рассылал свои информационные материалы напрямую в генштаб и другие инстанции, не всегда дублируя их в разведку. Это приводило к серьезным конфликтам, в ходе которых Хаузаманн неизменно утверждал, что хотя и предоставил свою фирму в распоряжение

Анри Гюсан

Ганс Хаузаманн

5-й секции, но продолжает оставаться ее единственным руководителем и потому может поступать по собственному усмотрению. Это порождало постоянные трения, усугублявшиеся некоторыми специфическими чертами характера руководителя “Бюро Ха”. Он считал всех кадровых офицеров разведки узколобыми и зашоренными солдафонами и полагал, что по уровню развития своей личности может общаться напрямую только с Массоном и Гьусаном. С этими двумя он вел себя совершенно иначе. Впоследствии Массон вспоминал о “склонности Хаузаманна “окружать” своего начальника советами (хотя наша разница в возрасте составляла не более трех лет) и некоторыми “инициативами”, которые он полагал полезными для меня, но о которых я не знал в то время, когда они предпринимались”²⁴⁶. Легкая истеричность характера Хаузаманна дополнялась также его пагубным для любого офицера разведки стремлением добиться всеобщего признания своих заслуг.

Деятельность “Бюро Ха” традиционно оценивается исследователями как крайне эффективная, некоторые даже преподносят ее в качестве эталона разведывательной организации периода кануна и первой половины Второй мировой войны. Думается, такая оценка происходит исключительно от пребывания в плену стереотипов. Командование швейцарской армии неоднократно выражало недовольство уровнем и качеством работы Хаузаманна и его аппарата. И дело заключается не только в допусках им ошибках. В конце концов, никакой разведорган не застрахован от подобного, хотя, конечно, три предупреждения о неминуемом нападении Германии на Швейцарию, поступившие от “Бюро Ха” в августе и сентябре 1939 года, объяснить все же трудно²⁴⁷. Худшим являлось другое. В мае 1940 года начальник Германского бюро Разведывательной секции Макс Вайбель утверждал, что Хаузаман постоянно смешивает в одном информационном документе сведения от источников различной степени надежности без конкретного указания на это и примешивает к ней свои собственные суждения, но не в виде комментариев, а в к основном тексте. Руководитель “Бюро Ха” постоянно преувеличивал значимость своих агентов, а некоторых просто выдумывал. В частности, летом 1939 года его поймали на том, что под видом агентурного сообщения из Великобритании он направил Массону перефразированное сообщение информационного агентства “Иксчендж Телеграф”, на новости которого подписался. Руководивший разведкой помощник начальника штаба армии в сентябре 1939 года потерял терпение и распорядился: “Вследствие постоянной неверной информации, которую продолжает поставлять нам так называемое “Бюро Хаузаманна”, и ввиду чванливого и возбудимого поведения капитана Хаузаманна (вывеска на входной двери) я предлагаю Вам закрыть бюро в Тойфене и уволить капитана Хаузаманна с его должности. Прошу доложить, к какому времени это будет выполнено. Крайний срок — 5 октября 1939 года”²⁴⁸. Массону с трудом удалось отстоять своего давнего друга.

Безусловно, сказанное не означает, что “Бюро Ха” являлось паразитирующей или дезинформирующей организацией, им было сделано немало. Из приблизительно 10 тысяч сообщений и отчетов, направленных им разведке и руководству за период Второй мировой войны, значительная часть была вполне качественной, а некоторые документы — просто первосортными. Еще в 1937 году Хаузаман установил контакты с резидентом чехословацкой разведки майором Карелом Седлачком, которого в своем секретном делопроизводстве обозначал как “Дядюшка Том”, и обменивался с ним информацией по Германии на основе взаимности. Позднее Седлачку пришлось перенести возглавляемый им разведорган из Цюриха в Люцерн, чтобы быть ближе к “Бюро Ха” и подальше от слишком активизировавшихся германских агентов.

Необходимо подчеркнуть, что в дальнейшем чехословацкий резидент работал отнюдь не только на свое правительство в эмиграции. Он являлся агентом советской военной разведки под псевдонимом “Барон” и британской МИ-6 под кодовым номером 22505. В течение Второй мировой войны он снабжал Москву и Лондон получаемой от швейцарцев информацией, а после нее до начала 1947 года занимал пост военного атташе Чехословакии в Берне.

Вплоть до начала Второй мировой войны Швейцария не имела военной контрразведки. Органом, отвечавшим за борьбу с экономическим и политическим шпионажем, являлся один из отделов федеральной полиции (“Бупо”). Это подразделение работало вполне профессионально, но его руководителя постоянно связывали соображения внешней политики, диктовавшие, агентов каких государств можно трогать, а каких нельзя. Подобная постановка дела полезна в дипломатическом отношении, однако неизбежно пагубно сказывается на эффективности любой секретной службы. Правда, в ситуации со Швейцарией практически

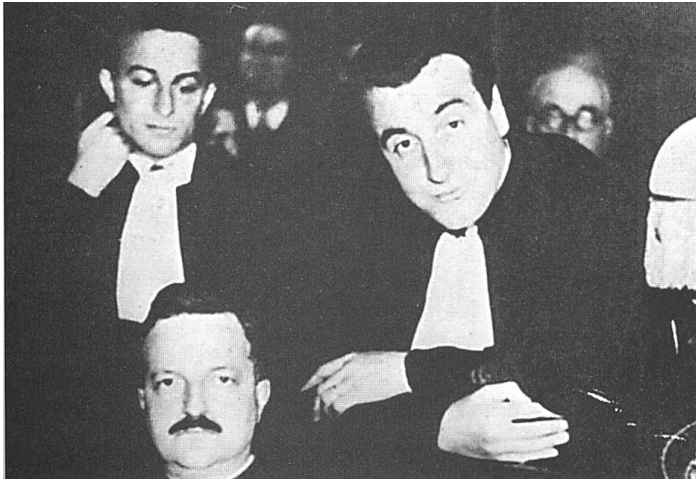
все установленные разведчики совершенно не покушались на никому особенно не нужные секреты Конфедерации, а работали на ее территории в пользу третьих стран, в особенности Франции.

Эта многолетняя соперница Германии на протяжении долгих лет являлась самой мощной державой континента в политических, экономическом и военном отношениях, однако в предвоенное десятилетие ее положение заметно пошатнулось. Особенно болезненно сказались на нем даже не кризис и последовавшая депрессия, а внутренняя нестабильность и отсутствие политической воли у высшего руководства. Франция была и оставалась великой державой, но немцы планомерно теснили ее во всех областях, в том числе и в разведывательной. Во второй половине 1930-х годов германская разведка сумела составить достаточно полную картину организации французской армии, ее вооружения, стратегических и тактических концепций, выявила методы использования авиации и установила степени мобильности ВВС и системы ПВО. Главным образом это явилось следствием успешной радиоразведки и вскрытия кодов и шифров, с безопасностью которых во Франции дело обстояло очень плохо. Ввод вермахта в демилитаризованную Рейнскую область в 1936 году позволил продвинуть немецкие радиоразведывательные посты дальше на запад и значительно облегчил осуществление перехватов, но самым уязвимым в этом отношении регионом оказались французские колонии. Там новые шифры проходили обкатку перед утверждением для использования в Европе, и этот период оказался поистине кладезем информации для ФА, абвера и СИМ. Французы позволяли себе многочисленные ошибки и использование “сырых” кодов и шифров, поскольку не опасались криптоаналитиков местных африканских или азиатских государств, а о возможности организации там немецких или итальянских постов подслушивания почему-то не подумали. Подобное легкомыслие повлекло за собой печальные последствия. К 1938 году ФА, “Ши” и “Перс. Ц” читали радиообмен по крайней мере 15 посольств Франции в разных странах мира. Британская радиоразведка с 1915 по 1935 годы тоже была в курсе всей дипломатической переписки французов, а потом просто прекратила этим заниматься ввиду утраты интереса и сосредоточении криптоаналитических ресурсов на других направлениях.

С 1936 года страна стала первоочередным объектом заинтересованности абвера. Военное руководство поставило перед ним вполне конкретную задачу подготовки к войне с Францией, что позволило Канарису предельно четко сориентировать свою службу. Бывший начальник разведывательного отдела абвера (Абт-1) Ганс Пикенброк впоследствии вспоминал, что работать против Франции, несмотря на профессионализм ее контрразведки, оказалось довольно просто. В стране почти полностью отсутствовал пограничный контроль, поэтому обычно сложная и рискованная процедура проникновения нелегалов на глубокое оседание не представляла в данном случае никаких затруднений. Аналогичным образом обстояло дело и с обеспечением курьерской связи. Приобретение источников информации не представляло во Франции слишком сложную проблему. Местное офицерство не обладало присущей англичанам кастовой замкнутостью, и полезные контакты завязывались в его среде достаточно легко. В обществе широко распространилась коррупция, а материальная заинтересованность во все века являлась самой надежной основой для вербовок, и французы отнюдь не представляли исключения из этого правила. От военной контрразведки, например, ускользнул факт утечки данных о некоторых участках укреплений знаменитой “линии Мажино”. По правительственному заказу их строили частные фирмы с заметно менее жестким режимом секретности по сравнению с государственными предприятиями, и немцы в полной мере сумели использовать это послабление. Крайне негативно отразилось на защите информации о линии и широкое привлечение на строительство ее сооружений иностранной рабочей силы, доля которой периодически достигала 45%²⁴⁹. Понятно, что эти люди имели существенно меньше стимулов для сохранения в тайне доступных им сведений об обороне Франции. Немецкие оценки вполне разделяли и разведчики других государств. Например, в отчете Французского бюро швейцарской разведки утверждалось: “Французы болтливы и беззаботны, они рады поговорить о том, что знают. Французские пограничники не всегда воспринимают свою работу всерьез: они допускают множество ошибок, из которых мы извлекаем выгоду”²⁵⁰.

Случаи сотрудничества французов с разведывательными службами противника были нередки. Резонансных дел в этой сфере было немало, и одним из них стало дело Фроже. Оно

началось с того, что в октябре 1932 года австриец Гессманн добровольно заявил комиссару “Сюрте насбональ” (СН) М. Освальду о своем сотрудничестве с руководимым майором Гомбартом германским разведорганом в Линдау и о том, что вместе с ним в пользу немцев работает французский офицер по фамилии Фроже. Инициативнику предложили сотрудничество с полицией в деле разоблачения предателя, и тот согласился на роль двойника. После накопления определенной “критической массы” доказательств Фроже вызвали в полицию и допросили, однако он категорически отверг все инкриминированное. Тем не менее, 6 мая того же года ему было официально предъявлено обвинение в распространении документов, имеющих отношение к обороне государства, но под стражу офицер взят не был. На этом этапе он привлек к своей защите весьма известного адвоката Жана-Шарля Леграна, который сразу же решил придать делу политический характер и объявить преследование своего подзащитного вторым “делом Дрейфуса”. После нескольких месяцев расследование вышло на другого германского агента, польского офицера Краусса, который указал на Фроже как на своего соучастника. 2 мая 1934 года француз был наконец арестован и после года нахождения в следственном изоляторе 15 мая 1935 года приговорен гражданским судом в Бельфоре к 5 годам тюремного заключения и 5 тысячам франков штрафа. Апелляционный суд в Безансоне оставил в силе это максимально возможное на рассматриваемый период наказание. Дело слушалось секретным порядком, однако писатель и журналист Рене Негелен получил доступ к его материалам. Он с группой своих приверженцев взял под защиту Фроже и развернул кампанию за его освобождение, называя весь процесс образцом некомпетентности и

Фроже с адвокатами

предвзятости, а также стремлением судебной власти действовать в угоду 2-му бюро. Вновь всплыли аналогии с “делом Дрейфуса”, что было особенно неприятно в связи с приближением парламентских выборов 1936 года. Судя по всему, обвинения в адрес Фроже имели под собой достаточные основания, но в итоге гласного повторного расследования выявились эпизоды провокационных действий, совершенных служащими СН и ставшие причиной отмены приговора. Таким оказался итог не слишком профессиональной работы гражданских контрразведчиков по данному делу.

Теоретически его надлежало передать отвечающей за безопасность военных объектов Секции централизации разведки (СЦР), входившей составной частью в Службу разведки (СР). Ее штат в середине 1930-х годов насчитывал около 35 офицеров, несколько унтер-офицеров и 30 гражданских служащих, работавших в центральном аппарате в Париже, в периферийных Бюро централизации разведки (БЦР) в Лилле, Марселе, Бельфоре, Меце, Тунисе и Алжире, а также в наблюдательных пограничных постах на западной границе Франции. Контрразведчики со специальной подготовкой были большой редкостью, в основном должности в СЦР занимали обычные общевоинские офицеры, обучавшиеся новой специальности в ходе службы у своих коллег. ВМС Франции располагали собственной СР, но их контрразведывательным обеспечением ведала СЦР СР армии.

В 1936 году французскую военную контрразведку возглавил майор Ги Шлессер (“Сент-Жорж”), сменивший на этом посту своего предшественника подполковника Грожана. Этот год стал своего рода этапным в истории СЦР, поскольку именно тогда была разработана и утверждена новая концепция ее деятельности, в соответствии с которой офицеры секции должны были не только защищать собственные военные объекты от посягательств иностранных спецслужб, но и собирать разведывательную информацию, в том числе и за пределами страны. Основными задачами СЦР в рассматриваемый период являлись:

1. Внедрение в иностранные спецслужбы и выявление их устремлений и намерений. Французы именовали это наступательной контрразведкой и в ходе ее осуществления

определяли и планировали основные направления своей контрразведывательной защиты.

2. Создание непроницаемой защиты против действий иностранных спецслужб. Это считалось оборонительной контрразведкой, то есть ее превентивной и репрессивной задачей.
3. Дезинформирование противника путем проведения последовательных и комплексных дезинформационных операций.

Последнее являлось наиболее сложной задачей, от участия в которой практически единодушно уклонялись как военные, так и гражданские ведомства. Никто не желал брать на себя ответственность за сознательную передачу противнику элементов подлинных военных секретов, без чего ни одна дезинформационная операция не имела никаких шансов на успех. Возможностей же одной контрразведки для такой работы было явно недостаточно, и СЦР осуществляла в этом направлении лишь отдельные локальные акции.

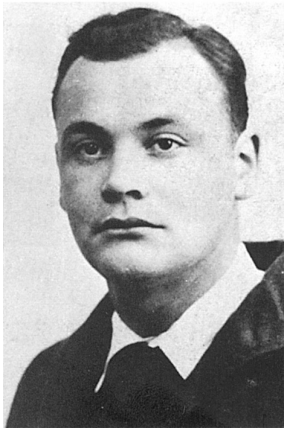

Ги Шлессер

1936 год стал также годом развития нормативной базы для проведения агентурных операций. В СЦР было составлено и утверждено пособие (“хартия”) по осуществлению агентурного проникновения на интересные объекты, в котором пошагово расписывались процедуры разработки плана такой операции, ее обеспечения, вербовки источников, работы с ними, проверочных мероприятий, и прочих необходимых действий. Отныне все агенты СЦР разделялись на категории “W” и “W2”. Первое обозначение использовалось для обычных агентов проникновения, а второе — для агентов-двойников. В соответствии с новыми теоретическими разработками и здравым смыслом, все агенты “W” вводились в оперативные разработки через коммерческие фирмы, руководство которых было в общих чертах осведомлено о задачах новых сотрудников. Непременным условием сохранения тайны являлась принадлежность руководителей таких предприятий к давно существовавшей во Франции категории “почетных корреспондентов”, приблизительно соответствовавшей

отечественному термину “доверительная связь”. Все это способствовало повышению внутри СР авторитета контрразведчиков, которых разведчики ранее считали своего рода “вторым сортом”. В Службе разведки даже бытовала обидная поговорка: “Хорошее вино превращается в укус, и прежние офицеры СР переходят в СЦР”²⁵¹.

После 1936 года ситуация стала стремительно меняться. Серьезным подспорьем в борьбе с иностранными спецслужбами стало ужесточение статей национального законодательства, предусматривавших ответственность за шпионаж. Ранее фактор мягкости санкций облегчал иностранцам вербовку агентуры, но с 17 июня 1938 года он перестал действовать. Государственную измену в уголовном кодексе переименовали в национальную измену и предусмотрели в виде наказания за нее смертную казнь, что, несомненно, послужило хорошим предупреждением для многих французов, склонных поискать легкие, как им казалось, деньги на ниве шпионажа. Первым казненным, в соответствии с новым законом, стал арестованный в Тулоне молодой мичман 1-го класса Марк Обер. Он был разоблачен благодаря сотрудничеству СР с британской СИС, перехватившей подозрительное письмо на находившийся у нее на контроле дублинский адрес. Англичан встревожило наличие в сообщении совершенно секретных сведений о мобилизационном плане французского флота и некоторые криптографические материалы, после чего через своего представителя в Париже Дандердейла они передали текст французам. В процессе согласований ВМС и контрразведки прошел месяц, и МИ-5 перехватила еще одно отправленное на тот же адрес письмо с аналогичным содержанием. Тем временем была согласована формальная процедура, и Обера взяли под стражу. Арест мичмана был произведен в его каюте на эскадренном миноносце “Ванкелин” в момент копирования в тетрадь кодовой книги ВМС, к которой он имел свободный доступ. Традиции французского флота предусматривали возложение

Марк Обер

обязанностей по секретному делопроизводству на самого младшего на корабле офицера, и Обер использовал это в полной мере.

История падения мичмана, на первый взгляд, достаточно банальна. В Ренне он влюбился в известную проститутку Мари Морель и загорелся идеей вернуть ее к добропорядочной жизни. Как и следовало ожидать, это повлекло лишь непомерные расходы на женщину, которые она с удовольствием использовала, однако менять занятие не спешила. Вскоре скромного мичманского жалования оказалось недостаточно, иных источников доходов офицер не имел и потому с легкостью решил воспользоваться доступным ему способом обогащения, предложив германскому военно-морскому атташе в Париже копии секретных документов, к которым имел доступ по службе. Опасавшийся подставы контрразведки ВМАТ отказался беседовать с Обером в Париже и распорядился, чтобы он в начале октября 1937 года прибыл в один из отелей в Антверпене. Тот последовал указанию и привез с собой полный чемодан секретных и ДСП документов, за что получил 5 тысяч франков и обещание выплат за дальнейшие передачи материалов. Немцы снабдили инициативника конспиративными почтовыми адресами в Дублине и Роттердаме, причем последний, как оказалось впоследствии, германская разведка использовала еще с 1916 года. Все это стало известным после ареста Обера, который произвели тайно для сохранения возможности повести с абвером оперативную игру. Офицер СЦР Андре Боннефу сумел имитировать почерк арестованного, однако ввиду значительной сложности его подделки в первом же сообщении предупредил, что в дальнейшем из соображений конспирации, будет печатать свои отчеты на машинке. Абвер не только не возражал, но даже компенсировал агенту расходы на ее покупку. Вознаграждение Оберу поступало регулярно, банкноты прятались между страницами отправляемых на адрес Мари Морель и перехватываемых контрразведкой французских книг.

Операция длилась довольно долго. В декабре 1938 года от имени Обера СЦР потребовала выплаты удвоенного жалования в качестве традиционного рождественского бонуса. Немцы не возражали. Судя по всему, они были весьма довольны содержанием поступающих от агента материалов. Тем временем машина правосудия закончила цикл своей работы, и 10 января 1939 года в закрытом судебном заседании военно-морской трибунал в Тулоне приговорил Обера к смертной казни. СЦР решила сохранять данный факт в секрете до момента захвата на эту «приманку» курьера абвера. 2 февраля конверт «для мсье Поля», в очередной раз оставленный в одном из парижских кафе в районе Северного вокзала, забрал регулярно пивший там пиво получатель, немец по фамилии Фрам. Впоследствии его приговорили к пяти годам лишения свободы, которые он, естественно, отбыл не полностью. Явившаяся первопричиной измены молодого офицера Морель отделалась тремя годами тюремного заключения. Следует подчеркнуть, что в данном шпионском деле контрразведка флота оказалась далеко не на высоте. Привязанность мичмана к проститутке отнюдь не составляла для его сослуживцев секрета, и если бы СЦР вовремя отследила бы эту связь, то обнаружила бы, что Морель регулярно совершала необъяснимые вояжи по маршруту Ренн — Париж и за границу. Никого это своевременно не встревожило, а между тем в данном случае профилактика могла бы предупредить измену Обера, сохранить ему жизнь и сорвать вербовочную операцию абвера.

В отличие от военных коллег, гражданская контрразведка работала значительно менее эффективно и нуждалась в принципиальном реформировании. В январе 1934 года был законодательно введен пост генерального контролера по наблюдению за территориями (СТ), то есть главного гражданского контрразведчика в стране и колониях, а в апреле Главная сыскная полиция получила статус национальной. С декабря следующего года структура СТ включала Центр служебной документации и связи, отделы иностранной полиции, полиции радиобезопасности и центральный отдел, руководивший страсбургским, северо-восточным, северо-западным, юго-восточным, юго-западным и центральным парижскими региональными подразделениями. Генеральному контролеру подчинялись 10 комиссаров полиции и 11 дивизионных комиссаров полевой жандармерии. В марте 1937 года в департаментах Франции добавились еще 10 комиссаров и 20 инспекторов, координировавших действия гражд-

данской и военной контрразведывательных служб. Для удобства взаимодействия границы ответственности комиссаров СТ совпадали с границами военных округов, при этом система гражданской контрразведки доминировала над военной. В 1937 году была создана специальная служба для негласного перехвата информации по телефонным каналам. Помимо Управления по наблюдению за территориями, борьбой с иностранным шпионажем ведала 5-я секция Службы общей разведки (РЖ) столичной префектуры полиции, которую возглавляли суперинтендант Жианвитти и его заместитель М. Марц. Кроме того, собственными Бюро безопасности располагали жандармерия и Иностранный легион (БСЛЕ). К сожалению, отсутствие единой системы оперативного учета для всех французских контрразведывательных органов заметно снижало эффективность их деятельности. Возможно, это являлось следствием распределения сфер ответственности в мирное время, когда СЦР отвечала лишь за ведение наступательной контрразведки за пределами территории страны и обеспечение безопасности военных объектов, а все остальное относилось к задачам СТ. РЖ ведала узким кругом вопросов в Париже, а Бюро безопасности жандармерии и БСЛЕ вообще не выходили за рамки соответствующих подразделений. 10 февраля 1939 года на СЦР была возложена ответственность за контрразведку по всей территории Франции в военное время, и в этих условиях разобщенность справочно-информационной базы чувствовалась еще острее.

Наряду с определенными положительными сдвигами в организации работы гражданской контрразведки, в ней все же преобладали негативные тенденции. Органы СТ на местах были подчинены префектам полиции и вследствие этого в основном концентрировались на разработке политических противников, в первую очередь коммунистов и фашистов. Вопросы противодействия иностранным спецслужбам оказались отодвинутыми даже не на второй, а на третий план. Практически гражданская контрразведка оказалась децентрализованной и почти не взаимодействовала с военными коллегами. Против этого резко возражали все руководители СР, но ввиду отсутствия каких-либо серьезных изменений в столь важной области им оставалось лишь укреплять собственные контрразведывательные подразделения. Однако в 1936 году министр внутренних дел все же распорядился вывести комиссаров СТ из подчинения префектов, что значительно усилило их самостоятельность, хотя и не разгрузило от выполнения задач политической полиции. Заметно улучшилась также и координация деятельности военных и гражданских контрразведчиков. Все это привело к существенному росту числа арестованных за шпионаж в пользу Германии, хотя, несомненно, что второй, и, возможно, более существенной причиной роста такого показателя явилась активизация агентурных операций абвера. Как бы то ни было, динамика арестов иностранной агентуры во Франции, по сравнению с 1935 годом, когда за работу на рейх были арестованы 20 человек, достаточно впечатляющая. Все гражданские и военные контрразведывательные органы в 1936 году пресекли деятельность 40 человек, в 1937 году — 153, в 1938 — 274, в 1939 — 494 (из них 19 были казнены)²⁵².

Своевременные и полезные организационные мероприятия французской контрразведки оказались раскрытыми немцами и в конечном итоге малоэффективными. В 1937 году в результате вербовки известным контрразведчиком Оскаром Райле комиссара “Сюртэ насьональ” Рене Флобера абвер получил доступ к материалам по СТ, создание и существование которого являлось одной из наиболее тщательно охраняемых секретов Франции. Для решения этой задачи в Люксембурге предварительно был завербован коммерсант Шнайдер, находившийся в затруднительном материальном положении и с готовностью пошедший на сотрудничество с немцами. Он и стал непосредственным вербовщиком комиссара полиции и связником с ним. От Флобера абвер почерпнул много сведений по организации и деятельности французских органов безопасности. Райле вспоминал: “Однажды Шнайдер перевез фотокопии документов, которые содержали полное изложение структуры и задач “Surveillance du territoire” помимо данных о руководителях этой секретной службы. Речь шла о новой отрасли французской контрразведки, созданной всего один-два года назад. Хотя служба абвера в Берлине о ней уже слышала, но пока еще не добыла никаких более детальных данных. Центру казалось невероятным, чтобы какой-нибудь комиссар Сюртэ в Лонгви имел доступ к столь важным секретным документам. Поэтому эта поставка Флобера сначала считалась материалом для игры западного противника, французской контрразведки. Однако повторная проверка всего поставленного противником секретного материала окончательно убедила отдел абвера в Берлине в том, что в его лице мы обрели подлинный, чрезвычайно важный источник”²⁵³. В 1938 году предатель был арестован и приговорен за шпионаж к 20-

летнему тюремному заключению. Опасавшиеся контрудара со стороны французов германские разведчики в целях безопасности перебрались в хорошо охраняемое здание пограничной комендатуры в Трире.

Не смогли французы снизить и активность советской разведки, по-прежнему более всего интересовавшейся в стране отнюдь не секретами Третьей республики. В 1933 году правительство переориентировало ОГПУ и в качестве главного объекта вместо РОВС определило ему Троцкого и его сподвижников. Буквально обложенный советскими агентами, лидер оппозиции находился в стране с лета 1933 по лето 1935 года, и все это время, благодаря внедренным в его окружение братьям Соболевичюс, Москва регулярно читала значительную часть его переписки, в том числе и зашифрованной. Затем главный враг Сталина полтора года провел в Норвегии, после чего перебрался в Мексику, однако главный центр троцкизма по-прежнему оставался в Париже. Организацию движения, руководство Центром исследований и пропаганды и издание “Бюллетеня оппозиции” принял на себя сын Троцкого Лев Седов, ближайшим помощником которого являлся агент ОГПУ/НКВД Марк Зборовский (“Этьен”, “Тюльпан”). В марте 1936 года при парижской резидентуре внешней разведки была создана специализировавшаяся исключительно по этому направлению специальная группа под руководством Б. М. Афанасьева. В ноябре “Этьен” помог выкрасть архив Троцкого из Центра исследований и пропаганды парижского Института социальной истории документации. Уложенные в несколько больших ящиков документы передали “легальному” резиденту внешней разведки Г. Н. Косенко, переправившему их дипломатической почтой в Москву. Это явилось одной из последних акций, осуществленных группой Серебрянского. 11 ноября 1937 года он вместе с женой, тоже нелегальной разведчицей, был отозван в Москву и арестован.

В 1938 году Седов лег на долго откладывавшуюся операцию по удалению аппендикса, после которой его неплохое вначале состояние неожиданно весьма странным образом ухудшилось. 16 февраля 1938 года сын Троцкого скончался, а его место в “Бюллетене оппозиции” и движении в целом занял Зборовский. Это значительно ослабило оппозицию и усугубило раскол в ней. 13 июля 1938 года внезапно исчез руководивший подготовкой к конференции IV (троцкистского) Интернационала его секретарь Рудольф Клемент, обезображенное и обезглавленное тело которого позднее выловили из Сены. По информации Судоплатова, данную акцию совершил Коротков вместе с тем же турком (как уже указывалось, в действительности им был П. И. Тахчианов), с которым он в 1937 году устранил Агабекова. НКВД отсекал одного активиста оппозиции за другим, постепенно подбираясь к ее лидеру, которому суждено было пережить гибель своих близких, а собственную мученическую смерть принять позже, в 1940 году.

Параллельно с борьбой против троцкизма, советская разведка во Франции решала неотложные организационные задачи, связанные с усложнением работы традиционно мощных германских резидентур ОГПУ вследствие прихода к власти Гитлера. Многие, известные своими антифашистскими взглядами, агенты были вынуждены бежать из рейха, поэтому летом 1934 года Москва разработала план реорганизации агентурного аппарата парижской резидентуры и активизации разведывательной работы по Германии с французской территории. Первоочередными задачами на этом направлении становились освещение деятельности во Франции немецкой эмиграции, национал-социалистических организаций, их агентуры, сотрудников германского посольства и разведки, однако полномасштабная работа по Германии с привлечением всех сил резидентуры и работников всех ее линий развернулась только с февраля 1937 года, после заключения Антикоминтерновского пакта.

Интересна история первой нелегальной точки советской внешней разведки в Париже, руководитель которой Юрий Праслов прибыл в страну с паспортом латвийского предпринимателя. По линии прикрытия он оказался совершенно несостоятелен, его фирма не смогла заключить ни одной сделки, и тогда резидент не нашел ничего лучшего, как откровенно объяснить сложившуюся печальную ситуацию торгпреду СССР Ломовскому. Этот искренний патриот совершенно не разбирался в разведке и из-за своей оперативной неграмотности, оказал Праслову поистине медвежью услугу. Он стал пропускать через его фирму-прикрытие множество контрактов, на ее счетах появились деньги, но необоснованно тесные связи официального советского представителя с гражданином достаточно враждебной тогда к СССР Латвии привлекли внимание местной контрразведки. Кроме того, резидент не устоял

перед извечным соблазном больших денег и присвоил два миллиона франков, а когда через некоторое время спохватился, то попытался поправить дела способом, никогда и никому не приносившим успеха: начал играть в казино и влез в финансовую яму еще глубже, растратив в общем итоге девять миллионов франков. Это не осталось незамеченным, и помощник резидента Богвуд сообщил в Москву о неприглядной деятельности своего начальника. По правилам того времени, подобные прегрешения карались расстрелом без долгих проволочек, но Праслову спасло жизнь заступничество начальника ИНО Трилиссера. Он провел в лагере всего лишь пять лет, а затем вышел на свободу, однако, конечно, никогда более не был допущен к тайным операциям. По окончании срока наказания Праслов остался работать в Соловецком лагере особого назначения на одной из низших офицерских должностей, поскольку не мог даже смотреть в глаза своим прежним коллегам.

В 1933 — 1934 годах должность нелегального резидента во Франции занимал знаменитый А. М. Орлов. Из Парижа ему пришлось бежать из-за неожиданного опознания бывшим работником торгпредства невозвращенцем Верником. Фактически повторилась лондонская история, в связи с чем казалось, что злой рок постоянно преследует разведчика и вынуждает его срочно покидать одну страну за другой.

В 1936 году парижская точка внешней разведки получила задание оказывать помощь только что созданной “легальной” резидентуре в Мадриде, главным образом, в части организации закупок и поставок в Испанию военной техники и снаряжения. После поражения республиканцев мадридский аппарат был ликвидирован, а его сотрудников вывели во Францию и сформировали из них две нелегальные резидентуры, основной задачей которых по-прежнему оставалась работа по Испании, но теперь уже с французской территории. Парижская “легальная” резидентура активно занималась экономической, научно-технической и военно-технической разведкой, в 1938 году по двум последним линиям она имела на связи 20 источников. Однако ее работа по Германии приносила мало успехов, в первую очередь из-за отсутствия в штате работников со страноведческой подготовкой и знанием немецкого языка. С 1937 года в резидентуре не было ни одного сотрудника, владеющего им хотя бы поверхностно, поэтому всю немецкую агентуру из-за невозможности ее использования вывели на консервацию. Не лучшим образом сказывалась и чехарда с “легальными” резидентами, с 1933 по 1941 год их сменилось пятеро. Все это снижало потенциально высокую эффективность заграничной.

РУ РККА также располагало в Париже нелегальной резидентурой, которую с 1936 по 1938 год возглавлял известный разведчик, полковник советской и генерал послевоенной болгарской армий И. Ц. Винаров. Эта точка занималась практически исключительно Испанией и через три радиопередатчика поддерживала связь с агентурой за Пиренеями и с московским Центром. Одна из ее агентурных групп дислоцировалась в Гибралтаре и отслеживала перемещение кораблей и судов, перевозивших грузы для националистов, остальные располагались в основных портах западного побережья Италии. После поражения республиканцев резидентура Винарова свернула деятельность, но агентура осталась на месте и впоследствии сыграла определенную роль во Второй мировой войне.

С 1935 года одной из нелегальных резидентур советской военной разведки руководил специализировавшийся по научно-технической разведке Анри (Генри) Робинсон (“Гарри”), известен также под рядом других имен, настоящая фамилия Арнольд Шнее). Этот натурализовавшийся во Франции бельгиец 1897 года рождения давно сотрудничал с СССР. С 1921 (по другим, менее достоверным данным — с 1919) года он вел подпольную работу в рамках германской компартии, с 1923 года руководил нелегальной работой в Рейнской области, безуспешно пытался противодействовать оккупации Рура и тогда же специализировался на ведении экономической и научно-технической разведки. Заочно приговорен французским судом к 10-летнему тюремному заключению. В 1924 году Робинсон по линии Коминтерна осуществлял “спецработу” по организации военного аппарата компартии, а в дальнейшем его деятельность протекала в Москве, Париже, Лондоне и некоторых других нелегальных резидентурах Разведупра в Европе. Несмотря на столь богатый послужной список, официально он был завербован О. А. Стигга лишь в 1933 году. Вскоре агент настолько хорошо зарекомендовал себя, что был назначен вначале помощником нелегального резидента в Париже, а позднее возглавил заграничную. С 1937 по 1939 годы Робинсон работал под журналистским прикрытием и обзавелся многочисленной первоклассной агентурой во Франции, Италии, Германии и Великобритании, делая особый упор на вербовку ученых для получения пря-

мого доступа к научным и технологическим секретам, которые полагал значительно более важными, чем обычные военные. Получаемая информация в основном относилась к области авиации и радиоэлектроники. “Гарри” имел на связи целую группу агентов во французском министерстве авиации, в том числе крупнейшего агента влияния Пьера Ко, в дальнейшем министра торговли в нескольких послевоенных кабинетах. В 1939 году вся сеть Робинсона была полностью сориентирована на работу против Германии.

Во Франции результативно работал и военный разведчик Мустафа Голубич (“Феликс”, Николич, Брегович), серб по национальности и член югославской компартии, в свое время состоявший в рядах террористического общества “Черная рука”. Знаменитое покушение в Сараево на австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда лишь по чистой случайности осуществил не он, а Гаврила Принцип. Голубич с 1923 года работал резидентом ОГПУ в Вене, с 1928 года в берлинской резидентуре военной разведки, а с 1934 года являлся нелегалом РУ РККА во Франции и США. В годы войны его случайно арестовали немцы и, считая обычным партизаном, после пыток казнили. О том, что в их руках был советский резидент в Югославии, они узнали слишком поздно, к этому моменту Голубич был уже мертв.

Во Франции также активно работали и разведки других государств. Периодически там происходили крупные шпионские скандалы, наподобие раскрытия в июне 1939 года агентурной сети абвера, а в марте того же года контрразведка задержала завербованную экзотической для того периода японской разведкой француженку, пытавшуюся добыть секреты отечественных авиационных двигателей. В стране довольно беззастенчиво оперировала итальянская разведка, и в июне 1937 года агенты СИМ совместно с членами фашистской организации “Кагуль” подстерegli и убили в Нормандии лидеров итальянской эмигрантской антифашистской организации “Справедливость и свобода” братьев Карло и Нелло Росселли.

9 октября 1934 года в Марселе произошло покушение, заставившее содрогнуться не только страну, но и весь мир. В этом городе хорватские усташи убили активных сторонников системы коллективной безопасности в Европе французского министра иностранных дел Луи Барту и югославского короля Александра I Карагеоргиевича. Террориста Владо Черноземского тут же растерзала толпа, оборвав тем самым нить к выявлению организаторов теракта. До сих пор подописка этого трагического события не вполне ясна, однако установлено, что за спинами хорватов стояла итальянская разведка СИМ, а определенное участие в организации покушения приняли украинские националисты. Некоторые данные позволяют предположить причастность к этому террористическому акту Научно-исследовательского управления люфтваффе и лично его шефа Геринга, хотя официально острые операции никоим образом не входили в сферу деятельности ФА. Гибель Барту и Александра нанесла сильный удар по позициям сторонников мирного урегулирования в Европе. Представляет интерес побочное следствие покушения. В процессе проведения его расследования выяснилось, что хорватские террористы использовали чехословацкие паспорта, в результате чего полицейские и иммиграционные службы стали проявлять особый интерес к обладателям всех таких документов. Ранее в 1932 году одна из коммунистических подпольных групп совершила налет на полицейское управление Праги в поисках якобы имевшихся там агентурных материалов о деятельности компартии в стране. Их не обнаружили, зато сумели захватить 1500 паспортных бланков, переданных затем для легализации нелегалов. В октябре 1934 года оставшиеся неиспользованными 200 бланков пришлось уничтожить, а многие участники подпольных групп с такими паспортами сменили документы.

Во Франции активно работали итальянцы, причем весьма энергичной на юге страны, как ни странно, оказалась не столько СИМ, сколько ОВРА. Ее представитель в Ницце Росарио Барранко занимал пост генерального консула и выполнял задания и тайной полиции, и военной разведки. СИМ же в основном работала по югу Франции с позиций своей точки в Турине, которую возглавлял весьма известный впоследствии майор Роберто Навале. Вообще же действия итальянских спецслужб в основном были направлены на преследование соотечественников, по политическим причинам покинувших родину. Разведывательная информация по Франции поступала в Рим в основном по каналам сотрудничества СИМ и абвера, установленного после подписания в 1939 году итало-германского “Стального пакта”.

Большие проблемы для безопасности Франции создала гражданская война в Испании, имевшей всего две сухопутные границы, одна из которых — с Португалией — была наглухо

закрывается для республиканского правительства. С 1936 по 1939 годы франко-испанская граница фактически являлась транзитной зоной для поставок оружия в “горячую точку” Европы в обход решений Комитета по невмешательству. Во Франции формировались многие интернациональные бригады, в ее портах отставивались некоторые интернированные корабли испанского флота, и все это проходило под знаком ожесточенной схватки разведывательных служб националистов, республиканцев и иностранных государств, так или иначе вовлеченных в пробу сил на Пиренейском полуострове.

Первыми начали действовать националисты, сторонники генерала Франсиско Франко. Следует отметить, что, кроме центральной секретной службы, оперативную работу вели разведывательные службы военных губернаторов городов Мапеба и Ируна, а также некоторых армейских формирований. Особенно отличался в этом отношении отдел разведки Ируна. Полуобщественная служба “Действие” занималась не столько агентурными операциями, сколько силовыми акциями, для которых переправляла через Пиренейские горы своих бойцов, оружие и взрывчатку. Готовились взрывы двух консульств и биржи труда в Марселе, где располагались пункты формирования интернациональных бригад добровольцев, воевавших на стороне республиканского правительства. Некоторые из франкистских спецслужб работали в плотном контакте с полуфашистской террористической подпольной организацией “Кагуль”.

Широкую огласку получил инцидент с попыткой угона интернированной в Бордо (а не в Бресте, как это иногда ошибочно утверждается) испанской подводной лодки С-2. Разведка Ируна спланировала операцию по ее силовому захвату и уходу в испанские воды, но о ней узнала секретная служба партии анархо-синдикалистов СИК. Во Францию направились семеро агентов для срыва акции, однако арест троих из них при переходе границы ослабил группу и свел вероятность успеха операции к нулю. Самым разумным в данном случае было бы просто предупредить французскую полицию о предстоящей акции франкистов, но для принципиальных противников любых контактов с официальными властями, каковыми являлись анархисты, возможность подобного шага заведомо исключалась. Четверем пребывавшим на свободе агентам оставалось лишь наблюдать за развитием событий, хотя они все же смогли тайно доставить на лодку оружие и предупредить о предстоящих событиях единственного своего единомышленника на борту механика Аугусто Диего. В ночь с 17 на 18 сентября 1937 года 12 бойцов Ируна высадились на борт С-2 и попытались захватить ее, однако ожидавший такого развития событий Диего сумел застрелить одного из нападавших. Шум встревожил охрану порта, и франкисты бежали, захватив с собой в качестве заложников двух офицеров из экипажа подводной лодки. Анархисты просчитали их дальнейший маршрут, но очутились перед сложной для них дилеммой. Следовало решить, что лучше: позволить уйти бойцам с заложниками или же, вопреки теории анархизма, обратиться за содействием к местной полиции. Здравый смысл одержал верх над идеологией, французы арестовали разведчиков Ируна, а заложники вернулись обратно на лодку.

Эта акция и ей подобные не могли оставить французское правительство безучастным к испанским событиям. Кроме того, элементарный здравый смысл диктовал необходимость тщательно отслеживать события в соседней стране, изучать применяемые в Испании вооружения и тактику Германии, Италии и СССР, контролировать действия левых и правых сил. Эти требования воплотились в создании в начале 1937 года в Тулузе специализированной секретной службы “Бюро исследования Пиренеев” (БЕП) под руководством Франсуа Люлле-Дежардена. Она располагала радиостанциями в Байонне и Перпиньяне, а с 1939 года открыла резидентуру в Барселоне. Бюро имело в своем составе отделы сухопутных войск, авиации, ВМС и контрразведки, а также работало в контакте со своеобразной структурой, именованной “Постом П/А”. Пост располагался в Париже и был чем-то средним между секретной службой и политической полицией, поскольку занимался как оперативной работой, так и подавлением крайне левых и крайне правых политических партий. В его активе числилась нейтрализация нелегальной коммунистической агентуры в судоходной компании “Франс-Навигасьон”, специально созданной Советским Союзом для перевозок оружия в Испанию.

Вообще же французская разведка работала в этот период достаточно активно, что относилось как ко 2-му бюро, так и к СР, организационная структура которой в 1939 году выглядела следующим образом:

- Секция А (административные, финансовые и кадровые вопросы);
- Секция СР (сбор военной разведывательной информации в интересах армии);

- Секция СР-АВ (сбор военной разведывательной информации в интересах ВВС);
- Секция Мг (военное снабжение, вопросы саботажа);
- Секция СЦР (контрразведка);
- Секция Д (коды, шифры, дешифрование);
- Секция З (перехват телефонных переговоров);
- Секция Т (радио, фото, химикалии).

Службу разведки с 1932 по 1936 годы возглавлял полковник Пьер Ру, а после повышения ее статуса и приобретения ей в 1936 году фактической самостоятельности — полковник Пьер-Луи Риве. На долю этого офицера выпала незавидная участь руководителя разведки, постоянно снабжавшей политическое и военное руководство страны достоверной информацией о предстоящей войне, к которой никто не прислушивался. 2-е бюро в 1935 году возглавил подполковник Морис-Анри Гоше, дослужившийся на этом посту до звания бригадного генерала и встретивший в этом качестве Вторую мировую войну.

Руководители обеих разведывательных структур совершенно четко осознавали, что их главным объектом должна являться Германия, поэтому прилагали к ее изучению максимум усилий. Разведка снабдила военное командование практически полной картиной вооружения рейха и отчасти была в курсе намерений его руководства. Весьма ценными явились материалы о производстве синтетического горючего для вермахта, о формировании немецких танковых дивизий, о методах подвижной противотанковой обороны. Судя по всему, французы заранее знали о предстоящей ремилитаризации Рейнской области в 1936 году, об аншлюсе и военных приготовлениях против Чехословакии в 1938 году, об оккупации остатка ее территории в 1939 году. Разведка вовремя предсказала вторжение Германии в Польшу и заключение «пакта Риббентропа — Молотова». Немало информации по рейху было добыто германским направлением СЦР, которое возглавлял майор де Робен, а после его перевода на пост военного атташе в Софии — майор Пэйоль. Результативности работы способствовали установившиеся хорошие взаимоотношения СР с министерством иностранных дел и высокий профессионализм военных атташе в странах пребывания. К сожалению, это не относилось к атташе в таких жизненно важных точках как Варшава и Берлин, что отчасти исказило поступающую во 2-е бюро информацию. Безусловно, общая обстановка во французской разведке являлась далеко не безоблачной, и провалов в ее работе было немало. Французы не сумели вскрыть мобилизационные возможности германских резервов и повторили заблуждение почти всех военных разведывательных служб второй половины 1930-х годов, сильно переоценив стратегическую мощь люфтваффе и роковым образом недооценив их тактическое значение. Немалых успехов достигла радиоразведка, причем итальянские шифры в основном раскрывались математическими методами, а немецкие главным образом благодаря информации агента «Ашэ» (Шмидт). Заметно затрудняло работу дешифровальщиков прекращение с 1922 года координации усилий военных и дипломатических криптографов.

Реализация добытых материалов представляла собой самую слабую часть системы французской разведки. Историки расходятся во мнениях, насколько руководство вооруженных сил и страны в целом было информировано в отношении германской угрозы. Существует точка зрения, согласно которой правительство было крайне плохо осведомлено о ситуации, поскольку нужные сведения до него просто не доходили. Отчасти это могло быть верным, так как во Франции не существовало структуры или системы регулярного доведения до кабинета министров и президента страны информационных материалов разведки. Многие

Морис Гоше

Луи Риве

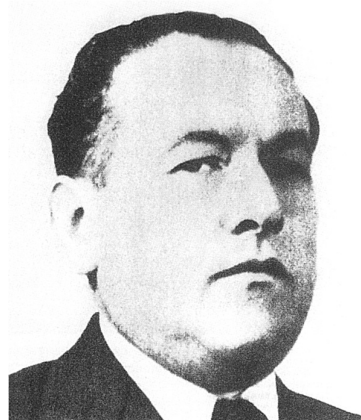
Поль Пэйоль

министры использовали неких собственных экспертов, источники информации и квалификации которых никому не были известны. Эта ситуация имела и оборотную сторону. Руководитель СР Луи Риве впоследствии утверждал, что его мнением никогда не интересовались политики и крайне редко — высшее военное руководство. Начальнику разведки не ставили стратегических задач и не ориентировали его службу на решение приоритетных проблем, что не могло не сказываться на качестве работы.

Существует и противоположное мнение, судя по всему, более соответствующее действительности. Согласно ему, руководство страны все же получало разведывательную информацию и внимательно знакомилось с ней, но политическую предубежденность сторонников умиротворения агрессора преодолеть было крайне сложно. Нельзя сказать, что “мюнхенцы” полностью витали в облаках и строили иллюзии о возможности многолетнего мирного сосуществования с Гитлером. Подобную роскошь могли позволить себе британцы, но никак не французы, твердо знавшие о неизбежности грядущего вооруженного столкновения. Однако ожидаемая война отодвигалась в их оценках на значительно более поздний срок, и эту убежденность не смогла поколебать даже добытая СР в июне 1939 года информация о начале скрытой мобилизации вермахта. В очередной раз история доказала, что сами по себе спецслужбы не значат ровным счетом ничего, если правительственные и политические круги упорно не желают реализовывать их информацию.

Зато в Париже были очень озабочены ситуацией в колониях и некоторых отдаленных районах мира. Чтобы не перегружать 2-е бюро и СР задачами за пределами Европы, в министерстве колоний в 1937 году была создана Служба колониальной разведки, год спустя переименованная в Имперскую разведывательную службу. Ее региональные подразделения располагались по всему миру и отвечали за отнесенные к их компетенции участки, большинство из которых, кстати, французскими колониями не являлись:

- 1-й отдел (французская часть Шанхая) — северная часть Тихого океана, азиатская часть СССР и оккупированная японцами часть Китая;
- 2-й отдел (Ханой) — остальной Китай, Таиланд, Бирма, Малайзия, Филиппины и острова Зондского архипелага;
- 3-й отдел (Нумеа) — Полинезия, Меланезия, Австралия и южная часть Тихого океана;
- 4-й отдел (Джибути) — итальянская и часть британской Северной Африки, Аравия и страны Персидского залива;
- 5-й отдел (Тананариву) — оставшаяся часть британской Северной Африки, португальская Восточная Африка, Мозамбик, Южная Африка и южная часть Индийского океана;
- 6-й отдел (Дакар) — Ливия, юг Западной Сахары, Гвинея-Бисау, Канарские острова, острова Зеленого мыса, Либерия, Нигерия, Золотой Берег, Гамбия, Бразилия, Уругвай и Аргентина;
- 7-й отдел (Браззавиль) — Триполитания, Египет, Судан, Экваториальная Гвинея, Бельгийское Конго и Ангола;
- 8-й отдел (Форт де Франс на острове Мартиника) — Гайана, Пуэрто-Рико, Куба и Венесуэла, французские и британские Антильские острова.

Леопольд Треппер

Однако, пока Франция активно занималась периферией, ее спецслужбы пропускали многие важные события в центре Европы. В преддверии грядущей европейской войны военная разведка СССР срочно разворачивала нелегальные заграничные группы сразу в нескольких странах континента. Одной из них стала резидентура Леопольда Треппера (“Отто”), в дальнейшем получившего известность как “Большой шеф” и являвшегося одной из самых загадочных фигур мира разведки военного периода. Он работал на Коминтерн, затем эмигрировал в Палестину, но был выслан оттуда за коммунистическую деятельность, в 1936 году перешел на службу в РУ РККА и в этом качестве впервые выехал в зарубежную спецкомандировку в 1937 году. Будущий главный резидент советской военной разведки в Европе по складу характера как нельзя более подходил для этой работы.

О. А. Стигга

Умный и интеллектуальный, склонный к авантюризму и при этом обладавший математически расчетливым и трезвым умом, Треппер в дальнейшем создаст, по мнению многих исследователей, самую результативную в мире агентурную сеть, а потом будет играть сразу с несколькими полициями и спецслужбами, сумеет пережить войну и выйти живым из послевоенной тюрьмы в СССР.

Во Францию его направил начальник отдела стран Западной Европы О. А. Стигга (“Оскар”) для выяснения обстоятельств и причин провала И. Бира и А. Штрема по делу “Фантомаса”. Разведку интересовало, не явился ли разгром этой сети результатом предательства, и если да, то чьего именно. Информация Треппера о выдаче группы перевербованным в свое время американской контрразведкой двойным агентом Гордоном Свитцем легла в основу очередного решения руководства разведки никогда более не использовать в нелегальных операциях активистов местных коммунистических партий. Следует отметить, что, в отличие от предыдущих случаев, отныне оно неукоснительно выполнялось.

Во время следующей командировки в Бельгию Треппер восстановил контакт со своим давним знакомым, руководителем фирмы “Руа де Каучук” Лео Гроссфогелем. В Европе он проделал рутинную, но очень важную в разведке работу по добыванию паспортов и других документов для легализации нелегалов, а по возвращении предложил Центру создать в Брюсселе специализированную “паспортную” резидентуру. Прикрытием точки должна была служить основанная для этой цели Гроссфогелем экспортная фирма в рамках “Руа де Каучук” под вызывающим названием “Исключительный заграничный плащ”. Изначально планировалось открыть ее филиалы в Дании, Швеции и Норвегии, и хотя из-за специфики местных законодательств это встретило значительные затруднения, основная часть работы по организации прикрытия “паспортного дела” была успешно завершена. Треппер доложил об этом по возвращении в Москву в 1938 году, несколько скорректировав первоначальный замысел. Теперь в качестве “крыши” паспортной резидентуры предполагалось использовать саму “Руа де Каучук”, а легализационной базой сделать фирму по экспорту и импорту промышленных отходов “КОДИ”.

Однако руководство разведки смотрело на вещи намного шире. Дело в том, что с 1937 года из соображений безопасности нелегальные операции в Германии значительно ограничивались, а почти все европейские резидентуры не располагали автономными линиями связи и в случае начала войны оставались без контакта с Центром. В этих условиях финансирование работы агентуры, организация безопасных встреч с ней и поддержание связи превращались в весьма сложную задачу, поэтому будущая брюссельская загранточка теперь должна была создаваться как обеспечивающая резидентура связи. Резидентом был назначен Треппер, его помощником стал Гроссфогель, а для прикрытия подрезидентур в Стокгольме, Копенгагене и Хельсинки им предлагалось открыть в этих городах соответствующие филиалы фирмы. Главным требованием Центра являлось обеспечение устойчивости существования точки и поддержания связи в военное время, причем ввиду приближения войны ее необходимо было создавать быстро. В середине 1938 года в Брюссель с канадским паспортом прибыл Треппер, в помощь ему из Центра направились офицеры разведки А. М. Гуревич (Сукулов, “Кент”) и М. В. Макаров (Аламо, “Хемниц”).

Первоначально ожидалось, что открытие филиалов представит собой совершенно элементарную операцию, но оно проходило очень сложно, поэтому для обеспечения бельгийско-скандинавской линии связи пришлось создавать специализированное экспортное общество “ЭКС”. Благоприятная ситуация создалась только в Финляндии, а в Швеции в качестве бюро “ЭКС” потребовалось зарегистрировать местную акционерную компанию. Не учли и еврейское происхождение всех директоров фирм, что в дальнейшем, в период немецкой оккупации, до крайности осложнило положение с прикрытием. Но в конечном итоге все трудности были успешно преодолены, и в списке резидентур Разведупра появилась новая загранточка, хотя ее организационный период еще далеко не закончился, и к началу боевых действий она находилась в стадии становления. Одновременно в самой Бельгии на случай войны создавались многочисленные пункты связи (почтовые ящики, конспиративные и ра-

диоквартиры, конспиративные адреса), однако вся эта инфраструктура имела поразительное слабое место: в резидентуре связи не было ни одного радиста.

Уязвимым звеном оказалась и паспортная линия. Непродолжительный арест полицией в 1938 году работавшего в контакте с резидентурой изготовителя фальшивых документов польского еврея Абрама Райхмана (“Фабрикант”) весьма встревожил Центр. Из самых лучших побуждений Москва отдала два абсолютно взаимоисключающих приказа, предписывавших, с одной стороны, немедленно прервать все контакты с ним, а с другой — одновременно договориться о передаче за вознаграждение всех его связей. Проигнорировав собственный первый приказ, в июле 1939 года Центр приказал вначале Трепперу лично провести переговоры с вышедшим из тюрьмы Райхманом, а затем “Кенту” принять его на связь. Поскольку тот уже знал Гроссфогеля (“Андрэ”) и его помощника Избуцкого (“Боб”), это привело к совершенно вопиющей расшифровке всех основных работников резидентуры. Позднее это обстоятельство послужило одной из причин провала параллельной брюссельской резидентуры “Паскаля” (К. Л. Ефремова), а также ряда аналогичных катастрофических последствий в Германии и Нидерландах.

1930-е годы ознаменовались чередой переходов на сторону противника и просто уходов высокопоставленных советских разведчиков, дипломатов, действующих или бывших резидентов. Невозвращенцами стали И. Рейсс во Франции, В. Кривицкий в Голландии, А. Орлов в Испании, А. Бармин в Греции, Л. Гельфанд в Италии, М. Штейнберг в Швейцарии и ряд других. Хотя почти все они мотивировали свои действия несогласием с установившимся в Советском Союзе сталинским режимом, подлинные причины их ухода были далеки от идеологии. Перебежчиков гнал страх за свою жизнь, они профессионально просчитали причины исчезновения своих коллег в СССР и не желали разделить их судьбу. Любой оперативный работник знает, что перешедший к противнику разведчик должен рассчитаться за предоставление убежища и защиты своим единственным достоянием — информацией. Правила этой игры недвусмысленны и изменению не подлежат.

Нанесенный перебежчиками ущерб был огромен, в некоторых странах агентурный аппарат попросту перестал существовать, в других же местах источников успели вывести на консервацию и сохранили им жизнь, однако далее использовать не могли. Поэтому при оценке потерь советской разведки от репрессий конца 1930-х годов следует учитывать не только казненных, арестованных и уволенных офицеров и утраченные по этой причине агентурные позиции, но и другой вред, нанесенный ей высокопоставленными перебежчиками. Некоторые из этих предателей стали известны более других, в основном из-за изданных ими за рубежом книг, журнальных и газетных публикаций, где они, естественно, попытались предстать перед публикой в наиболее привлекательном свете.

Военный разведчик Людвиг Порецки (Игнатий Рейсс, “Раймонд”), помимо общей для практически всех невозвращенцев боязни репрессий, имел еще одну, весьма серьезную причину для ухода (которую некоторые исследователи отрицают): он запутался в финансовых делах и растратил оперативные средства резидентуры. Оказавшись на Западе без средств к существованию, Рейсс решил найти пристанище у троцкистской оппозиции, хотя не просто предполагал, а точно знал, насколько она была пронизана агентурой НКВД. Он опубликовал письмо в поддержку Троцкого, к

Людвиг Порецки

которому ранее не питал абсолютно никаких теплых чувств, и тем самым ускорил свой конец, поскольку сторонников главного оппозиционера отстреливали в первую очередь. Постоянные декларации о приверженности поправленным Сталиным коммунистическим идеалам не мешали Рейссу провалить всю известную ему нелегальную агентуру, что повлекло весьма тяжкие последствия, отчасти упомянутые в настоящей книге. Вскоре его обнаружила в Париже группа под руководством С. М. Шпигельгласа, и 4 сентября 1937 года пробитое семью пулями

Самуил Гинзбург

тело невозвращенца нашли в пригороде швейцарского города Лозанна. Достоверно известно лишь то, что перед самой гибелью он ужинал в ресторане и уехал оттуда, а далее версии расходятся. Вдова Порецки, Элизабет, утверждает, что его заманила в ловушку попросившая о помощи Гертруда Шильдбах, в прошлом личный агент “Раймонда”. Она была той самой работавшей с Аксельродом “Ли”, которой пришлось спешно бежать из Италии в результате предательства Рейсса, поэтому женщина охотно поучаствовала в ликвидации перебежчика. На обратном пути автомобиль перебежчика догнала машина с боевиками, они вытащили приговоренного на дорогу и расстреляли его на месте. Существует и другая версия, согласно которой в том же пригородном ресторане нелегалы НКВД болгарин Б. М. Афанасьев и Роллан Аббиа (Франсуа Росси), в дальнейшем получивший советский паспорт на имя В. С. Правдина, спровоцировали ссору и драку с Рейссом, втокнули его в машину, увезли и опять-таки расстреляли на ночной дороге. В любом случае нет сомнений, что советская сторона успешно сумела привести в исполнение вынесенный предателю смертный приговор.

Не так очевиден результат охоты за другим крупным перебежчиком и давним другом Порецки, нелегальным резидентом ИНО в Гааге Вальтером Кривицким (Самуил Гинзбург). Он нанес особенно сильный ущерб советским агентурным сетям в Западной Европе, поскольку территория Голландии служила базой для проведения операций по множеству линий и направлений. И хотя он не являлся, как утверждал в своей книге “Я был агентом Сталина”, ни руководителем всей разведки в Западной Европе, ни генералом, поскольку генеральских званий в СССР тогда вообще не существовало, все же НКВД очень болезненно воспринял этот удар. 6 октября 1937 года Кривицкий с семьей бежал под защиту лично знавшего его французского премьера Леона Блюма, приказавшего полиции взять перебежчика под охрану. Позднее он перебрался в Соединенные Штаты, где ради денег занялся публикацией разоблачительных материалов и жил в постоянном страхе перед НКВД, способным достать его и за океаном. Точно неизвестно, что именно произошло ночью 10 февраля 1941 года в запертом номере вашингтонской гостиницы “Бельвью”, однако наутро обслуживающий персонал обнаружил перебежчика лежащим в кровати с простреленным виском. Рядом находились три невнятные и сумбурные предсмертные записки, подлинность которых подтвердила экспертиза. Скорее всего, Кривицкий совершил самоубийство под воздействием постоянного страха за свою жизнь, хотя многие считают это тонко подстроеным убийством. Адвокат погибшего, например, указывал на то, что никто из соседей не слышал звука выстрела, хотя пистолет Кривицкого не имел глушителя. Но было ли это делом рук боевиков НКВД или самоубийством отчаявшегося человека, не знает никто.

Перебежчики нанесли советской разведке огромный урон, и их громкие слова о несогласии с политической системой СССР разбиваются об элементарные понятия о профессиональной чести офицера разведки, который должен скорее умереть, чем расшифровать своих агентов, доверивших ему доброе имя, свободу и зачастую жизнь. Любые заявления о том, что иначе поступить было нельзя, опровергаются историей Орлова, ушедшего на Запад, но не провалившегося ни одного источника.

* * *

Война приближалась, однако Гитлер совершенно не предполагал, что немецкое нападение на Польшу приведет к мировому или даже европейскому конфликту. По этой причине основные усилия его спецслужб были сконцентрированы на востоке Европы, и 1 сентября 1939 года не ознаменовалось каким-либо всплеском разведывательной активности абвера и СД на западе континента. Они стали наращивать темп и размах операций лишь несколько позднее, но это уже является темой другой главы.

ИСПАНСКИЙ ПОЛИГОН

В первой трети двадцатого столетия Испания представляла собой европейское захолустье, расположенное где-то на отшибе за Пиренейскими горами, с полуфеодальными порядками и анахронизмом в виде короля из рода Габсбургов Альфонсо XII. Однако социальные движения оказались фактором весьма серьезным, они проникли даже на задворки Европы, и в 1931 году монархия в стране пала. Пришедшее к власти коалиционное правительство Второй республики наделало немало различных ошибок, но к фатальному исходу привела главная из них, а именно, сохранение на руководящих постах реакционных генералов, презиравших республику и мечтавших об ином общественном строе. Как и в любой стране мира, в Испании правые силы консолидировались успешнее левых и энергично набирали силу. В феврале 1934 года “Испанская фаланга” (ФЕ) и “Союз национально-синдикалистского наступления” (ХОНС), руководимые соответственно Х. Примо де Риверой и Р. Рамосом, объединились в единую фашистскую партию ФЕ и ХОНС. Немногочисленность этой организации отчасти уравновешивалось наличием у нее собственных боевых отрядов, аналога германских СА. Отныне у реакционных военных появился политический ориентир, тогда как правые стремились взять под свой контроль армию и флот. Обе враждебные республике силы начали интенсивно сближаться, используя острую социальную напряженность в стране, неоднократно приводившую к беспорядкам, восстаниям и вооруженным столкновениям.

Пришедшее к власти осенью 1935 года правительство бывшего радикала премьер-министра Лерруса пало в следующем же году из-за связанного с компанией “Эстраперло” финансового скандала. К удивлению многих, 16 февраля 1936 года на выборах в кортесы (законодательное собрание) впечатляющую победу одержал сформированный в 1935 году антифашистскими и демократическими партиями Народный фронт, в который вошли Испанская социалистическая рабочая партия, Коммунистическая партия Испании, Партия профсоюзных объединений и Национальная конференция труда. Новый премьер-министр Мануэль Асанья провозгласил курс на “расширение базы республики” и активно пытался вовлечь в коалицию анархо-синдикалистов и другие левые партии и организации. Победа на выборах в кортесы принесла Народному фронту 283 парламентских места, правым — 132, центристам — 42 и баскским националистам — 10. Подобных результатов не ожидал никто, поэтому реакция профашистских сил оказалась бурной, но судорожной. 17 марта во время парада в Мадриде произошло безуспешное покушение на премьера Асанья. В тот же день правительство объявило фалангу вне закона, что привело лишь к ее уходу в подполье. Части карабинеров, штурмовой и гражданской гвардии подавили вспыхнувшие в городе беспорядки, выявив при этом крайнюю степень неподготовленности государства к обеспечению собственной безопасности. Стала ясна насущная необходимость формирования разведки и контрразведки, а также и то, что осуществить это возможно только при содействии извне. При этом возник вопрос, к чьей помощи следует попытаться прибегнуть, поскольку традиционно Испания проводила политику неприсоединения, то есть не входила в военные и политические союзы, избегала вооруженных конфликтов и старалась сохранить нейтральный статус. Неприкрытое стремление Италии обзавестись военно-морскими базами на Пиреней-

ском полуострове отталкивало от нее испанцев, не пользовалась популярностью и Франция. Офицерский корпус в основном тяготел к Британии, однако некоторые генералы симпатизировали нацистской Германии. Попытки отыскать равно устраивавшего всех естественного союзника потерпели фиаско, и тогда входившие в Народный фронт левые партии взяли дело в свои руки и обратились за содействием к признанному Испанией еще в 1933 году Советскому Союзу. До сих пор обмен послами задерживался, но создававшаяся ситуация заставила форсировать процесс сближения, и летом 1936 года оба государства подписали соглашение, согласно которому СССР обязывался оказывать испанскому правительству военную и военно-техническую помощь, а также направить в страну своих советников.

В это время военные уже активно планировали заговор и тоже нуждались во внешней поддержке своих планов, весьма доброжелательно встреченных Германией. Адмирал Канарис завязал в Испании прекрасные контакты еще в период своей работы в мадридской резидентуре разведки ВМС во время Первой мировой войны и с тех пор испытывал искреннюю симпатию к этой стране. По неподтвержденным данным, в 1916 году он подружился с будущим диктатором Франсиско Франко, тогда еще майором марокканских войск, и сохранил эту дружбу на всю свою жизнь. К немцам обратился и бывший командующий штурмовой гвардией и бывший директор гражданской гвардии генерал Хосе Санхурхо, изгнанный в 1932 году из страны за попытку совершения путча в Севилье. В феврале 1936 года он провел в Берлине переговоры с Канарисом, взявшим на себя смелость в значительной степени на собственный страх и риск поддержать будущих мятежников. Участники заговора генералы Мола, Франко и Годад первоначально назначили выступление на 17 апреля 1936 года, а потом из-за неготовности отложили его на неопределенный срок. При этом они постоянно и громкогласно уверяли правительство в своей лояльности. От премьера не укрылась подготовка к мятежу, но вместо тюрьмы или отставки заговорщиков оставили на командных постах, и это неразумное решение в конечном счете и погубило республику.

Напряженность в Испании возрастала. Левые постоянно конфликтовали с правыми, каталонские и баскские националисты — с центральным правительством, коммунисты — с троцкистами и анархистами. Боевые отряды партии ИФ и ХОНС вплоть до 1936 года постоянно провоцировали беспорядки, нападали на социалистов и коммунистов и вообще всячески дестабилизировали ситуацию в стране. Асанья попытался взять на себя роль объединяющего общества лидера и 10 мая был избран на пост президента республики, назначив новым премьером своего ставленника Касареса Кирогу, однако ситуация уже выходила из-под его контроля. Социальный взрыв явно назревал, не доставало лишь детонатора, которым стало произошедшее в наэлектризованном Мадриде двойное убийство.

Первым погиб офицер столичной штурмовой гвардии Хосе дель Кастильо. Вечером 12 июля по дороге к дому четверо “пистолерос” фаланги застрелили его в отместку за совершенное им в начале года убийство известного фалангиста маркиза Эредиа. На следующий день после похорон штурмовые гвардейцы решили отомстить человеку, который, как они полагали, организовал этот террористический акт. Они вломились в дом одного из лидеров монархической партии, депутата кортесов Кальво Сотело и увезли его якобы для допроса, а по дороге застрелили и привезли тело на одно из мадридских кладбищ под видом трупа неизвестного бродяги. Однако к середине следующего дня Сотело опознали, что также вызвало бурю возмущения. Оба убийства всколыхнули Испанию и выплеснули на улицы толпы протестующих из обоих лагерей, а заговорщики-националисты обоснованно сочли этот момент вполне подходящим для активных действий. Выступавший под псевдонимом “Директор” Эмилио Мола известил сообщников о дате и времени начала выступления: 17 июля в 17 часов. По устоявшемуся мнению, окончательным сигналом стала переданная радиостанцией в Сеуте и вошедшая в историю кодовая фраза “Над всей Испанией безоблачное небо”. В ее подлинности имеются определенные сомнения. Вероятнее всего, в действительности сигналом послужило не столь романтическое, но действительно переданное сообщение: “Семнадцатого в семнадцать. Директор”.

Контрразведки в Испании не существовало ни в тот момент, ни ранее, а сами испанцы с гордостью заявляли, что подобный институт противоречит их национальному характеру. Не было в стране и внешней разведки, но она хотя бы имела исторические корни в прошлом, когда в эпоху контрреформации Филипп II наводнил Европу своими шпионами. Из-за отсутствия спецслужб правительство упустило из виду довольно явные и широкомасштаб-

ные приготовления заговорщиков, и вплоть до начала мятежа, названного его участниками “Национальным движением”, он казался для президента и его аппарата чем-то далеким и не вполне реальным.

Националисты планировали провести операцию по сосредоточению войск от периферии к центру и в результате концентрического наступления захватить столицу. Части в Марокко возглавлял генерал Франко, в Андалузии — Кейпо де Льяно, в Каталонии — Каррасио, в Сарагосе — Кабанельяс, в Валенсии и на Балеарских островах — Годад, в Мадриде — Фанхуль. Руководителем заговора являлся генерал Мола, начальником штаба — подполковник Галарса, а на роль диктатора и главы государства планировался проживавший в Португалии изгнанник Санхурхо. Выступления войск начались внезапно во множестве мест, и сопровождалась казнями захваченных видных республиканцев. Премьер Кирога не нашел в этой ситуации ничего лучшего, чем на следующий день после начала мятежа издать декрет о роспуске армии и замене ее народной милицией. Мятежники, естественно, декрет не выполнили, и, следовательно, своей цели он не достиг. Распущенными оказались именно верные правительству войска, а спешно сформировавшиеся отряды народной милиции были слабо вооружены, почти совсем не обучены и абсолютно не приспособлены для скоординированных действий. Удар по расчетам националистов нанес флот. Более половины экипажей его действующего корабельного состава осталось верным правительству, они в течение некоторого, хотя и непродолжительного времени успешно блокировали Гибралтарский пролив и сорвали планы массовой переброски марокканских частей на Пиренейский полуостров.

Внезапное нападение регулярных войск на совершенно не готовых к отпору сторонников правительства сразу же позволило им достичь значительных успехов везде, за исключением Каталонии и Страны Басков. Организованное сопротивление оказали лишь силы безопасности, в результате действий которых один из лидеров мятежников генерал Годад был захвачен в плен. Провалилось и выступление в самом Мадриде, но вылетевший из Португалии в Испанию 20 июля 1936 года генерал Санхурхо об этом так и не узнал. Он был настолько уверен в скором вступлении в должность главы государства, что погрузил в маленький самолет огромный и тяжелый багаж с различными мундирами и регалиями, в которых намеревался принимать парад войск в столице. По всей видимости, именно эта излишняя перегрузка, против которой категорически возражал перед вылетом пилот, и погубила генерала. Самолет рухнул, похоронив его под обломками. Некоторые исследователи считают эту катастрофу результатом диверсии, что, однако, весьма маловероятно, поскольку к лету 1936 года испанское правительство еще не располагало абсолютно никакими спецслужбами. После некоторого замешательства мятеж возглавил генерал Франсиско Франко Баамонде, со временем получивший титул “каудильо” (“вождь”).

Правительство рассчитывало на получение помощи в подавлении мятежа от Советского Союза, но несколько обманулось в своих ожиданиях. Первоначально Москва ограничилась отправкой группы летчиков для пилотирования боевых самолетов французского производства. И только после начала неприкрытой немецкой и итальянской помощи националистам, после того, как Троцкий во всеулышание обвинил своего главного врага Сталина в том, что он бросил испанскую революцию на произвол судьбы и на растерзание фашистам, СССР начал поставлять правительству Народного фронта оружие и боевую технику. 16 октября генеральный секретарь Коммунистической партии Испании (КПИ) Хосе Диас получил от Сталина телеграмму, в которой говорилось: “Испанская война — это не частное дело испанцев. Это общее дело всего передового и прогрессивного человечества”²⁵⁴. Официальная пропаганда начала именовать испанские события “Национально-революционной войной испанского народа”, и первые 16 советских судов с грузом танков, самолетов и горючего прибыли из Одессы в Картахену.

Уже в сентябре в Мадриде при министерстве внутренних дел Испании открылось представительство НКВД, в обиходе именовавшееся резидентурой, руководителем которого стал А. М. Орлов, а его помощником — Н. М. Белкин. Вскоре его отделения были созданы в Барселоне и Валенсии. Главной обязанностью этой структуры являлось обеспечение руководства Советского Союза разведывательной и контрразведывательной информацией по всему спектру испанских проблем (функция любой резидентуры), при этом взаимодействие с МВД Испании в создании и организации органов государственной безопасности (функция именно представительства) оказалось отодвинутым на второй план. На должность главного военного советника прибыл бывший начальник Разведупра РККА Я. К. Берзин, но фактически

ки высшим среди советников по положению считался все же Орлов.

Обе стороны ударными темпами бросились создавать крайне необходимые в военной обстановке службы разведки и контрразведки.

Националисты в августе 1936 года сформировали Информационную службу Северной Испании (СИФНЕ) во главе с полковником Бертраном Мусити. Задачей этого органа являлось ведение внешней разведки, а его название подчеркивало региональный характер деятельности службы, поскольку на севере Испании находилась хотя и основная, но все же лишь часть территорий и сил националистов. Вскоре в Биаррице открылась ее зарубежная резидентура, ставшая первой загранточкой разведки националистов.

Республиканцы начали с организации борьбы со шпионажем. При МВД была сформирована контрразведывательная служба (“Сегуридад”) с филиалами в главных городах страны, главными задачами которой стали обеспечение государственной безопасности и проведение контрразведывательных операций по борьбе с подрывной деятельностью франкистов. В качестве силового подразделения контрразведке придавался отряд из 100 полицейских. Одновременно аналогичная служба формировалась и в армии. Первоначально этот возглавлявшийся полковником Антонио Ортегой орган безопасности работал по преимуществу топорными и террористическими методами, не было речи об изящных оперативных комбинациях, о проверке вражеских агентов, зато обычным делом стали расстрелы подозреваемых в шпионаже без какого-либо серьезного расследования. В “Сегуридад” входил информационный отдел, функции которого значительно отличались от обязанностей аналогично именованных структур в спецслужбах других стран, поскольку он обладал правом ареста и следствия.

Почти сразу же контрразведка столкнулась с весьма специфическим фактором, сильно дестабилизировавшим обстановку в столице. Правительство легкомысленно подтвердило экстерриториальность не только зданий иностранных посольств и миссий, но и так называемых “общежитий граждан иностранных государств”, то есть домов, где проживали их сотрудники. Вскоре они стали настоящим рассадником подрывных элементов, однако из-за их дипломатической неприкосновенности ничего с этим поделать было невозможно. Но в декабре 1936 года терпение службы государственной безопасности лопнуло, и отряд “Сегуридад” вторгся в два принадлежавших финской миссии здания. Жильцы первого из них оказали полицейским вооруженное сопротивление. К изумлению контрразведчиков, среди примерно двух тысяч их обитателей не оказалось ни одного финна, зато при обыске обнаружился солидный арсенал стрелкового оружия и мастерская по изготовлению ручных гранат. Аналогичная картина наблюдалась в доме чилийского посольства. В турецком здании контрразведчики изъяли 100 ящиков с винтовками, в перуанском — радиостанцию и шифры. Аресту подверглись 800 человек, а еще 2 тысячи по указанию правительства были депортированы во Францию. Резонанс этой акции оказался так велик, а нарушение иностранными миссиями дипломатического статуса столь очевидно, что директор “Сегуридад” не получил даже выговора за эту, казалось бы, вопиющую с точки зрения международного права акцию.

Подразделение анархистов на марше

Спустя десять недель с начала мятежа стало ясно, что попытка с ходу овладеть столицей потерпела неудачу. Разрозненные части оставшихся верными правительству войск,

силы безопасности и наскоро сформированные и вооруженные отряды сумели сдержать наступление взбунтовавшейся армии. Более того, республиканцы сохраняли в своих руках 350 тысяч квадратных километров территории, а мятежники заняли лишь 175 тысяч, причем наименее экономически развитых. Центральное правительство контролировало три четверти населения страны, пограничную зону Пиренеев, средиземноморские порты от Барселоны до Малаги, главные города Испании и ее золотой запас. Франкисты были разобщены на две изолированные друг от друга зоны, однако их важным преимуществом являлся контроль над границей с Португалией, где у власти находилось всецело поддерживающее их правительство Салазара. Республиканцы уступали националистам в сухопутных войсках, зато превосходили своих противников в авиации, военном и торговом флотах, железнодорожном и автомобильном транспорте, на их стороне были все силы безопасности. Тем не менее, за истекшие десять недель они потерпели тяжелое поражение, причина которого крылась не в отсутствии людских и материальных ресурсов, а в неумении воевать, в необученности, разобщенности и анархии. Государственная власть разваливалась, нормально сражаться могли лишь гражданская и штурмовая гвардии, силы безопасности и карабинеры. Наскоро сформированная народная милиция пока только училась вести боевые действия, и не все ее члены желали проходить военную муштру. Правительство упустило самую удачную возможность подавить мятеж в зародыше — сорвать переброску Африканской армии Франко из Марокко морем и по “воздушному мосту”. Зато каудильо прекрасно понимал важность коммуникаций в современной войне, поэтому первое, о чем он попросил Германию, были транспортные самолеты. И он их получил.

На помощь мятежникам пришли итальянцы и немцы. В рейхе основным ходатаем Франко перед Гитлером и, без преувеличения, главной движущей силой интервенции с немецкой стороны являлся Канарис, сразу же после обращения мятежников бросивший все текущие дела и пытавшийся заинтересовать руководство как своего государства, так и союзной Италии в свержении правительства Народного фронта. 20 июля 1936 года начальник абвера организовал встречу эмиссаров испанских националистов с Гитлером, Герингом и Бломбергом, на которой немцы согласились для начала выделить 20 транспортных самолетов Ю-52. Они прибыли в Марокко восемь дней спустя, вместе с 85 специалистами по их обслуживанию и 5 истребителями для охраны. Для себя лично Канарис добился от фюрера специальных полномочий в руководстве германской интервенцией и немедленно договорился о совместных действиях со своим итальянским коллегой Марио Роатта. В конце июля 1936 года абвер быстро организовал в Тетуане подставную Испано-марокканскую транспортную компанию (“Хисма”), которую учредили два физических лица: близкий к Франко адмирал Карранца и руководитель тетуанского отделения Заграничной организации (АО) НСДАП Иоганн Бернгард. “Хисма” не только занималась транспортировкой предназначавшихся для националистов германских грузов и закупки оружия для Франко в Германии и Чехословакии, но и в качестве оплаты за военную помощь обеспечивала обратные поставки испанского сырья в Германию. 2 октября 1936 года Геринг основал в Германии симметрично действовавшую Торговую компанию по бартерному обмену “сырье — товары” (“Ровак”). Этот двойной синдикат не только обслуживал военные поставки и одновременно служил эффективным экономическим рычагом постепенного подчинения испанской экономике германским потребностям. Позднее, по мере расширения контролируемой националистами территории, через “Хисма” и “Ровак” производилась геологическая разведка полезных ископаемых на Пиренейском полуострове, в результате которой в течение 1937 — 1938 годов немцы через подставных лиц приобрели права на более, чем 200 рудников и шахт. Для обхода некоторых моментов в испанском законодательстве в 1939 году все приобретения были легализованы путем создания подставного якобы национального Финансово-промышленного акционерного общества (“Софиндус”). Но все это было делом хотя и не слишком отдаленного, однако все-таки будущего. На начальном же этапе по линии подставных фирм абвер, помимо прочих мероприятий, начал операцию по поставкам республиканцам негодного или до крайности устаревшего оружия. Немцы специально дорабатывали многие виды вооружения, например, спиливали ударники у стрелкового оружия, а в ручных гранатах устанавливали запалы мгновенного действия. Одновременно абвер принимал меры к широкому распространению в республиканских войсках слухов о негодном оружии, чтобы вызвать у бойцов недоверие к нему, а также попытаться убедить солдат, что такой брак поставлял им Советский Союз.

Начальник абвера (слева) инкогнито в Испании

Вмешательство Германии произошло в самом начале испанских событий и выразилось не только в предоставлении транспортных самолетов для переброски войск из Марокко, но и в оперативных мероприятиях спецслужб. В первые же дни войны анархисты конфисковали в Барселоне документы местного отделения АО НСДАП, из которых выяснилось, что ее «портовая служба» организовала нелегальный ввоз в страну пропагандистских материалов и некоторых видов снаряжения для подпольной деятельности. Вывозились же из Испании, также нелегально, захваченные пленные, представлявшие интерес для спецслужб рейха. Вскоре в страну тайно прибыл сформированный в Германии по указанию Геринга воздушный легион «Кондор», на вооружении которого находилось 100 самолетов. Кроме того, под предлогом защиты жизней и имущества немцев в Испании в ее воды прибыли две германские эскадры.

Муссолини с самого начала отдал своим войскам приказ об участии в боевых операциях на стороне мятежников, причем в значительно более широких масштабах, чем это делали немцы. 30 июля 12 бомбардировщиков «Савойя-81» вылетели в Марокко, но по техническим причинам до цели добрались только 9, а один из отставших самолетов приземлился в Алжире. Это нарушило секретность операции и вызвало нежелательный международный резонанс, поэтому командование итальянских ВВС первоначально посылало эскадрильи на Балеарские острова, откуда они совершали боевые вылеты, после чего возвращались на Сардинию.

25 июля 1936 года Лига Наций приняла решение о нейтралитете и запрещении вывоза любых вооружений в Испанию, вне зависимости от их получателя. Официальный представитель Мадрида заявил протест и указал, что его законно избранное правительство осуществляет подавление преступного антигосударственного мятежа, поэтому подобное решение является противоречащим уставу международной организации вмешательством во внутренние дела Испании. Кроме того, он резонно заметил, что многие поставки должны были выполняться по заключенным до 18 июля 1936 года и уже оплаченным контрактам, поэтому любой запрет на ввоз этих вооружений абсолютно не оправдан даже с учетом решения от 25 июля. Но эти доводы не были приняты во внимание, и 9 сентября вне рамок Лиги Наций 27 государств образовали в Лондоне продолживший проведение той же политики Международный комитет по вопросам невмешательства в дела Испании. СССР вошел в его состав, и уже 7 октября советский представитель И. М. Майский потребовал взять под международный контроль вместе с испанскими также и португальские порты, поскольку через общую сухопутную границу между этими странами мятежники снабжались вполне открыто. Это сделано не было. Между тем, пытаясь приобрести устойчивый правовой статус, 15 августа Франко объявил о создании в Бургосе Национального правительства, которое 18 ноября Берлин и Рим признали де юре и установили с ним дипломатические отношения.

Позиции Великобритании и Франции в испанском вопросе весьма различались. Париж в целом симпатизировал законному правительству страны, тогда как Лондон не скрывал своих

пристрастий к франкистам, однако британское вмешательство в испанские дела ограничивалось только тайными операциями СИС. Лейбористы резонно опасались возможного союза националистов с державами “оси”, чреватого в дальнейшем базированием германского и итальянского флотов на атлантические и средиземноморские порты Испании. В этом случае по позициям флота метрополии был бы нанесен сокрушительный удар. Не в последнюю очередь по этой причине лейбористы пригрозили забастовкой в случае любой попытки консервативного правительства Чемберлена оказать помощь националистам, хотя, строго говоря, видели в республиканских интербригадах исключительно “красных” и относились к ним соответственно. Их предубеждение усиливалось пребыванием известного активиста ИРА Фрэнка Райана во главе батальона имени Джеймса Конноли интербригады имени Авраама Линкольна. Лондон никак не мог пройти мимо этого факта. Ирландские сепаратисты активно поддерживали правительство Народного фронта и принимали непосредственное участие в боевых действиях, причем их количество там быстро росло и вскоре достигло тысячи человек. Вполне естественно, что это крайне тревожило британские секретные службы. СИС резонно опасалась, что после приобретения опыта специальных партизанских операций боевики ИРА станут многократно опаснее, поэтому она пыталась изнутри освещать ситуацию с англичанами и ирландцами — бойцами и командирами интербригад. Известен по крайней мере один случай успешного внедрения в их ряды агента, которым являлся погибший в 1937 году в ходе боевых действий работник дублинской резидентуры СИС Дж. М. Натан.

Тем временем войска мятежников успешно продвигались вперед. В сентябре подал в отставку премьер-министр Кирога, преемником которого в тяжелые дни первой осады Мадрида стал социалист Ларго Кабальеро. Националисты тем временем уже готовились к захвату столицы. Усилились террористические налеты немецких “Юнкерсов” и итальянских “Капрони”, безнаказанно уничтожавших квартал за кварталом лишнего средств противовоздушной обороны беззащитного города. Попытка контрнаступления республиканцев потерпела провал, и 4 ноября правительство спешно эвакуировалось в Валенсию. Франкисты готовились к решительному штурму, имевшему все шансы увенчаться успехом, однако республиканцам необычайно и совершенно случайно повезло. Их войсковая разведка захватила у одного из офицеров противника полный текст боевого приказа с подробным планом наступления, что позволило защитникам Мадрида перегруппировать свои скудные силы на угрожаемые направления и отразить удар. Именно в эти дни родился знаменитый термин “пятая колонна”, означающий организованных и готовых к действиям внутренних врагов, заговорщиков, установивших регулярные связи с врагом и действующих по его указаниям. Его авторство приписывается Эмилио Мола, неоднократно выбалтывавшему многие секреты, чем вообще нередко грешили испанские военачальники. В октябре 1936 года в одном из выступлений по радио генерал сообщил, что наступление на Мадрид ведут четыре войсковые колонны, но непосредственную атаку на него произведет “пятая колонна”, состоящая из уже находящихся внутри города заговорщиков. Для контрразведки республиканского правительства это стало сигналом приступить к широкомасштабным активным действиям по очистке тыла.

Постепенно испанцы почувствовали вкус к деятельности секретных служб. Если раньше рыцарские традиции не позволяли им окунаться в закрытый и, в общем-то, грязноватый мир шпионажа, то теперь романтические черты латинского характера возобладали, и сумеречная область тайных операций занимала их все больше. Следствием этого явился плохо контролируемый рост числа спецслужб с обеих сторон, причем лидировали в этом состязании республиканцы. Общая оценка состояния их разведывательных органов прозвучала в донесении Орлова в Центр от 15 октября 1936 года: “Единой службы безопасности нет, т. к. правительство считает это дело не очень моральным. Каждая партия сама создала свою службу безопасности. В том учреждении, что есть у правительства, много бывших офицеров, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу, столь необходимую потребителям страны”²⁵⁵. Первая централизованная секретная служба была организована в составе МВД, и 29 декабря 1936 года Орлов нелицеприятно докладывал о ней в Москву: “Созданный правительством по моему докладу аппарат политической контрразведки и разведки распался по причине бегства этого министерства из Мадрида, а

также по причине ареста в Барселоне начальника этого нового учреждения Хустинианоса, в машине которого анархистами обнаружено 500 кг золота и ценные картины... В этом аппарате никому верить нельзя”²⁵⁶.

В дальнейшем с помощью представительства НКВД СССР в начале 1937 года при министерстве иностранных дел была образована специальная информационная служба для ведения дипломатической (политической) разведки под названием “Дипломатический кабинет”. Военная разведка была в тот период представлена не добившейся особенных успехов Специальной службой внешней информации (СИЕЕ), а Специальная служба генерального штаба (СЕ) в основном занималась контрразведкой в войсках и обеспечением безопасности.

Однако вскоре эти структуры претерпели значительные изменения, и ведущее положение заняли два основных института ведения тайной войны. Первой стала образованная 15 августа 1937 года и снискавшая весьма зловещую славу Служба военных расследований (СИМ), романтически воспетая Хемингуэем в “Пятой колонне”. СИМ предназначалась отнюдь не только для борьбы с франкистским шпионажем, острие ее операций с подачи советников из СССР было направлено также и против троцкистской “Рабочей партии марксистского единства” (ПОУМ). Являясь фактически органом репрессий, тайной полицией режима, СИМ не останавливалась перед пытками и расстрелами, чем вызвала стойкую неприязнь и страх населения и даже армии. Возглавлял службу А. Баста, затем М. Барутеле, в 1938 году сбежавший во Францию и укrywшийся там от рисков и тягот войны. Организационная структура СИМ выглядела следующим образом:

- иностранный отдел;
- отдел авиации;
- отдел сухопутных войск;
- отдел военно-морских сил;
- общий отдел;
- отдел вооружений;
- экономический отдел;
- юридический отдел;
- отдел транспорта и связи;
- отдел учебных заведений;
- отдел партий и профсоюзов;
- отдел гражданского населения;
- бригада специального назначения на правах отдела.

Численность персонала службы вместе с периферийным аппаратом достигала 6 тысяч человек. Попытки СИМ выйти за пределы Испании и организовать внешнюю разведку успехом не увенчались, равно как и проба создания зафронтовой сети точек, объединенных в подчиненную ей Специальную периферийную службу расследований. Контрразведка националистов быстро и эффективно парализовала ее.

Зато вторая из двух основных спецслужб правительства Народного фронта работала очень результативно. Специальная служба периферийной разведки (СИЕП) была образована в декабре 1937 года по инициативе лидера анархистов Дуррути, предложившего свести стихийно возникшие в войсках разрозненные разведгруппы в единую структуру для ведения оперативной работы в интересах армии. Она являлась исполнительным органом разведывательного отдела генерального штаба и дислоцировалась вначале в Барселоне, затем в Валенсии, а потом снова в Барселоне и имела представителей в каждом армейском и корпусном штабе.

Анархо-синдикалисты организовали две собственные секретные службы, действовавшие абсолютно автономно и никак не координировавшие свою деятельность с государственными разведорганами. Служба информации и координации (СИК) занималась как внешней разведкой, так и контрразведкой, а Служба координации и связи представляла собой чисто военную разведку. Троцкистская ПОУМ тоже имела в своем распоряжении собственную оперативную разведку, обзавелась секретной службой также и КПИ, но она, в отличие от всех остальных, находилась в наиболее выгодном положении, поскольку пользовалась мощной поддержкой советских резидентур военной и внешней разведки.

Не менее пестрой была картина спецслужб националистов. Не удовлетворенные наличием СИФНЕ, несколько военных губернаторов сочли делом чести организовать в своем аппарате разведывательные органы. Активно действовали службы и отдельные группы воен-

ных администраций городов Малерб (руководитель Николас Франко, старший брат генерала Франсиско Франко) и Ирун, а также командование армейской группы Руиса, открывшее резидентуры во французских городах Марселе, Перпиньяне, Сен-Жан-де-Лю и радиоквартину в Пор-Вандре Наступавшие на Мадрид войска генерала Мола также вели агентурную разведку силами Службы специальной информации мадридского фронта. Однако основная секретная служба националистов была создана бывшим военным атташе Испании в Париже генералом Хосе Унгером. Первоначально она именовалась Службой военной информации (СИМ), но в декабре 1937 года из-за совпадения аббревиатур с аналогичной структурой республиканцев была переименована в Службу военной информации и полиции (СИПМ). В феврале следующего года она объединилась с СИФНЕ и к июлю насчитывала примерно 30 тысяч сотрудников и агентов, располагала развитыми агентурными сетями в контролируемой республиканским правительством зоне и руководила подпольными группами “пятой колонны”.

В схватке разведывательных органов не остались в стороне и спецслужбы ведущих государств мира. Республиканцев поддерживали НКВД и Разведупр РККА, германские абвер и СД и итальянская СИМ работали в пользу националистов. Англичане в основном отслеживали ситуацию и не ввязывались в активные действия, а французы тем временем просто пытались обезопасить свою территорию от теневой схватки чужих разведок. II отдел главного штаба Войска польского попытался использовать конфликт в Испании для сбора информации об СССР. Первоначально эти задачи были возложены на парижскую пляцувку “Лекомт”, но с 12 июля 1937 года поляки организовали на Пиренейском полуострове агентурную сеть “Орех” для самостоятельной работы и для связи с парижской точкой. Испания стала гигантским полигоном явной и тайной войны, на котором великие и некоторые малые державы оттачивали стратегию и тактику, проверяли в действии свои вооружения, отрабатывали приемы и методы оперативной работы, совершенно не интересуясь страданиями народа, имевшего несчастье жить в растерзанной гражданской войной стране.

Вся эта деятельность прежде всего была направлена на организацию разведывательного обеспечения боевых операций на фронтах, складывавшихся для республиканцев неудачно. Итальянский экспедиционный корпус под командованием генерала Роатта наращивал свое присутствие на театре военных действий, и в феврале 1937 года его дивизии одним ударом взяли Малагу. Остатки правительственных войск оказались в ловушке, после чего по приказу Муссолини Роатта устроил в Малаге надолго запомнившийся испанцам широкомасштабный террор. Несколько отыгрались республиканцы в марте, когда в результате победы под Гвадалахарой их войска захватили все документы штаба итальянского корпуса, копии которых были отправлены в Советский Союз.

Правительство Народного фронта пользовалось широкими симпатиями в мире, и со всех концов света в Испанию потянулись добровольцы-антифашисты для вступления в его армию. Немалую роль в этом сыграла и деятельность Коминтерна. Из добровольцев формировались интернациональные бригады, формально занявший место бывшего Иностранного легиона испанской армии. Они стали заметной ударной силой республиканцев благодаря в основном не военной выучке, а железной дисциплине и твердой решимости победить. Именно интербригады являлись костяком, основой новой армии, и именно они поставили новые задачи перед спецслужбами всех вовлеченных в конфликт сторон.

Советский Союз, естественно, всячески способствовал прибытию добровольцев в Испанию, но при этом опасался вызвать дипломатические осложнения в связи с объявленной Лигой Наций политикой невмешательства. 19 января Сталин дал указание внешней разведке НКВД организовать переброску добровольцев, главным образом эмигрантов, через открытые во Франции, Чехословакии, Болгарии и Югославии “Союзы за возвращение на родину”. Желавшим возвратиться в СССР объясняли, что их дорога домой будет намного короче, если пройдет через Пиренейский полуостров. Бывшие солдаты и офицеры дореволюционной русской армии использовались преимущественно в боевых и диверсионных подразделениях, для охраны важнейших объектов, а также в качестве военных переводчиков и инструкторов в учебных центрах. В первое время интербригадовцы приезжали из многих стран, минуя фильтр контрразведки, и потому этот канал широко использовали для внедрения агентуры франкисты, итальянцы и немцы. Случаи инфильтрации отмечались неоднократно. Так, осенью 1936 года 20 членов французской фашистской организации “Кагуль” под руководством

Анри Дюпре внедрили в одну из интербригад, а их руководитель занял ключевую должность начальника службы снабжения и боепитания мадридского фронта. Во время первого сражения за Теруэль в декабре 1936 года все они перешли на сторону противника. Позднее, во время немецкой оккупации Франции Дюпре работал на абвер против движения Сопротивления, был разоблачен и в 1951 году приговорен за это к смертной казни. Для предотвращения подобных случаев резидентура НКВД помогла испанцам организовать контрразведывательное обеспечение войск, в первую очередь интербригад, а соответствующий особый отдел был организован в пункте их формирования городе Альбасете.

Контрразведка республиканцев укреплялась и училась. Уже в начале 1937 года она обезвредила подпольные организации “Единой Испании” и “Испанской фаланги” и развернутые в нескольких городах страны итальянские и немецкие агентурные сети. Под руководством Орлова за первые два месяца работы СИМ разгромила в Барселоне резидентуру французской разведки, в Мадриде ликвидировала две организации националистов численностью 27 и 32 человека, в Валенсии — работавшую там с 1930 года резидентуру итальянской СИМ, а также нескольких агентов британской СИС.

Особую важность и актуальность приобрело обеспечение доставки вооружений воюющим сторонам. В связи с запретом Комитета по невмешательству, формально их могли осуществлять только частные фирмы, а никоим образом не государственные структуры, однако это представляло собой наименьшую из проблем. Обе стороны мгновенно организовали подставные коммерческие предприятия для торговли оружием, причем в сертификатах конечного потребителя неизменно указывалась какая-нибудь небольшая латиноамериканская или африканская страна. Гораздо сложнее было доставить товар по назначению, и на этом поле происходили ожесточенные схватки разведок, в которых отличились сами испанцы, немцы, итальянцы и СССР. Нелегальная резидентура Я. И. Серебрянского осуществила множество рискованных операций по уничтожению судов с грузами для франкистов и по прикрытию поставок вооружений для республиканской армии, а однажды вызвала крупный скандал, среди бела дня фактически угнав из Франции 12 боевых самолетов “Девуатен”, пилоты которых были переодеты во французскую военную форму.

Итальянцы пытались перекрыть каналы поставок оружия республиканцам силами и средствами СИМ, но не очень преуспели в этом, и тогда Муссолини отдал приказ флоту перехватывать любые торговые суда, направлявшиеся в контролируемые правительством Народного фронта средиземноморские порты Испании. Его подводные лодки потопили советские транспорты “Тимирязев” и “Благоев”, задерживали, обыскивали и арестовывали другие суда. Вопрос безопасности мореплавания встал очень остро и послужил причиной созыва в сентябре 1937 года международной Нионской конференции, на которой обсуждались меры борьбы с современным пиратством в Средиземном море. Государства-участники разделили всю его акваторию на сферы ответственности своих флотов и приступили к патрулированию выделенных им районов для защиты свободы торгового судоходства.

Резидентуры абвера (КО) в Мадриде и Париже также активно включились в эту “борьбу за оружие”. Резидент Вильгельм Лайсснер (Густав Ленц) с 1935 года работал в Мадриде под прикрытием должности директора фирмы “Эксцельсиор”, прозванной его коллегами “конторой Ленца”. КО-Испания основало множество фиктивных фирм, крупнейшей среди которых являлась возглавлявшаяся личным другом Канариса бароном Каульбарсом “Трансмер” с филиалами в Латинской Америке и Испанском Марокко. Позже мадридская точка стала крупнейшей среди зарубежных резидентур германской военной разведки и насчитывала сотни оперативных и технических сотрудников, агентов и диверсантов. Главными задачами абвера в испанских событиях стали обучение и руководство работой франкистских спецслужб, противодействие поставкам советского оружия и проведение агентурных и диверсионных операций.

Оружие поставляли обеим сторонам. Немцы предоставили франкистам 593 самолета, включая транспортные, и другое имущество. Итальянцы передали националистам 656 только боевых самолетов, 950 танков, 1950 артиллерийских орудий, 10135 пулеметов, 7663 автомобилей, 1426 минометов, 250 тысяч винтовок, 7,5 миллиона снарядов, 324 миллиона патронов, 16720 тонн бомб, а также 2, позднее еще 6 подводных лодок²⁵⁷. Советский Союз, по официальным опубликованным данным, предоставил правительству Народного фронта 806 боевых самолетов, 362 танка, 120 бронемашин, 1555 орудий, 250 тысяч винтовок,

15113 гранатометов, 110 тысяч авиабомб, 862 миллиона патронов, 1500 тонн пороха, а также торпедные катера, прожекторы, радиостанции, грузовики, горючее и многое другое²⁵⁸. Все это требовалось оплачивать. И нельзя сказать, что СССР оказывал испанцам безвозмездную благотворительную помощь, наоборот, поставки вооружений оказались весьма выгодным мероприятием. Испания располагала четвертым в мире по величине золотым запасом, в полностью контролируемых республиканцами хранилищах ее государственного банка находились золотые слитки и монеты на сумму 783 миллиона долларов. В августе 1936 года правительство срочно перевезло во Францию золото в оплату за истребители и танки на сумму 155 миллионов долларов, однако в соответствии с “Пактом о невмешательстве” эти средства были заморожены и, несмотря на все протесты испанской дипломатии, выведены из оборота. Остаток золота в сентябре того же года правительство эвакуировало в Картахену, а несколько позже Кабальеро и Негрин предложили вывезти его на хранение в Советский Союз. Решение было единственно верным, поскольку корреспондентские счета испанских банков в основном оставались заблокированными и не могли использоваться для закупок вооружений, а в СССР эти активы служили гарантией оплаты поставок боевой техники и снаряжения. Сталин, естественно, согласился с неожиданным предложением и поручил выполнение этого задания мадридской резидентуре и лично Орлову.

Операция оказалась сложной и рискованной. В продолжение трех безлунных ночей по пятимильному горному “серпантину” 20 грузовиков с выключенными фарами перевозили золото из секретных хранилищ в Картахену, где его погрузили на четыре советских судна и 6 ноября без приключений доставили в Одессу. По указанию Москвы, Орлов отказался подписывать любые документы на груз и, чувствуя себя до крайности неловко, предложил взамен направить испанского представителя в Советский Союз для оформления акта передачи на месте назначения. В дальнейшем это золото учитывалось при оплате поставок советских вооружений и стремительно таяло, а последние продажи военной техники СССР осуществлял уже как бы в кредит. После прихода к власти в Испании националистов Мадрид неоднократно ставил перед Москвой вопрос о возврате золотого запаса, однако встречал неизменный отказ, но в 1960-е — 1970-е годы его стоимость все же была погашена советской стороной путем поставок нефти по клирингу.

Возникает вопрос о точности приводимых данных об объемах поставленных СССР вооружений. Он вполне правомерен, поскольку степень достоверности данных советской статистики общеизвестна. Более того, именно по Испании возникают и дополнительные сомнения в их точности, поскольку на то имеются веские причины. Например, официально сообщалось, что число находившихся в стране с 1936 по 1939 год советских специалистов составило 2064 человека, в том числе 772 летчика, 351 танкист, 222 общевойсковых специалиста, 77 моряков, 100 артиллеристов, 52 технических специалиста, 130 авиаинженеров и авиатехников, 156 связистов и 204 военных переводчика²⁵⁹. Однако непонятно, куда при этом девались политработники, где многочисленные советские разведчики, контрразведчики, специалисты по диверсиям и партизанской войне, криптографы? Их как бы и не было, несмотря на открытое признание факта нахождения в Испании как минимум нескольких десятков специалистов этого профиля. Среди неучтенных в общей статистике, например, исчезли прибывшие в Валенсию на пароходе “Чичерин” для работы в генеральном штабе республиканцев по перехвату и дешифровке переписки националистов и итальянского экспедиционного корпуса сотрудники Спецотдела НКВД Ф. М. Огарышев, Г. К. Муха и З. В. Березинский с группой радиоперехвата.

Вначале работа криптографов приносила незначительные результаты из-за незнания ими испанского языка и местной специфики оформления переписки. Несмотря на то, что разгадывать приходилось относительно нестойкие шифры пропорциональной замены, в первый период работы сотрудникам Спецотдела не удалось достичь заметных успехов. Однако позже ситуация изменилась, и они постепенно начали читать все больший объем зашифрованной переписки франкистов и итальянцев. Однажды криптографы установили факт выхода итальянских кораблей на перехват следовавшего из Марселя судна, которое им было приказано потопить под любым флагом и названием, опознав его исключительно по внешним признакам. На основании полученной информации капитан получил указание об изменении курса и избежал встречи с отрядом перехвата, что спасло жизни десяткам находившихся на борту летчиков, танкистов и других специалистов. Прочтение закрывавшейся с помощью кода “СИГ” переписки агентуры националистов оказало существенную помощь республи-

канской контрразведке. Криптографы находились в Испании до самого падения республиканского правительства и отбыли из страны лишь в начале 1939 года.

Заслуживает упоминания проведенная Разведупром операция по переброске в Испанию 150 авиационных и танковых специалистов. Советские военнослужащие следовали через Прагу, где по указанию президента Бенеша министерство иностранных дел Чехословакии выдало им национальные паспорта. Однако это привело к возникновению значительных проблем. Прибывшие красноармейцы и командиры являлись самыми обычными военными, не знавшими ни слова ни на одном из иностранных языков, а некоторые из них имели монголоидный тип лица и никак не походили на чехов или словаков. Они не имели понятия о правилах поведения в европейских поездах, а в довершение всего их экипировка представляла собой наскоро пошитые гражданские костюмы совершенно дикого покроя. Чтобы избежать крупного международного скандала, военной разведке Чехословакии пришлось за свой счет переодеть их в приемлемую на вид одежду, наскоро проинструктировать по основным правилам поведения и отправлять группами по 2 — 3 человека в сопровождении своих офицеров. Несмотря на сложности, операция прошла довольно успешно. Лишь 30 человек из 150 были разоблачены швейцарской полицией и возвратились в Прагу, а 120 благополучно прибыли к месту назначения.

Настоящую эскалацию диверсий и террористических актов осуществляла в Испании итальянская разведка, в которой за эту работу отвечал туринский центр под руководством майора Навале. Итальянцы буквально с восторгом стали осваивать открывшееся поле деятельности, на котором попытались испробовать все известные им виды саботажа и диверсий и освоить новые. СИМ даже изучала возможность распространения эпидемии в пограничном французском городе Берильоне для инспирирования объявления карантина, герметического закупоривания доступа в зону Пиренеев и прерывания пограничного сообщения с Испанией.

Практическое руководство всеми подобными операциями осуществлял начальник контрразведки Санто Эмануэле, одна из самых одиозных фигур в итальянских спецслужбах. В 1937 году руководитель СИМ Паоло Анджои приказал ему разработать план террора, саботажа и диверсий на территории Испании и Франции. Фактически приказ исходил от генерала Роатта, командовавшего итальянским экспедиционным корпусом и одновременно продолжавшего курировать военную разведку. Была даже установлена специальная шкала расценок за совершение актов саботажа. Например, за потопление или взрыв торгового судна устанавливалось вознаграждение в 25 тысяч лир, за уничтожение паровоза или организацию крушения эшелона — 15 тысяч, уничтоженный на станции товарный вагон оценивался в 5 тысяч, грузовик с людьми — в 10 тысяч, с грузами — в 5 тысяч и так далее²⁶⁰. По личному указанию Муссолини туринский центр финансировался значительно лучше всех остальных подразделений разведки, что даже позволило ему открыть в Сан-Ремо варьете-бар “Исланда” и дом свиданий, отчасти для организации встреч с агентурой, но главным образом для увеселения и нелегального обогащения своих старших офицеров.

В начале 1937 года республиканская армия одержала две важные победы при Хараме и Гвадалахаре и несколько подняла свой боевой дух, однако лето и осень ознаменовались развалом Северного фронта, утратой Страны Басков и Астурии, важных горнорудных, промышленных и сельскохозяйственных районов. Республиканцы потеряли 150 тысяч человек и лишились 100 тысяч винтовок, 400 орудий и 200 самолетов. На фоне военных неудач по всей стране оживилась “пятая колонна”, состоявшая из различного рода организованных групп гражданских лиц, координировавших свои действия с франкистским военным командованием и его разведывательными органами. Во многих случаях они добивались значительных успехов, а город Хихон, например, был захвачен восставшими до подхода войск националистов.

Диверсии, террористические акты и саботаж захлестывали республиканские тылы и стали своеобразным знаком того времени, а лоскутные службы безопасности различных партий на местах оказались совершенно несостоятельными в борьбе с этим явлением. Органы государственной безопасности усиливали репрессии и тем самым множили ряды недовольных, потенциально готовых содействовать разведывательным службам националистов, что косвенным образом содействовало выполнению противником его задач по разложению

тыла. В испанских городах саботажники устраивали стрельбу на улицах, обозначали цели при воздушных налетах, снабжали франкистов информацией, совершали поджоги и взрывы. В некоторых случаях невозможно точно установить, являлись ли они следствием диверсии или же обычного стечения обстоятельств. Например, в июне 1937 года линкор республиканцев “Хайме I” затонул после внутреннего взрыва, подлинная причина которого не определена и по настоящее время. Разведка националистов, естественно, записала это в свой актив. Спецслужбы в подобных случаях вообще всегда поступают именно таким образом, чтобы укрепить собственный престиж и одновременно деморализовать контрразведку противника. Однако многие компетентные специалисты, в том числе служивший тогда военно-морским атташе СССР в Испании и главным военно-морским советником Н. Г. Кузнецов, считают, что погреба с боезапасом вполне могли взорваться и из-за отвратительного несения службы командой линкора, безалаберности и неосторожного обращения с огнем. Зато нет никаких сомнений в диверсионном происхождении другого знаменитого взрыва, 10 января 1938 года уничтожившего находившийся в мадридском метро крупный секретный склад боеприпасов. “Пятая колонна” осуществила в Испании множество актов саботажа, самые отвратительные из которых совершали в военных госпиталях некоторые врачи — сторонники националистов. Зафиксированы случаи, когда они без медицинских показаний ампутировали раненые конечности у бойцов и особенно командиров интербригад, имевших несчастье попасть к ним на операционный стол, и таким образом навсегда и безвозвратно калечили людей.

Необходимо отметить, что проводимые республиканцами диверсии в основном затрагивали только военные объекты. Резидентуры НКВД, а позднее и в меньших размерах и РУ РККА организовали подготовку диверсантов и специалистов по партизанской войне. В Испании проверялись разработанные в предшествующие годы тактические решения в области специальных операций, для руководства которыми и одновременно для приобретения боевого опыта в страну направлялись офицеры разведки и командиры действовавших в тот период в РККА так называемых саперно-маскировочных взводов. Рядовой состав диверсионных формирований предстояло готовить на месте. Вначале открылись школы в Мадриде и Бенимамете с 200 курсантами в каждой, позднее еще три, а всего число школ достигло шести, причем в барселонской одновременно обучались 500 курсантов. Так родились республиканские войска специального назначения. В резидентуре линией “Д” (диверсии) руководил стоявший у истоков возникновения советского спецназа знаменитый подрывник и диверсант Илья Григорьевич Старинов.

Специальные операции в Испании осуществлялись силами мелких (5 — 10 бойцов) и крупных (до 100 бойцов) групп и отрядов, рейдировавших в тылу противника и находившихся там от полутора недель до трех месяцев. Осенью 1937 года все распыленные по фронтам партизанские части, костяком которых являлись бойцы интербригад, были объединены в 14-й специальный корпус численностью в 5000 человек. Такая принципиально новая форма организации сил специального назначения позволила им проводить глубинные операции и эффективно нарушать тыловые коммуникации войск националистов, так и не научившихся бороться с подобным противником. Достигнутые республиканскими подразделениями специального назначения результаты оказались весьма высокими. Группы партизан проникали во франкистский тыл на глубину до 150 километров и постепенно от более простых операций перешли к сложным, вплоть до нападений на лагеря для освобождения пленных и захвата не защищенных крупными гарнизонами небольших городов, как это случилось в Сеговии.

Резидентура внешней разведки выполняла задачи, далеко выходящие за рамки первоначально поставленных целей, а ее сосредоточение на диверсионной деятельности осуществлялось отнюдь не в ущерб добыванию разведывательной информации. Весьма важным аспектом явилось использование прибывающих добровольцев в интересах разведки, и не только на территории Испании. Находили применение даже их личные документы. Согласно действовавшим правилам, волонтеры получали временные имена и сдавали на хранение свои паспорта. При отъезде домой документы возвращались им обратно, а паспорта погибших отправлялись в Советский Союз для использования нелегальной разведкой в создании легенд прикрытия. Поскольку точка являлась одновременно и резидентурой, и представительством НКВД СССР при МВД Испании, ее помощь спецслужбам правительства заклю-

чалась не только в консультациях и обучении. Советские партнеры организовывали встречи с агентурой во Франции, помогали осуществлять связь, выводили агентов на места и даже самостоятельно проводили некоторые операции в интересах республиканцев. Этот процесс был отнюдь не бескорыстным, использование испанской агентуры помогало заграничке добывать нужную информацию. Проводилась и работа на отдаленную перспективу. Кроме официальных учебных центров для диверсантов, существовала и нелегальная, скрытая от испанского правительства разведывательная школа под кодовым обозначением “Строительство”, в которой обучалась агентура из числа интербригадовцев.

Однако со временем условия работы усложнились. Вопреки утверждениям традиционной советской историографии и пропаганды, коммунисты никогда не являлись основной и решающей силой в правительстве Народного фронта. Главную роль в нем играли социалисты, а КПИ располагала всего двумя министерскими портфелями. Интересы коммунистов далеко не всегда совпадали с линией правительства, что создавало двусмысленную ситуацию. Советская разведка поддерживала КПИ, но должна была тщательно скрывать этот факт, поскольку резидентура была официально аккредитована при правительственном министерстве и теоретически не могла взаимодействовать ни с одной из политических партий. В мае 1937 года Хуан Негрин сменил Ларго Кабальеро на посту премьер-министра, а через два месяца социалисты стали понемногу вытеснять коммунистов с ключевых постов в государстве и еще более усилили этим политическую напряженность. Москва требовала развертывания широкомасштабной работы против троцкистской ПОУМ, но ее требовалось проводить с особой осторожностью.

Борьба НКВД с троцкистами стала, пожалуй, самой неприглядной страницей деятельности испанской резидентуры, в истории которой физические ликвидации членов ПОУМ перемежались с политическими провокациями, фабрикации фальшивок и “черной” пропагандой. Периодически становясь достоянием гласности, острые акции сильно компрометировали и СССР, и компартию Испании. Кабальеро был противником “чистки” троцкистов и полагал, что поскольку и троцкисты, и ортодоксальная КПИ, в сущности, являются коммунистическими партиями, то все вопросы они должны решать исключительно между собой. Однако тайно поддержанный коммунистами его преемник Негрин дал согласие на действия против оппозиционеров. Это стало достоянием гласности и было чревато крупным скандалом, но ситуацию неожиданно разрядили события мая 1937 года. ПОУМ и анархосиндикалистское объединение ФАИ — НКТ сняли свои войска с фронта, ввели их в Барселону и подняли в Каталонии и Мадриде антиправительственный мятеж. В военное время такие действия, повлекшие гибель, по различным данным, от 400 до 900 человек, однозначно квалифицируются как предательство, и после подавления мятежа “Сегуридад” на вполне законном основании арестовала весь состав центрального комитета ПОУМ. Орлов сфабриковал документы, доказывающие связь его генерального секретаря Андреаса Нина с Франко,

Андреас Нин

после чего обвиняемого под конвоем отправили в столицу, но до места не донесли. Нин исчез, при этом ни у кого не вызвало сомнений, что с троцкистом расправились люди из НКВД. Разразился сильный шум и протесты против самовольного присвоения советскими представителями права решать вопросы жизни и смерти испанских граждан, однако накалявшаяся обстановка на фронте и спасавшие республику поставки советских вооружений заставили забыть о самоуправстве чекистов. Вне зависимости от истории с Нином, 1937 год принес охлаждение в отношениях между республиканскими и советскими разведывательными службами, усугублявшееся доносившимися из СССР неясными сведениями о массовых репрессиях против высшего эшелона политиков, военных, чекистов и прочих известных людей. Однако внешнюю разведку пока не трогали, ее очередь должна была наступить позднее, и работа резидентуры шла обычным порядком.

Весной 1938 года республиканцы потерпели на всех фронтах тяжелые поражения. Их армия потеряла от 30% до 40% первоначальной численности, полностью деморализованные войска бросали позиции и беспорядочно отступали. Премьер-министр Негрин сместил Индалесио Прието с поста военного министра и начал осуществлять энергичные меры для восстановления положения. В результате к лету были призваны 11 возрастных континген-

тов, армию усилили поступавшим новым вооружением и структурно реорганизовали в 22 армейских корпуса, 66 дивизий и 202 смешанные бригады. С этими силами республиканцы посчитали себя готовыми к наступательным операциям и форсировали реку Эбро, сражение на которой стало своего рода “лебединой песней” вооруженных сил правительства Народно-го фронта. Вначале наступление развивалось успешно, но затем после долгой и изнурительной битвы республиканцы откатились обратно за реку. Отход войск завершился 16 ноября и проходил в полном порядке, однако положения это не спасло. “Армия Эбро” потеряла до 70% личного состава и лишилась соответствующего количества вооружений.

Напряженный летний период боев совпал со временем, когда после “чистки” внутренних подразделений НКВД настала очередь внешней разведки. И хотя сотрудники заграничек не догадывались о подлинном размахе репрессий, но все же глухие упоминания, а затем отрывочные рассказы немногих прибывавших с родины коллег не могли не внести смятения в их ряды. Факты подтверждали самые страшные предположения. Центр под благовидными предложениями одного за другим отзывал сотрудников резидентуры в Советский Союз, откуда они уже не возвращались. В июле очередь дошла до резидента.

Орлов получил из Москвы телеграмму с предписанием срочно прибыть на борт советского парохода “Свирь”, составленную слишком витиевато и без необходимости излишне подробно для зашифрованного документа. Это оказалось ошибкой ее автора. Рассчитывая усыпить бдительность очередной намеченной жертвы, он лишь вспугнул старого волка тайной войны, не кабинетного, а “полевого” разведчика, который сам неоднократно расставлял другим ловушки и поизощреннее. 17 июля резидент пересек на машине французскую границу, забрал в Перпиньяне жену и дочь-подростка и срочно прибыл в Париж. Из сейфа резидентуры исчезли 60 тысяч долларов, хотя впоследствии сам Орлов признавался лишь в том, что забрал только 22800 долларов, якобы составивших его заработок за годы закордонной службы. Судьба остальных денег не выяснена до сих пор, да и не они являлись главной проблемой в этом побеге. За рубеж сбежал один из опытейших руководителей внешней разведки среднего уровня, досконально владевший всеми тайнами работы НКВД в Испании и отчасти во Франции, стоявший у истоков германской ветви будущего “Красного оркестра” и кембриджской и оксфордской агентурных групп. Кроме того, он великолепно ориентировался во внутренних операциях НКВД и расстановке политических сил в Москве. Предательство такого человека неминуемо должно было повлечь за собой разгром самых эффективных агентурных сетей внешней разведки в Европе, однако этого не произошло, потому что не было самого предательства. Орлов просто ушел, спасаясь от неминуемой гибели, и 14 лет скрывался вначале в Канаде, а затем в Соединенных Штатах. Только после того, как добропорядочный пожилой гражданин по фамилии Берг вдруг передал в американский журнал “Лайф” отрывки из рукописи своей книги “Тайная история сталинских преступлений”, ФБР с ужасом обнаружило, кто столько лет находился под самым носом у американской контрразведки. И ни на одном из длинной серии допросов Орлов не выдал ни одного живого и не разоблаченного ранее агента. За исключением общих фраз или сведений об уже расшифрованных источниках, американцы не добились от него никакой полезной информации, и поэтому к знаменитому “Шведу” никак нельзя применить позорное определение “перебежчик”. Употребляя общепринятую советскую терминологию, он был невозвращенцем, но отнюдь не предателем, и в этом качестве выгодно отличался от всех перебежчиков из разведки до и после него.

Орлов прекрасно понимал, что НКВД будет разыскивать его для уничтожения не просто активно, а прямо-таки с остервенением. Поэтому он заранее подстраховался и отправил письма Сталину и Ежову с требованием отказаться от его преследования и не трогать оставшихся в СССР мать и тещу, угрожая в противном случае и в самом деле раскрыть всю известную ему агентуру, о которой обязывался молчать при соблюдении Москвой договоренности. Он выиграл. НКВД и его преемники даже не пытались уничтожить невозвращенца, и в 1973 году он скончался от сердеч-

А. М. Орлов

ного приступа в Кливленде на 78-м году жизни. Пожелавший остаться анонимным сотрудник ЦРУ с уважением и досадой заметил: “Орлов остался профессионалом до конца своих дней. Он раскрывал только то, что хотел раскрыть, и, как правило, в ответ на наши факты приводил собственные”²⁶¹. Другой американский разведчик оценил его как “единственного в своем роде, самого разностороннего, мощного и результативного офицера за семьдесят три года существования советской разведывательной службы”²⁶².

Несмотря на это, побег Орлова тяжело сказался на резидентуре. Прежде всего, никто не знал, каких действий можно было ожидать от ее бывшего руководителя, куда он направился и какую информацию может сдать противнику. Кроме того, инцидент крайне деморализовал сотрудников. Пришлось свернуть некоторые операции, в частности, весьма перспективную программу “Новый набор” по подготовке в нелегальной разведывательной

Н. И. Эйтингон

школе под Барселоной 70 нелегалов из числа бойцов интербригад. Они предназначались для вывода в разные страны Европы на глубокое оседание и должны были активизироваться лишь по специальному приказу из Центра и только в случае начала войны с Германией. Руководил этим проектом заменивший Орлова на посту резидента Эйтингон (Наумов, генерал Котов), но поскольку план операции принадлежал “врагу народа”, Москва запретила осуществлять его и из-за этого во время войны была лишена весьма эффективных агентурных сетей. Справедливости ради следует заметить, что запрет был полностью оправдан, поскольку никто не мог с достоверностью утверждать, не совершил ли Орлов, кроме бегства, еще и предательство. А в этом весьма вероятном случае 70 нелегалов и все связанные с ними агенты неизбежно обрекались на провал и гибель, потому иное решение руководства разведки представить себе трудно.

Следует, однако, отметить, что на историю побега Орлова существует и иная точка зрения, принадлежащая весьма авторитетному в делах разведки человеку — П. А. Судоплатову. Этот ветеран НКВД/НКГБ крайне негативно относился к его поступку и заявлял: “Какая надобность...поднимать на щит перебежчика, укравшего у нашей разведки 60 тысяч долларов, что составляет сейчас примерно около миллиона долларов США... Он не раскрыл важнейшую агентуру — “Кембриджскую пятерку”. Она действительно не была им расшифрована, но только потому, что Никольский боялся быть привлеченным к ответственности за использование фальшивых американских документов, которыми он пользовался, контактируя с Филби. При этом, по понятным причинам, он до конца отрицал свое участие в политических убийствах и терроре в Испании. Но американские-то спецслужбы, которым было все известно, закрывали на это глаза, ибо Никольский был нужен им в политической борьбе с Советским Союзом и его разведкой.

Никольский, безусловно, повел себя как предатель. В обмен на гражданство и роль консультанта он “сдал” американским полицейским органам важных агентов советской разведки в США, которые были задействованы в 1940-е годы”²⁶³.

Окончательное суждение по делу побега Орлова, как представляется автору, вынести невозможно. В открытых источниках отсутствуют данные о расшифрованных им агентах, хотя факт похищения наличных денег из сейфа резидентуры, безусловно, имел место. Однако следует отметить, что Орлов никогда и не заявлял, что бежал на Запад по идеологическим соображениям. Он спасал себя и свою семью, и в этих обстоятельствах не использовать все имевшиеся возможности было бы, мягко говоря, неразумно. И уж, безусловно, “Швед” не встал на путь открытого предательства, по которому пошли, например, Рейсс и Кривицкий. Читатель вправе сам придерживаться любого из двух указанных взглядов на побег мадридского резидента НКВД.

С середины 1938 года началось свертывание контактов республиканских разведывательных служб с советскими коллегами. Некоторое время их лично курировал премьер Негрин, назначивший ответственным за координацию действий национальных разведывательных органов с представительством НКВД своего сына, но постепенно эта поддержка сошла на нет. В сложившихся условиях резидентура все больше ориентировалась на поддержку коммунистов и все меньше — на помощь правительству Испании, а значительная часть ее

усилий была направлена на постепенную эвакуацию своих сотрудников, вывод в СССР некоторых руководящих деятелей КПИ и отправку туда партийного имущества.

Тем временем Испанская республика доживала последние месяцы. 21 сентября 1938 года в тщетной надежде добиться вывода германских и итальянских интервенционистских войск Негрин заявил в Лиге Наций об отзыве с фронта и роспуске интербригад, наивно надеясь, что со своими “добровольцами” противник поступит аналогичным образом. При этом он даже рассчитывал на то, что Франко распространит понятие иностранных войск на марокканские части. Ничего из этого, естественно, не произошло. Муссолини отозвал из Испании 10 тысяч своих военнослужащих, но остальные продолжали активно участвовать в боях. Гитлер даже не подумал хоть как-то прореагировать на предложение, и в результате республиканская армия лишилась одного из своих самых эффективных элементов без симметричных действий националистов. Несколько позже была допущена и другая серьезная ошибка. Армейское командование всегда с большой долей подозрения относилось к войскам специального назначения, в которых влияние коммунистов сказывалось сильнее, чем где-либо. Это привело к роспуску специального 14-го корпуса, а сформированные из отрядов партизан и диверсантов роты были равномерно распылены по всем воинским частям. Такая реорганизация немедленно лишила специальные операции прежней эффективности, поскольку отныне концентрировать их силы и координировать их действия стало уже невозможно. Глубинные операции прекратились, роты могли оперировать лишь в ближних тылах, к тому же войсковые командиры часто расточительно использовали их как обычную пехоту, поэтому конец 1938 года фактически закрыл страницу специальных операций республиканской армии в Испании.

26 января 1939 года пала Барселона, а армия Эбро растаяла, перестала существовать как организованная сила. Остатки ее войск планировалось вывести на французскую территорию, в Марселе посадить на суда и перебросить на укрепление Центрально-Южной зоны, еще продолжавшей уже практически безнадежное сопротивление, однако правительство Франции немедленно интернировало их и тем лишило республиканское правительство шанса продлить свою агонию. Население в панике бежало к французской границе, а немецкие летчики упражнялись в стрельбе по беззащитным наземным целям. Пройдет менее девяти месяцев, и полученные навыки пригодятся им в Польше. Резидентура НКВД с января работала во фронтовых условиях. Радиостанцию перенесли из Барселоны вначале в пригород, затем вообще развернули в поле. В феврале загранточка окончательно прекратила свое существование. Ее сотрудники сумели неопознанными выйти во Францию, где из них сформировали две нелегальные резидентуры.

Националисты и интервенты превосходили теперь республиканцев не только в количестве, но и в качестве вооружений. 1938 год стал рубежом, после которого советские самолеты стали значительно уступать новым немецким “Мессершмиттам”, “Юнкерсам” и “Хейнкелям” и более не могли противостоять им на равных, что деморализовало разбитые войска еще сильнее. Развалилась система органов государственного управления и централизованного руководства армией, а 28 февраля подал в отставку президент Асанья. Разведка Франко начала активно работать по окончательному разложению тыла республиканцев и пыталась обеспечить бескровное взятие столицы.

До сих пор не установлено точно, с самого ли начала СИПМ инспирировала путч полковника Касадо, или же мятежник вошел с ней в контакт позднее, но в любом случае в его лице франкистская разведка нашла того, кто ей требовался. Полковник Касадо занимал должность командующего армией Центра и еще в конце января 1939 года установил связь с фалангистами, а через месяц с небольшим приступил к активным действиям. В ночь с 4 на 5 марта так называемая “Хунта полковника Касадо”, именовавшая себя Национальным комитетом обороны, попыталась захватить власть. Собственно, с 25 февраля Сехизмундо Касадо являлся уже не полковником, а генералом, однако после 5 марта он демонстративно отказался принять это звание. Заговорщики обратились по радио к испанскому народу, заявили о взятии власти Комитетом, объявили республиканское правительство нелегитимным и капитулянтским и пообещали заключить с Франко “почетный мир”. 6 марта полковник обратился с призывом захватить всех советских военных советников и передать их военным властям для суда. Премьер Негрин немедленно приказал руководителю СИМ Педреро арестовать заговорщиков, но тот уклонился от выполнения этого задания, заявив, что “в Мадриде все на стороне Касадо”²⁶⁴. В довершение всего из повиновения вышел флот, его

Сехизмундо Касадо (в центре, в очках)

в изнурительных уличных боях, хотя изменивший правительству генерал Матальяна уже успел передать ему план обороны всех участков фронта Центра.

А в самом городе развернулись ожесточенные боевые действия между его защитниками. На сторону Касадо, то есть косвенным образом и националистов, перешли сгруппировавшиеся вокруг штурмовой гвардии силы безопасности, XVII армейский корпус и контролировавшийся анархо-синдикалистами IV корпус. Им противостояли части, оставшиеся верными коммунистам, социалистам и левым республиканцам. Негрин и некоторые министры уже улетели во Францию, бросив страну на произвол судьбы, а в городе развернулись уличные бои, население пряталось в подвалах или бежало в поле. 6 марта республиканцы заняли центр столицы, однако на следующий день авиация разбомбила штаб-квартиру КПИ, разрушив при этом множество окружающих ее зданий и погубив немало мирных жителей. В ночь с 9 на 10 марта верный правительству I армейский корпус атаковал XVII армейский корпус мятежников, и бои вспыхнули с новой силой. Без ограничений использовались артиллерия и авиация. Взбунтовался XVII резервный корпус, и это стало концом обороны Мадрида. Наступил печальный финал испанской драмы. Националисты так и не сумели взять столицу прямым штурмом, но 28 марта она пала от удара изнутри. Спокойно вошедшие в нее части мятежников развернули в городе террор и настоящую охоту на коммунистов. Франко обманул ожидания Национального комитета обороны. Он никогда не собирался уступать ему какие-либо позиции, поэтому отклонил все предложения о переговорах и требовал только безоговорочной капитуляции, отказываясь признавать мятежников Касадо воюющей стороной. Обманутый в своих ожиданиях бывший полковник, спасаясь от смертной казни, бежал из страны на английском эсминце «Галатей».

Гражданская война официально окончилась 1 апреля 1939 года. Франко получил звание генералиссимуса, дожил до 1975 года и в возрасте 83 лет мирно скончался в своей постели после 36-летнего управления страной.

Для СССР, Германии и Италии испанская война стала полигоном, на котором оттачивались тактические принципы применения оружия и его характеристики. Одновременно она послужила и пробным камнем для спецслужб этих стран, впервые действовавших в условиях настоящих широкомасштабных боевых действий и сплошной линии фронта. Специальные войсковые операции достигли небывалого доселе размаха. Нелегальная разведка получила в свое распоряжение огромный массив легенд, и многих нелегалов, как советских, так и стран «оси», вывели на оседание под видом беженцев. Однако главный итог этой кровопролитной войны был иным. Она впервые показала миру подлинное лицо фашизма и предупредила о нависшей над Европой страшной опасности, но было уже поздно. До официального начала Второй мировой войны оставалось менее полугода.

корабли ушли в алжирский порт Бизерту и остались там до прояснения ситуации. СИПМ постоянно контролировала события, ее эмиссары Барботти, Луна и Медина практически свободно курсировали через линию фронта и координировали действия Касадо, поддерживавшего шифрованную связь со ставкой Франко через станцию «Радио-насьональ». С этого момента и «Хунта Касадо», и правительство не думали уже о сопротивлении националистам, а лишь стремились заключить с ними более или менее почетный мир. Но Франко лишь до поры поддерживал иллюзию своей готовности вести переговоры. Каудильо жалел войска и не хотел обескровить их

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

1. РЕОРГАНИЗАЦИИ И РЕПРЕССИИ

В середине 1930-х годов система государственной безопасности Советского Союза подверглась кардинальному реформированию. Вернувшись к опыту вхождения ГПУ в НКВД РСФСР, ЦИК СССР своим постановлением от 10 июля 1934 года “Об образовании общесоюзного Народного Комиссариата внутренних дел” вновь объединил органы госбезопасности и правоохранительное ведомство в одной структуре. В обновленный наркомат входили:

- Секретариат НКВД СССР;
- Особоуполномоченный НКВД СССР;
- Главное управление государственной безопасности (ГУГБ);
- Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ);
- Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО);
- Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ);
- Главное управление пожарной охраны (ГУПО);
- Отдел актов гражданского состояния (ОАГС);
- Административно-хозяйственное управление (АХУ);
- Финансовый отдел (ФИНО);
- Отдел кадров (ОК), а также ряд других служб и отделов.

При НКВД функционировал внесудебный орган вынесения приговоров — Особое совещание (ОСО), наделенное правом в административном порядке своими постановлениями применять высылку, ссылку и заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет, а также высылку за пределы СССР. Во всех союзных республиках, за исключением

РСФСР, создавались территориальные органы внутренних дел в виде республиканских НКВД, в России же вводился институт уполномоченных НКВД СССР по конкретным регионам. Народным комиссаром внутренних дел СССР был назначен Г. Г. Ягода, его первым заместителем стал Я. С. Агранов, а вторым — Г. Е. Прокофьев.

Г. Г. Ягода

Я. С. Агранов

Местными органами являлись управления НКВД

(УНКВД) краев и областей, имевшие в своем составе Управление государственной безопасности, Инспекцию войск внутренней охраны, Управление милиции, Инспекцию резервов, Инспекцию противопожарной охраны, Отдел актов гражданского состояния, Отдел связи, Финансовое отделение, Секретариат, Хозяйственный отдел и Отдел или отделение трудовых поселений (в соответствующих регионах).

Ведение разведывательной и контрразведывательной работы возлагалось на Главное управление государственной безопасности со штатом 1410 человек, а в погранполосе — на разведывательные органы Главного управления пограничной и внутренней охраны. Главк госбезопасности первоначально не имел начальника и подчинялся напрямую наркому, но практически им руководил Агранов. 29 декабря 1936 года он официально возглавил его. Организационно-штатная структура ГУГБ выглядела следующим образом:

- Секретно-политический отдел (СПО) — борьба с враждебными политическими партиями и подавления антисоветских элементов, начальник Г. А. Молчанов, штатная численность 196 человек;
- Экономический отдел (ЭКО) — борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве, начальник Л. Г. Миронов, штатная численность 225 человек;
- Транспортный отдел (ТО) — борьба с диверсиями и вредительством на объектах транспорта, начальник В. А. Кишкин, штатная численность 153 человека;
- Особый отдел (ОО) — орган военной контрразведки и борьбы с вражескими проявлениями в Красной Армии и на флоте, начальник М. И. Гай (Штоклянд), штатная численность 196 человек;
- Иностраный отдел (ИНО) — внешняя разведка, начальник А. Х. Артузов, штатная численность 81 человек;
- Учетно-статистический отдел (УСО) — ведение оперативного учета, статистики и содержание архивов, начальник Я. М. Генкин, штатная численность 107 человек;
- Оперативный отдел (Оперод) — охрана руководителей партии и правительства, наружное наблюдение, производство обысков и арестов, начальник К. В. Паукер, штатная численность 293 человека;
- Специальный отдел (Спецотдел) — занимавшегося шифровальной и дешифровальной работой и обеспечением режимов секретности в различных ведомствах страны, начальник Г. И. Бокий, штатная численность 100 человек. Отдел числился за ГУГБ условно и фактически ему не подчинялся.

Как видно из приведенного списка, в Главное управление государственной безопасности вошли почти все подразделения бывшего ОГПУ, за исключением ГУЛАГ(а). Личный состав главка носил специальные звания от сержанта до комиссара госбезопасности 1-го ранга, которые были значительно выше соответствующих им общевоинских. Так, сержант госбезопасности был равнозначен лейтенанту РККА, капитан госбезопасности — полковнику (с 1939 года — подполковнику), а старший майор госбезопасности — комдиву (с 7 мая 1940 года — генерал-лейтенанту). Комиссар госбезопасности 1-го ранга носил петлицы с четырьмя ромбами и звездой, соответствовавшие знакам различия командарма 1-го ранга, а несколько позже было введено и персонально присвоено наркомом НКВД СССР высшее звание Генерального комиссара госбезопасности. Большая золотая звезда в петлицах приравнивала его к Маршалу Советского Союза и окончательно продемонстрировала военным, что чекисты не уступают им по статусу даже внешне. Равенство касалось лишь номинального соответствия званий, в денежном же содержании и разного рода льготах сотрудники НКВД, по сравнению с военными, находились в значительно более привилегированном положении.

Бывший Иностраный отдел ОГПУ стал Иностранным отделом ГУГБ, возглавлял его по-прежнему Артузов. Одновременно со структурной реорганизацией несколько изменились и приоритеты внешней разведки. Отныне во главу угла ставилось создание надежной агентуры внедрения на жизненно важных объектах буржуазных государств, способной добывать информацию политического, экономического и научно-технического характера, вскрытие шпионско-подрывной деятельности и планов в отношении СССР со стороны иностранных спецслужб и эмигрантских организаций, контроль за пребыванием в стране иностранцев и усиление контрразведывательного обеспечения советских загранпредставительств. Структур-

но внешняя разведка включала теперь два отдела и два самостоятельных отделения. 1-й отдел руководил закордонной разведкой и состоял из девяти региональных секторов, 2-й отдел ведал внешней контрразведкой. Его шесть секторов отвечали за противодействие диверсиям, террористическим актам, иностранному и эмигрантскому шпионажу на территории СССР. По-прежнему важной была роль разведки в надзоре за лояльностью советских граждан за рубежом, понимаемая весьма широко. Внимательное изучение материалов крупных политических процессов середины 1930-х годов показывает, что большинство компрометирующего подсудимых материала, неважно, подлинного или сфальсифицированного, поступало к руководству ОГПУ/НКВД по каналам внешней разведки. Приказ ОГПУ от 17 февраля 1933 года № 0070 наделял Иностранный отдел правом следствия по возникающим в нем делам. В этом отношении ИНО зачастую несет не меньшую ответственность за развертывание репрессий в стране, чем внутренние подразделения госбезопасности.

Задачи внешней разведки в этот период определялись следующим образом:

- выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций;
- вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР иностранных разведывательных органов, белоэмигрантских центров и других организаций;
- руководство деятельностью закордонных резидентур;
- контроль за работой бюро виз, въездом за границу иностранцев, руководство работой по регистрации и учету иностранцев в СССР”²⁶⁵.

Как видно, официальные задачи имели явный уклон в область контрразведки, а разведывательные задачи упоминались лишь вскользь, и отсутствие четких указаний об их направлениях значительно снижало важность документа. Тем не менее, в условиях полного отсутствия правовой базы внешней разведки с момента ее создания его появление стало значительным шагом вперед по сравнению с предыдущими пятнадцатью годами.

За два месяца до образования НКВД, в мае 1934 года Совнарком рассмотрел вопрос о повышении эффективности разведывательной работы ИНО ОГПУ и РУ РККА и принял постановление, в котором обращалось особое внимание на необходимость улучшения координации их деятельности. В рамках этой задачи в мае 1935 года Артузов получил звание корпусного комиссара и был направлен на усиление военной разведки на должность заместителя ее начальника вначале по совместительству, а со следующего года на постоянной основе. В связи с этим в 1936 году он передал функции по руководству отделом своему бывшему заместителю Абраму Ароновичу Слуцкому, работавшему в ВЧК с 1919 года. Его деятельность в разведке почти не рассекречена, достоверно известно лишь то, что он специализировался по линии НТР, осуществил удачную операцию в Швеции, там же провел вербовку чрезвычайно важного источника, а затем находился в спецкомандировке в Соединенных Штатах Америки. С 1929 года на должности заместителя начальника ИНО Слуцкий курировал научно-техническую разведку и непосредственно руководил приобретением источников при вербовках на перспективу в британских университетах, что, скорее всего, и послужило причиной закрытости его биографии. Жизнь Слуцкого неожиданно оборвалась 17 февраля 1938 года, когда в кабинете начальника ГУГБ Фриновского он внезапно почувствовал себя плохо и на месте скончался. Выпитый им стакан чая с печеньем дал повод выдвинуть версию о тайном отравлении, которая, однако, не подтверждается медицинским заключением. Безусловно, его содержание ничего не доказывает, поскольку если Слуцкого и в самом деле отравили, то наивно полагать, что высокопоставленные убийцы разрешили бы произвести беспристрастное обследование тела и оставили в архивах уличающие документы. Тем не менее, упорные слухи об отравлении, скорее всего, все же ложны, поскольку опровергаются рядом веских аргументов. В 1937 и 1938 годах репрессии настигли множество руководителей значительно более высокого уровня, чем начальник разведывательного отдела, при этом их прямо и недвусмысленно объявляли врагами народа и уничтожали без малейшего колебания и без какого-либо рода камуфляжа под несчастный случай или болезнь. Если планировалось начать чистку кадров разведки, то логичнее было бы не тихо устранить ее руководителя, а взвалить на него груз тяжелых обвинений и затем вывести на судебный процесс. Позднее была выдвинута версия о том, что негласный характер уничтожения Слуцкого преследовал цель успокоить закордонную агентуру, чтобы затем успешнее заманивать в СССР на расправу оператив-

А. А. Слуцкий

ных сотрудников заграничек, однако она представляется надуманной. Совершенно не было никакой нужды инсценировать естественную смерть Слуцкого а уж тем более убивать его прямо в кабинете непосредственного начальника, дав этим благодатную пищу для размышлений и всевозможных домыслов. Думается, эти косвенные соображения достаточно аргументированно свидетельствуют в пользу правдивости официального заключения о смерти вследствие приступа острой сердечной недостаточности. Его косвенно подтверждает и аналогичная смерть младшего брата А. А. Слуцкого, настигшая его

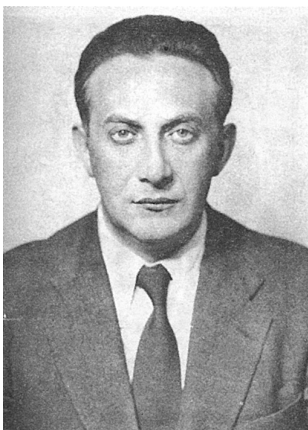

М. П. Фриновский

в 1946 году столь же внезапно, но на этот раз на глазах у множества сослуживцев. В 1938 году арестованные Ежов и Фриновский подписали протоколы с признательными показаниями о смертельной инъекции, сделанной начальнику разведки Фриновским, Заковским и Алехиным в кабинете 1-го заместителя наркома. Впрочем, цена таких показаний и методы их получения у подследственных слишком хорошо известны, чтобы принимать их на веру в случае отсутствия других подтверждающих фактов.

Первым преемником Слуцкого стал Сергей Михайлович Шпигельглас (часто его фамилию неверно указывают как “Шпигельглаз” или “Шпигельглас”), с февраля по ноябрь 1938 года исполнявший обязанности начальника отдела. До этого он работал в Монголии, затем с 1926 по 1936 год был помощником, а с сентября 1936 года — заместителем начальника разведки. Шпигельглас занимался эмигрантскими организациями, в частности, разложением и расколом Организации украинских националистов, руководил в Париже похищением генерала Миллера, курировал германское направление разведки, выезжал в Испанию во главе “летучих бригад”. Его арестовали и впоследствии, в декабре 1941 года, расстреляли по весьма тривиальной причине: новый нарком Берия освободил должность для своего протеже Деканозова. В промежутке между назначением штатных начальников разведкой некоторое время руководил начальник контрразведывательного отдела Зельман Исаевич Пассов, также вскоре расстрелянный, а после него эти обязанности временно исполнял Павел Анатольевич Судоплатов.

Внешняя разведка отнюдь не относилась к главным задачам органов госбезопасности в предвоенные годы, их основной функцией являлось подавление реальной и вымышленной внутренней оппозиции, плавно перешедшее в тотальный политический контроль над обществом. Непосредственно отвечало за эту работу Секретно-политическое управление (СПО), которое и служило основным личным инструментом борьбы Сталина за власть. Контроль над вооруженными силами по-прежнему входил в задачи системы Особых отделов, реорганизация которых стала первым существенным структурным изменением после

С. М. Шпигельглас

образования наркомата и ГУГБ. В связи с разукрупнением военных округов весной 1935 года формировались единые аппараты Особых отделов по округу и области, подчинявшиеся начальнику территориального управления НКВД. Все нижестоящие органы военной контрразведки замыкались на них. Вторая, вероятно, не менее значимая функция НКВД состояла в обеспечении рабочей силой системы принудительного труда, ключевую роль в которой играл ГУЛАГ. Однако рассмотрение обеих этих задач лежит в стороне от основной темы данной книги, поэтому

З. И. Пассов

вопрос репрессий интересует нас лишь применительно к системе госбезопасности как таковой, в особенности к ее оперативным разведывательным и контрразведывательным подразделениям. Следует иметь в виду, что заданная сверху установка на террор являлась далеко не единственным движущим механизмом многократных и жестоких чисток центрального аппарата НКВД и его территориальных органов. Не менее существенна в этом вопросе и внутренняя борьба за власть внутри наркомата, в ходе которой одна группировка вытесняла другую, чтобы затем быть побежденной следующей. И если на первой стадии этой борьбы, в период руководства Ягоды, не удержавшихся на должностях чекистов просто понижали в должности и лишь изредка изгоняли из кадров госбезопасности, то позднее побежденные неизменно платили за проигрыш своими жизнями. Естественно, все это должным образом оформлялось приговорами по политическим статьям, в основном, различными пунктами печально знаменитой 58-й статьи УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик. Для непосвященных НКВД представлял чудовищным прибежищем троцкистов и иностранных шпионов, которых разоблачали и отстреливали, а затем и сами разоблачители оказывались хитро замаскированной бандой врагов народа, хотя парадоксальным образом это отнюдь не реабилитировало их жертвы. Но сила массивной и прямолинейной пропаганды была такова, что в своей массе люди не задавались вопросом о том, кому же, собственно, доверен надзор за безопасностью государства, если несколько поколений его стражей поголовно оказались предателями и вредителями, и какова гарантия того, что пришедшие им на смену будут лучше и честнее.

В период с 1936 по 1938 годы в результате репрессий погибло 80% руководящего состава НКВД. Если рассматривать только эквиваленты генеральских званий, то из 7 комиссаров ГБ 1-го ранга были расстреляны все, из 13 комиссаров 2-го ранга — 10 и один (А. А. Слуцкий) умер при сомнительных обстоятельствах, из 20 комиссаров 3-го ранга — 15, трое покончили с собой и один (начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков) перебежал к противнику, из 49 старших майоров — 39 и 1 покончил с собой. Впоследствии разжалованный нарком НКВД СССР Н. И. Ежов заявил на суде: «Я почистил 14 тысяч чекистов. Но моя огромная вина заключается в том, что я мало их почистил»²⁶⁶. А начиналось все несколько раньше и далеко не так кроваво, поскольку во времена Ягоды чекисты еще не истребляли друг друга, а предпочитали делать это по отношению к посторонним.

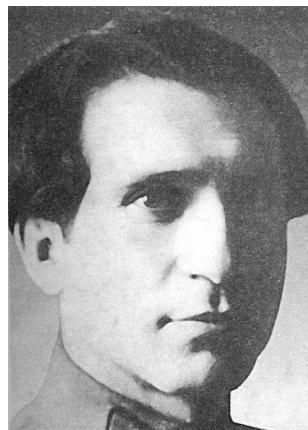
Как отмечалась ранее, междоусобная борьба за влияние сложившихся в 1920-е — 1930-е годы неформальных группировок началась еще в ОГПУ. Одним из наиболее влиятельных кланов стала так называемая «северокавказская группа», начавшая складываться ранее других, в 1919 — 1920 годах. Ее неформальными лидерами являлись Е. Г. Евдокимов, в те времена начальник Особого отдела МЧК, и М. П. Фриновский. Туда же входили и другие видные чекисты, в основном руководящие работники Особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов А. М. Заковский, Э. Я. Грундман, Ф. Т. Фомин. Позднее, когда Евдокимов занял должность полпреда ГПУ по Правобережной Украине, к группировке примкнули местные сотрудники А. М. Минаев-Цикановский, А. Б. Абулян, Н. Г. Николаев-Журид, В. М. Курский, Я. М. Вейншток и М. С. Алехин, окончательно же клан сформировался и значительно пополнился в 1922 — 1923 годах, в период пребывания его лидера Евдокимова на посту полпреда ОГПУ по Северокавказскому округу. После сфабрикованного его усилиями «шахтинского дела» перспективного чекиста заметил и оценил сам Сталин, и с 1929 года Евдокимов занял руководящую должность в центральном аппарате ОГПУ. Там он пришелся не ко двору, и, как уже указывалось, в 1931 году усилиями Ягоды при молчаливом попустительстве Менжинского был изгнан из Секретно-оперативного управления вначале в Среднюю Азию, а затем вновь на Северный Кавказ. После этого Евдокимов через три года перешел из системы госбезопасности на должность секретаря Северокавказского крайкома ВКП(б) и стал членом ЦК. Нахождение на периферии не позволяло ему эффективно выполнять функции неформального лидера группировки, и эту роль взял на себя начальник ГУПВО НКВД СССР Фриновский.

Другим влиятельным чекистским кланом являлась «украинская группа», бесспорным лидером которой был председатель ГПУ УССР, затем полпред ОГПУ СССР по Украине, позднее нарком НКВД УССР В. А. Балицкий. В нее входили К. М. Карлсон, С. С. Мазо, М. К. Александровский, Б. В. Козельский, Г. С. Люшков, И. М. Блат, Я. В. Письменный, А. Б. Розанов, В. М. Горожанин. Балицкого, как и Евдокимова, также заметили в Мос-

В. А. Балицкий

кве и взяли на работу в центральный аппарат ОГПУ после фабрикации заговора фиктивной организации “Союз освобождения Украины”. Это дело принесло Балицкому специально созданный для него пост 3-го заместителя председателя ОГПУ и позволило ему перетянуть за собой в аппарат некоторых своих приверженцев. Небезосновательно усмотревший в “украинцах” очередную угрозу своему положению Ягода сумел избавиться и от них. В результате Балицкий вернулся на Украину, где его никак не ожидали увидеть вновь столь быстро. Разочарованный, рассчитывавший со временем занять его

И. М. Леплевский

должность Леплевский не сумел совладать с эмоциями и через своих сторонников начал распространять слухи о том, что не его начальник, а именно он является подлинным организатором всех достижений чекистов в республике. Как только это дошло до Балицкого, тот немедленно выгнал своего заместителя из Киева и откомандировал в распоряжение ОГПУ СССР. На вокзале Леплевский угрожающе пообещал единственному провожавшему его коллеге, заместителю начальника оперативного отдела ГПУ УССР М. Е. Амирову-Пиевскому, непременно вновь вернуться на Украину и рассчитаться со всеми обидчиками. Балицкий не воспринял эти угрозы всерьез и не ведал, чем в 1937 году обернется для него устранение бывшего “своего человека”. На XVII съезде ВКП(б) нарком НКВД УССР стал членом ЦК и окончательно уверился в своей неуязвимости, продлившейся всего четыре года.

“Сибирско-белорусскую группу” (она же “ленинградская”) возглавлял бывший участник “северокавказской группы”, с 1923 года председатель ГПУ Белоруссии, с 1926 года полпред ОГПУ по Сибирскому краю, с декабря 1934 года начальник УНКВД по Ленинградской области Л. М. Заковский (Г. Э. Штубис).

Позднее других, в 1933 — 1936 годах сформировалась “московская группа”, руководимая полпредом ОГПУ, позднее начальником УНКВД по Московской области С. Ф. Реденсом. Ее лидер понял, что время старых чекистов постепенно проходит, и сделал ставку на молодежь, в особенности на выходцев из крымской госбезопасности. Позиции Реденса внешне укреплялись его женитьбой на сестре жены Сталина, однако позднее оказалось, что это родство не имело ни малейшего значения и от репрессий его не спасло.

С. Ф. Реденс

Некоторые исследователи идут далее по пути детализации и выделяют также “туркестанскую группу”, “кавказскую группу” и другие подобные кланы в руководстве НКВД. Соглашаться с приведенной классификацией или возражать против нее можно сколь угодно долго, но это ничего не меняет, поскольку любое подобное деление является в достаточной степени условным. Все перечисленные группировки находились в состоянии постоянной борьбы между собой и с руководством наркомата, периодически образуя для этой цели временные коалиции. По накалу страстей аппаратной борьбы ОГПУ/НКВД превосходил все другие советские ведомства, и вели ее опытные и жестокие люди с хорошим знанием человеческой психологии и навыками агентурной работы. Характерно, что ни в одном из кланов никогда не играл серьезную роль никто из внешней разведки. Вероятно, это объясняется не озабоченностью разведчиков лишь служебными вопросами и не какой-то их особенной моральной чистотой. Просто роль и место разведки в системе НКВД, по сравнению с внутренними оперативными подразделениями были столь ничтожны, что ее руководители не могли даже помыслить себе тягаться с авторитетными коллегами из секретно-политических, контрразведывательных или следственных подразделений.

Старт политическим репрессиям на высшем уровне был дан после загадочного и до сих пор не раскрытого убийства в Смольном в 16 часов 37 минут 1 декабря 1934 года члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова (Костриков). Действительная подоплека этой истории была известна, возможно, одному лишь убийце Леониду Николаеву, но он унес свою тайну в могилу. Все предположения и гипотезы на эту тему представляют собой не более, чем интеллектуальные упражнения исследователей и не подкрепляются никакими документами. Да и наивно было бы ожидать, что где-то в тщательно оберегаемых архивах госбезопасности могут храниться материалы, свидетельствующие о том, что Сталин приказал НКВД физически устранить своего соперника, если тот действительно таковым являлся. Подобные директивы, в случаях, когда они в самом деле существуют, всегда отдаются устно и без свидетелей. Весьма вероятна версия, согласно которой Киров просто пал жертвой психически неуравновешенного ревнивца, отомстившего таким образом первому секретарю за соблазнение своей жены Мильды Драуле. Странные упущения в системе охраны легко объяснимы общей безалаберностью, не обошедшей стороной и НКВД, поскольку в середине 1930-х годов опасность террористических актов существенно снизилась по сравнению с предшествовавшим периодом. Обращает на себя внимание крайне низкий уровень квалификации отвечавших за безопасность Кирова работников УНКВД по Ленинградской области. Начальник Оперативного отдела УГБ УНКВД А. А. Губин имел 15-летний стаж в органах госбезопасности, но провел эти годы на хозяйственных должностях. Неудивительно, что все причастные к обеспечению безопасности партийного руководителя Ленинграда и области оказались абсолютно несостоятельны в профессиональном отношении. Личный охранник 1-го секретаря М. В. Борисов (по современной терминологии, прикрепленный офицер) одновременно возглавлял непосредственно руководившее охраной Кирова 4-е отделение Оперативного отдела УГБ УНКВД. На предыдущей должности он заведовал автомастерской и из-за отсутствия оперативного опыта, а также в силу своего 50-летнего возраста был просто не в состоянии оперативно реагировать на происходящее. При весьма сомнительных обстоятельствах Борисов погиб в автомобильной катастрофе при переезде из Смольного в “Большой дом” сразу после покушения.

Сталин использовал сложившуюся ситуацию на все сто процентов. Покушение на Кирова послужило для него прекрасным поводом развернуть серию репрессий против действительной и вымышленной оппозиции, в результате которых все возможные соперники в борьбе за власть, все неудобные деятели высшего звена, все мешавшие или слишком много возомнившие о себе функционеры были беспощадно уничтожены. Судя по всему, Ягода прекрасно понимал, что никакие “зиновьевцы”, на которых прямо указал Сталин, не виновны в покушении на Кирова, и приступил к их уничтожению лишь под его давлением. Первоначальный этап “чистки” Ленинграда и области завершился высылкой 467 семей оппозиционеров общей численностью 1117 человек, но эти показатели совершенно не удовлетворили Политбюро. После получения соответствующего внушения нарком приступил к репрессиям уже принципиально иного масштаба. Только за один месяц в городе были расстреляны 4393 человека и отправлены в тюрьмы и лагеря 299, а на этапе чистки области и Карельской АССР репрессиям подверглись 22,5 тысячи человек.

Этим уничтожением ведал НКВД. Реальные проблемы безопасности государства и охраны общественного порядка отошли на второй план, самым престижным поприщем у чекистов стало разоблачение врагов народа, вредителей и контрреволюционеров, к которым стандартно подверстывалось обвинение в шпионаже в пользу иностранных государств, обычно Польши, Германии, Франции, Румынии, на Дальнем Востоке Японии, другие варианты встречались реже. Нескончаемой чередой пошли громкие дела “союза марксистов-ленинцев”, “московского центра”, “московской контрреволюционной организации — группы “рабочей оппозиции”, “ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других”, “антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, “московского параллельного антисоветского троцкистского центра”, “антисоветского правотроцкистского блока”, “антипартийной контрреволюционной группы правых”, “антисоветской троцкистской военной организации” в Красной Армии (“военно-фашистский заговор в РККА”), “террористической группы в правительственной библиотеке и контрреволюционной троцкистской группы военных работников Комендатуры Кремля”, “контрреволюционной фашистской террористической организации финских политэмигрантов” и множества других.

Характерно, что междоусобная борьба внутри самого НКВД до конца 1936 года велась абсолютно бескровно. Соперничество кланов, своего рода мафиозных группировок, носило совершенно аполитичный характер и преследовало исключительно цели продвижения по службе, приобретения большей власти, влияния, званий и льгот. Чекисты тщательно избегали обвинять друг друга в политических преступлениях и шпионаже, поскольку прекрасно понимали, что это обоюдоострое оружие, подобно бумерангу, имеет тенденцию оборачиваться против применивших его. Выполняя распоряжения партии, НКВД мог репрессировать кого угодно, но сам всегда оставался над схваткой. Все твердо знали, что в ОГПУ/НКВД врагов народа нет и быть не может, таковых надлежало обезвреживать исключительно за рамками госбезопасности. До февральско-мартовского (1937 года) пленума ЦК ВКП(б) никто из побежденных соперниками чекистов не обвинялся ни в измене родине, ни в контрреволюции или троцкизме, при Ягоде об этом даже подумать было невозможно. Многие поверили, что так будет вечно.

Тем временем Сталин и приближенные к нему члены правительства с беспокойством отмечали слишком большую информированность руководства Наркомата внутренних дел, его погрязание в интригах и постепенную деградацию в обеспечении действительной безопасности страны. Чего стоил один только провал агентурной сети НКВД Украины в 1935 году, когда из-за непростительной и грубейшей халатности курирующих офицеров были провалены ценнейшие источники в румынском генеральном штабе и подразделениях разведки в Кишиневе и Черновицах! При разбирательстве выяснились не только их безответственность и некомпетентность в оперативных вопросах, но и вопиющие факты коррупции. Оказалось, что руководящий состав ИНО УГБ УНКВД УССР по Одесской области занимался контрабандой, обложил агентуру системой поборов и взяток, вымогал разного рода подарки, причем в этом непосредственно участвовал и сам бывший руководитель отдела В. М. Пескер-Пискарев. К осени 1936 года увлекшийся выполнением пожеланий вождя Ягода забыл об осторожности и не заметил, что Сталин уже принял решение о смене команды. Он всегда поступал подобным образом, избавляясь от слишком информированных и чересчур много возомнивших о себе соратников, причем это повторялось с вполне предсказуемой регулярностью. Кроме того, в свое время Ягода имел неосторожность несколько раз продемонстрировать симпатии к Рыкову и Бухарину, и это, скорее всего, послужило последним толчком к его падению.

25 сентября 1936 года находившиеся на отдыхе в Крыму Сталин и Жданов отправили в Политбюро телеграмму: “Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД”²⁶⁷. Уже на следующий день Ягода сдал дела своему преемнику Н. И. Ежову и для начала был назначен наркомом связи СССР вместо арестованного Рыкова. Этих двух людей объединяет ряд совпадений. Рыков являлся первым наркомом НКВД РСФСР, а Ягода — СССР, последняя должность обоих — нарком связи, оба были арестованы и одновременно расстреляны по одному делу. К отставному руководителю карательных органов подбирались постепенно. 29 января 1937 года ЦИК перевел генерального комиссара госбезопасности Ягоду в запас, и лишь в ночь с 3 на 4 апреля последовал его арест по делу “антисоветского правотроцкистского блока”. Представляет интерес динамика изменения формулировок обвинения в адрес бывшего наркома. 31 марта 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: “Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) следующее предложение: “Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных им в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в Наркомат связи, Политбюро ЦК ВКП(б) считает необходимым исключение его из партии и ЦК и немедленный арест”²⁶⁸. Пленум ЦК ВКП(б) согласился с этим предложением. Однако власть, судя по всему, не была еще уверена в возможности обнаружения подобных формулировок по отношению к главе НКВД, хотя и бывшему, и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1937 года о снятии Ягода с должности оказалось существенно более мягким: “Ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера Народного Комиссара связи Г. Г. Ягода...”²⁶⁹. Лишь позднее, когда Сталин окончательно уверился в невозможности негативной реакции НКВД, бывшему наркому внутренних дел СССР вновь вменили в вину преступления политического характера.

Н. И. Ежов

Ягода принял предложенные правила игры и на суде послушно соглашался со всеми обвинениями в заговоре, вредительстве, отравлениях и других преступлениях, отказавшись признать лишь шпионаж. Он заявил прокурору А. Я. Вышинскому, что если бы он был шпионом, то десятки государств могли бы распустить свои разведки за ненадобностью держать в Советском Союзе сеть агентов. Суд не стал настаивать и 13 марта 1938 года приговорил бывшего наркома к расстрелу по остальным статьям, что и было исполнено через два дня.

Следующим наркомом НКВД СССР стал 42-летний Николай Иванович Ежов. Он примкнул к большевикам после Февральской революции и во время Гражданской войны был комиссаром в Красной Армии, затем перешел на партийную работу в Туркестане, в 1922 году стал секретарем вначале Семипалатинского губкома, а затем Казахского крайкома ВКП(б). С 1927 года Сталин заметил и оценил своего активного и верного сторонника и перевел его в Москву, где тот с 1929 по 1930 годы работал заместителем наркома земледелия, после чего заведовал Распределительным отделом и Отделом кадров ЦК. В дальнейшем Ежов избирался членом ЦК ВКП(б) и членом Комиссии партийного контроля (КПК), а с 1936 года занял пост секретаря ЦК и в этом качестве курировал правоохранительные органы. Уже тогда Ягода почувствовал страшную опасность, исходившую от “злобного карлика”, как называли

Ежова некоторые современники, но рассчитывал все же справиться с ним, не поняв, что решением Сталина уже обречен на гибель, и никакие интриги помочь ему уже не смогут. Многие работники НКВД осознали угрозу, исходившую от этого незлобивого и мягкого в обыденной жизни человека, и попытались помочь наркому отвратить ее. К их числу прежде всего относились начальник Особого отдела Гай, начальник Секретно-политического отдела Молчанов и заместитель наркома Прокофьев. Однако другие, в том числе первый заместитель наркома Агранов, начальники УНКВД по Московской и Ленинградской областям Реденс и Заковский, рассчитывали с приходом нового руководителя упрочить свое положение и поддержали ставленника партии. 26 сентября 1936 года Ежов, сохранив статус секретаря ЦК ВКП(б), официально возглавил НКВД, а в январе следующего года стал вторым человеком в истории СССР, получившим звание Генерального комиссара госбезопасности. Его патологическая страсть к уничтожению высокопоставленных деятелей и чекистов-ставленников Ягоды была удовлетворена, поскольку Сталин дал ему практически неограниченные полномочия по проведению чисток врагов народа. При этом Ежов всячески пропагандировался в обществе, писатели, журналисты и редакторы именовали его “любимым сталинским наркомом” и радостно обыгрывали тему “ежовых рукавиц”, еще не зная, что отвращение малограмотного руководителя НКВД к интеллигентам очень скоро приведет к гибели многих из них в этих самых рукавицах.

После ухода Ягоды безопасный период жизни чекистов закончился почти сразу же. Однако они не сразу осознали, что Сталин руками Ежова начал замену всех руководящих работников центрального аппарата и периферийных подразделений НКВД, а некоторые из них так и расстались с жизнью в неведении относительно общей обстановки. Естественно, что подобная задача никогда не объявлялась официально, и репрессии в органах госбезопасности начались исподволь. Это являлось весьма дальновидным шагом, поскольку сразу же внесло раскол в ряды ее сотрудников и исключило любую возможность организованного сопротивления со стороны осознавших свою обреченность чекистов.

Прежде всего Ежов решил покончить с привилегированным положением работников ГУГБ, а затем, в дополнение к Я. С. Агранову, ввел новые штатные единицы заместителей наркома и назначил на них людей не из главка госбезопасности: М. Д. Бермана, М. П. Фриновского и Л. Н. Бельского. Одновременно он начал продвигать в неоперативные подразделения НКВД своих людей из КПК и ЦК. Очень скоро ключевая должность особоуполномоченного при наркоме, штаты Административно-хозяйственного управления, отдела кадров и секретариата оказались укомплектованными партийными выдвиженцами, в самом же ГУГБ

руководящие позиции заняли члены “северокавказской группы”. Особый отдел возглавил изгнанный ранее с Украины И. М. Леплевский, Секретно-политический отдел — бывший начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю В. М. Курский. С 25 декабря 1936 года в целях повышения режима секретности все отделы Главного управления государственной безопасности стали номерными. Ежов существенно изменил существовавшую структуру главка госбезопасности. Из Особого (5-го) отдела вновь была выделена гражданская контрразведка, а его функции опять ограничены оперативной работой в армии, ВМФ, пограничных и внутренних войсках. В аппаратах УГБ УНКВД также создавались 5-е отделы, но подразделения военной контрразведки в звеньях от бригады до округа по-прежнему именовались Особыми отделами. Контрразведывательный отдел был возрожден на основе частей аппаратов бывшего Особого и расформированного Экономического отделов. Таким образом, военная контрразведка вновь стала отдельной линией оперативно-чекистской деятельности. Печальный опыт покушения на Кирова заставил обратить более пристальное внимание на безопасность, и из состава Оперативного отдела был выделен Отдел по охране членов правительства и дипломатического корпуса. В составе ГУГБ появился новый Тюремный отдел.

Отныне структура главного управления государственной безопасности выглядела следующим образом:

- 1-й отдел (Охраны), начальник К. В. Паукер;
- 2-й отдел (Оперативный), начальник Н. Г. Николаев-Журид;
- 3-й отдел (Контрразведывательный), начальник Л. Г. Миронов;
- 4-й отдел (Секретно-политический), начальник Г. А. Молчанов;
- 5-й отдел (Особый), начальник И. М. Леплевский;
- 6-й отдел (Транспорта и связи), начальник А. М. Шанин;
- 7-й отдел (Иностранный), начальник А. А. Слуцкий;
- 8-й отдел (Учетно-регистрационный), начальник В. Е. Цесарский;
- 9-й отдел (Специальный), начальник Г. И. Бокий;
- 10-й отдел (Тюремный), начальник Я. М. Вейншток.

Структурные изменения сопровождались изучением ситуации в подразделениях. Ежов собирал информацию и готовился нанести удар, о чем в ноябре 1938 года вспоминал: “Наиболее запущенным участком в НКВД оказались кадры. Вместо того, чтобы учитывать, что заговорщикам из НКВД и связанными с ними иностранными разведками за десяток лет минимум удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников, я успокоился на том, что разгромил верхушку и часть наиболее скомпрометированных работников среднего звена. Многие из вновь выдвинутых, как теперь выясняется, также являются шпионами и заговорщиками”²⁷⁰.

Первая кровь “изменников-чекистов” пролилась в возглавлявшемся Г. С. Люшковым УНКВД по Азово-Черноморскому краю, где были арестованы и вскоре расстреляны начальники Таганрогского городского отдела Е. Н. Баланюк и Новочеркасского районного отдела Д. И. Шаповалов. Согласно приговору суда, они “систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах антисоветской деятельности последних”²⁷¹. На февральско-мартовском пленуме ЦК Ежов объявил о разоблачении бывшего начальника СПО троцкиста Молчанова и группы польских шпионов в ГУГБ. В рамках этого же дела весной и летом 1937 года нарком нанес удар по работникам польского направления Контрразведывательного отдела и чекистам польской национальности. Примерно в это же время было объявлено о разоблачении “латышской фашистской организации” в НКВД, а несколько позже очередь дошла до чистки региональных подразделений. Особенно пострадала в этом отношении Украина. Возвратившийся в Киев комиссар госбезопасности 2-го ранга Леплевский немедленно вскрыл “заговор в НКВД УССР” и за краткий период, с июля по август практически истребил своих недавних союзников, сохранивших верность его бывшему покровителю, а затем главному обидчику Балицкому. Как и обещал в 1934 году, он действительно вернулся на Украину и столь активно взялся за проведение чисток, что вскоре вызвал возмущение даже у собственного руководства. Ни один из руководителей территориальных органов НКВД не был так привержен репрессиям по спискам и общему количеству арестованных, не утруждая аппарат отысканием хоть малейших формальных обоснований своих действий в отношении конкретных людей. За этот абсолютно неконтролируемый террор Ежов в январе 1938 года снял Леплевского с поста республиканского наркома и перевел начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР, а уже в апреле палач Укра-

А. И. Успенский

ины был арестован и расстрелян. В Киеве Леплевский сдал дела А. И. Успенскому, ранее работавшему начальником УНКВД по Москве и Московской области. Очередной республиканский нарком закончил свою карьеру нестандартно. Горький опыт предшественников научил его многому, поэтому, получив завуалированное предупреждение от Ежова, он не стал дожидаться неизбежного ареста и расстрела после мучительных пыток, а просто скрылся. Успенский имитировал самоубийство, оставил предсмертное письмо и попытался исчезнуть по заранее заготовленным поддельным паспортам. Однако привыкшие подвергать все сомнению оперативники НКВД установили наблюдение за его женой и из некоторых нюансов ее поведения, заключили, что она знает о судьбе мужа больше, чем говорит. Дело дошло до самых высших инстанций. Сталин в записке на имя Берия 22 ноября 1938 года потребовал: “Нужно поставить чекистам задачу: **Поймать Успенского во что бы то ни стало.** Задета и опозорена честь чекистов, не могут поймать одного мерзавца — Успенского, который на глазах у всех ушел в подполье и издевается. **Нельзя этого терпеть**”²⁷². В итоге беглеца в апреле 1939 года все же арестовали в Миасе Челябинской области и репрессировали, так что его отчаянная попытка лишь ненадолго отдалила неизбежный конец. По настоятельной личной просьбе партийного руководителя Украины Н. С. Хрущева вскоре расстреляли и жену бывшего наркома.

Чистка главка госбезопасности набрала размах, причем Ежов проделал всю эту работу отнюдь не сам. У наркома оказались активные помощники из числа озлобленных противников недавних фаворитов Ягоды. Когда в апреле 1937 года начальником ГУГБ и 1-м заместителем наркома стал Фриновский, аресты значительно участились. В течение месяца были репрессированы все люди Ягоды в центральном аппарате НКВД, включая практически не находившихся в подчинении наркома начальников Оперативного отдела Паукера и Спецотдела Бокия. Первый из них ведал охраной Сталина и других высших должностных лиц страны, а второй относился к НКВД в немалой степени условно, поэтому тронуть их без санкции первого лица в государстве не осмелился бы никто. Возможно, Бокий и избежал бы ареста и последующей казни, однако в последнем разговоре с Ежовым он, как всегда, повел себя дерзко и вызывающе, а на угрозу отстранения от должности надменно заявил, что не Сталин его на нее ставил, не ему и выгонять. Такая утрата связи с реальностью дорого обошлась излишне самоуверенному руководителю криптографической службы, и уже на следующий день он оказался во внутренней тюрьме НКВД.

На ведущие позиции постепенно выдвигались сумевшие найти общий язык с новым наркомом члены “северокавказской группы”, и к декабрю 1937 года из двенадцати отделов ГУГБ четыре неоперативных подразделения уже возглавляли партийные выдвиженцы Ежова, два отдела и комендатуру Московского Кремля — члены “ленинградской группы”, четыре — члены “северокавказской группы”. Вместо Молчанова с начала 1937 года руководителем Секретно-политического отдела стал бывший начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю Курский. В апреле он сменил расстрелянного Паукера и возглавил 1-й (Оперативный) отдел ГУГБ, а в июне 1937 года сдал дела Дагину и был назначен на должность начальника 3-го отдела главка госбезопасности, но 8 августа по неизвестным причинам покончил жизнь самоубийством. Несколько ранее абсолютно все руководство этого отдела также было репрессировано, поэтому в 1937 году контрразведкой в масштабах государства фактически не руководил никто.

В. М. Курский

Аналогичные события происходили и на востоке страны. В апреле 1937 года делегация во главе с начальником 3-го отдела ГУГБ Мироновым прибыла в Хабаровск для проверки состояния дел в УНКВД СССР по Дальневосточному краю (ДВК), ведавшему обеспечением государственной безопасности на необозримых территориях Хабаровской, Приамурской, Амурской, Ново-Амурской, Уссурийской, Камчатской, Сахалинской, Зейской областей и Еврейского автономного округа. Через месяц в результате провер-

А. Г. Миронов

ки начальника УНКВД Т. Д. Дерибаса “за пассивность в проведении следствия” отстранили от должности, однако арестовали и расстреляли несколько позднее. Снятый с поста наркома внутренних дел Украины Балицкий сменил в Хабаровске Дерибаса, но проработал на Дальнем Востоке лишь до июня, после чего был отозван в Москву и тоже расстрелян.

В июле 1937 года УНКВД по ДВК возглавил недавно получивший орден Ленина Г. С. Люшков. Он поставил своеобразный рекорд по репрессиям, за короткое время истребив 70 тысяч “врагов

Г. С. Люшков

народа”, однако уже в следующем году настала и его очередь. Во время инспекционной поездки на границу в Приморской области 12 — 13 июня 1938 года осторожный Люшков сумел выяснить, что на смену ему едет новый начальник управления Г. Ф. Горбач. Не исключено, что начальник УНКВД по ДВК почувствовал смертельную опасность еще в середине апреля, когда Фриновский отозвал в Москву его первого заместителя майора госбезопасности М. А. Кагана для получения нового назначения. В 1937 году подобные вызовы зачастую становились провозвестниками предстоящих арестов, поэтому Каган пообещал, в случае благоприятного развития событий, прислать в Хабаровск соответствующую телеграмму. В столице его арестовали, и отсутствие известий от бывшего первого заместителя послужило для Люшкова сигналом об опасности. Возможно, эта история и не соответствует действительности, но сам приезд нового начальника управления был достаточно симптоматичен. В годы репрессий искусственному чекисту незачем было долго гадать, что это означает, и он решил спастись нестандартным для того времени образом. В сопровождении заместителя начальника разведывательного отдела краевого УНКВД лейтенанта ГБ К. Н. Стрелкова Люшков отправился к границе в полосе 59-го Посьетского погранотряда. Под предлогом проводимой по личному указанию Ежова встречи с агентом, имеющим доступ в высшие круги маньчжурских властей и японских войск, он приказал Стрелкову на некоторое время отойти от автомашины на 300 метров в тайгу, а сам пешком пересек кордон и сдался обходившему свой участок пограничному наряду Ханчунского полицейского отряда. Это предательство стало одним из самых крупных в истории советских органов госбезопасности. Кроме информации обо всей системе разведки и контрразведки по Дальневосточному краю и режиме охраны границы, Люшков также передал японцам данные об организации системы секретной связи в приграничных районах СССР, значительно облегчившие работу их криптографов.

К этому времени чекистов истребили уже столько, что замещать вакантные посты начальников подразделений стало затруднительно, и тогда начался ощутимый процесс перемещения кадровых пограничников на должности руководителей территориальных органов НКВД, за что особенно ратовал бывший начальник Главного управления погранвойск Фриновский.

Существенной реформой правоохранительной системы стало создание в 1937 году в НКВД Следственной части. Это позволило изъять все следственные действия из ведения других отделов и сосредоточить их в специализированном подразделении, тогда как ранее дознанием и предварительным следствием занимались оперативные сотрудники. Ожидалось, что реорганизация резко повысит уровень работы, однако на деле все вышло как раз наоборот. Основная причина провала заключалась в укомплектовании нового подразделения в основном неквалифицированной молодежью, не знавшей других путей отыскания доказательств совершенных преступлений, кроме получения собственного признания подсудимого. Добывались его в основном с помощью психологического террора и пыток. В прошлое ушли изошренные, зачастую коварные методы следователей прежних времен, в 1937 же году признание уже просто и без особых ухищрений выбивали, а в тех крайне редких случаях, когда судьи и прокуроры действительно серьезно относились к процессу, дела, как правило, разваливались. О применении пыток в ходе следствия долгое время предпочитали

умалчивать, и лишь 10 января 1939 года Сталин направил по этому поводу недвусмысленную телеграмму: “ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод”²⁷³. Следует отметить, что в предвоенное десятилетие в открытых пропагандистских материалах для обозначения любых органов госбезопасности, как правило, употреблялся термин “разведка”. В газетах постоянно использовалось словосочетание “руководитель советской разведки товарищ Ежов”, а среди праздничных призывов ЦК ВКП(б) регулярно, хотя и с незначительными вариациями, печаталась одна и та же фраза: “Трудящиеся Советского Союза! Поддерживайте нашу социалистическую разведку! Помогайте ей корчевать врагов народа!”

Чистка аппарата НКВД затронула в 1937 году все подразделения, за исключением почти не пострадавшей внешней разведки, хотя некоторые ее закордонные резидентуры все же понесли ощутимый урон. Сейчас сложно установить подлинные причины такой отсрочки, и исследователи расходятся во мнениях по этому поводу. Одни полагают, что Ежов и Сталин просто опасались чересчур ослабить государственную безопасность одновременными репрессиями в отношении ее внутренних и внешних подразделений, другие же придерживаются мнения, что роль разведки в борьбе за влияние внутри НКВД была столь ничтожна, что самый легкий участок выявления врагов народа оставили на потом. Безусловно, планы нанести удар по резидентурам существовали и были весьма конкретными. В ноябре 1938 года Ежов утверждал: “Иностранную разведку, по существу, придется создавать заново, так как ИНО было засорено шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленной иностранными разведками агентурой”²⁷⁴. Существует и иное мнение, согласно которому внешнюю разведку вначале не собирались основательно чистить, однако вследствие нескольких побегов ее высокопоставленных сотрудников ситуация принципиально изменилась. НКВД начал сплошную проверку резидентов и оперативных работников заграничек, а далее все пошло по уже проверенной и испытанной схеме. Достаточным основанием для репрессий являлась не только дружба, но даже совместная работа с кем-либо из перебежчиков, а поскольку кадры разведки постоянно перемещались, в список подозреваемых попало большинство ее офицеров.

Как бы то ни было, очередь внешней разведки подвергнуться массовой чистке настала лишь в следующем, 1938 году. Ее результатом стала ликвидация подавляющего большинства нелегальных и некоторых “легальных” резидентур, причем в последних, как правило, осталось не более одного-двух оперативных работников. Множество источников были потеряны навсегда, связи с другими оборвались и требовали длительного восстановления. Как следствие, по линии внешней разведки в течение 127 дней 1938 года руководство страны не получало вообще никакой информации. Не менее плачевная судьба постигла и спецрезидентуры, созданные в середине 1930-х годов в развитие концепции “группы Яши”. Основным предназначением этих нелегальных заграничек являлась организация диверсионных операций, как традиционных, так и с использованием реально существовавшего на иностранных предприятиях технологического процесса. Его подробно изучали на предмет отыскания слабых мест и внесения изменений, приводящих к взрывам, пожарам или выбросам опасных химических компонентов. Особое внимание уделялось изучению систем энергоснабжения и методам создания аварий на них. Деятельность спецрезидентур в мирное время сводилась к укреплению своего положения, обучению персонала и выработке методики диверсий, к боевым операциям планировалось приступить лишь в случае начала войны или объявления “особого периода”. Однако применить полученные навыки не пришлось, поскольку к концу 1938 года сеть диверсионных заграничек внешней разведки оказалась практически полностью ликвидированной.

Продолжались структурные реорганизации наркомата. На совещании руководящего состава НКВД 24 — 25 марта 1937 года Ежов сообщил, что контрразведывательные отделы на местах несут непомерную нагрузку в связи с “массовыми операциями”, поэтому опера-

тивное обслуживание промышленности исключалось из числа задач КРО и поручалось вновь создаваемым отделам промышленности и оборонной промышленности. С 3 марта 1937 года в ведении 6-го отдела ГУГБ осталось обслуживание объектов исключительно железнодорожного транспорта, а водный транспорт, шоссейные дороги и система Наркомата связи были отнесены к компетенции вновь образованного 11-го отдела. 7 августа того же года в состав Главка госбезопасности возник крайне важный 12-й отдел (оперативной техники).

К этому времени чистки в центральном аппарате НКВД и его территориальных органах уже пошли на убыль. Ставленников Ягоды в основном репрессировали, за исключением сумевших не только удержаться, но и укрепить свои позиции членов “северокавказской”, “московской” и “ленинградской” группировок. Заметно ограниченный соответствующим постановлением январского (1938 года) пленума ЦК ВКП(б) внутренний террор стал понемногу затихать. Репрессии пробили множество брешей в высшем и среднем управленческом эшелоне, их размах встревожил руководство государства, осложнил ведение внешней пропаганды и вызвал нежелательный международный резонанс. Пришло время продемонстрировать мудрое вмешательство партии и свалить ответственность на излишне ретивых исполнителей, для которых изобрели термин “перегибщики”. Совершенно очевидно, что в этой ситуации сохранение прежнего руководства НКВД являлось бы грубой политической ошибкой, поэтому очередь неизбежного уничтожения наступила уже для очередного поколения чекистов. Именно так следует рассматривать фактическую ссылку Реденса из Москвы в Казахстан, арест ставленников Ежова в Орджоникидзевоком крае П. Ф. Булаха и Я. А. Дейча (не путать с Арнольдом Дейчем и М. А. Дейчем!) и удаление с Украины бывшего наркома Леплевского, арестованного в апреле вместе с группой приверженцев в Киеве и Москве по обвинению в руководстве “вторым заговором в НКВД УССР”. Вскоре последовало увольнение заместителя Ежова, начальника УНКВД по Москве и Московской области Л. М. Заковского, которого вначале перевели на работу в систему ГУЛАГа, а затем взяли под стражу вместе с группой сторонников. Позднее были уничтожены и другие руководители госбезопасности из числа сторонников Ежова, виднейшими среди которых были наркомы НКВД Бурят-Монгольской АССР П. П. Бабкевич, Казахской ССР П. В. Володько, Чечено-Ингушской АССР Н. И. Иванов, Дагестанской АССР В. Г. Ломоносов, Северо-Осетинской АССР С. З. Миркин, Азербайджанской ССР М. Г. Раев-Каминский, начальники УНКВД по Красноярскому краю А. П. Алексеенко, по Хабаровскому краю Г. Ф. Горбач, по Краснодарскому краю И. П. Малкин, по Адыгейской автономной области П. С. Долгопятов, по Полтавской области А. А. Волков, по Архангельской области В. Ф. Дементьев, по Ярославской области А. М. Ершов-Лурье, по Вологодской области С. Г. Жупахин, по Горьковской области И. Я. Лаврушин, по Тамбовской области М. Н. Малыгин и множество других. Судя по всему, последним ударом по наркому стал побег его прямого выдвиженца, бывшего начальника УНКВД по ДВК Лющкова.

Время Ежова заканчивалось, хотя нарком еще сопротивлялся. К этому времени его уже начали постепенно отводить от руководства системой госбезопасности и для начала 8 апреля 1938 года назначили по совместительству наркомом водного транспорта СССР. Наркоматом внутренних дел фактически руководил первый заместитель Ежова Фриновский, в свою очередь, перепоручивший дела в ГУГБ своему первому заместителю В. Н. Меркулову. Зато опытный в аппаратных вопросах нарком сделал встречный ход и попытался воспрепятствовать процессу утраты контроля над кадровой политикой наркомата, для чего инициировал совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1938 года “Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР”. Главное управление государственной безопасности ликвидировалось и заменялось тремя номерными управлениями, хотя до июня его прежние структуры существовали параллельно с новыми. Замысел наркома заключался в попытке вывести процесс назначений лиц высшего руководящего состава НКВД из совместной компетенции ЦК ВКП(б) и СНК, к номенклатуре которых относились первые заместители наркомов и начальники главных управлений всех наркоматов. Ликвидируя Главки, Ежов теоретически получал полный контроль над комплектованием штатов высшего звена НКВД и попытался воспрепятствовать назначению неприемлемых для него кандидатур. После реорганизации в структуре центрального аппарата Наркомата внутренних дел СССР вместо ГУГБ оказались три управления и нескольких самостоятельных отделов:

- Управление госбезопасности (1-е управление) во главе с 1-м заместителем наркома М. П. Фриновским:

- 1-й отдел (охрана правительства), начальник И. М. Дагин;
- 2-й отдел (оперативный), начальник И. П. Попашенко;
- 3-й отдел (контрразведывательный), начальник Н. Г. Николаев-Журид;
- 4-й отдел (секретно-политический), начальник А. С. Журбенко;
- 5-й отдел (иностранный), начальник З. И. Пассов;
- 6-й отдел (наблюдение за милицией, пожарной охраной и военкоматами), начальник И. Д. Морозов;
- 7-й отдел (оборонной промышленности), начальник И. Д. Рейхман;
- 8-й отдел (промышленности), начальник А. М. Минаев-Цикановский;
- 9-й отдел (сельскохозяйственный), должность начальника была вакантной.
- Управление особых отделов (2-е управление, УОО) во главе с комбригом Н. Н. Федоровым;
- Управление транспорта и связи во главе с комиссаром госбезопасности 3-го ранга Б. Д. Берманом;
- 1-й спецотдел (учетно-регистрационный);
- 2-й спецотдел (оперативной техники);
- Тюремный отдел;
- Спецотдел (шифровальный).

Однако никакие аппаратные ухищрения Ежова не могли перевесить влияния ЦК ВКП(б), и его положение стремительно ухудшалось. Этот процесс усугублялся постепенной деградацией наркома, который, после назначения по совместительству на должность наркома водного транспорта СССР, постепенно погружался в алкоголизм и набиравший силу процесс помрачения сознания. Под конец жизни он уже вряд ли мог адекватно воспринимать окружающую действительность. Тем не менее, несмотря на проблемы личностного характера, угрожавшую ему опасность Ежов видел достаточно отчетливо, но поделать с этим уже ничего не мог. Его сторонников уничтожали систематически и последовательно, например, в 1938 году сменилось шесть начальников УНКВД по Москве и Московской области. Ежов попытался провести чистку грузинской госбезопасности, где до сих пор монополией на проведение репрессий располагало исключительно местное руководство, однако эта попытка не удалась, и вместо разрешения арестовать бывшего председателя ГПУ Грузии, а позднее первого секретаря ЦК республики А. П. Берия Сталин распорядился перевести его на работу в центральный аппарат наркомата. С 22 августа он в звании комиссара госбезопасности 1-го ранга стал 1-м заместителем наркома НКВД СССР, а с 29 сентября по совместительству принял руководство реанимированным ГУГБ. Предшественника Берия командарма 1-го ранга Фриновского в сентябре назначили наркомом Военно-морского флота СССР, арестовали и впоследствии расстреляли, причем произошло это настолько стремительно, что он даже не успел получить морское звание.

Далее Сталин воспользовался оправдавшим себя при замене Ягоды испытанным методом и назначил комиссию по проверке работы НКВД. Как и ожидалось, она вскрыла массу пагубных упущений в работе, ни одно из которых не являлось выдуманным, поскольку этого просто не требовалось. Положение дел в госбезопасности было и в самом деле критическим и послужило основанием для издания постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1938 года “Об изменении структуры НКВД СССР”, от 23 сентября 1938 года “О структуре НКВД СССР” и некоторые другие. Однако самым весомым из них стало совершенно секретное постановление от 17 ноября 1938 года “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”, дававшее профессиональному уровню чекистской работы весьма резкую, но абсолютно заслуженную оценку:

“Работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от систематической, кропотливой агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопрос о предоставлении им так называемых “лимитов” для производства массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и, что хуже всего, многие наркомвнудельцы потеряли вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной агентурной работы следствию, как правило, не удавалось полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть их преступные связи²⁷⁵.

Безусловно, все постановления молчаливо игнорировали тот непреложный факт, что стратегическую линию деятельности НКВД определял не кто иной, как ЦК ВКП(б), но все же нельзя не отметить справедливость и своевременность этих документов. Следует признать, что причиной репрессий в отношении Ежова и его приближенных было отнюдь не одно стремление Сталина в очередной раз сменить руководство карательного ведомства. Если устранение Ягоды преследовало цель убрать слишком информированного наркома, то с его преемником все обстояло совершенно иначе. Полный развал всей системы государственной безопасности, вошедшая в постоянную практику фальсификация следственных дел, катастрофическое положение в разведке и вышедшее из-под контроля истребление руководящих кадров вплоть до среднего звена ставило под угрозу слишком многое. Ежов не сумел удержать в узде группировки чекистов, которые накинудись друг на друга и занялись взаимным истреблением, а нарком, вместо того, чтобы как-то урегулировать эту проблему, пошел у них на поводу и оказался на своей должности абсолютно несостоятельным. Кроме того, ни для кого не составляли секрета его явный алкоголизм, прогрессирующее душевное заболевание и не слишком тщательно скрываемые гомосексуальные наклонности, поэтому отстранение Ежова от должности было полностью логичным и оправданным, в отличие от назначения на нее двумя годами ранее. ЦК и Совнарком вынужденно занимались проблемами, строго говоря, относившимися к компетенции наркомата. Безусловно, конкретизация главных направлений деятельности внешней разведки, в качестве которых были установлены линии политической (ПР), научно-технической (НТР) разведки и внешней контрразведки (КР), являлась задачей правительственного уровня, однако то, что столь высокой инстанции пришлось мелочно заниматься штатами и структурой Иностранного отдела, никак нельзя признать нормальным. 24 ноября 1938 года Ежов направил в Политбюро на имя Сталина письмо с просьбой об отставке с поста наркома НКВД, принятой на следующий же день.

Его преемник Лаврентий Павлович Берия получил назначение в НКВД не только для налаживания работы, но и для избавления от ставших уже ненужными и опасными “перерегибщиков террора” и обновления кадрового состава госбезопасности. Для этого в период с апреля по сентябрь 1938 года, то есть при формально действовавшем в качестве наркома Ежове, он продолжил начатые в январе репрессии в отношении “ежовцев”, вначале в территориальных органах, а затем, после успешной пробы сил на периферии, и в центральном аппарате. Вслед за Берией в наркомат пришла новая, весьма влиятельная “закавказская” группировка его сторонников, наиболее известными представителями которой были В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов и В. Н. Меркулов. После этого новый нарком до конца года закончил уничтожение еще сохранившихся сторонников своего предшественника и с разрешения Сталина добрался до него самого, организовав дело о “новом заговоре в системе НКВД” под руководством Ежова, Фриновского и Евдокимова. Бывшего народного комиссара внутренних дел взяли под стражу 10 апреля 1939 года, когда о нем уже стали понемногу забывать. Арест Ежова прошел в прежних традициях госбезопасности. Вначале два начальника областных УНКВД обратились к Сталину с письмами, в которых сообщили, что Ежов якобы намекал им на предстоящий арест всего руководства государства накануне октябрьских торжеств. Эти инспирированные Берией с явного согласия Сталина ложные доносы и послужили поводом для взятия под стражу и опального бывшего наркома. Вслед за этим последовали аресты остатков “северокавказской” и “московской” группировок во главе с Реденсом и многих партийных выдвиженцев Ежова, расстрелянного 4 февраля 1940 года.

Несколько ранее система госбезопасности подверглась очередной реформе. Структура подстраивалась под нового 1-го заместителя наркома Берия, за месяц до этого переведенного в Москву из Грузии и фактически подмявшего под себя власть в наркомате. Только что распущенное ГУГБ с 29 сентября 1938 года вновь формировалось и подчинялось непосредственно Берия, но теперь основные отделы возглавили его ставленники, вытеснившие отработавших свое предшественников. В новом главке госбезопасности имелось восемь подразделений:

- 1-й отдел (охрана правительства), начальник Н. С. Власик;
- 2-й отдел (секретно-политический), начальник Б. З. Кобулов (по совместительству);
- 3-й отдел (контрразведывательный), начальник В. Г. Деканозов;

- 4-й отдел (особый), начальник В. М. Бочков, позднее А. Н. Михеев;
- 5-й отдел (иностранный), начальник В. Г. Деканозов (по совместительству);
- 6-й отдел (военизированных организаций);
- 7-й отдел (Спецотдел), начальник А. Д. Баламутов;
- Следственная часть, начальник В. Т. Сергиенко.

Берия возглавлял ГУГБ до назначения наркомом НКВД СССР 25 ноября 1938 года и 16 декабря передал свои прежние должности

Б. З. Кобулов

начальника главка госбезопасности и одновременно 1-го заместителя наркома внутренних дел В. Н. Меркулова, ранее являвшегося заместителем начальника ГУГБ. После ухода Деканозова на дипломатическую работу Меркулов в течение некоторого времени руководил также и 3-м отделом главка госбезопасности.

Главное экономическое управление (ГЭУ) возглавлял Б. З. Кобулов. Его организационная структура включала пять подразделений:

- 1-й отдел (оборонной промышленности);
- 2-й отдел (тяжелой промышленности и машиностроения);
- 3-й отдел (легкой, лесной и местной промышленности);
- 4-й отдел (сельского хозяйства и заготовок);
- 5-й отдел (торговли, кооперации, финансов).

Главное транспортное управление (ГТУ) возглавлял С. Р. Мильштейн, в его состав входили:

- 1-й отдел (железнодорожный транспорт),
- 2-й отдел (водный транспорт);
- 3-й отдел (связь, гражданский воздушный флот, шоссейно-дорожное строительство).

Структура Наркомата внутренних дел в очередной раз усложнилась, степень бюрократизма увеличилась многократно. Количество главных управлений в нем выросло до 12, и, помимо уже упоминавшихся, в НКВД СССР имелись теперь Главное управление шоссейных дорог (ГУШосдор), Главное архивное управление (ГАУ), Главное тюремное управление, Главное управление по строительству на Дальнем Востоке (ГУДС — Дальстрой), Главное управление госсъёмки и картографии (ГУГСК). ГУПВО было переименовано в Главное управление пограничных и внутренних войск (ГУПВВ), а 8 марта 1939 года разделено сразу на шесть главков:

- Главное управление погранвойск (ГУПВ);
- Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений;
- Главное управление войск НКВД по охране особо важных предприятий;
- Главное управление конвойных войск (ГУКВ);
- Главное управление военного снабжения (ГУВС);
- Главное военно-строительное управление войск НКВД СССР (ГВСУ).

В Наркомате внутренних дел СССР имелись также:

- Управление коменданта Московского Кремля (УКМК);
- Управление особого строительства (УОС);
- Административно-Хозяйственное управление (АХУ).

К числу самостоятельных отделов НКВД СССР относились три спецотдела, Центральный отдел актов гражданского состояния (ЦОАГС), переселенческий отдел, отдел трудколоний, бюро по планированию перевозок и некоторые другие второстепенные подразделения. Возглавлявшуюся Кобуловым следственную часть НКВД СССР разделили между ГУГБ и ГЭУ, в ГТУ же аналогичная структура была создана несколько ранее. С началом Второй мировой войны появилась необходимость образовать Управление по военнопленным и интернированным (УПВИ), а 7 июля 1940 года постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О противовоздушной обороне” возложило на НКВД СССР ответственность за организацию местной

Л. П. Берия

обороны, включая мероприятия по подготовке защиты пунктов и населения при нападении воздушного противника. Для этой цели в его составе было создано новое Главное управление местной противовоздушной обороны (МПВО). Список задач НКВД расширился, соответственно увеличивалось количество его структурных подразделений.

Разведка также изменила свою организационно-штатную структуру. Еще ранее, в октябре 1938 года, было упразднено небольшое Особое бюро при наркомате НКВД СССР, в функции которого входила подготовка информационно-справочных материалов, в том числе по формам и методам работы иностранных разведок, и составление характеристик на руководителей, государственных и общественных деятелей зарубежных стран. Как видим, с современным пониманием информационно-аналитической работы эти функции имели мало общего. Теперь руководство разведкой в лице начальника и двух заместителей управляло работой ведавшего секретным делопроизводством секретариата численностью в 30 человек, функциональными подразделениями (хозяйственным, финансовым и кадровым) и двенадцатью оперативными подразделениями общей численностью 210 человек:

- 1-е отделение (Германия, Италия, Чехословакия и Венгрия);
- 2-е отделение (Япония и Китай);
- 3-е отделение (Польша, Румыния, Югославия и Болгария);
- 4-е отделение (Великобритания, Швейцария, Франция, Испания и страны Бенилюкса);
- 5-е отделение (Греция, Турция, Иран и Афганистан);
- 6-е отделение (Финляндия, страны Скандинавии и Прибалтики);
- 7-е отделение (США и Канада);
- 8-е отделение (зарубежная оппозиция, включая троцкистов и правых);
- 9-е отделение (эмиграция);
- 10-е отделение (научно-техническая разведка);
- 11-е отделение (оперативно-техническое обеспечение);
- 12-е отделение (визы и учет иностранцев в СССР).

Обращает на себя внимание отсутствие в составе разведки специализированного подразделения, ответственного за внешнюю контрразведку. Кроме того, приведенное разделение обязанностей наглядно демонстрирует отсутствие в тот период у Советского Союза стратегических интересов в Африке, Латинской Америке и Индокитае. Периферийные разведывательные структуры создавались также и в некоторых территориальных органах. 1-е отделы получили УНКВД по Хабаровскому краю, Архангельской, Брестской, Ленинградской,

В. Г. Деканозов

Львовской и Читинской областям. Незадолго до начала войны, в апреле 1941 года, разведаппарат за рубежом был переведен на линейные принципы работы, и теперь линии политической, научно-технической, экономической разведки и контрразведки закреплялись за конкретными сотрудниками резидентур.

Владимир Григорьевич Деканозов возглавлял разведку недолго и параллельно руководил 3-м (контрразведывательным) отделом ГУГБ. Его назначение явилось большой неудачей, поскольку в разведывательных проблемах он не разбирался совершенно, зато обладал большим аплом-

П. М. Фитин

бом и под покровительством Берии чувствовал себя достаточно уверенно. Позже Деканозова перевели в Наркоминдел, а на смену ему пришел Павел Михайлович Фитин, назначение которого можно объяснить исключительной острой нехваткой профессиональных кадров разведки. Этот 32-летний производственник, а затем работник ЦК ВКП(б) был направлен на учебу в Высшую школу НКВД по партнабору в марте 1938 года, но успел окончить лишь специальные ускоренные курсы. С октября по ноябрь он являлся стажером 5-го отдела ГУГБ и практически сразу же попал на должность заместителя начальника, а с 1939 года — начальника отдела. Однако, вопреки всему, Фитин оказался одним из лучших руководителей внешней разведки, возглавлял ее на протяжении всей войны вплоть до 1946 года и был уволен исключительно из-за внутренних интриг в ведомстве госбезопасности.

Следует отметить, что основным удар по кадрам разведки нанес все же не Ежов, а Берия. Трудно сказать, чем он руководствовался, но есть основание предположить, что в ходе борьбы с приверженцами своего предшественника новый нарком решил, что почти не пострадавшая внешняя разведка была укомплектована именно ими и потому подлежала тщательной чистке. В декабре 1938 года он сформировал причинившую немало бед комиссию под руководством Деканозова по сплошной проверке оперативных работников разведки. После отставки Ежова почти всех резидентов отозвали в Москву и там арестовали, такая же участь постигла и многих руководителей направлений в центральном аппарате. В последние годы различные исследователи часто отмечают здравый смысл Берия, его понимание проблем разведки и квалифицированное руководство ее деятельностью, однако все это пришло много позднее, а в предвоенный период окончательный разгром внешней разведки осуществил именно он. В совершенно секретном отчете 1-го (разведывательного) управления Наркомата госбезопасности за период с 1939 года по апрель 1941 года констатировалось: «К началу 1939 года, в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела, почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого Отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном»²⁷⁶. Чудом избежали ареста некоторые отозванные из-за рубежа резиденты. Зарубина, Короткова, Ахмерова, Журавлева и других опытнейших работников в январе 1940 года отправили стажерами в различные отделения центрального аппарата к совершенно неопытным молодым разведчикам нового набора, и в данной ситуации это являлось для них еще лучшим исходом. Очевидно, что оперативная работа при этом не могла не упасть до небывало низкого уровня.

Такова была обстановка во внешней разведке в преддверии новой мировой войны. Лишь нападение Германии на Советский Союз заставило пересмотреть дела тех из разведчиков, которых, к счастью, не расстреляли, а содержали в тюрьмах и лагерях. К концу 1941 года многие из них вышли на свободу и вернулись к оперативной работе, хотя некоторые остались инвалидами и плодотворно трудиться уже не могли. Остальных же вернуть к жизни было уже невозможно.

Последним предвоенным штатным расписанием подразделений государственной безопасности в системе НКВД на 1 января 1941 года устанавливалась численность центрального аппарата ГУГБ в количестве 1484 человек, в том числе во 2-м отделе (новый начальник П. В. Федотов) 233 человека, в 3-м (новый начальник Т. Н. Корниенко) — 247, в 4-м — 394, в 5-м (новый начальник П. М. Фитин) — 225, в 7-м (новый начальник А. И. Копытцев) — 230, в Следственной части — 155²⁷⁷. Центральный аппарат ГЭУ насчитывал 629 человек и имел следующую структуру:

- 1-й отдел (промышленности);
- 2-й отдел (оборонной промышленности);
- 3-й отдел (сельского хозяйства);
- 4-й отдел (Гознака и аффинажных заводов);
- 5-й отдел (авиационной промышленности);
- 6-й отдел (топливной промышленности);
- Следственная часть.

Штатная численность центрального аппарата ГТУ составляла 496 человек. Самостоятельными спецотделами НКВД теперь считались 1-й (учетно-статистический, 358 человек), 2-й (оперативной техники, 621 человек), 3-й (обыски, аресты, наружное наблюдение, 147 человек) и лаборатория (61 человек). Указанная структура просуществовала совсем недолго. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 года, «в связи с необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы, проводимой Народным комиссариатом внутренних дел»²⁷⁸, подразделения госбезопасности были выделены из НКВД СССР и сведены в Наркомат государственной безопасности СССР. К его обязанностям отнесли:

- а) ведение разведывательной работы за границей;
- б) борьбу с подрывной, шпионской, диверсионной деятельностью иностранных разведок внутри СССР;
- в) оперативную разработку и ликвидацию остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР,

в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и пр.;

г) охрану руководителей партии и правительства”²⁷⁹.

Во главе наркомата был поставлен Всеволод Николаевич Меркулов, 1-м заместителем которого являлся И. А. Серов, заместителем — Б. З. Кобулов, а заместителем по кадрам — М. В. Грибов. Организационная структура НКГБ СССР включала пять управлений и семь самостоятельных отделов:

- 1-е управление (разведывательное, РУ), начальник П. М. Фитин;
- 2-е управление (контрразведывательное, КРУ), начальник П. В. Федотов;
- 3-е управление (секретно-политическое, СПУ), начальник С. Р. Мильштейн;
- Управление коменданта Московского Кремля (УКМК);
- Следственная часть (СЧ) на правах управления;
- 1-й отдел (охрана правительства)
- 2-й отдел (учетно-справочный, УСО);
- 3-й отдел (оперативный);
- 4-й отдел (оперативной техники);
- 5-й отдел (шифры, охрана государственных тайн);
- Отдел кадров;
- Административно-хозяйственный и финансовый отдел (АХФО).

П. В. Федотов

В. Н. Меркулов

Несколько позднее Федотов стал по совместительству возглавлять 2-е и 3-е управления.

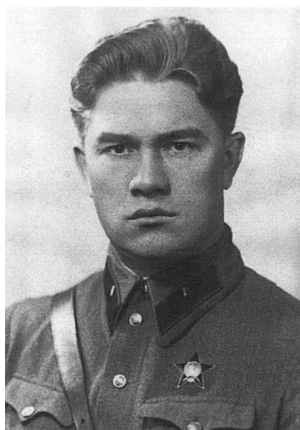
Реорганизация сопровождалась и серьезной реформой системы военной контрразведки. Несколько ранее, в апреле 1939 года, под давлением военных была отменена система обязательного согласования с Особым отделом назначений на руководящие посты в РККА. Тогда же была введена практика назначения руководителя ОО совместным приказом наркомов внутренних дел и обороны. Все это усилило позиции военного руководства по отношению к органам НКВД и позволило ему поднять вопрос о перестройке всей системы органов военной контрразведки. Следует отметить, что в предвоенные годы их подлинной и самой важной задачей являлся контроль за боеготовностью обслуживаемых частей и соединений и выявление слабых мест в их подготовке. На практике это встречало ряд существенных трудностей, поскольку относившиеся к системе госбезопасности Особые отделы в основном концентрировались на поиске компрометирующих материалов на военнослужащих всех рангов и направляли их по инстанции в НКВД и в соответствующие партийные органы. Там они обрабатывались и либо реализовывались, либо накапливались. Фактически система контроля за боеготовностью войск как таковой свелась к фиксированию промахов отдельных командиров, вследствие чего Наркомат обороны не имел полной картины действительного состояния дел в вооруженных силах. Это упущение планировалось преодолеть путем переподчинения НКО органов военной контрразведки. Вышедшее 8 февраля 1941 года совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР предписало:

“1. Ликвидировать Особый отдел ГУГБ НКВД СССР.

2. Организовать при Наркомате обороны и Наркомате Военно-Морского Флота особые отделы НКО и НКВМФ, подчинив их непосредственно народным комиссарам обороны и Военно-Морского Флота. Именовать особые отделы НКО и НКВМФ соответственно Третьими управлениями НКО и НКВМФ.

3. Возложить на Третьи управления Наркомата обороны и Наркомата Военно-Морского Флота следующие задачи:

а) борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной Армии и Военно-Морском Флоте;

А. Н. Михеев

б) выявление и информирование соответственно народного комиссара обороны и народного комиссара Военно-Морского Флота о всех недочетах в состоянии частей армии и флота и о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих армии и флота.

4. Организовать при НКВД СССР 3-й отдел с функциями чекистского обслуживания пограничных и внутренних войск НКВД СССР²⁸⁰.

В соответствии с этим же постановлением создавался Центральный совет из наркомов НКГБ и НКВД СССР и

начальников Третьих управлений НКО и НКВМФ для координации контрразведывательных задач и исключения параллелизма в работе. Начальником контрразведки в наркомате обороны стал А. Н. Михеев, в наркомате ВМФ — А. И. Петров, в наркомате внутренних дел — А. М. Белянов.

А. И. Петров

Органы госбезопасности не устраивало сложившееся положение, и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 апреля 1940 года предписало ввести в штаты органов Третьих управлений наркоматов обороны и военно-морского флота заместителей начальника, непосредственно подчиненных НКГБ или соответствующим УНКГБ. Официально их главной обязанностью являлось информирование начальников о делах, находящихся в производстве органов государственной безопасности и имеющих отношение к вооруженным силам. В действительности же эти люди явились эффективным средством для сохранения контроля НКГБ над военной контрразведкой, тем более, что в том же постановлении предусматривалась обязанность органов Третьих управлений сообщать коллегам из госбезопасности обо всех произведенных ими арестах. Те имели право забрать в собственное производство любое следственное или агентурное дело вместе с арестованными и даже с агентурой.

Однако реорганизация привела к иному перекоосу в контрразведывательном обслуживании вооруженных сил. Вывод военной контрразведки из состава НКВД создал массу серьезных проблем в ограждении вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и в обеспечении безопасности ближних тылов пограничных военных округов в противодиверсионном отношении. Ранее Особые отделы, не располагавшие собственными подразделениями наружного наблюдения, слухового контроля и прочими обеспечивающими любой контрразведывательный процесс вспомогательными службами, использовали для этой цели силы и средства НКВД. Теперь же они оказались в различных наркоматах, практические вопросы взаимодействия между которыми не были должным образом отработаны. После 22 июня 1941 года эти упущения в полной мере скажутся на обеспечении безопасности ближних тылов округов и фронтов и послужат одной из основных причин срочного возвращения военной контрразведки в состав органов госбезопасности.

Внешняя разведка избежала столь принципиальной реорганизации. Штатная численность ее аппарата устанавливалась в количестве 695 человек, в которое входил персонал 45 «легальных» и 14 нелегальных резидентур, иногда довольно крупных. Так, например, заграничная точка в США насчитывала 18 сотрудников, в Финляндии — 17, в Германии — 13. Уже в основном восстановленный к этому времени агентурный аппарат в целом насчитывал приблизительно 600 источников. Предвоенная смета на содержание разведки достигла заметных величин, и вызывает серьезное сомнение информация о прямых бюджетных ассигнованиях на ОГПУ в 1923-1924 финансовом году в размере всего 58 тысяч рублей²⁸¹. Эта сумма не покрыла бы даже расходы на заработную плату сотрудников любого из отделов центрального аппарата управления. Конечно, наивно полагать, что себестоимость разведки ограничивалась мизерной официальной суммой. Много было скрыто в бюджетах других ведомств, еще большие средства поступали из внебюджетных источников, включая собственные коммерческие предприятия как разведки, так и системы госбезопасности в целом. Для сравнения

можно привести более реальные величины финансирования военной разведки, сравнимой с внешней по численности персонала и размаху операций. Только в валюте в 1926 году она получила 1 миллион 763 тысячи золотых рублей, а с 1929 по 1931 годы бюджетные ассигнования на нее достигли почти 3 миллионов долларов США и свыше 1,5 золотых миллионов рублей. Этого было совершенно недостаточно, и уже в 1936 году военные разведчики получили 2 миллиона золотых рублей, а в 1940 — 9 миллионов²⁸². Принимая приведенные цифры в качестве опорных, следует учесть, что внешняя разведка тратила, вероятно, несколько меньше за счет отсутствия в ней института военных атташе и военных советников.

С финансами было непросто, но значительно сложнее обстояло дело с людьми. Репрессии до крайности обескровили разведку, вследствие чего требовалось срочно заняться подготовкой ее пополнения. Если обучение кадров для контрразведывательных подразделений было более-менее налажено в Высшей школе НКВД СССР, основанной еще в 1921 году в статусе Высших курсов ВЧК, то разведка своего специализированного учебного заведения не имела. Для исправления создавшегося положения 3 октября 1938 года была организована Школа особого назначения (ШОН), первым руководителем которой стал В. Х. Шармазанов. Школа размещалась под Москвой во внешне непривлекательных, но хорошо оборудованных домиках, и уже в первый год ее существования там обучались до 30 будущих разведчиков. Установленный годовой бюджет в 1,5 миллиона рублей позволял обеспечить весьма высокий уровень преподавания общеобразовательных, специальных и языковых дисциплин. В ШОН на кафедре “Восток” преподавались японский, китайский, персидский и турецкий языки, а на кафедре “Запад” — английский, немецкий, испанский, французский и итальянский. Так в Советском Союзе была начата систематическая подготовка профессиональных разведчиков, которым предстояло закрыть бреши, пробитые репрессиями в агентурной работе.

Наркомат внутренних дел продолжал заниматься вопросами разведки даже после выделения из него органов государственной безопасности. В его составе по-прежнему находилась пограничная разведка, а 16 июня 1941 года начала формироваться Особая группа при наркомате НКВД, которую планировалось привести в состояние готовности с 1 июля. Фактически это строго засекреченное подразделение являлось преемником распушенной в 1938 году “группы Яши”, но в преддверии надвигающейся войны с Германией его задачи были значительно расширены. По словам руководителя Особой группы Судоплатова, к ее функциям относились “ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территории, находящейся под немецкой оккупацией, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой для дезинформации противника”²⁸³. Практическая деятельность группы началась лишь после 22 июня, поэтому она рассматривается в соответствующей главе. Кроме того, в НКВД сохранялось небольшое собственное криптографическое подразделение, именовавшееся 6-м отделением наркомата.

Реформа органов государственной безопасности сопровождалась некоторыми изменениями в подходе к основным видам и методам их деятельности. Прежде всего это относилось к агентурно-оперативной работе, что и было указано в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 года в качестве основной задачи создания НКГБ СССР. Ее цели, задачи, объекты и направления оставались в основном неизменными, сохранялась и концепция разделения агентурного аппарата на осведомителей, сообщавших первичную информацию, и агентов (спецосведомителей), участвовавших в конкретных разработках, однако их практическое использование подверглось серьезной корректировке. Прежде всего, было установлено, что агентом может быть не любой секретный сотрудник, а лишь задействованный в конкретной оперативной разработке и имеющий доверительные отношения с объектами разработки. При этом выдвигалось требование воспитать у него высокие личные качества, позволяющие внедряться в закордонные антисоветские центры и органы иностранных разведывательных служб. Осведомители же не пользовались доверием разрабатываемых, а лишь занимали позиции, позволявшие получать ту или иную информацию об объектах заинтересованности. Соответственно различался и уровень руководителей этих категорий секретных сотрудников. Если агенты находились на связи с оперативным работником, то осведомители — как правило, с резидентом. В первой половине 1941 года была проведена чистка агентурно-осведомительного аппарата, причем в данном случае под этим термином не подразумевались репрессии. Пассивные и утратившие связь с руководителями негласные

сотрудники, а также дезинформаторы и неспособные агенты просто исключались из списков агентуры, что на практике обычно означало не более, чем прекращение контактов с ними.

Почти не претерпела изменений система наружного наблюдения, за исключением улучшения технического оснащения его сотрудников. К 1941 году почти все они прошли курс обучения работе с аппаратурой для секретного фотографирования.

Политконтроль (ПК) продолжал оставаться одним из важнейших методов контрразведки и осуществлялся в соответствии с постановлением СНК СССР от 19 декабря 1939 года № 001414. Согласно этому руководящему документу, в его функции входил контроль всей международной корреспонденции, отборка писем по оперативным заданиям органов госбезопасности, проведение особых мероприятий, выборочный контроль за внутренней корреспонденцией, выявление по почеркам авторов антисоветских писем и учет всех лиц, поддерживающих письменную связь с границей и дипломатическими представительствами иностранных государств в СССР. В остальном задачи ПК оставались неизменными.

Весьма важным направлением деятельности органов госбезопасности являлась радио-контрразведка. Зародилась она в мае 1921 года, когда в каждом штабе фронта и военного округа появилось по одной радиоприемной станции особого назначения (ОСНАЗ), передававшей все перехваченные материалы в Спецотдел. Они подчинялись РККА, однако уже в следующем году в Спецотделе появилась собственная радиостанция с четырьмя приемниками, которые обслуживали 20 сотрудников. В этом звене контрразведка соприкасалась с разведкой. Советская дешифровальная служба к середине 1930-х годов оформилась в организационном отношении и стала работать в более спокойном режиме, фактически войдя в систему госбезопасности, хотя ее руководитель Бокий по-прежнему чувствовал себя совершенно автономным от НКВД. Он игнорировал указания наркома, с 1920-х годов не посещал партийные собрания, во всеуслышание называя их пустой болтовней, и вообще всячески демонстрировал свою независимость. Как известно, закончилось это для него весьма плачевно. Многие историки полагают отстранение начальника Спецотдела от должности и его последующий расстрел страшным ударом, нанесенным по шифровальному и дешифровальному делу в СССР. Однако и в случае с Бокием все тоже обстояло далеко не однозначно. Действительно, к середине 1930-х годов советская криптография достигла впечатляющих результатов во вскрытии иностранных шифров и кодов, хотя в значительной степени не за счет дешифровальных работ, а благодаря ключам, добытым оперативным путем. Но приблизительно после 1935 года она стала все более отрываться от современности. Почти полностью игнорировались новейшие научные достижения, ввиду чего отечественная криптографическая наука значительно отстала от зарубежной, и их разрыв с каждым годом увеличивался. При этом ручные шифры просто вскрывались с трудом, а о существовании машинных советские дешифровальщики имели лишь самое общее представление. По этой причине прочтение закрытой с помощью «Энигмы» германской шифрованной переписки исключалось в принципе, то же относилось и к японским системам. Кроме того, существовавшая структура единой криптографической службы страны значительно ущемляла потребности армии. После 1934 — 1935 годов почивавший на лаврах предыдущих достижений и монополизировавший отрасль начальник спецотдела Бокий фактически стал тормозить развитие криптографического дела в Советском Союзе. Вероятно, это и стало основной причиной решения Сталина снять проблему испытанным способом — арестом руководителя службы. Безусловно, немалую роль сыграл и субъективный фактор, строптивость Бокия, его очевидное нежелание подчиняться вообще кому бы то ни было, а также его принадлежность к сподвижникам Ленина, ибо, вероятно, не существовало другой категории людей, столь же сильно раздражавшей Сталина.

После ареста Бокия система криптографии некоторое время не реформировалась, поскольку эта область разведки, как никакая другая, требует фундаментальных и, следовательно, длительных научных исследований. Положение начало изменяться лишь через несколько лет, когда на работу стали приходиться выпускники специализированных факультетов, однако стратегическая линия на дешифровку машинных текстов так и не была определена, и начавшаяся война застала советских дешифровальщиков совершенно неподготовленными к ней.

Военные активно требовали у правительства разрешить им создать собственную криптографическую службу, но НКВД долгое время стоял насмерть, сохраняя монополию в столь влиятельной отрасли. Наконец, здравый смысл перевесил аргументы чекистов, и 4 июля 1939 года Комитет обороны при СНК принял постановление, на основании которого нар-

ком обороны издал приказ от 16 июля об образовании Дешифровально-разведывательной службы (ДРС). Первоначально ДРС являлась 11-м отделом при 5-м отделе генштаба, а в августе следующего года она была реорганизована и подчинена Разведывательному управлению. НКВД передал туда все шифры, коды, дешифровальные документы и другие материалы, относящиеся к военной тематике. Криптография немыслима без радиоразведки, и с этой целью в Красной Армии были созданы тяжелые радиопеленгаторные роты, в середине 1930-х годов переформированные в отдельные радиодивизионы особого назначения (ОСНАЗ) в составе войск связи. К началу войны в составе действующей армии их насчитывалось уже 16 и 2 запасных, а в резерве Главного командования имелась радиобригада ОСНАЗ, состоявшая из 6 радиодивизионов и радиополка. Кроме того, каждый флот имел отдельный радиоотряд, внутренние военные округа располагали своими радиодивизионами. Эти подразделения осуществляли перехват сообщений противника в интересах армии и затем передавали добытые материалы в дешифровальную службу.

К этому времени Спецотдел был реорганизован и стал 7-м отделом ГУГБ (не путать с разведывательным отделом, также некоторое время носившим 7-й номер), его задачи были значительно сужены и включали теперь прочтение иностранной дипломатической, разведывательной (кроме войсковой разведки) и полицейской шифрпереписки. Однако разрыв между количеством перехваченных и прочтенных документов по-прежнему увеличивался, поскольку принципиальных прорывов в научной базе советской криптографии в предвоенный период так и не произошло. Руководство НКВД попыталось преодолеть эту негативную тенденцию и в августе 1940 года создало при 7-м отделе ГУГБ криптографическую Школу особого назначения (ШОН) с годичным сроком обучения, тогда как ранее дешифровальщики готовились на краткосрочных курсах. Впрочем, эта мера являлась совершенно недостаточной и результатов почти не принесла.

Пограничная разведка была отделена от ГУГБ и входила в систему Главного управления пограничной охраны и войск (ГУПОВО), ставшего затем Главным управлением пограничной и внутренней охраны (ГУПВО). Это значительно ухудшило оперативное обеспечение охраны границы, в первую очередь по причине того, что громоздкое и трудно управляемое ГУПВО отвечало за охрану не только границы, но также и железных дорог, важнейших промышленных предприятий и учреждений военного снабжения и военного строительства, и вдобавок руководило конвойными войсками. Совершенно естественно, что в подобной ситуации отделенные от общей системы госбезопасности оперативные органы погранвойск оказались забытыми, а их деятельность практически приостановилась. Пограничники фактически не располагали собственной агентурно-осведомительной сетью, а территориальные органы ГУГБ регулярно проводили на их территории свои операции без согласования с пограничным командованием, что порождало массу недоразумений и острых конфликтных ситуаций. Перечисленные факторы немедленно и крайне негативно сказались на охране границы и координации работы пограничников и госбезопасности и в 1935 году вынудили ГУПВО выйти с инициативой очередной реорганизации. Ранее оперработой в пограничной полосе руководил помощник начальника погранотряда по секретно-оперативной работе. Он имел в подчинении оперчасть, состоявшую из разведки по закордону (ИНО), по закордону (СПО) и службы по борьбе с контрабандой. В 1936 году разведку реформировали и перевели на систему разведывательных отделов в подчинении начальников штабов погранотрядов, однако два года спустя она была вновь возвращена в подчинение командиров погранотрядов в форме 2-х отделений.

После серии репрессий 1937 — 1938 годов пограничные разведчики были почти полностью истреблены, на смену им пришли неопытные сотрудники. В отличие от внешней разведки, их связь с источниками не терялась, но это преимущество являлось лишь кажущимся, поскольку привело к фатальным для большинства агентов последствиям. Неквалифицированное руководство закордонными операциями почти повсеместно повлекло серию тяжелых провалов на западной, восточной и южной границах СССР. Пограничная разведка лишилась практически всего внутреннего и закордонного агентурного аппарата, что вынудило перестроить всю систему охраны границы и причинило огромные убытки.

Очередная реформа пограничной разведки была проведена в октябре 1938 года и преследовала цель не столько улучшить ее работу, сколько хоть как-нибудь залатать пробитые в системе бреши. Статус оперативных служб значительно повысился, в округах появились от-

дельные разведотделы, в отрядах — отдельные разведотделения, а их руководители соответственно стали заместителями начальников войск округа и отряда. Отделы состояли из трех отделений: 1-го (закордонного), 2-го (разведки погранполосы) и 3-го (по борьбе с контрабандой). Теперь задачи пограничной разведки ограничивались исключительно ведением разведывательной работы в пределах установленной закордонной полосы и приграничной полосы на советской территории, а также проведением следствия по делам контрабандистов, бандитов и работников таможенных органов. С марта 1939 года оперативная работа осуществлялась на основании Положения о Главном управлении пограничных войск НКВД Союза ССР, согласно которому на них возлагались «организация, руководство и контроль разведывательной работы в пограничной полосе СССР и пограничной полосе сопредельных государств»²⁸⁴. Вскоре столь общие задачи были конкретизированы. Положение о разведывательном отделе пограничных войск округа от 21 марта 1939 года вменяло в его обязанности разведку за кордоном, оперативную работу в своей полосе, войсковую разведку и наблюдение, разведку при помощи технических средств, разведку опросом и допросом, изучение различных документов. Вскоре разведывательные отделы и отделения были переименованы в 5-е отделы и отделения с сохранением всех прав и обязанностей.

Ввиду угрозы возникновения военного конфликта с Германией и в целях повышения уровня закордонной разведывательной работы, система оперативных органов погранвойск пополнилась новым элементом — дополнительными разведывательными пунктами на границе. Последним предвоенным изменением структуры стала организация в октябре 1940 года пограничных разведывательных постов. Они создавались в расположенных в 10-километровой погранзоне крупных населенных пунктах, состояли из трех офицеров и проводили оперативную работу, направленную не на закордон, а на выявление действительных и потенциальных нарушителей границы. К 1941 году оперативные органы пограничных войск представляли собой достаточно современную и разветвленную секретную службу, буквально героическими усилиями в значительной мере восстановленную после разгрома 1937 — 1938 годов и накануне войны действовавшую вполне эффективно.

2. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Вторая половина 1930-х годов стала сложным временем и для второй основной секретной службы СССР — разведывательного управления РККА. После откомандирования, а фактически отстранения Берзина от должности в кадрах разведки достойная замена ему не усматривалась. Несмотря на все провалы и упущения в работе, фигур подобного масштаба в управлении, за исключением первого заместителя начальника разведки Артузова, не было. Однако он являлся чекистом, которого военные никогда не приняли бы в качестве руководителя, поэтому кандидатуру на пост главы Разведупра пришлось искать в других структурах Наркомата обороны. Выбор пал на заместителя начальника Автобронетехнического управления РККА Семена Петровича Урицкого. Он не был новичком в тайных операциях, поскольку еще в 1920 году возглавлял оперативный отдел Разведупра Полевого штаба РВСР, а затем, после окончания Военной академии РККА, с 1922 по 1924 годы находился на нелегальной работе за рубежом. Тем не менее, очень скоро выяснилась явная недостаточность его квалификации для руководства управлением. Несмотря на это, самоуверенный новый начальник разведки решил избавиться от своего первого заместителя и пришедших вместе с ним чекистов, многие из которых занимали ключевые посты. Вскоре после назначения на должность, в апреле 1935 года, Урицкий начал оттеснять их от рычагов управления вначале незаметно, а затем явно, довольно быстро перейдя к весьма грубой и резкой форме. Артузов пытался протестовать, однако Урицкий, судя по всему, заручился поддержкой Ворошилова, поскольку иначе никак невозможно объяснить то, что он сумел избавиться от прямого сталинского ставленника в своем ведомстве. Аппарат военной разведки раздирали склоки и интриги, и это, естественно, никак не способствовало качеству ее работы. Под удар Урицкого попал не только его первый заместитель, но и пришедшие с ним из ИНО начальники западного и восточного агентурных отделов О. О. Штейнбрюк и Ф. Я. Карин, а также другие руководители отделов и отделений. В январе лишившихся поддержки Сталина Артузова и Штейнбрюка изгнали из Разведупра и откомандировали в распоряжение НКВД СССР. Несколько позже Урицкий сумел избавиться и от большинства остальных чекистов, что,

впрочем, вряд ли пошло ему на пользу. На место Артузова прибыл другой первый заместитель, тоже чекист, старший майор ГБ М. К. Александровский (Юкельзон), который зарубежной разведки не знал и не мог знать, поскольку вся его деятельность прошла в различных контрразведывательных структурах.

К этому времени аппарат Разведывательного управления РККА претерпел очередную реорганизацию, в результате которой его штатная численность составила 203 военнослужащих и 169 вольнонаемных сотрудников. Число структурных подразделений также значительно увеличилось, в разведке имелись теперь 12 номерных отделов и некоторые другие подразделения:

- первый отдел (западный агентурный);
- второй отдел (восточный агентурный);
- третий отдел (военно-техническая разведка);
- четвертый отдел (военно-морская разведка);
- пятый отдел (руководство разведкой округов и флотов);
- шестой отдел (радиоразведка);
- седьмой отдел (дешифровальный);
- восьмой отдел (военная цензура);
- девятый отдел (специальных заданий);
- десятый отдел (специальной техники);
- одиннадцатый отдел (внешних сношений);
- двенадцатый отдел (административный);
- отделение связи;
- секретно-шифровальное отделение;
- регистрационное отделение;
- редакционно-издательское отделение;
- отделение кадров;
- финансовое отделение;
- спецотделение "А".

В декабре 1937 года к перечисленным добавился тринадцатый отдел (спецрадиосвязи), сформированный на базе существовавшего ранее отделения связи. Существовал также отдел "И", отвечавший за военную помощь Испании, однако фактически он находился в непосредственном подчинении у заместителя наркома обороны.

Изгнание из Разведупра профессионалов разведки самым печальным образом отразилось на положении Урицкого, ибо отныне некому было профессионально руководить управлением, и руководству наркомата быстро стала ясна его неспособность возглавлять столь ответственный участок. Поэтому в июне 1937 года его откомандировали на строевую должность командующего войсками Московского военного округа, а на пост начальника РУ вновь вернулся прибывший из Испании Берзин. К этому времени Артузов уже был арестован 13 мая 1937 года по делу о военно-фашистском заговоре в РККА и 21 августа расстрелян как швейцарский шпион, аналогичная участь постигла и многих его коллег. Разведка лишилась опытных агентуристов, специалистов по созданию зарубежных сетей, а заменить их было уже нечем. Таким плачевным оказался итог вполне разумной попытки 1935 года освежить деятельность Разведупра за счет прихода туда новых людей.

Любопытная оценка обстановки в советской военной разведке содержится в послевоенном свидетельстве Франтишека Моравца, руководителя делегации 2-го отдела чехословацкого генерального штаба, в 1936 году прибывшей в Москву. Он отметил неожиданную для него слабость Разведупра, которую было трудно предположить в спецслужбе "режима, который был рожден и вскормлен в подпольной обстановке"²⁸⁵. Чехословацкий разведчик, обсуждавший в СССР вопросы обмена информацией о военных приготовлениях Третьего рейха, объяснял упущения в работе Разведупра главным образом совершенно неудовлетворительным составом советского агентурного аппарата в Германии. Моравец считал, что основной его проблемой явилась чрезмерная ставка СССР на зарубежных коммунистов, практически бесполезных ввиду отсутствия у них разведывательных возможностей после прихода к власти нацистов. Кроме того, он отмечал весьма слабую языковую подготовку сотрудников

С. Г. Урицкий

разведки, а также более теоретическое, нежели практическое знакомство ее руководителей с зарубежной обстановкой (в этом Моравец отчасти ошибался). Однако вполне справедливым являлось его наблюдение о получении многими офицерами Разведупра сведений о загранице не просто из печатных источников, но из тенденциозных и излишне идеологизированных советских публикаций. Отсюда вытекала главная, по его мнению, слабость советской военной разведки, заключавшаяся в неудовлетворительной постановке информационно-аналитической работы. По мнению Моравца, ее выполняли не вполне компетентные специалисты на основании данных, полученных от не всегда достоверных источников, что зачастую приводило к выдаче желаемого за действительное. Безусловно, чехословацкий разведчик увидел в Разведупре далеко не все, однако в целом подобная оценка может считаться справедливой. Реальная обстановка в управлении была бесконечно далека от многие годы изображавшейся советскими историками идиллии. Даже часто описываемую в мемуарах картину трогательного братства разведчиков следует рассматривать критически. Действительно, она способствовала созданию благоприятной психологической атмосферы, зато бесконечные встречи оперативных работников, в том числе и временно прибывших из-за рубежа, и их долгие беседы на служебные темы подчас свидетельствовали лишь об отсутствии дисциплины и грубейшем нарушении установленных правил и требований конспирации. Например, описанный ранее знаменитый копенгагенский провал произошел в феврале 1935 года именно по этим причинам, и он был далеко не единичен. Разведка нуждалась в принципиальном реформировании, а осуществить его было трудно, практически невозможно.

Возвращение Берзина на должность начальника Разведупра явилось свидетельством абсолютного кадрового тупика. Можно представить, насколько Сталину и Ворошилову не хотелось вновь передавать разведку в руки однажды уже изгнанного из нее человека, однако другой подходящей кандидатуры для этой должности не нашлось во всей Красной Армии. Повторное назначение Берзина оказалось крайне недолгим и закончилось значительно трагичнее предыдущего. 20 июля 1937 года на партийном собрании Разведупра были оглашены фамилии двадцати ведущих военных разведчиков, арестованных как враги народа. Это стало лишь первым из серии страшных ударов, нанесенных госбезопасностью по военной разведке, впрочем, и его оказалось достаточно, чтобы решением Политбюро 1 августа снять Берзина с занимаемого поста, а руководство управлением временно поручить его заместителю комдиву Александру Матвеевичу Никонову. Аресту Берзина предшествовало взятие под стражу его первого заместителя Александровского, после чего Ежов приступил к фабрикации дела о латышской контрреволюционной организации, во главе которой якобы стоял нарком Рабоче-крестьянской инспекции и председатель Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) Я. И. Рудзутак. Безусловно, оно не соответствовало действительности, однако зерно истины здесь все же присутствовало. Военную разведку с середины 1920-х годов буквально узурпировали латыши, которые, хотя и отнюдь не являлись шпионами, вредителями или контрреволюционерами, тем не менее, представляли собой весьма сплоченный и достаточно закрытый клан. Латышами по национальности были начальники Региструпра/Разведупра Я. Д. Ленцман, А. Я. Зейбот, Я. К. Берзин, возглавлявшие управление с апреля 1921 по апрель 1935 года, а также многие начальники отделов и отделений разведки. Однако столь четко сориентированный национальный характер руководящих кадров совершенно не означал какой-либо нелояльности их к советской власти. Более того, с первых лет революции латыши всегда служили опорой для большевистского режима, теперь же их снимали со всех постов и уничтожали. Среди арестованных представителей руководящего звена — латышей оказались начальник второго отдела, до этого начальник разведки ОДВА комбриг А. Ю. Гайлис, начальник третьего отдела комдив О. А. Стигга, исполняющий обязанности начальника восьмого отдела полковник К. К. Звонарев (Звайгзне), начальник шифровального отделения полковой комиссар Э. Я. Озолин, заместитель начальника второго отдела полковник Р. М. Кирхенштейн, помощник начальника первого отдела полковой комиссар К. М. Басов (Аболтынь), заместитель начальника отделения майор Ф. П. Граудынь (Калнынь), начальник отделения Центральной школы подготовки командиров штаба Разведупра полковник Э. О. Касванд, начальник отделения К. А. Михельсон-Арвис, начальник отдела А. Ф. Маншейт, начальник отделения военный инженер 2-го ранга Я. Х. Поль, заместитель начальника восьмого отдела интендант 1-го ранга Е. И. Рей (Рея), заместитель начальника спецотделения «А» бригадный комиссар Х. И. Салнынь, начальник десятого отдела бригадный комиссар В. К. Янберг, заместитель начальника этого же отдела бригадный комиссар Э. К.

Янберг, а также полковники, начальники разведотделов штаба Белорусского военного округа А. П. Аппен, Ленинградского военного округа Ю. И. Гродис, Московского военного округа Х. А. Пунга, начальник иностранного отдела управления ВВС РККА бригадный комиссар К. Ю. Янкель, состоявшие в распоряжении РУ РККА полковники Я. К. Ашневиц, Г. И. Баар, бригадный комиссар А. М. Витолин, полковой комиссар В. Х. Груздуп, многие военные атташе и их заместители. Трагедия латышей была аналогична печальной участи, постигшей и представителей других национальностей. Всего за период 1937 — 1938 годов по политическим обвинениям только в центральном аппарате управления арестам подверглись 182 человека. Неудивительно, что это полностью дезорганизовало работу военной разведки. Агентурные сети за рубежом в большинстве своем разрушились из-за отсутствия должного руководства со стороны резидентур и Центра. Несколько позднее начальник политотдела Разведупра И. И. Ильичев доносил начальнику Политического управления РККА А. З. Мехлису: “Вам известно о том, что, по существу, разведки у нас нет... Нет военных атташе в Америке, Японии, Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Германии, Финляндии, Ираке, Турции, то есть почти во всех главнейших странах”²⁸⁶.

Однако это уже мало кого интересовало, поскольку реальная власть в Разведупре принадлежала теперь отнюдь не новому исполняющему обязанности его начальника. Решением Политбюро общее наблюдение за военной разведкой было возложено на наркома НКВД Ежова, которому в двухнедельный срок поручалось разобраться в ее деятельности, оперативно выявить недостатки в работе и по согласованию с наркомом обороны принять неотложные оперативные меры по их исправлению. Никонов был совершенно условным и бесправным руководителем управления. Вскоре он разделил судьбу десятков военных разведчиков, которых чекисты арестовывали и ликвидировали целыми группами. 10 ноября 1937 года репрессии докатились и до разведывательного аппарата войск. НКВД СССР направил начальникам особых отделов военных округов, флотов и флотилий директиву с требованием немедленно реализовать все имеющиеся у них оперативные материалы в отношении работников военной разведки, взять на учет и в активную разработку весь ее личный состав. Разведупр считался одним из самых засоренных врагами народа управлений Наркомата обороны, и жестокость террора была соответствующей. В центральном аппарате управления истребили почти всех руководителей отделов и основных направлений, в том числе 1 армейского комиссара 2-го ранга, 2 комкоров, 4 корпусных комиссаров, 3 комдивов, 2 дивизионных комиссаров, 12

С. Г. Гендин

комбригов и бригадных комиссаров, 15 полковников и полковых комиссаров, а также множество сотрудников в более низких званиях. Уволенного Никонова в сентябре 1937 года сменил очередной исполняющий обязанности начальника управления старший майор госбезопасности Семен Григорьевич Гендин, проработавший на этом посту до мая 1938 года. Его преемником стал комдив Александр Григорьевич Орлов, исполнявший обязанности начальника Разведупра по апрель 1939 года и тоже уничтоженный.

А. Г. Орлов

На короткий срок Ежову удалось добиться того, чего не смог достичь в 1920 году Дзержинский — сосредоточить все виды разведки под эгидой госбезопасности. Однако эйфория наркома НКВД, фактически возглавившего “полностью разваленный бандой Берзина” Разведупр, продлилась недолго и закончилась все в той же внутренней тюрьме его бывшего ведомства. Орлов был снят с должности и арестован уже при очередном наркоме внутренних дел, и это лишний раз доказывает иллюзорность мифа о том, что пришедший на смену Ежову Берия прекратил репрессии в разведке. В действительности они продолжались с прежним размахом.

Кампания чистки не отразилась на страсти руководства к реорганизации Разведупра, и в 1938 году задачи военно-морской разведки были переданы в наркомат ВМФ, где для

этого создали собственный разведывательный отдел. В 1939 году его переформировали в управление, позднее включенное в состав Главного морского штаба. На структуре и функциях периферийного аппарата это почти не отразилось. Например, на Балтийском флоте 4-й (разведывательный) отдел штаба еще в 1935 году был подчинен непосредственно командующему БФ. Он состоял из центрального (информационное отделение, агентурное отделение и отделение специальной службы) и периферийного аппаратов. К последнему относились два морских погранично-разведывательных пункта (МПРП), береговой радиоотряд (БРО), радиоузел особого назначения (РУОН) и курсы военных переводчиков. Штатная численность 4-го отдела флота по состоянию на 1939 год составляла 391 человек, из них 95 человек старшего командного состава и 296 человек младшего командного и рядового состава, но фактически он был укомплектован несколько слабее — 77 и 282 человека соответственно²⁸⁷. Похожую структуру имели разведотделы остальных флотов. Все они имели в своем оперативном подчинении корабельную и воздушную разведку.

С апреля 1939 года разведку РККА возглавлял комдив, затем генерал-лейтенант авиации Иван Иосифович Проскуров, а со следующего месяца она стала 5-м (разведывательным) управлением Наркомата обороны со штатом из 341 военнослужащего и 189 вольнонаемных работников. Теперь управление подразделялось на оперативные и прочие подразделения, к которым относились:

- 1-й отдел (западный);
- 2-й отдел (восточный);
- 3-й отдел (военно-технический);
- 4-й отдел (паспортный);
- 5-й отдел (информационный);
- 6-й отдел (приграничной разведки);
- 7-й отдел (радиоразведки);
- 8-й отдел (радиосвязи);
- 9-й отдел (шифровальный);
- 10-й отдел (внешних сношений);
- 11-й отдел (дешифровальный);
- специальный отдел “А”;
- политотдел;
- отдел кадров;
- административно-хозяйственный отдел;
- отдел военной цензуры.

И. И. Проскуров

Бывший 9-й отдел перешел в подчинение генштаба в качестве его Отдела специальных заданий. Как явствует из списка, отстранение Артузова все же повлекло одно положительное последствие — восстановление информационно-аналитического подразделения.

Предполагалось, что назначение 31-летнего Проскурова, боевого летчика, заслужившего в Испании звание Героя Советского Союза, поднимет авторитет военной разведки и укрепит ее положение. Новый начальник Разведупра впервые получил ранг заместителя наркома обороны и некоторые важные, почти чрезвычайные права, в частности, полномочия затребовать в свой штат любого офицера и почти любого генерала Красной Армии. Однако желаемый результат так и не был достигнут. Неопытный в разведывательных делах и еще менее искушенный в аппаратных интригах, Проскуров не сумел стать профессионалом тайных операций, и в организации военной разведки проявил себя не самым лучшим образом. Ему не хватало и столь важных в разведке качеств, как общий уровень культуры и жизненный опыт, да им и неоткуда было взяться. Молодой генерал имел среднее авиационно-техническое образование, и от старшего лейтенанта поднялся до генеральских звезд всего за два года, не приобретя при этом соответствующего опыта на командных должностях. Кроме того, не лучшую службу Проскурову сослужили прямота и честность характера, с которыми он высказывал свои мнения коллегам, подчиненным и начальству. Это даже отметил Сталин 17 апреля

1940 года на проведенном при ЦК ВКП(б) совещании начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии. Его весьма сомнительный и двусмысленный комплимент совершенно не выглядел похвалой начальнику разведки: “У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле слова. Разведчик должен весь быть пропитан ядом, желчью, никому не должен верить. Если бы вы были разведчиком... вам бы схватиться за эту сторону, выборки сделать и довести до сведения командования, но душа у вас слишком честная”²⁸⁸. Публичное оглашение подобной характеристики из уст Сталина было равносильно извещению о предстоящем увольнении.

Вероятно, прозвучавшая в 1940 году крайне негативная и не во всем справедливая оценка деятельности РУ в немалой степени явилась следствием одного из приказов, изданных начальником разведки в период, когда будущий нарком обороны Тимошенко командовал войсками Ленинградского военного округа. Злопамятный маршал, несомненно, припомнил уничтожающую критику, которой подверг его Проскуров за неудовлетворительную подготовку по разведке подчиненных частей и соединений. Кроме того, по свидетельству Судоплатова, начальник Разведывательного управления буквально подставился под увольнение. Военная разведка сумела вскрыть намерения Великобритании и Франции в 1940 году атаковать бакинские нефтепромыслы под предлогом оказания помощи подвергшейся советскому нападению Финляндии. Сталин использовал допущенную в информационных документах РУ ошибку в сроках, а также последующую отмену англо-французских планов в качестве достаточно весомого предлога для возложения на Проскурова ответственности на неоправданную массовую переброску войск в Закавказский военный округ.

Больно отозвалась на советской военной разведке злосчастная финская война 1939 — 1940 годов. До сих пор не утихают споры о том, насколько выполнила она свои задачи в этом конфликте. По причине малочисленности рассекреченных материалов, с одной стороны, и тенденциозности авторов мемуаров, с другой, однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Высшие военачальники оценили работу разведки как крайне неудовлетворительную. Кроме Сталина, на упомянутом совещании при ЦК КПСС 14 — 17 апреля 1940 года Проскурова и подчиненное ему управление резко критиковали заместитель наркома обороны, командарм 1-го ранга Г. И. Кулик, командующий 9-й армией комкор В. И. Чуйков, командующий 13-й армией комкор В. Д. Грендаль, член Военного совета этой же армии армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец и начальник артиллерии 19-го корпуса С. И. Оборин. Несколько ранее, 28 марта 1940 года на пленуме ЦК ВКП(б) нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов утверждал: “Плохо поставленное дело военной разведки вообще отрицательно отразилось на нашей подготовке к войне с Финляндией.

Наркомат обороны, и Генеральный Штаб в частности, к моменту начала войны с Финляндией не располагал сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, качестве войск и их вооружении, особенно плохо был осведомлен о действительном состоянии Укрепленного района на Карельском Перешейке, а также об укреплениях, построенных финнами в районе озера Янисярви — Ладожское озеро...

Отдельно стоит вопрос о нашей военной разведке.

Разведки как органа, обслуживающего и снабжающего Генеральный Штаб всеми нужными данными о наших соседях и вероятных противниках, их армиях, вооружениях, планах, а во время войны исполняющего роль глаз и ушей нашей армии, у нас нет или почти нет.

Военную разведку, достойную нашей страны и Армии, мы обязаны создать во что бы то ни стало и в возможно короткий срок.

Необходимо ЦК выделить достаточно квалифицированную группу работников для этой цели”²⁸⁹.

Опытный в аппаратных интригах маршал воспользовался фактическим подчинением военной разведки не только наркомату обороны, но и Политбюро ЦК ВКП(б), и попытался переложить на нее значительную часть ответственности за военные неудачи. Весьма характерна в этом отношении последняя фраза, процитированного отрывка, явно намекающая на то, что 5-е управление фактически представляет собой структуру ЦК. Эта линия поведения в отношении разведки продолжилась и в последующие месяцы. В мае 1940 года сменилось руководство НКО, и новый нарком зафиксировал в посвященном разведке разделе “Акта о приеме Наркомата обороны Союза ССР С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова”, что “организация разведки является наиболее слабым участком в работе Наркомата обороны.

Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Работа Разведывательного управления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке и развертывании иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены”²⁹⁰.

Некоторые исследователи однозначно квалифицируют эту оценку как традиционную для высоких чинов попытку переложить ответственность за собственные неудачи на плечи разведчиков. Несмотря на это, в любом случае совершенно справедливо утверждение о пагубном влиянии вывода разведки из подчинения начальника генштаба. В отличие от политической, военная разведка в любом государстве прежде всего является одним из видов обеспечения боевой деятельности и в первую очередь должна быть сориентирована именно на это. Лишь генеральный штаб может и должен определять ее основные направления, что при отсутствии прямого подчинения осуществить весьма затруднительно. Выведение военной разведки из состава генштаба оправдано только в том случае, если высшее государственное руководство использует ее также и в качестве политической секретной службы. В этой единственной ситуации целесообразно оттеснить узкие военные интересы на второй план, но тогда в вооруженных силах, как правило, создаются отдельные ведающие оперативной и тактической разведкой структуры, освобождающие руководство стратегической службы от этих многообразных и важных задач. Однако в Советском Союзе существовала отдельная политическая разведка в составе НКВД, и дублирование работы двух параллельных спецслужб по политической линии являлось неоправданным расточительством. С современной точки зрения, стратегическая военная разведка должна заниматься установлением состава, состояния и дислокации вооруженных сил противника на различных театрах военных действий, выявлением взглядов противника на характер и способы ведения войны и его планов, состояния и перспектив развития вооружения и военной техники, мероприятий по непосредственной подготовке к войне, оборудования театров военных действий и так далее. Эти направления были не менее актуальны и в предвоенный период, но многие резидентуры РУ активно и, кстати, довольно успешно занимались чисто политическими задачами, которые было бы логичнее передать внешней разведке. Впоследствии ситуацию исправили путем детального разграничения сфер деятельности обоих разведывательных органов. Правительство определило конкретные объекты для каждого из них, хотя военные сразу же восприняли это как ущемление их интересов. Тем не менее, трудно не согласиться, что, к примеру, агентурная разработка иностранных миссий или наступательная контрразведка никоим образом не должны возлагаться на военную разведку. В этом вопросе Тимошенко был абсолютно прав, что совершенно подтверждает его правоту и в других отмеченных в акте приемки аспектах.

Нельзя не отметить, что, наряду с действительными упущениями военной разведки, на нее свалили причины множества других неудач. Вне всякого сомнения, обвинять разведку в том, что она не обеспечила войска информацией об укреплениях “линии Маннергейма”, было, по меньшей мере, несправедливо. В 1937 году РУ выпустило и разослало в войска сводный документ под неофициальным названием “черный альбом”, содержащий данные по каждому из финских долговременных оборонительных сооружений, включая его фотографию, координаты, состав вооружения и защитные характеристики. Другое дело, что добыть такие, казалось бы, совершенно секретные материалы было значительно проще, чем это казалось со стороны. Руководители Финляндии были убеждены в том, что информация о мощи расположенных на Карельском перешейке укреплений отобьет у СССР всякое желание совершать агрессию, и поэтому не только не препятствовали советской разведке в изучении укрепрайонов, но даже потворствовали ей в этом. Здравомыслящие финны и предположить не могли, что не подготовленную к боевым действиям в северных условиях Красную Армию можно бросить в лобовую атаку на прорыв “линии Маннергейма” при наличии в генштабе РККА ее характеристик. Существовало и субъективное объяснение заметных успехов советских спецслужб на финском направлении. Дело в том, что в предвоенных репрессиях не пострадали ни руководители резидентур НКВД, ни сотрудники военных атташатов в северном регионе, поэтому их агентуру не выводили на консервацию для перепроверки, и она продолжала активно работать. При этом следует отметить, что абсолютным сюрпризом для Красной Армии оказались тактика летучих отрядов финнов, широкое ис-

Ф. И. Голиков

пользование снайперов, лыжников и многие другие существенные факторы, требовавшие специального внимания. Судя по всему, начальник Разведывательного управления действительно вполне заслуживал отстранения от должности, однако доля его вины в неудачах была намного скромнее, чем у более высокопоставленных должностных лиц. Проскуров не просто отказался признать критику, но и выступил со встречными претензиями к организации войсковой разведки, к невниманию штабов всех уровней к рассылаемым им разведывательным материалам. Его главный оппонент Ворошилов был признан несостоятельным на посту наркома НКО и получил назначение на формально более высокую, но декоративную должность председателя Комитета обороны, а Проскуров поплатился значительно более жестоко. Его сняли с должности, на короткое время назначили заместителем начальника главного управления ВВС по дальнебомбардировочной авиации, а позднее репрессировали. Разведку временно возглавил начальник ее политотдела старший батальонный комиссар И. И. Ильичев. Служивцы вспоминали, что в оперативных вопросах он разбирался слабо, зато прекрасно умел дать любому сотруднику партийную оценку. Хотя в описываемый период кандидатура Ильичева для замещения вакантной должности начальника управления серьезно не рассматривалась, позже он добьется своего и на длительный срок возглавит разведку Красной Армии. Однако в этот раз старший батальонный комиссар руководил РУ недолго и вскоре сдал дела генерал-лейтенанту Голикову, до этого командовавшему 6-й армией. Филипп Иванович Голиков продолжил ряд начальников военной разведки, не понимавших ее и не разбиравшихся в оперативных и информационных делах. Не обладал он и прямоотой и честностью Проскурова, не боявшегося отстаивать свою точку зрения в любых инстанциях. Вероятно, именно это и позволило Голикову стать единственным из предвоенных начальников военной разведки, далеко продвинувшимся затем по служебной лестнице. Во время войны он командовал армиями, фронтами, с 1943 года руководил кадровой работой в Наркомате обороны, с 1958 по 1962 год возглавлял Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота и закончил службу в высоком звании Маршала Советского Союза.

Выводы о неразумности отрыва разведки от генштаба все же были восприняты правильно, и с 26 июля 1940 года подчиненность Разведупра изменилась. Теперь он официально именовался Разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии (РУ ГШ КА) и имел следующую организационную структуру:

- 1-й отдел (западный);
- 2-й отдел (балканский);
- 3-й отдел (восточный);
- 4-й отдел (военно-технический);
- 5-й отдел (специальный);
- 6-й отдел (паспортный);
- 7-й отдел (приграничной разведки);
- 8-й отдел (радиоразведки и радиосвязи);
- 9-й отдел (шифровальный);
- 10-й отдел (дешифровальный);
- контрразведывательный отдел;
- отдел внешних сношений;
- отдел Центральной военной цензуры;
- отдел военно-технической и экономической информации;
- отдел специальных заданий;
- общий отдел;
- отдел кадров;
- политотдел;
- административно-хозяйственный отдел.

Военная разведка выгодно отличалась от коллег из НКВД углубленным вниманием к информационно-аналитической работе. Хотя в современном значении этого понятия в

управлении она все еще отсутствовала, поскольку руководству страны постоянно докладывались поступающие из резидентур “сырые” сведения, однако значительный шаг в нужном направлении уже был сделан. В составе РУ ГШ КА имелся информационный отдел, в котором на основании открытых и оперативных данных готовились ежемесячные разведывательные сводки, выпускались справочники по иностранным армиям, наставления и описания отдельных образцов техники, рассылавшиеся затем в военные округа и управления и отделы Наркомата обороны. Особым видом информационной продукции являлись направлявшиеся Сталину, Молотову, Маленкову, Берия, Ворошилову, Тимошенко, Мерецкову и Жукову спецсообщения, содержавшие особо важную и срочную информацию, в основном стратегического характера. Позднее в практику был введен еще один весьма важный документ — “Мобилизационные записки” о военно-экономическом и мобилизационном потенциале иностранных государств.

История предвоенной разведки неотделима от трагической истории подготовки РККА к так называемой “малой войне”. Этот термин, введенный в обиход еще председателем РВСР Фрунзе, означал действия партизан и диверсантов в тылах противника, организованные за счет регулярных войск и под руководством армейских штабов. Ответственность за них возлагалась на Разведупр, а подготовку к “малой войне” курировали видные руководители предвоенного периода: начальник вооружений РККА, впоследствии командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич, командующий войсками Украинского военного округа И. Э. Якир, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В. М. Примаков и другие. В приграничных округах еще в начале 1930-х годов были оборудованы десятки тайников с продовольствием, медикаментами, стрелковым оружием, боеприпасами к нему, минно-взрывным имуществом и прочими средствами ведения вооруженной борьбы. Масштаб приготовлений впечатлял. Например, один тайник в районе Олевска вмещал больше оружия, чем его получили за весь период войны все действовавшие в этом районе партизанские отряды.

Подготовку кадров для “малой войны” осуществляла военная разведка, только в Украинском военном округе открывшая три спецшколы в Киеве, одну в Харькове и одну в Купянске. Начавшееся в 1930 году регулярное обучение партизан проводилось в обстановке крайней секретности, а их сборы камуфлировались под мероприятия пожарников, охотников или рыболовов. В результате уже к 1932 году на учениях в районе Ленинграда Разведупр смог выставить 500 подготовленных диверсантов из трех военных округов. Особый упор делался на глубокую операцию по нарушению коммуникаций противника, дезорганизации управления его войсками и нарушению системы военных сообщений. К 1934 году Украинский и Белорусский военные округа имели по 3 тысячи подготовленных партизан с соответствующим количеством заложенного на хранение вооружения и оснащения, несколько меньшим числом специалистов располагал Ленинградский военный округ. Кроме того, в крупных городах и железнодорожных узлах специально готовились группы диверсантов-подпольщиков, дополнительно обученных также и ведению агентурно-оперативной работы. В январе того же года эта система получила добавочное развитие после выхода директивы начальника генерального штаба РККА о создании и развертывании диверсионных подразделений численностью по 40 бойцов, замаскированных под так называемые саперно-маскировочные взводы при саперных батальонах приграничных стрелковых и кавалерийских дивизий. Взводы подчинялись начальнику разведки дивизии и предназначались для вывода из строя объектов противника, нарушения его тыловых коммуникаций и системы управления войсками, а также организации партизанского движения. Диверсионные подразделения комплектовались проверенными военными служащими с хорошими физическими данными, преимущественно со средним образованием и знанием немецкого языка. Они в течение года проходили специальную подготовку непосредственно во взводах, после чего увольнялись в запас и поселялись вблизи западной границы СССР под видом обычных жителей.

В отличие от предыдущих лет, в 1934 — 1936 годах прошедшие подготовку в саперно-маскировочных взводах бойцы специально готовились для ведения боевых операций на территории противника. Для обеспечения их действий в угрожаемый период и в военное время на сопредельной стороне разведка насаждала опорную агентуру и закладывала базы с вооружением, боеприпасами, средствами взрывания, продовольствием и медикаментами. Слабым местом такой системы являлась связь, в результате чего их разведывательные воз-

возможности были невелики, а оперативное перенацеливание групп на другие объекты после ухода на задание практически отсутствовало. Этот недостаток пытались восполнить с помощью авиации, которая наряду со снабжением диверсантов должна была доставлять им соответствующие приказы, а также связи со стационарной агентурой.

Вся эта не имевшая зарубежных аналогов система рухнула в 1937 году, когда курировавших ее военачальников настигли репрессии. НКВД ликвидировал все заложенные в приграничных районах партизанские базы, а прошедших подготовку бойцов и командиров постарался просто уничтожить как потенциально опасный элемент. В самом деле, тысячи обученных и оснащенных диверсантов действительно имели теоретическую возможность резко изменить баланс сил в государстве, однако в стране отсутствовала политическая сила, способная мобилизовать их на вооруженное сопротивление режиму. Расформирование саперно-маскировочных взводов, закрытие курсов по подготовке командиров для них и ликвидация закордонных баз и тайников имели под собой и другую причину. Советская военная доктрина в рассматриваемый период предусматривала проведение стремительных наступательных операций силами танковых и механизированных соединений, темпы которых не оставляли места и времени для действий пеших диверсантов или партизан. Оба этих фактора привели к развалу системы разведывательно-диверсионных подразделений РККА, крайне негативно сказавшемуся в период войны с Финляндией и в особенности в начальном периоде Великой Отечественной войны.

3. КОНТРРАЗВЕДКА

Ведение контрразведки на территории СССР возлагалось на соответствующие отделы ГУГБ НКВД, а после создания НКГБ — на его 2-е управление. Описывать контрразведывательные операции в стране в 1930-е годы весьма сложно, но не от недостатка материала, а, наоборот, по причине его избытка. Практически не существовало отрасли народного хозяйства или государственного управления, рода войск или региона страны, социальной группы или категории, в которой граждане Советского Союза массово не обвинялись бы в шпионаже в пользу всех мыслимых иностранных государств. Шпионаж стал модным обвинением и вытеснил с верхних строк в статистике политических преступлений лидировавшие ранее вредительство и контрреволюционную деятельность. За работу на иностранные разведки репрессировали наркомов, командующих округами и флотами, директоров заводов, кинорежиссеров, чекистов, партторгов, писателей, председателей колхозов, депутатов всех уровней, трактористов, рыбаков, дипломатов, крестьян, учителей, актеров, инженеров и художников. Если верить материалам сотен судебных процессов, то зарубежные разведывательные службы, как рентгеном, просветили все аспекты жизни в СССР, после чего никаких секретов в стране для них уже не осталось. Большинство этих обвинений были сфальсифицированы, однако это не означает, что Советский Союз оставался вне настоящих операций иностранных разведок. Некоторая часть процессов основывалась на реальных фактах, хотя вычленив их из общей массы дел весьма затруднительно. Ситуация усугубляется еще и тем, что в одном и том же деле порой невозможно провести грань между подлинным фактом шпионажа и приписанными к нему людьми и их действиями. Так обстояло дело, например, с “Польской военной организацией” (ПОВ). Не подлежит сомнению, что она действительно существовала и активно функционировала, агенты ПОВ, бесспорно, действовали в тесном контакте с II отделом генштаба Польши. Однако, как уже указывалось, в Варшаве использование такого иррегулярного формирования секретной службы считалось анахронизмом, и к началу 1919 года организация была распущена. Невзирая на это, обвинения в шпионаже по линии ПОВ предъявили практически всем полякам, занимавшим в СССР ответственные посты: высокопоставленным чекистам (Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Логановский, Баранский), военным разведчикам (Бронковский, Фирин, Иодловский, Узданский), военным руководителям (Уншлихт, Муклевич, Лонгва), дипломатам, государственным чиновникам и хозяйственникам. Сфальсифицированные следственные дела увязали этот вымышленный шпионаж со столь же вымышленной вредительской и диверсионной работой троцкистов и военных, и в результате получилось, что разветвленная и плотная сеть оплела все сферы деятельности государства и общественной жизни. Подписанный Ежовым совершенно секретный циркуляр о деятельности польской разведки в СССР впечатлял даже названиями своих глав: “Под-

готовка антисоветского переворота в первый период революции”, “Пораженческая работа в период советско-польской войны”, “Фашистская националистическая работа среди польского населения СССР”, “Использование польской разведкой троцкистских и иных антисоветских организаций”, “Шпионская работа польской разведки в СССР”, “Вредительская и диверсионная работа польской разведки в народном хозяйстве СССР”, “Террористическая работа польской разведки”, “Вредительство в советской разведывательной и контрразведывательной работе”, “Провокаторская работа польской разведки в компартии Польши”, “Антисоветская работа польской разведки в Белоруссии и других местностях СССР”. В этом документе нарком, в частности, утверждал: “Работа организации (ПОВ — И. А.) в системе ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупре РККА в течение всех лет направлялась, в основном, по следующим линиям:

1. Полная парализация нашей контрразведывательной работы против Польши, обеспечение безнаказанной успешной работы польской разведки в СССР, облегчение проникновения и легализации польской агентуры на территорию СССР и различных участках народно-хозяйственной жизни страны...

2. Захват и парализация всей разведывательной работы НКВД и Разведупра РККА против Польши, широкое и планомерное дезинформирование нас и использование нашего разведывательного аппарата за границей для снабжения польской разведки нужными ей сведениями о других странах и для антисоветских действий на международной арене...

3. Использование положения членов “ПОВ” в ВЧК-ОГПУ-НКВД для глубокой антисоветской работы и вербовки шпионов...”²⁹¹

Если бы хоть один процент из этого соответствовал действительности, то польская разведка на вечные времена должна быть признана самой эффективной секретной службой мира. В общей массе осужденных имелись и подлинные польские шпионы, точно так же, как в других случаях румынские, венгерские, финские, японские и немецкие. Однако подлинная картина состояния работы польской разведки достаточно красноречиво изложена в рапорте начальника ее реферата “Восток” поручика Й. Незбржицкого от 11 марта 1934 года: “На сегодняшний день по вербовочной базе для глубинной разведки создавалась безнадежно тяжелая обстановка. В первую очередь я должен обратить внимание на то, что полная изоляция от советской территории привела к абсолютной невозможности вербовок на советской территории из-за отсутствия там вербовочной базы. Я никогда не предполагал, что исчерпание и изоляция российской эмиграции от советской территории может играть для нас столь значительную роль... Изменилось также и положение с возможностью ведения наблюдения. Все труднее становятся перемещения по территории (паспортизация, привязка населения к местам проживания). Постоянные депортации, колонизация и эмиграция опустошили районы, служившие нам источником информации. Проще говоря, в 1934 году мы пожинаем плоды деятельности целых рядов наших предшественников, работавших в несравнимо более легких условиях и приведших к полному исчерпанию источников вербовки”²⁹².

В предвоенный период Советский Союз был, без сомнения, самой трудной страной для агентурного проникновения. Действия иностранных разведок на его территории затруднялись жестким иммиграционным режимом, тотальной закрытостью общества, отсутствием свободного перемещения по стране, институтом прописки по месту жительства, надзором за контактами иностранцев, огромной армией секретных сотрудников и добровольных помощников госбезопасности, практически неограниченным финансированием спецслужб и массивной, хорошо продуманной пропагандой среди населения. Ввиду того, что в СССР могло официально находиться лишь незначительное число иностранцев, заброска агентуры и ее последующая легализация были возможны, в основном, нелегальным путем через “зеленую” (сухопутную) и морскую границу. В предвоенный период это были, главным образом, агенты германской, польской, японской и в значительно меньшей степени, венгерской и румынской разведывательных служб. Немцы часто использовали для этой цели членов ОУН, и за восемь месяцев 1940 года только пограничные войска УССР ликвидировали 38 ее вооруженных группировок с общим числом участников 486 человек. В основном перебрасываемые через границу агенты проводили разведку приграничных районов, но зафиксированы и более серьезные миссии по внедрению в глубинные области страны или по установлению связи с заброшенными на длительное оседание нелегалами. Ориентировка Третьего управления НКВД от 25 мая 1941 года № 29670 сообщала, что 52,4% арестованных агентов являлись поляками, а около 30% — украинскими националистами.

Если не учитывать явно сфальсифицированные судебные процессы, то следует констатировать, что достоверные рассекреченные материалы по разоблаченным в Советском Союзе иностранным разведчикам высокого уровня отсутствуют. Однако определенную объективную информацию о направленности действий контрразведки и основных кадрах, используемых спецслужбами противника, можно почерпнуть из внутренних документов органов госбезопасности. Поскольку эти материалы составлялись для информирования собственных сотрудников, они были свободны от пропагандистского налета и несли в большей степени объективную информацию, что делает их весьма ценными. Так, ориентировка особого отдела ГУГБ НКВД СССР о мероприятиях по пресечению деятельности германской разведки от 30 ноября 1940 года № 4/66389 гласила, что “основными кадрами немецкой разведки, засылаемыми на территорию СССР, являются:

квалифицированные агенты оуновской разведки (“Организация украинских националистов”), имеющие большой опыт работы против нас, хорошо знающие нашу территорию и располагающие большими связями;

поляки — участники нелегальных националистических формирований в Германии, имеющие связи среди польского контрреволюционного подполья на нашей территории. Зачастую такие лица используются руководителями организаций, состоящими на службе в германской разведке;

военнослужащие бывшей польской армии, возвращающиеся из германского плена, вербовка которых происходит как при освобождении из лагерей, так и в погранполосе;

возвращающиеся из Франции поляки и украинцы, выехавшие туда на заработки до германо-польской войны 1939 г.;

беглецы из западных областей УССР и БССР — участники различных контрреволюционных формирований, уголовно-бандитские элементы, а также лица, бежавшие из СССР с целью уклонения от призыва в Красную Армию;

принудительно работающие поляки и евреи в немецкой погранполосе на строительстве оборонительных сооружений;

дезертиры германской армии, пойманные и завербованные германскими пограничниками разведпунктами (очень редко)”²⁹³.

Документы, подобные цитированному, составляются исключительно на основе обобщенных фактов, установленных в течение определенного периода времени, поэтому указанный список можно считать вполне достоверным.

Для внедрения своей агентуры в Советский Союз абвер использовал и другие каналы. В течение некоторого времени после аншлюса Австрии в 1938 году немцы успешно забрасывали в СССР “австрийцев”, якобы бежавших от призыва в вермахт. Однако после разоблачения и ареста Иоганна Вечтнера и Франца Шварцеля эта категория иммигрантов была взята под особый контроль, что совершенно лишило остальных внедренных под аналогичным прикрытием агентов всяких разведывательных возможностей.

Характерен и другой документ, конкретизировавший направления разведывательных устремлений германской агентуры. В упоминавшейся ориентировке Третьего управления НКВД от 25 мая 1941 года № 29670 сообщалось, что немцы более всего интересуются дислокацией советских моторизованных и бронетанковых частей, аэродромов, артиллерийских частей, образцами применяемых горюче-смазочных материалов; местами расположения военных складов, заводов и прочих подобных объектов, причем обязательно с привязкой их к видимым с воздуха ориентирам и непременно указанием цвета крыши; перемещением войск в погранполосе; численностью установленных частей; документами военного значения и установлением офицеров РККА — бывших офицеров царской армии. Такие устремления германской разведки являлись весьма надежным признаком начавшейся непосредственной подготовки к нападению на СССР. Однако это важнейшее обстоятельство не было принято во внимание. Руководство НКВД/НКГБ полагало, что другие направления интересуют противника не меньше чисто военных вопросов, но работающие по ним агенты просто пока не выявлены. Такая пагубная заикленность привела к игнорированию важнейшего элемента обстановки, тогда как при ином подходе должна была способствовать вскрытию непосредственных приготовлений Третьего рейха к агрессии против СССР.

Польская разведка обладала на советской территории несколькими большими возможностями, благодаря опоре на многочисленных советских граждан польского происхождения. И хотя случаи их участия в агентурных сетях разведорганов II отдела были скорее

исключением, чем правилом, все же в период с 1927 по 1939 годы в СССР в разное время действовали 46 плязувок (резидентур), из которых 14 находились в Москве, 12 — в Киеве, 8 — в Харькове, 4 — в Минске, 4 — в Ленинграде, 3 — в Тбилиси и 1 (“Гетман”) — в неустановленном городе Украины²⁹⁴. Средняя продолжительность их “жизни” составляла 1, 5 — 2 года, после чего либо точку раскрывало ОГПУ/НКВД, либо агенты отзывались ввиду опасности или исчерпания разведывательных возможностей.

Следует обратить внимание на один из каналов проникновения на территорию СССР иностранных агентов — советские переправочные пункты на границе. До 1936 года они организовывались органами госбезопасности, военной разведкой, оперативными органами погранвойск, Коминтерном, Профинтерном, партийными органами и некоторыми другими институтами. В различных ведомствах эти “окна” именовались по-разному: пунктами разведывательных переправ, особыми переправами, партийными дорогами и переправочными пунктами, однако суть их была одна. Через них уходили за кордон агенты, связники и курьеры, через них же они и возвращались. В обратном направлении в СССР в значительном количестве попадали и скрывавшиеся от преследования в своих государствах члены местных коммунистических и рабочих партий, что, собственно, и составляло основную проблему. По причине высокой степени засоренности их аппаратов агентурой полиции и контрразведки переправочные пункты зачастую становились удобным каналом для внедрения иностранных разведок в Советский Союз. Особенно это было характерно для компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, что и вызвало в декабре 1935 года решение о полном закрытии “окон” для их членов. Безусловно, такая мера являлась излишне крутой, однако в значительной степени оправдывалась действительно неблагоприятной оперативной обстановкой на границе с Польшей. Позднее ситуация с политэмигрантами еще более обострилась, в первую очередь по причине неразумных действий Международной организации помощи борцам революции (МОПР), которая явочным порядком присвоила себе право решать, кто именно из преследуемых за рубежом членов коммунистических и рабочих партий может быть нелегально переправлен в СССР. Легитимационная комиссия МОПР фактически подменила собой иммиграционную службу и в течение некоторого периода незаконно предоставляла эмигрантам разрешения на въезд и право на жительство в Советском Союзе. Помимо общего нелегитимного характера, такие действия предпринимались без надлежащей контрразведывательной проверки кандидатов и создавали угрозу для безопасности государства. В результате 28 февраля 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в соответствии с которым все особые переправы на западных и ближневосточных границах СССР по линиям коммунистических партий, ИККИ и МОПР закрывались. Все переброски агентов за кордон и возвращения оттуда аккумулировались исключительно в Пунктах разведывательных переправ (ПРП)²⁹⁵ разведотделов военных округов, через которые отныне проводились все свои внешние операции оперативные органы погранвойск и НКВД. В целях повышения уровня конспирации каждый ПРП обслуживался не более, чем двумя людьми, которых подбирали лично начальник разведки РККА. Дислокация этих пунктов регулярно изменялась. Все перечисленные меры позволили существенно снизить опасность инфильтрации иностранной агентуры в Советский Союз по этому каналу.

Контрразведка проводила активную работу по агентурному проникновению в действовавшие на территории СССР иностранные посольства и миссии, консульства и представительства зарубежных фирм. Кроме того, очень популярными стали операции по тайному физическому проникновению в их сейфы и вализы с дипломатической почтой, доведенные до весьма высокой степени совершенства. Подобные акции стали излюбленным методом деятельности советской контрразведки на целые десятилетия. Одной из наиболее эффективных операций подобного рода явился перехват документов МИД Японии, доставлявшихся в японское посольство в почтовом вагоне экспресса Владивосток — Москва. В описываемый период такая перевозка длилась от 6 до 8 суток, в течение которых предстояло вскрыть вализы, извлечь из них диппочту, перефотографировать ее и вновь водворить на место, исключив любые следы вскрытия. Последнее требование было совершенно непреложным, поскольку обнаружение проникновения было чревато не только неизбежным и вполне обоснованным дипломатическим скандалом, но и компрометацией всех ранее удавшихся перехватов. Для решения столь непростой задачи НКВД оборудовал мини-лабораторию непосредственно в почтовом вагоне, которую требовалось обеспечить расходными материалами:

пакетами, сургучом, клеем, изготавливавшимися в Японии по особым рецептам специально для подобных целей и легко идентифицировавшимися. Оперативным путем была добыта использованная упаковка, при исследовании которой обнаружилось, что японские конверты для диппочты имеют особую подкладку из легко разрушающейся и абсолютно не подлежащей восстановлению рисовой бумаги. Токийская “легальная” резидентура сумела установить производителей всех перечисленных материалов и через подставные фирмы закупить вполне достаточный их запас, после чего изготовить точные печати и изучить рисунок специального плетения узла на шнуре обвязки вализ было уже значительно проще. Процедура вскрытия происходила в пути, а особо ответственные этапы — на 8 — 10 остановках. Для обнаружения контрольных отметок все упаковки до вскрытия исследовались с помощью лупы, а иногда и под микроскопом. Для экономии драгоценного времени в пути, счет которому шел буквально на минуты, новые пакеты готовились заранее. Чтобы уложиться в железнодорожное расписание и не насторожить японцев непредвиденной задержкой поезда, бригада по вскрытию диппочты постоянно работала в экстремальном режиме. За все годы проведения операции лишь однажды состав был остановлен недалеко от Москвы, во всех же остальных случаях ценой нечеловеческого напряжения сотрудники укладывались вовремя.

Не оставались без внимания и сейфы посольств, чему особенно помогал обслуживающий персонал из советских граждан. Начинаясь эта работа еще в 1920-е годы, когда бывший моряк-дальневосточник П. А. Попов подружился с послом Китая Ли Тяньяо. Дипломат привлекал его для выполнения многих вспомогательных работ по техническому обслуживанию здания, что оказалось для ОГПУ весьма кстати. Пользуясь ситуацией, Попов однажды незаметно испортил отопительную систему и по просьбе коменданта посольства произвел ее ревизию, в ходе которой сумел снять слепки с ключей от шифровальной комнаты. Дальнейшую работу выполняла уже специализированная бригада ОГПУ. Накопленный опыт позволил провести ряд акций подобного рода, из которых до сих пор рассекречены единицы. Известна, например, масштабная операция по проникновению в квартиру военного атташе германского посольства Эриха Кестринга в апреле 1941 года через специально выкопанный и замаскированный туннель. Контрразведчики вскрыли его сейф, перехватили значительную часть переписки и установили в помещениях подслушивающую аппаратуру.

Но еще большие масштабы приобрело не физическое, а агентурное проникновение в иностранные посольства. При этом, казалось бы, серьезные и информированные о методах деятельности спецслужб люди часто попадали в тривиальные до примитивности ловушки. Особенно преуспел НКВД в использовании балерин Большого театра для обольщения иностранных дипломатов, хотя в числе объектов подобных агентурных разработок были и установленные разведчики. Им почему-то и в голову не приходило сопоставить жесткий полицейский режим в СССР и тотальную слежку за иностранцами с поведением своих открыто и без опасений общавшихся с ними подруг. Самое интересное, что для иностранцев отнюдь не являлось секретом, что советские люди отправляются отбывать срок в лагерях за куда менее серьезные преступления. “Близорукость” сотрудников иностранных миссий выглядит особенно странно после событий конца 1937 года, когда по согласованию с Политбюро ЦК ВКП(б) 10 октября появился совершенно секретный приказ НКВД о немедленном аресте всех советских граждан, связанных с личным составом дипломатических представительств, и лиц, посещающих их служебные помещения и квартиры. После некоторой либерализации пункт 12 приказа НКВД СССР от 26 ноября 1938 года № 00762 частично изменил подход к этому вопросу: “В отношении советских граждан, посещающих иностранные посольства и консульства, практиковать задержание и выяснение личности задержанных. Задержание не должно длиться больше 48 часов, в течение которых при наличии компрометирующих материалов необходимо оформлять арест задержанных с точным соблюдением соответствующих статей УПК или освобождать их, если нет необходимых оснований для ареста”²⁹⁶. Естественно, иностранцы не знали о существовании этих документов, однако массовые исчезновения знакомых советских людей не могли пройти для них незамеченными. Как и планировала контрразведка, дипломатические представительства оказались в фактической изоляции, в результате которой министерства иностранных дел Германии, Италии, Японии и Польши вынуждены были закрыть ряд своих консульств в СССР. Но даже столь явные меры контроля и репрессий не мешали некоторым советским гражданам как ни в чем ни бывало продолжать общение с иностранцами. Вероятно, трудно было найти более явные

демаскирующие признаки агентуры госбезопасности, однако ее расшифровки не произошло. Судя по всему, дипломатам просто не хотелось терять отношения с привлекательными “ласточками НКВД”, а справиться с возможными проблемами они планировали сами и без труда. Но любому человеку, да еще в чужой и зачастую непонятной стране, всегда очень трудно противостоять систематической разработке спецслужбой и тщательно спланированным подталкиванием к вербовке. Многие операции контрразведки увенчались успехами, большинство из которых не рассекречено и по настоящее время.

Кроме завербованных на компромате и используемых “втемную” источников (военно-морской атташе германского посольства фон Баумбах и другие), советская разведка располагала в Москве и агентурой иного рода. Эти люди были завербованы на идейно-политической основе и видели свою жизненную задачу в социалистической или антифашистской борьбе. Одним из таких источников РУ РККА являлся работавший с осени 1939 года в составе торговой делегации Германии в СССР, а затем в ее посольстве Герхард Кегель (“ХВЦ”, “Курт”). Именно он в начале 1941 года сообщил о приезде в Москву под видом инженера-химика высокопоставленного сотрудника РСХА Вальтера Шелленберга, вскоре назначенного руководителем внешнеполитической разведки Третьего рейха. После начала советско-германской войны сотрудники посольства эвакуировались из Москвы, и в вагоне поезда руководитель Кегеля сумел передать ему записку с инструкциями по связи для ведущего агента советской военной разведки в Берлине Ильзе Штебе (“Альта”). Это позволило “Курту” продолжить работу на РУ в рейхе.

Серьезные изменения оперативной обстановки произошли в стране в 1939 и 1940 годах, после присоединения к Советскому Союзу обширных западных территорий с населением свыше 23 миллионов человек. В первую очередь это выводило границу в непосредственное соприкосновение с Германией и создавало новые возможности для организации разведывательной работы против нее. В 1940 году на бывших польских землях были развернуты в общей сложности 6 радиоцентров разведки и 82 разведывательных органа различного уровня, работавших на глубину 100 – 150 километров. Только в 1940 году германская контрразведка арестовала за шпионаж в пользу СССР 366 своих граждан, в том числе 268 немцев²⁹⁷.

Однако значительно более острыми оказались проблемы внутренней безопасности Советского Союза. Далекое не все жители присоединенных стран и районов желали войти в число его граждан, что предопределило возникновение в их среде обширной вербовочной базы для иностранных разведывательных служб. Это явлением было особенно характерно для Эстонии, Латвии, Литвы, Карелии и в несколько меньшей степени — для западных районов Белоруссии, Украины и Молдавии. Прибалтийцы потеряли независимость своих государств и при этом отнюдь не питали иллюзий по поводу будущего счастливого существования в составе семьи советских народов. Их мнение укреплялось квалифицированной пропагандой и традиционно прозападной ориентацией всего образа жизни и политики. Вследствие воздействия этих факторов вместе с подавляющим большинством нейтрального или пассивно недовольного населения в новых республиках оказалось немало активных борцов с советской властью, либо входивших в состав подпольных националистических группировок, либо пополнивших собой вербовочный контингент германской разведки. Кроме того, проведенная на присоединенных территориях чистка антисоветских элементов, которой подверглись государственные служащие, предприниматели, землевладельцы, священники, офицеры, полицейские и интеллигенция, не могла не усугубить недовольство новым режимом. Это скажется немного позднее, после вступления СССР во Вторую мировую войну, которую ожидали по обе стороны границы. Перечисленные категории людей возлагали особые надежды на скорое начало советско-германской войны и первоначально активных действий не разворачивали. Поэтому до июня 1941 года НКВД редко сталкивался с диверсионно-террористическими действиями националистического подполья, а чаще занимался ликвидацией действовавших там иностранных агентурных сетей. Список разгромленных нелегальных организаций все же достаточно обширен, хотя в настоящее время, вероятно, уже невозможно выяснить, какие из них действительно существовали, а какие были созданы фантазией и служебным рвением следователей. Официальная история утверждает, что ликвидации подверглись “Шауляйский батальон смерти”, “Комитет свободной Литвы”, “Фронт литовских активистов”, “Гвардия обороны Литвы”, “Комитет спасения Литвы”, “Стражи отечества”, “Военная организация освобождения Латвии”, “Латышский национальный ле-

гион”, “Латвийское народное объединение”, “Легионерское движение Востока”, “Комитет спасения” и другие.

Особую категорию противников режима на вошедших в состав СССР бывших польских территориях, ставших теперь составными частями БССР, УССР и ЛитССР, составляли участники польского Союза вооруженной борьбы (ЗВЗ) и некоторых других подпольных организаций. Этим лишившимся родины людям было абсолютно нечего терять, а зачастую и нечем больше заняться, и они представляли немалую опасность ввиду своей сплоченности, дисциплинированности, решительности и высокого боевого духа. НКГБ СССР успешно использовал против ЗВЗ внедренных агентов, число которых достигало 22 человек, что с сентября 1939 по июнь 1941 года позволило арестовать не менее 5,5 тысяч поляков, значительная часть которых, судя даже по польским источникам, действительно входила в подпольные группы. Обстоятельства, приведшие к вводу войск на бывшие польские территории, оказались для советского руководства несколько неожиданными, и приготовления к нему проходили в большой спешке. 8 сентября 1939 года появился приказ наркома внутренних дел СССР № 001064 о введении дополнительных штатов оперативных работников на западной границе. В соответствии с этим из белорусских, украинских, московских, ленинградских чекистов и пограничников были спешно сформированы 10 оперативно-чекистских групп, 4 из которых находились в подчинении Западного особого военного округа, 5 — Киевского особого военного округа (фронта), а одна сохранила центральное подчинение. Численность групп колебалась от 40 — 55 человек в ЗВО до 50 — 70 в КВО, им придавались армейские батальоны численностью по 300 человек. Группы делились на подгруппы по 7 — 12 человек, каждой из которых ставилась самостоятельная задача, главным образом захват архивов государственных, полицейских и разведывательных структур. Еще 15 сентября предназначенные для ввода в Польшу оперативно-чекистские группы получили указание о производстве арестов ряда категорий местного населения и организации сетей агентов и информаторов для наблюдения за подучетным контингентом, выявления подпольных антисоветских и контрреволюционных организаций, планирующих использование террора, диверсий и саботажа, а также помощи в налаживании политической жизни на новых территориях. Однако самый первый удар был нанесен ими по точкам КОП, заблаговременно выявленным пограничной разведкой. Объем работы в присоединяемых областях оказался крайне велик, поэтому уже 21 сентября в ответ на запросы Меркулова и Серова в них были введены дополнительно сформированные опергруппы общей численностью 700 человек. Все это позволило начать “чистку” антисоветских элементов, к которым были отнесены:

- руководство Лагерь народного объединения (ОЗН);
- руководство Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББВР);
- руководство Польской социалистической партии (ППС);
- руководство и актив Народной демократии (СН);
- руководство Союза легионеров;
- руководство Стрелков;
- руководство Союза польских харцеров;
- весь личный состав Польской военной организации (ПОВ);
- актив молодежных фашистских и буржуазно-националистических организаций;
- бывшие служащие государственного аппарата;
- полицейские;
- офицеры разведки и контрразведки;
- сотрудники тюремного ведомства;
- прокуроры и следователи по политическим делам;
- кадровые офицеры действительной службы и некоторые унтер-офицеры;
- офицеры и унтер-офицеры КОП;
- ближайшие родственники бежавших за границу или пытавшихся бежать под предлогом репатриации;
- репатрианты из Германии и/или через Германию, в отношении которых имелись достаточные основания для подозрений в сотрудничестве с немецкой или иными иностранными разведками;
- сотрудники Красного Креста;
- члены религиозных и духовных организаций, активисты религиозных организаций;
- дворяне, помещики, купцы, банкиры, промышленники, владельцы предприятий, гостиниц и ресторанов.

Выявление ряда перечисленных категорий представляло достаточно сложную задачу, поэтому уже с начала 1940 года в новых западных областях СССР началось массовое насаждение агентуры органов государственной безопасности, преимущественно в среде интеллигенции. Часть агентов использовалась в интересах внешней разведки на немецком, позднее венгерском и румынском направлениях, а также по линии контрразведки на советской территории. Некоторых пытались внедрить в польские эмигрантские и армейские структуры во Франции, однако безуспешно.

Принято считать, что в Бессарабии и западных областях Белоруссии и Украины смена гражданства прошла значительно спокойнее, чем в Прибалтике. Отчасти это было действительно так. Прежде всего, эти территории не составляли ранее отдельных государств, и поэтому национальное самолюбие их жителей не было ущемлено утратой суверенитета. Более того, украинское, белорусское и молдавское национальные меньшинства откровенно притеснялись в Польше, Венгрии и Румынии, поэтому большинство новых граждан СССР ожидало значительного улучшения своей жизни. Красную Армию встречали на Западной Украине цветами, но национальная политика Советского Союза оказалась такова, что в 1941 году население нередко приветствовало цветами вермахт.

Это не относилось к оставшимся на советских территориях полякам. Они внезапно для себя оказались лишенными собственного государства, в котором ранее занимали доминирующее положение, и вновь ощутили себя в знакомом плену у России. Поэтому сразу же после растерянности первых недель после сентябрьских событий Союз вооруженной борьбы приступил к планированию восстания с целью освобождения своих земель от оккупантов. Его начало намечалось на 15 марта 1940 года. Органы НКВД имели в среде поляков немало агентуры и довольно быстро вскрыли намерения руководства ЗВЗ, после чего в январе 1940 года произвели первые аресты сотен его активистов. Сильнейший удар был нанесен по округу ЗВЗ “Львов — Запад”, комендант которого Эмиль Мацелинский (“Корнел”) был перевербован и выпущен на свободу для дальнейшей деятельности в роли двойника. Весной органы госбезопасности УССР продолжили углубленную разработку польского подполья и в марте — апреле произвели новые массовые аресты его участников. Среди разгромленных организаций выделялись группа ЗВЗ на железнодорожном транспорте, саботировавшая перевозки в Германию советской нефти и железной руды, и молодежная организация союза. В это же время были арестованы и вскоре расстреляны руководитель комендатуры № 3 ЗВЗ подполковник Карол Дзекановский (“Карол”), его начальник штаба майор Антонин Левицкий (“Рог”), комендант провинции майор Петр Марциняк (“Эмиль”), заместитель коменданта и казначей I округа “Львов — Запад”²⁹⁸ Зигмунт Хржастовский (“Пломенчук”), комендант III округа капитан Антонин Беровский (“Берек”), начальник отдела пропаганды и печати ротмистр Миколай Миронович. Комендант III округа “Жук” намеревался бежать через Бухарест в Париж, но 24 апреля был застрелен пограничниками при попытке нелегального перехода границы. 20 апреля ЗВЗ получил очередной ощутимый удар. Арестованный во Львове комендант I округа Владислав Котарский (“Друм”) раскрыл в ходе допросов все львовское подполье, в результате чего 13 человек из состава его руководства были приговорены к смертной казни и расстреляны 24 февраля 1941 года. Всего до 18 апреля 1940 года на Западной Украине подверглись арестам или были расстреляны около 900 членов Союза вооруженной борьбы²⁹⁹. Для организации восполнения потерь находившееся во Франции главное командование ЗВЗ направило на бывшие польские земли эмиссара подполковника Пстроконьского, которого благодаря полученной от завербованного НКВД “Корнела” информации арестовали 20 июня 1940 года. На допросе заместитель начальника контрразведки Л. Ф. Райхман назвал потрясенному подполковнику его настоящую фамилию, цель миссии и перечислил все контакты, которые тот успел установить на территории СССР, добавив при этом, что аналогичной информацией НКВД располагает в отношении всех польских подпольщиков. Затем он предложил Пстроконьскому свободу в обмен на сотрудничество, но поляк отклонил эту сделку. Затем эмиссара перевезли в Москву, где с ним в течение двух часов беседовал Берия. Нарком убедил его помогать советским органам безопасности, однако лишь против немцев. Но операция потерпела неудачу, поскольку Пстроконьский не смог руководить деятельностью местных организаций ЗВЗ из львовской тюрьмы.

Провал попытки использовать парижского эмиссара не слишком огорчил НКВД, поскольку у него имелось более чем достаточно и других агентов внутри ЗВЗ. Наряду с Мацелинским, одним из наиболее важных двойников являлся начальник разведки союза

во Львове поручик Эдуард Гола (“Андрей Азуревич”, “Антоний Рудый”). Благодаря ему контрразведчики получили возможность перехватить каналы связи организаций и групп ЗВЗ внутри страны с его заграничными базами “Бей” в Стамбуле, “Болек” в Бухаресте и “Р” (“Ромек”) в Будапеште. Контрразведка вскрыла также усилия Союза вооруженной борьбы по установлению контактов с дипломатическими учреждениями Великобритании в СССР. Были своевременно пресечены попытки организовать точки ЗВЗ в Москве, Киеве и Одессе. Не в последнюю очередь это произошло благодаря вскрытию радиоконтрразведкой шифра союза, использовавшегося в радиообмене с упомянутыми базами. Выяснилось, что ключом к нему служит поэма Адама Мицкевича “Дзяды”, изданная в 1925 году варшавским издательством “Польская библиотека”.

Заслуживает упоминания то обстоятельство, что, невзирая на попытки осуществить агентурное проникновение в германский рейх с помощью переведенных членов польских подпольных организаций, в первую очередь ЗВЗ, НКВД установил взаимодействие с немецкими коллегами в вопросе их подавления. В июне 1940 года советские и германские пограничники расчистили общую границу на глубину 800 метров в каждую сторону, разобрали находившиеся в этих зонах дома и иные постройки и крайне затруднили действия закордонных курьеров. Тогда ЗВЗ начал направлять их через румынскую границу, но и там связников перехватывали достаточно регулярно. В течение 1940 года на маршрутах Варшава — Бухарест и Варшава — Будапешт было задержано около 30 курьеров, что повлекло разгром сети союза в Буковине и прервано сообщение с базами в Турции, Венгрии и Румынии.

Осенью 1940 года польское подполье вновь попыталось активизировать свою деятельность. В октябре из Варшавы во Львов прибыл полковник Леопольд Окулицкий (“Ян Мровка”) с задачей восстановления парализованной советской контрразведкой организации. Вплоть до января следующего года он создал новую территориальную комендатуру № 3, лично возглавил ее и навел относительный порядок в контрразведывательных вопросах. 15 января Окулицкий сообщил в Варшаву, что, по его мнению, “Корел” является предателем, но ответ получить не успел. В ночь с 21 на 22 января полковника арестовали и доставили к наркому НКВД УССР Серову, который предложил ему работать и далее, но под контролем органов госбезопасности. Этот факт в очередной раз свидетельствует, что у контрразведчиков не было намерения ликвидировать сети ЗВЗ, что можно было осуществить практически в любой момент. Они старались сохранять контроль над польским подпольем во избежание появления новых, глубоко законспирированных организаций и негласно направлять его деятельность в относительно безопасное русло. Отказ Окулицкого от сотрудничества не изменил в общей обстановке ничего, НКВД отслеживало перемещения и контакты и его преемников — подполковника Яна Соколовского и майора Александра Клотца.

Активная разработка, взятие под контроль и окончательная ликвидация структур ЗВЗ происходили и на территории Литовской ССР. С 8 по 13 апреля 1941 года были арестованы 272 человека из состава окружной и Вильнюсской комендатур союза, в их числе комендант майор Зигмунт Цетнеровский, его заместитель майор В. Каминский и комендант в Вильнюсе капитан Л. Рыбник³⁰⁰. НКГБ ЛитССР до 1 мая фактически закончил разгром организаций Союза вооруженной борьбы на подведомственной территории.

Практически тогда же, к 21 апреля 1941 года аналогичную задачу решил и НКГБ БССР. В Гродно были арестованы 234 члена ЗВЗ, захвачен радиопередатчик и подпольная типография³⁰¹. Союз попытался восстановить организацию в Бресте, но ее во главе с руководителями майором Александром Хабиняком (“Кузьма”) и поручиком Ксаверием Сосновским (“Рыбак”) постигла та же участь.

ЗВЗ являлся не единственной польской подпольной организацией, планировавшей действия против советского режима на бывших территориях Польши, однако остальные структуры были значительно слабее и тем более не выстояли в борьбе с органами госбезопасности. Весной 1940 года произошла ликвидация Польской освободительной армии (ПАВ), Диверсионной военной организации (ДОВ), Союза свободной Польши, группы Антония Карпа и новой Польской военной организации (ПОВ). Последняя не имела ничего общего со своей предшественницей и состояла из гимназистов, студентов и молодых офицеров во главе с 19-летней Тamarой Подлях. К ноябрю 1940 года на Полесье арестом 60 человек завершился разгром Батальонов смерти пограничных стрелков (БССК), ставивших своей задачей террор против офицеров НКВД, их агентов и милиции. Эта организация планировала совершить покушение на Молотова во время прохождения его поезда по территории По-

лесья, но сделать в этом направлении практически ничего не успела. Общее число ликвидированных органами госбезопасности польских подпольных структур исчислялось десятками. Только по 27 июля 1940 года и только в Западной Белоруссии НКГБ БССР разгромил 109 организаций и групп общей численностью 3231 человек, хотя не все из них вели практическую боевую и диверсионную работу. В лесах, преимущественно в Августовском лесном массиве, скрывались партизанские группы и отряды ЗВЗ и ПАВ. С 28 декабря 1940 по 22 июня 1941 года там были уничтожены 28 вооруженных групп общей численностью 415 человек и арестованы 230 их пособников. В ходе этого были убиты 42 участника этих групп, ранены 30, погибли также 4 сотрудника НКВД и милиции, а 7 были ранены³⁰². Естественно, описанные процессы сопровождались также репрессиями в отношении непричастных к подпольной деятельности бывших офицеров Войска польского и гражданских лиц. Основным мотивом для этого являлись действительные нарушения, прежде всего уклонение от сдачи оружия, в основном охотничьего, и радиоприемников, неподчинение властям и политическая активность. Польские исследователи исчисляют суммарные потери польского населения с сентября 1939 по май 1941 года на отошедших к СССР территориях в 107140 человек, в том числе 42662 — в Западной Белоруссии и 64478 — в Западной Украине³⁰³.

Значительно меньшими оказались потери Организации украинских националистов (ОУН), но это объясняется вовсе не лояльностью ее членов и руководства к Советскому Союзу. Все они являлись сторонниками создания своего независимого государства, ориентировались исключительно на независимость и в равной степени отрицательно относились к любой не украинской власти, будь то польская, венгерская, советская или германская. Хотя ОУН сильно тревожила органы госбезопасности своей сильной организацией, решимостью, квалифицированной работой Службы безопасности (СБ) и симпатиями значительной, а кое-где и подавляющей части населения, она превосходила поляков в конспирации и на фоне борьбы с ЗВЗ сумела не стать главным объектом НКВД/НКГБ на новых территориях. Несмотря на это, украинскими националистами занимались вполне серьезно, и к лету 1941 года лишь в западных областях УССР контрразведка учитывала около тысячи их нелегалов. Наряду с троцкизмом, это направление считалось одним из наиболее угрожающих, поэтому и до присоединения западных районов Украины советская разведка уделяла серьезное внимание осевшим в Европе украинским националистам. После того, как в 1929 году полковник Коновалец возглавил созданную на съезде в Вене Организацию украинских националистов, НКВД определил ее значительную потенциальную опасность. Помимо общей политической угрозы для государства, исходящей от любого сепаратистского движения, ОУН обладала также определенным разведывательным потенциалом, перехваченным от УВО, однако к середине 1930-х годов пришедшим в некоторый упадок. Один из идеологов организации Лев Ребет, 12 октября 1957 года ликвидированный в Мюнхене агентом 13-го отдела ПГУ Б. Н. Сташинским, оценивал ситуацию в этой области следующим образом: «Военная и разведывательная референтуры до начала войны как следует не развились. Первая находилась в стадии планирования вплоть до разгрома ОУН польской полицией в 1934 г. Она развернула свою деятельность только во время войны, вначале в эмиграции в Кракове, позднее во время немецкой оккупации родины. В 1934 г. перестала также действовать разведывательная референтура, которая вначале широко развернула свою работу, организовав отдельную сеть («сетку»), то есть свои ячейки, на всех организационных ступенях и поддерживая с ними свою связь, отдельную от общей организационной. Эта разведывательная сеть являлась общим источником информации и должна была, между прочим, служить инструментом внутреннего организационного контроля, что таило в себе определенную опасность. Информация этой разведывательной сети проходила не нормальным, то есть организационным путем, а по отдельным связям разведки и, что важнее всего, носила «доверительный», то есть анонимный и тем самым бесконтрольный характер. В случае неадекватной постановки дела этот разведывательный аппарат мог приобрести форму «аппарата в аппарате», то есть роль центрального стержня организации, который, не выполняя политической работы и не отвечая за нее, контролировал бы ее. В период войны, начиная с эмигрантского периода в генерал-губернаторстве, функцию внутреннего контроля перехватила «Служба безопасности», открыв новое звено работы и метод деятельности организации»³⁰⁴.

Не имевший прямого отношения к работе СБ ОУН Ребет описал ситуацию несколько скомканно. Следует подчеркнуть, что референтура разведки УВО/ОУН, которую после гибели Ю. Головинского в 1930 году возглавил известный Рико Ярый (Рихард Франц Мариан

Яри), продолжала работать и после разгрома организации польскими силами безопасности в середине 1930-х годов. В 1932 году на Пражской конференции ОУН это подразделение было реорганизовано в Контрольно-разведывательную референтуру, руководство которой было поручено студенту-медику Я. Макарушке. Новый разведорган, как и его предшественник, отвечал за постановку и ведение разведывательной и контрразведывательной работы, однако отныне на него возлагались и задачи по надзору за членами ОУН с целью контроля их лояльности. Помимо того, все еще продолжавшая существовать в рамках ОУН УВО получила право в случае необходимости формировать собственную разведывательную службу, однако пока этим разрешением не воспользовалась. Все перечисленные оперативные структуры УВО и ОУН не могли обеспечить должный уровень работы, но в течение достаточно длительного времени все их реорганизации были половинчатыми. Принципиально новое решение было принято в феврале 1939 года, когда возглавивший сеть ОУН на Западно-украинских землях М. Тураш (Грабовский) распорядился организовать референтуру Службы безопасности (СБ) Краевой экзекутивы ОУН в статусе отдельного подразделения.

Вообще же вся работа ОУН строилась на основе подчиненного проводу ОУН периферийного аппарата, представленного краевой, окружными и местными экзекутивами. Аппарат окружных экзекутив составляли референтуры:

- организационная;
- идеологическо-политическая;
- общественной работы;
- пропагандистская;
- военная;
- молодежная;
- разведывательная.

В ОУН существовали два крыла (хотя некоторые, в том числе Ребет, насчитывают три). Умеренных возглавлял инженер Андрей Мельник, Евгений Коновалец же придерживался жесткой линии. В Москве было принято решение расколоть организацию, для чего ее прежде всего требовалось обезглавить. Особенно усилилось стремление устранить Коновальца после того, как было установлено, что его финансируют немцы, и он дважды встречался с Гитлером. Для проведения операции НКВД использовал крупнейшего агента, завербованного в свое время ГПУ Украины, главного представителя ОУН “на землях” (то есть в СССР) Лебеда³⁰⁵. Он являлся опорой и правой рукой Коновальца на родине, и все исходившее от него, безоговорочно принималось главой ОУН на веру. Под видом племянника Лебеда в Европу прибыл П. А. Судоплатов, первоначально появившийся в Финляндии, где главный представитель ОУН Полуведько также работал на НКВД. Центр не раскрыл тому действительное лицо посланника, и обеспокоенный агент даже запросил разрешения на ликвидацию излишне, по его мнению, активного “племянника”. Естественно, Центр не санкционировал эту акцию, и Судоплатов беспрепятственно выехал в Стокгольм. Там он сумел войти в доверие к Коновальцу, предложившему сопровождать его в инспекционной поездке в Париж и Вену. Доверие еще более укрепилось, когда на обратном пути финские пограничники задержали Судоплатова и месяц продержали в тюрьме. Разведчик все же сумел вернуться в СССР и в ноябре 1937 года получил лично от Сталина задание устранить главу ОУН. Изготовлением взрывного устройства занялся отдел оперативной техники НКВД. Его будущий начальник А. Э. Тимашков, под руководством которого в дальнейшем была разработана уничтожившая нацистского гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе диверсионная магнитная мина, поместил заряд в коробку с любимыми Коновальцем шоколадными конфетами. Взрывной механизм замедленного действия запускался после того, как коробку клали плашмя, поэтому обращаться с ней следовало крайне осторожно.

Террористический акт произошел 23 мая 1938 года в Роттердаме. Судоплатов справился с задачей и успел уйти до срабатывания заряда. Он ожидал взрыва неподалеку и уже решил, что техника подвела и не сработала, но тут послышался негромкий хлопок. В вечерних новостях сообщили о загадочной гибели полковника Коновальца, приписав ее сведению счетов между различными группировками националистов. Литерное дело “Ставка” по устранению опаснейшего политического противника было успешно закончено.

После гибели Коновальца ОУН возглавлял временный триумvirат, а 28 августа 1939 года на II съезде в Италии после долгих споров и дискуссий в качестве преемника убитого и председателя Провода украинских националистов (ПУН) был избран полковник Андрей

Мельник. Один из реальных кандидатов на роль руководителя организации Степан Бандера отсутствовал, поскольку в это время находился в польской тюрьме за соучастие в убийстве министра иностранных дел Бронислава Перацкого и вышел оттуда лишь в сентябре 1939 года. Его освободили немецкие войска, после чего он смог включиться в активную политическую борьбу, которую повел в первую очередь с членами своей же организации. В литературе обычно сообщается, что 10 — 11 февраля 1940 года на конференции в Кракове сторонники Бандеры раскололи Организацию украинских националистов на две фракции, по именам своих руководителей именовавшиеся ОУН-М и ОУН-Б. Фактически же не только члены обеих организаций никогда не использовали эти термины, но и сами события развивались несколько иначе. Бандера совершенно не собирался устраивать раскол, а претендовал на захват власти над всей ОУН целиком, без изъятий. Он и его сторонники просто решили создать новое, альтернативное существовавшему, руководство организации, о чем недвусмысленно заявили в “Акте от 10 февраля 1940 года”:

“6. Сознывая свою обязанность и историческую ответственность за чистоту Националистической идеи, мы — Проводники и Члены Краевых Экзекутив Организации Украинских Националистов на Западных землях Украины и Украинских землях под властью Германии и ведущий актив ОУН — в соответствии с волей руководимых нами националистических кадров отдаем руль Организации Украинских Националистов в руки Степана Бандеры и тех, кого он призовет.

7. Этот выдвинутый нами Революционный Провод Организации Украинских Националистов мы наделяем правом и налагаем на него обязанность руководить Украинской Национальной Революцией”³⁰⁶.

Степан Бандера

Следует отметить, что все одиннадцать подписавших этот акт являлись галичанами, то есть представляли собой вполне конкретную, географически очерченную группировку и далеко не сразу получили признание у членов ОУН на расположенных к югу и востоку территориях. Зато в Галиции и иных населенных украинцами западных областях Бандера пользовался почти безоговорочной поддержкой. Следует отметить, что в этом имелся некий психологический феномен, поскольку его роль в организации нельзя было назвать особенно положительной. По сути именно действия Бандеры в 1934 году стали причиной грандиозного провала и разгрома ОУН

Андрій Мельник

польской полицией, от которого она так до конца никогда и не оправилась, и приведшего столь многих ее членов в тюрьму или на эшафот. Однако сила его личности была такова, что этот не посещавший родину с того же 1934 года человек, прошедший весь период войны, за исключением 1940 и половины 1941 года в тюрьмах и лагерях и не имевший в это время никакой возможности руководить организацией, одновременно стал ее символом и даже дал неофициальное имя националистическому движению. Имелись значительно большие основания именовать членов ОУН-Б и впоследствии УПА “лебедевцами” или “шухевичистами”, но этого не произошло, и всему миру они известны как бандеровцы.

В течение некоторого времени члены Революционного провода (РП) ОУН еще сохраняли внешнее приличия по отношению к председателю ПУН Мельнику. Однако после того, как тот 7 апреля 1940 года потребовал разбирательства возникшей ситуации в Главном революционном трибунале ОУН, Бандера и Стецько отбросили деликатность и открыто обвинили Мельника в незаконном занятии поста и неумелом руководстве организацией. 8 апреля Бандера впервые назвал себя проводником ОУН, предъявив свои претензии на руководство всем украинским националистическим движением. Никаких активных действий со стороны Мельника не последовало. Вместо этого в течение приблизительно двух месяцев тянулись переговоры между ПУН и РП ОУН, что, однако, можно объяснить и объективными причинами. Находившиеся в Кракове сторонники Бандеры имели опыт подпольной работы и привыкли рисковать, тогда как разбросанные по всей Европе члены ПУН были

скорее теоретиками, оторванными от боевой работы и из-за сложной системы конспирации практически не имели возможности контактировать с кем-либо, кроме проводников крайних экзекутив. На украинских землях они появлялись крайне редко и всегда оперировали только кличками теоретически известных им членов организации. Совершенно иной была позиция их противников: “РП ОУН как своими многолетними непосредственными контактами с членами ОУН, так и позднейшими знакомствами в тюрьме получил поддержку сотен и тысяч членов ОУН. Они знали его не только по имени в “Сурме” или из заголовка в “Розбудове нации”³⁰⁷, они видели его среди себя в подпольной жизни, в акции, в тюрьме. Для них во многих случаях кличка была только формальностью, поскольку все они были знакомы между собой по революционным действиям. Каждый член РП ОУН насчитывал десятки лично знакомых ему и преданных активистов ОУН, которые ориентировались на него, на его слово и на его должность. Личные связи нередко перевешивали организационные. Когда настала критическая минута... ПУН мог рассчитывать только на знакомые ему лично единицы, преимущественно закордонного актива и на людей, одинаково относящихся как к ПУН, так и к РП ОУН. РП ОУН, однако, в то же время располагал сотнями лично знакомых и тысячами связанных кличками членов³⁰⁸”³⁰⁹. Кроме того, ПУН утратил инициативу и темп в противодействии РП ОУН и начал решительно бороться против них лишь 13 августа 1940 года. Мельник распорядился создать краевую экзекутиву в Галиции и направил во Львов своего проводника Ярослава Гайваса (“Быстрый”) с группой референтов для подрыва позиций РП ОУН в критической точке. Столь длительная задержка позволила сторонникам Бандеры существенно укрепить свои позиции.

Впрочем, ключом к решению конфликта обладали не Мельник или Бандера, а немцы. Они внимательно следили за развитием ситуации, для чего имели все возможности, поскольку располагали агентом в самом высшем эшелоне руководства ОУН, а впоследствии — РП ОУН. Этим человеком был уже упоминавшийся Рико Ярый (“Карпат”), в прошлом австро-венгерский офицер по имени Рихард Яри, начинавший свою деятельность еще в УВО под руководством полковника Коновальца. Украинские связи появились у него в период службы по контракту в Украинской Галицийской армии, а после возвращения в Австрию он сохранил и расширил их. К началу 1930-х годов благодаря своим организационным и финансовым способностям Ярый занял видное место в Закордонной экспозитуре УВО. Однако приблизительно в 1934 году у Коновальца появляются сомнения в его причастности к германской разведке и еще большие — в его финансовой чистоплотности. Подозрения росли, и к 1937 году руководитель УВО собрался окончательно разобраться в них. Гибель Коновальца позволила Ярому отсрочить серьезное разбирательство, но новый проводник Мельник не собирался спускать дело на тормозах. Тогда постоянно проживавший в Германии австриец решил применить тактику проволочек и затягивания, позволившую ему на некоторое время оттянуть неприятности. Естественно, что при возникновении конфликта в ОУН Ярый сразу же оценил возможности, которые сулило бы ему отстранение от власти прежнего руководства, и немедленно примкнул к сторонникам Бандеры. С этого момента абвер его стараниями начал поддержку РП ОУН, не зная еще, что в дальнейшем такое решение принесет Германии крупные проблемы. Личные отношения Мельника с немцами продолжали оставаться хорошими, однако отныне они не распространялись на ПУН. Естественно, его не сбрасывали со счетов, но более не предоставляли безоговорочную поддержку, как это имело место ранее. Именно это и стало окончательным аргументом в споре двух фракций ОУН.

Тем не менее, Мельник все же довел дело Бандеры до трибунала, но тот, как и следовало ожидать, на слушание не явился. В результате заочного рассмотрения обвинительных материалов самоназначенного проводника ОУН приговорили к смертной казни, после чего председатель ПУН заменил это наказание исключением из организации. Естественно, Бандера и не подумал подчиниться. Мельник не оставил без внимания и Ярого, о роли которого в расколе догадывался. 25 августа 1940 года он вызвал в судебное заседание и его, однако не в Главный революционный трибунал, а в Организационный суд, стремясь подчеркнуть незначительность будущего подсудимого в иерархии ОУН. В письме-повестке претензии к Ярому конкретизировались достаточно четко: “Конкретизируя выдвинутые против Вас обвинения, ставлю Вас перед Организационным судом ОУН за денежные злоупотребления и вредное денежное хозяйствование... До момента вынесения приговора Организационным судом приостанавливаю Ваши права члена ПУН и члена ОУН”³¹⁰.

С этого времени наступил действительный раскол Организации украинских националистов, после которого началось создание параллельных экзекутив и приостановление прав отдельных руководителей. Оба крыла жестоко враждовали и приговаривали к смерти активных участников противоположных фракций, что в 1940 году повлекло гибель множества сторонников Мельника и Бандеры. Обеим сторонам срочно требовалась внешняя поддержка, найти которую можно было только в Германии. В дальнейшем Мельник и его приверженцы ставили себе в заслугу незначительность своих контактов с немцами, однако это произошло исключительно из-за того, что абвер и СД не проявили особого интереса к ПУН, и его члены оказались не востребованными. Зато руководители РП ОУН сразу же сделали ставку на немцев и, как выяснилось в середине 1941 года, жестоко просчитались. ОУН в целом была готова принять любую иностранную помощь, но расценивала ее лишь как средство достижения собственных целей без всяких дальнейших политических уступок поддерживающей стороне, которой перед Второй мировой войной являлась Германия. Немцы, однако, имели на этот счет совершенно иные планы, о которых украинские националисты пока лишь смутно догадывались. Такое заблуждение характерно для практически любой подпольной организации, а в ситуации с ОУН оно еще и подпитывалось действиями Ярого. По данным некоторых исследователей, сам Бандера числился агентом абвера, назывался даже его псевдоним “Сера”, но, в отличие от данных о Мельнике, эта информация вызывает крайнее сомнение, а псевдоним, скорее всего, является отголоском подпольной клички, в соответствии с которой в документах ОУН он часто упоминался как “Бандера-Серый”, точно так же, как и Ярослав Стецько-Карбович. Достоверно известно, что председатель РП ОУН с нетерпением ожидал начала советско-германской войны, чтобы провозгласить в захваченном Львове правительство независимой Украины. Любопытно, что в период войны роли распределились совершенно иначе. Хорошо относившийся к немцам Мельник практически отказался сотрудничать с ними, а вот его соперники неоднократно прибегали к помощи абвера и СД.

К рассматриваемому времени относится этап активизации СБ ОУН, в первую очередь использовавшей для своего становления помощь спецслужб рейха. В частности, с немецкой помощью в оккупированном Кракове в конце 1939 года была организована школа подготовки кадров для СБ, главным образом для работы против Советского Союза. Практически сразу же после раскола ОУН Бандера распорядился создать в составе центрального аппарата своей организации Службу безопасности (СБ), в первую очередь ориентированную на террористические акты против мельниковцев. Новый оперативный орган возглавил Микола Лебедь, его заместителем был назначен Микола Арсенич (“Михайло”, “Тригор”), со временем принявший руководство службой. Оба они считались самыми жестокими деятелями в окружении Бандеры и до некоторого периода сосредоточивались в основном на межфракционной борьбе в ОУН. Борьба эта велась как путем раскола и дискредитации противников, так и их физического уничтожения. Мельниковцы старались не отставать, и до середины 1941 года в обеих фракциях ОУН были уничтожены не менее 600 человек, треть из которых приходится на приверженцев Бандеры.

Однако деятельность СБ ОУН отнюдь не ограничивалась межфракционной борьбой. Ее руководящие документы относили к главным противникам СССР, Польшу, Румынию и Венгрию. В 1940 году к основным задачам Службы безопасности были отнесены:

- борьба за здоровое моральное состояние в ОУН;
- противодействие разведывательно-подрывной деятельности вражеских спецслужб и их агентуры;
- выполнение некоторых функций судебной власти, в первую очередь исполнительных;
- обеспечение личной безопасности членов ОУН и их имущества;
- создание разведывательных позиций во враждебном окружении в целях ведения разведки, совершения диверсий и провокаций.

Весьма широко была развита агентурно-осведомительная сеть ОУН. На связи у районного референта СБ насчитывалось от 5 до 20 постоянных негласных сотрудников, часть из которых использовалась в целях подготовки антисоветского восстания на территории Западной Украины.

Совершенно очевидно, что НКВД не мог пройти мимо активной деятельности ОУН на территории СССР, тем более, что с присоединением западных областей националисты стали энергично пытаться распространить пропагандистские и разведывательные операции

на всю Украину. С этой целью УНКВД по Львовской области было значительно усилено оперативными сотрудниками, однако опытные подпольщики из ОУН быстро вычислили практически все явочные и конспиративные квартиры госбезопасности. Произошло это до примитивности просто: гражданские лица на территории Правобережной Украины, в отличие от остальной ее части, не носили сапог в черте города. По форменной обуви агенты наружного наблюдения СБ ОУН легко расшифровывали даже переодетых в штатское чекистов и прослеживали их до конспиративных объектов, таким образом весьма скоро установив их дислокацию. Госбезопасность наносила националистам жестокие ответные удары, часто выходя на их организации по линии внешней разведки, что явилось лишь прологом к предстоящей многолетней и жестокой борьбе с украинским подпольем.

4. 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Начавшаяся в Европе война внесла значительные коррективы в задачи всех разведывательных служб СССР. В изменившейся обстановке Сталин увидел удачную возможность укрепить положение и влияние Советского Союза и приказал направить на это все разведывательные и дипломатические усилия. После заключения в 1939 году с Германией пакта о ненападении он решил, что наступает пора попытаться свергнуть правящие режимы во многих странах и сменить их на просоветские. Для этого занятые на германском направлении силы внешней и военной разведок были переориентированы на проведение политических зондажных операций и на попытки использования конфликтов в правящих кругах иностранных государств. Эта глобальная, но явно преждевременная задача заслонила первоочередные проблемы и значительно отвлекла внимание резидентур и центрального аппарата. В преддверии надвигавшейся войны действительно насущной задачей разведывательных служб СССР являлось определение сроков ее начала, вскрытие группировки сил противника и его стратегических и ближайших оперативных планов.

Наибольшие споры среди исследователей вызывает оценка результатов деятельности советской разведки по определению срока начала войны с Германией, состава сил вермахта и его стратегических планов. Существуют две диаметрально противоположные точки зрения на эту проблему. Первая из них гласит, что и внешняя, и военная, и пограничная разведки своевременно установили сроки вторжения, силы вермахта и характер предстоящих боевых действий, однако эти данные не были реализованы, поскольку Сталин не верил в предстоящую войну, а руководители разведорганов в лице наркома НКВД и начальника РУ ГШ КА из опасения за свое благополучие игнорировали аргументированные агентурные сообщения и подстраивались под мнение вождя. Несколько глубже вникшие в проблему исследователи отмечают, что руководству страны в те годы докладывались не обработанные информационно-аналитической службой документы, а “сырые” материалы, и Берия и Голиков, пользуясь этим, могли произвольно отбирать подтверждающие их теорию донесения и отфильтровывать противоречащие ей.

Приверженцы противоположной точки зрения напоминают, что оценку работы любой разведывательной службы нельзя строить исключительно на оперативных достижениях ее отдельных источников, поскольку они представляют собой отнюдь не самоцель, а инструмент для достижения конечного результата — своевременного и достоверного информирования руководства о намерениях возможного противника, его силах, средствах и методах достижения цели. А этого ни НКВД/НКГБ, ни РУ ГШ КА обеспечить не смогли, в результате чего вермахт достиг оперативной и тактической внезапности со всеми вытекающими последствиями. Исследователи из этой группы не принимают аргументы относительно проведения немцами активной и профессиональной дезинформации для маскировки своих намерений и резонно утверждают, что ее вскрытие также являлось одной из задач разведки, с которой она не справилась.

Обе категории историков приводят в пользу своих версий массу материалов, причем нередко оперируют одними и теми же документами, но трактуют их совершенно по-разному. В общем, никто не ставит под сомнение, что оперативная информация относительно предстоящего нападения Германии на СССР поступала от множества источников, мониторинг военной угрозы проводился постоянно и значительными силами. В военной разведке наиболее известны предупреждения, полученные из Японии от резидентуры “Рамзая” (Ри-

хард Зорге), из Швейцарии от резидентуры “Дора” (Шандор Радо) и группы “Сони” (Урсула Кучински), из Германии от “Альты” (Ильза Штебе), из Болгарии от группы Владимира Заимова, из Румынии от Курта Велькиша (“АБЦ”) и его жены Маргариты (“АЦА”, добрая фамилия Рениш), из Франции и Бельгии от резидентуры “Отто” (Леопольд Треппер), а также из США и Великобритании. Немало сведений поступило и от аккредитованных в различных государствах военных и военно-морских атташе СССР, а также по линии разведки НКВМФ. Не будет преувеличением сказать, что в последние месяцы мира пограничная разведка и оперативная разведка военных округов и флотов обеспечили получение прямотаки огромного массива информации о непосредственных военных приготовлениях на сопредельной стороне, причем в условиях крайне ограниченного финансирования.

Представляет интерес версия развития событий внутри РУ ГШ КА, изложенная в воспоминаниях бывшего исполнявшего обязанности начальника информационного отдела разведки В. А. Новобранца. При этом следует отметить, что у современных исследователей эта история вызывает ряд вопросов, ставящих ее достоверность под серьезное сомнение, в том числе и сам факт нахождения автора мемуаров на указанной должности. Судя по всему, в описываемый период он занимал должность заместителя начальника отдела по Востоку. Между тем, именно это обстоятельство является ключевым для оценки подлинности изложенных в мемуарах сведений.

Новобранец рассказывает о подготовленном в информационном отделе военной разведки документе под названием “Сводка № 8”. По его словам, начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков при утверждении направляемых руководству государства сводок постоянно корректировал их в соответствии с собственным видением обстановки, а точнее, уменьшал число противостоящих Советскому Союзу германских дивизий, приводя их в соответствие с так называемой “схемой Путника”. Согласно данным военного атташе Югославии в СССР полковника Путника, Советскому Союзу противостояли 72 — 73 дивизии вермахта, еще 10 размещались в Румынии. Этого было явно недостаточно не только для нападения на Советский Союз, но даже для прикрытия границ рейха в случае вторжения Красной Армии. Однако по другим каналам военная разведка еще в декабре 1940 года выявила сосредоточение против СССР 110 дивизий, в том числе 11 танковых.

Суть вопроса заключалась в том, что разница в несколько десятков дивизий превращала не слишком сильную оборонительную группировку в ярко выраженную наступательную, а это в корне меняло всю расстановку сил на театре и, без сомнения, являлось вернейшим признаком надвигающейся войны. Голиков упорно запрещал сообщать эти данные и своей властью убирал из сводок десятки дивизий. Хотя Новобранец и пытался противостоять подобной практике, его положение на иерархической лестнице военной разведки не позволяло ему донести свою точку зрения до конечных потребителей информации. Однако в декабре 1940 года, воспользовавшись временным отсутствием на службе Голикова, он все же сумел выпустить так называемую “Сводку № 8”, в которой отразил действительно поступившие от источников данные, а не заниженные начальником РУ на 38 дивизий. Резонанс этого события оказался значительно меньшим, чем ожидалось. Последовало несколько встревоженных запросов из приграничных военных округов, а возвратившийся на службу начальник отстранил Новобранца от дел и отправил его ожидать решения своей участи в закрытом доме отдыха Разведупра в Одессе, откуда в 1930-е годы дорога нередко вела в тюрьму или к расстрельной команде. Проблему решила начавшаяся война, и бывший начальник информационного отдела получил назначение в войска для дальнейшего прохождения службы. Изложенная Новобранцем версия событий хорошо вписывается в аргументацию приверженцев одной из противоборствующих точек зрения на события в разведке накануне начала войны. Проблема заключается в том, что однозначно оценить ее достоверность невозможно.

По воспоминаниям многих военных разведчиков из центрального аппарата РУ, в вопросе оценки степени опасности приближающейся войны они испытывали определенное давление со стороны “ближних соседей” (госбезопасности). В этой связи постоянно упоминается негативная роль Берии, продолжавшего курировать разведку, с февраля 1941 года выделенную в отдельную систему. Следует подчеркнуть, что нарком госбезопасности Меркулов, наоборот, никогда категорически не отрицал возможность германского нападения, а предпочитал направлять “в инстанции” фрагменты “сырых” донесений, предусмотрительно и дипломатично оставляя руководству страны возможность дать им самостоятельную оценку. Внешняя разведка получила массу соответствующих сведений и материалов из “легальных”

и нелегальных резидентур в Финляндии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Турции, Италии и Великобритании, обильная информация поступала из Берлина от группы Харро Шульце-Бойзена (“Старшина”) и Арвида Харнака (“Корсиканец”). 20 июня 1941 года начальник 1-го (германского) отделения Разведывательного управления НКГБ СССР П. М. Журавлев и сотрудница этого же отделения З. И. Рыбкина представили начальнику разведки П. М. Фитину объемистый документ под названием “Календарь сообщений Корсиканца и Старшины”, в котором обобщались все полученные с октября 1940 по июнь 1941 года предупреждения о предстоящем военном столкновении. Сама Рыбкина позднее оценила его лаконично: “Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны”³¹¹. Фитин лично представил документ Сталину, но тот раздраженно заявил, что это блеф и паникерство, и доклад был возвращен без последствий. Аналогичная судьба постигла и материалы, накопленные и обработанные Журавлевым и Рыбкиной в обобщавшем все доступные им документы по предстоящей германской агрессии литерном деле “Затя”. Несколько позже мы попытаемся непредвзято и довольно подробно взглянуть на “Календарь” и с другой точки зрения. Не осталось в стороне от рассматриваемого вопроса и Главное транспортное управление НКВД СССР, по мере возможностей собиравшее информацию на каналах морского судоходства и международных железнодорожных перевозок. В 1941 году предупреждения стали поступать и от 2-го (контрразведывательного) управления НКГБ СССР. Правда, следует отметить крайнее дилетантство множества разведсводок госбезопасности, вызванное отсутствием военного образования у ее оперативных офицеров. Военные разведчики 21 мая 1941 года потеряли терпение и в записке № 660533 были вынуждены напомнить коллегам из НКГБ СССР некоторые прописные истины: “...Для того, чтобы не допускать ошибки в оценке группировки и легче разобраться, какие части, откуда и куда прибывают, убедительно прошу в ваших разведсводках указывать:

- 1) откуда идут войска (из Франции, Бельгии, Югославии, Германии и т. д.);
- 2) когда и через какие пункты проходят войска;
- 3) какие войска (пехота, артиллерия, танки и т. д.);
- 4) в каком количестве (полк, дивизия);
- 5) нумерацию этих частей (№ полка, дивизии);
- 6) в состав каких корпусов и армий входят обнаруженные войска;
- 7) когда и куда они прибывают³¹²”.

Безусловно, указанными недочетами страдали не все направляемые в военную разведку документы. В любом случае НКГБ/НКВД внес существенный вклад в процесс добывания информации.

З. И. Рыбкина

Что же все-таки происходило во всех советских спецслужбах в предвоенные месяцы, и почему столь ясные с позиций сегодняшнего дня материалы не получили у их руководства должной оценки? Для понимания этого феномена следует непредвзято рассмотреть, что конкретно и как именно докладывала разведка руководству государства, не упуская при этом из виду и действия противника.

Германия осуществляла стратегическую линию по дезинформации на основании подписанных генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем 15 февраля 1941 года “Руководящих указаний начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза”. Этот документ являлся основополагающим для прикрытия мероприятий, проводимых в осуществление директивы № 21 (плана “Барбаросса”), в которой ставилась задача “разбить советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии”³¹³. Следует

отметить, что директива о нападении на СССР была подписана 18 декабря 1940 года и по времени теоретически значительно опережала указания по маскировке. Однако практическая реализация ее началась лишь после 31 января 1941 года, когда главное командование сухопутных войск издало директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск в целях осуществления плана “Барбаросса”, указав в ней, что “подготовительные

работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день “Б”) могло быть начато 21.6”³¹⁴. Этот документ был доведен до крайне ограниченного круга лиц и составлялся отнюдь не в расчете на пропагандистский эффект. Тем более привлекает внимание имеющаяся в директиве многозначительная оговорка о том, что нападение на Советский Союз будет произведено только “в случае, если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии”³¹⁵. Следовательно, в конце января 1941 года позиция Москвы по отношению к Берлину явно представлялась вполне благоприятной, хотя имелись серьезные основания предполагать, что она может измениться, причем по инициативе именно Советского Союза. Впрочем, Гитлер решил начать войну против СССР до окончания боевых действий против Британии значительно раньше, еще 22 июля 1940 года. В этот день он дал указание главнокомандующему сухопутными войсками Вальтеру фон Браухичу разработать соответствующий стратегический план, предусматривающий окончание всех приготовлений к 15 мая 1941 года и нападение на Советский Союз не позднее середины июня. Фюрер окончательно конкретизировал 22 июня как день “Б” 30 апреля на узком совещании высшего военного руководства. Начальник генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер уведомил об этом армию 10 июня, то есть практически до самого последнего момента точная дата начала войны держалась в секрете. Кодовым словом для сигнала о начале нападения было “Дортмунд”, отмена его предусматривалась по сигналу “Альтона”.

В 3 часа 15 минут утра 22 июня 1941 года три группы армий общей численностью свыше 4 миллионов человек, оснащенные 4215 танками и штурмовыми орудиями, 3909 боевыми самолетами и 43812 орудиями и минометами, перешли в наступление на фронте от Карелии до Молдавии. Удар нанесли 155 расчетных дивизий, 11 германских моторизованных корпусов были собраны в четыре мощные танковые группы, насчитывавшие 3397 танков³¹⁶. И нападение этой гигантской военной группировки оказалось для СССР неожиданным!

В 1960-е — 1980-е годы в Советском Союзе преобладала официальная точка зрения, согласно которой разведка, в особенности военная, своевременно направляла “в инстанции” исчерпывающую информацию о военных приготовлениях Германии и ее подготовке к нападению на СССР, включая его точную дату и время. Но Сталин, вопреки очевидным фактам, отказывался этому верить, поскольку отчаянно цеплялся за иллюзорную надежду избежать военного столкновения, по крайней мере, до 1942 года, к которому планировалось окончить перевооружение армии. В этом заблуждении его поддерживали Берия и Голиков, каждый по собственным мотивам. Бывший начальник ГРУ ГШ генерал армии П. И. Ивашутин утверждал даже, что “нападение фашистской Германии на Советский Союз ни в стратегическом, ни в тактическом плане не было внезапным. Другое дело, что вторжение фашистских войск на нашу территорию застало советские войска врасплох, так как они не были заблаговременно приведены в полную боевую готовность”³¹⁷. В этом утверждении генерал противоречит сам себе. Внезапность является одним из принципов военного искусства и определяется как “неожиданные для противника действия, способствующие достижению успеха в бою, операции, войне”³¹⁸. Если нападение вермахта не было для Красной Армии внезапным, тем более даже в тактическом плане, то это означает, что она ожидала его в полной боевой готовности к отражению удара. Однако следующая же фраза Ивашутина напрочь отрицает предыдущую, поскольку не приведенные в боевую готовность и застигнутые врасплох войска представляют собой наглядное доказательство внезапности нападения. Вот именно это и есть чистая правда. Ожидающие вражеского удара войска группируются совершенно иначе, чем Красная Армия в июне 1941 года, что и явилось одной из причин Великого Отступления, когда примерно равный ей по численности и существенно уступающий в танках, артиллерии и боевых самолетах вермахт сумел нанести советским войскам сокрушительные удары на всех фронтах. На шестой день войны пал Минск, количество пленных красноармейцев за первые месяцы боевых действий достигло 3,9 миллионов человек, и к декабрю германские войска уже стояли под Москвой. В свете этих событий весьма сомнительным выглядит также заявление маршала Советского Союза А. А. Гречко, сделанное им в 1966 году на страницах “Военно-исторического журнала” о том, что через 11 дней после подписания Гитлером директивы № 21 (план “Барбаросса”) “этот факт и основные решения германского командования стали известны нашим разведывательным органам”. Вероятно, маршал имел в виду поступившее из резидентуры “Альта” сообщение “Арийца” с изложением факта отдачи Гитлером распоряжения приступить к подготовке к войне против СССР. Однако оно было настолько неконкретным, что не содержало сведений

о наиболее существенных моментах любого подобного плана: составе ударной группировки, направлениях главных ударов и стратегическом замысле германского командования. Увы, ничего из перечисленного к советскому руководству и военному командованию не поступало. Если бы это и в самом деле было так, то было бы известно, что главной целью, поставленной фюрером перед сухопутными войсками, являлся не захват территорий, а уничтожение частей Красной Армии “в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено”³¹⁹. Именно в этом состоял стратегический замысел немцев, и именно это далеко не сразу поняло командование Красной Армии, даже не пытавшееся перегруппировать свои войска на дальних рубежах обороны, а сотнями тысяч терявшее их в тщетных попытках удержать стратегически невыгодные позиции, но не отступить на восток. Неправильно было определено и направление главного удара вермахта. Полагая, что основные силы немцев будут направлены на захват сырьевых районов Украины, прежде всего Донбасса, и на взятие Москвы, советское командование не сразу распознало, что основные силы противника были брошены не туда. Между тем, в тексте директивы № 21 сказано предельно конкретно и ясно: “направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы...

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру...

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном отношении Донецкий бассейн;
на севере — быстро выйти к Москве”³²⁰.

Если основные решения немецкого командования и в самом деле были бы заблаговременно добыты советской разведкой, то пусть не до начала войны, но сразу же после 22 июня их приняли бы во внимание, однако, как видим, этого не произошло.

Возможно, самое весомое опровержение утверждения маршала Гречко о наличии в распоряжении советской разведки материалов директивы № 21 через 11 дней после ее принятия появилось за 26 лет до его статьи в “Военно-историческом журнале”. В сентябре 1940 года нарком обороны Тимошенко и начальник генштаба Мерецков представили на имя Сталина и Молотова записку об основах стратегического развертывания сооруженных сил СССР на 1940 и 1941 годы, в которой, в частности, утверждалось: “Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так по Востоку Генеральный штаб К. А. не располагает”³²¹.

Истина заключается в том, что хотя война с Германией в принципе ожидалась, но в данный конкретный момент ее нападение оказалось действительно внезапным и для Красной Армии полностью неожиданным. За несколько часов до его начала высшее военное руководство все же подготовило директиву о возможности нападения немцев в течение 22 — 23 июня, но передача ее в округа была закончена лишь в 00.30 22 июня, менее чем за три часа до германского удара. До войск, естественно, она дойти не успела, не в последнюю очередь из-за активных действий германских диверсантов по нарушению проводной связи, поскольку радиосвязью Красная Армия была укомплектована весьма слабо. Стратегический замысел командования вермахта также оказался не вскрытым, что, возможно, сказалось в начальном периоде войны даже более негативно, чем незнание сроков ее начала.

Следует подвергнуть тщательной ревизии и часто встречающиеся утверждения о том, что советская разведка правильно установила состав группировки германских войск, находившихся на восточных рубежах рейха, в Финляндии и Румынии. Так, по состоянию на 1 июня 1941 года, по оценке РУ, против СССР были сосредоточены две группы армий (фак-

тически три), шесть отдельных армий (фактически семь), а наличие трех танковых групп вообще осталось незамеченным. Совершенно неверными оказались данные о дислокации частей и соединений вермахта, породившие ложную уверенность о сосредоточении основных сил противника на юге, против Украины. Германская группа армий “Юг” (“Зюд”) насчитывала 28 пехотных дивизий и вообще не имела ни танковых, ни моторизованных дивизий, а военная разведка СССР сообщала о наличии на этом участке 36 пехотных, 8 танковых и 9 моторизованных дивизий, что превращало эту группировку в ярко выраженную наступательную. Зато в полосе группы армий “Центр” РУ сообщало о 24 пехотных дивизиях вместо фактически имевшихся 32, 4 танковых вместо 1. Лишь силы группы армий “Север” были установлены с достаточной достоверностью: разведка добавила к реально имевшимся только 3 моторизованные дивизии. Кроме того, постоянно существовавшие расхождения между данными РУ и НКГБ также не прибавляли этой проблеме ясности. Только за несколько дней до 22 июня силы немцев были установлены довольно точно: 3 группы армий, 4 армии, 4 танковые группы, 123 дивизии, 2 бригады, 1 пехотный полк и 4 пехотные дивизии в Северной Норвегии. Однако и эта информация не стала окончательным доказательством концентрации вермахта против СССР, поскольку разведка существенно завышала общую мощь германской армии и соответственно неверно оценивала долю войск, переброшенных на Восток. Совершенно очевидно, что в условиях отсутствия наземных боевых действий на Западе наступательная группировка против СССР должна была бы включать не менее половины имевшихся у Германии дивизий, что на самом деле и имело место. Однако разведка докладывала руководству страны и военному командованию значительно более успокоительные данные, проследить которые нетрудно. Используя ее информацию, в августе 1940 года нарком обороны и начальник генерального штаба Красной Армии докладывали Сталину и Молотову, что рейх располагает 200 — 243 дивизиями (с учетом авиационных). В спецсообщении РУ ГШ КА от 25 апреля 1941 года о сосредоточении на границе СССР 95 — 100 дивизий (без учета кавалерийских) при общей мощи вермахта в 286 — 296 дивизий выглядело совершенно рутинной информацией. Затем разведка доложила о 70 дивизиях, а 5 мая обратила внимание на увеличение их числа до 103 — 107, но и это выглядело как чуть более трети сил вермахта, то есть абсолютно не было похоже на серьезную концентрацию войск.

Поступление неточных, противоречивых и дезориентирующих данных продолжалось. 31 мая в спецсообщении РУ ГШ КА № 660569 указывалось: “В течение второй половины мая месяца главное немецкое командование за счет сил, освободившихся на Балканах, производило:

1. Восстановление западной группировки для борьбы с Англией;
2. Увеличение сил против СССР;
3. Сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

- против Англии (на всех фронтах) — 122 — 126 дивизий;
- против СССР — 120 — 123 дивизии;
- резервы — 44 — 48 дивизий³²².

В действительности на момент начала войны немцы располагали 153 пехотными, 4 легкими, 6 горнострелковыми, кавалерийской, 21 танковой, 14 моторизованными, 9 охранными дивизиями, 2 усиленными моторизованными полками, 1 пехотным полком и 1 моторизованной бригадой³²³. Однако 15 мая 1941 года в записке наркома обороны и начальника генштаба на имя Сталина утверждалось: “В настоящее время Германия, по данным Разведывательного управления Красной Армии, имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных³²⁴ и 4 кавалерийских дивизий, всего около 284 дивизий”³²⁵. Как видим, общее завышение сил составляло более 35%. При этом руководство СССР предполагало, что в резерве и на фронтах против Великобритании Германия держит примерно 161 дивизию, или свыше половины предполагаемого боевого состава своих войск. На самом же деле эта величина составляла немного более 41%, что в корне меняло ситуацию, особенно с учетом мобильности резервов.

Невзирая на позднейшие утверждения многих историков, ни внешняя, ни военная разведки не предоставили руководству страны или военному командованию ни одного информационного документа, в котором присутствовало бы ясное и недвусмысленное предупреждение о предстоящем нападении. Более того, в спецсообщениях и сводках постоянно обращалось внимание на угрозу на Дальнем Востоке, что заставляло отвлекать на этот театр

довольно значительные силы. Не был вскрыт и стратегический замысел германского командования, поскольку разведка неизменно приводила не менее трех вариантов возможных действий вермахта, причем все они не имели под собой какой-либо документальной почвы, а просто определялись исходя из общих принципов ведения войны. Принципиальная ошибка и разведчиков, и генштабистов заключалась и в том, что никто не ожидал того, что вермахт сразу нанесет удар в полную силу, а не будет терять дни в ожидании окончания стратегического развертывания. Об этом, кстати, без обиняков написал в своих мемуарах Г. К. Жуков: “Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен”³²⁶. Но если генштабисты в Оперативном управлении не смогли прийти к заключению о вероятности такого развития событий на основании анализа опыта предыдущих кампаний, то уж разведчики-то, безусловно, обязаны были вскрыть состав группировки сил потенциального противника и особо заострить на этом внимание в своих информационных документах. Поэтому без преувеличения можно заключить, что все советские разведывательные органы потерпели провал в установлении сроков предстоящего нападения вермахта, состава германской группировки и стратегического замысла немецкого командования. Это произошло по целому ряду объективных и субъективных причин, которые следует рассмотреть более подробно.

1. Любые обоснованные прогнозы относительно каких-либо предстоящих событий делаются либо на основании конкретных доказанных фактов, либо путем их логического просчета. В данном случае следовало принимать во внимание очевидную абсурдность и самоубийственность для Германии одновременной войны на два фронта, пагубной для экономики страны и неизбежно приводившей к катастрофическому ухудшению ее стратегического положения, особенно с учетом неразвитой транспортной инфраструктуры западных районов СССР. Неготовность рейха к подобного рода войне не вызывала сомнений. Логически все говорило о том, что нападения Германии на Советский Союз можно ожидать только после ее победы над Великобританией или достижения перемирия с ней, это же подчеркивали и донесения большинства агентурных источников. В целом можно констатировать, что ни внешняя, ни военная разведка не сумели вскрыть решимость Гитлера осуществить блицкриг на Востоке **независимо** от боевых действий на Западе.

2. Широкомасштабные военные приготовления Германии на ее восточных границах, естественно, не могли остаться незамеченными, поскольку подобный размах передвижений войск невозможно скрыть в принципе. Однако существует значительная разница между непосредственной подготовкой к войне, например, связанными с ней организационно-административными мероприятиями, и военными приготовлениями, которые могут преследовать самые различные цели, тем более в воюющей стране, каковой в 1940 — 1941 годах являлась Германия. Было хорошо известно, что немцы широко используют шантаж военной угрозой, и отсутствие других данных позволяло предположить, что приготовления на Востоке могут служить именно этой цели. Неминуемость прямого столкновения Германии с СССР была очевидной, и его неизбежность летом 1941 года не вызывала в Москве сомнений, но рейх, как правило, совершал агрессию по сложившейся иной схеме. Она предусматривала вначале устрашающие действия, затем шантаж, часто — предъявление ультиматума, и лишь после этой цепочки следовало вторжение. Агрессии против СССР ничего подобного не предшествовало, что породило у советского руководства ложное ощущение запаса времени.

3. В 1939 — 1941 годах советская разведка не располагала серьезными источниками в непосредственном окружении Гитлера, высшем руководстве НСДАП, СС, вермахта и спецслужб, где можно было добыть информацию о политических решениях и намерениях руководства, часто даже не воплощенных в соответствующие документы. Вследствие отсутствия полноценного агентурного прикрытия этих наиболее важных объектов разведывательного проникновения, достоверная информация из них не поступала к советскому руководству и не давала возможности проникнуть в скрытые замыслы противника. Это явилось одной из главных причин, обусловивших успех “Руководящих указаний начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза”, предписывавших разбить дезинформацию на два этапа. На первом из них, продолжавшемся до

середины апреля 1941 года, следовало “сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время”³²⁷. Проводимые военно-инженерные работы и перемещение войск на Восток маскировались их отводом на отдых из зоны английских бомбардировок, предотвращением проникновения Британии на Балканы, хозяйственными работами и, главное, подготовкой операции “Зеелеве” — непосредственным вторжением на Британские острова. По дипломатическим каналам распространялись слухи о невозможности примирения с Великобританией и о неизбежном возмездии, которое скоро достигнет англичан. На втором, финальном этапе, когда с 22 апреля воинские эшелоны стали перебрасывать на Восток целые дивизии, германская секретная служба старалась выдать это за крупнейший в истории отвлекающий маневр. Принцип дезинформации был прост: чем ближе день “Б”, тем грубее могут быть ее методы. В войсках распространялись слухи о предстоящей десантной операции через Ла-Манш и Па-де-Кале, печатались немецко-английские разговорники, прикомандировывались переводчики с английского языка, а захват острова Крит представлялся в качестве генеральной репетиции операции “Зеелеве”. Чтобы придать маскировке нападения на СССР большую достоверность, абвер дезинформировал собственных военных атташе в нейтральных странах, причем, в соответствии с директивой, передаваемые им “сведения должны носить отрывочный характер, но отвечать одной общей тенденции”³²⁸. Передача дезинформации через ВАТ оказалась весьма удачным решением и ввела в заблуждение не одного советского агента, включая Зорге.

4. Отсутствовали подтверждения тех предупреждений о предстоящей войне, которые все же поступали в Центр от резидентур. Информационный документ разведки должен не просто излагать то или иное сообщение, но и предоставлять соответствующее подтверждение, причем желательно не в виде какого-либо документа, который тоже может быть сфальсифицирован контрразведкой, как это неоднократно случалось. Лучшим подтверждением являются материальные действия противника в виде образования новых органов военного управления, подготовки техники к действиям на выбранном театре или конкретных приготовлений к конкретным ситуациям. В случае с нападением Германии на СССР таких подтверждений не было по той причине, что их быть не могло. Гитлер совершил бросок на Восток в отчаянной надежде на скоротечную кампанию и поэтому не озаботился подготовкой войск к зиме. У вермахта не было теплой одежды, низкотемпературной смазки для оружия и двигателей, отсутствовала лыжная подготовка войск. Кроме того, любые боевые действия в СССР неизбежно натывались на условия бездорожья, а немецкая армия не имела для этого ни опыта, ни соответствующих транспортных средств. Не в последнюю очередь по этой причине агентурные сообщения о предстоящем нападении расценивались в Центре как инспирированные либо немцами, либо англичанами, что, кстати, сплошь и рядом соответствовало действительности. Эту точку зрения разделял и начальник РУ ГШ КА генерал-лейтенант Голиков. В своем докладе в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1941 года после перечисления возможных вариантов нападения германских войск на СССР он совершенно справедливо упоминал о действиях “англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией”³²⁹. Однако далее следовали выводы:

“1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки”³³⁰.

Весной нападения и в самом деле не произошло, и в этом отношении второй пункт выводов в докладе генерала формально может считаться точным.

5. С позиций сегодняшнего дня кажется очевидным, что при обработке поступившей из резидентур информации о предстоящем вторжении 22 июня следовало немедленно принимать все соответствующие меры, и любое бездействие в этом отношении являлось преступным. Однако дело обстояло далеко не так просто. На протяжении второй половины 1940 и первой половины 1941 годов военная разведка доложила о шести различных предполагаемых датах начала войны. Так же обстояло дело и с информацией, добытой внешней

разведкой НКВД/НКГБ, причем как минимум половина сообщений указывала на то, что такое нападение будет иметь место лишь после победы Германии над Британией или достижения между ними перемирия. Телеграммы противоречили одна другой, и в отсутствие подтверждений было принято, вероятно, оправданное по тем временам решение игнорировать их до момента получения более достоверной информации.

Сейчас легко указывать, например, на телеграмму токийского резидента РУ “Рамзая” (Рихард Зорге) от 15 июня 1941 года, в которой он прямо предупреждал о нападении и называл его срок (до конца июня). На протяжении многих лет принято было считать, что если бы в Центре поверили Зорге, то 22 июня немцы не достигли бы внезапности, однако изложение содержания лишь нескольких его сообщений показывает, что ситуация являлась отнюдь не столь однозначной. Самое первое сообщение на эту тему поступило от токийской резидентуры еще 3 октября 1938 года. Телеграмма информировала Центр, что “после разрешения судетского вопроса следующей проблемой будет польская, но она будет разрешена между Германией и Польшей по-дружески в связи с их совместной войной против СССР”³³¹. 15 апреля 1939 года он же сообщал: “Германия будет готова заключить продолжительный мир с Англией... и начать войну с СССР”³³². Телеграмма от 28 декабря 1940 года: “В случае, если СССР начнет развивать активность против интересов Германии, как это уже имело место в Прибалтике, немцы смогут оккупировать территорию по линии Харьков, Москва, Ленинград. Немцы не хотят этого, но прибегнут к этому средству, если будут принуждены к этому поведением СССР”³³³. Позднее “Рамзай” называл еще несколько ошибочных сроков начала войны и поводов к ней. 11 марта 1941 года он направил очередную телеграмму, в которой сообщил, что “по окончании теперешней войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза”³³⁴, а 2 мая сообщил совершенно иное: “После поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты. Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент так, что Германии останется только собрать урожай. Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна. Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика потому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии... Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией”³³⁵. 21 мая его сообщение гласило: “Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая... Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать”³³⁶. А 1 июня “Рамзай” внезапно сообщает: “Берлин информировал [своего посла в Японии] Отт [а], что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется”³³⁷. Естественно, что и это сообщение вызвало недоверие и отправилось в архив с резолюцией генерал-лейтенанта Голикова: “В перечень сомнительных и дезинформирующих сообщений “Рамзая”. Примерно тогда же токийская нелегальная резидентура сообщила явно фантастические данные о наличии на границе с СССР от 170 до 190 дивизий, все из которых являлись либо танковыми, либо механизированными, что превышало их общее число в вермахте (33) более чем в пять раз. Сообщения Зорге относительно стратегического замысла и состава сил Германии на Востоке были столь же далекими от действительности, как и его многократные и постоянно изменявшиеся предупреждения относительно сроков нападения и его обстоятельств. Необходимо особо подчеркнуть, что его сообщение от 15 июня о том, что Германия нападет на СССР 22 июня, не дожидаясь ни победы, ни перемирия на Западе, оказалось пропагандистской фальшивкой 1960-х годов. Следует также учесть, что все это исходило от резидента, справка о котором содержала констатацию: “Политически совершенно не проверен. Имел связь с троцкистами. Политического доверия не внушает”³³⁸. Очевидно, что перед руководством разведки стояла достаточно сложная задача по отысканию истины в потоке столь противоречивых и не подтверждавшихся сообщений!

Примерно так же информировал Москву и Радо из Женевы. 6 июня 1940 года он адресовал Директору радиограмму, в которой предупреждал: “После быстрой победы на Западе начнется немецко-итальянское наступление на Россию”³³⁹, а 21 февраля 1941 года сообщил, что “выступление Германии начнется в конце мая”³⁴⁰. Сроки проходили, но боевые действия

не начинались. Он же докладывал 19 мая 1941 года: “Сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности. Выступление произойдет, только когда английский флот не сможет войти в Черное море и когда немецкая армия закрепится в Малой Азии”³⁴¹. Комментарии излишни.

От военных атташе поступала столь же противоречивая и зачастую недостоверная информация. Например, “легальный” резидент РУ “Метеор” (помощник военного атташе СССР в Берлине Н. Д. Скорняков) 9 июля 1940 года сообщал в Центр: “В беседе со многими атташе подтверждается, что немцы перебросили ряд сил с Запада на Восток, в том числе и механизированных. Однако большинство считает, что это не есть сосредоточение сил против СССР. Некоторые увязывают с активизацией СССР”³⁴². 29 декабря того же года, после восстановления утраченной связи с Ильзой Штебе (“Альта”), а через нее с Рудольфом фон Шелиа (“Ариеу”), он же предупреждал: ““Альта” сообщила, что “Ариеу” от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне против СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года”³⁴³. После спокойно прошедшего марта отношение к надежности источников “Метеора” и достоверности его информации стало соответственным.

“Легальный” резидент РУ “Марс” (помощник военного атташе, затем ВАТ СССР в Будапеште Н. Г. Ляхтеров) 14 марта 1941 года доложил начальнику Разведупра, что слухи о предстоящей войне Германии с Советским Союзом являются английской пропагандой, а 30 апреля вновь назвал эту информацию слухами, после чего его сообщение от 23 мая о том, что “немцы выступят против СССР не позднее 15 июня”³⁴⁴, было воспринято с законным недоверием. И правильно, поскольку указанный им срок прошел мирно, однако это подорвало доверие к любым исходившим от него в дальнейшем данным по этому вопросу.

“Легальный” резидент в Белграде “Софокл” (военный атташе СССР в Югославии генерал-майор А. Г. Самохин) также внес немалую лепту в путаницу. 4 апреля 1941 года он утверждал, что слухи о предстоящем нападении Германии на Советский Союз являются лишь средством психологического воздействия Берлина на Москву в связи с конфликтом на Балканах, а второе его сообщение, датированное тем же 4 апреля, содержало информацию о том, что “немцы готовятся в мае напасть на СССР, исходным пунктом для этого будет требование к СССР присоединения к тройному пакту и оказывать экономическое содействие”³⁴⁵.

“Коста” (источник резидентуры РУ в Софии Павел Шатов) 19 мая 1941 года сообщал: “К концу июня на советской границе будет 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины... Эти сведения я передаю не как фантазию, а как очень серьезные”³⁴⁶.

Источники внешней разведки “Корсиканец” (Арвид Харнак) и “Старшина” (Харро Шульце-Бойзен) действительно предупреждали в июне 1941 года, что “все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного нападения против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время”³⁴⁷. Вырванное из общего контекста сообщений, это донесение не допускает двойного толкования, однако в целом составленный в немецком отделении внешней разведки “Календарь сообщений Корсиканца и Старшины” оставлял простор для немалых сомнений. В сентябре 1940 года “Корсиканец” сообщал, что “в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом к акции будет военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время”³⁴⁸. В январе 1941 года он же предупреждал: “нарастает мнение, что Германия проиграет войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой с тем, чтобы повернуть оружие на Восток”³⁴⁹, в марте сообщал, что “выступление намечено на 1 мая”³⁵⁰, и передал информацию “Старшины” о том, что “военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая. Старшина при этом считает, что имеется лишь 50% шансов за то, что это выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом”³⁵¹. В апреле “Старшина” сообщил: “Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением присоединиться к пакту трех”³⁵², а “Корсиканец” информировал, что “антисоветская кампания начнется 15 апреля”³⁵³. Несколько позже со слов “Старшины” он передал: “в настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовительную работу для акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака... Акция против СССР кажется, что отодвинута на задний план, в генштаб больше не поступают фотоснимки советской территории, сделанные с германских самолетов”³⁵⁴. И снова в апреле, почти сразу же: “Вопрос о

выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день”³⁵⁵. В том же месяце “Корсиканец” утверждал, что “от СССР будет потребовано выступление против Англии на стороне держав оси. В качестве гарантии будет оккупирована Украина, а возможно, и Прибалтика”³⁵⁶. Май 1941 года, “Старшина”: “В разговорах офицеров штаба часто называется 20 мая, как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь. Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать “война нервов” в целях деморализации Советского Союза”³⁵⁷. Он же и тогда же: “Планы в отношении Советского Союза откладываются...”³⁵⁸. Тогда же: “Затормаживание выполнения антисоветских планов Германии в штабе авиации объясняют трудностями и потерями в войне с англичанами на африканском фронте и на море. Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны”³⁵⁹. “Старшина” в июне: “На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине, об использовании советского военного флота против Англии”³⁶⁰. И только после этого “Старшина” сообщает ранее приведенную информацию с указанием точной даты предстоящей агрессии, а от “Корсиканца” поступают важные сведения о военно-административных приготовлениях, которые могли служить несомненными доказательствами надвигающейся войны. Однако, как мы только что увидели, “Календарь” изобилует не подтвердившимися аналогичными предупреждениями, и 17 июня 1941 года еще никто не мог знать, не станет ли 22 июня очередным ложным сроком.

Цитирование донесений от различных источников можно продолжать очень долго. На данный момент рассекречено множество агентурных сообщений, причем именно с целью доказать, что разведка предупреждала руководство о готовящемся нападении и обеспечила его точными данными. Увы, большинство документов, если их рассматривать в соответствующем контексте, свидетельствуют о противоположном. Безусловно, и РУ, и многие подразделения НКВД/НКГБ располагали немалым количеством подтвердившейся впоследствии информации о предстоящем нападении Германии, но несравнимо большее число сообщений этому противоречило, а также раз за разом опровергалось при прохождении указанных сроков. Как можно было доверять источнику, на протяжении нескольких месяцев ошибочно указывавшему 3-4 конкретные даты начала войны, и какие основания были принять на веру названную им очередную дату? Гораздо логичнее было отнести и это сообщение к категории непроверенных, тем более, что она ничем не доказывалась, да и не могла доказываться, как стало ясно позднее. Конечно, с позиции сегодняшнего дня легко отсортировать телеграммы и информационные сообщения на достоверные и недостоверные, однако нельзя забывать, что истинная обстановка открылась миру лишь приблизительно к полудню 22 июня 1941 года.

Следует учесть, что процесс сбора информации происходил не в безвоздушном пространстве, а на фоне активной работы СИС, прилагавшей все усилия для вовлечения СССР в войну на стороне Британии. Любая информация о предстоящей агрессии вполне могла быть спровоцирована англичанами с целью столкнуть рейх с новым мощным противником, и это прекрасно понимали и Сталин, и Берия, и Голиков, просто обязанные учитывать такую возможность. На подобном фоне особенно подозрительно выглядел факт перелета в Шотландию 10 мая 1941 года заместителя Гитлера по НСДАП Рудольфа Гесса, вызвавший вполне оправданное беспокойство советского руководства по поводу возможности заключения перемирия между Германией и Англией, позволяющего сконцентрировать все силы Третьего рейха на Востоке.

Нельзя игнорировать и мощный фактор очень профессиональной немецкой дезинформации. Руководство Германии вполне отдавало себе отчет, что никакие маскировочные мероприятия не могут скрыть концентрацию многомиллионной группировки изготовившихся к нападению войск, и тогда немцы сделали весьма удачный и полностью оправдавшийся ход. Они сознательно стали распространять информацию о том, что Гитлер действительно планирует совершить агрессию против СССР, однако ее срок при этом указывался несколько позднее реально намеченного. По самым различным каналам к советским разведчикам и

дипломатам поступали инспирированные Берлином предупреждения о предстоящем нападении, но одни из них ставили начало войны в зависимость от решения вопроса с Великобританией, а другие, более изоцирненные, сообщали, что началу боевых действий будет предшествовать предъявление жестких требований экономического и даже территориального характера, а позднее и ультиматума. Это весьма походило на правду и, к сожалению, действительно ввело советское руководство в заблуждение. Такую информацию давали буквально все источники берлинской резидентуры, она поступала и из других мест, и даже от разведок третьих стран, создавая иллюзию многократного перекрытия добываемых сведений, однако в действительности это была лишь вполне успешная дезинформация. Возможно, специализированное информационно-аналитическое подразделение смогло бы отфильтровать ее, но оно было сформировано во внешней разведке лишь в декабре 1943 года, а существовавший в военной разведке информационно-аналитический отдел выполнял несколько иные задачи.

В определении перспектив нападения Германии на Советский Союз весьма болезненно сказались непрофессионализм и амбициозность вновь назначенного руководителя берлинской резидентуры внешней разведки А. З. Кобулова (“Захар”). Он не имел разведывательного опыта, зато пользовался в разведке особым статусом благодаря своему брату, приближенному Берия, заместителю наркома госбезопасности Б. З. Кобулову, и попал на столь ответственный участок по его протекции. “Захар” был совершенно не готов возглавить заграничную, но все попытки Центра направить его работу воспринимал крайне болезненно, часто напрямую работая с руководством наркомата. В августе 1940 года резидент лично завербовал журналиста латвийской газеты “Бриве Земе” Ореста Берлинкса, причем сделал это спустя всего лишь десять дней после знакомства с ним, без соответствующей разработки, проверки и вопреки элементарным правилам вербовочной работы. Центр категорически возражал против столь скоропалительного решения, однако Кобулов напрямую обратился к брату, и в списке источников НКГБ появился новый агент “Лицеист”, которому предстояло сыграть заметную роль в определении сроков германской агрессии против СССР. По убеждению резидента, основой для вербовки источника являлось его лояльное отношение к установлению советской власти в Латвии и финансовые затруднения, однако произведенная Центром даже поверхностная параллельная проверка Берлинкса показала, что этот человек вовсе не симпатизирует СССР, а настроен активно прогермански и антисоветски. Тем не менее, резидент проигнорировал очевидные факты и активно включил агента в работу, выплачивая ему ежемесячно вначале 300, а затем 500 марок. В руководстве внешней разведки поступающие от Берлинкса сведения постоянно оценивались отрицательно, Кобулову сообщали, что “информация “Лицеиста” содержит много воды и совсем мало фактов. Кроме того, информация содержит много неточностей, противоречивых и сомнительных данных, а также изобилует общими местами. “Лицеист” черпает свою информацию у лиц, предназначенных германским государственным аппаратом для “питания” прессы”³⁶¹. Однако справиться с влиятельным резидентом, имевшим возможность напрямую направлять свои материалы заместителю наркома, удавалось далеко не всегда. В эйфории от собственных успехов в новой для него зарубежной агентурно-оперативной работе Кобулов не реагировал на предупреждения и безоговорочно верил своему источнику, полагая все предупреждения Центра интригами завистников. А “Лицеист” поставлял все новую информацию, исходившую из самых высоких источников в рейхе. 25 мая 1941 года он сообщил, что Гитлер придвинул войска к границе с СССР якобы в ответ на аналогичные передислокации Красной Армии и рассчитывает, что “Сталин станет в этой связи более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти”³⁶².

А. З. Кобулов

Непрофессионализм редко приводит к положительным результатам, не стал исключением и данный случай. После первого же контакта с Кобуловым Берлинкс немедленно обратился к немцам, был завербован ими под псевдонимом “Петер” и использовался для проведения дезинформации на высоком уровне. Достаточно сказать, что подлежащие передаче материалы готовились специалистами германского МИД по личным указаниям Риббентропа и с санкции самого

Гитлера. Немцы активно и старательно дезинформировали Кобулова, причем придавали этой операции особое значение, поскольку “Захар” сообщил Берлинксу, что отправляет его сведения непосредственно “на самый верх”, лично Сталину и Молотову. Лейтмотивом дезинформации являлось прежде всего внушение советской стороне, что перемещение вермахта к ее границам производится исключительно в ответ на возникшую советскую угрозу. Кроме того, не менее важно было донести до Москвы мысль, что нападение Германии, если таковое вообще состоится, не произойдет внезапно, ему будут предшествовать попытки Берлина добиться своих целей путем переговоров, шантажа, предъявления ультиматума и даже возможной оккупации отдельных частей Советского Союза. К сожалению, эта теория хорошо соотносилась с поступающей от других источников дезинформацией и сыграла крайне негативную роль.

5 мая 1941 года связь Кобулова с “Лицеистом” оборвалась, и дальнейшая его судьба, равно как и сам факт работы латыша на немцев оставались для советской разведки неизвестными на протяжении всей войны. Истина выяснилась в 1947 году, когда работник контрразведывательного подразделения берлинского отделения гестапо Зигфрид Мюллер на допросе дал показания, раскрывающие истинную роль агента-двойника “Петера” — “Лицеиста”. Его попытались разыскать для примерного наказания, однако сумели найти только архивные материалы, но не самого Берлинкса. Выяснилось, что вполне заслуженной благодарности от немцев он не дождался. Когда после начала войны Гитлер обнаружил в его материалах утверждение Кобулова, что СССР вовсе не намерен нападать на Германию, то в гневе наложил на них резолюцию: “Лгун” и приказал арестовать журналиста. Руководству германской разведки едва удалось отстоять своего агента и для безопасности отправить его в Швецию, где следы бывшего “Лицеиста”, к счастью для него, окончательно затерялись.

Кроме дезинформационной работы, немцы, естественно, серьезно готовились к “Барбароссе” и по другим линиям разведки. Советская контрразведка сразу ощутила усиление агентурной работы СД и особенно абвера, но не зафиксировала факт создания в местечке Сулеювке близ Варшавы специализированного разведывательного штаба “Валли I” по координации оперативной работы против СССР под руководством опытного разведчика майора Германа Вильгельма Бауна. Несколько позже немцы создали аналогичные штабы по руководству диверсионной и контрразведывательной работой “Валли II” и “Валли III”, а затем объединили их в один общий штаб “Валли”, который возглавил сотрудник Абт-III подполковник Хайнц Шмальшлегер. Одновременно на Советский Союз были сориентированы абверштелле в Кенигсберге, Бреслау, Вене, Данциге и Позене, а также абвернебенштелле в Кракове. Активизация разведывательной и контрразведывательной работы завершилась созданием так называемых абвергрупп и распределением их по воинским частям и соединениям. Все организационные мероприятия абвера остались для советской разведки и контрразведки незамеченными. Более того, сама структура германских спецслужб была крайне мало известна в периферийных органах советской контрразведки. В это трудно поверить, но в воспоминаниях бывшего военного контрразведчика генерал-майора В. А. Белоусова содержится поразительное описание новых для себя фактов, в июне 1941 года установленных начальником контрразведки дислоцировавшегося в Украине механизированного корпуса батальонным комиссаром С. М. Сенько: “Задержанный все время упирал на то, что он является сотрудником немецкой разведывательной службы — абвера. Об этой службе Сенько слышал, но еще не знал, что она занимает место в системе разведывательных и контрразведывательных органов Германии, ведущих подрывную деятельность против СССР и его Красной Армии. Поэтому против слова “абвер” он вывел жирный вопросительный знак”³⁶³. Так были информированы о своем непосредственном противнике военные контрразведчики, больше занимавшиеся надзором за благонадежностью войск, чем непосредственной борьбой с вражеским шпионажем. Например, директива Особого отдела ГУГБ НКВД СССР от 7 сентября 1940 года предусматривала систему отчетности в виде внеочередных донесений и докладных записок и специальных сообщений по особо важным вопросам. Как ни странно, в перечень тем для внеочередных донесений шпионаж не был внесен. Исчерпывающий список включал случаи измены Родине, дезертирства, нарушения государственной границы самолетами, террористические, диверсионные и вредительские акты, все случаи аварий и катастроф самолетов, массовые отравления и инфекционные заболевания личного состава, а также случаи хищения или утери мобилизационных и шифровальных документов. Контрразведывательные вопросы не были удостоены подобного приоритета. Как следствие, все

предвоенные инструкции и материалы системы особых отделов содержали общий термин “германская разведка”, без конкретизации ее структуры и функций. Эти знания были получены уже в ходе боевых действий.

Тем временем, несмотря на все сомнения относительно сроков начала войны, в РУ и НКВД/НКГБ прекрасно осознавали ее конечную неизбежность и поэтому предприняли определенные, хотя и запоздалые меры для обеспечения устойчивости работы разведки и контрразведки в таких условиях. В первой половине 1941 года контрразведчиков начали активно обучать немецкому языку, а в марте в 1941 года в НКГБ началось составление единого мобилизационного плана, составными элементами которого являлись “пополнение агентурно-осведомительного аппарата на случай войны; взятие на учет агентов и осведомителей, убывающих по мобилизации в армию; регистрация лиц, проходящих по делам оперативного учета; активизация разработок иностранцев, подозреваемых в шпионской и другой подрывной деятельности; организация агентурно-оперативной работы на призывных пунктах в мобилизационный период; очистка пограничных районов, оборонительных и важных промышленных объектов от враждебных элементов и усиление режима их охраны”³⁶⁴. Транспортные органы приступили к формированию главных дорожно-транспортных групп на пограничных участках железных дорог и созданию опергрупп на наиболее важных объектах железнодорожного транспорта. Особые отделы занялись созданием агентурно-осведомительного аппарата, предназначенного для потребностей военного времени, организацией оперативной работы среди военнопленных, перебежчиков и интернированных лиц, а также среди гражданского населения на территории, которая могла подвергнуться оккупации. Следует отметить, что завершить даже не осуществление перечисленных мероприятий, а только их планирование предполагалось к 20 июля 1941 года, и этот малоизвестный факт серьезно подрывает аргументы сторонников версии о подготовке Сталиным превентивного удара по Германии, якобы назначенного на 6 июля. Однако на этот счет существуют и иные данные. Официально мобилизационная работа была начата на основании приказа по наркомату № 00148 лишь 26 апреля 1941 года³⁶⁵, зато закончить ее следовало в месячный срок, то есть к июлю мобилизация была бы уже давно закончена. В данный момент сложно сказать, какая из версий более верна, и не явилась ли первая из них пропагандистской акцией, рассчитанной на личный состав госбезопасности.

Внешняя разведка начала аналогичную подготовку после подписания Судоплатовым директивы от 18 апреля 1941 года об активизации работы агентурной сети и линий связи и приведении их в соответствие с условиями военного времени. Это продолжало линию на усиление инфраструктуры разведки в период конца 1939 — 1940 года, выразившееся в открытии 40 новых закордонных резидентур с общим штатом в 242 сотрудника.

Военные раньше чекистов занялись организацией перевода линий связи с дипломатических каналов на подпольные радиостанции, хотя и заметно задержались с нелегальной переправкой передатчиков и направлением в резидентуры радистов. Нельзя сказать, что руководство РУ игнорировало подготовку к назревавшей войне. В период с 23 января по 22 февраля 1941 года прошли сборы начальников разведотделов штабов военных округов и отдельных армий по вопросу отработки организационной деятельности в военное время. Согласно директиве начальника разведки от 24 февраля 1941 года, с 10 мая их оперативные пункты приводились в мобилизационную готовность. В мае 1941 года начальник генерального штаба генерал армии Жуков утвердил план мероприятий по созданию в приграничных военных округах запасов оружия, боеприпасов и военного имущества иностранных образцов, подрывных средств, организации запасной агентурной сети на основных объектах или вблизи них с соответствующей системой связи на территории глубиной 100 — 150 километров от границы. Первоначально рассматривался вопрос о проведении этих мер в 400-километровой зоне, однако впоследствии было решено, что вероятность отступления Красной Армии на такие рубежи полностью отсутствует, и в подписанных документах появились уменьшенные значения. В ночь на 22 июня в РУ ГШ КА проводилось штабное учение по вопросам организации разведки при возможном нападении Германии. Наступившее утро превратило учения в реальность.

Однако еще в течение часа с небольшим было не вполне понятно, началась ли полномасштабная война, или Германия ограничится локальными действиями. Не в последнюю

очередь это происходило по причине нарушения коммуникаций немецкими диверсантами, в ночь на 22 июня 1941 года успешно уничтожившими значительное количество узлов связи Красной Армии. Все сомнения развеяла полученная нота германского МИД советскому правительству, в которой выдвигался целый ряд частично справедливых, частично надуманных обвинений.

Немцы констатировали, что, несмотря на разницу в идеологии, после заключения пакта о ненападении от 23 августа 1939 года и договора о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года, “правительство рейха...осуществило принципиальные изменения своей политики по отношению к Советскому Союзу. Германское правительство искренне придерживалось буквы и духа договоров, подписанных с Советским Союзом.

Естественно, правительство рейха таким образом имело право рассчитывать, что отношение Советского Союза к германскому рейху будет таким же...

К сожалению, скоро стало очевидным, что германское правительство ошиблось в своих предположениях”³⁶⁶.

Далее немцы конкретизировали свои претензии. Они обвиняли СССР в активизации подрывной антигерманской деятельности Коминтерна, в том числе и в дружественных Берлину или нейтральных государствах и на занятых германскими войсками территориях Европы. Обращалось внимание на роль советских представительств, являвшихся центрами организации диверсий и шпионажа, в том числе с применением радиотехнических средств. Указывалось, что против, как минимум, 16 немецких судов были проведены диверсионные акции. Меморандум констатировал: “Все свидетельства неопровержимо доказывают, что Советская Россия проводила против Германии широкомасштабные подрывные действия в политической, экономической и военной сферах, акты саботажа, террора и шпионажа в ходе приготовлений к войне”³⁶⁷. МИД Германии обвинял СССР в проведении аналогичных действий и враждебной пропаганды в Румынии, Югославии, Словакии, Финляндии, Венгрии, Франции, Бельгии и Голландии. Немцы утверждали, что в Белграде был обнаружен некий подлинный советский документ, где говорилось: “СССР будет выжидать вплоть до возникновения подходящего момента. Государства оси еще больше распылили свои силы, и СССР нанесет внезапный удар по Германии”³⁶⁸. Кстати, факт захвата некоторого количества советских документов при оккупации Югославии являлся чистой правдой, хотя соответствие действительности приведенной цитаты вызывает серьезные и обоснованные сомнения.

Во внешнеполитической области к деятельности Советского Союза у немцев было еще больше претензий. В 1939 году “правительство Советской России заявило... что оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать никакие государства, расположенные в его сфере интересов, за исключением территорий бывшего Польского государства, которые в то время пребывали в состоянии распада.

В действительности, однако, как показал ход событий, политика Советского Союза на протяжении всего периода была исключительно направлена на одну цель, а именно, на распространение военной мощи Москвы всюду, где появлялась такая возможность в пространстве от Ледовитого океана до Черного моря, и на распространение большевизма в Европе”³⁶⁹. В этой связи перечислялись территориальные приобретения СССР за пределами Польши: Прибалтика, часть Финляндии, Бессарабия и Северная Буковина. Обращалось внимание на то, что СССР занял всю Литву, в том числе и ту ее часть, которая, согласно упомянутым договорам, относилась к германской сфере влияния. Упоминалось и то, что после присоединения Прибалтийских государств их экономические соглашения с Берлином были расторгнуты в одностороннем порядке, хотя те же договоры специально оговаривали их сохранение. Немцы отметили также, что присоединенная к Советскому Союзу Северная Буковина в прошлом никогда не принадлежала России, а являлась частью Австро-Венгрии. Указывалось, что, вопреки договоренностям, Красная Армия заняла все новые территории и создала на них плацдармы для продвижения на Запад, причем СССР заявил, что его территориальные притязания на Балканах все еще не полностью удовлетворены, не конкретизируя, какие именно. После этого на переговорах в Москве и Берлине Молотов выдвинул дополнительные требования заключения с Болгарией договора о взаимопомощи по образцу прибалтийских, с Турцией — для создания базы сухопутных войск и военно-морского флота на Босфоре и в Дарданеллах и отказа Германии от Финляндии.

До этого момента меморандум излагал факты, в общем, справедливо, однако далее немцы начали искажать их и представили переброску своих сил в Румынию и Болгарию как

контрмеру против массовой высадки английских войск в Греции. Берлин обоснованно отмечал усиление концентрации частей и соединений Красной Армии по всей западной границе СССР, однако тут же лицемерно утверждал, что «никакие предпринятые германской стороной военные меры не могли оправдать таких действий со стороны СССР. И именно такие действия со стороны Советского Союза вынудили германские вооруженные силы принять контрмеры»³⁷⁰. В итоговой части ноты правительство рейха заявляло: «Вопреки всем принятым на себя обязательствам и в полном противоречии со своими торжественными заявлениями, Советское правительство действовало против Германии, а именно:

1. Не только продолжало, но с началом войны активизировало подрывные действия против Германии и Европы.

2. В постоянно возрастающей степени усиливало враждебность своей внешней политики по отношению к Германии.

3. Сосредоточивало все свои вооруженные силы на германской границе в готовности к действиям.

Советское правительство таким образом нарушило договоры и разрушило соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее ее политической мудрости. Большевизм выступает против национал-социализма в смертельной ненависти. Большевистская Москва собирается предательски ударить в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за свое существование.

Германия не собирается оставаться бездеятельной перед лицом серьезной угрозы ее восточным границам. Поэтому фюрер приказал германским вооруженным силам противопоставить этой угрозе всю мощь, имеющуюся в их распоряжении.

В предстоящей борьбе германский народ полностью отдает себе отчет, что он призван не только защитить свою родную землю, но и спасти весь цивилизованный мир от смертельной опасности большевизма и расчистить путь для подлинного социального прогресса в Европе»³⁷¹.

Этот меморандум был предпоследним в числе официальных документов, направленных рейхом Советскому Союзу. Следующим и последним стал подписанный в мае 1945 года Акт о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Германии.

ВОСТОК

1. КИТАЙ И МАНЬЧЖУРИЯ

Период с 1930 по 1939 годы историки обычно именуют “последним предвоенным десятилетием”, но эта успокоительная формулировка справедлива лишь для Европы. Разоренный и по-прежнему терзаемый войнами и междоусобицами Китай в эти годы не видел мира. Япония наращивала усилия по захвату все новых его территорий, официально объявила Маньчжурию своей “первой линией государственной обороны” и превратила ее в плацдарм для дальнейшей экспансии и для создания угрозы советскому Дальнему Востоку и Сибири. Усиление Квантунской армии дополнялось активной работой спецслужб и инвестированием в регион огромных финансовых средств.

Совершенно естественно, что создававшаяся обстановка весьма беспокоила сопредельный с Маньчжурией Советский Союз, но за ней с беспокойством наблюдали не только в Москве или Хабаровске. В Соединенных Штатах Америки тоже уже давно с тревогой следили за укреплением главного конкурента в тихоокеанском бассейне. В Вашингтоне придерживались положений “доктрины Гувера — Стимсона”, не допускавшей любых разделов Китая, и в этом отношении его интересы сходились с советскими. Зато в Лондоне были готовы признать особые интересы японцев в Маньчжурии, при условии ограничения экспансии Токио на юг и запад. Движение в сторону СССР и Монголии не наталкивалось ни на какие возражения со стороны британского руководства. Несмотря на такое благожелательное отношение к проблемам региона, Великобритания была вынуждена официально разделить озабоченность Лиги Наций обстановкой в Китае. В итоге долгих дебатов для изучения создавшейся ситуации на месте и для выработки рекомендаций на Дальний Восток была направлена уже упоминавшаяся “комиссия Литтона”, получившая свое название по имени возглавлявшего ее бывшего губернатора Бенгалии Виктора Александра Джорджа Роберта Бульвер-Литтона. Японцы чинили ей массу препятствий, создавали своего рода аналоги “потемкинских деревень” для введения проверяющих в заблуждение, но все же не смогли окончательно запутать их. Комиссия обнаружила множество неприглядных фактов и рекомендовала участникам Лиги Наций воздержаться от признания марионеточного государства Маньчжоу-Го, формально возглавляемого последним отпрыском династии маньчжурских императоров Пу И. В ответ Япония 23 марта 1933 года вышла из международного сообщества и с этого момента могла спокойно игнорировать его мнение.

Тем временем в Китае все сильнее разгоралась гражданская война, основным содержанием которой являлось противостояние Гоминьдана и коммунистов. Чан Кайши не оставлял попыток найти временный компромисс с Японией, поскольку лучше других понимал ее силу и влияние и не был подвержен безосновательным шапкозакидательским настроениям, овладевшим многими генералами. Тем временем обидевшийся на него “молодой маршал” Чжан Сюэлян, сын загадочно погибшего Чжан Цзолина, начал искать пути сближения с коммунистами, однако опасался делать это слишком явно. К маскировке его намерений

подключилась секретная служба КПК, распространявшая слухи и подбрасывавшая вещественные доказательства нескольких побед, якобы одержанных маршалом над Красной Армией. Эти совместные попытки провалились, поскольку ЦБРС сумело вскрыть дезинформацию и установить ее источники. Параллельно Центральное бюро расследований и статистики вело активную подрывную работу в провинции Шаньси по разложению коммунистического тыла. Его доклады о растущем влиянии коммунистов серьезно встревожили рвущегося к всеобъемлющей власти Чана, на днях получившего звание генералиссимуса и пост президента Гоминьдана. Он решил лично убедиться в их обоснованности, а особенно в правдивости информации о специфических отношениях Чжана Сюэляна с КПК, и для проверки его лояльности 9 декабря 1936 года с небольшим штатом охранников прилетел в контролируемый маршалом город Сиань.

Коммунистическая разведка уже довольно давно приобрела агентуру в ближнем окружении Чана и знала о предстоящей поездке. Ее главными источниками являлись несколько завербованных на патриотической основе офицеров-маньчжуров, возмущенных пассивным отношением президента Гоминьдана к фактическому захвату их родины. Чан Кайши действительно рассматривал это как неизбежную жертву и не предпринимал попыток противодействовать японской экспансии в этом районе из-за полной невозможности противостоять ей. КПК, напротив, постоянно декларировала свою активную позицию в противостоянии Японии (позднее оказавшуюся в значительной степени демагогической) и приобрела симпатии многих маньчжуров. В дальнейшем источники разведки компартии в окружении генералиссимуса оказались утраченными, поскольку в самом конце 1936 года эти офицеры в числе 3 тысяч военнослужащих маньчжурской национальности открыто перешли на службу в Красную Армию. Однако в течение некоторого времени коммунисты регулярно получали информацию обо всех перемещениях и настроениях генералиссимуса и были готовы к его прибытию в Сиань, где и произошел эпизод, обычно именуемый “декабрьским сианьским инцидентом 1936 года”. В нем многие исследователи усматривают провокацию КПК, но прямых доказательств участия коммунистов в начальном этапе развернувшихся событий не имеется.

Следует подчеркнуть, что визит Чан Кайши в контролируемый Чжан Сюэляном город проходил на фоне специфических взаимоотношений этих двух людей. Несмотря на стоявшую за ним реальную военную мощь, “молодой маршал” занимал по отношению к генералиссимусу мягкую и примирительную позицию. Президент Гоминьдана несколько раз находился в пределах его досягаемости, но, несмотря на возможность арестовать соперника, Чжан предпочитал метод убеждения. Такое поведение ввело Чана в заблуждение. Приняв мягкость за робость, он занял жесткую линию по подавлению политических противников, что и требовалось коммунистам, желавшим подтолкнуть маршала к активным действиям. В Сиани Чан Кайши встретила манифестация из нескольких тысяч маньчжурских студентов, поднявших лозунги сопротивления Японии и ликвидации марионеточного режима Маньчжоу-Го. Демонстранты абсолютно ничем не угрожали генералиссимусу, однако его охрана приняла самое неудачное из возможных решений и просто расстреляла людей, даже не потрудившись произвести предупредительные выстрелы вверх голов. После этого примирительная позиция Чжан Сюэляна претерпела разительные изменения буквально в одночасье, и 12 декабря “китайский Бонапарт” был арестован. Чану предложили подписать пакет документов, которые должны были положить конец гражданской войне в стране и консолидировать силы против японских захватчиков, но он категорически отверг это предложение. КПК потребовала судить попавшего в пределы ее досягаемости виновника междоусобиц, однако внезапно ее линия резко изменилась. Далее последовали странные события, не имеющие, казалось бы, вразумительного объяснения. Коммунисты в лице прибывшего в Сиань Чжоу Эньлая неожиданно выступили за освобождение арестованного и заявили о готовности прекратить повстанческие операции в обмен на обещание создать совместный антияпонский фронт. Такое, на первый взгляд, нелогичное поведение имело под собой достаточные основания. В случае насильственного отстранения Чан Кайши от руководства партией его место неизбежно перешло бы к откровенно прояпонскому председателю Политического совета Гоминьдана Ван Цзинвэю, как раз возвращавшемуся из Германии после переговоров с ее нацистским руководством. По сравнению с ним Чан являлся значительно меньшим злом, поэтому СССР по секретным каналам в категорической форме потребовал от Мао Цзэдуна освободить генералиссимуса. Следует констатировать, что все это свидетельствует о промахе

советской разведки, не выяснившей, что в действительности КПК не имела возможности принимать такие решения или серьезно влиять на них. Полностью контролировал ситуацию только Чжан Сюэлян, лишь отчасти координировавший свои действия с коммунистами. Все же после двухнедельной паузы для “спасения лица” обеих сторон пленный президент Гоминьдана устно пообещал честно сотрудничать с компартией и организовать подлинное сопротивление иностранным захватчикам. Его выпустили на свободу, и 25 декабря в сопровождении поверившего ему Чжана Чан улетел к месту нахождения правительства в Нанкин, где по прибытии немедленно арестовал своего великодушного похитителя. Суд приговорил маршала к десяти годам тюремного заключения, но специально объявленная ему амнистия заменила этот приговор домашним арестом под контролем Гоминьдана. Западная пресса однозначно определила “сианьский инцидент” делом рук КПК, коммунисты же немедленно объявили его японским заговором.

Все эти бурные события и активная антикоммунистическая деятельность нанкинское правительство привели к тому, что о Японии как-то забыли. Это оказалось серьезнейшей ошибкой. Во все исторические эпохи период внутренних распри в государстве являлся наиболее удобным временем для действий внешних захватчиков, и японцы в очередной раз подтвердили эту истину. В ночь с 7 на 8 августа 1937 года произошли положившие начало их обширной агрессии в Китае события в Лугоуцяо, известные также как “инцидент у моста Марко Поло”. Официальная версия японской стороны утверждала, что проводившая ночное учение рота японских войск подверглась внезапному обстрелу, в ходе которого один солдат бесследно исчез. Пропавшего начали искать целым батальоном, но не нашли. Вскоре Япония один за другим предъявила Китаю два ультиматума, после чего ее войска немедленно атаковали позиции противника. В Токио возложили вину за инцидент на прокоммунистические элементы китайской 29-й армии и немедленно использовали эту, судя по оценке большинства экспертов, провокацию в качестве предлога для широкомасштабного нападения. Японцы захватили Нанкин, Тяньцзинь и Шанхай, причем все это время рассчитывали на уступчивость Чана, его капитулянтскую позицию и, как они полагали, симпатии, испытываемые им к Стране Восходящего Солнца.

Одним из самых слабых мест японской разведки являлось прогнозирование возможной реакции китайских государственных и военных руководителей на те или иные действия Токио. Так произошло и в данном случае. Чан Кайши проявил неожиданную для японцев, но, вообще говоря, достаточно легко предсказуемую твердость и призвал соотечественников, включая коммунистов, к сопротивлению иноземным захватчикам. Он официально признал образование сформированной КПК 8-й Народно-революционной армии под командованием Чжу Дэ и даже пополнил ее тремя правительственными дивизиями и бригадой, а 3 сентября 1937 года публично заявил о сотрудничестве с коммунистами в деле освобождения страны. Судя по всему, это было одним из негласных условий подписанного им 21 августа советско-китайского договора о ненападении, на основании которого в Китай начала прибывать советская техника, летчики-“добровольцы” и другие специалисты, а правительство Чана получило заем на сумму в 100 миллионов долларов.

Обманувшиеся в своих расчетах японцы решили наказать непокорного лидера Гоминьдана, при этом пострадавшим, как всегда, оказался народ. Захватчики устроили страшную резню беззащитного мирного населения Нанкина, в которой истребили не менее 300 тысяч человек и уничтожили треть городских зданий. Вошедшие в город военные начали акцию устрашения с того, что вывезли в поле и закололи штыками 20 тысяч мужчин призывного возраста, чтобы лишить китайскую армию возможности когда-либо пополнить ими свои ряды. Дальнейшие события скупно, но исчерпывающе изложены в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока: “К моменту вступления японской армии в город утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось. Японские солдаты бродили толпами по городу, совершая различного рода зверства. Многие солдаты были пьяны. Они ходили толпами по улицам, без разбора убивая китайцев – мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. После ограбления магазинов и складов японские солдаты часто поджигали их”³⁷².

На фронте наступление японских войск продолжалось, 22 октября они захватили важнейший центр юга страны Гуаньчжоу. Правительство переехало в Чунцин, Чан передал политическое руководство Куну Сяньси (Х. Х. Кун) и остался исключительно военным ли-

дером. В это же время японская разведка сумела найти ключи к главе Политического совета Гоминьдана Ван Цзинвэю, согласно указаниям которого комендант гарнизона Чанша Фэн Цзы и начальник управления общественной безопасности города Вэн Чжунфу организовали уничтожение имущества, половины зданий и практически всех боевых запасов, хранившихся в этом важном опорном пункте. Они мотивировали свои действия угрозой захвата города противником, но в действительности совершили их по соглашению с японцами и при помощи специалистов из их диверсионных подразделений

Традиционно выступавшие за “свободу рук и равные права в Китае” американцы не вмешивались в события, поскольку формально никакая война в стране не объявлялась и якобы не шла. В ноябре 1937 года участники Брюссельской конференции девяти держав при обсуждении японской агрессии отказались отрезать островную Японию от внешних источников снабжения, чтобы тем самым остановить ее экспансию. Правительство принца Коноэ в Токио приняло это за знак полной безнаказанности и решило более глубоко прозондировать степень решительности западных правительств. Японская авиация утопила на Янцзы американскую канонерскую лодку “Пенэй”, сухопутные войска захватили британскую канонерку “Леди Берд”, но и это опять-таки не повлекло за собой никаких санкций. Англичане лишь наблюдали за развитием событий в регионе, поскольку их весьма слабые разведывательные возможности никак не соответствовали важности происходивших на Дальнем Востоке событий, американская реакция также была весьма вялой.

Коммунисты рассматривали развивающееся наступление японцев в Китае как крайне благоприятный для себя фактор. Мао Цзэдун в 1938 году инструктировал высших офицеров своей разведки: “Китайско-японская война дает коммунистической партии Китая исключительную возможность роста. Наша практика заключается в выделении 70 процентов усилий на расширение влияния, 20 процентов на координацию с правительством и 10 процентов — на борьбу с японцами”³⁷³. Он отнюдь не стремился мобилизовывать войска на проведение антияпонских операций, а в узком кругу достаточно откровенно именовал эту политику экономией сил, которые вскоре потребуются для действий против правительственных войск.

Чан Кайши не сразу до конца осознал важность создания своей собственной секретной службы, и это наследие Сунь Ятсена претерпело в его руках принципиальные изменения. На ранней стадии карьеры Чан являлся скорее военным, нежели политиком, и роль секретной службы явно недооценивал. Создание всех подчиненных ему многочисленных официальных, полуофициальных и неофициальных органов безопасности и спецслужб возможно, состоялось бы намного позднее, но главкома направлял в этом вопросе генерал Ву Тэчень, бывший начальник полиции Гуаньчжоу, с 1929 года отвечавший в Гоминьдане за внутреннюю безопасность. Ву сумел убедить своего начальника в том, что без постоянного контроля за безопасностью со стороны официального контрразведывательного органа существование партии неизбежно будет находиться под угрозой. В этом случае опять сказалась специфика менталитета полицейского, который охотно проникся философией базирующейся на праве и законе контрразведки, однако не принимал концепции разведки, изначально нарушающей законы, пусть даже не свои, а противника. Поэтому принципы, заложенные в создание и развитие спецслужб Китая “генералом Ма” (Моррисом Кохеном), вскоре были отброшены и забыты.

Следует отметить, что после смерти Сунь Ятсена и вплоть до конца 1930-х годов Китай, судя по всему, являлся государством с наименее понятной структурой разведывательного общества. Впрочем, такой термин вряд ли применим к спецслужбам Чан Кайши, поскольку взаимодействие между собой было последним, на что они обращали внимание. Разведывательные и контрразведывательные органы ожесточенно конкурировали и даже враждовали, вплоть до негласных арестов, пыток и убийств сотрудников параллельных структур или даже различных собственных подразделений. Борьба шла за влияние на Чан Кайши, за бюджетные средства, за штаты и, в конечном итоге, за выживание. При этом вряд ли более нескольких человек в высшем руководстве могли знать, сколько и каких спецслужб действует в государстве в каждый конкретный момент. Например, даже влиятельного члена высшего партийного руководства и своего близкого родственника Чэнь Лифу главнокомандующий не поставил в известность о создании альтернативной контрразведывательной структуры, параллельной с подчиненной Чэню службой. Контрразведывательные и разведывательные органы были неофициальными, полуофициальными и официальными, они то обособлялись, то прятались в общественных или партийных институтах, меняли названия и отдельные иероглифы в

них, так что при приблизительном сохранении произношения суть названия существенно менялась. Имелись подлинные наименования, наименования прикрытия и наименования глубокого прикрытия, а периодически одна и та же спецслужба официально носила два или три равноправных названия. Один и тот же орган создавался, потом вроде бы распускался, а несколько лет спустя оказывалось, что он продолжает работать, причем без всякого нормативного акта о его повторном формировании. Бюро расследований и статистики с непонятной бессистемностью то приобретало, то теряло из названия слово “Центральное”, причем таким образом именовались одновременно две спецслужбы. В течение некоторого периода времени они носили одинаковые названия, при этом руководитель одной из них не знал о существовании второй. Перечисленные факторы вводили в заблуждение целые поколения исследователей, и лишь в настоящее время появилась некоторая определенность относительно структуры спецслужб Нанкина — Чунцина. Хочется сразу же отметить, что встречающиеся в некоторых источниках упоминания о существовании таких органов, как Государственная служба внешней и внутренней разведки или Отдел политической разведки и психологической войны Гоминьдана лишены оснований, поскольку эти названия служили лишь дезинформационным целям.

Беспристрастный анализ уровня работы основных спецслужб Гоминьдана³⁷⁴ против японцев показывает их невысокую результативность, в первую очередь из-за второстепенного внимания к этому направлению со стороны их руководства. До некоторой степени это понятно, поскольку в своей сущности они являлись органами безопасности и тайной политической полиции и прежде всего служили инструментами подавления и ведения политической борьбы. Ввиду этого внешняя разведка считалась в них весьма непрестижной и финансировалась по остаточному принципу. Что касается классической контрразведки, в значении совокупности мероприятий по противодействию иностранному шпионажу, то Чана значительно более беспокоили внутренние враги режима, а именно коммунисты и соперники среди военных и политиков.

Как уже указывалось ранее, истоки спецслужб Гоминьдана восходят к “призрачной” секретной службе Сунь Ятсена и ряду тайных обществ. Поэтому нет ничего странного в том, что и Чан Кайши на начальном этапе пошел именно по этому пути. Летом и осенью 1931 года, после его вынужденного ухода со всех постов и переезда в Чжэцзянь, будущий генералиссимус выработал инструмент, позволивший ему не только постоянно находиться в курсе происходящих событий, но и заложить фундамент скорого и триумфального возвращения. Он основал так называемое Лисин шэ — Общество энергичной практики (полное название — Общество энергичной практики Трех Народных Принципов), которое тайным не являлось, однако было известно весьма немногим за пределами входивших в него 500 тысяч членов. В течение 40 лет после образования общества из официальных источников не исходила никакая информация о нем. Лисин шэ носило смешанные черты масонской ложи, фашистской партии и традиционного китайского тайного общества, а существование его можно было заметить лишь по внешнему фасаду, представленному штурмовыми отрядами “Синих рубашек”. Одним из важнейших направлений деятельности организации была пропаганда и разработка системы военно-патриотической подготовки китайцев, от отрядов бойскаутов до военных учебных курсов в университетах страны. Как и положено тайному обществу, оно не имело штатов и прочих атрибутов официальных структур, а достигало своих целей путем соответствующих действий находившихся на ключевых постах его членов. Зато Общество энергичной практики располагало группой образованных им самим обществ-спутников второго и третьего ряда, из которых отношение к спецслужбам имело основанное в июле 1932 года Общество возрождения (Фусин шэ). Оно играло особенную роль во время известного раскола Китая и противостояния между Севером и Югом. Членство в нем было автоматическим для членов Общества энергичной практики, но не наоборот. Общество возрождения просуществовало по сентябрь 1937 года и было распущено согласно условиям формирования Второго единого фронта коммунистов и Гоминьдана, хотя публично было объявлено, что оно вошло в состав Молодежного корпуса Трех Народных Принципов. “Синие рубашки” не были распущены и продолжали действовать. Именно в Обществе возрождения начиналась серьезная карьера Дай Ли, там завязались и укрепились его основные связи и выработались навыки, за которые позднее его прозвали “китайским Гиммлером”.

История китайских спецслужб немислима в отрыве от личности Дай Ли, все свои 25 лет в органах безопасности посвятившего борьбе с внутренними врагами и усилению

Дай Ли

личного влияния в партии и государстве. До недавнего времени публиковавшиеся на Западе биографические сведения о нем отличались крайней противоречивостью, и никто из исследователей не мог проследить его ранние годы с достаточной ясностью. Почти все сходились на том, что в 1925 году он служил в военной полиции Гоминьдана в Шанхае, где за два года сумел продвинуться до капитанского звания. Некоторые полагали, что с 1923 по 1927 годы будущий руководитель военной контрразведки и тайной полиции негласно работал на коммунистов, но расходились во мнениях относительно истинных причин этого. Они не могли однозначно заключить, внедрялся ли Дай Ли в структуры КПК с разведывательными целями или же просто готовил себе путь для отступления на случай, если его покровитель Чан Кайши не сумеет удержать верховную власть в стране.

Утверждалось, однако, что именно он в 1927 году снабдил Чана полным списком подлежащих аресту членов организаций КПК в Шанхае, и это дало Дай Ли толчок для восхождения к вершинам власти в карательных органах Гоминьдана.

Все это достаточно далеко от действительности. Рассекреченные архивы Китайской республики (Тайвань) рисуют совершенно иной жизненный путь будущего руководителя самой могущественной спецслужбы Гоминьдана. Дай Ли родился 28 мая 1897 года и первоначально, согласно китайской традиции, именовался Дай Чуньфэн, а позднее носил имена Фанчжоу, Чжилань и Чжэнлань. Имя Ли он принял лишь в 1927 году, во время обучения в шанхайской военной академии Вампу. В ранние ученические годы он не задерживался долго ни в одном из учебных заведений, поскольку все свое время посвящал пьянству, азартным играм и хулиганству, все чаще общаясь с криминальной средой. Дай Ли несколько раз сильно избивали, именно тогда он лишился нескольких зубов, хотя впоследствии утверждал, что ему выбили их на допросе у коммунистов. Попавшись на перепродаже краденого, он был вынужден добровольно вступить в Чжэцзянскую армию, где продолжал участвовать в азартных играх и укреплял связи с негативной средой, в особенности с тайной преступной организацией “Зеленая банда”. Все это стало известно командованию, и во избежание отдания под трибунал Дай Ли в 1918 году дезертировал. Он скрывался и голодал до тех пор, пока мать не приехала за ним в Нинбо и не увезла для продолжения учебы в родной Цзяншань. Однако карьера учителя не прельщала Дай Ли. Он уехал в Шанхай, где работал телохранителем у бандитов, крупье в казино и постепенно начинал втягиваться в работу секретного агента полиции. Тогда же Дай Ли познакомился с начальником полиции шанхайского гарнизона Ян Ху, сыгравшим значительную роль в его дальнейшей карьере. Тем временем будущий начальник ряда спецслужб несколько раз возвращался в Цзяншань, где в один из приездов организовал небольшой отряд самообороны. Там впервые проявились личная храбрость, коварство и жестокость Дай Ли, не принесшие, однако, успех его отряду. Он вновь уехал из родных мест, на этот раз в Ханчжоу, где во время омовения в буддийском храме познакомился и подружился со школьным учителем Ху Цзуннанем, впоследствии генералом и одним из фаворитов Чан Кайши, прозванным “Королем Северо-Запада”. Это оказало на его судьбу не меньшее влияние, чем первая встреча с Чаном в 1921 году в Шанхае, где тот выполнял функции курьера Сунь Ятсена, а Дай Ли прислуживал ему в гостинице и одновременно рассуждал о стремлении принести пользу родине. В результате в 1926 году он отправился в Гуаньчжоу к будущему генералиссимусу с рекомендательным письмом. Он был благосклонно принят, зачислен в армию и совершил свои первые шаги на поприще агентурно-оперативной работы.

Старт карьеры Дай Ли в секретной службе не слишком впечатлял. В начавшей формироваться в июле 1927 года и окончателно образовавшейся в следующем году Группе секретных расследований (Мича цзу) он всего лишь выполнял обязанности няньки для новорожденного ребенка ее первого и недолгого руководителя Ху Цзина. Дай Ли так никогда и не окончил курс в военной академии Вампу и довольно поздно вступил в ряды Гоминьдана, что на первых порах существенно затормозило его продвижение по иерархической лестнице. Однако личные качества будущего генерала привлекли внимание Чана, к середине 1930-х годов серьезно обеспокоенного лояльностью высшего и среднего офицерского звена.

Для этого главнокомандующий без особого шума организовал в составе Ассоциации выпускников Вампу Отдел расследований, вскоре расширивший свою сферу деятельности и реорганизованный в Центральный отдел расследований военных школ. В число подведомственных ему учебных заведений входили: Центральная военная академия, Артиллерийская академия, Кавалерийская академия, Армейская инженерная академия, Академия легкой и тяжелой пехоты, Военно-морская академия, Военно-воздушная академия, Центральная полицейская академия и свыше ста учебных офицерских классов и курсов. После назначения Дай Ли руководителем Центрального отдела расследований он получил право контролировать лояльность практически любого офицера правительственных войск, однако такое высокое положение несколько омрачало отсутствие у него какого-либо легального статуса. Новая спецслужба не являлась официальным органом, не имела регулярного бюджета и финансировалась лично Чан Кайши. Вначале ее курировал заместитель главнокомандующего Ху Цзинань, но вскоре из-за сложностей характера этого генерала Чан вывел Центральный отдел расследований из его подчинения. Дай Ли не имел никаких проблем с комплектацией кадров, поскольку многочисленные безработные офицеры только и ждали возможности где-либо применить свои силы, хотя бы и за мизерную плату. На первом этапе главнокомандующий скептически относился к возможностям Дай Ли, но после получения от него ряда интересных материалов переменил свое мнение и обратил особое внимание на начальника новой спецслужбы, признав его авторитет в области военной контрразведки.

Приблизительно тогда же в Шанхае Чан создал прообраз новой спецслужбы, формально именованной Шанхайским агентством по найму, во главе со своим племянником Чэнь Гуофу. Однако уже в 1928 году было принято новое организационное решение, и в составе Гоминьдана окончательно образовалась полуофициальная Группа секретных расследований (Мича цзу). Этот орган являлся своего рода переходным от неформальной “призрачной” секретной службы времен Сунь Ятсена к типичным для нового столетия государственным спецслужбам. Группа уже обладала конкретными, вполне определенными штатами и структурой, но пока не учитывалась в бюджете и не подкреплялась никакими законодательными актами, что, впрочем, на Востоке стало обязательным лишь значительно позднее. Руководителем группы стал весьма авторитетный племянник Чана Чэнь Лифу, одновременно возглавлявший Секретную секцию Национального военного совета и Комиссию по национальной перестройке, а на 2-м съезде Гоминьдана избранный начальником его Организационного отдела. В дальнейшем Чэнь стал одним из пяти членов партийного руководства, по поручению Чана негласно контролировавших Дай Ли. Центральный аппарат новой спецслужбы состоял из трех секций:

- Первая секция (начальник Сю Еньцзэн) отвечала за контрразведку и противодействие коммунистам и противникам Чан Кайши в гражданской сфере. Финансирование секции осуществлялось из секретных фондов ЦК Гоминьдана;
- Вторая секция (начальник Дай Ли) ведала военной контрразведкой и обеспечением безопасности армии, а также оперативной работой на некоторых территориях, контролируемых “милитаристами”. Финансирование секции осуществлялось из военного бюджета;
- Третья секция (начальник Дин Моцунь) вела внешнюю разведку, в основном против Японии. В 1937 году ее преобразовали в Отдел специальных расследований (Тэцзянь чу), а в 1938 году передали в прямое подчинение Комиссии по военным делам. Финансирование секции осуществлялось из специального фонда.

Вопреки надеждам Чан Кайши, эффективность Группы секретных расследований оказалась не слишком высокой, в первую очередь по причине раздиравших ее постоянных споров, внутренних конфликтов и соперничества за секретные оперативные фонды. Секции, особенно Первая и Вторая, чаще и ожесточеннее боролись друг с другом, чем со “штатными” противниками. Однако, несмотря на это, вплоть до 1931 — 1932 годов группа оставалась единственной централизованной полуофициальной спецслужбой под контролем Гоминьдана.

Уже в это время Дай Ли начал в рамках возглавляемой им секции формировать собственное ядро агентурных сетей (“группа десяти”, или шижэнь туань) для своей будущей независимой секретной службы. Его особо доверенные люди составили так называемую “Малую группу расследований и связи” (Дьяоча тунсунь сяоцзу), о существовании которой за пределами их круга никому известно не было. Для поддержания секретности начальник

Второй секции, поборов свое известное корыстолюбие, платил им деньги из собственного кармана, чтобы не оставлять следы в официальных ведомостях на заработную плату.

Руководство Гоминьдана было также крайне озабочено разгулом бандитизма в стране. Чан Кайши в 1931 году одобрил план своего секретаря в Комиссии по военным делам Дэна Венги и распорядился создать в Наньчане (провинция Цзяньси) Штаб по уничтожению бандитов (Цзяофей цзунбу), а в его составе — Секцию агентурной разведки (Дебао кэ). Одновременно в Мобильных гарнизонах по сохранению мира формировались Следственные секции (Дьяоча кэ) с правом ведения агентурно-оперативной работы. Весной 1932 года план был реализован, хотя и с некоторыми изменениями. Было решено, что гарнизоны не должны вести разведку своими силами, зато в Отделах по сохранению мира создавались Разведывательные секции (Цзянь де гу). Эти официальные периферийные структуры не имели ничего общего с Группой секретных расследований, являвшейся полуофициальной, но централизованной секретной службой.

Тем временем Чан Кайши, не удовлетворенный состоянием контрразведки в войсках и военных учреждениях, пожелал улучшить обстановку в них. По совету Дай Ли он распорядился, не мешая работе Группы секретных расследований, осуществлять параллельное агентурное проникновение в гарнизоны, гражданскую и военную полицию с одновременным упором на подготовку разведывательно-диверсионной агентуры. 18 марта 1932 года 2-й пленум ЦИК Гоминьдана назначил Чана председателем Комиссии по военным делам, и уже в этом качестве он проинформировал пленум о намерении объединить все существующие неофициальные и официальные спецслужбы. В конце месяца состоялось совещание, выработавшее рекомендации по централизации работы всех агентурных сетей в целях усиления противодействия иностранной агрессии и умиротворения страны. 1 апреля Чан Кайши решил, что новый оперативный орган должен иметь военный статус, и предложил Дай Ли возглавить его. Первоначально тот, несмотря на все амбиции, отказался по причине своего невысокого звания и непрочного положения в коридорах власти. Главнокомандующий ободрил его и заверил, что поможет в разрешении любых вопросов, однако все же внял доводам и назначил начальником вновь сформированного в составе Организационного отдела ЦК Гоминьдана Бюро расследований и статистики (БРС, Дьяоча тунцзи цзю, в дальнейшем Дьяоча тунцзи чу) Чэнь Лифу, а его заместителем — Чэнь Чжо. Эта реформа прошла в глубокой тайне, секретом являлось и само наименование новой спецслужбы. Организационная структура БРС была довольно простой:

- 1-й отдел, или Отдел расследований партийных дел (Даньбу дьяопа чу). В течение некоторого времени он именовался Секцией расследований ЦК партии (Чжунь-ян данбу). Отдел во главе с Сю Еньцзэном фактически полностью соответствовал бывшей Первой секции Группы специальных расследований и подчинялся непосредственно Чэнь Лифу. В дальнейшем эта структура стала самой непримиримой и ожесточенной соперницей всех возглавляемых Дай Ли структур. Позднее отдел был преобразован в Центральное бюро статистики (ЦБС, сокращенно Чжунтун цзю).
- 2-й отдел — военная контрразведка и безопасность войск. Отдел возглавлял Дай Ли, получивший по этому случаю звание генерал-майора. За короткое время численность его агентуры возросла со 145 до 1722 человек³⁷⁵.
- 3-й отдел по надзору за Бюро почтовой и телеграфной инспекции, позднее слитым с ним в Отдел специальных инспекций (Тецзянь чу). Начальником отдела являлся Дин Моцунь, а затем Цзинь Бинь.

Скрупулезно относившийся к вопросам своей личной безопасности, Чан Кайши не включил их в сферу ответственности новой спецслужбы, а оставил в ведении существовавшей и ранее неофициальной группы охраны. Впоследствии Чэнь Лифу уверял, что в рассматриваемый период полагал Дай Ли начальником охраны главнокомандующего. Учитывая прямую подчиненность 2-го отдела Чэню, это утверждение звучит до крайности сомнительно, хотя в китайских условиях нельзя исключать ничего. Развитие системы военной контрразведки и негласного политического контроля над армией осуществлялось успешно, и в марте 1932 года главнокомандующий принял решение об организации отдельного органа военной безопасности — Отдела специальных служб (Теьу чу) во главе с Дай Ли. Формально он был образован 1 апреля, с тех пор являющегося официальным праздником органов безопасности в Китайской республике. Месячный бюджет нового органа составлял 54 тысячи китайских национальных долларов (СНД), что покрывало лишь четверть требуемой суммы

в 200 тысяч. По мере роста отдела его расходы увеличивались, и в 1934 году ведомство Дай Ли ежемесячно расходовало на административные, технические и оперативные нужды 1,2 миллиона СНД. Недостающие средства добывались за счет переработки конфискованного опиума в морфий и производные препараты и продажи их в стране и за рубежом, а также с помощью контрабанды.

Образование Отдела специальных служб оказалось полной неожиданностью для Чэнь Лифу. Впоследствии он оправдывался: “Вскоре после того, как я вручил руководство Центральным бюро расследований Сю Еньцзэну, господин Чан приказал Дай Ли создать отдельный орган, не информируя меня. Видите ли, когда существовал только один орган тайной полиции, наша работа была очень эффективной. Мы были очень сильны. Я думаю, господин Чан пожелал иметь другой орган, чтобы контролировать нас.

Вначале мы не знали ничего об органе Дай Ли. Как я узнал о нем? Дай Ли говорил людям, что господин Чан поручил ему выполнение следственной работы. Люди Центрального бюро расследований сообщали мне, что Дай Ли становится активным. Мои друзья в Бюро были, естественно, недовольны. Они чувствовали, что господин Чан утратил доверие к ним. Я объяснял это следующим образом: наша работа являлась тем, что китайцы называют “глаза и уши”. Я спрашивал, сколько у них глаз и ушей? Конечно по два. Так, говорил я, должно быть и два органа для выполнения нашей работы. Я говорил им, что они не должны подозревать в чем-либо этот параллельный орган, а наоборот, сотрудничать с ним”³⁷⁶. Понятно, что на склоне лет Чэнь кривил душой. Возможно, и даже вероятно, что он и в самом деле объяснял своим подчиненным происходящее именно в такой манере, но в действительности отнюдь не считал происходящий процесс нормальным. Некоторое время начальник БРС пребывал в растерянности и не знал, просить ли у Чана разъяснений или оставить все как есть. Ситуацию разрешил сам главнокомандующий, рассказав о ней Чэню и поручив ему надзор за деятельностью Дай Ли. Однако сделать это было непросто, поскольку руководитель новой спецслужбы был не тем человеком, который завоевывал самостоятельность лишь для того, чтобы подчиняться кому-либо, кроме Чан Кайши. Чэнь вспоминал об этом периоде в примирительных выражениях: “Центральное бюро расследований сосредоточивалось на обществе; Военное бюро³⁷⁷ — на армии. Разделительную линию между ними провести было трудно. Обе организации часто работали над одними и теми же делами. Они часто сталкивались и конфликтовали. Они были подобны двум людям, бродящим во тьме и сталкивающимися. Мы отличались от коммунистической партии, имевшей одну организацию; ее работа не была раздробленной”³⁷⁸.

Несмотря на личную неприязнь Чэнь Лифу к Дай Ли и завистливую ревность последнего к первому как высокопоставленному члену Гоминьдана, между ними установилось некое подобие сотрудничества. Зато низовые подразделения обеих спецслужб отличались крайним антагонизмом по отношению друг к другу и использовали в соперничестве абсолютно все методы. В особенности это было характерно для территориальных органов Отдела специальных служб, сеть которых заметно расширилась в первой половине 1930-х годов. Они включали в себя точки в 26 китайских городах, местные управления в зонах (дицзю), “станции” в провинциях (шэнчжань), подразделения в их подчинении (чжаньхайцзу) и отдельные низовые подразделения (цзу). Кроме того, отдел располагал отделениями в иностранной концессии Нанкина, а также представительствами в Бюро железнодорожных перевозок и в Группе расследований министерства финансов.

Дай Ли постепенно увеличивал свою власть и влияние, но пока еще не мог претендовать на вхождение хотя бы во второй властный уровень Гоминьдана. Повышению рейтинга возглавлявшегося им органа способствовал получивший широкий резонанс пожар в аэропорту Наньчана. Летом 1934 года загорелся ремонтировавшийся там военный самолет, пламя перекинулось на близлежащие ангары и другие постройки и уничтожило их со всем содержимым. Пожарные не смогли справиться с огнем, причинившим большой ущерб. Расследованием этого происшествия занималась Следственная секция местного гарнизона под руководством Дэна Вэньи, не усмотревшего в нем злого умысла. Однако все в Нанкине были убеждены, что если даже самолет и загорелся в результате несчастного случая, то тушили пожар вяло и безрезультатно далеко не случайно. Информированные люди были убеждены, что руководство ВВС таким способом скрыло следы своих хищений. Доклад Дэна об отсутствии криминальной подоплеки инцидента был каким-то неустановленным образом перехвачен и попал в прессу. Есть определенные основания судить, что это явилось актив-

ным мероприятием Дай Ли. Ставший достоянием общественности скандал вынудил Чана прореагировать на происшествие достаточно жестко. Он не согласился с выводами официального следствия, разогнал руководство Бюро авиации и снял Дэна Вэнги со всех постов, имеющих отношение к органам безопасности. Дай Ли принял под свое руководство Следственную секцию гарнизона Наньчана и немедленно начал широкомасштабные действия по внедрению во все спецорганы армии и полиции. Через короткое время он либо лично, либо через контролируемых им своих ставленников руководил:

- Секцией расследований столичной полиции (Чжао шижуй);
- Главной бригадой детективов главного командования шанхайского гарнизона;
- Отделом расследований Департамента общественной безопасности провинции Чжэцзянь;
- Бюро полиции железной дороги Нанкин — Шанхай — Ханчжоу;
- Секретной группой расследований Департамента по антиопийному наблюдению и расследованию.

Отныне все сотрудники военной контрразведки зачислялись в кадры армии и пользовались всеми связанными с этим преимуществами и льготами. Со временем Дай Ли приобрел влияние, позволявшее ему в зоне влияния Гоминьдана арестовать, подвергнуть допросу и казнить без суда и даже без следствия практически любого, за исключением буквально нескольких высших чиновников. В этот период он пристрастился лично пытаться арестованных, за что и заслужил свое первое прозвище “Мясник”. Одним из специфических искусств Дай Ли являлась его работа с банкирами, финансистами и промышленниками, из которых он выколачивал весьма значительные “пожертвования” на партию.

Очередная реформа спецслужб Гоминьдана произошла в 1935 году, когда Чан решил создать на базе Группы секретных расследований (Мича цзу) своего рода комитет, “объединенный орган” или, как его определил Чэнь Лифу, “орган без названия” для координации различных ветвей и звеньев разведки и контрразведки. Его деятельность в военной и гражданской сферах ни в коей мере не дублировала остальные спецслужбы, а лишь координировала их работу.

Совершенно запутанная система спецслужб Нанкина вновь усложнилась в 1937 году. Бюро расследований и статистики неоднократно то получало, то теряло статус центрального (БРС — ЦБРС), а в 1937 году ненадолго стало 6-й группой 2-го отдела главного штаба. Как указывалось ранее, на этом этапе его возглавил не Чэнь Лифу, поскольку такой пост никак не соответствовал его высокому статусу, а генерал-майор Сю Еньцзэн. Реорганизации продолжились. 29 марта 1938 года Чан Кайши сообщил съезду Гоминьдана о решении разделить спецслужбы на военные и гражданские. Впрочем, проинформированы были далеко не все делегаты, а лишь немногие, имевшие доступ к столь деликатной информации. Новое БРС являлось подразделением ЦК партии и фактически представляло собой переименованный 1-й отдел прежнего ЦБРС. Подчинявшиеся Дай Ли органы военной контрразведки были замкнуты на Комиссию по военным делам и, как ни странно, получили сразу два официальных названия. Первое из них повторяло название Бюро расследований и статистики и отличалось от этой одноименной структуры исключительно указанием на принадлежность его военному ведомству (БРС Комиссии по военным делам, а не БРС ЦК Гоминьдана). Одновременно органы военной контрразведки официально именовались также и Бюро военной статистики (БВС, сокращенно Цзюнтун). Указанное совпадение в названиях стало причиной множества ошибок в исторических и даже специальных исследованиях, поэтому во избежание путаницы в данной книге везде используется второе наименование.

В ходе организационно-штатных перестановок из-за малого стажа Дай Ли в Гоминьдане возникла серьезная кадровая проблема. Главнокомандующий отдавал себе отчет в том, что руководители партийных подразделений не воспримут генерал-майора как равного себе, что может породить массу недоразумений и проблем. Тогда Чан назначил его заместителем директора бюро, при этом оговорив, что хотя номинальные руководители этого органа будут отбираться из числа коммунистов значительным партийным стажем, они не получают реальных полномочий на управление. И действительно, за два года в БВС сменились три начальника (Хэ Яоцзу, Цян Дацзюнь и Линь Вэйвэнь), роль которых заключалась исключительно в официальном представлении годовых отчетов бюро. Многие в военной контрразведке вообще не знали, что Дай Ли формально занимает в ней второй по значению пост, и полагали его высшим руководителем БВС. Лишь в 1940 году, когда авторитет Дай Ли в коридорах власти стал непререкаем, Чан Кайши официально назначил его директором бюро.

Кадровая проблема коснулась и БРС. Номинально его первым руководителем автоматически становился глава Центрального исполнительного комитета ЦК Гоминьдана, которым в рассматриваемый период являлся Е Сюэфэн. Однако несколько позднее такая система претерпела некоторые изменения, и бюро номинально возглавил Чжу Цзяхуа. Этот человек в 1926 году на посту административного директора Чжуцзянского университета провел в нем “чистку” левых элементов, в 1927 году стал директором Департамента гражданских дел провинции Чжэцзян и основал там полицейскую академию, президентом которой оставался до 1932 года.

Разделение органов военной и гражданской контрразведки существенно подняло рейтинг первых. Сразу после создания Бюро военной статистики состояло из четырех отделов и двух низовых бюро с общей штатной численностью 100 человек в центральном аппарате и 200 — в периферийных органах, однако вскоре число сотрудников центрального аппарата превысило 1000 человек. Изменилась и его структура. Вначале она представляла собой десять отделов и столько же бюро, но постепенно устоялась и насчитывала восемь отделов, три зоны и несколько секций. Позднее БВС сформировало четыре крупных региональных отделения: Хуадун (восточное), Хуанань (южное), Хуачжун (центральное) и Хуабэй (северное).

Структура Бюро военной статистики вообще была весьма странной и не сразу понятной. Например, его основным оперативным подразделением являлся Отдел расследований (Дьяоча кэ), сформированный в 1939 году как часть командования гарнизона Ухани. В дальнейшем он был формально переподчинен командующему чунцинским гарнизоном в качестве одного из его отделов, хотя в действительности никто, кроме Дай Ли, не смел даже помыслить о претензиях на руководство этим органом. Его официальным начальником был сам Дай Ли, а практически руководил отделом заместитель начальника. В разные периоды времени этот пост занимали Чжао Шихуй, Тао Ишань, Ляо Гуншао, Шэнь Цзуй и Хэ Лунцин. Отделу расследований подчинялись 10 региональных центров и 30 постов расследований. Его штат никогда не превышал 100 человек, но каждый из оперативных сотрудников отдела руководил резидентами, имевшими на связи от 20 до нескольких сотен агентов, что в итоге давало огромную сеть негласного аппарата. Организационная структура отдела состояла из четырех секций и одной группы, по неизвестным причинам носившей номер 3:

- Первая секция — общих вопросов (административные, хозяйственные и кадровые вопросы, документация);
- Вторая секция — оперативная (разведывательные операции, работа детективов, проверка авиарейсов. В рассматриваемый период времени разрешение на вылет из Чунцина или прилет в него любого пассажира допускалось только с санкции БВС);
- Третья секция — связи;
- Четвертая секция — судебная. Ей же подчинялись тюрьмы БВС;
- Третья группа — социальных расследований (изучение состояния общественного порядка).

Как ни странно, единственным органом, рисковавшим соперничать с Дай Ли в вопросах тайного полицейского контроля, было не Бюро расследований и статистики, постепенно утратившее значительную часть своего влияния, а Чунцинская бригада полицейских детективов, в которой политическими расследованиями руководили Сю Чунцзи и Тан И. Этой структуре покровительствовал сам Чан Кайши, никогда не забывавший о необходимости поддерживать систему противовесов.

С конца 1930-х годов Дай Ли в той или иной степени курировал все спецслужбы Гоминьдана, за исключением возглавляемой Чжан Цюнем небольшой личной разведки Чан Кайши. Он прочно занял место в верхнем иерархическом слое Китая. Перед скромным генерал-майором трепетали министры и военачальники, ему единственному (естественно, за исключением телохранителей) разрешалось носить оружие в присутствии генералиссимуса. Любопытно, что при всем этом он никогда не достигал верхнего уровня партийной иерархии и считался в руководстве Гоминьдана чужаком. Дай Ли впервые в Китае стал практиковать в широких масштабах использование алкоголя и женщин для получения компрометирующих материалов на своих противников и по этой же причине запрещал своим старшим офицерам иметь не только постоянных любовниц, но и жен. Начальник военной контрразведки не препятствовал случайным связям, однако настоятельно рекомендовал подчиненным пользоваться услугами женщин из многочисленного специально отобранного и проверенного

контингента, утверждая, что этим они обезопасят себя в санитарном и политическом отношении. В 1941 году Дай Ли ввел институт региональных контролеров БВС с собственными бюро. Они отвечали за все направления деятельности БВС на подведомственном объекте, от административных и финансовых вопросов до ведения тактической разведки и использования шифрматериалов.

Сферы влияния Дай Ли множилось, и не только в сфере безопасности. Еще в 1934 году Чан Кайши официально назначил его начальником отделения военной разведки в Нанкине. Дальновидный куратор секретных служб, однако, понимал, что без радиоразведки его влияние на генералиссимуса будет неполным, но эта область уже была монополизирована влиятельной группировкой родственников Чана. Ситуацию усугубило разоблачение в 1933 году коммунистического агента — руководителя радиосекции (Дьянь ву гу) Гоминьдана Ли Кенуна, после чего интерес к дешифрованию закрытой переписки противника проявил шурин Чан Кайши Т. В. Сун (Сун Цзывень), будущий министр иностранных дел чунцинского правительства, видный финансист и доктор экономики Гарвардского университета. Для руководства криптографической он выбрал службой своего племянника Вэнь Юйцзина (Ю. С. Вэнь), также получившего в Гарварде докторскую степень в области физики со специализацией по радиосвязи. Выбор оказался весьма удачен, и вскоре нестойкие криптосистемы соперничавших с Чаном генералов стали вскрываться одна за другой. Позднее, когда Сун занимал пост посла в Вашингтоне, в беседе с президентом Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельтом он однажды заявил: “Я выиграл для Чан Кайши две гражданские войны тем, что создал эффективную дешифровальную службу, которая держала его в курсе действий его врагов”³⁷⁹. Возглавляемое Вэнем Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм (Мидьянь цзянь суо) фактически являлось семейным предприятием Чана и его ближайших родственников и не подчинялось официальным структурам Гоминьдана. Одновременно Вэнь руководил управлением связи министерства транспорта. Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм ежедневно перехватывало 200 — 300 радиограмм, а в некоторые дни — до 400. Из них вскрывалось 60% — 80%, но признавались существенными и передавались для оценки не более 30 — 40 сообщений в день, общим объемом до 10 тысяч иероглифов. Сун и другие родственники Чан Кайши прочно узурпировали радиоразведку и распоряжались ее материалами по своему усмотрению. Когда начальник штаба армии Хэ Инцинь потребовал от Вэня предоставлять ему копии всех дешифрованных радиограмм, то наткнулся на категорический отказ. Разозлившийся Хэ приказал своему начальнику связи срочно заняться перехватом японской дипломатической переписки, однако тот, как и следовало ожидать, не смог добиться ощутимых успехов.

В этих обстоятельствах Дай Ли решил срочно исправить свое упущение и в 1933 году занялся организацией в БВС отделения радиоразведки. Его четыре сотрудника Чжу Леминь, Лю Баоянь, Ян Шилунь и Ван Хуайжен сразу же отправились к Вэню на стажировку. Чтобы усыпить подозрительность группировки Суна и избежать противодействия с ее стороны, “китайский Гиммлер”, как часто именовали Дай Ли, декларировал свое намерение вскрывать исключительно коммунистическую переписку, которой Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм практически не занималось. На первом этапе дела и в самом деле обстояли именно таким образом, но перспективной целью генерала было создание полноценной радиоразведывательной и криптоаналитической службы, независимой от других органов Гоминьдана и в первую очередь от Бюро по инспекции и декодированию. Это являлось не проявлением нелояльности к Чану, которому Дай Ли, как ни странно для столь коварного человека, был безоговорочно предан, а лишь стремлением упрочить собственные позиции. Руководитель спецслужб нуждался в серьезном специалисте по радиосвязи и нашел его в лице начальника радиоузла Гоминьдана в Шанхае Вэй Дамина, вероятно, лучшего на тот момент радиооператора Китая. Ранее Вэй работал начальником радиостанции на лоцманском судне в Шанхае, ежедневно связывался с десятками иностранных судов и по характеру работы на ключе безошибочно определял национальную принадлежность оператора. Первой задачей нового главного радиста БВС стало обучение элитных радиооператоров. Они готовились из числа курсантов коммерческой школы радистов, служившей прикрытием секретного вербовочного центра в Шанхае, а дальнейшем проходили обучение в Академии полиции в Ханьчжоу. В марте 1933 года были выпущены первые двенадцать специалистов высшей квалификации, а всего до июля 1937 года состоялось 11 выпусков. Все выпускники были приняты на службу в БВС.

Органы радиоразведки и оперативные органы множились. К 1938 году Гоминьдан располагал пятью крупными спецслужбами, руководители которых ежемесячно проводили совещания с целью координации деятельности. Этими структурами являлись:

- Центральное бюро расследований и статистики под руководством Сю Ёньцзэна;
- Бюро военной статистики под фактическим руководством Дай Ли;
- Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм под руководством Вэнь Юйцина;
- 2-е (разведывательное) отделение Управления военных операций под руководством адмирала Янь Сюаньчэна, а затем — генерала Чжэн Цзэминя;
- Институт международных исследований (ИМИ) под руководством Ван Пиньшэна.

Кроме перечисленных, существовало еще не менее десяти оперативных и радиоразведывательных органов, временами поглощавших друг друга или входивших в состав указанных пяти крупнейших служб.

Криптоаналитики ВВС в течение длительного времени достигали успехов только во вскрытии шифров коммунистической партии, тогда как дипломатическая и военная переписка японцев оставалась для них недосягаемой. Дай Ли не мог смириться с этим упущением и для его восполнения пригласил на работу в качестве консультанта опального американского криптографа, знаменитого Герберта Осборна Ярдли. Помощник военного атташе чунцинского правительства в Вашингтоне майор Сяо Бо в 1937 году по поручению Дай Ли подписал с ним в Куинсе контракт, согласно которому американец за сумму, приблизительно эквивалентную 10 тысячам долларов США, приступал к исполнению обязанностей советника китайской разведки по криптографии. В мемуарах Ярдли утверждал, что приглашение исходило лично от Чан Кайши, однако это являлось обычным для автора “Черного кабинета” преувеличением, генералиссимус лишь дал согласие на приезд американца. В сентябре 1938 года под прозрачным псевдонимом Герберт Осборн он прибыл в Чунцин, где прежде всего занялся обучением будущих дешифровальщиков и проведением структурной реорганизации службы.

К этому времени конкуренты Дай Ли занялись тем же самым. Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм в марте 1936 года получило задачу начать атаку на японские коды и уже летом достигло первых успехов. Криптоаналитики Вэнь Юйцина взломали слабый дипломатический код противника и получили возможность читать переписку некоторых его консульств с посольством и с МИД, но Дай Ли уже готовился перехватить у них инициативу. В июле 1937 года он достиг соглашения с руководством академии ВВС и совместно с авиаторами использовал их посты перехвата, отслеживавшие ситуацию в эфире в треугольнике Тайвань — Южный Китай — Японские острова. Анализ радиообмена переговоров самолетов и некоторых кораблей противника позволял в течение 3 — 5 минут определить национальную принадлежность, скорость и курс объектов, а для самолетов также и высоту полета.

14 августа 1937 года китайские радиоразведчики достигли первого серьезного успеха и сумели засечь вылет 18 бомбардировщиков противника с баз в Вэньчжоу и Хейшане. Японцы намеревались нанести бомбовый удар по Нанкину и Шанхаю в отместку за налет китайской авиации на их корабли, однако служба Дай Ли предупредила своих авиаторов за 30 минут до достижения японцами точки сброса бомб. Благодаря этому китайские истребители заблаговременно успели не только взлететь, но и набрать высоту для атаки с верхней полусферы. Ценой двух своих потерянных в этом бою машин они сразу же сбили шесть японских самолетов, еще несколько бомбардировщиков из-за полученных повреждений упали на обратном пути. 14 августа до сих пор отмечается на Тайване как праздник авиации, хотя в равной степени этот день можно считать и праздником радиоразведчиков.

Радиоперехват и его анализ являются важными компонентами радиоразведки, но для дешифровальной работы нужны специалисты иной квалификации. Именно их подготовкой и занимался Ярдли, однако он не полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды. Американец не знал ни японского, ни китайского языков, поэтому мог преподавать своим ученикам лишь теоретические основы криптоанализа, хотя и они были крайне важны. Ярдли подготовил для Бюро военной статистики 200 специалистов, составивших основу его дешифровальной секции, но подлинный прорыв во вскрытии шифрсистем противника произошел лишь после захвата в плен в мае 1939 года шифровальщика японской авиационной части Оиси Синдзо. Командование с непростительной легкомысленностью также использо-

вало его в качестве хвостового стрелка на бомбардировщике, нарушая основополагающий принцип, запрещающий носителям секретов такого уровня пересекать линию фронта или оказываться в иных местах, где они могут быть захвачены противником. Бомбардировщик Синдзо был сбит, и после интенсивного допроса пленный дал согласие работать на китайцев. Теперь к осуществлявшемуся Ярдали общему руководству дешифровальной работой БВС и организованной Вэй Дамином системе перехвата прибавился последний из необходимых компонентов, позволивший летом и в начале осени 1939 года достичь серьезных успехов в работе с японскими военными кодами и шифрами.

Именно в Китае Ярдали сумел воплотить свои идеи вскрытия иероглифической переписки, не воспринятые должным образом его англоязычными соотечественниками. Американец проработал там до мая 1940 года, после чего вернулся в Соединенные Штаты, но успел сыграть еще одну, крайне важную роль в истории криптоанализа на Востоке. Он убедил своих работодателей в необходимости централизовать дешифровальную работу, которой в 1940 году занимались пять разрозненных структур Гоминьдана:

- Бюро технологических исследований (Цзишу яньцзи ши), созданное специально для вскрытия японских дипломатических кодов и шифров;
- 2-е отделение Управления военных операций, предназначенное для дешифровки японских армейских криптосистем. В действительности оно не выполняло уставных задач, зато без особого успеха пыталось вести агентурную разведку;
- Группа воздушной разведки, почти полностью укомплектованная сотрудниками БВС;
- Дешифровальная группа Бюро расследований и статистики, занимавшаяся исключительно советскими и коммунистическими криптосистемами;
- Бюро военной статистики.

В апреле 1940 года с подачи Ярдали Дай Ли добился от Чан Кайши разрешения централизовать криптографические органы. Образованное при этом Бюро технологических исследований Военного совета Гоминьдана по-прежнему возглавлял Вэнь Юйцзин, его заместителем стал Вэй Дамин. В июне Вэнь симулировал болезнь и попытался ускользнуть из-под надзора ненавидевшего его Дай Ли. Главному радиоразведчику Гоминьдана разрешили отправиться в Гонконг для проведения медицинских исследований, откуда он уже не вернулся. Бегство Вэня позволило Дай Ли назначить исполняющим обязанности директора Бюро своего ставленника Вэй Дамина, который сразу же начал насаждать во все подразделения верных людей. Однако этот процесс проходил излишне стремительно и грубо, сопровождался шантажом и угрозами, а потому вызвал обратную реакцию. Ущемленные сотрудники объединились и направили Чан Кайши петицию с жалобой на сложившуюся нетерпимую обстановку, после чего в марте 1941 года генералиссимус уволил Вэя и назначил на его место своего секретаря Мао Цинсяна. К сожалению, новый директор являлся классическим аппаратным работником и немедленно назначил на ключевые посты Бюро технологических исследований своих друзей и соучеников, совершенно не имевших представления ни о радиоразведке, ни о криптографии. Это породило новые конфликты и разочарования, усугублявшиеся позицией Дай Ли. Руководитель БВС отдал негласное указание всячески публично дискредитировать и унижать Мао, провоцируя его на потерю лица, что для китайца является самым страшным позором. Однако на первых порах ситуация не разрешилась никак, и нетерпимое положение дел в централизованной радиоразведке продолжалось.

Не особенно выдающиеся успехи китайских радиоразведчиков все же выглядят неплохо на фоне почти полного провала в области традиционных видов разведки. На то имелись как объективные, так и субъективные причины. Главными противниками Нанкина — Чунцина и соответственно главными объектами его разведки являлись коммунисты и соперничающие с Чан Кайши “милитаристы”. Это предопределяло приоритет внутренней разведки над внешней, которой доставалось финансирование по остаточному принципу. Если против японцев в оккупированной части Китая и велась хоть какая-то работа, то против остальных государств ее даже не собирались проводить. Некоторое исключение делалось для СССР, но, за исключением разработки советских дипломатических, торговых и военных миссий и учреждений, все усилия китайцев так и остались на бумаге. В итоге результаты работы всех китайских спецслужб на внешних направлениях оказались совершенно ничтожными и не принесли ожидаемых результатов.

Одной из важнейших задач внешней разведки Чан Кайши считал продолжение линии “призрачной” секретной службы Сунь Ятсена по использованию в своих интересах китайских тайных обществ, известных под обобщающим условным обозначением “триады”. Наиболее влиятельными из них, функционировавшими в США и Гонконге, являлись “Общество старших братьев”, “Красный круг” и “Зеленый круг”. Через значительно меньшее по численности тайное общество “14-К” Чан пытался установить контакты с американской разведкой и, опираясь на китайскую диаспору в Нью-Йорке и Сан-Франциско, создать в США свою резидентуру. Одна из ветвей “14-К” была практически полностью укомплектована разведчиками Гоминьдана, однако успехов не добилась по двум основным причинам. Во-первых, к контактам такого рода не были готовы сами Соединенные Штаты. В тот период они не располагали политической разведывательной службой, военных же все это не слишком интересовало, а разведка государственного департамента могла считаться таковой лишь условно, поскольку оперативных подразделений не имела. Во-вторых, “триады” традиционно с подозрением относились к сильной и энергичной центральной власти, ярким представителем которой был Чан, боровшийся отнюдь не только с коммунистами. Одной из важных задач Гоминьдана стало подчинение своему руководству военных лидеров провинций, и эти усилия настораживали поддерживавших контакты с родиной членов тайных обществ.

Малоопытные спецслужбы центрального правительства Китая опрометчиво исходили из предположения о том, что патриотизм и национализм являются самыми сильными побуждениями для любого китайца, и не учитывали силы корпоративных интересов внутри “триад”, члены которых ставили их намного выше любых других стимулов. В отличие от Сунь Ятсена, Чан Кайши строил государство, в котором достойного места для “триад” не находилось. Их руководители прекрасно понимали это и отнюдь не торопились оказывать содействие Гоминьдану. Более того, эти опытные интриганы вели собственную игру, в которой Чану отводилась роль орудия, используемого в подлинных интересах тайных обществ. Дай Ли сделал ставку на получение краткосрочных, сиюминутных тактических выгод — и проиграл. “Триады” оказали оперативным службам Гоминьдана ряд услуг, но одновременно они укрепили свое негласное влияние, в конечном счете подрывавшее государственность. Именно это послужило причиной того, что в настоящее время Тайвань пронизан ими значительно глубже, чем Китайская народная республика, и “триады” превратились там в серьезный криминогенный фактор на общегосударственном уровне. В отличие от Чан Кайши, Мао Цзэдун принципиально никогда не опирался на них и в конечном счете оказался в выигрыше. Он сумел избежать ошибки американской разведки, использовавшей во время Второй мировой войны итальянскую мафию для обеспечения вторжения на Сицилию и для охраны нью-йоркских причалов от немецких диверсий. Обе тактические задачи были успешно решены, зато Соединенные Штаты в послевоенные десятилетия получили настолько серьезные проблемы с преступностью, что на горьком опыте осознали: власть, вступающая в любые соглашения с преступниками, есть власть преступная и предающая граждан своей страны. Более поздние контакты ЦРУ с мафией относятся к началу 1960-х годов, когда американская разведка, тогда еще не слишком связанная правовыми ограничениями, попыталась использовать возможности преступного мира для организации покушения на кубинского лидера Фиделя Кастро. Успех это не принесло, зато, по мнению многих авторитетных исследований, отдаленным следствием таких контактов стала гибель президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди от рук террористов. Китайский опыт не научил американцев ничему, они повторили его — и также проиграли.

Профессионализма БРС и БВС хватало в основном лишь на внутренние операции, поэтому Чану, несмотря на его стремление, так и не удалось создать эффективную разведывательную сеть, обеспечивающую его информацией об СССР и Японии. Серьезным бичом главной секретной службы Гоминьдана стала коррупция, которую не могли искоренить даже периодические показательные суды, неизменно завершавшиеся вынесением смертных приговоров. Проведенная в 1936 году контрразведывательная чистка партии от “красных агентов” принесла весьма скромные результаты, и в результате Чан укрепил свое положение лишь ненамного. Генералы — противники генералиссимуса были сильны по-прежнему, а усилия Советского Союза по поддержке КПК привели к фактическому расколу страны на два враждебных лагеря. БВС постепенно деградировало, и одновременно при помощи СССР усиливалась секретная служба коммунистов.

Вопросы физической охраны Чан Кайши и некоторые аспекты контрразведывательного обеспечения относились к компетенции его собственной службы безопасности, начальником которой с 1934 по 1940 годы являлся немец, бывший руководитель штурмовых отрядов в Северной Германии капитан Вальтер Франц Мария Штеннес, фамилия которого в отечественной литературе обычно неверно транслитерируется как “Стеннес”. Он сыграл заметную роль в укреплении НСДАП и по этой причине претендовал на особое положение, но Гитлер не согласился с такими амбициями и в апреле 1931 года исключил его из партии и СА. Контролировавший до 12 тысяч штурмовиков Штеннес взбунтовался против фюрера, однако его мятеж был подавлен, после чего пока еще не слишком уверенный в своих силах Гитлер внешне простил бывшего соратника, на деле выжидая появления благоприятной возможности расправиться с ним. Этот шанс появился после прихода НСДАП к власти. Почти сразу же Штеннес был арестован и непременно распрощался бы с жизнью, если бы не заступничество президента фон Гинденбурга, помнившего о роли бывшего штурмовика в организации “черного рейхсвера”. Подчинившись его требованию, в 1933 году Гитлер дал своему врагу возможность уехать в Китай с группой советников, предварительно отобрав у него письменное обязательство воздерживаться от ведения антинацистской пропаганды. Штеннес увез с собой рекомендательное письмо от фельдмаршала Людендорфа, позволившее ему в 1934 году занять пост начальника личной охраны Чана и его советника по разведке под псевдонимом “Вальтер Скотт”.

Вальтер Штеннес

Немецкий советник проводил много времени в Шанхае и установил там связи с разведывательными службами основных государств, за исключением Японии. Действуя в основном из антигитлеровских побуждений, он снабжал информацией французов, англичан и американцев, а в марте 1939 года вступил в контакт и с чунцинской резидентурой НКВД. Штеннес сам сформулировал условия своего сотрудничества с СССР и не делал секрет из того, что аналогичные услуги он оказывает также трем другим западным разведывательным службам, взамен же требовал лишь разрешения на беспрепятственный проезд в Европу через территорию Советского Союза, когда сочтет это необходимым. Условия сочли приемлемыми, и вскоре немец был официально завербован под оперативным псевдонимом “Друг”. Его первым руководителем являлся сотрудник резидентуры Я. Ф. Тищенко (В. П. Рошин), с отъездом которого связь с агентом оборвалась. В. М. Зарубин восстановил ее, а позднее Штеннес некоторое время находился на прямой связи с резидентом А. С. Панюшкиным.

“Друг” поставлял довольно интересную информацию по Японии, в частности, о ее военных планах в Монголии, а затем отбыл в Токио и стал первым источником, сообщившим в 1942 году о провале группы “Рамзай”. Штеннес занимал пост советника Чан Кайши по разведке до 1949 года, а затем вернулся на родину, где связь с агентом была прекращена в 1952 году из-за его слишком активного антикоммунизма и национализма. Он умер в Германии в 1989 году в возрасте 94 лет.

Гоминьдан располагал также и военной разведкой, организационно представлявшей собой руководимый генералом Чжан Цзолином (не путать с маршалом Чжан Цзолинем), затем адмиралом Янь Сюанчэном, а позднее генералом Чжэн Цзэмином 2-й отдел Военного комитета. Среди всех спецслужб Китая она единственная действительно боролась с японской агрессией и потому первой была выбрана для организации совместной советско-китайской разведывательной работы против Японии.

Этому способствовали установившиеся после подписания в 1937 году межгосударственного договора нормальные отношения, позволившие создать условия для развертывания операций внешней и военной разведывательных служб СССР. “Легальные” резидентуры НКВД были образованы в Синьцзяне, Харбине, Ланьчжоу и Чунцине, дополнительная нелегальная точка внешней разведки открылась в Шанхае. Главной региональной резидентурой являлась чунцинская, которую вплоть до 1944 года возглавлял Александр Семенович Панюшкин, одновременно исполнявший в Китае обязанности чрезвычайного и полномочного посла СССР и главного резидента. Такое нечастое совмещение этих должностей он впоследствии продолжил и в Соединенных Штатах, где находился с 1947 по 1952 годы после

А. С. Панюшкин

пребывания на должности помощника заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), а позднее вновь вернулся в Китай, но уже только в качестве посла. Важнейшей задачей всех размещавшихся в Китае резидентур вплоть до 1942 — 1943 годов было и оставалось выяснение подлинных намерений Токио, в особенности планов нападения на СССР и создания второго фронта в Забайкалье и Приморье.

Деятельность советской разведки в стране носила двойственный характер. С одной стороны, она была направлена против Японии как главного потенциального противника на Дальнем Востоке, и в этом интересы Советского Союза и Гоминьдана во многом совпадали. Сотрудничество носило не только информационный и оперативный характер, оно осуществлялось и в виде боевых акций диверсионных подразделений. Советская сторона вооружала, снабжала и обучала формируемые из местного населения разведывательно-диверсионные группы (РДГ), которые китайская армия использовала за линией фронта. Другой аспект деятельности разведки скрывался от чунцинского правительства, но о нем нетрудно было догадаться. Ориентация Гоминьдана на СССР носила явно временный характер, антикоммунистические настроения его лидера были общеизвестны и совершенно не скрывались. Не возникало сомнений, что его перемирие с КПК являлось конъюнктурным и весьма непрочным, и в преддверии неизбежной новой конфронтации центрального правительства с КПК советская разведка была просто обязана создавать оперативные позиции на будущее. Именно поэтому китайские РДГ создавались с перспективой использования их в будущем коммунистами против войск Гоминьдана. Все это прекрасно сознавал и Чан, но он отчаянно нуждался в мощном союзнике и поэтому решил санкционировать создание в апреле 1938 года межгосударственной разведывательной структуры под названием Объединенного бюро (ОБ). Генералиссимус остался верным своему правилу использовать на ответственных постах родственников и поставил во главе этого оперативного органа своего племянника Сюй Пэйчана. Бюро имело четко выраженную антияпонскую направленность и предусматривало взаимный обмен информацией и работу в области криптографии. Любые политические вопросы тщательно обходились. Бюджет ОБ составлял 20 тысяч долларов и делился между обеими сторонами поровну. Китайцы обязывались предоставлять добытую ими информацию по белоэмигрантам, троцкистам и действующим против СССР иностранным разведкам, а также тексты перехваченных ими японских шифровок, советская сторона передавала китайцам данные о выявленных японских агентах и сообщала им содержание документов или радиосообщений, которые удавалось дешифровать. Эту часть работы выполняла группа прибывших из Москвы криптографов, раскрывшая за период своей деятельности 10 японских шифров и дешифровавшая почти 200 телеграмм. Связь партнеров осуществлялась через нелегальную резидентуру в Шанхае. Центральный аппарат ОБ состоял из трех подразделений:

- 1-й отдел (оперативный) — организация разведывательной сети, обучение сотрудников и агентуры, оперативная техника;
- 2-й отдел (информационный) — обработка добытых материалов;
- 3-й отдел (хозяйственный).

Китайцы открыли довольно широкую сеть нелегальных резидентур, разместившихся в Нинся, Ханькоу, Тяньцзине, Гонконге, Пекине, Циндао и Цзинане. К сожалению, Объединенное бюро страдало теми же пороками, что и остальные разведывательные службы Гоминьдана, а именно слабой организацией и дисциплиной, халатностью в вопросах конспирации, плохой подготовкой операций, небрежностью в разработке легенд прикрытия для нелегалов и невысоким качеством подготовки агентов. Периодически регистрировались факты коррупции его работников. Однако основной причиной прекращения работы ОБ в 1939 году послужило в действительности не это, а стремительно ухудшающиеся отношения Чан Кайши с коммунистами, вскоре переросшие в боевые столкновения.

Менее известен факт направленного против Японии сотрудничества советской военной разведки с одиозным Центральным бюро расследований и статистики. В том же 1937 году СССР, первым из иностранных государств поддержавший Чан Кайши, предложил ему второй совместный разведывательный проект взаимодействия БВС и Разведупра РККА. Этим

заинтересовался Дай Ли, по указанию генералиссимуса сформировавший Китайско-советское подразделение по особому техническому сотрудничеству (Чжун Су тэчжун цзишу хэцзо со) во главе с Чжэн Цзэмином. Впрочем, слишком разные направления деятельности обеих сторон предопределили быстрое затухание интереса к нему.

Разведка КПК сумела создать более эффективную антияпонскую сеть, чем ее коллеги из Гоминьдана. Строго говоря, именно она восприняла наследие “призрачной” секретной службы Сунь Ятсена и стала ее подлинной преемницей. Справедливость, однако, требует признать, что перед коммунистами стоял более узкий спектр задач, поэтому работать им было проще. Их разведка была призвана способствовать обеспечению существования коммунистического района в Китае и добывать информацию по японцам, тогда как секретную службу Гоминьдана обременяло значительно больше различных направлений деятельности. Зато и помощь со стороны Советского Союза также дозировалась между обеими главными политическими силами Китая не поровну, причем НКВД нередко ориентировался именно на Чана как наиболее реальную силу в стране.

Кан Шэн

Секретную службу коммунистов создал и возглавил один из первых членов партии Кан Шэн, первоначально носивший имя Чжан Цзункэ и отказавшийся от него в знак разрыва с отцом-помещиком. В 1924 году он занял пост руководителя организационного отдела Шанхайского районного комитета КПК и постепенно твердо уверился в невозможности выживания партии без органов безопасности. Настойчиво убеждая в этом ее высшее руководство, Кан одновременно пытался наладить в своем регионе координацию разрозненных мелких и временных секретных структур. Судя по всему, именно негласные контакты с функционерами Гоминьдана спасли его при аресте местной полицией, и в 1933 году Кан практически беспрепятственно прибыл в Москву, на пост заместителя руководителя китайской делегации в Коминтерне. На VII конгрессе Коминтерна он был избран на высокий пост члена Президиума ИККИ, прошел специальную разведывательную подготовку и постиг значение пропаганды в деятельности разведки. Одновременно Кан понял, что главную ставку “северный сосед” делает все же на Чан Кайши, после чего окончательно уверился в коварстве коммунистического союзника. Его убежденность в том, что Советский Союз является естественным врагом Китая, стала подлинной пружиной деятельности Кан Шэна в течение десятков лет, на протяжении которых он возглавлял или курировал китайские партийные и государственные спецслужбы.

В 1937 году ЦК КПК отозвал его в Яньнань, где Кан возглавил разведывательную службу — Бюро по специальной работе (Теьу гунцзо чу), для непосвященных скрывавшееся под нейтральным названием Отдела общественных дел (Шэхуй бу). Расположение его штаб-квартиры близ монгольской границы позволяло легко поддерживать связь с Советским Союзом. Благодаря этому в 1939 году НКВД и РУ РККА осуществили в Яньнани совместный разведывательный проект с коммунистами, для начала организовав разведшколу под прикрытием “Мюнхенского института Востока”. Срок обучения в ней составлял один год, курсанты в количестве 300 человек набирались не только из китайцев, но и из представителей других народов Азии. Несколько ранее, в 1938 году начался очередной виток карьеры Кан Шэна. В августе Мао Цзэдун назначил его руководителем всех разведывательных и контрразведывательных органов КПК с их одновременной реорганизацией³⁸⁰. Теперь секретная служба официально получила наименование Отдела общественных дел, ранее использовавшегося только в качестве прикрытия. Кан параллельно возглавил также и Отдел военной разведки (Цзюньвэй цинбао бу) и работал с баз в Яньнани в северном углу своеобразного треугольника, где ситуацию полностью контролировал СССР. В оккупированном японцами восточном углу “разведывательного треугольника” КПК оперативной работой руководил резидент в Нанкине и Шанхае Пань Ханьнянь, тесно взаимодействовавший с секретными службами марионеточного режима Ван Цзинвэя. На юге и юго-западе разведкой руководил сам Чжоу Энлай, занимавший официальные посты представителя КПК в Чунцине и военного советника Чан Кайши в звании генерал-лейтенанта армии националистов. Во всех трех “углах” разведывательная деятельность коммунистов была объединена с пропаган-

Мао Цзэдун и Кан Шэн

дистской, причем, как и ранее, операции против Японии занимали в ней последнее по важности место. Лишь чунцинская точка работала по оккупантам относительно регулярно, во все же остальных центрах, особенно в Яньнани, главным противником считался Гоминьдан. По состоянию на январь 1941 года только в трех соседних провинциях Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, по укрупненным оценкам, против националистического режима Чана действовали не менее 5 тысяч агентов. Основным объектом разведки КПК являлось БВС. После долгой и тщательной разработки организованная Кан Шэном и Чжоу Эньлаем группа Янь Баогана сумела осуществить серьезное агентурное проникновение в его центральный аппарат. Коммунисты получили доступ к документам этой секретной службы и похитили множество из них, в дальнейшем через Яньнань попавших в Москву. В начале июня 1941 года военный атташе Германии в Чунцине, полагав-

ший Янь Баогана агентом Дай Ли, раскрыл ему информацию о предстоящем нападении на СССР. После провала сети Янь бежал, причем не в коммунистический район Китая, а сразу в Советский Союз. Несмотря на тесные контакты, сотрудничество спецслужб КПК и СССР не следует переоценивать. Оно являлось не искренним взаимодействием двух союзников, а скорее своего рода альянсом попутчиков. К тому же отношения обеих сторон отравляли не составлявшие особого секрета одновременные разведывательные контакты РУ и НКВД с Гоминьданом и некоторыми не подчинявшимися никому военными лидерами Китая.

Взаимодействие с последними наиболее активно осуществлялось в Синьцзяне, незадолго до того являвшемся самостоятельным государством, а теперь ставшим стратегически важным автономным районом Китая с правом непосредственного сношения с иностранными правительствами. Синьцзян давно привлекал внимание колониальных держав, стремившихся ослабить Китай и отторгнуть от него этот обширный и богатый сырьевыми ресурсами, но мало освоенный регион. Положение усугублялось тем, что его население преимущественно составляли не ханьцы (не более 12%), а национальные меньшинства уйгуров (60%), дунган и выходцев из Средней Азии. Центральное же правительство насаждало своих чиновников в столице края Урумчи и проводило в отношении местного населения откровенно дискриминационную национальную политику, хотя в предвоенный период она еще не дошла до практиковавшихся Пекином в позднейшие годы методов принудительной ассимиляции.

Синьцзян одновременно оказался в зоне внимания Великобритании, Японии и Советского Союза, причем лишь СССР выступал за его сохранение в составе Китая. Англичане рассматривали его как возможный плацдарм для советского проникновения в Индию и Афганистан и всеми силами поддерживали там сепаратистское движение, опираясь на свой богатый среднеазиатский опыт. Для осуществления планов СИС попыталась использовать мусульманский фактор. Поскольку ислам исповедовали не только выходцы из Средней Азии, но и уйгуры, подобная стратегия имела реальные шансы на успех. Англичане спланировали мусульманский заговор с целью отторжения Синьцзяна от Китая, однако располагавшаяся в Урумчи резидентура советской внешней разведки сумела получить информацию об этой операции и передала ее китайцам, успевшим ликвидировать восстание на стадии его подготовки. Кроме того, в 1932 году под видом «Алтайской добровольческой армии» в Синьцзян был введен переодетый в гражданскую одежду 13-й Алма-Атинский полк войск ОГПУ с полным вооружением, что оказалось лишь генеральной репетицией еще более масштабной советской интервенции. К этому времени Советский Союз уже накопил серьезный опыт по вторжению в этот регион. Еще в 1921 году Красная Армия дважды проводила там операции против ушедших через границу частей белой армии и местных отрядов. Правовой основой для этих действия являлся подписанный 17 мая 1921 года «Договор командования Туркфронта с властями Синьцзяна о вводе Красной Армии на китайскую территорию для совместной ликвидации белых армий Бакича и Новикова». Эта акция обезопасила границу

и помогла сопредельной стороне восстановить контроль над собственными территориями. Теперь же ситуация обострилась вновь. В апреле 1931 года Синьцзян охватило восстание уйгуров, дунган, казахов, монголов, таджиков, узбеков и татар, справиться с которым местные власти не могли. Направленные из Китая правительственные войска повели себя весьма своеобразно. Командовавший ими генерал Шэнь Шицай активно действовал против восставших, но одновременно 12 апреля 1933 года сверг в Урумчи законного губернатора провинции Цзинь Шужэня и сам возглавил Синьцзян, для обеспечения спокойного правления обратившись за военной помощью к Советскому Союзу. Москва охотно откликнулась на подобную просьбу, и группировка частей РККА, погранвойск и войск ОГПУ под руководством заместителя начальника ГУПОиВ ОГПУ Н. К. Кручинкина сыграла главную роль в подавлении национально-освободительного движения дунган. Эта жандармская акция, как обычно, официально мотивировалась необходимостью обеспечения безопасности границ Советского Союза, приглашением дружественного правительства и нахождением в районе ввода войск большого количества эмигрантов, угрожавших мирному существованию СССР. Самым любопытным, хотя и тщательно скрываемым фактом в этой истории являлось финансирование Советским Союзом действовавших в Синьцзяне на стороне Шэнь Шицай белогвардейских отрядов. В 1934 году основные силы РККА и погранвойск были возвращены в СССР, но 50 инструкторов-специалистов и конная группа численностью в 350 человек с артиллерией временно остались на службе урумчийского правительства. Для маскировки этого факта их назвали русским кавалерийским полком, якобы укомплектованным эмигрантами, и соответствующим образом обмундировали.

Помимо боевой деятельности, Советский Союз вел в Синьцзяне широкомасштабную оперативную работу. В ноябре 1935 года в Разведупре был сформирован специализировавшийся на действиях именно в этом регионе 9-й (монголо-синьцзянский) отдел. Он пребывал в составе разведки по сентябрь 1939 года, после чего был выведен из нее и напрямую подчинен генштабу в качестве Отдела специальных заданий. НКВД тоже не остался в стороне, и с февраля 1937 года по 1939 год в составе ГУПВО существовал отдел по разведке в Синьцзяне и других провинциях Китая. В его задачи входило оперативное обслуживание синьцзянской, монгольской и тувинской колоний и представительств в Москве, а также руководство группой инструкторов. В Синьцзяне действовали 8 из 12 “легальных” резидентур советской внешней разведки в Китае, располагавшихся в Урумчи, Кульдже, Чугучане, Шарасумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу.

В регионе вела активную подрывную деятельность Япония, как всегда, масштабно замахивавшаяся на создание марионеточного “Великого дунганского государства Северо-Запада”. Она располагала большим количеством агентуры из числа дунган, уйгуров, русских эмигрантов и мусульман различных национальностей. Интересы британской и японской разведок в Синьцзяне скрестились в борьбе за влияние на командира 6-й уйгурской кавалерийской дивизии Мамута Сиджана. Он никак не мог решить, на кого ему выгоднее опереться после того, как весной 1937 года восстал и увел свою дивизию в крепость Янги-Гиссар, а затем захватил города Меркет и Файзабад. К восставшим присоединилась и 36-я дунганская кавалерийская дивизия. Мятежный генерал активно укреплялся, уничтожал ставленников центрального правительства и провозгласил войну “за ислам, против урумчийского правительства и советского влияния на юге Синьцзяна”³⁸¹. Губернатор немедленно вспомнил о своих советских связях и вторично обратился к СССР за помощью. На этот раз РККА не участвовала в операциях, все решили несколько полков войск НКВД, усиленных артиллерией, бронемашинами и авиагруппой. Они находились в провинции с июля 1937 по январь 1938 года и успешно подавили восстание Мамута Сиджана. Описанные события послужили началом долгой и трагической борьбы народов Синьцзяна и Тибета за независимость, в ходе которой жестоко подавляемые правительством при помощи СССР повстанцы вели ожесточенную партизанскую борьбу. Несмотря на помощь англичан оружием и снаряжением, в послевоенные годы они были полностью разгромлены всей мощью многомиллионных вооруженных сил Китая.

Подавление восстания 1937 — 1938 годов не просто сорвало планы Японии по отторжению Синьцзяна, но и создало ей немало чисто военных проблем. В 1937 году через эту провинцию была проложена автомобильная трасса Сары-Озек — Ланьчжоу (“Z”), по которой осуществлялись поставки военных грузов для китайского правительства. Охрана и обслуживание трассы возлагались на части Красной Армии и НКВД, переодетые в китайскую военную форму и маскировавшиеся под русские эмигрантские отряды. Эта деятельность была

прекращена после изменения позиции Шэнь Шицзя и его отхода от союза с СССР. Губернатор сделал ставку на англичан и американцев и полностью вышел из-под советского влияния, после чего в конце 1941 года репрессировал сторонников сохранения отношений с Советским Союзом и 5 октября 1942 года потребовал от Москвы вывести войска из Синьцзяна.

Значительно более ожесточенная схватка разведок происходила в отторгнутой от Китая Маньчжурии. Как уже указывалось, японцы располагали в Маньчжоу-Го целым разведывательным сообществом, но руководили всей работой в регионах совершенно своеобразные структуры, именовавшиеся японскими военными миссиями (ЯВМ). Они ведали значительным кругом проблем от военных до гражданско-административных, а начальник любой военной миссии одновременно являлся высшим руководителем японских органов безопасности и разведки в своей зоне ответственности. Именно ЯВМ координировали деятельность всех остальных спецслужб, включая полицию и особые (политические) отделы жандармерии, по линиям организации агентурной сети, диверсионным операциям и подрывной деятельности. Одной из особенностей оперативной обстановки в Маньчжурии являлось наличие значительного числа белоэмигрантов. Спецслужбы обеих сторон активно использовали их друг против друга, обходя проблемы расового различия, препятствовавшие работе нелегалов-европейцев в среде азиатов, и наоборот. Японцы постарались централизовать под своим руководством всех российских эмигрантов, при этом не только облегчалось использование их в своих целях, но и эффективно снижалась возможность доступа иностранных спецслужб к этому перспективному вербовочному контингенту. С этой целью они настояли на расформировании относительно самостоятельного Дальневосточного отдела РОВС и взамен него создали в Маньчжурии контролируемый Дальневосточный союз военных, а в 1934 году объединили всех эмигрантов в Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) под руководством японца, полковника маньчжурской службы Такаси Асано. В 1932 году один из руководителей Русской фашистской партии и глава Маньчжурского отделения Братства русской правды генерал-лейтенант В. Д. Косьмин по предложению начальника отделения японской военной разведки в Харбине, бывшего военного атташе в Японии генерала М. Комацубара сформировал на базе этой организации два отряда для несения охранной службы на участках железной дороги Мукден — Шаньхайгуань и Гирич — Лафачан. Позднее сформированные из эмигрантов новые отряды использовались против китайских и корейских партизан. Однако все это были полумеры. В 1936 году японцы привели в действие следующую часть своего плана, заключавшуюся в сведении воедино всех разрозненных подразделений из российских эмигрантов. Сменивший к этому времени Комацубару начальник отделения военной разведки в Харбине генерал-майор Андо Риндзо поручил эту работу помощнику начальника 2-го (разведывательного) отделения штаба Квантунской армии подполковнику Ямаока. «Куратором» новой части и номинальным заместителем ее командира был назначен полковник Асано, а командиром — армянин-эмигрант, майор маньчжурской службы Гурген Наголян (по некоторым сведениям, работавший на советскую внешнюю разведку). Процесс формирования растянулся более, чем на год, и лишь в начале 1938 года отряд «Асано», как его стали именовать, был приведен в состояние готовности. Часть получила статус бригады, первоначально ее численность не превышала двухсот человек, но вскоре выросла до семисот. Бригада подчинялась штабу Квантунской армии, однако организационно входила в состав вооруженных сил Маньчжоу-Го, что в случае провала какой-либо из операций позволяло избежать компромата Японии и дипломатических осложнений с СССР. Опасения такого рода были совершенно нелишними, поскольку задачи «Асано» являлись практически исключительно разведывательно-диверсионными. Военнослужащие бригады носили маньчжурскую униформу, но на случай войны с СССР для них на складах были заготовлены и комплекты красноармейского обмундирования. Периодически бойцы «Асано» надевали его и для скрытного проникновения на советскую территорию, где они вели разведку и организовывали провокации, преимущественно обстрелы маньчжурских пограничных постов.

Помимо бригады «Асано», являвшейся не столько оперативно-боевой, сколько просто боевой частью, японцы создали в Маньчжурии значительное количество разведорганов, укомплектованных российскими эмигрантами. Известна созданная в 1937 году Харбинская разведшкола, лучшие выпускники которой зачислялись в кадровый состав японской военной разведки. Она просуществовала по 1944 год и была объединена со сформированным незадолго до этого Особым разведывательно-диверсионным отрядом № 377 («Облако-900»).

Подготовка агентуры для действий в глубоком тылу Советского Союза велась в лагере перебежчиков “Коган”. Ввиду своей значимости этот разведорган подчинялся не ЯВМ в Харбине, а напрямую штабу Квантунской армии.

Кроме перечисленных структур, оперативную работу с территории Маньчжурии вели также особые отделы пограничных полицейских отрядов и 3-й отдел Кемпейтай. Все они забрасывали в СССР отдельных агентов и диверсионно-разведывательные группы, основными задачами которых являлись захват советских пограничников с целью получения информации или вербовки и разведка погранполосы, в особенности расположенных в ней гарнизонов и укрепленных точек. На маньчжурской территории ЯВМ и подчиненные структуры активно осуществляли перевербовку и обратную заброску весьма многочисленной советской агентуры, но основной упор делался на проживавших в Приморье и Забайкалье корейцев, китайцев и маньчжуров. В августе 1939 года в ориентировке УНКВД СССР по Хабаровскому краю № 3-150127 обращалось внимание на иностранцев, представлявших собой обширную вербовочную базу для иностранных разведок, однако полностью не учтенных и агентурно не разработанных. На этом основании делался неутешительный вывод: “Неудивительно поэтому, что на сегодня мы не имеем ни одного серьезного агентурного дела по разработке японских шпионских резидентур, диверсионно-террористических групп, переброшенных на нашу территорию японскими и другими иностранными разведорганами”³⁸².

Морская разведка Японии также не осталась в стороне от работы на советском направлении. Несмотря на совершенно оправданное высокомерное пренебрежение к военноморским силам СССР на Тихом океане, 3-й (разведывательный) отдел генерального штаба японского флота в 1935 году открыл в корейском городе Сейсин Военно-морскую миссию (ВММ) во главе с Дзюндзи Минодзума. Ее задачей являлась разведка береговых укреплений, военноморских баз, портового, судостроительного и судоремонтного оборудования, а также авиации Тихоокеанского флота и армейских частей на приморском направлении. Изучалась советская пресса, а после прекращения судоходства между СССР и Японией в 1937 году и исчерпания этого канала ВММ оборудовала на границе Маньчжурии два поста визуальной разведки. Миссия вела также разведку радиовещания. В 1945 году сейсинская ВММ была разгромлена, а сам Минодзума несколько позднее задержан и в 1947 году расстрелян по приговору военного трибунала.

Одним из весьма опасных для Советского Союза направлений деятельности ЯВМ являлась ее работа в среде 11 тысяч проживавших в Харбине украинцев. Японцы прекрасно знали о стремлении части украинского населения к созданию независимого национального государства и в самом конце 1920-х годов решили разыграть эту карту на Дальнем Востоке. Украинская диаспора в Маньчжурии интересовала их не сама по себе, а в связи с проживанием на территории Дальневосточного края СССР 313 тысяч украинцев, составлявших не менее трети его населения. Японская разведка планировала объединить их всех для предстоящего в случае начала войны восстания и создания якобы независимого буферного государства (“Зеленый клин”). ЯВМ уже наметила личности его руководителей, вербовала сочувствующих и пыталась организовать на территории Советского Союза нелегальные группы из украинцев. Главным аргументом в пользу этих планов служила обреченность замыслов создания независимой Украины в Европе и то, что лучше образовать новую Украину на Дальнем Востоке под протекторатом Японии, чем не иметь ее вообще. В 1934 году националистическое движение в Харбине значительно усилилось после создания там украинской военной организации “Сич”, подчинявшейся берлинской группе бывшего гетмана Скоропадского.

Эта угроза была довольно реальной, и ей всерьез занялись располагавшиеся в Харбине “легальные” и нелегальные резидентуры советской внешней и военной разведок и их подрезидентуры в Маньчжоули (НКВД) и Цицикаре (РУ КА). В оперативных целях всю украинскую диаспору условно разделили на пять групп, подход к каждой из которых был различен. “Младороссы”, как именовали антисоветски, но не националистически настроенных эмигрантов, являлись сторонниками единой России и могли поддерживать украинцев-сепаратистов лишь в тактических целях. “Центральная” группа, настроенная также антикоммунистически, допускала отделение Украины, если таковое могло помочь свержению советского строя. “Независимые” представляли собой ярко выраженных агрессивных националистов и являлись основной вербовочной базой ЯВМ. Как ни странно, в некоторой степени интересовала японцев и “красная” группа, состоявшая из сторонников советской

власти и подданных СССР. Офицеры военной миссии полагали, что у этих людей стремление жить в национальном государстве может возобладать над политическими пристрастиями, и поэтому также активно разрабатывали их. Все остальные украинцы входили в группу “прочих” и не являлись объектами внимания ни ЯВМ, ни советских спецслужб. Несмотря на всю важность противодействия японской разведке по этой линии, для советских резидентур она являлась далеко не главной. Назревало нападение Японии на советскую территорию в районе озера Хасан, и добытая харбинской точкой внешней разведки информация о нем оказалась очень полезной в отражении агрессии.

Инцидент на китайско-советской (тогда маньчжурско-советской) границе в районе озера Хасан имел незначительные масштабы, однако повлек за собой весьма далеко идущие последствия. Предметом спора являлась гряда холмов, которую каждая из сторон полагала своей территорией. От имени правительства Маньчжоу-Го японцы утверждали, что граница проходит по западному берегу реки Хасан, Советский Союз же полагал, что она пролегает по самой гряде. Сопки имели стратегическое значение, с них просматривалась река Тюмень-Ула и ведущие к Приморью и Владивостоку железная и шоссейная дороги. Для японцев высоты были важны еще и тем, что они прикрывали от наблюдения идущие в северном и восточном направлениях их стратегические железнодорожные и шоссейные коммуникации. В июле 1938 года информация харбинской резидентуры о концентрации японских полевых войск была подтверждена данными пограничной разведки. Одновременно посол в Москве Сигемицу потребовал отвода советских частей из региона, заявив: “У Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоу-Го, по которым она может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занимаемую ими территорию Маньчжоу-Го”³⁸³. В действительности речь шла не столько о стратегически важных, но все же второстепенных высотах, сколько о желании японской армии прощупать крепость обороны советского Дальнего Востока, что явилось отражением борьбы армии и флота, иначе говоря, сторонников “северного” и “южного” пути предстоящей агрессии Токио. Японская армия ввязалась в конфликт самостоятельно, без консультаций с флотом и МИД, и вызвала этим очень резкую реакцию моряков и дипломатов. Первое столкновение произошло 29 июля 1937 года, однако японцы встретились тогда не с полевыми частями Красной Армии, а только с пограничниками, поскольку по причине традиционной расхлябанности и неразвитости инфраструктуры ТВД заранее предупрежденные войска все же не успели выйти на исходные позиции. Но вскоре подошли основные силы Особой Дальневосточной армии, и в результате ожесточенных боев с 31 июля по 11 августа японцы потерпели сокрушительное поражение. Первая проба сил Советского Союза закончилась для них неудачно.

По мнению некоторых исследователей, нападение на территорию СССР явилось, в частности, одним из следствий разведывательной активности, а именно обработки материалов опроса перебежавшего к японцам начальника УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшкова. Резидент РУ КА в Токио Зорге передал в Москву фотокопию документа под названием “Отчет о встрече между Люшковым и специальным германским посланником и полученная в результате этого информация”, из которого явствовало, что перебежчик интенсивно внушал своим новым хозяевам мысль о слабости и непрочности обороны советского Дальнего Востока. Германский посланник, полковник абвера Грелинг, отнесся к ней скептически, чего нельзя было сказать о японцах, сформулировавших свою позицию на базе полученных от Люшкова сведений. Зорге также проинформировал Центр, что японская сторона, независимо от хода событий, не позволит пограничному конфликту перерасти в полномасштабную войну. Достоверность такой трактовки побудительных причин к конфликту вызывает немалые сомнения. Перебежчик не являлся военным и не располагал действительной информацией о системе обороны, поэтому вряд ли его сообщения были приняты японскими генштабистами всерьез.

Следующую, на этот раз последнюю пробу сил Советского Союза японская армия провела уже на территории Монголии. Она вошла в историю под названием инцидента у реки Халхин-Гол, иногда упоминающейся в японской транскрипции как Номон-хан или Номон-Ган. На этот раз агрессия была более масштабной и преследовала цель захватить Внешнюю Монголию (Монгольскую народную республику) для присоединения ее к Внутренней Монголии и создания обширной зоны под японским контролем. Мотивируя свои действия нарушением советско-монгольской стороной государственной границы, 11 мая 1939 года незначительные японские подразделения атаковали территорию МНР и вступили

в мелкие стычки с местными пограничниками. Начиная с 28 мая силы вторжения стали наращиваться, подтянулась 6-я японская армия. В соответствии с действовавшим договором, Советский Союз выдвинул в район конфликта свои войска, и постепенно пограничный инцидент перерос в серьезное боевое соприкосновение с участием артиллерии, авиации и танков. Оно не являлось скоротечным однократным столкновением, бои продолжались до 30 августа и закончились окружением и разгромом японцев, потерявших убитыми, ранеными и пленными свыше 50 тысяч человек. Потери советско-монгольских войск составили более 9 тысяч человек. Оба эти поражения японской армии сыграли существенную роль в выборе ей «южного» пути агрессии, однако на положении Китая это отразилось весьма незначительно, и война продолжалась там с прежним ожесточением. Инцидент имел определенные последствия и в области криптографии. В самом начале боев советские войска захватили полевой код Квантунской армии, действовавший до конца 1939 года, что позволило в течение четырех месяцев без труда читать ее шифрпереписку.

В декабре 1939 года японское командование сформировало Комитет по изучению Номонханского инцидента, который весной следующего года смог представить результаты своей работы. Одна из рекомендаций касалась необходимости реорганизации всей системы разведки, принципиальный смысл которой заключался в отделении этапа выработки разведывательной стратегии и разведывательного планирования от этапа проведения оперативных мероприятий. Первый из них был оставлен в ведении центрального аппарата военной разведки, ответственной за второй этап являлась вновь созданная в Харбине Разведывательная группа Квантунской армии, ставшая основным разведорганом в регионе. Она подчинялась непосредственно командующему. Существовавшая ранее Разведывательная секция штаба Квантунской армии сохранялась, однако ее функции были существенно сужены за счет исключения из них оперативных задач. Центральный аппарат военной разведки отныне отвечал по Маньчжурии исключительно за информационно-аналитическую работу, включая выработку и рассылку информационных документов.

Структура Разведывательной группы являлась иерархической двухуровневой. В ее составе имелись следующие подразделения:

- агентурный отдел;
- отдел документации;
- отдел связи;
- отдел пропаганды и диверсий;
- исследовательский отдел;
- школа переводчиков;
- школа агентов.

Центральный аппарат группы состоял из 10 офицеров, 150 унтер-офицеров и множества гражданских служащих, из которых значительный процент составляли русские эмигранты. Практические операции входили в сферу ответственности 11 секторов (Апака, Хайлар, Саньхо, Мукден, Хейхо, Чамуссу, Чанчунь, Тунгань, Мутаньчан, Енчи, Дайрен) и 6 подсекторов (Фучинь, Хутоу, Суйфенхо, Туннин, Аршаань, Маньчжоули), имевших несхожую структуру. Штат большинства из них состоял из начальника, его заместителя и от одного до трех оперативных офицеров. Два сектора административно подчинялись Разведывательной группе Квантунской армии, однако занимались работой за пределами зоны ее ответственности. Сектор в Апака возник после продвижения японских войск в Восточную Внутреннюю Монголию и выполнял также роль разведоргана так называемой Армии монгольского гарнизона. Сектор в Чанчуне отвечал за безопасность маньчжурских предприятий, выпускавших военное имущество.

Еще одним результатом работы Комитета по изучению Номонханского инцидента являлось повышенное внимание к радиоразведке, признанной слабейшим звеном во время конфликта. С 1940 года эта задача возлагалась на два специально созданных радиоразведывательных органа, ни один из них не подчинялся Разведывательной группе. Группа разведки связи Квантунской армии ведала криптоанализом и анализом перехвата закрытых сообщений, а разведкой открытого радиовещания занималось Исследовательское подразделение Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

Группа разведки связи была образована на базе прежнего радиоразведывательного Исследовательского подразделения Квантунской армии путем существенного увеличения его сил и средств. Основным объектом Группы разведки связи являлась шифрпереписка РККА

на Дальнем Востоке, за исключением радиообмена советских ВВС, которым ведало радиоразведывательное подразделение авиации в Хайларе. Для осуществления этой задачи японцы предприняли ряд мер, среди которых особое место занимало их сотрудничество с криптоаналитиками Войска польского. В Маньчжурии работали три офицера польской разведки и один офицер радиоразведки, вывезенные туда по линии ВАТ Японии в Варшаве после разгрома 1939 года. После подписания в марте 1940 года Тройственного пакта разведчиков беспрепятственно отпустили в Лондон, а радиоразведчик остался на Востоке и возглавил информационно-аналитическое подразделение Группы разведки связи. Посты перехвата Группы разведки связи располагались в Хайларе, Суньбу, Чамуссу, Мутаньчане, Харбине и Чанчуне.

Исследовательское подразделение ЮМЖД сосредоточивалось на перехвате и анализе открытых советских телеграмм и радиограмм и изучении общей организации связи на Дальнем Востоке СССР. В августе 1940 года эта система была значительно усовершенствована путем образования в Чанчуне Союза по исследованиям связи в Восточной Азии, основной задачей которого являлось прослушивание и изучение радиотелефонной и телеграфной переписки СССР. Первоначально предполагалось, что создание этого органа приведет к ликвидации расположенного в Харбине Исследовательского отдела Сектора северной группы ЮМЖД, но этого не произошло, обе структуры продолжали работать параллельно. Штат союза численностью в 320 человек (по состоянию на весну 1941 года) в основном был набран из правительственной Маньчжурской телефонной и телеграфной компании и включал 50 аналитиков, общая стоимость оборудования составляла 425 тысяч долларов США³⁸⁴. Этот разведорган был подчинен командующему Квантунской армией через Разведывательную секцию его штаба и имел подразделений в Харбине (Центральный пост перехвата), Хайларе, Хейхо, Чамуссу, Тунгане, Мутанчане, Ваньеньмяо и Чанчуне. Там, где они располагались в одних населенных пунктах с секторами Разведывательной группы Квантунской армии, начальники секторов одновременно возглавляли и радиоразведывательную работу. Одновременно с созданием Союза по исследованиям связи в Восточной Азии возник и Технический консультативный комитет в составе восьми японских гражданских специалистов в области связи. Его задачей являлось оказание помощи радиоразведчикам в развитии технических аспектов их деятельности по мере усовершенствования советской системы связи на Дальнем Востоке.

Важные усовершенствования были сделаны и в сфере визуальной разведки. Число отвечающих за нее групп было увеличено, они получили новое оптическое оборудование и улучшили систему передачи добытой информации.

После введения в марте 1941 года состояния мобилизационной готовности передовым частям Квантунской армии были приданы пять фронтовых разведывательных групп для первичной оценки и обработки добываемой информации. Это направление считалось настолько важным, что даже Разведывательное отделение Разведывательной секции штаба было переименовано в Отделение оценок. Чанчунь соединялся с Харбином подземным кабелем, предназначенным в первую очередь для передачи информации по координации действий разведорганов. С весны 1941 года весь японский разведывательный аппарат в Маньчжурии действовал по плану военного времени и считался находящимся в наполовину боевых условиях. В его рамках разведка готовила резерв для фронтовых групп, в первую очередь групп наблюдателей, достигший 700 — 800 человек. Все подразделения визуальной разведки получили прямую радиосвязь со штабом Квантунской армии. Группы фронтовой разведки со штатом в 20 человек, собственным автомобильным транспортом и радиосвязью предназначались для проведения первичных допросов пленных и изучения захваченных документов под руководством офицера разведки в зоне своей деятельности. Несколько более крупных подразделений находились в резерве Разведывательной группы. Союз по исследованиям связи в Восточной Азии организовал четыре мобильных группы перехвата и готовился работать в тесном содействии с криптоаналитиками Группы разведки связи, поскольку зачастую шифросообщения дублировались открытым текстом, что могло оказать неоценимую помощь в их вскрытии.

Японцы всегда и на всех ТВД уделяли самое серьезное внимание комплексному изучению системы связи и защиты информации потенциальных противников, и советский Дальний Восток не являлся исключением. В результате многолетних усилий, прежде всего в области анализа перехвата, они составили достаточно полное и соответствующее действи-

тельности впечатление о составе сил РККА в Забайкалье и Приморье, в том числе о советской авиации. Возможно, именно это послужило одной из причин того, что в Токио так и не решились направить агрессию против сильной дальневосточной группировки Красной Армии, даже после того, как существенная ее часть была отправлена на фронт для противодействия вермахту.

Важным источником разведанных являлись советские перебежчики, число которых существенно возросло после 22 июня 1941 года. Некоторые маньчжурские пограничные посты сообщали о таких случаях буквально каждые два дня, и к концу 1941 года общее количество перебежчиков, преимущественно рядовых красноармейцев, достигло 130. Почти все они поступали в распоряжение приграничных секторов Разведывательной группы, а затем отправлялись в ее центральный аппарат в Харбине. Перебежчики с готовностью предоставляли в распоряжение японских разведчиков всю доступную им информацию, с ними не возникало сложностей, характерных для процесса получения разведанных от обычных пленных. Это помогало компенсировать слабость приграничной агентурной разведки и позволило составить верное представление о составе сил РККА на ТВД, уровне боеготовности частей и подразделений, их оснащенности техникой и вооружением, а также изучить систему охраны границы.

Существенная роль в процессе сбора информации отводилась глубинной агентуре, но операции по ее использованию редко были удачными. Тем не менее, известен ряд весьма интересных забросок, часть из которых была вскрыта НКВД. Например, в конце 1930-х годов японская разведка, используя известные ей планы СССР по ведению подрывной деятельности, начала осуществлять масштабную операцию против Советского Союза, заключавшуюся в создании в Маньчжурии и Корее легендированной подпольной коммунистической организации-приманки для советской разведки. Во главе этой структуры японцы поставили своего давнего агента корейца Ли Хай Чена, зафронтового резидента периода русско-японской войны 1904 — 1905 годов. К 1938 году он являлся уже 64-летним владельцем нескольких процветающих предприятий, однако энергии и желания вести оперативную работу не утратил и руководил сориентированной против СССР разведывательно-диверсионной школой, в которой обучались 50 курсантов из числа маньчжуров и корейцев. Замысел операции заключался в том, чтобы направить нескольких из них в СССР под видом беженцев-коммунистов и убедить руководство НКВД организовать на своей территории специальный центр, якобы для подготовки нелегалов японского направления. В действительности планировалось, что он станет законспирированной базой для работы японской разведки, а его курсанты будут набираться из числа выпускников школы Ли.

Идея была неплоха, однако советская контрразведка по агентурным каналам заблаговременно выяснила планы противника, и когда 23 июня 1939 года первый посланец Ли прибыл на территорию СССР, его уже ждали и решили не арестовывать, а начать с японцами оперативную игру. В ее рамках НКВД дал согласие на организацию курсов по разведывательно-диверсионной подготовке корейских коммунистов по утвержденным для Красной Армии программам. Через границу стали регулярно прибывать кандидаты на обучение, для которых контрразведка выделила дом в окрестностях Владивостока. Их тщательно разрабатывали в отношении пригодности для дальнейшей перевербовки, но пока не трогали, поскольку основная задача состояла в том, чтобы выманить на советскую территорию самого Ли Хай Чена. В конечном итоге НКВД усыпил подозрительность старого разведчика, и 10 июля 1940 года с разрешения японцев он прибыл для инспектирования своих людей и развития операции. Арест Ли и всех курсантов почти полностью обезвредил его группу, однако необходимо было еще ликвидировать оставшуюся на сопредельной территории агентуру. Один из перевербованных корейцев доставил сообщение о якобы состоявшемся отъезде резидента в Москву для углубления операции и его указание о переправке через границу новых людей. Игра продолжалась до июля 1945 года, а тем временем арестованный Ли Хай Чен объявил голодовку и вскоре умер в Бутырской тюрьме. Итогом агентурного дела НКВД «Провокаторы» стал арест 56 агентов японской разведки.

Начиная с 1939 года разведывательные устремления спецслужб Японии в СССР значительно расширились в территориальном отношении и включали теперь всю Сибирь, Урал, Среднюю Азию и центральные города европейской части страны. Однако немало проблем для них по-прежнему имелось в Маньчжурии, где буквально кипела оперативная работа вокруг действовавших там партизанских отрядов. Фактически в этой сфере Советский Союз

вел против Японии необъявленную войну, полуофициально поддерживая партизан в соответствии с совместным указанием наркомов НКО Ворошилова и НКВД Берия от 15 апреля 1939 года. В нем военным советам 1-й и 2-й Особых краснознаменных армий предписывалось оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой. Проверенных людей из этого контингента, в основном состоявшего из китайцев и корейцев, следовало перебрасывать обратно в разведывательных целях или для участия в специальных операциях. Начальники УНКВД Хабаровского и Приморского краев и Читинской области должны были помогать им в проверке и отборе соответствующих кадров, а начальники погранвойск местных округов должны были обеспечить переход границы СССР группами и связниками в обе стороны. УНКВД Приморского края передало военному совету 1-й ОКА 350 интернированных и проверенных китайских партизан, а УНКВД Хабаровского края передало военному совету 2-й ОКА двух интернированных руководителей китайских партизанских отрядов. Это заложило основу формирования в дальнейшем уникальной воинской части — 88-й отдельной стрелковой бригады особого назначения, предназначенной для решения разведывательно-диверсионных задач на сопредельной территории. Правила приличия все же было желательным соблюдать, и переходившие советскую границу отряды китайских и корейских партизан исправно интернировались. Однако это было лишь своего рода фильтрационным мероприятием для выявления пронизывавшей их японской агентуры, осуществлявшимся в лагере “А” (Северном) в поселке Вятское-на-Амуре под Уссурийском или в лагере “Б” (Южном) в Туркмении. Там же проводилось и их военное обучение. Как правило, некоторое время спустя подлечившиеся, отдохнувшие и заново экипированные партизаны вновь пересекали границу в обратном направлении. Одновременно разведка вербовала в их среде нескольких агентов, которых забрасывала в Маньчжурию в качестве курьеров или с более серьезными заданиями. Без сомнения, за японцами числилось немало агрессивных в отношении СССР акций, но и действия Москвы нельзя назвать соответствующими ее нейтральному статусу.

Общая оценка действий разведорганов Квантунской армии на советском направлении является не слишком высокой. Отчасти в этом повинны сами японцы, после 1939 года старавшиеся не дразнить Москву вызывающими действиями и работавшие по преимуществу оборонительными методами. Исключение составляли эмигранты, в случае провала которых их принадлежность к японским или маньчжурским оперативным органам можно было правдоподобно отрицать, прикрываясь действиями антисоветских эмигрантских центров. Исключение составляла радиоразведка, как уже указывалось, являвшаяся источником обширной и качественной информации об РККА и советском Дальнем Востоке. Кроме того, довольно высоким уровнем работы отличались и аналитики, что в итоге позволяло обеспечивать командование Квантунской армии и руководство в Токио информационными документами приемлемого качества.

Многообразие оперативной обстановки в Китае по сравнению с Маньчжурией или Синьцзяном наглядно иллюстрирует Шанхай — место пересечения интересов спецслужб множества государств, гигантский центр финансовых операций, торговли, международной преступности и прибежище всякого рода авантюристов со всех концов планеты, прозванный “шестым городом мира”, “Нью-Йорком Азии” и “Парижем Востока”. В этом совершенно особенном китайском городе имелись иностранный сэтлмент и французская концессия, в которых иностранцы пользовались преимущественными по сравнению с местными жителями правами. Однако по мере развития японской экспансии в регионе деловая активность в нем замирала, и к 1939 году некогда процветавший Шанхай представлял собой лишь тень прежнего города. К этому времени Япония уже развернула в нем свой разведывательный аппарат, состоявший из бюро военно-морской разведки, отделения военной разведки и разведывательного “Подразделения специальных расследований” министерства иностранных дел. Все эти насчитывавшие не менее 60 оперативных офицеров различных ведомств службы размещались под прикрытием генерального консульства.

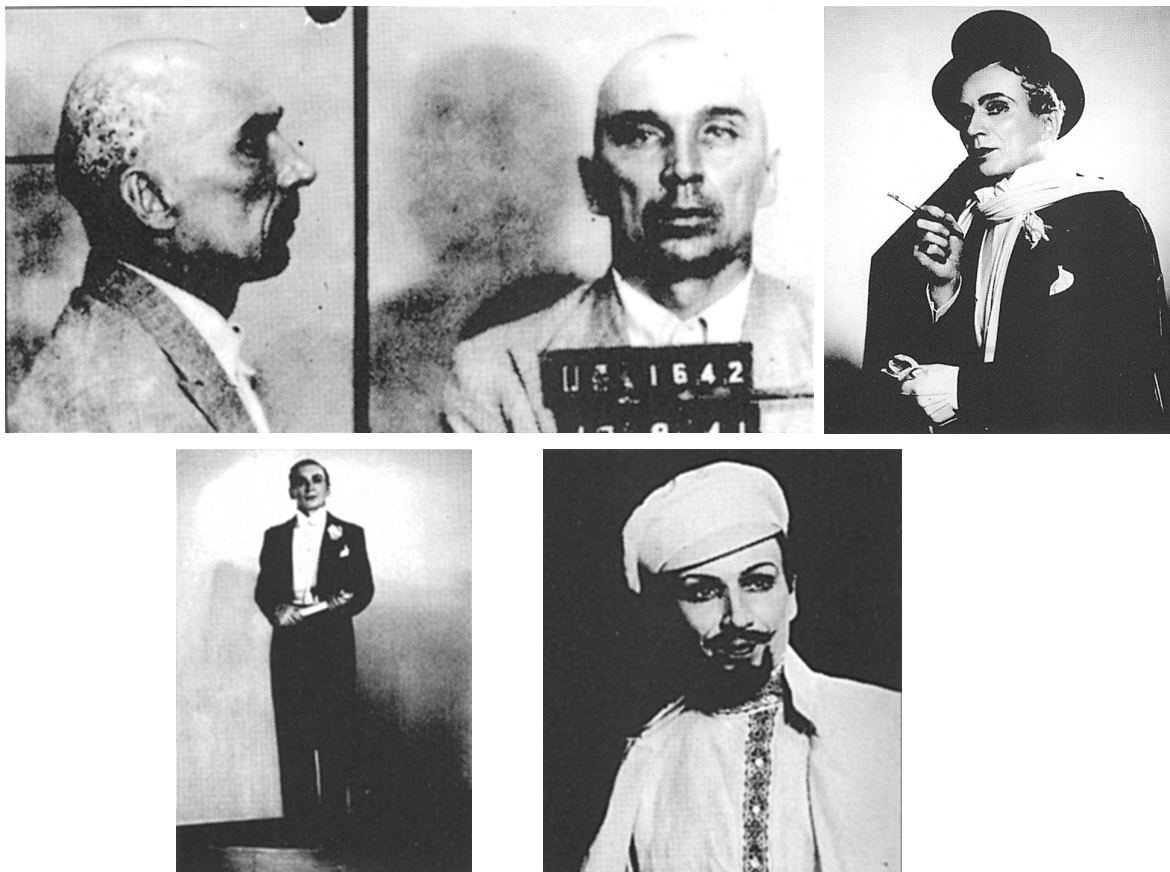
Японские спецслужбы в Шанхае питали какое-то непонятное пристрастие к различного рода авантюристам и преступникам, среди которых подчас встречались весьма колоритные личности. Одним из них являлся именовавший себя капитаном Евгений Пик, в действительности сын полковника российского императорского генерального штаба

Принцесса Сумейр

Е. М. Кожевников. В период с 1919 по 1922 год он сумел одновременно получить в Москве высшее военное и высшее музыкальное образования (сценический псевдоним Хованский), позднее занимал должности помощника военного атташе СССР в Афганистане и Турции, а с 1925 года работал в Китае в подчинении В. К. Блюхера и М. М. Бородина. В 1927 году он был заподозрен в похищении бумаг политического советника и продаже их французскому консулу в Ханькоу, после чего бежал в Шанхай и опубликовал там серию статей о советской разведке в Китае, где впервые использовал псевдоним “Евгений Пик”. С этого времени он начал активное сотрудничество с британской и французской разведками и перепробовал, часто совмещая, занятия шпиона, журналиста, актера, певца в русских театрах Шанхая, рэкетира, театрального импресарио и шантажиста. Подозревался он также и в совершении убийств. В 1929 году эмигрант уже под именем Евгения Пика попал на 9 месяцев в тюрьму за подлог, а позднее был судим за мошенничество при закупках оружия для китайской армии.

После этого он решил заняться более надежным бизнесом и открыл публичный дом. В 1937 году авантюрист начал сотрудничество с военно-морской разведкой Японии и руководил группой из приблизительно 40 агентов-европейцев, главной задачей которых являлась работа против США и Великобритании по линии контрразведки. Он близко дружил с другой примечательной личностью, именовавшей себя принцессой Сумейр и заявлявшей, что приходится дочерью индийского магараджи из Паталлы. Ее предполагаемый отец сообщил, что их родство вполне возможно, поскольку у него родилось несколько десятков дочерей от разных матерей, и упомянуть их всех было решительно невыносимо. Эта молодая женщина 1918 года рождения никак не соответствовала традиционному представлению о красоте, но привлекала всеобщее внимание своей экстравагантностью, необычностью наря-

Е. М. Кожевников на различных этапах своей жизни

дов, загадочностью и скандальным образом жизни. Она также работала на японцев, хотя трудно сказать, оказалась ли для них хоть немного полезной.

Германскую разведку в Шанхае представлял резидент абвера капитан 1-го ранга Луис Теодор Зифкен, работавший под прикрытием коммерческого советника генерального консульства Германии. Его основной задачей являлось руководство совместным немецко-итальянским постом радиоперехвата для обеспечения действий германских рейдеров против британского торгового судоходства. 11 ноября 1940 года вспомогательный крейсер кригсмарине “Атлантис” захватил английский рефрижератор “Аутомедон”, капитан которого погиб при попадании снаряда в надстройку. Его помощник тщетно пытался взломать дверь оборудованной под хранилище секретных документов каюты, однако не успел проникнуть туда до прибытия абордажной партии. Немцы захватили на судне крайне ценные материалы по кодам и шифрам, а также инструкции, посланные из Лондона британским военным и военно-морским атташе и резидентам СИС на Дальнем Востоке, в течение длительного времени позволившие абверу находиться в курсе деятельности противника. Успешной работе Зифкена во многом способствовали установленные им хорошие отношения с японской разведкой, позволявшей ему действовать весьма свободно. Однако благополучие капитана 1-го ранга закончилось с прибытием в Шанхай другого офицера абвера, специалиста по экономической разведке майора Лотара Айзентрегера. В июне 1941 года майор проехал по Транссибирской магистрали и пересек границу СССР на станции Маньчжурия за 8 часов до нападения Германии на Советский Союз. После непродолжительного пребывания в Маньчжоу-Го Айзентрегер под прикрытием коммерсанта действовал в Чунцине и торговал со структурами Гоминьдана, но после признания Берлином правительства Ван Цзинвэя продолжать эти операции стало невозможно. Тогда разведчик проследовал к месту своего назначения в Шанхай, где должен был организовать параллельную точку с задачей работы по линии экономической разведки. Прибытие конкурента не обрадовало Зифкена, который не мог смириться с пребыванием в одном с ним городе не подчиненного ему резидента с самостоятельными источниками. Айзентрегер, в свою очередь, крайне возмущался необходимостью работать через передатчик другой резидентуры, причем ее шифром. Такое положение дел действительно являлось весьма нежелательным, поскольку ставило его агентурные источники под возможную угрозу расконспиривования. Зато Зифкен крайне охотно пользовался открывшимися перед ним возможностями и регулярно снабжал отправляемые в Берлин радиogramмы конкурента собственными комментариями. Кроме того, финансирование обеих точек было единым, поэтому капитан 1-го ранга постоянно ущемлял майора в денежном вопросе. Айзентрегер начал искать поддержку и нашел ее в лице руководителя гестапо на Дальнем Востоке Йозефа Альберта Майзингера, в дальнейшем принявшего активное участие в деле Зорге. С таким противовесом уже можно было ввязываться в серьезную борьбу, и вскоре адмирал Канарис своим приказом назначил Айзентрегера руководителем всей системы германской военной разведки на Дальнем Востоке. Майор не остановился на этом и свою дальнейшую деятельность посвятил изгнанию соперника из Китая.

В Шанхае действовала еще одна германская структура, хотя и не разведывательная, но имевшая прямое отношение к секретным операциям. Служба военно-морского снабжения под руководством доктора Адальберта Корфа ведала снабжением рейдеров кригсмарине, регулярно действовавших в дальневосточных водах. Одним из таких вспомогательных крейсеров был упомянутый “Атлантис”.

Кроме военной разведки, в Шанхае с 1940 года работало возглавлявшееся Герхардом Канером представительство гестапо, основные обязанности которого состояли в наблюдении за еврейскими эмигрантами и контрразведывательной работе против СИС. Такая направленность была, в общем, оправдана, поскольку англичане специализировались в этом регионе именно на агентурных операциях. Они располагали в Шанхае “Объединенным разведывательным бюро”, руководитель которого Гарри Стептоу являлся весьма экстравагантной личностью. Его принадлежность к секретным службам, равно как и пристрастие к странным костюмам и чудачества в поведении, были известны всему городу, и когда однажды он появился на одном из приемов в совершенно немислимом расшитом золотыми галунами зеленом наряде, иностранные дипломаты шутили, что теперь они знают, как выглядит официальная церемониальная униформа британской секретной службы. Шанхайское бюро весьма мало преуспело в ведении агентурной разведки. Неудачей завершилась попытка Стептоу забросить в Сибирь агентов из числа русских эмигрантов, двоих из которых арестовали и осудили в СССР. Значительно более удачно собирали сведения о японцах инфор-

мационные подразделения таких крупных корпораций как “Армстронг-Виккерс” и дочернего предприятия “Ройял-Датч Шелл” под названием “Азиатик Петролеум”, усилия же государственных спецслужб часто не просто терпели провал, но, случалось, и заканчивались трагически. Например, в октябре 1938 года направленный в Японию лейтенант Т. Пикок просто бесследно исчез там, и больше о нем никто ничего не слышал. Очередная трагедия произошла двумя годами позже. 27 июля 1940 года сотрудники военной жандармерии Кемпейтай арестовали в Йокогаме, Кобе, Симоносеки и Нагасаки 15 англичан, среди которых был обвиненный японцами в работе на британскую разведку 56-летний корреспондент агентства “Рейтер” Мелвилл Джеймс Кокс. Неизвестно, соответствовало ли это истине, но со значительной степенью вероятности на этот вопрос можно ответить утвердительно. Во всяком случае, предшественник Кокса, капитан Малькольм Кеннеди, действительно являлся офицером СИС. Были в этом уверены и японцы. Нельзя точно сказать, как именно проходили допросы корреспондента, однако на одном из них он вылетел из окна с 12-метровой высоты и разбился насмерть. По версии японцев, англичанин сам выпрыгнул наружу, по убеждению британских официальных органов — скорее всего, был убит в другом месте и просто выброшен из окна, чтобы скрыть произошедшее. Во всяком случае, нахождение его тела на земле в шести метрах от стены здания трудно объяснить иначе, чем приданным ему сильным ускорением. Вдова Кокса обследовала его тело и заявила, что обнаружила на нем следы от 20 произведенных инъекций. Инцидент с Коксом никогда не был объяснен японцами приемлемым образом и послужил причиной резкого дипломатического протеста. Не менее резкий демарш был сделан Форин офис и по самому факту столь массового ареста британских подданных. Из 15 арестованных, помимо Кокса, 10 человек были осуждены на различные сроки тюремного заключения до 8 лет, и лишь четверо отпущены на свободу. Однако никаких дипломатических последствий этот демарш не повлек, чего нельзя сказать о последствиях в оперативной сфере.

Шанхай являлся весьма привлекательным городом для МИ(Р), а впоследствии для Исполнительного органа специальных операций. Развернутая там резидентура СОВЕ подчинялась существовавшей до начала 1942 года главной резидентуре в Сингапуре. В январе 1941 года под прикрытием создания религиозной организации в Малайю прибыл из Великобритании А. Е. Джонс, получивший в Лондоне указание организовать точку в Шанхае. Он должен был поставить во главе сети главного резидента (“№ 1”), отвечающего за весь север Китая, но данные ему инструкции носили неистребимый отпечаток дилетантизма, не учитывали реальную обстановку и годились разве что для времен Первой мировой войны: “№ 1 никогда не должен контактировать с агентами. У него должны быть вторые номера, желательно англичане, для русских, японских, китайских и остальных контактов. Никто из этих № 2 никогда не должен знать, что делают остальные № 2. Если возможно, эти № 2 должны иметь заместителей, которые должны быть гражданами нейтральных государств, которые, в случае оккупации Японией Северного Китая, смогут продолжать работу по нашему поручению”³⁸⁵. В “Восточной миссии” (ОМ), как именовалось главная резидентура СОВЕ в Сингапуре, на шанхайскую точку возлагали большие надежды. 7 мая 1941 года Джонс передал руководство “Восточной миссией” ее постоянному начальнику, бывшему члену муниципального совета Шанхая Валентину Сент-Джону Киллери (в некоторых источниках ошибочно — Валентин Сент-Киллери), работавшему в Сингапуре под кодовым обозначением “О.100”, и остался у него в подчинении. Он был крайне обижен этим обстоятельством и в дальнейшем неизменно возлагал вину за провал ОМ на одного своего начальника, хотя в действительности причины этого были различны. На первом месте в их списке стояла отнюдь не личность резидента, а недостаточное финансирование, отсутствие ресурсов и опыта у работников резидентуры, а также конфликты с местным британским военным командованием, дипломатами и СИС. Кроме того, на точку СОВЕ возложили явно превышающую ее возможности ответственность за ведение подрывной работы в регионе от Малайи и Гонконга до Северного Китая. Личный состав резидентуры также не соответствовал требованиям надвигающейся войны на Тихом океане. Никто из них не имел ни специального оперативного, ни военного или дипломатического образования, которые невозможно было заменить проявленной англичанами в дальнейшем безусловной храбрости и преданности. № 1 являлся

Валентин Киллери

55-летний оптовый торговец спиртными напитками У. Дж. Ганде (“О.5000”), а № 2 – 52-летний Дж. Брэнд, 56-летний Дж. Бристер, 55-летний Дж. Джек, 49-летний С. Риггс, 41-летний Э. Элиас и 65-летний У. Кларк. Все они были англичанами, то есть в случае весьма возможной японской оккупации немедленно попадали в поле зрения Кемпейтай. Первой задачей перечисленных работников являлась подготовка агентов из числа местных жителей, однако в реальности они сами нуждались в серьезном обучении. Точка СОЕ в Шанхае отвечала за:

1. Составление списков находящихся на городских складах товаров и установление направлений их отгрузки в случае, если таковая произойдет.
2. Проведение актов саботажа против судоходства, на грузовых складах, пропагандистских радиостанциях противника и иных объектах.
3. Организация в свободном Китае “станции”, на которую в случае возникновения войны на Дальнем Востоке можно было бы отправлять граждан союзных государств призывного возраста.
4. Оказание помощи пропаганде союзников путем распространения слухов, расклейки листовок и прочими средствами.

Перечисленные задачи имели весьма мало шансов быть выполненными. Например, для блокирования судоходства на Хуанпу ее фарватер следовало перегородить двумя-тремя затопленными пароходами, что было абсолютно нереально. Ганде попытался начать с малого и летом 1941 года решил оказать воздействие на пронацистского журналиста концерна Херста Карла фон Виеганде, однако в последний момент из опасения вызвать скандал воздержался от этого. Судя по всему, решение являлось полностью оправданным. Традиционно нейтральный Шанхайский международный сэттльмент представлял собой весьма удобную базу для проведения разведывательной работы, поэтому имелись все основания полагать, что громкие акции подорвут позиции СОЕ сильнее, чем возможное воздействие противника. По этой же причине в сентябре 1941 года англичане отказались от попытки взрыва находившегося в порту итальянского сторожевого корабля “Эритрея”. В результате предвоенные задачи резидентуры были сведены к пропаганде и учету складских запасов в городе. 8 августа СОЕ допустил еще один просчет, на этот раз в финансировании точки. “Гонконгское объединенное разведывательное бюро” (КИБГК) снабдило резидентуру Ганде 5 тысячами фунтов на оперативные нужды, но их перевод был сделан на Шанхайский банк без каких-либо мер по прикрытию и сразу же стал известен японской разведке. Постепенно и в Лондоне, и в Сингапуре, и в Гонконге становилась очевидно, что “станция” в Шанхае не способна решать поставленные ей задачи. В первую очередь планировалось направить к Ганде инструктора, однако его прибытие в начале декабря было сорвано начавшейся войной.

Хотя важность Шанхая для освещения обстановки на Дальнем Востоке понимали и британские морские разведчики, нехватка средств в 1936 и 1937 годах препятствовала развертыванию их работы в заметных масштабах. По этой причине начальник шанхайского бюро морской разведки капитан 3-го ранга Райдер не смог добиться заметных результатов и вскоре был вынужден передать свой пост майору морской пехоты Р. Невиллу, ранее занимавшемуся аналогичной деятельностью на значительно более спокойной Ямайке. В Шанхае действовали и иные структуры ВМС Великобритании, одной из которых являлась Военно-морская контрольная служба (НКС) во главе с капитаном 2-го ранга Дж. Б. Вулли, а с 1940 года — капитаном 3-го ранга Глимором. НКС в первую очередь отвечала за выработку рекомендаций для британских судов по плаванию в дальневосточных водах, но, помимо этого, выполняла и ряд оперативных задач. Она обеспечивала противодиверсионную безопасность стоящих в Шанхае судов, для чего сформировала добровольческий корпус из 800 человек, по мере возможностей отслеживала движение кораблей и судов потенциальных противников и опрашивала капитанов и офицеров британских судов. В случае выявления какой-либо представляющей интерес для разведки информации в дальнейшем с этим моряком работали уже штатные разведчики. Например, дальнейшего изучения заслуживало появление в необычном для пассажирских судов месте лайнера, способного перевозить значительные количества войск. Помимо Шанхая, где эту работу выполняла Военно-морская контрольная служба, подобная практика осуществляли британские представители в Кобе, Нагасаки, Сеуле, Тяньцзине, Чифу, Вэйхайвэе, Циндао и Фучжоу. Силы и НКС, и бюро морской разведки были крайне ограничены: в первом из них работали 5 офицеров и 1 гражданский служащий, а во втором — 4 офицера, 3 гражданских служащих и 5 шифровальщиц. Естественно, что ожидать каких-либо серьезных результатов от них не приходилось.

Британская военная разведка с 1927 года содержала в Шанхае свое бюро, которое в течение длительного времени возглавлял Джон Стрэндиш Сьюртис Прендергаст Верекер, впоследствии фельдмаршал и 6-й виконт Горт. Собственно, громкого названия “бюро” эта структура совершенно не заслуживала, поскольку ее штат состоял всего лишь из двух офицеров. После отъезда Верекера точку возглавил майор Гвин, в подчинении у которого работал капитан Дьюар-Дари, по прикрытию — армейский офицер-вербовщик. Первый из них владел японским языком, а второй — китайским. Разведчикам помогал майор Хант из штата генерального консульства Великобритании в Шанхае. Основной задачей бюро военной разведки являлся сбор информации о японских и китайских войсках в регионе и их перемещениях. Усложнение общей и оперативной обстановки вокруг Шанхая привело к тому, что армейские разведчики постепенно утрачивали возможности для работы. Передвижения англичан за пределами города жестко ограничивались, их почти отрезали от внешних контактов, и даже китайские периодические издания, из которых они черпали существенную часть добываемой информации, попадали к ним позднее, чем в Гонконг. К 1941 году смысл сохранения в Шанхае разведоргана армии был практически утрачен. Зато его офицеры заблаговременно позаботились о путях отхода в случае обострения ситуации и после начала войны с Японией сумели скрыться под видом крестьян, тогда как морские разведчики попали в плен в полном составе.

СИС также не обошла Шанхай своим вниманием и с 1929 года содержала в городе свою “станцию”, которую, как полагали, возглавлял не офицер паспортного контроля, а офицер шанхайской муниципальной полиции У. Г. Кларк, его заместителем являлся также полицейский — заместитель комиссара Т. П. Гивенс. Конспирация этой точки находилась на низком уровне, о подлинных функциях обоих упомянутых офицеров знали практически все в Шанхае, поэтому нетрудно понять, что особых достижений в агентурных операциях за ними не числится.

Несмотря на всю свою значимость, Шанхай был лишь городом, в котором соперничали разведки нескольких государств, основные же события разворачивались в глубине китайской территории. В 1939 году, после стабилизации фронта с Японией, Чан объявил, что “главной задачей правительства является ликвидация баз коммунистической деятельности и пропаганды”³⁸⁶. Его войска блокировали районы дислокации коммунистических 8-й и Новой 4-й армий, непосредственным поводом для чего послужила перехваченная БРС совершенно секретная директива Мао Цзэдуна. Она предписывала “установить связи с городами по южному берегу Янцзы и проводить кампанию подрыва доверия к Гоминьдану, создавать организации “спасения родины” и борьбы против реакционной линии политического и экономического угнетения масс”³⁸⁷. Чан Кайши опередил наступление коммунистов, а разведка компартии проиграла поединком, несмотря на то, что Бюро по специальной работе (Теьу гунцзо чу) ЦК КПК под руководством все того же Кан Шэна уже добились серьезных успехов. С ноября 1938 года в его центральном аппарате имелись:

- организационное отделение;
- разведывательное отделение;
- контрразведывательное отделение;
- информационно-аналитическое отделение;
- отделение общих вопросов и связи;
- школа разведки.

Обращает на себя внимание отсутствие криптографической структуры, что объясняется не каким-либо пренебрежением к этой стороне деятельности, а просто полным отсутствием специалистов соответствующей квалификации. Кроме Бюро по специальной работе, в коммунистических войсках имелась собственная военная разведка, а их безопасность обеспечивал политический отдел с подотделом офицеров безопасности.

Как всегда, в гражданской войне выигрывает третья сторона, которой в данном случае являлась Япония. К маю 1940 года она оккупировала 552 из 1937 уездов Китая, включая абсолютно все важные индустриальные, транспортные и административно-политические центры. Промышленное производство в стране упало до 10% — 15% довоенного уровня, японцы захватили 16 стратегически важных железнодорожных магистралей, при этом на оставшихся имелась лишь треть локомотивов, половина пассажирских и 40% товарных вагонов от потребного количества. Не обрабатывалась пятая часть пахотной земли. Китай погибал, спасение могло принести только внешнее вмешательство в конфликт.

2. ЯПОНИЯ

Удачливая противница Китая — Япония тем временем готовилась к уже давно намеченному расширению географии боевых действий, и после 1931 года любое мероприятие ее правительства имело конечной целью приближение установления господства над Азией. Агрессивные настроения в среде военных были столь сильны, что в феврале 1936 года привели к неслыханному в ее истории и противоречащему всему строю японского характера и самурайскому кодексу поведения мятежу молодых военных против власти. В нем приняли участие полторы тысячи армейских офицеров и солдат, и лишь недоброжелательное отношение флота к путчу позволило относительно легко подавить его. Эта попытка переворота стала подлинной точкой отсчета, после которой правительство уже не могло игнорировать фактор настроений в вооруженных силах, однозначно выступавших за агрессию и расходившихся лишь в вопросе ее направленности.

Одни из исследователей различают сторонников “северного” и “южного” пути, другие выделяют “маньчжурскую” и “токийскую” группы, третьи полагают, что позиции двух групп приблизительно соответствовали устремлениям командования армии и флота. Считается, что “маньчжуры” настаивали на развитии агрессии против СССР, а “токийцы” — против Китая и Юго-Восточной Азии. К сторонникам “южного” пути относят приверженцев нападения на страны Тихого океана и Южных морей, а “северного” — на Китай и Советский Союз. Армия якобы поголовно выступала за континентальные операции, а флот — за морские и островные, направленные против английских и голландских колоний. Судя по всему, любая из этих отчасти верных систем классификации страдает односторонностью и прямолинейностью, поскольку, например, дальнейшее развитие войны в Китае было невозможно без блокирования принадлежащей англичанам Бирманской дороги, что, в свою очередь, не исключало военного столкновения с Великобританией. До разгрома японских войск в инцидентах у озера Хасан и реки Халхин-Гол весьма вероятным следующим объектом для развития агрессии был СССР, однако после 1939 года японцам стало ясно, что достижение победы над ним является достаточно проблематичным. Несмотря на подписание прогерманским правительством Хироита 25 ноября 1936 года Антикоминтерновского пакта, планы завоевания Монголии, Сибири и советского Дальнего Востока пришлось отложить. Япония даже замето свернула операции, проводимые в соответствии с изданной в 1932 году директивой генштаба под названием “Основные положения плана подрывной деятельности”, предусматривавшей:

“2. Для того, чтобы как можно скорее сокрушить боеспособность Советского Союза после начала военных действий, провести в жизнь следующие мероприятия:

1) Оказать поддержку движению за независимость Украины, Грузии и Азербайджана и организовать там волнения.

2) Эмигрантские антисоветские организации русских установят связь со своими единомышленниками внутри Советского Союза, будут способствовать созданию антивоенных настроений и составят заговор...”³⁸⁸.

Оперативная работа велась в этом направлении главным образом в Маньчжурии, где в японские разведорганы глубоко проникла советская разведка, часто работавшая с других плацдармов. В 1927 году резидент ИНО в Сеуле И. А. Чичаев привлек к сотрудничеству работавшего на советском направлении в различных структурах спецслужб молодого японского офицера, хотя до некоторого времени формально не фиксировал акт его вербовки. Личность этого человека до сих пор не рассекречена, в документах он значится как источник “Абэ” или “132”. Известно, что именно с его помощью сеульская резидентура сумела добыть цитированный ранее так называемый “меморандум Танаки”. С течением времени агент уже самостоятельно приступил к вербовкам и лично привлек к сотрудничеству не менее шести источников, в числе которых особо результативными были “Сай”, “Ли”, а также “Ким”, “Тур” и “Кан”. Они занимали выгодные в разведывательном отношении должности в главном жандармском управлении Кореи, являвшейся тогда колонией Японии, в штабе японской Корейской армии и в управлении делами генерал-губернатора. Позднее по настоянию резидентуры “Абэ” добился перевода в Харбин, где его служебные обязанности стали включать руководство агентурой на советском направлении, сбор политической информации, поддержание контактов с японской военной миссией, полицией и эмигрантскими

организациями. “Абэ” обладал исключительными оперативными возможностями и являлся одним из наиболее ценных источников советской разведки в дальневосточном регионе. Он поставлял достоверную информацию о забрасываемых в СССР агентах, об угрожаемых провалах, о позиции японской стороны на переговорах о продаже КВЖД, о вербовке сотрудника резидентуры РУ КА, о дислокации и перемещении войск, а также обеспечивал проведение акций по компрометации и последующей высылке из Маньчжурии нескольких наиболее активных руководителей эмигрантских организаций. В 1938 году, после разгрома зарубежной сети внешней разведки в результате репрессий, связь с источником прервалась. В 1940 году к “Абэ” вернулись вновь, однако теперь интерес к нему был совершенно иным, поскольку НКВД заподозрил его в двойной игре. Анализ некоторых полученных материалов дал основание посчитать групповода подставленным советской разведке японским агентом, и в рамках линии на “чистку” зарубежной агентуры начальник внешней разведки Фитин подготовил докладную записку на имя наркома с предложением о его ликвидации. К счастью, по ряду причин эту идею не реализовали, а в 1945 году бывший агент попал в советский плен, где в результате нового, объективно проведенного расследования все обвинения с него были сняты.

“Абэ” являлся хотя и лучшим, но все же лишь одним из многочисленных источников харбинской резидентуры. Ее агентурный аппарат в основном вербовался из числа эмигрантов или бывшего персонала КВЖД, рассчитывавших таким путем получить советское гражданство и разрешение возвратиться на родину. Особого упоминания заслуживают источники “Осипов” и “Фридрих”. Первый из них служил в особом (политическом) отделе жандармерии и руководил сетью собственных агентов, что позволяло заграничке эффективно проводить контрразведывательные операции и обеспечивать свою безопасность. Связь с “Осиповым” была прекращена в 1938 году, после того как его руководителя репрессировали как врага народа. “Фридрих” также работал в жандармерии и в 1936 году попал под подозрение японской контрразведки. Несмотря на хорошо известное умение следователей добиваться показаний, агент смог выдержать тщательное дознание с применением пыток и очистился от всех обвинений. В дальнейшем резидентура сумела вывести его в Тяньцзинь, а затем в Шанхай, где претензии к нему более не предъявлялись. К числу приоритетных направлений харбинской загранички относилась также работа в среде эмиграции на Дальнем Востоке, в первую очередь по причине активного использования этого контингента японской разведкой для вербовок и дальнейшей заброски в СССР. Ведущим источником НКВД являлся “Браун”, занимавший посты в эмигрантской террористической организации “Братство русской правды” и дальневосточном отделении РОВС.

Разведывательная система Японии не уступала по активности советской, однако, в отличие от нее, в 1930-е годы она претерпела лишь незначительные структурные изменения по сравнению с предшествовавшим десятилетием. Так, разведка армии теперь состояла уже из отделов планирования, западного, китайского, СССР и исполнительного. Структура военно-морской разведки осталась практически прежней. 3-й отдел генерального штаба ВМС состоял из нескольких оперативных подразделений:

- секция США и колоний;
- секция Китая и Маньчжурии;
- секция Германии и Европы;
- секция Великобритании, Индокитая, Австралии и Индии;
- секция общих вопросов.

Советский Союз из-за крайней слабости своего флота на Тихом океане настолько не интересовал военных моряков, что те долго не могли решить, какая секция должна им заниматься, и в итоге эти обязанности возложили на единственного офицера из секции общих вопросов. Из Секции специальной службы выделился занимавшийся анализом перехвата Отдел оценки сигналов, значительно более результативный, чем криптографический. Зато, в отличие от структуры, методы работы японских спецслужб в предвоенный период претерпели значительные изменения, самым существенным из которых было признание главенствующей роли так называемой специальной разведки (радиоразведка). На втором месте по значимости располагались подрывные операции, связь с местными оппозиционными политиками и специальная пропаганда. Агентурные операции отныне отодвигались на третий план и зачастую представляли собой акции обеспечения работы на более важных направле-

ниях. Так, силами разведки ВМС в конце 1937 года из консульства США в Кобе были похищены два американских кода.

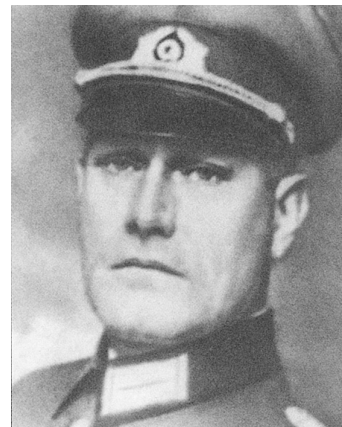
Одновременно заметно укреплялась контрразведка. Численность военной жандармерии Кемпейтай выросла до 50 тысяч человек, резко вырос статус ее начальника. Если руководившие ей с 1934 по 1935 год Хаара и с 1935 по 1937 год Иноуэ имели майорские звания, то ее новым начальником стал уже генерал Хидеки Тодзио, будущий военный министр и премьер.

Хидеки Тодзио

Однако повышение статуса контрразведки не убергло японцев от появления в их стране одной из самых результативных агентурных сетей предвоенного и военного периода. Речь идет о руководимой Рихардом Зорге резидентуре РУ КА, более известной под кодовым обозначением “Рамзай”. Более того, Зорге был не единственным направленным в Японию нелегалом РУ, параллельно с ним работали журналисты Гюнтер Штайн (“Густав”) и Маргарет Гаттенберг. Некоторые задания разведывательного характера выполняла жена известного финского коммуниста Отто Куусинена Аино (“Ингрид”), но они далеко не приблизились к достижениям “Рамзая”.

После окончания работы в Китае Зорге вернулся в Москву, но уже в сентябре 1935 года отправился в новую командировку и прибыл в Йокогаму для организации резидентуры. В этот период практически все в Японии были убеждены в скором крупномасштабном военном столкновении с Советским Союзом. Эйфория победы над Россией в 1905 году и воспоминание о том, как во время Гражданской войны японские войска легко контролировали Приморье и Хабаровский край и ушли оттуда исключительно по политическим мотивам, высоко поднимали моральный дух в армии и обществе. В этот период для Москвы было крайне важно наладить бесперебойное получение информации о намерениях Японии в отношении СССР и о ее вооруженных силах, поэтому миссии Зорге придавалось весьма большое значение. Главной задачей разведчика на первом этапе стало являвшееся залогом дальнейшей успешной работы закрепление в кругах посольства и немецкой колонии. Для этой цели резидент пока еще не существующей точки приехал туда под собственной фамилией и привез рекомендательное письмо от посольства Японии в Вашингтоне к руководителю департамента информации МИД Японии Амаи Иидзи. Такая веская рекомендация открыла советскому разведчику многие двери, но главным в процессе обрастания связями, вне всякого сомнения, стала сама его личность. Яркие и глубокие аналитические статьи Зорге были, без преувеличения, талантливы и быстро создали ему репутацию выдающегося журналиста, авторитета в делах Дальнего Востока, дружить с которым почитали за честь многие члены немецкой колонии. Он получил рекомендательное письмо от редактора газеты “Тоглихе рундшау” к работавшему тогда в Нагое военному атташе Германии полковнику Ойгену Отту и довольно скоро подружился с ним. Разведчик близко сошелся с и его семьей, что в дальнейшем дало ему не только неоценимо важный источник информации, но и немало способствовало укреплению положения в обществе. В числе добрых немецких знакомых Зорге значились военно-морской атташе Германии капитан 1-го ранга Пауль Веннекер и корреспондент главной газеты НСДАП “Фолькишер беобахтер” князь Альбрехт фон Урах. Несмотря на это, на первом этапе важная информация из резидентуры не поступала, Зорге ограничивался второстепенными материалами, полученными самостоятельно или от помощников. Ядро его группы составили югославский журналист, фотокорреспондент французского журнала “Вю” Бранко Вукелич, уже известный нам Ходзуми Одзаки (“Отто”, “Инвест”), ранее знавший Зорге как американца Джонсона, и художник с Окинавы, член японской секции коммунистической партии США Иотоку Мияги (“Джо”, “Интелли”). Привлечение к работе этого последнего явилось грубой, непростительной ошибкой лично Берзина и впоследствии стало первопричиной провала токийской нелегальной резидентуры. В США Мияги был одним из множества проживавших там японцев, среди которых многие отличались левыми убеждениями, и ничем не выделялся из их числа. Однако после возвращения в

Ойген Отт

Японию он немедленно попал в сферу внимания Особой высшей полиции Токко, поскольку одновременно являлся и местным коммунистом, и реэмигрантом. Связь нелегальных резидентур с подобными лицами категорически воспрещалась, но руководство разведки не приняло к сведению правила, нарушение которых уже не раз влекло за собой тяжелые провалы.

В описываемый период токийская нелегальная точка не имела действующего радиопередатчика, все донесения в Центр Вукелич переснимал на микропленку, а затем с помощью курьеров через Шанхай отправлял по назначению. Радист группы Бруно Виндт (“Бернгард”) совершенно не справлялся со своей задачей и связь с Москвой так и не установил. Позднее Зорге утверждал, что это произошло из-за его пьянства и трусости, совершенно неоправданной ввиду зачаточного состояния радиопеленгации в Японии в 1935 — 1936 годах, практически исключая возможность точной засечки пеленга на работающий передатчик.

Бруно Виндт

Вначале процесс добывания шел плохо. Мияги безрезультатно пытался организовать сеть информаторов в армии, но вынужден был ограничиться сбором данных в открытых военных журналах. В те времена эту работу в Японии мог выполнить только гражданин страны, поскольку подписка даже на общедоступные военные издания была для иностранцев закрыта. В Москве для начала готовы были удовольствоваться и этим, однако с каждым месяцем ситуация постепенно улучшалась. Взвесив возможный риск от более подробного изучения его прошлого и выгоды от упрочения своего положения, Зорге решился вступить в члены НСДАП и этим значительно укрепил доверие к себе представителей спецслужб в посольстве Германии и ортодоксальных нацистов. Одзаки работал в авторитетной газете “Асахи” и заслуженно приобрел репутацию крупного специалиста по Китаю. Это позволило ему вступить в созданное под руководством “Асахи” Общество по изучению восточно-азиатских проблем, где журналист вышел на круги весьма влиятельных японских политиков. В это же время китайские контакты Одзаки едва не погубили всю сеть советской военной разведки в Японии на ранней стадии ее деятельности.

21 января 1936 года сотрудники Токко арестовали в Токио связника Одзаки в Тяньцзине Тэйкити Каваи. Принадлежавший ему книжный магазин удобно располагался напротив здания штаба “Подразделения специальных служб”, объединявшего органы разведки и политических операций японской армии в этом китайском городе. Каваи сумел обзавестись друзьями в среде крайне правых японских офицеров недостаточно высокого ранга для доступа к серьезным секретам, однако беседы с ними позволили составить вполне четкое представление о схеме взаимоотношений отдельных группировок в японской армии. Это было практически бесполезно для сбора конкретной разведывательной информации, но позволило выяснить степень влиятельности и уточнить подлинные настроения участников мятежа 26 — 29 февраля 1936 года и соответственно ориентировать Москву, нуждавшуюся в исходных данных для выработки своей политики в изменившихся условиях. Каваи снабжал Одзаки и другой второстепенной информацией, но был более полезен в качестве курьера, поскольку имел легальную возможность регулярно курсировать между Японией и Китаем. Однако однажды он самовольно решил выступить в роли вербовщика и тем самым едва не погубил и себя, и всю организацию.

Дилетант Каваи не догадывался или же не принял во внимание, что одних симпатий вербуемого к коммунистической партии и его членства в прокоммунистической Лиге борьбы совершенно недостаточно для привлечения к агентурной деятельности. Он завербовал переводчика военной жандармерии Седзима Рюки без тщательного изучения особенностей неустойчивой психики этого человека. На волне эмоционального подъема новый агент решил отличиться и самовольно похитил не слишком важные, но все же секретные документы своего подразделения и отослал их Каваи, однако того не оказалось дома. Тогда он сам вышел на связь с китайскими коммунистами и отдал все материалы им. Такое опрометчивое поведение отчасти объяснялось фаталистической уверенностью Рюки в своей скорой и неминуемой гибели в предстоящей войсковой операции Кемпейтай против китайских партизан. Когда же этого не произошло, полицейского стало терзать раскаяние в совершенном

предательстве, его постоянно преследовал страх провала, и через несколько месяцев моральных мучений он добровольно сознался во всем, назвав имя своего вербовщика. После этого находившегося в Токио Каваи немедленно арестовали и этапировали из Японии в Китай, постоянно допрашивая и избивая. Не слишком квалифицированное следствие быстро зашло в тупик, и когда измученный связник уже был почти готов произнести имя Озаки, допросы прекратились, а Каваи отделался 10-месячным тюремным заключением по обвинению в нарушении закона о сохранении мира. Так резидентура в первый раз оказалась на грани провала. Парадоксально, но если бы таковой действительно произошел, то Зорге, Озаки, Вукелич и Мияги, скорее всего, пережили бы войну, поскольку в 1936 году законодательство Японии не предусматривало применения смертной казни за шпионаж. Все они, без сомнения, отделались бы различными сроками тюремного заключения. Однако провал группы Зорге произошел уже в условиях военного времени, поэтому после ее членов постигла намного более трагическая судьба.

Тем временем резидентура значительно улучшила качество добываемой информации. С 1936 года перебравшийся из Нагоя в Токио Отг использовал Зорге в качестве своего неофициального секретаря и помощника, и таким образом резидент получил доступ ко всем проходившим по линии военного атташе документам. Наибольшим его достижением в тот период явилось добывание подробных сведений о состоявшемся в Берлине неофициальном совещании по вопросам совместной разведывательной деятельности против СССР, в котором приняли участие имперский министр иностранных дел Риббентроп, начальник абвера адмирал Канарис и руководивший операциями разведки в Европе военный атташе Японии в Берлине генерал Осима. С 1936 года Зорге публиковал свои статьи в весьма авторитетной газете “Франкфуртер цайтунг”, хотя официально ее сотрудником никогда не был.

Не менее весомыми оказались и достижения Озаки. Он подружился с людьми из окружения принца Фумимаро Коноэ, из которых наиболее интересными в разведывательном отношении являлись личный секретарь принца Усиба и главный секретарь его кабинета Казами. В ноябре 1936 года друзья и приверженцы Коноэ, видевшие в нем наиболее подходящую кандидатуру для занятия поста премьер-министра, создали называемое Общество исследования “Сева”. Со свойственной японцам основательностью члены общества пришли к выводу, что подготовку их ставленника к работе в будущей должности следует начать заблаговременно для сведения к минимуму периода его вхождения в курс проблем. Они привлекли лучшие умы Японии к квалифицированным консультациям Коноэ по всем вопросам внутренней и внешней политики. Казами возглавил группу по изучению Китая и в 1937 году пригласил в нее Озаки как признанного специалиста по этой стране, после чего уже летом следующего года тот стал полноправным консультантом “Сева” и получил доступ к документам его секретариата.

Макс Клаузен

Модный художник Мияги не мог похвастаться прямым выходом на государственные секреты, однако довольно успешно собирал военную информацию, в частности, об открывшихся в Харбине и Маньчжурии разведшколах. Его идея создать охватывающую всю страну сеть используемых “втемную” доверенных информаторов не реализовалась, но некоторые добытые им сведения все же представляли заметный интерес.

Возрастающий поток информации требовал более высокого уровня связи. О передатчике “Бернгарда” можно было забыть, и Центр настойчиво пытался

А. М. Жданкова

изыскать новые средства и способы передачи материалов. С 1936 года знакомый Зорге по Харбину радист Макс Готфрид Фридрих Кристиансен-Клаузен прибыл в Пекин и занялся вопросами обеспечения курьерской связи и финансового обеспечения деятельности группы. Необходимо отметить, что это произошло вовсе не добровольно, поскольку он был весьма обижен на СССР в целом и на разведку в частности.

История взаимоотношения Клаузена с РУ КА отнюдь не столь безоблачна, как долгие годы изображалась в пропагандистских изданиях. Женитьба в Шанхае на откровенной антикоммунистке, эмигрантке и финской гражданке (по первому браку) Анне Михайловне Жданковой (Валениус), естественно, не прибавила ему доверия в Москве, тем более, что деятельность разведчика в Маньчжурии не увенчалась успехом ни по основной работе, ни по линии прикрытия. Торговля мотоциклами не принесла его фирме ни единого доллара, и у местной полиции вполне закономерно могли возникнуть вопросы по этому поводу, поэтому командировку Клаузена прервали досрочно и приказали прибыть в СССР без Анны. Разведчик не подчинился запрету и самовольно привез ее в Москву, поэтому совершенно естественно, что в Центре его встретили далеко не как героя. В довершение неприятностей, в Москве у Клаузенов сразу же украли все деньги и документы, в чем Анна немедленно заподозрила ведомство своего мужа. После шестинедельного отдыха в закрытом одесском санатории военной разведки Клаузена направили на работу в радиошколу Разведупра, где он разрабатывал портативные агентурные рации, поддерживал связь с группой агентов и читал курс радиотехники. В 1934 году его с женой без объяснения причин уволили из разведки и под фамилией Ротман отправили ремонтником на машинно-тракторную станцию в Республику немцев Поволжья. Нищенские заработки поставили семью на грань нищеты, но Макс устроился подрабатывать еще на нескольких работах и как-то выправлял положение. Антисоветские настроения у Анны крепились с каждым днем, и следует признать, что для этого она имела все основания. В 1935 году радиста точно так же без объяснения причин затребовали в Москву, однако обиженный Клаузен совершенно не горел желанием немедленно явиться в IV управление и первые две телеграммы из Центра попросту проигнорировал. Третья депеша была подписана самим наркомом обороны Ворошиловым и, естественно, адресовалась отнюдь не “Ротману”, а первому секретарю местного комитета ВКП(б). После вмешательства на столь высоком уровне Клаузен уже через день появился в Москве, где после длительного и неприятного объяснения с Берзиным его вновь направили в ту же самую радиошколу, из которой изгнали в прошлом году. Людьми с такой квалификацией бросаться было нельзя. Клаузен являлся одним из лучших специалистов по радиосвязи и ее техническим средствам, а на Первомайском параде 1935 года в Москве удостоился чести прошагать во главе колонны китайских коммунистов, обучавшихся радиodelу для войск КПК. В столице знакомый с радистом по Китаю Зорге предложил ему вступить в свою группу в Японии, на что тот не без колебаний ответил согласием. К месту назначения Клаузен отбыл через Нью-Йорк и через некоторое время высадился в Йокотаге.

В апреле 1938 года посол Германии в Токио Дирксен отбыл на аналогичный пост в Лондон, его сменил бывший военный атташе Отт. К этому времени он стал уже генерал-майором, но повышение по службе не отразилось на его дружбе с Зорге, получившим теперь доступ к существенно более широкому кругу документов. Однако почти сразу же вслед за назначением Отта произошло драматическое событие, вторично поставившее точку на грань провала. Зорге купил мотоцикл и с удовольствием носился на нем по улицам Токио, совершенно игнорируя требования безопасности движения, что закончилось вполне закономерно. Однажды после проведенного в семье Оттов вечера с выпивкой он не справился с управлением и врезался на мотоцикле в препятствие, сильно разбившись при этом. В кармане у резидента находились разведывательные отчеты в Центр, поэтому, несмотря на острую боль от полученных травм, Зорге настоял на вызове Клаузена и отдал ему отчеты и ключи от своей квартиры, где хранились финансовые документы группы. Лишь после этого он позволил себе потерять сознание. Мужественное поведение резидента, вне всякого сомнения, позволило избежать провала всей сети, поскольку японская полиция всегда весьма тщательно осматривала содержимое карманов лиц, находившихся в бессознательном состоянии, тем более иностранцев. Впрочем, виновен в происшествии был только он сам, и никто другой. Последствия травм на два месяца вывели “Рамзая” из строя, оправился он лишь к июню 1938 года.

1939 год внес новые изменения в деятельность резидентуры. Коноэ недолго продержался на посту премьер-министра, в январе его сменил барон Хиранума. Некоторое время Одаки находился не у дел, но специалист такого уровня вскоре вновь оказался востребованным. В июне “Инвест” стал консультантом токийского филиала Южно-Маньчжурской железной дороги и получил доступ к широкому спектру информации по Маньчжоу-Го. Мягки добыл развернутый анализ боевых действий у реки Халхин-Гол с выводами, извле-

ченными армейским командованием из этого инцидента. Вукелич заметно упрочил свое положение и был принят на работу корреспондентом в информационное агентство “Гавас”, известное в наше время как “Франс-пресс”. Зорге в 1940 году вступил в Германскую ассоциацию прессы. Наряду с членством в НСДАП, это укрепило его престиж и репутацию среди немецкой колонии в Токио. Еще с 1939 года резидент стал официально прибывать на работу в здание посольства, где для него был выделен небольшой кабинет. Он не состоял в штате, однако получал плату за свою деятельность, заключающуюся в снабжении Отта и других сотрудников посольства информацией, полученной им от японцев.

Бранко Вукелич

Наконец-то удалось наладить регулярную радиосвязь с Владивостоком, где сигналы передатчика Клаузена (“Фриц”) принимала станция с позывными “Висбаден”. Радист начал передачу радиogramм с февраля 1936 года, причем выбирал места для сеансов связи весьма профессионально, кочуя с места на место. Первый перехват его сообщения расположенной в Корее японской станцией произошел в июле 1938 года, хотя дешифровальная служба не смогла ее прочесть ни ее, ни последующие донесения. Хотя Клаузен использовал легко запоминаемые шифры простой замены, для усложнения их вскрытия к зашифрованному тексту добавлялась случайная гамма, взятая наугад из “Германского экономического ежегодника”. Такая система одновременно являлась простой и достаточно надежной. Работу японской радиоконтрразведки дезориентировало также и использование им позывных, характерных для китайских радиолюбителей. Пеленгация передатчика в те годы могла быть произведена лишь случайно, поскольку передвижных пеленгаторов было крайне мало, а техническое несовершенство стационарных приводило к ошибке до двух километров и в условиях густонаселенного города практически исключало возможность точно засечь станцию. За весь период деятельности резидентуры Зорге японцы перехватили около четверти посланных Клаузеном радиogramм, однако так и не смогли ни дешифровать тексты, ни установить их источник. По-прежнему использовались курьеры, в частности для пересылки денег и передачи документальных материалов. Кроме того, начиная с 7 января 1940 года и до самого ареста группы в октябре 1941 года, на связь с Клаузеном выходил офицер “легальной” резидентуры, вначале консул СССР в Токио С. А. Будкевич, а с сентября 1940 года — второй секретарь посольства В. С. Зайцев. Центр финансировал резидентуру в размере тысячи долларов США в месяц, но затем дал указание использовать для этих нужд прибыль фирмы-прикрытия Клаузена. Это сильно задело радиста, не преминувшего вспомнить все старые обиды и в результате из чувства внутреннего протеста стал прохладнее относиться к требованиям конспирации. В частности, он не всегда спешил уничтожать тексты переданных сообщений, что в 1941 году позволило полиции получить одно из главных доказательств шпионской деятельности группы Зорге.

Япония уверенно продвигалась к мировому господству и уже планировала развернуть активные боевые действия против англичан и голландцев. Нападение Германии на СССР застало Токио врасплох. Хотя Япония была обязана присоединиться к своей европейской союзнице, уроки Хасана и Халхин-гола заставили ее правительство благоразумно воздержаться от опрометчивых шагов и руководствоваться положениями заключенного в Москве 13 апреля 1941 года японо-советского пакта о нейтралитете. Это не распространялось на разведывательные операции. В стенограммах Международного военного трибунала для Дальнего Востока имеется датированный 6 июля 1941 года меморандум ОКВ, гласящий: “Полковник Ямамото, помощник японского военного атташе в Берлине, явился 4 июля 1941 года в сопровождении майора Хигути к начальнику 2-го отдела контрразведки полковнику фон Лагоузену (Лахузену — И. Л.) и заявил следующее: японский генеральный штаб готов проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоу-Го, и в первую очередь в районе, прилегающем к озеру Байкал”³⁸⁹.

Но значительно энергичнее Япония рвалась к южным источникам сырья и продовольствия, топлива и полезных ископаемых. Правительство, армейское и флотское командование понимали, что Юго-Восточная Азия может обеспечить их лишённые собственных

природных ресурсов острова всем необходимым для существования. Конфронтация с Соединенными Штатами никак не входила в планы японцев, ее старались избежать и ограничиться захватом потерявших своих хозяев дальневосточных колоний Голландии и Франции. Однако Вашингтон вовсе не собирался безучастно наблюдать за экспансией своего главного дальневосточного соперника. Безусловно, Япония являлась откровенным агрессором, но не все обстояло столь однозначно, поскольку ее присоединение к странам “оси” явилось не в последнюю очередь демонстративным актом, призванным предостеречь Соединенные Штаты от грубого давления на Токио. Из-за прекращения действия торгового договора 1911 года сократились, а затем и вовсе прекратились поставки в Японию стратегически важных материалов из США, в особенности нефти. В конечном счете, именно нехватка нефти и привела к отчаянному акту нападения японского флота на Перл-Харбор и вторжению японской армии в азиатские владения Британии. Европейская война постепенно превращалась в мировую.

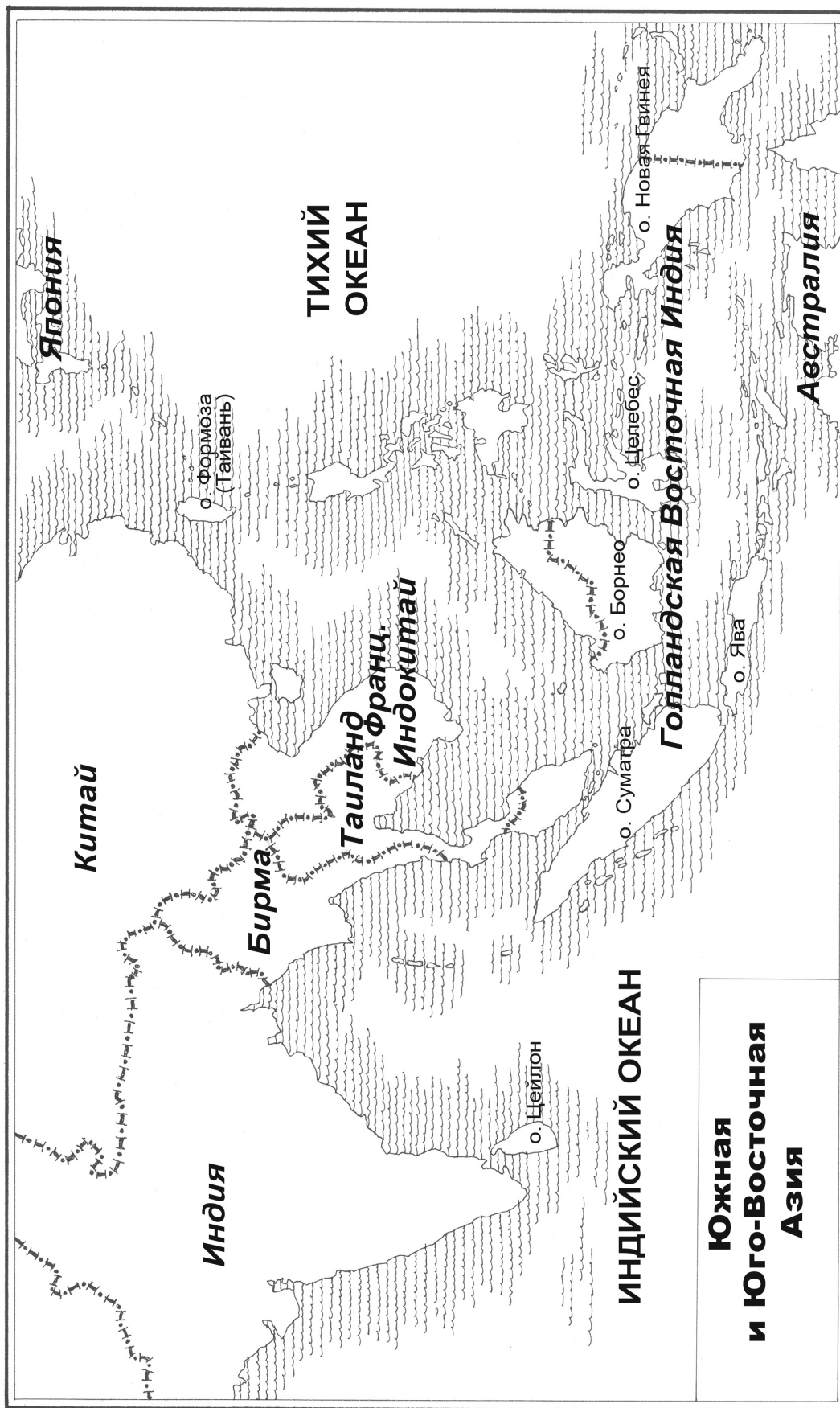
3. ИНДОКИТАЙ И БИРМА

До декабря 1941 года Юго-Восточная Азия оставалась вне Второй мировой войны. Проходившие недалеко от нее в Китае боевые действия воспринимались как нечто изолированное и не имевшее отношения к европейскому конфликту. Помимо прочего, в регионе не действовали и германские разведывательные службы. Партнеры по “оси” установили разграничительную линию ответственности между собой по 70 меридиану восточной долготы, в связи с чем Индия, Индокитай и Таиланд относились к операционной зоне спецслужб Японии.

Восток и юг Азиатского континента отличало преобладание колоний и доминионов, а следовательно, и наличие более или менее организованного национально-освободительного движения. Великобритания владела Индией, Цейлоном, Бирмой, Гонконгом и Британской Малайей, включавшей колонию Стрейс-Сеттлментс, Малайскую федерацию (Перак, Селангор, Негери-Сембилан и Паханг) и государства Кедах, Перлис, Келантан, Тренгану и Джохор. Французский Индокитай состоял из Тонкина (Северный Вьетнам), Кохинхина (Южный Вьетнам) и Лаоса. Голландская Восточная Индия включала в себя свыше десяти тысяч островов архипелага, в том числе таких крупных, как Ява, Суматра, Борнео (Калимантан), Сулавеси (Целебес) и Новая Гвинея общей площадью почти 2 миллиона квадратных километров. В Токио прекрасно понимали чувства местных жителей по отношению к колонизаторам и активно и умело использовали их в пропагандистской и разведывательной деятельности в регионе. Естественно, японцев интересовало не некое абстрактное “сопротивление” азиатской расы, а собственные и вполне конкретные интересы. Юго-Восточная Азия олицетворяла для них не только выгодные стратегические позиции, но и нефть, каучук (4/5 мирового производства), олово (2/3 мирового производства), марганец, бокситы, золото, серебро, вольфрам, свинец, драгоценные камни и продовольствие. Именно ради этих природных богатств японская агрессия, окончательно спровоцированная нефтяным эмбарго США и финансовыми санкциями, направилась на юг.

Собственно, начало проникновения Японии в регион нельзя отсчитывать с какого-либо конкретного момента. В сентябре 1940 года, после подписания с правительством побежденной Франции соглашения о совместной обороне, ее войска беспрепятственно вступили на территорию Тонкина и установили контроль над страной, лишь однажды встретив героическое сопротивление горстки жандармерии. Во Французском Индокитае операции стратегической разведки вовсе не понадобились, японцы обошлись дипломатическим давлением на власти. Очередной этап экспансии стал для Токио роковым, поскольку правительство Рузвельта весьма болезненно отреагировало на него и 26 июля объявило о замораживании японских активов в американских банках. Эта акция явилась одной из существенных причин, побудивших Японию в декабре 1941 года напасть на Соединенные Штаты, чего большинство в ее правительстве надеялось все же избежать.

По политическим соображениям японцы сохранили прежнюю колониальную администрацию во главе с Жаном Дежу, представлявшую интересы 40 тысяч французов в общем 23-миллионном населении Индокитая. Вишистским властям как союзному режиму было

даже позволено сохранить армию при условии, что она не будет вмешиваться в любые предстоящие боевые действия. Вьетнамцы первыми ощутили на себе, что японское владычество ничем не лучше французского колониального ига и преследует единственную цель выкачки природных ресурсов из приобретенных территорий. Однако эти перемены впервые продемонстрировали народу реальную возможность изменения политического режима и пробудили первые обоснованные надежды на предстоящее освобождение, до которого было все же еще очень далеко. Именно указанные обстоятельства послужили толчком к созданию Лиги борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь) во главе с известными в дальнейшем лидерами Хо Ши Мином и Во Нгуен Зианом.

Японская военная разведка придавала большое значение созданию оперативных позиций и инфраструктуры во Французском Индокитае, для чего после июля 1940 года организовала в Ханое нелегальную резидентуру Сумида кикан, она же — Нишихара кикан, по имени руководившего ей генерал-майора Нишихара. Первоначальным предназначением этой точки являлась разведка перевозок по Бирманской дороге, а после высадки японских войск в Индокитае в течение некоторого периода времени она занималась вопросами собственной безопасности разведорганов в регионе. Позднее ее вновь перепрофилировали и переключили на поддержание связи с местными представителями правительства Виши, а также на негласные контакты с вьетнамским национально-освободительным движением.

Бирманская дорога

В Бирме дела обстояли иначе. Развитие японской агрессии в Китае требовало перерезать южный путь подвоза снаряжения для войск Гоминьдана по 681-мильной Бирманской дороге, что немедленно позволило бы создать благоприятные предпосылки для изоляции и последующего захвата страны. Токио попытался решить этот вопрос дипломатическим путем, однако безуспешно. Входящая в состав Британской Индии Бирма лишь в 1937 году получила статус отдельной колонии, поэтому решения такого уровня принимались не в Рангуне, а в Лондоне. Форин офис блокировал все дипломатические инициативы в этом направлении, но японское правительство приняло решение любой ценой прекратить снабженческие перевозки. Несмотря на начавшуюся в Европе войну, в Токио были далеко не уверены в своевременности вступления в прямое военное столкновение с Британией, поэтому ставка делалась на инспирированное восстание местного населения против колониальной зависимости. Такая акция требовала серьезной и обстоятельной разведывательной подготовки, в связи с чем ее поручили опытному военному разведчику полковнику Кейдзи Судзуки. Он прибыл в Шанхай под именем Масуто Минами и прикрытием корреспондента газеты “Йомиури”, а затем перебрался в Рангун, где занял пост генерального секретаря Японско-бирманского общества. Помощниками и главными агентами резидента являлись буддийский монах Нагаи и торговый представитель Японии в Бирме Оба. Слишком активная работа полковника по поддержке националистов не ускользнула от внимания МИ-5, вовремя сумевшей взять под контроль большинство его контактов. В августе 1940 года полиция одновременно арестовала почти всех причастных к нелегальной деятельности лиц, однако сам Судзуки, предупрежденный об опасности в последний момент, едва успел бежать в Токио.

После небольшого перерыва он получил задание создать в Бангкоке совместную резидентуру разведок армии и флота под условным названием Минами кикан. На первых порах, в декабре 1940 года ее штат состоял из семи гражданских служащих, шести армейских и трех флотских офицеров, позднее он несколько вырос. Резидент сделал ставку на национально-освободительное движение “Добама Аси-айон” (“Мы — бирманцы”), внутри которого радикально настроенный 25-летний активист Аун Сань создал Бирманскую революционную партию и провозгласил курс на вооруженное восстание против британского господства. Следует отметить, что на данном этапе все действия левых радикалов (“такинов”) из группы

Аун Саня проходили без малейшего вмешательства извне, поскольку они имели весьма путаное представление о способах достижения своей цели и возможных внешних союзниках. Первоначально таины рассчитывали получить поддержку от идеологически близкого им СССР, однако тот находился далеко и в предвоенный период совершенно не вмешивался в дела в Юго-Восточной Азии, а потому союз с ним исключался напрочь. Японцы тем временем сделали ставку на авторитетного политика, бывшего премьера колониального правительства Ба Мо, а группировку Аун Саня в качестве серьезной силы даже не рассматривали. Вскоре демонстративные антибританские высказывания привели Ба Мо и его сторонников в тюрьму, и резидентура была вынуждена начать поиски новой опоры, по-прежнему не обращающей внимания на таинов из Бирманской революционной партии.

Аун Сань собрался эмигрировать и продолжать борьбу за независимость своей страны из-за границы. Перед отъездом отпущенный под денежный залог до суда Ба Мо устроил ему аудиенцию у японского консула в Рангуне, но тот совершенно не воспринял бирманца всерьез. Тем временем находившийся в Бангкоке и не имевший никакого представления о новом добровольном кандидате в союзники полковник Судзуки разработал развернутый “План независимости Бирмы”, состоявший из трех этапов. На первом из них бирманских волонтеров следовало отправлять в созданные японскими военными для этой цели учебные лагеря в Таиланде, второй этап предусматривал их шестимесячную специальную подготовку и организацию приграничных баз снабжения и складов оружия, а на завершающем третьем этапе планировалось поднять общее восстание бирманцев под руководством обученных партизанским действиям добровольцев и примкнувших к ним офицеров. Тем временем Аун Сань с несколькими единомышленниками прибыл в Таиланд, где с огорчением выяснил, что беседа с консулом не привела к каким-либо результатам. Японцы отнюдь не стремились выйти с революционером на связь и вообще ничего не знали о его высокой миссии. Деньги у таинов заканчивались, они жили впроголодь, вернуться же на родину уже не могли.

План полковника Судзуки получил одобрение в Токио. Теперь требовалось отыскать желающих создать национальное марионеточное правительство, с которым можно было бы вести переговоры, но, к большому разочарованию резидента, все приемлемые кандидаты сидели в тюрьмах. Внезапно он совершенно случайно и с большим удивлением обнаружил, что практически идеальная для этой цели фигура, оказывается, уже давно находится на контролируемой японцами территории. В октябре 1940 года полковник отбыл в Токио, и лишь в декабре, после длительных согласований и утверждений, туда же для дипломатических переговоров доставили изголодавшегося и вконец отчаявшегося Аун Саня.

После быстрого решения принципиальных политических вопросов работу с ним продолжила разведка. Резидентура Минами кикан по-прежнему отвечала за подготовку восстания в Бирме, поэтому 30 таинов отправили на Тайвань, где до октября 1941 года они прошли интенсивную подготовку по программе обучения партизанских формирований. К этому времени полковнику Судзуки удалось создать четыре базы снабжения и их резервные филиалы на бирманско-тайландской границе, а его агенты уже разведали все перевалы и были готовы выступить в качестве войсковых проводников через горы. Разведка сделала все для подготовки восстания и полного прекращения снабжения Китая по Бирманской железной дороге, однако этого не произошло. Судзуки получил из Токио строжайший запрет на любые дальнейшие действия в этом направлении, а Минами кикан немедленно перебазировали из Бангкока в Сайгон. Создалось впечатление, что японцы спешно уносят ноги из ставшего опасным для них региона, и это повергло резидента в полное недоумение. Но все объяснялось совершенно иначе. К этому времени правительство Тодзио уже приняло твердое решение атаковать британские и голландские колонии в Юго-Восточной Азии и всеми силами маскировало подготовку к агрессии. Лишь офицерам размещившейся еще зимой 1940 года около Тайбэя “части № 82” было позволено знать о предстоящих событиях. Они занимались планированием и разведывательной подготовкой вторжения в Юго-Восточную Азию, а всем остальным, даже многократно проверенным резидентам, из соображений конспирации до последнего времени предстояло оставаться в неведении. Резидентура Минами кикан возвратилась к прежнему месту дислокации лишь после нападения на Перл-Харбор, но поскольку в Юго-Восточной Азии тогда уже шли бои, ее подчинили командованию 15-й армии.

4. БРИТАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ

Азиатские резидентуры секретных служб Великобритании в первую очередь предназначались для обеспечения сохранения целостности империи, поэтому основным направлением их деятельности являлся контроль за национально-освободительными и леворадикальными партиями и группировками. Внешняя угроза, в особенности со стороны Японии, беспокоила главным образом морскую разведку и в существенно меньшей степени — политическую. Однако постепенно это направление начало вызывать в Лондоне тревогу, и в марте 1938 года заместитель директора воздушной разведки (АИ) подполковник авиации Х. Уигтсворт был направлен в трехмесячную инспекционную поездку для оценки степени эффективности расположенных к востоку от Суэца резидентур.

Из соображений бюджетной экономии британские спецслужбы не имели на Дальнем Востоке отдельных “станций”, взамен которых в Гонконге, Шанхае и Сингапуре были созданы “Объединенные разведывательные бюро” (КИБ). Крупнейшим из них являлось образованное в 1935 году “Гонконгское объединенное разведывательное бюро” (КИБГК), в обиходе часто именовавшееся “Дальневосточным объединенным бюро” (ФЕКБ). В мирное время основная задача этого органа заключалась в своевременном предупреждении о предстоящей агрессии со стороны потенциального противника, а в период войны бюро должно было снабжать местное командование информацией из Лондона и сообщать в центр об обстановке в своей зоне ответственности: Китае к югу от Фучжоу, Тайване и Филиппинах. При принятии решения о размещении резидентуры представители армии настаивали на Шанхае, для моряков же более удобным местом представлялся Сингапур. Чтобы не порождать конфронтации между спецслужбами двух видов вооруженных сил, КИБГК было открыто в Гонконге по соседству с существовавшей ранее резидентурой СИС, и предпосылки к возможному конфликту исчезли.

Бюро не проводило самостоятельные агентурные операции. Оно поддерживало связь с органами морской разведки Великобритании на Тихом и Индийском океанах, добывавшими первичную информацию на широком пространстве от Восточного берега Африки до Западного побережья Северной и Южной Америки, с военной и военно-воздушной разведкой на Дальнем Востоке, с открытым несколько позднее Дальневосточным отделением Оперативного разведывательного центра, а также с рядом британских дипломатических и консульских учреждений. Контакты КИБГК с британской миссией в Таиланде категорически запрещались ввиду крайних симпатий возглавлявшего ее Джозия Кросби к правительству страны пребывания, что с учетом тесных связей между Бангкоком и Токио не исключало возможность утечки информации. Однажды бюро по ошибке все же запросило информацию у посланника в Бангкоке, на что тот подготовил сразу два ответа. Первый из них представлял собой краткую записку в Форин офис с замечанием о необходимости направления всех запросов по обычным дипломатическим каналам. Второй, более пространственный ответ адресовался непосредственно руководителю КИБГК. В нем Кросби предупреждал о том, что если поднятые в письме вопросы действительно находятся в сфере интересов его автора и при этом затрагивают Таиланд, то любая утечка информации может повлечь за собой непредсказуемые и крайне негативные последствия. В любом случае, извещал посланник, его сотрудники слишком заняты и не располагают свободным временем для переписки с разведчиками. На этом таковая прекратилась.

Первым руководителем КИБГК являлся капитан 1-го ранга Дж. У. А. Уоллер, которого в целях конспирации называли “капитаном штаба командующего Китайским флотом”. Фактически его должность именовалась “руководитель разведывательного штата” и в этом варианте могла упоминаться исключительно в закрытых документах. Заместителем начальника КИБГК был капитан 2-го ранга Макдональд, а основным оперативным офицером — майор Брэмвелл. Общий штат КИБГК первоначально насчитывал 29 человек, главным образом занятых отслеживанием перемещений японских кораблей. Резидент НИД, капитан 2-го ранга Чарльз Дрэйдж завербовал нескольких ранее работавших в японских водах китайских лоцманов и получил от них довольно подробную информацию о навигационной обстановке. Кроме того, на связи у КИБГК находился один из старших чиновников в военной администрации Ван Цзинвэя. В задачах бюро доминировали интересы флота, и для соблюдения паритета в направлениях работы в него ввели представителей военной разведки

полковника В. Р. Буркхардта и капитана С. Р. Боксера, а в 1936 году к ним добавили еще четырех действовавших в интересах армии офицеров. Политической разведкой в бюро ведал всего один офицер СИС, поэтому эта линия, естественно, достигла наименьших успехов.

КИБГК дислоцировалось на территории военно-морской базы, что было очень удачно с точки зрения безопасности, но создавало проблемы для конфиденциально посещавших его гражданских лиц. Возвращавшимся из Китая и Японии бизнесменам, торговым морякам и другим неофициальным источникам при случайных встречах со своими знакомыми требовалось удовлетворительно объяснить факт своего пребывания в столь специфическом месте, что было возможно далеко не всегда. Проблему решили с помощью СИС, предоставившей КИБГК для этих целей свою явочную квартиру в городе. Несмотря на столь дружественный шаг, бюро не слишком хорошо взаимодействовало с политической разведкой, как, впрочем, и с другими аналогичными службами. Нельзя сказать, что в Гонконге имели место какие-либо проявления недоброжелательности между различными оперативными органами, просто все разрабатывали свои собственные линии и направления, не вдаваясь в интересы “соседей”. Отчасти в этом был повинен традиционный изоляционизм британских моряков, привыкших не обращать внимания на армию и тем более на гражданских. Это усугублялось и противоречиями между традиционными разведчиками и радиоразведчиками, чувствовавшими себя особой кастой. Подобное высокомерие было в некоторой степени оправдано, поскольку радиоразведка действительно стала самым результативным направлением деятельности гонконгской точки. Ее еще в 1924 году начал вести в инициативном порядке казначей флота и радиолобитель Эрик Нэйв, вместе с единственным помощником использовавший корабельную радиостанцию для перехвата японской корреспонденции. После его отбытия из Гонконга в 1927 году перехваты прекратились. Вплоть до 1934 года эта работа осуществлялась лишь эпизодически, но затем по инициативе начальника ПШКШ Элистера Деннистона радиоразведка под руководством капитана 2-го ранга Гарри Шоу стала вестись регулярно. Пост добился немалых успехов вопреки значительным техническим трудностям, среди которых даже необходимость демонтажа антенн перед тайфунами и невозможность проведения перехвата во время работы радиоустановок британских кораблей являлись не самыми существенными. Гонконг представлял собой крайне неудачное место для размещения поста радиоразведки из-за уязвимости от внезапного нападения и плохих условий для размещения оборудования и персонала. В Лондоне осознавали недостаточность ресурсов империи для одновременного ведения войны против Германии, Италии и Японии, ввиду чего утрата Гонконга при подобном развитии событий представлялась неизбежной. Тем не менее, пока никакие действия по передислокации КИБГК не предпринимались. Постепенно англичане стали читать все больше закрытых с помощью ручных шифров японских радиogramм, в том числе и дипломатических, а пик их достижений пришелся на 1937 год, когда в связи с боевыми действиями в Китае радиообмен значительно увеличился. Итальянцы предупреждали японцев о возможных криптоаналитических успехах их противников, но те были полностью уверены в стойкости своих кодов и проигнорировали информацию союзников. В 1940 году они аналогичным образом поступили с предупреждением немцев об успехах американцев во вскрытии японских машинных шифров.

В начале 1937 года Уоллера на посту руководителя КИБГК сменил капитан 1-го ранга Эдмунд Г. Х. Рашбрук, вскоре оказавшийся вовлеченным в весьма неприглядный инцидент. Выяснилось, что руководитель разведоргана, который, казалось бы, в первую очередь должен соблюдать секретность, продемонстрировал грубые нарушения установленных в этой области требований. В 1937 году он договорился с управляющим Восточной телеграфной компанией о негласном предоставлении для вскрытия всех телеграмм расположенного в колонии генерального консульства Японии, в которых вернувшийся в Гонконг уже в качестве радиоразведчика Нэйв, к своему удивлению, обнаружил несколько упоминаний о КИБГК. В результате тщательного изучения текстов он пришел к выводу, что утечка идет с самого высокого уровня, и решил самостоятельно выявить ее источник. Нэйв запустил контролируемую дезинформацию, позволившую существенно сузить круг подозреваемых, и установил, что искомые данные попадали к японцам от итальянки, близкой подруги новой жены Рашбрука Марджори. Дополнительным подтверждением причастности этой женщины к разведорганам противника явились ее настойчивое приставание к самому Нэйву с расспросами о предметах, имеющих прямое отношение к организации радиосвязи базировавшегося на колонию британского флота. В период временного отъезда итальянки из Гонконга поток

информации о КИБГК прервался, а с ее возвращением возобновился вновь. Лишь после этого постоянно отмахивавшийся от предупреждений Нэйва Рашбрук поверил, что его супруга легкомысленно выбалтывает подруге-иностранке секретные сведения, которые ее муж еще более легкомысленно разглашал у себя дома. Следует отметить, что на дальнейшую карьеру разведчика это не повлияло, и некоторое время спустя он сменил адмирала Годфри на посту руководителя разведки Адмиралтейства.

После смены Уоллера на Рашбрука на КИБГК была возложена уже более конкретная «ответственность за слежение за политическим курсом японского военного и стратегического развития и любых секретных приготовлений к военному удару, наносимому без предупреждения»³⁹⁰. Кроме того, бюро отвечало также за организацию сбора информации от капитанов и офицеров британского торгового флота о замеченных ими боевых кораблях и торговых судах потенциальных участников боевых действий с целью получения подтверждений данных оперативной радиоразведки. Эта работа проводилась достаточно активно, составлялись соответствующие схемы и графики, но массовую переброску японских войск в Китай в 1937 — 1938 годах КИБГК вскрыть так и не смогло. В результате англичане пришли к неутешительному, хотя и очевидному выводу о способности японцев мобилизовать каботажный флот на линиях, проходящих в стороне от международных морских путей, и гарантированно обезопасить свои перевозки от визуального обнаружения. Тем не менее, система офицеров торгового флота, привлеченных к наблюдению за поверхностью моря в интересах разведки, продолжала существовать и развиваться.

КИБГК результативно взаимодействовало с находившимися в колонии китайскими радиоразведчиками. Еще в 1937 году китайская разведка получила согласие англичан на открытие в Гонконге поста радиоперехвата, а осенью 1940 года генералы БВС Чжэн Цзэминь и Шан Чжэнь передали коллегам из Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) в Сингапуре, Рангуне и Гонконге предложение своего руководителя Дай Ли начать совместную работу против японцев. Англичане согласились и приняли в Гонконге офицера связи БВС Чэнь Чая. Предварительное соглашение предусматривало разделение между сторонами обязанностей по перехвату и дешифровке и исключительное право британцев на получаемые результаты, вне зависимости от степени сотрудничества китайцев с третьими странами. После этого в ноябре 1940 года 11 радистов и криптоаналитиков во главе с Ван Хуймином вылетели из Чунцина в Гонконг с дешифровальной машиной китайского производства и 8 передатчиками, по каковой причине и получили неофициальное наименование «Группы 8». В течение последующих 13 месяцев они успешно вели радиоразведку японской авиации и отчасти флота на базах в Шантоу, Фучжоу, на острове Саньчжао, а с апреля 1941 года — и в Гуаньчжоу. Одним из незапланированных результатов работы группы явился перехват радиообмена одного из местных англичан с японскими военными, как оказалось, касавшегося контрабандных поставок запрещенных товаров. Ван Хуймин сделал на этот счет официальное представление гонконгским властям, которые быстро пресекли незаконную деятельность.

В 06.00 8 декабря 1941 года операторы «Группы 8» перехватили сообщение о первой воздушной атаке на Гонконг и предупредили о ней англичан за час до бомбового удара. В дальнейшем китайские радиоразведчики в основном прослушивали радиообмен японских ВВС, но их контакт с союзниками был утрачен 12 декабря после гибели британского офицера связи при очередной бомбежке города. В возникшей неразберихе англичане не нашли времени для возобновления взаимоотношений, и в дальнейшем китайцы пересылали сообщения в Чунцин. После падения Гонконга в конце декабря сотрудники «Группы 8» уничтожили свое оборудование и успешно эвакуировались на континент под видом обычных беженцев.

Взаимодействие британских и китайских спецслужб осуществлялось и в иных направлениях. СИС имела давние и традиционные связи как с Гоминьданом, так и с КПК. Еще в сентябре 1939 года МИ(Р) планировала направить в Китай группу своих специалистов по диверсионной и партизанской войне для оказания чунцинскому правительству помощи в войне против Японии. Ее под прикрытием министерства информации должны были возглавить Питер Флеминг, Майкл Линдсей и будущий главный наблюдатель СОЕ в Китае Джон Кесуик, однако в развитие ситуации вмешался постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган. Он опасался спровоцировать конфликт с Японией и распорядился положить конец начавшемуся сотрудничеству, но разведчики не сдались и в следующем году неоднократно появлялись в Китае, правда, под иными при-

крытиями. В середине 1940 года британские инструкторы обучали китайских партизан в диверсионных школах в Китае и Бирме под общим руководством заместителя начальника ФЕКБ и военного атташе Великобритании Гордона Гримсдейла. Первоначально запрет Кадогана еще воспринимался всерьез, и формальным руководителем этого учебного процесса на всякий случай значился датчанин Эрик Нихольм, но вскоре его убрали с занимаемого поста. Сделано это было с согласия Форин офис, поскольку в сложившейся ситуации основной задачей стало не столько обучение партизанских отрядов, сколько демонстрация британского присутствия в регионе в качестве активной и влиятельной политической силы, способной вмешаться в любую ситуацию.

Тем не менее, главным приоритетом спецслужб на Дальнем Востоке продолжала оставаться радиоразведка. Обострение обстановки вновь заставило Лондон задуматься о целесообразности сохранения КИБГК на прежнем месте дислокации. В предвидении возможного падения Французского Индокитая и предстоящих боевых действий система британской разведки на Дальнем Востоке в 1938 – 1939 годах подверглась серьезной реорганизации. “Дальневосточное объединенное бюро” было переведено в Сингапур, а на прежнем месте осталась лишь “скелетная” организация с вспомогательной группой дешифровальщиков. ПШКШ не возражала против передислокации своего поста, поскольку из Малайи, как показали опыты, легко перехватывались и японская переписка, и радиообмен между советским Дальним Востоком и Москвой. В 1939 году в ФЕКБ планировалось иметь штат из 57 операторов, криптографов и переводчиков.

Британская СИС также имела в Гонконге свою “станцию”, которую в межвоенный период возглавлял недавно переведенный из военно-морской разведки упомянутый капитан 2-го ранга Дрэйдж. Его прикрытием служил пост коммерческого советника губернатора колонии, а помещение резидентуры находилось в здании Гонконгского и шанхайского банка. На новом месте работы Дрэйдж занимался хорошо знакомым ему делом, поскольку в период службы в НИД его главной задачей являлось вскрытие намерений правительства Чан Кайши по отношению к Японии, то есть ведение политической разведки. Непосредственным начальником резидента являлся главный резидент СИС в Шанхае Гарри Стептоу, однако руководитель гонконгской точки вел себя совершенно независимо. Возможно, причиной этого было его крупное состояние, унаследованное от дяди Дрэйджа по материнской линии Томаса Исмея, основателя и первого владельца крупнейшей и известнейшей судоходной компании “Уайт Стар Лайн”. После ухода Дрэйджа гонконгскую точку СИС возглавил Алекс Саммерс, заместителем которого был назначен Джордж Мерриман. Оба они проработали в колонии до момента оккупации ее японцами и были ими интернированы. Контрразведчики противника не смогли установить факт принадлежности Саммерса и Мерримана к разведке и установили для них весьма суровый режим содержания, практически не ограничивавший их свободу действий и передвижения в пределах колонии (естественно, в данный период бывшей).

С 1940 года Гонконг стал местом дислокации группы из семи офицеров Исполнительного органа специальных операций (СОЕ), которую возглавляли М. Х. Тернер и С. Ф. Суиттенхэм. Финансирование работы этой точки осуществлялось через открытый в Гонконгском и шанхайском банке счет на фиктивное имя Леонарда Брауна. Данная группа являлась не первым диверсионным органом в колонии. Еще до создания СОЕ, в июле 1939 года командующий войсками в Гонконге генерал-лейтенант Артур Эдуард Грэсетт предложил начальнику лагеря для беженцев Ф. У. Кендэлу организовать особое “Подразделение Z” для проведения тайных операций в случае захвата колонии противником. Его первыми офицерами стали майор Д. Р. Холмс, майор авиации Р. Г. К. Томпсон, лейтенант Е. Б. Тиздейл, капитан Х. Б. Уильямсон и капитан С. М. Мак-Юэн. Впоследствии к ним добавились еще четверо гражданских служащих. В октябре 1941 года, после заметного обострения обстановки на Дальнем Востоке, “Подразделение Z” было переименовано в Разведывательное подразделение. Одновременно СОЕ заложил шесть тайных складов с продовольствием, боеприпасами, медикаментами и иными средствами жизнеобеспечения для работы диверсионных групп. Британцы широко развернули вербовку агентуры из числа китайцев, преимущественно проживающих на острове Хайнань. В планы руководства входило проведение специальных операций в прилегающих и более отдаленных районах Китая, но стремительное развитие событий не позволило успеть

подготовиться к этой задаче должным образом. С началом войны офицеры Разведывательного подразделения смогли провести несколько мелких диверсионных актов, однако после капитуляции колонии они прекратили свои действия. Тиздейл, Холмс и Томпсон сумели ускользнуть и добрались до Чунцина, остальные просто сдались в плен.

Гонконг интересовал не только британские секретные службы. Колония являлась крупным международным центром шпионажа, где действовали разведывательные службы большинства ведущих государств мира. В этом отношении на Дальнем Востоке Гонконг уступал только Шанхаю, в котором агенты могли пользоваться всеми преимуществами международного сэттльмента, зато он издавна привлекал к себе коммерсантов всего мира, работа которых представляла собой самое удачное прикрытие для разведывательной деятельности. Исследователи отмечают ряд удачно проведенных операций, на фоне которых выделяется успех итальянцев, весной 1939 года добывших копию совершенно секретного отчета командующего Китайской базой британского Восточного флота Перси Нобля первому морскому лорду от 5 мая того же года. Самым важным местом этого документа являлась констатация неспособности защищать одновременно Ближний и Дальний Восток и необходимости в случае войны выбирать между этими двумя стратегически важными для империи регионами. Одновременно итальянские агенты проникли в резиденцию губернатора, однако неизвестно, какие материалы они смогли добыть там и добыли ли они в результате этой операции вообще хоть что-нибудь.

Абвер в Гонконге представляли германские офицеры, во множестве работавшие советниками у Чан Кайши и в этом качестве постоянно посещавшие колонию. Известно дело Карла Йоххайма, германского агента, до 1937 года проживавшего в Японии и депортированного из страны за мошенничество. Он перебрался на Филиппины, откуда также был выслан за нарушение уголовного законодательства, после чего прибыл в Гонконг. С началом боевых действий на Дальнем Востоке в сентябре 1939 года Йоххайма интернировали, через месяц он бежал из-под стражи и в ноябре вновь вернулся в захваченную японцами британскую колонию, на этот раз в качестве сотрудника военно-морского атташе Германии.

Наибольшую активность в регионе проявляли, конечно же, японцы, отошедшие от своей традиционной практики заброски офицеров армейской и морской разведки под видом парикмахеров, официантов, домашних слуг и фотографов. Здесь они предпочитали использовать в подрывных целях китайских агентов из числа приверженцев Ван Цзинвэя, а именно членов созданного в феврале 1939 года формирования “Национальное спасение через мир”. В Гонконге, Малайе, Французском Индокитае и Голландской Восточной Индии они активно вели разведку, формировали будущую “пятую колонну” и с 1940 года распространяли слухи о том, что подчиняющаяся нанкинскому марионеточному правительству Национальная армия мира и возрождения вот-вот вторгнется в колонию и возвратит ее Китаю.

Японцы широко использовали Гонконг для ведения подрывной пропаганды в индийских войсках и, судя по всему, добились определенных успехов. Во всяком случае, офицер защиты безопасности (ДСО) МИ-5 в колонии полковник Холт был убежден в том, что бунт 85 сикхов из батальона Гонконгской и сингапурской королевской артиллерии в конце 1940 года был вызван именно этой причиной. Позднее к этому мнению присоединился Особый отдел полиции Гонконга. Специфика ситуации с индийскими войсками была учтена в назначении нового ДСО, прибывшего на смену уходившему Холту. Его преемником стал офицер из Пенджаба майор Кидрой, которого, в свою очередь, почти сразу же заменил суперинтендант Индийского разведывательного бюро Билл Робинсон. Следует отметить, что в результате подавления беспорядков в индийских частях и ареста в начале 1941 года лидеров индийского диссидентского движения многие сикхи дезертировали и бежали через китайскую границу в Гуаньчжоу, где дислоцировалось командование японской 21-й армии. За безопасность самой Индии в первую очередь отвечал отдел политической разведки местной полиции, именовавшийся Разведывательным бюро (ИБ), директор которого Денис Пиддити одновременно подчинялся вице-королю Индии и департаменту внутренних дел местного правительства. Контрразведывательное обеспечение войск возлагалось на военную разведку в Индии. Ее директором под кодовым обозначением ДМИ(И) являлся бригадир, впоследствии генерал-майор Уолтер Коуторн. Перечисленные структуры несли меньшую тяжесть борьбы с японским шпионажем и пропагандой по сравнению с инфраструктурой контрразведки на Дальнем Востоке, в том числе в Гонконге.

Устремлениям иностранных спецслужб противостояли органы безопасности колонии, представленные Особым отделом полиции и созданным в Гонконге в сентябре 1939 года ведомством ДСО. Особый отдел был слаб до чрезвычайности, причем не только из-за нехватки сил или недостаточной квалификации сотрудников, более знакомых с надзором за благонадежностью, нежели с контрразведкой, но и ввиду неконструктивной позиции дипломатического ведомства. В рассматриваемый период Великобритания, Нидерланды и Франция проводили в Азии политику умиротворения агрессора, практически копируя их европейскую линию. Это предопределяло фактическое отсутствие какой-либо официальной реакции на многочисленные случаи японского шпионажа, вскрывавшиеся контрразведывательными органами перечисленных государств на Дальнем Востоке. Характерным примером является дело переводчика генерального консульства Японии полковника Судзуки. Сотрудники Особого отдела полиции Гонконга заметили, что он фактически не владеет английским языком, зато активно поддерживает контакты с прибывающими из Чунцина и с юга страны китайцами, и предложили Форин офис выслать этого установленного разведчика. Однако дипломаты воздержались от каких-либо действий из опасения, что их воспримут в Токио как демарш, что весьма вдохновило Судзуки и убедило его в своей безнаказанности. Позднее, при выезде из страны, полковник беседовал с представителем контрразведки по-японски и на замечание англичанина о странном незнании переводчиком языка демонстративно ответил, что не учил его из-за нехватки времени, целиком посвящаемого разведывательной работе. Ситуация была доложена губернатору Гонконга Джеффри Норткоуту и так возмутила того, что он волевым порядком приказал арестовать секретаря уехавшего Судзуки. К счастью для Особого отдела, при обыске арестованного обнаружилось вещественное доказательство его шпионской деятельности, что помогло избежать протеста со стороны японцев. Англичане реагировали быстро и жестко лишь при выявлении фактов подрывной работы среди индийцев, направленной на отрыв Индии от Британской империи.

Позиция различных китайских группировок по отношению к колонии была неодинаковой. Все они сходились на признании незаконности отторжения англичанами этой территории, но при этом все вели себя по-разному. Ван Цзинвэй, как уже указывалось, полностью находился в японской орбите и при поддержке Токио мог без опасений вести активную деятельность по возврату колонии. Коммунисты были существенно слабее и поэтому ограничивались пропагандой и насаждением в Гонконге агентурных сетей. Положение чунцинского правительства было совершенно иным и намного более сложным. Чан Кайши рассматривал англичан в качестве своего естественного, хотя и временного союзника и, хотя не менее всех остальных китайцев желал возврата Гонконга, понимал, что в данный период ставить перед собой такую задачу не просто нереально, но и чревато потерей столь важной для Гоминьдана поддержки Лондона. В этом его позиция была крайне уязвима для пропаганды коммунистов, чем те не замедлили воспользоваться. Однако примирительная позиция генералиссимуса вовсе не означала, что его спецслужбы отказались от ведения в колонии оперативной работы. Летом 1941 года местная контрразведка вскрыла и ликвидировала агентурную сеть Бюро военной статистики, преимущественно занятую террористическими актами против активных коммунистов и сторонников Ван Цзинвэя. Давно и активно ненавидевший англичан эмоциональный руководитель БВС Дай Ли воспринял провал своей резиденции как личное оскорбление. Не исключено, что именно это и послужило причиной совместного шантажа, которому местная британская диаспора подверглась со стороны БВС и криминальных группировок. Сразу после нападения японцев на Гонконг 8 декабря 1941 года представители триад довели до сведения полиции, что их люди вышли из-под контроля и намереваются начать массовые убийства европейцев, а избежать этого можно лишь путем выплаты отступного. Британцам трудно было подчиниться уголовному диктату, но паника и неразбериха сделали свое дело. На состоявшихся вскоре переговорах гражданских властей колонии и посланников триад с участием резидента БВС была достигнута соответствующая договоренность о выплате рэкетирам первого взноса в размере 20 миллионов гонконгских долларов и о завершении расчетов после окончания войны. После этого организованная преступность колонии претензий к европейцам не имела.

За процессом экспансии Японии с тревогой наблюдали и из Сингапура, где англичане располагали «Объединенным разведывательным бюро в Малайе» (КИБМ). В течение некоторого периода времени эта точка проходила период становления и в итоге постепенно

превратилась в серьезный разведорган. Руководитель КИБМ капитан 1-го ранга Харкнесс сумел преодолеть ведомственную разобщенность подчиненных ему секций трех различных спецслужб, при том, что морская разведка по-прежнему сохраняла высший приоритет. Главным методом получения информации о японцах продолжала оставаться радиоразведка, причем главным образом не вскрытие переписки, а анализ перехвата. К началу войны англичане располагали на Дальнем Востоке 17 пеленгаторными станциями и внедрили крайне полезное новшество. Они записывали на кинолентку показания осциллографов при перехвате радиообмена японских кораблей и вскоре создали базу данных, позволявшую практически безошибочно идентифицировать их операторов и таким образом отслеживать перемещение крупных единиц флота. Это помогало компенсировать отсутствие у криптоаналитиков успехов в дешифровке переписки противника. Японский радиообмен контролировали около ста операторов с поста перехвата в Кранджи, австралийцы, а также британские посты в Бомбее, Эксимолте и на острове Наура. Следует отметить, что в течение десяти лет после окончания Первой мировой войны японские коды были столь несовершенны, что британским криптоаналитикам было почти нечем заняться, и основную проблему в тот период составляла нехватка специалистов, владеющих японским языком. В течение некоторого времени перехват радиограмм осуществлял пост в Шанхае под руководством главного дешифровальщика Китайской базы Восточного флота ВМС Великобритании Гарри Шоу, однако объем работы явно превосходил возможности его скромного штата. И в середине 1930-х годов, по мере усовершенствования криптосистем Японии и увеличения ее радиообмена, Деннистон настоял на увеличении количества специалистов со знанием языка наиболее вероятного противника Великобритании на Дальнем Востоке. Помимо прочего, в дальнейшем это позволило создать в Сингапуре полноценную группу радиоразведки.

28 августа 1939 года гонконгский штат КИБГК прибыл на новое место дислокации в Сингапуре практически в полном составе. Во главе разведчиков стояли капитан 1-го ранга Ф. Дж. Уайли и его заместитель, капитан 2-го ранга австралийского флота Палмер. Военную разведку представляли полковник Г. Е. Гримсдейл, майор А. К. Фергюсон, капитан П. Пендер-Кадмит, майор Дж. Г. Ивенс и владеющий китайским языком унтер-офицер. Авиаторы подполковник Уолсер и лейтенант Террелл отвечали за ведение авиационной разведки, капитан (впоследствии майор) морской пехоты Дж. С. Уэстелл занимался флотом. Перебазирование в Малайю “Объединенного разведывательного бюро” из Гонконга вызвало противоречия и конфликты с уже существовавшим там КИБМ, однако вспыхнувшее было соперничество было преодолено самым радикальным путем — объединением обоих разведорганов. В дальнейшем образовавшаяся структура обычно именовалась “Дальневосточным разведывательным бюро” (ФЕКБ), но зачастую использовалось и прежнее обозначение КИБМ. Это объясняется тем, что существование и, соответственно, название этого разведоргана являлось секретным и потому, по распространенной в Британской империи практике, не вполне стандартизированным.

ФЕКБ активно работало по сбору информации от всех “штатных” разведывательных структур в бассейнах Тихого и Индийского океанов, получало данные от так называемых “местных” источников (Бюро цензуры, полицейские органы и т. д.) и поддерживало связь с французскими, австралийскими и американскими коллегами, содержащими в Сингапуре офицеров связи с ФЕКБ. Голландские разведчики участвовали в его работе в статусе наблюдателей. Хорошие отношения сложились с рядом негосударственных компаний, в особенности предоставлявших услуги связи. Наиболее результативно ФЕКБ обслуживало нужды военно-морских сил, остальные направления добились меньших успехов.

К моменту начала войны в Европе относятся первые шаги по созданию радиоразведывательной службы Австралии, специалисты которой в 1939 году прошли обучение у британских и американских коллег. После этого весной 1940 года в Канберре сочли возможным организовать полноценную службу по перехвату и дешифровке японских радиограмм. Возглавить создаваемую команду дешифровальщиков предложили Эрику Нэйву, в феврале 1940 года приехавшему в Австралию на три месяца для поправки подорванного сингапурским климатом здоровья. Капитан 2-го ранга согласился, но, понимая крайнюю проблематичность шанса добиться результатов с ограниченными ресурсами, попытался получить в свое распоряжение больше людей и денег. Однако 11 апреля премьер-министр Австралии отверг его идею расширения криптоаналитического подразделения по причинам дороговизны

проекта, длительности ожидания результатов и отсутствия заинтересованности Канберры в информации по европейским делам. Одновременно глава правительства отметил, что австралийские дешифровальщики даже в весьма проблематичном случае достижения успеха будут просто дублировать ФЕКБ, и проконсультировался по этому поводу в метрополии. В Лондоне не возражали против попыток доминиона заняться вскрытием японских кодов и шифров, но существенно умерили притязания австралийцев и разрешили им создать лишь небольшую группу из десяти человек. Составление плана ее организации по отдаленной аналогии с ПШКШ было поручено Нэйву и начальнику связи ВМС Австралии капитану 2-го ранга Джеку Ньюмену. Премьер-министру программа понравилась, но утвердил он ее лишь после заверений Ньюмена как в помощи со стороны Великобритании, так и в согласии на сотрудничество правительств Голландской Восточной Индии и Новой Зеландии. Теперь предстояло формировать кадры пока еще не имевшей наименования новой структуры, что оказалось весьма непросто. Существенную помощь оказал флот, располагавший сетью станций перехвата "W" и предоставлявший в распоряжение дешифровальщиков все доступные ему средства. Статус доминиона предопределил ряд существенных ограничений: австралийские радиоразведчики были обязаны работать в фактическом оперативном подчинении ФЕКБ в Сингапуре и перехватывать только коммерческий радиообмен, но ни в коем случае не дипломатическую и не военную переписку. Установленные рамки крайне разочаровали правительство доминиона, однако оно не решилось открыто нарушить их, хотя и создало не один, как планировалось ранее, а три поста перехвата флота в Канберре, Мельбурне и Дарвине. Радиоразведка получила первоначальный толчок к развитию и оформилась структурно. Отныне она именовалась Сектором специальной разведки (СИБ).

Летом 1939 года секциям "W" (позывные, частоты, пеленги) и "Y" (криптоанализ) ФЕКБ было позволено начать сотрудничество с австралийцами в военной и военно-морской областях. В 1940 году Нэйв согласился на продолжение взаимодействия с секцией "W" и размещение на постах СИБ ее представителей, но этого оказалось недостаточно. Из Австралии не прослушивались действовавшие в районе южных островов Тихого океана передатчики японцев, и Деннистон обратился к голландским коллегам с просьбой снабжать ФЕКБ копиями их перехватов в обмен на копии перехватов дипломатической переписки Токио. На практике никакие тексты к голландцам не поступали ни из ПШКШ, ни из ФЕКБ. Столь странно понимаемое сотрудничество мотивировалось использованием японцами сложных кодов, не позволяющих должным образом обработать полученные материалы. Скрытные англичане умалчали о том, что японскую дипломатическую переписку они читают регулярно.

Начало боевых действий в Европе изменило относительно спокойную обстановку в Австралии, граждане которой добровольно вступали в армию для отправки на Ближний Восток. В январе 1941 года австралийские подразделения вошли в прямое боевое соприкосновение с немцами и итальянцами в Северной Африке, Греции и на Крите. Туда же для работы на британском оборудовании во взаимодействии с Британскими королевскими подразделениями специальной связи на Средиземноморском ТВД отбыли и спешно сформированные армейские Секции радиоразведки численностью по 80 человек. В декабре 1941 года почти все они возвратились обратно и благодаря приобретенному на Ближнем Востоке опыту работали против японцев значительно успешнее своих коллег из авиации и флота. Правда, англичане допускали их только к перехвату, но не к дешифровке, однако и такая практика оказалась чрезвычайно полезной.

Австралийские ВВС приступили к подготовке к перехвату из эфира знаков японской азбуки кана лишь в июле 1941 года. Группа из семи человек обслуживала пост на авиабазе в Дарвине и предназначалась для отслеживания перемещений японских самолетов на аэродромах Формозы, Хайнаня, Каролинских, Палау и Марианских островов. Перехваченные тексты отправлялись в Мельбурн для передачи флотским дешифровальщикам, практически не обращавшим на них внимания из-за занятости собственными проблемами.

Естественно, австралийцы могли оказать помощь англичанам только в весьма ограниченной области. В целом радиоразведка на Дальнем Востоке была практически целиком британской и являлась главным направлением системы КИБ. Параллельно англичане развивали и международное сотрудничество иного рода. В сентябре 1941 года советская и британская секретные службы договорились о направлении в Сингапур миссии связи НКВД СССР из 5 человек, которые должны были прибыть туда в декабре. Неожиданное нападение на Ма-

лайю и стремительное продвижение японских войск заставило отказаться от этих планов, и вместо Сингапура советские представители отправились в Рангун.

Помимо радиоразведки, в Австралии имелись и некоторые другие разведорганы, обслуживавшие непосредственные нужды страны. Организация береговых наблюдателей укомплектовывалась гражданским персоналом на добровольной основе и отвечала за сбор информации о противнике от наблюдателей, местных агентов и гражданских лиц. Эта структура развилась из существовавшей еще с 1919 года аналогичной службы. Во Второй мировой войне она являлась составной частью военно-морской разведки Великобритании и уже в 1939 году открыла свои посты на Папуа, Соломоновых островах и Новой Гвинее. Силы местной обороны Австралии также располагали Разведывательной секцией во главе с бригадиром Джоном Дэвидом Роджерсом, организационная структура которой во многом повторяла структуру военной разведки генерального штаба:

- подсекция 1(а) — сбор и накопление информации о японской армии;
- подсекция 1(б) — вопросы безопасности войск и военных учреждений;
- подсекция 1(ц) — военная цензура.

Вероятно, слабейшим звеном разведывательного сообщества Великобритании на Дальнем Востоке была агентурная разведка. В частности, секция СИС ФЕКБ получила весьма ограниченное развитие и использовалась в основном против коммунистических агитаторов и радикалов в координации с тайскими и французскими спецслужбами в Бангкоке и Ханое. Личности британских оперативных офицеров были известны на Дальнем Востоке всем и каждому, они не имели специальной разведывательной подготовки, равно как и военной или дипломатической, а их агентурный аппарат в основном состоял китайцев, работавших на французскую СР в Таиланде и Французском Индокитае. В преддверии явно надвигающейся войны главнокомандующий британскими силами на Дальнем Востоке вице-маршал авиации Роберт Брук-Попхэм в конце 1940 года потребовал от начальника МИ-6 немедленно улучшить положение дел и проверить работу сингапурской “станции” разведки, для чего направить в колонию из Лондона ответственного и квалифицированного офицера. Помимо общего беспокойства за состояние дел, проверка предусматривала выработку плана организации региональной резидентуры для всего Китая, Японии и Юго-Восточной Азии. В 1941 году на Дальний Восток с широкими полномочиями отбыл Джеффри С. Дэнхем. Брук-Попхэм получил его доклад и 17 мая переслал документ в военное министерство. В нем перечислялись проблемы СИС на Дальнем Востоке, главными из которых признавались нехватка кадров, слабая подготовка сотрудников, недостаточная управляемость из центра и плохая координация на месте, отсутствие “станции” в стратегически важной Бирме, а также неконструктивный критицизм со стороны разведорганов видов вооруженных сил по отношению к получаемой ими информации СИС. Часть проблем решалась легко. Если создание инфраструктуры разведки в Бирме требовало практически нереального в середине 1941 года сложного и длительного организационного процесса, то кадровые и управленческие вопросы были урегулированы существенно проще. 7 июня из военного министерства пришел меморандум № 70866, в котором сообщалось о согласованных между различными ведомствами мерах по улучшению ведения разведывательной работы по Дальнему Востоку:

а) “Дальневосточное объединенное бюро” объявлялось координирующим органом для всех действующих в регионе британских спецслужб.

б) СИС назначала ответственного за координацию ее операций офицера, входящего в штат ФЕКБ, но подчиняющегося исключительно Лондону.

в) Извещалось, что военное министерство обратилось за содействием к Форин офис.

г) Извещалось, что австралийские военно-морские силы обещали помочь с предоставлением информации от своих источников, действующих на подмандатных Японии островах.

д) Извещалось об установлении негласного сотрудничества с разведывательными службами Соединенных Штатов Америки.

Координатором операций МИ-6 на Дальнем Востоке был назначен Джеффри Дэнхем, которому теперь непосредственно подчинялись резиденты в Гонконге (Чарльз Дрэйдж), в Шанхае (Гарри Стептоу) и в Кобе (генеральный консул Великобритании Х. А. Грейвз). Имевший заметный опыт оперативной работы в Индии, координатор начал с интенсивного создания агентурной сети из местных жителей, широко прибегая при этом к помощи

китайских коммунистов. Выход на их круги он получил благодаря тесным связям с Особым отделом полиции, имевшим в компартии немало агентов и информаторов.

Следует подчеркнуть, что успехи британской разведки накануне войны на Дальнем Востоке в действительности оказались далеко не столь незначительными, как в течение многих лет утверждал ряд исследователей. Судя по всему, причиной искажения фактов явилось извечное стремление военного руководства прикрывать собственные промахи действительными или мнимыми упущениями разведчиков. Обнародованные в последние годы документы свидетельствуют о том, что разведка в различных ветвях и звеньях обеспечила командование значительным объемом сведений о японских планах нападения на Малайю. Пост радиоразведки в Краджжи и японский отдел ПШКШ с начала 1941 года предоставляли важную информацию о предстоящей агрессии, основанную как на дешифровке радиограмм, так и на анализе перехвата. Руководство ФЕКБ вполне отдавало себе отчет в высокой степени уязвимости этих источников. “Ослепить” противника на время, иногда достаточное для нанесения внезапного удара, весьма просто: для этого достаточно сменить коды, частоты и позывные. Поэтому англичане уделяли большое внимание изучению открытых источников и постоянно стремились получать подтверждения данных радиоразведки, предпочтительно от агентуры. В связи с этим ФЕКБ сконцентрировало все свои силы и средства, за исключением контрразведывательных, на отслеживании трех наиболее тревожных признаков:

- сосредоточении войск и транспортов для их переброски морем;
- необычных передвижений боевых единиц флота;
- сосредоточении авиации берегового базирования.

ФЕКБ предупреждало руководство колонии и Лондон о возможном намерении противника нанести удар по Малайе, но его прогнозы встречались с недоверием. Брук-Попхэм не слишком верил, что в Токио могут решиться на такой шаг, и игнорировал все предупреждения. Однако, как стало ясно из послевоенного изучения трофейных документов, японцы убедились в уязвимости Малайи и Сингапура уже к октябрю 1940 года, после чего без особой робости планировали наступательную операцию. Кроме того, 5 декабря 1940 года захваченный германским рейдером “Атлантис” британский рефрижератор “Аутомедон” в качестве приза был доставлен в Японию, где немцы предоставили японским коллегам возможность ознакомиться с обнаруженными на нем криптографическими материалами и инструкциями разведки. В сентябре 1941 года британские криптографы перехватили и дешифровали направленную в Токио телеграмму посла Японии в Лондоне, содержавшую свежую информацию о событиях в окружении Черчилля. Ознакомленный с текстом премьер крайне возмущен утечкой, назначил расследование ситуации и взял его под личный контроль. Достаточно быстро МИ-5 сузила круг подозреваемых до пяти человек, имевших контакты с японским посольством, но затем одного из них исключили из этого списка, и сомнительных англичан осталось всего четверо. Все они являлись уважаемыми людьми: депутат парламента Эдуард Григг, помощник Дэвида Ллойд Джорджа Героутол, капитан 2-го ранга Макграт из Адмиралтейства, а также адмирал лорд Уильям Френсис Форбс-Семпилл, и ранее подозревавшийся в получении денег от японской разведки. Первые результаты дал перехваченный 3 октября телефонный разговор между Семпиллом и капитаном 1-го ранга Кондо из посольства Японии. Как оказалось, контрразведчики случайно использовали последнюю возможность такого рода, поскольку в ходе беседы Кондо категорически запретил собеседнику в дальнейшем звонить ему по служебному телефону. Лорд Семпилл ранее возглавлял британскую авиационную миссию в Токио, был известен давними симпатиями по отношению к Японии и крайне правыми и антисоветскими взглядами, весьма уважал Гитлера, входил в полуфашистскую организацию “Линк” и был помощником интернированного в 1940 году депутата парламента и организатора профашистского “Правого клуба” капитана 1-го ранга Арчибалда Рэмси. После обнаружения источника утечки министр иностранных дел Энтони Иден предлагал арестовать Семпилла и предать его суду, но Черчилль распорядился без лишнего шума отправить адмирала в отставку.

Параллельным направлением деятельности британских спецслужб в Юго-Восточной Азии являлась подготовка к проведению диверсионных и подрывных акций. Летом 1940 года в Сингапур под видом сотрудника министерства экономической войны Великобритании прибыл полковник А. Г. Уоррен из Исполнительного органа специальных операций, а в январе ему в помощь были командированы А. Джонс и Ф. Никсон. 7 мая 1941 года

сингапурскую “Восточную миссию” (ОМ) СОЕ возглавил Валентин Киллери, заявивший, что “станция” будет полностью готова к действиям в течение года. Руководитель ОМ намеревался разбить Малайю на шесть зон, во главе каждой из них поставить руководителя-европейца, которому подчинить 2 — 3 агентурные сети во главе с азиатскими инспекторами полиции. Всех агентов предстояло обучить в учебном лагере СТС-101, а затем возвратить к местам постоянного пребывания и оставить на оседание в случае отступления. Как известно, достаточного запаса времени для подготовки людей у него не оказалось. Однако, кроме объективных факторов, сложности с организацией возникли из-за поведения самого Киллери, не желавшего ставить местные власти и командование в известность о своих планах и намерениях. Это полностью противоречило линии командующего войсками в Малайе генерал-лейтенанта Артура Эрнеста Персиваля, стремившегося установить полный контроль над всем происходящим в зоне своей ответственности. Он пожаловался главнокомандующему британскими силами на Дальнем Востоке Брук-Попхэму, и 1 октября 1941 года тот запретил реализацию этого плана. Киллери не смирился с поражением и 23 октября на приеме у губернатора Малайи Шентона Томаса потребовал от Персиваля вернуться к этому вопросу. Генерал-лейтенант утверждал, что европейцев на оседание оставлять нельзя, и что они не смогут проводить эффективную вербовочную работу среди азиатов. Замечания командующего были мелкими, и Киллери стало ясно, что тот просто мстит за игнорирование на стадии первичного согласования. Руководитель “Восточной миссии” подал Брук-Попхэму прошение о своей отставке, но вице-маршал отверг его. Тогда Персиваль предложил альтернативный план создания сетей на оседание, отличавшийся от предыдущего лишь тремя деталями: операции должны проводиться под руководством военных и только в приграничном районе, а роль СОЕ ограничивалась исключительно ведением разведки.

Постепенно компромисс “Восточной миссии” с военными был достигнут, но далеко не сразу и с большим трудом. Главным направлением подрывных действий стал Таиланд, позиция которого вызывала в тот период у англичан серьезную тревогу. Теоретически нейтральное, а на деле фактически прояпонское правительство в Бангкоке контролировало обширное государство. Прибывший с инспекцией в Малайю председатель Объединенного комитета по разведке (ОКР) Виктор Кавендиш-Бентинк 8 мая 1941 года указал, что в настоящий момент от секретных служб требуются не грандиозные операции на Дальнем Востоке, а политическое проникновение в Таиланд для поддержки его нейтралитета и противодействия возможному государственному перевороту в пользу японских ставленников, военное проникновение в целях организации в стране “пятой колонны” для поддержки возможного британского вторжения и подготовка к проведению там диверсионных акций. В результате с конца мая ФЕКБ и в особенности “Восточная миссия” СОЕ начали проводить на ТВД значительно более агрессивную политику. Летом 1941 года усилились слухи о предстоящем государственном перевороте в Таиланде, в связи с чем англичане начали готовить соответствующие контрмеры. В октябре Киллери попытался согласовать план действий с британским посланником в Бангкоке, однако, как и следовало ожидать, этот замысел потерпел полный провал. Джозия Кросби всегда энергично противодействовал даже куда более невинным попыткам спецслужб собственного государства вторгнуться в то, что он полагал исключительно своей сферой деятельности, теперь же его реакция оказалась крайне резкой. Он не только категорически отказался сотрудничать с СОЕ, но и обвинил руководителя “Восточной миссии” в разжигании страстей, о чем немедленно пожаловался в Лондон. В данной обстановке его протест был отклонен. Причина этого заключалась в том, что Исполнительный орган специальных операций был занят в Таиланде еще одной, крайне важной задачей. В рамках планировавшейся операции “Матадор” (превентивный удар британских войск по Таиланду с перешейка Кра) на будущем театре военных действий следовало провести тщательные рекогносцировки. Премьер-министр неофициально проинформировал англичан о том, что он не может противостоять все возрастающей активности японской разведки, но обещал не замечать появление в своей стране групп индийцев и европейцев в штатской одежде, совершающих необходимые мероприятия на местности. Эта задача была поручена СОЕ, которому разрешалось привлекать для ее решения офицеров 11-й индийской дивизии. С октября 1941 года в Таиланд группами по 3 — 4 человека прибыли 36 “туристов”, зачастую размещавшиеся в одних гостиницах с такими же японскими “туристами”. Из-за расовых различий СОЕ был вынужден вербовать нелегальную агентуру практически исключительно в среде таиландских шахтеров-южан, которые проходили обучение на территории Малайи, а

затем без снаряжения перебрасывались обратно в Таиланд. Вооружение и средства взрыва-ния завозились отдельно на грузовиках через почти не охраняемую границу. О “Матадоре” проинформировали американцев, расценивших эту операцию как агрессию и категорически возражавших против ее проведения.

17 ноября 1941 года руководитель ОМ Киллери предложил Лондону активизировать развертывание сил специальных операций в Таиланде и при этом во избежание конфликтов с посланником не информировать его о происходящем. С последним он опоздал, поскольку министр экономической войны Великобритании Хью Дальтон уже заверил министра иностранных дел Идена в том, что в нейтральных странах СОВЕ будет действовать лишь при наличии соответствующих санкций послов или посланников. Но особого значения это не имело, поскольку ввиду важности подготовки операции “Матадор” Кросби запретили препятствовать “Восточной миссии”. К декабрю на юге Таиланда уже находились 24 оперативных работника СОВЕ. Их задачей являлась организация партизанских действий по дезорганизации тыла предполагаемого противника в ходе осуществления операции “Матадор”, в первую очередь нанесение ущерба его транспортной инфраструктуре. Начать акции планировалось по сигналу радиовещательной станции из Сингапура. На практике этот план не оправдался, причем совершенно не по вине “Восточной миссии” СОВЕ. После начала Войны на Дальнем Востоке главнокомандующий британскими силами Брук-Попхэм побоялся своевременно санкционировать начало специальных операций на территории формально нейтрального Таиланда, в результате чего время было безнадежно упущено. Нерешительность главнокома дорого обошлась офицерам ОМ, 10 из которых погибли и 14 были интернированы. Единственным их успехом стал захват столичного аэропорта Пхукет и его удержание в течение двух дней, однако никакого реального влияния на ход кампании это не оказало.

Кроме того, замысел проведения рекогносцировок силами британских офицеров стал известен будущему противнику Великобритании еще до стадии его практической реализации. 10 августа 1941 года в дешифрованной японской телеграмме англичане наткнулись на упоминание о наличии агента в Малайе и включили эту информацию в разведывательную сводку адмиралтейства № 320 от 14 августа: “Генеральный консул Таиланда в Пенанге информировал Бангкок о том, что капитан британской армии сообщил ему 10 августа, что наступление на Таиланд неизбежно. Наступление будет предпринято исключительно в оборонительных целях”³⁹¹. Личность упомянутого капитана установлена не была. Одним из получателей этой сводки явился капитан Гарри Лэндрэй, офицер связи авиационной разведки (АИЛО) 300-й секции АИ. Он сразу же сопоставил ее с подозрениями в отношении капитана Патрика С. В. Хинэна, АИЛО той же секции, но обслуживавшего три другие авиабазы. Лэндрэй обратил внимание на абсолютно необъяснимые, однако регулярные поездки сослуживца к таиландской границе. Хинэна видели фотографирующим без надобности аэродромные сооружения, а несколько раз он без спроса забирался в открытый сейф начальника авиабазы Алор Стар под предлогом поиска там каких-то документов. Лэндрэй решил действовать. Ввиду отсутствия у него контрразведывательной подготовки, капитан не знал, как поступить, поэтому в поисках решения посоветовался по телефону с командиром своего полка и после этого немедленно подал официальный рапорт по инстанции. Документ попал на рассмотрение к начальнику секции связи майору Джеймсу Франсу, который решил придержать его в ожидании появления дополнительных улик. Тем временем Лэндрэй разбился насмерть при пилотировании небольшого частного самолета, и расследование дела по его рапорту не производилось вплоть до декабря 1941 года. После нападения японцев на Малайю майор Франс вспомнил о рапорте погибшего Лэндрэя и направил его в сингапурскую контрразведку, дав событиям новый толчок. Даже поверхностное расследование выявило ряд новых подозрительных моментов в деятельности капитана, который был настолько легкомыслен, что при поездках на границу с Таиландом пользовался услугами военнотружущего-шофера Фреда Кокса. Будучи допрошен, тот показал, что его начальник каждый раз встречался с каким-то человеком, по виду голландцем, и о чем-то с ним беседовал. Последней стадией расследования этого дела стал негласный обыск в комнате объекта, в ходе которого офицер по защите безопасности (ДСО) обнаружил спрятанный там передатчик японского производства. Как выяснилось впоследствии, агент получил рацию незадолго до начала войны на Дальнем Востоке, а до этого связывался с японцами в ходе своих поездок к границе с Таиландом. Все сомнения отпали, подозреваемый был арестован.

Патрик Хинэн происходил из ирландской семьи, служил в 2/16 Пенджабском полку Индийской армии и приобрел среди сослуживцев крайне плохую репутацию, в связи с чем был переведен в сформировавшийся 3/16 Пенджабский полк. Вместе с этой частью в октябре 1940 года его отправили в Малайю, где он также не смог завоевать авторитет. Командир полка быстро пришел к выводу о служебном несоответствии Хинэна и потребовал от службы кадров убрать его, но осуществлению этого намерения помешал случай. В марте 1941 года в полк пришла разрядка на одного офицера, которого следовало направить в Сингапур для обучения на офицера связи авиационной разведки, и командир с облегчением воспользовался представившейся возможностью. Три месяца спустя капитан возвратился в Малайю, теперь уже в качестве АИЛО 300-й секции связи авиационной разведки. Вербовка Хинэна была произведена на идеологической основе, он симпатизировал ИРА и рассматривал свою нелегальную деятельность как протест против усилившейся в 1938 и начале 1939 года дискриминации ирландцев. Судя по всему, она состоялась во время его шестимесячной частной поездки в Японию в 1938 — 1939 годах, а в период обучения в Сингапуре он уже поддерживал плотную связь с японцами, поскольку его регулярно видели в городских японских клубах. Трудно сказать, почему руководители Хинэна проявили такую недалекую видимость в вопросах конспирации, но подобные упущения неоднократно допускались ими и в других случаях. Собранные доказательства полностью изобличили японского агента, и незадолго до падения Сингапура он был расстрелян.

Дело Хинэна явилось лишь одним из эпизодов борьбы британских контрразведывательных органов в Малайе с проявлениями активности спецслужб Японии. В регионе сложилась весьма напряженная оперативная обстановка, поэтому контрразведке, по сравнению с агентурной разведкой, уделялось несколько большее внимание. В сентябре 1939 года в Сингапуре появился ДСО МИ-5, аппарат которого был набран из местных военных. Основными задачами периферийных подразделений Службы безопасности на Дальнем Востоке являлись не розыск или ведение следствия, а накопление материалов и контроль за состоянием безопасности на Цейлоне, Ямайке, в Британской Гвиане, Бирме, Малайе и Гонконге. В декабре 1939 года офицер МИ-5 в Малайе капитан Тируитт начал составлять картотеку японской агентуры по материалам перехваченной и дешифрованной переписки военных атташе в Сингапуре и Гонконге. Весной 1941 года группа криптоаналитиков ПШКШ во главе с капитанами П. Джонстоном и Г. Стивенсом прибыла в ФЕКБ для работы в интересах контрразведки. Добытую ими информацию в основном потребляла Дальневосточная служба безопасности (ФЕСС), созданная в декабре 1939 года в рамках ФЕКБ в целях «самозащиты вооруженных сил и имущества короны от ущерба, причиненного саботажем, шпионажем, изменнической передачей информации, мятежной или подрывной пропагандой и другими действиями враждебных сил или секретных служб»³⁹². Громкое название этой подчиненной МИ-5 структуры совершенно не соответствовало ее реальным возможностям и ограниченному штату из двух офицеров и пяти гражданских служащих. ФЕСС должна была «собирать, координировать и направлять властям соответствующие отчеты об антибританской деятельности в регионе»³⁹³, а со временем накопить данные для составления картотеки на подозреваемых в шпионаже и подрывной деятельности лиц. Возможности крохотного оперативного органа никак не соответствовали его задачам. Семеро сотрудников ФЕСС должны были обеспечивать безопасность британских войск и имущества в Азии, бассейне Тихого океана, Австралии³⁹⁴, Южной Америке, США и в Вест-Индии, хотя совершенно ясно, что они едва могли справиться даже с региональными проблемами Сингапура или Гонконга. Контрразведчики не успели создать агентурные позиции в регионе, и главными источниками информации для них служили радиоперехваты и дешифровка японской корреспонденции. С «Объединенным разведывательным бюро» ФЕСС находилась в не вполне понятных отношениях то ли подчиненности, то ли резкого соперничества. Руководители Дальневосточной службы безопасности стремились организовать ее работу на современном уровне и для решения контрразведывательных проблем использовали информационно-аналитический подход. В соответствии с меморандумом № 305/069 от 2 марта 1940 года, Дальневосточная служба безопасности выпускала следующие виды информационных документов:

1. Дальневосточный «черный список» (ФЕБЛ), в который включались установленные действующие и потенциальные агенты противника, вовлеченные в шпионскую, диверсионную, пропагандистскую или иную подрывную деятельность.

2. Дальневосточный список подозрительных по безопасности лиц (ФЕСЛ), в который включались все подозреваемые в принадлежности к перечисленным выше видам деятельности.
3. Список предполагаемых иностранных разведывательных организаций на Дальнем Востоке (ФЕПО).
4. Дальневосточные периодические сводки по разведке в области безопасности (ФЕПС).

Силы контрразведывательного аппарата в Сингапуре были явно неадекватны его задачам, и в 1941 году в составе ФЕКБ появился еще один оперативный орган по противодействию японской агентуре в пределах города – Секция местной разведки. Но и он в конечном итоге оказался несостоятельным.

Помимо объективных причин, немалые проблемы в обеспечении безопасности Сингапура и Малайи создавали и субъективные, и в первую очередь — напряженность в отношениях местных подразделений Особого отдела, ФЕКБ и ФЕСС. В этих условиях стоит только удивляться, что контрразведчики все же сумели вскрыть подрывную деятельность среди личного состава индийских частей в Малайе и Бирме выпускников японской школы военной разведки Накано полковника Кейдзи Судзуки из Бирмы и майора Иваичи Фудзивара и лейтенанта Ямагучи из Таиланда. О первом уже упоминалось, а следующие двое в октябре 1941 года под именами Коичи Ямасита и Хадзиме Ямада организовали резидентуру военной разведки Ф-кикан, специализировавшуюся на провоцировании беспорядков в национальных воинских частях в Малайе. Ранее Фудзивара занимал в Гуаньчжоу пост офицера разведки 21-й армии, в распоряжение которой бежали из гонконгской тюрьмы трое индийских националистов. Майор возглавлял следствие по их делу и считался специалистом по индийской проблеме, что и послужило причиной его назначения в Таиланд. Индийское направление считалось в японской разведке самым перспективным для ведения подрывной работы против Британской империи, и справедливость такого суждения неоднократно доказывалась фактами волнений в индийских частях. Англичане установили факт появления нового японского разведоргана на территории сопредельного государства, однако не знали о его задачах до захвата соответствующих документов в январе 1942 года.

После упомянутого шпионского скандала 27 июля 1940 года органы безопасности Сингапура и Малайи получили разрешение действовать по собственному усмотрению. Первой жертвой ужесточения контрразведывательного режима в Бирме, Сингапуре и Малайе стал пресс-атташе генерального консульства Японии в Сингапуре Мамору Синодзаки. На протяжении нескольких месяцев он находился под наблюдением Особого отдела полиции колонии и в итоге был арестован вместе со своей помощницей Ацуко Ямакава. В качестве доказательств их шпионской деятельности фигурировали обнаруженные при обыске в доме пресс-атташе улики. 22 ноября состоялся суд, на котором Синодзаки обвинялся, в частности, в незаконном получении в период с декабря 1939 по август 1940 года от артиллериста Фрэнка Гарднера и авиатора Кромптона информации по составу британских войск в Малайе, их перемещению и аэродромному оборудованию полуострова. Японец настаивал на своей невинности и аргументировал это тем, что знал об аресте Гарднера и, если бы чувствовал за собой какую-либо вину, вполне мог успеть бежать за четыре недели, прошедшие между этим событием и его собственным арестом, однако не сделал этого. Судья заметил, что даже плохой шпион тоже является шпионом, и приговорил Синодзаки к трем годам тюремного заключения и штрафу в тысячу долларов за деятельность, нарушающую интересы Британской империи. Его помощница судебному преследованию не подвергалась.

Описанные случаи были скорее исключением, чем правилом. Как правило, японская агентура существовала и работала практически безнаказанно, что парадоксальным образом накладывалось на фон развившегося синдрома шпиономании. Некоторые безгранично верили в вездесущих японских агентов, другие же напрочь отрицали их существование. Например, британский посланник в Бангкоке Кросби утверждал: «Я устал от историй, которые слышу уже более 30 лет, о том, что каждый японский врач, дантист, парикмахер или фотограф является... переодетым или адмиралом, или маршалом»³⁹⁵. Как известно, Кросби никогда не доверял спецслужбам собственного государства, и зачастую совершенно напрасно. В действительности проблема японского шпионажа реально существовала, причем отнюдь не всегда речь шла об агентуре низкого уровня. Безусловно, среди нелегалов не было ни адмиралов, ни маршалов, но полковники встречались достаточно регулярно. В частности,

полковником японской армии по имени Цугунори Кадомацу оказался старший стюард офицерского клуба сингапурской военно-морской базы, которого все англичане считали китайцем. В ноябре 1941 года в его вещах совершенно случайно была обнаружена бумага с упоминанием совершенно секретной информации о планировавшемся прибытии в Сингапур британского линкора “Принс оф Уэллс”. Другим полковником оказался некто Накадзима, много лет работавший фотографом в том же Сингапуре и регулярно приглашавшийся для выполнения официальных снимков кораблей и портовых сооружений. Японская разведка вообще была очень хорошо информирована о состоянии обороны Дальнего Востока, причем не только до начала боевых действий, но и в течение многих последующих месяцев. В частности, в январе 1942 года в сбитом самолете противника были захвачены документы, при изучении которых разведчики ФЕКБ буквально пришли в ужас. В них абсолютно точно указывалось, что по состоянию на конец 1941 года британская авиация располагает на ТВД 336 боееспособными самолетами. Ответственные за безопасность ВВС сотрудники рассматривали возможности утечки информации по радиоканалам (весьма сомнительно) и в результате агентурного проникновения (весьма вероятно). Ответ на этот вопрос не найден до настоящего времени, поскольку пожары, охватившие Токио в 1945 году в результате воздушных налетов союзников, уничтожили почти все архивы спецслужб Японии.

Самых высоких результатов японская разведка достигла в области пропаганды. Ее действия нередко провоцировали волнения в войсках, случались и убийства офицеров-англичан индийскими солдатами. Одной из существенных причин падения Сингапура в 1942 году явилась его оборона главным образом туземными войсками, совершенно не желавшими защищать британские владения. С конца 1930-х годов японцы смогли внедриться в весьма чувствительные области британской колониальной системы в Индии и Юго-Восточной Азии, во многом образом благодаря помощи итальянской разведки. В июне 1939 года источник СИМ в Информационном правительственном бюро Гонконга получил доступ к материалам проходивших в Сингапуре секретных англо-французских переговоров по стратегическим проблемам в Азии. Это выяснилось из перехваченной и вскрытой в криптографической секции КИБГК японской радиограммы с изложением ключевых пунктов позиций Лондона и Парижа и указанием уязвимых мест обеих колониальных систем.

Список органов безопасности Сингапура и Малайи отнюдь не исчерпывался контрразведывательными структурами ФЕКБ, за гражданскую контрразведку в федеративном государстве и в колонии отвечали местные полицейские органы. С 1914 по 1923 годы пост генерального инспектора полиции (ИГП) Малайи занимал А. Р. Чэнселлор, его преемником по 1925 год стал переведенный из Индии Годфри С. Дэнхэм, под руководством которого работал будущий глава МИ-5 Дэвид Петри. В этот период (1924 год) было образовано Малайское политическое консультативное бюро, в задачи которого входило обеспечение местных военных и гражданских властей информацией по вопросам внутренней безопасности в зоне их ответственности. Бюро возглавлял директор, остальными его членами являлись генеральный инспектор полиции и руководители местных разведорганов армии и флота. В течение десяти последующих лет, с 1925 по 1935 годы пост ИГП занимал Гарольд Фэйрберн. В период его руководства в 1930 году политическое консультативное бюро было преобразовано в Постоянный комитет по разведке (СКИ), в обязанности которого, в частности, входил ежемесячный выпуск объединенной разведывательной сводки по Малайе.

Оперативная обстановка в Малайе и Сингапуре резко обострилась в 1932 году, когда в результате девальвации иены Япония резко увеличила свой внешнеторговый товарооборот, и ее товары хлынули в регион, компенсируя тем самым их бойкот в Китае в ответ на вторжение в Маньчжурию. Развитие торговых связей, участвовавшие поездки бизнесменов и открытие представительств и филиалов японских компаний существенно облегчили внедрение разведывательной и диверсионной агентуры, в том числе и заброшенной на глубокое оседание. В британских владениях на Дальнем Востоке обосновалось огромное количество японских парикмахеров, официантов, мелких розничных торговцев, массажистов и других лиц, среди которых было нетрудно затеряться не только агентам, но и кадровым офицерам разведки. Впрочем, каждый регион имел свои особенности. Например, в Индии появились японские дантисты, открывшие свои кабинеты в пунктах расположения британских гарнизонов, а в Сингапуре имелось множество японских публичных домов, гейш и просто любовниц. Японские предприниматели скупали расположенные на побережье каучуковые плантации, преимущественно расположенные в стратегически выгодных точках. Результаты такого масси-

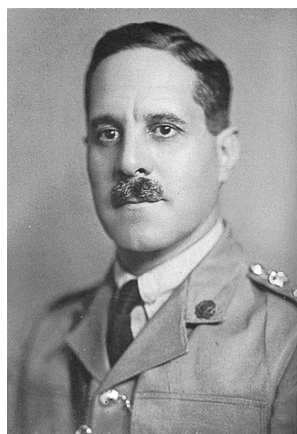
рованного проникновения не замедлили сказаться. Лишь по известным данным, в 1932 году японская разведка сумела купить у авиатора Грэхема информацию по военно-морской базе и аэродромной сети Сингапура, а в следующем году некий Робертс за 1300 долларов США продал японцам чертежи части базы. Все это сильно встревожило местное руководство, и в том же 1933 году в полиции Малайи и Сингапура появились свои Особые отделы, в первую очередь взявшие на спецучет всех проживавших в зонах их ответственности японцев.

К этому периоду относятся несколько шпионских дел, раскрытых в Малайе гражданскими контрразведчиками. В ноябре 1934 года на пассажирском судне “Рио-де-Жанейро Мару” под именем Тейцзо Кашима в Сингапур прибыл капитан 3-го ранга японского флота Тецубико Каседа, которого сопровождал Кацудзиро Кизаки. Прибывшие остановились в доме гейш, куда для бесед с ними часто прибывал генеральный консул Японии. Безусловно, столь грубая работа не могла остаться незамеченной. Вскоре контрразведчики из Особого отдела сингапурской полиции взяли Каседа и Кизаки с поличным при попытке получить от сержанта ВВС копию британского военно-воздушного кода. Арестованные сразу же сознались в шпионской деятельности и 5 декабря были высланы обратно в Японию, а организовавший их прибытие и вызванный в полицию плантатор Нишимура принял на чайной церемонии стрихнин и умер непосредственно перед началом допроса. На том же лайнере “Рио-де-Жанейро Мару” в марте следующего года из Сингапура выслали подозревавшегося в шпионаже владельца горнорудной компании Сейсукэ Йошида, доктора Хиромиши Окубо, которого уличили в попытках войти в контакт с четырьмя военнослужащими из расчетов береговой артиллерии и его помощника, тоже японца. Местным резидентом японской разведки контрразведчики полагали представителя Бюро по здравоохранению Лиги Наций в Малайе доктора Цуни Оучи, однако улики против него собрать не смогли.

В 1936 году в Особом отделе сингапурской полиции была образована японская секция, первым начальником которой стал майор К. С. Морган. Ранее он служил в Индийской армии, в 1925 году работал в Советском Союзе и владел японским и русским языками. У этого опытного контрразведчика имелся физический недостаток, серьезно мешавший ему в работе: он страдал эмфиземой легких и из-за этого мог заснуть в любой момент, в том числе посреди допроса. Кроме того, Морган был убежден, что в качестве начальника японской секции он является желанным объектом для покушения со стороны противника, и всю свою повседневную жизнь строил с расчетом избежать этой участи.

Безопасностью Малайи занималась и МИ-5, представителем которой в ранге офицера по защите безопасности (ДСО) был полковник Френсис Хейли Белл. Он родился и провел начальный период своей жизни в Шанхае, владел семью диалектами китайского и русским языками. Контрразведывательной работой Белл занимался с 1918 года, а до этого участвовал в Первой мировой войне и все свои офицерские звания получил в территориальных войсках, в силу чего офицеры регулярных войск смотрели на него несколько свысока. ДСО не особенно ладил с губернатором Сингапура Томасом, который крайне неодобрительно отзывался о подозрительности контрразведчика: “Кто, кроме этого дурака Хейли Белла, может считать, что японцы хотят владеть Сингапуром!”³⁹⁶ Подобную самоуспокоительную точку зрения разделяли многие высшие офицеры армии и флота и высшие чиновники гражданской администрации.

Почти сразу же после прибытия Белла в колонию Морган начал вести с ним настоящую холодную войну. Он не мог допустить, чтобы кто-либо из коллег разрушил его образ единственного специалиста по японским делам, тем более, если этот человек является офицером территориальных войск. Тот факт, что Белл при этом имел звание на две ступени выше, лишь подогревал неприязнь Моргана. Начальник японской секции блокировал предоставление МИ-5, а заодно и военным любой контрразведывательной информации, вне зависимости от степени ее важности. Первоначально Белл не драматизировал возникшую ситуацию, но позднее она стала причинять ему немало хлопот. Он не жаловался, однако руководство само обратило внимание на сложившуюся в Сингапуре тупиковую ситуацию. К этому времени в колонии действовало Совместное разведывательное бюро (СРБ), организованное военными по аналогии с наполовину гражданским Постоянным комитетом по разведке (СКИ). Оно готовило ежемесячные разведывательные сводки, рассылавшиеся, помимо командования, широкому кругу британских военных и военно-морских атташе в Японии, Китае, Таиланде и британским консулам по всему Дальнему Востоку. Именно члены этого бюро обратили внимание на конфликт между Морганом и Беллом. Член СРБ, начальник местного отделе-

Рене Онре

ния военной разведки майор Герберт Винден проинформировал об этом будущего командующего войсками в Малайе Персиваля, в тот период еще полковника и старшего офицера штаба. В ходе выяснения обстоятельств этой нелепой вражды выяснилось, что в японской секции Особого отдела полиции Сингапура имеется достоверная информация о приготовлениях японцев к диверсии на военно-морской базе, которую Морган скрыл даже от военных. Генеральный инспектор полиции Рене Онре лишь с большим трудом добился от строптивого подчиненного подробного письменного отчета по оперативной обстановке и намерениям японцев в Сингапуре, составленного им еще ранее, 12 октября 1937 года, но не направленного ни представителю МИ-5, ни армейским или флотским разведчикам. Получив свою копию доклада, Персиваль обнаружил информацию о значительных запасах взрывчатых веществ, нелегально завезенных японцами и заложенных под оборонительными сооружениями военно-морской базы под видом промышленных запасов для проведения взрывных работ на затонувших судах. Морган оправдывал свое поведение довольно своеобразно. Он утверждал, что японские морские спасательные компании завезли в Сингапур так много легальной взрывчатки, что несколько сотен килограммов нелегальной общую ситуацию не изменят. В этом споре Онре решил руководствоваться исключительно корпоративными интересами и предпочел защитить начальника японской секции. Генеральный инспектор полиции заявил, что передал доклад Моргана военным лишь под давлением исключительных обстоятельств, а в обычной обстановке подобные непроверенные сведения не должны выходить за пределы полицейских учреждений. Заявление было более чем странным, поскольку сам автор доклада отмечал, что информации о складах взрывчатых веществ является достоверной.

Заключение Персиваля по всей этой истории также было совершенно непонятным. В рапорте на имя командующего войсками в Малайе генерал-майора У. Добби полковник признавал, что поведение Моргана не дает оснований сохранять его на занимаемой должности, но далее отмечал, что ввиду наличия у начальника японской секции долгосрочного контракта рассчитывать на его увольнение не приходится. В результате тот остался на своем посту, что можно объяснить лишь нежеланием расставаться с единственным говорящим по-японски и притом компетентным в своей области сотрудником сингапурской полиции. Одновременно Онре затаил злобу на Белла, хотя тот и не проявлял никакой инициативы в расследовании Персиваля — Виндена. Достаточно быстро это сломало карьеру старшего офицера МИ-5 в Сингапуре.

Небольшой аппарат Белла работал довольно результативно и занимался не только пресечением активности спецслужб противника в колонии, но и действовал на опережение. ДСО регулярно предоставлял военному и гражданскому руководству качественные контрразведывательные сводки, принимавшиеся, однако, весьма недружелюбно. Губернатор Шентон Томас и командующий британскими войсками в Малайе генерал Бонд постоянно обнаруживали в них не только факты, серьезно компрометировавшие их подчиненных, но и критику их собственных действий. Самое неприятное для них заключалось в том, что копии сводок с той же регулярностью уходили в центральный аппарат МИ-5 в Лондоне. Белл обращал внимание руководящих инстанций на то, что офицеры обленились, прекратили совершать рекогносцировки, а на маневры ездят в такси с японскими водителями, в присутствии которых позволяют себе обсуждать секретные темы. Высокопоставленные чиновники из гражданской администрации из соображений амбиции препятствовали проведению дактилоскопической экспертизы работавших у них домашних слуг, хотя это являлось элементом официально проводившейся сплошной проверки иностранных граждан в Сингапуре и Малайе. Стало ясно, что дни Белла на посту ДСО сочтены.

Случай для этого представился в конце 1938 года, когда он совместно с майором Винденом и группой специалистов провел в Сингапуре широкомасштабные учения по проверке состояния обеспечения безопасности базы. Специально подготовленные МИ-5 и военными разведчиками группы контрольных диверсантов провели в колонии серию учебных операций, первой из которых стал “взрыв” у ворот одного из доков грузовика, груженного взрывчаткой под видом стройматериалов для военно-морской базы. Ранее на нем же на охраняемую

территорию базы проникли шестеро “диверсантов”. Одновременно на акваторию вошел катер с диверсионной группой, “открывшей” кингстоны плавучего дока и “утопившей” его. В десяти милях от Сингапура проезжавший по дороге грузовик внезапно свернул с нее и протаранил непрочные ворота склада авиационного горючего. Единственный охранник этого объекта мирно болтал по телефону и не только не смог помешать вторжению, но даже не заметил этого. Люди Белла имитировали подрывы множества емкостей с бензином. Двенадцать “японских” пловцов проникли к месту стоянки летающих лодок и “проделали” отверстия в их корпусах, вследствие чего летательные аппараты должны были получить опасный крен и в конечном итоге перевернуться и затонуть. Еще одна группа вывела из строя АТС, а другая имитировала взрывы на главной электростанции Сингапура и обозначила разрушение серной кислотой 17 главных кабелей энергоснабжения города. В случае практического осуществления такой операции восстановление электростанции потребовало бы не менее двух недель. Помимо перечисленных крупных акций, по всей территории колонии осуществлялись и менее масштабные, совершенно не встречавшие противодействия. В общем, проверка выявила полную неготовность Сингапура и Малайи к противодействию диверсионным акциям противника. Казалось бы, Белл и Винден заслужили благодарность за квалифицированную работу, первую в таком роде в Британской империи. Однако все обернулось совершенно иначе. Начальника военной разведки убрали из Малайи в начале 1940 года,

Эпизод противодиверсионных учений в Сингапуре

после того, как он разработал план разрушения нефтепромыслов в случае угрозы их захвата противником, а ДСО был отозван из колонии в мае 1939 года. Руководство МИ-5 уступило настоятельным требованиям губернатора и командующего, а также протесту посланника в Бангкоке, возмущенному предоставленной Беллом информацией о контактах тайцев с японцами. Отзыв мотивировался некомпетентностью полковника, что являлось абсолютной несправедливостью. В ответ тот подал в отставку и покинул государственную службу, после чего прожил недолго и в 1944 году умер. Его преемником на три месяца стал Джон Беккер, позднее пост ДСО занимали полковники Грин и Дж. Г. Джонстон.

Руководители полицейских органов Сингапура Рене Онре и Малайи Чарльз Сэнсон почти одновременно ушли в отставку в 1939 году, их преемниками стали соответственно Артур Гарольд Диккинсон и Е. Бэгот. К этому времени структура обеспечения безопасности в органах полиции была несколько изменена, и во всех федеративных и нефедеративных малайских государствах, включая Британское Северное Борнео, офицеры полиции одновременно стали офицерами безопасности. Тогда же был создан Комитет по безопасности обороны Малайи, в который вошли руководители местных разведорганов всех видов вооруженных сил, офицер защиты безопасности МИ-5 и генеральный инспектор полиции Малайи.

Незадолго до начала войны на Дальнем Востоке Особый отдел полиции совместно с военно-морской разведкой изучили состояние дел на принадлежащих японцам железных рудниках и выяснили, что они представляют собой удобную базу для агентурных разведывательных и диверсионных операций, в частности, по причине возможности законно хранить там взрывчатые вещества. Беспокойство внушали и несколько тысяч нелегально находившихся в колонии китайских иммигрантов. Помимо опасности проникновения таким путем агентуры противника, легкость их скрытой высадки на побережье полуострова внушала тревогу с точки зрения противодействия десантированию диверсионных групп. При оценке вклада военной разведки Великобритании в борьбу с иностранным шпионажем в Малайе, нельзя не отметить значительную роль ее начальника, майора Герберта Виндена. Он первым из всех сотрудников спецслужб в регионе обратил внимание на обилие открывшихся едва ли не в каждой деревне японских фотоателье и несопоставимость этого факта с канонами ислама, запрещавшего правоверным создавать изображения людей и животных и пользоваться ими. В подобных условиях любое фотоателье было обречено на закрытие из-за банкротства,

однако на практике все точки продолжали существовать, из чего Винден заключил, что они служат прикрытиями для разведывательной деятельности противника. В водах Малайи в значительных количествах вели промысел японские рыболовные суда. После ареста одного из них за браконьерство его капитан признался в том, что является действующим офицером ВМС Японии.

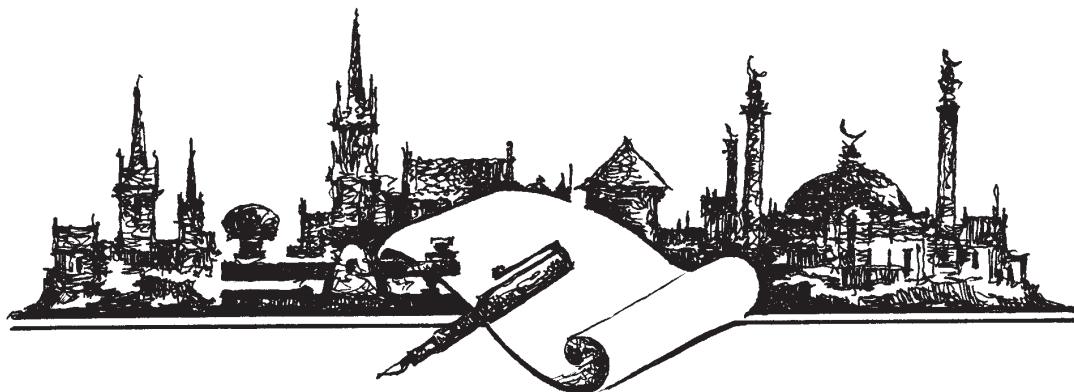
Винден установил взаимодействие с генеральным консулом Нидерландов в Сингапуре и начал регулярно получать от него отчеты голландского военного атташе в Токио генерала Пабста. Кроме того, майор под чужим именем совершил поездку на Яву, где встретился с главнокомандующим войсками в голландской Восточной Индии генералом Боестра и получил его согласие на ряд совместных с англичанами действий в сфере безопасности Дальнего Востока. В начале 1938 года он же провел переговоры с коллегами во Французском Индокитае. Поскольку Великобритания не вела разведку в этом направлении, Винден не располагал сведениями о силах французских войск в регионе, однако в преддверии визита в течение нескольких недель изучал их по открытым источникам и по приезду предложил штабу в Ханое сверить свои данные с фактическими. Французов поразила эта оказавшаяся на 95% верной информация, что заставило их крайне серьезно задуматься о цензуре прессы. Представляют интерес выводы Виндена о перспективах возможной войны с Японией, изложенные им в докладе на имя командующего войсками в Малайе. Начальник разведки верно предсказал, что японцы могут напасть внезапно, без объявления войны, и сделают это, скорее всего, в случае, если силы Британии будут отвлечены на боевые действия в Европе. Майор также правильно оценил стратегический замысел потенциального противника, но это не требовало особых талантов, поскольку было ясно из общей обстановки и природных условий полуострова. Зато он сумел доказать командующему нецелесообразность 15-миллионных затрат на установку в Сингапуре новых 15-дюймовых орудий береговой обороны и убедил его направить эти средства на усиление авиационной группировки.

К лету 1941 года британская контрразведка на Дальнем Востоке заметно укрепилась, но руководство МИ-5 в Лондоне все еще не представляло, как именно Служба безопасности может противостоять японскому шпионажу в Малайе и Бирме. Рассматривался даже нарушающий все нормы дипломатической практики вариант лишения всех японских посольств и консульств права на использование шифрованной переписки. Против этого запротестовали контролировавшие переписку противника криптоаналитики, поскольку планировавшаяся мера неизбежно вынудила бы японцев искать альтернативные и пока недоступные для британских дешифровальщиков пути. Радиообмен дипломатических представительств потенциального противника и в самом деле являлся почти единственным источником на Дальнем Востоке, из которого контрразведка с 1939 года черпала информацию о японской агентуре и ее подрывной деятельности среди личного состава индийских войск. В январе 1941 года изменившийся характер переписки явственно свидетельствовал об устремлении Токио в регион Юго-Восточной Азии. Англичане установили пять основных направлений подрывной и разведывательной деятельности противника в гражданской и военной сферах:

- выявление неблагоприятных действия Великобритании, США и СССР и отслеживание реакции на них со стороны местного населения;
- местная поддержка антибританского движения, противоповстанческая и антикоммунистическая деятельность;
- выявление религиозных и социальных проблем для их использования в целях ослабления противников Японии;
- прогноз развития военных операций в бассейнах Средиземного моря и Индийского океана;
- изучение состояния туземных войск.

Вся эта информация была почерпнута из единственной телеграммы МИД Японии генеральному консулу в Сингапуре от 17 мая 1941 года. Там же содержались немаловажные соображения об опасениях Токио относительно вступления в войну Соединенных Штатов и инструкции по осуществлению нелегальной работы в направлении Индийского океана. Телеграммы с аналогичным текстом ушли также в японские посольства и консульства в Бангкоке, Сиднее, Мельбурне, Карачи, Кейптауне, Момбасе, Бомбее и Коломбо.

Война приближалась. К ноябрю 1941 года в Лондоне уже почти не сомневались в намерениях японцев в ближайшее время нанести удар по колонии, зато в самом Сингапуре командование отнюдь не разделяло это убеждение разведчиков. Брук-Попхэм проигнорировал даже столь верный признак, как скопление на аэродромах Французского Индокитая самолетов берегового базирования, преимущественно бомбардировщиков. Согласно данным разведки, 28 ноября их было 245, 2 декабря – уже 300, 4 декабря – 450, а 6 декабря – 500, то есть за неделю силы ударной авиации возросли вдвое. В пределах досягаемости бомбардировщиков находился также и Таиланд, но вторжение в него не нуждалось в столь мощной авиационной поддержке, поэтому зафиксированные самолеты могли предназначаться только для удара по Малайе. В последние 10 дней перед нападением Японии англичане получали множество предупреждений отовсюду, в том числе из Вашингтона. Американцы известили фактических союзников о том, что 28 ноября японская делегация прервала переговоры, и в самое ближайшее время ожидается агрессия с ее стороны в направлении Филиппин, Таиланда и Голландской Восточной Индии. Радиоразведка перехватывала сообщения о предстоящей высадке десанта на тайландско-малайской границе. В 14.00 6 декабря австралийский экипаж разведывательного самолета “Гудзон” обнаружил направляющийся к Таиландскому заливу конвой с множеством транспортов, явно перевозивших десантные войска. Судя по всему, к этому моменту в британском руководстве не верили в предстоящую агрессию только главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке Брук-Попхэм и премьер-министр Черчилль. Однако именно от них зависело принятие срочных и необходимых решений, которые так и не были реализованы.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

1. ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА

На протяжении 1920-х и 1930-х годов оперативная обстановка в Соединенных Штатах Америки разительно отличалась от европейской и азиатской. Основными причинами этого являлись значительная географическая удаленность страны от “горячих точек” планеты, а также несоответствие между ее экономической мощью и зачаточным состоянием спецслужб, совершенно не соответствовавшим статусу великой державы.

После Первой мировой войны США вырвались в группу лидеров, из должника превратились в кредитора и стали всемирным финансовым центром, уверенно заняв ведущее место в мировой экономике и все более настойчиво пытаясь соответствовать ему также и в политике. Однако до конца 1920-х годов влияние страны на европейский процесс оставалось совершенно ничтожным, а ее основные политические интересы концентрировались в бассейне Тихого океана, предопределив изначальное дипломатическое и разведывательное соперничество с Японией. Европейские правительства и их секретные службы в Западном полушарии были в основном заняты попытками привлечения на свою сторону столь могущественной в экономическом отношении державы, а также вели там научно-техническую разведку, пытаясь получить доступ к секретам американской техники и технологии.

Всему этому вяло пытались противостоять послевоенные разведывательные и контрразведывательные структуры США, однако они были крайне слабы и даже отдаленно не напоминали мощные оперативные органы, которыми еще совсем недавно располагало государство. Как это ни парадоксально, но вместе с армией Соединенные Штаты фактически демобилизовали и распустили свои спецслужбы, почти возвратив к их предвоенному состоянию.

До начала 1940-х годов политической разведки в США не существовало, а ее задачи периодически возлагались на образованный в 1885 году в подчинении у генерал-адъютанта армии Отдел военной разведки (МИД). С 1889 года он начал получать информацию от сети аккредитованных в иностранных столицах военных атташе, а после создания в 1903 году штаба армии (сухопутных войск) вошел в него в качестве 2-го отдела (G-2). В 1908 году МИД слили с отделом G-3 (военное планирование и обучение), а в 1917 году разведка в статусе соответствующей секции вошла в отдел военных учебных заведений. Это повлекло за собой буквально катастрофические последствия, но не продлилось долго, и 26 августа 1918 года МИД вновь обрел самостоятельность в рамках штаба армии. Определялось, что Отдел военной разведки “должен осуществлять наблюдение и руководство военной разведкой, как позитивной, так и негативной, и возглавляться офицером, именуемым директором военной разведки, который является помощником начальника штаба. Он же является старшим военным цензором. Обязанности отдела состоят в ежедневном контроле за военной обстановкой, экономической ситуацией и в выполнении других поставленных начальником штаба задач, а также в сборе, сопоставлении и рассылке данных военной разведки”³⁹⁷. Прочити-

рованный документ несколько опережал события. Восстановление МИД, несмотря на его декларированные задачи, в первую очередь было предпринято ввиду необходимости создания структуры по обучению кадров разведки, а вся практическая работа в рассматриваемый период велась разведорганами Американских экспедиционных сил (АЕФ) в Европе.

Первоначально в штате созданной в начале 1917 года, еще до высадки экспедиционных сил в Европе, Радиоразведывательной подсекции (РИС) АЕФ состоял из 3 человек, включая ее начальника лейтенанта Чарльза Х. Матца. К концу войны он вырос крайне незначительно и насчитывал все тех же 3 офицеров и 8 рядовых. Зато войсковые разведывательные органы получили в АЕФ значительное развитие. В отличие от штабной структуры, они кодировались буквой “С” и начинались от уровня батальона, в котором присутствовал офицер разведки. В его подчинении находилась разведгруппа в составе 1 офицера и 28 рядовых, в том числе 15 разведчиков, 11 наблюдателей и 2 снайперов. В полку офицеру разведки подчинялись 8 наблюдателей, а в бригадах разведывательных органов не было вообще. Зато в дивизии действовала разведывательная секция в составе начальника, его заместителя по тактической разведке, офицера-переводчика, офицера-топографа и многочисленного вспомогательного персонала. На этом уровне информация поступала также и от воздушных наблюдателей на аэростатах, проходя по каналам связи артиллерийских дивизионов. Аэростаты оказались крайне неэкономным средством разведки. Один аппарат обслуживала целая рота штатной численностью в 178 человек, включая расчеты четырех зенитных пулеметов, а продолжительность его жизни в бою в среднем равнялась 15 минутам. Аэростаты сбивались столь часто, что их экипажи получили парашюты задолго до снабжения ими летчиков.

Согласно уставам, дивизионная разведка велась на глубину до двух миль, а фактически — значительно дальше, иногда до 5 миль. Именно этой величиной была ограничена зона ответственности корпусных разведорганов, которым подчинялись эскадрильи разведывательной авиации, группы звуковой и визуальной разведки, проходившие, однако, по штату артиллерии. Армия имела существенно более многочисленную разведывательную авиацию, в том числе ночную, топографический батальон и секцию радиоразведки. Венчала эту пирамиду располагавшееся в Сен-Шамоне Отделение военной разведки АЕФ (G-2). Его структура была весьма разветвленной и достаточно полно учитывала потребности экспедиционных войск в обеспечении информацией и в контрразведывательном обслуживании:

- Секция G-2A (информационная):
 - подсекция G-2A1 — боевые расписания и стратегическая разведка;
 - подсекция G-2A2 — переводы и техническая разведка;
 - подсекция G-2A3 — карты обстановки и воздушная разведка;
 - подсекция G-2A4 — отчеты и изучение ТВД;
 - подсекция G-2A5 — цели для артиллерии;
 - подсекция G-2A6 — радиоразведка и почтовые голуби;
 - подсекция G-2A7 — рассылка информации и ведение журнала боевых действий;
- Секция G-2B (секретная служба):
 - подсекция G-2B1 — контрразведывательная политика и расследование зверств;
 - подсекция G-2B2 — рассылка информации от секретных источников и контроль за разведывательными фондами, непредвиденные ситуации;
 - подсекция G-2B3 — картотека подозреваемых, контроль над гражданским населением, контрразведывательные операции;
- Секция G-2C (топографическая);
- Секция G-2D (цензура):
 - подсекция G-2D1 — связи с общественностью и цензура прессы;
 - подсекция G-2D2 — цензурные правила, почтовая и телеграфная цензура;
 - подсекция G-2D3 — цензура фотоснимков, кинолент и посетителей;
- Секция G-2E (разведывательные подразделения).

Легко понять, что такая мощная и авторитетная структура значительно превосходила влияние вашингтонского центрального аппарата и фактически затмевала его. К концу войны МИД насчитывал 282 офицера, 29 сержантов и 948 гражданских служащих, заметно уступая контингенту в Европе³⁹⁸. На этом фоне развилось неизбежное соперничество “европейских” разведчиков с “американскими”, причем первые явно доминировали. В Вашингтоне такую ситуацию терпели, понимая, что войска пребывают за океаном не вечно, и что рано или

поздно в процессе их сокращения будет практически ликвидировано и Разведывательное отделение АЕФ. Однако в экспедиционных войсках тоже понимали это и вышли с предложением к командованию организовать послевоенную разведку армии США на базе именно их разведорганов. Эта идея была отвергнута, в первую очередь по бюджетным соображениям. Если в конце войны разведка располагала бюджетом в 2,5 миллиона долларов, то в 1920 году он составлял всего лишь 400 тысяч долларов³⁹⁹, ее штат был не только не расширен, но, наоборот, существенно сокращен. В августе 1919 года численность МИД уменьшилась до 88 офицеров и 143 вольнонаемных лиц⁴⁰⁰. Частичной компенсацией описанной плачевной ситуации явилось создание отдельного резерва офицеров военной разведки, решение о котором вступило в силу 4 августа 1921 года. На протяжении последующих 20 лет в нем числилось в среднем по 635 офицеров.

За время войны разведка успела проверить себя в боевых условиях и выработала ряд адекватных концепций. Одной из них являлось осознание важности военной контрразведки, проводившейся под эгидой Негативного сектора МИД. В сентябре 1918 года это подразделение существенно расширило сферу своей деятельности и взяло под свой контроль контрразведывательные операции военных атташе Соединенных Штатов в различных государствах мира. Справедливости ради следует отметить, что важность данного шага была преимущественно теоретической, поскольку число таких операций можно было пересчитать по пальцам одной руки. Существенно более значимым актом явилась организация совместно с госдепартаментом системы паспортного контроля на границе США. Тогда же разведка взяла на себя контроль над военной цензурой, создав для этого секцию МИ-10. Ранее эта деятельность считалась прерогативой независимого сектора генштаба, а ее передача в контрразведку натолкнулась на немалое сопротивление из-за традиционно ревнивого отношения американцев к защите своей свободы слова. Эта же секция в качестве дополнительной задачи боролась со взяточничеством и мошенничеством в армии.

Разведка постепенно переходила к мирному режиму работы. В 1921 году вновь назначенный начальником штаба армии генерал Джон Першинг решил реорганизовать его и сохранить пять отделов: кадров, разведывательный, оперативный и учебный, снабжения, военного планирования. Однако конгресс Соединенных Штатов, не возражая против этого в принципе, разрешил иметь в штате этих пяти подразделений лишь четырех бригадных генералов. В результате последовавшей буквально дикой конкуренции в период с 1922 по 1929 годы из семи директоров военной разведки бригадными генералами были только двое. Постепенно разведчики становились в американской армии офицерами второго сорта. Особенно ярко отношение к разведывательной службе проявилось в организации работы института военных атташе. Если в других государствах он был важнейшим элементом разведывательного сообщества, то военные дипломаты Соединенных Штатов выполняли преимущественно декоративные функции. Вплоть до вступления США в войну в декабре 1941 года аккредитованные в Берлине, Токио и Риме военные атташе были обязаны отчитываться о своей работе перед разведкой, однако лишь немногие из них осознавали, что разведывательная деятельность является требующей особого подхода и совершенно специфической военной специальностью. Перед отъездом в страну пребывания они не получали базовую специальную подготовку, за исключением основ шифровального дела и финансов, и отдача от их работы была соответственной. Немаловажным фактором являлось и то, что в межвоенный период МИД считался “сиротским” подразделением штаба, поэтому служба в разведке считалась непрестижной и рассматривалась как краткий и досадный перерыв в основной военной карьере, не дававший выслуги лет на командных должностях для получения очередного звания. Естественно, что озабоченные продвижением по службе перспективные офицеры всеми силами пытались избежать направления туда, что значительно уменьшало приток способных людей. Последствия подобной кадровой ситуации оказались весьма неблагоприятными. Хотя атташе и отработывали иногда некоторые конкретные узкие вопросы, например, по характеристикам немецких 105-мм орудий, но более широкий взгляд на проблему оставался для них недоступным. Достаточно часто их предположения, особенно по политическим проблемам, весьма далеко отрывались от реальности. Например, в 1934 году военный атташе в Берлине вполне серьезно прогнозировал скорую реставрацию германской монархии под руководством фельдмаршала Людендорфа. В целом, институт американских военных и военно-морских атташе оказался абсолютно не соответствующим своему назна-

чению и слабейшим элементом разведывательного сообщества США. Эта ситуация была особенно опасна тем, что, за исключением радиоразведки, в межвоенный период атташе являлись основным средством сбора информации об иностранных государствах и их вооруженных силах. Однако уровень их работы зачастую просто удручал. Впоследствии генерал Джордж Маршалл вспоминал, что полученные по этому каналу разведывательные данные “были немногим больше, чем то, что военные атташе...могли выяснить за ужином или, в какой-то степени, за чашками кофе”⁴⁰¹.

Следует отметить, что, несмотря на сокращение штатов, внутренняя структура разведки оставалась довольно разветвленной, хотя многие подразделения насчитывали буквально по несколько сотрудников. Впрочем, состав американской делегации на Парижской мирной конференции, включавшей 20 офицеров-разведчиков, 60 контрразведчиков и криптоаналитика, показал, что президент по-прежнему полагает свою спецслужбу важнейшим институтом.

В рассматриваемый период военная разведка состояла из Административного, Позитивного и Негативного отделений. Два последних наименования происходили от принятого в Соединенных Штатах разделения разведки на “позитивную” и “негативную”, причем под первой подразумевали добывание информации в интересах политического руководства и вооруженных сил, а под второй — получение сведений о структуре, функциях и деятельности разведывательных служб противника для борьбы с ними. Внутри отделений существовали секции, имевшие собственные наименования. В начале 1920-х годов к Административному отделению относилась только Административная секция МИ-1, включавшая корпус военных переводчиков и военную полицию. Наиболее важным считалось Позитивное отделение, в состав которого входили:

- Информационная секция МИ-2;
- Секция сбора информации МИ-5;
- Секция переводов МИ-6;
- Секция кодов и шифров МИ-8.

Основными секциями считались МИ-2 и МИ-5. Согласно действовавшим документам, Информационная секция МИ-2 предназначалась для получения ответа на вопросы “Какова обстановка сейчас?” и “Какова она будет завтра?”⁴⁰², а Секция сбора информации МИ-5 анализировала поступающие от различных источников сведения и организовывала работу военных атташе. Некоторые секции имели собственную внутреннюю структуру, например, МИ-8 состояла из Бюро стенографии, Бюро секретных чернил, Бюро инструкций по применению кодов, Бюро составления кодов и Бюро связи. Одно из подразделений МИ-8, именуемое Секцией инструкций для тактической разведки, носило самостоятельное обозначение МИ-9. В дальнейшем это обозначение перешло к Секции монографий и справочников Географического отделения разведки, включавшего также картографическую секцию МИ-7.

Негативное отделение ведало вопросами контрразведки и безопасности и включало:

- Секцию армии МИ-3;
- Секцию иностранного влияния МИ-4;
- Секцию новостей МИ-10 (перехват радиовещания станций вероятного противника, анализ прессы и цензура);
- Секцию путешественников МИ-11;
- Секцию мошенничеств МИ-13 (борьба с различного рода злоупотреблениями и мошенничествами в относившихся к армии сферах).

К 1934 году вследствие давних проблем с бюджетным финансированием, в результате которых всегда страдали именно разведчики, численность МИД вновь сократилась. Теперь его штат насчитывал 20 офицеров и 50 гражданских служащих.

Со второй половины 1930-х годов началось медленное, но неуклонное развитие военной разведки США, не сопровождаемое, однако, повышением ее эффективности. Вопреки обычно бытующему мнению, слабость разведывательных служб Соединенных Штатов заключалась вовсе не в малочисленности, а в принципиально ошибочном подходе к организации деятельности. Безусловно, штаты оперативных подразделений были меньшими, чем это требовалось, но после 1937 года отнюдь не символическими. Например, в 1938 году центральный аппарат военной разведки насчитывал 191 сотрудника, в 1939 — 220, в 1940 — 362, а накануне нападения Японии осенью 1941 года — 1095⁴⁰³, что для рассматриваемого периода было совсем не так мало. В межвоенный период на эффективности спецслужб

США особенно негативно сказывалось отсутствие аналитических подразделений. Концепция видов вооруженных сил не предусматривала ведение стратегической разведки для обеспечения президента страны информацией, а должна была лишь обслуживать собственные ведомственные интересы, но даже с этой задачей органы военной разведки не справились. Политической разведывательной службы в США тоже не существовало, и хотя Отдел исследований и анализа (РА) государственного департамента выполнял некоторые ее задачи, они являлись не оперативными, а исключительно информационными. Отсутствовал также какой-либо орган, координировавший работу существовавших в этот период Отдела военной разведки штаба армии (МИД) и Бюро военно-морской разведки (ОНИ), а также военных и военно-морских атташе и служб криптографии и радиоразведки, представлявших собой наиболее успешно действовавшую ветвь спецслужб США. В правительственных и военных кругах роль и место тайных операций совершенно недооценивались, а иногда и вовсе понимались абсолютно превратно. Так, один из командующих флотом на вопрос о постановке разведки в его соединении ответил, что таковая ему не требуется ввиду отсутствия на кораблях коммунистов. Некоторые историки приводят этот эпизод в качестве анекдота, свидетельствующего о недомыслии ограниченного адмирала, однако это не вполне соответствует истине, поскольку с 1931 года руководимая капитаном 1-го ранга Хэйном Эллисом морская разведка действительно начала осуществлять наблюдение за коммунистами, пацифистами, левыми студентами и профессиональными союзами.

Зато организационная структура военной разведки не вызывала особых нареканий. Ее центральный аппарат представлял собой ряд подразделений:

- Административное отделение:
 - секция финансов;
 - секция кадров;
 - регистрационная секция;
 - секция координации работы;
 - секция переводов;
 - секция военных атташе и внешних связей (атташе подчинялись Административному отделению лишь в организационном отношении, а добываемая ими информация поступала в Разведывательное отделение);
- Разведывательное отделение (Основное отделение разведки. Обращает на себя внимание отсутствие подразделений, специализированных исключительно по Японии, Советскому Союзу и Германии):
 - секция Балкан и Ближнего Востока;
 - секция Британской империи;
 - секция Центральной Европы;
 - секция Восточной Европы;
 - секция Дальнего Востока;
 - секция Латинской Америки;
 - секция Западной Европы;
 - секция военно-воздушных сил
- Отделение боевых составов (создано перед войной);
 - секция ситуаций;
 - секция рассылки разведывательной информации;
 - секция полевого персонала (анализ информации, поступающей от сотрудников МИД, в том числе военных атташе);
 - группа координации работы собственных секций;
- Отделение контрразведки:
 - секция внутренней разведки;
 - секция расследований;
 - секция разведки на заводах (безопасность военных предприятий);
- Отделение планирования и обучения;
- Отделение цензуры, 5 декабря 1941 года переименованное в Отделение военной информации.

Помимо перечисленных подразделений, непосредственно директору военной разведки, бывшему военному атташе в Великобритании бригадному генералу Шерману Майлсу подчинялась занимавшаяся подрывной пропагандой Группа специального изучения. За пре-

делами Вашингтона МИД располагал отделениями в Нью-Йорке, Новом Орлеане и Сан-Франциско. Военные атташе Соединенных Штатов были аккредитованы в 50 столицах, а их аппарат насчитывал 136 человек. Структура управления являлась достаточно разветвленной и неплохо продуманной, однако вследствие перечисленных причин она отнюдь не обеспечивала получение военным командованием достоверной и полной информации.

Довольно сложный, хотя и недолгий путь прошла тесно связанная с МИД военно-воздушная разведка. Ее истоки восходят еще к гражданской войне Севера и Юга, в которой принимала участие аэростатная служба. Она имела на вооружении 7 аэростатов наблюдения, на которых могли подниматься 8 обученных аэронавтов, и была распущена в 1863 году. Вновь воздушная разведка потребовалась Соединенным Штатам Америки во время войны с Испанией, в ходе которой единственный на Кубе аэростат с двумя наблюдателями совершил два подъема. Второе подразделение воздушной разведки проходило подготовку в Тампе, Флорида, но ввиду окончания боевых действий было расформировано.

После создания в 1907 году авиационного подразделения в составе войск связи армии США и выводе его оттуда в 1913 году военная разведка, казалось бы, должна была заинтересоваться появлением нового средства осуществления своих задач. Тем не менее, этого не произошло ни в самих США, ни в составе экспедиционных сил на европейском ТВД. Зато армейская разведка взяла на себя вторую группу задач воздушной разведки — сбор, оценку, обработку и рассылку сведений о военной авиации противника, для чего в марте 1918 года сформировала в своем составе 7-ю подсекцию (по системе штабных обозначений G-2-A-7) во главе с лейтенантом Прентисом М. Терри. Позднее его сменил майор С. Ф. Томпсон. В G-2-A-7 имелось пять подразделений:

- Секция допросов пленных;
- Секция боевых расписаний ВВС;
- Секция целей для бомбометания;
- Техническая секция (вопросы конструирования, производства и технического обслуживания самолетов противника);
- Секция активности ВВС противника (стратегия и тактика, обучение, эффективность операций собственной авиации).

Несмотря на внешне впечатляющую организационную структуру, ее штатное обеспечение было минимальным. В прототипе будущей разведки военно-воздушных сил служили всего 7 офицеров и 16 рядовых, что, естественно, не позволяло им эффективно выполнять возложенные на них задачи в полном объеме.

Подсекцией G-2-A-7 дело не ограничилось. Вплоть до начала 1930-х годов в Соединенных Штатах доминировала теория, согласно которой авиационная разведка являлась предметом собственной заботы летчиков и к общей военной разведке имела весьма отдаленное отношение. МИД соглашался получать от Службы авиации информацию, однако был убежден, что профессиональные летчики лучше справятся с собственными разведывательными задачами, чем специально обученные армейские офицеры генерального штаба. Военная разведка соглашалась оставить за собой лишь проведение допросов военнопленных и осуществление воздушного наблюдения, а от все остального попыталась избавиться как от несвойственных ей задач. Авиаторы особо не протестовали, поскольку тоже предпочитали видеть в своих частях на разведывательных должностях летчиков, а не генштабистов. Поэтому в составе Службы авиации приказом № 21 от 13 августа 1917 года была сформирована состоявшая из двух офицеров Информационная секция (ИСАС), формально дублирующая задачи G-2-A-7. Некоторое противоречие в датах не должно настораживать. Хотя подсекция МИД формально возникла позже ИСАС, это касалось только даты включения ее в организационно-штатную структуру и бюджет военной разведки. По убеждению руководства авиации, создание нового разведоргана позволяло ускорить процесс прохождения разведывательной информации к ее адресатам. Возможно, именно так в действительности и обстояло дело, но в первую очередь это происходило не из-за хорошей организации работы буквально символического по численности центрального аппарата, а благодаря введению в авиационных частях должностей офицеров по сбору и рассылке военной информации. Уже в конце сентября ИСАС была реорганизована в Информационный отдел, отвечавший за «сбор, подготовку и рассылку информации, представляющей интерес для Корпуса авиации, связь с Разведывательной секцией Генерального штаба Американских экспедиционных сил;

организация и надзор за авиационными офицерами по информации, прикомандированными к частям авиации”⁴⁰⁴. ИСАС состояла из шести подразделений:

- статистики;
- библиотечного;
- общей информации;
- издательского и исследовательского;
- производственного;
- исторического.

Штат секции за короткое время вырос до 10 офицеров, 30 рядовых и 3 гражданских служащих.

Авиационной разведкой в США занимались и другие структуры. В декабре 1917 года капитан Эрнст Л. Джоунс создал в Париже в составе возглавляемой им Учебной авиационной секции разведывательное подразделение авиации АЕФ, вскоре официально названное Разведывательным отделением. 28 марта 1918 года оно получило право вести разведку в интересах всей Службы авиации США и, в частности, для ИСАС.

Любопытно, что связисты заинтересовались авиационной разведкой намного раньше летчиков и генштабистов. Уже в марте 1917 года командир Отделения воздухоплавания войск связи подполковник Джон Б. Беннет усмотрел в самолетах средство воздушной разведки, способное превзойти по эффективности аэростаты. Он предложил создать Бюро армейской авиации и получил разрешение сформировать при нем небольшое подразделение, командиром которого стал капитан Эдуард С. Горрелл. Летчики должны были осуществлять воздушную разведку, а бюро — собирать, систематизировать и распространять собираемую ими информацию. В июне 1917 года авиагруппа стала Самолетным отделением все того же Отделения воздухоплавания, а бюро превратилось в его Разведывательную секцию, начальником которой был назначен майор Генри Х. Арнольд. Задачи этого органа существенно расширились и стали включать в себя сбор и учет абсолютно всех имеющих отношение к авиации данных любого происхождения, а также издание соответствующих обзоров. 1 октября того же года Самолетное отделение стало Воздушным отделением войск связи, в число 15 секций которого вошла Разведывательная секция, переименованная в Информационную. Ее начальником был назначен капитан Гарольд С. Кэнди, а Джоунс уже в звании капитана возглавил Разведывательное отделение Учебной авиационной секции в Париже.

Войска связи со вниманием относились к развитию воздушной разведки, и в начале 1918 года Воздушное отделение было реорганизовано в Отделение военной аэронавтики (ДМА). 21 мая статус Информационной секции был повышен, и она стала Разведывательным отделением Исполнительной секции ДМА, а еще через 2 месяца — Информационным отделением по аэронавтике. К концу года оно состояло из 5 подсекций:

- добывания;
- секретной информации, гласности и цензуры;
- статистики;
- канцелярии;
- вспомогательной и бюллетеней генерального штаба.

В ходе Первой мировой войны задачами Информационного отделения по аэронавтике являлись: сбор и рассылка информации об отечественной и иностранной авиационной деятельности, в том числе противника; составление библиотеки и пополнение единиц хранения и картотеки; организация связи с АЕФ, иностранными правительствами и собственными ведомствами, а также цензура публикаций и фотоснимков об авиации. Как видим, уставные задачи отделения простирались довольно далеко от характерной сферы деятельности войск связи.

Оперативный отдел Корпуса авиации имел в своем составе Информационную группу, занимавшуюся получением информации от военной разведки и иностранных военных миссий в США. В 1919 году в ней было организовано Специальное отделение для сбора и рассылки информации, работы с прессой и ведения переписки с конгрессменами и относительно муниципальных аэропортов.

Некоторое отношение к авиационной разведке имел и созданный в Вашингтоне с разрешения Совета национальной обороны Исследовательский информационный комитет (РИК). В начале 1918 года он был совместно образован военным и военно-морским министерствами для взаимодействия с союзниками в научной, технической и промышленной

областях. Через свои филиалы в Париже и Лондоне комитет, в сотрудничестве с военной и военно-морской разведками, должен был получать, классифицировать и рассылать информацию, прежде всего в военной области. 29 мая 1919 года в связи с окончанием союзнических взаимоотношений РИК стал Исследовательской информационной службой под управлением Национального исследовательского совета.

Перечисленные структуры военного периода были порождены лихорадочными попытками придать хоть какую-то систему такому совершенно новому боевому средству, как воздушная разведка, и одновременно обеспечить Корпус авиации необходимой ему информацией. Мирное время требовало совершенно иного, более спокойного и взвешенного подхода. В 1921 году американская военная авиация еще не стала самостоятельным видом вооруженных сил, поэтому на ней в полной мере отразилась предпринятая реорганизация генерального штаба армии. Штат Информационного отделения (по системе кодовых обозначений А-2) был сокращен, а собираемая им информация систематизирована и разбита на три группы:

1. Использование авиации в войне, включая организацию военно-воздушных сил государств мира, организацию их технического обслуживания и комплектования кадрами.

2. Применяемые в авиации технические решения.

3. Прочее.

В 1925 году в составе отделения была организована Секция военной разведки, отвечавшая за связь с Секцией сбора информации МИД (МИ-5).

2 июля 1926 года было принято решение о том, что “Информационное отделение остается на уровне координационного штаба вновь созданного Бюро командующего авиацией (ОКАК) как двойник отделения военной разведки генерального штаба военного министерства”⁴⁰⁵. В декабре его разделили на 4 подразделения:

— Секция воздушной разведки (преемница подсекции МИД G-2-A-7), ответственная за получение, оценку и рассылку иностранной и внутренней информации по авиации, а также обслуживание библиотеки;

— Секция фотографирования;

— Издательская секция (бюлетени и карты);

— Секция связи с прессой (преемник Специального отделения Информационной группы).

Попытка следующей реорганизации системы авиационной разведки США состоялась в начале 1930-х годов и фактически не была санкционирована никем. Мотивируя свои действия неудовлетворительным уровнем поступающей в Тактическую секцию информации, Отделение планирования Бюро командующего авиацией (ОКАК) перехватило функции по сбору, обработке, оценке, анализу и рассылке авиационной разведывательной информации, фактически оставив без работы Информационное отделение. Его начальник подполковник Уолтер Р. Уивер немедленно бросился в схватку и получил поддержку командующего авиацией, пресекавшего самоуправство плановиков. Разведчики вернули себе едва не утраченные позиции и по-прежнему занимались сбором и рассылкой авиационной разведывательной информации о зарубежных странах и об американской военной авиации и координацией работы с государственным департаментом и военной разведкой.

Структура Информационного отделения выглядела следующим образом:

— Административная секция;

— Разведывательная секция;

— Картографическая секция;

— Секция связей с общественностью;

— Секция фотографии;

— Библиотечная секция.

В середине 1934 года на Информационное отделение возложили ряд дополнительных функций, в частности, сбор сравнительной информации о вооружении, летном составе, бюджетах, общей организации ВВС США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Эту масштабную задачу решала крайне малочисленная Разведывательная секция, штат которой на протяжении ряда лет состоял из офицера и 2 — 3 гражданских служащих, а ведь на нее еще возлагались и обязанности по организации контрразведки. Уже по одному этому легко заключить, что авиационная разведка Соединенных Штатов была структурой скорее условной, чем действующей. Это подтверждается мнением вполне компетентного лица, бывшего

командующего ВВС США генерала Арнольда: “Оглядываясь на прошлое, я осознаю, что одной из расточительных слабостей нашей общей схемы являлось отсутствие соответствующего органа авиационной разведки”⁴⁰⁶. Генерал, в частности, вспоминал, что получил сведения о новом германском бомбардировщике от журналиста, тогда как в разведке о нем не имели никакого представления. Вообще следует констатировать, что вплоть до вояжа по Соединенным Штатам известного изоляциониста Чарльза Линдберга американские спецслужбы находились в полном неведении о люфтваффе. На эту ситуацию не смогла повлиять даже гражданская война в Испании. А разведку целей для стратегических бомбардировок, составлявшую основу авиационной разведки, США не вели вплоть до своего вступления во Вторую Мировую войну.

Пронацистская пропаганда Линдберга, при всех ее преувеличениях и негативной политической направленности, сыграла и позитивную роль. В 1939 году собранный за неделю до начала войны Совет по авиации принял решение усилить роль авиационной разведки и разделить ее информацию по трем категориям:

- необходимую командующему авиацией и его помощнику для стратегического планирования в свете конкретных военных приготовлений на ТВД;
- необходимую для технического планирования в целях обеспечения американского лидерства в производстве самолетов, их летно-технических характеристик и тактического применения;
- необходимую для конкретного тактического планирования и его выполнения.

На этом же заседании совета было принято решение возложить ответственность за сбор информации на армейских разведчиков, а на ее обработку — на авиационных. Поскольку этот орган являлся совещательным, он принял решение рекомендовать авиаторам продолжить ведение военно-технической и научно-технической разведки, собирать информацию о тактике воздушных операций и использовании авиации в целях ПВО. Все остальное должно было оставаться прерогативой МИД, авторитет которого в стратегической, политической и экономической областях признавался более высоким. Военная разведка должна была также подбирать цели для стратегических бомбардировок и оценивать ожидаемый эффект от нанесения ударов по ним. Такое разделение обязанностей в сентябре 1939 года казалось соломоновым решением, однако на деле оно заложило основу для антагонизма между G-2 и A-2 на ряд последующих лет. Противоречия между этими ветвями разведки особенно обострились в условиях усиления напряженности конфликта в Европе. Как только в МИД замечали попытки авиаторов собирать информацию за пределами четко ограниченной сферы или создать свои каналы ее получения, то немедленно и весьма жестко пресекали их. Военная разведка не обладала особым авторитетом в министерстве, что, возможно, провоцировало резкую реакцию ее руководства на возможное дальнейшее ущемление ее прав. Конфликты такого рода произошли в сентябре 1939 и в мае 1940 годов, и в итоге МИД был вынужден уступить. Майлс согласился на некоторые условия авиаторов и вынужден был позволить им самостоятельно осуществлять контакты со всеми ведомствами, кроме государственного департамента и военно-морских сил. Однако в области работы по сбору информации генерал оставался непоколебим, несмотря на крайне скромные возможности в этой области подчиненного ему органа. Созданная фактически в сентябре 1939 года, а юридически в апреле 1940 года Секция военно-воздушных сил Разведывательного отделения МИД постоянно страдала от нехватки квалифицированного персонала. Ее задачи были не слишком широки и включали координацию работы по сбору сведений, относящихся к военной авиации и обслуживанию схемы информирования командования о результатах воздушных операций (которые ввиду нейтрального статуса США пока что не проводились). Руководителем секции являлся единственный офицер военной разведки с авиационным образованием майор Эннис С. Уитхэд, ранее возглавлявший работу военной разведки по югу Европы. В течение четырех месяцев у него имелся, мягко говоря, скромный штат в лице единственного подчиненного, лейтенанта Марвина Л. Хардинга. Такие скромные ресурсы весьма тормозили разведывательную работу в области авиации. Видя такое положение, в июле 1940 года разведка Корпуса авиации направила на помощь МИД свою квалифицированную сотрудницу Ирму Г. Робинсон, ставшую третьим работником секции. В конце лета 1940 года единственный офицер Секции военно-воздушных сил со специальным образованием майор Уитхэд был произведен в чин подполковника и в связи с этим получил иное назначение. Ему на смену пришел подполковник Джек С. Ходжсон, положение которого несколько улучшилось ввиду

увеличения штата подразделения. Теперь секция насчитывала 5 офицеров, 3 аналитиков и 4 стенографисток, но этого все равно было недостаточно. Руководство МИД осознавало свою слабость на этом направлении и предложило командованию авиации направить на службу в разведку нескольких офицеров, однако встретило решительный отказ. Арнольд выдвинул встречное предложение передать Секцию ВВС в А-2, как и ожидалось, оставленное Майлсом без внимания.

Указанные споры и конфликты осенью 1940 года заставили командование Корпуса авиации несколько реорганизовать свою разведку. 1 декабря был подписан приказ, в соответствии с которым с января 1941 года Информационное отделение становилось Разведывательным отделением. Его структура теперь была следующей:

- Секция внутренней разведки (контрразведывательная);
- Секция оценок;
- Административная секция;
- Картографическая секция;
- Секция внешней разведки;
- Секция связей с общественностью.

В августе 1940 года Секция внешней разведки стала именоваться Секцией авиационной разведки, а Секция внутренней разведки — Контрразведывательным подразделением. Направление развития разведоргана Корпуса авиации было выбрано верно, но его темпы явно оставляли желать лучшего. К примеру, Секция внешней разведки долгое время не имела начальника, а ее штат состоял лишь из двух офицеров и трех рядовых. Укомплектованность авиационной разведки вообще была крайне неудовлетворительной. Летом 1941 года в ней при фактической численности 54 офицера и 127 гражданских служащих некомплект составлял соответственно 87 и 305 человек⁴⁰⁷, то есть 62% и 71%. В Секции внешней разведки на бумаге значились подразделения текущей разведки, внешних связей и оперативного планирования, однако из-за нехватки специалистов ее основным источником информации являлись публикации в газете “Нью-Йорк Таймс”. На этом работа по организации авиационной разведки США застыла вплоть до вступления страны во Вторую Мировую войну.

Как всегда в военных ведомствах, отсутствие реальных результатов работы отнюдь не уменьшило бумажный поток в обоих сотрудничающих и соперничающих разведывательных органах. Именно это и послужило причиной параллельного, затяжного и ожесточенного конфликта между ними. 11 ноября 1939 года военное министерство своим приказом установило, что любые материалы военной разведки, за исключением имеющих гриф “Возражений против публикации в служебных журналах не имеет”, могут рассылаться исключительно с согласия помощника начальника генерального штаба армии — директора МИД. Следует признать, что такое ограничение имело под собой серьезные основания. Американская система работы с информацией предусматривала наличие в документах довольно конкретных ссылок на источники, легко компрометировавшиеся в случае расклевывания. В связи с этим уровень секретности публикаций не мог устанавливаться ниже уровня секретности исходного документа, а это заведомо исключало из списка адресатов материалов большинство нижестоящих штабов авиационных частей. В результате важная информация, в том числе сведения о развитии материальной базы ВВС иностранных государств, их организации и тактических приемах, не попадала именно к тем, кто являлся ее конечным потребителем. Фактически и без того не налаженная система авиационной разведки работала вхолостую. В рассматриваемый период командующий авиацией имел одинаковый с директором военной разведки ранг и потому не мог использовать в отношениях с ним свой авторитет. Начальник же Информационного отделения Корпуса авиации занимал намного более низкую иерархическую ступень и потому права голоса в этих спорах вообще не имел. Однако именно он отвечал за порученный ему участок работы и потому решился на достаточно смелый шаг. Он убедил своего командующего попытаться сломать сложившуюся ситуацию, в результате чего 1 марта 1940 года генерал Арнольд получил разрешение изготовить 1 — 2 копии наиболее существенных материалов МИД на свой выбор и разослать их на места. Позднее разрешение тиражировать разведывательные материалы было увеличено до 5 копий.

Майлс терпел такую самодеятельность авиаторов недолго. Весной 1941 года он созвал совещание G-2 и A-2, на котором среди других вопросов обсуждалась юрисдикция обоих разведорганов. МИД более всего опасался компрометации документов, исходивших от военных атташе США в различных государствах, а также от национальных органов стратеги-

ческого военного планирования, военного министерства и ряда других правительственных учреждений. Именно это, по мнению начальника разведки, и должно было неизбежно произойти в результате не контролируемого им тиражирования грифованных информационных документов в А-2 и их рассылки в авиационные командования. Майлс потребовал от Арнольда строго соблюдать установленные правила, не допускать никаких исключений из них и вообще ограничить деятельность своей разведки областью технической и тактической информации, имеющей непосредственное отношение к авиации. Следствием такого подхода являлся фактический запрет на информирование командования и штабов авиационных соединений об организации, дислокации, вооружении, боевой готовности и эффективности действий авиации и наземных войск потенциальных противников, причем в явном преддверии войны. Авиаторы вполне осознавали свои информационные потребности и не могли удовлетвориться фактическим поражением на совещании. Арнольд обратился к начальнику штаба армии США Джорджу Маршаллу с требованием предоставить разведке Корпуса авиации право самостоятельно рассылать в подчиненные части и соединения любую грифованную информацию. Положительное решение от 4 июля 1941 года отменило нелепый запрет. Он оставался в силе исключительно для документов, содержащих прямое указание директора МИД о недопустимости рассылки, а таковых было сравнительно немного.

Добиться этого лояльного отношения помогли не столько соображения разумной целесообразности и здравый смысл, сколько повышение статуса военной авиации США в результате предпринятой 20 июня 1941 года ее реорганизации. Корпус авиации переформировывался в военно-воздушные силы (пока еще в составе армии) и отныне делился на три основных компонента: штаб ВВС, корпус авиации (ведавший вопросами эксплуатации техники, ее материально-техническим обслуживанием и научными разработками) и боевое командование ВВС. Это означало, что военная авиация еще не приобрела равные права с армией и флотом, но уже вплотную приблизилась к ним. Зато вновь оживились споры военных и авиаторов о юрисдикции своих разведорганов, и осенью в застарелом конфликте наметился некоторый сдвиг. 10 сентября Арнольд согласился на предложение Майлса относительно разделения сфер ответственности G-2 и А-2. В соответствии с достигнутой договоренностью, МИД должен был выпускать все информационные документы по авиационному направлению, а разведчики ВВС оценивали получаемые от него технические и тактические материалы и составляли информационные документы по этому кругу вопросов. Они также занимались получением технической и иной необходимой ВВС информации от собственных источников, однако за рубежом могли делать это только по каналам военной разведки. На первый взгляд, последнее выглядело как существенная уступка МИД, но в действительности все обстояло иначе. Генерал Арнольд не желал продолжения конфликтов и сумел дипломатично уйти от них, одновременно сохранив и даже приумножив самостоятельность своей разведки. Понятие «иной необходимой ВВС информации» было достаточно растяжимо для включения в него практически всех интересующих авиаторов вопросов, а согласование с МИД ограничивалось запросом о наличии у военной разведки необходимых данных. В случае отрицательного ответа А-2 самостоятельно изучала проблему на вполне законных основаниях. Зато достигнутое соглашение предоставило ВВС давно ожидаемое право выхода на военных атташе США в иностранных столицах и правительственные органы без подключения МИД как промежуточной инстанции.

Помимо армии и ВВС, военно-морские силы также располагали собственным разведорганом — Бюро военно-морской разведки (ОНИ). Оно действовало в тесном контакте с Бюро разведки морской пехоты, причем флот обеспечивал стратегической информацией оба ведомства, а морская пехота ограничивалась ведением тактической разведки в собственных интересах. По системе кодовых обозначений подразделений ВМС ОНИ именовалось ОП-16. В июне 1938 года его центральный аппарат насчитывал 60 офицеров и около 100 рядовых и вольнонаемных специалистов, без учета радиоразведчиков. До настоящего времени внутренняя структура бюро не оглашается. О ней известно лишь то, что вначале она носила оперативно-территориальный характер, а затем была реорганизована в функциональную. Отделения морской разведки имелись в каждом военно-морском районе и в командованиях основных флотов, ей подчинялись также военно-морские атташе, зарубежные наблюдатели и офицеры связи. Согласно действовавшим положениям, директор морской разведки имел полномочия собирать, оценивать и рассылать информацию, касающуюся вооружения, тактики и статистических данных о противнике, однако не мог давать оценку его намерений,

которая считалась компетенцией Отдела военного планирования. Такая раздробленность функций существенно снижала разведывательные возможности ВМС.

Важным направлением работы разведки ВМС являлась так называемая “особая деятельность”, включавшая в себя производство расследований в области безопасности. С сентября 1939 года за нее отвечало Отделение безопасности ОНИ, агенты-нелегалы которого раньше всех в США вплотную столкнулись с японской разведкой. ВМС вообще были единственным видом вооруженных сил, хоть что-то знавшим о Японии, чем не могли похвастаться ни МИД, ни разведка ВВС.

Ряд гражданских ведомств также обеспечивал некоторые направления разведывательной работы. Казначейство Соединенных Штатов имело в своем составе образованное 25 марта 1938 года Отделение валютных исследований с Секциями иностранной коммерческой политики, международной статистики и зарубежного обмена и контроля. Они не вели оперативную работу, однако собирали и обрабатывали разведывательную информацию по финансовым вопросам силами разветвленного аппарата своих представительств в Берне, Каире, Лиссабоне, Лондоне, Маниле, Нанкине, Париже, Риме, Стокгольме, Шанхае и Чунцине.

29 ноября 1940 года в государственном департаменте было организовано Отделение сопоставления иностранной активности, под совершенно обтекаемым и ничего не значащим наименованием которого скрывалось подразделение, предназначенное, в частности, для отслеживания подрывной и разведывательной деятельности третьих стран в местах размещения дипломатических представительств США. Естественно, эта работа велась исключительно с дипломатических позиций. С момента создания отделения в 1940 году по 1944 год его возглавлял Джордж Гордон, с 1944 по 1946 годы — Фредерик Лайон, а с 1946 и по концу существования этого подразделения в 1947 году — Джек Нил. Отделение курировал помощник государственного секретаря Адольф Берл. Кроме того, 21 июля 1941 года в госдепартаменте было образовано Отделение разведки мировой торговли, задачи которого ясны из названия.

Федеральная комиссия по связи (ФКК) 1 июля 1940 года создала в своем составе Отдел радиоразведки (РИД), под которой в данном случае понималась засечка нелегальных радиостанций противника на территории США и прослушивание их радиообмена со своими странами через станции в Вашингтоне, Сан-Франциско и Гонолулу.

В Соединенных Штатах была предпринята попытка систематизировать извлечение информации из открытых сообщений потенциальных противников, первоначально порученная негосударственному агентству. В ноябре 1939 года в Принстонском университете на деньги “Фонда Рокфеллера” был организован Центр прослушивания, осуществлявший систематический прием, перевод и анализ радиовещания из Берлина, Лондона, Парижа, Рима и отчасти Москвы. В дальнейшем, по мере закрытия посольств США в захватываемых Германией государствах, поток информации в Вашингтон по дипломатическим каналам заметно иссяк. Тогда помощник государственного секретаря Брекинридж Лонг вспомнил о возможности черпать сведения из иностранного радиовещания и обратился к руководителю Федеральной комиссии по связи Джеймсу Л. Флаю с просьбой организовать этот процесс. 26 февраля 1941 года в ФКК для этой цели была создана Служба прослушивания иностранного радиовещания (ФБМС), предназначенную для прослушивания, записи, перевода и анализа открытых сообщений иностранных государств. В ее структуре имелись отделения: анализа; прослушивания; новостей; разведки и рассылки данных, а также станции приема сообщений в Вашингтоне, Портленде, Калифорнии и Техасе. Центр прослушивания Принстонского университета также включился в эту работу. Через год статус ведомства повысился, оно стало именоваться Федеральной службой разведки радиовещания (ФБИС). Эта деятельность не нарушала действующее законодательство, поскольку перехватываемые сообщения отправлялись в эфир для всеобщего сведения и лишь обрабатывались аналитиками для составления разведывательных бюллетеней. 18 ноября 1941 года ФБМС распространила первый из своих ежедневных отчетов, а 6 декабря, за сутки до атаки на Перл-Харбор, составленная ведомством первая аналитическая сводка отмечала: “Японское радио усиливает свой дерзкий, враждебный тон; по контрасту с ранними периодами тихоокеанской напряженности, “Радио Токио” не призывает к миру. Оценки Соединенных Штатов становятся все резче и сильнее; вещание проводится не только на нашу страну, но и на Латинскую Америку и Юго-Восточную Азию”⁴⁰⁸.

В предвоенный период Франклин Рузвельт, возможно, являлся одним из немногих государственных деятелей своей страны, понимавших роль и значение политической разведки, а уж нуждался он в ней острее всех. Однако президент Соединенных Штатов отнюдь не всегда волен поступать, как ему вздумается, он связан жесткими рамками конституции, ограничениями федерального бюджета и должен доказывать правильность своей позиции далеко не всегда разделяющим ее конгрессменам и сенаторам. Именно поэтому в предвоенный период Рузвельту пришлось прибегнуть к услугам неофициальных и довольно дилетантских разведывательных структур, но и это было лучше, чем ничего. Одной из таких неформальных служб стало лично им финансируемое нью-йоркское секретное общество “Рум”, ставившее своей целью оказание разведывательной, а с 1939 года и контрразведывательной помощи правительству. В него входили виднейшие ученые, предприниматели и политики Соединенных Штатов, среди которых были Винсент Астор, Кермит Рузвельт (племянник бывшего президента Теодора Рузвельта), Дэвид Брюс и другие известные лица. Деятельность “Рум” главным образом была направлена на разведку военно-морских баз Японии на Тихом океане, изучение ситуации в Перу и Карибском бассейне, отслеживание ситуации в зоне Панамского канала и на мексиканской границе. Позднее к ней добавилось негласное изучение финансовых документов структур, подозревавшихся в прикрытии диверсионной и разведывательной деятельности стран “оси”. Кроме того, Астор возглавлял телеграфную компанию “Вестерн Юнион” и, в нарушение строгих требований “Закона о радиокommunikациях”, принял на себя риск предоставления для дешифровки текстов телеграмм иностранных миссий.

Личная разведка Рузвельта включала еще одну возникшую в 1941 году неформальную структуру с бюджетом в 94 тысячи долларов. Ее возглавлял друг президента Франклин Картер, пытавшийся в пределах своих весьма ограниченных возможностей охватить все вопросы, имевшие, по его мнению, отношение к национальной безопасности. Результат этих усилий явно не соответствовал замыслу и оказался достаточно скромным.

Список негосударственных специальных служб был бы неполон без упоминания частного разведывательного общества, возглавляемого президентом компании “Пирене” Уоллесом Бантом Филлипсом, на которого работали исключительно дилетанты, энтузиасты тайной деятельности из среды бизнесменов, журналистов и ученых. Позднее он отзывался об их агентурных достижениях в СССР, Франции, Румынии, Болгарии, Турции, Сирии, Египте, Афганистане, Иране и Мексике в самых восторженных тонах, хотя внимательное изучение списка реальных достижений общества не дает основания для такой оценки. Первоначально Филлипс финансировал работу из собственных средств, позднее это бремя взяла на себя морская разведка.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что основной проблемой системы американской разведки являлось именно отсутствие системы как таковой. Информация поступала в различные разведывательные органы США более или менее регулярно, но подразделения, централизовавшие эти данные и готовившие единые информационные документы, не существовало. Именно это, как показали позднейшие слушания в конгрессе, и явилось одной из существенных причин, приведших Соединенные Штаты к трагедии Перл-Харбора 7 декабря 1941 года.

2. КОНТРАЗВЕДКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Безопасность государства в контрразведывательном отношении обеспечивали две военные и несколько гражданских федеральных (то есть не относящихся к юрисдикции какого-либо одного штата) структур. Старейшей из них являлась входившая в состав казначейства Секретная служба, созданная 7 июля 1865 года для борьбы с подделками денежных знаков. Через два года ее юрисдикция была значительно расширена, а после убийства в 1901 году президента США Уильяма Мак-Кинли Секретная служба вначале неофициально, а с 1902 года и официально стала охранять первое лицо в государстве. Четыре года спустя конгресс принял решение с 1907 года официально финансировать охрану президента из федерального бюджета. В 1915 году президент Вильсон возложил на казначейство обязанности расследования случаев шпионажа силами Секретной службы, для чего руководивший ей с 1912 года Уильям Дж. Финн сформировал в Нью-Йорке подразделение численностью 11 человек. Од-

нако продолжалось это недолго, и позднее вклад Секретной службы в контрразведывательную деятельность был законодательно ограничен исключительно областью непосредственной угрозы президенту Соединенных Штатов и другим охраняемым лицам.

Первоначально Секретная служба США по запросам министерства юстиции выделяла своих агентов для расследования нарушения федеральных законов, но 26 июля 1907 года по инициативе президента Теодора Рузвельта генеральный прокурор (он же министр юстиции) Чарльз Бонапарт изменил эту практику. Он сформировал постоянную группу так называемых специальных агентов в качестве подчиненного только ему следственного подразделения министерства юстиции, 16 июня 1909 года официально получившую название Бюро расследований (БР). Первым директором Бюро стал Стэнли Финч, 30 апреля 1912 года его сменил Александр Беласки. Вообще-то Рузвельт желал иметь персональную следственную группу и предполагал создать совершенно другую структуру, однако этому воспротивились конгрессмены. Они не без оснований опасались чрезмерного усиления исполнительной власти, и президенту пришлось ввести БР в состав министерства юстиции на правах одного из подразделений, каковым оно является и по настоящее время.

Бюро рассматривало главным образом случаи злостного банкротства, нарушения анти-трестовского законодательства и закона о нейтралитете в период Первой мировой войны, но позднее президент возложил на него ответственность за борьбу со шпионажем, диверсиями, мятежами, а также подделками чеков и угоном автотранспорта. С этого времени практически закончился период работы БР по исключительно финансовым преступлениям. 6 апреля 1917 года, после вступления США в Первую мировую войну, Бюро занялось арестами и интернированием находившихся в Соединенных Штатах подданных враждебных государств.

В течение всего этого периода деятельность БР особо не рекламировалась, поскольку американцы традиционно с недоверием относились к любым федеральным органам, особенно обладавшим полицейскими и карательными функциями. Конституция не позволяла засекретить факт существования Бюро, поэтому правительство просто старалось минимально афишировать его деятельность. Она протекала в относительном безмолвии и строилась на системе возглавлявшихся суперинтендантами “полевых” (территориальных) отделений, в 1920 году располагавшихся в Нью-Йорке, Балтиморе, Цинциннати, Атланте, Чикаго, Канзас-Сити, Сан-Франциско, Сан-Антонио и Портленде. Штат БР насчитывал 650 служащих, из которых 441 имели ранг специального агента⁴⁰⁹. С 10 февраля по 30 июня 1919 года обязанности директора Бюро расследований исполнял Уильям Аллен, его сменил бывший начальник Секретной службы Уильям Флинн, 22 августа 1921 года передавший свои полномочия последнему относительно незаметному руководителю БР Уильяму Бернсу.

В этот период Бюро расследований оказалось вовлеченным в серию весьма неприглядных акций, проведенных по указанию генерального прокурора Митчелла Палмера. В июне 1919 года неизвестный пытался бросить бомбу в его дом, но успеха не добился и погиб при взрыве. При изучении тела террориста полиция обнаружила листовки, дававшие основание сделать вывод о причастности к покушению радикальных элементов. Палмер решил использовать этот случай для нанесения окончательного удара по левым силам и приказал БР провести серию налетов на их помещения. Помимо официальных должностных лиц, в акции участвовали и экстремистски настроенные добровольцы, не имевшие вообще никакого правового статуса. В результате тысячи людей были брошены в тюрьмы без всякого на то основания, причем условия их содержания там часто нельзя было признать сколь-нибудь человеческими. Первоначально общественность одобрительно отнеслась к этим актам государственного политического террора, но вскоре общественное мнение кардинально переменялось. Раздражение и критика действий генерального прокурора и Бюро расследований становились все острее и перешли в требования отставки Палмера и роспуска БР. Предлагалось передать функции Бюро Секретной службе, но новый генеральный прокурор Харлан Фиск Стоун поступил иначе. Он распустив существовавшее в составе Бюро расследований Отделение общей разведки, а также потребовал неукоснительного соблюдения законов США во всех случаях деятельности любых правоохранительных органов. Позднее Стоун оценил роль БР в период “рейдов Палмера” следующим образом: “Организация являлась незаконной, производила множество действий, не имевших какого-либо обоснования в федеральных законодательных актах, и была вовлечена в многочисленные крайне грубые и тиранические акции”⁴¹⁰. Новый генеральный прокурор уволил Бернса и назначил на его

место известного своей честностью и административными способностями 29-летнего бывшего начальника распущенного Отделения общей разведки Джона Эдгара Гувера. С 10 мая 1924 года он возглавил Бюро, вначале на временной основе, а через семь месяцев уже на постоянной, и руководил им в течение 48 лет, до самой смерти в мае 1972 года.

Новый 29-летний директор буквально революционизировал Бюро расследований. Он взялся за повышение профессионализма персонала, расчистил штат от некомпетентных, коррумпированных сотрудников и политических ставленников и отказался от системы продвижений по службе согласно выслуге лет, отныне принимая во внимание исключительно уровень и качество работы. Гувер установил новые стандарты найма на службу в Бюро, куда отныне зачислялись люди с юридическим или финансовым образованием в возрасте от 25 до 35 лет. Вновь нанимаемые агенты должны были проходить серьезную физическую подготовку и сдавать многочисленные экзамены, чтобы соответствовать установленным стандартам и правилам. Суперинтенданты стали именоваться “руководящими специальными агентами”, Бюро расследований создало собственную лабораторию судебной экспертизы и на тот период лучшую в мире идентификационную систему. В 1929 году его штат вырос до 658 специальных агентов и 1141 человека вспомогательного персонала⁴¹¹, число отделений увеличилось более чем втрое, а 1 июля 1932 года спецслужба была переименована в Бюро расследований Соединенных Штатов.

До начала 1930-х годов о БР в стране мало кто знал, что Гувера совершенно не устраивало. Воспользовавшись успехами Бюро в пресечении “гангстерских войн”, он развернул широкую кампанию по популяризации возглавляемого им ведомства, тщательно избегая при этом упоминаний о его политической направленности и акцентируя внимание на борьбе с криминалом. После 1933 года агенты БР получили право ношения оружия, тогда же президент Рузвельт уполномочил Бюро вести контрразведывательную деятельность совместно с разведывательными службами армии и флота. 1 июля 1935 года ведомство получило название Федерального бюро расследований (ФБР), которое носит до сих пор, а 29 июля того же года 23 студента поступили на первый курс вновь созданной академии ФБР. В 1938 году Рузвельт предложил ассигновать 50 тысяч долларов на контрразведывательную деятельность, однако неожиданно для него конгресс увеличил эту сумму в шесть раз. Трудно сказать, явилось ли увеличение бюджета причиной или следствием активизации ФБР, поскольку 1938 год являлся явно рубежным. Ранее Бюро ежегодно расследовало до 35 эпизодов шпионажа, в этом же году их было зафиксировано уже 634⁴¹². Федеральное бюро расследований до 1940 года ограничивало свои задачи в соответствии с собственным уставом и вело оперативную работу исключительно внутри страны. Числившиеся в штате посольств и миссий США по всему миру офицеры ФБР носили прозрачный титул “атташе по правовым вопросам” и занимались исключительно проблемами безопасности.

Летом 1939 года состоялось одобренное президентом соглашение ФБР, МИД и ОНИ о координации усилий в области контрразведки. Это своевременное и нужное решение натолкнулось на резкую реакцию со стороны прочих наделенных правом ведения оперативной работы федеральных ведомств. Они небезосновательно почувствовали себя оттесненными от вопросов борьбы с иностранным шпионажем и обвинили Гувера в узурпации власти и влияния в сфере обеспечения государственной безопасности. Однако взамен не была предложена ни одна альтернативная схема работы, а координация контрразведки в условиях надвигающейся войны в Европе действительно являлась жизненно важной задачей. Окончательным толчком к принятию такого решения явилось письмо генерального прокурора Фрэнка Мэрфи на имя президента от 17 июня 1939 года: “Мне хочется обратить Ваше внимание на важность расследований в области шпионажа, контршпионажа и саботажа. На протяжении некоторого времени неформальный комитет в составе представителей государственного департамента, казначейства, военного министерства, департамента юстиции, департамента почт и министерства ВМС действовал в качестве пункта сбора сведений или информации, касающейся этих вопросов. Такие сведения или информация затем передавались в один из следственных органов для дальнейших действий... Опыт показал, что обработка материалов в комитете... ни эффективна, ни желательна. С другой стороны, три упомянутых следственных органа не только накопили огромные запасы информации, касающейся операций иностранных агентств на территории Соединенных Штатов, но также усовершенствовали методы расследования и развили каналы обмена информацией, которые являются и эффективными, и настолько мобильными и гибкими, что допускают быстрый рост в критических случаях...

Я рекомендую отказаться от упомянутого выше межведомственного комитета и сконцентрировать расследования всех случаев шпионажа, контршпионажа и саботажа в Федеральном бюро расследований департамента юстиции, секции G-2 военного министерства и Бюро военно-морской разведки министерства ВМС. Директоры этих трех органов должны в этом случае действовать как комитет в целях координации деятельности своих подчиненных”⁴¹³. Соображения генерального прокурора не только выглядели разумными, но и являлись единственно конструктивными, поэтому Рузвельт проигнорировал абстрактные возражения и 26 июня 1939 года направил членам кабинета директиву: “Я требую, чтобы расследования во всех областях шпионажа, контршпионажа и саботажа контролировались и обобщались Федеральным бюро расследований министерства юстиции, Отделом военной разведки военного министерства и Бюро военно-морской разведки министерства ВМС. Директоры этих трех ведомств должны работать как комитет по координации их деятельности. Никакие правительственные следственные органы не должны проводить никаких расследований в делах, касающихся действительных или потенциальных случаев шпионажа, контршпионажа или саботажа, за исключением трех вышеупомянутых ведомств”⁴¹⁴. После выхода этой директивы положение перечисленных в нем служб настолько упрочилось, что в ОНИ даже возник новый самостоятельный отдел безопасности. Для улучшения координации действий трех уполномоченных на ведение контрразведывательной работы органов в Вашингтоне был сформирован Межведомственный комитет по разведке (ИИК), состоявший из руководителей ФБР, МИД и ОНИ, а также одного из старших сотрудников государственного департамента. Эта инстанция не пользовалась особым авторитетом, и руководители трех упомянутых оперативных органов вскоре прекратили посещать его заседания вплоть до обострения международной обстановки весной 1940 года.

Дж. Э. Гувер

В 1940 году Рузвельт предоставил ФБР право при наличии санкции генерального прокурора осуществлять электронное наблюдение за лицами, подозреваемыми в подрывной деятельности, в том числе за возможными иностранными агентами. Окрыленный таким успехом, Гувер попытался добиться разрешения на контроль международных каналов связи, но натолкнулся на противодействие Федеральной комиссии по связи (ФКК), рассматривавшей это как нарушение соответствующего федерального закона 1934 года. В попытках компенсировать такую неудачу ФБР при помощи англичан весьма эффективно развило систему негласной перлюстрации международных почтовых отправок.

Высокая общественная активность Гувера повлекла несколько неожиданные последствия. Осенью 1939 года воодушевленная его пропагандой широко известная общественная организация “Американский легион” еще до войны предложила генеральному прокурору Соединенных Штатов Роберту Джексону помощь в борьбе против подрывных и мятежных элементов. Легионеры намеревались создать в своих отделениях следственные группы и охватить сеть информаторов все важные объекты на территории страны. Крайне ревниво относившийся к любым попыткам подобного рода Гувер не мог не учитывать общественное мнение и потому был вынужден дать согласие на использование информации “Американского легиона”, хотя не верил в полезность этого шага. Однако он категорически воспротивился любым попыткам появления самодеятельных следственных групп и отказался даже обсуждать этот вопрос. Легионерам пришлось согласиться на предложенные условия, одобренные в ноябре 1940 года на национальной конференции в Индианаполисе. Следует отметить, что за весь период войны ни одно заслуживающее внимания дело о саботаже или мятеже так и не было раскрыто при помощи легионеров.

В процесс обеспечения национальной безопасности было вовлечено и дипломатическое ведомство. Еще в 1916 году госсекретарь Роберт Лэнсинг организовал в составе государственного департамента США узкоспециализированную структуру, ведавшую безопасностью и отчасти контрразведкой — Бюро старшего специального агента, одновременно являвшегося специальным помощником государственного секретаря с правом прямого доклада ему по вопросам безопасности и деятельности в Соединенных Штатах иностранных агентов.

Ведомство финансировалось из секретного фонда госдепартамента, имело бюро в Вашингтоне и Нью-Йорке и располагало мобильной группой агентов, по мере надобности выезжавших в любую точку страны, а для проведения специальных расследований иногда и за рубеж. После введения в 1918 году паспортной системы Бюро старшего специального агента стало заниматься вопросами подделок виз и паспортов граждан США. Кроме того, на протяжении Первой мировой войны оно отвечало за интернирование и обмен дипломатов враждебных государств и за репатриацию американских граждан из контролируемых противником областей. Секретность выполняемой агентами госдепартамента работы в области безопасности была столь велика, что даже заработную плату они получали только чеками на предъявителя, без указания фамилий в списках служащих ведомства.

В 1920-е годы старший специальный агент стал непосредственно подчиняться помощнику государственного секретаря по административным вопросам, сохранив, однако, ранг специального помощника госсекретаря и право прямого доклада ему по важнейшим проблемам. С 1921 года он возглавлял образованное для обеспечения безопасности Бюро секретной разведки со штатом в 25 человек. В следующем десятилетии было установлено, что большинство подделок виз и паспортов являлось делом рук советских и германских разведывательных служб и в основном производилось для прикрытия работы нелегальной агентуры. Выявленная подделка паспорта в Нью-Йорке привела к расшифровке советского агента и установлению связанных с ним американских коммунистов. Таким образом, внешнеполитическое ведомство США через обеспечение собственной безопасности было непосредственно вовлечено в общую контрразведывательную систему, пока еще весьма неэффективную и отсталую.

Соединенные Штаты располагали еще одним относительно малоизвестным оперативным органом, история которого была рассекречена лишь относительно недавно. Им являлся подчиненный военной разведке Корпус разведывательной полиции (КИП), в дальнейшем переименованный в Контрразведывательный корпус (КИК). Ему официально предписывалось «вносить вклад в деятельность армейских учреждений путем выявления измены, подстрекательства к бунту, подрывной деятельности или пропаганды, обнаружение, предотвращение или нейтрализация шпионажа и саботажа внутри или направленного на армейские учреждения и области их компетенции»⁴¹⁵. В момент своего образования 13 августа 1917 года в нем служили 50 пехотных сержантов под командованием офицера, но уже к декабрю корпус разросся до 300 служащих и 750 агентов⁴¹⁶. 250 человек из состава КИП несли службу на территории Соединенных Штатов, остальные обслуживали экспедиционные войска. К январю следующего года штаб Контрразведывательного корпуса в Париже уже располагал картотекой на 50 тысяч подозреваемых.

После окончания войны командование собиралось полностью обеспечивать безопасность всех военных объектов в стране силами КИП, однако эти планы так и остались на бумаге, поскольку после сокращения армии к 1920 году его штат состоял всего из 18 человек, и даже после некоторого увеличения финансирования увеличился лишь до 24 сержантов. Весной 1921 года Контрразведывательному корпусу было официально вменено в задачи наблюдение за всеми лицами, подозреваемыми во враждебной деятельности по отношению к военным объектам и учреждениям Соединенных Штатов, а также изучение радикальных элементов в политической и промышленной сферах. Сокращение состава армии в 1922 году привело к соответствующему уменьшению численности КИП до 30 человек, четыре года спустя — до 28, а в 1933 году была достигнута нижняя отметка в 15 человек⁴¹⁷. Добавочным аргументом для сокращения штатов являлось то, что слишком высокие звания сотрудников никак не соответствовали выполнявшейся ими обычной канцелярской работе. Это породило идею, хотя и нереализованную, заменить их рядовыми солдатами, а в некоторых регионах даже гражданскими служащими. Вплоть до начала войны в Европе в 1939 году Корпус разведывательной полиции совершенно не оправдывал свое громкое название. Его штатный состав в 16 человек был меньше стрелкового взвода, что в условиях активизации германской и японской разведок на Филиппинах, Гавайях и зоне Панамского канала являлось совершенно недостаточным.

Изданная в июне 1939 года директива президента о сосредоточении контрразведывательной деятельности в ФБР, МИД и ОНИ привела к некоторому оживлению КИП. Через год его численность достигла уже 26 человек, но ее дальнейшему росту препятствовало

отсутствие подготовленных кандидатов со знанием иностранных языков. Для ликвидации этого отставания был открыт учебный центр Контрразведывательного корпуса, и к февралю 1941 года в его штате имелось уже 288 специалистов. По состоянию на 6 декабря 1941 года, накануне нападения японцев на Перл-Харбор, списочный состав этого оперативного органа безопасности армии насчитывал 513 человек. Организационно КИП подчинялся подсекции полиции Секции расследований контрразведывательного отделения военной разведки, что обусловило его весьма невысокий статус.

Собственным оперативным органом располагала и Береговая охрана США. С 1915 по 1930 годы этой работой занимался один человек из ее штата, а в 1936 году в Вашингтоне было организовано Разведывательное отделение с группами в Нью-Йорке, позднее в Сан-Франциско, Мобиле, Бостоне и других местах — всего 15 региональных подразделений. Основным занятием разведки Береговой охраны являлось прослушивание радиообмена судов в 12-мильной зоне территориальных вод с целью выявления попыток провоза контрабанды и нелегального пересечения границы. Поскольку хорошо организованные преступные группировки практически всегда использовали код или шифр, в штат Разведывательного отделения была введена должность дешифровальщика, которую заняла Элизабет Смит Фридман, жена известного американского криптографа Уильяма Фридмана. На протяжении второй половины 1930-х годов наибольшая численность отделения достигла 40 человек, из которых не менее половины занимались радиоразведкой, контрразведкой и противодиверсионным обеспечением морской границы.

Было совершенно ясно, что деятельность различных контрразведывательных органов необходимо скоординировать. В связи с этим в 1938 году ФБР, МИД и ОНИ ввели в действие совместный план работы по подрывным элементам, способным негативно повлиять на лояльность и эффективность личного состава армии и флота, а также гражданского персонала, занятого в военном производстве и обслуживании. Поскольку военные испытывали острую нехватку следователей, они полагались на помощь ФБР, но в первую очередь рассчитывали на обмен информацией. В июне 1940 года взамен совместного плана перечисленные органы контрразведки подписали Соглашение о размежевании, действовавшее вплоть до его пересмотра в феврале 1942 года. В соответствии с ним, ФБР обязательно передавало Отделу военной разведки и Бюро военно-морской разведки информацию о всех случаях расследования дел по шпионажу, контршпионажу, подрывным действиям и саботажу по всей территории страны, в которых фигурировали не только военные, но и гражданские лица. Это позволило МИД и ОНИ накопить обширный информационно-справочный аппарат по американцам, не имеющим отношения к военной службе или военному производству. Взамен разведорганы армии и флота обязались не заниматься гражданскими лицами вне пределов войск, штабов, военных учреждений и военных предприятий. Соглашение нарушал лишь Корпус разведывательной полиции, проводивший превентивные расследования в их отношении на основании информации, полученной в ходе других расследований или от осведомителей. Его руководство не участвовало в подписании соглашения 1940 года о размежевании и поэтому не считало себя обязанным соблюдать наложенные им ограничения. КИП обеспечивал безопасность военных учреждений и существенной части предприятий военной промышленности и уже в 1939 году получил задачу не допустить проникновения вражеской агентуры на ее объекты. Это повлекло за собой бесчисленные проверки, ужесточение пропускной системы и создание на заводах собственных охранных служб. В результате часть персонала была признана ненадежной и переведена на менее ответственные участки. Случаи саботажа практически не наблюдались, а немногие зафиксированные эпизоды не могут с уверенностью быть отнесены на счет вражеской агентуры или внутренних подрывных элементов. Аресты и приговоры по подобным делам исчислялись буквально единицами. Однако расследования зачастую давали важные результаты, заключающиеся не в отыскании виновных лиц, а в определении уязвимых мест в производственном процессе и принятии соответствующих мер.

Все это множество органов и мер безопасности не слишком затрудняло работу иностранных разведывательных служб в Соединенных Штатах. Открытость американского общества была поразительной, и для добывания основного массива информации усилия агентуры

вовсе не требовались. Обращение в государственные издательства позволяло за символическую плату совершенно легально получить официально подтвержденные сведения о структуре и комплектовании вооруженных сил, тексты боевых уставов и наставлений, значительную часть архивов конгресса, патенты в области обороны и многое другое. Засекреченные в большинстве стран схемы и чертежи новейших образцов вооружения в США элементарно извлекались из технических журналов, а немногие все же не попавшие в них детали легко реконструировались специалистами. Парадоксальным образом эти особенности и усложняли работу иностранных разведок. Они буквально тонули в потоке информации, требовавшей для своей обработки усилий слишком большого числа специалистов. Затрудняли работу также огромная территориальная разбросанность объектов и их значительное количество, не позволявшее организовать надежное и плотное агентурное прикрытие даже основных из них. Кроме того, еще одной американской особенностью являлось абсолютное несовпадение структуры и численности армии мирного и военного периодов, так что добытые данные оказывались хотя и точными, но и зачастую одновременно совершенно бесполезными.

Бывший начальник германской военной разведки генерал Пикенброк вспоминал: «В довоенное время работать против Соединенных Штатов было легко. Их армия и военно-морской флот нас не интересовали, так как их численность, дислокация, а также оперативные установки не представляли тайны. Главное внимание органов абвера было направлено на разведку конструкций и проектов самолетов, мощности и возможности перестройки на военный лад военной промышленности. В этом отношении американские инстанции и промышленные фирмы были откровенны.

Мы выбирали различные способы проникновения в среду технического персонала интересующих нас заводов и конструкторских бюро. Свидетельства, дипломы и тому подобное здесь мало помогали. Надо было дать агенту время и терпеливо ждать, пока он не обратит на себя внимания прилежностью в работе. Поэтому мы разыскивали в Германии хороших технических специалистов и дали им указание прибыть на авиационные заводы безукоризненно одетыми, с заявлениями о приеме на работу в качестве монтажников и затем постараться зарекомендовать себя в глазах начальства. Чаще это удавалось, хорошие работники быстро выдвигались и допускались к производству секретной продукции. Если же этот путь не приводил к цели, то наши люди в большинстве случаев старались сдружиться на предприятиях с конструкторами, чертежниками, копировщиками и т. д.»⁴¹⁸

Пикенброк неспроста упомянул именно об авиации. С середины 1930-х годов абвер располагал в Соединенных Штатах группой из 20 агентов, ориентированных главным образом на добывание сведений об авиационной технике. Руководил ими прибывший в США в 1927 году по фиктивным документам на имя Вильгельма Шредера нелегальный резидент Уильям Лонковски, он же Вилли Меллер, он же Библи Лонкис, он же Уильям Секстон, и именно по этому его псевдониму вся операция получила интригующее название «Секс». Вначале Лонковски легализовался под прикрытием настройщика пианино, но за год вполне освоился и стал отрабатывать свой оклад в 500 долларов, пытаясь внедриться в авиационную промышленность США. Руководство абвера поручило ему добыть информацию об авиационном моторе конструкции Смита, о пропеллере Микарта, о новом двигателе воздушного охлаждения завода «Фэрчайлд» и о многом другом. Резидент поступил на должность конструктора в «Айленд эйркрафт корпорейшн» в Лонг-Айленде и для прикрытия своего более широкого интереса к различным авиационным вопросам добился назначения на должность корреспондента журнала «Люфтрайзе». К 1932 году он сумел внедрить двух своих помощников на завод пропеллеров в Балтиморе и на предприятие по производству авиационных шасси в Бристоле, после чего поток материалов, направляемых им руководству в Германию, заметно возрос.

В 1934 году в рамках операции «Секс» Лонковски подчинили специализировавшуюся по военно-морским вопросам группу другого абверовского агента, доктора Игнаца Теодора Грибля. В рейхе все еще не осознавали масштабы достигнутого проникновения в авиационную и кораблестроительную промышленность США, пока ведением всей агентурной разведки абвера в этой стране не начал руководить из Вильгельмсхафена капитан-лейтенант Эрих Файфер. После того, как в январе 1935 года он ознакомился с доставленными ему агентами из Нью-Йорка на лайнере «Европа» документами и образцами материалов, разведчик буквально пришел в восторг и составил подробное донесение об операции лишь недавно возглавившему абвер Канарису. Тот сразу же оценил ее важность и для удобства

работы с прибывающими на лайнерах “Европа” и “Бремен” курьерами передислоцировал возглавляемое Файфером подразделение в Бремен. Канарис вообще придавал большое значение американскому направлению в работе разведки и всегда утверждал: “США должны рассматриваться как решающий фактор в любой будущей войне. Их промышленная мощь такова, что в состоянии обеспечить победу не только США, но и любой другой страны, их союзницы”⁴¹⁹.

Тем временем резидентура Лонковски продолжала и расширяла операцию, выполняя при этом задания руководства с поразительной быстротой. Например, 18 июля 1935 года специалисты люфтваффе поручили Файферу добыть описание поплавков для нового экспериментального гидросамолета конструкции Игоря Сикорского, а 8 августа чертежи уже поступили к заказчику. В течение семи месяцев 1935 года абвер в рамках операции “Секс” получил описания всех выпускавшихся фирмами “Сикорский” и “Воут эвэйшн” самолетов, данные о подготовленных к выпуску на фирмах “Боинг” и “Дуглас” бомбардировщиках, чертежи новых боевых кораблей, секретные карты, описания и образцы приборов, а также данные по сухопутным образцам боевой техники и вооружений.

Канал передачи материалов курьерами через лайнеры “Европа” и “Бремен” действовал безотказно, однако 25 сентября 1935 года немцев постиг совершенно случайный провал. Когда Лонковски лично доставил на борт “Европы” очередную порцию документов для передачи в Бремен, таможенники потребовали открыть футляр находившейся в его руках скрипки и обратили внимание на лежащие под инструментом фотографии и чертежи самолетов. В результате более подробного досмотра задержанного инспектор Моррис Джозеф обнаружил у него фотопленку и письма на немецком языке, о чем доложил руководству. Начальник таможни попытался связаться с отделением военной контрразведки, но его начальник отсутствовал, а дежурный офицер легкомысленно распорядился отпустить задержанного, обязав его прибыть на следующий день для беседы. Лонковски даже предположить не мог, что все обернется таким невероятным образом, и поэтому назвал таможенникам свою действительную, а не вымышленную фамилию. Когда оказалось, что никто даже и не подумал проверить его документы, германский агент был крайне поражен, но изменять что-либо было уже поздно. Будучи отпущен, он немедленно закрыл свой счет в банке и вместе с женой сбежал в Канаду, откуда на немецком сухогрузе вернулся в Бремерхафен. Невероятно, но американская контрразведка упустила такую удачную возможность, и работа продолжалась. Новым резидентом стал доктор Грибль.

Операция, отныне переименованная в “Илберг”, вышла на более профессиональный уровень. В резидентуре стали внимательнее относиться к требованиям конспирации, разнообразились подходы к работе, категорически исключалась пропагандистская деятельность, повысились требования к прикрытию. Через некоторое время в США заработали три радиопередатчика абвера. Это позволило несколько разгрузить курьеров, однако для обеспечения связи по-прежнему активно использовались экипажи лайнеров “Европа” и “Бремен”, а позже и стюард пассажирского самолета американской авиакомпании, выполнявшего рейсы по маршруту Нью-Йорк — Лиссабон. Абвер планировал создать новую резидентуру в Монреале. При этом в Ньюпорт-Ньюсе, Бостоне, Буффало, Бристоле, Филадельфии, Сан-Диего, Сиэтле и Бате уже действовали группы его агентов, общее число которых к 1938 году уступало только внедренным и завербованным источникам в Польше и Франции. Сам Грибль впоследствии оценивал масштаб агентурного проникновения следующим образом: “В каждом стратегическом пункте Соединенных Штатов у нас есть хотя бы один разведчик. На каждом военном заводе и на каждой верфи в Америке действуют наши агенты, причем некоторые из них занимают ключевые посты. Американцы не могут наметить постройку военного корабля, разработать новый тип самолета или какой-нибудь новый прибор без того, чтобы мы сразу же не узнали об этом”⁴²⁰. Это отнюдь не являлось пустой похвалой. Некоторые специалисты полагают, что только благодаря операции “Секс” — “Илберг” немцы сумели в достаточно короткий срок создать современные военно-воздушные силы. Резидентура работала исключительно эффективно, однако Файфер решил еще более усилить ее и подчинил Гриблю группу агентов “Краун”, руководимую Гюнтером Густавом Румрихом. Именно это и стало причиной разгрома “Илберга”.

Американец немецкого происхождения, бывший сержант, дезертировавший из армии США, Румрих в инициативном порядке вышел на абвер в надежде разбогатеть. Начитавшись мемуаров полковника Николаи, в январе 1936 года он отправил в редакцию газеты

“Фелькишер беобахтер” письмо на его имя с предложением своих услуг. В мае немцы привлекли инициативника к сотрудничеству под агентурным псевдонимом “Краун”, после чего по февраль 1938 года он являлся одним из самых результативных источников абвера в Соединенных Штатах. При этом как личность агент был весьма примитивен, пьяница, наркоман, мелкий воришка и мошенник, однако, возможно, именно эта примитивность и помогла ему столь эффективно работать почти два года. Румрих добыл для абвера массу информации о дислокации воинских частей, о береговой артиллерии в Зоне Панамского канала, об атлантическом флоте США, чертежи зенитных орудий, секретные армейские наставления, а также военно-морской шифр “Z”, купленный им у знакомого солдата за 30 долларов.

Однако в 1938 году британская МИ-5 взяла под контроль переписку жительницы города Данди Джесси Джордан, служившей “почтовым ящиком” абвера. Английские контрразведчики поделились с ФБР информацией об обнаружении в массе перлюстрированной почты нескольких донесений от некоего агента “Крауна”, в одном из которых излагалась идея добыть мобилизационные планы воинских частей на атлантическом побережье США. Для выполнения своего намерения Румрих собрался сфабриковать фиктивный приказ начальника штаба армии, заманить с его помощью в нью-йоркскую гостиницу на якобы проводимое совещание командира одного из полков полковника Элгина с комплектом секретных документов, усыпить его хлороформом и изъять все находящиеся при нем материалы. Его напарник отказался выполнять такой дикий и несуразный план без санкции из Германии, и тогда “Краун” запросил согласие на эту авантюру у Файфера. Англичане, а затем и американцы узнали об этом из перлюстрации проходившей через конспиративный адрес Джордан переписки. Должным образом проинструктивровав полковника Элгина, ФБР совместно с военной контрразведкой попыталось заманить таинственного и, очевидно, немного ненормального немецкого агента в ловушку. Эта затея сорвалась, поскольку Файфер категорически запретил проводить подобную акцию и решил перевести Румриха на консервацию, пока тот не одумается. Но пока его указание добиралось до США, “Краун” задумал другую, столь же безумную операцию. Ранее он получил задание добыть несколько десятков незаполненных американских паспортов за весьма высокое по тем временам вознаграждение в тысячу долларов и при этом толком не усвоил, о чем в точности шла речь. Агент позвонил начальнику консульского отдела нью-йоркского отделения госдепартамента США Хойту, представился никогда не существовавшим заместителем госсекретаря Эдуардом Уэстоном и приказал доставить ему в гостиницу 35 незаполненных паспортных бланков. Хойт совершенно ничего не понял, поскольку спутавший термины Румрих, как оказалось, затребовал не тщательно оберегаемые бланки паспортов, а бланки анкет заявлений на их выдачу, пачками бесплатно предоставлявшиеся любому желающему. На беду немецкого агента, в Нью-Йорке размещалось одно из двух подразделений безопасности госдепартамента, возглавляемое специальным агентом Фитчем, которому начальник консульского отдела и сообщил о неизвестном ему заместителе госсекретаря и его странном требовании. Тот мобилизовал себе в помощь двух полицейских и отправился вслед за Хойтом в гостиницу, однако Румрих решил подстраховаться и от встречи с чиновником уклонился. По распоряжению “Эдуарда Уэстона” посылку оставили у портъе, а “Краун” совершенно по-дилетантски попытался схитрить и на следующий день отправил за ней посыльного из почтового отделения Центрального вокзала. Затем он еще несколько раз попытался запутать следы, но в конечном счете был арестован 16 февраля 1938 года.

Вместе с полицейскими Румриха допрашивали специальные агенты госдепартамента Фитч и Таббс, однако инкриминировать ему какое-либо нарушение американских законов было невозможно. Попытка получить несколько десятков абсолютно открытых бланков документов, пусть даже столь экзотическим способом, никоим образом не могла быть квалифицирована как преступление. Задержанного полагалось с извинениями отпустить, но после передачи его дела в ФБР специальный агент Тарроу решил сверить почерк Румриха с фотокопиями написанных “Крауном” писем и обнаружил их полную идентичность. 19 февраля немецкий агент признался в шпионской деятельности и выдал всю известную ему информацию об агентурной сети абвера, а именно об уже уехавшем Лонковски, о двух по-прежнему действовавших его основных агентах Отто Фоссе и Вернере Гуденберге, о резиденте Грибле, о своем вербовщике Карле Шлютере, о курьере, парикмахере с лайнера “Бремен” Иоганне Гофман, а также о своем руководителе в рейхе Эрихе Файфере. Подобная инфор-

мированность Румриха свидетельствовала об из рук вон скверной постановке конспирации в резидентуре “Илберг” и нанесла сильнейший удар по агентурному аппарату абвера в США. Однако это все же не заставило немцев полностью свернуть операцию, она продолжалась еще три года, хотя и с меньшей интенсивностью.

Соединенные Штаты были наводнены десятками внедрившихся в различные сферы жизни страны германских агентов, наиболее удачливые из которых глубоко проникали в технологические, политические и экономические секреты государства. Ланг похитил секрет бомбардировочного прицела фирмы “Норден”, Родер добыл сведения о гироскопах фирмы “Сперри”, Кодел внедрился в военное министерство, Гросс работал в области экономической разведки, Сауерма (граф Дуглас) проник в высокие политические и военные сферы, Шеффер также работал по линии политической разведки, Бенсмани и Матцхолд внедрились в окружение президента Рузвельта. Их достижения дополнялись успехами ряда других агентов, ныне известных лишь под оперативными псевдонимами или служебными номерами.

История с прицелом “Норден” получила широкую огласку, но интересна она не только этим. Знаменитые немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87 “Штука” строились для люфтваффе в огромных количествах и составляли подавляющую часть его бомбардировочного авиационного парка. Причиной такого явления явилось не какое-либо особенное предпочтение бомбометания с пикирования, а элементарное отсутствие у немцев надежных бомбардировочных прицелов, позволяющих поражать наземные объекты с горизонтального полета. Прицел “Норден” по тем временам был весьма совершенен и засекречен настолько, что американцы не продали его даже англичанам, несмотря на существовавшие между двумя странами тесные дружеские отношения. Инспектор сборочного цеха завода, производившего эти секретные приборы, американский гражданин немецкого происхождения Герман Ланг желал любым путем помочь своей исторической родине. В 1937 году он в инициативном порядке и абсолютно безвозмездно сумел передать в Германию часть чертежей по их производству. Вначале эксперты люфтваффе пренебрежительно проигнорировали материалы и сообщили в абвер, что кто-то просто пытается заработать на бесполезной технической документации. Однако руководитель соответствующего сектора военной разведки инстинктивно почувствовал, что это не так, хотя бы по причине полного бескорыстия неизвестного доброжелателя, представившегося именем Пауль. Офицер решил лично изучить ситуацию на месте и в конце 1937 года встретился в Нью-Йорке с загадочным доброжелателем. Ланг объяснил посланцу Германии, что делает это исключительно с целью помочь исторической родине и взамен не желает ни единого цента или пфеннига. В шпионаже он был абсолютным новичком и не фотографировал чертежи, а лист за листом вручную копировал их, что заняло немало времени и позволило доставить в абвер весь комплект документации лишь к началу 1938 года. Канарис лично курировал эту операцию и для налаживания серийного производства организовал прибытие супружеской четы Лангов в отпуск в Германию. После решения всех технологических проблем американские немцы отбыли обратно, а германские бомбардировщики получили столь желанный прицел. Ланг на некоторый период совершенно выпал из поля зрения разведки по причине исчерпания разведывательных возможностей и ввиду того, что он никогда не являлся настоящим агентом. До 1940 года о нем забыли.

Тем временем непрофессиональная работа вербовщиков агентуры из гестапо поставила под угрозу существование практически всего агентурного аппарата абвера в Соединенных Штатах. В феврале 1939 года в Германию из США временно прибыл натурализованный немец Вильгельм Дебовски, ставший на новой родине Уильямом Сиболдом. При въезде на территорию рейха он указал в анкете, что работает механиком на авиазаводе “Консолидейтед эйркрафт компани”, чем и привлек к себе внимание спецслужб. После начала Второй мировой войны его дважды вызывали повесткой в местное отделение гестапо, однако полагавшийся на свое американское гражданство Сиболд проигнорировал оба приглашения. Третий вызов оказался значительно более впечатляющим. В нем упоминались скрытые Дебовски-Сиболдом от службы иммиграции и натурализации США подробности его уголовного прошлого, и без обиняков сообщалось, что теперь у него имеются лишь два пути: возврат в Соединенные Штаты в качестве агента германской разведки, либо концлагерь в рейхе. Надеяться на консульскую защиту не приходилось, поскольку полученное обманном путем американское гражданство подлежало аннулированию. Выхода у Сиболда не оставалось, и он согласился с требованием гестапо, нарушившего тем самым один из основных принци-

Николаус Риттер

пов вербовочной работы. Среди эффективных основ для вербовки, наряду с деньгами, идеологией, особенностями личности неизменно присутствует и компромат, однако надежной такая агентура может быть только до того момента, пока сохраняются опасные для нее последствия разоблачения, и ни на секунду дольше. Метод принуждения, в отличие от методов убеждения и внушения, таит немало подводных камней. Приобретенный путем угроз и шантажа источник лоялен лишь до тех пор, пока секретная служба сохраняет возможность продолжать воздействие на него, например, путем удержания членов семьи в качестве заложников, во всех же остальных ситуациях он неизбежно обрывает связь и уходит из-под контроля. Иногда последствия бывают и значительно более серьезными. Люди обычно не забывают страх и унижение, поэтому завербованные под принуждением источники нередко обращаются к противнику, чтобы отомстить за них. Так произошло и в случае с Сибодом. После получения принципиального согласия на сотрудничество гестаповцы передали нового агента в абвер, скрыв при этом от разведчиков подлинные обстоятельства вербовки. Майор Риттер из АСТ-Гамбург резонно засомневался в надежности завербованного путем шантажа источника, но контрразведчики из гестапо обманули его, сказав, что тот сам пожелал сотрудничать из патристических соображений. Эта ложь повлекла за собой очень далеко идущие последствия, поскольку о действительном положении вещей Сибод также умолчал.

Риттер отправил нового агента на семь недель в Гамбург учиться основам разведывательной работы, а затем с американским паспортом на имя Уильяма Соьера отправил в Нью-Йорк, где ему предстояло открыть офис, оборудовать там радиоквартиру и войти в контакт с несколькими агентами абвера. Сибоду передали на связь старейшего агента Фредерика Дюкесня, уже упоминавшихся Родера и Ланга, а также наводчицу для вербовок и связную Лили Штейн. Под оперативным псевдонимом “Трамп” и с позывными CQDXVW-2 Сибод приступил к исполнению обязанностей групповода: передавал получаемые от агентов донесения, а также метеосводки и информацию о движении судов. Особенно результативно работал Дюкеснь, постоянно добывавший ценные материалы из всевозможных областей деятельности, от конструкции гидролокатора до секретного визита в США Черчилля 24 января 1941 года на борту линкора “Кинг Джордж V”.

Несколько ранее, в декабре 1940 года, британский цензорский пункт на Бермудских островах перехватил направленное из Нью-Йорка в Берлин машинописное письмо, подписанное неким “Джо К”. Англичане заинтересовались содержащимися в нем хотя и несекретными, но важными для Германии сведениями о судах в порту Нью-Йорка, а также особенностями стиля, явно указывавшими на то, что родным языком его автора являлся немецкий. Тайнопись в письме не определялась даже после серьезных технических исследований самыми современными по тем временам методами и химикатами, но настойчивая сотрудница пункта Надя Гарднер все же решила провести еще одну проверку и исследовать его с помощью реагента йода. Попытка увенчалась успехом. Между строками открытого сообщения проявился скрытый текст, написанный раствором пирамидона, применявшимся германской и другими секретными службами еще в Первую мировую войну, однако из-за своей примитивности давно уже изъятым из употребления. Догадливость Гарднер была вознаграждена, архаичная тайнопись в письме содержала данные об авиационной промышленности США и движении судов со стратегическими грузами. Цензоры приняли решение о сплошном перехвате и просмотре всех отправленных с адресов в Нью-Йорке и его окрестностях и посланных на подставные адреса в Пиренеях отправлений, авторы которых носили имена, начинающиеся с инициала “Дж”. После проверки йодом всех подозрительных писем англичане установили, что скрытый текст содержался в корреспонденции за подписями “Джо” и “Конрад” (он же “Фил” и “Джулио”). Вскоре был обнаружен отправленный в Китай доклад о состоянии обороны военно-морской базы на Гавайях Перл-Харбор. Но самая важная, ключевая для контрразведки информация содержалась в письме от 25 марта 1941 года, в котором неизвестный агент сообщал, что “Фила” сбило в Нью-Йорке такси, номер которого указывался, и что затем на него наехала еще одна машина, после чего тот, не приходя в сознание, умер в больнице святого Винсента. По таким подробностям ФБР,

получившее от англичан эту ценную информацию, практически мгновенно идентифицировало “Фила” как гражданина Испании Хулио Лопеса Лидо. Вскоре было установлено, что под этой легендой прикрытия скрывался майор Ульрих фон дер Остен, сотрудник абвера с двадцатилетним стажем оперативной работы (отсюда и использование пирамидона для тайнописи). Позднее Остен успешно действовал в Испании и принимал активное участие в мятеже националистов в Бургосе в 1936 году, а после победы Франко возглавлял американское направление в испанской резидентуре, выступая все время под одной и той же фамилией Лидо. Контрразведчики идентифицировали его совершенно элементарно, поскольку подлинное лицо Хулио Лопеса Лидо являлось в Испании секретом полишинеля. Расследование показало, что в США он въехал через Шанхай 16 марта 1941 года и, следовательно, до своей нелепой гибели успел проработать в стране лишь несколько дней, пока в расчеты немцев не вмешалась непредсказуемая случайность в виде проезжавшего такси. Абвер планировал назначить Остена главным резидентом на американском континенте, поскольку все без исключения германские источники были не профессионалами, а лишь завербованными агентами без специальной подготовки и нуждались в руководстве со стороны кадрового офицера разведки. В самом деле, с точки зрения конспирации их действия были удручающе примитивны, и в стране с более искусной контрразведкой они не проработали бы и нескольких месяцев.

ФБР действовало стремительно. В вещах погибшего немца обнаружили номер телефона, по которому после цепочки расследований был установлен один из ведущих германских агентов в Соединенных Штатах Курт Фредерик Людвиг, оказавшийся разыскиваемым “Джо К.”. Сотрудники Бюро не стали арестовывать его, а взяли под наблюдение с целью выявления контактов и действительно сумели зафиксировать некоторые весьма необычные связи разведчика. В Германии Людвиг дружил с самим рейхсфюрером СС Гиммлером, который, хотя и рассмотрел в нем перспективного нелегала, но направить в Соединенные Штаты по своей линии не мог. Согласно договоренности о разделении сфер деятельности между абвером и СД, США входили в компетенцию военных, поэтому будущий агент отбыл туда по линии абвера, сохраняя при этом право и обязанность непосредственной переписки с Гиммлером. За два месяца Людвиг сформировал агентурный аппарат из восьми довольно результативных источников, однако, благодаря бдительности британских цензоров и неблагоприятному стечению обстоятельств, его сеть попала под плотный контроль контрразведки. ФБР планировало начать оперативную игру по дезинформации немцев, но дальнейшую оперативную разработку пришлось прекратить из-за событий с сетью Сиболда.

30 июня 1941 года американские информационные агентства сообщили об аресте группы из 29 шпионов, работавших на неназванное иностранное государство. Позднее журналисты уточнили, что арестованных было 32. До суда следователи сумели довести дела Людвиг, 5 его источников и еще 19 других агентов. Причиной этого крупнейшего провала явилась двойная игра насильно завербованного гестапо Сиболда, который, как выяснилось, еще в Германии имитировал утерю паспорта и под этим предлогом посетил консульство США в Кельне, где раскрыл вице-консулу Д. Мэхеру суть происходивших вокруг него событий. Тот оценил важность ситуации и направил его к контрразведчикам, включившимся в оперативную игру с германской разведкой. Немцы буквально сами втягивались в ловушку, поскольку совершенно не проверенный абвером Сиболд получил из Гамбурга указание принять на связь несколько групп агентов различных резидентур и обеспечить их радиообмен. Это позволило ФБР выявить всех связанных с ним немецких шпионов, в частности, ставшего знаменитым похитителя прицела “Норден” Германа Ланга. Людвиг, узнав об аресте Сиболда (ФБР далеко не сразу раскрыло его перед общественностью как агента-двойника и арестовало вместе с другими), попытался скрыться, но был арестован недалеко от Сиэтла. Суд над ним и 8 его сообщниками состоялся в январе 1943 года. На нем Фредерик Эдуард Шлоссер, Рене Фролих и Пауль Борхардт были приговорены к 20 годам лишения свободы, Хелен Паулина Майер, Ганс Хельмут Пагель и Карл Виктор Мюллер — к 15, Карл Герман Шреттер — к 10, а 18-летняя Люси Боемлер — к 5. Сам Людвиг был осужден на срок от 20 до 6 лет, вместе с ним в тюрьму попали и все члены его группы.

Весьма известным эпизодом в истории американской контрразведки и, в частности, в деле Сиболда являлось дело о шпионской сети упомянутого ранее Фредерика Жубера Дюкесня. Он родился в Капской колонии в Южной Африке, в 13 лет получил гражданство США, а в 1917 году был арестован и осужден за участие в диверсиях в пользу Германии.

В дальнейшем, после выхода на свободу, он занимался бизнесом и к моменту выхода с ним на связь Сиболд в феврале 1940 года работал в нью-йоркской “Компании воздушных терминалов”. Дюкеснь очень опасался ФБР и тщательно обставлял свои встречи со связником, не зная, что тот уже давно раскрыл его контрразведке. Агенты Бюро фиксировали передачу Сиболду информации о состоянии обороны США, об отходах транспортных судов в Великобританию, о новых технологиях. При передаче сведений о новых американских авиабомбах Дюкеснь утверждал, что получил их непосредственно с завода в Уилмингтоне, Делавэр. Это было вполне вероятно, поскольку его излюбленным методом сбора информации являлось завязывание с заводами и фирмами переписки, в которой агент представлялся студентом и запрашивал данные, якобы необходимые ему для занятий. При общем легкомысленном отношении к режиму секретности в Соединенных Штатах такой нехитрый способ давал неплохие результаты. Кроме разведывательной работы, Дюкеснь не пренебрегал и диверсионной и обучал Сиболда способам поджога промышленных предприятий. Закончилось это все закономерно. Он был арестован и приговорен к двум параллельным тюремным заключениям на 18 лет за шпионаж и на 2 года, плюс 2 тысячи долларов штрафа, за нарушение закона о регистрации иностранных агентов. Весьма примечательным стал процесс по делу группы Дюкесня, беспрецедентный в американской истории по числу подсудимых. Вместе с резидентом на процесс были выведены Макс Бланк, Пауль Бланте, Альфред Е. Брокхофф, Генрих Клаузинг, Конрадин Отто Дольд, Рудольф Эбелинг, Рихард Айхенлауб, Генрих Карл Айлерс, Пауль Фезе, Эдмунд Карл Хайне, Феликс Янке, Густав Вильгельм Керхер, Йозеф Кляйн, Хартвиг Рихард Кляйсс, Герман В. Ланг, Эвелин Клейтон Льюис, Рене Эммануэль Мезенен, Карл Рюпер, Эверетт Минстер Редер, Пауль Альфред В. Шольц, Георг Готлиб Шух, Эрвин Вильгельм Зиглер, Оскар Рихард Штаблер, Генрих Штаде, Лили Барбара Карола Штайн, Франц Йозеф Штиглер, Эрих Штрукк, Лео Ваален, Адольф Гернри, Август Валишевски, Эльза Вейстенфельд, Аксель Веелер-Хилл и Бертрам Вольфганг Ценцингер. На заседании суда 2 января 1942 года были оглашены приговоры, составившие в общей сложности свыше 300 лет лишения свободы.

Контрразведка США добилась еще одного заметного успеха в раскрытии и ликвидации в Нью-Джерси агентурной сети под руководством Карла Рюпера. В декабре 1940 года он познакомился с работником авиационного завода уроженцем Германии Вальтером Нипкеном и уже через две недели после первой встречи решил, что кандидат в агенты созрел для вербовки. Рюпер попросил его добыть для рейха техническую документацию по авиационным приборам, а также совершенно дилетантски сообщил ему о своем задании по провоцированию недовольства и беспорядков на военных заводах. После этого Нипкен немедленно обратился в ФБР, использовавшее его в качестве двойника. В итоге всю группу Рюпера, а также агента-радиста Акселя Веелер-Хилла арестовали и осудили.

Перечисленные события привели к очередному плачевному итогу. В начале 1941 года германские консульства в Соединенных Штатах были закрыты за занятие деятельностью, совершенно не входящей в их официальные функции. Эта мера значительно затруднила обеспечение агентурных операций немецкой разведки в стране, однако ни она, ни все успехи американской контрразведки отнюдь пресекли оперативную работу немцев в США. Даже после описанных событий продолжала эффективно функционировать личная агентура посла Германии в Вашингтоне с 1938 года Ганса Томсена, а также несколько групп, руководимых АНСТ-Бремен.

Предшественником Томсена с 1937 года являлся опытный дипломат Генрих Дикхоф — первый представитель рейха в Соединенных Штатах, активно занимавшийся политической разведкой. Он понимал, чем в случае весьма возможного провала чревато непосредственное участие посла в тайных операциях, и был убежден, что резидентом должен быть человек, причастность которого к делам посольства могла бы быть правдоподобно отрицаема. Таковым стал бывший разведчик времен Первой мировой войны Георг Сильвестр Вирек, прибывший в США под прикрытием корреспондента германской газеты “Мюнхнер Нойсте Нахрихтен” и представителя Германской информационной библиотеки. Это помогло ему быстро обзавестись многочисленными связями в кругах конгрессменов, сотрудников президентской администрации и других видных фигур Вашингтона. С “салонным шпионажем” Вирек сочетал классические методы вербовки обыкновенных источников и широко пользовался ими. Важнейшей задачей резидента являлось ведение пропаганды, для чего он нанял мелкого частного издателя Фландерса Холла и с его помощью за полтора года опубликовал

12 книг. Самой популярной из них была “Лорд Лотиан против лорда Лотиана”, в которой автор скрупулезно перечислил внутренние противоречия в заявлениях британского посла, создав таким образом достаточно неприглядный образ дипломата колониальной империи в худшем ее понимании. Ряд изданий вышел под фиктивными именами, что в дальнейшем принесло Виреку крупные неприятности со стороны местной юстиции.

После отъезда Дикхофа и прибытия Томсена в деятельности резидента не изменилось ничего, он по-прежнему направлял ее в первую очередь на поддержку изоляционистского движения и срыв повторного избрания Рузвельта на президентский пост. Посольство финансировало эту работу из секретного фонда, явно недостаточного для лоббирования интересов Германии и ведения ширококомасштабной скрытой пропаганды. Однако немцам помогали республиканцы, интересы которых в этой области объективно совпали с планами Берлина, хотя их, безусловно, никоим образом нельзя было обвинить в сотрудничестве с германской разведкой. Вирек направлял огромные усилия на ведение пропаганды с целью удержания США от вступления в войну, но, как известно, его действия по негласной поддержке немцами республиканского кандидата потерпели провал. Тем не менее, направляемая посольством секретная работа продолжалась. Томсен располагал в различных городах США 47 агентами, а также особо ценным, хотя и не завербованным источником, которым являлся убежденный изоляционист, сотрудник криптографической службы государственного департамента Джозеф Даген. Он регулярно передавал копии совершенно секретных документов своему американскому другу, якобы знакомившему с их содержанием конгрессменов. Из этого источника немцы добыли информацию о вскрытии американцами японских машинных кодов (программа “Мэджик”) и сообщили об этом в Токио, однако столь важное предупреждение там фактически проигнорировали.

Собственными агентурными сетями располагали военный атташе посольства Германии в Вашингтоне и одновременно старший военный представитель в Северной и Центральной Америке генерал Беттихер, военно-морской атташе капитан 1-го ранга Витгофт-Эмден, а также консулы и почетные консулы Германии в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне, Чикаго, Кливленде, Лос-Анджелесе и особенно в Сан-Франциско. Их агентурный аппарат был в значительной степени нацелен на практическую подготовку к проведению на территории Соединенных Штатов диверсий и саботажа, за которые отвечали сотрудники Абт-II подполковник Штольц (не путать с заместителем начальника Абт-II полковником Эрвином Штольце), майор фон дер Остен, лейтенант Мейерхеймб, а также гражданские служащие Блаум и Каппе. Деятельность, на которую ассигновалось вначале 200, а затем 250 тысяч долларов, должна была осуществляться в два этапа: на первом из них собиралась подробная информация о жизненно важных объектах, и отбирались наиболее перспективные из них, а затем организовывалось их плотное агентурное прикрытие для проведения в нужный момент диверсионных акций. Совершенно случайно узнавший об этом Томсен был крайне возмущен и категорически возражал против подобных действий разведчиков ввиду обоснованных опасений провала и оглушительного дипломатического скандала. Подготовка к проведению диверсий в нейтральной стране является делом с точки международного права совершенно немыслимым, намного более предосудительным, нежели традиционный шпионаж, поэтому абвер был вынужден сменить тактику и привлечь для этой цели исполнителей, внешне никак с Германией не связанных. В Северной Америке существовали две диверсионные резидентуры немцев. Одной из них руководил из Мексики австриец Карл Бертрам Франц Рековски (“Рекс”, “Ричард II”), вскоре начавший бомбардировать начальника Абт-II Лахузена сообщениями о десятках якобы совершенных его группой актов саботажа, за которые чаще всего выдавал обычные производственные аварии. Другая, возглавлявшаяся нацистом из Филадельфии Герхардом Кунце, использовала в качестве ударной силы эмигрантскую “Русскую фашистскую партию” (РФП), руководимую избранным в 1934 году на съезде в Харбине А. А. Вонсяцким. Этот экстремист, враждебно настроенный по отношению и к коммунистам, и к демократам, был готов сотрудничать с любым из их врагов, особенно, если его деятельность оплачивалась. Первоначально РФП находилась под контролем японской разведки, однако по мере переселения основной массы ее членов из Маньчжурии в Соединенные Штаты она все более подпадала под влияние абвера и превратилась в весьма опасный инструмент его диверсионной войны.

Разведывательная деятельность Японии против США строилась на иных принципах, обусловленных давним и ожесточенным соперничеством между этими государствами в бас-

сейне Тихого океана. Если немцы долгое время рассматривали Соединенные Штаты лишь в качестве объекта научно-технической разведки, то японцы изначально знали, что в ближайшем будущем им предстоит столкнуться с американцами в морских сражениях. Поэтому с 1920-х годов разведывательную деятельность Страны Восходящего Солнца в основном вела ее военно-морская разведка. Она преследовала исключительно военные цели и попадала при этом в поле зрения преимущественно морской контрразведки США, и в значительно меньшей степени ФБР.

Уже в 1920 году военно-морской атташе Японии капитан 1-го ранга Уэда приобрел привычку развлекаться с американками, среди которых в основном преобладали секретарши различных чиновников министерства ВМС. Одна из его подружек была стенографисткой по секретному делопроизводству из секретариата военного министра. Неизвестно, успел ли Уэда добыть какую-либо полезную для себя информацию, или только отрабатывал подходы к ее носителям, но американцы прореагировали быстро и аккуратно, без всякого шума переместив некоторых из его знакомых на посты, исключавшие доступ к секретным материалам.

Японцы активно разведывали закрытую для любых иностранцев Зону Панамского канала, из-за чего им пришлось обставить агентурой все прилегающие к ней районы. Это направление не требовало особо изощренных оперативных комбинаций и поэтому перекрывалось массовой заброской посредственных агентов, успешно решавших поставленные перед ними достаточно примитивные задачи. Особенно излюбленным прикрытием японских разведчиков служили парикмахерские салоны и кабинеты дантистов, где из болтовни клиентов можно было почерпнуть массу полезных сведений. Там же оборудовались явочные и конспиративные квартиры, и ни один контрразведчик, наблюдая за кабинетом зубного врача, не мог с уверенностью сказать, идет ли его посетитель действительно лечиться или же прикрывает свой агентурный контакт со связником. Кроме того, масса ничего не подозревающих обычных пациентов надежно отвлекала силы и средства наружного наблюдения за установленными конспиративными квартирами и распыляла их на множество ложных объектов, облегчая работу разведчиков.

Японцы весьма интересовались персонами военных и политических руководителей, а также лиц, осваивавших их язык. В Вашингтоне они задействовали силы своей общины для разработки откомандированных на японские языковые курсы офицеров, приглашали их на встречи, вечера, культурные программы, где интенсивно изучали особенности их личности. В вопросах научно-технической разведки японцы, в отличие от немцев, делали упор не на агентурное проникновение, а на широчайшее использование представляемых Соединенными Штатами легальных возможностей. Они буквально наводнили страну огромным количеством представителей различных фирм, якобы намеревавшихся закупать патенты, лицензии и продукцию военной направленности, однако переговоры с намеревающимися наладить серьезные поставки легковверными американскими предпринимателями почти всегда заканчивались покупкой единственного образца. Впоследствии на его основе японцы без особых хлопот строили собственную производственную программу.

В 1926 году из Токио в Вашингтон на должность военно-морского атташе прибыл капитан 1-го ранга Исороку Ямамото, будущий главнокомандующий Объединенным флотом Японии во Второй мировой войне. Он резко изменил направленность и приоритеты разведывательной деятельности посольства, сразу же отказавшись от добывания тактической информации (характеристики кораблей и самолетов, тактические приемы), и полностью сосредоточился на вопросах оперативного и стратегического уровней. Американские контрразведчики уверенно расценили такой поворот как свидетельство убежденности Ямамото в неотвратимости предстоящей войны, к которой он собирался всесторонне подготовить японский флот. Задача добывания тактической информации теперь целиком была переложена на мелкую агентуру, существенно активизировавшую свою деятельность и использовавшую более разнообразные прикрытия, наподобие туристического бюро или фирмы по торговле шелком. Контрразведка сумела выявить их и подставить нескольких своих агентов-двойников, но операция не вышла на серьезный уровень и ограничилась примитивной дезинформацией. Работе японцев способствовало также и фактическое отсутствие в Соединенных Штатах цензуры. Это привело к опубликованию нескольких совершенно секретных материалов, не ускользнувших от внимания разведки потенциального противника. В прессе открыто обсуждались неведомо какими путями попадавшие в нее подлинники проекты мо-

биллизационного плана, а однажды был опубликован даже утвержденный всеми соответствующими инстанциями его окончательный вариант. Одним из наиболее результативных агентов японцев являлась скромная сотрудница библиотеки конгресса США Саканиси, обеспечившая Токио множеством закрытых материалов политического характера.

С апреля 1933 года отмечается резкое усиление оперативной работы японцев в Соединенных Штатах. Сменивший Ямамото новый военно-морской атташе капитан 1-го ранга Ямагути продолжил его линию и выделил в отдельное направление разведку Тихоокеанского флота США, поручив ее своему заместителю в Сан-Франциско капитану 3-го ранга Тосио Миядзаки. В 1935 году местный рыбак Уиллард Торнтайн явился на флагманский корабль командующего этим флотом и потребовал встречи с адмиралом. Он заявил о подозрительном поведении проживавшего вместе с ним в Лонг-Бич бывшего матроса Гарри Томпсона, регулярно посещающего корабли в форме флотского старшины и возвращающегося оттуда с какими-то бумагами. Однажды в пьяном виде Томпсон попытался завербовать Торнтайна для работы на японцев, хотя позднее объяснял это воздействием виски. Подозрения укрепились и перешли в уверенность, когда заявитель несколько раз обнаруживал в карманах пьяного соседа и читал его письма недвусмысленно шпионского содержания. Собственно, именно это и послужило причиной визита рыбака к адмиралу. Командующий поблагодарил добровольного помощника и ввиду отсутствия на тихоокеанском флоте штатных контрразведчиков поручил разобраться в этом деле флотскому хирургу капитан-лейтенанту Коггинсу, известному своим интересом к оперативной работе. Импровизированный следователь не только оправдал ожидания в отношении разоблачения Томпсона, но и превзошел их, выйдя в ходе наблюдения за ним на другого агента японцев, бывшего капитана 2-го (по другим данным, 3-го) ранга Джона Семера Фарнсуорта. Томпсон же в 1936 году направил японцам письмо с отказом сотрудничать с ними далее, однако вскоре после этого был арестован и осужден на 15-летнее тюремное заключение.

Так гласит общепринятая версия разоблачения этого японского шпиона, но Национальный центр контрразведки (НСИК) США предложил иной, более похожий на правду вариант. Согласно ему, дешифровальщица Эгги Дрисколл заинтересовалась прочтенным в одном из перехватов словом “ТО-МИ-МУ-РА”. Она не удовлетворилась объяснением переводчика о том, что оно является просто японской фамилией, и попросила его рассмотреть и иные версии. Оказалось, что “MURA” можно перевести как “гора”, а также “сын”, и что искомое слово, возможно, означает “сын Томи”, то есть Томисон или Томпсон. Направленный по этому руслу контрразведывательный поиск привел к разоблачению и аресту гражданского служащего ВМС Гарри Томпсона. Судя по всему, версия с явившимся к адмиралу рыбаком просто прикрывала криптоаналитическую операцию, однако дать какое-либо однозначное заключение по имеющейся информации, по-видимому, невозможно.

НСИК предлагает новую информацию и по делу Фарнсуорта, который якобы был известен из тех же перехватов как “Агент К”, но в данном случае достоверным все же представляется традиционное изложение этой истории. Фарнсуорт располагал значительно более широкими разведывательными возможностями, чем бывший писарь Томпсон, а первый сигнал о его вероятной работе на противника поступил к начальнику ОНИ капитану 1-го ранга Уильяму Пулстону в августе 1934 года. Один из офицеров в Вашингтоне заметил, что Фарнсуорт тайно унес домой совершенно секретное флотское “Наставление по информации и безопасности”, а затем несколько других офицеров сообщили о задаваемых им отставным коллегой подозрительных вопросах. Получив эту информацию, морская разведка негласно издала циркуляр, запрещающий вести с ним беседы на любые служебные темы. К расследованию было подключено ФБР, зафиксировавшее несколько совершенно непрофессиональных звонков Фарнсуорта на квартиру военно-морского атташе Японии в Вашингтоне. На основании полученных данных было принято решение ретроспективно отследить перемещения объекта по стране и телефонные звонки из гостиниц, начиная с 1933 года. Выяснилось, что тот же номер телефона атташе он набирал из Бостона, Филадельфии, Нью-Йорка, Балтимора и Норфолка, что явилось убедительным, хотя и косвенным доказательством агентурной связи американца с японской морской разведкой. Тем не менее, для судебного преследования за шпионаж требовались прямые улики. Они пока отсутствовали, однако, как часто случается в подобных ситуациях, в конечном итоге правосудию непреднамеренно помог сам Фарнсуорт. В 1936 году после публикации в газетах сообщения об аресте Томпсона японцы прервали с ним связь, и встревоженный подступающей опасностью и лишившийся

финансового источника шпион решил сделать нестандартный ход. За 20 тысяч долларов он попытался продать свою значительно приукрашенную историю редакции информационного агентства “Юнайтед Ньюс Сервис”, заявив, что в качестве контрразведчика-любителя внедрился в японскую разведку и несколько лет поставлял ей ничего не значащие материалы, не наносившие урона национальной безопасности Соединенных Штатов. Фарнсуорт оговорил свой гонорар, поставив условием опубликовать серию очерков о его деятельности лишь после его отбытия в Германию, куда он собирался отправиться на дирижабле “Гинденбург”. Редактор, которому все это показалось крайне подозрительным, сообщил о визитере в ФБР, после чего бывшего офицера немедленно арестовали, а в 1937 году приговорили к тюремному заключению сроком от 4 до 20 лет.

Контрразведка провела против японцев несколько наступательных акций, зачастую достаточно серьезных. Так, сотрудник аппарата военно-морского атташе капитан-лейтенант Омаи оставил в гостиничном номере портфель с совершенно секретными документами всего на 15 минут, за которые к нему успели подвести привлекательную женщину. Он адекватно прореагировал на “медовую ловушку” и зашел в ее комнату, где и был заперт. Пока Омаи выбирался оттуда, сотрудники морской контрразведки успели перефотографировать материалы, по которым установили основные направления оперативной работы японцев. В частности, именно тогда выяснилось, насколько большое значение противник придает изучению личностей.

В 1935 году Бюро военно-морской разведки заинтересовалось вашингтонской резиденцией капитана 1-го ранга Ямагути, одновременно служившей ему жилищем и служебным кабинетом, и решило любой ценой тайно проникнуть в нее. Постоянно висевшие на окнах квартиры тяжелые шторы еще более заинтриговывали американцев, однако осуществлению замысла препятствовало постоянное нахождение внутри нее шофера или кого-либо из сотрудников атташата. Руководивший операцией будущий заместитель начальника разведки Эллис Захариас все же сохранял убеждение в ее осуществимости и специально организовал обед, на который решил выманить возможно большее число обитателей резиденции. Готовясь к проникновению, он заблаговременно организовал периодические и нерегулярные отключения электроэнергии в комнатах японцев для создания иллюзии неисправности проводки и приучения их к обыденности этого досадного явления. В результате при очередном отключении электричества во время приема остававшиеся в резиденции клерк и шофер не насторожились, а восприняли это как рядовую поломку и вызвали ремонтника. Прибывший “монтер” обследовал помещения и не обнаружил в них специальной проводки, необходимой в те времена для питания радиопередатчика или шифровальной машины. После этого контрразведка убедилась, что все разведывательное оборудование размещено не в атташате, а в здании посольства на Массачусетс-авеню. Стабильная подача электроэнергии была восстановлена, и перебои уже никогда больше не тревожили обитателей резиденции.

Осенью 1940 года японцы совершили зондажный выход на актера и бывшего моряка Эла Блейка, а в марте 1940 года повторили его уже в более конкретной форме, не оставлявшей сомнений в характере предлагаемого ему сотрудничества. Американец оказался не только патриотом, но и достаточно изобретательным и находчивым человеком. Он сразу же заинтересовал вербовщика сообщением о якобы имевшемся у него друге по имени Джон Кэмпбелл, писаре на базировавшемся в Перл-Харборе линкоре “Пенсильвания”, после чего немедленно сообщил об этом контрразведке. ОНИ воспользовалось сложившейся удачной ситуацией и под этим именем внедрило на корабль своего сотрудника, что позволило провести успешную операцию по дезинформации противника.

В отличие от немцев и японцев, Советский Союз до самого конца 1920-х годов практически не занимался в Соединенных Штатах оперативной деятельностью. Причин тому было несколько. Прежде всего, значительное удаление страны от Европы и отсутствие в ней дипломатических представительств СССР не позволяли создать в США “легальную” инфраструктуру разведки. В других государствах в аналогичных ситуациях ИНО и Разведупр действовали через местных коммунистов. Такая стратегия хотя и грозила опасностью провала, но все же позволяла создать нелегальные сети и зачастую давала возможность выйти на вполне достойные разведывательные позиции. Однако в данном случае все обстояло иначе. На первом этапе коммунистическое движение в США было расколото на фракции и крайне неустойчиво, к тому же его составляли в основном иммигранты. Например, в 1928 году из

34 тысяч членов Рабочей партии английским языком владели только 4 тысячи человек. Опираясь на подобные структуры было бы верхом легкомыслия, поэтому в условиях отсутствия насущной необходимости в ведении оперативной работы в Соединенных Штатах попытки в этом направлении не совершались. Обстановка изменилась на рубеже 1928 — 1929 годов. Подготовка к принятию первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР вызвала необходимость усиления научно-технической разведки для добывания передовых технологий. В этом отношении США являли собой объект первостепенной важности, и руководители ИНО и Разведупра получили указание открыть новое для себя направление. Единственным каналом для более-менее уверенного проникновения в Соединенные Штаты располагал Коминтерн, работавший на континенте с начала 1920-х годов. К рассматриваемому моменту его точки уже имелись в Нью-Йорке, Новом Орлеане и Сан-Франциско, руководство ими осуществлял Вилли Мюнценберг из Берлина. Финансирование шло по каналам, созданным работавшими на советскую разведку известными предпринимателями Армандом и Джулиусом Хаммерами. Несколько позднее, после создания Англо-советского акционерного торгового общества (АРКОС), руководящий сетью Коминтерна в США центр ненадолго переместился в Лондон, позднее в Канаду, а на заключительном этапе — в Нью-Йорк, под крышу также акционерной Американской торговой компании (Амторг), за Берлином осталось лишь общее руководство американским направлением деятельности Коминтерна. К этому времени СССР уже финансировал развитие коммунистического движения в стране с прицелом на его дальнейшее использование в разведывательных целях, для чего использовались созданные в Европе предприятия ИНО и Разведупра. Одновременно с решением неотложных организационных проблем следовало выяснить, на какие силы в левом движении может опереться СССР. К 1929 году бывшая Рабочая партия наконец стала коммунистической партией США, увеличив свою численность за счет как иммигрантов, так и граждан Соединенных Штатов.

Следует отметить, что Коминтерн в США выполнял сугубо вспомогательную задачу создания инфраструктуры для разведки, в первую очередь военной, и работал достаточно вяло. Он осуществлял связь со своими контактами через журналиста Уиттакера Чэмбера, который в 1932 году получил инструкции выйти из коммунистической партии и сконцентрироваться на нелегальной деятельности, а следующем году прошел специальную подготовку и работал на связи с советской военной разведкой. В 1937 году из опасения подвергнуться репрессиям он отказался выехать в Москву и открыто объявил о тайном сотрудничестве с СССР ряда чиновников правительственных ведомств, в том числе Олджера Хисса из государственного департамента и Гарри Декстера Уайта из министерства финансов. Официальные советские источники категорически отвергали обвинения в их адрес, нарушив тем самым общеизвестный принцип, согласно которому подобные заявления не комментирует ни одна секретная служба. Существует, однако обоснованное предположение о том, что связи Хисса и Уайта с советской разведкой носили конспиративный характер

В этой истории осталось много неясностей. В 1939 году Чэмберс обвинял Хисса не в шпионаже, а просто в приверженности коммунизму, причем его имя стояло последним в предоставленном помощнику госсекретаря Берлу длинном списке. О людях из списка он заявил: “Это была элитарная группа... члены которой должны были как можно выше подняться в правительстве, чтобы тем самым принести пользу коммунистической партии”⁴²¹. Проведенная специальным агентом по безопасности проверка не подтвердила обвинение, и на длительный период о нем забыли, однако Чэмберс не оставлял попытки разоблачить коммунистический заговор и в 1941 году официально заявил о своих подозрениях в ФБР. После этого Бюро на протяжении семи лет прослушивало телефонные разговоры Хисса, к тому времени уже ушедшего с государственной службы и занимавшего должность президента “Фонда Карнеги”, а в 1948 году конгрессмен от штата Калифорния Ричард Никсон решил использовать эту ситуацию для набора политических очков. Зерно упало в благодатную почву послевоенного антикоммунизма, Уайт и Хисс подверглись унижительным многочасовым допросам. Первый из них три дня спустя умер от инфаркта, Хисс попытался подать встречный иск в суд, но в итоге сам попал в тюрьму по обвинению в лжесвидетельстве под присягой и находился в заключении с марта 1951 по ноябрь 1954 года. Его дело послужило серьезным толчком для упрочения позиций возглавляемой сенатором Маккарти печально знаменитой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, изрядно дискредитировавшей правительственную систему США. После выхода из тюрьмы Хисс безуспешно пытался оп-

равдаться, но так и умер нереабилитированным, Чэмберс же в 1961 году умер от сердечного приступа⁴²², однако в 1980 году был посмертно награжден “Медалью свободы”.

С середины 1930-х годов главной линией работы советских спецслужб в Соединенных Штатах стала ориентированная на высокий промышленный и научный потенциал страны научно-техническая разведка. Одной из наиболее результативных операций стала закупка и вывоз из страны образцов танков конструкции Уолтера Кристи. Первоначально 24 декабря 1930 года из Нью-Йорка в СССР были отправлены две машины Кристи “Модель 1930 года” без башен и вооружения. Хотя в экспортном разрешении они и фигурировали под названием “тракторы”, вывоз техники являлся легальным. Госдепартамент дал согласие на поставку в Советский Союз как этих двух шасси, так и следующей модели. Образец машины прибыл в Советский Союз и даже принял участие в одном из парадов на Красной площади, став прототипом знаменитой массовой серии танков БТ. Эта последняя экспортная поставка также была вполне законной, однако последовавшая резкая реакция на нее военного министерства США породила широко бытующую легенду о контрабандном вывозе машины.

В. Е. Горев

Разведупр не ограничивался открытой деятельностью и активно использовал агентурно-оперативные методы. Его нелегальные резидентуры в Соединенных Штатах Америки возглавляли Б. Я. Буков (“Питер”, “Саша”, 1936 — 1939), А. А. Адамс (“Ахилл”, 1935 — 1938 и 1939 — 1945) и З. В. Литвин (“Мулат”, 1937 — 1946). Однако у них имелись и предшественники, хотя деятельность этих разведчиков в большинстве случаев носила либо ознакомительный, либо нерегулярный характер. При этом в Соединенные Штаты на должность нелегального резидента направлялись весьма известные в Разведупре фигуры. Здесь следует упомянуть бывшего резидента в Вене Феликса Вольфа (под фамилией В. Б. Котлов, в действительности В. Г. Раков), Я.-А. М. Тылтыня с женой М. Ю. Шуль-Тылтынь, М. С. Штерна (под фамилией Марк Зильберт), В. Е. Горева, и А. П. Улановского.

Первым “легальным” резидентом внешней разведки в США стал П. Д. Гутцайт (П. Д. Гусев, “Николай”), первым нелегальным В. Б. Маркин (“Оскар”, “Вальтер”, “Дэвис”, “Герман”). Последний с 1926 по 1929 годы работал в военной разведке, но был направлен в США в 1932 году по линии ИНО и возглавил объединенную (ИНО и Разведупр) резидентуру. Известно о двух его агентах в государственном департаменте — “Дэниеле” и “Вилли”, с которыми резидент работал через агента-групповода “Лео”. Источники поставляли доброкачественную информацию и оплачивались сверх меры высоко: “Дэниел” ежемесячно получал по 500, а “Вилли” ежегодно — по 15 тысяч долларов США. Впоследствии выяснилось, что последний никогда не существовал, “Лео” выдумал его ради заработка. Подробные сведения о результатах работы Маркина в Соединенных Штатах отсутствуют, резидент известен в основном своей загадочной гибелью в Нью-Йорке в 1934 году, когда он был обнаружен в кинотеатре с проломленным черепом. После этого единственным человеком, знавшим обо всех его источниках, остался Чэмберс.

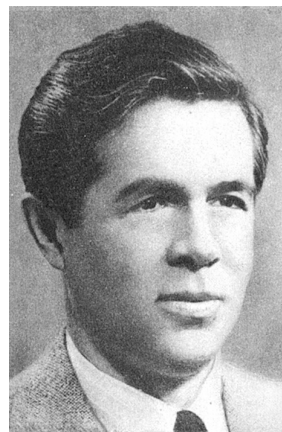
Б. Я. Базаров

Многие исследователи полагают, что первым реально работавшим нелегальным резидентом внешней разведки следует считать Б. Я. Базарова (Шпак, “Буков”, “Быков”, “Норд”). И он, и Гутцайт проработали в США до массовой чистки закордонных резидентур, в 1938 году были отозваны в Москву и репрессированы вместе с еще одним оперативным сотрудником Б. П. Румянцевым. Помимо прямого ущерба для работы, эта акция повлекла за собой и другие негативные последствия. Сообщение о расстреле работников американской

П. Д. Гутцайт

загранточки появилось в московских газетах. Оттуда оно попало в американскую прессу и весьма напугало прочитавших его советских агентов в США, после чего убедить их не прекращать сотрудничество стоило немалых трудов. Тем временем Центр утвердился во мнении о ненужности научно-технической разведки, навеянным декларативными заявлениями Берия, Молотова и Ворошилова об изначальном превосходстве социалистической науки, которой якобы нечему учиться у капиталистов. По этой причине в Москве всерьез собрались закрывать линию НТР, отозвать в СССР и заменить абсолютно всех сотрудников нью-йоркской резидентуры и законсервировать все ее источники, за исключением работавших по линиям политической разведки (ПР) и прикрытия нелегалов (Н). Особо негативную роль в этом сыграл недолгий начальник внешней разведки В. Г. Деканозов. К счастью, его преемник П. М. Фитин проявил дальновидность и понимание проблемы, чем фактически спас и советскую научно-техническую разведку, и американскую точку, вскоре укрепленную новыми сотрудниками.

И. А. Ахмеров

После разгрома 1938 года фактическим резидентом внешней разведки в Соединенных Штатах Америки стал поверенный в делах, а затем посол СССР в США и Мексике К. А. Уманский, в оперативной переписке НКВД именованный «Редактором». Естественно, он ни в коей мере не являлся разведчиком, однако его роль в секретной дипломатии и общем руководстве деятельностью остатков резидентуры была крайне велика. Гибель посла в авиационной катастрофе стала сильным ударом по дипломатии и разведке, вопреки домыслам некоторых историков 1960-х годов, обвинявших НКВД в его убийстве. В том же 1938 году исполнять обязанности по руководству повседневной работой резидентуры стал И. А. Ахмеров («Юнг»), фактически подчинившийся Уманскому. Он осуществил несколько перспективных вербовок, весьма способствовавших сбору информации в предстоящие военные годы. Одним из важнейших источников Ахмерова оказалась Бетти Лаури («Ада»), которая затем, несмотря на все существовавшие ограничения, официально вышла за него замуж.

Судя по всему, разрешение на брак удалось получить лишь благодаря тому, что родным дядей Бетти являлся лидер коммунистической партии США Эрл Браудер. Позднее «легальным» резидентом стал специализировавшийся по линии НТР Г. Б. Овакимян. Он начал работу в США еще в 1933 году в Нью-Йорке под прикрытием стажировки в химическом институте, а затем перешел в аппарат уполномоченного Наркомхимпрома при Амторге. Овакимяну вместе с Гутцайтом принадлежит заслуга открытия новой формы работы с закордонной агентурой, при которой один агент (групповод) руководит работой нескольких других, замыкавшихся непосредственно на него, а не на оперработника резидентуры. Эта идея возникла у них после привлечения к сотрудничеству источника «Дэвиса», поставлявшего информацию о приборах и оборудовании, производившихся на предприятиях группы компаний «Сперри». Овакимян и Гутцайт решили использовать его в качестве непосредственного вербовщика, причем рискнули пойти на это самостоятельно, не дожидаясь получения обязательной в подобных случаях санкции Центра. Вторым групповодом стал один из наиболее примечательных источников резидентуры, находившийся на прямой связи с рези-

Г. Б. Овакимян

Я. Н. Голос

Элизабет Бентли

дентом — Я. Н. Голос (“Звук”, “Тимми”). Он работал на советскую разведку с 1930 года и первоначально вел несколько направлений, важнейшими из которых являлись легализационная и вербовочная работа и добывание бланков документов. Позднее он возглавил группу самостоятельно завербованных им агентов. Групповод № 2 действовал в США по 1943 год и умер от сердечного приступа. Любовницей и фактической помощницей “Звука” являлась Элизабет Бентли (“Мирна”, “Умница”), которой он в последний период передоверил значительную часть своих связей с коммунистической партией и с агентурой, и которая после его смерти выдала ФБР все доступные ей сведения о нелегальной работе в США.

Разоблачения Бентли стали одним из самых крупных и болезненных провалов в истории советской разведки. Их тяжесть усугублялась изначально непродуманным с точки зрения конспирации построением нелегального аппарата в Соединенных Штатах, при котором широко практиковалось переплетение связей, совместная работа сетей внешней и военной разведок и негласного аппарата Коминтерна, а также “бригадный” метод деятельности резидентур.

Однако все перечисленные недостатки сказались существенно позднее, а пока за период 1939 — 1940 годов Центр получил из Нью-Йорка 163 образца технических новинок и более 450 информационных документов, среди которых особого внимания заслуживали материалы по атомной тематике. Овакимян первым из советских разведчиков обратил внимание на эту проблему и начал ее разрабатывать, хотя первоначально Москва и не поощряла подобную абсолютно безрезультатную, по ее мнению, деятельность. Но после получения аналогичных сигналов из Лондона скептически относившийся к этой линии НКГБ СССР занялся ей всерьез, что в дальнейшем позволило разведке внести весьма значительный вклад в создание советского атомного оружия.

Овакимян занял должность резидента в сложных условиях. В день он проводил до десяти встреч с агентурой и работал в крайнем напряжении, в итоге притупившем его бдительность и приведшим к упущению в руководстве источником “Октан” (доктор Кук). Агент самостоятельно, без санкции резидентуры решил “втемную” добыть данные о компании “Кэллог”, однако сделал это непрофессионально и насторожил своего собеседника, доложившего руководству о проявлении подозрительного интереса к его деятельности. По заявлению директора фирмы ФБР взяло “Октана” в разработку и установило факт разведывательной активности представителя Наркомхимпрома Овакимяна. Резидент уже собирался уезжать в Советский Союз и даже успел купить билет на пароход, но перед этим 5 мая 1941 года все же решил провести еще одну, последнюю встречу с агентом. Она закончилась его задержанием сотрудниками ФБР с поличным в момент получения материалов от источника “Октан”. Овакимян не пользовался дипломатическим иммунитетом и был заключен в американскую тюрьму, а вся эта история вызвала значительный резонанс в прессе. Разведчик вышел на свободу и смог покинуть США только после 22 июня 1941 года, когда правительство в Вашингтоне стало относиться к СССР как к потенциальному союзнику в весьма вероятной будущей войне с нацистской Германией. До этого в целях конспирации число активных источников резидентуры было резко уменьшено, 21 из них перевели на консервацию и оставили лишь 14 наиболее ценных. Эта мера практически не сократила объем добываемой информации, зато существенно повысила безопасность операций.

3. КРИПТОАНАЛИЗ

Лучшие страницы в историю национальных спецслужб Соединенных Штатах вписали дешифровальщики. Начало этому в 1917 году положил ведущий американский криптоаналитик Герберт Осборн Ярдли, возглавивший основанный тогда же так называемый “Черный кабинет” — существовавшее по 1929 год Бюро шифров. Иначе оно называлось 8-й секцией разведки (МИ-8). В первые же послевоенные годы это подразделение достигло весьма существенных успехов, в особенности во вскрытии японских кодов и шифров, причем в условиях постепенного сокращения штатов и финансирования. Если в ноябре 1918 года Бюро насчитывало 18 офицеров, 24 гражданских криптографа и 109 машинисток и стенографисток, то уже к маю следующего года его штатная численность сократилась до 15 офицеров, 7 гражданских криптографов и 55 технических служащих⁴²³. После участия Ярдли в 1919 году в Парижской мирной конференции в качестве главного криптографа амери-

канской делегации руководство разведки объявило о предстоящем свертывании дешифровальной работы ввиду утраты ее актуальности. Ярдли категорически возражал и подготовил доклад под названием “Изучение и раскрытие кодов и шифров”, в котором указывал, что Соединенные Штаты имеют достаточно врагов во всем мире, и вскрытие их шифрсистем позволит правительству заблаговременно получить информацию о возможных угрозах национальной безопасности. Ярдли предлагал не прекращать эту работу, а реорганизовать МИ-8 в криптографическую службу мирного времени с двойным подчинением государственному департаменту и штабу армии. Эта аргументация настолько впечатлила начальника разведки генерала Мальборо Черчилля, что он уговорил государственного секретаря сохранить Бюро шифров и финансировать его работу из секретного фонда. Первоначальный бюджет Бюро составил 45 тысяч долларов вместо запрошенных 96 тысяч, а к 1929 году снизился до 19630 долларов⁴²⁴. В целях маскировки в августе 1919 года Бюро переместили из Вашингтона в Нью-Йорк. Для его прикрытия использовалось наименование “Компания по составлению кодов”, почти полностью совпадавшее с названием частной компании Ярдли “Компания по составлению кодов, Инк”. Ведущий американский криптограф постоянно совмещал свою работу на правительство с бизнесом и, наряду с владением упомянутой компанией, разработавшей и продававшей “Универсальный торговый код”, являлся также консультантом одной из фирм и брокером по торговле недвижимостью.

За первое послевоенное десятилетие самым результативным делом возглавляемого Ярдли ведомства явилось вскрытие японского дипломатического кода, позволившее американцам читать инструкции, получаемые из Токио делегацией на Вашингтонской конференции 1921 года по ограничению морских вооружений. Позиция США предусматривала установление соотношения тоннажа военных флотов Соединенных Штатов и Японии в пропорции 10:6, японцы же настаивали на его увеличении до 10:7. Криптоаналитики Бюро шифров вскрыли инструкцию японской делегации о допустимом размере уступок, что позволило американцам занять жесткую позицию и настоять на своем, не опасаясь сорвать конференцию.

Конечным продуктом криптографической службы являлся рассылаемый в Отдел военной разведки и государственный департамент бюллетень, в который включались все заслуживающие внимания факты, естественно, без ссылок на подлинное происхождение информации. Все сообщения начинались стереотипно: “Из заслуживающих доверия источников установлено, что...”. При этом никакого информационно-аналитического подразделения в Бюро шифров не существовало, материалы отбирал лично его руководитель, часто по субъективным признакам.

В 1920 году Ярдли доложил о раскрытии четырех японских кодов, но это утверждение было не вполне корректным, поскольку вскрытые системы являлись не кодами, а шифрами, причем довольно невысокого уровня стойкости. Однако вскоре после этого Бюро шифров действительно достигло впечатляющих успехов. Всего с 1917 по 1929 годы американцы сумели скомпрометировать 31 японскую шифрсистему (условные обозначения от JA до JZ и от JAA до JEE) и прочесть 10000 текстов, из них 1600 относившихся к Вашингтонской конференции. Это было очень высоким показателем, особенно с учетом острой нехватки сотрудников со знанием языка. На раннем этапе работы Ярдли спланировал и совместно с Бюро военно-морской разведки осуществил операцию по получению опорных слов в закрытом тексте японской шифровки, способных служить отправными точками для ее прочтения. По его предложению заместитель директора ОНИ подполковник Р. Мак-Кенни 29 января 1920 года направил меморандум японскому военному атташе в Вашингтоне генерал-майору К. Иноуэ, в котором попросил того проверить данные на недавно прибывшего в США из Токио русского по происхождению Владислава Филопеи, или Венцеслава Филофи. Этот человек и в самом деле появился в Соединенных Штатах и прошел на границе стандартную процедуру опроса иммиграционными властями, в ходе которой предоставил им некоторую информацию, однако прибывший и понятия не имел о том, что он якобы предложил свои услуги американскому правительству и отрекомендовался при этом личным секретарем атамана Семенова. В послании содержалась также ссылка на некоего Гортинского, также проживающего в японской столице. Иноуэ попался в ловушку и запросил Токио по сути меморандума. Получив ответ, 26 февраля он проинформировал американцев, что Филопеи-Филофи и в самом деле находился в контролируемых японцами частях Семенова, но всего лишь военным священником. Комбинация Ярдли вполне удалась, в радиоперехвате появился не один, а сразу шесть ключей для дешифровки, представлявших собой все перечисленные

имена и фамилии. Впрочем, она несколько запоздала и оказалась не столь полезной, как планировалось, поскольку криптоаналитики уже подошли к вскрытию японской шифрсистемы математическим путем.

По сравнению с Японией, Германия занимала в планах США значительно более скромное место, и Бюро шифров прилагало соответственно меньшие усилия по вскрытию немецкой переписки. Послевоенные дешифровки базировались на полученных в Нидерландах в 1919 году ключах, которые предложил американским представителям инициативник, известный под агентурным псевдонимом “Дачмэн”. Личность этого человека осталась неустановленной, известно лишь, что его английский язык был весьма совершенен, но акцент напоминал русский, а почерк не соответствовал принятой в Западной Европе системе каллиграфии. Вероятнее всего, он являлся подданным бывшей Российской империи, служащим ее криптографического ведомства. Как часто случается в подобных случаях, “Дачмэна” обманули: когда он оставил кодовые таблицы для изучения, их сфотографировали и вернули, якобы по причине ненадобности. На основании его данных американцы сумели вскрыть германские коды с обозначениями 2500, затем 2970, 9700, 5300 и 1219. Всего Бюро шифров читало 20 германских кодов и шифров, однако на послевоенный период из них приходилось лишь 9, фактически представлявших собой вариации двух базовых систем.

Главную проблему для дешифровальщиков составляло все же не прочтение переписки, а получение исходных текстов, а с этим положение являлось весьма сложным, если не критическим. Во время недавней войны копии всех перехваченных телеграмм в обязательном порядке предоставлялись в распоряжение военного ведомства, а представители МИ-8 отбирали представляющие интерес сообщения. Зато в мирное время частные телеграфные компании немедленно вспомнили о существовании “Закона о радиокommunikациях”, ратифицированного конгрессом США 13 августа 1912 года на основании Международной радиотелеграфной конвенции от 5 июля 1912 года. Этот нормативный акт гарантировал тайну корреспонденции, не предусматривая никаких исключений для любого правительственного органа: “Лицо или лица, вовлеченные в процесс или осведомленные об операциях любой станции или станций, не должны распространять или публиковать содержание любых сообщений, переданных или полученных такой станцией, исключая лицо или лиц, которым таковые адресуются, или их уполномоченных агентов, или другую станцию, занятую передачей такого сообщения по его назначению, если только это не будет официально предписано судом надлежащей юрисдикции или иным компетентным органом”⁴²⁵. Криптоанализ немислим без перехватов, но упомянутая правовая норма не допускала послаблений даже для периода военных действий. Незаконность перехватов подтвердил и “Закон о радио” 1927 года, делавший изъятие лишь для информации, специально распространяемой для всеобщего сведения. Очевидно, что под эти послабления не попадали ни телеграммы иностранных дипломатических представительств, ни их радиограммы, конкретно адресуемые своим правительствам в лице министерств иностранных дел, однако последние хотя бы можно было перехватывать из эфира, не прибегая к услугам частных телеграфных компаний.

Соединенные Штаты являются совершенно особенным, во многих отношениях непостижимым для европейцев государством. Их правовая система вполне позволяет, например, похитить, судить и отправить в тюрьму президента независимой страны или же по собственному усмотрению осуществить вооруженное вторжение в крохотное соседнее государство, однако нередко ограничивает, казалось бы, элементарно необходимые действия собственного правительства. Поразительным являлось не само по себе наличие категорического запрета на подслушивание переговоров и перехват переписки иностранных миссий, содержавшегося в законах о радиокommunikациях 1912 года и о федеральных средствах связи. Подобные ограничения существовали и в других странах, но только на бумаге. Проблема заключалась в том, что в США эти положения неукоснительно соблюдались, и частные телеграфные компании, как правило, отказывались содействовать властям в их нарушении. Опасения связистов были совершенно обоснованы, ибо в случае утечки информации о таком их содействии существовала вполне реальная опасность не просто потерять лицензию на право деятельности, но и отправиться в тюрьму — и это за помощь собственному правительству в разведывательных и контрразведывательных операциях! Указанная ситуация почти исключила легальные возможности получения текстов зашифрованных телеграмм иностранных представительств. Радиограммы технически можно было перехватывать из эфира без всякого специального разрешения, однако в начале 1920-х годов передатчики были еще весьма

несовершенны, и основной массив переписки шел по телеграфным каналам, отныне наглухо закрытым для дешифровальщиков. Безусловно, принимавшие подобный нормативный документ американские законодатели менее всего собирались ущемлять специфические интересы криптоаналитиков. Судя по всему, окончательным толчком к принятию этого закона послужила публикация в газете “Лос-Анджелес Экспресс”, в июле 1911 года напечатавшей перехваченную радиogramму, адресованную редактору конкурирующей газеты “Лос-Анджелес Геральд”. Редактора “Экспресса” Эдвина Эрла арестовали по обвинению в краже, но судья немедленно оправдал его, заявив, что использование чужих “аэрограмм” не запрещается законами штата Калифорния и поэтому не влечет за собой уголовную ответственность. Хотя в результате принятия “Закона о радиокommunikациях” конгрессмены имели в виду лишь подобные ситуации, в результате самый сильный удар пришелся по криптоаналитикам. Однако законодателей невозможно упрекнуть в близорукости, поскольку в 1912 году никакого “Черного кабинета” еще не существовало, а позднее его наличие являлось одним из самых тщательно скрываемых государственных секретов и до 1931 года просто-напросто не было известно практически никому.

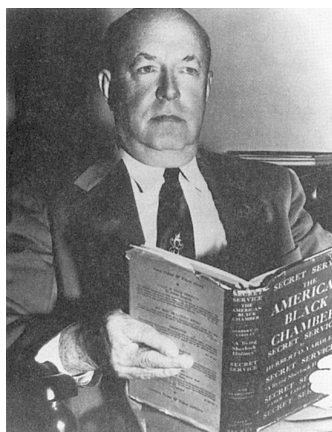
Трудности с перехватами начали сказываться на работе Бюро шифров с апреля 1921 года и вскоре стали его основной проблемой. Войска связи не смогли наладить регулярное получение текстов иностранных радиogramм, в это же время потерпела неудачу и попытка установить пост перехвата в Китае, в непосредственной близости к радиостанциям наиболее вероятного противника — Японии. Ярдли буквально метался в поисках путей решения проблемы, однако не находил их. В 1922 году он узнал о существовании устройства для автоматического перехвата сигналов азбуки Морзе из эфира и записи их на бумажную ленту и добился проведения его испытания. К сожалению, попытка использовать подобное изделие для чтения переписки генерального консульства Японии в Сан-Франциско показала его полную непригодность. Следовало искать иное решение проблемы. Первые перехваты радиogramм начали поступать лишь с 1923 года, причем в весьма незначительном количестве. Например, за весь 1926 год Бюро шифров получило от войск связи всего 11 исходных текстов, и хотя в следующем году их количество выросло до 428, этого также было крайне мало. Ввиду явного недостатка материалов для обработки криптоаналитики занялись дешифровкой сообщений прошлых лет.

Перечисленные причины привели к падению интереса к работе Бюро шифров. Первым на это отозвался Отдел военной разведки, поручивший майору Оуэну Олбрайту проанализировать всю систему шифров и дешифрования в вооруженных силах. Результаты оказались крайне неутешительными. Майор пришел к выводу о необходимости сконцентрировать всю работу по криптографии и криптоанализу в едином ведомстве, тогда как в рассматриваемый период ей занимались три армейские структуры: войска связи (перехваты, разработка систем кодов и шифров), Бюро генерал-адъютанта (печатание, хранение и рассылка шифрматериалов) и военная разведка в лице Бюро шифров (криптоанализ). Кроме того, Олбрайт отметил, что дешифрованные материалы представляют интерес в первую очередь не для армии, а для государственного департамента, однако бремя финансирования этой деятельности в основном ложилось на военное министерство. Немало претензий предъявлялось и лично к Ярдли. Отмечалось, что он слишком много времени уделяет собственному бизнесу и абсолютно не занимается, в частности, подготовкой новых кадров криптоаналитиков. Это являлось довольно тревожащим обстоятельством, поскольку средний возраст сотрудников Бюро шифров не давал оснований надеяться на их нахождение в строю к моменту возможного возникновения будущей войны.

Заключение совпало по времени с приходом к власти новой администрации президента Герберта Гувера, назначившего государственным секретарем Генри Стимсона, дипломата старой школы, не любившего тайные операции и разведку во всех ее проявлениях. До мая 1929 года госсекретарь не имел никакого понятия о существовании Бюро шифров и не успел обнаружить, что оно частично финансируется из бюджета вверенного ему ведомства. Получив от Ярдли первый бюллетень, консервативный Стимсон пришел в ужас и в напыщенной манере заявил об абсолютной противозаконности подобной деятельности: “Джентльмены не читают переписку друг друга”⁴²⁶, после чего закрыл финансирование Бюро. Впоследствии он пытался оправдаться за этот недалекий поступок и ссылался на спокойную международную обстановку описываемого периода, однако это уже ничего не меняло. Вне зависимости от мотивов госсекретаря, после его вмешательства успешно работавшая крип-

тографическая служба США прекратила свое существование. Оставшийся не у дел Ярдли был крайне обозлен на правительство и испытывал немалое беспокойство из-за утраты основного источника средств к существованию. Оба этих фактора подвигнули его к написанию серии разоблачительных статей, опубликованных в апреле и мае 1931 года в газете “Сэтэрди Ивнинг Пост”: “Секретные чернила”, “Коды” и “Шифры”. Впоследствии они вошли в бестселлер Ярдли о своей работе под названием “Американский Черный кабинет”. Книга произвела впечатление разорвавшейся бомбы и вызвала ряд официальных и неофициальных запросов иностранных правительств. Быстрее других отреагировало министерство иностранных дел Великобритании. В Форин офис выразили крайнее возмущение фактом разглашения совершенно секретной информации, в свое время предоставленной Ярдли как официальному лицу, действующему офицеру разведки союзного государства. Не меньше возмущались японцы, но по совершенно иной причине. Они не могли простить Вашингтону его коварство, а милитаристские общества успешно использовали “Американский Черный кабинет” для разжигания агрессивных настроений в стране. Спешно переведенные на японский язык 30 тысяч экземпляров книги Ярдли разошлись в Токио в течение одного месяца и принесли автору ощутимый доход, а также враждебное отношение правительства и армии США из-за выдачи тщательно охраняемых государственных тайн. Конгресс выдвинул законопроект, запретивший действующим или бывшим служащим федеральных ведомств публиковать или иным способом раскрывать имевшуюся в их распоряжении информацию ограниченного распространения. После его подписания в 1933 году президентом проект стал Законом № 37. Теперь любое лицо, использующее секретные материалы правительства в личных целях без соответствующего разрешения, подлежало уголовному преследованию.

Доходы от книги Ярдли получал недолго. Решением суда ее распространение запретили по причине разглашения секретной информации, однако бывший криптограф успел немало заработать на продаже даже части тиража. В дальнейшем он попытался добыть средства к существованию изобретением симпатических чернил, но правительство отказалось покупать их. Новую книгу Ярдли “Японские дипломатические секреты” запретили еще на стадии подачи рукописи к рассмотрению, и тогда он обратился к беллетристике, написав шпионскую комедию “Белокурая графиня”. Книга успешно распродавалась, в 1935 году на ее основе был создан киносценарий и снят фильм под названием “Рандеву”.

Герберт Ярдли

Позднее скучавший по прежней работе Ярдли попытался вернуться на правительственную дешифровальную службу, однако был отвергнут как утратившее доверие лицо, после чего в 1938 году по приглашению Чан Кайши уехал в Китай и вскрывал там японские шифры в непосредственном подчинении начальника Бюро военной статистики генерала Дай Ли. После этого в карьере американца наступил короткий (6 месяцев), но достаточно яркий период организации дешифровального органа Канады, подробно рассматриваемый в соответствующей главе данной книги. Англичане энергично воспротивились такому кадровому решению правительства своего доминиона, и в итоге драматичных переговоров Ярдли был уволен. В дальнейшем он никогда более не состоял на государственной службе, написал известное пособие по игре в покер, умер в 1958 году и был похоронен на Арлингтонском национальном кладбище.

Упомянутые выводы майора Олбрайта не пропали даром и стали причиной не только ликвидации Бюро шифров, но и толчком к разработке принципиально нового подхода к организации всей криптографической и криптоаналитической работы. С учетом наличия в составе войск связи подразделений радиоперехвата и некоторого количества обученных дешифровальщиков, было принято решение о передаче в его ведение всей работы с кодами и шифрами, за исключением функций, относившихся к компетенции генерал-адъютанта (до 1934 года). Этому способствовало странное отсутствие у военной разведки интереса к вскрытию шифров противника, судя по всему, объяснявшееся исключительно финансовыми проблемами. В результате измененный раздел “е” Устава 105-5 с 10 мая 1929 года вменял войскам связи ряд соответствующих обязанностей: “разработка и пересмотр всех требую-

щихся для армии кодов и шифров, в военное время перехват радиообмена и телеграфной переписки противника, пеленгация радиостанций противника, раскрытие перехваченных кодированных и шифрованных сообщений противника, лабораторные приготовления к обнаружению и применению секретных чернил⁴²⁷. В том же 1929 году эту концепцию принципиально пересмотрели. В составе военного министерства создавалась абсолютно новая структура — Служба радиоразведки (СИС), в функции которой входило составление кодов и шифров, раскрытие кодов и шифров противника, перехват радиообмена противника и пеленгация его радиостанций (в военное время), а также работа с симпатическими чернилами. Дополнительной функцией военного времени являлось лабораторное исследование и изучение захваченных вражеских документов, относящихся к шифрованной и кодированной переписке.

Организационная структура центрального аппарата СИС была несложной:

- Административная секция (общие вопросы функционирования службы);
- Секция безопасности (прослушивание собственных радиопередатчиков армии и анализ их радиообмена для обнаружения пробелов и упущений в организации закрытой связи);
- Секция радиоразведки (постановка радиоразведывательным ротам конкретных задач по прослушиванию, перехвату и пеленгации станций противника);
- Секция кодов и шифров (дешифровка перехваченных текстов и составление собственных шифрсистем);
- Особая секция (вопросы применения и обнаружения симпатических чернил, передача полученных результатов в разведку и контрразведку).

Исполнительными органами Службы радиоразведки являлись периферийные подразделения в виде радиоразведывательных рот. Они состояли из штаба и трех групп, занимавшихся контролем за радиообменом противника, перехватом и пеленгацией.

Вся деятельность СИС была направлена на подготовку к будущей войне, поэтому в области криптоанализа ее усилия концентрировались только на обучении персонала и выработке методов работы. Американцы впали теперь в противоположную крайность. Ярдли абсолютно не готовился к предстоящему военному столкновению, а занимался лишь сиюминутными проблемами и совершенно не готовил кадры, зато Служба радиоразведки поставила во главу угла именно учебу. Если в ходе тренировочных занятий ее персоналу удавалось перехватить японское или германское сообщение, то дешифровка его проводилась исключительно в учебных целях, станции перехвата на Гавайях и в Панаме также работали только как учебные, что практически свело на нет поступление информации по каналу, в дальнейшем получившему условное обозначение СИГИНТ.

К этому времени Ярдли еще не опубликовал свои сенсационные разоблачения и пока не успел стать персоной нон грата для военного министерства, поэтому ему дважды предложили поступить на работу в СИС, но не руководителем, и оба раза он отказывался. Начальником Службы радиоразведки стал сын почтового чиновника из Кишинева, возможно, самый способный из американских специалистов в этой области Уильям (ранее Вольф) Фридман. По образованию он был генетиком, однако первоначально работал в “Лаборатории Ривербэнк” в Женеве, Иллинойс, где пытался отыскать в произведениях Шекспира скрытый код, указывающий на авторство Фрэнсиса Бэкона. Поиски не увенчались успехом,

Соломон Куллбэк

Фрэнк Роуллетт

Абрахам Синков

но в их процессе Фридман понял, что его истинным призванием являются коды и шифры, с чего и начался его путь к вершинам достижений американской криптографии и криптоанализа.

Первой и главной задачей Службы радиоразведки в области криптоанализа считалась подготовка кадров. По различным причинам, в основном организационного и административного характера, сотрудники распущенного Бюро шифров на работу в нее не попали, и подбирать следовало абсолютно новых кандидатов. В конечном итоге к обучению были допущены всего четыре человека, впоследствии занявшие должности младших криптоаналитиков: Соломон Куллбэк, Фрэнк Роуллетт, Абрахам Синков и японист Джон Харт. Когда последний из них болел, его заменял прекрасно владевший японским языком бывший полковник российской императорской армии В. Айвазовгу. Вскоре группа обучающихся переросла в официальную Школу радиоразведки, ставшую не только учебным, но и теоретическим центром. К 1935 году в обстановке глубокой секретности в США вышли 19 теоретических и 4 исторические работы по криптографии и криптоанализу, в том числе и посвященные машинным способам шифрования.

Бюджет СИС с 1930 по 1937 годы был довольно постоянен и колебался в пределах от 17060 до 17400 долларов⁴²⁸, значительная его часть финансировалась из неподотчетных оперативных фондов военной разведки. Это происходило по причине абсолютной незаконности перехвата и криптоанализа иностранной переписки, ответственность за которые еще более ужесточил новый “Закон о радиокommunikациях” 1934 года. В этом же году правительство расширило и укрепило орган, контролирующий безопасность частной и иностранной переписки. Теперь он именовался не Федеральной радиокомиссией, а Федеральной комиссией по связи, а его юрисдикция распространялась уже не только на радио, но и на прочие технические средства. Парадоксальным образом это весьма способствовало сохранению тайны сотрудниками СИС, поскольку над ними довлела не только угроза абстрактной ответственности за разглашение секретной информации, но и вполне конкретный закон, который они нарушали всей своей деятельностью. Безусловно, строительство станций перехвата не позволяло полностью сохранить в тайне существование радиоразведки, однако оно маскировалось необходимостью производить на их базе обучение личного состава и его тренировку на случай военных действий. Первую армейскую точку радиоперехвата “для учебной надобности” оборудовал в подвале собственного дома в Форте Монмаут, Нью-Джерси, начальник связи 9-го военного округа Джозеф О. Моборн, в дальнейшем возглавлявший войска связи с октября 1937 года по сентябрь 1941 года. В этом неофициальном пункте перехвата была установлена аппаратура, автоматически записывавшая перехваченные сигналы на магнитную ленту, которая затем отправлялась в Вашингтон. В 1937 году активно обсуждалась идея создания станции перехвата в столице, однако на это требовалось не менее 5,5 миллионов долларов, и ввиду нехватки средств проект был похоронен. Все же к 1938 году СИС располагала уже шестью точками, записывавшими радиообмен вероятного противника, при этом основной упор делался на перехват переписки Токио с Берлином, Римом и столицами государств Латинской Америки. Штаб-квартира СИС и некоторые ее службы размещались в небольшом городке Арлингтон Холл, Вирджиния, по названию которого в дальнейшем часто именовалась армейская радиоразведка.

Важный шаг был сделан в области составления кодов. Хотя эта сторона деятельности Службы радиоразведки не относится к рассматриваемой теме, однако один из аспектов напрямую затрагивает ее. Количество составляемых шифрсистем весьма возросло, требовало огромных трудозатрат и одновременно снижало степень их безопасности из-за необходимости привлечения множества людей для выполнения технической части работы. После долгих и безрезультатных попыток как-то наладить эту деятельность на более высоком уровне решение отыскалось совершенно случайно. В 1934 году один из сотрудников СИС обратил внимание на арендованные у компании ИБМ электромеханические табуляторы, простаивавшие в службе генерал-квартирмейстера армии без всякой пользы. По неизвестной причине они не устраивали офицеров оперативного отдела, а поскольку оплаченный срок аренды заканчивался лишь через несколько месяцев, их без возражений отдали в пользование Службы радиоразведки. Результаты первой же попытки криптографов применить табуляторы в составлении таблиц кодов оказались просто ошеломляющими. Один оператор за два дня выполнил работу, ранее требовавшую усилий четырех человек в течение шести не-

Уильям Фридман

дель. “Дивизионный полевой код”, на составление которого всегда уходило 136 человеко-часов работы, был составлен за 50 человеко-часов, а после некоторого усовершенствования методики — всего лишь за 8. Особенно полезной оказалась готовность разработанных таблиц к размножению немедленно после составления. Теперь их не требовалось набирать на типографских машинах, сразу же исключалась и трудоемкая процедура корректуры набора. Так американская армия впервые подошла к применению машинной методики в шифровальной технике, ставшей первым признаком грядущего широкого применения машинных систем шифрования и дешифрования. Производительность работы увеличилась многократно, и на следующий год криптографы арендовали сразу три табулятора, высвободившие множество ресурсов для творческого труда.

К 1938 году офицер резерва Фридман передал руководство СИС действующему офицеру майору В. Ридеру, но продолжил работу в качестве его главного помощника и старшего технического советника Службы радиоразведки. Он оставался ключевой фигурой американской армейской криптографии. В марте этого же года обострение международной обстановки потребовало расширить и систематизировать работу по перехвату и криптоанализу, однако новый руководитель радиоразведывательной службы весьма отчетливо представлял себе возможные правовые последствия случайного или преднамеренного разглашения своей деятельности. Ридер направил начальнику штаба армии откровенный меморандум с обоснованием необходимости осуществления в мирное время перехвата и дешифровки иностранной переписки в интересах национальной безопасности. Фактически он просил официально разрешить армии и флоту нарушать “Закон о радиокоммуникациях” при условии соблюдения полной секретности. Военный министр не обладал полномочиями отменять принятые конгрессом законы, но весьма смело в условиях США взял на себя ответственность и письменно согласился с доводами СИС. После этого появилась возможность хоть немного отойти от нелепой практики, когда из опасения утечки информации важные сведения направлялись не нуждавшимся в них адресатам, а только помощнику начальника штаба армии по разведке. Высокопоставленным проверяющим теперь докладывали, что дешифровка производится исключительно в учебных целях, причем полученные при этом тексты никак не используются, а немедленно уничтожаются без раскрытия их содержания кому-либо. Возобновлялось составление информационного бюллетеня. Теперь он направлялся в разведывательную службу, где сведения маскировали под полученную из других источников информацию и лишь затем включали в сводки.

Армейское командование осознавало недостаточность штатов СИС и в апреле 1939 года рекомендовало увеличить численность службы с доведением ее к концу 1943 года до 35 человек и соответственным увеличением годового бюджета до 100500 долларов. Однако резко обострявшаяся обстановка заставила развивать СИС опережающими темпами. Уже 2 ноября 1939 года ее штат был увеличен на 26 гражданских специалистов и продолжал расти и далее. В результате к 7 декабря 1941 года он состоял из 331 офицера, рядовых и гражданских служащих⁴²⁹. Это далеко отставало от намеченных в связи с разрастанием войны показателей, но нужных специалистов взять было неоткуда. Для частичного снятия остроты проблемы корпус связи армии США добился разрешения на процедуру найма сотрудников, в отдельных случаях противоречащего требованиям к прохождению гражданской службы.

В 1933 году армейские криптоаналитики Соединенных Штатов достигли первых после роспуска Бюро шифров успехов в прочтении японской корреспонденции. Длительный перерыв в получении информации во многом объяснялся самыми серьезными мерами по защите переписки, принятыми японцами после сенсационных публикаций Ярдли. В течение 1931 — 1941 годов они ввели в действие 34 новых кода и шифра, по преимуществу принципиально измененных по сравнению с действовавшими ранее. Серьезным шагом вперед явилось применение с начала 1930-х годов шифровальных аппаратов типа “машина Б”, условно названных американцами “цветными”. Первое, простейшее устройство такого рода имело три ротора, один из которых шифровал исключительно гласные (6 позиций), второй — только согласные (20 позиций), а третий управлял движением первых двух. Здесь

следует отметить, что японцы использовали азбуку ромадзи, предназначенную для транслитерации латинскими буквами иероглифов, а также знаков азбук катакана и хиракана. Слабостью этой техники явилась замена гласных только на гласные, а согласных только на согласные, облегчившая подбор ключей к ней. Любопытно, что японцы создали именно такую систему для того, чтобы в итоге закрытия своей переписки получить “произносимые” слова и тем самым сэкономить на телеграфных расходах, поскольку связисты брали меньшую плату за передачу комбинаций наподобие LORNU по сравнению, например, с NXJPO. Несколько позднее “машину B” существенно изменили, дав первому ротору возможность заменять не только гласные, но и любые другие буквы алфавита. Американские армейские криптоаналитики, приступившие к попыткам вскрытия в 1932 году и добившиеся успехов лишь тремя годами позднее, условно назвали первую машинную шифрсистему “красной”. В дальнейшем, по мере совершенствования японцами своих систем, они употребляли для их обозначения иные оттенки красного цвета, наибольшую известность среди которых получил применявшийся с 1938 года “пурпурный” шифр. Его главной особенностью являлось применение особых коммутаторов, периодически прерывавших или изменявших характер движения роторов и весьма осложнявших дешифрование. Японцы использовали эти устройства в основном в дипломатической переписке, программа вскрытия которой в СИС носила кодовое обозначение “Мэджик”. Значительные трудности заставили армейцев не ограничиваться своими силами, а обратиться за помощью к морякам. Следует отметить, что в морской радиоразведке термин “Мэджик” не употреблялся, там использовалось обозначение “пурпурный” шифр или “Машина B”. Как уже указывалось, в 1935 году армейские криптоаналитики условно обозначили первую японскую машинную шифрсистему “красной”. Поскольку морские радиоразведчики работали над системой этого же ряда, они назвали ее “оранжевой”, а затем, по мере ее усложнения, именовали новые системы этого же ряда все более насыщенными оттенками красного цвета, придя вместе с армейцами в 1938 году к “пурпурному” шифру.

История радиоразведывательной службы флота началась в 1920-х годах, когда разведка ВМС влачила жалкое существование. Ей было запрещено иметь в своем составе информационно-аналитическое подразделение и вести агентурную работу, поэтому фактически она превратилась в своего рода почтовую контору для накопления поступающих из разных мест отрывочных сообщений и передачи их руководству флота. В 1921 году сменивший Альберта Паркера на посту ее начальника капитан 1-го ранга Эндрю Лонг решил исправить ситуацию и резко усилить роль дешифровальной службы, совершив тем самым прорыв в подлинную криптографию двадцатого столетия. Не менее существенным оказался приказ об увеличении числа офицеров, направляемых в Японию для изучения языка наиболее вероятного противника. Еще одним важным этапом на пути к вскрытию японских шифров стала операция под руководством будущего заместителя директора ОНИ Захариаса по снятию копии с содержащей так называемой “Красной книги” военно-морских кодов. Ее переводили на английский язык на протяжении нескольких лет, зато, как долгое время утверждали историки, в результате дешифрование японских немашинных кодов стало для американцев намного более легкой задачей. На самом деле все обстояло не вполне так и значительно сложнее. Сообщения не только кодировались по книге, но и перешифровывались затем по системе, аналогичной блокнотам разовых ключей, а эти материалы остались в неприкосновенности. Успехи криптоаналитиков Соединенных Штатов в этой области прежде всего объясняются довольно частой неаккуратностью японцев в кодировании и шифровании своей переписки.

До создания морской радиоразведки флот во время Первой мировой войны занимался пеленгацией радиоустановок противника и перехватом его сообщений, но не дешифровывал их, а передавал полученные тексты для обработки в Бюро шифров в Вашингтоне. На практике, однако, эта совместная структура армии и госдепартамента вскрывала в основном дипломатическую переписку, а на проблемы флота у нее просто не оставалось ресурсов. После войны такая деятельность вообще прекратилась, но в 1923 году по требованию военно-морской разведки всем кораблям Азиатского флота Соединенных Штатов была вменена обязанность перехватывать японские радиogramмы, а станция в Сан-Франциско начала нелегально фиксировать всю официальную переписку консульства Японии с Токио. Весьма острой оставалась проблема использования японцами не знаков азбуки Морзе, а ставивших американцев в тупик закодированных символов национального алфавита катакана. Ситуа-

цию изменил обычный старший радиооператор флота Гарри Киддер. В 1923 году с помощью жены одного из своих коллег, этнической японки, он сумел составить таблицу телеграфных эквивалентов знаков катакана, после чего начал перехватывать их вполне осознанно. В тот же период аналогичной деятельностью занимались еще несколько добровольцев, однако подобных успехов не смог достичь более никто. Благодаря усилиям Киддера, в 1924 году американцы открыли в Шанхае свой первый пост перехвата радиообмена японских консульств в Китае с Токио. В дальнейшем морские криптоаналитики пошли по перспективному пути, сопоставив одинаковые сочетания точек и тире, обозначавшие как латинские буквы, так и символы катаканы. На заводах компании “Ундервуд” была заказана специальная пишущая машинка, автоматически преобразовывавшая нанесенные на клавишах буквы в печатавшиеся знаки японской азбуки и позволявшая не знающим японского языка операторам без проблем печатать перехваченные тексты.

В январе 1924 года лейтенант Лоуренс Саффорд в строжайшем секрете от армейских криптографов организовал дешифровальную группу в Секции кодов и сигналов Бюро военно-морской связи. Этот орган радиоразведки первоначально в целях прикрытия именовался “Исследовательским сектором”, а его штат состоял из самого Саффорда и четырех гражданских криптографов. Позднее к ним присоединились два радиооператора. Практически одновременно в составе тихоокеанского флота США было организовано собственное дешифровальное подразделение, официально также предназначавшееся для тренировки личного состава и подготовки к действиям в период войны. Следует отметить, что трудности правового характера всегда меньше беспокоили моряков, чем их коллег из армии, поскольку радиogramмы для кораблей в море с некоторой натяжкой можно было квалифицировать как направляемые для всеобщего сведения, что автоматически исключало их из защищаемых американскими законами категорий корреспонденции. Почти сразу же после этого в комнате 2646 здания министерства ВМС появилась постоянная группа морских криптоаналитиков, а на острове Гуам, в Оаху, на Филиппинах и в консульстве США в Шанхае были учреждены посты радиоразведки. Однако на систематическом уровне морская радиоразведка начала осуществляться в Соединенных Штатах лишь с июля 1928 года, когда 150 моряков и 26 морских пехотинцев окончили руководимую Гарри Киддером специальную школу по перехвату и анализу иностранного радиообмена и пополнили ряды “Исследовательского сектора”. Первоначально они размещались в особой пристройке на крыше старого здания министерства ВМС, за что и заслужили ироническое прозвище “банды на крыше”. С июля 1922 года дешифровальную группу флота вывели из состава Секции кодов и сигналов и включили в Отделение военно-морской связи. С марта 1935 по сентябрь 1939 года она именовалась Группой безопасности связи (КОМСЕК) и входила в занимавшийся организацией связи 20-й отдел штаба ВМС. Это название было дано службе исключительно из соображений конспирации, однако и оно применялось достаточно редко, а в обиходе с 1920-х годов обычно употреблялось ее кодовое обозначение ОР-20-G. Такая практика продолжилась и после официального переименования группы в октябре 1939 года в Секцию радиоразведки. Она постепенно разрасталась, и вскоре в ее составе образовались собственные секции криптографии, безопасности связи, радиоперехвата и пеленгации, дешифрования и переводов.

Лоуренс Саффорда

Цели и задачи морской радиоразведки были намного более скромными, чем у ее армейских коллег. Первоначально они вообще не выходили за жесткие рамки военно-морской тематики, тогда как СИС отвечала за вскрытие не только военной, но и дипломатической переписки японцев. Флотские дешифровальщики успешно справлялись с сообщениями вероятного противника, закрытыми с помощью похищенного американцами в Сан-Франциско в 1922 году “кода 1918 года”. Однако ОР-20-G не всегда занималась только морскими проблемами. В 1930 году в рамках сенатского расследования о ведении коммунистической пропаганды в Соединенных Штатах была совершена попытка вскрыть коды торгового предприятия Амторг, являвшегося, как обоснованно полагали американцы, крышей “легальной” резидентуры советской разведки. Эту работу поручили морякам, но стойкость советских шифров превзошла их возможности, после

чего за дело взялись армейцы. Из архива комитета конгресса по расследованию коммунистической деятельности в США они получили для обследования более 3 тысяч телеграмм, однако преуспели не более моряков. Фиаско нанесло серьезный удар по престижу американской криптографии. В дальнейшем оказалось, что столь высокая стойкость была обусловлена применением практически невоскрываемой системы блокнотов разовых ключей, но это стало известно много позднее, в ходе осуществления описанной далее операции “Венон”.

Постепенно морские радиоразведчики накапливали опыт и увеличивали свою численность. Если в 1931 году обучать новых криптоаналитиков могли лишь Лоуренс Саффорд и его помощник Джозеф Рошфор, а вообще подготовку в этой области получили всего пять офицеров, из которых только один проучился свыше полугода, то по состоянию на 1 июня 1939 года штат дешифровальной группы составлял уже 36 человек. Во второй половине 1930-х годов криптоаналитики флота заметно опередили своих армейских коллег, что объяснялось не какой-либо их особенной талантливостью, а вполне прозаическими причинами лучшего бюджетного финансирования. Например, в 1936 году флот мог позволить себе довести численность ОР-20-G до сорока сотрудников, тогда как СИС насчитывала лишь семерых, постоянно действовавших под угрозой разоблачения своей противозаконной деятельности и неминуемого наказания. На рубеже десятилетий японцы заменили свой военно-морской код, но новый “код 1930 года” был создан на базе предыдущего и поэтому достаточно быстро поддавался усилиям дешифровальщиков. Осуществленная в 1932 году его компрометация вплоть до 1938 — 1939 годов позволяла ОР-20-G читать до 90% японской немашинной переписки. Морякам было чем гордиться перед армией, но в 1932 году СИС несколько умерила их гордость. Криптоаналитики Фридмана проверили на стойкость тексты, закрытые с помощью созданного специалистами флота механического шифратора, и доказали его несовершенство. Моряки не были одиноки в своем неуспехе: разработанный компанией ИТТ для государственного департамента США телеграфный шифровальный аппарат оказался еще хуже. Некоторые из представленных для испытания текстов криптоаналитики СИС прочли за 30 минут, на другие ушло не более нескольких часов. Японская “машина Б” была значительно эффективнее, хотя тоже далека от совершенства.

Постепенно доля машинных шифров в общем радиообмене возрастала, и в этом отношении крайне удачной и своевременной оказалась проведенная в свое время ОНИ операция по хищению деталей механического шифровального аппарата из бюро военно-морского атташе Японии. Когда в рамках установившегося в 1935 — 1936 годах сотрудничества ОР-20-G и СИС моряки передали армейцам все имевшиеся у них детали и материалы по нему, вскоре оказалось, что загадочная “машина Б” устроена совершенно идентично. Это позволило значительно продвинуться в ее реконструкции. Однако с 31 октября 1938 года криптоаналитики из ОР-20-G вновь полностью переключились на вскрытие ручного кода японцев, сменивших свой военно-морской оперативный код на принципиально новый. Внезапно флот, уже привыкший регулярно читать переписку своего наиболее вероятного противника, лишился такой возможности. Все ресурсы криптоаналитиков были брошены на решение возникшей проблемы, впервые в широких масштабах применялись табуляторы ИБМ, и через некоторое время “код 1938 года” поддавался усилиям американцев. Теперь флот вновь был в курсе обстановки, и объем ежедневного потока информации лимитировала лишь нехватка переводчиков.

В 1938 году произошел инцидент, в результате которого непродуманные действия флота едва не свели на нет все предыдущие достижения американских дешифровальщиков. Управление морской разведки 20-го округа в Сан-Франциско наняло частного детектива С. Гэддиса, прибывшего на японское торговое судно под видом таможенника. При досмотре сейфа капитана он якобы обнаружил наркотики и обыскал каюту, изъяв при этом кодовую книгу торгового флота. Разведчики перефотографировали ее, но японцы приняли серьезные меры предосторожности и немедленно сменили код. Узнавшие об этом армейские криптоаналитики пришли буквально в ужас и потребовали от коллег более не совершать подобных акций, способных заставить противника полностью пересмотреть всю систему безопасности своей переписки.

По мере роста активности японцев американцы перехватывали все больше текстов, закрытых с помощью механической шифровальной аппаратуры. Этот огромный массив исходной информации следовало обработать, а также тщательно скоординировать действия

разведывательных служб, избегая ненужного параллелизма, особенно в реализации программы “Мэджик” — “пурпурный” шифр. Чтобы исключить дублирование, решено было перехваченные по четным числам японские радиogramмы передавать для обработки армейцам, а по нечетным — морякам. Отчасти это объяснялось хронической нехваткой в обеих службах переводчиков с японского языка, а отчасти — все более серьезным вниманием, которое СИС стала уделять германской переписке. Теперь СИС и ОР-20-G ежедневно обменивались как полученными исходными текстами, так и результатами их обработки. Программа “Мэджик” — “пурпурный” шифр получила высший приоритет. Дешифровальщикам было приказано не распыляться на вскрытие рутинной переписки, а работать исключительно над важнейшими сообщениями, которые определялись достаточно просто. В 1930-е годы применение самой стойкой из четырех существовавших систем японских дипломатических шифров являлось безошибочным признаком того, что именно этой радиogramмой следует заняться особо. Сложившееся разделение труда касалось только дипломатических документов, в своих традиционных сферах армия и флот действовали самостоятельно и не делились данными друг с другом.

Американским криптоаналитикам зачастую невольно помогали их противники, регулярно допускавшие в своей работе грубые ошибки. Неоднократно отмечались случаи закрытия одного и того же, даже не перефразированного сообщения и “пурпурным”, и менее стойким шифром, что способствовало отысканию ключей и дешифровке. Однако главным залогом успеха являлся, конечно, высокий профессионализм специалистов и государственная программа развития этого вида секретной деятельности. Перечисленные факторы позволили к августу 1940 года создать дешифровальную машину для прочтения сообщений, зашифрованных “пурпурной” шифр-системой, и начать ее производство на оружейном заводе флота. 25 сентября 1940 года зашифрованная “пурпурным” шифром японская радиogramма впервые была прочтена американцами полностью и без искажений. С точки зрения конспирации, полученные совершенно секретные материалы использовались американцами из рук вон плохо. Вероятно, самым вопиющим был июньский эпизод 1941 года, когда отвечавший за передачу в президентскую администрацию дешифрованных по программе “Мэджик” японских документов полковник Руфус Брэттон обнаружил их у помощника Рузвельта по военным вопросам Уотсона. Помимо прочего, Уотсон не входил в список лиц, имевших допуск к информации о проводившейся СИС и ОР-20-G операции. Полковник немедленно доложил об этом начальнику военной разведки генералу Майлсу, который распорядился более в Белый дом дешифрованные тексты не передавать. До конца месяца их доставлял президенту специальный курьер ВМС, а за весь июль к Рузвельту не попал ни один текст. В августе система несколько изменилась. Не желавшая иметь дело с исполнительной властью армия передавала дешифровки флоту, и тот выделял особого курьера, который вначале вслух зачитывал президенту тексты, а затем кратко резюмировал их содержание. Давать Рузвельту любые бумаги в руки ему строго воспрещалось. Президент терпел эту странную процедуру до ноября, после чего распорядился немедленно прекратить “спектакль” и вручать ему тексты.

Несколько менее жесткие меры были введены в отношении дипломатического ведомства. Единственным уполномоченным лицом на получение материалов “Мэджик” был государственный секретарь Корделл Хелл, также, как выяснилось, грубо нарушавший установленные правила. Он делал с документов по шесть копий для своих помощников, один из которых, в свою очередь, снимал по четыре следующие копии и раздавал их своим подчиненным в Дальневосточном отделении. На этом этапе система безопасности дала самый серьезный сбой. Оператором мимеографа являлся крайний изоляционист Джозеф Дункан, внимательно читавший оригиналы и делившийся их содержанием со своим другом, находившимся на содержании у германского поверенного в делах Ганса Томсена. В конечном итоге, как уже указывалось, утечка информации о программе “Мэджик” дошла до японцев. К счастью для Соединенных Штатов, в Токио высокомерно проигнорировали сигнал и тем самым лишили себя шанса закрыть свои самые секретные сообщения от чужих глаз.

Японцы периодически внезапно меняли свои военно-морские коды, и каждый раз это весьма настораживало командование флота США. Дело было не только в том, что на определенный период американские моряки лишались возможности знать обстановку у противника. Смена шифр-систем является одним из признаков возможного начала боевых действий, поэтому любая подобная ситуация требует отнестись к ней со всей серьезностью. Одним из

таких дней стало 1 июля 1939 года, когда в ответ на введение нового оперативного “кода 1939 года” Соединенные Штаты привели свои военно-морские силы в полную боевую готовность. Как известно, тогда боевые действия не начались, и это притупило бдительность американцев в следующий раз, когда 1 декабря 1941 года они вновь лишились возможности читать японскую переписку. Шесть дней спустя авианосное соединение под командованием вице-адмирала Тьюити Нагумо атаковало Перл-Харбор.

Через год после начала войны в Европе криптографические службы США и Великобритании попытались установить сотрудничество. До октября 1940 года научно-техническое взаимодействие этих стран в военной области включало в себя практически все новинки, включая радарные технологии. Черчилль умалчал лишь о программе “Ультра”, не только из-за сверхсекретности этой операции, но и ввиду убежденности в том, что американцы не могут предложить взамен ничего аналогичного. Однако после того, как британский премьер убедился в ошибочности своего мнения, в ноябре 1940 года родилось секретное соглашение, предусматривавшее “полный обмен криптографическими системами, криптоаналитической техникой, пеленгаторами, оборудованием для радиоперехвата и другими техническими средствами связи, имеющими отношение к дипломатическому, военному, военно-морскому и авиационному ведомствам Германии, Японии и Италии”⁴³⁰. В рамках этого соглашения американцы планировали отдать англичанам две из семи имевшихся у них в наличии “пурпурных” машин, две “красные”, а также огромный массив документации, включая собственное руководство по военно-морской радиоразведке, об “Ультре” же англичане по-прежнему умалчивали. Неравноценный обмен сильно поразил эмоционального Фридмана и пошатнул его и без того слабое здоровье. В довершение он должен был возглавить миссию в Великобританию и собственноручно передать все оборудование, что особенно поразило американского криптографа. Он стал сильно нервничать и все свои силы направил на саботаж дискриминационного соглашения, однако такая линия поведения не увенчалась успехом. 26 декабря его вызвал заместитель начальника штаба по разведке и категорически приказал прекратить препирательства, отправиться в Лондон, поступить там в распоряжение военного атташе и исполнять все инструкции военного министерства. Фридман почувствовал, что это будет свыше его сил, и миссию он неизбежно сорвет по причине плохого здоровья. Криптоаналитик впал в депрессию и обдумывал самоубийство, а отъезд американской делегации тем временем задерживался в ожидании улучшения его состояния. Но ее участники ждали напрасно. 5 января 1941 года Фридмана госпитализировали в психиатрическое отделение местного госпиталя на довольно длительный срок, хотя впоследствии он выздоровел и вернулся к службе. Отбывшую миссию возглавил майор Абрахам Синков.

Ранее историки полагали, что хотя в Британии американцам предоставили новейшее оборудование для радиоперехвата, включая секретнейший пеленгатор “Маркони-Адкок”, технику операции “Ультра” им вновь не только не показали, но даже не намекнули на ее существование. Приказ министра иностранных дел запрещал любую передачу машинных криптологических технологий, вне зависимости от причин, и правительство пока не имело оснований изменять сложившуюся практику. Однако исследования последних лет показали, что в действительности события развивались совершенно иначе. В феврале 1941 года двух представителей армии Соединенных Штатов и двух представителей флота из состава миссии Синкова все же проинформировали о британских достижениях. Вопреки бытовавшему ранее утверждению о том, что это было сделано лишь в самых общих чертах и в устной форме с запрещением делать даже пометки в блокнотах и с предварительным подписанием обязательства о том, что полученная информация будет передана ими лишь непосредственным руководителям и опять-таки устно, миссия Синкова увезла в США техническую документацию, сведения о соответствии контактов в морской “Энигме” и список ключей. Деннистон позднее даже утверждал, что 15 июля 1941 года Вашингтон запрашивал у Лондона информацию о ежедневных установках роторов “Энигмы”, и что лишь категорические возражения Мензиса помешали прибытию в ПШКШ нескольких молодых математиков из США. С сентября 1942 года ОР-20-G начала программу разработки и создания собственной “Бомбы”, которая в итоге оказалось намного надежнее британской конструкции. Американцы решили взяться за дело с присущим им размахом и известили ПШКШ о намерении построить 336 копий немецкого шифратора, по одной на каждое возможное расположение роторов на оси морской 4-роторной “Энигмы”. Англичан немало позабавил столь масштабный и явно ненужный замысел. После серии рекомендаций американцы, чья радиоразведка

в Европе почти не работала, уменьшили заказ на производство машин до 96. В результате в первой половине 1944 года 45% имевшихся в распоряжении ВМС США “Бомб” использовалась во вскрытии переписки, не имеющей к флоту никакого отношения. В это же время собственный парк британских “Бомб” не превышал 30, а к январю 1943 года увеличился до 49. Гордон Уэлчман оценивал потребности ПШКШ/ШКПС в 120 3-роторных машин и 134 4-роторные.

В дальнейшем развитие сотрудничества привело к заключению 2 октября 1942 года так называемого “Соглашения Холдена – Трейвиса”, установившего принципы взаимодействия в военно-морской криптографии, в частности, общее направление усилий по вскрытию японских криптосистем и полное сотрудничество в отношении шифров кригсмарине. А в 1943 году Британия принципиально изменила свою позицию, после чего взаимодействие криптоаналитиков двух государств вышло на новый уровень.

4. БСК И КОИ

После начала войны в Европе Соединенные Штаты оказались в сложном, двусмысленном положении, которое отразило своеобразную раздвоенность их общества. С одной стороны, симпатии большинства американцев принадлежали Великобритании и Франции, политический курс президента Рузвельта также был совершенно определенно направлен на поддержку европейских демократических государств, вплоть до участия в военных действиях. Кроме того, воспоминания о рывке вперед, совершенном страной после Первой мировой войны, наводили на неизбежные параллели с днем сегодняшним и искушали вступить в новую схватку, чтобы в полной мере воспользоваться плодами вероятной победы над Германией. С другой же стороны, симпатии — понятие эфемерное и ни к чему не обязывающее, зато совершенно очевидным для американцев являлось непреложное последствие любых боевых действий в виде многочисленных жертв, и это лучше прочих аргументов поддерживало в обществе нежелание ввязываться в затяжной и широкомасштабный вооруженный конфликт с неизбежными людскими потерями. Не требовалось быть искушенным политиком, чтобы понять, что именно в вовлечении США в войну на своей стороне состояла в тот момент главная задача Лондона, тогда как перспектива стать поставщиком пушечного мяса для заокеанского стратегического союзника никак не могла быть привлекательной для Соединенных Штатов. Общество разделилось на полярные группы так называемых интервенционистов и изоляционистов, причем последние нередко тоже являлись активными сторонниками борьбы с нацизмом, но не вооруженной, а лишь экономической и политической. Составлявшие явное большинство населения изоляционисты вполне резонно утверждали, что “в случае войны каждый четвертый американский парень будет оторван от своей семьи для того, чтобы на иностранных полях сражений защищать интересы разваливающейся Британской империи”⁴³¹. Рост влияния Соединенных Штатов в мире, считали они, куда менее важен, чем сохранение жизней молодого поколения, и, пока на страну никто не нападает, она должна пользоваться преимуществами нейтрального государства и извлекать из него все возможные выгоды. Этой позиции неукоснительно придерживался и госдепартамент США, бдительно надзиравший за всеми другими государственными органами с целью не допустить даже малейших нарушений закона о нейтралитете.

В связи с этим одной из основных задач германской дипломатии и разведки в Соединенных Штатах стала пропаганда в пользу неучастия в войне, поскольку Гитлер достаточно ясно понимал, сколь велика экономическая и военная мощь этой страны, и как опасно получить в ее лице врага. Задача аналогичных британских структур, естественно, была прямо противоположной. Президент Рузвельт разделял позицию Лондона, но не располагал, однако, безоговорочной поддержкой в конгрессе. В качестве фигуры для проведения предварительных переговоров о взаимодействии с США англичане выбрали директора ФБР, позицию которого прозондировал его друг, бывший чемпион мира по боксу Джим Танни. Гувер быстро согласился на контакт, после чего в самом начале 1940 года в Вашингтон под прикрытием должности представителя английских торговых компаний прибыл эмиссар руководителя СИС Мензиса. Канадец Уильям Сэмюэль Стивенсон (в русском переводе обычно неправильно именуемый Стефенсоном) привез из Лондона предложение об установлении сотрудничества в вопросах безопасности. Этот ход оказался безошибочным. Гувер давно и

неоднократно предлагал Рузвельту поручить Федеральному бюро расследований осуществление функций внешней разведки, но всякий раз получал обескураживающий отказ. Теперь же у него появлялась возможность приблизиться к заветной цели, хотя бы и обходным путем, с помощью сотрудничества с британцами, поэтому директор ФБР с энтузиазмом согласился поддержать создание в Соединенных Штатах соответствующей структуры СИС. Он оговорил при этом две важные детали. Прежде всего, Гувер сослался на запрет госдепартамента на общение с англичанами и поставил непременным условием такого сотрудничества получение прямого указания президента. Это было ясно и без особого разъяснения, однако второй пункт обрадовал Стивенсона значительно меньше. Директор ФБР потребовал осуществлять взаимодействие исключительно на основе их личного контакта, без вовлечения каких-либо других структур, и сохранять его в секрете даже от госдепартамента. Хотя такой эгоистичный подход к делу неизбежно ухудшал условия будущей работы, альтернатива ему отсутствовала. Стивенсон приступил к обработке Рузвельта, что оказалось несложно, и вскоре президент Соединенных Штатов уведомил посла Великобритании в Вашингтоне лорда Лотиана о том, что “между ФБР и английской разведкой должен быть по возможности самый тесный контакт”⁴³².

Возвратившись в Лондон, Стивенсон доложил Мензису об итогах поездки, и тот сразу же предложил ему возглавить создаваемую в Соединенных Штатах структуру британской разведки в должности по прикрытию офицера бюро паспортного контроля генерального консульства в Нью-Йорке. Надо сказать, что выбор руководителя МИ-6 был отнюдь не случаен. Стивенсон являлся весьма примечательной, неординарной личностью, блестяще проявившей себя во множестве далеко отстоящих друг от друга сфер деятельности, хотя начинал свою карьеру блекло и неприметно. Следует, однако, отметить достаточно прискорбный и весьма компрометирующий этого действительно незаурядного человека факт его активного участия в создании легенд вокруг собственной личности и приписывание себе чужих заслуг руками биографов. И если бывший офицер-разведчик Монтгомери Хайд невольно исказил лишь события начального периода его биографии и некоторые второстепенные эпизоды, то почти полный однофамилец Уильяма Стивенсона (William Stephenson) Уильям Стивенсон (William Stevenson) повинен в крупномасштабной дезинформации читательской аудитории. Ее весьма убедительно разоблачил известный исследователь Найджел Уэст⁴³³ и другие авторы⁴³⁴, однако суммарный тираж их книг намного уступает многократно переиздававшейся панегирической биографии Стивенсона под сенсационным заглавием “Его звали Неустрашимым”, разошедшейся по миру в миллионах экземпляров и оставившей значительно более заметный след. Очевидно, что проживший до 1990 года бывший главный представитель британской разведки в Западной полушарии имел полную возможность внести ясность в свое искаженное жизнеописание, но, к сожалению, не сделал этого, предпочитая пожинать незаслуженные лавры участия чуть ли не во всех самых громких событиях тайной войны 1939 — 1945 годов. Это тем более удивительно, что у Стивенсона имелись действительные заслуги, отрицать которые никто не собирается. Отставной разведчик лишь уронил этим свое достоинство и отчасти дискредитировал собственные реальные, а не мнимые достижения. В настоящей книге приводятся подлинные факты его деятельности, а в необходимых случаях обращается внимание и на их искажения, допущенные недобросовестными биографами.

Родившийся в 1896 году в Канаде (отсюда и его прозвище “тихий канадец”), молодой человек едва успел окончить школу и в звании 2-го лейтенанта инженерных войск в 1914 году отбыл на французский фронт, но уже в конце следующего года после отравления газами получил инвалидность и уехал в Англию. Наскоро подлечившийся, однако все еще страдавший от последствий газовой атаки, Стивенсон по собственной инициативе решил научиться летать и с 1916 года вернулся во Францию уже в звании капитана авиации. Полтора года он летал вяло и посредственно, ничем себя не проявлял, но в марте 1918 года с ним произошел неожиданный перелом. Немецкий истребитель подбил канадца прямо над собственным аэродромом, и тот едва сумел посадить на полосу свой уже падавший “сопвич”. На удивление всем, на земле он вскочил в ближайший свободный самолет, вновь взлетел и сразу же сбил двух противников, после чего молодого летчика словно подменили. За несколько недель Стивенсон уничтожил 18 самолетов и 2 аэростата немцев, в короткий срок получил “Военный крест” и “Крест за летные заслуги”, а также французские ордена “Почетного легиона” и “Военный крест с пальмовыми листьями”. В промежутке между боями, несмотря на инвалидность, он завоевал звание чемпиона мира по боксу в легком весе среди любителей.

Уильям Стивенсон

Однако 28 июля 1918 года молодого аса по ошибке сбил летчик-наблюдатель французского самолета, которого Стивенсон спас, сбив три и отогнав четыре атаковавших “фарман” немецких истребителя. Раненый в ногу канадец попал в лагерь для военнопленных, но сумел сбежать оттуда, захватив на память фотографию со стола в кабинете коменданта. Так гласит версия Хайда, в действительности же архивы 73-й эскадрильи Королевского авиационного корпуса содержат лишь рапорты Стивенсона об одержанных им девяти индивидуальных воздушных победах и трех групповых, увы, не подтвержденных другими свидетельствами. К примеру, на уничтожение 21 июля 1918 года одного из заявленных летчиком “Фоккеров” претендовали еще восемь пилотов. Сведения о полученных им

французских орденах также легко проверяются и не соответствуют действительности, как и утверждение о титуле чемпиона по боксу, который Стивенсон якобы завоевал, подтверждал в течение 11 лет и в 1929 году оставил ринг непобежденным. Однако, строго говоря, все эти незначительные преувеличения достаточно невинны по сравнению с упомянутыми далее претензиями на ликвидацию обергруппенфюрера СС Гейдриха, вскрытие шифров “Энигмы” и прочие чужие достижения. Кстати, в последнем случае следует отметить любопытный курьез, содержащийся в упомянутой книге Стивенсона. Ее автор настолько не в курсе событий раннего периода этой дешифровальной работы, что полагает польского криптоаналитика Мариана Реевского женщиной и утверждает, что герой его книги высоко ценил результаты, полученные “мадемуазель Марианной Реевской”⁴³⁵!

После Первой мировой войны канадец занялся изобретательством и бизнесом. Он сделал верную ставку на производство дешевых массовых радиоприемников, и к 1930 году состояние Стивенсона уже оценивалось в миллион фунтов стерлингов. Ему принадлежит заслуга в усовершенствовании метода передачи изображений по беспроводному фототелеграфу, позволившего от теоретических изысканий перейти к его практическому использованию. Одновременно Стивенсон продолжал летать, в 1934 году завоевал Королевский кубок по воздушным гонкам, и постепенно приобрел известность в качестве прекрасного стрелка из винтовки. Принадлежащая ему компания “Саунд сити филмз” выпускала более половины всех снимавшихся в Британии кинолент, он успешно вкладывал средства в строительство, в производство автомобильных кузовов, пластмасс, цемента. Столь различные сферы деятельности помогли канадцу обзавестись многочисленными контактами, в том числе и в разведывательной службе, и в начале сентября 1939 года на него была возложена секретная миссия по срыву поставок в Германию шведской железной руды.

Именно такого человека руководитель СИС хотел видеть на посту главного резидента в Западном полушарии, особенно с учетом того, что официальные задачи резидентуры по координации разведывательной работы и обеспечению безопасности британских судов и грузов являлись лишь верхушкой айсберга. Даже проведение секретных разведывательных операций в Северной и Южной Америке имело второстепенное значение, основной упор следовало делать на постепенное и осторожное втягивание США в войну на стороне Великобритании. Сам Стивенсон отнюдь не был уверен в своем желании принять это назначение, однако все его сомнения рассеялись якобы после того, как сам Уинстон Черчилль лично заявил ему: “Ваш долг — быть там, Вы должны ехать”⁴³⁶. Последнее утверждение также, как это ни прискорбно, вымышлено, поскольку премьер-министр не напутствовал его ни этими словами, ни какими-либо иными, ибо вообще не давал ему аудиенцию.

“Тихий канадец” прилетел в Нью-Йорк накануне полного разгрома Франции. Его первой задачей являлось доведение до конца дела, уже начатого Черчиллем в переписке с Рузвельтом — получения 40 или 50 жизненно необходимых для защиты морских конвоев эсминцев в обмен на сдачу в долгосрочную аренду американцам военно-морских баз в Карибском море, на Бермудских островах и полуострове Ньюфаундленд. Для этой сделки Рузвельту требовалось согласие конгресса, а тот явно не одобрил бы ее из-за нарушения действовавшего с 1937 года федерального закона о нейтралитете, согласно которому Со-

единенные Штаты добровольно отказывались от многих общепринятых прав нейтрального государства. Этот нормативный акт устанавливал единый принцип продажи товаров всем воюющим сторонам, сформулированный как “cash and carry” (“плати и вези”), что означало предоплату и вывоз грузов судами под флагом страны покупателя. До ноября 1939 года указанный закон запрещал также продавать им любые предметы вооружения, военного снаряжения и оборудования, однако конгресс отменил этот параграф, лишивший производителей оружия привлекательной возможности зарабатывать на чужих войнах.

Великобритания получила требовавшиеся ей эсминцы. В значительной степени это явилось результатом проделанной Стивенсоном значительной подготовительной работы, но его миссия изначально облегчалась тем, что и сам президент искал способ ее осуществления. К поиску обходных путей подключились военный министр Генри Стимсон, морской министр Фрэнк Нокс и будущий руководитель американской разведывательной службы Уильям Джозеф Donovan, по прозвищу “Дикий Билл”, которому Британия во многом обязана широкомасштабной военной помощью со стороны якобы нейтральных до 1941 года Соединенных Штатов. Покопавшись в законодательстве, они обнаружили, что стоящие на приколе устаревшие эскадренные миноносцы проданы не могут быть ни в коем случае. Зато они могут быть переданы и исключительно на безвозмездной основе, если президент представит доказательство, что подобная передача укрепит безопасность страны. Такой путь позволял обойти требование получения санкции конгресса и законно оформить сделку исполнительным указом Рузвельта, что и было сделано. Свою первую задачу в США Стивенсон решил успешно. Точно так же попали к англичанам и другие виды военного снаряжения, например, сто бомбардировщиков, миллион винтовок и совершенно секретные бомбардировочные прицелы “Норден”, передачу которых правительство долго не разрешало из опасения возможности попадания их в руки немцев со сбитых британских бомбардировщиков. Однако Стивенсон сумел доказать, что германские агенты успели похитить технологию их изготовления, и секрета для Германии этот прицел уже не представляет. Позднее на пути оказания военной помощи вообще перестали попадаться подводные камни американского законодательства, поскольку принятый в марте 1941 года закон о “ленд-лизе” окончательно развязал президенту руки. Теперь глава исполнительной власти уже вполне официально имел право “продавать, передавать, обменивать, давать займы, сдавать в аренду и иным путем распоряжаться военными материалами, необходимыми для правительства любой страны, оборону которой президент считает жизненно важной в интересах обороны Соединенных Штатов”⁴³⁷.

Вторая тактическая задача британцев была жизненно важной и сама по себе, однако в действительности являлась составной частью стратегической линии Лондона по постепенному втягиванию США в войну. Необходимо было добиться участия американских боевых кораблей в конвоировании британских транспортов с грузами. Успешному выполнению поставленной задачи весьма способствовало непродуманное эмоциональное решение Гитлера. После получения сведений о передаче американских эскадренных миноносцев англичанам он отменил последние ограничения на ведение подводной войны и при некоторых условиях разрешил своим подводникам атаковать также и суда под флагом США. Естественно было ожидать, что на этой почве рано или поздно возникнут инциденты, и они не замедлили последовать. Потопление немцами в мае 1941 года египетского парохода “Замзай” со 150 американцами на борту не было напрямую связано с новой военно-морской политикой США, однако уничтожение американского судна “Робин Мур”, команду которого германские подводники даже и не подумали спасти, уже явилось ее непосредственным следствием. Ситуация неотвратимо вела к боевым столкновениям между кораблями, казалось бы, не враждовавших друг с другом Соединенных Штатов и Германии, и 4 сентября 1941 года произошло первое из них. Эсминец “Грир” установил эхолокационный контакт с немецкой подводной лодкой, та в ответ выпустила торпеду, а корабль в свою очередь атаковал ее глубинными бомбами. Все атаки остались безрезультатными. Первая жертва была понесена 31 октября, когда подводная лодка кригсмарине в 600 милях к западу от Ирландии потопила сопровождавший конвой НХ-156 американский эсминец “Рубен Джеймс”. Необъявленная война США против Германии в Атлантике разгоралась.

Еще до всех этих драматических событий в январе 1941 года государственный департамент принял решение зарегистрировать в качестве действующего на территории Соединенных Штатов иностранного агентства “Британскую миссию по координации безопасности”

(БСК). В тексте документа указывалось: “С целью координации и связи между различными британскими миссиями и правительственными органами Соединенных Штатов Америки по всем вопросам безопасности, возникающим в настоящей ненормальной обстановке, организовывается Британская миссия по координации безопасности, работающая под контролем директора по координации безопасности, действующего с помощью находящегося при нем аппарата”⁴³⁸. Этим директором, естественно, являлся Стивенсон, а нейтральное название для новой службы придумал сам Гувер. Он же распорядился передать в пользование англичан один из собственных защищенных каналов коротковолновой радиосвязи. Задачи БСК далеко не ограничивались координацией безопасности. Она изначально планировалась как полноценная региональная резидентура, своего рода совместный филиал МИ-6, МИ-5 и СОЕ в Западном полушарии, с задачами вскрытия деятельности противника, мобилизации общественного мнения США в пользу Британии, организации мер безопасности против угрозы диверсий на британских судах и других объектах, а также для руководства мексиканской и латиноамериканскими резидентурами разведки. Следует отметить, что “станция” СИС существовала в Нью-Йорке с 1921 года, ее поочередно возглавляли Морис Джефс, Генри Мэйн, Джордж Тэйлор и Джеймс Пэджет. Основной задачей резидентуры являлось не проведение операций, а поддержание контактов с ФБР, поскольку Гувер крайне негативно относился к действиям на территории США любых, в том числе и самых дружественных разведывательных служб.

На первых порах деятельность БСК протекала под традиционным прикрытием бюро паспортного контроля, но позже, по мере разрастания аппарата, ее основные службы перенесли на 35-й и 36-й этажи “Рокфеллеровского центра” в Нью-Йорке. Штат своей штаб-квартиры Стивенсон в основном набирал не из числа профессионалов разведки. Он делал ставку на людей с широкими связями в деловых и политических кругах, а также на специалистов в экономике, финансах, транспорте и других сферах деятельности, на которые, как он предполагал, вскоре распространятся операции БСК. На первом этапе “тихий канадец” планировал осуществить проникновение в прогерманские и пронацистские институты, а также дипломатические представительства рейха в США, поэтому географически, помимо Нью-Йорка, миссия должна была действовать в Вашингтоне, Сиэтле, Лос-Анжелесе и Сан-Франциско. Первые же месяцы работы показали, что ограничение операций исключительно территорией Соединенных Штатов не позволит достичь существенных результатов, и БСК немедленно распространила свое влияние значительно дальше. В качестве следующего шага Стивенсон установил взаимодействие с возглавлявшимся Чарльзом Уоткинс-Менсом британским цензурским пунктом на Бермудских островах, а позднее активно способствовал организации аналогичного пункта и в самом Нью-Йорке. В число зарубежных партнеров БСК вошла Канадская королевская конная полиция (РКМП), на которую возлагалось контрразведывательное обеспечение доминиона. Операции в странах Латинской Америки относились к компетенции местных резидентур, однако руководила ими все та же БСК. В отличие от центрального аппарата миссии, их штаты были укомплектованы преимущественно профессиональными разведчиками, и сочетание оперативных возможностей заграничных с позициями штаб-квартиры в США давало неплохие результаты. Это оказалось весьма полезным, когда 1 июля 1940 года Гувер наконец-то добился от президента разрешения заниматься внешней разведкой, хотя его радость и омрачалась ограничением на работу ФБР исключительно в Западном полушарии.

История создания в составе Федерального бюро расследований структуры для ведения оперативной работы за пределами Соединенных Штатов началась 3 июня 1940 года, после образования в составе Межведомственного комитета по разведке (ИИК) подкомитета для подготовки и выработки рекомендаций по созданию отдельной Службы специальной разведки. Итоги его работы были рассмотрены и утверждены 11 июня на очередном заседании ИИК. Поскольку деятельность предлагаемого к созданию органа должна была осуществляться за рубежом, окончательные рекомендации было предложено сделать помощнику государственного секретаря США Берлу. Президент изучил представленные материалы и не согласился с рядом выводов, прежде всего, с автономностью предлагаемого к созданию органа. Рузвельт распорядился: “ФБР должно быть ответственным за внешнюю разведывательную работу в Западном полушарии по запросам государственного департамента... Существующие структуры военной разведки и военно-морской разведки должны вести остальным миром, в случае возникновения такой необходимости... Разумеется, предлагаемая дополнительная

разведывательная работа не должна осуществляться за счет какой-либо работы, выполняемой в настоящее время”⁴³⁹. В результате Гувер получил шанс, которого добивался уже давно, и 1 июля организовал в составе ФБР Службу специальной разведки (СИС) с задачами добывания информации по операциям германских, итальянских и японских спецслужб в Латинской Америке, а также вскрытия, отслеживания и нейтрализации вражеских разведывательных, диверсионных и пропагандистских агентурных сетей. Ее первым руководителем стал помощник директора ФБР Перси Е. (“Сэм”) Фоксуорт. Впоследствии, 15 января 1943 года он вместе со специальным агентом ФБР и 33 другими американцами разбился насмерть во время катастрофы военно-транспортного самолета С-54 в джунглях Голландской Гвианы. Направляемые на места специальные агенты проходили серьезную подготовку в области истории и социальной системы стран пребывания, изучали местный язык, шифры и методы работы германской разведки в той мере, в какой они были тогда известны американцам. Богатая сырьем Латинская Америка была разделена на шесть зон безопасности, в каждую из которых отпраздничались спец агенты СИС со статусом консульских офицеров безопасности. В 1941 году в 26 портах континента разместились 26 спец агентов по охране грузов и судов. Помимо них, к октябрю 1942 года Служба специальной разведки располагала в Латинской Америке 156 специальными агентами под разнообразными прикрытиями⁴⁴⁰.

Возникновение СИС буквально сразу же встретило резкие возражения военных. Уже 23 июля глава МИД Шерман Майлс письменно предложил Гуверу ограничиться внешней контрразведкой и борьбой с подрывными элементами в странах Латинской Америки, поскольку, по его словам, СИС была создана вследствие необходимости подтверждения информации, поступающей от военных атташе, сведениями, добытыми оперативным путем. Однако опытный в административной борьбе директор ФБР отверг это требование, сославшись на отсутствие в рекомендациях ИИК каких-либо ограничений направлений оперативной работы Службы специальной разведки. В течение 1940 и 1941 годов Гувер продолжал вести аппаратные битвы с генералом Майлсом, опасавшимся, что специальные агенты СИС ФБР в Западном полушарии затмят его военных атташе в области сбора информации. На протяжении полутора лет работа СИС осуществлялась на, мягко говоря, не вполне легитимных началах, а именно исключительно на телефонном указании президента от 24 июня 1942 года. Даже после вступления США в войну в декабре 1941 года Гувер не сразу смог получить от Рузвельта официальное подтверждение законности существования СИС, лишь 16 января 1942 года президент подписал директиву, официально уполномочивающую ФБР на проведение секретной разведывательной работы в Западном полушарии. Строго говоря, именно Служба специальной разведки ФБР, а не ведомство Координатора информации, являлась первым правительственным органом Соединенных Штатов Америки, уполномоченным на ведение агентурно-оперативной работы за рубежом.

С внешней разведкой Гувер ранее не сталкивался и поэтому, естественно, соответствующим образом подготовленных сотрудников не имел. Директора Федерального бюро расследований выручил Стивенсон, организовавший стажировку в Лондоне двух его старших специальных агентов по курсу разведывательной подготовки с уклоном в германское направление. Британцы помогли Гуверу создать собственные латиноамериканские резидентуры, а один из сотрудников Бюро прошел практику в цензурском пункте на Бермудах, где обучился не только филигранной технике негласного вскрытия корреспонденции, но также методам оценки и использования полученной таким путем информации. В результате ФБР на протяжении Второй мировой войны смогло подготовить и направить в Латинскую Америку 360 своих агентов. Оказанная Стивенсоном помощь еще более сблизила руководителей БСК и ФБР, хотя их отношения в течение последующих лет неоднократно подвергались серьезным испытаниям, особенно в ходе создания американцами политической разведывательной службы.

Все же на первом месте в БСК стояли вопросы безопасности, которыми непосредственно занимались 30 офицеров в США и 45 в Латинской Америке. В течение первого года Второй мировой войны объем британских заказов в Соединенных Штатах достиг четырех миллиардов долларов, из которых не менее трех миллиардов были направлены на расширение принадлежащих англичанам предприятий. Естественно, весь этот громадный финансово-промышленный комплекс нуждался в защите. Прежде всего, следовало попытаться отсеять недобросовестных контрагентов, способных воспользоваться лихорадкой военных заказов и, получив оплату, либо вообще не выполнить их, либо выполнить с существенными нарушениями по срокам и качеству. Для этого летом 1940 года руководитель Британской

закупочной комиссии Артур Парвис назначил Митчелла Хэммита офицером безопасности, курировавшим секции расследований в сфере кредитования и безопасности торгового флота. БСК вначале тесно сотрудничала с этими секциями, но почти сразу же они были переданы в ее состав. Все привлеченные к выполнению британских заказов подрядчики проверялись как на деловую надежность, так и на возможную связь с противником. Контроль за безопасностью выполнения контрактов не являлся разовой процедурой, он сопровождал весь производственный процесс, начиная от поставок сырья и заканчивая отгрузкой готовой продукции. Естественно, технический контроль считался прерогативой не спецслужбы, а Инспекционного совета Великобритании и Канады, подразделения которого располагались в Оттаве, Нью-Йорке и некоторых других городах. Помимо коммерческой и финансовой безопасности, БСК обеспечивала и физическую безопасность британских интересов в США. В стране проживало не менее 6 миллионов этнических немцев и 4 миллиона итальянцев, работавших на разных, в том числе весьма ответственных объектах и постах и представлявших для германской и итальянской разведок обширнейшую вербовочную базу. Важным направлением являлось предотвращение диверсий на судах с британскими грузами, поэтому в портах США им занимались свыше 30 консульских офицеров безопасности и их помощников, а в портах Южной Америки — свыше 45. За время войны они провели не менее 30 тысяч противодиверсионных проверок и иных мероприятий⁴⁴¹.

Однако Британская миссия по координации безопасности не собиралась замыкаться на противодействии примитивному шпионажу, поскольку намного более серьезную угрозу представляли совершаемые в обход закона о нейтралитете, но приносящие высокую прибыль торговые сделки уважаемых бизнесменов с державами «оси». Для работы по этой линии в БСК существовал отдел безопасности с секциями по проведению расследований в области безопасности и кредитования. Они были укомплектованы первоклассными финансовыми и торговыми экспертами, да и сам Стивенсон являлся весьма авторитетной фигурой в этой области и почти всегда был способен профессионально оценить тот или иной проект или сделку. Несколько позже из Британской закупочной комиссии в БСК перекочевал отдел статистики и анализа, оказавшийся едва ли не самым полезным ее подразделением.

Миссия вела против немцев самую настоящую тайную экономическую войну. Широкие связи Стивенсона в правительственных, промышленных и финансовых кругах позволили со временем создать подробную картину реальной собственности немцев в Соединенных Штатах, а позднее и в других странах Западного полушария. Далее БСК действовала по обстановке, но чаще всего проводила массированные акции по дискредитации работавших с немцами бизнесменов. Серьезное внимание уделялось пресечению контрабанды стратегически важных материалов, в особенности платины, в перевозке которой германские агенты достигли немалой изощренности. Она вывозилась в фотоаппаратах, в банках с персиковым компотом, из нее даже делали миски для воды, которые затем отправлялись в Европу в клетках с канарейками. БСК немало поработала для разоблачения импорта в США награбленных немцами в Голландии и Бельгии бриллиантов и в основном сумела перекрыть этот источник поступления в рейх твердой валюты. Бриллианты из Брюсселя и Амстердама попадали на американский континент сложным путем. Вначале камни доставлялись в Рим, оттуда самолетами авиакомпании «ЛАТИ» прибывали в Бразилию, после чего в дипломатической почте приходили в Вашингтон и там продавались для финансирования агентурных и пропагандистских операций. В 1940 году по тому же маршруту из Германии в США прибыли 8 миллионов наличных долларов для ведения антирузвельтовской пропаганды на предстоящих президентских выборах. БСК провела операцию против «Л.А.Т.И» и сыграла некоторую, хотя и второстепенную роль в обрыве этой цепочки транспортировки.

Однако «торговля с врагом», то есть внешнеэкономические связи предприятий Соединенных Штатов с Германией, была значительно шире, масштабнее и опаснее. Она приносила своим участникам настолько крупную прибыль, что ее прекращение требовало немалых усилий и во множестве случаев оказалось не под силу даже президенту. В связи с этим в первую очередь следует упомянуть организованный в 1930 году в Базеле Банк международных расчетов (БИС), первоначально специально учрежденный центральными банками Великобритании, Бельгии, Франции, Германии и Италии, а также крупнейшими частными банками США и Японии для обеспечения взимания с Германии репарационных платежей. Достаточно скоро он превратился в свою полную противоположность и стал служить одним из основных каналов подпитки Третьего рейха валютой. Несмотря на уси-

лия правительств стран антигитлеровской коалиции, банк активно выполнял эти функции до самого конца войны. В 1938 году после аншлюса в БИС попало захваченное нацистами австрийское золото, а несколько позже и все 48 миллионов долларов золотого запаса Чехословакии. Перед самым захватом Праги банк ЧСР успел дать указание о переводе золота в Великобританию, однако немцы принудили членов его правления отменить собственные инструкции и вернуть активы обратно. Впоследствии выяснилось, что золото все это время хранилось в Лондоне, но британские банкиры исправно зачислили его стоимость на корреспондентские счета БИС и не заблокировали их даже после вступления страны в войну. Для пресечения этой деятельности влияние разведки оказалось недостаточным, находившиеся в распоряжении банка гигантские суммы давали ему практически полную независимость и позволили просуществовать до 1946 года. Пресечению деятельности БИС не помогло и активное противодействие друга Рузвельта, министра финансов Соединенных Штатов Генри Моргантау, влияние денег оказалось сильнее.

Глубоко интегрировались в торговлю и финансовые операции с рейхом компании, принадлежащие Нельсону Рокфеллеру, особенно “Чейз Нэйшнл Бэнк” и “Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси”. Банк, например, только в 1939 году инвестировал 25 миллионов долларов в военную экономику Германии и не отозвал кредит после начала войны и вступления в силу закона о нейтралитете. Якобы обычная финансовая деятельность по скупке и продаже немецкой марки в действительности была направлена на реализацию специальной программы, согласно которой проживающие в США немцы могли скупать ее значительно дешевле рыночной стоимости. Это вызвало бум рейхсмарки и значительно способствовало поддержанию экономики рейха в условиях войны. Не следует полагать, что “Чейз” действовал вслепую, члены его правления были прекрасно осведомлены о состоянии дел и о том, что все подобные сделки проходят тщательный контроль с немецкой стороны. Оценивая ситуацию, юрист К. Фат пришел к заключению: “С середины 30-х годов стало непреложным правило, по которому любая немецкая промышленная группа, если она собиралась заключить сделку вне пределов Германии, должна была представить в “Рейхсбанк” полный текст проекта контракта. “Рейхсбанк” был вправе отклонить его или изменить по своему усмотрению. Следует отметить, что “Рейхсбанк” не санкционировал ни одной сделки, которая шла вразрез с планами нацистского государства и не продвигала его хоть на шаг вперед на пути к мировому господству. Иными словами, любая американская компания, заключавшая соглашение или просто торговавшая с немецкой фирмой, практически имела дело непосредственно с самим Гитлером”⁴⁴². Совершенно вопиющая ситуация возникла после падения Франции, когда Рузвельт, во избежание попадания активов в руки немцев, 17 июня 1940 года распорядился заморозить все французские авуары в американских банках. Вопреки этому руководство “Чейза” перевело в Южную Америку один миллион долларов, сохранив эту сумму для финансирования операций немцев в Западном полушарии.

“Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси” в 1941 году являлась крупнейшей среди нефтяных компаний мира и располагала собственным танкерным флотом с немецкими экипажами. Ее суда регулярно перевозили германских агентов, которых время от времени перехватывали осуществлявшие блокаду побережья британские корабли. Позднее, во избежание конфискации своих танкеров, “Стандард Ойл” уволила немецкие экипажи, а флот перевела под панамский флаг, но продолжала поддерживать тесное сотрудничество с рейхом. Суда компании везли нефть из венесуэльского порта Аруба на Канарские острова, где ее частично использовали для бункеровки германских подводных лодок, а частично перекачивали в немецкие танкеры и доставляли в Гамбург. Морская разведка США докладывала: “Примерно 20% этих поставок предназначаются для фашистской Германии, причем команды шести судов из тех, которые осуществляют перевозки по этому маршруту, набраны преимущественно из нацистов. Нашему агенту удалось выяснить, что немецкие подводные лодки, постоянно курсирующие в районе Канарских островов, подходят туда именно с целью заправки. Этот же агент обратил внимание на следующее: до сих пор ни один из танкеров концерна “Стандард Ойл” не был торпедирован ВМС Германии, в то время как суда других американских компаний, действовавших на иных маршрутах, постигла такая участь”⁴⁴³. Однако в пресечении сделок подобного уровня усилия и американской, и британской секретных служб оказывались, как правило, безрезультатными.

Зато в менее высоких эшелонах общества работа шла намного успешнее. На канале морского судоходства действовала созданная англичанами система судовых наблюдателей, а

проще говоря, негласных сотрудников БСК из числа экипажей английских, американских и нейтральных торговых судов. Эти люди не только боролись с контрабандой, но иногда выполняли и настоящие разведывательные поручения, особенно в части отслеживания перемещений кораблей и судов стран “оси”. Однако осенью 1941 года государственный департамент расценил подобную деятельность как нарушающую американское законодательство, и БСК передала наблюдателей морской разведке США (ОНИ), сохранив агентуру только в составе британских экипажей.

Англичане всегда придавали большое значение пропагандистским мероприятиям и мобилизовывали на них значительные силы. Прежде всего, они стали проводить кампании против изоляционистских организаций, среди которых наиболее влиятельным являлся комитет “Америка прежде всего”. Он пользовался в Соединенных Штатах значительным авторитетом и имел на своем счету немало шумных акций. Например, выступавшего в Детройте посла Великобритании лорда Галифакса американки забросали яйцами и помидорами, и после сорванного мероприятия тому оставалось лишь грустно отметить: “У нас в Англии нет таких излишков”⁴⁴⁴. БСК пыталась дезорганизовывать публичные мероприятия комитета “Америка прежде всего”, при этом одним из любимых методов срыва заседаний являлось распространение фальшивых дубликатов билетов на них. Посетители спорили и ссорились из-за мест, и мероприятия проходили далеко не так гладко, как планировали их организаторы. Однако, как минимум, в одном случае эта тактика привела к противоположному результату, поскольку с невольной помощью миссии Стивенсона полупустой зал значительно пополнился слушателями. В тесном контакте с англичанами действовали антинацистские общественные организации “Комитет борьбы за свободу” и “Группа ста”. Однажды после выступления прогерманского конгрессмена Гамильтона Фиша один из членов “Комитета борьбы за свободу” демонстративно передал ему карточку с надписью: “Фюрер благодарит Вас за Вашу лояльность”⁴⁴⁵, а специально дежуривший фотограф крупным планом запечатлел эту сцену. Снимок вместе с текстом был помещен на первые полосы нескольких антинацистских изданий и ошутимо дискредитировал Фиша. Нельзя сказать, что усилия Британии оставались для изоляционистов секретом. Когда после нападения на Перл-Харбор Соединенные Штаты объявили войну Японии, один из сенаторов-изоляционистов меланхолично отметил: “Это как раз то, что планировали для нас англичане”⁴⁴⁶.

Одним из наиболее серьезных расследований в этой области являлось возникшее в начале 1941 года так называемое “Дело о черной почте”. Сенаторы и конгрессмены-изоляционисты рассылали в полагавшихся им по должности франкированных, то есть освобожденных от уплаты почтовых расходов конвертах не только собственные изоляционистские речи, но и другие специально подготовленные пропагандистские материалы. Специалисты БСК сравнили конверты, исходившие из офисов различных членов конгресса, и обнаружили, что адреса на них печатались, как ни странно, на одной и той же пишущей машинке весьма редкой марки “Эллиот”. Проверка показала, что во всем Нью-Йорке имеются только три машинки такого типа, одна из которых принадлежит немецкой культурной организации “Общество Штойбен”. Стивенсон предал гласности этот факт, и в ходе последующего расследования выяснилось, что в обход существовавших правил общество приобрело для своих целей миллион франкированных конвертов. Однако наложенный решением суда на “Общество Штойбен” штраф не помог сократить поток пропагандистских посланий. Вскоре продолжавшая расследование БСК выяснила, что все они исходят из офиса Фиша, и что процессом дирижирует его неприметный секретарь Джордж Хилл. По состоянию на 18 июня 1941 года они разослали выбранным наугад респондентам 107 тысяч писем, в каждом из которых содержалось краткое послание конгрессмена с предупреждением об опасности грядущей войны и опять-таки франкированная открытка с обратным адресом его офиса, в которой предлагалось отметить один из двух возможных ответов: “Я против вступления Соединенных Штатов в войну” или “Я за вступление Соединенных Штатов в войну”. Следует констатировать, что в полученных Фишем открытках американцы высказались за изоляционизм в весьма убедительной пропорции 9:1. Это являлось вполне добротным материалом для подготовки общественного мнения и базой для соответствующих речей в конгрессе. Гамильтон Фиш отнюдь не был ни приверженцем нацизма, ни германофилом, ни антисемитом, наоборот он постоянно и последовательно выступал против всех перечисленных явлений. Он совершенно искренно полагал, что Соединенные Штаты должны держаться в стороне от военного конфликта в Европе, и только это привлекло к нему внимание немцев,

фактически использовавших конгрессмена втемную. Тем не менее, объективно его деятельность оказалась на руку рейху. Суд учел это обстоятельство и приговорил Джорджа Хилла к тюремному заключению на срок от 2 до 6 лет, а Фиш избежал скандала, добровольно поступив на военную службу. Возникшие неприятности не отразились на здоровье конгрессмена, он прожил долгую жизнь и умер в 102-летнем возрасте 18 января 1991 года.

В ходе следствия всплыла фигура намного более значительного пропагандиста, уже упоминавшегося талантливое журналиста немецкого происхождения Георга Сильвестра Вирека, по слухам, внебрачного сына бывшего германского императора Вильгельма II. Он состоял в постоянной переписке с отделом внешнеполитической пропаганды МИД Германии и в период между сентябрем 1939 и декабрем 1941 года получил для финансирования пропагандистской деятельности более 100 тысяч долларов (по другим данным — не более 50 тысяч). В сентябре 1941 года большое жюри признало его виновным в сокрытии от американской общественности подлинных имен авторов книг, издававшихся им через упоминавшегося ранее Фландерса Холла. Совершенно очевидно, что такой вердикт явился следствием действий БСК, поскольку подобная практика в еще более широких масштабах осуществлялась в США англичанами, но никто из них не услышал даже упрек в свой адрес.

Однако подлинные неприятности начались у Вирека месяцем позднее. 8 октября семь агентов министерства юстиции без ордера на обыск вторглись в его квартиру, изъяли погашенные чеки, книги и другие бумаги и арестовали немца, который вскоре был выпущен на свободу под залог в 15 тысяч долларов. Само по себе ведение антивоенной и прогерманской пропаганды не являлось преступлением, но Вирек, согласно обвинительному заключению, “готовился к массовому распространению речей, содержащих нападки на внешнюю политику правительства США, путем использования привилегий депутатов во франкировании писем”⁴⁴⁷, а также был уличен в тайных сношениях с министерством иностранных дел Третьего рейха. Прокурор в своей речи высокопарно назвал его “главой и мозгом вероломной пропагандистской машины, занятой саботированием усилий президента по обращению внимания американского народа на эту угрозу”⁴⁴⁸. Доказательства связи Вирека с правительственными органами рейха БСК получила от контролера цензурского пункта на Бермудских островах Нади Гарднер, ранее отличившейся в перехвате корреспонденции за подписью “Джо. К”. На суде журналист-разведчик заявил, что хотел лишь воспрепятствовать войне между страной его рождения и страной его выбора, которой он всецело предан и верен. 5 марта 1942 года Вирека признали виновным и приговорили к максимально возможному тюремному заключению сроком от 2 до 6 лет. Адвокаты опротестовали решение, и новый суд состоялся лишь в 1943 году. Судья, отменив предыдущий приговор как необоснованный и ущемляющий права подсудимого, тем не менее, по новым обстоятельствам подтвердил заключение его в тюрьму, на этот раз на срок от 1 до 5 лет.

БСК проводила множество пропагандистских акций, в том числе и с помощью контролируемых ей коротковолновых вещательных радиостанций, которыми не располагало даже правительство Соединенных Штатов, однако их рассмотрение не входит в задачу данной книги. Следует отметить лишь наличие в распоряжении Стивенсона специальной секции активных дезинформационных мероприятий (“Станция М”) с химической лабораторией. В ней подделывались письма и документы, имитировались шрифты пишущих машинок, черки и подписи на любом языке мира. В этой работе “Станции М” активно помогал цензурский пункт, периодически поставлявший бумагу, образцы подписей и оттисков печатей, подлинные письма для последующего использования в пропаганде и активных операциях. В качестве примера можно упомянуть одну из акций по дискредитации чеха-коллаборациониста, родственники которого проживали в Латинской Америке. Специалисты “Станции М” извлекли из их корреспонденции подлинные факты его биографии и за подписью некоей Анны отправили ему же из Сантьяго три письма, с расчетом на их несомненный перехват немецкими цензорами. Там наряду с неопровержимо точной информацией, фигурировали специально имитированные код фразы, например: “Отец поймал 75 рыб в среду 17-го, брат был нездоров, но поймал 82”, или “Я вязал Карлу свитер, на который пошло 14 мотков шерсти, каждый по 60 футов длиной, хотя два были только по 28 футов”⁴⁴⁹. Расчет БСК оказался верен. Цензоры немедленно обратили внимание на странные высказывания, а контрразведчики из гестапо были полностью убеждены, что за непонятными фразами скрывается неуклюжая попытка передать какое-то закрытое сообщение. Чех, естественно, ни в чем не признавался, однако не смог опровергнуть приведенных в письмах действительных фактов своей биографии и был казнен.

“Станция М” организовала интересную операцию по психологическому давлению на сторонников нацизма в нейтральных странах, преимущественно латиноамериканских. Ее автором был польский профессор-эмигрант, придумавший “захватывающее времяпровождение для всех сторонников демократии”⁴⁵⁰ под названием “Вик” (сокращение от “victory” — “победа”). Эта игра, описанная в анонимно изданных БСК брошюрах, состояла в том, что группы противников нацизма избирали себе жертвы из числа местных фашистов и травили их всеми возможными способами. За различные, желательные вписывавшиеся в рамки закона более или менее крупные пакости начислялись очки, и участники “Вика” соревновались между собой в счете. В брошюрах рекомендовались типовые акции, начиная от заказа по телефону на адрес жертвы массы громоздких и дорогих товаров с оплатой после доставки и кончая телеграммой на домашний адрес, извещавшей женатый объект о беременности якобы имеющейся у него любовницы. Не были забыты и более тривиальные способы. Можно было отравить собаку нациста, проколоть шины его автомобиля, вылить ведро бензина или краски в резервуар с питьевой водой, а также доверительно распространять в обществе слухи о его импотенции, гомосексуальных наклонностях или венерическом заболевании. Список являлся далеко не исчерпывающим и лишь систематизировал основные направления, главная ставка делалась на фантазию исполнителей. В ряде случаев “Вик” серьезно отравил жизнь своим жертвам, которым часто становилось просто не до политической деятельности.

Безусловно, “игры сторонников демократии” представляли отнюдь не главную задачу британской разведки на американском континенте, одним из важнейших направлений деятельности БСК считалось проведение разведывательных операций против расположенных в Вашингтоне посольств вишистской Франции и Италии.

Итальянское посольство представляло значительный интерес как с точки зрения получения информации, так и в качестве возможного источника военно-морского шифра, поскольку как раз в 1940 и 1941 годах проходили самые ожесточенные сражения за господство на Средиземном море. Считается, что наряду с использованием радиолокации именно компрометация шифров послужила причиной поражения итальянцев в бою у мыса Матапан 28 — 29 марта 1941 года. Они потеряли три крейсера и два эсминца, тяжелые повреждения получил линкор “Витторио Венетто”, а их противники добились всего этого ценой потери одного самолета и легкого повреждения крейсера. Агентурное проникновение в посольство сумела осуществить 30-летняя американка Эми Элизабет Пак (“Синтия”, позднее “Кэтрин Гордон”), один из лучших агентов БСК и обаятельная женщина, без труда возобновившая прерванные ей еще в 1938 году близкие отношения с 60-летним военно-морским атташе Италии в Вашингтоне контр-адмиралом Альберто Лаисом. Трудно поверить, но, по утверждению М. Хайда, атташе настолько увлекся новой любовницей, что в начале 1941 года по ее просьбе дал прямой приказ шифровальщику посольства за вознаграждение передать ей шифрблокноты, которые в БСК немедленно скопировали и переслали в Лондон. Верить

Элизабет Пак

в эту историю и в самом деле не следует, поскольку ее приписали реально существовавшей и вполне успешно работавшей “Синтии” для маскировки долго скрывавшегося факта прочтения англичанами шифров “Энигмы”. Британские дешифровальщики действительно проинформировали командующего флотом на Средиземном море адмирала Каннингхэма о предстоящем выходе итальянской эскадры, однако эта информация была извлечена из радиообмена люфтваффе, прикрывавшего выход кораблей своего союзника. Кстати, в 1967 году сыновья умершего в 1951 году Лаиса опротестовали в итальянском суде публикации, в которых адмирала изображали предателем. Они выиграли процесс, и информация об этом по настоянию министерства обороны Италии была опубликована в трех ведущих газетах Восточного побережья Соединенных Штатов.

Сказанное ни в коей мере не умаляет действительные заслуги Пак. Секретный послевоенный отчет БСК характеризовал заслуги “Синтии” следующим образом: “Трудно

переоценить важность ее работы... Ее убежденность была безупречной, а ее лояльность к руководству — полной. Она не была жадной к деньгам, а лишь жадно служила делу, в которое верила. Фактически ей платили небольшое вознаграждение, лишь немного превышавшее ее расходы на жизнь, хотя общую ценность ее работы для Британии можно измерить миллионами⁴⁵¹. Эта женщина (девичья фамилия Тоурп) работала на СИС еще с предвоенного времени, когда после брака с 49-летним дипломатом Артуром Джорджем Паком она получила второе (британское) гражданство и жила вначале в Латинской Америке, а позднее — в Испании. Однако, судя по всему, формальная вербовка молодой красавицы состоялась в марте 1938 года в период ее пребывания в Польше, где она сумела оболести руководителя аппарата министра иностранных дел Йозефа Бека графа Михаила Лубенского. Пак принял на связь резидент СИС, глава бюро паспортного контроля посольства Британии в Варшаве подполковник Джек Шелли. По некоторым, правда, непроверенным утверждениям, именно по этому каналу англичане впервые узнали о ведущихся в Польше работах по вскрытию германской “Энигмы”. В сентябре того же года связь американки с польским ответственным работником получила огласку, и хотя контрразведка не усмотрела в ней шпионского подтекста, Артура Пака попросили покинуть страну вместе с супругой. Госдепартамент США в мае 1939 года направил его в Чили, где Элизабет под псевдонимом “Томас” регулярно публиковала в местной прессе острые антигерманские статьи. Вскоре личность их автора перестала быть секретом, и посол рейха в Сантьяго обратился к правительству с жалобой на неправильное понимание госпожой Пак дипломатического статуса. В результате в январе 1941 года “Синтия” возвратилась в Вашингтон без мужа и получила полную возможность удовлетворить свою страсть к авантюрам и сексуальным похождениям. Основная деятельность агентессы проходила после 1941 года, поэтому она будет описана в соответствующей главе. В отличие от ситуации со Стивенсоном, приписывание “Синтии” отдельных не существовавших в действительности достижений не может считаться банальным обманом, поскольку оно было частью проводившейся операции по прикрытию программы “Ультра”.

В марте 1941 года морская разведка Италии запланировала диверсионную акцию против собственных торговых судов, заблокированных англичанами в портах США. Справедливо полагая, что вступление Соединенных Штатов в войну против держав “оси” является вопросом нескольких месяцев, после чего суда все равно перейдут в руки американцев как военные трофеи, итальянцы собирались безвозвратно привести в негодность их главные двигатели и навигационное оборудование. Аналогичную акцию в отношении своих судов намеревались осуществить и немцы. Адмирал доверительно поделился с “Синтией” этой информацией, после чего БСК, выждав, пока несколько единиц будут приведены в негодное состояние, сообщила об этом американцам. В результате госдепартамент США односторонним актом взял суда под правительственный контроль, мотивируя это серьезной угрозой для безопасности мореплавания, которую создают потерявшие способность к передвижению плавсредства. Германская и итальянская ноты протеста были отклонены, а самому Лаису как персоне нон грата предложили в кратчайший срок покинуть страну. Адмирал благоразумно предпочел не подвергать семью опасностям войны и оставил ее в спокойной Америке, а перед посадкой на судно демонстративно простался на причале с “Синтией”, не обращая внимания на находившихся тут же заплаканную и опозоренную жену и детей. Вскоре посольство закрылось, и у БСК стало одним объектом меньше.

После подписания перемирия с Германией правительство побежденной Франции переместилось из оккупированного Парижа на юг, в Виши. Новый министр иностранных дел урезанной страны Пьер Лаваль назначил на ответственный пост посла в Вашингтоне своего верного сторонника Гастона Анри-Хайе, немедленно по прибытии в американскую столицу заявившего персоналу: “Наша первейшая задача заключается в том, чтобы установить тот факт, что Англия предала Францию и поэтому является ее действительным врагом. Любые средства, находящиеся в нашем распоряжении, должны быть использованы для того, чтобы убедить американские официальные круги и общественность в том, что это является правдой”⁴⁵². Главной задачей БСК в отношении французского посольства считалось проведение активных контрпропагандистских мероприятий, и лишь во вторую очередь — получение разведывательной информации.

Следуя давним традициям французской секретной службы, посольство Виши включилось в проведение оперативных мероприятий в Соединенных Штатах, что оказалось фатальной ошибкой. Достаточно быстро БСК установила, что контрразведкой и вопросами безо-

пасности в нем занимается помощник посла Жан-Луи Мюзэ, разведку же по направлениям возглавляют военный атташе Бертран Вин и бывший пресс-атташе Шарль Брусс. Вскоре эти данные с приведением убедительных подробностей появились в американских газетах и сильно дискредитировали правительство Виши, тем самым оказав содействие возглавляемому Шарлем де Голлем движению “Свободная Франция”. БСК располагала в посольстве агентом, которым являлся тот самый Брусс, в связи с сокращением штатов в июле 1941 года переведенный на более низкую и значительно хуже оплачиваемую должность. Финансовые проблемы француза и его более чем прохладное отношение к режиму Виши явились фоном, на который наложилось личное обаяние “Синтии”, прибывшей в посольство в сопровождении еще одной женщины под видом журналистки для взятия интервью у посла Анри-Хайе. Знакомство продолжилось, вскоре Пак и Брусс стали любовниками, и почти сразу же француз согласился на сделанное ему вербовочное предложение. Вербовка была произведена под “чужим флагом” — от имени разведки Соединенных Штатов. Новый источник оказался очень полезным и давал массу информации, а в дальнейшем помог в проведении мероприятия по физическому проникновению в посольство.

В июне 1940 года англичане интенсивно готовились к операции “Катапульта” — захвату и выведению из строя боевых кораблей Виши, которые могли быть использованы немцами после оккупации юга Франции. В этот период особо важной задачей являлось получение ключей к французскому военно-морскому шифру, который в ПШКШ никак не могли вскрыть и ограничивались лишь анализом перехвата. Как оказалось позднее, французские моряки использовали код, которой затем перешифровывали с помощью одноразовых блокнотов и решетки. Стивенсон поставил задачу добывания этих материалов перед несколькими своими офицерами и агентами, в том числе “Синтией”. Дело осложнялось тем, что код и шифр не знал никто из сотрудников посольства, за исключением военно-морского атташе, а все телеграммы закрывались исключительно штатным шифровальщиком или его руководителем Бенуа, служащим с многолетним стажем и противником Лаваля. В описываемый период времени он подал в отставку по идеологическим причинам и в ожидании ее принятия продолжал исполнять прежние обязанности. Англичане обратились к нему с просьбой похитить блокноты разовых ключей для борьбы с общим врагом, однако неприятие Бенуа коллаборационистского режима не простиралось столь далеко, и он категорически отказался. Этика не позволила ему способствовать компрометации тех самых кодов и шифров, которые он охранял много лет, но вербовочное предложение француз все же сохранил в тайне. Прямой подход к шифровальщику был сочтен нецелесообразным, а кроме этих двоих никто не имел права входить в режимное помещение, где хранились шифрматериалы.

Вскоре в посольство прибыл преемник Бенуа. Времени для разработки нового начальника шифровальной службы не оставалось, и Элизабет решила воспользоваться традиционным для нее способом. Она быстро обольстила объект, после чего попыталась завербовать его “в лоб” от имени разведки Соединенных Штатов. Предложение строилось как на идеологических мотивах, так и на обещании существенного вознаграждения. Француз отказался и доложил о произошедшем Анри-Хайе, но тот не мог поверить в правдивость рассказанной истории, поскольку прекрасно знал Пак и считал ее высококонрастной женщиной. Посла подогрел Брусс, уже ставший любовником “Синтии” и наивно полагавший, что не делит ее благосклонность ни с кем. Агентесса не стала его разубеждать и заявила, что начальник шифровальной службы клеветает на нее в отместку за отказ в близости. В итоге посол объявил того лжецом и отстранил от работы с шифрами. Теперь в шифровальную комнату мог входить лишь один шифровальщик, однако англичане не приблизились к решению задачи, поскольку вербовка этого сотрудника была сочтена нецелесообразной. Помимо него, доступ к интересовавшим англичан шифрам имел лишь военно-морской атташе, которого в БСК сочли неподходящим объектом для вербовки.

Невзирая на все трудности, поставленную задачу требовалось выполнять, и единственным способом для этого являлось похищение шифрматериалов для снятия с них копий. Для этого “Синтия” с Бруссом несколько вечеров подряд заходили в посольство и проводили время в одной из комнат, изображая тайное любовное свидание в месте, недостижимом для жены француза. Постепенное приучение персонала посольства к вечерним появлениям пары было первой стадией, необходимой для дальнейшей реализации плана. После этого следовало усыпить охранника и его собаку и дать возможность находившимся наготове взломщикам проникнуть к нужному сейфу. Первая попытка не увенчалась успехом. Охранник, которого

Брусс угостил “заряженным” шампанским, действительно заснул, но пробравшийся в посольство слесарь не смог справиться с замком сейфа и заявил, что ему понадобится еще одна попытка. Охранник заподозрил неладное, однако не доложил послу, а решил разобраться в проблеме собственными силами. “Синтия” ожидала этого, и когда на следующий вечер он якобы по ошибке внезапно вошел в кабинет, где находились Пак и Брусс, то в луче фонарика увидел женщину полностью раздетой. Пробормотав извинения, охранник успокоился и ушел. Вскоре его снова усыпили, и на этот раз замок сейфа поддался усилиям взломщика. Шифрматериалы были успешно перефотографированы и к утру возвращены на место.

Взаимоотношения бывших британских агентов продолжились и после окончания войны. Они развелись со своими супругами (позднее Артур Пак покончил с собой), обвенчались и поселились в замке Брусса во Франции. Однако идиллия длилась недолго. 1 декабря 1963 году Элизабет умерла от рака губы. На десять лет переживший ее муж погиб в результате короткого замыкания электрического одеяла. Возникший при этом пожар уничтожил половину замка.

Романтическая история “Синтии” дополняется весьма прозаической историей реконструирования канадскими криптоаналитиками решетки к французскому военно-морскому коду. Это произошло позднее, в апреле 1942 года, здесь же следует подчеркнуть, что без этого последнего компонента добытые агентессой материалы использоваться не могли.

В апреле 1941 года генеральный консул Германии в Сан-Франциско Ф. Видеман установил негласный контакт со своим британским коллегой и сообщил ему, что желает неофициально встретиться с представителем Лондона. Во время Первой мировой войны офицер 16-го баварского пехотного полка Видеман был прямым начальником молодого Гитлера. В отличие от распространенной ситуации, бывший ефрейтор сохранил самые лучшие воспоминания о службе под его началом и после прихода к власти некоторое время держал бывшего командира в качестве личного адъютанта, а летом 1938 года направил в Лондон прозондировать почву для несостоявшегося визита Геринга. Министр иностранных дел фон Риббентроп навсегда возненавидел Видемана из-за этого, но, тем не менее, в начале 1939 года все же согласился зачислить его в систему МИД и направил на службу в Сан-Франциско. ФБР сильно подозревало генерального консула в ведении разведывательной деятельности.

Обоснованно опасавшийся враждебности рейхсминистра Видеман попытался вступить с англичанами в мирные переговоры в преддверии, как он полагал, скорого падения нацистов и реставрации династии Гогенцоллернов. Из перехваченных ФБР телефонных переговоров сотрудников германского посольства стало ясно, что берлинское начальство и в самом деле относится к генеральному консулу не слишком терпимо. На этом основании англичане и американцы заключили, что тот, скорее всего, искренен в своих попытках наладить взаимоотношения. Переговоры вели сотрудники БСК. Естественно, англичане рассматривали все надежды Видемана на скорое изменение государственного строя Германии как беспочвенные фантазии, однако любому разведчику известно, как много ценной информации можно почерпнуть из подобных контактов. Так произошло и в данном случае. Британия получила от консула полезные и, как выяснилось впоследствии, достоверные сведения о предстоящей политике Гитлера на Балканах и в отношении Испании. После закрытия госдепартаментом США всех германских консульств Видеман отбыл на аналогичную должность в Тяньцзинь.

БСК была довольно многочисленной структурой, в ее центральном аппарате временами работало до тысячи человек, и это без учета персонала периферийных подразделений. Для некоторых американских политиков и государственных служащих высокого ранга миссия являлась образцом для подражания, другие же, в частности, руководство обеих военных разведывательных служб США, видели в ней только отрицательные стороны и категорически возражали против сотрудничества с ней. Такое отношение диктовалось главным образом их узкими ведомственными интересами, поскольку и ОНИ, и МИД обоснованно опасались, что пример англичан подтолкнет президента к образованию автономной политической разведки. Именно так и случилось, и эту давно вынашиваемую Рузвельтом мысль подкрепил своими доводами Уильям Донован.

Это произошло после его второй поездки в Великобританию, на Средиземное море, Балканы и Средний Восток в декабре 1940 — марте 1941 года в ранге официального представителя военно-морского министерства и с полномочиями неофициального представителя

президента. Первая поездка Донована проходила с середины июля по начало августа 1940 года и сыграла важную роль в принятии решения о передаче 50 эсминцев и начале оказания широкомасштабной помощи Британии. По возвращении домой он опубликовал в газете “Чикаго дейли ньюс” серию статей под общим заголовком “О тактике германской пятой колонны”, заключение к которой написал морской министр Нокс. Интерес к теме оказался столь велик, что Донован стал первым после президента американцем, получившим возможность транслировать свое выступление по общенациональной сети радиовещания.

В обеих поездках на него неизгладимое впечатление произвела решимость британцев бороться с Германией до конца, и 58-летний ветеран Первой мировой войны, бывший командир 69-го полка, заслуживший на этом посту прозвище “Дикий Билл”, вернулся в США убежденным сторонником создания централизованной разведывательной службы. Никогда ранее он не имел дела с тайными операциями, в межвоенный период являлся преуспевающим адвокатом, заработал миллионное состояние, а его знакомство с разведкой ограничивалось увиденным в Лондоне. Однако в активе Донована имелся весьма существенный фактор: на него делали ставку англичане, и Стивенсон получил широчайшие полномочия по введению его в курс дела ради общего блага. Они близко подружились, знакомые даже дали им прозвища “Большой Билл” и “Маленький Билл”, отражавшие разницу между огромным, энергичным и шумным американцем и маленьким и спокойным “тихим канадцем”.

Летом 1941 года Донован направил президенту меморандум с обоснованием необходимости создания долговременной, то есть предназначенной для работы в военный и послевоенный период, стратегической разведывательной службы. В документе он перечислял обязательные условия эффективности ее работы:

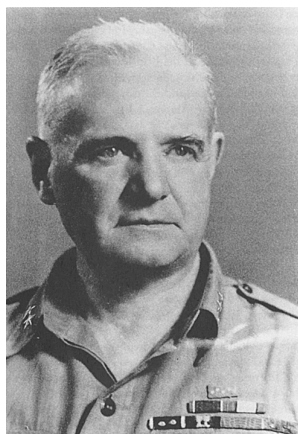
1. Служба не должна зависеть от союзников, то есть должна располагать собственным агентурным аппаратом, каналами связи и транспортом. Это позволит ей достичь безопасности (провал одного звена не повлечет за собой провала остальных), достоверности (перекрытие информации не позволит противнику осуществлять дезинформацию из единого центра) и самостоятельности (работа разведки не будет зависеть от любого другого правительственного органа).
2. Служба должна собирать политическую, экономическую, социологическую и психологическую информацию.
3. Сбор информации должен осуществляться тайными методами.
4. Для защиты основной службы необходима собственная контрразведка.
5. Необходима организация информационно-аналитического аппарата из специалистов в различных областях знания и регионах мира.
6. Служба должна иметь доступ к коротковолновым радиопередатчикам.
7. Служба должна руководить психологическими и физическими подрывными действиями.
8. Служба должна иметь независимые каналы связи, в том числе дипломатические, и собственные коды, отдельный бюджет с секретными фондами и особые права на выдачу паспортов.
9. Директором службы должен быть гражданский человек, ее личный состав также в основном должен быть гражданским, с опытом и стажем в различных сферах деятельности.

Согласно изложенной концепции, предлагаемая к созданию служба была призвана координировать в первую очередь стратегическую военную разведывательную информацию. Это весьма насторожило армию и ВМС, разведорганы которых крайне отрицательно отнеслись к идее централизованной разведки. Следует отметить, что первые этапы этой борьбы начались еще на стадии предварительных проработок структуры и функций будущей центральной разведки. Еще в апреле 1941 года начальник МИД бригадный генерал Майлс докладывал начальнику штаба армии генералу Маршаллу: “Имеются веские причины предполагать, что существует постепенное движение, направляемое полковником Донованом, к созданию сверхагентства, контролирующего *всю* разведку. Это будет означать, что такое агентство, вне всякого сомнения, возглавляемое полковником Донованом, будет собирать, сопоставлять и даже оценивать все материалы военной разведки, которые мы сейчас получаем из зарубежных стран. С точки зрения министерства обороны, такое движение является несчастьем, если не бедствием”⁴⁵³. Майлс предупреждал, что первое проявление активности нового органа следует ожидать на Дальнем Востоке. Получив это предостережение, Мар-

шалл распорядился немедленно создать военную миссию и направить ее в Китай, чтобы опередить потенциального соперника и не дать ему внедриться в регион. При подборе руководителя миссии рассматривались кандидатуры генералов Джозефа Стилуэлла, А. Боули и Джона Магрудера, но выбор был сделан в пользу последнего исключительно ввиду его разведывательного опыта, полезного в предстоящем противостоянии с Донованом.

Еще резче прореагировал на грядущие перемены директор ФБР, который воспринял Донована как нетерпимого конкурента и относился к нему соответственно. Для правильного понимания создавшейся ситуации следует иметь в виду, что в американской истории найдется мало столь амбициозных, влиятельных, целеустремленных и злопамятных людей, поэтому враждебность Гувера являлась очень серьезным фактором, с которым нельзя было не считаться. Даже Стивенсон, к которому директор ФБР явно благоволил, на полтора года попал к нему в немилость. Донована же он ненавидел всегда, и после окончания войны, когда уже не было в живых главного покровителя “Дикого Билла” президента Рузвельта, Федеральное бюро расследований накопило на него довольно объемистое досье. Однако Доновану было не привыкать к плохому отношению и обидам. Еще в 1928 году отставного полковника рассматривали как наиболее реального кандидата на пост министра юстиции в правительстве Герберта Гувера, но республиканские конгрессмены и сенаторы дружно забаллотировали его. Причин к тому имелось множество, и первой из них являлся неукротимый нрав кандидата, которого многие определенно побаивались. Другая причина была довольно курьезной: Донован происходил из семьи бедных католиков-ирландцев, в пуританские годы “сухого закона” поголовно считавшихся пьяницами, и это помешало ему занять кресло в правительстве. Парадокс заключался в том, что сам Донован был практически абсолютным трезвенником и терпеть не мог спиртного.

В конечном итоге мнение президента возобладало, и 11 июля 1941 года состоялось официальное назначение Донована на должность Координатора информации (КОИ), возглавляющего ведомство Координатора информации (та же аббревиатура КОИ⁴⁵⁴), которому надлежало “собирать и анализировать информацию и данные, которые могут иметь значение для национальной безопасности; сопоставлять такую информацию и данные и представлять такую информацию и данные в распоряжение президента, а также правитель-

Уильям Донован

ственных органов и чиновников, которых может указать президент; и осуществлять, когда этого потребует президент, такие дополнительные действия, которые обеспечивают получение важной для национальной безопасности информации, которой правительство в настоящее время не располагает”⁴⁵⁵. Создание КОИ являлось первой в американской истории попыткой объединить в одной структуре информационно-аналитическую работу, пропаганду, разведку, диверсии и боевые операции, то есть попыткой создать своего рода совершенно новый вид вооруженных сил. Тем не менее, исчезновение из руководящих документов ведомства слов “стратегической военной” в применении к информации свидетельствовало о том, что идея Донована не была воспринята полностью. Противодействие армии и ВМС не позволило распространить деятельность КОИ на традиционные сферы действия их разведорганов и ограничило ее гражданской областью.

Первоначально Координатор информации строил свою концепцию на идее централизации ведения психологической войны, которую, однако, трактовал весьма расширительно. Под этим термином он подразумевал абсолютно все способы воздействия на действительного и потенциального противника, за исключением чисто военных, применяемые в целях подрыва его воли и способности к сопротивлению. Донован включал сюда не только “белую” и “черную” пропаганду, но и диверсии, саботаж и иные виды деятельности, обычно относящиеся к области разведки или специальных операций. Для невоюющих Соединенных Штатов Америки все это было несколько преждевременно. Пока что следовало организовать КОИ не просто с нуля, а и в условиях отсутствия какого-либо опыта в рассматриваемых сферах.

18 августа 1941 года, когда штат ведомства Координатора информации составлял всего 18 человек, Донован направил свой первый бюджетный запрос. До 30 июня 1942 года ему требовалось 10 миллионов 560 тысяч долларов, что вызвало в Бюро по бюджету заме-

шатательство, близкое к шоку. Однако средства постепенно начали поступать, и через два с половиной месяца в структуре КОИ уже появились три основных сектора, которые Донован планировал расширять. Первоначальный годовой бюджет ведомства был утвержден в размере 450 тысяч долларов. Из них 350 тысяч предназначались собственно для КОИ, а 100 тысяч имели целевое предназначение финансирования созданного в составе библиотеки конгресса США Отделения специальной информации (ДСИ)⁴⁵⁶.

Центральным подразделением ведомства Координатора информации стал Сектор исследований и анализа (РА), занимавший ключевое место в стратегической концепции КОИ. Его появление в структуре центральной разведки Соединенных Штатов явилось в известной мере случайным и вынужденным, хотя и многократно оправдавшимся впоследствии актом в противостоянии с военными разведчиками. Как уже указывалось, начальник штаба армии направил в Китай миссию под руководством генерала Магрудера. Среди задач миссии разведка занимала весьма скромное место, однако назначением профессионала в этой области военные сразу же выбивали козыри из рук уже сформированного к этому времени КОИ. Генерал считался опытным разведчиком и специалистом по Китаю, служил там с 1920 по 1924 годы в должности помощника военного атташе, с 1927 по 1930 годы – военным атташе, немного владел китайским языком. О развитии событий узнали и в руководстве военно-морских сил. В это время начальник управления боевой подготовки и учебных заведений ВМС Уиллис Ли активизировал изучение японских ВМС как наиболее вероятного противника. Флот попытался прикомандировать к миссии Магрудера своего наблюдателя капитана 1-го ранга Милтона Майлса, но встретил резкий отказ. Военные без обиняков заявили, что новая структура является чисто армейской, и морякам там не место. Донована, также категорически требовавшего места в миссии для своего сотрудника, постигла та же участь. Он пожаловался президенту, однако безрезультатно. Тогда руководитель КОИ совершил обходной маневр, которого от него никто не ожидал. Специально для проникновения на Дальний Восток он сформировал в своей службе Сектор информации и анализа (РА). Это являлось весьма непростой задачей, однако Донован был не просто бывшим командиром пехотного полка, а также преуспевающим адвокатом, умеющим достигать своих целей интеллектуальным путем. Он собрал под своим началом команду из блестящих умов мира университетов, бизнеса и юриспруденции, сразу же выдвинувшую его ведомство в этом вопросе вперед по сравнению с военными. В середине сентября 1941 года РА возглавил Джеймс Бакстер, а вскоре его сменил Уильям Лангер, оставшийся на этом посту до окончания войны.

На первых порах задачей новой структуры являлись анализ и сопоставление информации, но ее, однако, еще требовалось где-то и как-то добыть. Донован понимал, что создание агентурных сетей займет немало времени, а к данным радиоразведки, так же, как и к сообщениям военных и военно-морских атташе, его просто не допустят. Следовательно, добыть информацию можно было только из открытых источников, чем он и занялся еще до формального создания КОИ и своего назначения на пост его руководителя. Одним из наибольших в Соединенных Штатах книжным и журнальным фондом располагала библиотека конгресса, директор которой Арчибальд Мак-Лейш охотно согласился принять участие в процессе укрепления национальной безопасности страны. Он разрешил Доновану организовать в составе библиотеки Отделение специальной информации (ДСИ), на должность руководителя которого (директор по исследованиям) был приглашен профессор истории Гарвардского университета Уильям Л. Лангер. В дальнейшем, в 1942 году, он возглавил весь Сектор РА. Одновременно Лангера ввели в Совет аналитиков КОИ, фактически представлявший собой нечто вроде коллегии ведомства из шести ученых, специалистов в различных областях знания. Совет просуществовал недолго и был распущен, но, тем не менее, стал прообразом Совета национальных оценок ЦРУ США, сформированного в 1950 году все тем же доктором Лангером. ДСИ являлось структурным подразделением библиотеки конгресса, но финансировалось по смете КОИ. Приглашенные на работу в новую разведывательную службу ученые из различных университетов и колледжей, в основном специалисты по истории, социологии, политологии, экономике, этнографии и географии, уже в начале сентября 1941 года приступили к обработке книжного и особенно журнального фондов с целью создания тематической аннотированной картотеки по различным регионам мира и направлениям деятельности. Постепенно в составе ДСИ появились восемь структурных подразделений:

- Отделение Британской империи (исключая Южную Африку, но включая Индию);
- Отделение Западной Европы (Нидерланды, Бельгия, Иберийский полуостров и Франция);
- Отделение Центральной Европы (Германия, Италия, Словакия, Польша, Венгрия);
- Отделение Восточной Европы (СССР, Финляндия, Прибалтика, Балканы, включая Грецию);
- Средиземноморское отделение (с мая 1942 года именовалось Африканским отделением и первоначально ведало только Северной, а позднее и всей Африкой, кроме Египта и атлантических островов);
- Отделение Ближнего Востока (арабские страны, Турция, Иран);
- Отделение Дальнего Востока (Япония и оккупированные территории Китая, Филиппины, Голландская Восточная Индия);
- Отделение Латинской Америки (Центральная и Южная Америка).

После этого Донован начал формировать собственно Сектор РА, руководителем которого назначил президента Уильямс-колледжа Джеймса Финли Бакстера III. В середине октября в секторе уже действовали географическое, экономическое и психологическое отделения, в большей степени подчинявшиеся Совету аналитиков, нежели ДСИ, которое оставалось хотя и крайне важным, но все же техническим подразделением. Совет аналитиков же начинал приобретать авторитет, и вскоре в него были введены представители различных ведомств: от армии — генерал-майор в отставке Фрэнк Мак-Кой, от флота — капитан 2-го ранга Ф. Денестринк и от госдепартамента — бывший посол в Прибалтийских государствах Джон Уили.

Библиотека конгресса и книжные собрания ряда ведущих университетов обладали огромными запасами информации, но она чаще носила не столько практический, сколько академический характер и далеко не всегда была свежей. Поэтому деятельность Отделения специальной информации в большей степени приближалась к научной, а не к разведывательной. Для компенсации нехватки современных данных Донован организовал в широких масштабах скупку и иные методы добывания книг и периодических изданий в книжных магазинах, внешнеторговых компаниях и банках по всей Америке, а также с этой же целью направил представителя КОИ в Чунцин. Вскоре Сектор РА начал выдавать первые информационные документы в виде краткосрочных и стратегических обзоров и прогнозов. К концу года появилась возможность расформировать ДСИ, а занятых в нем специалистов рассредоточить по вновь образованным структурным подразделениям сектора:

- Экономическое отделение:
 - Секция сельского хозяйства и уровня жизни;
 - Секция военного снабжения;
 - Секция трудовых ресурсов;
 - Секция промышленных ресурсов;
- Географическое отделение:
 - Картографическая секция;
 - Секция географических отчетов;
 - Секция картографической информации (организована в феврале 1942 года);
- Психологическое отделение;
- Центральное информационное отделение (СИД):
 - Секция указателя (впоследствии Секция анализа документов);
 - Подразделение службы (впоследствии разделилось на Секцию допусков и Секцию контроля за документами);
 - Подразделение перехвата (впоследствии Подразделение цензурных материалов).

Сектор РА обладал высочайшим интеллектуальным потенциалом. В нем работали специалисты по истории, политологии, психологии, картографии, социологии и экономике из более, чем 35 университетов США, а также лингвисты, в общей сложности владевшие 40 языками и диалектами. Однако подлинного развития это подразделение КОИ достигло лишь после вступления США во Вторую мировую войну.

Информация поступала в КОИ также от устных разведывательных опросов прибывающих из-за границы бизнесменов, дипломатов и крайне немногочисленных туристов; для ее сбора и систематизации было образовано Отделение устной разведки (ОИ). Оно являлось

первым в КОИ подразделением, занимавшимся активным и зачастую нелегальным сбором разведывательной информации. Ввиду значительного транзита через Нью-Йорк, это отделение располагалось именно там, а не в Вашингтоне. ОИ возглавлял Дж. Эдуард Бакстон, весной 1942 года назначенный на должность помощника директора КОИ и проработавший на ней до июля 1945 года.

Многолетний опыт Донована в бизнесе подсказывал ему необходимость преподносить информацию руководству в максимально сжатой и наглядной форме, чего невозможно было достичь с помощью традиционных таблиц и графиков. С этой целью он разработал масштабный план “быстрого и ясного представления сводок и данных путем развития и использования визуальной техники”⁴⁵⁷. Эта деятельность была сосредоточена в Секторе визуального представления (ВП), конечной целью создания которого являлась постройка специального двухэтажного здания (Q-2) с двумя полуциркульными залами и двенадцатью демонстрационными комнатами, где в любое время можно было вывести на огромные экраны состояние мира в любой его точке. Там планировалось установить полупрозрачные экраны для карт и других изображений и непрозрачные — для статистической информации. Планировалось использование кинопроекторов, телевидения, анимации, трехмерных ландшафтных макетов и других средств, с помощью которых президент в любой момент сможет быстро и отчетливо составить себе представление о происходящем в выбранной им точке земного шара. Кроме создания Q-2, за которое отвечала Секция представления, Сектор ВП руководил Секцией записей изображений, Секцией графиков и Отделением полевой фотографии.

Следующим важнейшим подразделением КОИ и первым, участвовавшим в реальных операциях, являлся Сектор Службы зарубежной информации (ФИС). В июне 1941 года идея создания подобной службы активно обсуждалась с ее будущим руководителем Робертом Шервудом, а в начале августа первые сотрудники сектора уже приступили к работе. Пропаганду планировалось вести через Отделение связи КОИ, а в самом ведомстве намеревались создать организацию, для которой никак не могли подобрать названия. Вначале из пропагандистов собирались сформировать Совет по стратегии с Секцией производства программ, Секцией новостей и Технической секцией радио, и лишь несколько позднее появилось название “Служба зарубежной информации”. В краткий период от создания Сектора ФИС до вступления Соединенных Штатов в войну КОИ приступило к подготовке к распространению своих материалов в Восточном полушарии. Шервуд официально именовался администратором ФИС и имел статус заместителя Координатора информации, то есть входил в высший эшелон руководства ведомством. Он изменил внутреннюю структуру сектора и разделил его на отделения новостей, радио и публикаций. Первоначально Служба зарубежной информации не располагала техническими средствами для ведения пропаганды, и Шервуд договорился с ведущими обозревателями новостных и политических радиопрограмм о включении своих материалов в их вещание. Однако этого было абсолютно недостаточно, и вскоре после вступления США во Вторую мировую войну пропаганду пришлось поставить на совершенно иной уровень.

Существенной частью работы КОИ, впоследствии развившейся в масштабные направления, являлась так называемая особая деятельность, выделенная в отдельную Секцию особой деятельности — фонды “К” и “Л”. Буквенные обозначения повторяли условные обозначения источников финансирования и соответственно кодировали направления агентурной разведки и подрывной деятельности, включая партизанскую войну. В первый период после организации КОИ Донован не сразу приступил к созданию разведывательных и диверсионных сетей, поскольку просто не знал, как к этому подступиться. Однако вскоре, в результате постепенного потепления отношений армии и флота к ведомству Координатора информации, их разведорганы предпочли избавиться от такого хлопотного и небезопасного занятия, как агентурная разведка. Уже 5 сентября 1941 года МИД, а 10 октября и ОНИ подтвердили свое стремление сосредоточить этот вид разведки под руководством КОИ, на что имелся ряд причин. Было желательно иметь его под одним началом, причем именно гражданского ведомства, связанного меньшими ограничениями, чем министерства видов вооруженных сил. В качестве дополнительного и весомого аргумента использовалось наличие у Донована доступа к секретному и неподотчетному оперативному фонду в размере 100 тысяч долларов, 3 сентября выделенных на эти цели Бюро по бюджету. Координатор информации доложил президенту о достигнутом соглашении, сообщив о необходимости направить за границу резидентов КОИ с задачей организации разведывательной деятельности как в

периоды сохранения дипломатических отношений с тем или иным государством, так и после их возможного разрыва. Для обеспечения такого положения резидентам требовалось дипломатическое прикрытие на мирное время, доступ к каналам дипломатической почты и организация независимой линии связи, желательно по радио. Получив согласие Рузвельта, Донован направил энергичные усилия на развертывание зарубежной деятельности и, в частности, приступил к открытию крайне важной в последующие годы заграничной в Лондоне. В письме к Черчиллю от 24 октября 1941 года президент Соединенных Штатов подтвердил полномочия Координатора информации, а Стивенсон продублировал их по линии БСК.

К этому времени КОИ уже отправил за рубеж свою первую разведывательную миссию, которой стала посланная 21 октября в Исландию группа Отделения полевой фотографии Сектора ВП. Но, безусловно, подлинными разведывательными и диверсионными задачами возлагались на фонды (проекты) “К” и “Л” Секции особой деятельности. Первоначально соответствующих специалистов “одолжили” Доновану МИД и ОНИ. Из армии в КОИ пришли подполковник Роберт Солборг и майор, впоследствии подполковник М. Престон Гудфеллоу. Второй из них до середины 1942 года оставался в штате военного министерства. ВМС направили в КОИ майора Уоллеса Б. Филлипса. Почти сразу же после перевода в ведомство Координатора информации Солборг был командирован в Великобританию для обмена опытом, который правильнее было бы назвать просьбой о шефской помощи. В Юго-Восточную Азию в июле 1941 года срочно отбыла миссия под руководством Уоррена Клиара. Она провела два месяца в Сингапуре, затем посетила Таиланд, Французский Индокитай, Голландскую Восточную Индию, Тимор, Молуккский архипелаг и остановилась на Филиппинах, где ее и застало начало войны. Китай был исключен из маршрута, поскольку армия по-прежнему активно противодействовала появлению там КОИ. Специалисты настаивали на необходимости сосредоточения руководства разведкой и специальными операциями в одном подразделении. Этой точки придерживался Солборг, так же полагал и Филлипс, однако Донован решил иначе. Мотивы своего решения полковник не обнаружил. Существует мнение, что он просто неправильно понял аргументацию своих новых подчиненных, хотя с учетом личности Координатора информации такое предположение вызывает крайнее сомнение. И уже после 7 декабря 1941 года план реорганизации Секции особой деятельности начал воплощаться в жизнь.

Прямое отношение к специальным проектам КОИ имел появившийся в нем в период становления ведомства Сектор иностранных граждан (ФН). Первоначально он, наряду с агентурной разведкой и специальными операциями, вполне официально считался особым предприятием КОИ. Сектор занимался информационной работой среди проживавших в Соединенных Штатах иностранных граждан и особенно их компактных групп, а также выдавал наводки на вербовку агентуры в их среде. Сектор возглавлялся директором, а в его структуре имелись три подразделения:

- Бюро директора;
- Отделение полевых исследований;
- Архив (славянское, латинское, германское и смешанное делопроизводства).

КОИ в целом должно было выполнять четыре основные функции: координировать операции всех американских разведывательных служб, осуществлять связь и сотрудничество с СИС, добывать и анализировать разведывательную информацию и проводить диверсионно-подрывные операции. К началу декабря организационная структура ведомства уже несколько устоялась и выглядела следующим образом:

- Сектор исследований и анализа (РА) — сбор разведывательной информации из открытых источников и оценка данных, полученных от всех видов разведки;
- Сектор визуального представления (ВП) — графическое и фотографическое представление разведывательной информации;
- Отделение устной разведки (ОИ) — разведывательные опросы прибывающих в США иностранцев, беженцев, а также представителей международных деловых и культурных организаций;
- Сектор Службы зарубежной информации (ФИС) — ведение пропаганды, ориентированной на различные группы иностранных граждан;
- Сектор иностранных граждан (ФН) — сбор разведывательной информации путем изучения и наблюдения за группами иностранцев в США и рассылка ее среди других правительственных учреждений;

- Центр сбора донесений (МЦ) — поддержание связи с резидентурами и агентами КОИ в нейтральных странах;
 - проект “Специальная деятельность — К” — секретный разведывательный отдел для сбора информации тайными методами за пределами Западного полушария;
 - проект “Специальная деятельность — Л” — секретный отдел планирования и координации подрывных операций во вражеских и контролируемых врагом странах.
- Кроме того, ряд отделений и служб подчинялся непосредственно директору КОИ.

Единственной организацией, полностью и безоговорочно поддерживавшей Донована, являлась Британская миссия по координации безопасности, причем на основе полной взаимности. Когда в августе 1941 года в Соединенные Штаты для налаживания взаимодействия прибыл начальник британской морской разведки контр-адмирал Джон Годфри, директор ФБР просто уклонился от встречи с ним. Тогда руководитель НИД направил Donovanу письмо, в котором аргументировал необходимость создания в США агентурной разведки по прообразу британской МИ-6 и особо подчеркивал, что ФБР на эту роль никак не подходит ввиду отсутствия у его директора стратегического мышления. Годфри предложил обучить в Великобритании американских агентов и в случае их дальнейшей деятельности без дипломатического прикрытия сообщил о возможности использовать позиции СИС. В заключении он просил Донована не обсуждать содержание данного письма с любыми третьими лицами без согласия Стивенсона. Таких примеров взаимной поддержки БСК и КОИ/ОСС куда больше, чем примеров аналогичной лояльности этих же структур по отношению к смежным спецслужбам их собственных государств.

Специально для связи с КОИ Стивенсон немедленно организовал филиал БСК в Вашингтоне, англичане обучали сотрудников Донована, предоставляли информацию и выделяли контролировавшиеся ими коротковолновые станции. Все это они преследовало ту же цель втягивания США в войну на своей стороне, в которой Британии требовался боеготовый союзник, в том числе и в разведывательном отношении. Тем не менее, до середины 1942 года КОИ не представляло собой серьезной силы и без поддержки англичан непременно было бы расформировано. Но все сложилось иначе, и в результате во Второй мировой войне американцы смогли создать одну из наиболее сильных, широкомасштабных и хорошо финансируемых разведывательных служб мира.

5. 7 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

Нападение Японии на военно-морскую базу США в Перл-Харборе 7 декабря 1941 года чаще всего расценивается и как провал всех ветвей и звеньев американской разведки, не сумевшей вскрыть намерения и военные приготовления противника, и как полная несостоятельность Вашингтона в оценке возможных действий Токио. Ряд исследователей, правда, утверждает, что президент США знал о предстоящем нападении и сознательно пожертвовал своими линкорами ради требуемой реакции населения страны на национальный позор и унижение. Хотя оценка деятельности Ф. Д. Рузвельта и не входит в задачу данной книги, следует все же констатировать, что такое заключение представляется сомнительным. Игнорирование данных разведки может иметь место только при условии наличия таковых, а в случае с атакой на Тихоокеанский флот в Перл-Харборе приходится констатировать неспособность всех государственных и военных учреждений Соединенных Штатов спрогнозировать действия Японии.

Впрочем, при всех несомненных упущениях американской разведки, прежде всего военно-морской, следует учитывать ряд обстоятельств, не позволяющих однозначно обвинять ее в абсолютном невыполнении поставленных задач. Непременным условием вскрытия намерений противника является наличие у него таковых, а летом и осенью 1941 года политическое и военное руководство Японии практически до самого последнего момента не могло определиться ни с направлением своей агрессии, ни с ее приоритетами. Токио и Вашингтон давно соперничали в бассейне Тихого океана, их военно-морские силы строились с учетом противостояния друг другу, однако до некоторого времени противоборство двух государств ограничивалось сферами дипломатии и экономики. Даже экстремистские элементы в Токио редко призывали к войне с Соединенными Штатами, видя перед собой куда более реальные

и привлекательные цели в Китае, Сибири, Приморье и азиатских колониях Великобритании и Нидерландов.

Однако в бассейне Тихого океана двум претендентам на гегемонию оказалось тесно. В Вашингтоне с крайним недовольством наблюдали за японской экспансией и после вторжения Японии в Северный Индокитай и опасного приближения к границе британских и голландских владений решились на серьезный шаг. 27 июля 1941 года правительства США, Великобритании и Нидерландов совместно заморозили японские активы в своих банках и фактически отрезали островное государство от источников нефти и иных сырьевых ресурсов. Для снятия санкций Токио следовало отказаться от территориальных захватов в Китае и от продвижения в Юго-Восточную Азию. Одновременно иссяк и альтернативный источник получения нефти из СССР в связи с его вступлением в войну, и вскоре флот, авиация и транспорт должны были бы остановиться из-за нехватки, а потом и полного исчерпания запасов горючего. Стране требовалось 4,5 миллиона тонн нефти в год, но с лета 1941 года рассчитывать на удовлетворение потребностей не приходилось. Уже к весне 1942 года это привело бы Японию к краху из-за топливного кризиса без единого сделанного по ней выстрела. Переломить сложившуюся тупиковую ситуацию можно было двумя способами. Первый из них заключался в принятии американских, британских и голландских требований, однако для агрессивного и милитаристского государства это было совершенно неприемлемо. Второй способ означал войну. При этом направление агрессии могло быть различным: либо советские Приморье и Сибирь, либо владения Великобритании и Нидерландов, либо Таиланд, либо Филиппины, либо частичное их сочетание.

Трудно сказать, учитывал ли президент Соединенных Штатов возможную готовность Японии воевать за пределами Китая. Во всяком случае, разведка информировала его об изнурении потенциального противника в континентальных операциях и не прогнозировала решимость японцев нанести новый удар в нескольких направлениях. В Вашингтоне были убеждены, что в Токио любой ценой желают избежать конфликта с США, что действительно было абсолютно верно. Страна и в самом деле увязла в Китае, но расширение агрессии являлось ее единственным, хотя и эфемерным шансом на выживание. Тем не менее, лишь почти через полтора месяца после введения санкций, 6 сентября 1941 года на совете в присутствии императора было принято решение с начала октября взять курс на войну против США, Великобритании и Нидерландов, если к этому времени не обозначатся перспективы мирного разрешения конфликта. В Вашингтоне же полагали, что японцы не рискнут начинать войну либо, по крайней мере, направят свою агрессию на едва держащийся под ударами вермахта Советский Союз. Однако 31 июля Рузвельт с крайней обескураженностью прочел дешифрованный текст информационного сообщения из Токио в свои посольства: «Торговые и экономические отношения Японии с третьими странами, возглавляемыми Англией и Соединенными Штатами, постепенно приобретают крайнюю напряженность, что не может быть терпимо далее. Вследствие этого наша империя ради спасения своего существования должна принять меры к получению сырья из Южных морей»⁴⁵⁸. Это очевидным образом указывало на агрессивные намерения Японии и на ее нежелание принять условия ультиматума, на что весьма надеялись в Вашингтоне. Однако нападение на США опять-таки не прогнозировалось, поскольку японцы могли добыть нефть в Голландской Восточной Индии или в СССР, не рискуя своим флотом. То есть намерения Токио начать войну как таковую постепенно обнаруживались, но ее направленность оставалась полностью неопределенной.

Руководство Соединенных Штатов рассчитывало достигнуть своих целей мирным путем, при этом его уверенность отнюдь не была беспочвенной. Из многочисленных перехватов и дешифровок японской дипломатической переписки явствовало, что многие влиятельные политики и военные в Токио категорически возражают против ее вовлечения в войну с США. Последнюю по счету попытку достичь взаимопонимания сделал посол в Вашингтоне Номура 29 ноября 1941 года, чуть более, чем за неделю до нападения. Но при этом за вторую половину ноября американцы вскрыли не менее 25 дипломатических телеграмм, содержащих указание на возможность разрыва дипломатических отношений или войны между двумя странами. Прочтенная 5 декабря телеграмма содержала соображения относительно возможного вторжения в Японию в Монголию, однако при этом ее общий тон был откровенно враждебен по отношению к Великобритании и США. Ясное видение ближайшей перспективы отсутствовало не только у вашингтонского, но, как это ни парадоксально, и у самого токийского руководства. Это иллюстрирует циркуляр № 2353 от 19 ноября 1941

года, гласивший: “В случае чрезвычайного положения (опасность разрыва наших дипломатических отношений) и пресечения международной связи следующее предупреждение будет добавлено в середине передачи ежедневных новостей на японском языке на коротких волнах:

- (1) В случае кризиса в японо-американских отношениях: хигаши но кадзе аме (“восточный ветер, дождь”).
- (2) Японо-советские отношения: кита но кадзе кумори (“северный ветер, облачно”).
- (3) Японо-английские отношения: ниши но кадзе хари (“Западный ветер, ясно”).

Сигнал будет передаваться в середине и конце прогноза погоды, и каждое предложение будет повторено дважды. При получении сигнала прошу уничтожить все шифрматериалы”⁴⁵⁹. Циркуляр № 2354 от того же числа несколько корректировал предыдущий документ и указывал, что в перечисленных случаях в начале и конце каждого сообщения будет по пять раз повторено слово “хигаши”, “кита” или “ниши”. Обращает на себя внимание отсутствие четкого обозначения противника, не слишком характерное для решившего начать войну правительства. Первый циркуляр был дешифрован американцами 28 ноября, второй — несколько ранее, 26 ноября 1941 года. После этого радиоразведка получила четкие отправные точки для отслеживания непосредственной угрозы со стороны Японии на указанных направлениях. Именно это и стало одним из основных факторов, заведших США в перл-харборскую ловушку.

Информация военной и морской разведок Соединенных Штатов в непосредственно предшествовавший войне период была сумбурной и противоречивой. Приведем лишь несколько взаимоисключающих информационных документов:

а) 2 июля 1941 года — доклад Бюро военно-морской разведки (ОНИ) командованию ВМС о готовности японцев к 20 июля напасть на СССР. В Вашингтоне этому не поверили, так как летом американцы ожидали агрессии Токио в южном направлении.

б) 25 июля 1941 года — меморандум Отдела военной разведки (МИД) начальнику штаба армии с утверждением о том, что экономические санкции против Японии не подтолкнут ее к вступлению в войну, поскольку таковое уже предопределено, в Токио лишь ожидают удобный момент.

в) 15 сентября 1941 года предупреждение МИД о предстоящей агрессии Японии в направлении Юго-Восточной Азии и Голландской Восточной Индии, а также о ее возможном выходе из военно-политического союза с Германией и Италией.

г) 25 сентября 1941 года — информационный документ ОНИ, в пяти важнейших пунктах которого утверждалось, что Япония:

1. Будет продолжать переговоры с США.
2. Будет наблюдать за событиями на советско-германском фронте.
3. В случае удачного наступления вермахта попытается захватить Сибирь.
4. В случае переброски основных сил Тихоокеанского флота США в Атлантику ударит в южном направлении.

5. Если Советский Союз выстоит до 1 декабря, воздержится от агрессии против него и будет выжидать, как минимум, до весны.

д) 2 октября 1941 года — доклад МИД с выводами о том, что лучшим способом для поддержания мира на Тихом океане и предотвращения расширения боевых действий в Азии является политическое и экономическое давление США на Японию.

е) 21 октября 1941 года — сообщение ОНИ командованию ВМС об окончании полной мобилизации японского флота и его готовности к операциям.

ж) 27 ноября 1941 года — доклад МИД о прогнозируемом направлении агрессии Токио на Юго-Восточную Азию, прежде всего на Таиланд, в случае провала ведущихся с Вашингтоном переговоров.

з) 27 ноября 1941 года — запись в дневнике военного министра Стимсона, в которой он констатировал свою убежденность в намерении Японии продвигаться на юг для захвата Бирмы и Бирманской железной дороги или Голландской Восточной Индии, хотя не исключал и возможность захвата Таиланда с целью создания позиций для удара по Сингапуру.

и) 1 декабря 1941 года — сообщение ОНИ о решимости японцев нанести удар по Таиланду с дальнейшим развитием экспансии на Бирму и Сингапур.

к) 6 декабря 1941 года — прогноз МИД на период с 1 декабря 1941 по 31 марта 1942

года. В нем разведка уверяла руководство армии в том, что Япония уже выбрала цели для своей агрессии, но по ряду причин не может нанести гарантированно успешный удар ни по одной из них, за исключением Сибири. Этот прогноз стал венцом самоуспокоительных информационных документов разведки. С поразительной близорукостью ее начальник генерал Стронг сообщал, что полномасштабной агрессии Токио ожидать не следует, японцы могут атаковать Гонконг или Филиппины, однако будут избегать конфликта с Соединенными Штатами и скорее всего нападут на Таиланд. В очередной раз прогнозировался выход Японии из союза с Германией. В любом случае, отмечалось в прогнозе, японцы стремятся избежать полномасштабных боевых действий на Тихом океане. Менее, чем через 48 часов после выхода этого документа японская армия и флот нанесли мощные удары по Гавайским островам, Филиппинам, Малайе и Голландской Восточной Индии.

Как видим, почти до самого начала войны ни один из документов не содержал и намек на возможность японского удара не только по США, но даже по Филиппинам, что в Вашингтоне расценивалось наравне с нападением на Соединенные Штаты. В последние критические дни в сводках разведки стали упоминаться Филиппины, однако отнюдь не Гавайи. Если перечислить прогнозировавшиеся в США направления агрессии Японии в порядке убывания вероятности, список будет иметь следующий вид: Таиланд — Малайя — Голландская Восточная Индия — Филиппины — Дальний Восток и Приморье. Вероятность подвергнуться непосредственной агрессии в Вашингтоне считали пренебрежимо малой и рассматривали лишь вероятность собственного вступления в войну в случае нападения на Филиппины. В правительстве отсутствовало единое мнение о возможной линии поведения в случае начала боевых действий на Тихом океане против владений Британской империи или Нидерландов. Многие в американском руководстве не верили в саму возможность оказаться в состоянии войны с Японией. В частности, министр ВМС Нокс, получив сообщение об атаке японцами Гавайев, заявил, что в текст, по всей видимости, вкралась опечатка, и следует читать “Филиппины”. Безусловно, в оперативных проработках американских штабов присутствовал вариант нападения японцев на главную базу Тихоокеанского флота, но всерьез он не рассматривался и являлся не более, чем обычной рутинной работой офицеров оперативных отделов. Ввиду общей взрывоопасной ситуации в регионе, командованию флота 1 апреля 1941 года было направлено предупреждение о повышении боевой готовности в выходные и праздничные дни, поскольку опыт показал, что страны “оси” совершали нападения именно в эти моменты, когда бдительность противостоявшей стороны ослабевала.

На более низких командных уровнях к угрозе со стороны Японии относились серьезнее, возможно из-за существенно меньшего доступа к успокоительной дипломатической информации. В частности, руководитель военно-морских операций вице-адмирал Гарольд Р. Старк неоднократно предупреждал главнокомандующего Тихоокеанским флотом США контр-адмирала Хасбэнда Киммеля о возможности внезапного нападения японцев. Воздушная и морская разведка прилегающих к Гавайям водных пространств велась довольно регулярно, из-за неограниченного числа имевшихся в распоряжении самолетов ее вынужденно ограничили 128-градусным сектором в направлении на юго-запад. Командиров авиационных подразделений крайне беспокоили “пустые моря” к северу и северо-западу от Гавайев, где не пролегли рекомендованные курсы торговых судов, и авианосное ударное соединение противника вполне могло пройти незамеченным до рубежа выпуска самолетов. Именно такой маневр и осуществил японский флот в декабре 1941 года. Он выдвинулся на исходные рубежи, причем группировка в Юго-восточной Азии резко увеличила свой радиообмен, а вышедшее с базы на Курильских островах соединение сохраняло радиомолчание. Более того, японцы оставили на берегу часть корабельных радистов и усадили их за береговые передатчики, справедливо полагая, что американские радиоразведчики будут фиксировать знакомые им почерки и убедятся, что авианосцы не покинули собственные воды. Тем временем корабли направились на восток, севернее судоходных маршрутов, через те самые “пустые моря”, чего так опасались американские авиаразведчики. 3 декабря соединение приняло топливо и направилось на юг, к Гавайям, имея приказ возвращаться обратно в случае визуального обнаружения любым судном. Однако этого так и не произошло. В ночь с 6 на 7 декабря эскадра увеличила ход до 26 узлов и к 06.00 вышла на рубеж выпуска первой волны самолетов.

Нельзя сказать, что морские радиоразведчики Соединенных Штатов в это время бездействовали. С 1 июня 1939 по 30 ноября 1941 года японцы пользовались версиями весьма

совершенной криптосистемы, получившей в США условное обозначение JN-25. Впоследствии выяснилось, что в ее основе лежала серьезно переработанная американская кодовая книга 1898 года, отвергнутая в 1917 году по причине низкой секретности. В этом коде имелось 25000 слов и фраз (в дальнейшем, в коде JN-25B — 33333), представленных в виде пятизначных групп, которые перешифровывались путем добавления к ним случайного пятизначного числа из отдельной книги, заменявшейся каждые три или шесть месяцев. Помимо смысловых групп, в текст включались “пустышки”, еще более затруднявшие вскрытие JN-25. Тем не менее, криптоаналитики ВМС США все же смогли преодолеть все препятствия, что существенно облегчало отслеживание перемещений военно-морских единиц потенциального противника и прогнозирование действий его командования. За шесть предшествовавших нападению на Перл-Харбор месяцев радиоразведывательные органы армии и ВМС перехватили, дешифровали и перевели около 7 тысяч японских радиограмм, то есть около 300 в неделю. Из них 1561 были сочтены заслуживающими внимания командования, и их содержание было включено в информационные документы радиоразведки⁴⁶⁰.

1 декабря 1941 года японцы внезапно сменили свои военно-морские коды и позывные кораблей. Встревоженные этим обстоятельством криптоаналитики в Вашингтоне и на острове Коррехидор немедленно приступили к их вскрытию, но безуспешно. Кроме объективных факторов, ситуацию усугубляли и субъективные: криптоаналитическое оборудование, комплекты японских шифровальных ключей и скелеты их кодовых книг еще в ноябре 1941 года вместо Перл-Харбора были отправлены на Коррехидор. Группа криптоаналитиков на Гавайях в основном работала над вскрытием японского военно-морского шифра высокого уровня, использовавшегося для связи между командующими соединениями. О смене кодов адмирал Киммель немедленно известил Вашингтон и запросил, следует ли рассматривать это как признак предстоящего скорого нападения или же просто как технический элемент работы японцев по защите своей переписки? Второе было вполне вероятно, поскольку отмененные коды и шифры находились в работе уже на протяжении двух с половиной лет, то есть достаточно долго. Позднее, в середине декабря, дешифровальщики на Коррехидоре пришли к заключению, что новые системы фактически не столь уж новы и представляют собой прежние коды с другими шифровальными добавлениями.

Более, чем смена кодов, американских радиоразведчиков встревожила внезапная смена позывных японских кораблей. Исчезновение способности читать переписку потенциального противника, безусловно, являлась прискорбным для флота фактором, но намного худшей оказалась утрата возможности полноценного анализа перехвата. Это лишило американцев возможностей отслеживать перемещения отдельных единиц, в том числе вызывавших их наибольшее опасение авианосцев. Однако и не это оказалось важнейшим фактором в маскировке перемещения японского ударного соединения. Командовавший им вице-адмирал Тюити Нагумо строго контролировал режим радиомолчания и тем самым под корень подсек все возможности радиоразведки противника. При отсутствии у противника радиобмена невозможно производить ни анализ перехвата, ни дешифровку сообщений, что делает все усилия в данном направлении бесполезными. В этот период работу радиоразведки следовало подкрепить визуальной или агентурной разведкой, но такими возможностями Соединенные Штаты тогда не располагали. Оставалось полагаться на дешифровки японских дипломатических телеграмм, однако Тихоокеанский флот не был допущен к информации, закрывавшейся “пурпурным” шифром. Начальник разведки флота капитан 1-го ранга Эдвин Лэйтон попросил включить его в список рассылки этих материалов, но получил отказ из-за неудовлетворительной криптоаналитической защиты средств связи в Перл-Харборе. В результате 2 декабря ему пришлось уведомить Киммеля о неспособности разведки установить местонахождение японских авианосцев. Командующий иронически поинтересовался, не хочет ли он сказать, что вражеские корабли могут огибать оконечность острова Даймонд Хэд, и при этом разведка не будет знать о происходящем? Лэйтон меланхолично выразил надежду на то, что флот противника будет визуально обнаружен несколько ранее. Как это иногда случается, обмен горькими шутками оказался вполне соответствовавшим действительности. К 3 декабря американцы идентифицировали позывные 200 кораблей, но авианосцев среди них не было. Командование ВМС и Тихоокеанского флота США, естественно, беспокоилось по этому поводу, однако не слишком. Соединенные Штаты не ожидали агрессию, поэтому ускользнувшая японская эскадра отнюдь не представлялась им угрожающей.

Тем временем напряженность в отношениях между двумя государствами нарастала, и 1 декабря военно-морской атташе Японии в Вашингтоне получил указание уничтожить все шифрматериалы химическим способом. Руководителям японских дипломатических учреждений в Лондоне, Гонконге и Сингапуре было предписано уничтожить шифровальные машины, однако посольство в США получило указание сохранить один шифратор на случай продолжения переговоров. Как известно, эта ситуация так и не возникла. 5 декабря послу Японии в Вашингтоне было предписано срочно отправить часть персонала самолетом на родину. Американцы прочли эту телеграмму 6 декабря. В тот же день посольство получило, а радиоразведка США перехватила и вечером того же дня вскрыла 13 частей меморандума МИД Японии, содержавшего ответ на предложения Вашингтона от 26 ноября. Утром 7 декабря была отправлена завершающая, самая важная часть документа, в которой выражалось сожаление ввиду исчерпания возможностей достижения соглашения путем переговоров из-за неконструктивной позиции правительства Соединенных Штатов. В телеграмме содержалось указание вручить меморандум государственному секретарю к 13.00 7 декабря 1941 года, но тот прочел его дешифровку раньше. Вывод политического руководства и военного командования был однозначен: меморандум фактически являлся документом об объявлении войны.

В связи с этим во время расследования в Объединенном комитете конгресса по расследованию атаки на Перл-Харбор вполне закономерно прозвучало: “В процессе слушаний по Перл-Харбору нас занимал один загадочный и главный вопрос: почему, имея одни из лучших разведывательных данных в нашей истории, с почти уверенным знанием того, что война у нас на пороге, с планами, описывавшими точный характер нападения, совершенного японцами утром 7 декабря — почему все это стало возможным в Перл-Харборе?”⁴⁶¹.

Американская разведка оказалась несостоятельной во вскрытии военных приготовлений Японии по целому ряду обстоятельств, и прежде всего из-за отсутствия единого аналитического центра, способного должным образом обработать всю поступающую информацию. Знаменитая система “Мэджик” — “пурпурный” шифр оказалась абсолютно неспособной выявить намерения командования Объединенным флотом Японии по двум причинам. Во-первых, во вскрываемой американцами дипломатической переписке почти полностью отсутствовала военная информация оперативного и тактического уровня. Это было вполне естественно, однако отсутствие в перехватах данных о намерении Японии атаковать США абсолютно бесосновательно трактовалось как отсутствие таких планов вообще. В Вашингтоне из вскрытых японских сообщений извлекали информацию исключительно об устремлениях Токио в Таиланд, Юго-Восточную Азию, Голландскую Восточную Индию или Сибирь, но никоим образом не на Соединенные Штаты. Таковая там просто отсутствовала, однако неопытная американская разведка, проявляя неоправданно высокое доверие к одному источнику, не сопоставляла добытую информацию и излишне полагалась на “Мэджик”. Строго говоря, применительно к событиям 7 декабря 1941 года эта криптоаналитическая операция сыграла крайне негативную роль, породив у политического и военного руководства США ложную успокоенность. В данном случае проявилась характерная для американцев склонность переоценивать важность данных радиоразведки, не раз создававшая им серьезные проблемы. Второй причиной, обесценившей вскрытие перехватов японской дипломатической переписки, явились чрезмерные меры безопасности, отсекавшие большинство аналитиков от полученной таким образом информации.

Кроме того, Перл-Харбор настолько не выглядел в глазах ВМС США реальной целью для Японии, что, как известно, в штабе флота не поверили даже операторам радиолокационной станции, случайно обнаружившим массу приближавшихся самолетов и в установленном порядке доложивших об этом. Незадолго до нападения командования Тихоокеанского флота, военного округа и базы были предупреждены о необходимости повысить готовность из-за опасности нападения, однако морское и воздушное патрулирование прилегающих водных пространств так и не было усилено. Американцы не отреагировали адекватно и после внезапной смены позывных кораблями японского флота. Безусловно, такая являющаяся рутинным элементом обеспечения безопасности связи смена сама по себе не может служить признаком подготовки к войне, но она представляет собой ее необходимый компонент. Следует констатировать, что Тихоокеанский флот США был готов к войне как таковой, а не к конкретной войне с Японией, начавшейся с удара по его главной базе. На Гавайях ожидалась лишь возможные диверсии, но никак не полномасштабное нападение. В довершение всего, Перл-Харбор бесосновательно считался хорошо защищенным. В 1940 году,

после перебазирования туда Тихоокеанского флота США, его главнокомандующий адмирал Дж. О. Ричардсон дважды поднимал вопрос об уязвимости как самой базы, так и Гавайских островов от внезапного нападения, что было сочтено обычной перестраховкой и паникерством. Вскоре Ричардсона сместили с занимаемого поста и заменили адмиралом Киммелем. Приблизительно в это же время, 11 ноября 1940 года, в Европе произошло знаменательное событие, которое должно было заставить моряков всего мира задуматься об уязвимости находящихся в базах кораблей от внезапной атаки с воздуха. Британская авиация совершила налет на итальянский флот в Таранто и успешно применила торпеды на сравнительно небольших глубинах. Японцы в полной мере учли и использовали этот опыт, но американцы по-прежнему считали торпедную атаку находящихся в Перл-Харборе кораблей абсолютно невозможной.

Среди обвинений в адрес американских спецслужб, не сумевших разгадать японский замысел 7 декабря 1941 года начать войну с Соединенными Штатами ударом по главной базе Тихоокеанского флота, следует особо выделить претензии к Федеральному бюро расследований. Некоторые исследователи выдвигают ряд обвинений в адрес директора ФБР, якобы проигнорировавшего доступные ему сведения о планируемом нападении. Гувера обвиняют даже в том, что он не сделал должных выводов из налета британских торпедоносцев на итальянские корабли в военно-морской базе Таранто. Утверждение более чем странное. Гувер возглавлял гражданскую контрразведку, и изучение хода боевых действий на Средиземном море и применяемых тактических приемов никоим образом не входило в компетенцию Бюро, а являлось обязанностью морской разведки, которой та и в самом деле пренебрегла. Абсолютно безосновательными выглядят и обвинения в адрес Гувера в его якобы нежелании принять к сведению информацию британского двойного агента Душко Попова (“Трицикл”) о намечаемой немцами глубокой разведке Перл-Харбора с целью обеспечить японского союзника информацией для нападения на базировавшийся там флот. Приверженцы этой версии обычно утверждают, что МИ-5 направила директору ФБР предупреждение о вопроснике, которым “Трицикла” снабдили в абвере перед поездкой в США. В нем якобы содержались вопросы относительно боеготовности Тихоокеанского флота Соединенных Штатов и системе обороны базы Перл-Харбор, что также совершенно не соответствует действительности. Ни МИ-5, ни МИ-6 никогда не предупреждали Гувера об угрозе японского нападения на Перл-Харбор, не говоря уже о том, что если бы они пожелали сделать это, то адресовали бы его напрямую морской разведке США. Вопросник “Трицикла” касался лишь общих сведений о базе, наличии в ней аэродромов, мастерских, складов боеприпасов и прочего, никак не позволяющих спланировать атаку на корабли. Сказанное не умаляет негативную роль Гувера в американской фазе операции “20-го комитета” с Поповым, но это уже абсолютно другая тема, совершенно не относящаяся к японскому нападению. Более того, ФБР, пожалуй, являлось единственной спецслужбой Соединенных Штатов, абсолютно не скомпрометировавшей себя провалами во вскрытии сроков и объекта японского нападения.

Вероятно, последним звеном в цепи причин, позволивших японцам достичь внезапности атаки Перл-Харбора, как ни странно, явилась опять-таки система “Мэджик” — “пурпурный” шифр. Как уже указывалось, закрытые с помощью этой криптосистемы дипломатические телеграммы не содержали никаких сведений о готовившемся ударе по американской базе на Гавайях. Некоторую информацию можно было извлечь из сообщений, закрытых с помощью дипломатических кодов более низкого уровня — J-19 и RA-K2, известных в ОР-20-G под жаргонным обозначением “бомбового заговора”. В одной из таких телеграмм, полученной консульством в Гонолулу от 24 сентября 1941 года и прочтенной американцами 10 октября, содержалась информация, заметно отличавшаяся от типичных сообщений, направляемых в японские консульства в портовых городах США и Панаме. Однако соответствующие выводы по ней в тот период сделать было также невозможно, поскольку подлинный смысл телеграммы стал ясен лишь после 7 декабря 1941 года. Негативную роль в этом сыграла чрезмерная загруженность радиоразведчиков. Бывший начальник ОР-20-G Лоуренс Саффорд впоследствии вспоминал: “Агентство было просто слишком маленьким и слишком измученным... Наши глаза покраснели и потускнели; изнурение и затемнение сознания одолели нас за несколько месяцев до событий... Если бы эти (критики — И. Л.) были среди нас и видели, как мы тонули в штабелях сообщений “пурпурной” машины, имевших...высший приоритет, они не удивились бы, как смогли мы не обработать и не

перевести несколько сообщений (закрытых кодами J-19 и RA-K2 — И. Л.)⁴⁶². Свою лепту в заблуждения внесла и такая, казалось бы, удача, как вскрытие уже упоминавшегося “кода ветров”. После дешифровки японских циркуляров № 2353 и № 2354 радиоразведчики постоянно прослушивали все сводки погоды на коротких волнах, но условленного сигнала так и не дождались, поскольку командование Объединенного флота благоразумно настояло на отсрочке его передачи в эфир. А после атаки на Перл-Харбор извещать о состоянии войны с США было уже незачем, поэтому сигнал прозвучал в эфире лишь позднее и в варианте “ниши но кадзе хари”, то есть известил о нападении на азиатские владения Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Этот аспект имеет и другую, несколько неожиданную сторону. Судя по всему, уверенность в том, что своевременное вскрытие американской разведкой японских намерений могло бы уберечь Тихоокеанский флот от разгрома, является более чем неоправданной. Через девять часов после атаки Перл-Харбора, когда война уже вышла из области предположений и стала реальностью, все командующие гарнизонами и базами уже знали о случившемся, и застигнуть их врасплох, казалось бы, было уже невозможно. Однако именно тогда 27 японских бомбардировщиков совершили опять-таки внезапный налет на авиабазу Кларк Филд около Манилы, где фактически без сопротивления уничтожили на земле 17 и повредили 18 бомбардировщиков B-17 и 56 истребителей. Собственные потери нападавших составили 7 самолетов. Понятно, что разведка была здесь явно ни при чем, проблема заключалась в общей организации и боевой готовности армии и флота Соединенных Штатов.

Все перечисленные факторы привели к тому, что первый удар 183 самолетов по кораблям в главной базе Тихоокеанского флота США оказался полностью неожиданным. Корабли стояли без противоторпедных сетей, аэростаты заграждения не были подняты, ПВО острова не была приведена в боевую готовность, а объявленная по флоту готовность № 3 предусматривала дежурство на каждом линкоре расчетов всего двух 5-дюймовых орудий и двух крупнокалиберных пулеметов. Дислокация целей в гавани Перл-Харбора была известна японцам из агентурных источников, все летчики знали свои задачи. Фатальные результаты последовательных налетов на остров Оаху известны. Казалось бы, нападение на Гавайские острова явилось триумфом японских вооруженных сил вообще и разведки в частности. Однако это утверждение бесконечно далеко от реальности. В действительности японские действия в данном направлении были еще более провальными, чем американские, хотя понятно это стало далеко не сразу. Первая и основная ошибка заключалась в стратегической недооценке противника. Операция проводилась с целью нанести сильный удар по Тихоокеанскому флоту США и заставить Вашингтон пойти на уступки, дающие Японии возможность сконцентрироваться на атлантическом направлении. Но в Токио фатальным образом заблуждались относительно готовности Соединенных Штатов воевать на Тихом океане в обстановке почти прямого вовлечения в ширящийся конфликт в Европе. Японское руководство допускало вероятность продолжения войны после уничтожения флота в Перл-Харборе, но полагало, что она будет ограниченной и закончится выгодным для нее миром. Трудно сказать, почему в Токио не приняли во внимание ни громадный промышленный и экономический потенциал своего противника, ни особенности национальной психологии американцев, однако факт остается фактом: в этом вопросе был допущен грубый просчет, оказавшийся роковым. Ни разведка, ни военное командование, ни политическое руководство не смогли спрогнозировать результаты удара по американским кораблям. Японцы настолько не рассчитывали на долгосрочную войну с Соединенными Штатами, что даже не уничтожили в Перл-Харборе ни запасы топлива, ни сухой док, то есть не разрушили тыл флота, восстановить который не менее, а иногда и более сложно, чем корабельный состав. В итоге триумфальная в тактическом плане операция явилась одной из наиболее неудачных в мировой истории единичных акций и повлекла за собой катастрофические последствия для ее инициатора: полный и невиданный в истории страны разгром, миллионные жертвы, в том числе от двух ядерных бомбардировок, и утрату всех ранее захваченных обширных территорий.

Утром 7 декабря 1941 года это было понятно еще далеко не всем. Зато весь мир понял, что война из европейской, советско-германской, североафриканской и прочей теперь действительно превратилась в мировую.

6. КАНАДА

Расположенная к северу от Соединенных Штатов Канада в межвоенный период имела статус доминиона Британской империи, поэтому ее разведывательные и контрразведывательные органы не обладали самостоятельностью, а были достаточно жестко прикреплены к системе спецслужб Соединенного Королевства. В те годы страна сама по себе не привлекала особое внимание противников, поскольку не могла похвастаться высокими технологическими достижениями, а ее влияние в мировом политическом процессе равнялось нулю. Иностранные разведывательные службы она могла заинтересовать лишь в качестве плацдарма для работы против Великобритании или же как один из этапов в легализации своих нелегалов, особенно засылаемых в Соединенные Штаты.

Контрразведывательная служба государства входила в компетенцию органа, романтически именовавшегося Канадской королевской конной полицией⁴⁶³ (РКМП). Она была сформирована в соответствии с парламентским актом от 23 мая 1873 года как силовое правоохранительное подразделение численностью в 300 человек для обеспечения порядка и законности на Северо-Западных территориях (ныне провинции Альберта и Саскачеван) и именовалась Северо-Западной конной полицией (НВМП). Первоначально рассматривался вариант названия “Северо-Западные конные стрелки”, но Соединенные Штаты весьма резко прореагировали на появление на границе армейского формирования, и стрелков немедленно переименовали в относительно нейтральных полицейских. Следует подчеркнуть, что указанный парламентский акт не содержал наименования нового органа поддержания правопорядка, и Северо-Западная конная полиция стала официально именоваться так лишь с 1879 года.

Практический набор в полицию предполагалось начать лишь весной 1874 года, но после получения в сентябре 1873 года известия об убийстве бандой белых охотников на волков из-за спора по поводу кражи лошадей множества индейцев-ассинибойнов, в числе которых были женщины и дети, премьер-министр распорядился сформировать и направить в регион для пресечения преступлений и наказания виновных три отряда НВМП по 50 человек. Естественно, в те давние годы ни о какой контрразведке речи идти не могло, офицеры и рядовые конной полиции патрулировали прерии, контролировали торговлю виски с индейцами и охраняли поселенцев. В 1904 году король Британии Эдуард VII в ознаменование заслуг НВМП распорядился добавить к ее названию слово “Королевская”. К моменту начала Первой мировой войны на Королевскую Северо-Западную конную полицию были возложены обязанности по охране границ страны, надзору за гражданами враждебных государств и силовому обеспечению государственной безопасности Канады. В это время в ее составе была организована первая секретная служба, предназначенная для борьбы с возможными подрывными элементами и для ведения внутренней разведки в западных районах страны. Из опасения утечки информации об этом и возможной крайне резкой реакции со стороны левых сил правительство крайне законспирировало этот орган, первоначально никак структурно не оформлявшийся.

В 1919 году в провинции Манитоба вспыхнула всеобщая забастовка, быстро принявшая угрожающие размеры и переросшая в беспорядки. В некоторых соседних городах положение также было весьма напряженным, причем на фоне явных симпатий к забастовщикам со стороны местных полицейских органов. В результате полиция Виннипега была полностью распущена по причине ее ненадежности, такая же участь едва не постигла полицию Ванкувера. Правительство Канады убедилось в необходимости иметь в своем распоряжении полицейские силы центрального подчинения, что реально достигалось только путем принципиальной реорганизации правоохранительной системы. Таковая была проведена в начале 1920 года. Ее основными направлениями стали:

1. Включение Королевской Северо-Западной конной полиции в состав Полиции доминиона и создание на их базе единой системы федеральной полиции.
2. Открытие в восточных провинциях Канады четырех отделений РНВМП.
3. Перевод штаб-квартиры РНВМП в Оттаву.
4. Официальная организация в системе РНВМП секретной службы и расширение ее функций.

По вполне понятным причинам уточнение “Северо-Восточная” в названии РНВМП при этом утрачивало смысл, поэтому с 1 февраля 1920 года этот орган формально распускался, а вместо него в составе Полиции доминиона организовывалась якобы новая Канадская королевская конная полиция (РКМП). На нее возлагался ряд дополнительных обязанностей, начиная от борьбы с пожарами и защиты суверенитета страны в Арктике и заканчивая производством метеорологических наблюдений и переписью поголовья водоплавающих птиц на внутренних водоемах. Во всем этом многообразии задач ведение внутренней разведки и обеспечение государственной безопасности занимали весьма скромное место. Тем не менее, они также подверглись некоторой корректировке. Отныне РКМП отвечала за освещение деятельности недавно организованной коммунистической партии Канады, а также была обязана изучать лиц, подавших заявления на приобретение канадского гражданства. Внутренняя разведка (или разведка в области безопасности) отныне становилась централизованной и переходила под федеральное управление. Организационно это выразилось в организации в составе Сектора криминальных расследования (КИБ) РКМП крайне малочисленной и слабой Разведывательной секции. Ее штат даже в 1939 году состоял всего из трех офицеров и двух стенографистов, которым подчинялись весьма компактные аппараты офицеров по отслеживанию фашистской и коммунистической активности в крупных городах страны. Территориальных органов в РКМП вообще не существовало, лишь в каждом из крупных городов имелась должность единственного оперативного офицера, не располагавшего ни агентурными возможностями, ни финансовыми средствами. Вплоть до середины 1930-х годов в Канаде мало кто понимал отличие внутренней разведки от следственной работы, хотя после 1936 года полиция уже начала осторожно использовать агентуру и перехват телефонных переговоров разрабатываемых объектов. Еще долгое время она не представляла опасность для иностранной агентуры и как контрразведка оставалась в зачаточном состоянии. Вплоть до 1939 года ее центральный аппарат в Оттаве насчитывал всего трех оперативных сотрудников и двух стенографисток.

Среди органов безопасности Канады особый статус имела цензура, организованная в составе почтового ведомства Канады после Мюнхенской конференции 1938 года. Она была создана совершенно самостоятельно, без оглядки на метрополию, и потому первоначально действовала собственными, отличными от британских методами. Канадское руководство не ограничилось введением контроля за почтовыми отправлениями, а решило использовать в интересах обеспечения безопасности государства факт прохода через территорию страны международных телеграфных кабелей. В том же 1938 году несколько отставных телеграфистов были тайно подготовлены к работе в случае войны и внедрены в штат основных действовавших в стране телеграфных компаний. Возглавлявший эту службу бывший парламентский корреспондент, подполковник Уильям Уолди Мюррей оказался весьма энергичным руководителем. В дальнейшем он стал директором военной разведки Канады и сыграл немалую роль в развитии разведывательного сообщества страны.

Несколько большее развитие получила разведка, выросшая из войскового Корпуса проводников армии Канады и первоначально предназначавшаяся лишь для выполнения тактических задач. Несмотря на свою незначительную роль в армии, историю она имела довольно долгую. Первым разведывательным подразделением милиции Канады стал сформированный в Оттаве 7 февраля 1862 года 4-й монреальский добровольческий кавалерийский отряд. 17 апреля 1863 года отряд стали называть Королевскими проводниками охраны генерал-губернатора, но ввиду некоторых конфликтов с Торонто 13 апреля 1866 года он получил еще более длинное наименование — Королевские проводники охраны генерал-губернатора для Нижней Канады. Естественно, в обиходе их именовали просто Королевскими проводниками. 13 августа 1869 года это подразделение было расформировано ввиду ненадобности.

Однако вторично после 1869 года вспыхнувшее восстание под руководством Луи Риэля показало опрометчивость и преждевременность такого шага, лишившего милицию тактической разведки. В ее составе началось срочное формирование скаутских групп численностью по 30 человек, одна из которых получила громкое наименование Разведывательного корпуса наблюдателей за территорией доминиона. При этом его численность не превышала все тех же 30 человек. Любопытно, что это явилось первым в истории Британской империи использованием словосочетания “разведывательный корпус”. Подразделение использовалось

для патрулирования и разведки и было укомплектовано легкими кавалеристами, отличавшимися крайне низкими боевыми качествами, неудовлетворительной дисциплиной и полным отсутствием какой-либо подготовки. Однако все его военнослужащие были привычными к диким условиям обитания и хорошо умели ориентироваться на местности, что отчасти компенсировало их слабые стороны. После подавления восстания Риэля 18 сентября 1885 года Разведывательный корпус наблюдателей за территорией доминиона был расформирован.

В третий раз к идее организации военной разведки канадцы вернулись лишь почти через шестнадцать лет. 6 февраля 1901 года в милиции была введена должность штабного офицера разведки (ИСО). На нее назначили подполковника Ривера, задача которого состояла в подготовке к распространению данной системы на все 12 военных округов страны, то есть не только на милицию, но и на регулярную армию. В результате 1 апреля 1903 года в каждом из округов была введена должность офицера разведки (ДИО), а все они вместе подчинялись первому генеральному директору военной разведки (ДГМИ или ДГИнт), ветерану англо-бурской войны, подполковнику, затем полковнику Уильяму Денни. Центральный аппарат разведки состоял из помощников директора по информационной работе (А. С. Колдуэлл) и по картографии (У. А. Б. Андерсон), трех, позднее четырех лейтенантов и нескольких сержантов. Вскоре оба помощника возглавили Информационный и Картографический секторы. Непосредственные задачи по сбору информации в интересах войск, практически исключительно тактического уровня, возлагались на Корпус проводников, имевший ротные структуры, к каждой из которых прикомандировались офицер и шесть сигнальщиков из войск связи. Введенные тогда же в канадской милиции штабные офицеры разведки (ИСО) подчинялись армейскому ДГМИ. С таким небогатым разведывательным аппаратом страна вступила в Первую мировую войну. Статус доминиона не позволял канадским разведчикам проводить самостоятельные закордонные операции или иметь на связи агентуру, все это надлежало делать исключительно через британские СИС или МИ-5. Однако война внесла в сложившуюся ситуацию свои коррективы, потребность в разведывательном обеспечении экспедиционных сил в Европе продиктовала необходимость введения соответствующей службы в состав штабов каждой из бригад канадской армии. Теперь офицеру разведки (ГС2) подчинялись структуры Корпуса разведывательной полиции, он отвечал за работу с источниками информации армейской разведки, проводил расследования и регулярно выпускал разведывательную сводку, выходящую и поныне в несколько измененном виде под обозначением "ИНТСАМ". В нее включались вся добытая за суточный и недельный периоды информация о противнике и переводы захваченных документов, выполнявшиеся во вновь сформированном и подчиненном офицеру генерального штаба (ГС03⁴⁶⁴) подразделении оперативных переводчиков. Канадцы стали контролировать безопасность собственных войск лишь с 1918 года силами созданной тогда же контрразведывательной секции военной разведки под названием И(б), но опять-таки исключительно под эгидой имперской службы МИ-5.

В послевоенный период приказом по штабу армии была введена должность Директора военных операций и разведки (ДМОИ), которую с 1920 по 1927 год занимал подполковник Дж. Стюарт Браун. В 1932 году под его началом стала функционировать Объединенная разведывательная служба армии и военно-воздушных сил, а шесть лет спустя очередной ДМОИ полковник Генри Дункан Грэхем ("Гарри") Крерар настоял на создании трех независимых, но координировавших свою деятельность и успешно взаимодействовавших

Гарри Крерар

разведывательных секций армии, авиации и флота. В этот период сфера их ответственности включала ведение радиоразведки, понимаемой в Канаде весьма узко. Ввиду отсутствия опыта и руководства, которые никак не желали предоставить не рассматривавшие канадцев в качестве равноправных партнеров британские коллеги, первоначально этот вид разведки был строго ограничен радиопеленгацией. Считалось, что она значительно важнее анализа перехвата, поэтому последнему внимание практически не уделялось. Само собой разумеется, что из-за отсутствия подготовленных криптоаналитиков о дешифровании перехваченных закрытых сообщений не могло быть и речи. Не менее удручающим являлось и практически полное отсутствие необходимых технических средств. Армейский пост радиоразведки в подвале здания аэропорта Рокклифф был скорее экспериментальным, в сентябре 1939 года в его штате имелось лишь 16 операторов.

Занимавший пост ДМОИ с 1935 по 1938 годы полковник, впоследствии генерал Креар стал одним из известнейших канадских военачальников. После ухода с поста руководителя разведки он, уже в годы войны, служил в военной миссии Канады в Лондоне, возглавлял генеральный штаб и последовательно командовал 2-й дивизией, 1-м корпусом и 1-й канадской армией на Европейском ТВД, которая являлась самым крупным в истории Канады оперативным объединением.

В морской разведке дела обстояли не лучше, чем в армейской, причем некоторую роль в этом сыграл фактор молодости канадского флота и краткости его истории. В августе 1909 года на состоявшемся в Лондоне совещании по обороне империи было, в частности решено упорядочить морскую политику в колониях и метрополии. В соответствии с этим в доминионах возникали «военно-морские подразделения», которые с течением времени планировалось развить до уровня национальных ВМС этих стран. Канадские военно-морские силы были созданы в соответствии с принятым в мае 1910 года законом о военно-морской службе, а первым офицером, ведавшим в них разведкой, стал лейтенант Ричард Стивенс. Уже в период Первой мировой войны морские разведчики занялись перехватом радиogramм противника с поста в Ньюкасле, Нью-Брунсвик. Однако Адмиралтейство тщательно оберегало свои собственные секреты и не посвящало доминион в результаты деятельности радиоразведки высокого уровня. Вместо этого англичане просто решили открыть в Сент-Джон, Ньюфаундленд, свой пост перехвата для контроля над эфиром в Северной Атлантике. Стивенс предполагал поместить его в стратегически более выгодном Галифаксе, но точка зрения метрополии возобладала над его аргументами. Этот эпизод уверенно можно считать отправным пунктом трений и противоречий во взаимоотношениях Оттавы с Лондоном в сфере радиоразведки.

На протяжении следующих лет нежелание англичан посвящать моряков доминиона в деликатные вопросы нисколько не уменьшалось. Из-за неверия британского Адмиралтейства в эффективность канадских коллег в июле 1939 года директором морской разведки Канады был назначен англичанин, специалист по торговому судоходству, капитан 2-го ранга Эрик Брэнд. Он прибыл в Оттаву для организации обеспечения проводок трансатлантических конвоев, острая необходимость в которых в назревавшей войне была очевидна. Дополнительно Адмиралтейство просило капитана 2-го ранга рассмотреть возможность создания добавочных радиоразведывательных постов. Однако осуществить это было крайне непросто. Канадский военно-морской флот в рассматриваемый период располагал крайне ограниченными силами, а его береговые части и органы управления были почти что символическими. Например, штаб ВМС размещался в единственной просторной комнате, расположенной на втором этаже дома в деловой части Оттавы над несколькими небольшими магазинами. Пеленгаторных станций флот не имел, ими располагало лишь гражданское ведомство — департамент транспорта. Но высказанное британским адмиралтейством пожелание не было проигнорировано. Разведка ВМС поставила перед собой трудно достижимую задачу организовать пеленгацию передатчиков надводных кораблей и подводных лодок потенциального противника в Атлантике.

Джок де Марбуа

Ее осуществление возложили на заместителя Брэнда капитана 3-го ранга резерва Джона (Джока) Барбе-Пунье де Марбуа, преподававшего язык в частной школе в Торонто. Он обратился в департамент транспорта с просьбой предоставить в распоряжение флота гражданские морские пеленгаторы на восточном побережье Канады и инициировал решение о начале строительства военно-морского радиопеленгаторного поста в Хартленд Пойнт около Галифакса. Сразу же после этого де Марбуа объехал все станции департамента транспорта и организовал их работу в интересах ВМС. Вскоре в штаб флота начала поступать первая информация. Разведка отправляла копии сообщений в британское Адмиралтейство и вскоре приступила к анализу перехвата, но Брэнд и де Марбуа стремились к значительно большему. Они неофициально именовали новое подразделение Службой зарубежной разведки и фактически в инициативном порядке создавали нечто подобное британскому Центру оперативной разведки ВМС. Картину дополняли данные о мировом торговом судоходстве, почерпнутые из

выписываемой иностранной прессы. Эту работу де Марбуа поручил своему помощнику лейтенанту Чарльзу Герберту Литтлу, ранее учившемуся у него иностранным языкам. Англичане были немало удивлены внезапно появившимся потоком информации из Канады и в ответ передали Брэнду известные им позывные и процедуру связи подводных лодок кригсмарине, что значительно облегчило анализ перехвата. Зато другие канадские ведомства совершенно не интересовались радиоразведывательными достижениями флота, и весь этот новаторский для страны процесс протекал как бы сам в себе.

В описываемый период морские посты перехвата фиксировали и радиограммы, не имевшие отношения к флоту. Они были зашифрованы и явно исходили от агентурных передатчиков, преимущественно расположенных в Мексике, но на данном этапе прочтению не поддавались. Де Марбуа пересылал перехваченные тексты в британскую Службу радиобезопасности МИ-8(с), и этим межвоенный вклад Канады в противостояние спецслужб ограничился.

7. МЕКСИКА

Зато в самой южной стране Североамериканского континента — Мексике — разведывательная активность оставалась высокой на протяжении уже не одного десятка лет. Мексика являлась самым удобным плацдармом для проникновения как в Соединенные Штаты, так и в Латинскую Америку, и в период Первой мировой войны в ней сосредоточились резидентуры ведущих европейских государств, стремившихся развернуть свои операции в Западном полушарии. Кроме того, значительный интерес для промышленно развитых стран представляла мексиканская нефть, наряду с танками и самолетами справедливо именовавшаяся новым оружием мировой войны, и другие залегающие на Юкатанском полуострове полезные ископаемые. Именно нефть и стала тем ключом, при помощи которого Германия проникла в это соседнее с Соединенными Штатами государство и завоевала там весьма прочные позиции.

Немцы, активно работавшие на мексиканском плацдарме в период Первой мировой войны, возвратились туда в середине 1930-х годов, а операции активизировались вскоре после назначения начальником абвера капитана 1-го ранга Канариса. В стране энергично действовала и разведка МИД Германии, поэтому действия обеих организаций требовалось тщательно координировать. В 1936 году за это отвечал канцлер посольства Германии в Мехико и одновременно руководитель операций абвера в Мексике и на юге США доктор Генрих Норте, обязанности которого заключались исключительно в постановке задач и разграничении полномочий резидентур абвера и дипломатической разведки. В основном германские спецслужбы в стране занимались обеспечением поставок нефти и размещением нелегальных передатчиков для связи с агентурой на территории Соединенных Штатов, но до 1939 года все попытки в этом направлении не выходили за рамки проработок перспективных возможностей. В реальности в этот период немцы не предпринимали серьезных попыток насадить агентурную сеть в Мексике, хотя еще в 1936 году обсуждали такую возможность с японскими союзниками. Реализация достигнутых при этом договоренностей была отложена. Тесные взаимоотношения, установившиеся между Мехико и Берлином в результате нефтяной сделки, сняли необходимость агентурного проникновения в регион. Лишь в октябре 1939 года, после отказа Великобритании и Франции заключить мир с Германией, Канарис принял решение о создании в Мексике разведаппарата.

Формально резидентом абвера в Мехико являлся барон Карл Фридрих фон Шлеебрюгге (“Моррис”), близкий друг рейхсмаршала Геринга и двоюродный брат бывшего вице-канцлера и посла рейха в Анкаре фон Папена. С февраля по май 1938 года он работал представителем известной фирмы “Лоренц” и компании по производству швейных машин “Феникс”, однако в действительности практически занимался торговлей бронетанковой техникой по поручению шведской фирмы “А. Г. Ландскрона”. Фон Шлеебрюгге установил хорошие связи в военных кругах, существенно облегчившие ему работу во время второго прибытия в страну в ноябре 1938 года в качестве представителя занимавшейся военными системами связи фирмы “Лоренц”. В сентябре 1939 года будущий резидент возвратился в Германию и был призван на службу в люфтваффе, где вначале командовал эскадрильей пикирующих

бомбардировщиков, а в октябре стал комендантом берлинского гарнизона. На этом посту он пробыл недолго, вскоре барона забрал к себе абвер, и после двухмесячного обучения он отправился снова в Мексику, на этот раз в спецкомандировку по линии I“Ви”, но с использованием прежнего поста в фирме “Лоренц” в качестве прикрытия.

Это решение оказалось довольно нетривиальным, поскольку барон отправился на работу по линии АСТ-Берлин, преимущественно отвечавшего за контрразведывательное обеспечение расквартированных в столице рейха воинских частей, штабов и учреждений. Мексика стала объектом заинтересованности именно этого абверштелле вследствие случайного попадания в его орбиту нескольких пригодных для направления в нее офицеров. Абвер располагал в стране обширной вербовочной базой среди 600 тысяч рейхсдойче и бюджетом в 10 тысяч долларов, которые обидно было бы не использовать. Первым агентом АСТ-Берлин в Мексике стал фанатичный нацист Вернер Барке (“Банко”), работавший в сельскохозяйственной фирме и по совместительству являвшийся почетным консулом Германии в Тампико. Он собирал разведывательную информацию о перевозках принадлежащих Великобритании и США грузов через порты Тампико и Веракрус. Руководство этим агентом и принял на себя барон, добравшийся до места назначения по сложному маршруту через Владивосток, Йокогаму, Гонолулу и Сан-Франциско. Вскоре фон Шлеебрюгге с досадой обнаружил, что обстановка в мексиканской резидентуре была не слишком боевой. Задачей точки являлось всего лишь изучение потенциальных противников Германии в Западном полушарии, при этом из политических соображений ведение разведки в США запрещалось прямо и категорически. Сохранившиеся у резидента хорошие связи в военных кругах гарантировали фон Шлеебрюгге свободное перемещение по стране, что было немаловажным для его основного рода занятий. Однако поглощенность финансово привлекательными проблемами хотя и способствовала установлению многочисленных полезных связей, но практически не оставляла резиденту времени на выполнение его прямых обязанностей.

Начальник АСТ-Берлин полковник Людвиг Дишлер был достаточно опытным разведчиком и понимал, что фон Шлеебрюгге является прекрасным кандидатом на пост руководителя резидентуры, но нуждается в хорошем заместителе по оперативной работе. На эту роль предназначался офицер времен Первой мировой войны и сын управляющего берлинским отделением “Дойче Банк” Вернер Георг Николаус. Во второй половине 1930-х годов он работал в отделении банка в Медельине (Колумбия), затем, пользуясь связями отца, перебрал еще несколько отделений различных банков в Латинской Америке, но особого успеха не добился и в ноябре 1938 года был уволен. Банковское дело оказалось для Николауса неподходящим занятием, и в январе 1939 года он вернулся в армию, куда был зачислен в прежнем и уже не соответствующем его 41-летнему возрасту лейтенантском звании времен Первой мировой войны. Знание испанского языка и обстановки в Латинской Америке предопределили направление Николауса в абвер. Он был зачислен в штат I“Ви” АСТ-Берлин, получил базовый курс подготовки и совершил несколько служебных поездок в Нидерланды, Бельгию и Францию. К октябрю 1939 года разведчик уже носил погоны капитана. Офицером территориального органа ему пришлось пробыть недолго: в январе 1941 года после прохождения дополнительного обучения радиоделу и технике диверсий Николауса под псевдонимом “Макс” забросили на нелегальную работу в Мексику.

Георг Николаус

Карл фон Шлеебрюгге

Фон Шлеебрюгге и ландсгруппенляйтер АО НСДАП в Мексике Вильгельм Виртц рекомендовали его представителям местных военных, финансовых и политических кругов, и он приступил к работе. Первым делом “Макс” перевел Барке из Тампико в столицу, где фактически возложил на него обязанности начальника штаба нелегальной резидентуры и ответственность за обеспечение связи, сбор донесений, работу с финансами и

шифры. В качестве стимулирования капитан обеспечил зачисление агента в кадры абвера, что активно практиковалось в 1941 году. Место “Банко” занял другой немец, Йозеф Р. Риппер, источниками которого являлись капитан порта Тампико Марио Мендес и служащий портовой администрации в Веракрусе Густаво Ортис. Весьма ценным агентом резидентуры был родившийся в Мексике немец Карлос Ретельсдорф (“Гленн”, “Франко”). Он унаследовал от родителей высокодоходную плантацию кофе, поэтому после прохождения обучения в качестве радиста мог позволить себе не брать денег за работу на абвер. Агентом был и находившийся в Мексике доктор литературы Берлинского университета Пауль Макс Вебер, в 1933 — 1934 годах учившийся в Денвере по линии обмена студентами и, благодаря своему знанию обстановки в Соединенных Штатах Америки, представлявший для разведки немалую ценность. С абвером он сотрудничал с апреля 1940 года и специализировался, естественно, по США. Следующий работник резидентуры, немец Йозеф Хермкес был натурализованным мексиканским гражданином и владел фирмой по торговле недвижимостью, которую в 1930-х годах закрыли. Самого Хермкеса при этом отправили в тюрьму на пятилетний срок. Криминальное прошлое не помешало ему вступить в НСДАП и со временем стать ортсгруппенлейтером АО в Веракрусе. В 1940 году по юридическим причинам Хермкесу пришлось вернуться в Германию, но связей с Мексикой он не прервал и стал мексиканским почетным консулом в Бреслау. После вербовки, зачисления в списки агентуры АНСТ-Бремен и прохождения трехмесячного специального обучения он под псевдонимом “Джо” вернулся в Мексику. Добирался Хермкес туда по Транссибирской магистрали одним поездом с Николаусом и в пути настолько сильно рассорился с ним, что из Владивостока в Японию они принципиально отправились на разных судах. На месте Николаусу все же пришлось общаться с Хермкесом, и его самолюбие получило чувствительный удар, когда он получил указание вручить “Джо” 2 тысячи долларов из имеющихся у него оперативных сумм. В отместку заместитель резидента не привлекал ставленника конкурирующего АНСТ ни на одну из операций, то есть фактически законсервировал его, причем не по указанию руководства и не из оперативных соображений, а из-за собственных амбиций. Довольно широкую, хотя и несколько искаженную известность получил впоследствии работник резидентуры в Мексике Карл Франц Иоахим Рюге (У-2863). Многие исследователи довольно долго ошибочно смешивали его с Николаусом и считали фамилию “Рюге” одним из псевдонимов заместителя резидента. Однако он был личностью не только отнюдь не вымышленной, но и довольно заметной, поскольку в 1933 году являлся генеральным управляющим немецкого концерна “Кертинг Моторс”, торговавшего в Мексике автомобилями. В августе 1939 года Рюге отбыл в Германию по служебным делам, был застигнут там войной и призван в вермахт. Его немедленно направили в разведку, и после восьмимесячного обучения в июле 1940 года он выехал обратно в Мексику с конкретной задачей обслуживания процесса изготовления

Карл Рюге

микроточек для агентурной группы фон Шлеебрюгге — Николауса. Сразу же по возвращении из командировки в Германию он получил от “Макса” 5 тысяч долларов США. Довольно значительная по тем временам сумма оказалась для Рюге с женой совершенно недостаточной. Супруги в мгновение ока истратили деньги на приобретение нового дома и роскошного “Кадилака”. Подобное не предусмотренное никакими сметами абвера расточительство грозило истощить оперативные фонды резидентуры, однако в отсутствие другого специалиста “Макс” был вынужден мириться с сибаритством своего подчиненного. Настоящая работа наконец-то появилась у Рюге в апреле 1941 года, после того, как абвер сумел доставить на место первое оборудование для изготовления микроточек. Оно прибыло грузовым рейсом авиакомпании ЛАТИ через Бразилию в Тампико в партии обычного коммерческого фотооборудования фирмы “Агфа”.

Приведенный список агентов и работников резидентуры является не исчерпывающим. В Мексике на нее также работали Рихард Эверсбуш, Фредерик Вильгельм, Фриц Беллор, Рудольф Корковский и Георг Реме, а непосредственно в США — Рихард Фридрих Фройндт (“Фред”) и Вильгельм фон Рауттер (“Роджерс”). Николаус поддерживал устойчивую горизонтальную связь с нелегальным резидентом абвера в Бразилии Альбрехтом Энгельсом

(“Альфредо”) через курьера Курта Шнеефойгта, с резидентурой в Чили через курьера Пабло Рубаха и с миссией Германии в Мехико через Хуго Натуса. “Макс” упоминал о наличии у него еще четырех агентов, имена которых остаются неизвестными и по сей день. Для оценки масштабов работы можно указать, что только в столичном округе Мехико резидентура пользовалась 11 конспиративными адресами. Перечисленный аппарат позволял добывать, оценивать и направлять в Германию разведывательную информацию об армейской и морской авиации США, о производстве алюминия, стали и продуктов нефтепереработки. До осени 1940 года сведения передавались в центр под видом зашифрованных коммерческих телеграмм, однако позднее “Макс” стал испытывать серьезные сомнения в стойкости своей криптосистемы. Выход из этой ситуации он видел в установлении магистральной радиосвязи с Берлином, для чего в январе 1941 года на передатчике стал работать Ретельсдорф. Кроме того, первоочередную задачу — добывание разведывательной информации о военном производстве США — планировалось решать не только агентурно-оперативным, но и информационно-аналитическим методом. Немедленно по прибытии в Мексику “Макс” подписался на 30 издававшихся в Соединенных Штатах и Канаде технических и экономических журналов и газет, работники резидентуры Рихард Корковский и гражданин США Георг Ульрих Реме (“Рурак”) обрабатывали их и готовили обзоры по интересующим темам.

Первые и достаточно серьезные проблемы у мексиканской точки АСТ-Берлин возникли в результате безответственного поведения заместителя резидента. Николаус в течение некоторого времени сожительствовал с дочерью одного из самых уважаемых мексиканских семейств Терезой Кинтанилья, от которой в апреле 1941 года ушел к другой любовнице. Это оказалось его роковой ошибкой. Брошенная женщина не просто заявила властям о том, что ее бывший любовник является германским шпионом, но и дала наводку на его радиста Карлоса Ретельсдорфа и чиновника МВД Амелио Тегерио, поставлявшего резидентуре чистые бланки паспортов. ФБР и СИС убедили мексиканцев арестовать нескольких агентов-немцев и выслать их в рейх через США и нейтральные государства Европы. Хотя госдепартамент Соединенных Штатов гарантировал обращение с высылаемыми из Мексики немцами, как с беженцами, Николауса обыскали и обнаружили у него микрофильмированные материалы о военном производстве в США. После этого контрразведка ходатайствовала перед госдепартаментом о его аресте и допросе, однако такая практика нарушила бы взятые Вашингтоном обязательства, и все агенты спокойно отбыли на родину.

Помимо АСТ-Берлин, в Мексику активно старалось внедриться и АСТ-Гамбург. Хотя его офицеры работали в стране через фон Шлеебрюгге, впоследствии соперничество этих двух разведорганов вызвало множество проблем во взаимоотношении между их агентами. Гамбургское абверштелле сосредотачивалось преимущественно на морских вопросах и поэтому полагало своей вотчиной всю Латинскую Америку. За военную и военно-морскую разведку в Мексике отвечал его работник Эдгар Хильгерт, с октября 1940 года использовавший в качестве прикрытия должность руководителя мексиканского отделения принадлежавшего Германии Южноамериканского банка.

Эдгар Хильгерт

Наибольший объем информации он получал от своего самого результативного агента Вильгельма фон Раутгера. Экономической разведкой занимался специально переведенный в Мехико из США доктор Эрих Пфайфер. Общая численность агентуры перечисленных офицеров в Мексике к 1940 году достигла 40 человек, наиболее результативным из которых являлся доктор Иохим Хертслет, занимавшийся обеспечением поставок в Германию мексиканской нефти. Он отгружал ее танкерами, следовавшими через Италию (до ее вступления в войну в 1940 году), а также через Японию и дальневосточные порты СССР. Ранее Хертслет работал в МИД и в этот период подружился с президентом Мексики Ласаро Карденасом-и-дель-Рио, часто обедавшим на его вилле. Столь прочные позиции позволили разведчику в дальнейшем успешно организовать систему секретных бункеровочных баз для германских подводных лодок, крейсировавших в Мексиканском заливе и вдоль всего побережья Соединенных Штатов Америки. Хертслет был настолько важен для абвера, что

работал на прямой связи с начальником германского направления АСТ-Гамбург Николаусом Риттером (“доктор Рантцау”).

Кроме перечисленных разведчиков, в Мексике находился руководитель одной из двух действовавших в США диверсионных сетей Абт-II австриец Карл Бертрам Франц Рековски (“Рекс”, “Ричард II”).

С началом Второй мировой войны Мексика стала центром операций абвера в Западном полушарии. Разведка испытывала значительные трудности в работе из-за нехватки финансовых средств, периодически некоторым ее агентам даже не хватало денег на пропитание, и это очень тяжело отражалось на результативности проводимых операций. Британцы знали о сложившейся ситуации из дешифрованных германских радиogramм и решили максимально усугубить проблемы абвера. ПШКШ установила факт транспортировки тремя курьерами в Латинскую Америку в общей сложности 3,85 миллиона долларов наличными. В Мексику итальянский дипломат вез 1,4 миллиона долларов, двое остальных направлялись морем в Рио-де-Жанейро. С этими последними ничего сделать не удалось, зато итальянца остановили на таможне в Мехико и, несмотря на дипломатический паспорт, обыскали. Таможенник без особых комментариев просто изъял деньги, а после принесенного в МИД Мексики протеста оказалось, что они бесследно исчезли. Министр иностранных дел лично извинялся и оправдывался молодостью чиновника, а также незнанием им служебных инструкций. Итальянцев заверили, что нарушителя правил накажут в дисциплинарном порядке, но 1,4 миллиона долларов якобы пропали. Германская разведка так и не получила их.

Закат разведывательной активности абвера в регионе начался после вступления Мексики в войну против Германии 31 мая 1941 года. Немцы предвидели возможность удара местной контрразведки по своей резидентуре и заранее создали запасную агентурную сеть, которой руководил Херардо Мурильо (“доктор Атль”). Его основными агентами являлись Леон Оссирио, Мануэль Террес Буэно, Сальвадор Абаскаль, Хоэль Торрес и Мануэль Гомес Морин. Абвер не собирался активно использовать агентов немецкого происхождения, поскольку понимал, что все они будут арестованы в первую очередь, что и произошло. Вскоре после вступления Мексики в войну ее полиция провела серию арестов немцев и установленных германских агентов, в особенности на наиболее уязвимых инфраструктуре страны и у ее береговой черты. Арестованный Вебер выдал всю имевшуюся у него информацию о разведывательной деятельности абвера в Мексике. Его показания легли в основу 47-страничного меморандума директора ФБР Гувера в адрес Мехико.

Еще большую притягательность в оперативном отношении Мексика имела для Японии. В 1936 году японская разведка активизировала свою деятельность в стране и стремилась увязать ее с абвером, однако вплоть до 1939 года установить эффективную координацию им не удавалось. К этому времени 3-й (разведывательный) отдел генерального штаба флота в Токио перебросил в Мексику группу своих агентов — эмигрантов с Кавказа, для которых оставаться в Европе стало уже небезопасно. Их подключили к отработке некоторых линий и направлений по тематике абвера, а взамен немцы поделились новинками в области оперативной техники, в частности, усовершенствованным оборудованием для изготовления микроточек. 5 октября 1939 года в расположенном недалеко от Мехико городе Куэрнавака прошло совещание германских и японских разведчиков. С немецкой стороны в нем приняли участие доктор Норте и работавший в Нью-Йорке Герман фон Кинтель, японская делегация была значительно представительнее. Ее возглавлял начальник американского отдела военно-морской разведки капитан 1-го ранга Кандзи Огава, членами делегации являлись помощник военно-морского атташе Японии в Мехико капитан 2-го ранга Бундзиро Ямагучи с двумя помощниками: капитаном 2-го ранга Инао Отани и капитаном 3-го ранга Ко Нагасава. Эти офицеры, в частности, отвечали за связь с абвером на Западном побережье США. После выработки совместных решений обе спецслужбы активизировали агентурное изучение стратегически важных точек Калифорнийского залива.

Американцев, осведомленных о намерениях японской разведки укрепиться в Мексике, больше всего тревожила угроза установки там нелегальных радиоразведывательных постов и создания секретных баз для проникновения в США. Тревоги по второму поводу оказались беспочвенными, зато в отношении постов перехвата — вполне обоснованными. Японцы действительно оборудовали станции радиоразведки в южной части Калифорнийского залива и в Гуайамас, работой которых руководил лейтенант Ямасита с группой техников и радиооператоров. Перехваченные радиogramмы дешифровывались в Японии.

С традиционной обстоятельностью японцы принялись создавать опорную инфраструктуру для ведения пропагандистской и подрывной деятельности в Мексике, для чего объединили проживающих в стране сограждан-офицеров, унтер-офицеров и рядовых запаса в “Ассоциацию японских военнослужащих”. Помимо формальных уставных задач, она была призвана организовывать местную японскую диаспору для любых скоординированных действий в случае поступления из Токио соответствующего приказа. Впоследствии американцы неоднократно обвиняли японскую армию в подготовке вторжения с юга в Соединенные Штаты с помощью “Ассоциации японских военнослужащих”, однако это утверждение представляется, по меньшей мере, спорным. Зато не вызывает сомнений другая поставленная перед разведкой задача — провоцирование восстания местных индейских племен против белых, прежде всего североамериканцев. В ноябре 1941 года военно-морской атташе Японии в Мексике капитан 1-го ранга Хаманака уведомил руководство ассоциации о необходимости находиться в готовности действиям, но не уточнил, каким именно и в связи с чем. Через несколько дней он поставил конкретную задачу — подготовиться к проведению диверсий и сбору военной информации. После нападения на Перл-Харбор мексиканское правительство разорвало дипломатические отношения с Токио и занялось выселением японцев с побережья. Принудительному переселению подверглись около полутора тысяч человек, но часть намеченных к переселению людей сумела перейти на нелегальное положение и остаться на месте. Наложение минимального грима и соответствующие изменения в поведении позволили японцам стать практически неотличимыми от представителей некоторых местных индейских племен ярко выраженного монголоидного типа и затеряться среди них. Кроме пропагандистских и разведывательных целей, Япония была заинтересована также в получении из Мексики некоторых стратегически важных редких металлов.

Задолго до японцев в Мексике появились представители советской разведки. Дипломатические отношения между Токио и Москвой были установлены 4 августа 1924 года, после чего в мексиканскую столицу прибыл персонал полпредства СССР. “Легальным” резидентом ОГПУ в нем являлся 1-й секретарь Л. Гайкис, но первые разведывательные действия по личной инициативе начал совершать не относившийся к штату разведки пресс-секретарь Вольнский. Он решил выведать американские секреты у аккредитованных в Мексике журналистов из США, которыми, как он полагал, располагали эти люди. Не имевший ни специальной подготовки, ни элементарного здравого смысла, пресс-секретарь для решения им самим же поставленной задачи избрал единственный понятный для него путь и начал регулярно спаивать корреспондентов. Вскоре известие о бесплатной выпивке широко распространилось среди журналистского корпуса, и недостатка в желающих получить сколько угодно виски или текилы за счет советской миссии не было. Казалось, план Вольнского увенчался успехом, но общую радужную картину портили два обстоятельства. Журналисты не знали никаких секретов, зато их знал пресс-секретарь, не обладавший способностями противостоять воздействию серьезных порций алкоголя. В результате вместо выведывания чужих тайн Вольнский выбалтывал свои собственные. Вскоре одна из американских газет начала публиковать регулярную колонку новостей полпредства СССР в Мехико, после чего незадачливого пресс-секретаря немедленно отозвали на родину.

Естественно, резидент ИНО Гайкис действовал более профессионально. Однако в первые годы существования советской миссии нелегальные операции сводились в основном к подрывной пропаганде, зачастую проводившейся не без участия полпреда. В период с декабря 1926 по июнь 1927 года этот пост занимала известная А. М. Коллонтай, пребывание которой в Мехико завершилось весьма неприятно. МИД Мексики предложил ей покинуть страну, и во время прощального приема в разгар пения революционных песен в полпредство ворвались полицейские. Они арестовали нескольких местных левых активистов и даже собирались отправить в тюрьму саму Коллонтай, но этому помешал энергичный протест Гайкиса. Уникален предлог, под которым полиция вторглась в экстерриториальные помещения советской миссии. Полицейские заявили, что приняли доносившиеся на улицу песни за богослужение и стремились пресечь собрание сектантов в не отведенном для их молитв месте.

Резидентура ИНО ОГПУ располагала в Мексике несколькими агентами, самыми известными из которых были Бертрам Вольфе и Роберто Хаберман. Последний работал на прямой связи с Овакимяном и являлся зятем известной левой американской журналистки

Агнессы Смедли. Их работа не увенчалась серьезными успехами, но и обошлась без провалов, поэтому заграничка в Мексике считалась довольно благополучной, хотя и не слишком перспективной. Затишье прекратилось с приездом в страну изгнанного из Советского Союза Троцкого. Мексика внезапно оказалась в фокусе внимания руководства НКВД, НКВД и лично Сталина, в результате чего 24 мая 1940 года произошло событие, не оставшееся незамеченным в мире даже на фоне внезапного и стремительного германского наступления во Франции. Два десятка боевиков совершили налет с применением автоматического оружия и взрывчатых средств на виллу, где проживал лидер IV Интернационала. Нападающие нейтрализовали охрану, отключили сигнализацию, сумели проникнуть внутрь защищенного периметра и ворвались в дом. Там они попытались расстрелять Троцкого с женой, но те спрятались под кроватью и каким-то чудом уцелели. При отходе налетчики подожгли здание и попытались взорвать его, однако безуспешно. После нападения обнаружилось исчезновение одного из охранников, Роберта Шелдона Харта. Троцкий поселился в стране по личному приглашению президента Мексики, чувствовавшего свою ответственность за безопасное пребывание гостя в стране, поэтому начальник тайной полиции Санчес Салазар получил строжайший приказ найти организаторов и исполнителей этой акции.

Полиция опросила самого бывшего лидера советской оппозиции, не испытывавшего даже тени сомнения в причастности к налету НКВД СССР. По поводу пропавшего охранника он заявил, что считает его жертвой и весьма сожалеет о загубленной, по всей видимости, молодой жизни. Начальник полиции, однако, придерживался иного мнения и полагал, что Харт являлся пособником преступников и бежал вместе с ними. Через месяц тело охранника было обнаружено и стало ясно, что он все же погиб, хотя как именно и почему, никто пока не знал. Вскоре через цепочку информаторов и второстепенных участников покушения полиция установила организатора налета и непосредственного руководителя боевой группы. Им оказался известный мексиканский художник и коммунист, бывший командир республиканской бригады в Испании, Давид Альфаро Сикейрос. После ареста он заявил, что вовсе не собирался убивать Троцкого, а лишь хотел захватить его архивы, стрельба же была устроена в демонстративных целях, в знак протеста против пребывания изгнанника на территории Мексики. Сикейрос был национальной гордостью страны, поэтому до суда его освободили под залог, а президент негласно порекомендовал ему скрыться, что тот немедленно и сделал.

Троцкий заблуждался относительно роли своего погибшего охранника. Материалы литерного дела НКВД “Утка” свидетельствуют о том, что Харт являлся штатным советским агентом (“Амур”), а само нападение было организовано в рамках операции по устранению лидера троцкизма Н. И. Эйтингоном (“Том”, “Наумов”). Сикейрос сознательно сотрудничал с НКВД, однако его люди, за исключением Харта, все до единого полагали, что художник решил устранить противника ортодоксального коммунистического движения по собственной инициативе. Это исключало участие в деле специально подготовленных боевиков, что и привело неисклюшенных в конспирации участников к провалу, “Амура” же заподозрили в двойной игре и желании вывести Троцкого из-под удара, за что и уничтожили с санкции Эйтингона. Этот профессионал тайной войны, ранее работавший с нелегальных позиций в Китае, Франции, Германии, а после бегства Орлова возглавлявший резидентуру НКВД в Испании, никогда не испытывал ни малейших колебаний при устранении ставших опасными агентов. Налет стал крайней мерой и альтернативой одновременно проводившейся комбинации по введению в окружение Троцкого агента-террориста, которая в тот период шла не слишком успешно. Еще одним из известных участников этой акции, фактически руководившим и организовывавшим ее, являлся И. Р. Григулевич (“Макс”, “Фелипе”, “Юзик”), в дальнейшем один из наиболее выдающихся советских нелегалов и известный историк и писатель.

Все перечисленные действия совершались в рамках выполнения отданного Сталиным в марте 1939 года распоряжения об уничтожении его главного врага. Следует отметить, что оно преследовало не только рациональную цель устранения лидера оппозиционного течения, но и было продиктовано буквально маниакальной страстью обычно уравновешенного руководителя СССР, видевшего опасного конкурента в давно уже утратившем силу и влияние Троцком. Операция “Утка” должна была увенчать многолетнюю работу внешней разведки по троцкистскому направлению, но, судя по всему, Сталин сознательно промедлил с физическим устранением своего врага. Он дал ему прежде увидеть крушение его дела, похищение

Рамон Меркадер

тщательно собранных архивов, предательство сторонников, смерть сына, и лишь после всего этого обрек Троцкого на смерть. План операции представлял исполнителям широкий выбор средств: «отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы»⁴⁶⁵.

Умиравший Троцкий

Основные надежды «Том» возлагал не на налет, а

на действия внедренного агента Рамона Меркадера («Раймонд»), рекомендованного для этого его матерью Каридад Меркадер дель Рио («Мать»). Молодой испанский коммунист с фронтовым опытом гражданской войны сотрудничал с советской разведкой с 1937 года на строго идейной основе и устранение Троцкого полагал миссией тяжкой, но необходимой для торжества коммунистических идеалов. Московский Центр и нью-йоркская резидентура провели сложнейшую комбинацию по введению агента в окружение объекта, для чего включили в игру промежуточную фигуру, молодую женщину Руби Вайль. Она была знакома с Сильвией Агеловой, периодически помогавшей Троцкому с переводами, во Франции сблизилась с ней еще больше, а затем представила ее как бы случайно встреченному «Раймонду», выступавшему под видом бельгийца Жака Морнара. Внезапно начавшаяся война в успешно развивавшуюся комбинацию внесла коррективы. Меркадер успел приехать к Агеловой в Соединенные Штаты по паспорту Фрэнка Джексона, объяснив ей, что только таким образом смог избежать призыва в армию. Эйтингтон со своим канадским паспортом оказался во Франции слишком заметной фигурой, ему требовались дальнейшие документальные подтверждения канадского гражданства, которыми он не располагал, и это вынудило его временно укрыться в советском посольстве. Казалось, что операция проваливается, Берия даже предписал временно свернуть ее, но в конечном итоге опытные разведчики все же справились с возникшими проблемами. «Том» сумел получить иракский паспорт, по которому и приехал в Мексику, вскоре туда же прибыла и «Мать». Достаточно скоро Меркадер начал часто появляться в доме Троцкого, вошел к нему в доверие, получил его благословение на брак с Сильвией, и когда охранники уже привыкли к регулярным появлениям молодого человека, явился в дом со спрятанным под одеждой ледорубом. Удар по голове оказался смертельным, но лидер оппозиции умер не сразу и нашел в себе силы позвать на помощь. Охрана задержала «Раймонда» на месте и сильно избивала, регулярно избивали его и во время следствия, однако никто так и не добился от него сведений ни о заказчике преступления, ни о том, кем на самом деле является Жак Морнар.

Эйтингтон и Каридад Меркадер немедленно после покушения выехали на Кубу, а от туда в Соединенные Штаты, однако Рамона без помощи не оставили. Была нанята одна из лучших в стране адвокатов, ему регулярно передавались деньги, нью-йоркская загранточка поддерживала постоянную связь с «Раймондом» в тюрьме, где он просидел полные 20 лет, без какого-либо сокращения срока. В ответ на ходатайство о досрочном выходе осужденного власти заявили, что он «не проявил сожаления о своем преступлении, и поэтому опасно отпускать его на свободу»⁴⁶⁶. Рамон Меркадер ни слова не произнес ни о Советском Союзе, ни о своем сотрудничестве с разведкой, и долгое время никто не мог определить истинное лицо террориста, пока проводившие собственное расследование троцкисты-интербригадовцы не опознали его по фотографиям и шрамам от фронтовых ранений. Впрочем, и это не приблизило их к доказательству участия СССР в этом деле. После войны американцы дешифровали часть перехваченных сообщений мексиканской резидентуры НКГБ в Центр за период 1942 — 1945 годов и из них установили, что Москва неоднократно планировала вызволить своего агента с помощью различных способов: от подкупа или шантажа должностных лиц до боевой операции по налету на тюрьму. Однако все это осталось лишь планами, и помощь

“Раймонду”, именовавшемуся в оперативной переписке “Гномом”, ограничивалась пределами законности.

Шли годы. В 1946 году молодая женщина Рокелия Мендоса влюбилась в находившегося в тюрьме и сильно болевшего Меркадера и вышла за него замуж, весьма облегчив пребывание бывшего террориста в заключении. Советской разведке тоже стало после этого намного проще оказывать своему ветерану финансовую помощь, осуществлявшуюся вплоть до выхода “Раймонда” на свободу в 1960 году. После освобождения он получил чехословацкий паспорт и без лишней огласки улетел в Москву, где поселился под выбранным им самим именем Лопеса. Через некоторое время Президиум Верховного Совета СССР закрытым указом присвоил бывшему агенту звание Героя Советского Союза. В 1974 году из-за ухудшившегося здоровья и языковых трудностей он был вынужден переехать на Кубу, прожил там четыре года и скончался от рака легких. Согласно завещанию, тело Меркадера похоронено в Москве, надпись на памятнике гласит: “Рамон Иванович Лопес, Герой Советского Союза”.

В Мексике действовала и нелегальная резидентура РУ, возглавлявшаяся уроженцем Аргентины А. П. Коробицыным (“Турбан”, “Нарсисо”, “Лео”). Ее основной задачей являлась работа по Соединенным Штатам, основную роль в которой играла наполовину автономная агентурная группа Ф. И. Кравченко (“Клейн”, “Магнат”), с 1913 года проживавшего в Уругвае и работавшего в Мексике под видом уругвайца Мануэля Ронсеро. Оба этих русских по происхождению нелегала в 1920-е годы перебрались в СССР, были зачислены на службу в разведку и впоследствии действовали в Испании в качестве оперативных переводчиков, были награждены орденами. В 1941 году Коробицына и Кравченко отозвали в Советский Союз и забросили на оккупированную территорию для руководства партизанскими отрядами. В 1945 году Кравченко был направлен во Францию, где до 1949 года возглавлял нелегальную резидентуру и числился испанским гражданином Антонио Мартинесом Серано.

На фоне всей этой активности иностранных государств на территории Мексики весьма странно выглядит практически полное бездействие в оперативной области Соединенных Штатов Америки. Нельзя сказать, что в Вашингтоне не осознавали значение соседнего государства для обеспечения безопасности собственной территории. В 1942 году это удачно сформулировала журналистка Бетти Кинг: “Если кто-нибудь сомневается в важности Мексики для Соединенных Штатов и всего полушария, ему следует вспомнить: Мексика была плацдармом испанского завоевания Латинской Америки; Мексика была жертвой французского вторжения в 1861 году, приведшей к установлению марионеточного правительства императора Максимилиана и попытке правительства Франции превратить всю Центральную Америку во французскую колонию; Мексика была центром шпионажа в Первой мировой войне, и германские интриги в Мексике привели к вступлению американцев в войну; Мексика была центром коммунистического проникновения в Латинскую Америку в середине тридцатых; Мексика стала первым воплощением попытки Франко вновь отвоевать утраченную испанскую империю в Западном полушарии немедленно после победы в Гражданской войне в Испании; Мексика является золотой сокровищницей Латинской Америки и ахиллесовой пятой Соединенных Штатов!”⁴⁶⁷. Тем не менее, наиболее заинтересованная в этом регионе страна до начала 1940-х годов, несмотря на весьма сложные отношения с ближайшей соседкой, полагалась исключительно на дипломатические и экономические меры. История взаимоотношений обоих государств в межвоенный период изобиловала драматическими периодами. В 1920-е годы в Мексике процветала настолько дикая коррупция, что американцы были вынуждены буквально бойкотировать ее. Новый президент Обрегон несколько исправил ситуацию, насколько это было возможно в условиях исторически сложившейся и вошедшей в национальный характер системы воровства и подкупа. Он с горькой иронией отзывался о системе государственного управления своей страны: “Все мы воры. Однако у меня только одна рука, тогда как у остальных — по две, поэтому люди доверяют мне больше!”⁴⁶⁸.

Обрегон несколько улучшил отношения с Вашингтоном. В 1923 году Соединенные Штаты признали его администрацию и даже предоставили Мексике кредит на закупку вооружений из арсеналов своей армии, но при преемнике Обрегона Плутарко Элиасе Каллесе отношения вновь ухудшились. Новый президент совершил два непоправимых, по мнению американцев, действия: отменил все права иностранцев на покупку земли в Мексике, если только они не соглашались считать себя мексиканскими гражданами, и до крайности ограничил возможности частных лиц, особенно иностранцев, по использованию нефтяных

ресурсов страны. Как известно, ничто не раздражает американцев в иностранных режимах сильнее, нежели ограничение их возможностей обогащаться за счет чужого государства. Так произошло и в данном случае. Ряд крупных корпораций, в особенности нефтяных, немедленно начали лоббировать решение об интервенции в Мексику. Естественно, все это проходило под благовидным предлогом противодействия распространению большевизма в Америке, который предлагалось выкорчевывать вооруженной силой. Однако умелое маневрирование президента Каллеса и здравая позиция посла США в Мехико Дуайта Морроу в 1927 году помогли достигнуть компромисса и несколько нормализовать двусторонние отношения. Все это время Соединенные Штаты прекрасно обходились в Мексике без вмешательства разведки, но позднее ситуация изменилась.

В 1933 году государственный секретарь США Кордел Хелл провозгласил принципы политики невмешательства во внутренние дела иностранных государств, в связи с чем инструмент интервенции потерял былое значение. Теперь ее угроза не воспринималась неудобными Вашингтону режимами как нечто конкретное, поэтому на первый план выдвинулась необходимость действовать иными, более тонкими методами. В 1936 году антимексиканские настроения в США, вызванные национализацией иностранной собственности и грядущей национализацией нефтяных месторождений в Мексике, потребовали от Вашингтона адекватной реакции. Соединенные Штаты с удовольствием свергли бы режим Карденаса, но к середине 1930-х годов они еще не располагали соответствующими организациями, способными осуществить эту задачу. Тогда Хелл и министр финансов Генри Моргентау решили преподать Мексике урок и организовали атаку на ее финансовую систему, а также попытались понизить мировые цены на серебро, экспорт которого составлял существенную часть внешнеторгового баланса страны.

Взаимоотношения Мексики и Соединенных Штатов Америки были омрачены давней чередой вооруженных конфликтов, прямых военных агрессий, рейдирования банд и территориальными претензиями. Соединенные Штаты вторгались в пределы своей южной соседки в 1846, 1914 и 1916 — 1917 годах. Однако в конце 1930-х годов такое грубое использование силы стало уже невозможным, поэтому Вашингтон оказался в некоторой растерянности после решения президента Карденаса о реализации положений конституции Мексики от 1917 года, объявлявшей недра страны ее национальной собственностью, и национализации нефтепромыслов начиная с 18 марта 1938 года. Военный путь исключался, и руководству пострадавших в результате этого акта компаний “Роял Датч — Шелл” и “Стандард Ойл оф Нью-Джерси” оставалось лишь официально заявить о незаконном отъеме правительством Мексики их собственности и призвать мировое сообщество бойкотировать мексиканскую нефть. Влияние указанных компаний было весьма велико, поэтому вскоре мексиканцы оказались в крайне сложной ситуации. Они владели скважинами и промысловым оборудованием, но не располагали ни танкерами для вывоза нефти, ни позициями на рынке нефтепродуктов. В Вашингтоне уже были готовы торжествовать по поводу того, что им удалось поставить на колени строптивую страну, однако внезапно в ситуацию вмешался совершенно новый фактор. На сцену вышли немцы. В Мехико прибыли представители Имперского совета по импорту нефти Карл Рековски и Дитрих Кламрот, довольно быстро договорившиеся о бартерных поставках в обмен на строительство электростанций в Икетатанго и Пальмито. Одновременно в мексиканской столице появился и их конкурент — американец Уильям Родес Дэвис. Он предложил вывозить из страны закупаемую им же нефть на своих танкерах в Гамбург, где его фирма владела нефтеперерабатывающим концерном “Евроком”. Вся закупленная по этому каналу нефть предназначалась для кригсмарине. Сделка была столь удачной, что из Берлина пришло распоряжение об отзыве Рековски и Кламрота, а “Евроком” получил эксклюзивное право на закупки мексиканской нефти. Экономическая блокада Мексики, на успех которой так рассчитывали в Вашингтоне, провалилась. В Берлине подготовили предложения по расширению торгового сотрудничества, однако ратификация соответствующего соглашения сорвалась из-за нападения рейха на Польшу.

С началом боевых действий в Атлантике сложившаяся система поставок расстроилась. Британские корабли стали перехватывать танкеры Дэвиса, и нефть пришлось возить не на Восток, а на Запад — через Тихий океан во Владивосток, где ее сливали в цистерны и по Транссибирской магистрали транспортировали транзитом через территорию СССР. Однако и этот более длинный маршрут просуществовал недолго. Часть танкеров выгружалась в Японии, что нарушало нефтяное эмбарго на поставки энергоносителей в эту страну, и после

энергичного протеста из Вашингтона 20 декабря 1940 года посол рейха в Мехико Рюдт фон Колленберг известил Берлин о пресечении Владивостокского маршрута. После краха одного из своих самых удачных проектов Дэвис прожил недолго и в июне 1941 года при странных обстоятельствах умер от сердечного приступа. Впоследствии бывшие руководители Британской миссии по координации безопасности (БСК) туманно намекали на свою причастность к этой смерти, но конкретики, как всегда не представили. Поскольку в рассматриваемый период террористические акты в интересах государства считались скорее доблестью, нежели преступлением, следует полагать, что британские разведчики недвусмысленно не заявили об этом не из скромности, а ввиду отсутствия доказательств своих достижений в этой области.

Явное приближение войны заметно улучшило взаимоотношения между Вашингтоном и Мехико, хотя предпосылки к этому возникли еще раньше, когда посол США Дж. Дэниелс воспротивился предлагавшемуся силовому решению нефтяного конфликта. В результате пятилетних переговоров было все же найдены пути к некоему хрупкому взаимодействию, завершившемуся подписанием 19 ноября 1941 года двустороннего соглашения. К этому времени в Мексике уже появились первые американские секретные агенты, сотрудники СИС ФБР, количество которых никогда не превышало 5 — 10 человек. Главным результатом их работы стало установление численности проживающих в стране граждан рейха, в том числе членов НСДАП. По подсчетам американцев, таковых было соответственно 5,5 тысяч и 215, но германские источники исчисляли количество членов партии в 310. Более никаких оперативных достижений в Мексике в рассматриваемый период американцы не добились.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1– *Треттер Леопольд*. Большая игра. Воспоминания советского разведчика. М.: Политиздат, 1990. С. 288 – 289.
- 2– *West, Nigel*. A Thread of Deceit. Espionage Myths of World War II. Random House, New York, 1985 и *West, Nigel*. Counterfeit Spies. Genuine or Bogus? An Astonishing Investigation into Secret Agents of the Second World War. St. Ermin's Press, London, 1999.
- 3– См. например: *Хайд, Монтгомери*. Комната 3603. Рассказ о деятельности английского разведывательного центра во время войны в Нью-Йорке. М.: “Международные отношения”, 1967.
- 4– Публикация в газете “Руль”. Цит. по: *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Книга вторая. М.: Политиздат, 1980. С. 281.
- 5– В английском оригинале – “Н” (читается как “Эйч”).
- 6– The Security Service. 1908 – 1945. The Official History. Kew, Public Record Office, 1999, p. 67.
- 7– *West, Nigel*. M16. British Secret Intelligence Service Operations. 1919 – 45. Random House, New York, 1984, pp. 33 – 34.
- 8– *Кукридж Е. Х.* Тайны английской секретной службы. М.: Воениздат, 1959. С. 22.
- 9– *Denniston, R.* Diplomatic Eavesdropping, 1922 – 1944: A New Source Discovered // *Intelligence and National Security*, Vol. 10, No. 3, 1995.
- 10– *West, Nigel*. The SIGINT Secrets. The Signal Intelligence War, 1900 to Today. Quill, New York, 1990, p. 100.
- 11– The Profession of Intelligence, part 2, BBC Radio 4, 12 March 1980.
- 12– *West, Nigel*. The SIGINT Secrets..., p. 102.
- 13– Цит. по: *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. М.: “Международные отношения”, 1996. С. 188 – 189.
- 14– *Cooper, J. E. S.* Personal notes on GC&CS 1925 – 39, HW 3/89, PRO, paragraph 16.
- 15– *Мадер Юлиус*. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М.: Политиздат, 1984. С. 53 – 54.
- 16– *Allason, Rupert*. The Branch. A History of the Metropolitan Police Special Branch. 1883 – 1983. Secker & Warburg, London, 1983, p. 37.
- 17– *Ibid.*, p.73.
- 18– *Thompson, Basil*. The Story of Scotland Yard. The Literary Guild, New York, 1936, p. 253.
- 19– The Security Service..., p. 98.
- 20– The Security Service..., p. 98.
- 21– История дипломатии. Том третий. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919 – 1939 гг.). М – Л: ОГИЗ, 1945. С. 293.
- 22– Электронная публикация на сайте виртуальной дипломатической библиотеки общества “МИД-инфо”.
- 23– Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: “Демократия”, 2003. С. 72 – 73. (Далее: Лубянка, 2003).
- 24– The Security Service..., p. 96.
- 25– Цит. по: *Голиков Д. Л.* Указ. соч. Книга вторая. С. 290 (сохранена транслитерация первоисточника).
- 26– История дипломатии. Том третий... С. 375 – 376.
- 27– Лубянка. Сталин и ВЧК... С. 132.
- 28– Там же. – С. 132.
- 29– *Снегирев В.* Другая жизнь Дмитрия Быстролетова // КГБ открывает тайны. М.: “Патриот”, 1992. С. 18.
- 30– *Coogan, Tim Pat*. Michael Collins. A Biography. Arrow, London, 1990, p. 157.
- 31– Collins to Director of Intelligence, 7/8/22, Mulcahy pps, UCD.
- 32– История дипломатии. Том третий... С. 264.
- 33– Там же. – С. 254
- 34– *Везерфорд Дэжек*. История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства. М.: “Терра”, 2001. С. 234.
- 35– Цит. по: *Даллин Дэвид*. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки, 1920 – 1950. М.: Полиграфиздат, 2001. С. 102.
- 36– Там же. – С. 94.
- 37– Очерки истории российской внешней разведки. Том 2. 1917 – 1933 годы. М.: “Международные отношения”, 1996. С. 175.
- 38– *Шнеер Альберт*. Воспоминания. Смоленск – Москва: “Русич” – “Прогресс”, 1997. С. 52.
- 39– *Kozaczuk, Wladyslaw*. German Clandestine Intelligence in the 20'th // “The Enigma Bulletin”, 1 January, 2000.
- 40– *Peplonski, Andrzej*. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej. Warszawa: Bellona, 2002, p. 127.
- 41– *Kahn, David*. The Codebreakers. The Story of Secret Writing. Weidenfeld and Nicolson, London, 1967, p. 454.
- 42– *Хене Хайнц*. Черный орден СС. История охранных отрядов. М.: “ОЛМА-ПРЕСС”, 2003. С. 70. Появляющиеся в ряде источников данные о 52-тысячной численности СС в 1930 году существенно завышены и справедливы лишь для более позднего периода.
- 43– История дипломатии. Том третий... С. 302 – 303.
- 44– Там же. – С. 305.
- 45– *Флейшман Лазарь*. В тисках провокации. Операция “Трест” и русская зарубежная печать. М.: “Новое литературное обозрение”, 2003. С. 9 – 10.
- 46– Это абсолютно не соответствует истине. Резидентом НКВД СССР в оккупированном Киеве, действительно использовавшим титул барона фон Мантейфеля, являлся лейтенант госбезопасности В. М. Карташов (“Михайлов”).
- 47– История советских органов государственной безопасности. Учебник. М.: ВКШ КГБ при СМ СССР, 1977. С. 245.
- 48– *Филатов Г. С.* Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М.: “Наука”, 1984. С. 72.
- 49– *Лутисс Джузеппе де*. История итальянских секретных служб. М.: “Прогресс”, 1989. С. 17.
- 50– *Alvarez, David*. Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to the Holocaust. Kansas University Press, Lawrence, 2002, p. 82.
- 51– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3. 1933 – 1941 годы. М.: “Международные отношения”, 1997. С. 156.
- 52– Цит. по: *Peplonski, Andrzej*. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej, 1919-1920. Warszawa, Bellona, 1999, p. 21.
- 53– *Ibid.*, p. 42.
- 54– *Ibid.*, pp. 52 – 57.
- 55– *Ibid.*, p. 269.
- 56– *Ćwięk, Henryk*. Przeciw Abwehrze. Warszawa: Bellona, 2001, p. 103.
- 57– *Peplonski, Andrzej*. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej..., p. 34.
- 58– Цит. по: *Peplonski, Andrzej*. Wywiad polski na ZSRR 1921-1939, Warszawa: Bellona, 1996, p. 165.
- 59– *Голиков Д. Л.*. Крушение антисоветского подполья в СССР. Книга вторая. М.: Политиздат, 1980. С. 266.
- 60– Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: Международный фонд “Демократия”, 2003. С. 98 – 99.
- 61– *Misiuk, Andrzej*. Op. cit., p. 92.
- 62– “Przegląd Wschodni”, 1997, t. 4, z. 1 (13), s. 183 – 196.

- 63– *Peplonski, Andrzej*. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej..., p. 302.
- 64– В данном списке задач под аншлюсом понимается отторжение Германией части территории любого государства. Очевидно, что в 1927 году такая возможность была еще гипотетической.
- 65– *Świętek, Henryk*. Op. cit., p. 156.
- 66– *Peplonski, Andrzej*. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej..., p. 22 (с исправлением одной ошибки).
- 67– Ладинен Эйнар. Финская военная контрразведка // “Север”, 1999, № 9.
- 68– *Peplonski, Andrzej*. Wywiad polski na ZSRR..., pp. 180 – 181.
- 69– *Орлов Владимир*. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: “Современник”, 1998. С. 215.
- 70– Там же. – С. 216.
- 71– *Персиц М. А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920 – 1921 г. г. М.: “Муравей-Гайд”, 1999. С. 189 – 190.
- 72– Политическая история русской эмиграции. 1920 – 1940 гг. Документы и материалы. М.: “Владос”, 1999. С. 10 – 11.
- 73– Цит. по: *Сідак В. С.* Військова спецслужба Державного Центру УНР в екзилі та її керівники (1926 – 1938 рр.) // “Воєнна історія”, 2002, № 1.
- 74– Там же.
- 75– Цит. по: *Эндрю Кристофер и Гордиевский Олег*. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: “Nota Bene”, 1990. С. 168.
- 76– Цит по: Голиков Д. Л. Указ. соч. Книга первая. С. 60.
- 77– Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. Первая организационная часть. М., 1922. С. 8.
- 78– Цит. по: Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М.: “Гелеос”, 2000. С. 172
- 79– Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917 – 1960. М.: “Демократия”, 1997. С. 159 – 160 (с исправлением одной опечатки). Далее: Лубянка, 1997.
- 80– Цит. по: *Найтли Филлип*. Шпионы XX века. М.: “Республика”, 1994. С. 74.
- 81– *Хилл Джордж*. Моя шпионская жизнь. М.: “ЛГ Информэйшн Груп” и “ОЛМА-ПРЕСС”, 2000. С. 212.
- 82– Цит. по: *Найтли Филлип*. Указ. соч. С. 74.
- 83– Там же. – С. 57.
- 84– Цит по: *Эндрю Кристофер и Гордиевский Олег*. Указ. соч. С. 82.
- 85– Цит по: ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М.: “Кучково поле”, 2004. С. 275, 276. Следует отметить, что данная цитата хорошо известна, но в большинстве источников приводится в искаженном виде. Судя по всему, первоначально она была искажена в: *Голиков Д. Л.* Указ. соч. Книга первая. С. 226 – 227, а оттуда уже без проверки стала кочевать и по другим изданиям.
- 86– Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917 – 1991. Справочник. М.: “Демократия”, 2003. С. 309 – 310. Далее: Лубянка, 2003.
- 87– Оперативное объединение советских войск для обороны установленной Брестским мирным договором демаркационной линии.
- 88– Цит по: *Божко Олег*. Особливі відділи в системі державної безпеки 1918 – 1946 рр. // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. № 2/4 (13/15), 2000. С. 335.
- 89– Лубянка, 2003. С. 324. (Приводится с исправлением одной опечатки).
- 90– В связи с изменением системы военно-административного деления страны округа упразднились, поэтому окружные аппараты Особого отдела не формировались.
- 91– Вскоре Особый отдел получил статус находящегося не при ВЧК, а в ее составе. Характерно, что в первом приказе по отделу от 3 января 1919 года он единственный раз в своей истории именовался “Особым отделом Республики”.
- 92– Имеется в виду исключительно внешняя контрразведка.
- 93– Лубянка, 2003. С. 331 – 332.
- 94– Там же. – С. 339.
- 95– Советская военная контрразведка: сб. документов. Вып. 1 (1918 – 1922 гг.). М., 1978. С. 130.
- 96– История советских органов государственной безопасности... С. 32.
- 97– Лубянка, 2003. С. 437 – 438.
- 98– Там же. – С. 438.
- 99– Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. Документы и материалы. 1917 – 1921. М.: Воениздат, 1958. С. 185 – 186.
- 100– Цит. по: *Субтельный Орест*. Україна. Історія. Київ: “Либідь”, 1993. С. 427.
- 101– Линия государственной границы Украинского государства в описываемый период не совпадала с современной и частично проходила по территориям нынешней Республики Беларусь и Российской Федерации.
- 102– Цит. по: *Маймескулов Л.Н., Рогожин А. И., Стаиш В. В.* Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918 – 1922). Харьков: “Основа”, 1990. С. 35.
- 103– На защите революции. Из истории Всеукраинской чрезвычайной комиссии. 1917 – 1922. Сборник документов и материалов. К.: Политиздат Украины, 1971. С. 29 – 30.
- 104– В течение некоторого времени в обиходе употреблялось также и наименование “Чрезвычайная Всеукраинская комиссия” (ЧВУК).
- 105– *Сідак Володимир*. Спецслужби Директорії УНР в боротьбі за державність України // Четвертий Міжнародний конгрес українців. Одеса, 26 – 29 серпня 1999. Доповіді та повідомлення. Історія. Частина II. XX століття. Одеса – Київ – Львів: Міжнародна асоціація українців, Національна рада Світового конгресу українців, Українське Історичне товариство, 1999. С. 278.
- 106– Цит. по: *Маймескулов Л.Н., Рогожин А. И., Стаиш В. В.* Указ. соч. С. 48.
- 107– Реальный размер этого вознаграждения был крайне невысок. Указанная сумма в описываемый период позволяла приобрести всего лишь две буханки хлеба.
- 108– *Сідак Володимир*. Спецслужби Директорії УНР... С. 278 – 279.
- 109– Из истории войск ВЧК... С. 95.
- 110– На защите революции... С. 364.
- 111– Украинский исторический журнал. 1960 г., № 2. С. 6 – 7.
- 112– *Панчинский А., Тушиш М.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М.: “Современник”, 2001. С. 200.
- 113– Отчет Центрального управления Чрезвычайных комиссий при Совнарком Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду Советов // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. № 1, 1994. С. 9.
- 114– Там же. – С. 339.
- 115– Цит. по: *Голиков Д. Л.* Указ. соч. Книга первая. С. 266.
- 116– *Peplonski, Andrzej*. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej... p. 73.
- 117– Цит по: *Misiuk, Andrzej*. Op. cit., p.p. 54 – 55.
- 118– *Матвеев Олег*. Гуманитарная миссия или подрывная операция? // “Независимое военное обозрение”, 28 июля 2000 года.
- 119– Лубянка, 2003. С. 189.

- 120– Цит по: *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. М.: “Инфра-М”, 1998. С. 131.
- 121– Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М.: “Мосгорархив”, 1999. С. 181.
- 122– Электронная публикация на сайте документов по истории России.
- 123– Лубянка, 1997. С. 177 – 178.
- 124– В течение некоторого периода времени после создания ОГПУ он в административных целях был условно включен в состав СОУ.
- 125– Лубянка, 2003. С. 95, 108.
- 126– История советских органов государственной безопасности... С. 141.
- 127– Там же. – С. 147.
- 128– Новости разведки и контрразведки. 1995, № 15-16 (48-49).
- 129– Лубянка. Сталин и ВЧК... С. 219.
- 130– *Судоплатов Павел.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: “Гея”, 1996. С. 67.
- 131– *Штаповал Юрий, Пристайко Володимир, Золотарьев Вадим.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ: “Абрис”, 1997 С. 206.
- 132– Лубянка. Сталин и ВЧК... С. 276.
- 133– Там же. – С. 280.
- 134– *Peplonski, Andrzej.* Wywiad polski na ZSRR... р. 67.
- 135– Лубянка, 2003. С. 506.
- 136– Борис Савинков на Лубянке. Документы. М.: “РОССПЭН”, 2001. С. 361.
- 137– *Голинков Д. Л.* Указ. соч. Книга вторая. С. 259.
- 138– Лубянка. Сталин и ВЧК... С. 93.
- 139– Там же. – С. 494.
- 140– Там же. – С. 496.
- 141– В дальнейшем ЭПРОН стал обычной судоподъемной организацией.
- 142– Цит по: *Кочик Валерий.* Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917 – 1918) // Свободная Мысль, № 5 (май) 1998.
- 143– Там же.
- 144– Цит по: *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. СПб.: “Нева”, М.: “Олма-Пресс”, 2002. С. 16 – 17.
- 145– Цит. по: *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. М.: “ОЛМА-ПРЕСС”, 1999. С. 91.
- 146– Там же. – Кн. 2. С. 226.
- 147– РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 17974.
- 148– Существует, правда, следует учитывать, что в период Великой Отечественной войны Сталин занимал пост наркома обороны, так что начальник военной разведки являлся его прямым подчиненным.
- 149– Лубянка. Сталин и ВЧК... С. 522.
- 150– Там же. – С. 523.
- 151– Второй конгресс Коминтерна. Июль – август 1920 г. М.: 1934. С. 535.
- 152– 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М. – Л.: Госиздат, 1929. С. 16.
- 153– Часто встречающийся в литературе вариант “Отдел международных связей” ошибочен. Правильный вариант приведен, в частности, в: *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К.* Организационная структура Коминтерна. 1919 – 1943. М.: “Росспэн”, 1997.
- 154– *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К.* Указ. соч. С. 26.
- 155– Цит. по: Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы / Публ., вступ. ст. и комм. А. Г. Фесюна. СПб.; М.: “Летний сад”, 2000. С. 24.
- 156– *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К.* Указ. соч. С. 191.
- 157– Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923 – 1927. В четырех томах. Том 1. М.: “Терра”, 1990. С. 182.
- 158– Коллекция ЦГАОР СССР. Военно-политический бюллетень. 1929. № 58.
- 159– *Deacon, Richard.* The Chinese Secret Service. Ballantine Books, New York, 1974, p. 212.
- 160– Существует, однако, и другая версия событий, согласно которой Форин офис все же выдал Требиш Линкольну визу, но по пути он был то ли ограблен, то ли проигрался в карты и остался без денег. В попытках одолжить требуемую сумму прошло некоторое время, и на последнее свидание с сыном Требиш Линкольн опоздал.
- 161– Цитирование Джеральда Боумана в лондонской газете “Evening News”, от 30 августа 1954 года.
- 162– *Leonard Raymond W.* Secret Soldiers of the Revolution. Soviet Military Intelligence, 1918 – 1933. Westport, Connecticut – London: Greenwood Press, 1999, p.66.
- 163– Некоторые исследователи ошибочно считают ее 2-м отделением Особого отдела ЦК КПК. Хотя это отделение, как и Секцию специальной разведки, возглавлял Чэн Гэн, они являлись двумя независимыми структурами.
- 164– *Deacon, Richard.* The Chinese Secret Service..., p. 190.
- 165– *Соловьев А. В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. Говорят архивы спецслужб Читинской области. М.: “Русь”, 2002. С. 15.
- 166– В ряде источников указывается фамилия Лихтенфельд, однако данный вариант ошибочен. Лучшее доказательство этого – свидетельство сына Якова Бронина и Рене Марсо, который в книге “Истории моей матери. Семейная хроника” и в интервью радиостанции “Эхо Москвы” 12 июня 2004 года приводит именно фамилию Лихтенштейн.
- 167– Некоторые исследователи полагают, что Римм подчинялся Зорге, и что Бронин сменил в Шанхае именно Зорге, а не Римма.
- 168– Согласно другой версии, фотокопия этого документа и его английский перевод впервые были опубликованы в 1927 году в американской прессе.
- 169– Цит. по: История дипломатии. Том третий... С. 426 – 427.
- 170– Цит по: *Мозохин О. Б.* Исповедь террориста // Электронная публикация на официальном сайте ФСБ РФ.
- 171– В ряде источников приводится ошибочная информация об обмене Рудника на арестованных в СССР китайских агентов.
- 172– Цит. по: *Фалисо Рोजе, Коффер Реми.* Всемирная история разведывательных служб. Том первый. М.: “ТЕРРА”, 1997. С. 247.
- 173– Лубянка, 2003. С. 213.
- 174– Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923 – 1927. В четырех томах. Том 1. М.: “Терра”, 1990. С. 183.
- 175– РЦХИДНИ, ф. 583, оп. 1, д. 1, л. 165.
- 176– РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 349, л. 59, 62.
- 177– Там же. Д. 863, л. 37-38.
- 178– Там же. Д. 615об., 617.
- 179– Там же. Л. 613.
- 180– *Black, Ian and Morris, Benny.* Israel’s Secret Wars. A History of Israel’s Intelligence Services. Grove Weidenfeld, New York, 1991, p. 7.
- 181– Ibid., p. 9.

- 182– *Гизевийус Ганс Бернд*. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск: “Русич”, 2002. С. 79.
- 183– *Хене Хайнц*. Указ. соч. С. 93.
- 184– Цит. по: *Деларю Жак*. История гестапо. Смоленск, “Русич”, 1993. С. 93.
- 185– *Хене Хайнц*. Указ. соч. С. 165.
- 186– Там же. – С. 199.
- 187– *Шелленберг Вальтер*. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: “Дом Бируни”, 1991. С. 25
- 188– *Мадер Юлиус*. Секретные службы ФРГ и их подрывная деятельность против социалистических стран. М.: “Прогресс”, 1970. С. 32.
- 189– Там же. – С. 69.
- 190– История дипломатии. Том третий... С. 478.
- 191– *Скорцени Отто*. Секретные задания. Ростов-на-Дону, “Феникс”, 1999. С. 51.
- 192– *Фараго Ладислас*. Игра лисиц. Эпизоды агентурной борьбы. М.: “Международные отношения”, 1979. С. 24.
- 193– Там же. – С. 30.
- 194– Там же. – С. 32 – 33.
- 195– *Даишчев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Том I. Подготовка и развязывание нацистской агрессии в Европе. 1933 – 1941. М.: “Наука”, 1973. С. 178.
- 196– История дипломатии. Том третий... С. 558.
- 197– Там же. – С. 563.
- 198– В ряде работ на русском языке встречаются не вполне корректные транслитерации его фамилии “Paillole” – “Пайоль” и “Пайлоль”.
- 199– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 325 – 326.
- 200– *Царев Олег, Костелло Джон*. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М.: “Международные отношения”, 1995. С. 74.
- 201– Там же. – С. 78.
- 202– *Hancock, W. K., Gowing, M. M.* British War Economy. London, His Majesty Stationery Office, 1949, pp. 101 – 102, 71, 69.
- 203– История дипломатии. Том третий... С. 629.
- 204– Там же. – С. 614.
- 205– *West, Nigel*. М16... р. 54 – 55.
- 206– *Шелленберг Вальтер*. Указ. соч. С. 116.
- 207– *Хайд Монтгомери*. Комната 3603. Рассказ о деятельности английского разведывательного центра во время Второй мировой войны в Нью-Йорке. М.: “Международные отношения”, 1967. С. 50.
- 208– *Фараго Л.* Дом на Херрен-стрит // В сетях шпионажа. М.: Воениздат, 1965. С. 30.
- 209– *Найтли Филлип*. Указ. соч. С. 120.
- 210– В данном вопросе у историков существует расхождение во мнениях. Некоторые полагают, что военная секция носила номер II, а авиационная – IV, а не наоборот. В отсутствие рассекреченных официальных данных окончательное суждение по нумерации секций МИ-6 вынести невозможно, но приведенный вариант структуры представляется более вероятным.
- 211– В некоторых источниках (Найджел Уэст и др.) упоминается также и о наличии в СИС еще двух “номерных” секций: IX (шифровой) во главе с В. Джеффрисом и X (прессы) во главе с Р. Хейникер-Хиттоном. Тем не менее, имеющиеся на сегодняшний день материалы факт существования этих подразделений не подтверждают.
- 212– *West, Nigel*. М16... р. 201.
- 213– *West, Nigel*. The SIGINT Secrets..., p. 135.
- 214– *Denniston, R.* Diplomatic Eavesdropping, 1922 – 1944: A New Source Discovered // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 3, 1995.
- 215– *Найтли Филлип*. Указ. соч. С. 97.
- 216– Там же. – С. 97.
- 217– The Security Service... р. 7.
- 218– *Orlov Alexander*. Handbook of Intelligence and Guerrilla Warfare. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1972, p. 79.
- 219– *West Nigel & Tsarev, Oleg*. The Crown Jewels. The British Secrets Exposed by the KGB Archives. HarperCollinsPublishers, 1999, p. 87 – 88.
- 220– Ibid., p. 91.
- 221– *Allason, Rupert*. The Branch. A History of Metropolitan Police Special Branch. 1883 – 1983. Secker & Warburg, London, 1983, p. 97.
- 222– Цит. по: История дипломатии. Том третий... С. 410.
- 223– Имеются и другие мнения на этот счет, но и при любом методе исчисления координат центра Европы они незначительно отклоняются от указанного места.
- 224– *Moravec, Frantisek*. Master of Spies. The Memoirs of General Frantisek Moravec. Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York, 1975, p. 51.
- 225– Достоверность подобного заявления Урицкого вызывает серьезные сомнения. Не исключено, что эта фраза принадлежит самому Моравцу, в своих мемуарах постоянно стремившемуся любым путем очернить советскую сторону.
- 226– В некоторых источниках ошибочно указывается дата 25 июля 1937 года.
- 227– *Moravec, Frantisek*. Op. cit., p. 76.
- 228– *Knobelspiesse, A.V.* Captain Stephen Kalman: A Classic Write-In Case// Studies in Intelligence. Volume VI, Issue 4, (Fall 1962), p. A12.
- 229– *Anonymous*. The Mail From Budapest // Studies in Intelligence. Volume II, Issue 4, (Fall 1958), p. 99.
- 230– Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. Том II. Преступления против мира. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. С. 636 – 675.
- 231– Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937 – 1939. М.: Политиздат, 1979. С. 420.
- 232– История дипломатии. Том третий... С. 657.
- 233– *Peplonski, Andrzej*. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej... р. 46.
- 234– Ibid., p. 22.
- 235– Ibid., p. 302.
- 236– Ibid., p. 308.
- 237– *Ćwiek, Henryk*. Op. cit., p. 142.
- 238– Ibid., p. 35.
- 239– См. например, работу бывшего руководителя системы подготовки кадров и руководителя Бюро оценок II отдела: *Banach, Kazimierz*. Zasady I Metoda Pracy Oddziału II Sztabu. Warszawa: Wojskowy Instytut Naukowo Oświatowy, 1938.
- 240– *Лайдинен Эйнар*. Финская военная контрразведка // “Север”, 1999 год, № 9.
- 241– *Луттиус Джузетте де*. Указ. соч. С. 20.
- 242– 29 March 1938. ВАР Е 27/1082, vol. 1.

- 243– Название обусловлено немецким произношением первой буквы фамилии Хаузаманна.
- 244– ВАР Е 5795/468, vol. 1.
- 245– ВАР Е 27/9843.
- 246– Hausamann vs Kummer/Schmidt. ВАР Е 27/9846.
- 247– По заявлению помощника начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Ганса Фрика. Сам Хаузаманн категорически отрицал наличие таких предупреждений.
- 248– ВАР Е 5795/327.
- 249– *Stead, Philip John*. Second Bureau. London, Evans Brothers Limited, 1959, p. 22.
- 250– *Cuénoud, Rapport d'activité du Bureau France* (1 September 1939 to 31 August 1940), 30 October 1940. ВАР Е 27/14852.
- 251– *Paillole, Paule*. Fighting the Nazis. French Military Intelligence and Counterintelligence. 1935 – 1945. Enigma Books, New York, 2003, p. 70.
- 252– Ibid, p. 468.
- 253– *Райле Оскар*. Указ. соч. С. 233 – 234.
- 254– Цит. по: *Царев Олег, Костелло Джон*. Указ. соч. С. 290.
- 255– Там же. – С. 289.
- 256– Там же. – С. 298.
- 257– *Сориа Жорж*. Война и революция в Испании. 1936 – 1939. В двух томах. Том 2. М.: “Прогресс”, 1987. С. 87.
- 258– Там же. – С. 96.
- 259– Там же. – С. 94.
- 260– *Лутисс Джузеппе де*. Указ. соч. С. 24.
- 261– *Царев Олег, Костелло Джон*. Указ. соч. С. 45.
- 262– Там же. – С. 44 – 45.
- 263– *Судоплатов Павел*. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: “ОЛМА-ПРЕСС”, 2001. С. 146 – 147.
- 264– *Сориа Жорж*. Указ. соч. С. 278.
- 265– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 12.
- 266– Цит по: *Некрасов Владимир*. Тринадцать “железных” наркомов. История НКВД – МВД от А. И. Рыкова до Н. А. Щелокова. М.: “Версты”, 1995. С. 205.
- 267– Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 138.
- 268– Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937 – 1938. М.: “Демократия”, 2004. С. 124.
- 269– Там же. – С. 126.
- 270– *Шаповал Юрий, Пристайко Володимир, Золотарьов Вадим*. Указ. соч. С. 393.
- 271– Цит. по: Судоплатов Андрей. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце. Книга первая. М.: “Современник” – “ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 50.
- 272– АП РФ Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 59.
- 273– Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.
- 274– *Шаповал Юрий, Пристайко Володимир, Золотарьов Вадим*. Указ. соч. С. 393.
- 275– Цит. по: *В.В. Коровин*. История отечественных органов безопасности... С. 153.
- 276– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 16 – 17.
- 277– Лубянка, 1997. С. 24.
- 278– 1941 год. В 2-х книгах. Книга первая. М.: “Демократия”, 1998. С. 593.
- 279– Там же. – С. 593.
- 280– Там же. – С. 598 – 599.
- 281– *Безезин Константин*. Не из казны, а в казну. Из истории финансирования внешней разведки СССР // Новости разведки и контрразведки, 1998, № 11 (116)
- 282– *Горбунов Е. А.* Сколько стоит разведка // Независимое военное обозрение, 2005, 22 ию-ля.
- 283– *Судоплатов Павел*. Разведка и Кремль... С. 149.
- 284– Лубянка, 1997. С. 228.
- 285– *Moravec, Frantisek*. Op.cit., p. 56.
- 286– Цит. по: *Рубцов Ю. Г.* Alter ego Сталина. (Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса). М.: “Звонница-МГ”, 1999. С. 127.
- 287– *Кикнадзе В. Г.* Разведывательное обеспечение действий Балтийского флота // Военно-исторический журнал, 2004, № 4. С. 26.
- 288– Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14 – 17 апреля 1940 года. Заседание седьмое // Публикация на сайте “Окрестности Петербурга.
- 289– Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад Наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 года // Публикация на сайте “Окрестности Петербурга.
- 290– 1941 год. Книга вторая... С. 629.
- 291– *Шаповал Юрий, Пристайко Володимир, Золотарьов Вадим*. Указ. соч. С. 370 – 371.
- 292– *Misiuk, Andrzej*. Op. cit., p. 67.
- 293– 1941 год. Книга первая... С. 428.
- 294– *Replonski, Andrzej*. Wywiad polski na ZSRR.. pp. 126 – 127.
- 295– Впоследствии переименованы в Пограничные разведывательные пункты (иногда именовались Погранично-разведывательными пунктами), а затем в Оперативные пункты.
- 296– Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том I. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 – декабрь 1940 года). М.: “Книга и бизнес”, 1995. С. 18.
- 297– *Kozaczuk, W.* Nerwy wojny. Warszawa, 1992, p. 68.
- 298– ЗВЗ образовывал округа в городах с населением в 100 тысяч человек, поэтому в более крупном Львове существовали два округа.
- 299– *Polskie Podziemie 1931 – 1941. Polska I Ukraina w latach trzydziestych – czterdziestych XX wieku. Nieznane Dokumenty z archiwów służb specjalnych. T. 1, Lwow – Kolomyja – Stryj – Złoczów* Warszawa – Kijów, 1998, p. 53.
- 300– *Kolakowski, Piotr*. NKWD i GRU na ziemiach Polskich. 1939 – 1945. Warszawa: Bellona, 2002 p. 106.
- 301– Ibid., p. 110.
- 302– *Gnatowski, M.* W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. I radzieckiej polityce w regionie łomżyńskim w latach 1939 – 1941, Łomża, 1997, p. 122.
- 303– *Kolakowski, Piotr*; op. cit., p. 116.
- 304– *Ребет Лев*. Світла і тіні ОУН. Мюнхен: “Український самостійник”, 1964. С. 19.
- 305– Некоторые исследователи полагают, что утверждение Судоплатова о работе Лебеда на НКВД не соответствовало действительности и являлось запоздалой попыткой его компрометации.
- 306– *Книш Зіновій*. Розбрат. Спогади й матеріали до розколу в ОУН у 1940 – 1941 роках // Электронная публикация на сайте общества “Зустріч”, Монреаль.

- 307– Наименования печатных органов ОУН.
- 308– Система конспиративных связей ОУН была построена на передаче кличек (“псевдо”), игравших роль предварительного пароля. Они могли сообщаться курьеру, после чего тот получал доступ к дальнейшим контактам с данным членом ОУН.
- 309– *Книги Зиновий*. Указ. соч.
- 310– Там же.
- 311– *Воскресенская Зоя*. Под псевдонимом Ирина. Записки разведчицы. М.: “Современник”, 1997. С. 31.
- 312– ЦА СВР. Д. 21616, т. 3, л. 65 – 66.
- 313– Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.: Мосгорархив, 1995. С. 188.
- 314– Там же. – С. 206.
- 315– Там же. – С. 193.
- 316– По другим данным (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933 – 1945 гг. М.: “Центрполиграф”, 2003), по состоянию на 22 июня 1941 года против Советского Союза были сосредоточены 152 дивизии (118 пехотных, 1 кавалерийская, 19 танковых, 14 моторизованных), 1 бригада и 2 усиленных пехотных полка Германии, а также войска сателлитов.
- 317– “Известия”, 1990, 7 мая.
- 318– Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 134
- 319– Секреты Гитлера на столе у Сталина... 188 – 189.
- 320– Там же. – С. 190.
- 321– 1941 год. Книга первая... С. 238.
- 322– 1941 год. Книга вторая... С. 289.
- 323– *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933 – 1945 гг. М.: “Центрполиграф”, 2003. С. 280 – 281.
- 324– Имелись в виду воздушно-десантные.
- 325– 1941 год. Книга вторая... С. 215.
- 326– *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М.: Издательство АПН, 1969. С. 263.
- 327– Секреты Гитлера на столе у Сталина... С. 208.
- 328– Там же. – С. 209.
- 329– 1941 год. Книга первая... С. 776.
- 330– Там же. – С. 780.
- 331– СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (Сентябрь 1938 г. – август 1939 г.) Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. С. 31.
- 332– Там же. – С. 334.
- 333– Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публ., вступ. ст. и комм. А. Г. Фесюна. СПб.; М.: “Летний сад”, 2000. С. 111.
- 334– 1941 год. Книга первая... С. 740.
- 335– Дело Рихарда Зорге... С. 116. В некоторых источниках эта телеграмма ошибочно датируется 6 мая.
- 336– 1941 год. Книга вторая... С. 252.
- 337– Там же. – С. 303.
- 338– Дело Рихарда Зорге... С. 56.
- 339– *Радо Шандор*. Под псевдонимом Дора. Воспоминания советского разведчика. М.: Воениздат, 1978. С. 89.
- 340– 1941 год. Книга первая... С. 676.
- 341– 1941 год. Книга вторая... С. 224.
- 342– 1941 год. Книга первая... С. 91.
- 343– Там же. – С. 466.
- 344– 1941 год. Книга вторая... С. 252.
- 345– Там же. – С. 25.
- 346– Там же. – С. 224.
- 347– *Воскресенская Зоя*. Указ. соч. С. 30.
- 348– Там же. – С. 18.
- 349– Там же. – С. 19.
- 350– Там же. – С. 20.
- 351– Там же. – С. 20, 22.
- 352– Там же. – С. 24.
- 353– Там же. – С. 23.
- 354– Там же. – С. 25.
- 355– Там же. – С. 26.
- 356– Там же. – С. 26.
- 357– Там же. – С. 27.
- 358– Там же. – С. 28.
- 359– Там же. – С. 28.
- 360– Там же. – С. 29.
- 361– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 448 – 449.
- 362– 1941 год. Книга вторая... С. 259.
- 363– *Белоусов М. А.* Об этом не сообщалось... Записки армейского чекиста. М.: Воениздат, 1978. С. 15.
- 364– История советских органов государственной безопасности... С. 304.
- 365– Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том I. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М.: “Книга и бизнес”, 1995. С. 117 – 118.
- 366– Statement by Joachim von Ribbentrop, German Foreign Minister, on The Declaration of War on The Soviet Union. New York Times, June 23, 1941.
- 367– Ibid.
- 368– Ibid.
- 369– Ibid.
- 370– Ibid.
- 371– Ibid.
- 372– Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: “Юридическая литература”, 1985. С. 21.
- 373– *Deacon, Richard.* The Chinese Secret Service. Ballantine Books, New York, 1974, p. 258.
- 374– В данном и аналогичных контекстах под спецслужбами Гоминьдана понимаются не только непосредственно подчиненные партии разведывательные и контрразведывательные органы, но и все остальные, контролируемые режимом Чан Кайши, независимо от их ведомственной (государственной, военной) подчиненности и формального или неформального статуса.
- 375– *Wakeman, Frederic Jr.* Spymaster. Dai Li and the Chinese Secret Service. University of California Press. Bekerley, Los Angeles, London, 2003, p. 44.

- 376– “The Board of Organization, 1932 – 1935”, in Ch'en Lifu Materials, 76.
- 377– Чэнь Лифу употребляет здесь название органа военной контрразведки (Бюро военной статистики), образованного позднее рассматриваемых событий, в начале 1938 года. Фактически в его воспоминаниях речь идет об образовании Отдела специальных служб.
- 378– “The Board of Organization, 1932 – 1935”..., p. 81.
- 379– *Yu Maochun*. Chinese Codebreakers, 1927 – 45 // Allied and Axis Signal Intelligence in World War II. Edited by: Alvarez, David. London – Oregon, Frank Cass Publishers, 1999, p. 202.
- 380– При этом Кан параллельно вначале преподавал в военной академии, а позднее стал ректором партийной школы при ЦК КПК.
- 381– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 218.
- 382– Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том I. Накануне. Книга первая... С. 62 – 63.
- 383– Милитаристы на скамье подсудимых... С. 153.
- 384– *Brown, Richard G.* Anti-Soviet Operations of Kwantung Army Intelligence, 1940 – 41 // Studies in Intelligence. Volume VI, Issue 2, (Spring 1962), p. A11.
- 385– *Wasserstein, Bernard*. Secret War in Shanghai. London, Profile Books, 1999, p. 117.
- 386– *Воронцов Владлен*. Судьба китайского Бонапарта. М.: Политиздат, 1989. С. 180.
- 387– Там же. – С. 182.
- 388– Милитаристы на скамье подсудимых... С. 109.
- 389– Там же. – С. 115.
- 390– FDM 233/494, Public Record Office. KEW.
- 391– ADM 233/321 Public Record Office.
- 392– *Aldrich, Richard J.* Intelligence and the War Against Japan. Britain, America and the Politics of the Secret Service. Cambridge University Press, Cambridge, 2000, p. 40.
- 393– *Elphi, Peter*. Far Eastern File. The Intelligence War in the Far East. London, Hodder & Stoughton, 1997, p. 159.
- 394– Географический термин для обозначения Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинеи, Новой Британии и прилегающих к ним небольших островов. Введен в 1756 году Шарлем де Броссе.
- 395– *Elphi, Peter*. Op. cit., p. 39.
- 396– *Ibid.*, p. 136.
- 397– *Relyea, Harold C.* Evolution and Organization of Intelligence Activities in the United States. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA [without year of issue], p. 81.
- 398– *Finnegan, John Patrick* Military Intelligence. Center of Military History United States Army, Washington, D. C., 1998, p. 33.
- 399– A Brief History of U.S. Army Intelligence // Электронная публикация на сайте Центра по изучению истории разведки армии США, Форт Хуачука.
- 400– *March, Peyton C.* The Nation at War. New York, Doubleday, Doran and Company, 1932, p. 226.
- 401– *Finnegan, John Patrick*, Op. cit., pp. 43 – 44.
- 402– *Ibid.*, p. 84.
- 403– *Relyea, Harold C.* Op. cit, p. 185.
- 404– *Victor H. Cohen*. Development of Intelligence Function in the USAF, 1917 – 1950. U.S. Air Force Department. Air University Research Studies Institute. Typescript, January, 1, 1957. Chapter II, p. 13.
- 405– *Ibid*, Chapter IV, p. 10.
- 406– *Arnold H. H.* Global Mission. New York, Harper and Brothers, 1949, p. 168.
- 407– *Relyea, Harold C.* Op. cit, p. 175.
- 408– *Mercado, Stephen C.* FBIS Against the Axis. 1941 – 1945 // Studies in Intelligence. Fall/Winter 2001, No, 11, p. 34.
- 409– Important Days and Events of FBI // Электронная публикация на официальном сайте ФБР США.
- 410– A Counter Intelligence Reader. Volume One. American Revolution to World War Two // Электронная публикация на сайте Национального центра контрразведки США.
- 411– Important Days and Events of FBI...
- 412– *Troy, Thomas F.* Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency. Center for the Study of Intelligence, CIA, 1981, p. 11.
- 413– Venona. Soviet Espionage and the American Response. 1939 – 1957. National Security Agency, Central Intelligence Agency, Washington, D. C., 1996, pp. 11 – 12.
- 414– *Ibid.*, p. 13.
- 415– CIC Records: A valuable Tool For Researchers // Studies in Intelligence Bulletin № 11, Summer 2000.
- 416– Special Text. Counter Intelligence Corps. History and Mission in World War II. CIC School, C.I.C. Center, Fort Holabird, Baltimore, Maryland, [1959], p. 1.
- 417– *Ibid.*, p. 3.
- 418– *Мадер Юлиус*. Империализм... С. 61.
- 419– *Фараго Ладислас*. Игра лисиц... С. 38.
- 420– Там же. – С. 44.
- 421– Цит. по: *Геевский И., Червонная С.* Под кодовым названием и без... За кулисами американской политики. М.: АПН, 1985. С. 49.
- 422– Периодически появляющаяся информация о его самоубийстве не соответствует действительности.
- 423– The History of Codes and Ciphers in the United States During the Period Between the World Wars. Part I. 1919 – 1929. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA, 1979, pp. 43 – 44.
- 424– *Ibid.*, pp. 54, 74.
- 425– *Ibid.*, p. 76.
- 426– *Анин Б., Петрович А.* Указ. соч. С. 21.
- 427– The History of Codes and Ciphers in the United States During the Period Between the World Wars. Part II. 1930 – 1939. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA, 1989, p. 3.
- 428– *Ibid.*, p. 17.
- 429– The Origin and Development of the Army Security Agency. 1917 – 1947. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA, 1978, p. 21.
- 430– *Banford, James*. The Puzzle Palace: A Report on America's Most Secret Agency. Penguin Books, New York, 1983, p. 394.
- 431– *Хайд Монтгомери*. Указ. соч. С. 78.
- 432– Там же. – С. 59 – 60.
- 433– *West, Nigel*. Counterfeit Spies. Genuine or Bogus? An Astonishing Investigation into Secret Agents of the Second World War. St. Ermin's Press, London, 1999, p.p. 90 – 110.
- 434– См., например: *Bryden, John*. Best-Kept Secret. Canadian Secret Intelligence in the Second World War. Lester Publishing, Toronto, 1993.

- 435– *Stevenson, William*. A Man Called Intrepid. The Secret War. Harcourt Brace Jovanovich, New York and London, 1976, p. 312.
- 436– *Хайд Монтгомери*. Указ. соч. С. 64.
- 437– Там же. – С. 78.
- 438– Там же. – С. 99 – 100 (с корректировкой названия).
- 439– Цит по: *Webb, G. Gregg*. FBI and Foreign Intelligence. New Insights into J. Edgar Hoover's Role // *Studies in Intelligence*, Vol. 58, No. 1, 2004.
- 440– *Batvinis, Raymond P.* In the Beginning: An Examination of the Development of the Federal Bureau of Investigation's Counterintelligence Program, 1936 – 1941. Ph. D. dissertation, Catholic University, 2001, p. 323.
- 441– Там же. – С. 107 – 108.
- 442– *Хайзм Чарльз*. Торговля с врагом. М.: “Прогресс”, 1985. С. 43.
- 443– Там же. – С. 66.
- 444– *Хайд Монтгомери*. Указ. соч. С. 117.
- 445– Там же. – С. 118.
- 446– Там же. – С. 119.
- 447– Там же. – С. 138.
- 448– *Mahl, Thomas E.* Desperate Deception. British Covert Operations in the United States, 1939 – 1944. Brassey's, Dulles, Vg., 1999, p. 104.
- 449– Там же. – С. 192.
- 450– Там же. – С. 193.
- 451– Цит по: *Lovell, Mary S.* The Life of Betty Pack, the American Spy Who Changed the Course of World War II. New York, Pantheon Books, 1992, p. 153.
- 452– *Хайд Монтгомери*. Указ. соч. С. 143 – 144.
- 453– Мемо, Sherman Miles to George Marshall. “Coordinator for the Three Intelligence Agencies of the Government”, 8 April 1941, Records of the Army Staff, Army Intelligence Decimal File, RG 319, File 310.11, National Records Center, Suitland, Md.
- 454– В некоторых источниках встречается аббревиатура ОКОИ в значении “Бюро координатора информации”. Однако это название в действительности использовалось по отношению не ко всему ведомству, а лишь к личному аппарату его руководителя.
- 455– The Office of Strategic Services: America's First Intelligence Agency // Электронная публикация на официальном сайте Центрального разведывательного управления США, раздел Центра по изучению разведки.
- 456– War Report of the OSS (Office of Strategic Service). Walker and Company, New York, 1976, p. 91.
- 457– Ibid., p. 12.
- 458– *Kirkpatrick Lyman B., Jr.*, Captains Without Eyes: Intelligence Failure in WW II. Rupert Hart-Davis London, 1970. p. 101.
- 459– Ibid., p. 107.
- 460– U.S. Army Signals Intelligence in World War II. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA, 1993, p. 49.
- 461– *Safford, Laurence and Wenger, J. N.* U.S. Naval Communications Intelligence Activities. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA, 1994, p. 14.
- 462– Цит по: *Worth, Roland H., Jr.* Secret Allies in the Pacific: Covering Intelligence and Code Breaking Cooperation Between the United States, Great Britain, and Other Nations Prior to the attack on Pearl Harbor. McFarland & Company, Jefferson, NC, 2001, p. 18.
- 463– Примечательно, что французский официальный вариант названия РКМП именуется этот орган не конной полицией, а жандармерией, каковой она, по сути, и является.
- 464– Офицер генерального штаба 3-го класса. В рассматриваемый период обычно имел звание от капитана до майора и отвечал за разведку.
- 465– Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 90.
- 466– Там же. – С. 105.
- 467– Цит. по: *Mahoney, Harry Thayer, Mahoney, Marjorie Locke*. Espionage in Mexico. The 20th Century. Austin & Winfield, Publishers, San Francisco – London – Bethesda, 1997, p. 227.
- 468– Ibid., p. 228.

Монографія

ЛАНДЕР Ігор Йосипович

НЕГЛАСНІ ВІЙНИ.
Історія спеціальних служб. 1919 – 1945

Російською мовою

Книга у авторській редакції
Науковий редактор – *Шкляєв І. М.*
Верстка – *Остров С.В.*
Коректор – *Неліна Н.А.*
Художник – *Резніков А. В.*
Обкладинка – *Жеревчук В.В.*

Замовлення № 51
Підписано до друку
Формат 204 x 295
Папір офсетний
Гарнітура Lazursky
Фіз. друк. арк.
Ум. друк. арк.
Тираж 500

Видавництво “Друк”
Свідоцтво № 295 від 15.12.2000
Одеса, вул.. Канатна, 83, оф. 709
Тел. (048) 728 37 50
e-mail druk@neu.od.ua